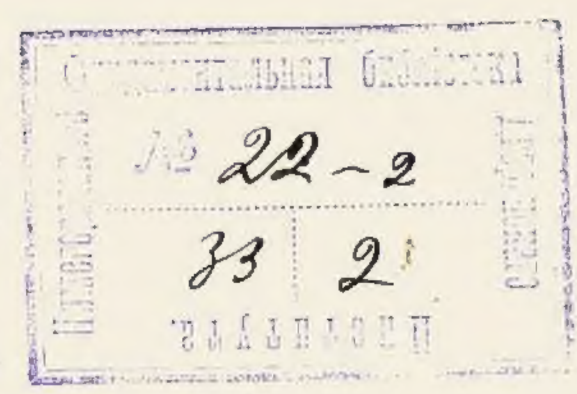
тарина Отделение
Вып I. 1904г


№ 22-2
33 2

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

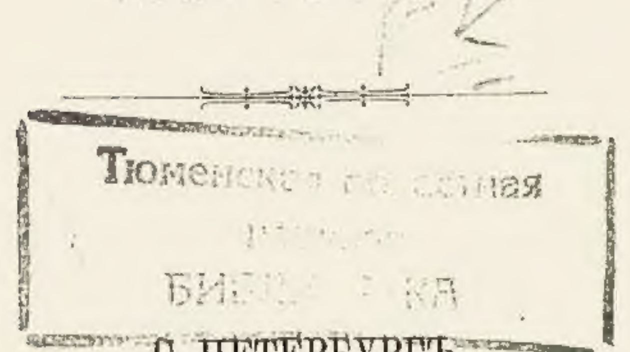
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Деревня Будогоща и ея преданія[1]).

(Этнографическій очеркъ).

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ —лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы въ деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣтъ и, несмотря увѣщанія приходскаго священника о. П. Д. Созина, предлагавшаго даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, молъ, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной—боязнь, что ребенокъ «выше отца-матери выроститъ», сбалуется, а затѣмъ—отдаленность школы, находящейся въ Будьковѣ-сельцѣ при церкви, верстахъ въ 6 отъ Будогощи. Зимой мѣшаетъ холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляетъ дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ переѣзжать на лодкѣ; лѣтомъ же, какъ извѣстно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идутъ въ лѣса рубить по найму дрова, или же—

[1]) Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года.

пилить ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскуи и Пчевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтѣ» всѣ смотрятъ съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замѣчая поведеніе, манеры, вообще всю внѣшность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюденіемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти школы [1])—мѣстный говоръ утрачиваетъ постепенно нѣкоторыя древнія черты, напр. оканье и мѣну *ц* и *ч*, однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ русской діалектологіи» [2]) обратимъ вниманіе на слѣдующее: на пространствѣ около 25 верстъ по теченію р. Пчевжи мною сдѣланы были наблюденія на обоихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели онѣ.

Говоръ жителей праваго берега отличается слѣдующими особенностями.

Оканье довольно значительное: к*о*рета, *о*птека. *Е* послѣ мягкихъ согласныхъ и j произн. какъ j*о*; *ѣ* постоянно=*и*; б*и*лой, хл*и*пъ, д*и*ло. Членъ отъ, та, то—весьма частъ: мужикъ-отъ, бабы-тѣ, бабъ-тыхъ (обычное литературное тѣхъ передается формою тыхъ), на лаву-ту. Смѣшиваются падежи словъ женскаго рода: дат. и род. единственнаго, и дат. и твор. мн. числа.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто именит. и вин. съ неопредѣленнымъ: работа работать, соха над' чинить, пора лядина рубить,—солома возить,—корова доить и т. п.

Въ 3 лицѣ ед. числа отсутствуетъ окончаніе *тъ*: вездѣ мы или не имѣемъ его, или—форма оканчивается на *ть*, *те*: идё, говор*и*, крич*и*, но jе, jе*сте*. Также и во мн. числѣ *тъ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣемъ: пи*шо* (пишутъ), ле*жо*, ска*чо*, покàжо, л*ю*б*я*, говор*я*. Случаи втораго полногласія: гòропъ (горбъ), столòпъ (столбъ), смерёдушка, на верёхъте. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «луськой быкотъ давку заболъ; синтактическая особенность: просить съ дат. падежемъ: просила брату бòльшему.

Всѣ эти данныя записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ.

---

[1]) Говорю отчасти, потому что изъ 30 дѣтей школьнаго возраста ходятъ въ школу всего 3 человѣка, а выдержалъ экзаменъ на льготу 4-го разряда—1 за два послѣднихъ года.

[2]) Живая Старина 1892 г., вып. II.

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же *ѣ=и*, но кромѣ того: мѣна *ц* и *ч*; *о* всегда съ особымъ удареніемъ; *е* чистое сохраняется послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ: пойдете; напьешься, такъ помрешь, брѐвно—р. бревенъ, пôвéзеté; сверхъ того—мягкое *д*, *т*, произносятся какъ мягкое *г*, *к*, или близко къ тому: пôйгёмке (пойдёмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ *д* и *т* считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ въ деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить *д* и *т* такъ мягко, какъ они.

Чѣмъ объяснить подобную разницу въ частностяхъ говора? Весьма вѣроятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной *ц* и *ч*); съ другой—пришлое населеніе, также занявшее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣтъ, но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «корелой».

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно оттѣнкамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди средняго роста (до $2^1/_2$ арш.), волосы большею частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и сѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій. Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы дожны указать, что наблюденія г. Богословскаго дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими [1]).

Историческихъ воспоминаній среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ; съ нимъ связаны многочисленныя преданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои свѣдѣнія о кладахъ крайне скудны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику [2]), я перейду къ характеристикѣ міросозерцанія мѣстнаго жителя, главнымъ образомъ останавливаясь на вѣрованіяхъ въ сверхъестественныя существа.

Тысячелѣтнее христіанство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ суевѣрій. Наряду съ вѣрой въ

---

[1]) Новгородскій сборникъ, I т.

[2]) Тт. II, 80; 111 III, 3, 27 37, 97, 23 и т. д; IV, 68; V, 18, 97 *и* passim.

Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣшими, водяными и др. Не мало безпокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила; не даромъ говорится пословица: Богу молись да на чорта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ замѣнять его эвфемизмами: врагъ, онъ, шишко.... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и повѣрья, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболѣе отразилась вѣра въ различныя таинственныя существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разсматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что онѣ возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерцаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболѣе подвергнувшимися обработкѣ на русской почвѣ.

Обратимся прежде всего къ миѳическому существу, о которомъ сохранилось наиболѣе всякаго рода разсказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣшемъ. Мѣстный крестьянинъ большую часть года проводитъ въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы. уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ саннаго пути онъ съ лошадью рядится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣетъ много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, цѣлыми ночами разсказываются сказки одна другой фантастичнѣй, и каждый гулъ вѣтра, движеніе куста или дерева, осыпаннаго снѣгомъ, стонъ звѣря, разнесшійся въ лѣсной глуши, даютъ поводъ и тему для новыхъ разсказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, человѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай разсказывами мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погостѣ мѣстный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучитъ кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвѣчаетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: знай свое твердитъ, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ большой-большой, едва въ кабакѣ помѣщается: «Давай», говоритъ, «четверть вина!» Налилъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крякнулъ, закусилъ селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велитъ налить. И эту выпилъ и третью и всё ведро. Денежки положилъ да и говоритъ: «сй зиму много звѣрья буде у васъ». Сказалъ и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живетъ съ пастухами, которые знаютъ заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападеній звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пень и, прочитавъ заговоръ, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать, во первыхъ, по огрромному росту, а кромѣ того онъ всегда безъ бровей, никогда не подпоясывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянинъ д. Градоши Прокопій Никифоровъ, съ которымъ частенько разныя чуда бывали.

Въ Ильинъ день, послѣ обхода съ крестами, пастухъ градоськой загналъ скотъ въ лощинку, а Прокопій тутъ и случись; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собирается. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталъ, смотритъ черезъ ногу и видитъ: сидитъ пастухъ на осиновомъ пнѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по серединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашиваетъ онъ пастуха: «Выбирай себѣ любо̀во, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говоритъ: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послу̀жи».—«Ну, ладно».— Кривой вражонокъ какъ схватитъ лозину, да какъ крикнетъ—и повалилъ скотъ по дорогѣ, а большой то и говоритъ пастуху: «смотри только, какъ станешь загонятъ—иди по слѣду, а навстрѣчу не ходи: всѣ дома будутъ. И сгинули всѣ. Прокопій Никифоровъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой—лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ разсказъ о бабѣ лѣсовихѣ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жилъ онъ совсѣмъ одинъ. Разъ заходитъ къ нему прохожій и просится почевать. Мужикъ пустилъ его, накормилъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за ночлегъ денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тяжело, что кругомъ лѣсъ, что скотина бываътъ заблудится, бы-

вать звѣрье обидитъ. За хлѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ воротъ выгони,—ввечеру придутъ къ воротамъ сами, только во дворъ загони. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходитъ скотина цѣлый день—къ вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасетъ!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видитъ пасется оно, а съ краю полянки стоитъ высокая-высокая старуха, опёршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянулъ её за руку да и говоритъ: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилецъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше—и вовсе сгинула. Подивился мужикъ, пошелъ домой, а съ тѣхъ поръ скотъ пересталъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываетъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичаютъ, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребенка, мальчика лѣтъ 13. Нынче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрытъ кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбранили» или прокляли подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣлъ мѣсто фактъ: дома—домовой, въ водѣ—водяной, въ лѣсу—лѣсовой [1])

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутникъ живетъ въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываетъ имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ встрѣчу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогощи. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегъ. Упалъ я, хочу выскочить—глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держитъ онъ меня когтями и не пускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулупъ вода холодная, слышу, льется, а онъ смотритъ: глаза то у врага водянаго такъ и горятъ. Перекрестился я, да

какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегъ то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго».

Но случается, что водяной или омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человѣкоподобномъ видѣ. Разсказываютъ, будто однажды омутникъ изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помощь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

Въ Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выходя оттуда, видятъ они старичка, который говоритъ имъ: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой,» спрашиваютъ мужики, «и чего тебѣ нужно»?

«Я здѣшній омутникъ», отвѣчаетъ старичекъ; «забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житья мнѣ нѣтъ отъ него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Забоялись они, спрашиваютъ: «какъ же мы его выгонимъ«? А онъ имъ: «возьмите стяжьё и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегъ валъ, за нимъ другой, такъ вы по первому и бейте стяжьемъ, а втораго не троньте—это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валъ—ударили по немъ мужики, а одинъ то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь—стоитъ въ водѣ тотъ свой омутникъ. и палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говоритъ, бросаешъ!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кисы на берегъ серебра насыпалъ и говоритъ: «Берите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли.—«Мы», говорятъ, «не за деньги брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сдѣлали, что не взяли ничего», сказала разсказчица, еслибъ взяли, то всё равно деньги въ черепье дома обернулись бы) [1]. И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ обѣщался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже—будутъ, а у васъ на перевозѣ—никого?».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествъ, къ домашнимъ миѳическимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣе извѣстнымъ—банному и рижному хозяину.

Банный въ большинствѣ разсказовъ является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видъ различныхъ

[1]) О превращеніи бѣсовскихъ денегъ въ уголья см. у Аѳанасьева. Народныя русскія легенды М. 1868 стр. 167. Опытъ миѳологическаго объясненія см. въ его же статьѣ: «Миѳическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. 2.

людей и такимъ образомъ морочитъ деревенскій людъ. Въ банѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяевъ [1]). Вотъ что разсказываютъ въ д. М. Будогощѣ о банномъ:

Пріѣхалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяевъ байня топлена, и въ той байнѣ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай сѣли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходятъ въ баню, раздѣлись въ передбанникѣ, входятъ въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежитъ и ноги раскарячилъ: видятъ— торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣстной, озорной!» говорятъ бабы,—и домой. Пришли, на торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходилъ. А показался то подъ видомъ торгаша баенной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было.

«Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подъѣзжае тройка. Вылѣзъ баринъ, велилъ сготовить чаю, созвать посидку, да и говоритъ хозяину: «стопи мни-ка байну, да найди человика, чтобъ меня помылъ да попарилъ, а я за всё сто рублей дамъ».—«Какъ за сто рублей не найти человика», говоритъ мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоетъ то и попари». «Ладно». Стопилась байна, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны нейдуть. Ждалъ—пождалъ, да и спрашиваетъ у кучера: «что, молъ, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ люби долго париться»! Пождалъ мужикъ еще: нѣтъ, неймется ему: пойду, думаетъ, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходи къ байны и глѣди въ окошко: и види: сиди баринъ на полку и съ бабы кожу сымае. Онъ какъ закричитъ, да побѣжитъ за народомъ! Прибѣжали: баня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣтъ. Побѣжали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистливымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожжетъ гумно и уничтожитъ весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды, не взлюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу; построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ

---

[1]) Срв. Новгородскій сборникъ, I, 281—6.

деревню ночовать мужикъ съ медвѣдемъ. Куда его положить? неловко такого звѣря въ избу пускать. Вотъ ему и велѣли въ ригѣ той ночовать, что недавно построена была. Стопили ригу; мужикъ съ медвѣдемъ забрались туда и забились за печку: теплѣе тамъ ночовать. Въ полночь приходи рижной хозяинъ и принози множество рыбы. Началъ онъ ей печь на уголькахъ; печетъ и роетъ на краешокъ, а медвѣдь из-за печки подбиратъ лапкой, да подъѣдатъ. Рижной хозяинъ остатнюю рыбку спёкъ, на печку кинулъ. Хватился, сталъ искать—нѣтъ ни одной! Бросился за печку; какъ его сгрёбъ—и не знать кто—да началъ его тискать! «Ну, ты, пусти», кричитъ рижной. насилу вырвался, ушелъ весь оцарапаный. И черезъ нѣсколько времени идетъ одна женщина рано поутру за водой, а онъ ей на стрѣчу и спрашиваетъ: «жива ли у мужика, чья этая рига, кошка?»—«Жива, да еще такихъ же семерыхъ родила»!—«Эко горе то», говоритъ рижный; «скажи ты пожалуста мужику, что ригу ту я у нево сжегъ, больше не буду, полно. Пусть онъ деньги мои оберетъ: ихъ подъ угломъ риги пивоваренной котелъ зарытъ. Хотѣлъ я ему опять ригу сжечь, да болѣ не пойду». И вправду, обралъ мужикъ деньги: большой котелъ полный серебра, и сталъ богато жить.

Наряду съ разсказами, гдѣ дѣйствующими лицами являются существа миѳическія, пріуроченныя и, такъ сказать, прикрѣпленныя къ извѣстному мѣсту, мы находимъ не мало разсказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водянаго, насколько я наблюдалъ это, самый житель д. Будогощи не связываетъ представленія о чемъ то страшномъ, зломъ, враждебномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмѣщаетъ въ своемъ міросозерцаніи и Бога христіанскаго, и противуположное Ему существо, источникъ всякаго зла—чорта, или, какъ чаще его называютъ иносказательно, врага, и наряду съ ними нѣчто среднее—цѣлый рядъ божествъ, о которыхъ мы выше говорили. Представленія этихъ миѳическихъ существъ и чорта, діавола отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ—существо отвратительное; самое имя его грѣшно произносить, тогда какъ съ лѣшимъ или домовымъ вступить въ извѣстнаго рода соглашеніе далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ людей и миѳическихъ существъ мы говорили. Теперь рѣчь будетъ объ отношеніяхъ людей и нечистой силы, чорта. Нѣкогда Аѳанасьевъ писалъ такъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутливо-сатирическій тонъ Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и

лукавства сказочныхъ героевъ» [1]). Слова Аѳанасьева, будучи отчасти справедливы относительно вышеприведенныхъ сказокъ о миѳическихъ существахъ, далеко не соотвѣтствуютъ истинѣ, въ чемъ мы убѣдимся когда, ниже ознакомимся съ разсказами жителей д. Малой Будогощи о чертяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи мы встрѣтимъ среди жителей совершенно различное отношеніе къ нечистой силѣ, къ мертвецамъ и тому подобному чудеснымъ и таинственнымъ существамъ. Въ иныхъ мѣстахъ вы совершенно не услышите сказокъ о мертвецахъ и чертяхъ; въ иныхъ сказки найдутся, но будутъ, дѣйствительно, сатирическаго характера; наряду съ этимъ есть много мѣстностей, почти весь сѣверъ, гдѣ населеніе твердо вѣритъ въ существованіе чорта, какъ врага и ненавистника человѣка, гдѣ сказки о нечистой силѣ отличаются мрачнымъ характеромъ и совершенно лишены всякаго сатирическаго элемента.

Вотъ разсказъ о томъ какъ врагъ надъ человѣкомъ шутилъ.

Собралась разъ о святкахъ посидка. Много плясали, въ игры играли, пѣли. Ребята разбаловались и стали выдумывать, что бы такое почуднѣй сдѣлать. Вотъ одинъ парень и говоритъ: „дай ка попытаю (испробую), какъ люди давятся. До смерти не задавлюсь же на глазахъ у всѣхъ. Вы меня, ребята, подержите, а я въ петлю голову суну». Всѣ рады: новая забава нашлась. Сдѣлали мертвую петлю, привязали къ матицы; только онъ сунулъ туда голову да затянулъ малость—вдругъ въ двери становой, да какъ гаркнетъ: «А кто тутъ давиться задумалъ! Я вотъ сейчасъ всѣхъ васъ разберу»! Всѣ по угламъ разскочились, кто къ дверямъ бросился: глядь—никакого становаго и не бывало, только метель крутитъ, да вѣтерокъ веетъ и снѣгъ переметываетъ. Подошли всѣ къ парню, а онъ и вправду задавился: виситъ въ петлѣ да покачивается. А становымъ то врагъ отъ прикинулся, да на людей мороку навелъ. Вообще, удавленники—любимая добыча чорта. чорту-баранъ, какъ говоритъ пословица,

Даже тѣ люди, которые не боятся нечистаго и всячески угождаютъ Богу, не обезпечены отъ нападеній нечистаго и козней его Слышалъ я въ той же деревнѣ разсказъ о кузницѣ, который и привожу здѣсь.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ и кузница была у него. Былъ, онъ хорошій человѣкъ, никого не обижалъ, не обманывалъ; часто къ обѣдни ходилъ. Всѣ его любили, и всю бы жизнь свою онъ прожилъ по хорошему, кабы только врагъ на него не обидѣлся. Была у него въ кузницѣ, на правой сторонѣ, какъ войти, икона—Спасъ премилостивый, а на другой сторонѣ, на доскѣ,

[1]) Народныя русскія легенды, стр. 168.

врагъ намалеванъ какъ есть, съ рогами, съ хвостомъ и весь въ шерсти. И всякой разъ, какъ взойдетъ кузнецъ въ свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнетъ и плюнетъ: всего его заплевалъ. И часто сожалѣлъ кузнецъ о томъ, что нѣтъ у него молотобойца, а одному работать не сподручно: иной работы иначе какъ вдвоемъ и не справить. А мастеръ онъ былъ первый въ тѣхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ приходитъ странникъ, еще молодой, и просится ночевать. Переночевалъ и проситъ еще на денекъ остаться: присталъ гораздъ. Что-жъ, думаетъ кузнецъ, пусть поживетъ денекъ, «А не побьешь ли ты молотомъ», говоритъ онъ страннику. Странникъ согласился. Пошли въ кузницу, и весь тотъ день работалъ странникъ на кузнеца и очень ему по любился. Приходятъ домой ужинать, а кузнецъ и говоритъ: «кабы сталъ ты у меня молотобойцемъ, лучше тебя не надобъ»?—«Что-жъ, мнѣ некуда идти. я хоть и у тебя поживу», отвѣчаетъ прохожій.—«Нанялъ бы я тебя, да не знаю, бывать много спросишь?»—«Что тамъ за много! Буду я у тебя жить, ты меня пой-корми, а черезъ три года дай мнѣ сковать то, что я захочу». Обрадовался кузнецъ. Работникъ лихой, всѣмъ хорошъ, всѣмъ доволенъ. Живетъ молотобоецъ годъ, живетъ другой, ужъ и третій къ концу приходитъ. И вотъ, наканунѣ дня разсчета, останавливается у кузнеца ночевать старенькой престаренькой рабъ Божій, странникъ.

Выходятъ утромъ они, кузнецъ и молотобоецъ, на работу, и говоритъ молотобоецъ: «помнишь хозяинъ условіе, дай сковать, что хочу».—«Да куй;» говоритъ кузнецъ, «желѣза много је». «Только ты не смотри», предупреждаетъ молотобоецъ. Вошелъ онъ въ кузницу, что стояла на берегу рѣки, разжогъ горно и ждетъ. Проходитъ мимо старенькій старичекъ, что у нихъ ночевалъ. Идетъ и охаетъ; покачивается, отъ старости едва на ногахъ стоитъ, того и гляди по земли растянется. Кричитъ ему молотобоецъ: «Эй дѣдушка, заходи ко мнѣ»!—«Тяжело, родимый, на гору не здынусь», отвѣчаетъ старикъ. «Полно приходи сюда, я те помогу, помоложу. Подошелъ старикъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «чѣмъ же ты меня помолодишь»?—«Перекую».—«Да что ты»?— «Ложись, увидишь».—«Эхъ, все одно померегь», говоритъ старикъ, «лягу попытаю». А кузнецу то любопытно: прикинулся да въ щелку и смотритъ. И видитъ онъ: взялъ молотобоецъ старика, положилъ въ горно, засыпалъ уголья, да какъ зафычитъ мѣхами, только искры столбомъ поднялись. Раскалилъ старика, бросилъ на наковальню, билъ, билъ молотомъ, да въ разныя стороны поворачивалъ; потомъ въ чанъ съ водой окунулъ: зашипѣла вода, паръ столбомъ поднялся. Кинулъ молотобоецъ старика объ земь—и сталъ старикъ молодцомъ хоть куда: парень лѣтъ двадцати, кудри русыя въ колечки зави-

ваются, щеки полныя румянцомъ горятъ, походочка молодецкая. Встряхнулся повелъ глазами вокругъ: каковъ молъ я! Взялъ онъ котомочку, поблагодарилъ мастера и дальше пошелъ. Старый кузнецъ, словно ума рѣшившись, опрометью домой бросился; кричитъ старухѣ матери: «Ей, матушка, давай я тебя перекую, молóда будешь»! «Что ты», говоритъ ему мать, «аль Богъ разумъ отнялъ? видано-ль дѣло стариковъ ковать»? «Э, не разговаривай со мной, я у молотобойца сейчасъ научился», закричалъ кузнецъ; схватилъ онъ старуху, та упирается, Приволокъ онъ ее въ кузницу, связалъ, бросилъ въ горно, и ну мѣхами раздувать. Старуха та вопитъ благимъ матомъ, а онъ и взаправду ума рѣшился: знай себѣ дуетъ.

А молотобоецъ и странникъ, котораго помолодили, побѣжали по деревнѣ и кричатъ: «идите вси крещоны въ кузницу, смотрите какъ кузнецъ мать сожогъ»! Сбѣжался народъ, ворвались въ кузнецу: видятъ кузнецъ безъ памяти мать жжотъ, а старуха ужъ померши. Взяли его въ желѣза, да и повезли въ городъ. Хватились молотобойца—ни его, ни странника нѣтъ: сгинули.

Слѣдуетъ замѣтить, что настоящая сказка, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается не оригинальной, не самостоятельной по своему сюжету. Обозрѣвая сказочный матеріалъ, мы замѣчаемъ, что въ сказкахъ любимое мѣсто чорта—кузнечная труба. Кромѣ того, мы имѣемъ легенду о томъ, какъ хромой бѣсъ перековалъ пустынника [1]). Весьма сходный варіантъ мы находимъ тамъ же, а затѣмъ—сюжетъ этой сказки извѣстенъ и въ западноевропейскихъ [2]) и въ остальныхъ народныхъ литературахъ [3]).

Мы не будемъ входить въ подробности сравненія; отмѣтимъ лишь то, что еслибы настоящій сюжетъ о мстительномъ чортѣ былъ совершенно чуждъ нашей народности, если бы онъ не нашелъ подходящей почвы, чтобы укорениться и получить широкое распространеніе, то мы оставили бы его безъ вниманія, какъ нѣчто случайное. Но здѣсь появленіемъ его нельзя пренебрегать: нашъ сюжетъ совпалъ съ вѣрованіями и взглядами народа на нечистаго и прочно укрѣпился въ народной средѣ; примкнувъ къ другимъ разсказамъ о томъ же чортѣ и объ отношеніи его къ людямъ.

---

[1]) Народныя русскія легенды собр. Аѳанасьевымъ стр. 76—77.

[2]) Тамъ-же стр. 104—107, и примѣчанія стр. 145. Срв. Отечеств. Записки 1840 г. № 2. смѣсь, стр. 50—51. тоже, отчасти иначе,—Grimm. Kinder und Hausmärchen II, № 147 Христосъ и ап. Петръ перековываютъ нищаго, Norwegische Volksmärchen, gesammelt. v P. Albjornsen und Jorgen, № 21. П. В. Шейнъ, Матеріалы. II т. стр. 144.

[3]) Отмѣтимъ хотя бы варіантъ въ „Книгѣ Мудрости и Лжи“ (Грузин. басни XVII ст.) С. С. Орбеліани, перев. Ал. Цагарели. Спб. 1878. стр. 84, № 75.—варіантъ наиболѣе схожій съ нашимъ.

Отъ сказокъ о нечистой силѣ обратимся къ тѣмъ народнымъ разсказамъ, гдѣ также силенъ элементъ чудеснаго и таинственнаго, къ разсказамъ о мертвецахъ. Вѣра въ сохраненіе мертвецами способности живыхъ людей—двигаться, говорить, являться людямъ изъ могилъ и вступать въ различныя отношенія съ живыми близкими людьми и родственниками—эта вѣра была всегда сильно распространена въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ и эпохъ [1]). Не будемъ распространяться о возможныхъ причинахъ возникновенія подобнаго вѣрованія; укажемъ лишь на наиболѣе вѣроятную причину, на аналогію сна и смерти, которая всегда бросалась въ глаза людямъ.

Мертвецъ—существо наполовину уже иного міра: этимъ онъ внушаетъ таинственное уваженіе къ себѣ. Пока трупъ не подвергся окончательному разложенію—въ него всегда можетъ вернуться душа его и оживить къ новой дѣятельности. Это воззрѣніе мы находимъ, напримѣръ, у египтянъ и равнымъ образомъ у народовъ ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Оно—плодъ извѣстнаго психическаго настроенія, являющагося по поводу двухъ аналогичныхъ явленій, созерцаемыхъ человѣкомъ. Издавна существовалъ также взглядъ, что души добрыхъ людей, послѣ смерти этихъ послѣднихъ, являются охранителями живыхъ людей и интересовъ ихъ. Души же злыхъ, особенно колдуновъ или знавшихся съ нечистой силой, оказываются и послѣ смерти тѣла, врагами и ненавистниками всего живущаго, подобно діаволу, которому они служили при жизни.

Сообразно этимъ послѣднимъ взглядамъ на мертвецовъ, народные разсказы о нихъ распадаются на двѣ группы: одни повѣствуютъ о мертвецахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Вотъ разсказъ, выдаваемый за быль, о мертвецѣ обогатившемъ мужика; сообщаю его тѣми же словами, какъ слышалъ самъ.

Гнали ребята барки по Мсты, вошли въ Волхово. Стали ночовать; глядь, одново на берегу и забыли. Пошелъ онъ по берегу: думаетъ своихъ наздогнать. И видитъ, лежитъ на берегу покойникъ въ хорошой одежи. Вотъ парень то и здумай: розДину ево; на што ему хорошая одежа?—а мнѣка послужи. Роздилъ и пошолъ. Только и думае: штожъ я ёво такъ то бросилъ. Вернулся молитву сотворить и вiди, што у ёво на груди хрестъ золотой. Снялъ съ ёво хрестъ, да неловко безъ хреста бросить. Надилъ на покойника свой, да и говоритъ: «вотъ мы хрестамъ помѣнялись, побратались,

[1]) Объ этомъ собранъ матеріалъ и указана литература въ первыхъ главахъ изслѣдованія И. Созоновича: «Ленора Бюргера и родственные сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской». Варшава. 1893.

значитъ. Прощшай братъ хрестовой!» Пашолъ онъ своихъ; и вотъ приходитъ ночь. Является ему этотъ покойникъ и говори: «што ты, хрестовой братъ, меня и не похоронилъ; гришно теби-ка меня такъ бросить. Вернись, захорони меня, да возьми у меня съ руки золотоё кольцо». Совѣстно стало парню. Вернулся, помолился надъ нимъ, захрестилъ, вси молитвы прочёлъ, какія зналъ и опять пришолъ на барку. А ночью снова приходи къ нему покойникъ и говори: «Вотъ взялъ ты теперь кольцо, одежу; сходи, какъ будешь въ Новѣ-городѣ, къ моёй матушки и скажи, што ты, мой братъ хрестовой, захоронилъ меня, а въ подпольи пусть она розломатъ стѣнку, (и указалъ гдѣ) и што найдешь—себи возьми». Парень и былъ въ Новѣ-городѣ, да не послушался: «што», говори, «пойду я, объявлюсь?—на меня скажутъ, што убилъ. да посадя». А покойникъ опять къ нему приходи и проси. Думаетъ парень: што какъ онъ и дома начнё ходить кожную ночь? схожу. Рѣшилъ и пошелъ. Показалъ онъ матери кольцо и всё разсказалъ по порядку. Мать сейчасъ его въ клѣть посадила, заперла и хочетъ въ судъ отдать. Только пришла ночь. И вотъ сынъ покойникъ приходи къ матери и говори: «выпусти матушка тово человѣка, сведи его въ подпольё и отдай ему што онъ самъ возьметъ. Кабы не захоронилъ онъ меня, такъ клевали бы меня вороны, мылъ бы мои косточки холодный дождикъ». Свела мать парня въ подполье; нашелъ онъ тамъ казну, какъ сказано было, поѣхалъ на родину и сталъ жить да поживать.

Въ этомъ разсказѣ отразилось вѣрованіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ, что позорно и нечестиво оставлять умершаго безъ погребенія.

Теперь обратимся къ сказкамъ, гдѣ мертвецъ является страшнымъ, злымъ существомъ. Вотъ сказка о трехъ братьяхъ и отцѣ колдунѣ.

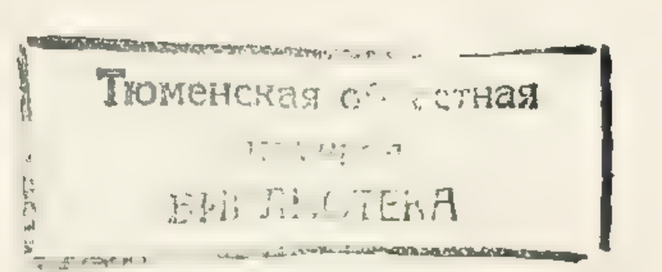
Жили были трое братьевъ, а отецъ у нихъ былъ колдуномъ и жилъ особя̀. Померъ онъ и помирамше велилъ, чтобъ его трои сутки откараулить, а раньше того не хоронить. Приходитъ какъ разъ къ нимъ въ этое время солдатъ и просится ночевать. Они и говорятъ: милости просимъ «ночовать, только сі̀ночь покарауль ты у насъ отца». Солдатъ согласился. Забрался въ избушку, гдѣ особя̀ жилъ колдунъ, зажогъ свѣчку, сиди й читае. Вдругъ съ трубы штотъ кричитъ: «упаду!» А онъ неглядя въ отвѣтъ: «да падай!» И упала въ и̇збу нога, вся въ шерсти̇. Немного погодя опять: «упаду!» Солдатъ опять: «валисъ», говоритъ. И снова тотъ же голосъ: и упала другая нога, потомъ руки, туловище, голова. И опять голосъ: «встаю».—«Да, вставай», сказалъ солдатъ: поднялъ глаза и видитъ: стоитъ передъ нимъ ктотъ мохнатой, страшной такой. «Погоди я ужо те проберу», говоритъ солдатъ: какъ сталъ пробираться мохнатой къ ему, онъ его и пересѣкъ саблей.

Запѣли пѣтухи и чудо сгинуло. На вторую и на третью ночь упросили остаться солдата опять караулить; то-же самое случилось съ нимъ. Братья перепугались, просятъ ево: «свези ужъ и на погостъ ево». Солдатъ велѣлъ набить на домокъ [1]) три обруча желѣзныхъ, поставилъ на телѣжку и самъ сверху сѣлъ. Ѣхалъ, ѣхалъ; обручъ—лопъ! Попоѣхалъ еще немного—другой лопъ! Немного погодя и третій лопнулъ. Солдатъ на руку обручи надѣваетъ и что есть духу скачетъ на погостъ. Привезъ покойника, а батька дома нѣтъ. Говоритъ отъ матки-попадьи: «тѣло привёзъ». А она ему велѣла поставить ево въ сѣняхъ, въ чуланчикѣ. Набилъ солдатъ обручи на домокъ и уѣхалъ скорѣй. Сиди матка ночью, ждё батька. Вдругъ обручъ: лопъ! Не батька ль пріѣхалъ, думае матка и поглядыва за окошко. И второй, и третій лопнулъ—и батька всё нѣтъ. Слыши попадья: ктотъ въ избу идё, въ дверь ломится: «пущай», говоритъ, «а то и такъ попаду!» Она замкнулась, залѣзла на печку, всѣхъ робятъ и кошекъ и собакъ съ собой забрала. Мертвецъ вломился въ избу, сталъ шарить у печки и лѣзть туда; попадья ему щенка бросила: онъ его разорвалъ и съѣлъ. И опять лѣзетъ, а она ему кого-нибудь опять кине: всихъ и кошекъ и собакъ перерыла; маленькаго ребенка ему бросила: онъ и того разорвалъ и съѣлъ. И въ этое время запилъ питунъ—мертвецъ упалъ навзничь. Немного погодя срядъ и батька пріѣхалъ. Видитъ каково у матки чудо случавши, скопилъ народъ, свезли мертвеца въ яму, зарыли и осиновымъ колышкомъ забили.

Настоящая сказка по своему характеру и складу близко подходитъ къ сказкамъ сообщеннымъ И. Сазоновичемъ въ вышеупомянутомъ его изслѣдованіи. Говорятъ также въ д. Будогощѣ, что мертвецы жестоко наказываютъ тѣхъ, которые относятся къ нимъ безъ должнаго уваженія. Одинъ изъ такихъ случаевъ мести мертвеца я здѣсь и приведу.

Собрались дѣвки да ребята на посидку, а одинъ парень и говоритъ: «давайте ка я сюда покойника принесу». А о ту пору былъ покойникъ въ часовни. Парень и вправду принёсъ его, поставилъ у дверей къ печкѣ. Сталъ покойникъ оттаивать и опускаться, а дѣвки отъ страха кто на печку, кто въ запечокъ забрались и велятъ несть его назадъ. А парень не хочетъ, говоритъ: «несите сами!»—забоялся. Покойникъ молчалъ, молчалъ да и заговорилъ: «кто взялъ, тотъ и неси назадъ». Хоть страшно было, а надо несть. Вотъ парень съ товарищемъ и понесъ его. Принесли въ часовню, положили на старо мѣсто, а покойникъ и говоритъ: «попрощайтесь со мной». Товарищъ, который помогалъ нести назадъ, попрощался какъ слѣдуетъ, а перваго, выдумщика, покойникъ захва-

[1]) Домокъ—гробъ



тилъ руками за шею, и отнять нельзя было. Руки пилить хотѣли—пила нейдетъ. Такъ ихъ вмѣстяхъ и схоронили.

Нѣкоторыя сказки о мертвецахъ не лишены комическаго элемента, но въ общемъ—это рѣдкое явленіе. Какъ примѣръ мы сообщимъ сказку, довольно сходную въ частностяхъ съ приведенной нѣсколько выше сказкой о колдунѣ, трехъ сыновьяхъ и солдатѣ.

Жили-были мужикъ да баба, и былъ у нихъ сынъ. Сына сдали въ солдаты. Отслужилъ онъ свой срокъ и вернулся домой въ деревню а матери и отца нѣтъ. Спрашиваетъ онъ, гдѣ они; ему отвѣчаютъ мужики: «вотъ новой домъ, тутъ и померъ твой отецъ, а мать тоже давно померши». Взялъ солдатъ вина и пошелъ въ домъ. Сидитъ ночью, пьетъ вино, а покойникъ и приходитъ—весь въ бѣломъ. И говоритъ онъ сыну; «я съѣмъ тебя».—«Погоди», говоритъ солдатъ, «сперва вина выпьемъ, а потомъ и съѣшь меня».—Пьютъ, а солдатъ этакъ между прочимъ и спрашиваетъ, бытдо ни къ чему: «и чѣмъ это, батюшка, васъ убиваютъ?» А покойникъ и говоритъ: «осиновымъ коломъ три раза буде на йспашку успѣешь ударить—убьешь». Пошелъ солдатъ въ сѣни, быдто за нуждой; ищетъ осиновой палки, а мертвецъ кричитъ: «што ты тамъ мѣшкаешь, мни ка тебя ись пора». Нашелъ, наконецъ, солдатъ палку, подошелъ къ мертвецу, да какъ хватитъ его: тотъ и опрокинулся. Сдѣлали домокъ ему, обручи набили и повезли на погостъ. По дорогѣ одинъ лопнулъ, другой цѣлъ остался. Привезли, похоронили и осиновымъ клиньямъ забили.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: разсказы чудеснаго характера—о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, существахъ, о чортѣ и встающихъ изъ гробовъ мертвецахъ распространены далеко не повсемѣстно и вовсе не равномѣрно въ средѣ нашего крестьянства. Не будемъ отрицать вліянія школы, какъ фактора разрушающаго миѳическія воззрѣнія на природу; но и помимо того, что школа существуетъ давно и имѣетъ много учениковъ, мы встрѣчаемъ села, гдѣ населеніе чрезвычайно много знаетъ разсказовъ о мертвецахъ и чертяхъ. Съ другой стороны въ совершенно забытыхъ просвѣщеніемъ глухихъ углахъ мы къ удивленію можемъ совершенно не встрѣтить подобныхъ разсказовъ. Причина, на нашъ взглядъ, лежитъ въ существенныхъ чертахъ психическаго склада народа, мѣстность населяющаго данную.

Кое гдѣ уже съ недовѣріемъ начинаютъ относиться къ такимъ разсказамъ. Старые люди, слыша высказываемыя сомнѣнія и распросы о причинахъ этихъ чудесъ, повторяютъ одну обычную фразу: «въ старину люди простые были, проще насъ, оттого и видѣли всякія чудеса, а теперь пошелъ хитрой народъ, до всего самъ дойти хочетъ».

В. Н. Перетцъ.

Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 г.

Мм. гг.!

Въ нынѣшнемъ году, весной, я получилъ предложеніе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ собраніемъ этнографическихъ матеріаловъ въ корельскомъ краѣ. Мѣстомъ для своихъ экскурсій я избралъ часть губ. Выборгской (нѣкоторыя мѣстности уѣзда Сердобольскаго, пограничныя съ Олон. губерніей) и въ губ. Олонецкой—уѣзды Петрозаводскій и Олонецкій. Съ этою цѣлью я и отправился изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня на пароходѣ въ Сердобольскій уѣздъ. Живя здѣсь среди мѣстныхъ корелъ, финляндскихъ уроженцевъ, я присматривался къ ихъ жизни, нравамъ, обычаямъ, привычкамъ. И теперь, подводя итоги своимъ наблюденіямъ, могу сказать, что финляндскій корелъ далеко опередилъ своего родного брата олончанина. Здѣсь не встрѣтишь уже такого невѣжества, какое до сихъ поръ еще спокойно ютится въ лѣсныхъ деревенькахъ Олонецкой Кореліи, удаленныхъ отъ уѣзднаго города или даже отъ центральныхъ селеній верстъ на 40 и на 50. Финляндскій корелъ много видалъ, много слыхалъ на своемъ вѣку и свободно, со смысломъ разбираетъ финскую грамоту. Его «тупа» (домъ) поставлена на высокомъ каменномъ фундаментѣ и покрыта прочной, драничной (дранка—лучина) крышей. При входѣ въ нее всякаго посѣтителя необыкновенно пріятно поражаетъ та уютная чистоплотность и нѣкоторое довольство (матеріальное), о которыхъ и понятія не имѣетъ нашъ постоянно грязный, вѣчно чумазый, полуголодный землякъ. У него вы найдете—и прибитый къ оконной рамѣ термометръ (непремѣнно Цельсія), дешевенькій альбомъ фотографическихъ карточекъ, листокъ мѣстной газеты «Laatokka» и непремѣнно «вирси-кирья» (книга, содержащая богослужебные стихи) и «Тестаменти» (библія) въ красивыхъ кожанныхъ переплетахъ. Не удивится финляндецъ-корелъ, если вы покажете ему и пожарную машину во время самаго дѣйствія,—которая до сихъ поръ приводитъ въ нѣмое изумленіе олонецкаго корела,—«да эта машина, скажетъ онъ (финляндецъ), у насъ, въ нашемъ мѣстечкѣ давно уже заведена на общественный счетъ»... Найдется у него и усовершенствованный плугъ, рессорный кабріолетъ, съ мягкой волнистой шерстью овца, о которыхъ еще не приходится и мечтать нашему олончанину.

Изъ Финляндіи, постепенно двигаясь изъ деревни въ деревню (Koirau-osa, Impilaks, Kitelä, Pitkä-ranta, Kolmi-kanta, Hippi, Risto-oja, Unsi-kylä, Uuksu, Кяжняжя, Sadula, Salmis, Varba-selgä), я перевалилъ въ предѣлы своей родины—Олонецкой губерніи. Еслибы мнѣ пришлось переѣзжать границу (въ дер. «Kondu») въ самую темную ночь, и если бы даже не существовало строгаго шлагбаума, и тогда бы я непремѣнно почувствовалъ или, вѣрнѣе,—ощутилъ что я ѣду по родной землѣ: ровное широкое полотно дороги, обитое крупнымъ пескомъ—«чурой», кончилось, и началась убійственная съ глубокими промоинами, избитыми колеями—почтовая, на которой постоянно рискуешь выскочить изъ телѣги, или полетѣть внизъ головой въ какую-нибудь котловину вмѣстѣ съ лошадью и экипажемъ.

«Отчего же здѣсь пошла такая скверная дорога? спросилъ я у своего ямщика, который съ угрюмымъ равнодушіемъ покачивался на козлахъ...

— Что ти скасалъ?.. встрепенулся мой возница.

«Отчего, говорю, скверная здѣсь дорога?»

— Дѣрогъ?... дѣрогъ здѣсь русськой...

И это было въ устахъ простодушнаго кореляка достаточнымъ объясненіемъ на мои вопросы.

Въ концѣ мѣсяца іюня я былъ уже въ Олонцѣ, въ одномъ изъ старинныхъ корельскихъ городовъ (по дорогѣ въ Олонецъ я заѣзжалъ въ сс. Видлицы и Тулоксу). Городъ настолько имѣетъ въ себѣ мало «городскаго», что сначала невольно принимаешь его за одно изъ селъ, которыя на протяженіи верстъ 10—15 безпрерывно тянутся по берегу рѣки Олонки. Здѣсь тѣ же крестьянскія сѣрыя избы, съ двухскатными тесовыми крышами, тѣ же крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ и бѣлыхъ сапогахъ, та же корельская рѣчь,—и невольно думаешь, что это также какое-нибудь село, только нѣсколько побогаче. Но вотъ замелькали полицейскія управленія, уѣздныя присутствія, трактиры съ необыкновенно большими вывѣсками, и пріѣзжій, наконецъ, догадывается, что онъ въ городѣ, который когда-то далъ свое имя цѣлой области въ 112,322 квадратныхъ верстъ.

Въ самомъ центрѣ города, гдѣ выстроенъ каменный соборъ, окрашенный желтой краской, дома мѣстнаго купечества, духовенства и властей,—раскинулись на нѣсколько десятинъ ровные, гладкіе, сѣнистые луга. Косари, звеня косами, косили сѣно, когда я въѣзжалъ въ городъ. «Чьи это луга?..» спросилъ я у одного изъ мѣстныхъ обывателей, удивленный такими патріархальными порядками.

— А это—отца протоіерея... отвѣчалъ спокойно Олончанинъ,—Онъ много тутъ сѣна накашиваетъ...

«Но какже они такъ очутились въ центрѣ города?...

— Да очень просто... Отецъ протоіерей взялъ на свое имя нѣсколько номеровъ плановыхъ мѣстъ, домовъ-то строить не строитъ, а сѣно коситъ, и отъ этого ему—большой доходъ...

Цѣлыхъ шесть дней, начиная съ понедѣльника и кончая субботой, въ городѣ царитъ мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ властей. Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане мирно почивали. За то въ воскресенье городъ совсѣмъ преобразовывается. Въ этотъ день въ Олонцѣ бываетъ базаръ. Съ самаго ранняго утра цѣлыя толпы окрестныхъ мужиковъ толкаются на площади около возовъ, мѣстныхъ лавокъ и ларьковъ самаго первобытнаго, примитивнаго устройства. Надъ городомъ носится гомонъ отъ цѣлой тысячи корельскихъ языковъ. Продаютъ соленую рыбу, провѣтренную, вяленую говядину, кожу и постное масло. Вездѣ кричатъ, рядятся, спорятъ,—и все это происходитъ и ведется на корельскомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, любитъ полногласіе и отъ этого выходитъ необыкновенно крикливымъ. Въ Олонцѣ даже и «власти» говорятъ по-корельски. Мнѣ самому случилось слышать, проходя по набережной, гдѣ живутъ зажиточные люди и начальство, какъ мѣстный воинскій начальникъ закликалъ во дворъ корову, пасшуюся на зеленомъ берегу Олонки: «Тпрукой, тпрукой, тулэ кодихъ, тулэ кодихъ»... Ровныя плоскія окрестности Олонца представляютъ весьма удобныя мѣста для землепашества. Здѣсь даже и мѣщане—городскіе жители—исключительно почти заняты земледѣліемъ. Сѣютъ рожь, овесъ, ячмень и получаютъ большіе доходы отъ продажи сѣна. Оттого, кажется, и самое названіе Олонца по корельски «Анусъ», финны передѣлали въ «Aunus», что значитъ хлѣбный стогъ, житница корельскаго края. Такой же взглядъ на Олонецъ, какъ на городъ богатый и при томъ веселый, сказался и въ нѣкоторыхъ корельскихъ пословицахъ: «хоть айжалъ, да Анукээнъ-піа» — хоть на оглоблѣ, да къ Олонцу, «хоть айнавонъ, да Анукеэзъ»—хоть разокъ, да въ Олонцѣ, —т. е. въ Олонцѣ такъ хорошо, такъ въ немъ весело, что хоть на оглобляхъ ѣхать, хоть разокъ побывать, да именно только въ немъ. И сами олончане не прочь иногда кстати похвастать о богатствѣ своего города: «тулдаһъ рибулойсъ, ляхтіетäнъ реболойсъ» — «пріѣдутъ-молъ къ намъ въ тряпкахъ, а уѣдутъ въ лисицахъ», но на самихъ олончанахъ почему-то не замѣтно этихъ лисицъ. Большинство населенія Олонца отличается необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ и какою-то лѣнивою плавностью въ походкѣ, что сильно напоминаетъ русскихъ мужиковъ. Это обстоятельство подало мнѣ поводъ думать, что жители г. Олонца, по всей вѣроятности, не при-

родные корелы, а пришлые русскіе, позабывшіе только свой языкъ и переняВшіе языкъ туземцевъ.

Пересѣкши весь Олонецкій уѣздъ поперекъ [1]) отъ СЗ. на ЮВ., я перевалилъ въ уѣздъ Петрозаводскій, въ которомъ въ этомъ году направился прямо на югъ, къ рѣкѣ Свири, переходя иногда въ пограничный уѣздъ— Лодейнопольскій. Исходилъ много деревень, селъ (Святозеро, Вашакова, Важенская пристань, Сигъ-наволокъ, Палгуба, Мельница, Ахпой-сельга, Маяйсельга, Каскесъ-наволокъ, Маньга, Ладва, Тарженоль, Кашкана, Мечуой-ярви, Пагачиницы) большею частью пѣшкомъ или верхомъ на лошади, потому что пути сообщенія таковы, что по нимъ въ пору только пройти или много-много проѣхать верхомъ. Представьте себѣ едва замѣтную тропинку, густо обросшую лѣсомъ и кустами; она то поднимается въ крутую гору надъ небольшимъ, но глубокимъ озеромъ-ламбой, или стремительно опускается внизъ въ болотину, гдѣ грязь никогда не высыхаетъ; вотъ она красиво извивается по сухому сосновому бору, то пробѣгаетъ по зеленой березовой рощѣ и вдругъ сразу обрывается, упрямо оперпись въ рѣчку, чрезъ которую нѣтъ ни мостика, ни перевоза.

Таковы въ большинствѣ случаевъ пути сообщенія, по которымъ приходилось путешествовать. Оступись тощая пѣгашка, на спину которой приходится взбираться всякому, кто не пожелаетъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія, и полетишь куда-нибудь подъ гору съ опасностью свернуть шею, разбить голову о камни, или искупаться въ грязной болотинѣ. О быстрой ѣздѣ, конечно, и думать нечего.

И такъ, что же получилось въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по корельскому краю? Что сдѣлано мною во весь лѣтній періодъ? Мною собрано: 1) нѣсколько сказокъ и 2) легендъ; 3) нѣсколько загадокъ и пословицъ (въ добавленіе къ прошлогоднему сборнику); 4) сказанія о кладахъ и 5) нѣсколько сказаній о Литовцахъ; 6) записаны заговоры крови и змѣинаго яда (въ нѣсколькихъ экземплярахъ); 7) свадебныя причитанья Кидельскаго прих. Сердобольск. уѣзда и 8) причитанья погребальныя—добавленіе къ прошлогоднему; 9) записаны толкованія сновъ у кореляковъ; 10) собственныя имена ихъ,—корельскіе святцы, 11) примѣты на всевозможные случаи въ жизни; 12) примѣты и обычаи при воспитаніи дѣтей; 13) стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ; 14) дѣтскія пѣсенки и 15) пѣсни, приближающіяся по содержанію къ поэмамъ... Одна изъ такихъ пѣсенъ-поэмъ (женитьба «Сепуой Илмаллинэнъ»), мною уже представлена многоуважаемому нашему пред-

---

[1]) Посѣтилъ дд.—Торось-озеро, Коткозеро, Войвазъ-ламби, Кеескозеро, Зильчей, Нирка...

сѣдателю В. И. Ламанскому. Пѣснь записана мною со словъ крестьянки-корелки Петрозаводскаго уѣзда, д. Бородинъ-Наволока—Катерины Туру. По словамъ этой женщины, она (пѣсня) поется во время свадебъ и застраховываетъ жениха и невѣсту отъ дѣйствій всякаго колдовства. По содержанію и формѣ, пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также встрѣчаются герои Калевалы—Wäinämöien, Ilmarinnen, IovKahainen, и описываются похожденія ихъ, въ частности Ilmarinen'а. Есть даже мѣста, которыя представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой.

Но при всемъ томъ корельская поэма не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ сравнительно съ финской эпопеей, записанной Лёнротомъ. Такъ, напр., Хидвидъ-царь и его дочь Муардей-Дуардей—въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются. И въ Калевалѣ, правда, въ одной изъ рунъ описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но описывается нѣсколько въ другомъ видѣ и иными чертами, и Вяйнэмöйнэнъ (какъ помнится) не является, какъ здѣсь (въ корельск. поэмѣ) врагомъ Илмаринена и не строитъ ему козней. Пѣснь на корельскомъ языкѣ изложена звучными стихами, одинаковаго размѣра съ Калевалой, и читается очень легко, аллиттерація въ ней встрѣчается довольно часто (подробнѣе см. самую пѣснь) [1]).

А теперь кстати я считалъ бы не лишнимъ познакомить почтенное собраніе, хотя въ краткихъ чертахъ, съ тѣми пріемами воспитанія дѣтей (разумѣю—въ самый раннiй періодъ), которыя и до сихъ поръ практикуются въ Олонецкой Кореліи. Пусть это сообщеніе будетъ малой частицей изъ того, что мною собрано и записано по этому предмету во время лѣтнихъ странствованій.

Дѣти въ Корелѣ ростутъ такъ же свободно, на волѣ, какъ только можетъ рости дикое растеніе въ лѣсу или крапива на задворкѣ. Они, послѣ того какъ минетъ 3—4 первыхъ года, рѣшительно предоставляются самимъ себѣ, и на родителяхъ лежитъ лишь болѣе легкая обязанность — доставлять имъ хлѣбъ и кой-какую одежишку, которая въ рѣдкихъ случаяхъ грѣетъ, а обыкновенно только прикрываетъ тѣло отъ нескромнаго глазу. Бѣгающій ребенокъ считается уже настолько взрослымъ, что родители не опасаются оставлять его одного дома, уходя сами въ лѣсъ на работу. И не знаетъ корельское дитя никакихъ мамокъ и нянекъ, проказитъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонетъ въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлыя селенія.

Но за то въ первые годы своей жизни, особенно пока не отростутъ зубы, много съ нимъ горя и хлопотъ бѣдной матери... Оберегать отъ худого

[1]) См. IV вып. Ж. Стар. 1893 г. Отд. II, стр. 541—553.

глаза и лѣчить отъ всевозможныхъ болѣзней, начиная отъ чесотки и кончая «призоромъ», кормить грудью и убаюкивать въ люлькѣ по ночамъ —все это лежитъ на матери, которая и днемъ, какъ здоровый человѣкъ, не сидитъ сложа руки: она на равнѣ съ другими членами семьи должна исполнять всѣ работы около дома и въ лѣсу. «Охъ ужь эти мнѣ дѣти..., говоритъ иная баба, раждающая ежегодно по ребенку,—совсѣмъ измучилась съ ними, ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою»... и такимъ образомъ Божье благословенье для нея обращается въ чистое проклятіе.

Періодъ беременности, какъ извѣстно, и для корельской женщины продолжается около девяти мѣсяцевъ. Но если же случится, что упрямому ребенку и послѣ этого срока почему-либо не захочется выходить на бѣлый свѣтъ изъ матерней утробы, то у кореляка на этотъ случай есть очень хорошее средство. Стоитъ только беременной женщинѣ насыпать овса въ задній подолъ рубашки и, слегка наклонившись впередъ, скормить его лошади, и ребенокъ волей-неволей долженъ будетъ оставить насиженное мѣсто и съ крикомъ недовольства увеличитъ собою корельскую семью въ качествѣ ея новаго члена. Если же и это средство окажется недѣйствительнымъ, то тогда прибѣгаютъ къ самому крайнему, самому варварскому, что можетъ случиться только въ корелѣ: родильницу привѣшиваютъ къ «orsi-puu» (продольныя и поперечныя перекладины отъ одной стѣны къ другой, на которыхъ кореляки сушатъ сѣти, лучину и одежду), съ силой нажимаютъ животъ и такимъ способомъ выдавливаютъ упрямаго ребенка.

Для родильницы уступаютъ въ избѣ цѣлый уголъ и огораживаютъ его кой-какимъ тряпьемъ—въ видѣ занавѣски. Окно противъ этого угла также глухо законопачивается—платками, кафтанами и овчинными шубами. «Розоиччу»—родильница лежитъ въ углу на соломѣ и слегка стонетъ; слабый стонъ является какой-то необходимой принадлежностью каждой родившей женщины: «А не равно кто войдетъ въ избу и, не слыша стоновъ, подумаетъ: вотъ вѣдь родила, и хоть бы что. Ни одного стона... А этимъ, извѣстно, легко и сглазить».

Пуповину у ребенка въ большинствѣ случаевъ обрѣзываетъ какая-нибудь мѣстная старушенка, искусная во всякаго рода колдовствахъ и знахарствахъ. Отрѣзанную пуповину бросаютъ прямо во дворъ, въ уголъ, и рѣдко когда даютъ себѣ трудъ закопать ее въ навозъ.

«А зачѣмъ закапывать? спрашиваетъ кореляк.— Свинья все равно съѣстъ, долго валяться не будетъ... Свинья тоже для себя старается, ей вѣдь,—«веро»—обѣдъ будетъ»...

Самый пупокъ обвязываютъ волосами родильницы или прядями льна,

которыя были вплетены въ ея косы во время вѣнчанія, и только рѣдко-рѣдко когда простыми нитками. Завязать хорошо, удачно пупокъ считается большимъ мастерствомъ, и не каждая бабка возьмется за это дѣло. Часто случается такъ, что завязанный пупокъ снова развязывается, и ребенокъ истекаетъ кровью. «Когда родила я перваго ребенка, разсказывала одна корелка, пригласила «бабничать» (буабимаһъ) Вахрамѣевну. Тогда что еще знала?.. Ничего... Долго вѣрила тому, что ребенокъ выходитъ изъ пазухи... Ну, такъ вотъ и пригласила я эту Вахрамѣевну... Она у меня тутъ «бабничала», мыла ребенка, пупокъ обрѣзывала... Говорю ей: Вахрамѣевна, покажи-ка ребенка?. Какъ погляжу я, такъ пеленки у ребенка, что брусничнымъ сокомъ облиты, а самъ ребенокъ сталъ какъ бѣлая скатерть».

— И умеръ у тебя ребенокъ?..

«Какже... тѣмъ же днемъ и умеръ»...

Чрезъ нѣсколько дней, обыкновенно, выпадаетъ пупокъ, отрываясь по тому самому мѣсту, гдѣ былъ перевязанъ волосами или ниткой.

Пупокъ, по воззрѣніямъ кореляковъ, имѣетъ весьма важное значеніе для каждаго человѣка. Умъ человѣка находится въ таинственной тѣсной связи съ нимъ, а потому его не бросаютъ «зря» куда-попало, какъ пуповину, но прячутъ его въ особыя укромныя мѣста и тщательно хранятъ въ продолженіи всей жизни. Обыкновенно, его запихиваютъ подъ потолочную балку и строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь не крянулъ: «крянулъ пупъ ребенка, крянулъ его умъ, навѣкъ сдѣлалъ его несчастнымъ» (liikutid lapsen njaban, liikutid hänen milen, igäks asuid osatuoiks).

Окрестить ребенка — не слишкомъ-то торопится корелякъ, въ особенности если первый кое-какъ здоровъ и не внушаетъ опасности умереть съ часу на часъ. Проходитъ недѣли 3—4 или даже мѣсяцъ—другой, тутъ только онъ ѣдетъ за своимъ «pappi»—священникомъ и привозитъ его на домъ «lapsi, valatattai», т. е. буквально -облить ребенка. Крещеніе въ Корелѣ не считается за фактъ особенной важности, и совершается оно безъ всякой праздничности и торжественности. Часто семейные въ самый день крестинъ уходятъ въ лѣсъ на работы, и остаются дома только родители—отецъ и мать ребенка, но и они не присутствуютъ при самомъ обрядѣ крещенія: отецъ, чтобы отъ этого не сдѣлалось плаксивымъ дитя, а мать, потому что считается еще нечистой. Ребенка погружаютъ въ ушатъ или квашню, въ которой въ обычное время мясятъ тѣсто.

Кумъ и кума механически, безъ всякаго, смысла повторяютъ за священникомъ «символъ вѣры», слова отреченія отъ сатаны и дуютъ и плюютъ на прогоняемаго діавола. Когда ребенка погружаютъ въ купель,—обращаютъ

вниманіе на то, въ какомъ положеніи находится его тѣло: если ребенокъ выпрямился—значитъ скоро умретъ, а если скорчился, собрался въ комокъ—это вѣрный признакъ къ жизни... На шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ со множествомъ различныхъ амулетовъ, которые совершенно закрываютъ собою символическій знакъ христіанства. Между ними чаще всего встрѣчаются: ртуть (eläv artu—живая ртуть), зашитая въ холщевую тряпочку; она, по мнѣнію кореляковъ, охраняетъ тѣло отъ различныхъ накожныхъ сыпей; цвѣтъ ржи, который будто бы привлекаетъ къ ребенку симпатіи окружающихъ; медвѣжій коготь, чтобы ребенокъ не былъ боязливъ и робокъ; кусочекъ кожи съ вырѣзанной на немъ пятиконечной звѣздой, — отъ дѣйствій «paha»—нечистаго, и наконецъ, высушенная мошонка кастрированнаго кота, какъ предохраняющее средство отъ грыжи.

Мѣстомъ, гдѣ спитъ ребенокъ, служитъ колыбель—люлька, по корельски «кяткюдъ». Кяткюдъ дѣлается изъ осиноваго дерева и сшивается ивовыми прутьями. Въ ней вы не найдете ни одного гвоздика, ни винтика,—ничего, что бы напоминало о металлѣ. Она, обычно, деревяннымъ крюкомъ прицѣпляется къ «оцѣпу»—длинному березовому колу, воткнутому въ желѣзное кольцо подъ самымъ потолкомъ. «Кяткюдъ» виситъ на веревкахъ и можетъ раскачиваться въ двухъ направленіяхъ: сверху внизъ и изъ стороны въ сторону. Для удобства раскачиванія съ боку привязываютъ веревку въ формѣ петли. Въ эту-то петлю продѣвается нянькой нога, и люлька свободно, по желанію, раскачивается въ разныя стороны. И сидитъ себѣ за такой люлькой ветхая старушка въ роли няньки... Слезящіеся ея глаза не видятъ уже продѣть нитки въ ушко иглы, дрожащія руки то и дѣло спускаютъ со спицъ петли чулка... Куда она годится?.. Какую работу она можетъ исполнять?.. А пусть лучше сидитъ за люлькой и качаетъ ребенка... И убаюкиваетъ его она, день-деньской, напѣвая своимъ беззубымъ морщинистымъ ртомъ безконечныя пѣсенки:

Мяннъ, мяннъ мягелэ,
Тулинъ, тулинъ тойжелэ,
Тули кахту-колматту,
Тули Тійту вастаһъ...
Ой, сина̂ Тійту,
Суа сина калуа;
Синунъ лапсэдъ нялгяһъ куолтиһъ...
Тійту калуа эй суа
Тійтанъ лапсэдъ нялгяһъ куолтиһъ... [1])

---

[1]) Здѣсь мною приводится только отрывокъ пѣсни.

Не весела эта дѣтская пѣсенка какъ по напѣву, такъ и по содержанію. не радости и утѣхи сулятся въ ней подростающему ребенку, не счастливая доля рисуется въ ней заманчивыми чертами, а та же скудная корельская природа и тяжелая жизнь съ голодухами и нуждой.

Пошелъ я на гору,
Пришелъ на другую,
И повстрѣчался дорогой я съ Титомъ...
«Ой, Титъ, Титъ!
Иди рыбу ловить:
Вѣдь не то твои дѣти
Съ голоду умрутъ»...
Титъ рыбы не ловитъ,
Его дѣти съ голоду умираютъ...

Ограничиться однимъ простымъ устройствомъ люльки—опытный корелякъ считаетъ весьма недостаточнымъ. Убрать её, умѣло обращаться съ ней—опять нужно знаніе (tiedo) и ветхія старушонки и на этотъ разъ сохранили свои примѣты. Онѣ говорятъ, что самое лучшее въ люльку, подъ изголовье ребенка, положить «комель» отъ того вѣника, которымъ парилась мать ребенка въ первыя три бани послѣ родовъ. Многіе кладутъ туда же по кусочку обожженнаго камня и привязываютъ его къ комелю конопляниой ниткой, а нѣкоторые еще привѣшиваютъ сверху надъ ребенкомъ медвѣжій коготь. И вотъ, когда люлька снабжена такими предохранительными средствами, къ ребенку не можетъ пристать ничто худое. Если ребенка почему-либо снимутъ вонъ изъ люльки, послѣдняя не оставляется пустою: въ нее непремѣнно нужно положить вѣникъ или еще лучше сапоги матери. А оставь-ка такъ люльку, не замѣтишь вѣдь, какъ нечистый «paha» устроитъ какую ни-на-есть пакость: заберется въ люльку самъ или подложитъ въ нее свое паршивое дѣтище...

Не вынесутъ также ребенка изъ дому на улицу какъ-нибудь просто, безъ всякихъ примѣтъ. Опытная мать, выходя изъ избы, непремѣнно ужь мазнетъ мизинцемъ правой руки надъ устьемъ печи и сдѣлаетъ сажей знакъ—пятнышко на лбу или за ухомъ ребенка,—это необходимо, чтобы не сглазилось дитя.

Кормится ребенокъ на первыхъ порахъ молокомъ матери. Подавая грудь, мать должна взять ее всей рукой, а захвати-ка почему-либо она двумя или тремя пальцами, значитъ она не желаетъ полнаго счастія своему ребенку.

Но какая-такая найдется мать, которая не пожелала бы полнаго счастья своему родному дитяти?! Она не только сама желаетъ этого всѣмъ своимъ существомъ, но постарается, чтобы и отецъ любилъ его и заботился о немъ. А сдѣлать это, по мнѣнію корела, очень легко. Стоитъ только новорожденнаго тотчасъ послѣ родовъ завернуть въ отцовскую рубаху, и всѣ симпатіи послѣдняго перейдутъ на ребенка. И эта примѣта строго исполняется даже и въ томъ случаѣ, когда роды происходятъ въ лѣсу, во время самой работы. Отецъ ребенка съ пресерьезнымъ видомъ снимаетъ съ себя рубаху и отдаетъ ее въ пеленки своему дѣтищу, а самъ или остается нагимъ, или натягиваетъ свой зудящій кафтанъ на голое тѣло.

Такъ ребенокъ (какъ я уже сказалъ) на первыхъ порахъ кормится грудью своей матери. Но такая пища не всегда можетъ быть предлагаема аккуратно. Мать на 3-й или 4-й день послѣ родовъ уже считается совершенно здоровой и волей-неволей должна участвовать во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Ребенокъ остается дома, а мать уходитъ въ лѣсъ на цѣлый день, а иногда (и это очень часто) и на цѣлую недѣлю—«yö kunsih», съ ранняго утра понедѣльника и до поздняго вечера субботы, и во весь этотъ долгій промежутокъ она ни разу не имѣетъ возможности навѣстить его. Чѣмъ же тогда кормятъ ребенка? Кормятъ всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками. Поятъ коровьимъ молокомъ, кормятъ ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, толокняной кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ,—словомъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ питаться невзыскательная утроба взрослаго кореляка.

Безъ сомнѣнія, конечно, такая пища вредно дѣйствуетъ на нѣжную организацію ребенка: ребенокъ хирѣетъ, худѣетъ и становится «въ чемъ душа». Изъ раскачивающейся люльки только и слышится рѣзкій пискъ ребенка голоднаго, страдающаго хроническимъ разстройствомъ желудка. Но нянькѣ до этого очень мало дѣла. Она знаетъ свою обязанность—раскачивать ногой люльку изъ стороны въ сторону и, въ случаѣ только сильнаго, очень сильнаго плача втыкаетъ въ ротъ соску, чтобы чѣмъ-нибудь хоть угомонить неспокойнаго крикуна. «Да задавись хоть на минуту,а то всѣ уши сквозь прокричалъ... У... «Pahemätöi—негодный». Ребенокъ чуть не захлебывается молокомъ, неожиданно вливающимся въ его кричащую глотку. На минуту другую замолкаетъ и опять снова начинаетъ кричать съ удвоенной силой.

И болѣетъ же однако корельское дитя, чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Не даромъ и не безъ мукъ онъ, бѣдняга, завоевываетъ себѣ право существованія среди угрюмой, непривѣтливой сѣверной природы. На первыхъ же порахъ корельское дитя счи-

таетъ какимъ-то долгомъ заболѣть отъ «дурнаго глаза» (paha silme), призору, «съ вѣтру» (tuules), «съ лѣсу» (мечясъ), отъ воды (водэсъ) и отъ всевозможныхъ дѣйствій «paha» (нечистаго), который почему-то сильно возненавидѣлъ безпомощнаго кореляка. Болѣетъ ребенокъ, плачетъ, худѣетъ, не спитъ по ночамъ и причиняетъ массу безпокойства бѣдной матери, умаявшейся за день за тяжелой каторжной работой сѣверянина. Что же тогда предпринимаютъ родители и, въ частности, мать, когда ихъ дитя мучится, не знаетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью? Есть множество примѣтъ и средствъ, которыя постепенно изобрѣтала многовѣковая жизненная борьба среди этой суровой сѣверной природы,—средствъ, помогающихъ, по мнѣнію корела, во всякихъ болѣзняхъ и нездоровьяхъ.

Сглазилось, примѣрно, дитя, его несутъ въ жарко натопленную баню и продѣлываютъ надъ нимъ всевозможныя манипуляціи: парятъ, мѣряютъ, обливаютъ водой, повертываютъ внизъ головой подъ банной матицей, просовываютъ межъ ноги матери и многое множество другихъ средствъ. Обыкновенно, повертываніе внизъ головой подъ банной матицей происходитъ такимъ образомъ. Вымывъ и выпаривъ ребенка на жаркомъ полкѣ, мать или бабка беретъ его за ноги и буквально повертываетъ внизъ головой такъ, чтобы онъ пятками могъ коснуться саженной банной матицы. «Спи, произноситъ при этомъ бабка, спи, какъ матица, не знай ни приходящихъ (въ избу), ни уходящихъ» (магада ку кӧлюнъ селге, ӓлӓ тіедӓ ни туліядъ, ни мӓніядъ). И такую эквилибристическую штуку, которая была бы въ пору любому аккробату, заставляютъ ребенка продѣлывать до трехъ разъ.

Заболѣлъ ли ребенокъ съ вѣтру, его кладутъ въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ,—«пусть молъ, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь, какъ рукой сниметъ». Спризорилось ли дитя, его обдаютъ водой, приготовленной особымъ образомъ. Приносятъ съ рѣки или озера воду, которую разбавляютъ въ три горшка. Водой перваго горшка моютъ иконы, втораго столъ (только углы его), а водою третьяго оконныя стеклы и дверную скобку. Этой-то водой и обливаютъ ребенка сквозь рѣшето подъ дымовымъ отверстіемъ трубы. Не заспитъ ли почему-либо ребенокъ по ночамъ, то и противъ этого есть средство, которое, по мнѣнію кореловъ, очень хорошо, помогаетъ. Къ люлькѣ ребенка, если то будетъ мальчикъ, привязываютъ сѣть, только что начатую вязать. Если же дитя женскаго пола, то кладутъ прялку съ пучкомъ льна и воткнутымъ веретеномъ,—пусть, молъ, «йӧнъ иткеттӓй» —ночью заставляющій плакать ребенка,—пусть-молъ занимается работой и не мѣшаетъ младенцу спать. Хорошо также помогаетъ въ этомъ случаѣ, если на окнахъ и на порогѣ

дверей разставить ножи остріемъ вверхъ: «тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побоится, и ребенокъ будетъ спать хорошо».

Всякая почти вещь изъ домашняго обихода въ умѣлыхъ рукахъ можетъ при случаѣ помочь болящему ребенку; даже и грязные отцовскіе порты могутъ иногда сослужить большую службу. Стоитъ только привѣсить ихъ къ люлькѣ, и ужъ не сглазится тотъ ребенокъ ни какими силами. А если ту же часть мужскаго костюма повѣсить на ночь надъ дверями, то самый безпокойный ребенокъ, увѣряетъ васъ кореляк, будетъ спать, какъ мертвецъ. Чаще всего корелякъ въ случаѣ болѣзни дитяти прибѣгаетъ къ «мѣрянью» — «пидäвъ лапси міёрäтä». Не спалъ ребенокъ спокойно ночью, испражняется ли часто подъ себя, или просто свпризорился—его непремѣнно «мѣряютъ». - Самый процессъ мѣрянья происходитъ такимъ образомъ. Мѣряющая мать или старая бабка садится на порогъ лицомъ на избу и кладетъ ребенка себѣ на колѣни, животомъ внизъ, головой налѣво, а ногами направо. Затѣмъ беретъ правую его руку и лѣвую ногу и соединяетъ ихъ за спиной ребенка, отплевываясь въ тоже время чрезъ лѣвое плечо. Потомъ такимъ же точно образомъ беретъ лѣвую руку и соединяетъ съ правой ногой и отплевывается черезъ плечо. И такъ продѣлываетъ до трехъ разъ.

Но всѣ эти болѣзни, о которыхъ сейчасъ только говорили, все это еще чистые пустяки, вздоръ сравнительно съ одной, которая ежегодно по веснамъ откуда-то, Богъ вѣсть, заносится въ Олонецкую корелу. Нежеланная гостья эта—оспа, настоящее горе сѣверныхъ селъ и деревень. И представьте себѣ лѣсную деревеньку, пріютившуюся гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на берегу излучистаго озера. Жизнь обитателей идетъ смирно, спокойно за обычными работами, съ которыми сроднился вѣками Олонецкій корелъ. Ледъ на озерѣ тронулся; съ горъ потекли съ веселымъ журчаньемъ ручейки; на ивахъ показались мохнатыя почки. Въ воздухѣ потянуло тѣмъ тонкимъ ароматомъ весны, который и здѣсь на труженика корела оказываетъ благотворное вліяніе, хочется работать, хочется съ удвоенной энергіей пахать неблагодарную мать сыру землю, вырубать густые лѣса и дѣлать пожоги. Но вдругъ, неожиданно, среди одного изъ такихъ яркихъ теплыхъ дней, какъ молнія, проносится ужасная вѣсть: оспа въ деревнѣ. Останавливается сразу обычное теченіе жизни; все повертывается вверхъ дномъ и происходитъ невообразимая суматолока—паника, которую живя здѣсь, (въ городѣ), невозможно и представить. Въ каждомъ домѣ лежитъ больной, сильно разметавшись въ горячечномъ состояніи. Родители стоятъ около постели больнаго, предупреждая его малѣйшія желанія, и сами не знаютъ за что взяться, за что ухватиться, откуда ждать помощи. И это сознаніе,—сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности въ конецъ

парализируетъ медлительнаго отъ природы кореляка и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?.. Ѣхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможетъ ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка»—«Нюмаланъ рубя», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства,—или отнести больнаго въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больнаго, упрашивать, чтобы дорогая гостья оспа смилостивилась, кротко обошлась бы съ больнымъ, не попортила бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала бы на вѣкъ калѣкой... И оба средства стоятъ одно другаго: первое, отличаясь какою-то неразумною дикостью, а другое отчаяніемъ, равнаго которому не скоро и сыщешь.

Но (вообразимъ лучшее) кончилась благополучно оспа, пронесъ Богъ счастливо нежеланную гостью; у ребенка постепенно начинаютъ крѣпнуть ножки, его языкъ, хотя еще шепелявитъ и картавитъ, но довольно сносно справляется съ словами и фразами, и присмотръ за корельскимъ ребенкомъ почти кончается. Дѣлай теперь онъ, что хочетъ, бѣгай по улицѣ вволю,—все это разрѣшается ему, пока семьѣ не потребуется его трудъ, пока его самого не запрягутъ вмѣстѣ съ сивкой въ соху и не заставятъ тянуть ее во всю жизнь до самой смерти.

Н. Лѣсковъ.

Примѣч. редакціи. Печальная картина этого полуязыческаго мрака и полной безпомощности Олонецкой корелы, столь недалекой отъ Петербурга, должна бы заставить призадуматься и общество и администрацію. Конечно экономическое развитіе населенія, хорошіе пути сообщенія, увеличеніе числа добросовѣстныхъ врачей, фельдшеровъ и акушерокъ могутъ и должны поднять внѣшнее благосостояніе этой несчастной корелы, но нужно подумать и объ удовлетвореніи ея первыхъ духовныхъ потребностей. Вывести бѣдныхъ кореляковъ изъ ихъ полуязычества можно единственно лишь систематическимъ назначеніемъ въ корельскіе приходы священниковъ и псаломщиковъ исключительно изъ кореляковъ, не стыдящихся своего происхожденія, напротивъ горячо любящихъ свой народный языкъ и свою народность, заведеніемъ возможно большаго количества школъ и церковно-приходскихъ и народныхъ, земскихъ, съ учителями опять таки изъ природныхъ корелъ, или отлично знающихъ языкъ корельскій, нужно поставить какъ можно лучше преподаваніе корельскаго языка въ Петрозаводской духовной семинаріи, равно какъ и въ той учительской семинаріи, которая должна приготовлять учителей для корельскихъ волостей Олонецкой губерніи, пересмотрѣть—и дополнить чего не достаетъ,—всѣ имѣющіеся переводы на корельскій языкъ богослужебныхъ книгъ, Евангелія... Въ этомъ отношеніи истинно-великая дѣятельность покойнаго Ильминскаго должна служить свѣтлымъ образцомъ всего нашего учебнаго вѣдомства всѣхъ краевъ Россіи, гдѣ есть инородцы...

Этнографія, этнологія не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно празднымъ собираніемъ и нанизываніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдовъ и остатковъ матріархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологіи. Задача эт-

нографіи и этнологіи состоитъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи народовѣдѣніе (этнографія и этнологія) имѣетъ великое значеніе и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ. Такъ не несчастіе и не бѣдствіе, а великое благо и богатство наше заключается въ этомъ изобиліи разныхъ инородцевъ, разсѣянныхъ по Россіи и внутри и на окраинахъ. Чѣмъ численнѣе извѣстный историческій народъ,—т. е. національность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу,—и чѣмъ болѣе этотъ народъ въ предѣлахъ своей государственной территоріи имѣетъ инородческихъ элементовъ, чѣмъ они разнообразнѣе и разнороднѣе между собою, тѣмъ оно благопріятнѣе и плодотворнѣе для гражданственности и образованности этой національности. При такомъ выгодномъ процентномъ отношеніи главнаго національнаго элемента (славянскаго, и въ немъ общерусскаго, а въ послѣднемъ великорусскаго) ко всѣмъ прочимъ инородческимъ, неславянскимъ, а часто и нехристіанскимъ, вообще самымъ разнороднымъ элементамъ, какое имѣется въ Россіи, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ опасеній за упадокъ преобладающаго значенія русскаго языка въ Россіи: чѣмъ болѣе будутъ просвѣщаться и развиваться наши разнообразные инородцы, тѣмъ болѣе, при всемъ ревнивомъ охраненіи своей народности, они будутъ нуждаться въ русскомъ языкѣ, въ русской книгѣ и принимать дѣятельное участіе въ общей русской государственной и культурной жизни. Это участіе ихъ тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ оно будетъ свободнѣе и охотнѣе, чѣмъ болѣе главный русскій національный элементъ будетъ доставлять убѣдительныхъ и наглядныхъ доказательствъ своего безкорыстнаго, вполнѣ искренняго и дружелюбнаго расположенія ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ инородческимъ элементамъ.

И съ точки зрѣнія историко-этнографической и съ точки зрѣнія государственнаго права сильно ошибаются, когда уподобляютъ, въ вопросѣ народностей, Россію, на примѣръ, Австро-Венгріи. Тамъ не одинъ, а два главныхъ руководящихъ національныхъ элемента: нѣмецкій и мадьярскій, да и процентное и политическое и культурное отношеніе нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніи къ элементамъ славянскимъ и итальянскому (въ Тиролѣ) и мадьярскаго въ Транслейтаніи къ элементамъ славянскимъ и румынскому неизбѣжно наконецъ должно привести къ значительному ослабленію Нѣмцевъ въ Цислейтаніи и Мадьяръ въ Транслейтаніи въ пользу Славянъ и Итальянцевъ въ одной и Славянъ и Румынъ въ другой.

При справедливо ожидаемомъ въ будущемъ экономическомъ и культурномъ ростѣ Россіи, никакія силы въ мірѣ не могутъ помѣшать широкому, въ ближайшія 50—100 лѣтъ, распространенію русскаго литературнаго языка внѣ предѣловъ Россіи, такъ что если не къ концу перваго, то несомнѣнно къ концу втораго полувѣка онъ станетъ мало по малу общимъ органомъ разумѣнія во взаимныхъ сношеніяхъ различныхъ Австро-Венгерскихъ народностей между собой, такъ какъ Мадьяру въ Транслейтаніи, а Нѣмцу въ Цислейтаніи будетъ несравненно легче овладѣть въ совершенствѣ однимъ, чѣмъ двумя, тремя славянскими языками (чешскимъ, польскимъ, сербохорватскимъ). Къ тому же русскимъ языкомъ въ Россіи будетъ говорить въ то время свыше 200, 300 милліоновъ людей, и знаніе его можетъ только служить чрезвычайному развитію всякаго рода сношеній западной Европы съ Россіею и съ прилегающими къ ней краями азіатскими. Между тѣмъ, соображая прошлое и настоящее, можно съ увѣренностью утверждать, что 1) Нѣмцы въ Цислейтаніи и Мадьяры въ Транслейтаніи не въ силахъ уже надолго удержать свое нынѣшнее преобладаніе надъ Славянами и Итальянцами въ одной и надъ Славянами и Румынами въ другой части Австро-Венгріи; 2) ни одинъ изъ славянскихъ языковъ, ни болгарскій, ни сербо-хорватскій, ни словѣнскій, ни польскій, ни чешскій, ни словенскій, т. е. словацкій, ни серболужицкій, словомъ ни одинъ славянскій, за исключеніемъ русскаго, ни въ ближайшемъ настоящемъ, ни въ далекомъ будущемъ не можетъ достичь значенія языка общеславянскаго и 3) знанію рус-

скаго языка предстоитъ еще самое широкое распространеніе въ Европѣ, въ Азіи, въ Америкѣ, между Германцами, Романцами и Славянами, а затѣмъ и въ остальномъ мірѣ.

Несходство, въ этомъ отношеніи, Россіи съ Австро-Венгріею раскрывается еще въ томъ, что нѣмецкая государственная стихія въ Австріи оказалась уже совершенно безсильною относительно такъ называемаго историческаго государственнаго права Мадьяръ и уже обнаруживаетъ большія колебанія по отношенію такого же историческаго права Чехіи и Поляковъ; наконецъ съ разрѣшеніемъ такъ или иначе боснійско-герцеговинскаго вопроса (вѣчно въ нынѣшнемъ положеніи онъ оставаться не можетъ) нѣмецкая государственная стихія Австріи станетъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о присоединеніи Далмаціи [1]) къ Хорватіи и Славоніи и вообще съ очень мудренымъ вопросомъ сербохорватскимъ. Послѣ долгаго сопротивленія, нѣмецко-австрійскій элементъ какъ будто вынужденъ согласиться на введеніе славянскаго богослуженія (съ глаголическими книгами) въ Загребскомъ діоцезѣ. Это уже будетъ большой ударъ для распространенія нѣмецкой католической культуры на славянскомъ югѣ, хотя это введеніе въ значительной степени и направлено противъ сербовъ православныхъ, но оно ожидаемаго успѣха теперь уже имѣть не можетъ,—окатоличить Риму и Австріи Сербовъ уже не удастся,—у Славянъ же католиковъ со славянскимъ богослуженіемъ, гдѣ позже, гдѣ раньше, непремѣнно поднимутся вопросы объ уничтоженіи обязательнаго целибата бѣлаго духовенства, о введеніи чаши для мірянъ въ св. таинствѣ причащенія, о наибольшей независимости мѣстнаго епископата отъ Рима и т. д.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ стоитъ въ Россіи главный русскій элементъ къ разнымъ историческимъ притязаніямъ своихъ инородцевъ: балтійскихъ Нѣмцевъ, привислинскихъ Поляковъ (съ ихъ идеею возстановленія старой Рѣчи Посполитой отъ моря до моря, съ Литвою и Малою и Бѣлою Русью), Армянъ, казанскихъ, астраханскихъ и сибирскихъ Татаръ съ ихъ воспоминаніями о прежнихъ царствахъ... Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, безъ вниманія, имѣетъ ли она свои привилегированныя сословія, свою развитую старую культуру, или не имѣетъ, главный русскій элементъ можетъ и долженъ спокойно признавать права родныхъ языковъ въ ихъ богослуженіяхъ и религіозныхъ поученіяхъ, въ народной школѣ (чѣмъ культурнѣе народъ и край, тѣмъ легче можно вводить и обязательное обученіе русской грамотѣ и языку, а не преподаваніе въ народной школѣ на русскомъ языкѣ), само собой, въ семьѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ театрахъ и въ литературѣ. За исключеніемъ же Финляндіи, гдѣ преобладаетъ почти однородное населеніе, во всѣхъ другихъ краяхъ Россіи, гдѣ по смѣшанности населенія, напр. въ Польскомъ краѣ, съ его множествомъ Евреевъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ и Русскихъ, или въ юго-восточныхъ краяхъ Имперіи, гдѣ, сверхъ смѣси нарѣчій, и самые языки недостаточно культурны, всѣ среднія и высшія училища казенныя или хотя бы частныя, но съ государственными правами, могутъ быть только или вполнѣ или преимущественно русскими [2]). Вообще же въ Россіи, не какъ въ Австро-Венгріи, а какъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, въ сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, есть и можетъ быть только одинъ языкъ государственный, національный. Въ Россіи есть различныя народности съ различными народными языками, а иногда и съ областными автономными правами, но строго говоря одна только политическая національность и одинъ лишь націо-

[1]) Когда же Далмація соединится съ Хорватіею, то во флотѣ австрійскомъ уже нельзя будетъ удержать языка нѣмецкаго.

[2]) Какъ я уже однажды писалъ, въ среднихъ польскихъ училищахъ и въ Варшавскомъ университетѣ слѣдуетъ допустить или ввести необязательное преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, сверхъ закона Божьяго, на польскомъ языкѣ, напр. польскаго языка, литературы, исторіи Польши. Желательно наконецъ въ интересахъ справедливости,—слѣдовательно строго государственныхъ,—и въ интересахъ просвѣщенія—образованіе польской археографической коммиссіи въ Варшавѣ для изданія источниковъ и памятниковъ польской исторіи, языка, литературы, церкви, искусства, права.

нальный языкъ. И эта національность и этотъ національный языкъ—единственная славянская національность и единственный въ мірѣ славянскій языкъ съ правами на значеніе не только общеславянскаго, но и міроваго языка.

Такимъ образомъ невозможное въ Австро-Венгріи примиреніе христіанскихъ, гуманныхъ началъ благоволенія и уваженія ко всѣмъ народнымъ разновидностямъ съ интересами государственнаго единства вполнѣ возможно и легко можетъ быть примѣнено въ Россіи. Полное осуществленіе этого идеальнаго, чисто-христіанскаго требованія въ высшей степени желательно для Россіи и можетъ быть для нея только плодотворно въ отношеніяхъ государственномъ и культурномъ [1]). Неизбѣжно ведя искусственный австро-венгерскій конгломератъ къ естественному разложенію и распаденію, оно будетъ только тѣснѣе связывать и крѣпче сплачивать разнородныя части и дальнія окраины Россіи съ ея главнымъ русскимъ ядромъ или тѣломъ.

Мы не смѣемъ сомнѣваться, что приведенное выше требованіе начала истиннаго благоволенія и справедливости ко всѣмъ безъ различія инородческимъ элементамъ нашимъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ станетъ у насъ въ Россіи общесознанною необходимостью. Всякое дружное стремленіе къ новому частному примѣненію высокихъ христіанскихъ началъ и идеи правды возвышаетъ характеры, поднимаетъ общественный духъ и строй, а возвышеніе и усиленіе общественной нравственности, всякое торжество христіанскихъ началъ въ жизни общественной и государственной только служатъ къ укрѣпленію здороваго государственнаго порядка. Не пренебреженію ли и не нарушенію ли этихъ началъ обязано появленіе и развитіе анархизма съ его бомбами въ современной Европѣ?

Рѣшительное отрицаніе возстановленія исторической Польши (такое отрицаніе тѣмъ естественнѣе и обязательнѣе для насъ, что историческая Польша есть отрицаніе единства русскаго народа,—къ тому же это возстановленіе совершенно неисполнимо, невозможно) и полное признаніе съ нашей стороны этнографической Польши, какъ одной изъ славянскихъ разновидностей, рано или поздно примиритъ съ Россіею огромное большинство всѣхъ Поляковъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ. Только въ связи съ единственнымъ великимъ славянскимъ государствомъ можетъ обезпеченно жить и мирно развиваться польская народность. Безъ промышленности ей нѣтъ будущаго, а польская промышленность никогда не достигнетъ широкаго развитія ни въ Пруссіи, ни въ Австро-Венгріи. Только въ Россіи и съ Россіею можетъ преуспѣвать промышленность польская и завоевывать себѣ новые рынки въ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ Азіи.

Русскому народовѣдѣнію по изученію всѣхъ русскихъ инородцевъ предстоитъ огромное поприще и громадное будущее: антропологія, лингвистика, филологія, исторія въ самомъ широкомъ объемѣ—этнологическая (или историческая этнологія), церковная, политическая, исторія права, искусствъ, литературы и пр. и пр.,—художества изобразительныя, музыка, поэзія пріобрѣтутъ громадный запасъ новыхъ данныхъ, новые кругозоры, методы и пріемы, несказанно такимъ образомъ обогатятъ русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность. Но для успѣховъ русскаго народовѣдѣнія необходимо намъ въ себѣ воспитать любовное вниманіе и уваженіе ко всѣмъ инородцамъ безъ различія, какъ бы иные изъ нихъ ни стояли низко на ступеняхъ культурнаго развитія. Нужно, чтобъ у всѣхъ у нихъ была своя грамотность, свое духовенство, свои народные учителя, отлично знающіе ихъ языки. И никогда не надо забывать, что одни собственно русскіе ученые, безъ помощи и предварительныхъ работъ мѣстныхъ уро-

---

[1]) Для того конечно надо подумать не объ однихъ русскихъ губерніяхъ съ многочисленнымъ дворянствомъ, но и о совершенно запущенномъ нашемъ европейскомъ сѣверѣ: губерніяхъ Олонецкой, Вологодской, Архангельской, цѣлыхъ уѣздахъ Новгородской, столь бѣдныхъ хорошими путями сообщеній, медицинскою помощью, духовенствомъ и всякими образовательными средствами—какая скудость народныхъ и среднихъ школъ и ни одного высшаго, хотя бы какого нибудь спеціально-техническаго, морскаго, комерческаго - для такого даровитаго населенія.

женцевъ, природныхъ знатоковъ и наблюдателей, въ этомъ отношеніи немного могутъ сдѣлать. Только когда завяжутся и укрѣпятся искреннія дружественныя сношенія великихъ и малыхъ центровъ русской образованности съ самыми глухими углами, захолустьями и окраинами русскаго инородческаго міра, когда тамъ на пріѣзжаго русскаго будутъ смотрѣть не какъ на носителя часто непонятныхъ приказаній или сборщика всякихъ правыхъ и неправыхъ податей и даней, но какъ на благожелательнаго согражданина и друга, можно и должно ожидать крупныхъ успѣховъ русскаго народовѣдѣнія по части изученія русскихъ инородцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и столь желательнаго внѣшняго и внутренняго ихъ развитія, распространенія между самыми отсталыми изъ нихъ грамотности и образованія и появленія изъ ихъ среды даровитыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, вполнѣ преданныхъ русскому отечеству.

Есть одно обстоятельство, на которое нельзя перестать указывать, когда идетъ рѣчь объ инородческомъ вопросѣ въ Россіи и тѣсно всегда съ нимъ связанномъ русскомъ просвѣщеніи. Есть одна у насъ великая преграда развитію русской науки, образованности и достиженію того мѣста и значенія, какое русскому языку подобаетъ, по историческому и міровому положенію русскаго государства и по дарованіямъ русскаго народа. Пока одно изъ нашихъ крупныхъ государственныхъ ученыхъ учрежденій будетъ съ достойнымъ сожалѣнія упорствомъ продолжать печатать труды своихъ членовъ и постороннихъ ученыхъ на нѣмецкомъ языкѣ, до тѣхъ поръ каждый русскій инородецъ въ правѣ говорить русскимъ и всякій нѣмецъ и мадьяръ австрійскимъ славянамъ: «оставьте, господа, ваши толки о русскомъ языкѣ и народѣ, какъ о величинахъ историческихъ, міровыхъ. Русскіе сами у себя дома непризнаютъ за русскимъ языкомъ права и возможности служить органомъ высшаго знанія. Первое ихъ офиціальное ученое учрежденіе считаетъ невозможнымъ обходиться безъ нѣмецкаго языка при изданіи своихъ бюллетеней и мемуаровъ. Такимъ образомъ и въ славянской Россіи славянскій т. е. русскій элементъ пригнетается, подчиненъ нѣмецкому, одному изъ инородческихъ элементовъ въ Россіи, уже лѣтъ сто слишкомъ облюбованному, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, Петербургомъ, хотя этого петербургскаго пристрастія, вполнѣ впрочемъ понимая его причины, Россія никогда не раздѣляла и раздѣлять не можетъ. Не смѣшно ли, говорятъ Остзейскіе нѣмцы, вы выводите нѣмецкій языкъ изъ Дерптскаго университета, Дерптъ переименовываете въ Юрьевъ, а сама ваша Академія Наукъ, высшее центральное ученое учрежденіе, по большинству членовъ уже русская, продолжаетъ строго держаться нѣмецкаго языка въ своихъ изданіяхъ».

Со всѣми этими возраженіями нельзя не согласиться. Если въ самомъ дѣлѣ такъ нужны нѣмецкія академическія изданія, то почему бы не обратить и всѣ наши университеты въ нѣмецкіе и всѣ наши ученыя общества не заставить печатать свои труды по нѣмецки?

Мы знаемъ, что даже нѣкоторые академики изъ русскихъ настаиваютъ на необходимости изданія на казенный счетъ своихъ трудовъ по нѣмецки, иначе, молъ, дѣлаемыя русскими учеными открытія остаются Европѣ неизвѣстными.

Это слово открытіе слишкомъ громкое слово. Истинныя открытія дѣлаются рѣдко да и не всегда академиками и черезъ академіи, разумѣемъ и не одну нашу, а всѣ въ мірѣ. Довольно если употребимъ тутъ слово находка или новое наблюденіе. Особеннаго несчастія для науки, человѣчества произойти не можетъ, если напечатанное въ русскомъ изданіи какое нибудь ботаническое изслѣдованіе станетъ извѣстнымъ за границею нѣсколькими недѣлями или мѣсяцами позже. Во многихъ наукахъ и даже вѣроятно во всѣхъ бывало, бываетъ и будетъ еще не разъ, что иное замѣчательное изслѣдованіе, напечатанное на любомъ изъ самыхъ распространенныхъ языковъ, по годамъ оставляется безъ вниманія, проходитъ незамѣченнымъ. И такіе случаи часто повторяются съ трудами оригинальными особенно не успѣвшихъ еще пріобрѣсть себѣ громкой репутаціи молодыхъ ученыхъ или ученыхъ и не молодыхъ, но не привыкшихъ прибѣгать ни къ какимъ рекламамъ. Наши академики имѣютъ уже и то преимущество передъ остальными русскими учеными, что у нихъ всегда въ распоря-

женія казенная типографія и бумага. Остальнымъ не мало приходится хлопотать о средствахъ и о мѣстѣ напечатанія своихъ работъ. Теперь благодаря Бога не только съ каждымъ десятилѣтіемъ, но можно сказать съ каждымъ пятилѣтіемъ прибываетъ у насъ число способныхъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Почему же ихъ изслѣдованія всегда менѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ труды академиковъ или тѣхъ, кого они академіи представляютъ? И отчего государство должно отпускать суммы на переводы съ русскаго на иностранные языки для однихъ ученыхъ, а для другихъ нѣтъ. Въ Европѣ не немногіе русскіе ученые и писатели пользуются извѣстностью, часто очень широкою, а между тѣмъ ни они сами, ни государство шагу не дѣлали о переводѣ ихъ на языки иностранные: Пушкина, Гоголя, Толстаго, Достоевскаго иностранцамъ понимать гораздо труднѣе, чѣмъ труды русскихъ географовъ, математиковъ, натуралистовъ и пр. и пр. Однако въ Европѣ на разныхъ языкахъ выходятъ переводы нашихъ поэтовъ, романистовъ и цѣликомъ или въ извлеченіяхъ изслѣдованій разныхъ русскихъ ученыхъ безъ всякаго посредства, рекомендаціи или покровительства нашей Академіи. Число образованныхъ и ученыхъ людей въ Европѣ со знаніемъ русскаго языка не такъ уже мало, чтобы въ спеціальныхъ европейскихъ журналахъ не могли являться, да и являются сообщенія о русскихъ книгахъ или статьяхъ. На западѣ пребываетъ постоянно значительное количество русскихъ подданныхъ, настоящихъ или бывшихъ, изъ природныхъ русскихъ, евреевъ, нѣмцевъ, поляковъ, людей образованныхъ и спеціалистовъ, живущихъ литературнымъ трудомъ. Наконецъ состоящіе же при Академіи или нанимаемые въ Петербургѣ нашими академиками переводчики могли бы получать такіе же заказы изъ Европы для передачи ей всѣхъ открытій нашихъ академиковъ и вообще сотрудниковъ академическихъ бюллетеней и мемуаровъ. Пусть даже Академія, если ужъ такъ нужно, даетъ на руки академиковъ или излюбленныхъ ею ученыхъ средства на переводы и на изданіе ихъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ, но пусть такія изданія носятъ частный характеръ. Русскому государственному ученому учрежденію просто не прилично печатать оффиціальныя свои изданія на языкѣ нѣмецкомъ, ибо тѣмъ унижается честь и достоинство русскаго языка и народа. Теперь ясно это уже не немногимъ, а вскорѣ будетъ понятно и массамъ. Россіи отъ того пользы мало, что Академія состоитъ изъ русскихъ членовъ. Нужно, чтобы она непосредственно подымала и достойно представляла высшее русское знаніе. Наука—великая сила, и русское государство можетъ и должно тратить на нее большія деньги на честь и славу, на обогащеніе и возвеличеніе русской литературы, русскаго языка, а не языка нѣмецкаго. По историческимъ судьбамъ нѣмецкій языкъ есть языкъ:—1) великаго сосѣдняго намъ высококультурнаго пятидесятимилліоннаго народа, несравненно болѣе насъ богатаго, имѣющаго свою имперію, свои государства, которыя давно заботятся о процвѣтаніи родной литературы и науки. 2) великой сосѣдней намъ военной державы, главы Тройственнаго Союза, 3) родной языкъ одной изъ нашихъ инородческихъ стихій, наиболѣе нуждающихся въ вольномъ и невольномъ признаніи за русскимъ языкомъ значенія культурнаго и государственнаго. 4) языкъ старыхъ притѣснителей и угнетателей значительной части соплеменнаго намъ Славянства, гдѣ русскій языкъ призванъ постепенно расшатывать и вытѣснять господство и преобладаніе языка нѣмецкаго. Нѣмецкія же изданія на русскія деньги служатъ важнѣйшимъ препятствіемъ такому желанному для Россіи распространенію русскаго языка среди родственныхъ ей Славянъ, наносятъ тяжкія раны русскому самосознанію, стѣсняютъ его развитіе, роняютъ нравственный авторитетъ русскаго языка и народа передъ нашими инородцами, западными славянами, мадьярами, нѣмцами и пр., наконецъ питаютъ и поддерживаютъ въ Россіи, къ несчастію, слишкомъ у насъ и безъ того закоренѣлое, предубѣжденіе и неуваженіе къ русской мысли и литературѣ во всемъ ея широкомъ значеніи.

Изъ года въ годъ [1]).

(Описаніе круговорота крестьянской жизни въ с. Усть-Ницынскомъ Тюменскаго округа).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Село Усть-Ницы, какъ показываетъ самое названіе, лежитъ при устьѣ рѣки Ницы на правомъ берегу ея при впаденіи въ р. Туру. Оно находится въ 73 верстахъ отъ уѣзднаго города Тюмени по почтовому тракту Тюмень—Туринскъ и почти на серединѣ торговаго Тюмень—Ирбитъ. Ежегодно р. Ница разливается, выходя изъ береговъ: поэтому селеніе стоитъ не на самомъ берегу, а подальше отъ него саженъ на 100. Въ концѣ Апрѣля мѣсяца р. Ница бываетъ судоходной. Въ это время перевозятся товары изъ Ирбита въ Тюмень, закупленные во время Ирбитской ярмарки. Вода въ Ницѣ проточная, чистая и употребляется жителями въ пищу. Впрочемъ для этой же цѣли, хотя и въ меньшей степени, служитъ «прудъ». Этотъ прудъ устроенъ на рѣчкѣ, которая въ верхнемъ теченіи называется Тарасовкой, а ниже пруда—Графовкой (отъ слова Евграфъ). Вода въ прудѣ стоячая, гнилая и для питья положительно не годная, хотя ближайшими жителями и употребляется для этой цѣли.

Село занимаетъ площадь земли, ограниченную съ одной стороны рѣками Ницой и Турой, а съ трехъ другихъ сторонъ отгороженную отъ полей «ого-

---

[1]) Примѣч. ред. Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитаго автора—приносимъ ему за его сообщенія глубокую нашу благодарность—будетъ безъ сомнѣнія прочтена читателями „Живой Старины" съ живѣйшимъ интересомъ. Многоуважаемый авторъ приложилъ къ ней много рисунковъ. Къ великому сожалѣнію —да проститъ онъ меня великодушно—онъ рисуетъ совсѣмъ не такъ, какъ пишетъ. Его рисунки прямо напечатаны быть не могутъ. Ихъ надо было перерисовать, но художникъ взявшійся за это дѣло, не могъ все воспроизвести, ибо многаго совсѣмъ не понялъ.—Вообще редакція признаетъ необходимость рисунковъ, но къ сожалѣнію она будетъ въ состояніи прилагать ихъ ко многимъ статьямъ или помѣщать отдѣльно съ имѣющихся уже этнографическихъ фотографій лишь тогда, когда русское общество, вопреки замалчивающимъ или хающимъ Живую Старину журналамъ—русскимъ, а не иностраннымъ (благодаримъ ихъ за сочувствіе и поддержку)—станетъ относиться къ ней съ бо́льшимъ сочувствіемъ. Средства журнала зависятъ отъ числа подписчиковъ, а оно должно удвоиться, дабы редакція могла постоянно помѣщать иллюстраціи.

Кстати редакція долгомъ считаетъ прибавить, что всѣ сотрудники Живой Старины.

родомъ», или изгородью. Эта, отдѣленная отъ полей площадь земли, за исключеніемъ площади, занимаемой самымъ селомъ, называется «поскотиной» и служитъ выгономъ для скота съ весны и до уборки хлѣба. Послѣ страды скотъ допускается въ поле. Село, или, какъ его называютъ, слобода состоитъ изъ трехъ улицъ, идущихъ рядомъ, и дѣлится на два «конца» — верхній и нижній. Длина слободы достигаетъ 1 $^1/_2$ версты. Улицы соединяются между собою проулками или закоулками и до чрезвычайности узки. Одна улица названа нижней, другая — большой и третья горной. Часть нижняго конца, отдѣленная прудомъ, носитъ названіе Забусовки. Бусъ — это мучная пыль, получающаяся на мельницѣ, отсюда глаголъ забусить и названіе забусовка.

Въ настоящее время слобода заселена государственными крестьянами. Основаніе ея относится къ 1645 году. Въ этомъ именно году сибирскій митрополитъ, вслѣдствіе данной ему Московскимъ царемъ грамоты, поселилъ при устьѣ Ницы крестьянъ, которые въ томъ же году «начаша пахати и сѣяти». Паханіе и сѣяніе и до настоящаго времени составляетъ главное и почти исключительное занятіе Усть-Ницынскихъ крестьянъ. При такомъ образѣ занятій и притомъ, находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ жители Усть-Ницы болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности.

Изъ преданій старины среди жителей сохранилась память о томъ, какъ «Пугачъ» воевалъ. Указываютъ даже мѣсто, на которомъ была выстроена башня для защиты отъ Пугача; у нѣкоторыхъ жителей сохранились ножи, которые были приготовлены для борьбы все съ тѣмъ же Пугачемъ.

въ томъ числѣ и редакторъ, трудятся безвозмездно и никакихъ себѣ барышей отъ увеличенія числа подписчиковъ не ожидаютъ, ожидать не могутъ, да и не желаютъ. Поэтому редакція не считаетъ нисколько дѣломъ неприличнымъ — просить всѣхъ читателей и подписчиковъ Живой Старины, убѣжденныхъ въ ея пользѣ для русской образованности и литературы, о распространеніи этого изданія среди своихъ знакомыхъ. Если сравнить число подписчиковъ и постоянныхъ читателей Живой Старины за границей и въ Россіи, то право можно прійти къ довольно печальному заключенію о нашей читающей публикѣ. Лично для редактора всего любопытнѣе почти полное отсутствіе подписчиковъ изъ среды высшей центральной и провинціальной администраціи (rari nantes in gurgite vasto), изъ нашего духовенства; купечества и изъ такъ называемаго лучшаго общества, однимъ словомъ изъ всѣхъ тѣхъ классовъ, которые въ просвѣщенныхъ странахъ обыкновенно поддерживаютъ отечественную литературу и науку.

I.

Весеннія заботы и работы.

Прійдетъ батюшка Василій Капительникъ (26 Февраля), и заплачетъ зима. Въ слободѣ Гагарахъ [1]) мужики закопошатся: надо хлѣбъ скорѣй домолачивать—весна недалеко. Зимой перемолотить бы: и холодно, и ледъ не купленный, и овины простые стояли, да некогда было все. То примыслить на подушину надо: зайцевъ половить или саней къ Ирбитской подѣлать да продать, то сѣно да дрова вывезти надо, такъ мужикамъ и не удавалось: намолотятъ немного на ѣду и живутъ. А теперь вонъ теплынь какая пошла: каждый разъ надо ладонь (токъ) поливать, да утренниками молотить. Да и то каждый день то не удается: овинъ вѣдь одинъ не построишь, а все дома четыре—пять надо въ пай пригласить да тогда ужъ строить. Богатымъ оно, конечно, ничего: у нихъ что ни домъ, то овинъ,—но за ними вѣдь не угонишься. Кой-какъ, съ землей пополамъ, собрали зерно, ужъ бѣлаго хлѣбца лѣтомъ не поѣшь, только на льду и можно провѣять на чисто, а весной то гдѣ его возьмешь! У насъ, впрочемъ, къ праздникамъ осталось же немного отъ зимней молотьбы: о праздникѣ нельзя, гости прійдутъ.

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а весело! Сердце трепещется какъ птицы начнутъ прилетать. Мы съ братомъ съ половины зимы ждали скворцовъ—два дупла для нихъ привезли. Скворецъ птица пытливая, не сейчасъ поселится въ гнѣздѣ, а (обидно даже: какъ будто его обманывать станутъ) десять разъ прилетитъ высмотритъ дупло, а потомъ ужъ и гнѣздо таскать будетъ, а тамъ того и гляди свистать да распѣвать по утрамъ примется. Потомъ мы съ братомъ голубей сильно любили. Но ихъ впрочемъ всѣ въ Гагарахъ любили. У насъ даже и картина была: сидитъ Господь-Саваофъ на престолѣ, а въ самомъ сердцѣ у него голубь написанъ. Стало быть эта птица угодна Ему, коли въ такомъ мѣстѣ посажена. Поэтому голубей въ Гагарахъ ужъ никто не зоритъ, развѣ ужъ какіе нибудь отпѣтые, на которыхъ ни креста ни пояса нѣтъ. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраиваютъ, чтобы голуби велись да гнѣздились. Этой птицей у насъ не забавляются, какъ въ другихъ мѣстахъ, ее не гоняютъ: не такая она птица, чтобы ей забавляться. Ласточекъ въ Гагарахъ уважаютъ еще больше, чѣмъ голубей. Про голубя, что ни говори все же онъ птица домашняя, зиму и лѣто у насъ на глазахъ, а ласточка гость.

---

[1]) Авторъ счелъ необходимымъ замѣнить названіе Усть-Ницы для удобства, сообразно принятой беллетристической формѣ изложенія.

Да кромѣ этого ласточка полезный гость. Мама говоритъ, что если ласточка у насъ поселится, значитъ Господь намъ свою милость послалъ. Ну какъ же не полюбить такую милую да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго слѣдимъ —зачѣмъ это такъ часто къ намъ ласточки летаютъ? На повѣрку окажется, что онѣ у насъ уже подъ крышей гнѣздышко свили.

«Мама, мама!—радуемся мы—у насъ ласточки живутъ».

— Гдѣ?!—притворно удивляется мать—это къ Тимѣ летаютъ».

«Нѣтъ, къ намъ, къ намъ! вотъ посмотри» и мы тащимъ ее подъ крышу.

Она нейдетъ:—Ну знаю, не троньте ихъ. Видимо мама намъ не довѣряетъ...

Въ заботѣ да въ работѣ время скоро летитъ. Подходитъ Дарья грязно-пролубка, а за нею великій праздникъ—Благовѣщенье, въ который птица гнѣзда не вьетъ, красна дѣвица косы не плететъ. Одна только птица, сказывала бабушка, вздумала вить въ этотъ праздникъ—кукушка, но за то ее Богъ наказалъ и навѣчно безъ гнѣзда оставилъ. Такъ она теперь въ чужія гнѣзда яички кладетъ. Случилось какъ-то, что Пасха пришлась въ Благовѣщенье. Попы положили служить сначала пасхальную заутреню и обѣдню, а потомъ справить службу и Благовѣщенью. Сказано сдѣлано, заутреня и обѣдня ужъ кончились, на дворѣ поздно, а свѣту нѣтъ: такъ нѣтъ да и нѣтъ до другаго дня. Съ этихъ поръ и стали праздновать Благовѣщенье впередъ Пасхи.

Около Благовѣщенья въ лѣсъ ѣздятъ ужъ только по утрамъ. Растаявшій днемъ снѣгъ ночью покрывается сверху ледяной корой, которая называется на́стомъ или чары́момъ, по насту легко можно ходить на лыжахъ, не рискуя провалиться въ снѣгъ. Въ это время обыкновенно рубятъ полозья, или облеса̀, изъ которыхъ зимою дѣлаютъ сани.

Страстная недѣля идетъ своимъ чередомъ. У насъ на этой недѣлѣ погребъ топятъ и возятъ въ него снѣгъ или ледъ.

Наступаетъ великій четвергъ. Намъ съ братомъ еще накапунѣ говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто въ великій четвергъ встанетъ до солнышка да обуётся,—тотъ въ году много утиныхъ гнѣздъ будетъ находить. Но намъ какъ-то не удавалось никогда этого испытать. Утромъ въ четвергъ только что встанемъ—видимъ, что на божницѣ, около иконъ, стоитъ коврига хлѣба и большая рѣзная деревянная солонка: это четверёжный хлѣбъ и четверёжная соль. Таковъ обычай, искони вѣковъ заведенный. Послѣ обѣдни за столомъ четверёжный хлѣбъ съ солью ѣдятъ, но не весь: часть его идетъ домашнему скоту лошадушкамъ, коровушкамъ

да овечушкамъ. Съ этого хлѣба Богъ лучше хранитъ на цѣлый годъ и скотъ, и людей. Вечеромъ въ четвергъ бываетъ стоянье, за которымъ читаютъ страсти Господни.

Утромъ же въ великій четвергъ обыкновенно бѣжитъ сусло, изъ котораго приготовляется пиво: о праздникѣ вѣдь безъ пива нельзя.

Въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ особые званные или гостиные праздники. Къ каждому изъ этихъ праздниковъ всѣ варятъ пиво, покупаютъ вино и приготовляютъ какъ можно болѣе кушаньевъ, для гостей, которые собираются изъ окрестныхъ деревень. Гостиныхъ праздниковъ въ Гагарахъ нѣсколько: Крещенье, Троица, Успленье, Покровъ и зимній Микола. Кромѣ того на Пасхѣ и Рождествѣ варятъ пиво ради великаго праздника для себя. Такимъ образомъ пиво въ Гагарахъ варятъ всего семь разъ въ году.

Въ одно утро, дней за пять до праздника, въ избѣ около печи, т. е. въ кути, появляется чанъ. Это значитъ сегодня будутъ пиво затирать. Въ чанъ насыплютъ солоду, ржаной муки, нальютъ холодной воды, размѣшаютъ все это весломъ, и получится густое, прегустое тѣсто. Это и называется заторомъ. Въ то же утро безперечь ставятъ въ печь да вынимаютъ изъ печи чигунки да мидѣнники съ кипяткомъ, выливаютъ въ заторъ и размѣшиваютъ. Въ концѣ концовъ нальютъ полный чанъ кипяткомъ и получится жидкая гуща. Какъ печь истопится, достаютъ корчаги, перемываютъ и извнутри посыпаютъ мукой, а потомъ наливаютъ изъ кадочки жидкой гущей и ставятъ одна за другой въ печь. Количествомъ корчагъ измѣряется в а р я пива. Одни дѣлаютъ большую варю, другіе маленькую. Небольшая варя корчагъ 5—6, большая 10—14 корчагъ. У которыхъ гостей много бываетъ, тѣ варятъ и по двѣ вари. Какъ только корчаги поставлены—печь закрываютъ, но уже не желѣзной заслонкой, а особой—толстой и сдѣланной изъ глины, да еще и эту заслонку на глухо заклепваютъ тряпицами да замазываютъ глиной.

«Ну, робята, завтра сусло»—говоритъ намъ отецъ, большой охотникъ. пить сусло.

Между тѣмъ кадочка съ вечера еще перебралась на лавку и стоитъ наклонившись. Внутри ея теперь находится р у с л е н н и к ъ. Русленникомъ называется широкій мѣшокъ изъ толстаго и прочнаго холста. Его спускаютъ въ чанъ, а края выворачиваютъ на наружныя края чана и здѣсь привязываютъ.

Дно чана надъ русленникомъ устилается чистой соломой.

На другой день послѣ затора корчаги вынимаются изъ печи, и содер-

жимое ихъ выливается въ гущенникъ, протекаетъ черезъ него и черезъ солому и вытекаетъ въ видѣ сусла изъ особаго отверстія, сдѣланнаго въ стѣнкѣ чана около самаго дна.

Ранымъ-рано на другой день встала мать. Когда мы проснулись корчаги вмѣсто печи стояли въ избѣ на полу и на лавкахъ, и во всѣхъ набѣжало горячее сусло: пей—не хочу! И пьютъ. Сусло любятъ пить всѣ, а отецъ любитъ пить еще съ перцемъ. Мы тоже пробуемъ съ перцемъ—и ничего—съ перцемъ дѣйствительно ладно!

Часть сусла выносятъ студить, а въ одну или двѣ корчаги кладутъ хмѣль и ставятъ ихъ въ печь. Вечеромъ пиво нужно «спороминть», т. е. слить все сусло обратно въ чанъ, который въ это время уже переселился подъ порогъ. Когда видятъ, что сусло достаточно охладилось, его сливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, которое настоялось въ печкѣ съ хмѣлемъ въ одинъ чанъ. На другой день отецъ пробуетъ, не пора ли пиво «слевать»? Опять приносятъ корчаги и черезъ рѣшето, чтобы хмѣль не попадалъ, сливаютъ пиво въ корчаги и ставятъ на ледъ. Пиво готово. Это уже бываетъ въ великую субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Утромъ въ этотъ день яица красили [1]) и дѣлили. Ранняя пасха—яицъ меньше, а поздняя—больше,—но все, что нанесутъ курицы до пасхи—наше счастье. Все это утромъ въ великую субботу варится, красятся и дѣлится поровну между старыми и малыми. Намъ, ребятамъ, досталось столько же, сколько и всѣмъ. Но это только сначала. Скоро того и гляди мать или отецъ изъ своего пая добавитъ. Послѣ дѣлежки всякъ уноситъ свой пай до завтра, а завтра можетъ расходовать, какъ кому вздумается. Намъ полнымъ и безконтрольнымъ хозяевамъ своихъ паевъ, конечно, и въ мысль не входило воспользоваться ими наканунѣ: семь недѣль постился и нѣсколько часовъ не додюжилъ—вотъ уже постыдно. Отецъ какъ то разсказывалъ намъ, что онъ въ городѣ видѣлъ «господъ», которые и въ великій постъ «кушали мяско». Мы сильно дивились и не вѣрили, что есть такіе безбожники....

Наступилъ вечеръ. Заблаговѣстили ко всенощной. У насъ, въ Гагарахъ, только это чтеніе Апостола передъ святой плащаницей и называется всенощной. А тамъ—заутренья, обѣдня, вечерня—и больше круглый годъ никакихъ общественныхъ службъ не бываетъ.

Передъ Пасхой мы съ братомъ изъ церкви не выходимъ. Въ церкви

---

[1]) Обыкновенно яица красятъ при помощи высохшей верхней кожицы лука, которая въ большомъ количествѣ кладется въ горшокъ съ яицами и кипятится. Цвѣтъ яицъ получается ярко-красный и никогда не линяетъ. Ф. З.

хорошо и все напоминаетъ намъ, что праздниковъ праздникъ недалеко: чистятъ подсвѣчники, наливаютъ плошки, вставляютъ новыя свѣчи, возятъ ельникъ да пыхтовникъ для церкви—все это только къ Пасхѣ и дѣлаютъ. Все это восторгаетъ наши юныя сердца, всему мы радуемся и ликуемъ.

Передъ пасхой изба и горница у насъ принимаетъ праздничный видъ. Вымывши полы въ горницѣ мать разстилаетъ половики, а полъ въ избѣ посыпаетъ бѣлымъ пескомъ. Въ горницѣ на простѣнки и на занавѣсу развѣшиваютъ бѣлыя полотенца съ пришпиленными къ нимъ цвѣтными, по большей части, шелковыми лоскутками. Послѣ пасхальной недѣли эти полотенца снимаютъ.

За христовской заутреней въ первый разъ говорятъ и поютъ «Христосъ воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить виннаго (пиковаго) туза и, вмѣсто «воистину воскресъ», сказать попу «винный тузъ есть»—тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящимъ невидимкой и все доставать,—словомъ такой тузъ вполнѣ замѣняетъ собою цвѣтъ купоротника (папоротника).

Послѣ христовской обѣдни начинается розговенье. Всѣ садимся за столъ. Сначала появляется масло, которымъ насъ и заставляли розговляться прежде всего. Мы пробовали было заявить, что масла не хочемъ. Но отецъ съ матерью стояли на своемъ, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе послѣ поста-то сердце будетъ давить. Послѣ масла стали молосными щами разговляться; барашка къ празднику кололи.

«Слава Тебѣ, Господи»—молилась по этому поводу мать,—велѣлъ Богъ спить—съисъ». Потомъ поѣли блиновъ, яичекъ, похлѣбали молока—и розговенье кончилось. Мы съ братомъ побѣжали на улицу—яицами кататься. Накатались яицами—пошли на качулю. Качулю не долго искать: въ каждомъ дворѣ есть. Надоѣло на качулѣ—пошли на колокольню.

Въ этомъ Христовъ День и вся христовская недѣля проходитъ: съ колокольни на качелю, съ качели на колокольню. На колокольню сходить хоть одинъ разъ въ теченіи христовской недѣли считается обязательнымъ для всѣхъ. Въ субботу всѣ ходятъ «съ колоколами прощаться».

На другой день послѣ Христова Дня, т. е. въ Христовскій понедѣльникъ, всѣ мужики и молодые ребята, вышедшіе изъ дѣтскаго возраста (женщины изъяты) обязательно должны явиться къ заутренѣ. Обычай этотъ еще въ недавнее время у насъ, въ Гагарахъ, строго поддерживался тѣмъ, что неявившихся по какимъ-либо причинамъ къ заутренѣ, отыскивали сообща и окачивали холодной водой.

На другой или на третій день къ намъ въ домъ приходитъ Бого-

матерь—такъ называется обычай, по которому изстари во всей Гагарской волости на Пасхѣ причтъ ходитъ изъ дому въ домъ съ тремя иконами: Крестъ, Икона съ двунадесятыми праздниками и икона Богородицы. Въ каждомъ домѣ передъ иконами ставятъ зерновой хлѣбъ, предназначенный на сѣмена, а на столѣ хлѣбъ и яица. Яица собираются причтомъ.

Пасхи и куличей въ Гагарахъ не приготовляютъ, и о нихъ никогда не слыхали.

За посѣщеніе съ Богоматерью съ каждаго дома, кромѣ яицъ, причтъ получаетъ отъ 15—25 коп. до 1 рубля.

Въ пятницу и субботу на христовской недѣлѣ отецъ ужъ сталъ поговаривать, что теплынь наступила, въ лѣсу снѣгу совсѣмъ мало: пора за дрова приниматься.

Дроворубъ та же страда. Не нарубишь до пахоти—такъ зиму то сырникомъ и будешь топить.

Гагарскіе мужики сильно опять закопошились. Пошла стряпня—рукавовъ стрехня. Тѣ, что постарше да посильнѣе, отправляются рубить дрова подальше отъ слободы, на начеву, т. е. ночи на три—на четыре, а то и на недѣлю. Ребята порубятъ дровишекъ гдѣ нибудь не далеко: «всё-жё хоть на́-осень истопить пригодятся»

Лѣсъ у насъ больше березовый, и дрова рубятъ все какъ-то березовыя, сосновыя попадаются рѣдко, еще рѣже осиновыя.

Рубятъ сначала кряжѝ, потомъ стаскиваютъ ихъ въ кучу и мельчатъ на полѣнья. Осенью тоже, послѣ страды, бываетъ дроворубъ, но тогда рубятъ только кряжи, которые къ веснѣ вывозятся домой. Пока въ лѣсу еще нельзя рубить въ мартѣ кряжѝ мельчатъ на полѣнья. Осенью срубленные кряжѝ стаскиваютъ въ кучи и пятнаютъ для того, чтобы ихъ не украли. Каждый домъ имѣетъ свое «пятно». У насъ, напримѣръ, кряжи пятналися такъ: на кѐмлѣ (а кѐмлемъ называется нижняя часть древеснаго ствола) дѣлалась зарубка, а на корѣ кѐмля—разрѣзъ коры.

Дрова рубить весело. Въ лѣсу даромъ, что ни зеленой травы, ни цвѣтковъ нѣтъ, а полакомиться можно: берёзовка побѣжала. Возьмешь туясокъ подставишь подъ березку—въ день то глядишь полонъ туясъ накаплетъ. Изъ маленькихъ березокъ березовка не сладкая, да и мало; надо березовку цѣдить изъ большихъ березъ. Мама намъ много березовки пить не давала: говоритъ— «нездорово».

У кого большая семья—всѣ мужики на дроворубъ не ходятъ. Нѣкоторые идутъ наниматься къ какому нибудь подрядчику плотничать до пахоты. А у кого и пахарей много, такъ плотничаютъ до самой страды.

II.

Пахота и рыболовство.

Во второй половинѣ апрѣля солнышко пригрѣваетъ все сильнѣе и сильнѣе. Мужики поговариваютъ о томъ, что пахота не далеко. Скоро заговорили, что-де «вонъ Тима Мокинъ ѣздилъ вчера «зачинать»—пора и намъ, скоро ужъ Еремѣя — запрягальника (бываетъ 1 Мая), самый лѣнивый поѣдетъ пахать. Отецъ ужъ ходилъ въ кузницу сошники клепать, да кузнецу не досугъ: съ цѣлой слободы нанесли, завтра велѣлъ приходить. У насъ, въ Гагарахъ, на всю слободу только и было два кузнеца, въ нашемъ концѣ да въ верхнемъ. Передъ пахотой то ихъ задавили работой.

Ремесло въ Гагарахъ не любятъ, потому что не знаютъ. На такое село два кузнеца, да и тѣ лошади подковать не съумѣютъ порядкомъ! А потребуется сдѣлать новую вещь—серпъ ли топоръ—такъ нужно въ сосѣднюю волость ѣхать, гдѣ кузнецы есть изъ ссыльныхъ. «У нихъ есть съ дѣла-то на всё»—говорятъ про нихъ въ Гагарахъ.

На другой день отецъ ужъ добился—сошники выклепали—можно и зачинать.

Рано утромъ послѣ завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дѣло надо начинать съ молитвой. Съ этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бываютъ запряжены, вся семья собирается въ горницу, затворяютъ двери и передъ иконами затепливаютъ свѣчки. Передъ началомъ молитвы, по обычаю, всѣ должны присѣсть, а потомъ ужъ вставать и молиться. Послѣ молитвы въ хорошихъ семьяхъ, сыновья, отправляющіеся на пашню, кланяются родителямъ въ ноги и просятъ благословенія. Прежде чѣмъ выѣхать за ворота часто высылаютъ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ бабы на улицѣ. Дурною примѣтою считается, когда при такомъ важномъ выѣздѣ баба пересѣчетъ дорогу. Послѣ такой бѣды хоть назадъ воротиться такъ въ ту же пору [1]). Такъ и дѣлаютъ, если еще не выѣхали со двора: снова идутъ въ горницу обождать и ужъ потомъ выѣзжаютъ. Бабы въ это время боятся ходить, а если увидятъ отъѣзжающихъ, то стараются обождать. Не то другой мужикъ такъ отнесетъ, что три года будетъ помнить.

Каждое семейство и каждый крестьянинъ имѣетъ землю, за которую въ началѣ и въ концѣ года вноситъ «подушнину». Каждая «душа» вла-

---

[1]) Мѣстный оборотъ рѣчи. Ф. З.

дѣетъ надѣломъ земли не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ. Около самаго селенія идутъ такъ называемые третники, т. е. отдѣльныя поля, равняющіяся 1/3 десятины. Эти поля всегда бываютъ удобрены навозомъ и потому всегда даютъ хорошій урожай. Слѣдующій надѣлъ земли дается въ 3, 4 или 5 верстахъ отъ селенія и наконецъ на ту же душу мужикъ получаетъ землю на «пашню»—такъ называется вообще поле, находящееся отъ слободы на разстояніи 10—15 верстъ.

Удобряются только поля первой группы.

Удобреніе исключительно состоитъ изъ навоза и производится или въ іюнѣ—это удобреніе признается за лучшее, или осенью послѣ уборки хлѣба, или, наконецъ зимою въ видѣ «пластовъ». Пластами называютъ замерзшій сверху слой навоза, который—вырубается и глыбами вывозится въ поле. Кромѣ описанныхъ родовъ полей, есть еще особый видъ, которымъ владѣетъ не каждый, потому что не каждый работаетъ надъ нимъ—это залоги. Залогомъ называется поле, которое добыто земледѣльцемъ изъ-подъ лѣсу. Для этого вырубается лѣсъ, и на мѣсто его года черезъ 3 или 4 нарождается новое поле. Такъ какъ залоги добываютъ близко у селенія, то они всегда бываютъ удобрены навозомъ. Новая, неистощенная почва сторицею вознаграждаетъ этотъ чрезвычайный трудъ земледѣльца. Обработка полей производится большею частью сохою, которая называется рогалюхой; за ней слѣдуетъ менѣе употребительный плугъ—колесянка или сабанъ и плугъ—пермянка. Самый лучшій изъ этихъ орудій, какъ признано крестьянами, плугъ пермянка имѣется далеко не у всѣхъ: недостатокъ денегъ (требуется около 5 руб.) и отчасти лошадей (требуется пара на одинъ «выпряжъ») не позволяютъ гагарскому мужику завести эту роскошь. А рогалюху самому не трудно сдѣлать. Пахота производится обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Послѣ двухъ, трехъ, иногда даже четырехъ посѣвовъ подъ-рядъ поле оставляютъ подъ паръ. Паръ приготовляется такъ. Послѣ окончанія сѣва въ концѣ мая поле вспахивается и въ этомъ состояніи остается до половины іюня, когда оно заборанивается. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля поле вспахивается «на другой рядъ», и паръ готовъ. Большая часть пара идетъ подъ озимую рожь, а остальной паръ идетъ къ веснѣ подъ яровое. Весной на пары преимущественно сѣютъ пшеницу, ярицу, ячмень и рѣдко овесъ. Кромѣ перечисленныхъ хлѣбовъ въ Гагарахъ сѣютъ горохъ, гречиху и полбу. При смѣнѣ посѣвовъ на одномъ обыкновенно поступаютъ такъ. На мѣсто сжатой ржи сѣятся яровое, положимъ горохъ, послѣ гороха всегда сѣютъ овесъ, а послѣ овса обязательно поле парятъ.

Послѣ посѣва хлѣбовъ сѣютъ ленъ. Посѣвъ льна самый для насъ

интересный. Кормить семью—дѣло мужичье, а одѣвать мужиковъ—дѣло бабье. Поэтому при посѣвѣ льна вошло въ обычай задабривать мужиковъ тѣмъ, что въ льняныя сѣмена кладутъ вареныхъ яицъ. Поэтому мы и любили сѣять ленъ. Отецъ высыпаетъ въ лукошко сѣмена, а съ сѣменами яйцо за яйцомъ вылетаютъ: «робята, берите». Прямо взять да и съѣсть яичко нельзя, нужно его сначала подбросить къ верху да сказать: «вырости ленъ выше лѣсу стоячаго». Говорятъ еще, чтобы ленъ хорошо родился, нужно сѣять его нагишемъ, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить то всѣ говорятъ, а раздѣнься, такъ на смѣхъ подниму тъ.

Кажется простая вещь сѣмена для посѣва, а между тѣмъ не всякій гагарскій мужикъ согласится продать хлѣба на «сѣмена»—какъ говорятъ у насъ въ Гагарахъ. Особенно въ этомъ случаѣ дорожатся пшеницей. Опасаются, что отъ продажи хлѣбъ выводится, а въ пшеницѣ соръ да головня пойдутъ—хоть бросай. Отецъ у насъ какъ-то купилъ полпуда пшеницы да и посѣялъ. Пшеница родилась хорошая, на другой годъ еще лучше, а у стараго хозяина какъ-то перевелась. Такъ отца-то за это прямо вражнымъ и назвали и не мало ругали, что пшеницу «не съ добра» купилъ. «На сѣмена только и можно по знакомству продавать, а то Богъ его знаетъ на какого наскочишь». Да и въ однихъ ли сѣменахъ такъ поступаютъ? И корову, и овечку, и гуся, и утку на приплодъ никто съ бухты-барахты не продаетъ: всякому свое.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая у насъ, въ Гагарахъ, происходитъ неводьба. Человѣкъ десять или пятнадцать соединяются въ артель для

Неводъ.

устройства невода. Каждый пайщикъ вноситъ опредѣленную часть мерёжи, веревокъ для тетивы и прогона, кибáсьевъ и наплáвьевъ. Кибáсьями называются

просушенные куски глины въ формѣ сплюснутаго шара съ отверстіемъ посрединѣ. Наплàвь, или наплавкѝ, приготовляются большею частью изъ коры тополя, называемой сухáриной или сухáрникомъ.

Неводъ составляется изъ полотна (мерёжи), которое съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется къ тетивамъ: верхней и нижней въ нижней тетивѣ прикрѣпляются кибасья, а къ верхней наплавья.

Къ переднему концу невода привязывается длинная веревка-прогонъ. Задняя часть невода называется пятой. Въ этой части посрединѣ полотна устраивается матнѝ, представляющая изъ себя длинный, съуживающійся къ концу, мѣшокъ изъ мережи. Около матнѝ къ верхней тетивѣ прикрѣпляется лóвда. Ловда есть ничто иное, какъ двѣ небольшія доски, сложенныя подъ угломъ около 60°. Она устраивается для того, чтобы своимъ колебаніемъ показывать присутствіе рыбы въ матнѣ.

Гагарскіе мужики полагаютъ, что всякій ловъ—звѣря ли, рыбы ли, птицы—нельзя вести безъ особаго заговора или «словинки», а потому въ числѣ неводчиковъ всегда предполагается, что существуетъ хоть одинъ, который бы передъ началомъ работы могъ словинку прочитать, а въ трудныя минуты неводъ отъ порчи спасти и т. п. По мнѣнію мужиковъ неводъ, какъ и всякій человѣкъ, не застрахованъ отъ «порчи», которую вражные могутъ ему причинить [1]) Неводьба у гагарскихъ мужиковъ составляетъ почти единственный родъ занятій, основанныхъ на артельномъ началѣ.

Весной рыбу ловятъ еще мордáми, удочкой, сѣтями, отчасти фитилями и рѣдко переметами.

Фитиль. Морда.

[1]) См. ниже.

Объ устройствѣ морды мы легко себѣ составимъ понятіе, если представимъ пустой конусъ и съ открытаго конца его вставимъ внутрь такой же конусъ, только гораздо короче перваго.

Границы основаній конусовъ совпадаютъ, но между вершинами внутренняго и наружнаго конуса образуется пространство, въ которомъ и находится добыча, не догадываясь выйти обратно черезъ отверстіе во внутреннемъ конусѣ. Въ остромъ концѣ внутренняго конуса для входа рыбы находится отверстіе; подобное же отверстіе находится и въ наружномъ конусѣ для вытряхиванія добычи, но во время ловли это отверстіе закрывается втулкомъ. Морды плетутъ изъ прутьевъ тальника.

Онѣ раздѣляются на два вида. Однѣ изъ нихъ называются намазу̂шками, потому что внутри ихъ намазывается приманка. Эти морды ставятъ въ рѣкѣ.

Для того, чтобы установить морды другого вида, необходимо въ какомъ нибудь протокѣ поставить ж а л ъ. Каждый годъ, напримѣръ, въ Гагарахъ ставятъ жалъ въ протокѣ, который бѣжитъ изъ Старицы въ Туру. Жалъ приготовляется изъ мелкихъ древесныхъ стволовъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяются между собою мочаломъ.

Чертежъ жала, въ серединѣ котораго находится мѣсто для установки морды.

Среди жала въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ оставляютъ мѣста для установки морды. Какъ только вода начинаетъ замѣтно убывать, рыба изъ Старицы стремится по протоку въ Туру и на пути попадаетъ въ морду̂. Около мордъ обыкновенно устраиваютъ с а д к й—отгороженныя со всѣхъ сторонъ мѣста въ водѣ, въ которые и опускается добытая рыба для сохраненія. Подобные же садкй устраиваютъ и при большихъ уловахъ рыбы неводомъ.

Устройство переметовъ слишкомъ извѣстно, чтобы на немъ останавливаться. Да переметовъ у насъ почти вовсе не ставятъ, хотя и умѣютъ ихъ приготовить.

Другое дѣло фитили. Лѣтомъ ихъ хотя и рѣдко ставятъ у насъ, за то зимою мало найдется такихъ, которые бы не ловили рыбы фитилями.

Ловля рыбы посредствомъ этихъ снарядовъ основана на той же мысли, по которой устраиваются морды. Разница только въ томъ, что фитиль составляется изъ одного наружнаго конуса и нѣсколькихъ внутреннихъ; притомъ же онъ дѣлается изъ мережи и, чтобы не сплющивался въ водѣ, внутри имѣетъ деревянные обручи. Кромѣ того къ открытому концу фитиля прикрѣпляются два крыла изъ мережи, а около каждаго крыла пристраиваютъ жалъ. Фитили устанавливаютъ на рѣкѣ около берега открытымъ концомъ на встрѣчу теченію. Ставя фитили больше всего рыболовы разсчитываютъ на добычу налимовъ.

Во время весенняго разлива нѣкоторые ловятъ рыбу сѣтями.

А послѣ того, какъ разливъ кончится и вода, какъ говорятъ, станетъ въ трубу, начинается ловля рыбы удочками. Этому роду рыбной ловли серьезные рыболовы значенія не придаютъ и на удельщиковъ, какъ и на охотниковъ стрѣлять, смотрятъ съ пренебрежительнымъ осужденіемъ, такъ какъ «удой рыбы не наловишь». Впрочемъ въ послѣднее время гагарскіе мужики ухитрились на уду ловить язей и этимъ успѣли нѣсколько возвысить свое занятіе въ глазахъ настоящихъ рыболововъ.

При ловлѣ язей для наживы, или насадки, употребляется рачье мясо.

Но никогда уженью не придается такого значенія, какъ въ ту ночь, въ которую метлякъ [1]) падаетъ. «Въ эту ночь успѣвай только закидывать—ведро легко можно наудить»—говорятъ въ Гагарахъ. Метлякъ падаетъ только на Турѣ и представляетъ изъ себя бабочку бѣлаго цвѣта съ толстымъ брюшкомъ, какое вообще имѣютъ всѣ бабочки, принадлежащія къ ночнымъ.

Обыкновенно около полуночи надъ всей рѣкой поднимается огромное число описанныхъ бабочекъ, которыя падаютъ и на воду, и на берегъ въ такомъ количествѣ, что всей окрестности придаютъ бѣловатый цвѣтъ. Крупная и мелкая рыба съ жадностью бросается на этого рода добычу и на поверхности воды легко можно замѣтить сильное движеніе и всплескиванье рыбы въ погонѣ за метлякомъ. Въ это время рыба такъ же жадно и неразборчиво схватываетъ и метляка, посаженнаго на удочку. Къ какому виду относится этотъ метлякъ, существующій всего нѣсколько ночныхъ часовъ—

---

[1]) Метляками называютъ всякаго рода бабочекъ. Ф. З.

я не знаю, но вѣроятно онъ имѣетъ тѣсную связь съ тѣми пичулями, которые живутъ въ плотнѣйшемъ слоѣ глины въ норахъ по берегу р. Туры и чрезвычайно напоминаютъ собой гусеницу. «Пичуль» представляетъ изъ себя также прекрасную насадку и рыба въ Турѣ на пичулей отлично клюетъ, между тѣмъ какъ шшура [1]) она даже не нюхаетъ. Поэтому на шшуровъ удятъ только въ Ницѣ.

Заговоривъ о весеннемъ рыболовствѣ гагарскихъ мужиковъ нельзя уже кстати не упомянуть и о другихъ (очень немногочисленныхъ) видахъ рыбной ловли, практикуемыхъ зимою.

Изъ зимнихъ способовъ ловли второе мѣсто послѣ фитилей занимаетъ ловля жерлйцами. Жерлицей называется большая удочка (крючекъ), наживленная или червями, или мелкими живыми рыбками. Для постановки жерлицы продалбливаютъ во льду небольшое отверстіе и ставятъ въ него тоненькій колъ, къ нижнему концу котораго на поводкѣ привязывается крючекъ.

Черезъ извѣстное время ходятъ «жерлицы смотрѣть», т. е. вынимать добычу и наживлять крючки. При ловлѣ жерлицами главнымъ образомъ разсчитываютъ на налимовъ.

Если къ описанному еще прибавить о томъ, что тотчасъ же послѣ того, какъ рѣка покроется льдомъ, гагарскіе мужики имѣютъ обыкновеніе глушить рыбу посредствомъ удара по льду особымъ кіемъ, то исчерпаются всѣ способы рыбной ловли въ описываемой мѣстности.

Въ заключеніе описанія рыбнаго промысла необходимо замѣтить, что въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на оскудѣніе рыбы. Причину этого печальнаго явленія крестьяне видятъ въ появленіи пароходовъ, которые «пугаютъ рыбу». Такое же значеніе придается и ракамъ, появившимся въ Ницѣ въ огромномъ количествѣ. На раковъ въ Гагарахъ смотрятъ, какъ на антихристовъ, явившихся передъ концомъ полнаго исчезновенія рыбы. Я съ умысломъ употребилъ слово «антихристы»: населеніе Гагаръ въ появленіи раковъ, которыхъ раньше не было, видитъ подтвержденіе своихъ слишкомъ распространенныхъ убѣжденій объ антихристѣ: «правда вѣдь въ писаніи сказано: послѣднія времена живемъ—все хуже да хуже».

Самою цѣнною рыбою считается нельма, которую добываютъ только большими неводами въ Ницѣ; за нельмою слѣдуетъ налимъ, язь, щука, чебакъ, окунь, ершъ, мезкозобъ. Въ озерахъ ловятъ еще карасей.

---

[1]) Шшуро̀мъ называется дождевой червякъ. Ф. З.

III.

Троицынъ день.

Троица представляетъ изъ себя годовой праздникъ. О Троицѣ въ Гагарахъ бываетъ ярмарка. Прежде другихъ торгашей, за недѣлю до праздника, наѣзжаютъ холстеинники—такъ называютъ купцовъ, которые холсты набираютъ. Во всей гагарской волости, послѣ того, какъ мужики разъѣдутся по полямъ, бабы принимаются ткать холсты на продажу и для себя. Для продажи идутъ холсты грубые, изъ толстыхъ нитокъ и красная цѣна имъ 5 коп. за аршинъ. Но ткать ихъ считается выгоднымъ вслѣдствіе того, что это единственное занятіе, которое даетъ женщинѣ возможность, не выходя изъ дому, заработать копейку. Къ Троицѣ варятъ пиво въ Гагарахъ и въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ каждомъ домѣ собираются гости. Первое угощеніе, которое хозяева предлагаютъ гостямъ, заключается въ пивѣ. Пиво подносятъ въ стаканахъ на подносѣ поочередно, то одинъ, то другой изъ хозяйской семьи. Послѣ угощенія пивомъ въ такомъ же родѣ подносятъ гостямъ въ рюмкахъ вино. Наконецъ собираютъ на столъ и садятъ за него гостей. Послѣ стола, а также и во время стола, продолжается угощеніе пивомъ и виномъ. За столъ садятся одни гости: садиться хозяевамъ вмѣстѣ съ гостями считается предосудительнымъ. Послѣ стола подвыпившіе гости обыкновенно начинаютъ пѣть пѣсни. Пляска или танцы бываютъ чрезвычайно рѣдко. Еще рѣже можно слышать какую-либо музыку въ подобныхъ собраніяхъ. Самымъ употребительнымъ инструментомъ въ Гагарахъ является ограмонія [1]), затѣмъ бандура и балалайка. На тѣхъ изъ молодыхъ ребятъ, которые имѣютъ ограмонію или бандуру, въ Гагарахъ смотрятъ какъ на людей, изъ которыхъ путнаго ничего выйти не можетъ. (См. ниже).

Вечеромъ въ Троицынъ день молодые люди обоихъ половъ собираются на «полянку»—такъ называется праздничное сборище, происходящее на берегу рѣки Ницы. На полянкѣ, дѣвицы и молодцы взявшись за руки и составивши нѣсколько рядовъ, ходятъ одинъ рядъ за другимъ, распѣвая пѣсни. Это называется ходить въ кругу.

```
a.              b.             c.
o o o o o o o   o o o o o o    o o o o o
```

1) Всѣ стоятъ рядомъ.

```
a. b. c.
o  o  o
o  o  o
o  o  o
o  o  o
o  o  o
```

2) Всѣ идутъ.

```
  a.
o o o o o
        b.
        o
     c. o o
         o o
          o o
           o o
            o o
             o
```

3) Становятся въ ряды.

[1]) Въ которой читателю не трудно узнать гармонику или гармонію. Ф. З.

Вся игра состоитъ въ томъ, что пройдя нѣкоторое разстояніе, первый рядъ (а) становится на-сторону (черт. 3), рядомъ съ нимъ становится другой рядъ, затѣмъ третій. Когда всѣ ряды установятся въ описанномъ порядкѣ (черт. 1), тогда начинается движеніе снова: первый рядъ опять идетъ впередъ, за нимъ второй, третій (черт. 2). Далѣе, когда всѣ ряды придутъ въ движеніе, первый рядъ опять становится на сторону (черт. 3) и т. д.

На полянкѣ же играютъ карауломъ. Играющіе дѣлятся на пары и становятся одна пара за другой. Одинъ или одна изъ играющихъ становится на караулъ. Игра состоитъ въ томъ, что пары поочередно выбѣгаютъ впередъ, а стоящій на караулѣ во время бѣга старается поймать ихъ. Если ему это удастся, то онъ вмѣстѣ съ пойманнымъ игрокомъ составляетъ пару, а оставшійся становится на караулъ.

в
а
в'

а—стоящій на караулѣ; в и в' бѣгущая пара.

На полянкѣ же играютъ воротцами. Двое изъ играющихъ, ставши на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуютъ собою два столба. Затѣмъ, поднявши вверхъ по одной рукѣ, они держатъ въ нихъ платокъ, замѣняющій перекладину на воротахъ.

Въ эти воротца пробѣгаетъ одна пара за другой.

Каждая пара, выбѣжавшая изъ воротецъ первою, становится также, образуя новыя воротца и т. д.

Одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей полянки составляетъ борьба. Обыкновенно борцы изъ верхняго конца борются поочередно съ борцами изъ нижняго конца. Но въ большіе, годовые, праздники, обыкновенно оба «конца» соединяются для совмѣстной борьбы съ пришедшими изъ другихъ селъ и деревень борцами. Борьбу ведутъ только двое, остальные же въ качествѣ любопытныхъ окружаютъ мѣсто борьбы толстымъ живымъ кольцомъ.

Борьбу всегда открываютъ маленькіе борцы.

Каждый борецъ, выходя въ кругъ, долженъ быть повязанъ черезъ одно плечо и вокругъ себя опояской.

Цѣль борьбы заключается въ томъ, чтобы уронить противника на землю 3 раза. Кто успѣетъ это сдѣлать раньше другого, тотъ считается побѣдителемъ. Въ случаѣ, если одинъ борецъ падетъ 3 раза, то другой выходитъ на выручку.

Практика строго установила извѣстные пріемы борьбы. Самый легкій ударъ съ носка дѣлается въ началѣ борьбы и заключается въ томъ, что борецъ старается уронить другого, ударивши его боковой частью ступни по ногамъ. Слѣдующій пріемъ называется съ пятки: одинъ изъ борцовъ пятку правой или лѣвой ноги (смотря по тому, какой онъ лучше владѣетъ) закидываетъ за пятку другого борца. Есть еще пріемъ брать своего противника съ крюку. Для этого ногу закидываютъ за ногу противника съ внутренней ея стороны. Затѣмъ послѣдній пріемъ носитъ названіе съ холки и состоитъ въ томъ, что одинъ борецъ старается подвернуть подъ животъ противника свою спину и такимъ образомъ, перебросивши черезъ себя, уронить на землю. Каждый хорошій борецъ обыкновенно роняетъ противника посредствомъ какого либо одного изъ описанныхъ пріемовъ борьбы. Во время борьбы опускаться руками отъ опояски строго воспрещается. Отъ маленькихъ борьба постепенно переходитъ къ большимъ. Въ концѣ концовъ остается самый искусный борецъ, котораго никто не могъ побѣдить, и онъ, какъ говорятъ, уноситъ кругъ. Унести кругъ—это значитъ одержать такую побѣду, которая служитъ предметомъ гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, къ которымъ онъ принадлежитъ. Поздно вечеромъ передъ утромъ кончается борьба, а вмѣстѣ съ нею и «полянка».

На завтра Троицына дня, какъ думаютъ въ Гагарахъ, бываетъ земля именинница. Плевать въ этотъ день на землю считается за грѣхъ.

IV.

Межённое время и страда.

Жаркое время въ іюнѣ мѣсяцѣ носитъ названіе межéни. На межённое время въ Гагарахъ смотрятъ какъ на время трудное, въ теченіи котораго жить слѣдуетъ со всевозможной опаскою. Въ это время, выпуская домашній скотъ на поскотину, гагарскіе мужики, дабы избавить его отъ вліянія нечистой силы, пріобрѣтающей въ это время особенное значеніе, дѣлаютъ на немъ смолою кресты. Чтобы подобнымъ же образомъ предохранить и людей, на кресты имъ лѣпятъ воскъ. Въ такое время отецъ всегда намъ совѣтовалъ ходить съ молитвою. Самою важною въ этомъ случаѣ молитвою считается: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Нѣкоторыя строго опредѣленныя мѣста въ лѣсу и въ рѣкѣ во все это время и въ особенности въ полдень, совѣтуютъ рѣшительно избѣгать, такъ какъ тутъ временами дѣкуется, т. е. обнаруживается присутствіе нечистой силы. При упоминаніи

о нечистой силѣ у насъ имѣютъ обыкновеніе или отплюнуться или перекреститься и сказать: «не слушай святая хоромина, не къ намъ будь сказано». Межень обыкновенно совпадаетъ съ Петровымъ постомъ, въ теченіе котораго заботливыя хозяйки копятъ творогъ для такъ называемаго кислаго молока, сметану и масло. Чѣмъ больше Петровки, тѣмъ выгоднѣе для хозяекъ, потому что въ проме́жговѣнье [1]) ни сметаны, ни масла накопить не удастся. Межённое масло считается самымъ лучшимъ и доброкачественнымъ.

Въ межень пахота хотя и кончается, но крестьянину нельзя оставаться безъ дѣла. Въ Петровки, пока еще не настала страда, мужики успѣваютъ навозъ на поля вывезти, полозья загнуть, дубу надрать, лутошки поснимать, и пр. и пр.

Срубленные въ мартѣ облеса̀ для полозьевъ теперь правятъ и гнутъ. «Полозья гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ». Березовые облеса̀, выправивши топоромъ, кладутъ въ печь парить, а потомъ уже начинаютъ гнуть. Почти въ каждомъ дворѣ имѣется колода, на которой гнутъ полозья; затѣмъ ба̀ло, вокругъ котораго загибается полозъ. Въ углубленіе, сдѣланное въ передней части ба̀ла, вкладывается курица, приспособленная для загибанія головы полоза. На курицу надѣвается желѣзное кольцо.

Вершина полоза постепенно пригибается къ трубицѣ и весь полозъ загибается вокругъ бала. Загнутые полозья ставятъ въ особо приготовленный около дома пристѣнокъ, гдѣ они и остаются до снѣгу, пока не просохнутъ. Зимою изъ этихъ полозьевъ и другаго матеріала дѣлаютъ сани.

Въ числѣ прочихъ матеріаловъ, необходимыхъ для изготовленія саней, слѣдуетъ упомянуть о хря̀слинахъ и ду̀гахъ. Хряслины, приготовляемыя въ меженное время, представляютъ изъ себя не толстые стволы березы безъ коры длиною около 2 саженъ. Дуги загибаются также изъ тонкихъ березовыхъ стволовъ, съ которыхъ снята кора.

Вслѣдствіе развитія кожевеннаго дѣла въ Тюмени существуетъ большой спросъ на дубъ. Такъ называютъ у насъ засушенную кору, содранную съ кустарниковъ тальника и пр. Эта кора особеннымъ образомъ свертывается и связывается въ пучо́ни. Для того, чтобы составить возъ, требуется около сотни пучень. Цѣна хорошаго воза не бываетъ больше 3 рублей. Въ меженное время въ Тюмень свозится дубъ въ огромномъ количествѣ. Дубъ дерутъ даже въ тѣхъ деревняхъ, которыя отстоятъ отъ Тюмени на 100 верстъ и болѣе. Къ числу занятій меженнаго времени относится также обдираніе лутошекъ и приготовленіе мочала. Лутошками называются срубленные стволы липы.

---

[1]) Такъ называется время между постами или говѣньями. Ф. З.

Въ слѣдъ за меженью наступаетъ страда. Около Петрова дня и косить нужно приготовляться и пары на другой рядъ орать. Около Прокопьева дня (8 іюля) ужъ всѣ «зачинаютъ» косить, грести, т. е. собирать сѣно въ валы, потомъ копнйть, т. е. строить копны, а изъ копенъ—зароды. Большіе зароды отецъ у насъ называлъ еще аммётами. Не успѣли еще поставить сѣно какъ хлѣбъ поспѣлъ. Цѣлые дни бьется народъ за работой, какъ рыба объ ледъ: съ сука на сукъ, а все недосугъ. На поляхъ появляются кучи и суслоны. Кучи дѣлаютъ стоячія и лежачія. Лежачія кучи или четырнадцетерики (по 14 сноповъ) ставятъ на поляхъ въ хорошій урожай. Если же хлѣбъ родился рѣдкій и сноповъ на полѣ немного, то ставятъ восьмерики—кучи по 8 сноповъ каждая. Суслоны дѣлаютъ больше изъ ржаныхъ сноповъ, когда хотятъ ихъ скорѣй просушить. Для этого ставятъ три снопа вверхъ колосьями, а четвертымъ снопомъ закрываютъ, надѣвая его на первые снопы такъ, какъ надѣваютъ бумагу на сахарную голову. Но вотъ и жатва кончается. Дожинаютъ послѣднее поле. Самые послѣдніе колосья этого поля не жнутъ, а перевязываютъ ихъ травой и оставляютъ въ такомъ видѣ Миколѣ на бородку, дабы святой Угодникъ и на будущій годъ не оставилъ послать урожай....

Послѣ жатья начинается кла́диво, кладутъ хлѣбъ въ гумна и остожья. Съ тѣхъ полей, которыя находятся недалеко отъ гуменъ, хлѣбъ свозится въ гумна; на дальнихъ же пашняхъ около полей строятъ остóжья [1]) и въ нихъ оставляютъ хлѣбъ до зимы.

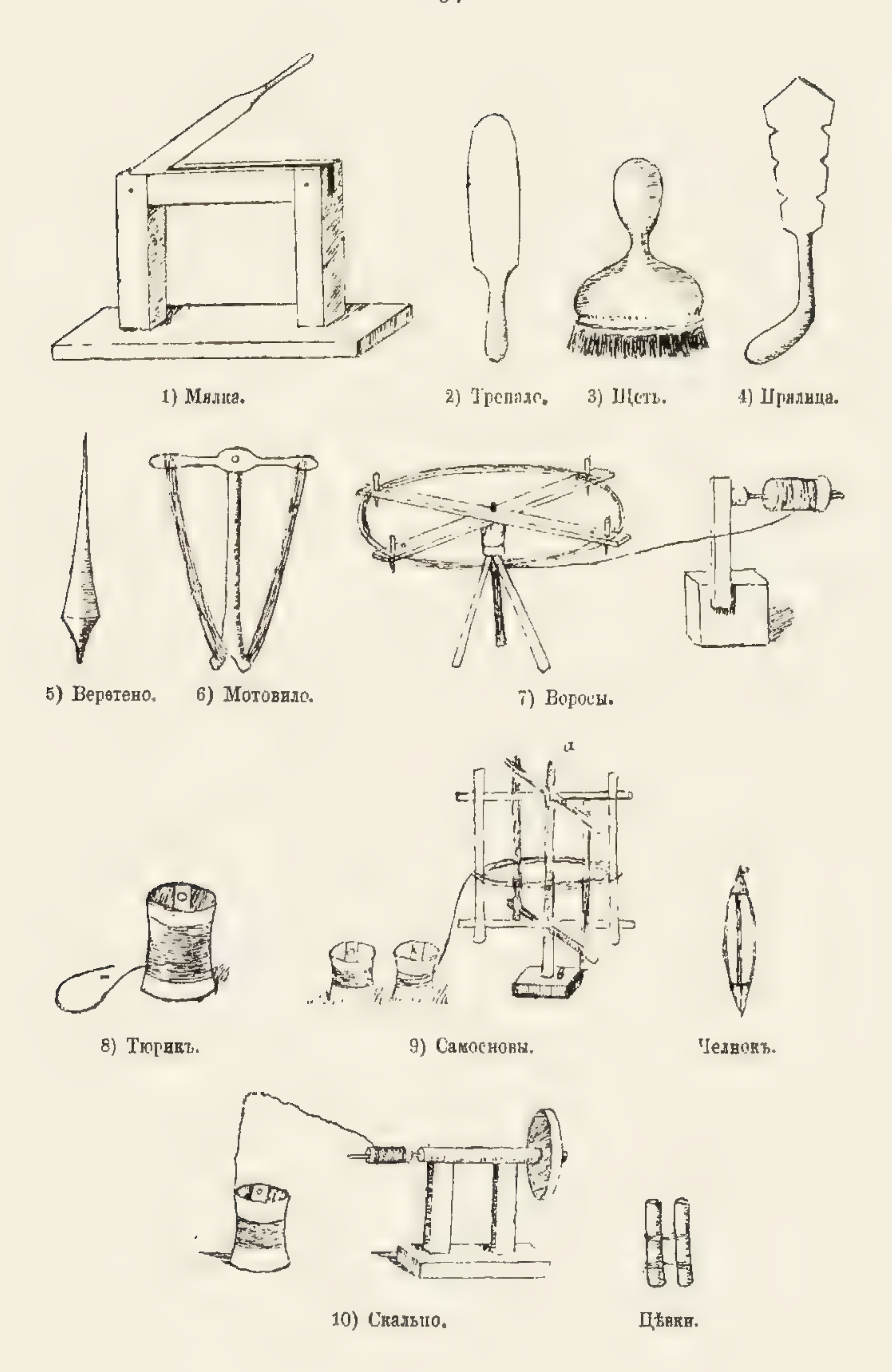
Въ половинѣ Сентября страда обыкновенно кончается, отворяютъ ворота въ поле и пускаютъ скотъ. Весной до уборки хлѣба ворота заперты, и скотъ ходитъ въ поскотинѣ.

V.

Съ прекращеніемъ страды начинаются новыя заботы и работы у гагарскихъ крестьянъ. Ребята почти поголовно становятся пастухами, гоняютъ коровъ въ поле пасти, а мужики около дома управляются. Бабы въ огородахъ картовки да мòрковь копаютъ, капусту рѣжутъ да солятъ. Убрались только съ огородомъ, надо съ куделей управляться: ленъ да коноплё мялкою мять, трепаломъ трепать да щетью чесать. Вычесали—прясть, а весною ткать да продавать. На слѣдующей страницѣ помѣщены чертежи тѣхъ снарядовъ, при помощи которыхъ ленъ превращается въ нитки и холстъ.

---

[1]) Остожье—загородь, въ которую складывается хлѣбъ или сѣно. Ф. З.



1) Мялка. 2) Трепало. 3) Щеть. 4) Прялица.

5) Веретено. 6) Мотовило. 7) Воросы.

8) Тюрикъ. 9) Самосновы. Челнокъ.

10) Скальпо. Цѣвки.

Вырванный съ корнемъ ленъ сначала разстилаютъ на скошенномъ лугу, и когда онъ достаточно «улежитъ», т. е. когда стволы его сгніютъ и сдѣлаются хрупкими, тогда ленъ поступаетъ подъ мялку. Здѣсь отъ него отлетаетъ ненужная костика. Еще больше выдѣляется костики, когда ленъ треплютъ трепаломъ. Изъ-подъ трепала кромѣ костики изо льна отдѣляются клочки, которые собираются и составляютъ низкій сортъ кудели, называемый изгрёбями. Подъ щетью ленъ окончательно очищается, причемъ получаются два высшіе сорта кудели: пачеси и ленъ. Пачеси представляютъ изъ себя клочки кудели, отдѣляющейся при чесаніи щетью. Точно такой же переработкѣ подвергаются конoплё и пóсконь [1]). Послѣ этого куделя поступаетъ на прялицу, а съ прялицы въ видѣ нитокъ на веретено или веретно. Веретено съ напряденными нитками называется прóстнемъ (прóстень). Съ простной нитки для вытягиванія поступаютъ на мотовило, гдѣ каждыя 3 нитки перевязываются и носятъ названіе чи́сменки; 10 чисменокъ составляютъ пáсмо. Изъ неопредѣленнаго числа пасмъ составляется мотъ. Мотъ поступаетъ на ворóсы, съ которыхъ сматывается на тюрикъ (черт. 7). При помощи самосновов ъ пряжа съ тюриковъ сматывается и приводится въ такой видъ, что ее легко можно навить на краснà и ткать. Пряжа натянутая на краснà называется основой; другая часть пряжи остается на тюрикахъ и называется уткомъ. Утóкъ съ тюрика наматывается на цѣвку, которая вставляется уже въ челнокъ (черт. 10). Основа въ крóснахъ продѣвается въ двѣ ничeнки и одно бёрдо. Бердомъ дѣйствуютъ для того, чтобы придать холсту ту или другую прочность. Ниченки же, помѣщающіяся какъ разъ за бердомъ, имѣютъ цѣлью раздѣлять основу на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Каждая ниченка соединена съ особою подножкою При нажиманіи подножки къ низу она тянетъ соотвѣтствующую ниченку вмѣстѣ съ продѣтою въ нее половиною основы такъ же къ низу, а другая часть основы приподнимается къ верху. Въ образовавшееся въ основѣ отверстіе и проскакиваетъ челнокъ, оставляя нитку, которая прихлопывается бёрдомъ.

Въ концѣ сентября, пока еще не выпалъ снѣгъ, взрослые ребята и мужики рубятъ кряжи, а иногда, въ случаѣ надобности, отправляются въ матерỳ или материкъ—бревна рубить для постройки домовъ.

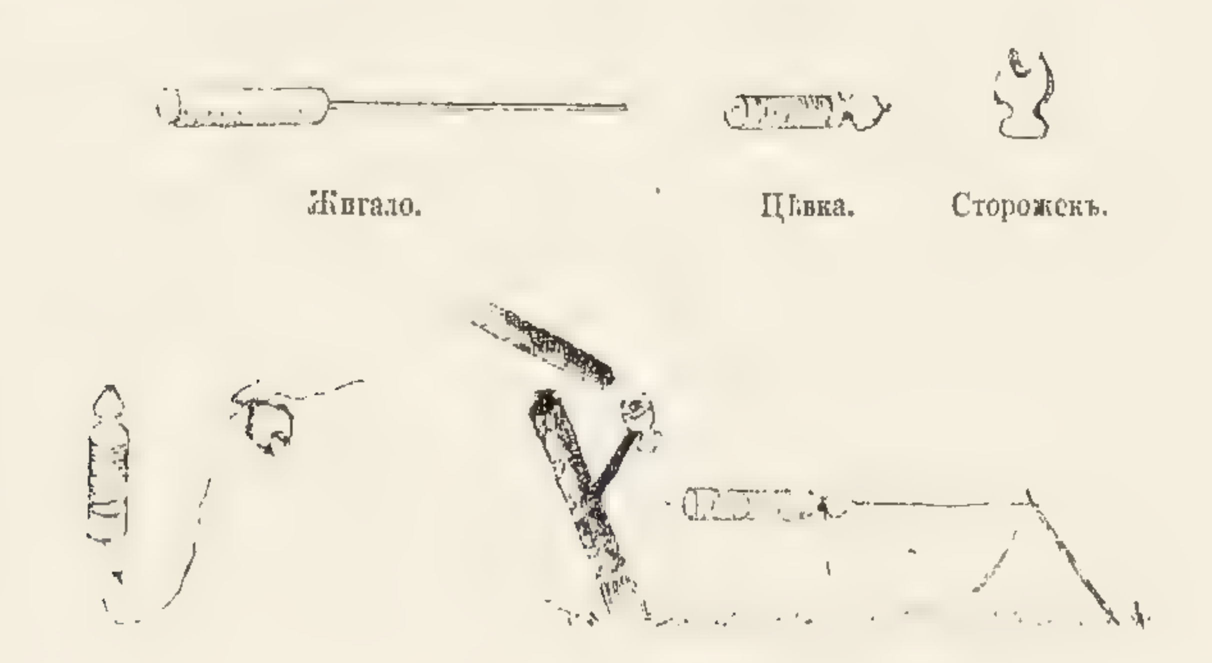
Осенью же, пока земля не промерзла, отецъ у насъ ходилъ очепà ставить для того, чтобы зимой по снѣгу зайцевъ ловить. Устройство очеповъ

[1]) Посконью называются тѣ стебли конопли, на которыхъ находятся сережки съ цвѣточною пылью. Посконь рвуть раньше конопля. По этому поводу въ Гагарахъ сложилась поговорка: „Дай Господи конопля и поскони"... Въ переносномъ смыслѣ „всѣхъ удобствъ". Ф. З.

слѣдующее. Предварительно отыскивается въ лѣсу заячья дорожка или тропа. Гдѣ нибудь въ тѣсномъ мѣстѣ около этой тропы ставится въ землю колъ приблизительно трехъ аршинъ высотою съ вилообразною верхушкою. На этотъ колъ кладется очепъ, который представляетъ изъ себя нетолстый стволъ березы или осины. Въ землю. около самой тропы, вбивается маленькій колышекъ, на который надѣвается сдѣланный изъ мочала подпотельникъ. Пока этимъ и ограничивается устройство очепа.

Въ послѣдствіи, когда выпадаетъ снѣгъ, зайцы обыкновенно не бросаютъ лѣтней тропы, а продолжаютъ по ней бѣгать. Тогда къ очепу привязываютъ петлю и настораживаютъ на тропу. По общепринятому мнѣнію зайцевъ ловить можетъ не всякій, а только тотъ, кто знаетъ «словинку», т. е. особый наговоръ. А словинку знаютъ не многіе, поэтому и зайцевъ ловятъ лишь нѣкоторые крестьяне.

Какъ только наступили длинные осенніе вечера, мать напряла изо льна тонкихъ и ровныхъ нитокъ, изъ которыхъ отецъ сталъ петли скать. Петли скутъ съ большими предосторожностями, умывая каждый разъ руки. Сосканныя петли трутъ чагой. Чагой называется губка, которая выростаетъ на березахъ и другихъ деревьяхъ. Лучшею чагою для петель находятъ чагу дерева, которое за свои свѣтлые блестящіе листья именуется свѣтлолистникомъ. Эта губка, какъ и все относящееся къ петлямъ, также сохраняется въ особенной чистотѣ.



Жигало. Цѣвка. Сторожекъ.

Къ петлямъ необходимо имѣть еще цѣвки и сторожки. Цѣвки больше всего дѣлаются изъ калины, сторожки изъ черемухи. Для цѣвокъ выбираютъ калиновыя палочки, толщиною въ палецъ, разрѣзаютъ ихъ на кусочки въ два вершка каждый, и сердцевины ихъ проталкиваютъ особо

приготовленнымъ желѣзнымъ прутомъ или жигаломъ. Сердцевина не всегда легко выталкивается—тогда жигало раскаляютъ въ огнѣ и выжигаютъ имъ цѣвки. Сторожекъ представляетъ изъ себя коротенькій кусочекъ черемухи съ зарубкою на одномъ концѣ.

На самый конецъ петли привязываютъ цѣвку, а другой конецъ продѣваютъ въ петлю и привязываютъ къ нему сторожекъ.

Къ ловлѣ зайцевъ приступаютъ какъ къ какому нибудь священнодѣйствію. Передъ отправленіемъ въ поле всѣ петли окуриваются. Для этой цѣли служитъ растеніе багульникъ (дикій розмаринъ). При выходѣ изъ дома читаютъ молитву или словинку и стараются изъ деревни выйти незамѣченными. Даже разглашеніе о томъ, что сегодня у насъ отецъ ушелъ петли ставить, подвергалось строгому запрещенію. Отецъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добычу изъ петель таскать незамѣченной. Для этого онъ, когда «добывалъ» зайцевъ, складывалъ ихъ гдѣ нибудь въ лѣсу и привозилъ потомъ на лошади, незамѣтно для постороннихъ. Сохрани Богъ, если зайца изъ петли украдутъ—послѣ этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будутъ, и вороны будутъ клевать попавшихъ, и пр., и пр.

Рядъ поставленныхъ въ лѣсу петель составляетъ путикъ, который принадлежитъ, по обычаю, тому, кто его разъ занялъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Дома шкура съ зайцевъ снимается и сушится на пялахъ.

Пяла съ распоркой по срединѣ.

VI.

Тотчасъ послѣ страды дѣвицы открываютъ вечёрки. Обыкновенно какая нибудь одинокая старуха, забитая до крайности нуждою, соглашается пустить къ себѣ на зиму вечёрку. Тогда и уговариваются въ цѣнѣ. Всѣхъ вечерокъ въ Гагарахъ устраивается до 5. На одной изъ нихъ, напримѣръ, каждая дѣвица платитъ по 25 коп. за зиму и, кромѣ того, каждый праздникъ она должна принести хозяйкѣ калачъ и туясокъ пива; на другой вечеркѣ платятъ по 10 коп. да по возу дровъ съ обычными пивомъ и

калачами на праздникѣ. Вся слобода Гагары раздѣляется на два конца — верхній и нижній, изъ которыхъ каждый чувствуетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное цѣлое и различаетъ «своихъ» и «кончанскихъ», т. е. живущихъ въ другомъ концѣ. Жители одного «конца» относятся къ жителямъ другаго почти враждебно. По крайней мѣрѣ такое утвержденіе справедливо относительно молодежи, которая появленіе своихъ товарищей по лѣтамъ изъ другаго конца привѣтствуетъ особо сложенною для этого поговоркою: «кончанской хламъ привалился къ намъ». Ухаживать за дѣвицой изъ другаго конца по меньшей мѣрѣ рисковано, такъ какъ кончанскіе ребята того и гляди поколотятъ смѣльчака. Этотъ антагонизмъ весьма отражается на посѣтителяхъ вечерокъ. Каждая вечерка имѣетъ посѣтителей изъ своего конца. Въ будни на вечерки дѣвицы ходятъ съ работой, чаще всего съ прялицей или шитьемъ Приходятъ иногда и ребята посидѣть, но игръ въ это время совсѣмъ небываетъ. За работою часто поютъ проголосныя пѣсни.

Проголосными называютъ тѣ пѣсни, которыя поются протяжно. Другое дѣло о праздникѣ. Тогда совсѣмъ не берутъ прялицъ да швеекъ или если и берутъ такъ развѣ для славы. Придутъ молодцы и скажутъ: «ну ко дѣвисы красны—писенку намъ»—не отказывать станешь. Въ этихъ случаяхъ поютъ ужъ не проголосныя пѣсни, а особыя, которыя поются скоро и неизбѣжно оканчиваются приглашеніемъ поцѣловаться. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ [1]).

Косятъ дѣвки лебеду, лебеду
Телятишкамъ на ѣду, на ѣду.
Телятишки не ѣдятъ травку.
Разженатый не солуй [2]) дѣвку,
Хоть того хуже холостой, холостой,
Разженатой подъ полатями постой.
Посолуй-ко меня, парень молодой.

Во время пѣнія подобныхъ пѣсенъ молодцы ходятъ по комнатѣ взадъ и впередъ, взявшись за руки и, по окончаніи пѣсни, приглашаютъ дѣвицъ цѣловаться. Плясать въ Гагарахъ умѣютъ, но плохо, и пляшутъ на вечеркахъ рѣдко; почти всѣ увеселительныя занятія на вечеркахъ исчерпываются вышеприведеннымъ. Въ большіе праздники, какъ въ Миколу и въ Рождество на вечерку собираются съ исключительной цѣлью поиграть. Наканунѣ Новаго

[1]) Другія подобныя пѣсни см. ниже.
[2]) Не солуй—не цѣлуй.

года обыкновенно собираются на вечерку ворожить. Какой нибудь молодецъ изъ грамотныхъ приноситъ Оракула или «Царя Соломона» для ворожбы; или же льютъ въ воду воскъ, олово, ходятъ слушать на сѣнникъ, на церковную паперть, ставятъ на гумнахъ въ снѣгъ носилки и утромъ смотрятъ — въ которую сторону упала носилка, въ той сторонѣ живетъ и женихъ.

Кромѣ вечерокъ, ворожба на новый годъ происходитъ и въ домахъ, гдѣ по царю Соломону ворожатъ старики и старухи.

На святкахъ вечерки обыкновенно бываютъ биткомъ набиты. То и дѣло приходятъ нарядчики (т. е. ряженые, замаскированные), поютъ пѣсни, цѣлуются—дымъ коромысломъ. Около новаго года водятъ коня. Коня водятъ съ большимъ торжествомъ и за нимъ съ вечерки на вечерку всегда ходитъ большая толпа любопытныхъ. «Конь» изготовляется такъ: дѣлаютъ чучело конской головы и привязываютъ къ ней множество колокольчиковъ и бубенчиковъ, украшаютъ разноцвѣтными лентами, а вмѣсто туловища прикрѣпляютъ къ головѣ бѣлую простыню. Одинъ изъ нарядчиковъ на свою голову надѣваетъ голову коня и, завернувшись простынею, представляетъ коня; другой нарядчикъ водитъ коня. Съ конемъ ходятъ еще и другіе нарядчики, кромѣ вожака. Безъ коня ни однѣ святки не проходятъ, такъ какъ конь составляетъ верхъ маскараднаго искусства гагарской молодежи: безъ него и святки не святки.

Большой популярностью у насъ пользуется также медвѣдь. Одинъ нарядчикъ надѣваетъ шубу навыворотъ и представляетъ собою медвѣдя, другой—его вожака.

Помимо описаннаго, нарядчики причиняютъ много хлопотъ и дѣвицамъ и хозяйкѣ вечерки. Напримѣръ, толпа нарядчиковъ, почему либо не благоволящая къ извѣстной вечеркѣ, вздумаетъ погàлиться (поиздѣваться) надъ нею: наберетъ въ мѣшки снѣгу и придетъ на вечерку «мукой торговать», среди комнаты высыплетъ мѣшковъ пять снѣгу и уйдетъ, а вслѣдъ за этой толпой прибѣжитъ другая «съ рыбой», т. е. со всякой дрянью въ мѣшкахъ и, подобно первой, оставитъ ее на полу.

Безъ торговли мукой или рыбой ужъ тоже ни одна вечерка на святкахъ не обойдется.

Святки прошли. Наступаетъ своимъ чередомъ Крещенье.

Накануне этого дня насъ съ братомъ заставили ставить мѣломъ кресты на верхнихъ косякахъ у всѣхъ оконъ и дверей въ домѣ, въ сѣняхъ, въ хлѣвахъ и пр.

О Крещеньи въ Гагарахъ гостиный праздникъ. Какъ отойдетъ обѣдня, цѣлый день гости да гости—съ ногъ просто собьешься.

Послѣ обѣдни въ Крещенье ходятъ на Ердань и старики замѣчаютъ, что если стояло облачное небо, то хлѣбъ на-весну родится, а ясное—ждать неурожайнаго года.

Говорятъ еще, чтобы смыть съ себя грѣхи, сдѣланные на святкахъ, слѣдуетъ въ Крещенье окунуться въ Ердани.

Зимою хоть и много работы, но все же не столько, какъ лѣтомъ. А ребятамъ и всю зиму почти что нечего дѣлать. Наше дѣло только коровъ да коней сгонять на водопой къ колодцу или на ручей. Зимою мы съ братомъ въ школу ходили. Училище у насъ, въ Гагарахъ, существуетъ недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсѣмъ не существовало и населеніе было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище, и присланъ особый учитель. Ранѣе же обученію дѣтей посвящалъ часть своихъ досуговъ сельскій священникъ.

Въ зимнее время отецъ со старшими братьями днями ѣздили по сѣно да по дрова, а вечеромъ санничали. Выдѣлка саней производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала высушенные полозья вынимаютъ изъ пристѣнка и п р а в я т ъ топоромъ, придавая имъ такой видъ, въ которомъ они могутъ идти на подѣлку. Далѣе полозья р ѣ ж у т ъ. Для этого существуетъ два вида р ѣ з о к ъ: широкая и мелкая, которыми и приводятъ рядъ симметрично расположенныхъ бороздокъ на наружной сторонѣ выправленныхъ полозьевъ.

Послѣ чего д о л о т о м ъ въ верхней части полозьевъ дѣлаютъ пять углубленій для к о п ы л ь е в ъ.

Каждый копыль (а) соединяется съ копыломъ, лежащимъ противъ него на другомъ полозѣ, посредствомъ вяза.

Послѣ того, какъ два полоза вязьми соединены между собою, на верхнюю часть копыльевъ набиваютъ н а щ е п ы (cd) и соединяютъ съ ними г о л о в к у саней посредствомъ в я з ь е в ъ. Слѣдующею работою является навѣшиваніе х р я с е л ъ. Для этого двѣ отдѣльныя хряслины прикрѣпляютъ концами къ головкамъ саней. Другіе же концы хряслинъ набиваютъ на дугу въ задней части саней. Еще ближе къ концамъ хряслины набиваютъ на п е р е ч е н ь. Послѣ этого сани почти готовы. Остается только вставить л у б о к ъ поверхъ вязьевъ между нащепами, впутать хрясла веревками и осмолить.

Въ зимніе сумерки вся семья обыкновенно сумерничаетъ, т. е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вотъ въ эти-то сумерничанья мы, ребята, и слушали сказки да загадки отъ взрослыхъ. Во время этихъ же сумерокъ мы знакомились съ сусѣдками да букарицами. Согласно разсказамъ, сусѣдка я представлялъ себѣ жителемъ подполья. Старшіе разсказывали даже, что бабушка видѣла въ подпольѣ сусѣдка, и хотя я

сусѣдка сильно боялся и въ подполье одинъ никогда, даже днемъ не ходилъ, но, по разсказамъ, это былъ старикъ добродушный, который худа сдѣлать никому не желаетъ. Бываетъ иногда, что сусѣдко по ночамъ давитъ людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тотъ, кого онъ давитъ всегда спрашиваетъ: «къ худу или къ добру», и сусѣдко всегда отвѣчаетъ: худо или добро, слѣдуетъ ждать. Сосѣдко любитъ хозяйничать надъ скотомъ. Какую лошадь полюбитъ—та и конь конемъ ходитъ; какую возненавидитъ—ту замучитъ и со свѣту сживетъ. Больше всего на нелюбимой лошади сусѣдко воду возитъ. Говорятъ, что въ прежніе годы какой-то хозяинъ замѣтилъ, что сусѣдко ужъ сильно лошадь измучилъ, взялъ да на водовозномъ чану и сдѣлалъ дыру. Сусѣдко пріѣхалъ на прорубь, черпалъ-черпалъ—начерпать не могъ, и примерзъ ко льду. Тутъ его утромъ и взяли.

Но вообще говоря зимой у насъ домашней, лѣсной, водяной нечистой силѣ такого значенія не придаютъ, какъ лѣтомъ.

Проходитъ зима съ своими длинными ночами, снова наступаетъ февраль, а вмѣстѣ съ нимъ и масляница. На масляницѣ у насъ, какъ и вездѣ, блины ѣдятъ, съ катушекъ катаются, на коняхъ гуляютъ, а въ прощеный день (такъ называется послѣдній день масляницы, потому что въ этотъ день у насъ принято чтобы всѣ и каждый просили другъ у друга прощенія) строятъ и ломаютъ города [1]).

За масляницей подходитъ батюшко Василій Капительникъ, дроворубъ, пахота да страда подвигаются въ своемъ неизмѣнномъ порядкѣ изъ года въ годъ.

Ф. Зобнинъ.

---

[1]) Объ устройствѣ масляничнаго города будетъ сказано особо.

Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ въ Румыніи и въ Угорщинѣ.

Въ XIII—XIV. в.

(Замѣтки Преосв. Палладія, докт. Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора).

Русское поселеніе въ Китаѣ въ первой половинѣ XIV вѣка.

(Преосв. Палладія).

«Я только что получилъ тѣ книжки Духовной Бесѣды, въ которыхъ помѣщены краткія извѣстія изъ Пекинской миссіи о начаткахъ православія среди нашихъ языческихъ сосѣдей. Конечно, вы правы: нельзя не порадоваться доброму началу, обѣщающему несомнѣнный успѣхъ въ будущемъ. Китайцы вообще менѣе предубѣждены противъ русскихъ, чѣмъ противъ другихъ націй. Нелишне также замѣтить, что между двумя сосѣдними народами существуетъ связь не только географическая, но также историческая; русскій духъ издавна виталъ въ Поднебесной Имперіи. По этому предмету, почти совершенно неизвѣстному до сихъ поръ, я предложу вамъ извлеченіе изъ китайской исторіи.

По свидѣтельству этой исторіи [1]), имя русскихъ появилось въ Китаѣ въ тяжкую для насъ эпоху монгольскаго владычества. Россія и русскіе извѣстны въ китайскихъ памятникахъ монгольскаго періода, подъ именемъ Олосы, Алосы, Улосы, иногда Улусу. На рукописной картѣ XIV в., хранящейся въ библіотекѣ Пекинской Академіи, Алосы, какъ государство, поставлены въ сѣверозападной оконечности Монгольской Имперіи, послѣ Алань-Асы (Аланы-Азы) и Киньча (Кипчакъ). Олосы, какъ и нынѣ Китайцы называютъ русскихъ, очевидно есть китайское переложеніе слова Урусъ; Монголы могли заимствовать его въ покоренныхъ ими магометанскихъ странахъ, гдѣ, какъ извѣстно, Русь носила названіе Урусъ, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Юаньши, или исторія дома чингисханидовъ въ Китаѣ (34, п. 24, 27, 35, 12, 15, 23, 36, 2, 8, 138, 19 (стар. изданіе).

что въ монгольскомъ языкѣ нѣтъ словъ, начинающихся съ буквы Р. Въ ту пору появленіе Русскихъ въ Пекинѣ было слѣдствіемъ обычая монгольскихъ хановъ набирать въ покоренныхъ ими владѣніяхъ дружины и включать ихъ въ свою пекинскую гвардію. Такимъ образомъ составились въ Пекинѣ полки: Кипчакскій, Асу (изъ Асовъ) и Русскій. Каждый полкъ имѣлъ отдѣльное управленіе и особыя записи. Мимоходомъ замѣчу, что многіе Асы, служившіе въ рядахъ Пекинской гвардіи сохранили христіанскія имена: Нѣгулай (Николай), Ѣлія (Илія), Коурги (Георгій), Димидиръ (Димитрій). Это обстоятельство подтверждаетъ сказаніе объ обращеніи Асовъ въ христіанство. О Русскомъ полкѣ въ Пекинской гвардіи упоминается въ исторіи впервые подъ 1330 г., когда взошелъ на ханскій престолъ Тутѣмуръ, извѣстный больше подъ посмертнымъ названіемъ Джаяду. Онъ первый устроилъ Русскій полкъ или поставилъ особаго темника 3-й степени надъ Русскимъ отрядомъ, который получилъ наименованіемъ Сѣанъ-Джу-улосы-хувэй-цинь-цзюнь, т. е. охраннаго полка изъ Русскихъ, прославляющаго (въ смыслѣ доказывающаго всему свѣту) вѣрноподданность. Монголы заняли отъ Китайцевъ обычай давать войскамъ пышные и знаменательные титулы. Русскій полкъ подчиненъ былъ главному завѣдыванію высшаго военнаго совѣта въ Пекинѣ. Тогда-же для него устроенъ былъ лагерь или поселеніе на сѣверъ отъ столицы; правительство откупило для него у крестьянъ участокъ земли, въ 130 больш. кит. десятинъ. Русскимъ военнопоселенцамъ даны были земледѣльческія орудія, для воздѣлыванія земли. и, кромѣ того, постановлено было, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ стоять лагеремъ (кочевать), въ горахъ, лѣсахъ, при рѣкахъ и озерахъ, они занимались охотой и всю добычу: птицъ, звѣрей и рыбу доставляли ко двору, причемъ сказано, что кто изъ нихъ не будетъ охотиться, тотъ подвергается суду. Гдѣ было мѣсто поселенія Русскихъ—по неопредѣленнымъ выраженіямъ—на сѣверъ отъ столицы, трудно опредѣлить; можно только предполагать изъ дарованія имъ пахатной земли, что оно находится между ВеликойСтѣной и Пекинской равниной. Изъ этихъ поселеній они вѣроятно отправлялись на охоту и облавы.

Въ слѣдующемъ 1331 г. отмѣнено темничество русскаго полка и учреждено командирство съ пожалованіемъ серебряной печати. По тогдашнему военному устройству, эта перемѣна въ управленія присоединяла русскій отрядъ къ ближайшимъ ханскимъ. Въ то же время приписано было къ полку 600 новыхъ солдатъ (неизвѣстно откуда явившихся), которые отправлены были по домамъ (?), съ тѣмъ чтобы, къ 1-му числу 7 луны (т. е. по минованію лѣтнихъ жаровъ) они вернулись въ лагерь. Къ тому же времени относится распоряженіе о выдачѣ земледѣльческихъ орудій и хлѣба вновь поступившимъ на пограничную стражу (?) солдатамъ изъ Асу и Русскихъ.

Подъ 1332 г. три раза упоминается о доставленіи Русскихъ въ Пекинъ. Въ 1 лунѣ этого года князь Джанчи представилъ 170 человѣкъ Русскихъ; его отдарили за то 72 динами (фунтами) серебра и 5,000 диновъ ассигнаціями. Тогда 1.000 Русскихъ снабжены были платьемъ и хлѣбомъ. Въ 7 лунѣ Яньтѣмуръ препроводилъ въ Пекинъ 2,500 Русскихъ. Въ 8 лунѣ князь Аргіянили доставилъ 30 человѣкъ съ 103 подростками. Какіе князья, откуда и какъ Русскихъ доставляли въ Пекинъ, по китайской исторіи не возможно добраться. Вѣроятно это сказаніе можетъ поясниться исторіей Золотой Орды. Наконецъ въ 1334 г. знаменитый временщикъ Баянъ назначенъ былъ командиромъ гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Кипчаковъ и Русскихъ. Это есть послѣднее указаніе о Русскихъ въ Пекинѣ, въ исторіи дома Юань.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній нельзя составить отчетливаго понятія о положеніи и судьбѣ Русской дружины въ ханской службѣ, о числѣ Русскихъ, затерявшихся на отдаленномъ востокѣ. Тѣмъ не менѣе замѣчателенъ фактъ, что Русскія православныя колоніи еще въ первой половинѣ XIV в. пребывали въ Китаѣ, а быть можетъ и въ Маньчжуріи (вмѣстѣ съ Азами), въ странахъ, гдѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ того суждено было снова повѣять русскому духу, но уже съ иными правами и съ надеждой на плодотворную будущность [1]).

(Изъ журн. Духовная Бесѣда 1863, т. XVIII, № 27, стр. 368.—370).

Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ.

(Д-ра Бретшнейдера).

Къ этой замѣткѣ Палладія прибавляемъ замѣчанія и извлеченія Д. Чл. нашего Общества доктора Бретшнейдера о Русскихъ и Аланахъ или Асахъ въ Китаѣ XIV в. Въ замѣчательномъ трудѣ своемъ («Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia drawn from Chinese and Mongol writings, and compared with the observations of western authors

---

[1]) «Въ 1368 или въ 34 г. отъ послѣдняго указа о Русскихъ въ Пекинѣ Монголы были изгнаны изъ Китая. Надобно думать, что и русскій полкъ раздѣлилъ судьбу павшей династіи и по удаленіи изъ Китая поселился гдѣ нибудь на окраинѣ Монгольской степи, или въ Маньчжуріи».—Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу своему—«Старинное Монгольское сказаніе о Чингисъ-ханѣ» (Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ. СПБ. 1866. Т. IV. с. 247) преосв. Палладій говоритъ: «Алосы» и «Асу» (Русскіе и Аланe) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ «Новые слѣды христіанства въ Китаѣ.»—Не знаю, была ли эта статья напечатана или сохранилась въ бумагахъ Пр. Палладія?

in the Middle ages, accompanied with four maps». London. 1876. IV+233 in 8°) г. Бретшнейдеръ говоритъ нѣсколько подробнѣе объ этихъ важныхъ свидѣтельствахъ Юаньши о Русскихъ въ Китаѣ. Замѣтивъ, что мы, Русскіе, съ XIII в. слывемъ у Монголовъ подъ именемъ Орос; а у Китайцевъ— А-ло-се, упомянувъ о древнѣйшихъ упоминаніяхъ Руси у Византійцевъ и Арабовъ, и въ кратцѣ обозрѣвъ вассальныя отношенія Руси къ Монголамъ въ теченіи слишкомъ 200 лѣтъ, г. Бретшнейдеръ между прочимъ замѣчаетъ: «Сверхъ тяжелой дани Русскіе были еще обязаны Монголамъ иною повинностью. Мы увидимъ, что во время Кублая отрядъ русскихъ солдатъ находился даже въ Китаѣ».

«Юан-ши приводитъ интересное свидѣтельство о томъ, что въ началѣ 14-го столѣтія находилось Русское поселеніе близъ Пекина. Мы читаемъ въ его лѣтописяхъ подъ 1330, глава XXXIV, что императоръ Вен-цунъ (Wen-tsung)—Gob-Gimur)—1329—1332, правнукъ Кублая) образовалъ полкъ изъ У-ло-се или Русскихъ (U-lo-sze or «Russians»). Этотъ полкъ, состоявшій подъ начальствомъ темника wan-hu (начальника десяти тысячъ третьей степени), назывался Сюан-хунъ У-ло-се ка-ху-вей цинкюн «вѣчно вѣрная русская лейбъ-гвардія» и находился подъ непосредственнымъ надзоромъ военнаго совѣта. Далѣе въ той же главѣ (у Юан-ши) сказано, что сто тридцать Да-дуциновъ земли, на сѣверъ отъ Та-ту (Пекинъ) были куплены у крестьянъ и подѣлены этимъ Русскимъ для устройства лагеря и образованія военной колоніи. Далѣе мы читаемъ въ той же главѣ: «Они (т. е. Русскіе) были снабжены земледѣльческими орудіями и обязаны доставлять къ императорскому столу всякаго рода дичь, рыбу и проч., находящуюся въ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ страны, гдѣ находился ихъ лагерь». Русскій полкъ снова упоминается въ главѣ XXXV.

Въ главѣ XXXVI у Юан-ши есть троякое упоминаніе о русскихъ плѣнникахъ, присланныхъ къ Китайскому императору.

Въ 1332 г. князь Джанг-ги представилъ сто семьдесятъ русскихъ плѣнниковъ и получилъ денежную награду На той же страницѣ находимъ, что одежда и хлѣбъ были отпущены тысячѣ русскихъ.

Въ томъ же году князь Іен-те-муръ представилъ императору тысячу пятьсотъ русскихъ плѣнниковъ, а другой князь А-р-дже ши-ли представилъ тридцать человѣкъ.

Наконецъ въ жизнеописаніи Бояна (Bo-yen) глава CXXXVIII, говорится про него, что онъ былъ назначенъ въ 1334 г. начальникомъ лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Киньча (Kin-ch'a) (Кипчаковъ, т. е. Половцевъ) и Русскихъ.

Вотъ все, что я могъ найти у Юан-ши относительно Русскихъ. Кажется ни одинъ изъ Русскихъ на службѣ у Монгольскихъ императоровъ въ Китаѣ не игралъ видной роли. По крайней мѣрѣ въ біографіяхъ Юан-ши Русскіе не имѣютъ своихъ представителей, тогда какъ многіе замѣчательные государственные люди и полководцы Монгольско-Китайской Имперіи были изъ Кипчаковъ (Половцевъ), Kankalis, Алановъ и другихъ народностей, подвластныхъ Монголамъ». (Notices, pp. 180—181).

«А-лан А-се=Аланы или Асы». (Notices, pp. 184—189).

Это имя придается народу, извѣстному у Карпини какъ «Alani sive Assi» или «Alani sive Aas» Рубруквиса.

Аланы, народъ, живший на сѣверъ отъ Кавказа, были извѣстны Римскимъ и греческимъ писателямъ съ начала нашей эры. Въ 1-мъ в. по Р. Х. упоминаютъ о нихъ Светоній, Луканъ и Плиній. Во 2-мъ вѣкѣ говоритъ о нихъ Греческій писатель Лукіанъ. Аммiанъ Марцеллинъ (4 в.) сообщаетъ подробное свидѣтельство объ Аланахъ. Вологесъ, царь Парѳянъ, просилъ императора Виталіана (69—79) о помощи противъ Алановъ. Арріанъ, правитель Каппадокіи (2 в.), воевалъ съ Аланами. Въ 5-мъ в. Аланы вмѣстѣ съ Свевами и Вандалами нападали на Галлію.

Во 2-й половинѣ 6-го в. Земархъ Киликіанинъ, посланный императоромъ Юстиномъ къ Туркамъ, на обратномъ пути посѣтилъ вождя Алановъ (Jules Cathay p. CLXVI). Константинъ Багрянородный (въ полов. X в.) говоритъ, что страна Аланъ лежитъ вокругъ (т. е. на сѣверѣ) Кавказскихъ горъ (Klaproth, Asia Polyglotta, p. 85). Клапротъ (въ своемъ Mag. Asiat. tom. I, pp. 258—302) приводитъ извѣстія Масуди о Кавказѣ (943 г.) и о странахъ черноморскихъ и каспійскихъ. Масуди называетъ Аланъ—Ланами и столицу ихъ Маас'омъ. Онъ говоритъ, что они прежде были язычниками, во времена же халифовъ Аббасидовъ приняли христіанство; въ 320 г. геджры (въ нач. 10-го в.) они бросили эту вѣру и прогнали епископовъ, присланныхъ къ нимъ императоромъ изъ Константинополя. Масуди же говоритъ, что въ срединѣ страны Аланъ между Кавказскими горами есть крѣпость и мостъ черезъ широкую рѣку. Крѣпость называется замкомъ Аланскихъ воротъ. Онъ былъ построенъ въ старое время царемъ персидскимъ для предупрежденія нападеній Аланскихъ [1]).

Въ Русскихъ лѣтописяхъ Аланы вообще извѣстны подъ именемъ Ясовъ. Въ 936 г. Святославъ взялъ ханскій городъ Бѣлую Вѣжу на Дону и воевалъ съ Ясами и Касогами.

---

[1]) Клапротъ полагаетъ, что Аланскія ворота были въ Даріанѣ на р. Терекѣ, недалеко отъ горы Казбека, гдѣ теперь проходитъ большая дорога изъ Тифлиса во внутреннюю Россію.

Ясы упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ XIII стол., какъ народъ прикавказскій, около р. Терека (Карамзинъ, IV, стр. 119, 355).

Проходя черезъ Кавказскій хребетъ въ 1223 г., Монголы нашли Аланъ на сѣв. склонѣ этого хребта. Пятнадцать лѣтъ спустя Аланы стали подданными Батыя, послѣ сильнаго впрочемъ сопротивленія Монголамъ. Мусульманскіе историки, говоря о походахъ противъ этого народа, называютъ ихъ безразлично Аланами или Асами (D'Ohsson, томъ II, pp. 619, 620).

Карпини и Рубруквисъ, какъ мы видѣли, также отожествляютъ Алановъ съ Асами. Первый упоминаетъ объ ихъ поселеніяхъ на югъ отъ Команіи (p. 748). Рубруквисъ говоритъ (p. 246): «In hac solebant pascere Commani, qui dicuntur Capthat; a Teutonicis vero dicuntur Valani, et provincia Valania. Ab Isidoro vero dicitur, a flumine Tanay (Don) usque paludes Meotidis et Danubium, Alania». На стр. 252 читаемъ: «Habebamus autem ad meridiem montes maximos, in quibus habitant, in lateribus versus solitudinem illam, Cherkis et Alani, sive Aas, qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros». На стр. 243 Рубруквисъ говоритъ: «In vigilia Pentecostes venerunt ad nos quidam Alani, qui ibi dicuntur Aas, christiani secundum ritum Graecorum, et habentes litteras graecas et sacerdotes graecos. Tamen non sunt schismatici sicut Graeci, sed sine acceptione persone venerantur omnem christianum».

Марко Поло (vol. II, p. 421 изд. Юла) упоминаетъ Аланію между подвластными Монголамъ странами, а въ другомъ мѣстѣ (vol II, p. 140) посвящаетъ цѣлую главу разсказу о рѣзнѣ извѣстныхъ Аланъ-христіанъ, составлявшихъ особый отрядъ въ арміи Кубилая. Рѣзня эта произошла въ Чингинджу (Шанъ-шу-фу въ Кьянгсу).

Мариньолли (въ полов. XIV в.) пишетъ объ Аланахъ (Jule's Cathay p. 373): «Они въ настоящее время самый великій и благородный народъ на свѣтѣ, самые красивые и храбрые люди. Благодаря ихъ помощи Татары овладѣли востокомъ и безъ нихъ никогда бы не одержали ни одной важной побѣды. У Чингисъ-хана, перваго царя татарскаго, состояло на службѣ семьдесятъ два аланскихъ князя, когда этотъ бичь Божій отправился карать міръ».

Клапротъ (Asia polyglotta, p. 82) отожествляетъ Алановъ или Асовъ съ Осетами, народомъ еще находимымъ на Кавказѣ на сѣверъ отъ Грузіи. Онъ говоритъ, что они извѣстны Грузинамъ подъ именемъ Осовъ. Вивьенъ де С. Мартенъ возражаетъ противъ такого отожествленія, хотя онъ считаетъ Алановъ и Асовъ первоначальными членами одного великаго племени Асовъ, которые различными путями и во времена значительно отдаленныя появились изъ средней Азіи въ странахъ прикавказскихъ. По словамъ этого ученаго Грузины различаютъ

Аланетовъ отъ Осетовъ и помѣщаютъ первыхъ внутри Абхазіи (Jule p. 317).

Полковникъ Юлъ говоритъ (ib p. 316): «Аланы извѣстны Китайцамъ подъ этимъ именемъ еще въ первыхъ годахъ нашей эры и даже нѣсколько раньше, и помѣщаются ими близъ Арала. По этимъ первоначальнымъ ихъ жилищамъ можно заключить объ ихъ сродствѣ, если не тожествѣ съ знаменитыми Массагетами».

Это положеніе Юла относительно ранняго знакомства Китайцевъ съ Аланами, вѣроятно основанное на мнѣніи Дегиня (томъ II. стр. 279), требуетъ нѣкотораго поясненія и исправленія. Я позволю себѣ указать, на какихъ данныхъ основано это отожествленіе Дегиня. Въ исторіи древнѣйшихъ хановъ (до Р. Хр. 202—по Р. Хр. 25), глава CXVI. царство Іенчай (Yen-t'sai) упоминается въ 2000 ли на сѣверо-западъ отъ Кьан-кю К'ang-кü (Самаркандъ;—см. выше, 141). Далѣе говорится, что Іенчай расположенъ на большомъ озерѣ (собственно болотѣ) съ плоскими берегами; называется оно Сѣвернымъ моремъ. Въ исторіи позднѣйшихъ хановъ (21—221 г., по Р. X.) гл. CXVIII Іенчай снова упоминается, причемъ замѣчено, что названіе страны измѣнилось на А-лан-ья A-lan-ya (Deguigne'вскіе Алане). Въ исторіи Уей (Wei—386—558) упоминается царство Суце—Su-t'e на сѣверо-западъ отъ К'анъ-кю—К'ang-кü, расположенное на большомъ озерѣ: нѣкогда царство это называлось Іен-чай, Yen-t'sai и Уен-на-ша Wen-na-sha. Я не рѣшаюсь утверждать, что такія неопредѣленныя извѣстія объ Іенчай и сходство именъ A-lan-ya съ Аланія достаточны для отожествленія этихъ именъ. Во всякомъ случаѣ нельзя считать за достовѣрное, что Алане были извѣстны Китайцамъ еще до христіанской эры.

Мы узнаемъ изъ Юан-ши (Yüan-shi), что въ Монгольскій періодъ Аланы были не только извѣстны въ Китаѣ, но представили не мало способныхъ людей Монголо-Китайской Имперіи. Многіе изъ нихъ занимали высокія должности или отличились, какъ доблестные полководцы. Въ жизнеописаніяхъ у Юан-ши прославлены болѣе двадцати заслуженныхъ Аланъ, иные изъ нихъ царской крови, и сверхъ того приводятся еще имена многихъ другихъ.

Они обыкновенно прозываются А-су, A-su, а иногда A-sze. Имя Аланъ—Alan встрѣчается только однажды, см. въ Си-пей-ши, гдѣ это имя обыкновенно сочетается съ А-се (A-sze), также какъ и на картѣ. Въ первый разъ Юан-ши упоминаетъ A-su, А-су подъ 1223 г.

Вотъ списокъ Аланъ, имена коихъ приводятся въ біографіяхъ у Юан-ши.

Гл. CXXXII. Hang-hu-sze (это имя пишется также Ang-ho-sze). Когда войско императора Огатая достигло страны А-су, правитель ея, по

имени Ханг-ху-зе покорился немедленно; затѣмъ императоръ пожаловалъ ему въ достоинство ба-ду-р'а (ba-du-r—bahadur), и золотую дощечку, утвердивъ его правителемъ его княжества. Также данъ былъ приказъ объ образованіи полка изъ тысячи человѣкъ народа А-су (для лейбъ-гвардіи хана). Ханг-ху-зе по возвращеніи домой былъ убитъ въ одномъ мятежѣ, и вдова его Уай-ма-зе (Wai-ma-sze) стала во главѣ правленія. Она собрала силы, усмирила возстаніе и передала власть сыну своему Ан-фа-п'у (An-fa-p'u).

Старшій сынъ этого Ханг-ху-зе Атяши (A-t'a-ch'i), жизнь котораго описана у Юан-ши въ гл. CXXXV. былъ храбрый полководецъ въ правленіе Мангу и Кубилая и отличился въ Китаѣ въ войнѣ съ Сунгомъ. У него былъ сынъ, по имени Ботаръ (Bo-ta-r), отецъ О-ло-се (O-lo-sze), имѣвшаго въ свою очередь двухъ Дудана и Фудинга (Du-dan, Fu-ding). Всѣ они были офицерами монгольской арміи.

Въ главѣ CXXXII (у Юан-ши) находится біографія Ювашu—Yü-wa-shi, другого Алана. отличившагося въ качествѣ полководца въ правленіе Кубилая. Онъ былъ отправленъ противъ возмутившихся князей на сѣверо-западѣ (Кайду и пр.) и пронесъ монгольское оружіе до страны И-би-р Ши-би-р (Сибирь). Отецъ Юваши по имени Іеліе ба-ду-р (Илія багадуръ—тоже кажется князь) покорился въ одно время съ Ханг-ху-се. Другіе потомки Юваши точно также упоминаются.

Въ гл. CXXIII есть біографія А-су (или Алана) Nie-gu-la (Николая). Про него сказано. что онъ покорился въ одно время съ Ильею Асу (Ye-li-ya A-su)—вѣроятно тутъ разумѣется предъидущій Илья,—и съ другими, всего ихъ было 38 чел. Николай (Niegula) находился при императорѣ Мангу, когда тотъ воевалъ въ Китаѣ съ Сунгомъ. Его сынъ А-тя-ши (A-t'a-chi (это имя встрѣчается второй разъ, какъ имя Алана) отличился при осадѣ Сянъ-Янъ-фу и въ походѣ противъ возмутившагося князя Но-іена (No-yen). Въ царствованіе императора Іен-цунга (1312—1321) онъ еще дѣйствовалъ. Его сынъ Кіао-Хуа занималъ высокую должность при дворѣ.

Въ той же главѣ находится біографія А-су князя Арселана (A-r-sze-lan). Тутъ сказано, что когда городъ его былъ взятъ ханомъ Мангу, Арселанъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Асанджономъ (A-san-djen) явился въ лагерь къ побѣдителю и изъявилъ ему свою покорность. Монголъ выдалъ Арселану грамоту на управленіе народомъ Асу, но половину войска Арселанова забралъ къ себѣ въ гвардію, а остальную половину оставилъ при немъ для защиты его владѣній. Асандженъ былъ взятъ ханомъ Мангу, но былъ вскорѣ убитъ въ сраженіи съ возмутившимися войсками Шеркьо (?). Мангу тѣло его приказалъ бальзамировать и отправить на родину. Услыхавъ о смерти своего

сына, Арсланъ сказалъ: «Старшій сынъ мой рано погибъ, не успѣвъ сослужить службу императору. Вотъ второй мой сынъ Нѣгулай (Nie-gu-lai), предлагаю его вашему величеству». Этотъ Нѣгулай былъ храбрымъ воиномъ и принималъ участіе въ походѣ Вулянгходая (Wu-liang-ho-dai) въ Халаджанъ (Ha-la-djang — Караджангъ Решида. — Юннанъ). Послѣ него остался сынъ Хурдуда (Hu-r-du-da), по повелѣнію Кубилая сопровождалъ Булу ноена, (Bu-lu no-yen) ходившаго въ какую-то страну Хармаму (Ha-r-ma-mou?) У Хурдуды былъ сынъ Худутѣмуръ (Hu-du-t'ie-mu-r). Всѣ они служили въ гвардіи императорской.

Въ главѣ CXXXII мы встрѣчаемся съ именами трехъ Аланъ, покорившихся Мангу, когда онъ напалъ на ихъ страну, а именно Бадура (Ba-du-r) и его братьевъ Уцорбухана (U-tzo-r-bu-han) и Матяршу (Ma-t'a-r-sha). Этотъ послѣдній находился въ авангардѣ Монгольскаго войска, когда былъ взятъ приступомъ городъ Майкьосе (Mai-k'o-sze) [1].

Въ CXXXV гл. есть біографія Кюрджи—K'our-r-gi (Георгій) природнаго Аса или Алана (A-su), служившаго въ Монгольскомъ войскѣ въ правленіе Кубилая. Его отецъ Фуделайсе (Fu-de-lai-sze) служилъ въ гвардіи императора Мангу. Сынъ Кюрджи назывался — Димитрій Di-mi-di-r.

Въ той же главѣ помѣщены біографіи двухъ другихъ Аланъ Шила бадуръ (Shi-la ba-du-r) и

Изъ именъ нѣкоторыхъ Аланъ, упоминаемыхъ у Юанши можно заключать, что они были христіане. (Notic., стр. 184—189).

Замѣтка архим. Руварца объ Ясахъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ придунайскихъ земляхъ.

Въ дополненіе къ этимъ двумъ замѣткамъ Преосв. Палладія и д-ра Бретшнейдера объ Ясахъ въ Китаѣ приводимъ въ русскомъ переводѣ и вышеуказанную замѣтку отличнаго сербскаго изслѣдователя архим. Руварца.

---

[1]) Г. Бретшнейдеръ въ другомъ мѣстѣ своей книги (Notices of the med. geogr., стр. 83—4) говоритъ объ этомъ городѣ. Приведя слова Решида о дѣйствіяхъ Монголовъ на Кавказѣ въ 1238—1239 г., онъ замѣчаетъ что упоминаемый тутъ городъ Mangass или Mikess—тожественъ съ городомъ Асскимъ или Аланскимъ Mie-k'ie-sze, упоминаемымъ подъ тѣмъ же годомъ и при описаніи тѣхъ же дѣйствій Монголовъ у Китайскаго историка Юанши. Этотъ городъ встрѣчается у него нѣсколько разъ, и также подъ именемъ Mai-k'o-sze. По мнѣнію г. Бретшнейдера, Mie-k'ie-sze или Mai-k'o-sze Юанши—Miegie—Монгольскихъ лѣтописей—Mikess Решида. Но мѣстоположеніе этого города г. Бретшнейдеръ опредѣлить затрудняется и ссылается лишь на указанія В. В. Григорьева (Зап.-Вост. Отд. Арх. Общ. I, 64) на городъ Мокши (Mokhsi или Mokhshi) во владѣніяхъ хановъ Золотой Орды. Это быть можетъ и есть Mie-k'ie-sze китайскихъ авторовъ. Но Григорьевъ прибавилъ, что существованіе этого города (Мокши) извѣстно лишь по нѣсколькимъ выбитымъ въ немъ древнимъ монетамъ.

Статья эта немногимъ у насъ извѣстна, а между тѣмъ очень важная. Она озаглавлена у почтеннаго автора «Господство Яшко».

«Въ краткой исторіи болгарскаго народа, написанной по К. Иречку Др. Миланомъ Савичемъ и изданной въ 1879 г. въ Новомъ Садѣ, говорится, что болгарскій царь Михаилъ (1330 г.) заключилъ противъ сербскаго короля Стефана Уроша III союзъ съ греческимъ царемъ Андроникомъ III, съ румынскимъ воеводой Иванкомъ Басарабомъ, съ черными Татарами и съ господаремъ Яшки (sic). У Иречка въ нѣм. изд. стр. 293 сказано gospodstvo Iassko, а ниже въ пунктѣ 19 «Einleitung zu Dušans Gesetzen» (Iasi slav. Alanen). Но это замѣчанье легко могло быть просмотрѣно, и г. компилятору это господство јашко показалось слишкомъ отвлеченнымъ, и онъ предпочелъ замѣнить его болѣе конкретнымъ выраженіемъ: «господарь Яшки», и такимъ образомъ волею неволею приблизился къ бывшему архіепископу Черниговскому Филарету, который въ трудѣ своемъ «Святые Южныхъ Славянъ» (стр. 201 прим. 14) «господство Яшко» замѣнилъ «господарь Яковъ».

Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе указаннаго мѣста въ предисловіи Душана къ его Законнику. Это мѣсто гласитъ такъ: «А позавидевъ злоненавистникъ діаволь нашему благому житію и злоньравіемь вьздьвиже на насъ—говоритъ царь Стефанъ—з (7) царевь въ лѣтѣ 6837, мѣсеца Іуніа 19 день, рекоу же (1) и цара грьчаскаго, (2) Михаила и (3) брата его Белаоура и (4) Александра цара Бльгаромь и (5) Басарабȣ Иванька, таста (6) Александра цара соумегь живуштихъ чрьныхъ Татарь и (7) господство яшко (См. Законик Стефана Душана изд. Стојан Новаковић, стр. XXIII).

Въ хрисовулѣ 1330 г., пожалованномъ монастырю Дечанскому Стефаномъ Урошемъ III сказано: «Храмоу сему жиждемоу и сиимоу хрисовоулоу записиваемому—вьнезапу побѣди се царь бльгарьскыи Михаиль Шишьманикь съ иными сильными 4-ми цари сь иноплеменьными іезыкы и многими погании». (Mikl. Mon. Serb. 100).

Въ такъ называемой Копривницкой Лѣтописи (Шафар. 53. срв. Arkiv III, 12) читаемъ: «Въ лѣто 6838—(1330) изиде начельникъ скиоскыи глаголемыи Михаиль царь, сь силою многою, и сь нимь окрьстныи єзыци, глаголю же Татари, Басараби с прочими и т. д.

Григорій Цамблакъ говоритъ вообще: «блъгарскыи царь Михаиль—на срьпское подвизаше се начелство—и много оуби того воинство суще, множайше же отъ различныхъ єзикь присьвькупль, еще же и о ономь поль рѣкы Доунава живоущихь Готѳь (Гласник XI, 71), а архіепископъ или вообще авторъ

жизнеописанія краля Дечанскаго (Жив. краљева изд. Даничић с. 179) говоритъ еще общѣе: и «сьбра (Мих. царь) тьми тьмами вьсакыихь єзикь».

Въ предисловіи Душана сказано, что семь царей поднялось противъ сербскаго краля. Слово царь употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ въ народной пѣснѣ: «цареви се отимљу о царство», гдѣ разумѣются: царь Урошъ, краль Вукашинъ, деспотъ Углеша и воевода Гойко.

О первыхъ четырехъ—1) царѣ греческомъ (Андроникѣ III), 2) царѣ болгарскомъ Михаилѣ, 3) братѣ его Белаурѣ и 4) племянникѣ его Александрѣ, въ послѣдствіи царѣ болгарскомъ—говорить тутъ нечего.

Пятымъ стоитъ Иванко Басараба. К. Иречекъ полагаетъ, что этотъ союзникъ Михайловъ въ войнѣ противъ Сербовъ 1330 г. есть тотъ самый валашскій воевода Басараба, что въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ окружилъ въ тѣсномъ ущельѣ короля венгерскаго Карла Роберта и разбилъ почти все его войско. Въ венгерскихъ хроникахъ (въ Туроцевой гл. 97. Chron. Budense p. 246; Chron. Posoniense: «A. D. 1330 feria sexta ante festum beati Martini (9 Nor) in terra Bazarad Karolus rex fraudulenter est devictus») называется онъ «Bazarad Waywoda Blachorum», а въ карловыхъ грамотахъ, «Bazarab Vlacus (влахъ) in terra Transalpina» (Fejer VIII v. 3 p. 265 VIII vol. 4 p. 58), а въ первой грамотѣ говорится еще: in terra transalpina per Bezarab filium Thocomery (т. е. Басарабъ сынъ Тихомировъ); но личное его имя не извѣстно ни изъ хроникъ, ни изъ грамотъ венгерскихъ. Энгель, Фесслеръ, Клейнъ, Салай, Хормузаки и другіе румынскіе писатели называютъ Басарабу разбившаго Карла Роберта Михаиломъ, но Хиждеу въ Histoire critique des Roumains trad. Fr. Dame. Bucarest 1878 I p. примѣчаетъ 101 (5): «Любопытно, что во всѣхъ румынскихъ учебникахъ исторіи отечественной эта побѣда (1330) приписывается «Михаилу Басарабу», лицу совершенно фантастическому. До 1418 г. въ Валахіи не было ни одного государя съ этимъ именемъ. Самъ Хиждеу утверждаетъ, а раньше его и Р. Реслеръ въ Roman, Stud. (296, 197), что побѣдитель 1330 г. былъ валашскій воевода Александръ Басараба. Если же оно такъ, то упоминаемый у Душана Иванко Бассараба не былъ валашскимъ воеводой, а если былъ, то неправильно названъ «Иванко», По положенію, что валашскій воевода, побѣдившій въ 1330 г. Карла Роберта, назывался Александромъ, служитъ основаніемъ предположеніе, что въ первый разъ упоминаемый въ венгерской хроникѣ подъ 1342 г. и въ грамотахъ Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. воеводою валашскимъ.

Фотинъ и Когальничану (ихъ приводитъ Реслеръ стр. 292 и 295) говорятъ, что разбившій Карла воевода назывался Іонъ (Иванъ) Басараба I. Это не-

ложеніе находитъ подтвержденье въ нашемъ предисловіи (къ Зак. Душана), ибо Иванко Басараба тоже, что и Иванъ Басараба.

Вышеупомянутый строго критичный румынскій историкъ Хиждеу не соглашается съ тѣмъ, что Иванко Басараба нашей записи былъ валашскимъ воеводою раньше Александра Басарабы и полагаетъ, что этотъ Иванко есть Janus Meister de Doboka, отецъ Ладислава де Doboka, —этого послѣдняго валашскій воевода Ладиславъ, сынъ и наслѣдникъ воеводы Александра, въ одной грамотѣ называетъ своимъ сродникомъ (Fejer IX). Но Хиждеу поступаетъ такъ потому, что онъ слишкомъ твердо увѣрилъ себя, будто Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. волошскимъ воеводой.

Объ Иванкѣ Басараба сказано далѣе въ записи, что «онъ тесть Александра царя и что этотъ Александръ былъ царемъ пограничныхъ Татаръ», а вовсе не сказано, что этотъ Иванко былъ тестомъ Александру, позднѣйшему царю болгарскому, какъ разумѣлъ это мѣсто К. Иречекъ (Desch. d. Bulg p. 290. 321 и русск. пер. с. 383). На это уже Хиждеу возражалъ Иречку.

И такъ 6-мъ союзникомъ Михаила въ войнѣ противъ Сербовъ былъ Александръ, зять Иванка Басарабы, воеводы волошскаго и царь пограничныхъ черныхъ Татаръ. Татары тогда еще господствовали въ Молдавіи, она ужь позже получила особаго волошскаго воеводу. Что же касается самаго имени этого царя татарскаго, т. е. имени христіанскаго, то напомнимъ, что венгерскій король Людовикъ въ грамотѣ 1368 г. говоритъ о торговцахъ и о странѣ domini Demetrii principis Tartarorum (Fejer, IX, 4 vol. p. 129).

7. Господство Яшко. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются Ясы, а что Ясы тоже что Аланы, объ этомъ говоритъ уже Минорита Joannes de Plano Carpini, бывшій между ними въ 1246 г. (см. Fejer IV, vol. I, p. 42): «Alani sive Assi». И въ жизнеописаніи нашего архіепископа Даніила II [1]) умоминаются Яси или єзикъ яшьски въ товариществѣ съ Татарами и Турками (см. Животи Архіепископа стр. 341 и 259). И какъ єзикъ яшьски около 1313 г. помогалъ кралю Милутину противъ его непріятелей, такъ точно въ 1330 г. могъ сражаться за царя болгарскаго противъ краля сербскаго. Но гдѣ же это господство яшко или гдѣ проживали эти Яси упоминаемые въ сербскихъ лѣтописяхъ? Полагаю, что они проживали возлѣ Татаръ въ одной части Молдавіи, и городъ Яши (Ясы) получилъ отъ этихъ

---

[1]) Занималъ арх. каѳедру съ 1323 по 1337 г.

Ясовъ свое названіе [1]).—Извѣстно, что прежде Татаръ въ нынѣшней Румыніи господствовали Куманы (Половцы), коихъ побѣдили Татары, и отъ коихъ одна часть бѣжала въ Венгрію, гдѣ ихъ потомки и теперь называются Палоци, т. е. Половцы, какъ Куманы назывались у Русскихъ. Быть можетъ, что тогда же съ Половцами или Куманами пришла и толпа Ясовъ изъ Молдавіи въ Венгрію, и что отъ нихъ происходятъ тѣ, которые называются въ грамотахъ и законахъ венгерскихъ Jassones или Jazyges и почти всегда упоминаются заодно съ Куманами» [2]).

(Замѣтки Редактора о Руси и Ясахъ будутъ помѣщены въ 3 кн. Жив. Стар.).

---

[1]) Въ Журн. М-ва Нар. Пр. Дек. 1878 г. П. Ф. Брунъ пишетъ на стр. 237: «Господство явко»; къ нему безспорно принадлежалъ городъ Ясы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными»,—по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже называли Кара-Богданъ, была тогда уже извѣстна грекамъ подъ названіемъ Мавровлахія, и по которой и городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ превратился въ Черный (Маврокастронъ).

[2]) Hunfaliy (Ethnographie von Ungarn. Budapest p. 244) и другіе венгерскіе писатели (раньше его) думають объ этомъ иначе, а именно: der magyarische Name der Jazigier ist jassok dieses Wort lautet im Singular «iasz» und ist gleichbedeutend mit ijas, Bogen oder Pfeilschütze(отъ ij=стрѣла).

ОТДѢЛЪ II.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ нами былъ случайно найденъ въ одной деревнѣ близъ Архангельска (деревня Верхн. Валдушки) небольшой писанный сборникъ, составленный, какъ видно изъ надписи его владѣльца и, судя по почерку составителя,—въ 1748 году. Надпись сдѣлана въ срединѣ сборника и гласитъ слѣдующее: «сія тетрадь Кеготровской волости Якова Алексѣева сына ево Матвея Котлова 1748 года мѣсяца іюля 15 числа». (Кегостровъ—деревня въ 4—5 верстахъ отъ Архангельска).

Сборникъ этотъ, представляющій изъ себя тетрадку въ восьмую долю листа, безграмотно написанную, читается легко благодаря разборчивому почерку, хотя многія слова и буквы стерлись. Содержитъ онъ слѣдующее: повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ, молитву Архангелу Михаилу, слово святого отца нашего Моисея, слово святого отца нашего Евагрія, чудо святого Христова мученика и страстотерпца Георгія (како избави дщерь цареву отъ лютаго змія), слово святого Аркадія архіепископа, повѣсть объ Акирѣ премудромъ и сынѣ его Анаданѣ, поученіе Іоанна Златоуста, церковныя пѣснопѣнія въ день Рождества Христова и другіе праздники.

«Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Іліи Муромце і о соловье Разбойнике» представляетъ изъ себя, въ сущности, былину съ совершенно разложившимся стихомъ, значительно испорченную, и какъ всѣ подобныя ей «повѣсти», носитъ на себѣ яркіе слѣды книжнаго вліянія. Такія «повѣсти», «сказанія» и «гисторіи» писались въ большемъ количествѣ въ 18-омъ и еще въ 17-омъ вѣкѣ полуграмотными писцами для полуграмотныхъ читателей и продавались въ Москвѣ вмѣстѣ съ лубочными картинами. Отсутствіе стихотворнаго размѣра въ такихъ повѣстяхъ, записанныхъ, вѣроятно, со словъ былинныхъ сказателей, объясняется тѣмъ, что эти послѣдніе (какъ свидѣтельствуетъ Гильфердингъ) совершенно не могутъ передавать былины «пословесно» безъ напѣва—особенно въ мѣстахъ «переходныхъ»,—и впадаютъ въ прозаическую рѣчь; да и записыватели ихъ, понятно, интересовались лишь содержаніемъ былинъ.

Значительная порча дошедшихъ до насъ текстовъ, конечно, объясняется также и тѣмъ, что всѣ эти «повѣсти» находимъ мы въ копіяхъ, а не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ сказателей, а онѣ при перепискѣ должны были много потерпѣть.

Всего дошло до насъ семь такихъ текстовъ (не считая нашего), которые и описаны Л. Н. Майковымъ въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», *откуда мы заимствуемъ всѣ о нихъ свѣдѣнія.*

1) «Повѣсть о Іліе Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникахъ Ѳ. И. Буслаева (первой четверти XVIII в.).

2) «Сказаніе о Иліе Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222 (втор. четв. XVIII в.).

3) «Повѣсть о сильнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье разбойнике»—въ сборникѣ Публ. Библ. (писанномъ во втор. полов. XVIII в.).

4) «Гисторія о Илье Муромце и о Соловье разбойнике»—въ рукописи И. Е. Забѣлина, № 71 (писан. во втор. полов. XVIII в.).

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборникѣ Москов. Публ. Музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663 (XVIII-го вѣка).

6) «Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ»—въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82 (писан. въ срединѣ XVIII-го вѣка).

7) «Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова (XVIII-го вѣка).

Сравнивая ихъ, Л. Н. Майковъ приходитъ къ тому заключенію, что первые 4 текста, очень сходные между собою и по изложенію и по подробностямъ, представляютъ собою 4 списка одной редакціи одного памятника (къ нимъ подходитъ и отрывочный пятый), два-же другихъ, т. е. шестой Забѣлинскій (№ 82) и Барсовскій,—2 списка другой редакціи памятника. Затѣмъ, сличивъ первые 4 текста, онъ дѣлаетъ удачную попытку возстановить, на основаніи ихъ, первоначальную редакцію памятника, т. е. «возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII-омъ вѣкѣ».

Сличая текстъ найденной нами рукописи съ возстановленнымъ текстомъ Л. Н. Майкова и, съ другой стороны, съ Забѣлинскимъ (№ 82), мы видимъ, что нашъ текстъ, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ и по самому изложенію, представляетъ сравнительно съ ними значительныя особенности. Возстановленный Л. Н. Майковымъ текстъ (говоря о немъ мы имѣемъ въ виду собственно тѣ четыре или пять текстовъ, на основаніи которыхъ онъ возстановленъ) представляетъ схему нѣсколько иную, чѣмъ нашъ: онъ начинается прямо съ отъѣзда Ильи изъ дому и съ заповѣди, которую налагаетъ на себя Илья, и затѣмъ уже прямо разсказывается эпизодъ подъ городомъ Себежомъ,—нашъ же говоритъ сначала о родителяхъ Ильи и объ исцѣленіи его странниками («старичками»). Начало Забѣлинскаго текста (№ 82) утрачено,—онъ начинается тѣмъ, что воевода черниговскій ведетъ Илью на пиръ; кромѣ того текстъ этотъ содержитъ въ себѣ разсказъ объ Идолищѣ, чего нѣтъ во всѣхъ остальныхъ.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Въ возстановленномъ Л. Н. Майковымъ текстѣ (и во всѣхъ 4-хъ) Илья Муромецъ самъ налагаетъ на себя заповѣдь не кровавить рукъ, тогда такъ въ нашемъ-заповѣдь эту налагаютъ на него его родители.

2) Въ возстановл.—у царевичей, осаждающихъ Себежъ градъ (у насъ вездѣ Себѣжъ) силы «по сту и по тысячѣ»; въ Забѣлинскомъ (№ 71) «силы съ ними триста тысячъ», по нашему же—«со всякимъ царевичемъ силы по тридцати тысячъ».

3) Въ возстановл.—эти царевичи похваляются «градъ защитомъ взять, а самаго царя Себѣжскаго въ полонъ взять», въ нашемъ—«градъ защитомъ взять а жители градскихъ подмечъ.....»

4) Въ возстановл.—силу вражью (у насъ «татарскую») Илья избиваетъ саблей, въ нашемъ—палицей булатной (у насъ «напущается на рать силу великую сколько бьетъ, а вдвое конемъ топчетъ, куда онъ не поедетъ—улицы, куда не поворотится—слободы»; такія выраженія постоянно видимъ въ былинахъ).

5) Въ возставл.—не находимъ мы никакого тутъ упоминанія о морѣ (только въ Забѣлинскомъ № 71 побѣда надъ царевичами происходитъ у морской пристани), въ нашемъ такое упоминаніе есть, хотя черта эта, по замѣчанію Л. Н. Майкова, вѣроятно, «не принадлежитъ коренному сказанію».

6) въ возстановл.—царь Себежскій обѣщаетъ дать Ильѣ полъ-царства если послѣдній останется у него на службѣ, и въ Забѣлинскомъ (№ 82) зоветъ на пиръ Илью вое-

вода черниговскій, а въ нашемъ зовутъ Илью кушать хлѣбъ-соль жители городскіе «отъ мала до велика».

7) Въ возстановл.—Соловей сидитъ на девяти дубахъ (въ Буслаевск. на двѣнадцати; въ Забѣлинскомъ (№ 82) тоже на двѣнадцати), въ нашемъ —на двухъ.

8) Въ возстановл. — изъ 4-хъ текстовъ, только въ Буслаевскомъ—(ничего не сказано) и въ Забѣлинскомъ (№ 82)—Илья попалъ Соловью въ правый глазъ, въ нашемъ—въ лѣвый.

9) Въ возстановл.—(во всѣхъ 4-хъ) и въ Забѣлинскомъ (№ 82) сказано: Соловей упалъ съ девяти дубовъ, «*что овсяный снопъ*» (это Л. Н Майковъ считаетъ коренной чертой сказанія), въ нашемъ—этого нѣтъ.

10) Бой съ Соловьемъ разбойникомъ описывается въ нашемъ текстѣ совершенно не такъ, какъ во всѣхъ другихъ. У насъ Соловей садится на коня. Къ сожалѣнію, мѣсто это въ нашемъ текстѣ спутано и нѣсколько словъ стерлось.

11) Въ возстановл.—Владимиръ на слова Ильи: «поѣхалъ изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную (здѣсь Пасхальную)» выражаетъ недовѣріе, говоря, что у него «гонцы гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро въ одинъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ»; въ нашемъ—онъ говоритъ: «гонцы гоняютъ по пяти дней».

Кромѣ всего этого, въ нашемъ текстѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Илья здѣсь живетъ въ славномъ градѣ Муромѣ, въ большомъ селѣ Карачаевѣ, *въ селѣ Кантяевѣ* (послѣднее названіе встрѣчается три раза), чего не находимъ мы ни въ былинахъ, ни въ «повѣстяхъ». Наконецъ, интересную особенность нашей «повѣсти» представляетъ исцѣленіе Ильи странниками (у насъ «старичками») именно *наканунѣ праздника Ильи Пророка*. Это послѣднее обстоятельство, хотя и не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу предположенія Ор. Миллера о переходѣ имени Ильи Пророка на нашего богатыря, но, кажется, не лишено нѣкотораго значенія для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ существенныя отличія нашего текста отъ всѣхъ остальныхъ. Эти отличія, вмѣстѣ съ значительнымъ несходствомъ самаго изложенія «повѣсти», даютъ, кажется, право предположить, что наша «повѣсть» ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, не отъ тѣхъ двухъ первоначальныхъ редакцій этого памятника, отъ которыхъ происходятъ семь до сихъ поръ извѣстныхъ «повѣстей объ Ильѣ Муромцѣ». Отсутствіе же слѣдовъ мѣстнаго говора и случаи аканья (акаракамъ) говорятъ, повидимому, за то что это—копія, снятая съ оригинала не мѣстнаго происхожденія [1]).

Студентъ Спб. Ун. *Михаилъ Протопоповъ.*

Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Іліи Муромце і о Соловье Разбойникѣ.

Во славномъ было во градѣ Муромѣ, во болшемъ селе Карачаеве было селцо Кантяево, въ томъ селцо Кантяеве былъ-жилъ крестьянинъ именемъ Иванъ (со) своею женою велма (у) Бога (въ) милости по убогимъ и страннымъ приниматель. Іже уроди(лся) сынъ, ему же бысть Іліа (имя) . . . . младыхъ лѣтъ да до 30-ти лѣтъ 3-хъ всихъ днехъ о чемъ отецъ и мати его велми были печалны. Но случися наканонѣ праздника Іліи Пророка отецъ Іліинъ и мати были у всенощни в болшемъ селѣ Карачаевѣ, а у Іліи были нѣкоторые два старичка под окошкомъ. Яко бы по молитвѣ родителеи его они даровали ему ноги но нѣ токмо . . . . і силу великую богатырскую Іліа почулъ въсебѣ. Но какъ отецъ

[1]) Извѣстныя до сего времени повѣсти объ Ильѣ М. переизданы въ сборн.: «Русскія былины стар. и нов. записи, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. О. Миллера. М. 1894».

и мати его пришли ого в споцин. а Илья и встрѣтилъ и онт о томъ, благодаренаую ( ) пришли Господу Богу и великому Пр(о)року Илiи. Наутрѣ воста пошли ко святои литоргiи недели того великаго веселия сотворили пиръ великъ простраинымъ (и) убогимъ Илiи... время сыскалъ в конюшнѣ . . . сивца бурца . . . латы и колiе палицу булатную . . . . достигъ себѣ противъ отца своего i матери благословенiя Ѣхать Князь Владимеру поклонится i он(и) сплачемъ дали благословенiе, хотя Ѣхать со заклинанiемъ его оружiемъ, что ему Ѣхать дорогою из наженъ востру саблю невынимать. Ис колчана Илья Муроме(цъ) колѣны стрелы на лукъ нака(кла)дываетъ. Илья Муромецъ поехавъ въ Киевъ градъ слуша заутреню воскресную, но какъ онъ будетъ под себѣжемъ градомъ . . . . ажно стоитъ подъ нимъ три царевича заморскiя. со всякимъ царевичемъ си(лы) по трицати тысящъ, а похваляются они градъ защитомъ взять, а жителя градскихъ под мечъ . . . . . зговоритъ Ѣдучи Илья Муромецъ: охъ по грехомъ мнѣ учинилось, что отецъ мои и мати моя заклели мое оружие. Однако, сотворивъ себѣ знаменiе крестное, вынимаетъ свою палицу булатную, напущается на рать силу великую, сколько бьетъ. а вдвое конемъ топчетъ, куда онъ не поедетъ—улицы, куда не поворотится—слободы, и побилъ всю силу татарскую, i три царевича насилу нашли за море на кораблях то небольшими людми. Но какъ Iлья Муромецъ Ѣхалъ скрозь Себѣж(ъ) градъ, во градскихъ воротахъ встречали хлѣбомъ и солью весь народъ отъ мала и до велика и бьютъ челомъ ему и покланяются и просятъ милости к себѣ во градъ хлѣба и соли кушати. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ только, спрашиваетъ у нихъ дороги прямо дороги ко граду Киеву, и отвѣщають ему себѣжскiе жители: ты гои еси, добрыи молодецъ, прямая кплмъ была дорога ко граду Киеву на лѣса на Брын(скiе), па грязи черные. на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, толко та у насъ дорога запустѣла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья разбоиника, отево разбоинича соловынного посвиста никакои богатырь не можетъ устоять. Богатырское сердце неунмчиво, и поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ прямо на грязи черные, на рѣку Смородину, на мосты калиновы. и какъ онъ будетъ противъ сторожи Соловья разбоиника, ажно соловеи настороже былъ сидѣлъ на двухъ дубахъ, засвисталъ онъ своимъ разбоиничимъ соловьинымъ посвистомъ, якобы земл(я) поколѣбалася, и от того посвисту под Ильею конь пошарашился Илья Муромецъ биетъ своего коня по толстымъ акаракамъ а самъ говоритъ таково слово: что ты, волчья шерсть, шарашишся, ветъ меня силнее (нѣтъ), (и вы)нимаетъ свои крепкои лукъ, а ис колчана вынимаетъ колѣну стрѣлу, стрелятъ Соловья разбоиника и попалъ въ ево лѣвои гласъ. От того удару соловеи свалился со двухъ дубахъ великихъ. Тогда Илья Муромецъ поскака(въ) хотѣлъ ево злои смерти предать. Но соловѣи разбоиникъ вскочи(въ) недопустилъ ево до себѣ, рече: Богатырская есть то слава, что мѣня хотѣлъ бѣзъ оружия убить, но даи мнѣ справится, я сяду на свои доброи конь, и скоро Соловеи разбоиникъ убралъ узбруду (?) латную и селъ на свои доброи конь и такъ розежалъ . . . . . . Илья Муромецъ от великаго разъезду толко Соловья уронилъ вышибъ его недалѣче вонъ наземлѣ зачто Соловеи разбоиникъ Илью Муромца . . . . Молви Соловеи разбоиникъ: дѣточки мои малые соловьявы, не дразните сего добраго молодца, а бейте челомъ хлѣбомъ и солью. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ, а поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ прямо на большу (къ) Киеву дорогу и скачетъ онъ з горы на гору .ол.. i поду..ы вонъ вымѣтываетъ, а у рѣкъ перевозу не спрашивалъ; но какъ приехалъ въ Киевъ градъ вье(д)е(т)ъ прямо на княженьскои дворъ и привязалъ своего доброго коня, пошелъ въ палаты княжеские, молился чѣснымъ святымъ иконамъ, кланялся на двѣ на четыре стороны, а особливо великому князь Владимеру, что зговоритъ Владимеръ князь: ты ои еси, доброи дородно(и) молодецъ, да скажи ты мнѣ, какъ тебя зовутъ по имени по отечеству, коего града уроженецъ. Ответъ держитъ Илья Муромецъ: я, государь, уроженецъ града Мурома из большего села Карачаров(а), а родися в селцѣ Каигевѣ, по имени меня зовутъ Ильюшою по отечеству Ивановъ сынъ прозванiемъ Муромецъ. Зговоритъ князь Владимеръ ты ои еси, Илья Муромецъ сынъ ивановецъ, скажи ты, давноль ты изъ Мурома. Ответъ держитъ Илья Муромецъ сынъ ивановецъ: государь, поехалъ, изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную. Разсмѣялся велики(и) Владимеръ князь: что ты Илья врешь, у насъ гонцы гоняють по шти днеи. Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ; да еще были на меня двѣ за-

дершки великія: первая несбавилъ от осаду Себѣже градъ; вторую имѣлъ, бои с Соловьемъ разбоиникомъ, которои побѣд.. силнеи.. Тогда князь Владимеръ вышелъ и съ силными могучими богатыри смотреть Соловья разбоиника, и рече: ты ои еси Соловеи разбоиникъ, засвищи ты своимъ разбоиничимъ соловьинымъ посвигомъ. Ответь держитъ Соловеи разбоиникъ: твоя Государь воля, я несмею государя моего Ильи Муромца, и тогда Илія велѣлъ засвиста(ть). Но от ево посвисту князи і бояре попадали, толко насилу устоялъ самъ Владимеръ, и зато ево князь Владимеръ пожаловалъ выше своихъ богатырей киевскихъ. Конецъ сему повѣствовани(ю).

Аминь.

Примѣчаніе: Текстъ воспроизведенъ съ рукописи дословно.

Пунктиромъ обозначены слова и буквы, стертыя въ рукописи. Въ скобкахъ помѣщены слова и буквы, возстановленныя нами.

Веснянки. Петривки и Купальныя пѣсни.

Записанныя мною въ с. Псках (Волынск. губ., Житомирск. у.) пѣсни распадаются на три группы — веснянки, петривки и купальныя. Первыя поются, начиная обыкновенно съ Пасхи до Петрова поста, а вторыя въ Петровъ постъ. По содержанію, онѣ чрезвычайно похожи. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ главнымъ образомъ воспѣвается обыкновенно любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія, на свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются какъ въ веснянкахъ, такъ и въ петривкахъ. Хочетъ, напримѣръ, какой нибудь Тарасъ жениться на какой нибудь Наталкѣ. Объ этомъ уже извѣстно дивчатамъ и хлопцямъ всего села. Оба они уже воспѣваются въ веснянкѣ:

«Въ садочку промегяно,
Барвиночкомъ уплетяно,
Тамъ Тарасъ съ торгомъ стоявъ,
А зъ якимъ торгомъ—зъ бындочками.
За нымъ дивчата купочкамы:
Всимъ дивчатамъ запродае.
Своїй Наталци дарма дае.
Беры, Наталко, ціи дары,
Щобъ мы по Петри сталы въ пари...».

Также громогласно выводятся въ пѣсни и разнаго рода интимныя отношенія:

Ой на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денысъ ходыть.

Какъ веснянки, такъ и петривки являются для дивчатъ средствомъ посмѣяться надъ «хлопцями», особенно изъ другого села, посмѣяться и надъ своими подругами. Вообще нужно замѣтить, что сатирическій духъ замѣтенъ въ большей части этого рода пѣсенъ. Многія изъ нихъ являются какъ бы насмѣшкой надъ тѣмъ или другимъ фактомъ, той или другой личностью. У Чубинскаго записана одна пѣсня, показывающая ясно, что веснянки именно преслѣдуютъ такого рода задачи. Въ пѣснѣ этой (т. III, стр. 178, № 119) разсказывается, какъ одинъ парень приставалъ къ дѣвушкѣ:

— Не козырысь, парубоньку.
Н не копыль губу,
Коли любышъ такъ, якъ кажешъ,
То веды до шлюбу.
— Ой, радъ бы я шлюбъ узяти,
Та не велыть мати.
— Якъ не велыть, то й не ходы
На нашъ край гуляты.
Насупывся парубонько.
Тай потягъ до дому...
— Ой, не кажы, дивчынонько,
Ти про се никому.
— Скажу Івзі, скажу Стесі,
Ще скажу й Одарці
Скажу Гальці титаривні.
Скажу й паламарці;

Ой, скажу всимъ, щобъ про тебе
Веснянки співали,
Щобъ прызвіща та прикладки
Тобі прикладали.

Такимъ-же характеромъ отличаются и купальныя пѣсни, пріуроченныя ко дню празднованія Ивана Купала.

Послѣ 29-го іюня всѣ названныя пѣсни, веснянки, петривки, купальныя, замѣняются пѣснями, непріуроченными къ какому нибудь опредѣленному времени, преимущественно заунывными «весильными» (свадебными), въ которыхъ воспѣваются тѣже Тарасъ съ Наталкой и другіе хлопцы и дивчата, вступающіе въ бракъ.

I.

Веснянки.

1.

Сяяла зиронька, сяяла,
Съ кимъ ты, Настуню, стояла?
Съ тобою, Петруню, съ тобою
Пидъ зеленою вербою, надъ холодною водою.
Де Петрунё коня пасъ—
Ёму барвинокъ по поясъ;
А де Настуня стояла—
Шовкова трава завьяла.
Чого, дивчата, сыдыте?
Чомъ вы барвинку не рвете?
Рвалы барвинокъ за грошы
Въ насъ кавалеры хороши:
Нашъ Петрунё краще всихъ,
Любыть Настуню лучше всихъ.

2.

На нашу улыцю, на нашу
Прыносьте пшона на кашу:
Будымо кашу варыты—
Тай будымъ хлопцивъ женыты.
Солона каша, солона
Завдаймо хлопцямъ сорома.

3.

Перейды мисяцю (bis)
Та на нашу улыцю. (bis)
На наши улыци (bis)
Та все хлопци молодци (bis)
Нема найкращого (bis)
Попидъ Петра нашого (bis)
Хтось у лиси гукае (bis)
Петро кони шукае (bis)
Твои кони въ шкоди (bis)
У Мосія на городи (bis)
Вижы кони займешъ (bis)
Щей Настуню доглянешъ (bis)
Щобъ Настуня любыла (bis)
Щобъ теща хвалыла (bis)
Симъ паръ чобитъ стоптавъ (bis)
Черезъ тещынъ дворъ ходывъ (bis)

4.

Плыве човенъ, тай воды повенъ—
Десь хвыля прыбыла...
Смутна наша дивка Наталка—
Десь матуся была...
— «Мене маты зроду не была;
Сами слёзы льютьця—
Отъ Тараса сват'ивъ ныма
Отъ Опанаса шлютьця».
Покотыся, ясный мисяцю,
Помежъ зироньками,
Подывыся, молодый Опанасе,
Чы је краща, чы је лииша
По дивку Наталку.

5.

На городи лыныла,
Маты до дому клыкала:
— «Ходить, хлопци, до дому
Давайте конямъ оброку.
Идить, молодци, до хаты:
Пора вамъ сынямъ мишаты
А вы, дивчата, не дбайте—
До билого дня гуляйте!» [1].

6.

Посію я горошокъ, горошокъ,
Посію я два стручки, два стручки,
Та посію я чотыры, чотыры,
Та бодай червы сточылы.
Горобсечку спатку, спатку,
А чы бувъ—жежъ ты въ садку, въ садку,
Та чы бачывъ ты, якъ макъ сіють?
Ой, такъ такъ сіють макъ,
Щей морквыцю и постырнакъ,

---

[1]) Ср. у Чубинскаго, т. III, стр. 162, № 80.

7.

Ой за городомъ дымъ, та дымъ.
Тамъ соловей гниздо звывъ.
Тамъ Тараско коня пасъ—
Ему выноградъ по поясъ.
А вишъ ковыка попасае.
Хороше въ дудку выгравае.
Хороше въ дудку выгравае.
Соби Наталку пидмовляе.
— «За мною, Наталко, за мною—
Будышъ мини молодому жоною.
Будышъ мои матинци годыты;
Пидъ гору воду носыты.
Съ горы каминьемь котыты.
Покотывся каминець
Просто Наталци въ рукавець.
Вона думала, що то каминець,
Ажъ то Тараско молодець.

8.

На ричеци, та на доцеци
Тамъ дивчына полощеця.
Полощеця, умываеця,
Въ черевычки узуваеця.
Черевычки покупець (sic) [1]) покупывъ,
Щобъ хорошый молодець полюбывъ.
Панчишечки пани матка дала.
Щобъ хороша молоденька була.

9.

Киля млына—калына.
Тамъ дивчына ходыла,
Дивкамъ танець водыла.
Що выведе—той стане—
На всихъ дивокъ споглянс,
Чы вси дивки въ таночку?
Уси дивки тонко йдуть,
Тилько нема однои—
Фрасыны молодои.

10.

Киля млына—калына
Тамъ дивчына ходыла.
Ножемъ зилле копала,
Щей матинки пытала:
— «Ой, чымъ его, мамо, счарувать?»
— «Чаруй, доню, ны любай (sic),
Щобъ съ тобою ны стоявъ,
Зъ ручки перстень ны здиймавъ».

11.

На городи, пидъ вербою
Стоявъ Тарасъ и зъ дирою.
До его Настуня прыходыла
Торбу окрушивъ прыносыла,
Беры, Тарасъ, ци окрушки—
Прыйды до мене у подушки.

12.

У крывого танця.
Та не выведу кинця.
Якъ стану я весты,
Якъ виночокъ плесты?
Ой, виноче, мій виноче,
Хрещастый барвиноче,
Я-жъ тебе мыла, выла,
Ще вчора зъ вечера
Повисыла у садочку
На терновимъ шнурочку.
Тамъ моя ненька йшла,
Тай виночокъ найшла.
Виночокъ найшла,
Тай нелюбови дала.
Та колы бъ була знала,
То була бъ розирвала.
Та пидъ ниженьки стоптала
Чорнымы чобиточкамы
Золотымы пидковочкамы.

13.

На городи клынъ, клынъ
Въ кучери вьеця.
А хто пиде за Ювхима,
То той нажывеця.
На ему сорочка
Съ тонкаго клыночка.
А хто ёму вышывавъ?
Мойсіёва дочка.
На іи виночокъ,
Винокъ дротяненькій.
А хто іи купувавъ?
Ювхимъ молоденькій.

[1]) Очевидно вм. «панъ-отецъ».

14.

Писковеській ставъ
Скомороській [1]) ставъ
До купоньки злывся.
Тамъ Ювхимъ и съ Петромъ
За Настуню бывся.
— «Ой, ны быйтеся, ны сваритеся:
Я васъ обохъ люблю:
Петрови хусточку дала,
Ювхимова буду».

15.

И на цимъ кутку
И на тимъ кутку
Ворона завысла.
«Уже твоя, дивко Насте,
Вечера та скисла»·
«Ой, выхай кисне,
Таки мушу исты
Та колы бъ мини зъ Ювхимомъ
Ва посади систы [2])».

16.

Зайчыку, та сиресенькій,
Зайчыку, та билесенькій.
Дала мини маты сыто решето,
Щобъ мое зилле хороше росло.
Защипочки дротяненьки,
А воритця зализненьки.
Никуды, зайчыку, а ни выскочыты,
А ни выстрыбнуты.
Оно зайчыкъ скокомъ бокомъ
Передъ моимъ чорнымъ окомъ.
Зайчыку, обернысь,
Зъ дивчыною обіймыся...

17.

Змарнило дытя, змарнило.
У чужого батька сыдило,
Чужи матинци годыло:
Съ пидъ горы воду носыло,
А съ горы каминь котыло.
Покотывся каминець
Дивци Настуни въ рукавець.
Вона думала—каминець;
А то, Иванъ молодець.
— «А ты, Иванъ, ны будь панъ
Визьмы Настуню пидъ жупанъ».
«А я жупана не маю
Пидъ спру свыту сховаю.
Хочъ не пидъ свыту—
Пидъ кожухъ
Выйму изъ Настуни
Пару й духъ».

18.

Ой хожу я, хожу киля городечка:
Жоно моя, та жонусенько | (при-
Дывно, дывно, мое серденько | пѣвъ).
Куплю своій жони сорочыну въ торзи.
(припѣвъ).
Сорочыну зношу, мыленькимъ не назву.
(припѣвъ).
Ой, хожу я хожу киля городечка.
(припѣвъ).
Куплю своій жони спидныченьку въ торзи.
(припѣвъ).
Спидныченьку зношу, мыленькимъ не назву.
(припѣвъ) и т. д. [3]).
Куплю своій жони нагаечку въ торзи.
(припѣвъ).
Нагайку зломаю, пиду погуляю.
(припѣвъ).

---

[1]) С. Скоморохи находится въ 2-хъ верстахъ отъ с. Писокъ.

[2]) Ср. у Чубинскаго т. III, стр. 133, № 32.

[3]) Мужъ предлагаетъ купить: кантурыночку, хустыночку, каралыки, черевычки, чанчиночки, свытыночку, поясыну, кожушыну.

II.

Петривки.

1.

Плывала кладочка пидъ ледкомъ,
Давала Настуся—ручку двомъ:
На тиби, Опанасъ, руку мою,
А ты, Денысъ, не дывуй:
Беры соби Настусю—тай шлюбуй.

2.

Ишлы рики, тай брынилы
Черезъ Мойсіёви сины.
Тамъ кавалеры збиралыся,
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Денысъ найбильше склавсь
Ще й на Настуню залыцявсь:
— «Ой, ты, Настуню, сердце мое,
Сподобалося лычко твое.
Ни такъ лычко, якъ ты сама
И на папери напысана.
На папери, на лысточку,
Чорни бривоньки на шнурочку [1])».

3.

Дывиться люды, дывитеся:
Иде Денысъ женытыся.
Самъ іиде на коняци,
Везе Настуню на собаци,
Накрывъ Настуню радюгою.
Тай поганяе батюгою.
Собака гарчыть—пидъ плитъ бижыть,
А винъ зубамы—за хвистъ держыть.

4.

Ой, на городи боракъ, боракъ,—
Наши Настуни жывитъ набракъ.
Нехай бракне, нехай знае,
Нехай Деныса ны прыймае.
Ой на городи лопухъ, лопухъ,—
Наши Настуни жывитъ опухъ:
Нехай пухне, нехай знае,
Нехай Деныса ны прыймае.

5.

Ой, на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денысъ ходыть.
Ой, роды роды, буркунчыку
Прыйды, Денисе, голубчыку.
Ой, колы родышъ—роды рясно,
А колы ходышъ—ходы часто.
Ой, колы родышъ—ны всыпайся,
Ой, колы любышъ—ны цурайся.

6.

На городи шафранъ, шафранъ,—
Стоить Денысъ, якъ панъ, якъ панъ.
Коля его петрушечка—
Стоить Настуня, якъ душечка.
Шафранъ петрушку пидъпдае,
Денысъ Настуню пидмовляе:
— «Ой, ты, Настуню, ой ты, ой ты,
Колы до тебе въ гости прыйты?»
«Прыйды, Денысе, у вечери,
Щобъ вороженьки ны бачылы.
Прыйды, Денысе, долыною,
Буде горилка зъ калыною.
Прыйды до мене садкомъ, садкомъ,
Буде горилка зъ медкомъ, зъ медкомъ,
Прыйды, Денысе, долынамы
Буде горилка зъ малынамы».

7.

На городи салата—
Роды, Боже, дивчата.
На городи стоици—
Хватай, чорте хлопцивъ.
Стовпомъ дымъ } (припѣвъ).
Чортъ изъ нымъ }

[1]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6 и стр. 220, № 37.

На городи крокисъ порисъ —
Забравъ чортъ хлопцивъ
Тай въ лисъ понисъ [1]).
(припѣвъ).

8.

«Ой, на городи крокисъ порисъ
Чомъ ты, Иване, бильшій ны рисъ?»
«Ой, буде зъ мене й такенького:
Полюбыть Наталка й маленького».

9.

Полытивъ Иванъ на небеса.
Прычыпывъ жорна до пояса.
Де летыть, то й крупы дере,
Де спочывае, то и палае.
Де заночуе, кулишъ варыть—
Свои Настуни жывитъ парыть.
Ныхай парыть, ныхай знае.
Ныхай Ивана ны прыймае.

10.

Пишлы дивчата горды рваты —
Далеко хлопцямъ Петра ждаты.
Дивчата гордыны нарвалы.
А хлопци Петра не дождалы.
На городи кущыкъ дроку—
Щобъ ны дождались хлопци року.
На городи кущъ калыны —
Клыче Иванъ на родыны.
На городи кущыкъ пыжма,
Щобъ ны дождалы хлопци тыжня.
На городи кущъ шельвiи,—
Щобъ ны дождалы хлопци недили.

11.

За городомъ квитки вьютьця,
За Наталку хлопци бьютьця:
Тарасъ каже—«моя буде»...
Опанасъ каже—«вязьмуть люды
Таки Наталка моя буде.
Люблю Наталку паненочку
Куплю Наталци суконочку.
А я Наталку вирно люблю,
А я Наталци сукно куплю»...
Пишовъ Тарасъ до кравнычки,
Купывъ Наталци черевычки,
Черевычки на пидковахъ
Гуляй,Наталко, чорноброва!
Черевычки съ пидковкамы!
Гуляй, Наталко, межъ дивкамы!

12.

Летилы гуси баднатии,—
Писковеськи хлопци шмаркатии!
Летилы гуси—силы въ проси
Писковеськимъ хлопцямъ—червы въ носи!
Летилы гуси сывокрыли,
Скомороськи хлопци чорнобрыви.

13.

Стукнулы воритця въ одвирця
Украдяно Наталка одъ молодця.
Молоденькій Иванъ ны чуе—
Съ кицькамы въ решети ночуе:
Винъ думавъ молоденькій,
Що Наталчины рученьки,
А то кицини лапоньки...
— «Де ты, Иване, ночувавъ.
Хто въ тебе Наталку въ ночи вкравъ?»
— «Ночувавъ я, дивчата, на лавци,
Вкрадяна Наталка у ранци.
Ночувавъ я, дивчата, на пичи,
Вкрадяна Наталка у ночи.
Ночувавъ я, дивчата, на току
Вкрадяна Наталка отъ боку».

14.

Ой, у лисочку, на дубочку
Повисылы хлопци гойдалочку.
Гойдалыся, выхалыся
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Ювхимъ найбильшъ склавсь,
Щей на Настуню залыцався:
— «Ой ты, Настуню, сердце мое
Сподобалося лычко твое.
и т. д. (Ср. Петривку, № 2).
Ой, мала п'ичка мала, мала,
Де ты, Наталко, ночувала?
— «Ой, ночувала пидъ грушою
Съ тобою, Иване, зъ душою.
Ой, ночувала пидъ хатою
Съ кудлатою собакою».

16.

Въ Наталчыни голови
Мышы кубло завелы.
Тарасъ зъ радощамы
Носыть воду прыгорщамы.

---

[1]) Чубинскій, т. III, стр. 182, № 130.

III.

Купальныя.

1.

На Ивана Купайлого
Ходыла видьма
На вального.
На дубъ лизла.
Кору грызла,
А зъ дуба впала
Зилле копала.
Вона Наталку
Вчарувала [1]).

2.

Пора тоби, вербонько, розвытьця,
Пора тоби, Иване, женытьця.
— «Часъ ны часъ, ны пора.
Ще жъ моя Настуня молода.
Ще жъ вона на улыци ны була,
Щежъ вона купайлочка ны вила.
Ныхай вона ще погуляе,
Русою косою махае.
Якъ замужъ пиде, то ны буде,
Якъ стара буде—забуде [2]).

3.

На Ивана Купайла
Сучка въ борщъ упала.
А хлопци ны знали
Зубы поломалы.
Дивчата граблямы
А хлопци зубамы [3]).

4.

Покладу я кладку
Черезъ моравку.
Вербове купайло.
Вербове,
Часъ вамъ, дивчата,
До дому.
А ты тутъ, Наталко.
Зостанься,
Якъ прыйде Тарасъ-
Звиничайся.
Якъ прынесе виночка
Съ кадыла,
Щобъ ты ёго здорова
Зносыла.
А въ осени на весилле
Попросыла.
Якъ ны будышъ виночка
Носыты,
Той ны будышъ на весилле
Просыты [4]).

5.

— «Молодая молодыце,
Выйды зъ вечора на улыцю».
— «Якъ-же мини выходыты,
Дивкамъ купайло розводыты?
Въ мене свекорко—ны батенько
Въ мене свекруха—ны матинка.
У комороньку зачыняе
Тай на улыченьку ны пускае.
Прочыню я кватырочку,
Та подывлюся на улычку:
Дивки купайло убирають,
А мене слезы облывають».

6.

На городи лопухъ, лопухъ—
Писковськимъ хлопцямъ
Живитъ опухъ.
Ныхай пухне, ныхай знають,
Ныхай купайла ны ломають [5]).
Наше купайло до мисяця
Писковськи хлопци повисятьця.

Сообщилъ *В. Боцяновскій.*

---

[1]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 1.
[2]) Ср. Сахаровъ, Сказанія русск. нар., т. I, стр. 273, № 11.—Чубинскій, т. III, стр. 194.
[3]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6.
[4]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 209, №№ 23 и 24.
[5]) Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 2.

Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій[1]).

(Посв. Э. А. Вольтеру).

Цѣль настоящаго очерка, касающагося предмета, крайне малоизученнаго, почти неизвѣстнаго даже специалистамъ-этнографамъ, во первыхъ — сообщить этнографическій матеріалъ, который мнѣ удалось извлечь изъ орацій, во вторыхъ указать, какъ отразилась на нихъ національная жизнь. Отлагая историческій очеркъ литовско-латышскаго свадебнаго обряда до другого времени, здѣсь я ограничусь только тѣсной областью литовскихъ орацій, какъ памятника національнаго творчества. Но что такое національность въ народной литературѣ? Конечно, не та сказка, по моему мнѣнію, національна, которую народъ понимаетъ не только, какъ сказку, но именно, какъ с в о ю сказку: это признакъ случайный, потому что очень часто (я сужу по личному опыту въ Литвѣ) на просьбу спѣть с в о ю — литовскую пѣсню, сказать с в о ю — литовскую сказку, преподносится пѣсня или сказка, очевидно заимствованная изъ Польши, Россіи или Пруссіи.

Образъ, возникшій въ сознаніи одного изъ членовъ такого уравненнаго общества, какъ крестьянская среда, легко можетъ настолько ассоціироваться съ сознаніемъ и другихъ членовъ этого общества, что тотъ же образъ мы сможемъ найти и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, и въ пословицѣ, и въ загадкѣ. Но и заимствованія, какъ-нибудь ассимилировавшись со старыми образами, могутъ такъ-же ассоціироваться съ ними, какъ и образы туземные; такимъ образомъ они становятся національными. И факты, повидимому, не противорѣчатъ этому: дѣйствительно, хотя сказка о Зигфридѣ Роговомъ, заимствованіе которой совершилось, вѣроятно, уже давно, такъ и называется у Литовцевъ Ragotasis Zigfryds, и варіантовъ, кажется, не имѣетъ; хотя настолько же не національнымъ остался и приведенный ниже разсказъ о Соломонѣ, тогда какъ образъ рака, возстающаго противъ своего творца, мы находимъ въ четырехъ сказочныхъ варіантахъ [2]), въ пословицѣ [3]): «поднимаешься, какъ ракъ на Перкуна», и наконецъ въ пѣснѣ [4]); — однако многія католическія ле-

---

[1]) „Очеркъ", служившій первоначально рефератомъ въ засѣданіи 3 декабря 1893 г. Неофилологическаго общества, печатается здѣсь съ немногими поправками и дополненіями; нѣкоторыя поправки сдѣланы благодаря любезнымъ указаніямъ А. Н. Пыпина.

[2]) 3 изъ нихъ записаны мною и теперь печатаются, четвертый помѣщенъ у Фекенштедта въ его сборникѣ жмудскихъ сказокъ и миѳовъ.

[3]) Tu kelýs káp vežýs prysz Perkúną. Bezzenberger, Altpreussische Monatschrift. Band XXII. Heft 3 u 4 s. 348.

[4]) Lietúviškos dájnos, užrašýtos par Antána Juškevićę Казань 1880—82 m. I—III (цитируется: J) № 135, строфа 4: Vežýs vežýs т. е. ракъ, ракъ,
Tuŕ šiknó'akis имѣетъ глаза въ заду.

генды стали вполнѣ національны, причемъ произошла ассимиляція: такъ, напримѣръ, легенда о розѣ примѣнилась къ рутѣ, любимому литовскому цвѣтку; однако, пѣсня искусственная, приписываемая одному видному литовскому дѣятелю, дала множество народныхъ варіантовъ и образы ея мы могли бы найти во многихъ позднѣйшихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ разница въ отношеніи національности между заимствованнымъ и туземнымъ, исконнымъ почти только временная, количественная, а не качественная: народъ заимствуетъ только то, что можетъ понять, примѣнить къ себѣ, что ему нравится, что наконецъ сходно съ обычными ему понятіями и образами; все, что не стоитъ въ народной литературѣ одиноко, а вызываетъ многочисленныя переработки, подражанія и т. п., все это можетъ служить картиной народныхъ нравовъ, понятій и жизни, все это національно [1].

Литовскія ораціи національны уже и потому, что прямо изъ характера литовца, который такъ любитъ каждый важный моментъ своей жизни украсить цвѣтистымъ, красиво обточеннымъ, часто полнымъ ироніи словомъ, прямо изъ его характера—вытекаетъ многочисленность и сложность орацій, ихъ отношеніе къ четыремъ важнѣйшимъ минутамъ свадьбы. Существуетъ четыре рода орацій: 1) рѣчь, которую держитъ сватъ, пріѣхавши въ какой нибудь домъ для приглашенія всѣхъ его обитателей на свадьбу; 2) рѣчь, которую держитъ въ домѣ невѣсты передъ маршаломъ (sūlsedis) тотъ же сватъ, прося впустить въ домъ жениха и его свиту; 3) рѣчь къ невѣстѣ, которую обращаетъ онъ же, передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, подавая ей рутовый вѣнокъ, символъ ея чистоты; 4) наконецъ декретъ о повѣшеніи свата-лжеца, этого главнаго лица свадьбы, около котораго и невѣсты сосредоточивается, собственно, весь домашній обрядъ, декретъ, которымъ оканчивается свадьба. Изъ этихъ четырехъ родовъ, три имѣютъ цѣлью позабавить слушателей, поэтому въ нихъ легко могли получить доступъ остроты, не уступающія по своей соли нашимъ балаганнымъ, пародіи на сказки, удивительные символы и т. п.

Третій родъ, рѣчь при подачѣ вѣнка, отличается, напротивъ, торжественностью и имѣетъ цѣлью восхвалить дѣвическую чистоту; поэтому сюда легко могли проникнуть католическія легенды о святыхъ дѣвственницахъ, какъ св. Агнеса и др. Не смотря на многочисленность варіантовъ, всякій родъ этихъ орацій имѣетъ одну основную форму, къ которой сводятся другія; чѣмъ чище сохранились мѣстные обычаи, тѣмъ ораціи обширнѣе и витіеватѣе; въ Прусской Литвѣ онѣ очень коротки.

Приглашеніе на свадьбу высказывается глашатаемъ-гостебникомъ (kvėslys) [2], пріѣхавшимъ на разукрашенной лошади съ маленькимъ деревцомъ, перевитымъ лентами и унизаннымъ бубенчиками, въ рукахъ; заключая въ себѣ всевозможныя остроты по поводу того, какъ должны пріѣхать гости на свадьбу и что они будутъ тамъ дѣлать, эта рѣчь даетъ не мало и сказочнаго матеріала; выбираю для образца одну изъ самыхъ короткихъ рѣчей и затѣмъ отмѣчу варіанты.

---

[1]) Рецензентъ моего доклада (см. газету «Новости» отъ 8 Дек. 1893 г.), конечно, вслѣдствіе неясности моего первоначальнаго изложенія, приписываетъ мнѣ мнѣніе, котораго я, собственно говоря, не имѣлъ. Онъ говоритъ: «по мнѣнію докладчика, въ литовскихъ ораціяхъ вполнѣ отразилась литовская жизнь въ образахъ національныхъ и правдивыхъ». Здѣсь все дѣло вертится около слова: «національный», неясность котораго въ моемъ докладѣ породила и возраженія проф. А. Н. Веселовскаго: «прежде, чѣмъ толковать объ отраженіи въ нихъ литовской національности, надобно... выдѣлить изъ нихъ все пришлое». Я несогласенъ съ этимъ и въ существѣ дѣла, потому что національное вовсе не противопоставляю пришлому, и въ частностяхъ, потому что кое-что, признаваемое проф. Веселовскимъ за пришлое, мнѣ кажется можно принять за національное и въ его смыслѣ, о чемъ ниже.—Національная литовская жизнь отразилась въ ораціяхъ постольку, поскольку она ассимилируетъ себѣ пришлый элементъ и подымаетъ на свою поверхность исконные образы, тотъ или иной способъ пониманія и изложенія вещей.

[2]) Такъ называется сватъ, на котораго возлагается обязанность созывать на свадьбу гостей.

[1]) «Дай вамъ Богъ счастія! Приглашаю богатыхъ и отважныхъ на этотъ вечеръ на свадьбу; молодыхъ на гулянье къ тому юному кавалеру, къ зеленому Божью деревцу: собрался онъ на чужую сторону, въ великія странствованія по горамъ высокимъ, по лѣсамъ зеленымъ, по полямъ великимъ за воды великія. Приходите, старыя бабы, съ кривыми костылями, берите съ собой по мѣшечку булокъ, а вы, старые дѣды, по узелку табаку, хлѣба по уголку, по мѣшечку мяса, а вы, юныя дѣвицы, по букетику зеленыхъ рутъ, по шелковой кофточкѣ съ бѣлымъ передничкомъ, по горсточкѣ орѣховъ, для верховниковъ [2]) (viršininkas). По стѣнамъ не лазьте, парней не дразните, животики берегите. Прошу на кровь осы, на комарьи колбасы, на мошьи окорока. Всѣхъ огуломъ прошу: старыхъ, юныхъ, большихъ и малыхъ, но только съ большимъ запасомъ: положите въ карманы по полчетверику золы, повѣсьте за плечи лапти, возьмите грабли трехзубыя. Кто какъ себѣ устроитъ, тотъ такъ и носитъ. Въ этомъ ужъ верховникъ не повиненъ. Прошу покорнѣйше глину мять на свадьбѣ, т. е. вертуна плясать».

Обыкновенно, мы встрѣчаемъ другое начало съ интересными символами, другой конецъ. Вотъ варіантъ начала Svr 14: «прежде всего воздаю славу Господу Богу, Творцу неба и земли, и этому дому, и этого дома основателю и основательницѣ и этому столу, какъ алтарю, цвѣту льна, крови ржи, колосу пшеницы», т. е. полотну, скатерти, пиву или водкѣ и бѣлому хлѣбу. Другой конецъ, обычный всѣмъ вообщеораціямъ, даетъ образчикъ народнаго остроумія: «не много говорю, не много умѣю: не ксендзомъ я рощенъ, не монашкой рожденъ, всего три класса проходилъ, на четвертомъ вышелъ: что тамъ слыхалъ, то и вамъ сказалъ», или: «я въ томъ классѣ не бывалъ, березовой розги не получалъ: по дорогѣ учился. Недалеко ускакалъ, не много узналъ. Дальше поскачемъ, больше узнаю, а какъ вернемся, я и вамъ скажу». Интересенъ тотъ идеалъ воспитанія, который рисуется этимъ видомъ орацій и который въ тѣхъ же выраженіяхъ мы находимъ во множествѣ пѣсенъ [3]); вотъ онъ: Svr. 15: «Этотъ юный юноша не изъ другихъ странъ, не изъ чужой земли, изъ этихъ самыхъ людей, отцомъ, матерью рожденъ, возрощенъ, обряженъ, сестрами выношенъ, въ зеленой люлькѣ выкачанъ, шелковымъ повивальникомъ повитъ, въ шелковыя пеленки запеленутъ, братьями защищенъ, славной родней похваленъ, золотымъ яблокомъ забавленъ [4]), бѣлымъ хлѣбомъ выкормленъ». Въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщается, обыкновенно, и о воспитаніи дѣвушки. Какъ богато обрисовался этотъ образъ у Литовца сравнительно съ Бѣлорусскимъ; Бѣлоруссъ не находитъ ничего сказать, какъ только: «кены кормили, поили это чадо милое, дзиця любимое съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахарныя уста цѣловали» (П. В. Шейнъ. Бѣлорусскій сборникъ. т. I, ч. II. СПБ. 1890. стр. 388); не то у Литовца: ему рисуется образъ горячо любимаго ребенка, на котораго не надышется вся семья, которому удѣляется все лучшее: вся роскошь, всѣ ласки родныхъ. «Дочку ростили, въ гусли звонили, въ люлькѣ

---

[1]) Svotbinė Rėda Veluonyčiu Lietuviu, surašyta par Antaną Juškėvičę 1870 mėtuse. Казань. 1880 (въ цитатахъ просто Svr.), с. 79.

[2]) Такъ называются главныя служебныя лица свадьбы.

[3]) Lietuviškos svotbines dájnos, užrašytos par Antána Juškéviče ir išspáudintos par Jóną Juškévičę. Спб. 1883. (цитируется JSvd.) №№ 159, 218, 259, 266, 277, 455, 457, 500, 528, 546, 642, 894.

J. 874, 877.

Сборникъ пѣсенъ Фортунатова и Миллера. XVII (цитир. Ф. М.). Brugmann und Leskien. Littauische Volkslieder und Märchen. 1882 (цитир. LB) № 133 (изъ сборника Лескина).

[4]) Караджић. Српске народне пјесме. У Бечу. 1875. II т, стр. 10:

Па погледа на златну колевку,
Ал'јој чедо седи у колевки,
Па се игра јабуком од злата.

начали, кольцомъ забавляли», говоритъ одна пѣсня; описывая хлопоты матери около малютки дочки, другая пѣсня прибавляетъ: «румянымъ яблочкомъ забавляла, она мнѣ красиваго личика желала».

Перейдемъ къ другому виду орацій, къ той просьбѣ свата пустить жениха въ домъ невѣсты, о которой я упомянулъ раньше, какъ о второмъ видѣ орацій. Поѣзжане невѣсты всячески оказываютъ препятствіе свитѣ жениха: завязывается борьба, но женихъ оказывается сильнѣе, и пробирается къ самой двери, которая пропустивши одного только свата, захлопывается передъ остальными. Вотъ наиболѣе интересная изъ извѣстныхъ мнѣ рѣчь свата (изъ рукописи Мицкевича): «прежде всего воздаю славу Господу Богу, Творцу неба и земли, и всей Пресвятой Троицѣ, и этого дома основателю и основательницѣ, отцу, матери, господину старшому и госпожѣ свахѣ и всей этой беседѣ, упрошенной, а не списанной. А мы странники изъ города, идемъ въ мѣсто приглашенные, къ зеленой рутѣ, нареченной тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божьимъ деревцомъ, и отцомъ его и матерью того, кто хочетъ сорвать зеленую руту. Вотъ ужъ триста лѣтъ, какъ мы странствуемъ, если итти днемъ и ночью, безъ передышки; прошли мы лѣсъ, словно камышъ: блуждали мы въ немъ день и ночь, много непріятелей въ той пущѣ оставили, изъ двухъ тысячъ едва восемь остались; великое число нашихъ братьевъ было, безъ малаго—всѣ погибли. Какъ только выѣхали мы изъ своего мѣстечка, ѣхали мы, блуждали цѣлую ночь, въѣхали въ славное большое мѣстечко, въ которомъ, какъ рута зеленая, барышня живетъ; но вотъ заблудились, не можемъ отыскать, будьте добры намъ путь указать. Мы не знаемъ, можетъ быть, это и есть то самое мѣсто, куда намъ тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божьимъ деревцомъ, скакать приказано. Потому спрашиваю я васъ безъ шутокъ: вѣдь вы видите, что у насъ голова закружилась, не отъ пьянства трясутся у насъ ноги, отъ страха, что среди темной ночи нѣтъ ни знака дороги; съ горемъ великимъ мы сюда пришли, чуть смерти въ томъ лѣсу не нашли. Много мы вытерпѣли въ той пустынѣ, дайте же, прошу васъ покорно, намъ ночлегъ; недолго мы пробудемъ, недолго прогостимъ, всего девять мѣсяцевъ, покуда отдохнемъ На ногахъ мы не тверды, съ ногъ валимся; не браните насъ, какъ пьяныхъ: вотъ ужъ восьмой день, какъ не видѣли мы корочки хлѣба; трудно намъ такую бѣду терпѣть, еле на ногахъ можемъ стоять. Остановились мы среди пустыни, говоримъ между собою: «пришли мы къ концу пути, нѣтъ спасенья, всѣхъ смерть валитъ». Если бы началъ я вамъ всѣ несчастья и бѣды разсказывать, никто изъ васъ не могъ бы отъ слезъ удержаться: какъ бобы, потекли бы у васъ слезы по лицу и по пяткамъ. Какъ только мы изъ дому въ путь пустились, тотчасъ въ великія пустыни углубились; по чащѣ лѣса и выскакать нельзя: дерево отъ дерева на цѣлую милю, а верхушки деревьевъ коней за ноздри хватаютъ. Потомъ поднялся великій вѣтеръ и штурмъ, цѣлую ночь какъ изъ ведра дождь лилъ; вотъ давай-мы по пустынѣ бѣгать, большаго дерева искать; нашли огромную разросшуюся ель, вотъ подлѣзли, все еще на половину видно. Съ полночи дождь пересталъ, другая бѣда встала: какъ стало отъ жару жечь, въ дрожь кинуло насъ всѣхъ, мы ужъ думали, что намъ и не стерпѣть. Слава Богу, начало разсвѣтать, а никто изъ нашего общества топора не имѣлъ; негдѣ достать топора: поѣхали мы черезъ лѣсъ, чащу лѣсную, высоту древесную; вершины коней ужъ за подбрюшину хватаютъ. Черезъ шесть дней выѣхали мы на волю—на просторъ, кони притомились, на лугу остановились; чудеснѣйшая трава, именно паръ взбороненный, на которомъ бороновала огромная толпа народу; насъ они выбранили, а коней нашихъ забрали; ужъ мы не знали, куда намъ и дѣваться; пошли мы, что еще остались, пѣши около коней, слезы стали по лицу на землю катиться. Потомъ пріѣхали мы къ морю—страшно взглянуть: широта въ полъаршина, а глубина-то пѣтуху до колѣнъ; долго намъ тутъ пришлось ожидать, чтобы какъ-нибудь вышло такъ, чтобы не такъ глубоко было намъ переходить; сказали товарищи: «нечего намъ здѣсь долго ждать, примемся море переплывать!» Какъ только мы начали плыть, глядь—пятьсотъ человѣкъ захлебнулось: какъ начали шлепать отъ моря, пришли къ горѣ—страшно смотрѣть: величина—и не выскажешь, а вышина

и длина—безъ малаго полъ-аршина, а на той сторонѣ горы муху видно, а гора-те вся деревьями обросла такими прямыми, какъ свиная острая щетина. Говоритъ товарищи: «чего намъ у этой горы долго ждать, попробуемъ мы ее сломать[1])». Какъ начали мы гору ломать—глядь, тысяча человѣкъ съ той горы обрушилась, но то были все люди, что тамъ жили, а изъ нашихъ никто не погибъ, потому что все отборные люди были: такіе воинственные, какъ Давидъ, мудрые, какъ Соломонъ, сильные, какъ Самсонъ. Разсказалъ я вамъ о лѣсной величинѣ, о горной вышинѣ и крѣпости: вотъ ужъ 300 лѣтъ, какъ мы странствуемъ, а нигдѣ безлѣснаго пути не находили: клены и дубы и ясени, какъ гнилушки, мы съ корнемъ вырывали, горы покидали разваленными, а подгорья сравненными; да и въ концѣ нашего пути не мало силы мы должны были положить: встрѣтили мы великое множество бунтовщиковъ; было имъ запрещено дома ночевать, а когда мы ихъ увидѣли, они бунтовали, въ рукахъ дубины держали. Они хотѣли насъ завоевать и спокойно себѣ ночевать, но мы этого не позволили: пусть они съ нами здѣсь позабавятся. Прошу поэтому: будьте такъ добры, дайте намъ ночлегъ, не гоните дальше: мы не долго будемъ, не долго прогостимъ: только девять мѣсяцевъ, пока отдохнемъ; просимъ у васъ скамью и бѣлый столъ уступить, льнянымъ цвѣтомъ покрыть, святой свѣчкой освѣтить; просимъ два пуда масла, и пива хоть двѣнадцать бочекъ, хлѣба бѣлаго пшеничнаго; просимъ, чтобы было намъ дано краснаго молока, чтобы старухи напившись лобъ наморщили, пару быковъ откормленныхъ, гусей десятокъ выйдетъ на нашъ малый полкъ; дайте нашимъ конямъ стойло, и овса и зеленаго сѣна, а намъ дайте по мягкой постели, а рядомъ каждому по барышнѣ, а, если молодыхъ не достанете, такъ хоть старыхъ не пожалѣйте, хоть съ двумя зубами, какъ клыками, только чтобъ не охали, чтобы успувши покою дали. Голову склоняю, рѣчь кончаю; карманы прорывались, слова Божьи просыпались. Не я одинъ виноватъ и портной виноватъ: чего карманы не зашилъ; далъ я сапожнику зашить: какъ онъ принялся иглой водить, такъ всѣ мои лучшія словечки и выковырялъ».

Варіантъ этой ораціи настолько любопытенъ, что я приведу нѣсколько мѣстъ изъ него: Svr. 24—25: «Отъ начала свѣта была земля безъ короля. Съѣзжалось двѣнадцать королей, думали они день и ночь, какъ нужно королевича обвѣнчать, какъ выбрать ему богобоязненную, людей стыдящуюся королевну. Дали ему войска 12 тысячъ воиновъ. Были у нихъ кони осѣдланные, уздою взнузданные. Куда они ѣхали, тамъ были заборы не загорожены, ворота не заперты, двери не затворены, лавки не заняты, столы убраны ячменной кровью на столѣ, пшеничнымъ колосомъ на концѣ» и далѣе: «когда мы ѣхали съ востока на западъ, день и ночь мы спотыкались, глубокія рѣки переходили, высокія горы перелѣзали и долѣзли до дерева оливы. На томъ деревѣ защебетала прекрасная пташка. Но то не пташка защебетала, а Господь на небесахъ проговорилъ такими словами слугамъ своимъ: «вотъ поѣзжайте по той лѣсной моей просѣкѣ, по дорогѣ сдѣланной» и т. д.

Судя по извѣстнымъ мнѣ варіантамъ, я думаю, что въ этомъ родѣ орацій мы находимъ одинъ разсказъ, пародію на одну сказку, которая впослѣдствіи расчленилась и перестала пониматься какъ одна. Молодецъ-богатырь ищетъ красавицу, на пути совершая подвиги. Передъ нами какъ будто пародія на рыцарскій романъ, давно окрестьянившійся. Онъ встрѣчается и въ краткихъ эпизодахъ другихъ орацій, напр. въ рѣчи при подачѣ вѣнка (по сборнику Мицкевича): «вотъ пошелъ юный молодецъ со слугой своимъ вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ черезъ лѣсъ зеленый и увидѣлъ онъ въ томъ зеленомъ лѣсу лавандовый садикъ, въ томъ лавандовомъ садикѣ винное деревцо, на томъ деревцѣ золотой стулнкъ, на томъ стуликѣ пташка щебетала: то самъ Господь, царь небесный, говорилъ со слугою своимъ» и т. п.

Не буду долго останавливаться на мистическомъ значеніи оливы и виннаго дерева (výnnedis), о которомъ въ одной пѣснѣ поется: «кричатъ и щебечутъ

---

[1]) Великаны—ломатели горъ часто встрѣчаются въ латышскихъ народныхъ сказкахъ.

итаники на вѣткахъ вишнаго дерева [1]); мнѣ хочется указать, какъ по народному представленію Богъ, усердно отыскиваемый въ своемъ царствѣ юношей, принимаетъ непосредственное участіе въ его свадьбѣ. Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось записать отъ 90-лѣтняго старика сказку съ тѣми же символами: простой незнатный человѣкъ хочетъ жениться на царской дочери, и царь даетъ свое согласіе, если онъ принесетъ грамоту отъ самого Бога. Послѣ долгихъ приключеній юноша приходитъ въ царствіе Божіе, гдѣ старичекъ, сидящій въ свѣтлотѣ у столика, подалъ ему разрѣшеніе, писанное золотыми буквами, о приключеніяхъ юноши, который отправляется то къ Богу, то къ дьяволу, существуютъ и латышская сказка. См. напримѣръ Bagatais Mārtiņš въ Ielgavas Rakstu krājums. III. Ielgavā. 1893. стр. 23—28.

Теперь передъ нами рѣчь, въ которую народъ вложилъ все свое уваженіе къ чистотѣ дѣвушки. Такъ какъ это чувство въ значительной степени выросло на почвѣ католицизма, то и въ oраціи этой вмѣсто сказочнаго элемента мы находимъ большую примѣсь католическихъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, духовныхъ пѣсенъ. Прежде всего приведу одну изъ самыхъ краткихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичныхъ орацій: Syr. 95—96 «Миръ входящимъ, радость здѣсь живущимъ! Прежде всего склоняю голову свою передъ Господомъ Богомъ, Творцомъ неба и земли, и этими любезными людьми, собраніе которыхъ я вижу здѣсь, и всего нижайше и покорнѣйше передъ тобой, дѣва юная! Нѣтъ дня счастливѣе, чѣмъ сегодняшній день. Какъ роза или лилія прекрасна ты, юная дѣва. Наши прадѣды, дѣлая вѣнки изъ золота, перловъ и дорогихъ діамантовъ, свидѣтельствовали этимъ о чистотѣ дѣвицы; если кто не имѣлъ болѣе дорогихъ прекрасныхъ вещей, долженъ былъ приносить вѣточку съ дерева; такъ и я сегодня долженъ былъ идти въ этотъ привѣтный руговый садикъ, въ которомъ выросла рута, выросла, разрослась, чистѣйшимъ цвѣтомъ разцвѣла, райскимъ благоуханіемъ запахла; вотъ держу я изъ этой руты свитый зеленый вѣночекъ, которымъ покрываю я тебя, какъ облакомъ, на который указываю я тебѣ, какъ на солнце. Какъ прекрасенъ онъ на видъ, такъ легокъ для ношенія. Шлетъ черезъ меня—слугу своего—этотъ юноша названный и прославленный Іонайтисомъ къ этой добродѣтельной дѣвицѣ Барбяле подарки дѣвическіе: не золото, не перлы, не дорогіе діаманты, а только этотъ зеленый руговый вѣночекъ, который она заслужила не множествомъ войска, не крѣпостію стѣнъ, не шумомъ оружія, не отважностью воиновъ, но прекраснѣйшимъ качествомъ дѣвичества своего. Вотъ и я могу поздравить эту прекраснѣйшую дѣву такими словами: живи сто лѣтъ, въ радости считай эти жемчужные дни. Чистая дѣва, честно и благопристойно выносила ты этотъ вѣнокъ, и теперь въ церкви у алтаря ты отдашь его. Ты сможешь получить у Господа поясъ небесный, но уже не вернешь жизни своей. Счастливы годы, когда я досталъ этотъ привѣтный руговый вѣночекъ, что дороже золота, перловъ и важнѣе драгоцѣнныхъ діамантовъ. Прошу, чистая и прекрасная дѣва, взять его изъ довѣренныхъ рукъ моихъ въ бѣлыя руки свои, и надѣть на голову свою; когда надѣнешь, проси у Бога счастливой жизни, а послѣ жизни царствія небеснаго». Мы должны отмѣтить теперь вставные элементы этой oраціи. Прежде всего сказаніе о Соломонѣ. Въ приведенной рѣчи сказано о невозможности вернуть прошлой жизни, годовъ дѣвичества; варіанты добавляютъ, что это невозможно такъ же, какъ было невозможно предпріятіе Соломона: «такъ и царь Соломонъ, царь царей, желая узнать небесную вышину, морскую глубину, занялъ крылья у птицы грифа, но они опалились отъ солнечныхъ лучей и упалъ онъ на землю, не достигнувъ небесной вышины, морской глубины» (сборникъ Мицкевича). Тотъ же образъ находится, повидимому въ сербскихъ народныхъ сказкахъ; по крайней мѣрѣ, г. Пыпинъ (Исторія славянскихъ литературъ. Томъ I. Спб. 1879. стр. 62) упоминаетъ о южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ, которыя приписываютъ Соломону полетъ на грифахъ (ср. также А. Веселовскаго. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада.

---

[1]) Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882. № 35, стр. 20.

Спб. 1872, стр 213, прим. 2). Къ католическимъ же апокрифамъ, можетъ быть, нужно отнести эпизодъ о коронѣ Богоматери: «такъ и Мать Пресвятая была увѣнчана короной изъ двѣнадцати звѣздъ сплетенной, лиліями украшенной» (ibd). Католическая легенда видна, можетъ быть, и въ сказаніи о времени, когда разцвѣтаетъ рута: «эта зеленая рута въ калядское утро рано выросла, въ утро Велика Дня радостно процвѣла» (ibd), съ чѣмъ нужно сравнить одну пѣсенку (Juškov. Liet. Dajn. № 1469): «Господь Іисусъ скакалъ, всѣ радостно пѣли, а въ Великое утро лилія процвѣла»; у католиковъ, насколько мнѣ извѣстно, подобное поется про розу. Наконецъ сравненіе чистой дѣвицы съ св. Агнессой, Маргаритой и т. д., которое я нашелъ въ рукописномъ сборникѣ Зыкуса, ведетъ свое происхожденіе оттуда же. Остается отмѣтить отношеніе ораціи къ духовной пѣсни: въ одномъ варіантѣ (Svr. 94) мы находимъ: «какъ радуются сердечки юныхъ дѣвъ, гуляющихъ въ саду, когда весной выростаютъ и распускаются лиліи... но какъ скоро онѣ теряютъ свою красоту и чистоту, когда захватитъ ихъ морозъ» и т. д. Сравнимъ съ этимъ искусственную пѣсню, записанную въ Полангенѣ въ этомъ году: «Въ серединѣ лѣта цвѣтетъ много растеній и душистыхъ цвѣтовъ. О, что за разцвѣтъ, что за благоуханіе этихъ растеній на лугу! Но приходитъ юноша съ косою, срѣзаетъ растеніе. О, что за увяданіе, что за гибель ихъ, этихъ душистыхъ цвѣтовъ. О, юныя дѣвы, если вы будете добраго нрава (—моды), никто не отниметъ у васъ ни добродѣтели, ни состоянія дѣвичества» [1]).

Наконецъ мы находимъ въ этой ораціи элементъ совершенно неожиданный, языческій. Я говорю о литовскомъ божкѣ Лаймѣ (Svr. 93): «Если бы Лайма опредѣлила мнѣ указать тѣ пути и тропинки, по которымъ я могъ бы попасть въ этотъ привѣтный садикъ зеленой руты и принести оттуда зеленый рутовый вѣночекъ». Лайма,—указательница пути, исконное балтійское миѳическое существо: мы имѣемъ цѣлый рядъ латышскихъ пѣсенъ, въ которыхъ ясно выступаетъ эта роль Лаймы [2]): въ золотомъ ручьѣ, разсказывается въ нихъ, купаются три Лаймы, изъ которыхъ одна говоритъ сироткѣ, какъ ей пройти къ могилѣ матери. Такъ слились въ одной ораціи самые разнообразные элементы.

Къ свадебнымъ рѣчамъ причисляется народомъ, обыкновенно, декретъ о повѣшеніи свата. На этомъ оригинальномъ обрядѣ мы должны остановиться нѣсколько болѣе. Какъ я имѣлъ уже случай сказать, сватъ въ литовской свадьбѣ играетъ чрезвычайно большую роль: это представитель жениха, замѣститель его во всѣхъ нехристіанскихъ обрядахъ, намекающихъ на увозъ и покупку невѣсты. Только этимъ можно объяснить то ожесточеніе, съ которымъ невѣста осыпаетъ его самыми обидными словами, самыми язвительными насмѣшками, почему его вѣчно преслѣдуетъ вся родня, всѣ поѣзжане невѣсты. Впослѣдствіи къ образу свата—жениха—покупщика и увозчика присоединились позднѣйшія черты: сватъ уже не является лицомъ, на котораго перенесенъ образъ языческаго жениха, несовмѣстный съ образомъ жениха-христіанскаго; сватъ становится лицемъ самостоятельнымъ, приближеннымъ къ жениху, его довѣреннымъ; ему приходится всячески лгать, чтобы заслужить одобреніе жениха; онъ долженъ осматривать все достояніе невѣсты. «Это ужъ дѣло лжеца-свата, что пришлось показать все имущество», говоритъ одна пѣсня [3]). «Лгунъ мошенникъ-сватъ», говоритъ другая пѣсня (сборн. г. Довойна-Сильвестровича. № 21): «въ славное мѣсто ты меня высваталъ; говорилъ: на горѣ рожь, подъ горою пшеница. Неправда: на горѣ метелка, и подъ горой одинъ репей. Говорилъ: каменный дворъ, хрустальныя окна. Какъ пришла я молодая ничего добраго не нашла. Ахъ ты лгунъ-мошенникъ, сватъ, дамъ я тебѣ подарочки: стволъ сосенки да березовый галстучекъ» [4]).

---

[1]) Сборникъ М. Довойна-Сильвестровича, въ «Живой Старинѣ», IV вып. 1893 г., гдѣ указаны и варіанты.

[2]) Musu Tautas Dzēsmas... Aronu Matisa Rigā. 1888. №№ 215, 217.

[3]) Рукописный сборникъ Бурбы, принадлежащій Импер. Русскому Географическому Обществу, пѣсня № 2.

[4]) Ср. JsvD. 763—766, 784, 811, 813. LB. № 4 (изъ сборника Бругмана).

Тутъ ужъ невѣста собирается мстить, но ея месть является не насиліемъ, но актомъ правосудія за покражу живаго человѣка. Выбирается и наряжается особеннымъ образомъ судья, которому поручается разсмотрѣть, какъ и гдѣ казнить злодѣя. Понятное дѣло, что мѣры предлагаются шуточныя: посадить въ сарай, и черезъ стѣну забодать ложкой гриба, или на теплой печкѣ заморозить и т. п. Народное остроуміе въ полномъ ходу при опредѣленіи времени, когда выданъ декретъ королемъ Жигитой (т. е. Сигизмундомъ?): это было тогда, когда желѣзноклювы по землѣ летали и гдѣ, не нужно, темными глазами черезъ щелку смотрѣли; когда волкъ съ козой свадьбу справляли, барсукъ поваромъ былъ, а воробей сватомъ; сорока пиво варила и т. д., во вкусѣ столь любимыхъ литовцами несообразностей [1]. Затѣмъ сообщается о рожденіи самого героя — свата. Онъ появился на свѣтъ чудеснымъ образомъ: волкъ, роя лапами яму, выгребъ его изъ ямы; онъ былъ такъ малъ, какъ стручокъ бобовъ, но онъ уже былъ лжецомъ и дикимъ воромъ (дикій-dýkas—въ смыслѣ праздный, въ старорусс. значеніи) [2]. Мальчикъ схватилъ за хвостъ волка, который со страху пустился бѣжать, но въ одной деревнѣ мальчикъ оторвался вмѣстѣ съ волчьимъ хвостомъ, выросъ въ кустахъ у деревни и сталъ великимъ лгуномъ и воромъ. Вотъ онъ приходитъ сватомъ и начинаетъ описывать дѣвушкѣ богатство жениха: у него де сыромъ мосты мощены, пруды молочные, колодцы сметанные, колья селедками утыканы, заборы колбасные и т. д.; на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Поймали лгуна и казнятъ. Его замѣняетъ, конечно, кукла, сдѣланная изъ соломы, но кое-какія черты, сохранившіяся въ этомъ обрядѣ, указываютъ на то, какъ несладка была участь пойманнаго жениха. — На этомъ повѣшеніи свата литовская свадьба кончается.

Мнѣ остается еще коснуться вопроса о хронологіи орацій. Можно-ли ихъ считать только балагурствомъ, или же онѣ восходятъ къ отдаленному прошлому и имѣютъ дѣйствительную почву? Если нельзя указать прямого или близкаго источника, откуда заимствованъ, напримѣръ, разсказъ о странствованіи жениха, а можно только указать соотвѣтствующія темы въ другихъ народныхъ поэзіяхъ, то здѣсь и просто одинаковыя явленія могли вызвать одинаковыя слѣдствія: описаніе женихова путешествія можетъ быть воспоминаніемъ, пародіей на воспоминаніе, обратившееся уже въ сказку, дѣйствительныхъ опасностей, связанныхъ съ путешествіемъ и похищеніемъ невѣсты. Еще менѣе походитъ на простую забаву повѣшеніе свата, потому именно, что тотъ же образъ дѣвушки, прельщенной необыкновенными богатствами жениха, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, гдѣ личность свата замѣнена то самимъ женихомъ, то, что еще болѣе важно, казаками, похитившими дѣвушку, — пѣсенъ, гдѣ тонъ уже изъ шутливаго переходитъ въ серьезный и изложеніе становится драматичнымъ; такъ какъ, кромѣ того, и другіе обряды литовской свадьбы указываютъ на похищеніе (это — препятствія, оказываемыя жениху около дома невѣсты, поиски невѣсты подъ простыней и т. п.), то, я думаю, вѣроятнѣе видѣть здѣсь опять таки переживаніе дѣйствительности.

На этомъ я оканчиваю свой очеркъ. Если мнѣ пришлось указать слишкомъ мало образовъ, найти слишкомъ мало подтвержденія вышеизложенной мысли о національномъ творчествѣ въ другихъ отрасляхъ народной литовской поэзіи, то при современномъ состояніи литовской этнографіи, когда громадный безпорядочно изданный матеріалъ лишенъ малѣйшаго освѣщенія, я не могъ сдѣлать ничего большаго. Можно только надѣяться, что недавно возникшая литовско-латышская коммиссія прольетъ нѣкоторый свѣтъ въ эту, до сихъ поръ такую темную, область.

А. Погодинъ.

---

1) Ср. JsvD. 31, 285, 829, 904—906, 935, 963, 999, 1097. J. 559, 968.

2) Эта сказка несомнѣнно родственна съ одной латышской сказкой, существующей и въ русскомъ переводѣ г. Трейланда. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. Выпускъ II. Москва. 1887, стр. 160—161 Литовскіе варіанты въ «Litauische Chrestomatie» Якоби

О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанкѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Намъ сообщили недавно нѣсколько данныхъ касательно свадебныхъ обычаевъ въ с. Корбанкѣ, Кадниковскаго уѣзда. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ довольно интересны, то мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться ими съ читателями.

«Я пришелъ на дѣвичникъ, сообщаетъ намъ очевидецъ, довольно поздно и многаго видѣть не могъ. Когда я вошелъ въ избу, въ переднемъ красномъ углу сидѣла «сговорёнка». Послѣдняя одѣта была въ грубую холщевую рубаху и сарафанъ, сарафанъ держался только на одной верхней пуговицѣ и проймахъ, пояса не было; на ногахъ «сговоренки» были надѣты лапти на босу ногу, а на головѣ кокошникъ, прикрытый сверху платкомъ, въ косѣ завита была алая лента. Рядомъ съ невѣстой сидитъ «плакуша». Плакуша начинаетъ на распѣвъ слова причета, невѣста подхватываетъ и низко всѣмъ кланяется. Въ избѣ была толпа парней и дѣвушекъ. Привожу здѣсь буквально слова причета.

Ужъ я щё же засидѣлася,
На ково я заглядѣлася,
Какихъ басенъ заслушалась —
У подружекъ голубушекъ,
У сестеръ бѣлыхъ лебедушекъ.
Ужъ какъ мои ти подруженьки
Веселы сидятъ.
И радошны онѣ шуточки шутятъ,
Они дворочки—дворятъ.
Ужъ какъ мнѣ горе горькоёй
Шутка—дворня на умъ нейдётъ.
Крушинушка съ ума нейдётъ.
И нейдетъ съ ума съ разума.
На часокъ на малешенекъ,
На одну-ту минуточкю.
На дворѣ день разсвѣтается,
Матка заря знаменается
Со лучами со ясными,
Со морозами холодными.
Мнѣ пора горе горькоёй
Можно знать можно вѣдати.
Не течетъ солнчё по лѣтнему,
Не обогріетъ по снѣжинному.
Такъ я ждала дожидалася
Батюшкина покликаньича,
Матушкина побужавьюшкя.
Не покликаетъ сударь батюшко,
Не побужаетъ родимая матушкя
Меня горе горькюю,
Не наряжаетъ меня тетушкя
На какіё работушки;
Не посылаетъ по дровчя по березовьё,
По водичу по ключёвую.
Тамъ она ходитъ обряжаетчя
Да и ходитъ по малехонькю
Говоритъ то потихошенькю,
Не разбудить що бы мнѣ
Люба племятка.
Она ходитъ обрежаетчя,
За небеса хватаетчя.
Она какъ первый разъ побудила,
Одіяльчемъ закутала,
А въ третьёй разъ побудила.
Ты ставай мое племятко
И чеши буйну голову».

Когда причетъ окончился, началось «красованье». Невѣсту посадили на нарочно принесенную для этой цѣли ступу, покрыли одѣяломъ, а сверху салфеткой и оставили въ избѣ одну. Въ избѣ никого съ невѣстой не было. Такъ сидѣла невѣста около часу, послѣ чего подруги невѣсты, столпившись у окна, запѣли «баню», пропѣвъ ее, подъ окномъ онѣ ворвались въ избу и стали пѣть въ избѣ. Помѣщаемъ здѣсь слова той пѣсни.

Ужъ я ходила горе горькя
На мосты на калиновые,
Со мостовъ со калиновыхъ
Кругъ дверей увиваючся,
За скобью принимаючся,
Отворю двери на пяту,
Я на правую рученькю.
Я вступлю молодехонькя
На кирпицну середу,
Со кирпицные середы
На подъ край дубови пола,
Подъ красное окошечко,
Можно ли въ очи увѣдити,
Свою подружкю голубушкю.
Какое дѣло передила,
Какую службу накипула,
Этої мы дѣло сдѣлали,
Этую мы службу сослужили.
Мы сходили же, подруженькя,
Ко кузнечамъ, да ко мастерамъ,
Мы сковали же, подруженькя,
По топору себѣ по острому,
Мы сходили же, подруженькя,
Во лѣса мы во темные,
Во дубровушки зеленые,
Мы срубили же подруженькя,
По бревестку по сосновому,
По другому по еловому,
Какъ и наша тепла па́рутка (баня)
По сыру пору рушена,
Вожена на́ красѣ,
Катана на бѣлыхъ коняхъ.
Она поставлена на́ путѣ,
Она поставлена на́ путѣ, да на дороженькѣ,
На красивоемъ мѣстечкѣ,
На крутомъ, красномъ бережкѣ;
Какъ у нашей у паруши
Плотницки были московскіе,
Работницки петербургскіе.
Щjо у нашее па́руши
Трои дверецки стекольчатые,
Три окошецка косецатые...
На первомъ на окошецкѣ
Лежитъ брусъ мыла изъ Костромы,
На другомъ то на окошецкѣ
Стоитъ бѣлилъ ту бѣлильничя.
И мазилъ ту мазильничя,
На третьемъ на окошецкѣ
Лежитъ дивицья кра́сота».

Пропѣвъ эту пѣсню, дѣвушки повели невѣсту по общепринятому обычаю въ баню, чѣмъ и закончился дѣвишникъ.

На слѣдующій день холостые ребята, товарищи жениха, «пропивали» жениха, т. е. устроили безобразную повальную попойку. Перепившись повели пьянаго жениха къ невѣстиной избѣ. Невѣсту вывели подруги ея изъ избы, послѣ чего послѣдняя бросилась бѣжать въ поле. Женихъ долженъ былъ изловить невѣсту. Когда жениху удалось поймать невѣсту, и жениха и невѣсту отвели въ невѣстину избу и оставили ихъ на нѣсколько минутъ однихъ въ двоемъ въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ женихъ вышелъ къ молодежи, стоявшей въ сѣняхъ и объявилъ присутствующимъ, что завтра у него будетъ свадьба и что онъ проситъ всѣхъ къ себѣ «на пиръ на свадьбу».

Послѣ этого присутствовавшіе разошлись, остались только подруги невѣсты.

Къ несчастью, очевидецъ не сообщаетъ намъ конца свадебнаго ритуала. Тѣмъ не менѣе и въ сообщенныхъ нами обычаяхъ нельзя не видѣть остатковъ глубокой старины. Напр. ловля женихомъ невѣсты не есть ли это остатокъ прежняго «умыканія» невѣстъ?...

Приведенныя выше свѣдѣнія сообщены намъ бывшимъ нашимъ воспитанникомъ, нынѣ сельскимъ жителемъ Василіемъ Михайловичемъ Битоцкимъ; сообщены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года. Изъ сообщеній г. Битоцкаго видно, что мѣстность, гдѣ находится с. Корбанка, отличается множествомъ старинныхъ своеобразныхъ обычаевъ среди мѣстнаго населенія.

А. Баловъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

Нѣсколько лѣтъ занимаясь собираніемъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, я не упустилъ изъ виду печатный библіографическій матеріалъ по литовскомъ языкѣ, который составилъ въ моемъ сборникѣ библіографическихъ матеріаловъ VI отдѣлъ, именно «литературу литовскаго языка». Сколько мнѣ было доступно, я во все это время собиралъ библіографическія свѣдѣнія и о рукописяхъ по изученію литовскаго языка и письменности. Но эти свѣдѣнія не были внесены въ сборникъ библіографическихъ матеріаловъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словарей, какъ то Юшкевича, Межиниса и др. потому что не имѣлось точныхъ свѣдѣній о самыхъ рукописяхъ. Въ послѣднее время мнѣ удалось немногимъ пополнить этотъ матеріалъ, благодаря любезности гг. Довойно-Сильвестровича, П. Крячунаса и др., сообщившихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописяхъ, именно о рукописяхъ Нобрежи и Ивинскаго. Но тѣмъ не менѣе, предлагаемыя библіографическія свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ, можетъ быть покажутся сомнительными и далеко не полными, такъ какъ они составлены не по самымъ рукописямъ, а извлечены изъ разныхъ сочиненій, сообщающихъ свѣдѣнія о литовцахъ, ихъ жизни, языкѣ и письменности.

Фойгтъ, историкъ Пруссіи (Voigt, Geschichte d. Preussen, I, p. 258), разсказываетъ въ своей исторіи, что папскій легатъ Вильгельмъ графъ Савойскій, епископъ Моденскій, жилъ въ Пруссіи около 1223 года и, изучивъ литовскій языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната, и что эта рукопись въ ватиканской библіотекѣ могла быть хранима. Объ этой рукописи говоритъ Тунманъ (Thunmann. Untersuchungen. p. 217 и 241). (Krause Litt. p. 134. Jaroszewicz. Obraz Lit. I, p. 225).

Мацѣевскій въ своемъ трудѣ „Литовскіе Евреи" на стр. 40 упомянулъ, что великій князь литовскій Витовтъ далъ литовскимъ евреямъ въ Луцкѣ въ 1388 г. привиллегію, которую можно найти въ сборникѣ Дзялынскаго (Zbiór praw litewskich. Pozn. 1841). Эта грамота была писана по русски, но евреи, именно троцкіе, перевели ее на литовскій языкъ, разумѣется потому, чтобы литовцамъ было понятно, какія права далъ князь евреямъ. Такъ какъ въ указанномъ сборникѣ нѣтъ литовскаго текста, то надо полагать, что литовскій переводъ этой грамоты остался въ рукописи въ какомъ либо архивѣ.

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣемъ о слѣдующихъ рукописяхъ.

Августинъ Ямундъ, пасторъ въ Рагнитѣ, переводилъ на литовскій языкъ Новый Завѣтъ, но смерть, послѣдовавшая въ 1576 году, не позволила окончить этотъ переводъ. (Rhesa, Gesch. Lit. Bib. p. 7.—Dzienn. Wil. 1824 I p. 382).

Бретнунасъ Іоаннъ пасторъ въ Кенигсбергѣ съ 1587 по 1602 гг. началъ переводить Новый Завѣтъ въ 1579 г., живя въ Лабявѣ и окончилъ въ 1580 г., а въ 1585 г. сталъ переводить Ветхій Завѣтъ и въ 1590 г. кончилъ переводъ, и такимъ образомъ вся библія была переведена на литовскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: «Biblia tatai esti wisas szwentas raszt'as lietuwiszkai perguldītas per. Jona Bretkuna 1590 m.». Эта рукопись состоитъ изъ 8 томовъ: 5 томовъ ветхаго завѣта въ листъ и 3 тома новаго завѣта 4°. Эти рукописи пріобрѣтены для библіотеки маркграфа Прусскаго въ 1599 году 14 февраля въ Кенигсбергѣ. (Rhesa. Gesch. Lit. Bib. p. 7).

Иванъ Яхновичъ (іезуитъ) написалъ литовскую грамматику около 1660 года. По мнѣнію г. Краузе, эта рукопись въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ. Яхновичъ род. 1589 г., умеръ въ 1668 г. въ Вильнѣ. (Krause Litt. p. 135, Rhesa Prutena p. 74).

Прегоріусъ Фридрихъ (пасторъ) въ Жиляхъ съ 1646 по 1695 г. составилъ словарь литовско-нѣмецкій, написалъ катехизисъ на литовскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Всѣ рукописи Прегоріуса потеряны послѣ его смерти. (Krause p. 137).

Перкунсъ Яковъ пасторъ въ Вальтеркемахъ съ 16[illegible]0 по 1707 года составилъ литовскій словарь, который послѣ его смерти потерянъ. (Krause p. 137).

Гуртекусъ или Гуртеліусъ (Hurtelius Johann 1660), сотрудникъ Клейна при исправленіи духовныхъ пѣсенъ, составилъ литовскій словарь, который послѣ смерти Гуртеліуса тоже потерянъ. (Leppner. p. 115; Ostermayer Lieder Gesch. p. 153; Mitt. L. L. S. I p. 269).

Шульценъ Ѳеофилъ (Schultzen Theophil) пасторъ въ Катенавѣ съ 1662 по 1673 г. написалъ словарь «Deutsch-littauisches Wörterbuch». Шульценъ получилъ порученіе написать литовско-нѣмецкій словарь и учебникъ литовскаго языка, а при участіи Мюллера архипастора въ Инстербургѣ этотъ заказъ, отчасти былъ исполненъ. но смерть Шульцена помѣшала исполнить окончательно эти заказы. Рукопись словаря вѣроятно въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. и, какъ полагаетъ профессоръ Нессельманъ, въ числѣ трехъ анонимныхъ словарей, хранящихся въ архивѣ.

Бродовскій Яковъ. Lexicon.-Lithuanico-Germanicum et Germanico-Lithuanicum u. s. w. Jacobo Brodowski Praeceptore Trempensi 1713—1744. Литовско-нѣмецкая часть этого словаря обработана по словарю (Haak) Гака, 461 стр: нѣмецко-литовская часть обработана съ большимъ прилежаніемъ, но къ сожалѣнію не полная. начинается словомъ «Abtilgen» стр. 39 и заканчивается словомъ «Scharwerk» стр. 1050. Рукопись въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. № 127 и 128. (Nesselmann. Wörterbuch, предисловіе).

Словарь: Deutsch-Litauisches Wörterbach in zwei Quartanten. 4°. 1226 и 1184.

Кромѣ этого, существуютъ еще три анонимныхъ нѣмецко-литовскихъ словаря, одинъ старый и два новыхъ. Каждый изъ этихъ словарей составляетъ толстый квартантъ. Старый словарь, какъ полагаетъ Нессельманъ, долженъ быть Шульцена или Прегоріуса. Рукописи въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. (Nesselmann. Wörterb., пред.).

Лизіусъ Генрихъ. Lysius Henrich D-r. Der kleine Katechismus D. M. Lutheri, Deutsch und Litauisch 1719. Рукопись въ библіотекѣ Литовскаго Литературнаго Общества. Этотъ катехизисъ былъ напечатанъ въ Кенигсбергѣ въ 1719 г.

Шимельпфенигъ пасторъ въ Прокулѣ перевелъ на литовскій языкъ соч. И. Арндта: «J. Oranto szeszios knygos apie tikra krikszczionima ir t. t. Шесть книгъ объ истинномъ христіанствѣ и пр. Гдѣ находится рукопись, неизвѣстно.

Кунцманъ Auszug aus Herrn Pfarrer Kunzmann geschriebenem Lexikon zur Completirung desjenigen von. Ruhigs. Рукопись передана наслѣдниками пастора

Рудольфа Якоби литовскому литературному обществу въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit L. G. p. 351).

Гофгейнцъ (Hoffheintz) суперинтендентъ въ Тильзитѣ нашелъ въ архивѣ Тильзитскаго пастората слѣдующія старыя рукописи:

1) Kelios lietuwiszkos Giesmes iszwerstos no C. G. Mielke». Нѣсколько литовскихъ пѣсенъ, переведенныхъ на литовскій языкъ Х. Г. Мielькомъ. 57 пѣсенъ (1770—1790). г.

2) Maldu kuygos ant kasdieniszko wartojimo lietuwiszkose szuilese. Молитвенныя книги для ежедневнаго употребленія въ литовскихъ школахъ.

3) Prastos giesmes. Простыя пѣсни или неудачный переводъ пѣсенъ съ нѣмецкаго на литовскій языкъ, пасторомъ Х. М. Петшъ (Pötsch) 183 пѣсни. Эти рукописи найдены въ 1883 г. Mitt. it. hit. G. I, p. 263.

Міельке Litauisches Gesangbuch Manuskripte zu dem Mielckischen litauischen Gesangbuch. Рукопись въ библіотакѣ Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (Katalog L. L. G.).

Litauische Bibel. Briefe den Wiederabdruck der litauischen Bibel betreffend. Рукопсь въ библ. лит. литер. общ. (Katalog.).

Sammlung lithauischer Wörter und Redensarten, die in den Wörterbüchernicht alle befindlich sind. 4 Bände. Рукопись пожертвована пасторомъ Беттихеромъ литовскому литер. общ. въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. Lit. G. I p. 350).

Буткевичъ Tarmrieda lenkiszkai lietuwiszka, paraszyta par kun. A. Butkewicze baziliони Правила разговора польско-литовскія написалъ кс. А. Буткевичъ базиліанецъ. Неизвѣстно гдѣ рукопись; объ этой рукописи говоритъ Ивинскій въ календарѣ на 1860 г., стр. 66.

Virgilius. Artojiste (Georgica) перевелъ на литовскій языкъ кс. Ксаверій М. Богушъ около 1808 г. (Bib. pol. I, p. 29. Karlowicz. Rękopisma. № 2).

Пашкевичъ Діонисій составилъ словарь «Słównik litewsko-polsko-łacinski» 2 тома 4° отъ *A* до *P*; слѣдовательно словарь не полный, однако рукопись эта была завѣщана какъ полный словарь Каietану Незабитовскому въ 1830 году (Magz. powsz. 1837, p. 229). Г. Карловичъ говоритъ, что г. Чудло видѣлъ этотъ словарь у адвоката Юргевича въ Ковнѣ и предлагалъ за рукопись 18 руб.. (см. Jez. lit.) Пашкевичъ перевелъ на литовскій языкъ Энеиду Виргилія, а рукопись пріобрѣтена отъ родственниковъ Пашкевича г. Крлучунас мъ въ 1883 году. Кромѣ того, осталось въ рукописи нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ съ польскаго языка и оригинальныхъ. Эти рукописи нынѣ у г. Матулониса. Вѣроятно г. Матолюнисъ, разсмотрѣвъ упомянутыя рукописи и письма Незабитовскаго къ Пашкевичу, сообщитъ о нихъ что либо новое. Пашкевичъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1760 г. убитъ въ 1832 году, въ своемъ имѣніи Бордзяхъ Ковенской губ. Россіенскаго уѣзда Гирдишкскаго прихода. злоумышленниками въ его дубѣ Ваублисѣ, полагавшими что у Пашкевича найдуть много денегъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не оказалось.

Суткевичъ доминиканецъ составилъ словарь «Słównik litewski». Словарь литовскаго языка, составленъ по старишнымъ литовскимъ изданіямъ. Рукопись принадлежитъ Имп. Академіи Наукъ и подготовлена къ печати Э. А. Вольтеромъ.

Станевичъ Симонъ кс. занимался составленіемъ словаря «Słównik Žmudžkopolski» отъ А до К. Былъ ли этотъ словарь полонъ, мнѣ неизвѣстно. Рукопись въ архивѣ графа Платера въ имѣніи Гедиминайцы, Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда (Auszra 1885, p. 165; Liet. Bols. 1888, p. 138.

Графъ Юрій Платеръ составлялъ грамматику литовскаго языка, но только не окончилъ. Рукопись въ архивѣ его имѣнія Гедиминайцяхъ Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда. Платеръ родился въ 1810 г., умеръ въ 1836 г. (Литовск. вѣстн. 1836, № 35, Auszra 1836, p. 165).

Гроссъ Симеонъ, монахъ бернардинецъ, живя въ кретингенскомъ монастырѣ, изучилъ жемойтскій языкъ и, полюбивъ его, написалъ грамматику жемойтскаго языка «Kałbosrieda liežuwio žematiszka» 1835 г. Волончевскій объ этой грамматикѣ говоритъ такъ: «эта хорошая книга до сихъ поръ не напечатана и лежитъ въ типографіи г. Марциновскаго въ Вильнѣ»; это было въ 1848 г. Wolonez. Wiskupiste II, p. 78.

Pamokslai lietuwiszki. Литовскія проповѣди, рукопись въ библ. доминиканскаго монастыря въ Россіенахъ, свѣд. сообщ. М. Довойна-Сильвестровичъ.

Олехновичъ Рафаилъ кс. и Ант. Дроздовскій собирали народныя пѣсни, о которыхъ говоритъ въ своемъ трудѣ академикъ Кеппенъ, сообщая, что Викентій Вильминъ около 1825 г. собирался издавать эти пѣсни въ Вильнѣ; изданіе не состоялось; рукопись, можетъ быть, въ Вильнѣ. (Кеппенъ О происхожд. лит. языка, стр. 101).

Валиновичъ Сильвестръ написалъ сатирическую поэму на литовскомъ языкѣ противъ пьянства, развившагося въ Жемойтіи во второмъ и третьемъ десяткахъ нынѣшняго столѣтія. Литовское заглавіе этой рукописи неизвѣстно. На польскій языкъ эту поэму перевелъ Лаврентій Ившинскій подъ такимъ заглавіемъ: «Kontubernia Palemonska czyli Plungiansko - teszewska». Разборъ этой сатиры помѣщенъ въ «Pamiętnikach P. Kamertona III p. 237». Валиновичъ родился въ 1790 г., умеръ въ 1831 г.

Незабитовскій Каіетанъ магистръ права по предложенію канцлера графа Румянцева составилъ словарь «Słównik polsko-litewski» и «litewsko-polski», состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Рукопись въ библіотекѣ варшавскаго университета. Часть литовско-польская не полная, оканчивается словомъ kantupiti. Онъ написалъ также грамматику литовскаго языка: Grammatyka žmudko-litewska z uwzglendnienem innych narzeczy litewskich» 1837. Эта рукопись по видимому не полная, нынѣ въ рукахъ 2 г. Матулониса. (Mogz. powszek 1837, p. 228 и 229. Encykl. powsz. XVII p. 208 и XIX p. 448).

Пабрежа Амвросій Юрій монахъ бернардинецъ род. въ 1771 г. умеръ въ 1849 г. Побрежа, долго живя въ Кретингенскомъ монастырѣ, написалъ нѣсколько сочиненій на литовскомъ языкѣ:

1) Pamokslai dwasiszki łabai pożiteczni». Духовныя проповѣди очень полезныя 4° 356 стр.

2) Pamokslaj apei septinius sakramentus. Проповѣди о семи таинствахъ 8° 546 стр.

3) Pamokslas arba erts apraszims wisokiu baisibiu grieka neczistatas. Наука или пространное описаніе ужасовъ грѣха разврата. 4° 140 стр.

4) Pamokslay wayringosy materyosy at roznin wytu ir wajriusy laykusy sakitu. Разныя проповѣди на разные случаи. 4° 860 стр.

5) Pamokslai ir katekiznaj. Проповѣди и катехизисъ. 4° 156 стр.

6) Kozonej at nekuriu nedieles dynu ir szwiętiu. Проповѣди на нѣкоторыя воскресныя дни и праздники. 4° 358 стр.

7) Kninga torenti sawicy kozonis at nekuriu nedielesdyinu ir at labay daug szwętiu, teypogi wayringusi atsycimusi, kaipo prinabasztyku ir t. t. Книга, содержащая проповѣди на воскресные и другіе праздники и при умершихъ. 4° 622 стр.

8) Nomenklator Botanicus seu comparatio veteris botanicae ad nomina botanicae systematicae f. 26 стр.

9) Skutki lekarskie niektorych roslin i sposob używania tychże w rozmaitych chorobach, wyjęte z dzieła Symona Syreniusa Doktora akad. Krakowskiej 4° 123 стр.

10) Žodyns Biilun augminiczyniu lotin-žemajtiniu. Словарь латино-жемойтскій названій растеній 4° 128 стр. Рукопись у г. П. Крячунаса.

11) Sryje balsenyyniu biilun žemajtiu-lotynyyniu. Списокъ разговорныхъ рѣченій жемойтско-латинскихъ. 4°. стр. 253.

12) Tayslo auginiu arba botanika. Опись растеній или ботаника. С. 316 стр.

13) Weykalas auginiu.—Irankis weysynas auginiu sogadiwuju. Rodikle auginiu wodyjtiu. Botanika. Сочиненіе о полезныхъ растеніяхъ.—Руководство къ разведенію полезныхъ растеній.—Указатель вредныхъ растеній. Волончевскій говоритъ, что эти послѣднія сочиненія оканчиваетъ Побрежа (Wolonczewski II. p. 71—75) Вѣроятно, объ этомъ именно ботаническомъ сочиненіи сообщаетъ мнѣ г. П. Крячунасъ слѣдующее: Видѣлъ, говоритъ онъ, своими глазами на рождество (въ 1892) въ Ковнѣ у кс. профессора Мацюлевича ботанику на литовскомъ языкѣ: это гигантскій трудъ кс. Побрежи, въ прочномъ переплетѣ: толстая книга въ листъ около 1000 страницъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, съ пространнымъ вступленіемъ и съ 4-мя имясловами или номенклатурами и указателемъ въ концѣ. Рукописи Побрежи духовнаго содержанія вѣроятно въ библіотекѣ Кретингенскаго монастыря; рукописи научнаго содержанія вѣроятно тоже тамъ, за исключеніемъ № 10 и 13. Первый у г. Крячуна, второй у кс. Мацюлевича въ Ковнѣ.

Dainos mit Noten und deutscher Uebersetzung aus Peter von Bohlen Nachlass Рукопись въ библіотекѣ Лит. Литерат. Общ. въ Тильзитѣ (ф. 17).

Hoffheinz. Giesmiu Balsai lit. Choralmelodien. Рукопись въ библ. Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (п. 5).

Budrius H. Dainos oder littauische Volkslieder mit ihren Melodien aus dem Munde ihrer Sänger geschöpft. von H. Budrius Precenter in Pillupönen.—N. Preuss. Prov. Blätt. 1848, V, p. 59.

Загурскій Rasztai lietuwiszki tikros rankos, iszguldimai ir sekiojimai parasze W. Ažukalnis. 1835—1856. 4°. Литовскія сочиненія, переводы и подражанія. Рукопись начинается стихотвореніемъ на польскомъ языкѣ «Glos z Litwy, затѣмъ Prakalba». Предисловіе, дальше «Giesmes maldingos» духовныя пѣсни. Rasztai tikros rankos ir sekioimai. Сочиненія и подражанія. Рукопись у г. М. Матулениса. (Auszra 1884 стр. 20, Liet. Bals. 1885, стр. 155).

С. Балтрамайтисъ.

(Продолженіе будетъ).

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей *акад. Н. С. Тихонравова* и *проф. В. О. Миллера.* Москва. 1894. (VIII + 88 + 304). Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ изданъ Этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, который первоначально имѣлъ въ виду «собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и разсѣянныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ», но затѣмъ, когда покойный Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги по переизданію былинъ 17 и 18 вв., а нѣсколько собирателей доставили въ него свои еще не напечатанныя записи,—изданіе значительно разрослось. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно заключаетъ 6 былинъ старой записи, къ которымъ присоединена статья Н. С. Тихонравова: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка», и 70 былинъ новой, въ томъ числѣ 34, появляющіяся въ первый разъ.

Что касается былинъ первой части, то большинство ихъ уже изслѣдовано А. Н. Веселовскимъ, Л. Н. Майковымъ и др.; новымъ является только «отрывокъ изъ неизвѣстной былины», содержавшей, повидимому, бой Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ и вводившей новое лицо—чашника фрязина Матвѣя Петровича. Въ былинахъ этой части Илья Муромецъ—знатный богатырь, совершенно лишенный черть, окрестьянивающихъ или облагораживающихъ его образъ. Соловей Разбойникъ не разъ называется въ одной былинѣ (ч. I, 10—11 стр.) Соловьемъ Будимеровичемъ; что это не случайно и не индивидуально, подтверждаетъ соединеніе Ильи Муромца и Соловья Будимировича въ письмѣ XVI в. (ср. А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины. СПБ. 1881. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка). Именно, письмо Кмиты говоритъ: «bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza»... Эта равноправность Соловья Разбойника и Ильи Муромца, указанная и отмѣченная въ современныхъ переживаніяхъ, объяснена В. Ө. Миллеромъ (Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892, стр. 86—107). Былина о Потокѣ, до сихъ поръ чрезвычайно популярная, по свидѣтельству Гильфердинга, въ Олонецкой губ., кажется, уже вполнѣ сложилась къ XVIII вѣку. Тоже можно сказать о былинахъ, посвященныхъ Ставру.

Наконецъ, въ видѣ нерѣшительнаго предположенія, я укажу на слѣдующее объясненіе одного мѣста былины объ Ильѣ. Извѣстно, что собственныя имена подлинника нерѣдко только осмысляются, аккомодируются, а несовсѣмъ погибаютъ въ заимствованіи. Какъ на новѣйшій примѣръ, кажется, можно указать на солдата Дениса, борющагося хитростью со смертью въ одной бѣлорусской сказкѣ у П. В. Шейна. (Матеріалы... Томъ II. СПБ. 1893. стр. 413). Сюжетъ сказки старый и общеизвѣстный [ср. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881. стр. 108—111 и далѣе], но имя Денисъ напоминаетъ какъ будто имя Дигенисъ, легенда о которомъ, по предположенію, дала начало пѣснѣ объ Аникѣ Воинѣ. Исходя изъ вышеуказанной мысли и наблюдая связь врага Ильи—Калина (= Калуна, по мнѣнію В. Ө. Миллера) и Смородины (напр. ч. II, стр. 31: злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ), я думаю, что сопоставленія (ч. I, стр. 2 и 5): на мостъ калиновъ, на рѣку Смородину; отвѣтъ Ильи: «ѣду я на мосты колиновы»—«только та у насъ дорога залегла ровно тридцать лѣтъ отъ Соловья» имѣетъ основаніе въ какомъ нибудь уже забытомъ сопоставленіи царя Калина съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Переходя ко второй части, я коснусь нѣсколько былинъ новой записи, въ число которыхъ входитъ весьма цѣнное собраніе Сибирскаго этнографа С. И.

Гуляева. Въ настоящее время уже трудно, кажется, ждать записи какого-нибудь новаго эпизода, появленія какого-нибудь богатыря: дѣло сводится только къ новой группировкѣ уже извѣстныхъ мотивовъ, къ мелочному различію въ подробностяхъ. Въ этомъ отношеніи новыя былины можно раздѣлить на три группы:

1) Былины сѣверной полосы Россіи, пересказывающія старые сюжеты почти безъ всякихъ варіантовъ: таковы №№ 33, 35, 38, 46, гдѣ Чюрило Пленковичъ названъ Поповъ Молодецъ, м. б. вмѣсто купавъ молодецъ, а мужъ Катерины—Обемялъ; № 50, гдѣ упомянуты заставы Дюка; № 59, гдѣ Ставръ названъ Астоверстомъ Гординовичемъ; № 60, гдѣ похожденія молодца въ Литвѣ приписаны Василію Буслаевичу; № 64, гдѣ Фаворъ-гора въ приключеніи Василія Буслаевича названа Фараонъ-гора и оба похожденія героя соединены въ одну былину; № 63, 66 и 69. Болѣе интереса представляютъ слѣдующія былины: № 11, гдѣ упоминается сидѣніе Ильи Муромца въ темницѣ, раздраженіе Самсона богатыря противъ Владиміра, стрѣла, пущенная Ильей въ грудь Самсона вслѣдствіе раздраженія на его бездѣятельность; № 61, гдѣ полиція требуетъ головы Василія Буслаевича; рѣка, куда загнана его дружина, названа Пучаемъ, пиръ въ началѣ былины происходитъ у Вакулы Окульева и оба похожденія героя спаяны въ одну былину.

2) Былины Московскія съ изложеніемъ спутаннымъ и конспективнымъ, интересныя для исторіи былиннаго творчества. Это—№ 3, гдѣ дубъ станичниковъ разбиваетъ не Илья, а Добрыня; № 23, гдѣ Добрыня встрѣчается съ Маришкой, уже будучи женатымъ на Настасьѣ, и весь эпизодъ крайне перепутанъ; № 64 съ чрезвычайно сжатымъ изложеніемъ шутокъ Василія Буслаевича. Сюда же нужно отнести Нижегородскую былину, № 65, о борьбѣ Суроги съ царемъ Курганомъ Смородовичемъ, т. е. Ильи съ Калиномъ.

3) Сибирскія былины, лучшая часть которыхъ записана отъ старика Тупицына и носитъ характеръ его индивидуальности. Это—№ 1, гдѣ Илья Муромецъ называетъ себя по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ, по потѣхѣ Борисъ-Королевичъ младъ, вмѣсто Смородины Днѣпръ и т. д.; № 9, гдѣ характеру Ильи приданъ въ высшей степени благочестивый оттѣнокъ; № 21, гдѣ упоминается посхимленіе отца Добрыни, Никиты Романовича,—Добрыня призываетъ съ-неба дождь, чтобы крылья змѣя размякли; № 37 съ царемъ Батуромъ Ватвѣсовымъ; № 41, (Михаилъ Казарятинъ) гдѣ разсказывается сперва то же, что обыкновенно о Дюкѣ Степановичѣ, а затѣмъ о королевичѣ изъ Крякова; № 42, № 56. Вообще въ былинахъ Тупицына замѣтно стремленіе къ замѣнѣ одного имени другимъ, сліянію нѣсколькихъ сюжетовъ въ одинъ подъ чужимъ именемъ; все это легко объяснить старостью пѣвца, тѣмъ, что онъ прежде зналъ множество былинъ, а теперь сохранилъ только остатки. Изъ другихъ сибирскихъ

былинъ наиболѣе интересны двѣ: № 39, съ варіантомъ къ плачу Богородицы на стѣнѣ, обязаннымъ, кажется, иконописному изображенію (ср. II Новг. лѣт. 1208 г.: «заутра плака святаа Богородица у святаго Якова, в Неревскомъ коньцѣ»), съ варіантомъ къ бою Василія-Пьяницы, его разговору съ конемъ и пр., и № 45, гдѣ Бермята отпускаетъ Чурилу домой невредимымъ.

Къ концу книги приложенъ указатель предметовъ и другой указатель личныхъ именъ; въ послѣднемъ кое-что пропущено; напр. Евандіевъ крестъ въ № 38 (вар. Рыбн. II ч., № 11, ст. 2: изъ подъ чуднаго креста Еландіева). Колѣчища (вар. Каличище), Карачевецъ въ I, 48: 25; Муръ-градъ въ I, 1: 31. Къ концу первой части приложенъ фототипическій снимокъ съ одной страницы былинной записи XVII вѣка; мнѣ кажется, что это совершенно излишне: рукописи XVII в. такъ общедоступны, что палеографическаго значенія этотъ снимокъ имѣть не можетъ; въ форматѣ же и правописаніи нѣтъ ничего типичнаго. Къ концу книги приложены ноты къ одной былинѣ. Книга издана изящно и цѣна ея очень не высока; отсутствіе снимка позволило бы еще понизить ее.

А. Погодинъ.

Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія». СПБ. 1893 г.

Журналъ «Древняя и Новая Россія», выходившій въ 1875—81 гг. подъ ред. С. Н. Шубинскаго и посвященный главнымъ образомъ русской исторіи, заключалъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей и замѣтокъ по русской этнографіи. Здѣсь, напримѣръ, помѣщали свои статьи Гр. Потанинъ, С. Максимовъ, П. Ровинскій и др. П. Гильдебрандтъ извлекалъ немало цѣнныхъ замѣтокъ изъ провинціальныхъ изданій, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ «Замѣтки и Новости». Кромѣ того, на страницахъ журнала воспроизведено немало рисунковъ, имѣющихъ интересъ для этнографа. Вышедшій недавно указатель къ журналу даетъ возможность пользоваться всѣмъ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, матеріаломъ.

В. Б.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

III.

Къ сдѣланному мною раньше сообщенію о крестьянскихъ играхъ Минской губ. (см. «Ж. Ст.», 1891, в. IV, 1893 г., в. II и в. III) считаю не безполезнымъ привести въ дополненіе описаніе еще нѣкоторыхъ игръ и припѣвовъ къ танцамъ.

а) *Дѣтскія игры.* (Бродецкая вол. Игуменскаго у.)

1. Сьвинка.

Играютъ на улицѣ и только мальчики. Они выкапываютъ ямочку болѣе четверти аршина въ діаметрѣ и вершка два глубиною. Потомъ кладутъ камень, величиною въ обхватъ руки, на разстояніи съ сажень и болѣе отъ ямочки, и по очереди бьютъ палками въ камень, подбрасывая его съ каждымъ ударомъ, пока не закатятъ въ ямку. Это называется «загнаць сьвинку ў химу.» Изъ ямки камень отбиваютъ палками же на прежнее разстояніе и снова загоняютъ. Интересъ состоитъ въ томъ, кто послѣдній ударитъ въ камень такъ, чтобы загнать его «у химу», и въ томъ, кто первый выброситъ изъ ямочки. (Практикуется игра и въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ уу.)

2. Игратць ў дуба.

Играютъ въ хатѣ. Одному изъ играющихъ, мальчику или дѣвочкѣ, завязываютъ глаза, берутъ его подъ руки и подводятъ къ дверямъ. Стоящій поближе къ тому, у котораго завязаны глаза, спрашиваетъ у послѣдняго: „Што ета?»—Кто либо изъ толпы отвѣчаетъ: «Дупъ!»—«Што на дубѣ?»—«Улей!»—Што ў томъ ульли?»—«Медъ»—«Каму яго ѣсьци?»—«Пану!»—«А мнѣ?»—отзывается тотъ, у котораго завязаны глаза.—«На тры . . . . . ! »отвѣчаютъ хоромъ всѣ играющіе.—»А каша дзѣ?» спрашиваетъ играющій съ завязанными глазами.—«На палицы!»—отвѣчаютъ ему.—«Я вымъ!»—«А мы кіемъ!»—и всѣ начинаютъ слегка бить того, у кого завязаны глаза, потомъ разбѣгаются и прячутся по угламъ. Играющій долженъ съ повязкой на глазахъ кого нибудь поймать или найти и передать повязку.

3. Гужъ.

Играютъ на дворѣ. На землѣ очерчиваютъ кругъ, въ который помѣщаютъ дѣвочку, называющуюся «Маткой». Остальные, мальчики и дѣвочки, находятся внѣ круга.

Играющіе выбираютъ наиболѣе ловкаго изъ своей среды и посылаютъ его въ кругъ къ «Маткѣ.» «Матка» приказываетъ ему кого нибудь изъ играющихъ поймать и привести въ кругъ, но отдаетъ свое приказаніе такъ, чтобы никто не слышалъ. Она выталкиваетъ затѣмъ мальчика изъ круга съ крикомъ; «гуужъ! гууужъ!.» Всѣ разбѣгаются въ разсыпную, стараясь не быть пойманными. обѣжать и стать на чертѣ круга, гдѣ взять уже нельзя. Если тотъ, кто былъ въ кругѣ, поймаетъ того, на кого указала матка, то приводитъ послѣдняго къ ней и оставляетъ вмѣсто себя, а самъ опять уходитъ въ толпу. Пойманный обязанъ въ свою очередь кого либо поймать, по указанію «матки», и т. д.

4. Коршанъ.

Играютъ на улицѣ. Дѣвочки и мальчики составляютъ цѣпь, становясь въ кружокъ. Одинъ изъ играющихъ садится въ кругѣ на землѣ и копаетъ ямочку; остальные спрашиваютъ: «Каршачокъ, каршачокъ, што ты робишъ?»—«Ямачку капаю.».—«Нашто табѣ ямачка?»—«Каменьчыки складаць». —«Нашто табѣ камеьчыки?»— Вашымъ дзѣткамъ зубки выбиваць».—«Заиіто-прошто?»— А што мапѣ капусту нарвали и накачали!»—«А трэба було табѣ, каршачокъ, вялики гародъ гарадзиць!». «А чуръ ў балота жапъ ѣсьци!.»—причемъ коршунъ вырывается изъ цѣпи и пускается бѣжать; остальные гоняются, пока не поймаютъ. (ср. запись изъ Пинскаго у., «Ж. Ст.» 1891 г., в. IV, р. 204, п. 1).

5. Макъ.

Эта игра весьма близка къ вечериночной игрѣ «Калодачки», опис. въ «Ж. Ст.», 1893 г., в. II, р. 287, и составляетъ очевидно, варьянтъ ея. Играютъ дѣти обоего пола, въ хатѣ. Играющіе избираютъ кого нибудь «хаджаинамъ», ставятъ его посреди избы, а сами образуютъ кругъ. держась за платье или за поясъ другъ друга. Дѣти кружатся и поютъ почти тотъ же припѣвъ, что и въ игрѣ «калодачки»:

А па гарѣ макъ,
А ў далинѣ такъ!
Бѣдная мая галовачка!
Залатая маковачка?,
Станьже ты такъ,
Якъ той бѣлый макъ!.

Когда пропоютъ первый разъ, «хаджаинъ» отвѣчаетъ: «Я нiцэ павины ни драу!» За вторымъ разомъ: «Я нiцэ тольки павину падраў!». За третьимъ: «Нiцэ навина ни упрэла!»—Наконецъ, «хозяинъ» заявляетъ: «А ужэ макъ пара цапаць!.» Всѣ начинаютъ щипать «хозяина», стараясь не выпустить его изъ цѣпи, и щипать до тѣхъ поръ, пока онъ не прорветъ цѣпь.

Привожу далѣе нѣсколько плясовыхъ дѣтскихъ пѣсенекъ. Каждая пляска называется именемъ пѣсни, но пляшутъ однообразно при каждой: сплетаются руками, располагаясь въ кружокъ, кружатся, притоптывая ногами, и поютъ.

6. Цыркунъ.

Скакаў цыркунъ на сьцянѣ,
Зламаў ношку: «Охъ — ця мнѣ»!
Цыркуниха скача,
Дай на ножцы плача.

7. Вярабей.

Вярабей, вярабей!
Ни клюй макхъ капанель,
Ни маихъ, ни сваихъ,
Ни сусѣда майго!
Я таму вярабью
Кіямъ ношку нярабью!
Вярабейка скача,
Дай на ножцы плача!

8. Мядзьвѣдзикъ.

Сядзиць мядзьвѣдзикъ на калодзи,
Дай ў дудачку й грае.

Забиў о... абъ ламаку,
А калоду лае!

9. Утачки-Лебъёдачки.

Утачка сѣра,
Лебъёдачка бѣла!
Запляцйся, плецёнушка.
запляцися!
Шаўкавая травушка, явися,
явися!

10. Галубецъ.

Ой хто вы̀скача, галубца,
Той будзя малайца!
Шоў мужыкъ багаты,
Найшеў чэрапъ щарбаты,
А ў багатага мужыка
Шырокая барада!..
Ишла баба па грыбы,
А дзѣтъ па апенки!
Дзѣдавы ў лѣси пасьпѣли,
А бабины сырэньки!

Къ напечатаннымъ раньше припѣвкамъ („Ж. Ст.", 1893 г., II) прибавлю еще нѣсколько записей. Особенность ниже помѣщаемыхъ припѣвокъ заключается главныхъ образомъ въ томъ, что онѣ пріурочиваются почти исключительно къ мѣстнымъ играмъ, центромъ которыхъ является время жатвы; вслѣдствіе этого онѣ во многихъ отношеніяхъ примыкаютъ къ пѣснямъ жатвеннымъ. Запись №№ 1—6, 42, 43 сдѣлана въ Дубицкой волости Рѣчицкаго уѣзда; №№ 6, 7 записаны въ Бродецкой волости, Игуменскаго уѣзда, а №№ 8—42 въ с. Никольскѣ Ново-Серженской вол. Минскаго уѣзда, съ 44 по 54 въ д. Ней-пртовѣ той же вол. и уѣзда, № 54 въ с. Мухоѣдахъ Дернавичской вол. Рѣчицкаго уѣзда.

1.

Церазъ гору кацилася
Жанихами хвалилася:
Каму адзинъ, а мнѣ два,
Чарнявые абадва.

2.

Била жана мужа,
Къ лаўцы прывязаўшы,
А ёнъ ие пя атрасиў,
Шапачку изняўшы.

3.

Пыталася маци сына;
— Ци хараша твоя дзяўчына?
— Табѣшъ, маци, пя путаци,
Што памтуя, трэба даци:
Ой, ци рупъ, ци палтѝну
За харошую дзяўчыну.

4.

Бў у мине варавейка,
Завэў сабѣ гнѣздичка,
Изьнесъ сабѣ лечка.
Сядзиць дзень, сядзиць два,
А на трэцій — лупиць, лупиць,
А чарку гарэлки трэбя вупиць, вупиць!

5. Грыць.

Плачэ, Грыцу (2),
Дай на дворэ стоя.
Дзѣука Грыца палюбила,
Дай ў сѣни упусьцила;
Цыцъ, Грыцу, цыцъ! *)
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай ў хату хочэ.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай ў хату упусьцила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Верэникаў хочэ.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай верэникаў паварыла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай на лаўку хочэ,
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай на лаўку пусьцила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Да на чэрэво хочэ.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Дай па чэрэво пустила.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Што дзиры не бачыць.
Дзѣўка Грыца полюбила,
Да ў дзиру усадзила.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго четырехстишія.

7.

Ой, мой милы Пракопаньку,
Прыѣдзь ка мнѣ на кипаньку,
Дай ня забудзь рубля ўзяць —
Адзинъ снапокъ привязаць!

8.

Охъ, ты сынъ, ты атцўоски сынъ!
Ты ня знаяшъ, какая я была —
Усяму гораду — красавица была!
Асталася ў пярынушкѣ бясъ милага,
Адной мнѣ й пасьцель халадна:
Закацилися адзѣялушки ў нагахъ,
Закруцились слёзаньки ў глазахъ!

8.

Ўчора, ўчора зъ вячора
Мине сьвекаръ биў,
Самъ сабѣ гаварыў:
Ой, добра чужая дзиця биць,
Чужая дзиця ня'дбиваяцца,
А ўсе сьлёскамп абливаяцца.

9.

У майго сьвякратки хлѣба нядастатки,
У моя матки хлипъ слатки;
Салубмку таўкуць и алатки пякуць,
Мякпику смажаць, и алатки мяжуць.

10.

За мине, дзяўке, за мине,
У мине дабра многа:
Торба жыта зашыта,
Цѣўка муки набита,
Адно зернышка ў квасѣ —
И тое разгулялася,
На весельля сиадзявалася!

11.

Дудзя, дудзя — вясельля будзя —
Торбачка зъ мяшочкамъ-жаницца будзя.

12.

Пячайка пячэ,
Свиньня хвистъ вялачэ,
Крыкъ — зыкъ —
У с... ваткни языкъ.

13.

Ѣхаў Тялимонъ на кабыли вараной;
И калеса новыя, и калѣни голыя!

14.

Ишоў Тодаръ съ Тадораю,
Нашли лапаць, зъ абораю.
Охъ! ты Тодаръ, я-Тадора,
Табѣ лапаць — мнѣ абора,
Табѣ лапаць абуваццa,
Мнѣ абора — засцягацца.

15.

— Чаго баба надулася,
Чаму ў кажухъ ня убралася?
— Капъ у цибе быў такъ духъ,
Якъ у мине есьць кажухъ!

16.

Абулася баба ў чабатэ,
Дай па вулицу вышла!
Усѣ людзи дзивуюца, —
Што баба вялики зухъ.

17.

Ишла баба хвойничкомъ,
Зачапилась аплечкомъ!
Баба ў крыкъ, баба ў зыкъ:
Адчапися, мой апликъ!

18.

Ой, ишоў я зъ вячарынки,
Сярадъ цёмнай начынки:
Сядзиць жаба на пяпини,
Вытращыўшы вочы,
Я на яе: шля! шля! —
Яна й присѣла,
Капъ ня ўзяў я ў руки кія,
Япапъ мине можна зъѣла!

19.

Скароджу бараную —
Залетами курку рабую.
Прейходзиль свинапасъ: —
— Пазычъ курки на часъ!
— Ни пазычу, ни прадамъ,

Да схаваю къ калядамъ,
Калиды сьвяты дзень,
Буду гуляць визь дзень!

20.

Якъ жя мнѣ на пиць,
Якъ жа мнѣ вяселуй ни быць!
Чатыри аруць, пьяць барануюць,
На мние маладую гура гаруюць!

21.

Упился я — ни за вашы:
Мая курка знеслася,
Я за ячка упился!

22.

Грай, мызыка, кали граяшъ,
Кали добру жонку маяшъ!
Мая жонка — высока,
Твая слѣпа, касавока.

23.

Грай, музыка, на басу, —
Спячэ маци каўбасу —
Я Антосю занясу.
Я Антося любила—
И спадницу загубила!

24.

Грай, музыка, на параду,
А я у матки штанэ украду,
Низдзѣ дзѣну —табѣ дамъ,
Капъ ты хораша заграў!

25.

Гянна, хадземъ, валўомъ дайма!
Пакуль валэ падъядуць —
Сами пагуляйма!

26.

Пашла Гандзя жыта жаць —
Забылася сярпа ўзяць,
Серпъ ўзяла—хлѣпъ забыла,
Таки Гандзя дома была.

27.

Пашла Настуля па пятрушку
У чырвопумъ кажушку;
Янка Настули ни казнаў,
Пярдъ ею шапку зьняў.

28.

Ишли дзяўкэ лѣсамъ, лѣсамъ, —
Гаварыли зъ чортамъ лысымъ
Ишли хлопцы борамъ, борамъ, —
Гаварыли зъ паномъ Богамъ.
Ишли дзяўкэ крыница, —
Ишли смалу дайницаю;
Ишли хлопцы мяжою, —
Пили мьётъ дзяжою.

29.

Табы, табы—дзѣўкамъ жабы,
Тыры, тыры — хлопцамъ сыры!

30.

На балоци ярѣшына —
Поўни дзѣвакъ павѣшапа;
Хлопцаў — пяць, пяць, —
Усѣ ў золацѣ — спяць, спяць!

31.

На балоци — карыта,
Поўни вады палиты:
Хлопцы ноги мыли,
Дзяўкэ воду пили.

32.

Якъ у насъ — такъ й у васъ —
На гарэ крапиўка,
На три грошы — кавалеръ,
А на грошу дзѣўка!

33.

Ой, дзяўчата, ня бажата,
Дзѣ вашъ разумъ дзѣўся?
— У сыбаки, каля с...
Ў каўдзкъ извиўся!

34.

Ой, на градзѣ я капусту садзила, —

Да ня даў мнѣ Буохъ,
Каго я любила;
Да даў мнѣ Буохъ,
Каго я ня знала!
Да за тыя параборы,
Што нарабирала!

35.

Ой Буохъ тому дай,
Хто папенку ўзяў —
А я ўзяў ўдаву —
Дурыць маю галаву!

36.

Ци я мужу ни жана,
Ци я ў доми ни хадзяйка?
Тры дни ў печы ни палила,
А на печы жарка!

37.

Ой, ў гародзи на градзѣ тры капьны бобу,
Да хто замушъ ўзяў, капьня выбыу году,
У гародзи на градзѣ тры капьны маку
Да ныхто мине возьмя, той будзя багаты!

38

Ой чыкъ чумачокъ, —
На прыпячку грэчка!
Мужыкъ бабу камячыў, —
Думаў, што авэчкя!

39.

— Не би, не би, тата, мамы,
Не раби насъ сиратами!
— Забью, забью, закатэю,
Вазьму сабѣ маладзю!
— Ахъ, ты, тата, зъ барадою,
Прападай ты зъ маладою!
— А на чорты мнѣ малодша,
Кали эта харопа!

40.

Жыдзя, жыдзя, чортъ ѣдзя
У чырвонумъ капелюшэ—на твоя душэ!
Гдзѣ сьвиньни рыли —
Тамъ жыда мыли,
Гдзѣ сьвиньни драли, —
Тамъ жыда хавали!

41.

Вотъ и пьшенцѣ канецъ—
Пашла сьвинушка ў танецъ,
А за ею парася, —
Вотъ и пѣсянька ўся!

42.

Рѣдзьку саджу, рѣдзьку паливаю, —
Расьци, расьци, рѣдзька вяликая,
На зиму схаваю.
Я ня буду рѣдзьки ѣсьци,
Кажуць людзи — горка;
Я ня буду жанициси;
Будзе бици жонка!

43.

У саломи ляжу,
На хлопцаў гляжу,
И киваю и маргаю,
Къ сабѣ хлопцаў прызываю.

44.

Кацицца, кацицца зорачка зъ неба —
Хочацца, хочацца бѣлага хлѣба!
Хоць бы я маладзенька чуорны хлѣпъ ѣла,
Абы я, маладзенька, журбы ня мѣла!
На штошъ ты мине за сына брала,
Кали ты мине не любила?

45.

Ой, на дварѣ мяцёлка мяпе,
Красна дзявица па воду идзе
И бычка вядзе.
Бычочакъ упинаяцца,
Хлопяцъ зь его замяпаяцца.

46.

У агародзи дай расадушка расьце!
Парадзила мине матушка тонку—высоку
Чарнабрыву да харошу!
За мною да папэ да дзякэ, —
Нельга й ў церкаў пайци:
Яны ўсе сьмеюцца, на мине прызираюцца!

47.

— Куды мине, милы, павядзешъ

Гэтаку маладзеньку?
— На папаву санажаць, —
Траву зяляненьку:
Тамъ трава и вада —
Харошая паша
Жджѐця, хлопца, до восяни,
Ту я буду ваша!
Куды хочашъ — видзи,
То я ни баюся;
Гарэлки ня пила, —
Ту ня павалюся!

48.

Ой чабўоръ, чабўоръ да зь лябядою!
Въ цибе, дзяцинка, крывыя ноги!
Дайця мылицы (?) апирацися, —
Пайду съ хлопцами замецацыся!...
Ой, новы гарщакъ стаиць изъ вадою,—
Прападай ты, стары, зъ барадою!
Да новы гарщакъ за варотами, —
Прападай ты зъ абалтами!

49.

Дзяўчыночка, ого-го!
Прыми мине голаго:
Я кашульки ня маю
И жаницися думаю!
А я цибе-нъ прыняла
И кашульку—нъ дала!
А якъ ты ўцячешъ
И кашульку забярэшъ?

50.

— Пусьци, пусьци, падалянка, на печъ!
— Ня пущу — ня падобная рэчъ,
Ня пущу — матки баюся,
Пайду у матки папытаюся!
— Пусьци, пусьци на часиначку.
Пагрэць жывацыночку!

51.

Ня знаяшъ, матка, хто у мине быў?
Да быў у мине папоў сынъ!
Да я дўрна была — яму ганьбу дала.
Япъ за имъ панавала:
Енъ бы торбы намў,ёнъ бы хлѣбя пряпў!
А япъ яму падавала, сабаками заскавала,

52.

— Да чыя гэта дзѣвачка!
— Панова!
У агародзи маркоўку палола,
Маркоўку — пастарнакъ,
Да усадзила ножачку ў буракъ!
Да пайдзеця па мельничка—дварочка,
Няхай выми ножачку зъ бурачка!

53.

На вясельли была, на палу днавала
Памаленьку скачу—бу я ѣсьци хачу:
Какъ я ѣсьци ни хацѣла,
Ту нъ я вышай падляцѣла!

54.

Калипъ мая цеща ня умерла, —
Яна нъ минѣ торбачку грошай протерла:
Ой, зяцю, мой зяцю, харошы,
Отъ тоби ў торбоцы грошы!

М. Довнаръ-Запольскій.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года

студента IV-го курса Ист.-Филологич. Факультета С.-Петербургскаго Университета

А. Погодина.

Лѣтомъ 1893 года, по предложенію профессора Владиміра Ивановича Ламанскаго я былъ посланъ С.-Петерб. Университетомъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ Ковенскую губернію для изученія живого литовскаго языка.

Прежде всего я проѣхалъ въ Тельшевскій уѣздъ, гдѣ поселился у г. Ложинскаго.

къ которому у меня было рекомендательное письмо. Онъ всячески старался оказывать мнѣ содѣйствіе, причемъ особенно удачно было для меня то, что какъ разъ въ это время у него строился домъ, такъ что я имѣлъ возможность слышать отъ рабочихъ всѣ оттѣнки мѣстнаго говора. Говоръ этотъ, образцы котораго я представляю подъ заглавіемъ *Образцовъ жоранскаго говора*, является однимъ изъ самыхъ трудныхъ для начинающаго: не говоря уже о томъ, что въ этомъ говорѣ краткія *i* и *u* произносятся почти какъ ё и ŏ, отчего происходитъ смѣшеніе многихъ словъ, въ этомъ говорѣ множество словъ латышскаго происхожденія, незнакомыхъ изучавшему только письменный литовскій языкъ.

Не смотря на трудность этого говора, благопріятныя условія, въ которыхъ я находился, дали мнѣ возможность недѣли черезъ двѣ настолько освоиться съ литовскимъ языкомъ, что я рѣшился предпринять, въ сопровожденіи г. Ложинскаго, путешествіе по Тельшевскому и Россіенскому уѣздамъ, чтобы, насколько удастся, присмотрѣться къ быту жмудиновъ и собрать по нѣскольку образцовъ всякаго говора.

Я обошелъ и объѣхалъ кругъ верстъ въ 150, имѣлъ возможность наблюдать четыре говора и узнать обыденную жизнь и интересы крестьянъ.

Вернувшись изъ путешествія, я проѣхалъ къ городу Россіенамъ, гдѣ поселился у мѣстнаго помѣщика С. И. Довойна-Сильвестровича, которому считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность.

Въ Довойновѣ я занимался, главнымъ образомъ, переводомъ «Свадебныхъ обрядовъ Веленскихъ литовцевъ» Юшкевича, памятника этнографической литературы, занимающаго, вмѣстѣ съ сочиненіями Довконта и Валанчевскаго, исключительное мѣсто въ литовской письменности по богатству этнографическихъ свѣдѣній. Для этого перевода мнѣ пришлось съѣздить и въ самыя Велёны, чтобы узнать значеніе многихъ устарѣвшихъ или мѣстно-Веленскихъ словъ; тамъ мнѣ посчастливилось, въ лицѣ органиста Велёнскаго костела И. А. Куметиса, найти большаго любителя и знатока литовскаго языка. Его помощью я воспользовался въ значительной степени, о чемъ вспоминаю здѣсь съ благодарностью.

Изъ Велёнъ я проѣхалъ въ имѣніе гр. Тышкевичей —«Ландварово», такъ какъ мнѣ хотѣлось познакомиться и съ чисто литовскимъ говоромъ, но вслѣдствіе того, что мой отпускъ простирался только на Ковенскую губ., мнѣ пришлось уѣхать изъ «Ландварово» Виленской губ., раньше, чѣмъ я предполагалъ. Вотъ, такъ сказать, общій планъ моей поѣздки.

I.

Матеріалы для Атласа Литовско-Жмудской діалектологіи.

Какъ извѣстно, балтійскіе языки одни изъ самыхъ богатыхъ нарѣчіями; литовско-жмудскій, кажется, еще богаче въ этомъ отношеніи, чѣмъ латышскій; поэтому составленіемъ атласа литовско-жмудской діалектологіи, хотя бы по образцу атласа Биленштейна («Die Grenzen der Letten» Spb. 1892), можно было бы принести большую пользу какъ для философіи языкознанія, такъ и для изученія пра-литовскаго языка и доисторической жизни балтійскихъ племенъ, въ смыслѣ распредѣленія ихъ отдѣльныхъ племенъ.

Мнѣ хотѣлось бы представить здѣсь хотя небольшой матеріалъ для такого атласа.

Сокращеніе заглавій:

BF. A. Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.

BG. A. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache. 1877.

Da. Литовскій катихизисъ Даукши. Spb. 1886. E. Вольтера.

ФМ. Литовскія пѣсни, собранныя Фортунатовымъ и Миллеромъ.

J. Литовскія пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ.

Jsvd. Литовскія свадебныя пѣсни, зап. Ант. Юшкевичемъ.
L.B. Litauische Volkslieder und Märchen, ges. von Leskien und Brugmann (LBB—пѣсни Бругм., LBL.—Лескина).
M. Mittheilungen des lit. liter. Gesellschaft.
PJ. Polangos Juze.
WEP. Вольтеръ. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди.
L. *Abl.* Leskien. Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen.
L. *Bild.* Leskien. Bildung der Nomina im Litauischen.
K. Gr. Kurschat. Grammatik der littauischen Sprache. Halle. 1877.
K.—*Kolberg.* Pieśni ludu litewskiego.
П. К. Памятная книжка Ковенской губ. на 1893 годъ.

I. Деревня Шилы Жоранского прихода Тельшевскаго уѣзда (образцы 1—10).

Границы этого говора я могъ замѣтить въ двухъ направленіяхъ: именно, на юго-востокъ отъ Шилъ она проходитъ около мѣстечка Ворнъ, а на западѣ около мѣстечка Тверъ, такъ какъ въ самихъ Тверахъ говоръ уже совсѣмъ иной; пограничной линіей на западѣ служитъ, насколько мнѣ извѣстно, большое трудно-проходимое болото.

Этотъ говоръ, который правильнѣе всего было бы назвать Жоранскимъ, есть, по преимуществу, говоръ переходный: нѣтъ кажется ни одной формы, ни одной діалектической особенности, которая не встрѣчалась бы и въ какомъ-нибудь другомъ говорѣ, но въ совмѣстности всѣ эти особенности встрѣчаются только въ Жоранскомъ приходѣ; есть въ этомъ говорѣ даже немало общаго съ древне-прусскимъ и латышскимъ языками.

Прежде всего говоръ этотъ жмудскій, потому что всѣ жмудскія особенности (такими считаются, кажется: 3 л. на *a* вм. *o*: mat*a*. rad*a*; gen. sing основъ на *a* съ окончаніемъ *a* вм. *o*: vilk*a*; gen. sing. основъ на *i* съ окончаніемъ *as* вм. *os*; произношеніе *ë* и *ů* не какъ ié, uo) здѣсь на лицо.

Постараюсь указать здѣсь другія особенности жоранскаго говора съ указаніемъ тождественныхъ особенностей другихъ говоровъ:

1) *ů* произносится здѣсь какъ *ou*, причемъ удареніе, если оно лежитъ на этомъ слогѣ, бываетъ, насколько я могъ замѣтить, только нисходящее, а не восходящее. Какъ извѣстно, это особенность діалекта Довконта, проведенная однако далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ: такъ въ «Исторіи Литвы» вмѣсто *ou* стоитъ вездѣ *ů*; но въ «Budas Sénowies Lëtuwiu», гдѣ нарѣчіе вообще очень близко къ Шильскому, *ů* замѣняется черезъ *ou*: M. 10,6: szou, toumi, 7 kou, tou; B. S. 166 (по L. Bild, 233): souka. Довконтова *ou* изъ *ą* (*o* съ носовымъ произношеніемъ) M. 10,6: drousas, 238: roustas Шильскій говоръ не знаетъ: drąsas, rąstas.

Тоже произношеніе въ Кальваріи K. 13: sustouk.

2) *ë* произносится какъ *ej*; и эта особенность находится въ языкѣ Довконта; однако я замѣтилъ ее только въ «Исторіи», см. WEP. 126: weinos, deino, keimus; въ другомъ же его сочиненіи: «Budas sénowies Lëtuwiu» вм. ë стоитъ ij: M. 10,238: wijni, dijna, brijdius, см. также PJ. 94: szwijsus. Древне-прусскій языкъ тоже на мѣстѣ литовскаго *ë* имѣетъ *ej* или, что, кажется, при др. пр. орѳографіи все равно, ay: braydis (=briedis), aysmis (=jiešmas). dejna, Deivas, leipe (leipe castrum. Ness. Thes. ling. prus. Berl 1876. p. 92 и 94), dejgi [или e: deus y Grunau, lepiten mons (Ness. p. 92), dena при формѣ deina (Ness p. 29), или y (i) dygi, lype, dineniskas-ежедневный Enchiridion. 23]

3) i произносится какъ e. Найти законъ этого употребленія очень трудно; иногда оно едва замѣтно, такъ что я въ образцахъ Жоранскаго говора, еще плохо говоря и различая литовскіе звуки, кажется, иногда записалъ *i* тамъ, гдѣ нужно было поставить *e*, какъ и *u* тамъ, гдѣ нужно было поставить *o*. Вообще произношеніе краткаго *i* во многихъ

мѣстахъ Литвы и Жмуди приближается къ *e*; въ Жоранскомъ говорѣ оно почти тождественно съ произношеніемъ *ĭ* въ прусской Литвѣ. Такъ, Беценбергеръ, изслѣдовавшій этотъ вопросъ, говоритъ слѣдующее (Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. t. VIII «Zur lit. Dialektforschung» стр. 122): «въ приходахъ: Прекульсъ, Давиленъ, Мемель, Кретингенъ *ĭ* становится *ä* (письменное e), если только за нимъ не слѣдуетъ непосредственно группа согласныхъ, издревле начинающаяся съ *n* или *m* или если оно не защищено слѣдующимъ за нимъ звукомъ *i* или *e*, ослабленнымъ изъ *a* или *u*»; см. его же Lit Forschungen. № 50, kalden, penke, vainek, kret, № 59: ankšte, balte zieda; тоже въ Швекшнянскомъ говорѣ: Da 167 стр.: sene (=seni), nešte (=nešti), «gernas (=girnas), waden (=wadin) etc.; для голлевскаго нарѣчія см. LB. стр. 86: «знакъ *ĭ* въ tiko, lindo etc. для звука близко подходящаго къ e». Въ древне-прусск. рядомъ betten-*e*d*e*n, и bitas-*ĭ*d*ĭ*n. (Nes 18).

4) *u* произносится какъ *o*, насколько я могъ замѣтить, согласно съ закономъ, выведеннымъ Беценбергеромъ (Beit. VIII, 106—107): «въ тѣхъ же приходахъ (см. 3) *u* подъ удареніемъ становится *å*, если только за нимъ не слѣдуетъ и дал.,» тѣже случаи, какъ и относительно *ĭ*, и шире его, какъ въ Мемелѣ, M. 5,262.

Туже особенность можно отмѣтить въ древне-прусскомъ языкѣ (вѣроятно въ одномъ изъ говоровъ его): possis, botte, kopte рядомъ съ kupte (Ness 78). konagis (= konegas Жоранскаго нарѣчія) colm и culm (Ness 77); отсюда, можетъ быть, можно объяснить и др.— прус. ape въ сравненіи съ Жоранскимъ ope; см. BF. № 67: byego pèle. См. K. 12: dovanoso. Обѣ эти особенности (*e* изъ *ĭ*, *o* изъ *u*) свойственны языку Довконта: M 10,s: tarema, augomo widotinio, sŏ wissŏ; первая также языку Волончевскаго: PJ. 94: dwilekias.

Даже въ дифтонгахъ *uj* (=*u*: mujlas-мыло, smuikas-смыкъ) и *au u* произносится какъ *o*: такъ, я слышалъ: moilas, bučiao; см. M. 5,262.

5) *am*, *an* переходятъ также, какъ въ Шадовскомъ діалектѣ M. 10,257 въ *um*, *un* или же въ *om*, *on*; въ Вилькомирскомъ уѣздѣ (Гуковскій. Описаніе этого уѣзда 1891. стр. 9) въ *um*, *un*; въ Пушолатахъ: J. 1,4: unt. 2,6: untra; 2,7: lonkele. Въ древне-прусскомъ было это явленіе также, какъ видно хоть бы изъ слова *brunse* въ соотвѣтствіи съ лит. brujše (=*branše, какъ pujkus изъ pankus—польс. pęknу), kujsis изъ kansis J. 246.

6) *aj*, *oj*, *ej* становится *ā*, *o*, *e*: sugavá (=sugaváj) 1, bová (=buváj, но bòva=bùvo) 5, tamsta (=tamstaj). 2, visokias spasabais (=visokiajs spasabajs). 2, pirštas (=pirštajs). 3, не wajkščioji. 8, perla (=perlaj. Nom. pl). 6; ryto (=rytoj). 2; velne (Nom. pl.). 2, eje (=ejej) 5, prisejede (=prisejédej) 1: ej=ja: (=e) rek (=rejk). greta (=grejtaj), dejna praledus (=dienaj pralejdus); kap-tap, ponati etc. см. Bez. ibd. 138.

7) *ē* склонно переходить въ *a*, особенно въ началѣ словъ, однако иногда и въ серединѣ (см. dur*a*les. 5. ср. K. 27: m*a*delu); agle вм. egle (срав. pr. addle, gabavo изъ gēbavo=цсл. жаба изъ гѣба gēba, alkskande lit. elksnis): na не. varksma (=verksma). 1.

8) *ĕ* въ концѣ словъ произносится такъ, что его трудно отличить отъ *ĭ*, иногда же ясно слышится *e*; см. egli=egle (Acc. Sing). 1. pradeji (=pradeje). 2, brongis (=brongés=brongios). 6, vajkščioji (=vajkščioje) 8, unt keli (unt kele=unt kelio). 8, arkli (=arkle Gen Sing,). 9, см. Da. 167.

9) Отсутствіе йотаціи: paukšte, douso.

10) Присутствіе носовыхъ въ Gen. Pl., въ причастіяхъ: atvaren, pribegen etc, въ Loc. Pl.: Lalūnse, ažerūnse.

11) Выпаденіе *v* въ словахъ: nakoute, tora.

Образцы склоненія (для всего слѣдующаго см. статью Яунпса П. К. 1893).

	Основы на a.		на ā.		
Sing. N.	Dejvas	arklis	ronka	aš.	tu.
G.	dejva	arkle (=arkli)	ronkas (и ronkos)	monis	taves. saves
D.	Dejvou	arkliou	ronka	mon	tau
Ac.	dejva	arkli	ronka	muni	
Abl.	dejvo (=dejvu)	arklio (=arkliu)	ronkō (=ronku)	monimi	
Loc.	dejve	arkle	ronkō	monij	
Dual. N. Ac.	dejvo (=u)	arklio	ronke (=ronki)		
Plur. N.	dejve (= dejvi)	arkle	ronkas		
G.	dejvun	arkliun	ronkun		
D.	dejvams	arkliams	ronkoms		
Ac.	dejvus	arklius	ronkas		
Abl.	dejvas	arklias	ronkoms		
Loc.	dejvunse	arkliunse	ronkose		

tas. Nom. dual. todo (=tudu). Третій—tretinsis.

Спряженіе.

Praesens.	matau	toro	sovo (шью см. P. J. 14. siuo).
	matá	tori	
	máta	tor	
	matam	toriam	na-b-jam.
	matat	toriat	
Aor.	mačiau	prisejdežiau	
	mate	prisejede	
	matė	prijajė	
	matėm		
	matėt		
Fut.	douso		
	dousi		
	dous		
	dousma		
	dousta		
Opt.	dončio. ср. ФМ. № 23, Kolb: № 29		
	butumej		
	butum		
Imper.	i. ak, akiam.		

II.

Уже въ м. Тверахъ въ 9 верстахъ отъ д. Шилъ говоръ мѣняется; прежде всего произношеніе $\bar{\bar{u}}$ и *ie* какъ *ou* и *ej* исчезаетъ и появляется произношеніе *u* и *ī*. Границы этого послѣдняго произношенія, насколько мнѣ привелось ихъ замѣтить, таковы: на моемъ маршрутѣ; Тверы 16 в. Лаукова 19 в.—Хвейданы 30 в.—Вевержены она проходитъ между Хвейданами и Веверженами, однако, раньше-ли или послѣ м. Андреявы я замѣтить не могъ; затѣмъ, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъВорнъ въ Колтыняны (по направленію къ г. Россіенамъ), то за Ворнами уже появляется произношеніе $\bar{\bar{u}}$ и *ie*, какъ $\bar{u}$ и *ī*, которое доходитъ и до Россіенъ; далѣе, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъ Россіенъ въ Юрбургъ, то границей этого произношенія служитъ маленькая рѣчка Шалтона, за которой

говорятъ уже *uo* и *ie*. Внутри этого у-кающаго говора, признакомъ котораго служитъ, между прочимъ, произношеніе *ŭ* какъ *u*, а не *ō*, можно отмѣтить также нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ мнѣ привелось слышать два: Россіенскій, признакомъ котораго служитъ окончаніе Dat. pl. основъ на ā—*ums* (вм. *oms*) и *ims* (вм. *ems*), K. G. § 605, см. LBL. III: jurims marelims, которое указываетъ, кажется, на окончаніе *ūms* и *iems* въ этомъ говорѣ, однако Тельшевская форма, приведенная Куршатомъ, противорѣчитъ этому, если только не является здѣсь образованіемъ по аналогіи съ основами на *i*; другой говоръ этого произношенія, который я имѣлъ случай наблюдать въ м. Лауковѣ и Хвейданахъ (также отчасти въ м. Тверахъ) отличается нѣкоторыми особенностями, роднящими его съ сосѣднимъ Жоранскимъ говоромъ, какъ въ фонетическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ. Къ числу фонетическихъ принадлежатъ: 1) переходъ *an* въ *un* и въ *on*; 2) переходъ (довольно частый, хотя далеко не всегда) *aj*, *ej* въ *a*, *e*: žale dvara (=žalej dvaraj), aukšta (=aukštaj), pamulate (=pamulajte) paleste и т. д.; 3) произношеніе *ı* какъ *ĕ*: užaugena, kliste, dukes, 4) широкое произношеніе *e*: na, tatuši, wisidage, āsu (=ejsiu); 5) присутствіе носовыхъ: terp lunkun, rugiun, tryns, auksunse, 6) отсутствіе йотаціи: turu, dusu, 7) рѣдко встрѣчающееся, хотя все же до извѣстной степени существующее произношеніе *ŭ* какъ *ō*: subadytom, bovo, doje (=duje, дьое); изъ морфологическихъ особенностей можно отмѣтить окончаніе 3 лица *a* вм. *o*, хотя форма bovo (=buvo) указываетъ на присутствіе и другаго окончанія; gen. pl. основъ на ā имѣетъ или os (какъ я замѣтилъ въ Лауковѣ, гдѣ отъ разсказчицы сказки, старушки болѣе 80 лѣтъ, слышалъ только окончаніе *os*) или as (въ Хвейданахъ разказчица,—молоденькая швея, употребляла только окончаніе ās), см. BG. 129; въ Хвейданахъ же я слышалъ интересную форму Gen. Sing. основъ на *u-ous* вм. *aus*: medous, žmogous, но и žmogaus; кромѣ того, нужно отмѣтить особую приставку къ окончанію будущаго времени: asut (=ejsiu), vysut (vysiu).

III.

По дорогѣ изъ Хвейданъ въ Вевержены говоръ мѣняется и опять приближается къ Жоранскому такъ же, какъ и дальнѣйшій кульскій, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ Жоранахъ *t* и *d* смягчаются въ dž и č, въ Веверженахъ въ *c* и *dz* (N. jautis. G. jaute. D. jaucou. Ac. jauti, Abl. jaucu. Loc. jauce. Nom. Pl. jauce G. jauciu. Abl. jautas; iš medziu); въ Кулахъ смягченія нѣтъ вовсе.

IV.

За Россіенами по дорогѣ въ Юрбургъ за р. Шалтоной начинается новый говоръ съ произношеніемъ *ū* и *ie*, какъ *uo* и *ie*. говоръ вообще по своей фонетикѣ и морфологіи не отличающійся отъ письменно-литовскаго. за исключеніемъ Жмудскаго окончанія 3 л. на *a* вм. *o* (mata, buva) и окончанія Dat. Pl. основъ на ā-ims и ums: напр. pospėsma su ožkums ant turgaus; см. сборникъ Іосифа Мицкевича, № 23, принадлежащій Императорскому Географическому обществу: № 81: graudziums ažarelims verksiu; № 83: vinims.

(*Образцы говоровъ въ слѣдующемъ выпускѣ*).

О происхожденіи названія г. Пскова.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за августъ 1887 года помѣщенъ переводъ статьи Прейса изъ «Inland» за 1839 № 13 относительно названія г. Пскова (эст. Pihkwa). Г. Прейсъ, разбирая происхожденіе слова Псковъ, приходитъ къ тому заключенію, что оно происходитъ отъ слова «песокъ». Это производство, по моему мнѣнію, невѣрно. Названіе г. Пскова чудскаго происхожденія и именно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Уже a priori представляется довольно страннымъ то обстоятельство, что на столь обширномъ пространствѣ, какъ Россія, лишь одна мѣстность получила названіе отъ слова песокъ съ необъяснимымъ изъ русскаго языка окончаніемъ «ва», «вица» (рѣка Пскова, Псковица), «въ». Есть дѣйствительно масса чисто русскихъ названій населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей, которыя безспорно именуются отъ песковъ, но при этомъ у всѣхъ такихъ названій отсутствуетъ вышеуказанное окончаніе. Такъ напр., возьмемъ какое либо изъ ближайшихъ ко Пскову мѣстныхъ названій. Въ одномъ Псковскомъ уѣздѣ насчитывается 4 деревни съ названіемъ «Пески», двѣ — «Песокъ», одно село — «Пески», двѣ пустоши — «Песчанникъ»; всѣ эти названія несомнѣнно происходятъ отъ слова «песокъ».

Исходнымъ пунктомъ моего предположенія о финскомъ происхожденіи названія Пскова служитъ прежде всего то обстоятельство, что пространство на востокъ отъ Чудскаго оз. и р. Великой было населено первоначально, до пришествія славянъ, финскими племенами, къ каковому убѣжденію привело меня изученіе древнихъ мѣстныхъ названій на томъ пространствѣ. Слѣдовательно нужно предполагать, что и названіе «Псковъ» также финскаго происхожденія. Для подтвержденія этого я приведу здѣсь только древнее названіе р. Великой, которая въ древности именовалось «Mudawa» (т. е. мутная вода; окончаніе «ва» нынѣ сохранилось у Зырянъ и Вотяковъ въ значеніи воды). Нѣмецкіе писатели еще въ XIV—XVI вв. именуютъ ее «Muda (Вартбергъ въ XIV в.). Въ настоящее время у псковскихъ полувѣрцевъ, народа финскаго происхожденія, населяющихъ Псково-Печерскій край въ количествѣ около 12 тысячъ, р. Великая носитъ названіе Suur Jmajogi (Великая Мать-рѣка), Suur Jma (Великая Мать), Jma jogi (Мать-рѣка). Такъ обыкновенно величались и у Прибалтійскихъ Эстовъ болѣе значительныя рѣки. Въ соотвѣтствіе этому названію, Великой.—рѣка, берущая начало у Изборска-Jzajõgi (см. карту Лотера), т. е. Отецъ—рѣка.

Одного корня съ названіемъ Пскова должны быть названія: р. *Пскова*, текущая на пространствѣ около 50 в. съ сѣверо-востока и впадающая при г. Псковѣ въ р. Великую; затѣмъ рѣчка *Псковица*, впадающая въ Пскову, а названіе деревни *Писковичи*, при р. Великой, въ 8 верстахъ отъ Пскова.

Такъ какъ названія ненаселенныхъ, природою устроенныхъ, мѣстностей нужно считать древнѣе названій мѣстъ сдѣланныхъ человѣческими руками, то приходится признать, что названіе рѣки Псковы древнѣе названія г. Пскова и что первое названіе послужило основаніемъ ко второму.

Возникаетъ однако сомнѣніе, какимъ образомъ слово Псковъ или Пскова можетъ быть эстонскаго происхожденія, такъ какъ у эстовъ вмѣсто Псковъ произносится Pihkwa. Г. Прейсъ высказываетъ предположеніе, что знатоки эстонскаго языка найдутъ причину того, почему «русское» *c* въ словѣ Pihkwa перешло въ *h*. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно звукъ *c* перешелъ въ звукъ *h*, но не русское *c*, а финское. Эти два звука, какъ извѣстно, играютъ большую роль при различеніи разныхъ нарѣчій фин-

скаго языка или финскихъ народностей. Звукъ s служитъ между прочимъ отличительнымъ признакомъ языковъ вотскаго, ливскаго, мордовскаго, черемисскаго, а въ нарѣчіяхъ сѣверо-западныхъ, а въ томъ числѣ и эстонскихъ, на его мѣсто выступаетъ звукъ h. Слѣдовательно, если слово Псковъ (а) финскаго происхожденія, то оно должно быть заимствовано русскими у одного изъ вышеозначенныхъ народцевъ сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, включая сюда и Ливовъ. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Шелонской и Деревской пятинъ, которыя по сравненію мѣстныхъ названій были въ доисторическія времена населены народностями сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ названіяхъ звукъ *с. ш* тамъ, гдѣ у другихъ h. Напр. Пискуница, Пишкова, Росковякино (Шелонск. пятина), Вышма, Вшера, Веска, Москово, оз. Писковно (Деревск. пятина). Вообще въ Псковскихъ предѣлахъ преобладаютъ слова, сохранившія звукъ с, какъ отличительный признакъ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народностей. Кромѣ названія деревни Писковичи можно еще указать названія деревень Пископи (Изб. вол.). Пискунова (Мелех. вол.). Куева (Логоз. вол.—ср. въ Лифляндіи Кохова), въ Гдовскомъ у. Москва. Писва (ср. дер. Песива на противоположномъ берегу Чудскаго озера).

Корнемъ слова Пскова (Псковъ) слѣдуетъ признать pihk (или pisk). Онъ сохранился кромѣ эстонскаго названія Pihkwa, еще въ вышеупомянутыхъ названіяхъ Писковичи, оз. Писковно. По фински pihka, эстл. pihk, лив. piska—смола. Если къ этому слову присоединить обычное финское окончаніе названій рѣкъ на wa, то Пскова, Псковица или первоначально Piska-wa будетъ значить буквально «смолистая вода». Ливы и восточные народцы финскаго племени должны были назвать рѣку, впадающую при г. Псковѣ въ Великую, Piskawa, сокращ. Piskwa. Нынѣшніе руескіе обитатели Псковскихъ предѣловъ заимствовали слѣдовательно это названіе отъ народа, находившагося въ близкомъ родствѣ съ Ливами и Водью. Можетъ быть такимъ народомъ были предки Эстовъ, говорящихъ нынѣ на восточномъ нарѣчіи въ сѣверо-восточной части Лифляндской губ.—такъ наз. полувѣрцевъ (setukejed) Псково-Печерскаго края. Нарѣчіе это близко подходитъ къ группѣ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народовъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Изъ заимствованія Славянами названія рѣки, а можетъ быть и города Пскова отъ предковъ нынѣшнихъ Эстовъ именно въ этой формѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что совмѣстная жизнь Славянъ и Чюди за Пейпусомъ и при р. Великой не была продолжительна, такъ что первые не успѣли познакомится съ языкомъ Чуди на столько, чтобы перевести названіе Pihkawa на собственный языкъ, какъ это дѣлается обыкновенно тамъ, гдѣ совмѣстная жизнь продолжительна и гдѣ взаимныя сношенія и соприкосновенія устанавливаются постепенно; какъ это наглядпымъ образомъ можно замѣтить на пограничныхъ нынѣ пунктахъ Русскихъ и Эстовъ. Здѣсь почти всѣ названія переведены на руской языкъ и такимъ образомъ почти каждая мѣстность имѣетъ двойное названіе: одно русское, а другое эстонское. Это явленіе совершалось и въ древности въ смежныхъ мѣстахъ продолжительной совмѣстной жизни Славянъ и Чюди. Какъ мнѣ кажется, слѣды перевода первичныхъ названій Pihka, Pihkawa на русскій языкъ можно бы усмотрѣть въ нѣкоторыхъ наименованіяхъ мѣстностей ближе къ лифляндской границѣ. Таковы въ Пайкинской волости на юго-западъ отъ Пскова: оз. Смоленское; Смолины, погостъ при озерѣ; Смолины, деревня, Смолинка, рѣчка, впадающая въ Кудебъ; въ Изборской волости: Смолка, рѣчка, впадающая въ Городищенское озеро: въ Печерской вол. деревня Смолина гора (Смольникъ), при р. Метковкѣ, въ Панковской вол. два отрѣза и одна пустошь Смоленецъ. Предположеніе, что эти названія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть ихъ, представляютъ переводы съ Чудскаго яз., основывается на томъ примѣрѣ, что въ восточной части Эстляндіи и отчасти въ западной части Псковской губ., гдѣ двѣ народности издавна живутъ совмѣстно или другъ подлѣ друга, большая часть мѣстностей имѣетъ два названія. Такой законъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ упомянутыхъ мною волостяхъ Псковской губерніи.

Что слово Псковъ (Пскова) чудскаго происхожденія, это подтверждается и другимъ русскимъ названіемъ Пскова, «Плесковъ». Прейсъ справедливо думаетъ, что Плесковъ не есть первоначальная форма, а вторичная, т. е. звукъ «л» не имѣетъ кореннаго происхожденія именно потому, какъ онъ утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ Эсты, познакомившись съ рѣкою или городомъ, подъ названіемъ Плесковъ, сообразно съ духомъ своего языка назвали бы его навѣрно Lihkwa, а по моему Lehkwa, Leskwa.

Но если Псковъ есть чисто русское названіе, то представляется довольно страннымъ, почему по отношенію къ этому слову не соблюдается строго законъ, свойственный извѣстной вѣтви славянскихъ нарѣчій, по которому послѣ звуковъ б, в, м—вставляется л, если за этими согласными слѣдуетъ ь или мягкій гласный звукъ. Не служитъ-ли здѣсь это нестрогое примѣненіе лингвистическаго закона подтвержденіемъ того, что это слово казалось Славянамъ не русскаго происхожденія, и они, на ряду съ передѣлкой его по законамъ собственной рѣчи, сохраняли его и въ первичной чистой не русской формѣ, которая наконецъ взяла перевѣсъ и сдѣлалась общеупотребительной.

Въ заключеніе своей статьи г. Прейсъ заявляетъ и по поводу новѣйшей формы *Опсковъ*, иногда употребляемой народомъ, что разъясненіе ея потребовало бы пространныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологіи съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ»; но по моему это обстоятельство объясняется очень просто: г. Прейсу не было извѣстно, что по всему протяженію пограничной линіи между Эстами и Русскими названія плотно населенныхъ центровъ сплошь да рядомъ въ разговорномъ народномъ языкѣ употребляются на вопросъ: куда? такъ что эта форма остается при другихъ падежахъ этихъ названій. Поэтому названіе Опсковъ, Вапсковъ, ничто иное какъ то же слово съ присоединеніемъ впереди предлога «въ», «во».

Ю. Трусманъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ Венгріи мы находимъ названіе рѣки P i l i s k e. (Пльска?) Такъ въ грам. короля Андрея II 1234 г. читаемъ—«per monticulum H o l m dictum cadit in fluvium P i l i s k e» Fejer, II, 3,409. (въ близости отъ р. Салы) и въ мѣстности со слав. названьями (см. Holm—monticulus). Далѣе въ старой Болгаріи на сѣв. отъ Преслава былъ городъ П л е с к о в ъ (Pliskova, Pliskuva см. у Льва Дьяк., Кедрина, Анны Комнинъ (см. Шафарика Slow. starož. II. § 3, 2 изд. str. 233). И древнѣйшая форма нашего Пскова могла быть П л ь с к о в ъ, и въ древнее еще время могла явиться и болѣе новая форма П ь с к о в ъ. Начальное же *о* или *а* (въ ф. О п с к о в ъ, А п с к о в ъ) явилось не изъ предлога въ—во, а отъ стеченія согласныхъ, и отъ придыханія (*в*), какъ въ слов. о р ж а н о й, о р ж е в с к і й в а л ь г о т н ы й... и пр. *Песокъ же*, собственно *пьсокъ* (чеш. písek, польск. piasek серб. пиjѐсак), не имѣетъ ничего общаго со *Псковомъ.*

Прим. редактора.

Къ исторіи суевѣрій.

Въ «Актахъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Коммиссіею» (Тифлисъ 1870, т. IV, стр. 958—959, подъ № 146-мъ) помѣщенъ не безъинтересный для исторіи суевѣрія рапортъ Кавказскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Малинскаго генералу Ртищеву отъ 10 іюня 1811 г., № 242, слѣдующаго содержанія:

«Бывшій главный смотритель переселенцевъ Офросимовъ донесъ, съ приложеніемъ рапорта смотрителя Пашовкина, о принесенной сему послѣднему жалобѣ 13-ю престарѣлыми женщинами новозаводимаго изъ переселенцевъ сел. Ново-Александровскаго, на общество тамошнихъ жителей, что по случаю засухи въ полѣ отъ небытія нѣсколько времени дождей, по суевѣрію своему, собравши тѣхъ женщинъ и связавъ имъ руки, опускали

ихъ въ воду для того, что которыя изъ нихъ не потонули, тѣ признаны ими вѣдьмами, отъ колдовства коихъ не было дождя, и просятъ, за таковой съ ними поступокъ поступить съ тѣми крестьянами, какъ слѣдуетъ по закону, и запретить называть ихъ вѣдьмами. Къ сему помянутый смотритель присовокупляетъ, что староста за сіе смѣненъ и выбранъ другой и что ежели отдавать за сіе подъ судъ, то подсудимыхъ составится великое число, коихъ по теперешнему рабочему времени отлучать затруднительно. Относя таковой поступокъ сего общества къ невѣжеству и суевѣрію, я полагаю мнѣніемъ отрядить въ сіе селеніе Ставропольскаго уѣзднаго судью съ старшимъ дворянскимъ засѣдателемъ земскаго Суда и стряпчимъ для немедленнаго изслѣдованія на мѣстѣ въ праздничный день, кто были зачинщики сего происшествія, коихъ не могло быть много, и кто предложилъ сію мысль обществу, и открывъ оныхъ, отослать въ совѣстный судъ къ суду, коему какъ о дѣйствіи уже открытомъ не можетъ случиться никакого затрудненія, рѣшить дѣло безъ малѣйшаго задержанія сихъ людей, на основаніи законовъ и по надлежащемъ утвержденіи выполнить приговоръ на мѣстѣ преступленія, дабы видѣвшіе оное и скорое потомъ послѣдовавшее взысканіе по законамъ, могли содержать въ свѣжей памяти, что сіе дѣло, соединенное съ опасностью жизни другихъ и законами неустановленное, есть худое, непозволенное, вредное и подвергающее дѣлающихъ оное стыду и неизбѣжному наказанію».

Сообщ. Е. Коз—скій.

Изъ области народныхъ вѣрованій

Къ ст. «Народныя вѣрованія въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи»

Весною текущаго года среди мѣстнаго населенія распространилась слѣдующая довольно характерная легенда. Въ одномъ селѣ на первой недѣлѣ великаго поста была у мѣстной молодежи вечеринка. Молодежь пѣла и плясала, забывъ о святости великаго поста. Въ самый разгаръ веселья въ комнату вошелъ невѣдомый странникъ и обратился съ строгимъ увѣщаніемъ къ развеселившейся молодежи, но увѣщанія странника были встрѣчены насмѣшками и шутками. Одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ даже къ горѣвшей въ комнатѣ лампадѣ и закурилъ отъ нея папиросу. Тогда по мановенію старика всѣ бывшіе въ комнатѣ молодые люди неистово заплясали. Прошло нѣсколько времени; несчастные, не смотря на свое желаніе, никакъ не могли прекратить своей невольной пляски. Такъ прошло нѣсколько дней. Родные несчастныхъ обратились за помощію къ отцу Іоанну Кронштадтскому и послѣдній сказалъ имъ, что грѣшники будутъ плясать такъ до великаго четверга, и только въ этотъ день Господь помилуетъ ихъ. И до сихъ поръ (легенда записана нами въ срединѣ Великаго поста) пляшутъ нечестивцы; отъ утомленія всѣ они почернѣли, но ни на минуту не прекращается ихъ неистовая пляска. Такъ Господь караетъ за кощунство и непочитаніе великаго поста.

А. Баловъ.

Аллитерація въ народномъ языкѣ.

Аллитераціей называется, какъ извѣстно, частое повтореніе нѣсколькихъ начальныхъ или конечныхъ слоговъ въ предложеніи. Чаще всего аллитерація имѣетъ своею цѣлію звукоподражаніе—въ данномъ случаѣ она называется ономатопеею. Если повторяются послѣдній слогъ извѣстнаго слова въ предложеніи, то такая аллитерація называется, обыкновенно ассонансомъ.

Ratcher. Ritter.
Ruztger Ritter.
Ich zürne nicht.
Ich zanke nicht(«Ундина» Фуке) примѣръ аллитераціи въ нѣмецкомъ языкѣ.

Эти строфы съ неподражаемой прелестью переведены на русскій языкъ Жуковскимъ. Звукоподражаніе въ переводѣ Жуковскаго доведено до высшей степени совершенства.

Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый рыцарь,
Не страшны волны мои, но люби ты,
как̀ъ очи свои,

Я силенъ могучъ, я быстръ и гремучъ,
Молодую, рыцарь, жену, какъ живую
люблю я волну.

При искусномъ чтеніи строфы эти поразительно напоминаютъ журчаніе ручья, слова котораго и передаются въ приведенныхъ строфахъ.

Въ нашемъ народномъ языкѣ аллитерація, какъ средство къ звукоподражанію, встрѣчается преимущественно въ дѣтскихъ пѣсенкахъ. Приведемъ нѣсколько такихъ пѣсенокъ звукоподражательнаго характера:

1. Боммъ, боммъ!
Гдѣ братца Романа домъ?
Подъ мостомъ.
Подъ листомъ.

Въ этой пѣсенкѣ замѣтно подражаніе звуковое колокольному звону.

2. Съ вѣниками, съ вѣниками
Въ баню, въ баню...
Шелъ бы да не пустятъ
Шелъ бы да не пустятъ,
Шелуди попарить, попарить.

Въ пѣсенкѣ этой слышится отдаленное звуковое сходство съ красным̀ъ колокольнымъ звономъ «во вся».

3. Вилы грабли
Стогъ метали.
За собачкамъ бѣгали.
Колокольчикъ имали.

Звукоподражаніе мурлыканью кошки.

А. Баловъ.

Г. Пошехонье, Ярославской губ.

Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства.

Изъ числа матеріаловъ, собранныхъ пѣсенной экспедиціей 1893 года я позволю себѣ сообщить здѣсь нѣсколько народныхъ выраженій, относящихся къ пѣсенному искусству,—въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которые сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи 1886 года [1]).

Пѣсни по мѣстному произношенію въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской звучатъ, какъ *пѣсни*; пѣвцы или *пѣсенники* слывутъ подъ именемъ *пѣсельниковъ*. Слову *напѣвъ* среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соотвѣтствуютъ: *напѣвъ* же, *голосъ*, *прогласка* и *тонъ*, при чемъ послѣднее повидимому съ разными оттѣнками значенія. Такъ въ Вологодскомъ уѣздѣ говорятъ: «онъ *тонъ* знаетъ» въ смыслѣ:

[1]) См. «Пѣсни русскаго народа». Спб. 1894 г., стр. XVI—XVII.

хорошо помнитъ напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ выражаются: «*проголоску*-ту я знаю». *Тоны*—въ смыслѣ видоизмѣненій напѣвовъ: «разны *тоны напѣвовъ* бываютъ», говорили пѣвцы, когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выраженіе *въ тонъ* противуполагается выраженію *на пересказъ*; причемъ намъ предлагали сообщать или *въ тонъ* или *на пересказъ*. Въ Костромской губерніи этому выраженію соотвѣтствуетъ: *въ голосянку*. Говорятъ также: «эта пѣсня тяжела *на голоса́*» и «Коляды у насъ на одинъ *голосъ* поются», точно также, какъ и Костромскіе старообрядцы: «всѣ пѣсни у насъ на одинъ *голосъ*», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе *на пересказъ* не смѣшивается съ выраженіемъ: *говоромъ*: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно поется, говоромъ же произносятся стихи вовсе не предназначенные для пѣнія; это такъ называемая декламація.

Въ соотвѣтствіе къ *проголоскѣ* и *напѣву* удалось отмѣтить и самобытное названіе для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ сообщили, что «у каждаго пастуха свой особый *наигрышъ*», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ *напѣвъ*, для музыки *наигрышъ*.

Для обозначенія *медленнаго* напѣва служатъ слова *пологого*, *пополо́же* (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: *отлого*, *поотложе*), говорятъ также: «*протяжнѣе*, не торопись». Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ *круто*: «*не круто* поется»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ плясовымъ напѣвомъ называются *крутыми*.

Въ большей части пѣсенъ извѣстные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выраженіемъ: *на проходъ*, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «*къ ряду поется*», какъ въ г. Никольскѣ. Любопытная особенность архангельскихъ и олонецкихъ пѣвцовъ, не понимающихъ, что такое *начало пѣсни* и что значитъ *спѣть пѣсню сначала*, сплошь примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову *начало* здѣсь соотвѣтствуютъ: *конецъ* или *край*: «*Съ конца* запѣвать?» или «опять *съ краю?*» спрашивали пѣвцы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «Не *съ конца* сказала», говоритъ пѣвица, пропустившая первые стихи; «*съ конца*-то не знаю», отнѣкивается пѣвецъ, позабывшій начало пѣсни. «*Съ краю*-то сдумалъ, конецъ-отъ забылъ», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «о двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Ѳ. Истоминъ.

По поводу холеры.

Записывая памятники народной словесности, въ числѣ прочихъ народныхъ пѣсенъ, употребительныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мы встрѣтили недавно между прочимъ одну пѣсню, составленную по поводу холеры. бывшей въ Москвѣ въ тысяча восемьсотъ тридцатомъ году. Приводимъ ниже эту пѣсню, записанную нами со словъ крестьянки Пошехонскаго уѣзда, Давыдковской волости, деревни Ежова, Марьи Васильевой, дѣвицы тридцати восьми лѣтъ.

Въ восемьсотъ тридцатый годъ
Потерпѣлъ въ Москвѣ народъ
Не отъ града, не отъ стужи,
Но, конечно того хуже.
Въ новой крѣпости манежѣ (sic)
Завелася вдругъ холера,

Забралася во Москву,
Навела на всѣхъ тоску...
Всѣ и дамы, кавалеры
Напугалися холеры,
Весь ремесленный народъ
Изъ Москвы направилъ ходъ...
И еще проговорили —
Купцы лавки затворили,
Раскрасавицы дѣвицы
Улетѣли точно птицы.
Опустѣла Москва мать —
По ней некому гулять,

Опустѣлъ Кузнецкій мостъ —
Къ намъ пришелъ великій постъ...
Здѣся дохтуръ дворянинъ,
Онъ по славному лечилъ,
Онъ по славному лечилъ
Всѣхъ живыхъ во гробъ валилъ,
Еще грабилъ, воровалъ.
Очень хлёстко щеголялъ:
И у насъ теперь въ артели
Не нажить такой шинели —
Што этто за смѣхъ?
Подъ шинелью лисій мѣхъ.

Г. Пошехонье.
31 Мая 1893 г.

Сообщилъ А. Баловъ.

О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ.

Село Обдорское Тобольской губ., Березовскаго округа, или Обдорскъ, какъ оно чаще всего называется въ разговорной рѣчи, а также почти на всѣхъ географическихъ картахъ, по своему географическому положенію —почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ, принадлежитъ къ числу такихъ поселеній, которыя сибирскими остряками часто именуются «сѣверными столицами». Да и какъ не столица, когда такіе городки, какъ Обдорскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Средне-Колымскъ являются въ административномъ, промышленномъ и культурномъ отношеніяхъ единственными центрами для округовъ, равныхъ по пространству любому изъ государствъ Западной Европы! Такіе городки представляютъ послѣднія станціи на пути русской культуры, за ними разстилается мертвая тундра съ одиноко кочующими по ней дикарями. Изолированность такихъ «столицъ», при вліяніи инородческаго элемента, вызываетъ разнаго рода особенности бытоваго характера и въ частности отражается на языкѣ и говорѣ мѣстнаго русскаго населенія. Одно изъ первыхъ явленій, поражающихъ заѣзжаго человѣка въ такихъ «центрахъ», какъ Обдорскъ—это знакомство русскаго населенія съ мѣстными инородческими языками. Въ Обдорскѣ почти всѣ жители (мужчины всѣ безъ исключенія) довольно свободно объясняются по остяцки и по самоѣдски. Объясняется это конечно постоянными сношеніями съ инородцами. Многіе русскіе говорятъ по остяцки и по самоѣдски почти безъ всякаго русскаго акцента, и наоборотъ по русски выражаются съ акцентомъ инородца. Кастренъ, посѣтившій Обдорскъ въ 40-хъ годахъ, объясняетъ это явленіе между прочимъ и этнографическимъ составомъ населенія, которое будто-бы представляетъ смѣсь русскихъ съ инородцами. Это однако-же совершенно невѣрно. Правда, населеніе Обдорска только наполовину состоитъ изъ русскихъ (по переписи, произведенной въ ноябрѣ 1891 года врачемъ Зальмуниным, оказалось въ с. Обдорскомъ жителей всего—876 челов.; въ томъ числѣ русскихъ — 378; зырянъ —290; остяковъ —95; самоѣдовъ—103; поляковъ, евреевъ и татаръ—по одному); но русскіе не смѣшиваются съ другими народностями. Лишь въ послѣднее время становятся чаще браки съ зырянами; но это не оказываетъ вліянія на языкъ, такъ какъ скорѣе Зыряне перенимаютъ русскій языкъ, чѣмъ наоборотъ. Что-же касается до браковъ русскихъ съ Остяками и Самоѣдами (что бываетъ въ верхнемъ теченіи р. Оби—между Самаровскимъ и Березовымъ) то въ

Обдорскѣ это—явленіе крайне рѣдкое, почти исключительное. На 1000 браковъ едва-ли наберется два—три случая. Мнѣ извѣстны только два случая выхода русскихъ женщинъ замужъ за Самоѣдовъ, причемъ обѣ, живя и кочуя въ тундрѣ, совершенно осамоѣдились. Такимъ образомъ, Обдорское населеніе, составившееся изъ выходцевъ со всей Тобольской губ. и другихъ, смѣшавшихся съ прежними Березовскими казаками, представляетъ довольно чистый великорусскій типъ, чего далеко нельзя сказать о другихъ поселеніяхъ крайняго сѣвера—въ особенности Средне-Колымска.

Наряду съ распространеніемъ инородческихъ языковъ, нужно отмѣтить и порчу языка русскаго. Это также явленіе общее для всѣхъ Сибирскихъ «сѣверныхъ столицъ». Порча русскаго языка выражается въ такъ называемомъ «сладкоязычіи».

Вотъ что, напр., сообщаетъ г. Рябковъ, о говорѣ Колымскаго края Якутской области: «Русскій языкъ въ низовьяхъ Колымы, хотя и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ инородческимъ, но борьба эта не прошла для него даромъ, такъ какъ и самому пришлось претерпѣть нѣкоторыя измѣненія. Языкъ этотъ сильно напоминаетъ не то какой-то дѣтскій лепетъ, не то какое-то сюсюканье, дикое и непривычное для россіянина—великоросса, за что нижне колымчанъ называютъ «сладкоязыкими (сьядкоязыкій-по колымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вмѣсто «пришла» непремѣнно скажутъ «пьишья» или «пысья», не «рыба» а «іыба». Звуки *ч*, *ш*, *щ*, *ж* большею частью замѣняются звуками *ц*, *с*, *з* и наоборотъ. То-же самое свойственно и Средне-Колымчанамъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Между рѣчью послѣднихъ и рѣчью низовика существуетъ такая-же разница, какъ между средними физическими типами. Разница эта образовалась также подъ вліяніемъ двухъ народностей: юкагирской и якутской. По конструкціи языкъ средне-колымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно: Якутъ (въ Средне-Колымскѣ) вовсе не говоритъ по русски и поэтому мало коснулся формъ русскаго языка: здѣсь не было компромисса между двумя языками и не выработался говоръ. Русскіе цѣликомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтно только, что русскій, говорящій по якутски и не утратившій цѣликомъ родного языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе. Вотъ маленькій образчикъ того, какъ говоритъ коренной житель низовой Колымы: «Мать пьесвятая Богоѣдица, спаси и помюи насъ, гьѣсныхъ юдей». Или: «и сто за пьѣкьятый паѣдъ» [1]).

О Туруханскомъ краѣ читаемъ у Ядринцова: «На низу Енисея русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ: на якутскомъ (?) самоѣдскомъ и тунгузскомъ. Самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ Туруханскихъ уроженцевъ отличается, сколько мы замѣтили, почти тѣми же особенностями, какъ у Остяковъ. Напр. подобно Остякамъ они вмѣсто звуковъ: *ж*, *ч*, *ш*, *р* выговариваютъ: *з*, *с*, *л*, *рл* и т. п. Говорятъ: носёль осень больсой доздь, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ [2]).»

Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но, такъ-какъ Обдорское населеніе состоитъ большею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ напр. въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ. Отъ Колымчанъ Обдоряне отличаются тѣмъ, что у послѣднихъ есть звуки *р*, *л* и только подобно Турухандамъ они слабы въ шипящихъ и свистящихъ звукахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что Обдоряне выговаривая вмѣсто *ж*, *ш*, *ч*—*з*, *с*, *ц* очень часто говорятъ и наоборотъ вмѣсто *з*, *с*, *ц*—*ж*, *ч*, *ш*, напр. жолото, жубы (зубы).

Такимъ образомъ сюсюканье или сладкоязычіе есть явленіе, общее всѣмъ Сѣверно-Сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ Востоку и Сѣверу—всего

---

[1]) Сибирскій Сборникъ, 1887 годъ, ст. Рябкова: Полярныя страны Сибири, стр. 16.
[2]) Ядринцевъ: Сибирь какъ колонія, изд. 1882 г., стр 42.

сильнѣе въ Колымскомъ краѣ (особенно въ Сѣверной его части; всего-же слабѣе въ Обдорскомъ—самомъ западномъ изъ Сѣверно-Сибирскихъ мѣстечекъ.

Причиной «сладкоязычія» вѣроятнѣе всего служитъ вліяніе инородческихъ языковъ. Остяки, напримѣръ, очень часто выговариваютъ звукъ *ш* какъ-то шепеляво, средне между *ш* и *с*. Звуки *ж*, *з* встрѣчаются сравнительно довольно рѣдко и никогда—въ началѣ словъ. Вообще Остяцкій говоръ имѣетъ какой-то «слюнявый», если такъ можно выразиться, характеръ. Есть у нихъ, напр., такой свистяще-плавный звукъ, который никакимъ сочетаніемъ русскихъ звуковъ не можетъ быть выраженъ вполнѣ точно (всего ближе къ *хсл*). Весьма естественно, что постоянное, съ дѣтства, общеніе съ Остяками могло отразиться на говорѣ русскаго населенія въ Обдорскомъ краѣ.

Другія особенности мѣстнаго говора болѣе или менѣе общи прочимъ областямъ Западной Сибири и не являются характерными собственно для Обдорска.

Приведемъ списокъ мѣстныхъ словъ, изъ которыхъ многія впрочемъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Сибири, за исключеніемъ, конечно, взятыхъ изъ Остяцкаго языка.

Алыкъ—собачья упряжь.
Бадъяновка—лодка средняго размѣра.
быстрядь—теченіе.
братанникъ—двоюродный братъ.
бесѣдка—скамейка.
бѣлуга—дельфинъ.
Варъ—земляной запоръ для рыбной ловли.
варка—рыба сваренная и размятая въ кашу.
вѣтвя—наконечникъ шеста чтобъ погонять оленей.
вонзь (остяцк.) первый подъёмъ рыбы съ моря.
Встокъ—Востокъ
вѣщица—сплетница
весло—рулевое весло
важанъ—рыболовный снарядъ
вѣшала—снарядъ для сушенья рыбы
ва́женка—самка оленя.
Гребь—весло
горносталь—горностай
гусянка—небольшая баржа
гусь—верхнее платье въ видѣ рубашки съ капюшономъ
глубникъ—С.-В. вѣтеръ
городовушка—небольшая лодка.
гимга́—рыболовный снарядъ.
Дѣва́ка, дѣво́чка — дѣвица
доспѣть—сдѣлать
дикій—глупый
дичать-глупить («не дичай»-не глупи)
ёндыль (остяцк.) — ремень въ оленій упряжи
езъ (остяцк.)—запоръ для рыбы
ежа—ѣда.
Замзгнуть—прокиснуть.
Исть—ѣсть
изгаляться—издѣваться.
Колезень—рыба (небольшой муксунъ)
кибасъ—грузило
карышъ—маленькій осетръ
ку́рома (ост.)—карта
каюкъ—крытая большая лодка
крестоватикъ—лѣтній песецъ
ко́панецъ—щенокъ-песецъ
калыданъ (ост.)—рыболовный снарядъ
кысы—шкура съ оленьихъ ногъ
курья—лужа, остающаяся послѣ водополья
клюка̀—кочерга.
Лобарь—осетръ средняго размѣра
лѣсина—дерево
лы́тка—голень оленя.
Муксунъ—порода рыбъ
муксутуръ—трава.
мулёкъ—маленькая рыбка
мездра—внутренняя поверхность выдѣланныхъ шкуръ
ма̀лица—длинная мѣховая рубаха съ капюшономъ
макса—печень, преимущественно рыбья
морокъ—туманъ
морочно—пасмурно
морочать—темнѣть.
Натруска—пороховница, мѣшокъ съ дробью, пистонницавзятая, вмѣстѣ
на̀плавъ—поплавокъ при неводѣ

наземъ—навозъ.
неводникъ—большая лодка
няша—тина, грязь
недомуксунокъ—маленькій муксунъ
недопёсокъ—весенній песецъ
нюга (ост.)—покрышка чума изъ оленьей кожи
норникъ—песецъ-щенокъ
норка—оленьи ноздри
нуръ—рыба надѣтая на палку для храненія
нюшвай (ост.)—обувь изъ оленьей замши
неплюй (ост.)—шкура молодого оленя.
Отлипъ—деревянныя стружки
осерёдышъ—низкій песчаный островокъ.
оклематься—очнуться
оболокаться—одѣваться
ола (ост.)—полка для постройки чума
охичать—устраивать, прибирать
Постель—оленья шкура
посельщикъ—ссыльно-поселенецъ
политикъ—политическій ссыльный
парка—мѣховая рубашка мѣхомъ вверхъ
пѣшка—молодой олень убитый осенью
посуда—судно.
поутъ—оводъ
пичуга—грузило
поземъ—копчёная рыба
пыжъянъ—рыба муксуновой породы
побѣжникъ—веревка для вытягиванія невода.
Разлуня—палка у невода.
Соръ—озеро послѣ водополья
салмъ—мель посрединѣ рѣки, удобная для неводьбы
су́чить—злословить («чего ты, су́ка, су́чишь»)
скули́ть—насмѣхаться
скулёха—насмѣшница
сиверъ—Сѣверъ, С. вѣтеръ
своеобышникъ—упрямый, своенравный
сырокъ—рыба муксунковой породы
сяны ост. халцеллуу—костяшки и деревяшки въ оленьей упряжи
суватъ (ост.)—приспособленіе для сушенія рыбы
синякъ—песецъ весной и ранней зимой.
синка—нитка отъ колыдана
сѣрника—сѣрная спичка
сца—ремень въ оленей упряжи
сестренница—двоюродная сестра.
Тиска—берестяная покрышка чума
тонька—веревочка для привязыванья кибаса и наплава
ту́псъ—берестяной буракъ
Тетива—канатъ, на который надѣтъ неводъ
те́рпитъ—можетъ, въ состояніи
тагаръ (ост.)—коверъ изъ травы
ужна—ужинъ.
Уткелъ—возжа въ оленеей упряжи
Хорохо́риться—кобениться.
Чижи—мѣховой чулокъ
чувалъ—очагъ въ юртѣ
чумъ—конусообразная палатка у Самоѣдовъ. и Остяковъ.
чукрей (ост.)—тонкій ножъ
чиша́тъ—мочиться
чёча—хорошо, красиво
чума (ост.)—обшивка треуха на ма́лицѣ
чума́къ—берестяная чашка
чига—
чалкавъ—
чалдонъ—болванъ (ругат.)
чекапка—крашеный холстъ
Шаньга—ватрушка
шагина—палка отъ колыдана
шайтанъ—остяцк. идолъ
шуга́—тонкій лёдъ при замерзаніи рѣки («сало»)
шипъ—крупная стерлядь
щётки—подошва къ пимамъ, вырѣзываемая изъ подъ копытъ оленей
щóкуръ—рыба муксуновой породы
юрта—остяцкая бревенчатая избушка съ земляной крышей и съ чуваломъ
юрты—остяцкій посёлокъ
юрокъ—вяленая рыба безъ костей
юкала—вяленая рыба съ костями

Всего 136 словъ, изъ которыхъ 23 взято съ Остяцкаго.

В. Бартеневъ.

Село Обдорское Тобольской губ.
31-го марта 1894 г.

Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ. и округа.

Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ сообщаемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Бартеневымъ словъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ., но въ нѣсколько иномъ значеніи.

вѣшала—приспособленіе для осушенія невода.

гусь—одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

диковать, не дикуй—дурачиться, не дурачься.

кысы́—обувь изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

курья—лужайка, песчаная коса, заливаемая въ водополье.

ма́лица — длинная одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ.

ня́ша—тонкая глина по берегамъ рѣкъ.

позёмъ—распластанная и высушенная рыба.

со̀ръ—залитое водопольемъ травянистое пространство, гдѣ промышляютъ рыбу.

чиша́ть—испражняться (о дѣтяхъ); хочешь чишать? ну, чишь, чишь!

юро̀къ—катушка съ нитками.

Хр. Лопаревъ.

С.-Петербургъ.

Въ изданіи Полангенскихъ пѣсенъ («Живая Старина» 1893 г. IV выпускъ) вкралось, не смотря на многократную корректуру, множество опечатокъ. Исправляемъ главнѣйшія:

напечатано:	*нужно:*
I, 8 Zirgelius	Žirgelius
V, 2 Saulite	šaulite
VI, 2 lelÿeles	lelijeles
VI, 13 Zid	Źid
IX, 17 Zvakes	Žvakes
X, 2 priso	priš
XI, 12 matuseli	matušeli
XI, 13 abyjgdio	abdyjgčio
XI, 14 aleis	Źalcis
XI, 17 Zadinto	Źadinto
XII, 20 alpa	alpā
XIV, (припѣвъ) sule	šule
XIV, 6 išie	išeje
XIV, 6 ongeliu	ougeliu
XVI, 11 nužo	nužid
XVI, 13 rožes	vistai rožes
XVII, 26 Sius	Šius
XVII, 27 Smarke	Smarke
XVIII, 2 Zid	Žid
XIX, 8 skombo	Skombontius
XIX, 9 girgždontens! tius	girgždontes
XX, 9 Zirgus	Žirgus
XXIV, 3 kar	kor
XII, 4 Матьвей	Мать ей
XIV, 3 имнемъ	именемъ
Стран. 530, 40 стр. сверху nešejetē	nešejele
„ 531, 10 „ „ kverontiun	kvepontiun
„ 531, 18 „ „ vergdeiniu	vargdeiniu
„ 531, 19 „ „ Лит.	даже
„ 531, 50 „ „ du	dů

Не указываемъ многихъ опечатокъ въ знакахъ препинанія.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1894 году начнетъ свой четвертый годъ и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку.

Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписывающіеся на 4 года за разъ съ доставкою въ Петербургѣ платятъ—14 р., въ прочихъ городахъ Имперіи—15 р., за границею—16 руб.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ редакціи „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста).

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

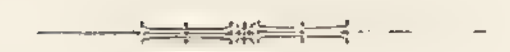
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губернію.

По предложенію проф. В. И. Ламанскаго на средства Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и отчасти Императорскаго Географическаго Общества я отправился лѣтомъ 1893 г. въ Литву и прожилъ тамъ все вакаціонное время, именно, уѣхавъ изъ С.-Петербурга 5 іюня и вернувшись обратно 15 августа. Въ Литвѣ съ 8 іюня по 15 августа проживалъ въ семьѣ учителя начальной школы Гижевской гмины Волковышскаго уѣзда Сувалкской губ. Отсюда въ разное время мнѣ удалось посѣтить слѣдующіе города и деревни: Ковно (Kaunas), Волковышки (Vilkoviškis), Гиже (Gižai), Руда, Хмаришки (išlandžiai), Шилкальнисъ, Шлегашилисъ, Гурбшеле, Посзеры (Paažeriai), Визайды (Vižiaidai или Stadaluikai), Ораны (Oranai), Печулишки (—iškiai), Допкишки, Прешкода (Lapanka), Ольвита (Alvitas), Кетурвлоки (Keturvalakiai), Пильвишки, Маріамполь (Staropole-Senapilis], Гришкабуда (Griškabudis), Огуркишки (Agurkiškiai или Paliepine), Паскальнишки (Pas или Pakalniš Kiai или Leliokai), Акеце (Akečiai), Кераплай, Шуля, Сапежишки (Zapiškiai). Послѣднія семь названій мѣстностей относятся къ Владиславовскому уѣзду.

Цѣлью моей поѣздки было прежде всего выучиться живому литовскому языку, затѣмъ собрать какіе-либо матерьялы по этнографіи Литвы. Такихъ матерьяловъ мнѣ удалось собрать сравнительно немного. Это, преимущественно, пословицы, поговорки, загадки, нѣсколько сказокъ, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и 16 мелодій народныхъ пѣсенъ. Своими наблюденіями (тѣми только, въ точность которыхъ я самъ вѣрю) надъ языкомъ и отчасти вообще надъ народомъ я и намѣренъ подѣлиться въ настоящей статьѣ.

Но прежде чѣмъ къ этому перейти считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность за всѣ указанія и совѣты профессорамъ В. И. Ламанскому, А. И. Соболевскому, Э. А. Вольтеру, а также г. ректору

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. В. Никитину, г. Вице-Председателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, г. Губернатору Сувалкской губ., г. И. И. Билло за содѣйствіе рекомендаціями и всѣмъ литовцамъ, у которыхъ я нашелъ такой радушный пріемъ, что Литва мнѣ не показалась чужбиной.

Литовцы посѣщенныхъ мною мѣстностей не отличаются ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ малымъ ростомъ. Встрѣчалъ я и довольно высокорослыхъ (нѣкоторые—бывшіе гвардейцы), но также и ниже средняго. Ни первые, ни вторые не составляютъ характернаго большинства.

Глаза бываютъ преимущественно свѣтлые, больше всего голубые. Цвѣтъ волосъ ихъ нельзя назвать ни свѣтлымъ, ни темнымъ вообще. Очень много совсѣмъ свѣтловолосыхъ, но темнорусые, повидимому, преобладаютъ. Есть и брюнеты, но совершенныхъ брюнетовъ такъ же мало, какъ и черноглазыхъ. Бороды не носятъ, а болѣе вѣрные старымъ обычаямъ бреютъ и усы. Женщины и дѣвушки носятъ одну и ту же прическу: прямой проборъ, двѣ косы, положенныя красивой пышной коронкой вокругъ головы. Около этой коронки повязываютъ свѣтлую (часто просто бѣлую) ленточку (обыкновенно очень узкую) или что-то вродѣ узкаго галуна (послѣднее въ праздникъ конечно).

Одежду мужчинъ составляетъ бѣлая [1]) рубаха съ прямымъ неширокимъ отложнымъ воротомъ, обыкновенно довольно длинная, такіе же штаны; сверхъ рубахи цвѣтной кушакъ (непремѣнно) и жилетъ, обыкновенно темный (bruslotas); сверхъ этого сермяга (sermega) изъ грубаго свѣтлосѣраго сукна (milas) домашней работы или кафтанъ (žiponas) изъ черного сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти чернаго) холста (triničei, т. е. сшитый изъ trinitis или keturnitis). И sermega и žiponas, обыкновенно бываетъ длиною до колѣнъ, рѣдко немного ниже колѣнъ. При триничей и штаны часто носятъ также изъ trinitis.

Шляпы преобладаютъ съ полями (scribele) поярковыя и соломенныя, съ лентами, обыкновенно темными, но нерѣдко цвѣтными (даже стеклярусовую я видѣлъ). Носятъ и фуражки (šlikas). [Носятъ также обыкновенные сюртуки и брюки, крахмальные воротнички съ галстуками и котелки].

Обыкновенная обувь для каждаго дня—kurpes, klumpes (мн. ч.) въ родѣ опорокъ, (кожанный верхъ, придѣланный къ толстой деревянной подошвѣ); šliures—тѣ же kurpes, только безъ кожанаго задка. Кромѣ того въ Владиславскомъ уѣздѣ я видѣлъ žasialei—деревянные башмаки и kadukai—деревянная подошва, привязываемая къ ногѣ ремешками или веревками. Kadukai употреб-

---

[1]) Красныхъ и вообще цвѣтныхъ не носятъ. Если-бы кто-либо надѣлъ красную рубаху, того-бы стали называть kazokas и смотрѣли бы на него, какъ на чудище.

ляютъ въ лѣсахъ. Я видѣлъ въ нихъ мальчика-пастуха. Кромѣ того, по словамъ другихъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ vižos—лапти лыковые и nagines—холщевая обувь (у нищихъ). Самъ я не видѣлъ ни на комъ ни vižos, ни nagines. Въ праздникъ же большая часть въ высокихъ сапогахъ (čiabatai), при чемъ конечно штаны въ сапоги. Женщины носятъ сверхъ рубашки и юбки kiklikas или šniuranka—безрукавку, короткую въ родѣ корсажа или довольно длинную, въ талію или широкую, съ большимъ вырѣзомъ у шеи или глухую почти до самаго верха, разныхъ цвѣтовъ.

Рубаха—бѣлая съ широкими рукавами, схваченными у кисти, съ отложнымъ, очень мало вырѣзаннымъ, воротомъ. Цвѣтныхъ вышивокъ не видѣлъ ни у одной литовки. Мало замѣтный (бѣлыми нитками) узоръ на воротѣ и плечахъ дырочками и зубцами, и тотъ я видѣлъ лишь у нѣкоторыхъ. Національный костюмъ сильно вытѣсняется городскимъ. Бусъ замѣтно мало. Обыкновенно носятъ четки. Лентъ на бусахъ носятъ очень мало, причемъ преобладаютъ бѣлыя ленты.

Въ праздникъ, идя въ церковь, одѣваютъ (впрочемъ замѣтилъ я у немногихъ) вѣнки, причемъ кладутъ ихъ выше косъ внутри коронки изъ косъ, а не вокругъ ея. Иногда просто затыкаютъ цвѣты въ видѣ вѣнка за коронку, образуемую косами. Женщины большею частью ходятъ босыя, даже въ праздникъ нерѣдко, тогда какъ мужчины обыкновенно въ какой-либо обуви.

Въ церковь въ праздничный день и дѣвицы, и женщины безъ различія возраста обыкновенно являются съ небольшими букетами въ рукахъ; среди другихъ цвѣтовъ непремѣнно въ букетикѣ есть рута, а у многихъ и Божье дерево (Diemedis).

Въ день Успенія Пр. Богородицы, называемый въ народѣ Žoliniai (Žole—зелень) всѣ женщины (также безъ различія) приходятъ къ обѣднѣ съ разными овощами въ рукахъ.

Къ своимъ наблюденіямъ прибавлю еще немного о женскихъ украшеніяхъ со словъ одного учителя начальной школы.

1) Pakalke — дѣлается изъ толстой бумаги въ видѣ кольца шириною дюйма въ 4: около этого кольца обводится шелковая лента какого угодно цвѣта, шире бумажнаго кольца, и края ленты загибаются внутрь, такъ чтобы не было видно бумаги. Pakalke надѣваютъ на голову вокругъ косъ, украшая ее при этомъ рутой и другими цвѣтами. Pakalke украшеніе только дѣвушекъ, которыя еще не лишились права на рутовый вѣнокъ, ne patrotijo rutu vainikelio. Въ настоящее время pakalke почти вышла изъ употребленія. Когда дѣвицы носили pakalke, то носили и по буднямъ вмѣсто платка. Платокъ надѣвали только зимой поверхъ pakalke. Теперь же всѣ ходятъ въ платкахъ и лѣтомъ.

2) Galionas (галунъ?) тоже, что и pakalke; только здѣсь вмѣсто шелковой ленты серебряная или золотая ткань. Galionas до сихъ поръ еще употребляется въ день бракосочетанія (это я самъ нынче видѣлъ на бѣдной невѣстѣ-батрачкѣ), при чемъ его надѣваютъ также и подруги невѣсты. Но богатыя литовки въ настоящее время не надѣваютъ galionas на свадьбахъ.

3) Pabrivej или bindolikai дѣлаютъ изъ бѣлыхъ кружевъ и навязываютъ подъ платкомъ около себя, такъ чтобъ они были видны изъ подъ платка. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ бы пальцами стали показывать на замужнюю женщину или вдову, рѣшившуюся пріѣхать на храмовой праздникъ (atpuskas) безъ pabrivei, и на дѣвицу безъ pakalke. Теперь pabrivei еще употребляютъ свахи на свадьбахъ, а также въ pabrivej убираютъ невѣсту послѣ бракосочетанія.

Остатковъ языческихъ вѣрованій мнѣ удалось найти немного. Стараніями духовенства они искореняются все болѣе и болѣе. Ни одинъ крестянинъ не станетъ говорить напр. о лауме и т. п., не оговорившись, что теперь ничего этого нѣтъ, что все это было лишь во времена поганства Литвы. Приведу здѣсь то немногое, что удалось мнѣ узнать о Перкунѣ, дейвахъ, лауме, раганѣ, айтварѣ и пр.

О Перкунѣ.

Perkunas linksmina—Перкунасъ веселитъ (можетъ быть въ непереходномъ значеніи веселится?) говорятъ, когда гремитъ громъ. Kasi padanges kila, tam Perkunas liepe grišt—кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться, говоритъ пословица. Самое сильное проклятіе у Литовцевъ «kad tavia Perkunas užmuštu», т. е. «чтобъ тебя Перкунъ убилъ!»

Перкунъ преслѣдуетъ чертей (muša vialnius—бьетъ, ударяетъ въ чертей, убиваетъ ихъ) и такимъ образомъ является какъ бы другомъ людей. Черти стараются отъ него спрятаться, бѣгутъ къ людямъ въ избы, въ церкви, подъ какой либо крестъ [1]), обращаются въ животныхъ. Въ пѣтуха лишь не могутъ они обращаться, а потому и Перкунъ никогда не ударяетъ въ пѣтуха.

Kulka Perkuno—пуля Перкуна—это обломокъ каменной вещи, какъ напр. обломокъ каменнаго топорика, найденный въ д. Кетурвлокахъ Волковышскаго уѣзда и находящійся теперь у меня. Такіе обломки, а иногда цѣльныя

---

[1]) Въ Литвѣ ставятъ очень часто кресты при дорогѣ (въ особ. на перекресткахъ) съ изображеніемъ Распятія (muka) или какими-нибудь другими фигурами религіознаго характера, рѣзанными изъ дерева деревенскими художниками.

вещи изъ камня нерѣдко находятъ въ Литвѣ. По вѣрованію литовцевъ такая kulka при ударѣ грома падаетъ съ неба и уходитъ въ землю на глубину удевятереннаго человѣческаго роста—per 9 stůmenius gilio. Потомъ она въ теченіи 9 лѣтъ поднимается наверхъ, каждый годъ на высоту роста одного человѣка. Perkuno kulka очень помогаетъ отъ всякой боли: стоитъ только потереть ею больное мѣсто—и боль проходитъ. Эти кулки бросаютъ въ чертей свв. Петръ и Павелъ. Они всегда оба гонятъ чертей per šerenga (сквозь шеренгу, м. б.=сквозь строй?), а св. Яковъ погоняетъ (pavarineje).

Объ айтварѣ.

Aitvaras (у Куршата eitvaras) сверхъестественное существо, живущее въ домахъ, соотвѣтствуетъ русскому домовому отчасти.

Айтвара высиживаетъ семилѣтній пѣтухъ изъ яйца, снесеннаго имъ же въ томъ же году, въ теченіи 7 недѣль. Когда айтваръ выйдетъ изъ яйца, его надо кормить творогомъ и яичницей; а чтобы онъ носилъ деньги въ домъ, надо i kraiga indet tuščia stiabulia—въ конекъ крыши вдѣлать пустую ступицу отъ колеса, черезъ которую онъ насыпаетъ полную избу денегъ. Когда онъ носитъ деньги, его надо хорошо кормить и остерегаться разсердить, потому что иначе онъ всѣ деньги обратитъ въ черепки и избу сожжетъ. Отсюда поговорка turiu kaip aitvaras pinigu: galiu užmušt ir užmoket—«у меня денегъ какъ у айтвара: могу забить и заплатить».

Айтваръ бываетъ похожъ на маленькаго человѣчка, съ длинными когтями. Является также въ видѣ разныхъ животныхъ.

Съ одного мѣста на другое айтваръ перелетаетъ въ видѣ блуждающаго огонька. По словамъ другого lekentis aitvaras išrodo ant liepsninio smaigo, т. е. «летящій айтваръ кажется огненною палочкой».

О дейве.

При рожденіи ребенка около женщины въ ожиданіи этого собираются сверхъестественныя существа, такъ называемыя deives (ед. ч. deive). Число ихъ неограниченное, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ крестьянъ. Повидимому это существа женскаго пола, какъ показываетъ и ихъ грамматическій родъ. Эти deives наперерывъ предсказываютъ будущность, хорошую или дурную, ожидающемуся ребенку. При словахъ которой дитя родится, той предсказаніе и исполнится.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ 2 дейве погнались на болотѣ за телѣгой, и тянулись за ней по обѣ стороны въ видѣ двухъ бѣлыхъ фигуръ, провожая до самаго дома.

Дейве колотятъ бѣлье вальками на рѣчкѣ послѣ заката солнца. Поэтому въ Литвѣ не принято ходить на рѣчку бѣлье полоскать послѣ заката. Если какая нибудь дѣвушка пойдетъ, противъ обычая, на рѣчку съ бѣльемъ послѣ заката, то явятся дейве и отнимутъ бѣлье.

О лауме всѣ говорили только, что это такое же сверхъестественное существо, какъ и дейве. Большаго мнѣ не могли сказать о ней.

Ragana—прежде всего не сверхъестественное существо, а человѣкъ, именно же, баба и вполнѣ соотвѣтствуетъ руской вѣдьмѣ. Между тѣмъ какъ о дейве и лауме говорятъ, что теперь ихъ нѣтъ уже, что они существовали только во времена язычества въ Литвѣ, «когда Литва была еще поганой», въ существованіе раганъ и въ ихъ могущество вѣрятъ и теперь.

Чертъ у литовцевъ какъ и у русскихъ, имѣетъ много названій. Мнѣ извѣстны пока слѣдующія: vialnes, pikulas, kipšas, kialmas, ants, biznius, bigis, vienšniurkšlis, smailakulnis, balinis, jūdasis, čiartas, diablas, nedoras, aniūlas, prakeaiktasis, ledokas, pikta dvase, lipiciorius (люциферъ). belčebulas (вельзевулъ), также aitvaras, smakas (драконъ, смокъ).

Въ старину, говорятъ, черти являлись на свадьбы и танцовали съ дѣвицами. У дѣвицъ послѣ этого оставались синяки на тѣлѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Обыкновенно черти пріѣзжали одѣтыми по-пански на прекрасныхъ коняхъ и одаривали пирогами, табакерками и другими вещами. Въ полночь они исчезали, а кони ихъ превращались въ хворостъ, пироги въ конскій гной, табакерки въ конскія копыта. Опытные люди узнавали ихъ, потому что у чертей бываетъ по одной ноздрѣ, откуда и прозвище ихъ vienšniurkšlis. Черта человѣку можно убить только серебряными пулями.

Упомяну здѣсь объ одномъ уже не соблюдающемся обычаѣ. Въ настоящее время лишь въ шутку приглашаютъ гостя, входящаго въ домъ въ первый разъ, поцѣловать печь—pabuciūt piačiu. Исполненія этого не требуютъ ни отъ кого. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого много разъ.

На всемъ томъ пространствѣ, какое мнѣ удалось проѣхать, не замѣчается большаго различія въ говорахъ. Всѣ эти говоры въ то же время мало отличаются отъ говоровъ Сувалк. губ., описанныхъ В Миллеромъ и Фортунатовымъ (Людвиновскій говоръ) и Бругманномъ (Годлевскій или Гарлевскій говоръ, употребляющіе который называются Garliauckiniai).

Въ говорѣ Гижевской гмины *e* (обознач. Шлейхеромъ и Курщатомъ черезъ простое *e*) въ началѣ словъ произносится, какъ рус. *a*: arelis вм. erelis, aisim вм. eisime; въ серединѣ и въ концѣ словъ, какъ рус. *я* (безъ јотаціи) въ ударяемыхъ слогахъ и какъ звукъ, колеблющійся между *я* и *е* въ неударяемыхъ (т. е. почти какъ неудар. *я* въ нашемъ литературномъ яз., напр. въ словахъ дитятко, тяжелый, серебряный и т. п.). Послѣ зубныхъ

это *e* иногда произносится почти, какъ *a*, напр. въ словахъ ůdega, teka слоги de и te произнос. почти da и ta, вѣрнѣе какъ д'а и т'а: вўад'ага, т'ака: *ė* долгое (обознач. Шлейх. и Курш. через *ė*) въ началѣ и въ серединѣ слова подъ удареніемъ произносится, какъ рус. *e*, а внѣ ударенія почти какъ рус. ей или ій. Напр. tevas=тевас, но vėlů=вейлў или війлў. Въ концѣ слова это *e* произносится почти, какъ рус. *и*, и въ этомъ случаѣ произношеніе его колеблется между *e* и *и* нерѣдко даже въ ударяемыхъ слогахъ.

Вообще же о звукѣ *e* надо замѣтить, что онъ никогда не произносится твердо, напр., какъ нѣмецк. *e* въ sehr, der, Vater, Zehn, Menge и т. п. или польское *e* въ teraz, serce, daremnie, zapomniałem и т. п. Звукъ, обозначаемый Шлейхеромъ через ė, а Куршатомъ через ie, произносятъ довольно отчетливо, какъ надо было бы произнести рус. йе, или йя, или ея, при чемъ вторую изъ этихъ гласныхъ (е, я) слѣдовало бы произносить быстрѣе, чѣмъ первую (сравн. быстроту произношенія рускаго й) и, разумѣется безъ јотаціи. Звукъ, обозначаемый обыкновенно через *ů* произносятъ, какъ рус. ўа, при чемъ тоже вторую гласную надо бы было произнести быстрѣе, чѣмъ первую, совсѣмъ кратко. Какъ въ *ie*, такъ и въ *ů* составныя части, т. е. звуки *i* и *e*, *y* и *a*, сливаются въ произношеніи почти неуловимо ни для уха, ни для органа произношенія рускаго человѣка. Тѣмъ не менѣе всякій литовецъ изъ той мѣстности замѣтитъ и поправитъ, если произнесешь совсѣмъ слитно, т. е. вм. ie—*e*, а вм. *ů*—*o*. Оба составныхъ гласныхъ въ *ů*—*y* и *a*, вполнѣ ясно слышны только въ односложныхъ словахъ, напр. въ тв. п. ед. ч. мѣстоименія tas—tů=тўа, въ особ. если оно стоитъ въ концѣ предложенія и подъ логическимъ удареніемъ. Слово šů (собака) подходитъ подъ это же правило, т. е. произн. шуа, но часто также и шува, какъ въ говорахъ Гарлевскомъ и Людвиновскомъ. Являющееся въ немъ *в* обыкновенно также приставляется, если слово начинается съ *ů*. Напр. ůdas, ůdega произносятъ вўадас, вўад'ага. *O* произносится глухо, а въ неударяемыхъ слогахъ совсѣмъ, какъ рус. у: р. ед. arklio=арклю, balno=балну, им. мн. mérgos=мергус. *и* долгое (обозн. Шлейх. и Курш. через *y*) произносится почти въ двое протяжнѣе, чѣмъ краткое *и* (i). Звука *ы*—нѣтъ. Носовыхъ тоже уже не существуетъ. Звуки *ш*, *ч* бываютъ и твердыми и мягкими: žuvis=жувис, и žiuri=жюри *Л*. бываетъ или твердымъ или мягкимъ, смотря по положенію balnas=балнас, balnelis=бальнялис. (Подробн. см. у В. Милл. и Форт. или у Бругм.).

л, *р* и *н* иногда слышны почти, какъ сонанты, особенно въ пѣніи. Напримѣръ balnas иногда почти = баллнас, čiulbejo почти = чюльльбејо или чюльлибејо.

д и *т*—передъ мягкими гласными нѣсколько тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ.

На концѣ всѣ согласные тверды всегда.

Придыхательные (*ф*, *х*) существуютъ только въ заимствованныхъ словахъ, какъ напримѣръ furmonka (Fuhrmann), familija (семейство), chiba (польское chyba) и т. д., но и въ нихъ охотно замѣняются твердыми. Такъ вмѣсто furmonka говорятъ также purmonka и kurmonka, kiba вмѣсто chiba, kvoroba вмѣсто chvoroba и т. д. При сочетаніи звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, наблюдаются всѣ тѣ законы, которые очень точно отмѣтилъ Бругманнъ въ описаніи Гарлевскаго говора. То же я долженъ сказать о формахъ склоненія и спряженія. Отмѣчу здѣсь развѣ только то, что двойственное число почти совсѣмъ утрачено; даже при числительномъ два обыкновенно ставится не двойственное, а множественное число. Ничтожные остатки его находимъ въ формахъ мѣстоименія (mudu и т. п.) и въ глагольной формѣ eiva (идемъ!). Звательный падежъ вообще сохранился. Но отъ ponas вмѣсто звательнаго употребляется именит. пад. ponas, pons или даже только pon. Отъ arklinkas, dedukas звательный падежъ arklink, deduk.

а въ окончаніи именительнаго падежа единственнаго числа словъ на as или выпадаетъ, или остается. И то, и другое бываетъ одинаково часто и притомъ безъ тѣхъ ограниченій, какія даетъ Куршатъ.

terp—произносятъ терп.

jis—jис, а не ис, какъ въ Людвиновскомъ говорѣ (по свидѣтельству В. Миллера и Фортунатова).

семь—asu или aosiu

есть—irà или ir

нѣтъ—nërà или nër

бываетъ—buna

Предлогъ въ обыкновенно *į* (безъ носоваго оттѣнка), но также нерѣдко in или даже int. Int является еще въ видѣ приставки въ глаголѣ int-eina (онъ входитъ). Союзъ *и* только ir; надъ употребляющими bei—смѣются.

Надъ говорящими dar вмѣсто dabar (=теперь) смѣются и называютъ ихъ dartinicai. (Такъ говорятъ между прочимъ вблизи Маріамполя).

Въ заключеніе упомяну два прозвища, какими надѣляютъ гижевцевъ и говорящихъ однимъ съ ними говоромъ жителей средней и восточной части Волковышскаго уѣзда, такъ называемыхъ Vilkaviškečei, ихъ сосѣди съ сѣвера и съ юга: kapsai и gůgai. Капсами называютъ ихъ жители Владиславовскаго уѣзда за то, что они говорятъ kap и tep вмѣсто kaip и teip. (Впрочемъ я и среди гижевцевъ не разъ слышалъ и kaip, и teip. Такъ между прочимъ по большей части выговаривалъ гижевскій крестьянинъ, разсказывавшій мнѣ сказки).

Южные сосѣди капсовъ—дзуки (которыхъ капсы дразнятъ поговоркой dzukas, kumiales anukas, т. е. «дзукъ—кобылы внукъ» и даже почти не считаютъ за литовцевъ), прозвали ихъ guagai, за ихъ сравнительно ясное произношеніе ĭŭ какъ уă.

Что касается словарнаго матерьяла, то въ этихъ мѣстностяхъ мало нашлось бы поживы для составителя литовскаго словаря. Заимствованія изъ польскаго (безчисленныя), нѣмецкаго и русскаго (отчасти) вытѣсняютъ все болѣе и болѣе чисто-литовскія слова. Между прочимъ, большая часть бранныхъ словъ взята изъ польскаго языка.

Литовцы Владиславовскаго уѣзда (именно, средней и восточной части его) извѣстны у своихъ сосѣдей съ юга подъ названіемъ Zanovikai (зановики, т. е. живущіе за рѣчкой Новой, по-литовски Nova), а часть ихъ, живущіе въ лѣсахъ, подъ названіемъ girinikai (отъ gire—лѣсъ, собственно «лѣсники», лѣсные литовцы). Центромъ для нихъ служитъ село Гришкабуда (Griškabudis).

Зановики замѣтно отличаются отъ капсовъ.

Говорятъ они нѣсколько мягче и протяжнѣе, словно имъ лѣнь выговаривать слова. Двугласные всѣ произносятся раздѣльнѣе, яснѣе, чѣмъ въ Волковышскомъ уѣздѣ. Оба составные звука (напр. *a* и *i*, *a* и *u* въ двугласныхъ *ai*, *au* и т. д.) слышны рѣзко, почти съ одинаковой силой. Особенно замѣчательно это въ произношеніи звуковъ *ie* и ŭ.

Желающаго слышать самое чистое, ясное произношеніе послѣднихъ надо отсылать именно къ зановикамъ; здѣсь и неопытный легко замѣтитъ ихъ въ живой рѣчи, тогда какъ въ Волковышскомъ уѣздѣ ихъ легко смѣшать съ *e* и *o*. По той же причинѣ здѣсь не говорятъ kap и tep, но правильно kaip или kai и teip или teipgi, teigi, taigi (даже слышалъ я не разъ у крестьянокъ въ быстромъ произношеніи «тiки, тiке»—въ смыслѣ русскаго «да»). Вообще говоръ ихъ можно назвать пѣвучимъ. Еще болѣе имѣетъ на это право говоръ литовцевъ того же уѣзда, живущихъ около Лукши и затѣмъ далѣе по направленію къ Нѣману, извѣстныхъ у своихъ земляковъ подъ названіемъ Velioniškei. Повидимому болѣе различія между говорами зановиковъ и капсовъ въ лексическомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, гряда—у капсовъ lise, у зановиковъ lisve: бѣлье—у капсовъ—drapanos, у зановиковъ drabužes; бѣлка у капсовъ—arpa, у зановиковъ arba; передникъ у капсовъ—žiurkštas, у зановиковъ žiurstas. Вмѣсто обыкновеннаго у капсовъ обращенія къ гостю ponuli (звательный падежъ), у зановиковъ говорятъ poniali. Есть слова, которыя у зановиковъ вполнѣ употребительны въ разговорѣ, а у капсовъ имѣютъ особый смыслъ неприличный, что вызвало замѣну ихъ другимъ словомъ. Въ типѣ я не замѣтилъ ничего отдѣляющаго зановиковъ отъ капсовъ. Капсы по характеру какъ будто поживѣе, поэнергичнѣе зановиковъ. Относи-

тельно костюма зановиковъ упомяну лишь, что шляпы съ полями (skribele) почти отсутствуютъ, вмѣсто нихъ—фуражки (šlikas), жипоны короче и прямѣе, чѣмъ у капсовъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ, именно въ деревнѣ Акечей мнѣ случайно удалось видѣть кривуле. Это сучковатая довольно толстая (почти вершокъ въ діаметрѣ) палка, длиною больше половины средняго мужескаго роста, красиво развѣтвляющаяся на верху двумя кривыми рогами. Когда надо созвать сходъ, староста (šaltišius) приноситъ эту палку къ ближайшему хозяину въ избу и ставитъ у печи. Тотъ обязанъ передать своему соеѣду и т. д. Такимъ образомъ кривуле должна въ день обойти всѣ дворы; какъ разъ въ такой моментъ я и видѣлъ ее у одного крестьянина въ избѣ прислоненною къ печи. Эта кривуле была окрашена въ темный, красновато-коричневый цвѣтъ. Въ иныхъ случаяхъ къ рогатой рукояткѣ привѣшиваютъ или вставляютъ въ расщепъ бумажку съ обозначеніемъ для чего именно созывается сходъ (skodas или schodas). Въ случаѣ если кто-нибудь не явится на сходъ по такому приглашенію и безъ уважительной причины, остальные въ видѣ штрафа пьютъ въ корчмѣ на его счетъ. Сходъ большею частью бываетъ въ корчмѣ. Слово кривуле употребляютъ также и въ переносномъ значеніи—сходъ. Отсюда выраженіе krivule krivuliaut=собирать сходъ. Кривуле можно встрѣтить вездѣ въ литовскихъ деревняхъ Сувалкской губерніи.

Въ видѣ приложенія къ этой статьѣ я представляю изъ собраннаго мною матерьяла 2 сказки о Перкунѣ, 1 объ айтварѣ, какъ важные по содержанію, 1 сказку («о семи мудрецахъ») какъ наиболѣе удачный, характерный и наиболѣе точно записанный образецъ мѣстнаго говора, затѣмъ 103 лучшія пословицы и 60 загадокъ. [1])

Г. Гинкенъ.

[1]) См. ниже, во II отдѣлѣ.

Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя матеріяловъ по русской діалектологіи покойнаго В. И. Даля, хранившихся у дочери его О. В. Демидовой, находится немало данныхъ для характеристики русскихъ говоровъ. Не все написано рукой самого В. И.; много встрѣчается отдѣльныхъ тетрадокъ, написанныхъ разными руками, очевидно, присылавшихся ему разными лицами. Есть напр. замѣтки о Сибирскомъ нарѣчіи, начало словаря Архангельскаго нарѣчія, разговоры и разсказы, записанные въ разныхъ губерніяхъ. Многое, конечно, изъ этого матеріяла уже напечатано, вошло въ «Толковый словарь» и статью о нарѣчіяхъ русскаго яз. В. И. Даля, но немало могло остаться и ненапечатаннымъ. Хотя, благодаря любезности владѣтельницы этихъ рукописей, предоставившей часть ихъ въ мое распоряженіе, я получилъ возможность разобраться въ нихъ, къ сожалѣнію, однако, я не имѣлъ времени заняться этимъ обстоятельнѣе и рѣшить, что именно напечатано. Это тѣмъ труднѣе, что многое могло быть напечатано позднѣе или раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые образцы Нижегородскихъ говоровъ, встрѣчающіеся здѣсь вчернѣ, напр. я случайно нашелъ напечатанными даже болѣе полно покойнымъ М. А. Колосовымъ въ «Русск. Филол. Вѣстн.» т. I (1879), № 2, стр. 161—163, откуда они перепечатаны также и Смирновымъ въ его «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи», стр. 176—177. Къ числу неизданнаго, кажется, относятся три карты говоровъ Нижегородской губ. (по крайней мѣрѣ мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно); можетъ быть, онѣ не были воспроизведены печатью вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, такъ какъ для отмѣтки различныхъ оттѣнковъ говоровъ здѣсь употреблены различные цвѣта. О двухъ изъ этихъ картъ (Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ) нѣчего и говорить, такъ какъ по неполнотѣ своей (большая часть уѣздовъ оставлена пустой, вѣроятно, по недостаточности данныхъ) онѣ неудобны для напечатанія въ настоящемъ видѣ; третья же карта (Лукояновскаго уѣзда) составлена довольно полно, такъ что важно было-бы её напечатать. Если здѣсь и не все

совершенно и точно въ географическомъ отношеніи (много погрѣшностей въ разстояніяхъ селъ между собою), то во всякомъ случаѣ сдѣлать эту карту извѣстной спеціалистамъ по діалектологіи было-бы нелишне хотя бы для образца, а со временемъ, можетъ быть, удастся болѣе точно и совершенно означить на картѣ говоры всѣхъ уѣздовъ и губерній.

На существованіе этой карты и на помощь, оказанную будто-бы Лукояновскими помѣщиками при этомъ В. И. Далю, бывшему въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной конторы, намекнулъ еще въ іюлѣ 1892 г. нѣкто (безъ подписи имени) въ одной изъ замѣтокъ въ газетѣ «Русская Жизнь». Не знаю, откуда почерпнулъ авторъ этой замѣтки свѣдѣнія о содѣйствіи Лукояновскихъ помѣщиковъ, но не могу поручиться за то, составлена ли эта карта самимъ Далемъ, или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ, хотя почеркъ объяснительныхъ приписокъ къ ней не такъ рѣзко отличается отъ рукописей, написанныхъ несомнѣнно рукой В. И., какъ нѣкоторые другіе матеріалы; во всякомъ случаѣ, объ авторствѣ этой карты ничего опредѣленнаго я не могъ узнать даже отъ дочери покойнаго.

Къ сожалѣнію, сравненіе данной карты съ картой, напечатанной въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. II, заставило меня убѣдиться въ весьма существенныхъ неточностяхъ ея относительно пропорціональности и направленія разстояній между селеніями. Не зная навѣрное. насколько можно полагаться на карту Нижегородскаго Сборника, я считаю долгомъ всетаки описать тѣ различія нашей карты отъ нея, которыя мнѣ удалось замѣтить. Различія касаются также иногда названій селъ, изъ которыхъ иныхъ у насъ нѣтъ вовсе, другихъ же наоборотъ нѣтъ на картѣ «Нижегородскаго Сборника».

Начнемъ съ сѣвера.—На картѣ Нижегородскаго Сборника рядомъ съ селомъ Саврасовомъ на лѣвомъ берегу рѣки Шнары, впадающей въ Пьяну, стоитъ еще Нов. Саврасово на юго-востокъ отъ него, на правомъ берегу Шнары, а къ сѣв.-западу Бритвино.—Вмѣсто Крюковки Даля въ Ниж. Сборн. Крижовка.—Вмѣсто Фоминой Д. (на Лукояновскомъ трактѣ. къ сѣв.-зап. отъ Лукоянова и Ульянова) въ Ниж. Сб. Осминка.—Къ сѣв.-зап. по направленію къ Арзамасскому уѣзду отъ Стекляннаго Завода, который въ Ниж. Сб. восточнѣе, южнѣе и ближе къ рѣкѣ Алатырю, чѣмъ у Даля, стоитъ на картѣ Ниж. Сб. Пандасъ.—Къ западу отъ Петровки, на границѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Нижегородской губ., на прав. берегу р. Алатыря, въ Ниж. Сб. еще Григорьевка.— Между Нелеемъ и Елевымъ Врагомъ, который въ Нж. Сб. къ юго-востоко-востоку отъ Нелея, а не къ юго-юго-востоку (почти къ югу), какъ у Даля. въ Нж. Сб. еще Васильевъ Врагъ.—Между Шутиловомъ, которое къ с.-з. отъ Буцкаго (Буцкой), а не къ *ю. з. з.*, какъ у Д.,

и Буцкимъ въ Ниж. Сб. еще Соловцево.—Гремячка по Д. къ *ю. з. з.* отъ Прудовъ, по Ниж. Сб къ сѣв. отъ Прудовъ, ближе къ Шутилову.—Къ югу отъ Б. Ари (находящейся на с. в. отъ Лукоянова) въ Ниж. Сб. еще Ширяевка.—У Д. къ югу отъ Сумароковки близко Петровка, въ Ниж. Сб. она гораздо дальше, къ юго-западу отъ Кельдюшева. У Д. Василевка гораздо западнѣе и ближе къ Елфимову Майдану, чѣмъ въ Ниж. Сб., гдѣ Василевка не къ сѣв.-зап. отъ Б. Поляны и не къ сѣв.-вост.-вост. отъ Красной Поляны, а къ сѣв.-вост.—вост. отъ Б. Поляны и къ юго-вост.-вост. отъ Кр. Поляны, къ юго-вост. отъ Петровки и къ юго-юго-зап. отъ Кельдюшева.—У Д. къ югу отъ Кельдюшева Паракуша, которой нѣтъ въ Ниж. Сб. въ этомъ мѣстѣ, но которая тамъ недалеко къ юго-юго-вост. отъ Кондрыкина Майдана, далѣе же къ югу Дубровка.—Въ Ниж. Сб. Пикшень (у Даля Пекшень) гораздо ближе къ Аникѣевкѣ, чѣмъ къ другимъ деревнямъ, у Д. онъ ближе къ Б. Болдину и Дмитровкѣ.—Въ Ниж. Сб. довольно далеко къ вост. отъ Дубровки—Малиновка, у Д. же она гораздо ближе и къ Дубровкѣ и къ Кондрыкину. Въ Ниж. Сб. Малиновка къ ю.-з. отъ Болдина (Язъ), очень близко, у Д. она далеко къ зап. отъ Яза (Болдина).—У Д. къ сѣв -вост. отъ Ульяновки, на правомъ противоположномъ берегу р. Инсары, еще Варваровка.—Кромѣ Пестровки (Ниж. Сб. Петровки) въ юго-восточномъ углу уѣзда, у Д. еще М. Петровка къ ю.-з.-з. отъ нея и М. Осинки къ ю.-ю.-з. отъ Осинокъ, а къ зап. отъ М. Осинокъ—Володино, которое въ Ниж. Сб. гораздо дальше къ зап., западнѣе Протасова и Бугровъ, рядомъ съ Любимовомъ.—Рождествено-Пеля (Ниж. Сб.) названо у Д. Пеля Хованская.—Между Вьюшкиномъ и Погиболкой у Д. еще Никольское; къ юго-зап. отъ Ивашевки у Д. еще Николаевка (ближе къ Саранскому тракту и къ границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ).—Рядомъ съ Темяшевомъ на р. Ирести къ юго-зап. въ Ниж. Сб. еще Борки.—Ново-Александровка у Д. къ ю.-з.-з. отъ Селитьбы (Иресги), близко къ Кріушкѣ (Верякушѣ), въ Нж. Сб. Александровка къ с. з. отъ Иресги, ближе къ Угуевскому Майдану.—Н. Василовка (Ниж. Сб.) близъ рѣкъ Иресги и Верякуши названа у Д. Василовочка (Трегубовка).

На картѣ я отъ себя ничего не прибавляю, кромѣ слѣдующихъ обозначеній: ставлю цифру 55 при параллели, проходящей черезъ сѣверную часть Лукояновскаго уѣзда, и надписи: Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губ. въ срединѣ лѣвой стороны карты, (Ардатовскій уѣздъ)—въ правой противоположной сторонѣ (т. е. Симбирской губ.) и р. Инсара.

Способъ обозначеній различныхъ оттѣнковъ говора, а также присутствія

инородческаго элемента состоитъ въ употребленіи различныхъ красокъ — черной, красной, синей, желтой, оранжевой, свѣтло-зеленой и темно-зелёной.

Считаю нелишнимъ изданію этой карты предпослать нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній и поясненій.

Во первыхъ, необходимо напомнить, что̀ разумѣется подъ терминами «оканье», «аканье», «цоканье», «чваканье» и «дзеканье», употребленными составителемъ карты. »Оканье» — черта консервативная; она указываетъ на то, что въ данномъ говорѣ этимологическое *о* (или *о* изъ *а* въ заимствованныхъ словахъ, напр. собственныхъ именахъ греческихъ) при отсутствіи ударенія на немъ не измѣняется въ *а* (хотя нельзя отрицать, что и въ большинствѣ «окающихъ» говоровъ *о* при иныхъ условіяхъ, т. е. въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и открытыхъ непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогахъ отдаленныхъ передъ слогомъ ударяемыхъ можетъ подвергаться измѣненію въ глухой звукъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ близкій къ *у*); конечно, при этомъ разумѣется также и сохраненіе того ё (*jo*) или *о* (послѣ шипящихъ), которое въ извѣстныхъ случаяхъ независимо отъ ударенія получилось еще въ обще-великорусскую эпоху изъ этимологическаго *е*; новизна только въ томъ, что этотъ обще-великорусскій законъ въ нѣкоторыхъ «окающихъ» говорахъ распространяется и на то *е*, которое восходитъ къ этимологическому *ѣ* [1]). Измѣненіе же этимологич. *а* при отсутствіи на немъ ударенія въ *о* весьма рѣдко [2]). Подъ «аканьемъ» наоборотъ разумѣется измѣненіе этимол. *о* и *о* (ё), образовавшагося въ болѣе старую эпоху изъ этимолог. *е*, при отсутствіи на нихъ ударенія въ *а* (*я*) или глухой звукъ, близкій къ *а*; такимъ образомъ это черта подновляющая; само собою разумѣется также, что, когда мы называемъ говоръ «акающимъ», то можемъ предполагать въ немъ и другія черты, тѣсно связанныя съ «аканьемъ», напр. измѣненіе ударяемаго *а* (*я*) въ *о* (ё), что̀ весьма понятно, такъ какъ привыкшій безъ ударенія произносить только *а* и никогда *о* можетъ легко сбиться и забыть, требуется ли этимологически *о* или *а*, и вотъ по аналогіи большинства случаевъ, гдѣ *о* (ё) ударяемое и *а* (*я*) неударяемое чередуются между собою въ произношеніи родственныхъ формъ, онъ произноситъ и здѣсь *о* (и ё) вопреки этимологіи: пасо̀жъна̀, падо̀рьна̀, запрё̀г. — «Цоканье» можетъ быть двоякое: или это (бо̀льшею частію въ великорусскихъ, особенно сѣверныхъ говорахъ) измѣненіе *ч* въ *ц* или — измѣненіе мягкаго *т* въ мягкое *ц* (черта преимущ. бѣлорусская или польская,

---

[1]) Срв. Потебни «Два изслѣдованія» 76—80. Шахматовъ, впрочемъ, и неудар. *о* въ окающихъ говорахъ, какъ и *а* акающихъ, непосредственно возводитъ къ *о* склон. къ *а* («Изслѣдован. въ области русск. фонетики». стр. 254 и слѣд.).

[2]) Срв. Колосова «Обзор. звук. и форм. особ. народн. рус. яз.», 62—64.

не встрѣчающаяся и во многихъ великорус. говорахъ); кажется, обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется только первое, второе же большею частію кроется подъ терминомъ «дзеканье», подъ которымъ ближайшимъ образомъ собственно разумѣется измѣненіе мягкаго звучнаго *д* въ *дз* (сложный мягкій звучный, соотвѣтствующій мягкому незвучному *ц*). «Цоканье», т. е. измѣненіе этимологическаго *ч* въ *ц*, тѣсно связано съ «чваканьемъ», т. е. измѣненіемъ этимолог. *ц* въ *ч*, и иногда уживается рядомъ съ нимъ; это объясняется тѣмъ, что идеальнаго въ фонетическомъ отношеніи говора въ природѣ не существуетъ, т. е. что фонетическіе законы, не имѣющіе исключеній сами по себѣ, въ жизни языка всегда почти нарушаются дѣйствіемъ другихъ, иногда противоположныхъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ одномъ говорѣ (строго говоря, имѣющемъ своимъ представителемъ только одно лицо [1]) существуетъ измѣненіе *ч* въ *ц*, а рядомъ съ нимъ въ другомъ обратная черта— измѣненіе *ц* въ *ч*, въ третьемъ, наконецъ, оба звука совпадаютъ въ одномъ среднемъ, какомъ нибудь очень мягкомъ *ц*, близкомъ къ очень мягкому *ч*, вродѣ польскаго произношенія *ć* (изъ этимолог. *t* въ сочетаніи съ этимолог. *е* и *ѣ* = польскимъ *ie* и *ia*, этимол. і и *ь*, этимол. *ѧ*), очень близкаго на мой слухъ къ сербо-хорватскому ћ (*ć*), происшедшему изъ сочетанія этимолог. *t* со старымъ и новымъ *j*; очень можетъ быть, что это послѣднее и было свойственно древнему Новгородскому говору, заставлявшему писцовъ путаться и писать то *ц* вмѣсто *ч*, то *ч* вм. *ц*, такъ какъ это среднее произношеніе дѣйствительно существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ говорахъ (мнѣ пришлось въ бытность мою въ Петербургѣ слышать произношеніе Чудово почти, какъ Ћудово, также маћуха вм. мачеха отъ крестьянки изъ подъ Чудова) [2]. Какъ скоро представители этихъ говоровъ (можетъ быть, даже въ одномъ селѣ или даже въ одной семьѣ) сталкиваются между собою, они начинаютъ оказывать другъ на друга вліяніе, и вотъ одни слова произносятъ согласно фонетическимъ особенностямъ одного говора, другія согласно фонетическимъ особенностямъ другого [3]); это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если-бы никто не могъ произносить только *ц* или только *ч* доходилъ до неумѣнья обратнаго произно-

[1]) Срв. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium», 123, 129; тоже говорилъ и покойный Потебня, ссылаясь также на Paul, «Principien der Sprachgeschichte».

[2]) Впрочемъ, возможно уже и въ древнее время существованіе такихъ говоровъ, въ которыхъ происходитъ дѣйствительное чередованіе звуковъ *ц* и *ч*: сравн. соображенія Шахматова о смѣнѣ *ч* и *ц* въ Новгородскихъ грамотахъ («О языкѣ Новгород. грам.», 172—173).

[3]) Это періодъ того «Schwanken», о которомъ говоритъ Sievers («Grundzüge der Phonetik» 226); срв. Delbrück «Einleitung in d. Spr.» 121

шенія. Еще можно представить себѣ возникновеніе говора смѣшивающаго *ц* съ *ч* такимъ образомъ, что говоръ съ среднимъ идеальнымъ произношеніемъ очень мягкаго *ц* (= мягк. *ч*) заимствуется группой людей, до этого рѣзко различавшихъ въ своемъ говорѣ эти два звука, и вотъ, не будучи въ состояніи уловить тонкаго произношенія своего прототипа, они сбиваются то на *ц*, то на *ч*, можетъ быть, въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ окружающихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ глазами наблюдателя возникаютъ кажущіяся «исключенія» въ дѣйствіяхъ звуковыхъ законовъ [1]).

Не совсѣмъ ясно, что разумѣется подъ словами: «говоръ средній между *а* и *о*»; но вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть говоръ, въ которомъ неударяемое *о* слышится не какъ ясное *а*, а какъ глухой звукъ краткій, средній между *а* и *о* [2]); это именно свойственно говорамъ переходнымъ отъ «акающихъ» къ «окающимъ», и въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе «средній»... Это произношеніе присуще большинству «образованнаго» класса, особенно Москвы и центральныхъ губерній, въ народныхъ же говорахъ нерѣдко встрѣчается въ соединеніи съ «иканьемъ», очень распространеннымъ во всей средней переходной великорусской полосѣ, совершенно, однако, напрасно, мнѣ кажется приписываемымъ проф. Соболевскимъ [3]) «нашему» говору, если онъ подъ «нашимъ» разумѣетъ языкъ такъ называемаго образованнаго класса, такъ какъ большинство этого послѣдняго, насколько мнѣ приходилось наблюдать, никогда не произноситъ яснаго *и* вмѣсто неудар. *е* или вмѣсто *а* (*я*) послѣ мягкаго согласнаго, а большею частію звукъ неясный глухой, средній между *ĭ* (*ь*) и *ĕ*; но несомнѣнно, что это «иканье», а въ связи съ нимъ и измѣненіе неудар. этимологическихъ *о* и *а* въ *ы*, наблюдаемыя въ однихъ говорахъ только въ извѣстномъ болѣе отдаленномъ отъ ударенія положеніи, въ слогѣ, предшествующемъ ему, или въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, но закрытомъ, въ другихъ же говорахъ наблюдаемыя чаще и переходящія указанныя границы, генетически связаны съ этимъ среднимъ произношеніемъ: стоитъ только этотъ обыкновенный у большинства глухой звукъ произнести протяжнѣе, и мы получимъ почти чистыя *и* или *ы*; при этомъ надо замѣтить, что появленіе *ы* вм. *о* (*а*) рѣже и ограниченнѣе, чѣмъ появленіе *и* вм. *е* (или *я*, т. е. *а* съ предшеств. *j*

[1]) «Auf induktiv. Wege kann die Ausnahmlosigkeit der Lautgesetze nicht bewiesen werden», говоритъ Delbrück. («Einleitungen»... 116).

[2]) Это, конечно, зависитъ отъ качества слога (начало, середина, закрытость, открытость, послѣ ударенія или передъ нимъ, и за сколько слоговъ до него); срв. А. А. Потебни «Два изслѣдованія о звук. рус. яз.» 66—68; А. И. Соболевскаго «Очеркъ русской діалектологіи» въ «Живой Старинѣ» 1892, вып. I, стр. 10.

[3]) Тамъ-же.

или небнымъ согласн.). Это «йканье», не отмѣченное, къ сожалѣнію, составителемъ карты, вѣроятно, и кроется въ его говорѣ, «среднемъ между *а* и *о*».

Во вторыхъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько географическихъ и историко-этнографическихъ разъясненій, на сколько это въ моихъ силахъ.

Лукояновскій уѣздъ—самый южный изъ уѣздовъ Нижегородской губ.; онъ лежитъ въ юго-восточномъ углу ея и граничитъ на востокѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Симбирской г., на югѣ съ Саранскимъ Пензенской г., на западѣ—съ Краснослободскимъ Пензенской и съ Ардатовскимъ и Арзамасскимъ Нижегородской г., на сѣверѣ съ Арзамасскимъ и Сергачскимъ Нижегородской г. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ говоровъ, которое обусловливается характеромъ русской колонизаціи въ этой мѣстности. Какъ извѣстно, южная часть Нижегородской и сѣверная Пензенской г. были искони мордовскимъ краемъ. Мордва искони раздѣлялась на двѣ вѣтви: сѣверную (Эрзя) и южную (Мокша). Первая отличается большей культурностью и уже въ средніе вѣка имѣла своихъ князей, воевавшихъ съ русскими Суздальскими и Нижегородскими, имѣла и укрѣпленные пункты (тверди) [1]; на ея землѣ стоитъ теперь русскій городъ съ инородческимъ названіемъ Арзамасъ. Вторая до сихъ поръ отличается большей дикостью и грязнымъ образомъ жизни и въ нравственномъ отношеніи, по словамъ Н. И. Руссова [2]), стоитъ ниже Эрзянъ. Послѣ того, какъ пало мордовское княжество, безпокоившее Суздальскихъ и Нижегородскихъ князей, русская колонизація въ этомъ краю усилилась, а Мордва частію постепенно отступала на югъ, частію стала жить въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а иногда и среди Русскихъ по сосѣдству и даже въ одномъ съ ними селѣ; такія села (половинныя), извѣстныя мнѣ въ южной части Курмышскаго у. Симбирской г., встрѣчаются, какъ видно изъ карты, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, Мордва довольно быстро русѣетъ. «Что касается Мордвы, то надо полагать», говоритъ упомянутый авторъ статьи о Лукояновскомъ уѣздѣ въ Нижегородскимъ Сборникѣ [3]), «что ея было гораздо больше, что доказывается... названіями селъ и деревень; но мало-по-малу Мордва обрусѣла, бросила свой оригинальный костюмъ и стала даже чуждаться своего кореннаго языка, такъ напр., всѣ села государственныхъ крестьянъ, расположенныя на югѣ уѣзда, когда-то окруженныя дремучими лѣсами и корабельными рощами,—Азрапино, Наруксово и проч.—со-

---

[1]) Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества», стр. 73.

[2]) «Нижегородскій Сборникъ», т. II (1869 г.), стр. 23.

[3]) Тамъ-же 21—22. Возможностью воспользоваться этимъ изданіемъ въ Харьковѣ я обязанъ секретарю Харьковскаго статистическаго комитета В. В. Иванову, по рекомендаціи проф. Багалѣя допустившему меня къ пользованію библіотекой комитета.

стояли не только изъ Мордвы, но даже изъ племени Мокшанъ, самаго дикаго и неподатливаго на обрусѣніе. Если же національность еще сохранилась въ двухъ сосѣднихъ съ первыми селахъ, т. е. въ Печахъ и Темяшевѣ, то это свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ переселеніи народа изъ-за Мокши, Пензен. г., гдѣ племя Мокшанъ до сихъ поръ живетъ значительными группами, не поддающимися никакой цивилизаціи; тогда какъ въ Лукояновскомъ у. священники и школы имѣютъ значительное вліяніе на Мордву, и по тѣмъ видимымъ успѣхамъ, которыхъ достигаютъ ученики, можно навѣрное сказать, черезъ десятокъ лѣтъ національность темяшевской Мордвы окончательно исчезнетъ» [1]). Что касается мордовскихъ селъ, то перечисленіе ихъ въ статьѣ Руспнова въ общемъ согласно съ обозначеніемъ на картѣ Даля, но есть и различія: у Руспнова Сантовка отнесена къ мордовскимъ селамъ, а у Даля, судя по краскамъ, она русская съ «акающимъ», «цокающимъ» и «дзекающимъ» говоромъ; у Руспнова оба Пермѣева мордовскія, у Д. одно (южное), судя по черному цвѣту, русское и окаетъ; кромѣ того, у Даля мордовскихъ селъ больше въ сѣверной части уѣзда: у Руспнова не упомянуты выкрашенныя у насъ въ темно-зеленый цвѣтъ (=Мордва—Эрзя) Старые, Средніе и Новые Пичингуши, Ракшазонь [2]) и Анаиѣевка. Относительно Мордвы—Мокши оба согласны, называя только два села: Печи и Темяшево.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи языка инородцевъ на языкъ русскихъ колонистовъ остается до сихъ поръ открытымъ; для рѣшенія его необходимо основательное знакомство не съ однимъ мордовскимъ нарѣчіемъ, а съ сравнительной фонетикой вообще финскихъ нарѣчій, кромѣ основательнаго знанія словянскихъ нарѣчій: однимъ словомъ, требуются знанія, которыя рѣдко могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Но и то, что сдѣлано въ этой области, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности; я разумѣю труды покойнаго Becke, а также недавно вышедшій трудъ молодого ученаго Mikolja «Die Berührungen unter dem Westfinnischen und Russischen», на который обратилъ мое вниманіе професс. М. Е. Халанскій: при бѣгломъ просматриваніи его я замѣтилъ, что словян. *о* въ заимствованныхъ Финнами словахъ часто передается черезъ *а*; упоминаю это не для того, чтобы отъ финскаго вліянія производить южно-великорусское аканье, но всетаки на такіе факты стоитъ обращать вниманіе. Трудъ г. Миколи уже потому заслуживаетъ вниманія, что самъ онъ прошелъ школу проф. А. А. Потебни.

[1]) Къ числу обрусѣвшихъ селъ мордовскихъ въ Казанскихъ «Извѣстіяхъ общества археологіи, исторіи и этнографіи», т. XI, вып. 3, стр. 286—287 отнесены Тагаево и Кармалеи.

[2]) Что въ этомъ селѣ есть Мордва и теперь, мнѣ извѣстно изъ сообщенія тамошняго землевладѣльца, прив.-доцента Харьковскаго университета В. А. Стеклова.

Что касается родины основного зерна русскаго населенія, поселившагося здѣсь, времени первыхъ поселеній, основанія самаго города Лукоянова и т. п., то мои поиски для опредѣленія этого въ разныхъ историческихъ трудахъ остались неудовлетворительными. Быть самому въ Лукояновѣ и Лукояновскомъ уѣздѣ и на мѣстѣ поискать какого либо архивнаго матеріала для исторіи здѣшней колонизаціи мнѣ не пришлось, да я и не считаю себя подготовленнымъ къ работѣ подобнаго рода, которую предоставляю спеціалистамъ историкамъ, хотя и не отрицаю возможности найти что либо. Вслѣдствіе этого я постараюсь подойти къ рѣшенію этого вопроса косвеннымъ путемъ при помощи трудовъ, посвященныхъ спеціально исторіи сосѣднихъ съ Лукояновскимъ краемъ мѣстностей, а именно Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества»), Перетятковича («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка»... 1882 г.») и Дубасова («Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» 1883—1887 [1]), предполагая, что край этотъ былъ искони приблизительно въ одинаковыхъ этнографическихъ условіяхъ съ мѣстностями, составлявшими нѣкогда восточныя окраины Рязанскаго, а также южныя Нижегородскаго княжества, т. е. нынѣшними: губерніей Пензенской, Ардатовскимъ и Курмышскимъ уѣздами губ. Симбирской, Ардатовскимъ, Арзамасскимъ и Сергачскимъ уѣздами губ. Нижегородской и сѣверными уѣздами Тамбовской. Перечисленныя мѣстности окружаютъ Лукояновскій край кольцомъ, и нетрудно догадаться, что историческія данныя относительно нихъ приложимы и къ нему тѣмъ болѣе, что косвенные намеки на мѣстности Лукояновскаго края мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ названныхъ трудовъ. Древнѣйшее населеніе всей этой мѣстности, какъ я уже упоминалъ, было Мордва, которая въ древности занимала гораздо большее пространство по направленію съ юга на сѣверъ, чѣмъ теперь, а именно на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Тамбова на сѣверъ и сѣверо-востокъ черезъ всю почти Тамбовскую и правобережную часть Нижегородской губ. до Нижняго-Новгорода и Василя-Сурска [2]). Но вопросъ въ томъ, откуда и когда пришли сюда первые русскіе поселенцы. Можно бы было думать, что здѣсь столкнулось два теченія: одно сѣверное или сѣверо-западное, двигавшееся отъ Нижняго-Новгорода, и другое западное,

---

[1]) Указаніемъ на эти книги и отчасти пользованіемъ ими я обязанъ проф. Д. И. Багалѣю и В. И. Саввѣ.

[2]) На стр. 6 «Памятной книжки Нижегородской губ.» 1865 г. говорится, что Мордва живетъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Княгининскомъ, Василь-Сурскомъ, Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ; слѣдовательно, и въ наше время она встрѣчается не только въ южныхъ, но и центральныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. Срв. также «Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда» (Нижній-Новгородъ) Н. Демидова, стр. 5—6.

двигавшееся изъ стараго Рязанскаго княжества. Но историческіе памятники слишкомъ скудны данными въ этомъ отношеніи. О свободной колонизаціи древнѣйшаго времени мы не знаемъ почти ничего. Что же касается болѣе новаго времени—XVI—XVII в., то мы знаемъ, что здѣсь, т. е. на границахъ Нижегородской и Пензенской губ. проходили сторожевыя линіи, на которыхъ селились обыкновенно разные служилые люди изъ различныхъ мѣстностей. Населеніе сторожевыхъ городковъ было также весьма разнообразно и набиралось не только изъ сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Напр. о Пензѣ извѣстно, что «населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка»...[1]).

Много служилыхъ людей получало также помѣстья и вотчины. Для состава крестьянскаго населенія важно обращать вниманіе и на переселеніе служилыхъ людей, такъ какъ, во первыхъ, они часто переселяли своихъ крестьянъ изъ старыхъ помѣстій и вотчинъ въ новыя, во вторыхъ, многіе служилые люди въ качествѣ бѣдныхъ однодворцевъ со временемъ вполнѣ сливались съ крестьянами: мнѣ напр. извѣстно, что есть такіе «дворяне», которые сами пашутъ и бѣднѣе нѣкоторыхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ. Но надо еще замѣтить, что служилыми людьми Московскаго государства бывали не одни Русскіе, а и многіе татарскіе мурзы, принявшіе московское подданство, которые не только утверждались во владѣніи занятыхъ ими раньше помѣстій въ этихъ мѣстностяхъ, но и надѣлялись новыми, часто не измѣняя магометанству. Такимъ образомъ явилось у насъ много дворянскихъ фамилій татарскаго происхожденія, которые владѣли крѣпостными русскими крестьянами или Мордвою, и только при Петрѣ I многія изъ нихъ обратились въ христіанство [2]). Потомки этихъ фамилій и теперь очень нерѣдко встрѣчаются между помѣщиками Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губ., часто передавъ свои имена и своимъ помѣстьямъ, такъ что, кромѣ мордовскихъ, татарскихъ и чисто-русскихъ названій селъ и деревень, въ этихъ губерніяхъ можно встрѣтить и названія съ корнями татарскими или мордовскими, но съ присоединеніемъ суффиксовъ, а иногда и цѣлыхъ словъ русскихъ; сравн. напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ село Дивѣевъ—Усадъ и

фамилію Дивѣевы, упоминаемую Дубасовымъ въ числѣ дворянскихъ инородческаго происхожденія [3]); упоминаемые тамъ-же въ числѣ тамбовскихъ

---

[1]) Перетятковичъ, «Поволжье», стр. 234, сноска.

[2]) Дубасовъ, «Очерки изъ исторіи Тамб. края», вып. 3, гл. 1. стр. 39

[3]) Ibid. вып. I. гл. IV, стр. 183.

фамиліи XVIII вѣка Енгалычевы извѣстны теперь и въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; тамбовская татарская фамилія Ишеевъ (ib 3. I. 39) теперь извѣстна въ названіи татарской деревни Васильскаго уѣзда, Нижегородской губ.: разумѣется, весьма многія названія повторяются въ разныхъ губерніяхъ, а многія мѣстныя фамиліи сдѣлались общеизвѣстными въ Россіи. Конечно, вмѣстѣ со служилыми людьми изъ Татаръ не мало было и крестьянъ, если только не предположить, что нынѣшніе Татары—крестьяне въ этихъ губерніяхъ суть отатарившіеся туземцы Мордва или Мещера. Татарскихъ селъ и теперь не мало въ Курмышскомъ, Сергачскомъ и друг. уѣздахъ этихъ губерній, а въ XVI в. сѣверные, ближайшіе къ Нижегородской губ., уѣзды Тамбовской губ. Темниковскій и Кадомскій (послѣдній теперь за штатомъ) были почти исключительно мордовскими и татарскими [1]). Удивительно, что на находящейся въ нашемъ распоряженіи картѣ Лукояновскаго уѣзда татарскихъ селъ не отмѣчено совсѣмъ.

Ближайшая къ южной части Нижегородской губ., а слѣдовательно и къ Лукояновскому уѣзду сторожевая линія проходила въ XVI в. черезъ Алатырь (Симбирской губ.) и Темниковъ (Тамбовской губ.) [2]). Къ сожалѣнію, мы знаемъ только главнѣйшіе пункты сторожевыхъ линій, т. е. города́, а потому и не можемъ точно опредѣлить, какъ именно шла такая-то сторожевая линія, но если мы взглянемъ на карту и проведемъ прямую линію отъ г. Алатыря къ Темникову, то она пройдетъ какъ разъ черезъ южную часть Лукояновскаго уѣзда, а потому можно предположить, что уже въ XVI вѣкѣ въ Лукояновскомъ уѣздѣ были русскія поселенія.

Ближайшій городъ Пензенской губ., лежащій на югъ отъ Лукояновскаго уѣзда, Саранскъ отмѣчается Перетятковичемъ на картѣ, приложенной къ его сочиненію, какъ основанный въ XVII в., а изъ него въ 1681 г. переводятся служилые люди для засѣчной и сторожевой службы въ восточную часть Пензенской губ. [3]). Слѣдовательно, колонизація мѣстности къ югу отъ Лукояновскаго уѣзда началась только съ XVII-го столѣтія (по крайней мѣрѣ оффиціально).

Что касается мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Лукояновскаго уѣзда, то тамъ, по крайней мѣрѣ до рѣки Пьяны на югъ и юго-востокъ, т. е.

---

[1]) Дубасовъ, ib. 1, стр. 156.

[2]) Д. И. Багалѣй, «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», т. I, стр. 36. Города Алатырь, Темниковъ, Кадома и Шацкъ входили въ половинѣ XVI-го в. въ составъ передней линіи укрѣпленій, къ юго-востоку отъ которой тогда сейчасъ же лежала степь. Д. И. Багалѣй ссылается на сочин. Бѣляева «О сторожевой станичной и полевой службѣ».

[3]) «Поволжье»... 235.

въ нынѣшнихъ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, части Сергачскаго [1]) и Курмышскаго русскія поселенія были уже въ XIV-мъ столѣтіи, хотя они могли быть и раньше, вскорѣ послѣ извѣстной борьбы основателя Нижняго-Новгорода Юрія II съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ началѣ XIII в. [2]). Говоря объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Арапшею въ 1377 или 1378 г. [3]), лѣтописцы называютъ гостя Тараса Петрова, у котораго Моголы разорили 6 «цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою» [4]) (вѣроятно, Кудьмою, какъ она называется теперь, которая и теперь течетъ въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу); надо замѣтить, что «за Кудьмою» — очень неопредѣленно, такъ какъ позднѣе напр. Закудемскій станъ занималъ «обширную страну между р. Кудьмою и р. Сурою», и Сергачь въ XVII в. былъ волостнымъ селомъ этого стана [5]). Сталкиваясь и воюя съ Мордвою и Татарами, Русскіе сами, несомнѣнно, селились среди нихъ подобно тому, какъ селятся теперь среди сплошного чувашскаго населенія по правому берегу р. Суры въ Симбирской и Казанской губ. Съ другой стороны, масса Мордвы, не имѣя возможности вслѣдствіе незнанія русскаго языка сопротивляться злоупотребленіямъ русскихъ служилыхъ людей въ XVI—XVII в., разбѣжалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтія отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны [6]). Конечно, оставшіяся пустыми земли тѣмъ удобнѣе могли быть заняты Русскими. Что довольно рано русскія поселенія распространились на востокъ до р. Суры, доказываетъ существованіе на ней не только Курмыша на лѣвомъ берегу, но и села Алгашей, которое теперь гораздо далѣе Курмыша на югъ по правому берегу р. Суры, уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтія [7]). Торговое село Спасское въ Васильскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ къ западу отъ Курмыша, основано еще въ 1399 г. [8]). Такимъ образомъ, можно думать, что приблизительно къ концу XV-го столѣтія большая часть нынѣшней Нижегородской губ. до юго-восточныхъ ея предѣловъ, а къ половинѣ XVI-го и самыя южныя окраины ея, т. е. Лукояновскій уѣздъ, не были лишены русскихъ поселковъ.

---

[1]) Княгинино и Сергачь въ XVII в. были еще селами Нижегородскаго уѣзда («Поволжье»... 285, 286—7).

[2]) Иловайскій, «Истор. Рязанск. княж.», стр. 72—73.

[3]) Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V (изд. Смирдина 1852), стр. 50—52; Новгор. лѣтопись по списку Арх. ком. подъ 1378 г., изд. 1888 г., стр. 366.

[4]) Карамзинъ, ibid. 52.

[5]) Перетятковичъ, «Поволжье»... 277, 286—7.

[6]) Ibid. 38.

[7]) Грамота 1406 г. Василія Дмитріевича (изд. Румянцева).

[8]) «Историч. очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.» Н. Демидова, стр. 11.

Кромѣ служилыхъ людей, важную колонизаторскую роль играли монастыри. Въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ напр. намъ извѣстна дѣятельность нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ монастырей, какъ Кириллова - Бѣлозерскаго, переводившаго на новыя свои вотчины крестьянъ изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго уѣздовъ [1]), слѣдовательно изъ мѣстностей сѣверно-великорусскихъ («окающихъ»). Тоже самое слѣдуетъ сказать какъ о вольныхъ сходцахъ, такъ и о бѣглыхъ крестьянахъ, искавшихъ здѣсь убѣжища или на совсѣмъ дикихъ поляхъ или на земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ или новымъ служилымъ людямъ въ новомъ краю. Всѣ эти новые переселенцы должны были пестрить этнографическій составъ новаго края, какъ свидѣтельствуетъ напр. извѣстіе о вотчинахъ Новоспасскаго монастыря въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., на которыя приходили не только изъ уѣздовъ сравнительно ближайшихъ Саранскаго и Домовскаго Пензенской губ., Арзамасскаго Нижегородской, но и болѣе отдаленныхъ, несомнѣнно. сѣверно-великорусскихъ (окающихъ)—Владимирскаго, Костромского, Юрьевскаго [2]). Эта вольная колонизація могла начаться гораздо раньше оффиціальной, но о ней мы не имѣемъ болѣе раннихъ извѣстій.

Для колонизаціи Лукояновскаго края не безъ значенія также «будное майданное дѣло», т. е. выдѣлываніе поташа изъ золы, столь распространенное нѣкогда въ разныхъ мѣстностяхъ Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. Этотъ промыселъ, извѣстный особенно въ XVIII-омъ столѣтіи, процвѣталъ уже и въ XVII-мъ. Имъ занимались преимущественно безземельные крестьяне, майданники [3]), бывшіе въ Тамбовскомъ краѣ подъ командою Починковской поташной конторы. Интересно знать, о какихъ это Починкахъ идетъ рѣчь у Дубасова. Можетъ быть, это тѣ Починки, которые теперь извѣстны какъ заштатный городъ въ южной части Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ., хотя и нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ, такъ какъ слова Починки, Починокъ и т. п., какъ мѣстное названіе, означающее нѣчто початое, затронутое человѣческой рукой, особенно говоря о вырубленномъ мѣстѣ среди лѣсовъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ лѣсной или пограничной съ лѣсной полосы Россіи [4]). Дубасовъ (стр. 95,

[1]) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Тамб. кр.», стр. 37, вып. 4-ый.

[2]) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Т. кр.» 39, 44, 45 (вып. 4).

[3]) Перетятковичъ, «Поволжье»... 235, 279 и др.; Дубасовъ, вып. 4, стр. 170.

[4]) На картѣ въ одномъ старомъ атласѣ (начала XIX столѣтія?—Заглавн. листъ утерянъ) отмѣчены Починокъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ. и Починки недалеко отъ верховьевъ р. Инсары въ Пензенск. губ., но оба эти села означены менѣе крупно, чѣмъ заштатный городъ Лукоян. уѣзда. О словѣ починокъ см. у Потебни, «К истор. звук.» IV, 22—23.

вып. I) упоминает о проектѣ христіанскаго просвѣщенія Мордвы, принадлежавшемъ во второй половинѣ XVII-го в. поддьячему Починковской конторы (поташной) Василью Симонову. Будные станы упоминаются въ концѣ XVII-го в. въ этихъ мѣстностяхъ: въ 1678 г. напр. написаны въ переписныхъ книгахъ крестьяне села Сергача Нижегородскаго уѣзда, отецъ и сынъ, и сказано, что отецъ платилъ на будные станы по 2 четверти золы[1]). Слѣды этого промысла, на который шли преимущественно бобыли, въ нынѣшнемъ Васильскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.—Березовый и Огневъ Майданы, которые упоминаются еще въ XVII в. въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и самое названіе которыхъ указываетъ на занятіе ихъ жителей[2]); въ Пензенской губ., недалеко къ востоку отъ Краснослободска, отмѣченъ на старинной картѣ «Поташной» (заводъ). Съ этимъ промысломъ въ народномъ преданіи связано основаніе нѣкоторыхъ селъ. Такъ напр. изъ «описанія села Елфимова Майдана Лукояновскаго уѣзда» священника Прогрессова[3]) узнаемъ, что, по словамъ старожиловъ, это село получило такое названіе «отъ перваго поселенца Ефима, по народному нарѣчію Ялхима, который, поселившись въ дремучемъ лѣсу, на устьѣ рѣчки, занимался вареніемъ поташу изъ вязовой золы»... Въ связи съ этимъ промысломъ, кажется, находится и появленіе въ Лукояновскомъ уѣздѣ среди русскаго населенія особой этнографической группы, къ которой принадлежитъ населеніе Елфимова Майдана вмѣстѣ съ населеніемъ нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ селъ и деревень. Среди мѣстнаго населенія оно слыветъ подъ названіемъ «пановъ» или «бутаковъ» и на нашей картѣ отмѣчено оранжевымъ цвѣтомъ; первое прозвище характеризуетъ ихъ народность: это переселенцы изъ западныхъ губерній, второе — ихъ занятіе и указываетъ, мнѣ кажется, на то, что они были поселены первоначально преимущественно для выдѣлки поташа, если ставить это названіе въ связь съ «буднымъ» дѣломъ; но я долженъ сознаться, что для меня неясны какъ чередованіе *д* съ *т*, такъ и самая этимологія этихъ словъ. Относительно времени ихъ поселенія и мѣста ихъ выселенія трудно дать вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія. Можно бы было рѣшить это отчасти на основаніи разбора ихъ языка, но я принужденъ пока ограничиться тѣми данными, которыя сообщены въ Нижегородскомъ Сборникѣ. Эти данныя указываютъ на элементы бѣлорусскіе и малорусскіе; но то и другое отдѣлить не всегда легко, такъ какъ приходится считаться съ искаженіями малорусскихъ словъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ восточныхъ южновеликорусскихъ го-

[1]) Перетятковичъ, 285.
[2]) Ibid. 279.
[3]) «Нижегородскій Сборникъ». II, стр. 329—330.

воровъ, имѣющихъ много общихъ звуковыхъ чертъ съ западными своими собратьями говорами бѣлорусскими, такъ что иногда трудно рѣшить, есть ли извѣстное произношеніе остатокъ рѣчи бѣлорусскихъ переселенцевъ (если таковые вообще здѣсь были), или только южновеликорусское искаженіе, переиначеніе малорусской рѣчи. Есть, однако, въ языкѣ «пановъ» и такія особенности, которыя несомнѣнно указываютъ на малорусскій элементъ, а съ другой стороны такія, которыя несомнѣнно указываютъ на элементъ бѣлорусскій, при чемъ то и другое такъ перепуталось и исказилось подъ вліяніемъ мѣстнаго великорусскаго, что получились отдѣльныя выраженія довольно безобразнаго смѣшаннаго характера, результатъ дѣйствія различныхъ звуковыхъ законовъ. Остановлюсь нѣсколько какъ на существующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ мѣстными жителями, о народности упомянутой группы, такъ и на разборѣ приводимыхъ въ статьяхъ Нижегородскаго Сборника словъ и особенностей произношенія «пановъ».

П. П. Руспновъ въ статьѣ «Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губ.»[1]) приводитъ 6 деревень: Василевъ Майданъ, Новую Слободу, Дубровку, Пралево, Малиновку и Чиреси, называя жителей ихъ прямо Малоруссами, вызванными, вѣроятно, графомъ Разумовскимъ на пожалованныя ему земли изъ малорусскихъ губерній. Редакторъ Нижегород. Сборника Гацисскій въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева [2]) говоритъ, что «при собраніи Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній объ иноплеменномъ составѣ населенія Нижегородской губ. (см. отчетъ о засѣд. комитета 1 іюня 1871 и 15 янв. 1873 г.) обнаружилось, что кромѣ названныхъ г. Руспновымъ шести селеній съ такъ называемымъ малорусскимъ типомъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ находятся еще 7 такихъ-же селеній: Кондрыкино, Михалковъ Майданъ, Елфимово (Елфимовъ Майданъ), Козаковка, Погибелка, Красная Поляна и Василевочка».. На нашей картѣ прибавлена еще 14-ая деревня Сергѣевка къ сѣверо-востоку отъ Погибелки. Гуляевъ и Прогрессовъ причисляютъ жителей этихъ селеній также къ Малоруссамъ [3]). По ихъ свидѣтельству, окрестное русское населеніе зоветъ жителей этихъ селеній не только панами, но и поляками, польшей, литвой, ягунами [2]). Но эти послѣднія прозвища, мнѣ кажется, говорятъ скорѣе въ пользу Бѣлоруссовъ, а не Малоруссовъ, такъ какъ Литвой обыкновенно называли въ старину Бѣлоруссовъ, которымъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Южновеликоруссовъ идетъ и прозвище ягуновъ (отъ родит. п. ягó, вмѣсто малорус. ëго, сѣверно-

---

[1]) «Нижегор. Сборникъ», II, стр. 20.

[2]) Ibid. V, 336.

[3]) Ibid. II, 318, 329.

великорус. ёво и средневеликор. иво); Малоруссов прозвали бы скорѣе ёгунами или всего скорѣе хохлами, как их зовут Великоруссы вездѣ, гдѣ встрѣчаются с ними; Даль даже называет в числѣ трех говоров Нижегородской губ. особый яготскій, лукояновскій и прибавляет, что это, по сосѣдству и по говору, Пензенцы, хотя различеніе только трех говоров в Нижегородской губ. он приводит не от себя и не считает его удовлетворительным [1]. Священник Гуляев в статьѣ «Особенности в говорѣ жителей села Василева Майдана» [2]) приводит ряд слов, из которых нѣкоторыя несомнѣнно великорусскія или по крайней мѣрѣ не имѣют ничего спеціально западнорусскаго, другія свойственны одинаково малорусским, бѣлорусским и нѣкоторым из ближайших к ним южновеликорусских говоров, и только очень немногія присущи спеціально бѣлорусским, а еще менѣе малорусским говорам; кромѣ того написаніе *а* вм. *о* и *я* вм. *е* (неударяем.) обличает говор акающій, слѣдоват. или южно-великорусскій или бѣлорусскій. Говоря о принадлежности слов той или другой группѣ говоров, я разумѣю также и их форму и тѣ фонетическія особенности, которыя можно вывести из переданнаго автором написанія. К сожалѣнію, автор лишь в немногих словах означил удареніе, которое весьма характерно в иных случаях, и о котором можно сдѣлать заключеніе лишь косвенно на основаніи измѣненія гласных, возможнаго только при условіи их неударяемости. К великорусским я отношу: д а в о ч а (т. е. д á в ѣ ч а), к е с ь «кажется» и к о м л а т а вм. «комната», так как мнѣ неизвѣстно существованіе их в малорусском и бѣлорусском, и я не нашел их в имѣющихся у меня под руками словарях Пискунова и Носовича; напротив, первое из них весьма обычно во многих великорусских говорах: второе, о котором я дальше намѣрен сказать обстоятельнѣе, извѣстно во многих великорусских говорах Нижегородской и частію Симбирской г.: третье обычно в великорусских, особенно восточных говорах [3]). Кажется, также исключительно великорусскими надо признать: *рочаг* (примѣры *о* вм. *ы* у Колосова в «Обзорѣ» 93 исключительно сѣверновеликорусскіе): с п р я ч и «приготовить», которое, вѣроятно, тоже, что в словарѣ Даля «спрягчи калужск. изжарить» [4]), и родственно с великор.

[1]) «О нарѣчіях русскаго яз.» LVI при издан. Толков. Словаря 1879 г.

[2]) «Ниж. Сборн.» V, 378.

[3]) Колосов, «Обзор звуков. и формальн. особ. н. р. яз.», 167 (что касается собственно измѣненія группы *мн* в *мг* не только в этом словѣ, то оно весьма обычно даже и не в русских, а и во многих из южнословянских говоров (сравн. серб. болг. много).

[4]) Впрочем в бѣлорус. сравн. п р е ж ч ь,—г у... „пряжить, поджаривать в маслѣ или салѣ", (Носович) „Прежчь яешню, цѣсто." Неясна этимологія этих слов в виду

прѧжить «жарить»; *т*вяты, которое Колосовъ [1]) отмѣтилъ во многихъ южно и восточно-великорусскихъ говорахъ (не только Воронеж., Курск., Орловск., Ливенск., Юхновск., Холмск. Псков. губ., Ситкарск., гдѣ бы можно было заподозрѣть вліяніе мало- или бѣло-русскихъ говоровъ, но и Горбатовск. Нижегор. губ., Ковровск. Владимир. губ., Чебоксар. Казан. г., Симбир.), при чемъ Мотовиловъ [2]) также отмѣтилъ *т*ьвѣтъ въ Симбир. и Буинск. у. Симбир. губ.; только мнѣ кажется, что *т* здѣсь не изъ *к*, какъ думалъ Колосовъ, а изъ *ц*, и причину появленія *т* (мягкаго) я вижу въ томъ, что въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ *ц* мягкое необычно, а здѣсь въ положеніи передъ мягкимъ сочетаніемъ *вѣ* (*вя*) и т. п. требовался мягкій звукъ, и вотъ вмѣсто мягкаго дифтонга *ц* явился мягкій *т* подобно тому, какъ встрѣчается и *с* вм. *ц* [3]), такъ что въ одномъ случаѣ остается одна составная часть дифтонга *ц*, въ другомъ другая; что̀ же касается бѣлорусск. твицѣли, твято̀чекъ, то, по мнѣнію Карскаго [4]), здѣсь *т* представляетъ лишь орѳографическую неточность. Общерусскими можно назвать слова: нако, натеко «возьми»,-те, николи «никогда», нягоже «нехорошо» (разумѣется, кромѣ измѣненія *е* въ *я*, которое свойственно спеціально «акающимъ» говорамъ). Ничего нельзя сказать опредѣленнаго по поводу такихъ переиначеній иностранныхъ словъ, какъ облокатъ, двухакатъ, прокуронъ. Бѣлорусско - южновеликорусскими можно признать: Ахимья; во-ляди, поляка «посмотри» (указыв. на произношеніе *г* какъ *h* латин.); встрѣлись; мянѐ; квакуха «паѣдка» (въ словарѣ Даля: смолен.); закутать «затворять», откутай (вѣроятно, *а*ткутай, какъ отмѣчено А. В. Ветуховымъ [5]) въ Старобѣльскомъ у. Харьковск. губ., также аткута̀ть) «отвори»; Яхимъ; яешня «яичница» (срв. *яец* въ Воронеж. Колосов. 118). Бѣлорусско - великорусскимъ слѣдуетъ признать также ужо «немного спустя», ёнъ [6]) «онъ» — яны, кужнинъ [7]). Общимъ для южновеликорус., бѣлорус. и малорусскаго являются: *у* вм. *в* въ выраженіи: у лтесъ, также нѣкоторыя

серб. прживти, болг. пръжж (Дювернуа), литов. spirgiti (Kurschat); срв. А. А. Потебни, К истор. звук. III, 113—114.

[1]) О. с. 180.

[2]) „Симбирская молва“ въ «Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Н.», т. XLIV, № 4 прилож. стр. 31.

[3]) Колосов., О. с. 180.

[4]) «Обзоръ звук. и формъ бѣлорус. рѣчи,» 65.

[5]) «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.» (оттискъ изъ Р. Ф. В. 1893), стр. 2, 15.

[6]) Колосовъ, Обзор. 130, Карскій, Обзоръ 57; также и въ сѣв. вкрусс.: Соболевскій, Жив. Стар. 1892, вып. II, стр. 4.

[7]) Колосов., ib., 169 (и въ сѣв. великор.)

слова и формы: тымъ «тѣмъ», Хвѣдоръ [1]), чутко «слышно» (малор., бѣлор., а у Даля западн.), по малу «тихонько». Можетъ быть, къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести и отмѣченныя Далемъ, какъ южн. или южн. зап., завчоръ «третьяго дня», понька «шерстяная юбка» и сѣчька «тяпка». Восточно-малорусскимъ или южновеликорусскимъ по мягкости *р* надо признать порстуйся «подвинься» (основн. значен. «спасайся», «берегись»), хотя въ такой формѣ оно и въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича, но, вѣроятно, или по недоразумѣнію или взято изъ мѣстности нечисто-бѣлорусской. Бѣлорусско-малорусскимъ можно назвать: твердость *л* въ болше [2]); гомонить «шумѣть» (предполагая соотвѣтствующія бѣлорусскому измѣненія *о* неудар. въ *а*); горщокъ (скорѣе бѣлорус., если измѣнить *о* неудар. на *а*, такъ какъ въ малорус., кажется, болѣе обычно гóрщик съ друг. суффиксомъ); кавзаться не «выѣзжать на показъ», какъ толкуетъ авторъ статьи, а «кататься» (по льду или на лошади), основное же значеніе «скользить» (чешск. klouzati) [3]); что касается *а* вм. *о*, то оно можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и перепначеніемъ малорусскаго на южно-великорусскій ладъ; морква «морковь»; нярошъ «не трогай» (вѣроятно, искажено вмѣсто не рýш, можетъ быть, подъ вліяніемъ великорус. нетрошь, т. е. не трожь «не трогай»); Пилипъ; нерепечька; сховать; Прячистая «праздникъ Успенія Божіей матери» (вѣрнѣе, бѣлорус., какъ показыв. и *я* вм. *е*; само по себѣ впрочемъ неубѣдительное слѣдствіе упомянутой возможности перепначенія: въ малорус., по Пискунову,— всѣ Богородичные праздники, а въ бѣлорус. (Носовичъ) преимущ. Успеніе). Матушъ, вѣроятно, перепначеніе на великорусскій ладъ бѣлорусско-малорусскаго матýся. Можетъ быть, случайно только въ малорусскомъ словарѣ найдено мною кузня «кузница». Подпирязаться «подпоясываться» можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и великорусскимъ акающимъ (кромѣ неточности *о* вм. *а*) произношеніемъ малорусск. *підперезацця*. Кажется, спеціально бѣлорусскимъ надо признать слѣдующее: твердость *р* въ брытый (твердое *р* свойственно бѣлорусскому и частію западно-малорусск; мягкое— восточно-малорус.); дычька (хотя удареніе не поставлено, однако по *ы* въ первомъ слогѣ нетрудно догадаться, что оно на концѣ, какъ въ малорусск. и бѣлорусскомъ въ этомъ словѣ, но измѣненіе безударнаго *о* въ *ы* [4]) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, свойственно именно

---

[1]) Колосов. 171; Будде приводитъ изъ Касимов. Ряз. г. (рецензія Соболевскаго въ «Жив. Стар.» 1893, II, 256).

[2]) Карскій 59, Потебня «Два изслѣдов.» 130.

[3]) *в* здѣсь изъ *л*.

[4]) Карскій, «Обзор. зв. и ф. 52». Срави. также Шахматова, «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 284—285.

бѣлорусскому: великорусск. переиначеніе было бы д а ч к а, а не д ы ч ь к а); м о з а г ъ «мозгъ» (вѣроятно, слѣдуетъ читать м ò з а к, у Носовича м ò з о к ъ не вполнѣ вѣрно фонетически; малорус. м і з о к); п о п р ы ж е, п р ы т к о м ъ (бѣлор. п р ы д к і й. малор. п р ỳ д к и й); п е р е п л а в н о е — «преплоовенье»; особенно форма п я е т ъ «поетъ», такъ какъ въ малорус., по крайней мѣрѣ восточномъ, форма * п і є́. кажется, необычна, а обыкновенно только с п і в à є[1]), но въ бѣлорусск. именно первая форма и съ измѣненіемъ неудар. *ѣ* въ *я*: п ѣ ю́, п ѣ е ш ъ (словарь Носовича).

Редакторъ въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева приводитъ еще замѣченныя членомъ статистической экспедиціи П. П. Зайцевскимъ несомнѣнно бѣлорусскія черты: 1) «дзяканье», спорадически встрѣчающееся впрочемъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ: *дз*ядя, *дз*януть (sic!), іонъ лгець 2) «господство *у*»: в а у к ъ[2]): твердость *р*: трабуха вм. требуха. кручокъ, но рядомъ съ этимъ малорусск. «у соро*ци* на х*ви*стѣ».

Преобладаніе бѣлорусскихъ чертъ, кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе В. И. Даля, подтвержденное архивными разысканіями П. П. Мельникова, что это «таже мензелинская шляхта», т. е. Бѣлоруссы, поселенные здѣсь, какъ и въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ восточной Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ XVII столѣтіи [3]), къ которымъ потомъ, можетъ быть, присоединились малорусскіе выселенцы въ XVIII в., когда эти земли были пожалованы графу Разумовскому, отъ котораго онѣ перешли къ князю Кочубею и Лубяновскому. Впрочемъ управляющій имѣніемъ кн. Кочубея г. Праль, по словамъ редактора Ниж. Сборника Гацисскаго, объяснилъ, что жители этихъ селеній были переселены «изъ л и т о в с к и х ъ губерній и принадлежатъ къ л и т о в с к о м у п л е м е н и», но что документальныхъ свѣдѣній въ конторѣ имѣній не имѣется [4]); эти слова опять указываютъ на Бѣлоруссію, которую смѣшивали съ Литвой. Къ сожалѣнію, я еще не имѣлъ пока возможности непосредственно познакомиться съ этими интересными говорами и провѣрить приведенныя данныя, а также убѣдиться, на сколько сохранились

---

[1]) Впрочемъ А. А. Потебня говорилъ, что с п і в à ю, т. е. *въ с-п ѣ в а ю («Два изслѣдованія» 135, «Разборъ сочин. Житецкаго 63, «Слово о полку Игоревѣ» 20, «Объясненія малорусскихъ и сродн. пѣс.» «II, стр. 58, сноска) употребляется о людяхъ, а п і ю о животныхъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ встрѣчается въ правобережной Украйнѣ (у Номиса въ «Украинські приказки, присліввя»... стр. 118: як уміем, так и п і є м со ссылкой на Бердичевъ и Радомысль) и въ галицкомъ (у Головацк въ Сборникѣ: чому кури не п ѣ е т е? ч. I, стр. 44.

2) Странно *а* вм. *о* подъ ударен.; не родит. ли падежъ в а у к а? (вмѣсто *в о л к а́ съ такимъ удар. въ южновеликор.)

[3]) Ниж. Сборн. V, 337; Рус. Вѣстн., мартъ 1873, 290—291. О поселеніи Полоцкой шляхты въ Закамской сторонѣ въ 1668 г. у Перетятковича, стр. 258.

[4]) Нижегор. Сборн. V, 337.

еще въ этихъ говорахъ западно-руссскія особенности; но неудовлетворительность записаннаго ясна уже изъ того, что напр. ничего не сказано о произношеніи *г* (какъ лат. *h* или какъ лат. *g*). Прибавлю, что нѣкоторыя западно-руссскія слова находимъ тоже въ деревняхъ, не отмѣченныхъ цвѣтомъ «пановъ». Такъ въ Ульяновкѣ, отмѣченной на картѣ съ говоромъ «среднимъ между *а* и *о*» (въ юговосточной части Лукояновскаго уѣзда, на рѣкѣ Инсарѣ), что вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ ея говора священника Доброзракова [1]), указаны въ этомъ описаніи слова бажаю (желаю) и ховать (спрятать).

Такимъ образомъ, на сколько намъ позволяютъ судить историческія данныя, русское населеніе Лукояновскаго края составилось изъ переселенцевъ изъ различныхъ губерній, хотя господствующій типъ его долженъ былъ обусловиться населеніемъ сосѣднихъ, ближайшихъ мѣстностей. Но, кромѣ старыхъ поселеній, время и происхожденіе которыхъ въ точности неизвѣстно, мы изъ приложенныхъ къ нашей картѣ примѣчаній узнаемъ точно, откуда именно выселены жители нѣкоторыхъ селъ. Источникъ свѣдѣній, сообщаемыхъ составителемъ карты, мнѣ неизвѣстенъ, но приведу эти свѣдѣнія, какъ они записаны вмѣстѣ съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ особенностей рѣчи. Эти свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ исторіи сосѣднихъ мѣстностей—Тамбовскаго края съ одной стороны и средняго и нижняго Поволжья съ другой, и что мы предположили только по аналогіи для занимающаго насъ края.

„Дер. Мерлинка —часть жителей (28 семействъ) переселенцы изъ Тульской, Рязанской и Калужской губерн. Калужане говорятъ яго.

„Дер. Волчиха —почти всѣ переселенцы изъ Тамбовской губ.—говор. на *о* (ёнъ-то); остальные, здѣшніе жители, говор. на *а*.

„Дер. Надёжино переселенцы изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда. Говорятъ: вмѣсто корецъ—цанальникъ, мастюга (мал. горшокъ).

„Дер. Петровская—переселенцы изъ Пензенской и Тамбовской губ.; говорятъ на *а*, съ цоканьемъ; переселенцы же изъ Сергачскаго уѣзда говорятъ на *о* и не цокаютъ.

„Дер. Елховка—переселенцы изъ Княгин. уѣзда говорятъ чисто на *о*.

„Дер. Верякушка —выселокъ изъ села Кріуши (Лук. уѣзда) и Пензенской губерніи (деревни Мелызанъ), говор. на *а*, прицокиваютъ.

Село Рождествено. Есть переселенцы изъ Суздаля (80 лѣтъ?) [2]), говоръ на *о* и *а*. Употребляютъ въ будущемъ времени сягётъ вм. сягнетъ: жжетъ вм. ждетъ; другеи.

---

[1]) Этнограф. Сборн., издав. Имп. Русск. Геогра[. Общ., вып. 1 (Спб. 1853), стр. 35—37.

[2]) Послѣднее слово въ рукописи неясно.

Дер. Березовка выселокъ изъ Пузы (Лук. уѣзда) и частію изъ Курской губерніи.

Село Николай - Даръ—переселенцы изъ Рязанской губерніи.

Д. Мал. Силино—Семеновскаго уѣзда, говор. чисто на *о*.

Д. Орловка—часть Мордвы и переселенцы изъ Орловской губ., гов. на *а* (яго).

Д. Нелой } выселокъ изъ Пензенской губерніи.
Д. Елевъ Врагъ

С. Рубцово—коренные жители гов. чисто на *о*, а переселенцы изъ села Сантовки (Лук. уѣзда) гов. на *а* и цокаютъ; вмѣсто *ть* говор. *ць*: дѣла*ць*, работа*ць* и пр.

С. Теплое—говоръ на *а*; сильно акаютъ, говорятъ гажй вм. гожи, чаво и проч.; въ среднемъ родѣ употребляютъ прилагательное женскаго рода «какая добро»; употребляется слово батманчикъ (10 фунтовъ).

С. Шелангà—гов. на *а*; вмѣсто осэудѣли—искудѣли.

С. Акаево—сильно акаютъ, говор. магёшъ, мельницывъ.

С. Поля Хованская—цокаютъ и чвакаютъ, но не сильно. Говорятъ кесь вмѣсто кажись.

С. Поля Казенная (на *а*)—цокаютъ и употребляютъ кесь, перинёкъ (паренекъ), сѣновъ и пр.

Д. Степановка (на *о*)—цокаютъ, говорятъ: удоблять землю.

С. Ильинское (на *а*)—цокаютъ, говорятъ: шòлга (рычагъ).

Б. Пуза (на *о*)—цокаютъ; толика вмѣсто часть, сустанется (станетъ), рукомесло (ремесло)».

Къ сожалѣнію, всетаки эти свѣдѣнія о переселенцахъ далеко не полны, и, какъ видимъ, составитель о многихъ селахъ не могъ сказать, откуда выселены ихъ жители, и ограничивался указаніемъ особенности ихъ произношенія или словаря. Нѣкоторыя свѣдѣнія о переселенцахъ находимъ также въ статьѣ о Лукояновскомъ уѣздѣ Н. И. Русинова. Именно, тамъ говорится (стр. 27, Ниж. Сборн., т. II): «Въ Лукоян. у столько было и есть въ настоящее время (т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ) незаселенныхъ площадей, что съ-издавна уѣздъ привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ... юго-западный край какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ состоялъ только изъ двухъ деревень Шутилова и Обуховки, тогда какъ нынѣ онъ составляетъ двѣ волости и 14 деревень[1]), изъ нихъ: Орловка вывезена изъ Орловской губ., Бутцкое изъ Княгининск. уѣзда, Пруды и Гремячка изъ Василевской волости Лукоян. у.,

[1]) Срв. Соболевскаго, Жив. Старина, 1892, вып. I. стр. 21 и сноска 7.

Елховка—ч. изъ Пензенской губ., ч. изъ Княгин. у., Петровка изъ Обуховки, Григорьевка —изъ Пензенской губ., Чеварда изъ Княгининск. у., Русиновка изъ Тамбовск. губ., изъ Макарьевск. и Княгининск. у Нижегородск. губ., Елевъ Врагъ изъ Пензен. губ., Василевъ Врагъ (его нѣтъ на нашей картѣ) изъ Шутилова и Нелей изъ Пензен. губ»... Эти свѣдѣнія частію повторяютъ и подтверждаютъ нѣкоторыя изъ находящихся у насъ, частію даютъ нѣчто новое.

Мы должны обратить вниманіе на то, что есть переселенцы *о*кающіе изъ завѣдомо *а*кающихъ губерній, напр. о селѣ Николай Даръ, окрашенномъ въ черный цвѣтъ, слѣдоват. *о*кающемъ, сказано: «переселенцы изъ Рязанской губ.» Но если мы замѣтимъ при этомъ, что въ тотъ-же черный (*о*кающій) цвѣтъ окрашена деревня Недёжино, переселенная изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда, и что съ другой стороны этотъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ самую сѣверную лѣвобережную заокскую часть губерніи, смежную съ *о*кающими восточными частями (Богородскій уѣздъ) Московской и западными частями Владимирской губ., завѣдомо окающей, исключая нѣкоторыхъ самыхъ южныхъ ея мѣстностей, примыкающихъ къ Тамбовской и Касимовскому уѣзду Рязанской губ., то мы можемъ предположить, что и переселенцы села Николай-Дара, какъ и переселенцы Надёжина, были изъ сѣверной, смежной съ *о*кающими мѣстностями и, вѣроятно, также *о*кающей части [1]) Рязанской губ., хотя, къ сожалѣнію, мы объ уѣздѣ переселенцевъ перваго не находимъ точныхъ указаній. Изъ списка узнаемъ также, что деревня Волчиха, окрашенная на картѣ въ красный (*а*кающій) цвѣтъ, имѣетъ *о*кающихъ переселенцевъ изъ Тамбовской губ., и что только здѣшніе жители говорятъ на *а*; что и въ Тамбовской губ., въ большинствѣ *а*кающей, въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверныхъ, уѣздахъ могутъ встрѣтиться *о*кающіе говоры,—это несомнѣнно, если обратимъ вниманіе на исторію колонизаціи этого края (срв. «Очерки»... Дубасова); къ сожалѣнію только, наше невѣжество въ діалектологіи заставляетъ насъ предполагать, а не утверждать навѣрно. [2])

---

[1]) Мнѣ кажется, что замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго о несомнѣнности сильнаго *а*канья даже с ѣ в е р н ы х ъ говоровъ Рязанской губ. слишкомъ рѣшительно (Жив. Стар. 1892, вып. I, стр. 18). Правда, по Будде («Къ діалектологіи великор. нарѣч.», рец. Соболевскаго въ Ж. Стар. 1893, II, 256) и въ Касимовск. у. акаютъ, но нельзя навѣрно утверждать, чтобы въ сѣв. части напр. Егорьевскаго у. не встрѣтилось окающихъ селъ. Самъ Соболевскій считаетъ исконными сѣверно-великорусскія черты, встрѣчающіяся въ смѣшеніи съ южно-великор. въ Касимовскомъ говорѣ.

[2]) О говорахъ Тамбовской губ. слѣдуетъ сказать тоже, что проф. Соболевскій замѣтилъ объ акающихъ говорахъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. (Ж. Ст. 1892, I, 21); среди акающихъ говоровъ здѣсь могутъ встрѣтиться говоры съ мѣной *ц* и *ч*, оканьемъ и друг. сѣверными чертами; онъ самъ приводитъ извѣстіе изъ Тамб. вѣдом. о выселенцахъ въ Спасскій уѣздъ съ сѣвера (изъ Пошехонскаго и Бѣлозерск. у. (ibid. сноска 7).

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русиновымъ, узнаёмъ, что село Русиновка, окрашенная въ *а*кающій цвѣтъ, имѣетъ переселенцевъ не только изъ Тамбовской г., но также и изъ завѣдомо *о*кающихъ Макарьевскаго и Княгининскаго (въ послѣднемъ *а*канье только мѣстами въ южной части) уѣздовъ Нижегородской губ.

Изъ приложенныхъ къ картѣ свѣдѣній мы узнаёмъ также, что такъ называемые я г у н ы могутъ не совпадать съ п а н а м и и п о л я к а м и и т. п., т. е. могутъ быть переселенцами не изъ Бѣлоруссіи, а изъ центральныхъ, южновеликорусскихъ губерній (Калужской, Орловской, Курской); а бѣлорусское измѣненіе *ть* въ *цъ* находимъ въ селѣ Рубцовѣ у переселенцевъ изъ села Сантовки. Откуда выселились жители послѣдней, мы не знаемъ; можетъ быть, это тоже остатокъ нѣкогда бывшихъ здѣсь бѣлорусскихъ поселеній.

Я уже упоминалъ выше, что *и*канье кроется, вѣроятно, въ терминѣ «говоръ средній между *а* и *о*», употребленномъ составителемъ карты. По терминологіи проф. Соболевскаго это говоры «умѣренно акающіе». Дѣйствительно, въ Ульяновкѣ, по описанію Доброзракова, сильно распространено *и*канье, т. е. измѣненіе неудар. *е* (изъ первонач. *е* и *я*) въ *и*, при чемъ это измѣненіе чередуется съ измѣненіемъ *е* послѣ шипящихъ въ *а* (ч*а*вò, ж*о*вáть при з*и*млй, гр*и*дà и т. п.) [1]). Такое-же иканье извѣстно и во многихъ говорахъ Сергачскаго и Курмышскаго [2]) уѣздовъ, напр. въ описанномъ мною въ «Archiv für slav. Philologie» X, 350—351 говорѣ села Теплаго Стана, гдѣ также послѣ шипящихъ и *j* въ слогѣ передъ удареніемъ вмѣсто *и* является *а* (примѣры изъ моей замѣтки извлечены и приведены проф. Соболевскимъ на страницахъ «Живой Старины»). Такіе средніе говоры должны быть особенно свойственны полосѣ переходной отъ сѣверновеликорусскаго къ южновеликорусскому нарѣчію. Въ этой переходной полосѣ и лежатъ южные уѣзды Нижегородской и западные Симбирской губ. Иногда болѣе или менѣе точными границами служатъ рѣки[3]). Такъ въ Курмышскомъ уѣздѣ такой границей служитъ рѣка Пьяна, къ сѣверу отъ которой *о*каютъ, къ югу же почти

---

[1]) Этногр. Сборн. I, 35, Соболевскій въ «Жив. Старинѣ» 1892, 1, стр. 22.

[2]) «Жив. Стар.» ibid.

[3]) Какъ иногда трудно провести границы сѣверно и южно-великорусскихъ говоровъ доказываетъ замѣчаніе Колосова, что во Владимирской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу, т. е. наоборотъ ожидаемому («Замѣтки о яз. и народн. поэзіи въ области сѣв. великор. нарѣч», 288). А. А. Шахматовъ, однако, указываетъ на то, что *и*кающіе говоры (*и* въ нихъ изъ закрытаго *е* послѣ небныхъ согласныхъ) одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно-и въ южно-великор., т. е. соединяться съ *о*каньемъ и съ *а*каньемъ («Изслѣдов. въ области русской фонетики», стр. 199—202...). Болѣе заслуживаютъ названія говоровъ «среднихъ между *а* и *о*» говоры «неокающіе», т. е. сохраняющіе въ слогѣ передъ ударнымъ *о* склоненіе къ *а* (ibid., стр. 263).

исключительно *а*каютъ (*о*кающіе говоры, какъ Олферьевскій у истоковъ Пьяны, составляютъ здѣсь исключеніе, встрѣчающееся, однако, и южнѣе, въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ). Тоже приблизительно относится и къ западному сосѣду Курмышскаго уѣзда, къ лежащему также въ бассейнѣ рѣки Пьяны уѣзду Сергачскому Нижегородской губ., хотя, судя по упомянутой въ началѣ нашей статьи неполной картѣ, въ самой южной части уѣзда, прилегающей къ Лукояновскому, довольно много «окающихъ» селъ. Въ слѣдующемъ, лежащемъ въ бассейнѣ р. Пьяны къ западу и сѣверо-западу отъ Сергачскаго Княгининскомъ уѣздѣ (центральномъ въ Нижегородской губ.), по описанію, приложенному къ картѣ, въ сѣверной части р. Пьяны *о*каютъ, а въ изгибѣ Пьяны «оканье слабѣе, выговоръ ближе приближается къ нашему» и одно село (Инкино) акаетъ. Хотя Лукояновскій уѣздъ находится южнѣе этихъ трехъ уѣздовъ и идетъ паралельно съ Ардатовскимъ Симбир. губ., всетаки и тамъ, какъ видимъ изъ карты и описанія, *а*канье перемѣшано съ *о*каньемъ, но акающихъ селъ больше къ югу отъ р. Алатыря, чѣмъ къ сѣверу отъ него, и въ самомъ Лукояновѣ, лежащемъ въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, *о*каютъ.

Кромѣ общей характеристики говоровъ въ объяснительной запискѣ, приложенной къ картѣ, находимъ и приведенныя, правда, безъ всякой системы, отдѣльныя слова и выраженія (формы), употребительныя въ данной мѣстности. Обращу вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

О селѣ Рождественѣ сказано, что тамъ употребляется въ будущемъ времени с я г ȍ т (ъ) вм. сягнетъ; эту форму 3 л. ед. ч. я производу отъ перво-образной основы с я г-(—ст.-сл. с ѧ г-) безъ суффикса *н*, которую находимъ въ глаг. д о с я ч ѝ—д о с я г у̀. Особенность образованія здѣсь въ томъ, что *г* передъ *е* осталось несмягченнымъ, а *е* подъ удареніемъ измѣнилось въ *о*, вѣроятно, черезъ посредство *ё*. Въ отношеніи неизмѣняемости гортаннаго въ шипящій и переноса ударенія на суффиксальный слогъ подъ вліяніемъ ф. 1 л. (сравн. д о с я г у̀—д о с я̀ ж е т ъ), а можетъ быть, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи удержанія ударенія на суффиксальномъ слогѣ, если считать, что въ м ȍ ж е ш ь при м о г у̀ удареніе отодвинуто назадъ [1]); эту форму слѣдуетъ сопоставить съ формой м а г ё ш (ъ), т. е. *могёшь, вм. м ȍ ж е ш, употребляемой въ селѣ Акаевѣ.—Тамъ-же говорится «жжетъ» (вѣроятно, ж ж о т)

---

[1]) По мнѣнію Ф. Θ. Фортунатова, м ȍ ж е ш и серб. м ӧ р е ш, м ӧ р е съ болѣе древнимъ удареніемъ, чѣмъ рус. м о г у́, серб. штокав. м ό г у, такъ какъ наоборотъ суф. 1 л. ед. ч. ст.-слов. ѫ рус. серб. (въ немногихъ глаголахъ) у съ первонач. длительной долготой перетянулъ на себя удареніе еще въ общесловенскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего б о р у́, м о г у́ (ст.-сл. б о р ѫ̑, м о г ѫ) при греч. φέρω и т. п. Слѣдов. вѣрнѣе сказать, что удареніе въ м а г ё ш подъ вліяніемъ м о г у́.

вм. «ждетъ» (вѣроятно, точнѣе вмѣсто жджёт или жџёт, употребляя для сложнаго звучнаго *дж*, соотвѣтствующаго незвучному *ч*, сербскій знакъ џ) [1]).

Форма «другеи» (несомнѣнно, другéи съ удареніемъ на *е*) указываетъ на очень интересное явленіе въ склоненіи прилагательныхъ, а именно на то, что вм. звука *ы* при ударепіи на немъ является послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, звукъ *э*, т. е. *е*, не смягчающее предыдущаго согласнаго, послѣ же гортанныхъ вмѣсто *и* (изъ древне-русскаго *ъі*) другихъ говоровъ является *е*, смягчающее предыдущій согласный, т. е. качество гласнаго *ѐ*, замѣнившаго ы̀, зависитъ отъ качества предъидущаго согласнаго. Эти *э* и *е* проходятъ затѣмъ по всѣмъ падежамъ множ. ч., захватывая творит. и мѣстн. пад. муж. и средн. р. единственнаго: худэ̀и, простэ̀и, толстэ̀и, молодэ̀и, гнилэ̀и, сырэ̀и, бол'шэ̀и (*ш* въ этихъ говорахъ твердо) и т. п., худэ̀х и т. п.,—э̀м,—э̀ми. и т. д., мѣстн. един. *ф* худэ̀м, *в* гнилэ̀м и т. п., но такéи, другéи,—éх,—éми (глухѐмй дорòгáми), *ф* такéм мѣс'тѣ и т. п. [2]).

Формы эти очень распространены въ разныхъ говорахъ средней полосы какъ окающихъ такъ и акающихъ. Колосовъ [3]) напрасно называетъ эти говоры имѣющими оттѣнокъ бѣлорусскаго нарѣчія. Если-бы это было такъ, то пришлось бы признать бѣлорусскій отмѣнокъ едва ли не во всѣхъ говорахъ средне-волжскаго бассейна. Самъ Даль [4]) приписываетъ формы инéи (вѣроятно, инэ̀и), сухѐи, правда, мѣстами, всей лежащей на правомъ берегу Волги полосѣ Нижегородской губ. (Горбат., Нижегород., Княгин, Вас. у.), мнѣ же удалось слышать ихъ, кромѣ говоровъ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. (на *о* въ сѣв. части, на *а* въ южн. ч.) и Нижегородской губ. (Василь-Сурскаго. Макарьевскаго и случайно отъ крестьянки села Павлова

---

[1]) Я употребляю знакъ ё для извѣстнаго звука, близкаго къ *о*, но нетожественнаго съ нимъ не только въ томъ отношеніи, что онъ слѣдуетъ за небнымъ согласнымъ, но и въ самомъ характерѣ звука. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой весьма важной статьи О. Е. Корша «Beobachtungen über die Aussprache des russischen» (Archiv für slav. Philologie III, 666—684), гдѣ опредѣленъ характеръ звука ė (вмѣсто *е* въ извѣстныхъ случаяхъ) въ московскомъ нарѣчіи.

[2]) Я позволю себѣ оставлять при записываніи особенностей говоровъ букву *ѣ* пока еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли *ѣ* вполнѣ совпадаетъ съ *е* въ данномъ говорѣ, предполагая подъ *ѣ* звукъ, близкій или тожественный съ *е*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе *ѣ* для меня представляется важнымъ при указаніи нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей говоровъ.

[3]) «Обзор. звуков. и формальн. особенностей народн. русск. яз.», 229.

[4]) «О нарѣчіяхъ», 56—58.

Горбатов. у.), также и отъ крестьянъ Владимирской г. Покровскаго у. [1]) (въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ), Тверской Корчевскаго [1]) у. (въ Петербургѣ, въ клиникѣ Вилье) и Оренбургской [1]) г. (случайно въ вагонѣ желѣзной д.). Кромѣ того, странно было предполагать въ этомъ явленіи вліяніе того нарѣчія, въ которомъ подобныхъ формъ до сихъ поръ не было извѣстно, когда ихъ возможно объяснить фонетическими и морфологическими причинами, вытекающими изъ свойствъ мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ. Бѣлорусскимъ оттѣнкомъ можно было бы назвать именит. п. един. ч. муж. р. или дат., твор. и мѣстн. един. жен. р. на эй, такъ какъ подобныя формы были извѣстны уже давно въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ [2]), но послѣдняго какъ разъ не знаютъ наши говоры. Только въ послѣднемъ недавно вышедшемъ трудѣ Карскаго [3]) находимъ формы множ. ч., почерпнутыя изъ Сборника Романова съ указаніемъ на Сѣнскій и Оршанскій уѣзды, на эя (—ыя) и т. п.: половэя, старэя, чужоя, лубянэя, такэя. Въ болѣе раннемъ трудѣ Карскаго «Обзоръ звук. и формъ»... я ничего подобнаго не находилъ. Но и теперь, когда въ области бѣлорусскаго нарѣчія стали извѣстны подобныя формы, я не вижу никакой необходимости это совпаденіе нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ со средне-великорусскими объяснять непремѣнно вліяніемъ первыхъ на послѣдніе, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ эти формы могли развиться вполнѣ самостоятельно. Я уже предложилъ объясненіе этихъ формъ въ «Archiv für slavische Philologie» X, 350, гдѣ я призналъ въ нихъ явленіе не фонетическое, а морфологическое. Я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ, какъ тѣ—тѣхъ, однѣ—однѣхъ, моѣ, твоѣ, моѣхъ, твоѣхъ,—ѣм,—ѣми и т. д., употребительныхъ въ тѣхъ же говорахъ; этимологическое ѣ въ нихъ доказывается какъ произношеніемъ (не е́) такъ и исторіей русскихъ и другихъ словянскихъ нарѣчій. Что касается формъ косвенныхъ падежей, то ѣ здѣсь было уже въ древне-русскомъ и старословянскомъ; напомню нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго, напр. Повгород. I лѣтописи по Синодальн. списку (фототипич. издан.): онѣмъ (дат. множ.) 179, 193, самѣхъ 203, инѣхъ 35, 36, 41, 42, 81, 141 и мн. др., одинѣхъ 178, хотя нерѣдко и по образцу склоненія слитныхъ прилагательныхъ: онѣихъ 77, 180, инѣихъ 171, 181, 190 и др.; не говорю объ обще-извѣстныхъ въ др.-русскомъ, старо-словянскомъ и другихъ словян-

---

[1]) Эти три говора на *о*.

[2]) Карскій, Обзоръ зв. и формъ бѣлорус. р., 137; Потебня, Два изслѣдованія, 59. Колосов., Обзор. 225, 229.

[3]) «Къ истор. зв. и формъ бѣлорус. рѣчи» (Рус. Фил. Вѣстн. 1893, № 3, стр. 64, 57).

скихъ нарѣчіяхъ тѣхъ, вьсѣхъ [1]) и т. д. Эти формы косвенныхъ падежей дѣйствовали съ одной стороны на формы косвенныхъ пад. другахъ мѣстоимeній, гдѣ по фонетическимъ условіямъ должно было явиться *и* вм. *ѣ*. а съ другой стороны на формы именит. множ., гдѣ также искони и въ твердыхъ основахъ по извѣстной причинѣ (изъ дифтонга *oi* съ длительной долготой, по мнѣнію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова) являлось *и* вмѣсто *ѣ*; такимъ образомъ въ діалектахъ явились съ одной стороны формы сѣх(ъ), моѣх(ъ) и т. п. вмѣсто старыхъ сихъ, моихъ и т. п. (отъ имен. ед. сь, мой и т. п.), напр. уже въ XV-мъ столѣтіи: въ сѣхъ строкахъ Послан. духовенства къ Шемякѣ 1447 [2]), въ XVI-мъ в.: до сѣхъ мѣстъ (рѣчь патр. Іова 1598 г.) [3]), сѣми часы (письмо В. кн. Василія III къ супругѣ Оленѣ 1526—1530) [4]), въ XVII в. по сѣхъ мѣстъ (куранты 1665 г.) [5]), въ соврем.: по сё̈х пор (слышано мною въ дер. Плетнихѣ Василь-Сурскаго у. Нижегородской губ.), моѣх, моё̈м твоё̈х и т. п. (въ разныхъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской губ.), съ другой стороны имен. множ. онѣ, тѣ, однѣ, всѣ и т. п. вмѣсто они, ти, *одини, вьси и т. п., далѣе при моѣх также моѣ и т. п., сѣ при сѣхъ. Кромѣ того, имен. пад. множ. ч. на *и* породилъ и въ косвен. пад. формы съ *и* вм. *ѣ*, которыя являются довольно рано: въ древ. новгородскомъ нарѣч. всімь, всихъ, всими, всимъ, тимь (твор. един.), тимъ, тими [6]), соврем. бѣлорус. всих, всими [7]) и т. п., соврем. литерат. однѝх и т. п. Я не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что формы тѣ, однѣ, самѣ (уже въ памятникахъ [8]) XIV в.) вызваны формами всѣ, сѣ, которыя, какъ и моѣ, суть собственно формы стараго винит. п. множ. ч. [9]) (*ѣ* изъ сочетан. гласн. съ носовымъ, соотвѣтственно съ

---

[1]) По предположенію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова, формы множ. ч. и нѣкоторыя един. ч. (твор. вьсѣмь) этого мѣстоименія предполагаютъ имен. *вьхъ= литов. visas; при такомъ предположеніи является понятнымъ *ѣ* вм. *и*, ожидаемаго отъ мягкой основы вьсь: вьсѣхъ при *вьхъ тоже, что власѣхъ при влахъ; кромѣ того, ф. съ *х* доказана примѣрами изъ др.-русскаго: Новгор. I лѣт., стр. 175 вхеполъ, грам. Варлаама Хутын. 1192 г. вхоу (вин. ед. жен. р.); что касается вьсь, то оно образовано такъ-же какъ и отьць, кънѧꙃь и т. п.

[2]) Христом. Пенинскаго 1843 г., стр. 409 (изъ актовъ, издан. Археограф. ком.).

[3]) Ibid. 384.

[4]) Буслаевъ, Историч. христомат. 754.

[5]) Ibid. 1143.

[6]) Шахматовъ, О языкѣ Новгород. грамотъ, 195.

[7]) Соболевскій, Лекціи, 135; Карскій, Обзоръ зв. и ф. бѣлор. р., 135.

[8]) «Изслѣдованія въ области русской грамматики», 35. Нѣчего напоминать о томъ, что различеніе въ правописаніи литературнаго языка они и онѣ, одни и однѣ по родамъ не имѣетъ ни малѣйшей научной подкладки.

[9]) Соболевскій, Лекціи з, стр. 140, Изслѣдованія въ обл. рус. грам. 15; Колосов., Обзор. зв. и ф. особ. 238.

старослов. ѧ); напротивъ, я думаю, что удержаніе формы винит. п. на ѣ въ послѣднихъ обязано вліянію ѣ въ первыхъ, въ которыхъ оно обязано косвеннымъ падежамъ; кромѣ того, ѣ въ формѣ всѣ, хотя и могло бы считаться формой вин. мн., какъ сѣ и моѣ, но естественнѣе выводимо изъ косвенныхъ пад. наравнѣ съ тѣ и т. п. Въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ вліяніе этого ѣ распространяется и далѣе, вслѣдствіе чего являются формы, какъ с̓ кѣх пор (вм.—коих—) въ Курмыш. у. Симбир. губ., гдѣ звукъ *е* нельзя объяснять какъ результатъ стяженія *ои*, а скорѣе какъ перенесеніе изъ формъ тѣх, сѣх и т. п.; мнѣ кажется, что, если бы въ корнѣ этого мѣстоименія былъ согласн. негортанный, то вм. *е* (*ѣ*) мягкаго явилось бы *э* (*е* твердое). Въ тѣхъ-же великорусскихъ говорахъ употребительны и вышеуказанныя формы прилагательныхъ, въ которыя вслѣдствіе поздняго ихъ происхожденія мѣстоименный звукъ *е* (этимологич. *ѣ*) перешелъ, не измѣнивъ твердаго характера предшествующаго согласнаго, обусловленнаго слѣдующимъ за нимъ *ы* или *о* (въ мѣстн. п. един. ч.); такимъ образомъ, по моему мнѣнію, худэ̂х и т. д., а затѣмъ и худэ̂и возникли по образцу тѣх—тѣ, а вслѣдствіе частаго смѣшенія формы мѣстн. пад. съ ф. творит. (сравн. въ тѣхъ-же говорахъ: с'нём вмѣсто с'ним и наоборотъ в ним, фтѣм вм. в нём, в том) и въ мѣстн. един. является худэ̂м по образцу тѣм.

А. А. Потебня, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ формъ въ послѣдній годъ его жизни весною 1891 г., не могъ согласиться съ моимъ объясненіемъ потому, что при дѣйствіи аналогіи онъ ожидалъ бы полнаго совпаденія, т. е. не только звукового характера *е*, но и смягченія предшествующаго ему согласнаго, а именно напр. * худѣ̂х, а не худэ̂х; какъ извѣстно, Потебня не любилъ злоупотреблять объясненіями помощію аналогіи, а потому и здѣсь онъ предпочелъ увидать стяженіе, можетъ быть, изъ формъ * худыех, * молодыех (—ыѣх?), подобныхъ формамъ тыех, добрыех или ситск. горькіеф, чужіеф [1]) и т. п., молодыем робятам [2]) Череп. Новг. г.

Дѣйствительно, говоры праваго берега средней Волги (особенно Нижегородской и Симбирской губ.) богаты примѣрами стяженія; въ говорахъ Курмышскаго уѣзда, напримѣръ, весьма обычны формы: знат вмѣсто зна̂ет, мот, мом, вмѣсто мо̂ет, мо̂ем, цалут вмѣсто цѣлу̂ет и т. п., гдѣ второй неударяемый гласный всецѣло поглощается первымъ ударяемымъ, и

---

[1]) Изслѣдованія въ области рус. грам, 74.
[2]) Колосов, Обзор. звук. и форм. особ., 229, 99—100.

даже п э х ъ л вмѣсто п о ѐ х а л (ъ), гдѣ второй ударяемый гласный ассимилируетъ себѣ первый неударяемый, сохраняя его твердый характеръ, п ы ж ж а̀ й вмѣсто п о ѐ з ж а̀ й, гдѣ сочетаніе неударяемаго *о*, которое, находясь за два слога передъ слогомъ ударяемымъ, должно было измѣниться въ глухой звукъ (*ъ*), съ неударяемымъ *е* (*ѣ*), въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому измѣнившимся, вѣроятно, въ краткое *е*, близкое къ *и*, дало нѣчто вродѣ того, что̀ мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ словянскихъ нарѣчіяхъ изъ сочетанія *ъ* (конечн. гласнаго основы)+*и* (мѣстоименіе) въ окончан. именительнаго падежа единственнаго числа мужск. рода именъ прилагательныхъ (напримѣръ польское d o b r y), т. е. звукъ *ы*; тоже явленіе, что̀ въ п э х ъ л, и въ ч е л э к вмѣсто ч е л о (*в*) ѐ к (ъ). Но для того, чтобы убѣдиться въ происхожденіи х у д э̀ х изъ х у д ы̀ е х и т. п., слѣдовало бы во первыхъ доказать, что послѣднія формы дѣйствительно существовали въ этихъ говорахъ, во вторыхъ доказать возможность стяженія ударяемаго *ы*+неударяем. *е* въ *э* (твердое *е*); что касается перваго вопроса, то думаю, что на него скорѣе слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ доказано существованіе подобныхъ формъ, ясно позднее ихъ происхожденіе изъ именительнаго падежа на *ые*; что же касается второго, то изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ стяженія уже ясно, что ы̀ е [1]) могло дать только *ы*, а никакъ не *э*, которое могло получиться только изъ ы е́ (ы ѐ), т. е. изъ сочетанія неударяемаго *ы* съ ударяемымъ *е* (*ѣ*), хотя вообще примѣровъ стяженія ы е въ этихъ говорахъ мнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пока не вижу никакой причины, почему бы я долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго мною еще семь лѣтъ тому назадъ объясненія. Что касается мѣстоименной формы к ѣ х вмѣсто к о̀ и х (ъ), то и относительно ея не можетъ быть никакого сомнѣнія, что никакого стяженія тутъ нѣтъ, ибо *о́и* никогда бы не дало *е* (*ѣ*), вслѣдствіе чего я это *е* и позволилъ себѣ обозначить буквою *ѣ*, чтобы показать его полное тожество съ *ѣ* въ т ѣ х.

Затѣмъ мое вниманіе останавливаетъ на себѣ частица к е с' (к е с ь) въ значеніи «кажется». Въ Толковомъ словарѣ Даля это слово объяснено такъ: «к е с ь или к е с т ь Влад., Моск., Ряз., Тамб., кажется, кажись, видится, покакъ, будто-бы. К е с ь н а̀-н е б ѣ х о ч е т ъ х м у р и т ь с я». Очевидно, прибавка «или к е с т ь» вызвана ошибочной этимологіей самого Даля, которому казалось, что это вмѣсто к а к ъ е с т ъ; по крайней мѣрѣ иначе я не могу объяснить ея себѣ, такъ какъ фонетически *т'* (т ь) не

[1]) Т. е. сочетаніе ударяемаго *ы*+неударяем. *е* (*ѣ*). При стяженіи въ нашихъ говорахъ вообще всегда одерживаетъ верхъ ударяемый гласный надъ неударяемымъ, въ какомъ бы порядкѣ одинъ за другимъ они ни стояли.

могло бы удержаться. Какъ было упомянуто выше, слово это было отмѣчено Гуляевымъ въ числѣ словъ, употребительныхъ въ Василевѣ Майданѣ у такъ называемыхъ «пановъ». Но, какъ я уже говорилъ, здѣсь нѣтъ ничего западно-русскаго, а ссылка Даля на Владимірскую, Московскую, Рязанскую и Тамбовскую губ. еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Прежде, чѣмъ предложить этимологію этой частицы, я приведу нѣсколько примѣровъ ея употребленія и значенія. Въ разговорѣ, напечатанномъ Колосовымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ I, стр. 163 и перепечатанномъ Смирновымъ въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» 177, изъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ., нѣкто на вопросъ о качествѣ муки отвѣчаетъ: «к е с ь г о ж а» (т. е. «кажись» или «кажется, хороша»). Мною слышано въ с. Тепломъ Станѣ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ.: «како́ [1]) скро̀мны да ти́хи—к е с' кра̀сны дѣ̀вушки»; «к е с' мъл ево̀ го̀лъс» (=«кажется (молъ) его голосъ»). Изъ этихъ примѣровъ видно, что значеніе к е с' (к е с ъ)—«ка̀жется», «кажи̇̀сь», «сло̀вно» и т. п. Надѣюсь, что нарѣчное употребленіе слова к а ж и̇́ с ь всѣмъ извѣстно, такъ какъ встрѣчается во многихъ говорахъ, а по этимологіи оно не что иное, какъ повелительное наклоненіе отъ глагола «казаться», употребленное вмѣсто и въ значеніи изъявительнаго. Основываясь на тождественности или по крайней мѣрѣ близости значенія к е с' и к а ж и̇́ с', я постараюсь привести кое-какія соображенія относительно того, что и этимологически они тождественны. Для этого необходимо сдѣлать вѣроятнымъ во-первыхъ выпаденіе извѣстныхъ согласныхъ внутри словъ между гласными и въ частности *ж*, во-вторыхъ стяженіе *а* неударяемаго + *и* ударяемое въ *é*. Что касается перваго вопроса, то на него можно отвѣтить утвердительно. Очень часто въ весьма многихъ говорахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій и въ частности въ разсматриваемыхъ нами великорусскихъ говорахъ такому процессу подвергаются звучные гортанные и зубные (*г*, *h* и *д*); въ нашихъ говорахъ собственно зубные (*д*): г л я и̇́ [2]) (причемъ передъ *и* не слышно *j*) вмѣсто г л я д и̇́ и даже г л я̀ к а, которое могло явиться лишь подъ условіемъ перенесенія ударенія на первый слогъ, сравни южновеликорусское [3]) и малорусское р а̀ и т ь вмѣсто р а̀ д и т ь, напримѣръ у Квитки: «не-

---

[1]) Стяженная форма вмѣсто к а к é и (не пишу *ѣ* потому, что *е* мягкое здѣсь не само по себѣ, а лишь вслѣдствіе положенія послѣ гортаннаго).

[2]) *Я* удерживаю буквы *я* и *ю* при записываніи говоровъ для упрощенія правописанія, разумѣя подъ ними или *а* и *у* послѣ небныхъ согласныхъ (если онѣ написаны послѣ согласныхъ) или сочетанія согласной *j* съ *а* и *у* (если онѣ написаны послѣ гласной или въ началѣ словъ).

[3]) Халанскій, «Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка, II»... (сѣв. ч. Путивльскаго уѣзда Курской губ.): Р. Ф. В. 1886, XVI, 15.

знàты, що громàда н а р à е» (Малор. пов. II, 220); параллельныя этому явленія находимъ и въ южнословянскихъ говорахъ: хорутанск. le вмѣсто gle отъ того же корня *г л ѧ д-, g r e m отъ корня г р ѧ д- (ст.-слов. г р ѧ д ѫ) [1]), болгарское й з в а (д) і Прилеп., г л е (д) а м е, ò (д) і т и другія [2]). Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, которые во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ подвергаются выпаденію между гласными или въ началѣ словъ и наоборотъ иногда появляются вновь; таковы особенно спиранты *в*, *х*, *h*, *j*. Для выпаденія собственно *ж* я не могу привести несомнѣннаго примѣра не только въ нашихъ говорахъ, но и въ другихъ говорахъ различныхъ словянскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что явленіе это наблюдается въ формахъ двухъ глаголовъ, хотя я не отрицаю, что причина его можетъ быть нефонетической.

Во многихъ южно-великорусскихъ, малорусскихъ и южнословянскихъ (болгарскихъ) говорахъ встрѣчаются формы безъ *ж* тамъ, гдѣ оно приходилось между двумя гласными. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Даль въ своемъ словарѣ отмѣчаетъ слѣдующее: «к à е кур(ск). вор(онеж). сокращенное к à ж е, онъ говоритъ или сказалъ, онъ баитъ, молъ, де, дескать. Онъ к à е, не пойду, кàе.....». М. Е. Хэланскій въ числѣ словъ описаннаго имъ Путивльскаго говора Курской губ. [3]) приводитъ глаголъ «к à и т ь говорить», не приведя, къ сожалѣнію, примѣровъ его употребленія, вслѣдствіе чего я позволю себѣ усумниться, чтобы авторомъ дѣйствительно была слышана форма неопредѣленнаго наклоненія к à и т ь, и думаю, что онъ её построилъ теоретически на основаніи слышаннаго имъ 3 лица единственнаго числа к à е или к à э или к à и. Для восточно-малорусскаго можно привести много примѣровъ изъ повѣстей Квитки и сказокъ Манжуры. И замѣчательно, что у Квитки к à э (такъ, съ твердымъ неіотованнымъ *э*, а не *е*) часто чередуется съ к à ж е. Напримѣръ: отъ и к à ж е имъ: «Чòмъ же вы не хрыстòсуетесь?» А Васыль и к à э: «Несмію, пан-òтче!»—«Чомъ несмыты?» к à э Наумъ... (Старый Наумъ выпывъ чàрку горилкы передъ обидомъ, а Васыль неставъ; бо, к à э,ще непочынàвъ іи пыты,.....; отъ Наумъ и кàже......... ёму к à э ш ъ—негодытця; а винъ чухаєтця, та к à э: «ничавò-ста». ..... Ну, намалёвàвшы, та й к à э намъ: «тепéръ, хлòпци, дывитеся, що за кумéдыя бýде». А мы

---

[1]) Разумѣется, съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать специально хорутанско-словѣнскаго и хорватско-чакавско-кайкавскаго выпаденія *d* въ общесловянской группѣ *dj*.

[2]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, 108.

[3]) Рус. Фил. Вѣст. 1886 г. ч. XVI, стр. 14. Впрочемъ выпаденіе *э* и затѣмъ *а* или, можетъ быть, цѣлаго слога *за* можно видѣть въ частицѣ д ѣ с к а т ь изъ *дѣ-сказати; вторая половина здѣсь также неопредѣленное наклоненіе.

к а̀ э м о: «э ну, ну; щò—тамъ бу̀де?» [1]). Такое-же колебаніе между формами съ *ж* и безъ *ж* находимъ въ сказкахъ, записанныхъ въ Харьковской и Екатеринославской губ. Манжурою: «Давайте, цыганъ к а э, хто кого пересэпва»........ «Э ни, к а э цыганъ, давайте, хто кого передрима»...... (Алексѣевка Александровскаго уѣзда) [2]), но въ той-же деревнѣ к а ж е [3]); рядомъ: «Пиду, к а э, ляжу на шляху, може хто забье».... «Идить же, к а ж е, дядьку, та ляжте у жыти»...... «Йижте, к а э, дядьку»..... [4]) Далѣе вслѣдствіе стяженія является правильно *ка:* Бувъ соби дидъ та баба и унадывсь до ныхъ довгомудыкъ курчатъ таскаты. Перетаскавъ успхъ, а то прыйшовъ и курипочку забравъ. Отъ дидъ и *ка:* «пиду я, бабо, вбью довгомудыка»..... [5]). (Ольшана Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ.). Такую же стяженную форму представляетъ и слѣдующій примѣръ, записанный въ Лукояновскомъ у Нижегородской губ. [6]): «а к а т ц а в нашим силѣ самаму яму быть не случилось»; хотя ударенія не разставлены, но ясно, что слѣдуетъ читать ка̀ццӑ которое изъ *ка̀жется черезъ посредство *ка̀эццӑ, причемъ э въ слогѣ послѣ ударениаго должно было сильно ослабиться. Недавно еще А. В. Ветуховымъ изъ одного южновеликорусскаго говора Харьковской губ. [7]) приведена замѣчательная форма 1 лица единственнаго числа к у у̀: «я к у'у̀: ну атправля̀йсь», «я к у'у̀: ни пайду̀ въ хало̀дную»; неіотованное *у* (не *ю*) интересно сопоставить съ неіотованнымъ *э* формъ 2-го, 3-го лица единственнаго числа, 1 лица множественнаго числа и т. п.; оно доказываетъ, что съ выпаденіемъ *ж* между гласными не развивалось іоты; кромѣ того замѣчательно первое *у* вмѣсто *а* подъ вліяніемъ второго *у*, что̀ интересно сопоставить съ первымъ *а* въ малорусскомъ б *а* г а̀ т ы й, явившимся изъ *о* подъ вліяніемъ слѣдующаго *а*.

Тоже самое извѣстно о формахъ настоящаго времени глаг. м о ч ь. Изъ южно-великорусскаго говора Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. Ветуховъ приводитъ: «м о̀'е што̀-пъ иде́ за̀рабѝли» [7]) (... можетъ быть, для того, чтобы гдѣ нибудь заработать); но, къ сожалѣнію, нельзя навѣрно

---

[1]) Малороссійскія повѣсти Г. О. Квитки, изд. подъ редакціей проф. А. А. Потебни, т. I, 79, 80, 9, 8, также 11, 47, 71, 86, 96, 97, 107, 125 и многія другія.

[2]) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ Манжурою, Харьковъ 1890 г., стр. 112.

[3]) Ibid. 72, 120, 121.

[4]) Ibid. 6—7.

[5]) Ibid. стр. 1.

[6]) М. Колосовъ. Русск. Филол. Вѣстн. I, 1879, стр. 164; Смирновъ. Сборникъ...., 190.

[7]) Говоры слободъ Бахмутовки и Новой-Айдари Старобѣльск. уѣзда Харьков. губ., стр. 4. При формѣ к у'у̀ авторъ приводитъ также к у ж у̀ (стр. 2) изъ того-же говора Бахмутовскаго.

рѣшить, читать ли тутъ *е* неіотованное или іотованное, такъ какъ авторъ для звука *е* употребляетъ три знака: *е*, є и *э*, изъ которыхъ только о двухъ послѣднихъ можно сказать, что они означаютъ іотованное и неіотованное *е*, а что̀ именно выражаетъ буква *е*—неясно; повидимому, авторъ употребляетъ є не только для іотованнаго *е* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ и для рефлексовъ *ѣ*, но также и для *е*, смягчающаго предшествующій ему согласный; но и при этомъ изрѣдка, можетъ быть, по недосмотру у него является *е* въ совершенно сходныхъ случаяхъ; напр. авторъ пишетъ: бу́дє, впада́є, дє́ла, привє́сть, атвядє́ть, дє́ржыцца и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ: не́є̀мшы, не́йдеть, атпра̀вите, паме́ните, де́ньги и т. п. [1]); иногда даже въ одной и той-же формѣ: тике́ть (стр. 2) и тикє̀ть (стр. 5); вообще є употреблено чаще, и о значеніи буквы *е* нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Интересно то, что при формѣ мо̀'е употребляется еще мо̀жа и магє̀ть въ одномъ и томъ же говорѣ слободы Бахмутовки, но авторъ говоритъ, что мо̀'е и магє̀ть встрѣчаются чаще [2]). Подобно ка изъ ка̀э путемъ стяженія является и мо изъ мо̀е (вѣроятно, мо̀э): у Пискунова отмѣчено «мо̀—можетъ быть, словно». Приведу примѣры изъ малорусскаго, въ которомъ мнѣ даже и неизвѣстно нестяженное мо̀э, а только мо: «Пидужъ я у хливець, *мо* тамъ удобнише» [3]), «Оттакъ я пролежавъ, та просыдивъ *мо* бильшь мисяця»...[3]) Не пройшло мо й недили писля того [4]).

Изъ южнословянскихъ говоровъ подобные случаи мнѣ извѣстны въ болгарскихъ и опять въ тѣхъ-же глаголахъ: Тудорка каи (вѣроятно, въ каи надо видѣть *и* изъ неударяем. *е* или *э*) Ивану: «Ивани ле, либи ле»... [5]). «И прочетохъ малко на него и мѹ написахъ иѹмарити, защо таи трибѹва за скорѹ да моишъ да намеришъ, които празникъ траеишъ» (приписка 1829 г. къ рукописи И. С. Тихонравова XVII столѣтія) [6]), здѣсь также *и* вмѣсто неударяемаго *е*.

Таковы факты, но объясненія могутъ быть различны. Въ ф. 2-го и 3-го л. глагола мочь можно предполагать постепенное ослабленіе согласнаго *г* (*h*), которое могло быть перенесено по аналогіи изъ формы 1-го л. (могу̀), какъ показываетъ южновеликорусская форма магё̀ш, магє̀т' (срв. Ветухова, говор. слоб. Бахмутовки и т. д., стр. 5); только смущаетъ при

---

[1]) Ibid стр. 2, 3 и др.

[2]) Ibid. стр. 5.

[3]) «За злымы людьмы й хата не згорыть», казки Алексѣя Грабины, Кіевъ 1882, стр. 2, 6. Для согласія съ примѣрами изъ Книжки я замѣнилъ и здѣсь *і* и *и* черезъ *и* и *ы*.

[4]) «Старосвитськи казки» А. Грабины, Кіевъ, 1885, стр. 6.

[5]) Словарь болгарскаго яз. А. Л. Дюверпуа, подъ слов.

[6]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болгар. яз., 6.

этомъ объясненіи то, что при *г* во 2-мъ и 3-мъ л. н. удареніе тоже, что въ 1-омъ л, тогда какъ въ м ò е удареніе старое; мнѣніе объ ослабленіи *г*, которое особенно вѣроятно въ говорахъ малорусскихъ и южновеликорусскихъ, гдѣ *г*=*h* [1]), высказалъ проф. Фортунатовъ [2]), съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ явленій, но онъ-же высказалъ предположеніе и о томъ, что причина этихъ явленій нефонетическая. Но кромѣ ударенія затрудненіе встрѣчается еще въ томъ, что тоже явленіе наблюдается въ глаголѣ к а з а̀ т и, гдѣ трудно предположить въ формахъ настоящаго времени *г* или *h* вмѣсто *ж* или коренного *з*.

Какой нибудь аналогіи подыскать трудно, и потому приходится пока воздержаться отъ объясненія. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что *ж* исчезаетъ въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. ед. и 1 л. мн. наст. врем. этого глагола въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ того же доказать для формы повелительн. накл. к а ж й или к а ж й с ь, но существованіе и здѣсь подобной формы безъ *ж* не лишено вѣроятности, и я думаю, что к е с ь есть не что иное, какъ стяженное *к а й с ь; фонетически весьма вѣроятно появленіе *е* (очень узкаго, близкаго къ *и*) изъ сочетанія неударяем. *а* съ ударяем. *и*; жаль только, что я не могу подыскать несомнѣннаго примѣра такого стяженія, кромѣ довольно близкаго п э х ъ л и п ы ж ж а̀ й вмѣсто п о ѣ х а л ъ или п о ѣ з ж а̀ й. Правда, мы ожидали бы скорѣе *к ы с ь или *к и с ь, и причина появленія *е* вмѣсто *и* для меня неясна, но я останусь при своемъ объясненіи, пока не будетъ указана его невозможность.

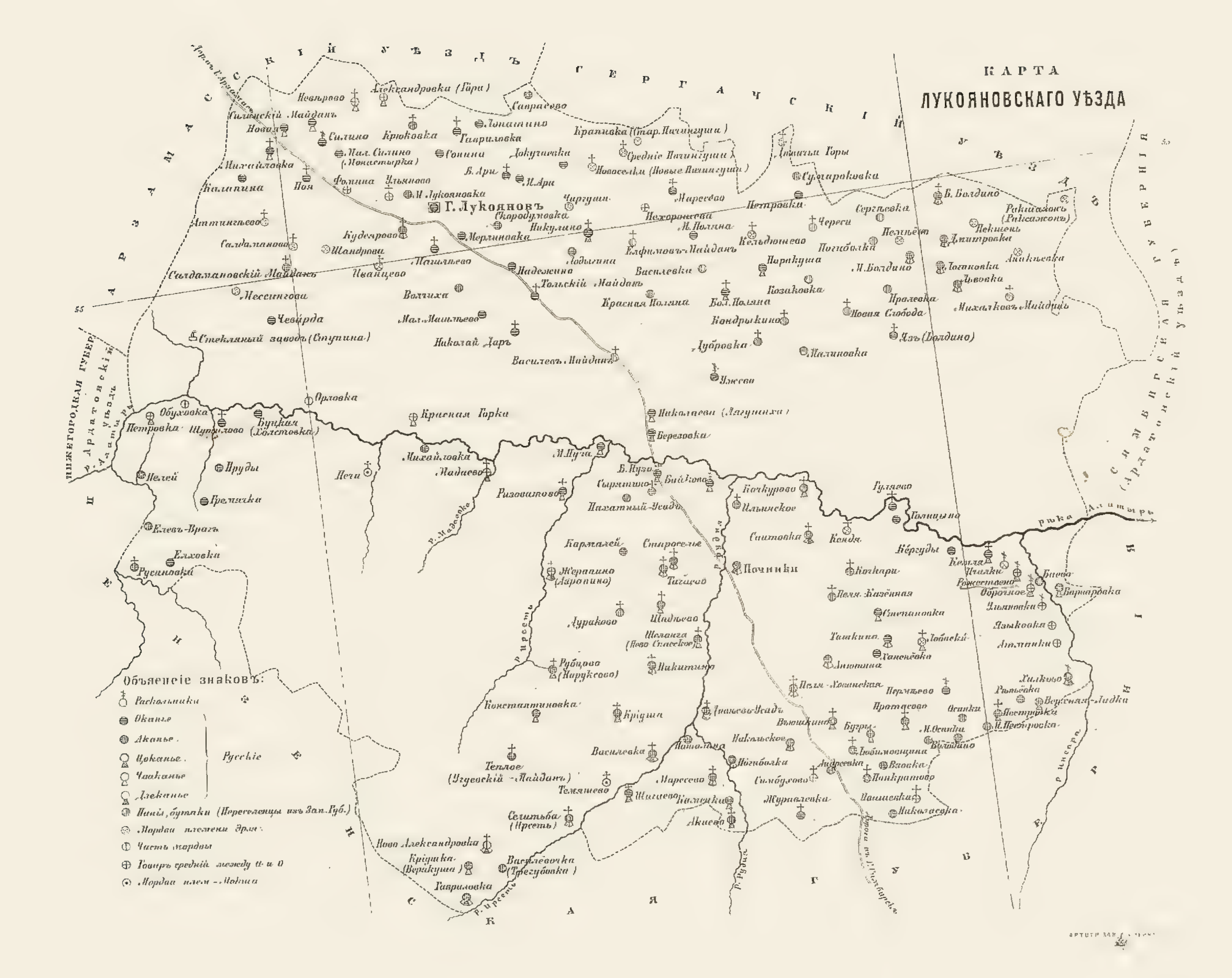
Еще нѣсколько словъ о приведенной въ примѣчаніяхъ къ картѣ формѣ п е р и н е к ъ. Я думаю, что написано ошибочно вм. пиренёкъ, такъ какъ это слово я всегда слышалъ съ удареніемъ на концѣ и съ *и* въ первомъ (3-емъ отъ конца) слогѣ, несомнѣнно изъ *е* по извѣстному закону измѣненія неударяемыхъ гласныхъ. Это этимологически *п е р е н ь к ъ [3]), уменьшит. отъ *п е р е н ь [3]) съ коренным гласнымъ *е*; форма съ *е* чередуется съ формой съ корен. *а*, обычной въ другихъ говорахъ и литературномъ русскомъ (п а̀ р е н ь, п а р е н ё к ъ = этимологич. *п а р е н ь к ъ [3]). Форма

---

[1]) Въ болгарскомъ, однако, тоже м о̀ и ш (*м о е ш), хотя *г*=*g*, а не *h*.

[2]) Вѣроятность ослабленія и выпаденія именно *г*, а не *ж* уменьшается приведенной А. В. Ветуховымъ формой к у ў, между тѣмъ какъ формы *м о ў или *м у ў неизвѣстно; это к у ў вм. к а ж ў какъ будто указываетъ именно на выпаденіе *ж*, а не *г*.

[3]) Или п е р ь н ь к ъ, п е р ь н ь, п а р ь н ь к ъ, п а р ь н ь, если второе *е* изъ *ь*?



КАРТА
ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА
Г. Лукояновъ
Сергачскій уѣздъ
Арзамасскій уѣздъ
Нижегородская губер.
Ардатовскій уѣздъ
Симбирской губерніи
(Ардатовскій уѣздъ)
Пензенская губернія
рѣка Алатырь
р. Алатырь
р. Мадаевка
р. Иресть
р. Рудня
р. Инсара
Невѣрово
Александровка (Гари)
Саврасово
Силинскій Майданъ
Новая
Силино
Крюковка
Гавриловка
Ионатьино
Мал. Силино (Монастырка)
Сонино
Докучаиха
Крашовка (Стар. Пичингуши)
Средніе Пичингуши
Новоселки (Новые Пичингуши)
Михайловка
Калапино
Поя
Фомина
Ульяново
М. Лукояновка
Б. Ари
М. Ари
Сумароковка
Б. Болдино
Чиргуши
Маресово
Петровка
Сергѣевка
Ракитамонь (Ракитамонь)
Ахтингѣево
Салдаманово
Салдамановскій Майданъ
Кудеярово
Шандрово
Скородумовка
Мерлиновка
Никулино
Нехорошевка
М. Поляна
Кельдюшево
Череси
Пешлѣево
Дмитровка
Ивановка
Пятницкое
Надежино
Лодыгина
Елфимовъ Майданъ
Пограбовка
Ивановка
Мессингово
Чеварда
Волчиха
Тольскій Майданъ
Васильевка
Наракуша
М. Болдино
Большая Поляна
Козаковка
Красная Поляна
Бол. Поляна
Михайловъ Майданъ
Кондрыкино
Новая Слобода
Стеклянный заводъ (Ступина)
Мал. Маматьево
Николай Даръ
Дубровка
Язъ (Болдино)
Васильевъ Майданъ
Малиновка
Ужово
Орловка
Николаевка (Лягуниха)
Обуховка
Бунская (Холстовка)
Красная Горка
Березовка
Петровка
Шутилово
Михайловка
Пруды
М. Пуза
Мадаево
Печи
Б. Пуза
Сырятино
Байково
Кочкурово
Гуляево
Нелей
Ризоватово
Пахатный Усадъ
Ильинское
Гремячка
Голицыно
Елевъ-Врагъ
Кармалей
Староселье
Саитовка
Кендя
Ерёдуры
Елховка
Русиновка
Жерапино (Аэропино)
Тигаево
Починки
Кочкари
Поля. Казённая
Степановка
Дураково
Шадымово
Шеланга (Ново Спасское)
Рубцово (Жарукгово)
Никитино
Ташкино
Ханенёвка
Языковка
Анненково
Константиновка
Кріуша
Ананьевъ Усадъ
Пермьево
Хилково
Васильевка
Никольское
Анненково
Ногибовка
Теплое (Угуевскій - Майданъ)
Темяшево
Маресово
Симбуново
Пахатный
Панкратово
Жураплевка
Селитьба (Ирестъ)
Акиево
Николаевка
Ново Александровка
Кріушка (Веракуша)
Васильевка (Трегубовка)
Гавриловка
Объясненіе знаковъ:
Раскольники
Оканье.
Аканье.
Цоканье.
Чоаканье
Аэканье
Русскіе
Паны, буташки (Переселенцы изъ Зап. Губ.)
Мордва племени Эрзи.
Часть мордвы
Говоръ средній между а и о
Мордва плем. Мокша

этого слова, указывающая по этимологич. *е*, слышана мною въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Разница между п е р и п а р могла бы восходить и къ праязыку, хотя возможно предположить возникновеніе перваго *е* подъ вліяніемъ второго, какъ *а* въ *ба*гàтый.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія, которыя и безъ того уже слишкомъ разрослись.

Борисъ Ляпуновъ.

Письма А. Ѳ. Гильфердинга—Кукулевичу Сакцинскому.

(Сообщено проф. П. А. Кулаковскимъ).

1.

Берлинъ 10—22 октября 1855.

Не имѣя чести знать Васъ лично, но знакомый съ Вами по прекраснымъ ученымъ трудамъ Вашимъ, почтеннѣйшій господинъ Кукулевичъ-Сакцинскій, осмѣливаюсь къ Вамъ обратиться и представить Вамъ небольшую книжку объ Юго-Славянской исторіи. Съ письмомъ этимъ Вы получите 4 экз. изданныхъ мною «Писемъ объ исторія Сербовъ и Болгаръ». Это первый выпускъ, начало довольно обширнаго сочиненія, назначеннаго для легкаго чтенія, но основаннаго на собственной разработкѣ источниковъ. Я буду просить Васъ, удержавъ одинъ экземпляръ для себя, а другой для библіотеки ученаго общества Вашего, остальные раздать занимающимся исторіею южныхъ Славянъ, и принялъ бы съ великою благодарностью отзывъ Сербскихъ ученыхъ о моей работѣ, трудной по недостатку или недоступности матеріаловъ. Смѣю ожидать отъ Вашей доброты, что если начатыя мною историческія разысканія заслужатъ Вашего одобренія, Вы не откажете мнѣ въ благосклонномъ содѣйствіи къ ихъ продолженію. Въ слѣдующихъ выпускахъ я долженъ буду говорить объ эпохѣ, отъ которой осталось уже много домашнихъ памятниковъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, памятниковъ къ сожалѣнію большею частью неизданныхъ. Я досталъ нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ, въ спискахъ съ рукописей, находящихся въ Россіи (какъ-то Доментіаново Житіе св. Саввы, Житіе Стефана Дечанскаго, Житіе Стефана Лазаревича, Даніиловъ Царославникъ). Но сколько другихъ источниковъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, которыхъ я не знаю, и многіе изъ нихъ, я увѣренъ, теперь уже спасены и открыты для науки Вашею просвѣщенною дѣятельностью. Могу ли надѣяться, что въ случаѣ, если этому не будетъ особеннаго препятствія, Вы благоволите указать мнѣ на нихъ и дадите мнѣ возможность извлечь изъ нихъ что ни-

будь для своего труда? Черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль предполагаю пріѣхать въ Вѣну, и тогда буду въ состояніи заняться этимъ предметомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть. Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Гильфердингъ.

Адресовать можно А. Ѳ. Гильфердингу (Hilferding) въ Вѣну, въ Русское Посольство.

На томъ же письмѣ приписка:

P. S. 2 - 14 Декабря 1855. Вѣна. Письмо и посылка пролежали въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ почти два мѣсяца: между тѣмъ я получилъ записку Вашу, гдѣ Вы съ такою обязательностью вызываетесь содѣйствовать мнѣ въ моей работѣ. Искренно благодарю Васъ. Не знаю, буду ли имѣть возможность пріѣхать въ Загребъ и лично воспользоваться Вашею бесѣдою и Вашими, указаніями, но во всякомъ случаѣ не откажу себѣ въ удовольствіи переписываться съ Вами о предметахъ. касающихся изученія древней Сербской и Хорватской исторіи. На первый разъ позвольте просить у Васъ совѣта насчетъ поисковъ въ Венеціи. Ѣду туда послѣ завтра, останусь тамъ, правда, недолго, но все таки надѣюсь, что, можетъ быть, удастся найти въ архивѣ какіе нибудь документы, относящіеся къ сношеніямъ Венеціянцевъ съ старыми Сербскими кралями. Я слышалъ, что Вы посвятили много времени поискамъ въ Венеціянскомъ архивѣ: Вы оказали бы мнѣ великую услугу, еслибы благоволили извѣстить меня о томъ, что Вы уже извлекли оттуда, и гдѣ я долженъ искать. Я сообщилъ бы Вамъ потомъ свою добычу. и Вы, можетъ быть, не отказались бы дать мнѣ попользоваться Вашими выписками. По возвращеніи изъ Венеціи, я намѣренъ также работать нѣсколько въ здѣшнемъ архивѣ: знакомъ ли онъ Вамъ, и можете ли Вы мнѣ благосклонно указать на то, что въ немъ есть важнаго для моего предмета?

Если моя просьба на счетъ Венеціянскаго архива для Васъ необременительна, то благоволите прислать отвѣтъ съ возможною скоростью, адресуя: A. Hilferding, Venezia, Hôtel Royal.

Прилагаю къ моимъ «Письмамъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» по 2 экз. филологическихъ моихъ работъ.

Ut in litteris
А. Гильфердингъ.

2.

Варшава $\frac{27 \text{ янв.}}{8 \text{ февр.}}$ 1856.

Представляется неожиданно случаи писать къ Вамъ и отправить къ Вамъ посылку, достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Къ сожалѣнію, не могу еще возвратить Вашей рукописи: въ Вѣнѣ и Варшавѣ было постоянно столько разъѣздовъ, что не имѣлъ времени кончить выписки изъ нея. Здѣсь въ Варшавѣ только одна Русская книжная лавка, и книгъ въ ней весьма мало, да и тѣ, которыя есть, продаются ужасно дорого. Нестора и другихъ книгъ, которыхъ Вы желали, нельзя было въ ней найти, —я пришлю ихъ при другомъ случаѣ, изъ Петербурга, куда выѣзжаю завтра. На первый разъ посылаю лучшую нашу комедію, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, басни Крылова, и Польскую книгу, «Сельскіе очерки» Григоровича. Какъ у Крылова господствуетъ наша Русская народная стихія, такъ у Григоровича—народная стихія Польская. Его повѣсти (такъ говорили мнѣ здѣшніе литераторы), -лучшая и самая вѣрная картина народной Польской жизни. Я знаю, что Вы желаете имѣть книги въ такомъ родѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія домой, чтобы опять приняться за свои историческія работы. Какъ я благодаренъ за Вашъ радушный пріемъ, за Славянскую щедрость, съ какою Вы подѣлились со мною Вашими историческими богатствами! Надѣюсь, что Богъ дастъ когда нибудь побывать опять въ Загребѣ; но во всякомъ случаѣ его никогда не забуду.

Прощайте, будьте здоровы, трудитесь, прилежнѣе издавайте матеріалы. Пришлите мнѣ, черезъ о. Мих. Федор. Раевскаго, новую книгу «Архива», какъ скоро она выйдетъ. У меня всего три книги «Архива»: нѣтъ ли четвертой? Вообще же и впредь не оставляйте своею милостью и помощью

Вамъ душевно преданнаго и покорнѣйшаго вашего слуги

А. Гильфердинга.

Мой поклонъ всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ. —Въ Вѣнскій Архивъ меня не пустили подъ вѣжливымъ предлогомъ. Для любителей Русской словесности одинъ Варшавскій житель прилагаетъ Ломоносова, Княжнина и Хемницера. Я просилъ одного господина, который ѣдетъ въ Пулавы, справиться о Гундуличевой рукописи. Но я слышалъ, что вся библіотека Чарторижскихъ во время войны 1831 года перевозена была въ Галицію.

3.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ! Я послалъ Вамъ нѣсколько книгъ, какъ изъ тѣхъ, которыя Вы мнѣ поручили доставить Вамъ, такъ и другія, которыя, по моему мнѣнію, должны были быть занимательны для Васъ и для Вашихъ Хорватовъ.—Сегодня посылаю Вамъ «Annali di Ragusa», съ душевною благодарностью за это драгоцѣнное сообщеніе и съ извиненіемъ, что продержалъ рукопись такъ долго; къ Вашей рукописи прилагаю «Слово о Богомилахъ» въ полную собственность Вамъ или тому, кому вы захотите отдать эту тетрадь. О другихъ Вашихъ порученіяхъ скажу слѣдующее:

1) «Матеріалы для исторіи письменъ» и «Временникъ» вышлю при первомъ удобномъ случаѣ.

2) Пулавская рукопись не находится въ Царствѣ Польскомъ; передъ самою революціею 1830 года Чарторижскій перевезъ всю свою библіотеку въ замокъ Сеняву въ Галиціи; если поэма Гундулича сохранилась, то она тамъ. Такъ какъ Сенява находится въ Австрійскомъ государствѣ, то Вамъ легче будетъ, чѣмъ мнѣ, поискать этой рукописи. Впрочемъ, одинъ Варшавскій ученый обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ для этого.

3) Художественныя извѣстія, какихъ Вы желаете, постараюсь достать для Васъ въ Москвѣ, куда думаю поѣхать черезъ три недѣли и провести тамъ нѣсколько времени.

4) «Путешествіе Григоровича» еще не могъ найти, оно библіографическая рѣдкость. Сочиненія Срезневскаго, выписки изъ Даніила пришлю. Свѣдѣнія (впрочемъ немногочисленныя) о Бѣлохорватахъ найдете въ началѣ Несторовой лѣтописи, которую я Вамъ прислалъ; кромѣ того объ нихъ часто упоминается въ началѣ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка, Длугоша (оба изданы въ книгѣ Ioannis Dlugossi seu Longini Historia Polonica, Francofurti 1711) и Богухвала (въ Silesiacarum rerum Scriptores, изд. Sommersberg, Lipsiae 1729); но эти лѣтописи такъ мало достовѣрны, столько въ нихъ басенъ и лжи, что непремѣнно нужно прочесть извѣстія о Хорватахъ въ связи съ цѣлымъ разсказомъ, иначе попадешь непремѣнно въ ошибки, поэтому я не посылаю Вамъ выписокъ, а указываю только на необходимость для Васъ просмотрѣть эти книги, которыя найдете навѣрное въ Вѣнѣ, а можетъ быть и на Вашемъ Загребскомъ «пяневскомъ градѣ». Если бы у Богухвала нашлось мѣсто для Васъ очень важное, то совѣтую обратиться къ Мацѣевскому въ Варшаву и просить повѣрки текста: онъ говорилъ мнѣ, что изданіе Соммерсберга полно ошибокъ, и что у него есть древній, исправный текстъ Богухвала. Были Хорваты и въ Чехіи: объ нихъ Вы вѣроятно знаете показанія Космы Праж-

скаго и то, что говоритъ Шафарикъ? Просмотрите Эрбена Regesta Bohemiae. Нѣсколько извѣстій изъ другихъ источниковъ надѣюсь Вамъ прислать.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ вѣстей и жажду драгоцѣнностей, которыя по Вашей добротѣ заготовляются для меня въ Загребѣ. Когда Вамъ не будутъ нужны Житія Саввы и Стефана Лазаревича, то пошлите ихъ къ о. Раевскому. Буду также очень радъ получить то, что у Васъ для меня списывается, чтобы скорѣе пользоваться всѣми этими историческими богатствами. Когда буду въ Москвѣ, постараюсь порыться въ рукописяхъ Синодальной библіотеки: можетъ быть, найду что нибудь хорошее.

До Васъ и вообще до всѣхъ Вашихъ Хорватскихъ ученыхъ есть покорнѣйшая просьба: участвовать въ новомъ 3-хъ-мѣсячномъ журналѣ, который будетъ издаваться въ Москвѣ подъ названіемъ «Русская Бесѣда» (одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ немъ извѣстный Вамъ по имени Хомяковъ), и который будетъ обращать особенное вниманіе на славянскую науку и словесность. Я, кажется, говорилъ вамъ уже объ немъ и г-нъ М. Б. [1]) обѣщалъ мнѣ для него свой сборникъ пословицъ. Пожалуйста, попросите его прислать пословицы какъ можно скорѣе, и для нихъ было бы мѣсто во 2-ой книжкѣ Бесѣды, если бы я могъ получить ихъ скоро, потому что онѣ будутъ, я увѣренъ, истиннымъ украшеніемъ для новаго изданія; а кромѣ того доставляйте или попросите доставлять «Бесѣдѣ» всякія свѣдѣнія и статьи о Хорватской словесности, о Вашихъ историческихъ открытіяхъ, о бытѣ поселянъ Хорватскихъ, Далматинскихъ и т. д. Редакція «Русской Бесѣды» напишетъ Вамъ съ своей стороны.

Мнѣ очень хотѣлось бы написать статейку по Хорвато-Сербскому этнографическому и литературному вопросу, постараться познакомить нашихъ читателей съ этимъ споромъ и сказать безпристрастное слово. Къ сожалѣнію, я не записалъ у Васъ разныхъ data, которыя при этомъ нужны. Вы можете легко помочь мнѣ, сообщивъ коротенькія данныя по этому вопросу, особенно о слѣдующемъ: 1) какая теперешняя этнографическая граница Хорватовъ и Сербовъ, гдѣ и когда въ Босніи и Герцеговинѣ народъ называлъ себя Хорватами; 2) было ли имя Хорватовъ въ Черногоріи; 3) какія заглавія (tituli) книгъ XVI или XVII столѣтія, гдѣ сказано Harvatski jezik (при этомъ прислалъ бы для образца языка двѣ три строки); и какое заглавіе Загребской библіи, гдѣ сказано Slovenski jezik (тоже съ образчикомъ); 4) когда начался споръ, кто предложилъ имя Illiri или Jugoslaveni, и какія послѣднія явленія этого спора.

Я означаю эти вопросы не за тѣмъ, чтобы Вы именно, занятые столь

---

[1]) Извѣстный писатель и дѣятель Хорватскій Мирко Боговичъ.

многими и столь важными для науки трудами, отвѣчали на нихъ: отвѣтить можетъ всякій другой изъ вашихъ друзей, у которыхъ есть досугъ. Я не прошу подробныхъ свѣдѣній, а самыхъ лаконическихъ указаній (но указаній какъ можно больше), и прошу только, чтобы это было прислано поскорѣе, иначе моя статья опоздаетъ.

Прощайте, дай Вамъ Богъ здоровья и успѣха въ работахъ Вашихъ. Усердно кланяюсь всѣмъ, кто меня вспомнитъ.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

23 марта 1856
ст. ст.

P. S. Для ускоренія, пришлите письмо по почтѣ, или если отправите къ Раевскому, то скажите, чтобы онъ послалъ по почтѣ, а не дожидался курьера.

P. S. Занимаюсь теперь обработкою Болгарско-Сербской Исторіи въ XI-мъ вѣкѣ, и надѣюсь скоро издать свою работу. Повторяю свою усерднѣйшую просьбу: если есть у Васъ какія нибудь свѣдѣнія, касающіяся до этой эпохи и обнародованіемъ которыхъ Вы сами не дорожите, сообщить мнѣ ихъ съ Вашею всегдашнею благосклонностью.

4.

Карлсбадъ $\frac{9}{21}$ іюля 1856.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ!

Судьба опять принесла меня въ Ваши края, если не на югъ, то на сѣверъ Австрійскаго государства. Отецъ мой долженъ былъ возобновить лѣченіе на Карлсбадскихъ и Франценсбадскихъ водахъ, и я опять пріѣхалъ съ нимъ. Самъ пью здѣсь Маріенбадскій «Kreuzbrunn», но сбираюсь на будущей недѣлѣ сдѣлать новую ученую поѣздку къ потомкамъ Балтійскихъ славянъ. Какъ въ прошломъ году я ѣздилъ въ Ганноверское Прилабье, такъ теперь думаю посѣтить Кашубовъ подъ Гданскомъ. Что извлеку изъ этой поѣздки, не знаю, но надѣюсь найти кое что любопытнаго. Потомъ возвращусь въ Франценсбадъ, и оттуда поѣду съ отцемъ въ Остенде или къ какимъ нибудь другимъ морскимъ купальнямъ, которыя мнѣ предписываются. Какъ бы хотѣлось на возвратномъ пути еще разъ побывать у южныхъ славянъ. повидаться съ Вами, но едва ли удастся.

Изъ Берлина я послалъ Вамъ черезъ Вѣну нѣсколько книгъ, которыя Вы желали имѣть: Матеріалы для исторіи письменъ, Болгарскія народныя пѣсни, Срезневскаго нѣсколько статей и проч. Получили ли Вы эти книги? Получили ли Вы также двѣ моихъ брошюрки, посланныя прямо unter Kreuzband? Очень желалъ бы знать Ваше мнѣніе о статьѣ моей про Лужичанъ. «Руская Бесѣда» будетъ Вамъ доставляться редакціею (кажется даже въ 2 экз.) и 1 № уже посланъ.

Вообще я просилъ бы Васъ доставить мнѣ списокъ всѣхъ Рускихъ книгъ, которыя Вы получили со времени моего выѣзда изъ Загреба. Мнѣ хочется знать, дошло-ли до Васъ все, что я послалъ, что еще нужно послать.

Теперь посылаю Вамъ, какъ подарокъ автора Загребскимъ литераторамъ «Семейную» хронику Аксакова (Сергѣя Тимоѳеевича, отца двухъ Аксаковыхъ, которые также извѣстны у насъ, Константинъ какъ ученый, Иванъ какъ поэтъ): эта книга замѣчательна по красотѣ языка и изяществу изложенія и имѣла у насъ успѣхъ небывалый со времени Пушкина. Не забудьте при томъ, что сочинитель ея 85-лѣтній старикъ, и только нѣсколько лѣтъ выступилъ у насъ на литературное поприще. Прилагаю еще 2 тома Рускихъ баснописцевъ (Крылова Вы уже имѣете), а черезъ нѣсколько времени Вы получите сочиненія Луганскаго (псевдонимъ; собств. имя—Даль), гдѣ найдете много занимательнаго и характеристическаго—Рускаго.

Я получилъ передъ отъѣздомъ Ваше письмо съ приложеніемъ этнографическихъ данныхъ о Хорватахъ и свѣдѣній о старой хорватской литературѣ. Очень и очень благодарю Васъ за это; путешествіе не дало мнѣ времени воспользоваться Вашимъ подаркомъ, но какъ только будетъ досугъ, примусь за дѣло

Я былъ бы необыкновенно радъ получить отъ Васъ или кого нибудь изъ Вашихъ что нибудь для «Руской Бесѣды». Г. Боговичъ обѣщалъ сборникъ пословицъ: что онъ его не пошлетъ? Какъ-бы хорошо было помѣстить какую нибудь этнографическую статью о Вашемъ народѣ, напр. описаніе быта, обычаевъ, народнаго управленія того или другаго края, Хорватскаго или Далматскаго? Или что нибудь о литературѣ? Мы были-бы Вамъ чрезвычайно благодарны. Ожидаю отъ Васъ богатой поживы историческими матеріалами. Нѣсколько дней до выѣзда изъ Петербурга меня выбрали членомъ Общества Исторіи и Древностей въ Москвѣ, и требовали, чтобы я тотчасъ далъ что нибудь во «Временникъ». Не имѣя ничего другаго въ готовѣ, я выбралъ 9 или 10 изъ Латинскихъ грамотъ, которыя Вы мнѣ дали, и послалъ ихъ въ Общество для напечатанія. Вы простите мнѣ, что я такъ смѣло распорядился чужимъ добромъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ Московскихъ ученыхъ «славянофиловъ», которымъ

я говорилъ про множество юридическихъ памятниковъ Далматскихъ общинъ, какія я у Васъ видѣлъ, были-бы крайне рады издать два-три такихъ памятника въ подлинникѣ съ Русскимъ переводомъ: у насъ эта часть совершенно неизвѣстна, даже никто не знаетъ почти объ этихъ общинахъ, имѣвшихъ нѣкогда такое значеніе и такой развитой внутренній бытъ. Если Вы не имѣете другихъ предположеній на счетъ этихъ памятниковъ, то очень одолжили бы насъ доставкою такихъ матеріаловъ для изданія, въ томъ числѣ Устава Которскаго, который такъ меня занялъ, что я просилъ у Васъ списка его?

Если это Вамъ не противно, то мы еще спишемся на счетъ такого предположенія.

Забылъ спросить Васъ: получили-ли рукопись о Богомилахъ. Меня очень радуетъ мысль, что Вы ее хотите напечатать, также какъ то, что Вы издали житіе Дечанскаго. Корректурные листы тотчасъ послалъ въ Троицкую Лавру къ Профессору Горскому для сличенія, но къ несчастью подлинникъ былъ взятъ кѣмъ-то съ разрѣшенія Митрополита, и возвратится въ библіотеку только въ концѣ лѣта: потому Горскій просилъ обождать съ исправленіемъ до будущей книжки Архива, но обѣщалъ доставить ихъ непремѣнно. Спискомъ Слова о Богомилахъ я тоже одолженъ Горскому, и онъ ничего не имѣетъ противъ изданія его Вами; списокъ довольно вѣрный; но замѣтьте, что Слово это кончается тамъ, гдѣ есть упоминовеніе объ Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ, и что остальное въ посланной Вамъ тетради уже не принадлежитъ къ нему.

Я оставилъ въ Берлинѣ большой пакетъ книгъ, для Васъ назначенныхъ Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей: это 23 выпуска его «Временника». Какъ доставить Вамъ этотъ тюкъ? Можно ли черезъ коммисіонера (spediteur)? —Директоръ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ спрашивалъ у меня о томъ, кто бы хотѣлъ и могъ въ Вашихъ краяхъ состоять въ ученыхъ сношеніяхъ съ этимъ главнымъ книгохранилищемъ Россіи. Я указалъ ему, разумѣется, на Васъ. Вы должны скоро получить, если не получили, дипломъ на званіе почетнаго члена Императорской Библіотеки.

Дипломъ Академическій Вы такъ долго не получаете потому, что онъ подписывается въ какіе то весьма рѣдкіе сроки, въ полномъ засѣданіи Академіи. Но Вы его получите.

Я просилъ Срезневскаго касательно доставленія Вамъ правилъ Академіи. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ—Предсѣдатель II-го Отдѣленія Академіи (Отдѣленія Русскаго языка и словесности); секретарь—Коркуновъ, Срезневскій—редакторъ Извѣстій и Ученыхъ записокъ.

По задачѣ Уварова у насъ ничего до сихъ поръ не вышло: свѣдѣній

о художникахъ не удалось для Васъ найти, но въ этомъ взялся помочь издатель Болгарскихъ пѣсенъ, Безсоновъ.

Всѣ другія Ваши порученія я, по возможности, исполнилъ или объ нихъ увѣдомилъ Васъ въ предъидущемъ письмѣ. Пошлю Вамъ вмѣстѣ съ Семейною Хроникою выписки изъ Арабскаго географа Эдризи (во Французскомъ изданіи), которыя я велѣлъ для Васъ сдѣлать. Тутъ много о Далмаціи. Очень радъ буду, если это окажется для Васъ новостью. Эдризи жилъ, сколько помню, въ XII столѣтіи.

Прощайте, будьте здоровы. Поклонитесь отъ меня усердно всѣмъ господамъ, которые сохранили обо мнѣ такое доброе воспоминаніе, Враницани, Боговичу, Мажураничамъ, Праусу, Бабукичу и проч. и вѣрьте искреннему почтенію, съ которымъ остаюсь всегда

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Адресуйте мнѣ до 10 Іюля (нов. ст.) въ Карлсбадъ (Cursaal, № 8), потомъ цѣлый мѣсяцъ во Франценсбадъ, дальнѣйшій адресъ дамъ въ послѣдствіи.

5.

13 (25) іюля 1856. Франценсбадъ.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Я получилъ въ странѣ Кашубовъ дорогое письмо Ваше отъ 5 іюля. Очень обрадовался извѣстію о Вашемъ новомъ путешествіи въ Далмацію, которое принесетъ непремѣнно богатый плодъ наукѣ. Чрезвычайно хотѣлось-бы сопровождать Васъ, но теперь не могу вновь отлучиться отъ своего отца. Четыре недѣли провелъ я въ Стольскомъ, Лауенбургскомъ, Бытовскомъ и Пуцкомъ (Putzig) краѣ, и чрезвычайно доволенъ этою поѣздкою. Вчера только возвратился изъ Данцига.

Посылаю Вамъ сегодня же два остальные тома сочиненій нашего юмориста и описателя народныхъ нравовъ, Луганскаго (собственно фамилія его Даль) и нѣсколько экземпляровъ своихъ сочиненій, которые прошу Васъ, если они не обременятъ Вашего чемодана, взять съ собою въ Далмацію и тамъ раздать занимающимся исторіею. Не понимаю, почему «Русская Бесѣда» не дошла до Васъ.—Я хотѣлъ уже послать Вамъ свой экземпляръ, но удержался въ увѣренности, что съ тѣхъ поръ Вы ее получили. Нельзя ли бы

Вамъ сказать объ этомъ журналѣ въ Далмаціи, и доставить мнѣ, при невозможности личнаго, письменное знакомство съ кѣмъ нибудь изъ тамошнихъ дѣятелей? Я могъ-бы сообщать Русскимъ читателямъ въ Бесѣдѣ извѣстія, оттуда получаемыя.—Чрезвычайно обрадовался я Вашему обѣщанію прислать статью въ Бесѣду; также благодарю Васъ душевно за посланныя мнѣ книги и матеріалы. Я не получилъ ихъ еще, они вѣроятно находятся у Раевскаго. Въ Далмаціи не забывайте моего твердаго намѣренія продолжать при первой возможности изданіе своихъ «Писемъ» объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Не забудьте также желанія нѣкоторыхъ изъ Московскихъ славянистовъ—получить для изданія какіе нибудь памятники юридической старины Далматской и Хорватской,—памятники слишкомъ мало оцѣненные и у насъ совершенно неизвѣстные.

Прощайте, будьте здоровы, дай Богъ Вамъ многихъ, многихъ успѣховъ и открытій. Не теряю надежды съ Вами повидаться въ нынѣшнемъ году. А пока, обрадуйте меня еще письмомъ. Вотъ еще что Вы могли бы легко сдѣлать, къ великому для насъ всѣхъ удовольствію: написать, для помѣщенія въ Р. Бесѣдѣ, какія нибудь письма, извѣстія изъ Далмаціи, Апуліи и проч.; не нужно строго ученыхъ извѣстій, довольно легкихъ описаній, если Вы ученыя свои находки захотите обнародовать сначала, какъ и слѣдуетъ, въ Хорватскихъ изданіяхъ. Можете всегда адресовать ко мнѣ. До 8 Авг. нов. ст. я буду въ Франценсбадѣ; потомъ пишите: A. A. H. Frankfurt—a M. abzugeben bei der russischen Gesandschaft.

Остаюсь, какъ всегда, съ душевнымъ почтеніемъ

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

NB. Въ случаѣ, если бы кто нибудь изъ Далмаціи захотѣлъ мнѣ доставить что нибудь или писать ко мнѣ въ послѣдствіи, то скажите, чтобы всегда адресовали ко мнѣ черезъ отца М. Ѳ. Раевскаго въ Вѣнѣ.

6.

Вѣна, 6 Декабря 1856.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Не зная, гдѣ Вы находитесь, посылаю письмо на имя супруги Вашей. Хочу обратить Ваше вниманіе на Славянскій Codex precum cum calendario, находящійся въ библіотекѣ Герцога Пармскаго. Объ немъ прочелъ я извѣстіе въ Польской книгѣ Wiadomość bibliograficzna o rękopismach zawierających w

sobie Rzeczy Polskie przez Alex. Przezdzieckiego. Warszawa 1850, стр. 118. Пржездецкій видѣлъ рукопись въ Прагѣ и выписалъ изъ нея некрологъ Боснійскихъ королей; но къ сожалѣнію онъ не умѣлъ читать по славянски, такъ что изъ его выписки ничего нельзя вывести, кромѣ именъ Твертка, Дабиши и Остои. Было бы очень полезно, если бы Вы могли познакомить ученый свѣтъ съ этимъ памятникомъ.

Я ѣду теперь черезъ Новый Садъ въ Бѣлградъ. На возвратномъ пути въ Январѣ, думаю посѣтить Загребъ. Сердечно желалъ бы Васъ тамъ застать и опять поработать надъ исторіею подъ Вашимъ руководствомъ. Благоволите написать мнѣ въ Бѣлградъ, въ Русское Консульство.

Желаю Вамъ душевно всевозможныхъ успѣховъ.

Вамъ преданнѣйшій и покорнѣйшій Вашъ слуга

А. Гильфердингъ.

7.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ газеты Варшавской, доставленную мнѣ для Васъ.—Очень сожалѣю, что такъ давно ничего отъ Васъ не получалъ. Писалъ Вамъ зимою въ Венецію. Получили ли Вы письмо?—Сообщите мнѣ о ходѣ Вашихъ ученыхъ работъ, и если вышло у Васъ что нибудь новаго, пришлите. Вышла-ли 1-я книга Архива? Мы теперь съ Вами сосѣди и слѣдовало бы имѣть чаще другъ о другѣ свѣдѣнія. Будьте здоровы. Вамъ преданнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

Сараево $\frac{16}{28}$ іюля 1857 г.

Къ письму изъ Сараева $\frac{16}{28}$ іюня 1857 г. Гильфердингъ приложилъ вырѣзку изъ Gazeta Warszawska (№ 191 за 1856 г. $\frac{12}{21}$ іюля), въ которой помѣщена замѣтка польскаго ученаго Андрея Кухарскаго, вызванная запискою къ нему Гильфердинга. Гильфердингъ пишетъ, будто-бы въ Новой Александріи (т. е. Пулавахъ) находился въ библіотекѣ князей Чарторижскихъ экземпляръ перевода «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, сдѣланнаго Гундуличемъ (+1638). «Гундуличъ посвятилъ это свое произведеніе, писалъ Гильфердингъ Кухарскому, польскому королю Владиславу IV. Поэма эта не была напечатана, а другія копіи ея пропали во время землетрясенія 1667 г., разрушившаго Дубровникъ». Кухарскій замѣчаетъ по этому поводу, что могъ

быть экземпляръ «Османиды» Гундулича, посвященный королю польскому Владиславу IV. ибо Гундуличъ воспѣваетъ его и славу поляковъ, но сомнѣвается, чтобы такой экземпляръ могъ быть въ Пулавахъ. Онъ предполагаетъ, что тамъ находился экземпляръ «Османиды», привезенный изъ Рима епископомъ Рагузскимъ ранѣе 1825 г.—Гундуличъ дѣйствительно переводилъ поэму Тасса (Appendini. Notizie istorico-critiche. Ragusa 1803. Томъ II. стр. 234), но сообщаетъ при этомъ, что этотъ переводъ пропалъ во время разрушенія Дубровника 1667 г.

8.

Сараево. 16 (28) Января 1858.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Передо мною цѣлую вѣчность лежитъ Ваше уважаемое письмо, и я еще не собрался отвѣтить Вамъ. Очень благодарю за книги, доставленныя черезъ г. Моріера.

Я провелъ 6 недѣль прошлаго лѣта въ путешествіи, ѣздилъ въ Новый Пазаръ, Печь, Дечане, Призренъ, Приштину, и на возвратномъ пути черезъ Герцеговину осмотрѣлъ запустѣлые монастыри на Тарѣ. Рукописей нашелъ очень много, особенно въ послѣднихъ, но, разумѣется, большая часть богословскаго содержанія. Есть однако и нѣкоторыя интересныя вещи для исторіи. Если бы зналъ, когда приблизится время изданія слѣдующей книги Архива, я прислалъ бы Вамъ что нибудь, и переписалъ бы тщательно, такъ что не было-бы тѣхъ ошибокъ и опечатокъ, за которыя справедливо упрекаютъ изданіе житія св. Стефана Дечанскаго. Напечатано ли Вами слово Козмы Пресвитера противъ Богомиловъ?

Теперь мнѣ позволено возвратиться домой, и я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда моего преемника, чтобы отправиться въ путь. Пребываніе въ Босніи оставитъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе по своей оригинальности и значительной ученой добычѣ; но, по совѣсти скажу, надолго я никому не желаю вкусить Сараевской жизни.

Очень порадуете меня письмомъ.

Если не хотите карать грѣшнаго его собственною виною, напишите немедленно, и адресуйте въ Вѣну, на имя о. Протоіерея Раевскаго или въ Русское посольство. Я засталъ бы Ваше письмо при проѣздѣ черезъ Вашу столицу. Если можете, пришлите мнѣ, пожалуйста, IV кн. Архива и то, что Брличъ издалъ о Косовской битвѣ. Если будете читать Русскую Бесѣду, найдете тамъ мой отчетъ о путешествіи своемъ по Турціи.

Какъ мнѣ жалко было, что Вы до Сараева не доѣхали. Почему? Были ли Вы въ Сутѣскѣ? Я былъ въ обоихъ Латинскихъ монастыряхъ, Фойницѣ и Крешевѣ, но тамъ ничего не нашелъ; въ Сутѣскѣ не могъ быть, а тамъ, говорятъ, есть какая то лѣтопись.

Я окончилъ въ Сараевѣ вторую эпоху исторіи Сербовъ и Болгаръ (976—1019) и буду печатать тотчасъ по возвращеніи въ Россію. Теперь обработываю 3-ю эпоху (1019—1159). Если бы Вы могли сообщить мнѣ какія нибудь данныя для этихъ двухъ періодовъ, чрезвычайно бы обязали.

Напечатали ли Вы грамоты, обозначенныя въ Вашемъ Izvestje o Putovanju. на стр. 22? Эти грамоты особенно важны для меня.

Надѣюсь, что Ваше здоровіе Вамъ служитъ хорошо при неутомимыхъ трудахъ Вашихъ. Прошу Васъ передать поклоны всѣмъ, кто меня вспомнитъ, и вѣрить искренней преданности

Вашего покорнѣйшаго слуги

А. Гильфердинга.

P. S. Что, словарь Шулека идетъ впередъ? Если будутъ выходить у Васъ матеріалы и для лингвистики Хорватской и Славянской, сообщайте мнѣ, пожалуйста.

Примѣчаніе Редактора

Эти письма молодого (23-хъ—25-ти лѣтняго) Гильфердинга къ извѣстному и заслуженному, покойному Хорватскому общественному и политическому дѣятелю, археологу и историку, Пв. Кукулевичу-Сакцинскому доставлены намъ въ вѣрной копіи проф. Варшавскаго у-та, П. А. Кулаковскимъ, снятой имъ прошлою зимой въ Загребѣ. Покойный А. Ф. Гильфердингъ, бывшій Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи нашего Общества, занимаетъ почетное мѣсто въ русской этнографіи своими замѣчательными трудами о Босніи и Герцеговинѣ, о Кашубахъ, а превосходнымъ сборникомъ записанныхъ имъ Былинъ Олонецкаго края и прекрасною, увы преждевременною смертью — онъ палъ жертвою ученой любознательности — Гильфердингъ записалъ свое имя золотыми буквами въ лѣтописяхъ нашей науки. Кромѣ того, за неполныя 20 лѣтъ своей дѣятельности, съ выхода изъ Московскаго университета до своей смерти, Гильфердингъ цѣлымъ рядомъ большихъ трудовъ и разныхъ статей оказалъ почтенныя услуги исторіи славянскихъ народовъ и вообще Славяновидѣнію, а своею государственною службою сначала въ М-вѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Госуд. Совѣтѣ, наконецъ въ качествѣ Основателя и Предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго комитета въ Петербургѣ онъ принесъ не мало существенной пользы нашему отечеству по сношеніямъ и сближенію нашимъ съ славянскими землями, а также по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи и по важнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, когда состоялъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Н. А. Милютина.—

Олекминскіе скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

— —

I.

Два года тому назадъ, живя въ глуши Олекминскаго округа, мы предприняли изслѣдованіе быта Олекминскихъ скопцовъ и выбрали изъ архивныхъ источниковъ свѣдѣнія по исторіи поселенія ихъ въ Якутской области, но до сихъ поръ намъ не удалось воспользоваться добытыми нами и, на нашъ взглядъ, интересными матеріалами, относящимися къ культурному якобы значенію скопцовъ для Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщающими, въ нѣкоторой степени, ходъ развитія скопчества—этого антиобщественнаго ученія въ Россіи за послѣдніе годы.

Въ виду одностороннихъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пристрастныхъ намъ попавшихся отзывовъ и отчетовъ административныхъ лицъ о великомъ значеніи и полезности для края скопцовъ, мы рѣшили теперь, по пословицѣ: лучше поздно чѣмъ никогда, изложить для печати результаты нашего изученія.

За послѣдніе годы не мало было печатаемо журнальныхъ статей и спеціальныхъ трактатовъ о скопчествѣ и генетически связанной съ нимъ хлыстовщинѣ, съ изложеніемъ главнымъ образомъ догматической, обрядовой и нравственной сторонъ ученій этихъ крайнихъ религіозныхъ сектъ, но мало или вовсе не затрагивался бытъ ихъ. Поэтому мы думаемъ, что, помимо локальнаго значенія, описаніе образа жизни скопцовъ въ ссылкѣ можетъ имѣть и общій интересъ и, такъ какъ въ настоящее время скопцы высылаются исключительно въ Якутскую область, оно можетъ дать также нѣкоторое указаніе для заключеній о распространеніи и его районахъ или остановкѣ развитія скопческаго ученія на мѣстѣ его происхожденія, въ Европейской Россіи, откуда ежегодно не прекращается высылка скопцовъ по судебнымъ приговорамъ.

Хотя по тождеству религіозно-нравственныхъ мотивовъ наши скопцы имѣютъ предшественниковъ какъ въ христіанствѣ, такъ даже и въ древнемъ язычествѣ, но, не говоря уже о восточномъ и римскомъ евнушествѣ, преслѣдовавшемъ другія, не религіозныя цѣли, русское скопчество, кромѣ общаго сходства свойственнаго заблужденіямъ человѣческаго духа вообще, не имѣетъ преемственной связи съ единичными случаями религіознаго изувѣрства пер-

выхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства на западѣ и впослѣдствіи у насъ. Языческіе же предки наши, по свидѣтельству Карамзина, не скопились. Русское скопчество выросло на почвѣ ученія хлыстовской секты о грѣховности сожительства половъ—ученія, приведшаго только послѣдователей секты къ совершенно другимъ результатамъ на практикѣ. Слабость и потребности человѣческой природы довели хлыстовъ до отрицанія только формальнаго брака и до отвращенія къ плодамъ сожительства—дѣтямъ, но терпимо стали относиться къ случайному блуду и тайному разврату. Многіе изъ хлыстовъ стали учить, что «только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь» [1]. Скопчество такимъ образомъ явилось реакціей противъ хлыстовской разнузданности, отдѣлилось отъ хлыстовщины и образовало отдѣльную религіозную общину. Первое образованіе ея имѣло мѣсто въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. По крайней мѣрѣ первыя оффиціальныя свѣдѣнія о скопцахъ, какъ сектѣ, относятся къ 1772 году. Съ тѣхъ поръ исторія распространенія скопческой секты изъ мѣста ея возникновенія, Орловской губерніи, на большую часть губерній Европейской и Азіатской Россіи служила неоднократно предметомъ ученаго изслѣдованія, а исторія ея гоненій и страданій представляетъ не малый интересъ, какъ судьба то покровительствовала, то предавала ее преслѣдованіямъ, пока въ царствованіи императора Николая Павловича не были приняты административнымъ и законодательнымъ путями болѣе энергичныя и постоянныя мѣры къ «искорененію» скопчества. Вотъ почему недобрая память сохранилась у скопцовъ объ этомъ императорѣ. Не лучшей симпатіей пользуются у скопцовъ Екатерина II и Павелъ Петровичъ, въ царствованіи которыхъ періодически предпринимались гоненія противъ нихъ. За то императоръ Александръ I, выказавшій къ скопцамъ особую терпимость, почитается у нихъ даже приверженцемъ скопческаго ученія.

Такъ какъ возникновеніе скопчества какъ секты относится ко времени, когда смертная казнь въ Россіи за общеуголовныя преступленія уже не примѣнялась, то въ лѣстницѣ наказаній, которымъ подвергались скопцы, мы не встрѣчаемъ смертной казни, несмотря на курьезное политическое самозванство основателя секты Селиванова. Только въ 1839 году Кронштадтскій военный судъ приговорилъ подпоручика Царенко къ смертной казни черезъ сожженіе за распространеніе скопчества въ войскѣ [2]. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго къ скопцамъ примѣняли обычныя тогда уголовныя

---

[1]) Реутскаго. Люди божьи и скопцы.

[2]) Кутеповъ. Секты хлыстовъ и скопцовъ.

наказанія: кнутъ, каторгу, ссылку и сдачу въ солдаты. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ Черноморскомъ батальонѣ, была сформирована отдѣльная военно-рабочая рота. Особыхъ зачинщиковъ скопческой секты обращали тогда въ крѣпостныя работы и ссылали въ Сибирь, а въ началѣ царствованія Александра II исключительнымъ мѣстомъ ссылки скопцовъ служитъ уже Туруханскій край Енисейской губерніи. Въ настоящее же время всѣ скопцы, лишенные по суду правъ или отбывшіе срокъ каторги, высылаются на поселеніе въ Якутскую область на основаніи Высочайшаго повелѣнія (отъ 24-го октября 1861 года), послѣдовавшаго послѣ массоваго переселенія туда Туруханскихъ скопцовъ.

Жизнь этихъ измученныхъ, слабосильныхъ и изувѣченныхъ людей на Туруханской тундрѣ, не приступной для плуга, не благопріятной для скотоводства, окруженной бродячими инородцами и посѣщаемой періодическими голодовками, была крайне тяжелая и жалкая. До 1861 года въ Якутскую область высылали всѣхъ раскольниковъ крайнихъ толковъ, за исключеніемъ скопцовъ. Получивъ свѣдѣнія о возможности въ Якутской области занятія земледѣліемъ Туруханскіе скопцы подали прошеніе о переселеніи ихъ туда на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева, представившаго это прошеніе съ одобрительнымъ отзывомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣдній въ заключеніи своемъ отъ 24-го марта 1860 года согласился съ представленіемъ генералъ-губернатора, но, сказано въ заключеніи: «скопцы должны быть водворены вдали отъ осѣдлости мѣстныхъ жителей, во избѣжаніе вреднаго вліянія на лицъ не раздѣляющихъ ихъ заблужденій». Въ томъ же году въ указѣ Правительствующаго Сената на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири разъясняется, что на скопцовъ не распространяются манифесты отъ 27-го марта 1855 года и 26 августа 1856 года, что переходъ въ сословіе крестьянъ или мѣщанъ и отлучки изъ мѣстъ причисленія для заработковъ или по промышленнымъ цѣлямъ скопцамъ запрещены.

При такихъ условіяхъ Туруханскіе скопцы въ числѣ 319 человѣкъ отправились въ 1860 году въ Якутскую область, при чемъ больше половины этого количества ѣхало на свой счетъ. Лѣтомъ 1861 года скопцы стали прибывать отдѣльными партіями въ Олекминскъ и Якутскъ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ селить скопцовъ вдали отъ жителей, помимо своей суровости, оказалось не выполнимымъ на практикѣ. Оно упустило изъ виду потребности скопцовъ, какъ людей, и слабости сибирскихъ администраторовъ. Не говоря уже о томъ, что среди скопцовъ было много ремесленниковъ, но и при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, скопцамъ нельзя было обойтись безъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или обмѣна ихъ на другіе продукты и товары. Какъ потребности

скопцовъ не ограничены, они не могли образовать изъ себя общество, производящее для себя все необходимое и не нуждающееся въ рынкѣ и общеніи съ людьми. Это распоряженіе, а главнымъ образомъ его неопредѣленность, служили только источникомъ обильныхъ доходовъ для тогдашнихъ мелкихъ администраторовъ, имѣвшихъ дѣло съ людьми забитыми, наружно покорными и привыкшими еще въ Россіи къ приношеніямъ и подкупамъ властей. Такимъ образомъ оказалось, что 2 скопческихъ общества—Спасское и Мархинское, выросшія въ настоящее время въ громадныя богатѣйшія селенія, раскинулись —первое у самаго города Олекминска и второе въ 10 верстахъ отъ г. Якутска. Скопцы естественно тяготѣли къ рынкамъ, а ихъ глубокіе поклоны, не малые дары и, въ извѣстной мѣрѣ, человѣколюбивое къ нимъ отношеніе сибирскихъ властей вызвали рядъ представленій со стороны окружныхъ чиновъ, затѣмъ утвержденныхъ высшими властями временныхъ мѣръ, измѣненіе которыхъ не могло состояться безъ окончательнаго разоренія обстроившихся новоселовъ. Скоро, такимъ образомъ, стало сказываться экономическое вліяніе скопческихъ селеній на центры Якутскаго края. Вліяніе это не ограничилось одной только сферой сельско-хозяйственной дѣятельности скопцовъ, оно выразилось также въ ихъ торговой предпріимчивости. Начнемъ съ земледѣлія и разумѣется пока будемъ говорить объ Олекминскомъ только округѣ.

Первый опытъ земледѣлія въ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 г. близъ г. Якутска. Въ 1768 году съ цѣлью развитія хлѣбопашества отъ Якутска по Иркутскому тракту были поселены нѣсколько семействъ поселенцевъ. Южнѣе же по Ленѣ отъ Олекминска до Киренска и Верхоленска начали заниматься хлѣбопашествомъ еще со временъ царя Алексѣя Михайловича [1]). Съ тѣхъ поръ развитіе земледѣлія въ краѣ шло довольно туго. Оно то расширялось, то опять сокращалось. Обильные урожаи отъ маленькихъ посѣвовъ вызывали подражанія не только со стороны русскихъ поселенцевъ, но и инородцевъ. Но чередующіеся съ урожайными годами неурожайные, при неразвитости населенія и полной зависимости его отъ суровой природы, заставляли по временамъ земледѣлію дѣлать обратные шаги, обращая нерѣдко даже русскихъ переселенцевъ въ скотоводовъ. Въ концѣ же концовъ земледѣліе совершало все таки свое поступательное движеніе въ краѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нынѣшняго восточно-сибирскія власти, по предписаніямъ правительства, постоянно заботились о развитіи этой отрасли промышленности въ области, пуская въ ходъ также отечески

[1]) Давыдовъ. Записки И. Русскаго Географическаго Общества 1858 г. кн. V.

патріархальныя внушенія, доставляя населенію хлѣбныя сѣмянныя зерна и огородныя сѣмена. Въ 1819 году еще было закуплено администраціей въ Иркутскомъ округѣ 10,549 пудовъ сѣмяннаго хлѣба для Киренскаго и Олекминскаго округовъ, а въ 50-хъ годахъ разработка полей какъ у русскихъ, такъ и у якутовъ стала быстро расширяться. За 1855, напр., годъ намъ неизвѣстны результаты урожая въ одномъ Олекминскомъ округѣ, но во всей области (т. е. въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ—Вилюйскій тогда еще принадлежалъ къ неземледѣльческимъ округамъ области) согласно свѣдѣніямъ 3-го Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири урожай простирался до 30,568 четвертей. т. е. 275,112 пудовъ разныхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ яровыхъ. Но Якутская область еще не могла тогда довольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ безъ привознаго изъ Иркутской губерніи. Разумѣется и въ настоящее время можно сказать тоже самое, если принять во вниманіе, что 9/10 населенія области почти или совсѣмъ еще не употребляютъ хлѣба, но ввозъ его изъ Иркутской и Томской губерній значительно сократился, несмотря на то, что раіонъ употребленія хлѣбовъ расширился.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе для краткаго обзора развитія земледѣлія въ Якутской области, мы теперь вернемся къ отношеніямъ скопцовъ къ этому вопросу. Изъ упомянутыхъ 319 туруханскихъ и нѣсколькихъ партій вновь прибывшихъ къ тому времени изъ Россіи скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ было оставлено 260 человѣкъ—столько ихъ по крайней мѣрѣ числилось къ 1862 году. Изъ нихъ 80 челов. были поселены по рѣчкѣ Алалайкѣ вблизи города (нынѣ Спасское селеніе). а 180 челов. на устьѣ рѣки Олекмы въ 15 верстахъ отъ города (нынѣ Троицкое селеніе). Такое близкое ихъ поселеніе отъ города между прочимъ мотивировалось и слѣдующимъ обстоятельствомъ [1]): «Принимая во вниманіе разстройство хозяйствъ инородцевъ вслѣдствіе неурожая хлѣба и травъ, который предстоитъ и въ нынѣшнемъ году, нельзя нынѣ приступить къ заселенію скопцовъ въ отдаленныя мѣста, разсчитывая при этомъ по обыкновенію на содѣйствіе инородцевъ въ содержаніи поселенцевъ... Въ видахъ облегченія инородцевъ и т. д.» было разрѣшено поселить скопцовъ близъ Якутска и Олекминска. Мы указываемъ на это обстоятельство только какъ на фактъ, интересный для исторіи скопческихъ селеній въ области, потому что, каковы бы ни были побудительныя причины представленій о нарушеніи министерскаго распоряженія, мы не можемъ не сочувствовать человѣчности этихъ представленій, хотя съ другой стороны посе-

[1]) Журналъ Общ. присутствія Областнаго Правленія. 1861 г.

леніе скопцовъ близъ городовъ должно было въ концѣ концовъ совершиться насчетъ инородцевъ и въ ущербъ ихъ интересамъ, лишая ихъ земель близъ городовъ т. е. земель болѣе высокой цѣнности и даже расчищенныхъ земель, на которыхъ Якуты уже занимались земледѣліемъ. Такъ, на рѣчкѣ Алалайкѣ по первой нарѣзкѣ, скопцамъ была уступлена казенная земля, но на устьѣ рѣки Олекмы, при впаденіи ея въ Лену, мірская сходка Якутовъ Мальжигарскаго наслега, состоявшаяся въ Августѣ 1861 года въ Инородной управѣ въ присутствіи исправника и по его убѣжденію, «уступила» скопцамъ 50 десятинъ расчищенной земли, 50 десят. открытаго покоса и на 5 верстъ протяженія лѣваго берега рѣки, годнаго къ расчисткѣ «съ тѣмъ», какъ сказано въ актѣ объ уступкѣ, подписанномъ 148 сородовичами: «что въ послѣдствіи начальство по какимъ либо причинамъ распорядится перемѣстить ихъ изъ Олекминскаго въ другой округъ или же по случаю неплодности самихъ скопцовъ совершеннаго искорененія, тогда выше отведенныя мѣста должны обратиться въ наше владѣніе». Понятно, что эта уступка со стороны Якутовъ была большой жертвой и скорѣй всего—не добровольной. Извѣстно, какъ трудно корчевать якутскую мерзлую и дѣвственную почву, особенно первобытнымъ способомъ, безъ корчевальныхъ орудій. Трудъ и время, вложенные въ расчистку одной десятины изъ подъ лѣса, оцѣниваются здѣсь минимумъ въ 100 рублей. Значитъ 50 десятинъ одной только расчищенной земли стоитъ не менѣе 5.000 р. Изъ акта уступки также видно, что на уступленной землѣ были якутскія жилища, потому что въ немъ говорится, что скопцы должны «сдѣлать якутамъ денежное пособіе за сносъ строеній», при чемъ размѣръ пособія тамъ не опредѣляется. Можетъ также быть, что перекочевка этихъ Якутовъ съ насиженныхъ ими разныхъ мѣстъ, на другія, не расчищенныя, остановила у нихъ процессъ развитія земледѣлія; а что уступка этихъ земель могла быть не добровольная, видно изъ того, что Якуты въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года дали исправнику подписку въ томъ, «что земля уступлена добровольно и что жаловаться на отнятіе этихъ мѣстъ не намѣрены». Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначальное поселеніе скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ не принесло пользы мѣстнымъ жителямъ. Еще было одно дѣло объ отводѣ уже въ 1870 г. скопцамъ земли, принадлежащей крестьянамъ станціи Точильной, но по иску крестьянъ земля эта была имъ возвращена.

Обращаясь теперь къ современному значенію скопческихъ хозяйствъ для округа, надо замѣтить, что похвалы, которыя сыплются на скопцовъ, какъ на «проводниковъ земледѣльческой культуры», въ оффиціальныхъ отчетахъ о хлѣбопашествѣ и экономической жизни области, кроются, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ причинахъ. Во 1-хъ, въ традиціяхъ, далеко не безкорыстныхъ, передаваемыхъ старыми чиновниками новымъ; во 2-хъ—ничего нѣтъ любезнѣе

бюрократическому сердцу, когда, не только безъ всякихъ хлопотъ, но и съ выгодой, можно сказать, что все обстоитъ благополучно, указавъ на доброправіе, опрятность и зажиточность однихъ подчиненныхъ, а о другихъ—прибавивъ, что они не стоютъ заботъ; въ 3-хъ—никто, какъ скопцы, не умѣютъ такъ ловко выставлять на показъ мѣстному или проѣзжему администратору арбузъ, дыню или другое парниковое растеніе. не имѣющіе никакого значенія для массы населенія. Разумѣется благосостояніе большинства скопцовъ, какъ земледѣльцевъ, само по себѣ, независимо отъ другихъ соображеній, не можетъ не радовать всякаго порядочнаго человѣка, но насъ заинтересовалъ другой вопросъ: насколько скопческое хозяйство повліяло на развитіе земледѣлія у крестьянъ и Якутовъ и насколько развитіе земледѣлія повліяло на большую доступность хлѣба по своей цѣнѣ, въ пищу въ Олекминскомъ округѣ. Для выясненія этого вопроса мы опять таки обратились къ цифрамъ изъ отчетовъ окружныхъ чиновъ якутскому губернатору, опровергающимъ общепринятое мнѣніе о полезности скопцовъ для края. Но прежде чѣмъ приводить эти данныя, мы хотимъ нѣсколько дополнить исторію скопческихъ селеній въ Олекминскомъ округѣ.

Въ 1863 году областное правленіе запретило селить вновь прибывшихъ скопцовъ въ пригородныя селенія, имѣя въ виду точное исполненіе распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири распорядился объ оставленіи всѣхъ прибывшихъ скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ, но распоряженіе это впослѣдствіи было отмѣнено вслѣдствіе представленій олекминскихъ властей о затруднительности надѣленія всѣхъ скопцовъ землею, а можетъ быть и потому, что богатые скопцы стремились къ болѣе обширному рынку—якутскому. Въ 1884 году генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ «къ поддержанію пригородныхъ скопческихъ селеній, пополнить ихъ вновь ссылаемыми на мѣсто вымирающихъ и дряхлѣющихъ, а также переводомъ скопцовъ изъ отдаленныхъ скопческихъ селеній». Между прочимъ раньше переводъ скопцовъ изъ одного селенія въ другое однимъ губернаторомъ разрѣшался, другимъ запрещался. Такимъ образомъ пригородныя селенія стали разростаться на счетъ другихъ, болѣе отдаленныхъ и вліяніе ихъ на экономическую жизнь городовъ, все больше и больше даетъ себя знать—особенно на такой городокъ, какъ Олекминскъ.

Теперь мы приведемъ таблицу посѣвовъ и урожаевъ для Олекминскаго округа составленную нами на основаніи окружныхъ отчетовъ за выведенные годы съ извѣстными промежутками, начиная съ 1850 года.

	1850 г. [1].			1861 г.			1862 г.			1882 г.			1888 г.		
	Десятинъ.	Всѣхъ хлѣбовъ. пос.	Всѣхъ хлѣбовъ. род.	Десятинъ.	Всѣхъ хлѣбовъ. пос.	Всѣхъ хлѣбовъ. родил.	Десятинъ.	Всѣхъ хлѣбовъ. пос.	Всѣхъ хлѣбовъ. родил.	Десятинъ.	Всѣхъ хлѣбовъ. пос.	Всѣхъ хлѣбовъ. родил.	Десятинъ.	Всѣхъ хлѣбовъ. пос.	Всѣхъ хлѣбовъ. родил.
		Четв. [2].			Четвертей.			Четвертей.			Четвертей.			Четвертей.	
У городскихъ жителей, крестьянъ, якутовъ и переселенцевъ.	959	989	2.538	2.156	2.379	17.789	2.530	2.798	14.886	1.480	5.492	19.956	1.276	1.438	18.209
У скопцовъ.	—	—	—	—	—	—	62	62	329	246	344	2.033	451	403	3.892

Не считая городскихъ жителей, изъ которыхъ очень немногіе занимаются земледѣліемъ, и бродячихъ Тунгусовъ въ округѣ было въ 1850 г.: крестьянъ—1.026 чел., Якутовъ—8.120 чел.; въ 1882 г.: крестьянъ—1.713 чел., якутовъ—8.598 ч., а скопцовъ: въ 1862 г.—272 чел., въ 1882 г.—391 ч.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за 11 лѣтъ, отъ 1850 до 1861 года, посѣвъ хлѣбовъ въ округѣ увеличился болѣе чѣмъ вдвое, а съ 1862 г., т. е. года перваго земледѣльческаго опыта въ округѣ скопцовъ, до 1882 г. т. е. за 20 лѣтъ запашки коренного населенія не умножились на 2, а еще черезъ 6 лѣтъ, въ 1888 году, обработка полей даже сократилась. Но послѣднее обстоятельство надо приписать неурожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ. И такъ, говорить, какъ это принято, о благодѣтельномъ вліяніи скопческой земледѣльческой культуры на коренное населеніе, въ смыслѣ ея привитія и вызыванія подражанія, нельзя. Скопческіе земледѣльческіе успѣхи скорѣе вызываютъ зависть, потому что въ этихъ успѣхахъ, по невозможности какихъ бы то ни было родственныхъ союзовъ со скопцами, населеніе не можетъ имѣть своей доли и въ этихъ успѣхахъ повинно не одно трудолюбіе выносливыхъ, но слабосильныхъ скопцовъ, а въ нихъ играютъ роль факторы которыхъ нѣтъ въ хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ и Якутовъ. Благодаря

[1]) Неурожайный годъ.
[2]) Четверть = 9 пудамъ.

своимъ средствамъ богатые скопцы сразу поставили свое хозяйство на солидную ногу, а благодѣтели изъ Россіи не оставляли страдающихъ «братьевъ» безъ помощи. Отсутствіе же дѣтскихъ ртовъ и траты времени и средствъ на семейныя заботы и на удовольствія и слабости, присущія нормальнымъ людямъ, способствуютъ накопленію скопческихъ капиталовъ. Въ силу же одного этого нельзя ставить скопцовъ въ примѣръ «гражданственности» [1]) бѣднымъ и обремененнымъ семействами, погрѣшнымъ крестьянамъ и Якутамъ. Скопческая культура, по нашему мнѣнію, не имѣетъ будущности даже въ смыслѣ передачи ея въ послѣдствіи кореннымъ жителямъ, если рядомъ со скопцами и первые не будутъ въ состояніи оказывать такіе же успѣхи на своихъ земляхъ. Способъ обработки и другіе успѣхи въ земледѣліи тоже передаются потомкамъ наслѣдственнымъ образомъ, а потомки скопцовъ это—новыя жертвы религіознаго фанатизма, прекращеніе которыхъ, надо вѣрить, наступитъ съ уничтоженіемъ народнаго невѣжества. Послѣдніе скопцы запустятъ свое хозяйство и послѣ ихъ смерти поля ихъ могутъ придти въ полное запустѣніе, если правительство не приметъ своевременно мѣръ о переходѣ ихъ въ другія руки [2]).

За всѣмъ тѣмъ мы не возлагаемъ прямой отвѣтственности на скопцовъ за медленное развитіе земледѣлія въ Олекминскомъ округѣ. Главная причина его заключается въ успѣхахъ золотопромышленности по Олекминской системѣ за 60-е и 70-е годы. Пріиски отрывали крестьянъ отъ земли, суля имъ богатство и давая посторонніе заработки, какъ напр. перевозку клади. Но вмѣсто богатствъ, приленскіе крестьяне, запустивъ хозяйство, пріобрѣли разореніе и впали въ нищету. Что можно ужъ прямо ставить въ вину скопцамъ, такъ это захватъ въ свои руки рынка, главнымъ образомъ хлѣбнаго, наиболѣе важнаго для массы населенія. Намъ разсказывали, случаи, когда скопцы, по приходѣ паузокъ съ иркутскимъ хлѣбомъ, моментально стали отпускать свой хлѣбъ по цѣнамъ ниже паузочныхъ. Привознаго хлѣба никто не покупалъ и скопцы общими средствами легко и дешево скупали его весь. Послѣ этого скопцы опять являлись господами рынка. Такимъ же образомъ они пользуются нуждой крестьянина и непредусмотрительностью Якута, скупая у

---

[1]) Мы беремъ это выраженіе изъ одного отчета.

[2]) Смертность скопцовъ въ ссылкѣ, рядомъ съ рѣдкимъ долголѣтіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень велика. Для примѣра возьмемъ Спасское селеніе. Съ 1861 года до 1884 г. къ этому селенію было причислено 180 скопцовъ и 69 скопчихъ. Изъ этого числа и за это время умерло 43 скопца и 27 скопчихъ, т. е. въ 23 года вымерло 27%.—болѣе четверти населенія. Еслибъ прибытіе новыхъ жертвъ изъ Россіи теперь прекратилось, то достаточно какихъ нибудь 50—60 лѣтъ, чтобы отъ скопческаго населенія Якутской области не осталось и слѣда.

нихъ хлѣбъ—нерѣдко на корню—по дешевой цѣнѣ, потомъ имъ же продаютъ его по высокимъ цѣнамъ скопческой биржи или отправляютъ на пріиска или сдаютъ въ качествѣ подрядчиковъ казнѣ. Всѣмъ этимъ разсказамъ мы нашли и оффиціальное подтвержденіе въ конфиденціальномъ отношеніи Якутскаго губернатора Олекминскому исправнику отъ 9-го ноября 1885 года. Наконецъ мы знаемъ, какъ скопцы воспользовались всеобщимъ бѣдствіемъ неурожайнаго 1886 года, продавая изъ своихъ полныхъ амбаровъ ржаной хлѣбъ по 4 и болѣе рублей за пудъ. Какъ въ Россіи процвѣтаніе «отечественной» промышленности связано со вздорожаніемъ фабричныхъ произведеній, такъ и въ описываемомъ нами округѣ успѣхи земледѣлія подняли цѣны на хлѣбъ. Для доказательства мы приводимъ небольшую выписку изъ оффиціальныхъ отчетовъ о справочныхъ цѣнахъ въ округѣ на съѣстные и другіе припасы за нѣсколько лѣтъ по плану предъидущей таблицы [1]). Изъ этой таблички мы видимъ, насколько раньше привозный хлѣбъ обходился дешевле. Тогда, спрашивается, зачѣмъ хлопотать объ успѣхахъ въ области земледѣлія, служащаго одной изъ причинъ упадка скотоводства, такъ какъ самые лучшіе выгоны отходятъ подъ пашни, которыя огораживаются плетнями, заставляющіе скотъ дѣлать длинные и утомительные обходы, чтобы попасть на тощія пастбища [2]).

[1]) Справочныя цѣны въ Олекминскомъ округѣ.

	1849 г.		1850 г.		1861 г.		1882 г.		1888 г.			
									отъ		до	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1 пудъ ярицы . . .	—	65	—	—	—	—	1	90	2	60	3	—
„ ячменя . .	—	86	—	—	—	—	1	90	2	35	2	10
„ пшеничн. м.	—	—	1	40	1	50	3	50	3	75	1	25
„ ржаной м. .	—	—	—	46	—	75	3	25	3	—	3	20
„ ячной муки.	—	—	1	60	—	—	2	90	2	30	2	60
„ ячной крупы.	—	—	—	—	—	75	3	75	3	95	4	20

[2]) Изъ слѣдующихъ данныхъ видно, какъ развитіе хлѣбопашества все сокращаетъ сѣнокосы:

Накошено сѣна пудами въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами и Казаками	27.000	13.125	13.300	22.000
Крестьянами	396.535	197.900	144.500	96.500
Якутами	861.595	986.000	382.125	376.000
Скопцами	5.325	7.000	10.470	12.680

Намъ замѣтили, что цѣнность денегъ въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ теперь понизилась, но въ чемъ, спрашивается, заключается курсъ денегъ? Въ ихъ отношеніяхъ къ вещамъ. Что касается до привозныхъ товаровъ, то они съ каждымъ годомъ тутъ дешевѣютъ, мѣстные же продукты, какъ мясо, масло и т. д., правда, вздорожали вслѣдствіе спроса на нихъ на пріиска и вообще— уменьшенія скота, но скопцы вѣдь мяса не употребляютъ, а молочныхъ продуктовъ у нихъ есть достаточно отъ своего скота, цѣны же на хлѣбъ устанавливаютъ они.

Если мы теперь обратимся къ огородничеству, служившему уже было не только важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянъ и даже Якутовъ округа, но и предметомъ сбыта на пріиска, то насъ дѣйствительно поразитъ паденіе этого промысла у коренныхъ жителей, главнымъ образомъ у крестьянъ, съ одновременнымъ поднятіемъ его у скопцовъ и вздорожаніемъ овощей. Изъ многочисленныхъ годичныхъ отчетовъ объ огородничествѣ въ Олекминскомъ округѣ, начиная съ 1852 года мы выбрали 2 наиболѣе важныхъ огородныхъ продукта: капусту и огурцы съ опредѣленіемъ снятаго ихъ количества каждый, послѣдній годъ каждаго десятилѣтія до 1888 г у крестьянъ и скопцовъ [1]).

Это непонятное и непростительное паденіе огородничества у приленскихъ крестьянъ, но которое, насколько мы замѣтили изъ бумагъ, не было еще обращено вниманіе администраціи, нельзя разумѣется приписать исключительно скопческому вліянію или конкуренціи, а опять таки надеждамъ крестьянъ на легкіе заработки на пріискахъ. Но то обстоятельство, что скопческое огородничество развивалось, было только на руку пріисковой праздности и разгулу крестьянъ, получившихъ возможность пріобрѣтать овощи за деньги, безъ труда и заботъ огородника [2]), а скопцы со своимъ смиреннымъ видомъ и обычнымъ умѣніемъ воспользовалися своимъ господствомъ на овощномъ рынкѣ.

[1]) Снято съ огородовъ въ Олекминскомъ округѣ.

		въ 1852 г.	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Капусты	у крестьянъ	450 грядъ	600 пуд.	500 пуд.	250 пуд.	56 пуд.
	» скопцовъ	— »	200 »	900 »	2.575 »	2.275 »
Огурцовъ	» крестьянъ	— »	22.000 шт.	1,900 шт.	5.000 шт.	800 шт.
	» скопцовъ	— »	7.500 »	12.000 »	30.000 »	25.500 »

[2]) Только разведеніе картофеля, не требующаго такого ухода и поливки, какъ капуста, или парниковъ, какъ огурцы, въ Якутской области, болѣе или менѣе у всѣхъ расширились, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Снято четвертей картофеля въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1850 г.	въ 1860 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами (мѣщане, казаки и др.) . .	12	57	72	195	192
Крестьянами	328	247	1,262	2,094	955
Якутами	99	196	428	2.531	1.167
Поселенцами	—	—	—	110	150
Скопцами	—	—	1.236	2.706	2.200

Намъ олекминскіе старожилы разсказывали о дешевизнѣ овощей тамъ въ 50-хъ годахъ—сотня огурцовъ напр. стоила 40—60 коп. Изъ отчета по округу за 1862 годъ мы находимъ между справочными цѣнами стоимость огурцовъ: за сотню 1 р.—1 р. 50 коп.—капусты: за 100 вилковъ (что составляетъ не менѣе 10 пудовъ) отъ 1 р. 50 коп.—3 р., а по справочнымъ цѣнамъ 1888 года сотня огурцовъ уже продавалась по 5 р. и больше, а 1 пудъ капусты отъ 1 р. и больше [1]).

Изъ всего сказаннаго нами о земледѣліи и огородничествѣ скопцовъ могутъ пожалуй сдѣлать ложное заключеніе, что мы желали бы стѣснить дѣятельность скопцовъ, какъ землепашцевъ, но это разумѣется было-бы несправедливо, такъ какъ всякій трудъ надо поощрять; но не мѣшаетъ также обратить вниманіе на рыночныя цѣны хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, а главнымъ образомъ не слѣдуетъ придавать важнаго значенія «земледѣльческой культурѣ» скопцовъ—значенія, какого они не имѣютъ. Наоборотъ, еще большой вопросъ полезна-ли она или вредна для будущаго, для того будущаго, которымъ сами скопцы не чреваты. Если скопцы тщательнѣе обрабатываютъ поля, глубже вспахивая землю, чѣмъ якуты, хотя все еще первобытными орудіями послѣднихъ, то это они дѣлаютъ для своей пользы и главное для пользы настоящаго момента. Самый способъ земледѣльческаго хозяйства скопцовъ можно назвать хищническимъ. Они не соблюдаютъ никакой системы при обработкѣ полей, особенно изъ арендуемыхъ ими земель. Они сѣютъ до тѣхъ поръ, пока земля даетъ всходы, потомъ бросаютъ ее и обращаются къ истощенію другихъ участковъ. Такимъ образомъ боевое земледѣліе скопцовъ едва ли полезно для того мирнаго завоеванія полей, которое началось у Якутовъ до прихода безполаго народа.

Особенное значеніе скопческое хозяйство должно имѣть для Олекминскаго округа, въ которомъ Якуты становятся настоящими земледѣльцами, оставляя за собой, къ сожалѣнію, русскихъ крестьянъ. Много Якутовъ тамъ уже занимаются исключительно земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ бывшій улусный голова Антоновъ, завели обширныя хозяйство съ образцовыми экономіями, мельницами и т. д. [2]). Изъ примѣчанія къ этой страницѣ мы видимъ

[1]) Стоимость огородныхъ произведеній въ 1888 г. въ одномъ только Спасскомъ селеніи скопцы опредѣляли въ 6.328 рублей. Цѣны на овощи, какъ и на хлѣбъ, зависятъ отъ воли и сговора скопцовъ. Намъ разсказали случай, когда скопцы Троицкаго селенія привезши въ городъ для продажи огурцовъ, хотѣли ихъ продавать по 3 р. за сотню, но «братцы» Спасскаго селенія запротестовали и заставили первыхъ поднять цѣну до 5 р.

[2]) Изъ данныхъ, приведенныхъ въ «Приложеніи къ Всеподданнѣйшему отчету Якутскаго губернатора» за урожайный 1889 г., мы вычислили, что изъ хлѣба, снятаго съ якутскихъ полей за этотъ годъ приходилось на каждаго якута въ Якутскомъ округѣ (всего 131.088 чел.) менѣе 0,5 пуда,—въ Вилюйскомъ округѣ (всего 66.475 чел.) немногимъ болѣе 0,8 пуда, а на каждаго якута Олекминскаго округа (всего 9.667 чел.) по 25,4 пуда.

что эволюція перехода якутовъ Олекминскаго округа отъ пастушескаго къ земледѣльческому быту, несмотря на неблагопріятныя условія климата и почвы, можны считать законченной. Мы слышали недавно о предположеніяхъ высшей Восточно-сибирской администраціи о новомъ надѣленіи скопцовъ якутскими землями, такъ чтобы каждый скопецъ имѣлъ не менѣе 15 десятинъ земли. Эта мѣра, долженствующая по мнѣнію администраціи, способствовать развитію хлѣбопашества, нанесла бы тяжелый ударъ якутскому земледѣлію и землевладѣнію. Уже гораздо справедливѣе подвергнуть передѣлу земли, уже находящіяся въ рукахъ скопцовъ для уравненія неравномѣрнаго среди нихъ землевладѣнія. Якутской области не только не нужны крупные скопческіе землевладѣльцы богачи и кулаки, но они абсолютно вредны по своему, безсердечію, притворству и ненасытной жадности.

Не мѣшало-бы уже теперь оставить увлеченія фальшивымъ блескомъ преходящаго явленія, чтобы, по примѣру стараго времени, главное вниманіе и заботу обращать на крестьянскія и инородческія общества, отъ которыхъ зависитъ не одно настоящее населенія, но и его будущее.

(Окончаніе въ слѣд. вып.).

ОТДѢЛЪ II.

Народныя сказанія о самоубійцахъ.

Село Даньково Смол. уѣзда, Сельцо Рудня Ельнинск. уѣзда.

Вотъ и чорту баранъ!

(*Нар. погов.*).

Многія психическія настроенія человѣка объясняются состояніемъ его здоровья физическаго организма, а, главнымъ образомъ, нравственнымъ и умственнымъ его складомъ, міросозерцаніемъ.

Народная психологія и миѳологія требуютъ совмѣстнаго изученія.

Простой народъ до сихъ поръ еще находится подъ властью миѳологическихъ воззрѣній; эти воззрѣнія всасываются человѣкомъ съ дѣтства, передаются отъ бабокъ и дѣдовъ внукамъ вмѣстѣ съ пѣснями, сказками, обрядами, спогадываніями. И часто воззрѣнія, кажущіяся неважными и незначительными на обширномъ и пестромъ полѣ этнографіи, играютъ роль въ жизни человѣка, имѣютъ рѣшающее, поворотное значеніе.

При одинаковыхъ условіяхъ жизни и воспитанія, воззрѣнія простаго народа общи, легко передаются и сообщаются отъ одного другому—иногда у многихъ лицъ психическія настроенія выливаются въ извѣстныхъ формахъ. Даже психическія болѣзни, уклоненія отъ нормальнаго состоянія духа, какъ результатъ извѣстныхъ причинъ, получая опредѣленное направленіе, характеризуютъ нѣкоторыя мѣстности. Народу присуще то воззрѣніе, что человѣкъ не самъ лишаетъ себя жизни, а доводитъ его до самоубійства, иногда даже непосредственно убиваетъ, топитъ, чортъ, лѣшій.

Меланхолическое настроеніе передъ самоубійствомъ, душевное разстройство, считаются дьявольскимъ навожденіемъ; раздвоеніе сознанія, разговоры и препирательство съ невидимымъ к ѣ м ъ-то (что нерѣдко бываетъ также въ экстазѣ отъ хмеля) народъ понимаетъ, какъ борьбу съ нечистой силой; когда же больной самовольно прекращаетъ свое существованіе народъ выражается пословицей «чорту баранъ»!

Представленіе лютаго горя или насильственной идеи въ видѣ неотвязчиваго и неотступно преслѣдующаго демона усиливаетъ душевную тревогу больнаго и тѣмъ скорѣе приводитъ его къ преступленію или къ роковому концу. Иногда демонъ принимаетъ образъ знакомаго, кума [1]), чтобъ вѣрнѣе обольстить, а потомъ погубить человѣка; или же нечистая сила вручаетъ заклятыя вещи, которыя губятъ взявшаго ихъ.

---

[1]) Во время нынѣшняго голода получилъ популярность слѣдующій разсказъ.

Мужикъ продаетъ въ дорогѣ, возлѣ кабака, жонку свою куму за десятку, надѣясь, что кумъ изъ сосѣдней деревни сжалится и отдастъ ее со временемъ назадъ. Вышло иначе. Жонка пропала безъ вѣсти; взявшій ее съ собою былъ не кумъ, а кто-то другой: кумъ никуда не ѣздилъ, а былъ все время дома.

Слышавшіе этотъ разсказъ заключали, что несомнѣнно купилъ жонку у мужика дьяволъ.

И въ Иліадѣ Гомера враждебный богъ пользуется такимъ пріемомъ, такою хитростью, чтобъ обмануть героя.

Жертвы самоубійства становятся стихійными существами, принадлежащими къ царству лѣсовика или водяника, или домоваго.

Умереть, по древнимъ воззрѣніямъ, значило уйти домой, къ домовому, къ предкамъ.

— «Я хачу двору итьти... Што вы мине двору ня пущаитя?»... говоритъ страждущій больной, прося близкихъ, чтобъ ему дали умереть спокойно, не безпокоя плачемъ, не приковывая жалобными причитаніями къ мыслямъ о родныхъ, которыхъ все равно ему надо покинуть.

Особенно часто вѣшаются несчастные самоубійцы на хлѣвахъ, на гумнахъ, гдѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, именно и обитаетъ домовой.

Самоубійцы тревожатъ живущихъ, особенно тѣхъ, которые знали ихъ, имѣли съ ними дѣло, быть можетъ, обидѣли ихъ, не оказали имъ должной любви и поддержки;—поэтому участь самоубійцъ и волнуетъ близкихъ родичей.

Видѣть во снѣ самоубійцу «хорошо», видѣть его въ блаженномъ состояніи, значитъ до извѣстной степени примириться съ нимъ и успокоиться относительно его загробнаго состоянія.

Приводимъ нѣсколько записанныхъ въ Смоленской губ. народныхъ разсказовъ о самоубійцахъ разсказовъ, характеризующихъ воззрѣнія народъ на міръ прекратившихъ самовольно свою жизнь.

1.

Якъ Данила абвѣсіўся.

Состояніе Данилы передъ самоубійствомъ.

Сядитъ Данила, дремлитъ,—маладуха спрашіитъ:

— «Данила, адурѣлъ ты? Чаго ты ета дремишъ?»

— Чаму жъ мнѣ ни дримать, Ганнычка?! Лягу спать, ни разачку ни засну—крѣпка я ня сплю.

— «Чаго жъ ты ета такъ ня спишь?»

— Ганнычка, якъ лягу я спать, здаются мнѣ дѣўки... Ни знаю, Ганнычка, якея ета дѣўки мнѣ спать ни даютъ!. Што яны тольки мнѣ пристаўляютъ акаянныя! Яны мнѣ на адинъ часъ, на адну минутучку, ни дадуть спакою!..

— «Што ты ета адурѣў? Ти жанитца ты уздумаў? а?»

— Ды нѣ! Ни дайжа [1]) и въ умѣ ни було, а дѣўки усё мнѣ призданотца, усё призданотца—никакъ атъ ихъ ни атабьесьтя!..

— «Ну, якея жъ дѣўки?»

— А такея, да усё харошія—груди такея!.. Сиськами якъ трёпнитъ. трёпнитъ... Што тольки яны выдѣлываютъ наперда мною? Яны и скачуть, и віютъ, и пѣсни пяютъ... Што яны тольки пристаўляютъ, такъ я и глазми ни звиду. Усю начўшучку хуть я лажись, хуть ни лажись, мнѣ спакою атъ ихъ нѣтъ ни разу—хажу, якъ дуракъ!..

— «Ты сказаў-бы батьки»!..

— Я бы хуть и сказалъ бы батьки!. Батьки я баюсь, баюсь: іонъ затукаитъ,—затукаитъ и залюкаитъ [2]) (батька такей дуракъ: яму ни гавари ни худога, ни харошига—ни выпускаитъ изъ рукъ байда [3]): што глянуў, то и грянуў).

---

[1]) Дайжа—даже.

[2]) Застрашитъ.

[3]) Байда—кнута.

— «Ты жъ бы матки сказаў»!..

— Якъ я буду матки гаварить? Матка станить браниттца: «Што ты? дуракъ ты! Пристаўлять блазнату, дурату! А ящо такей бальшей маладчуга! Вишь яму на умѣ дѣўки!...

Бабка самоубійцы «передъ случаемъ» сонъ видитъ.

Нада жъ такому сну Данилиный бабки саснитца:

Икъ бигать свиньни са ўсей дяреўни на капавальну зямлю и стали рыть,—во и рыть. Рыли, рыли—тады якъ збѣхся народъ, якъ стали етыхъ свинней турить. Узяли тыхъ свинней путурили у заказъ. Етый сонъ ина разсказанть, а тутъ бигать и кричать: хто—пажаръ, а хто—нашъ Данила задавіўся.

Пожаръ и самоубійство Данилы.

Паѣхали за снапами и стали снапы на вазы усклaдать. Данила кладеть снапы умѣсти съ ма́хынькый дяўчонычкый (ей тольки што во́симый гадокъ пашоў). Стаў Данила у трубку курить; дяўчоначка на яго заруга́лась:

— Чаго ты бязўлисьтя? [1]) дуракъ»!..

А Данила гаво́рить:

— Маўчи, разумная дура: а то спчасъ возъ запалю.

А ина станть биз апаски, сваимъ дѣлымъ займа́итца [2]). Іонъ жа выхватіў спичку съ капшука́ [3]), стёръ яе и запаліў авёсъ на вазу.

Дяўчонка съ возу саскачила и закричѣла. Тутъ народъ бягить къ имъ, слыша крикъ и видя, што по́лы [4]) съ возу такъ и шиба́нть.

Стали кричать, Данилу бранить (а ета напрасна: агонь шуму ня любить).

Уплялися у каня—каня дяржать.

Каня таки аткла́ли [5]). Конь якъ вырваўся, убѣхъ на дворъ и зарза́лъ [6]) стоючи.

Стали гарящій возъ раскидывать.

Принасили снапы ажъ на третію ниву.

Тады якъ стала усё шумѣть—загарѣлась!

Тушуть зямлёю, кидають комья на етый авёсъ, и хто чимъ пупала: хто лупа́тками, хто руками.

А Данила узяў моўча и пашоў.

Тутъ усѣ давай яго ругать.

— «Пятлеўникъ ты! [7]) И ходишъ ты, якъ разбойникъ, якъ неприкаянный... [8]) Вялѣй [9]) ба ты ужъ задавился! Ходить [10]) паверьхъ лѣсу, да бѣды дѣлаить... Ты адинъ намъ нико́му жить ни даешъ...

Данила жалобна баскомъ прамыча́лъ:

— «Пубягу́ ды и задаўлю́ся!...»

А матка на няго:

---

[1]) Дурачишься.
[2]) Занимается.
[3]) Съ кисета.
[4]) Пламя.
[5]) Отложили.
[6]) Заржалъ.
[7]) Разбойникъ, заслуживающій петли.
[8]) Неприкаянный—человѣкъ безпокойный, не находящій себѣ нигдѣ мѣста
[9]) Лучше.
[10]) Съумашествуетъ.

— А бяги, с.. сынъ, давпся: чортъ тябе возьмить!...

Тушуть агонь и тушуть, а Данила прайдёть, да и назадъ поглядить.

Уси у занятіи, некому да яго дѣла нѣтути—нихто ни аглянуўся.

Етыга ўремини и съ часъ ни було.

Пажаръ потушили, ужу двѣ дѣўки ѣхали запрягать вярьхомъ,—глянули,— а іонъ вясить.

Крикнули: «а, Божа мой, Данила задавіўся!»

Тады дунули [1]) уси къ заказу [2]).

Хто говорить— «бягитя за вадой ратуваць [3]) Данилу» (атливать яго), хто кажить: за ножикамъ бягитя вярёўку отризать.

Вады нѣту—усю павылили, ножикъ принясли.

Сняли Данилу; давай катать, давай махать.

Махали, махали—толку съ маханья ня вышла. Идѣ яго аткатаишь?!..

Душка—ня птушка!...

Деревенскіе толки о смерти Данилы и причитанія матери

Матка якъ увидила тѣла Данилы, такъ и самлѣла [4]), доўга причитывала, панядѣлкывать [5]) стала.

Попъ бранился: — «нада маладова чилавѣка разсуждать—сами вы винуваты».

— Праўда, батюшка. праўда, батюшка! Зачѣмъ, зачѣмъ я на яго бранилась?!...

Видить батюшка, что къ горю ящо горя подбаўляить: надо матку утѣшить.

— «Упрочимъ тольки причина придалась [7]) къ етыму. За Васькыўкый адинъ такъ задавитца хатѣў, а сястрёнка за имъ побѣгла у лѣсъ: іонъ ухадить атъ яе—ана за имъ; іонъ дальй ухадить—и сястру пугубіў и самъ задавіўся. Нѣтъ усеё раўно іонъ былъ ужъ па свѣти ни жилецъ...»

— Нѣ. нѣ, батюшка, и ни гаварити.. Я, я яво зъѣла [8]), своего сыночка.

Яму усё ни спалось, у галавѣ омутъ хадилъ. [9]) На пярёклѣти спаў [10]).

— Нихарошо мнѣ, мамочка, тутъ.—

— «Стялись на павозки!»—

Паслаўся на павозки.

— И на павозки мнѣ тыя чартоўки спать ни дають.—Ляжу я, мамочка. у пуни, на сяннйцы.— [11])

— «Ну, иди сабѣ ложись на сяннйцу»—

А у мине, батюшка, дочка—вотъ ета самая большая—Ганначка.

На Ганначку іонъ и говорить:

— Иди ты, Ганначка, лажись са мною, а то мнѣ страшна...

Ана на яго:

— А иди ты—быкъ! дуратў пристаўляить... [12]).

---

[1]) Бросились бѣжать.

[2]) Заказами часто называются въ Смоленской губерніи лѣса: первоначально «заказъ» заповѣдный лѣсъ.

[3]) Спасать.

[4]) Упала въ обморокъ,

[5]) Панядѣлкывать-поститься по понедѣльникамъ.

[6]) Увѣщевать.

[7]) Придалась-показалась

[8]) Зъѣсть—погубить.

[9]) Омутъ ходилъ-голова была не въ порядкѣ.

[10]) Парёклѣтъ—фронтонъ около амбара

[11]) Сяннйца—пуня съ сѣномъ.

[12]) Дуратў пристаўляить-дурачится.

Я на яе згугалась:

— Дура ты, гаварю: яму усё будить висялѣй.

Бохъ съ табою, Ганнычка, ни наслушалась мине!...

Штобъ то была, батюшка, якъ ба мы приглидáли яго—уси вóтаралъ [1]) ягобъ ни такъ браў!...

Мужики гаварили:

— Ну, а штобъ была, кадабъ іонъ жіў ба былъ?! усюбъ дяреўню спаліў! Ета и харашо, што іонъ у лѣсп задавіўся! Чортъ атъ чорта родитца. Батька яго сумашедшій...

Бабы гаварили:

— А идитя вы! — Напрасна, зря, нечига гаварить на чилавѣка... Данила парринь быў змирный и изъ сибе видный. А грѣхъ да бида на каго ни бываютъ?! А харошія ли жіла [2]) была яму батьки? Знаемъ мы! хвалить нечига: тутъ и са здаровый галавой адурѣешь, либа воўси съ ума сайдёшъ! Ти чули [3]) вы, что батька вытваряў мѣсяцъ таму назадъ, узлѣзъ къ абразамъ и скинулъ съ абразóў намётку [4]). Ну, вобразъ узялъ и поставилъ у чуланъ, пирянёсъ:

— Маимъ абразамъ ни малитись!

Ладна. Саснился жъ яму сонъ.

На жонку:

— Катя Андреіўна, сяння я у ва снѣ нихарошо видіў.

— «Што ты такоя нихарошія видіў?»

— Пирянёсъ образъ Спаситиля у клѣть. Онъ мнѣ приснился:—«Нашто мине патревожилъ? ни бяри атселя!»—Если на другую ночь приснитца, то пастаўлю вобразъ на прежнія мѣста...

— «Пустѝня [5]) ты, пустыня! На што ты вобразъ трогаешь, пустасмѣща [6]) чужоя? Люди вокыла насъ и такъ насміялись»...

— Дыкъ я, баба, панясу...

— «Няси ты, пустыня!»..

Узяў вобразъ и паставилъ на кутъ.

Знать, грѣхъ вабразà тривожить!..

Жонку и дятей біў дужа.

Яецъ напрягéть [7]), сядить на услóнки [8]), ихъ паатгонить; на кравати сядить жонка и двоя дятей. Самъ убéрываить яйца—яны тольки смотрять у глазы—имъ ничога. Цѣлую нядѣлю жонку бьéть, адéжу усю нупарвёть на ей, ажно галáя сядить; а іонъ хвалитца:—Сматрите, добрыя люди: ета мая Пятница сядить...

Ти чули вы ета? Изъ жонки Пятницу здѣлаў?!.

Зъ нажомъ на жонку кинулся. Люди паддёржили, а то была бъ няплоха [9]).

Атъ жонки къ тяленку. Шархъ нажомъ—тялёнка зарѣзалъ. Патомъ гаворить:

— «Ти жіў іонъ будить?»— А пяжъ жіў?! Ха, ха, ха!

Ета яво станавой троху паддёржіў:

Нажалились, што новую рубаху на сыни падраў, и дяреўню зжечь гразіўся.

— Ты у мине братъ, ня буйствуй, а сакратіся [10]): я вашига брата сакрачáть умѣю: туда загаию, куды Макаръ тилятъ ни ганяў».

---

1) Вóтарапъ=страхъ.
2) Жила=жизнь.
3) Слышали.
4) Намётка=головной старинный женскій уборъ; намётками покрываются образа.
5) Пустыня—эпитетъ волка, бѣшенаго человѣка.
6) Пустасмѣща=предметъ смѣха.
7) Напрягéть=наварить, нажарить.
8) На услóнки=на услóнцы=на лавкѣ.
9) Няплóхо съ ироніей=очень плохо.
10) Усмирись.

Батька—уси скажуть—буянъ, а абъ сыни сказать нильзя глупова [1]) ничога;—нядоля яво: изъ сябе маладчуга, такей станкавитый [2]) тольки узглядъ сувористый [3]), ни ласки, ни привѣта атъ яго, ни шутки, ни вясёлыва слова.

Такъ говэрили бабы, такія дѣйки шли па дярсўни абъ удавленники Данили.

Ипять дѣўки снятся Данилиныму брату.

Вярнуўся двиру братъ Данилинъ и поклаўся спать на тымъ самымъ мѣсти, идѣ спаў Данила.

Мўліўся, мўліўся [4]) на адныемъ мѣсти—и яму дѣўки снятца. Самъ сябе кусь за языкъ, ды пиряшолъ на другоя мѣста—тамъ кое-якъ узгрямнўў пиридъ святкомъ. Казау:

— А! тапэрь я знаю, ккаво Данили было... во страхи, такъ страхи.—

Бабъ у аднинъ голасъ спрасили:

— Што снилась табѣ?—

— «Што мнѣ снилась?! А усё жъ тыя дѣўки снились».—

— Якея жъ, якея яны? Ти страшныя, ти пригожія?—

— «Такея—бѣлыя, іость сабѣ бѣлыя, іость и чёрныя, ну, больши бѣлыя. Тольки адна чорная, грибатая [5]), якъ жидоўка Махля—тая мине усю бутуражила»...[6])

Данила снитца.

Присніўся Данила тому мужику, што яго атчапливаў.

— Стаить у мине Данила у глазахъ, кричить на мине у ва снахъ [7]):

— «На што ты атчапливаў?»

— А якжа, братъ, ни атчапливаўши?.Ня ўсёжъ тибѣ висѣть?!

— «Ты думаишъ: я задавіўся—я тольки што аборину [8]) заташціў: ана мнѣ няўрэдна...

Нагаварилъ я съ Данилый, аткуль узяўшись, бигать двѣ сабаки: адинъ урядникыў, жоўтиньгій, а другей—сѣрый, бальшей, страшный, ротъ разинуўши, языкъ высулупимши [9]), а слюня вірёўкый такъ книзу и стелитца. Вижу и урядника: вярьхомъ ѣдить, гаворить:

— А хочишъ ты, Сямёныў, Данилу пувидать?

Я сапнуўся—глядь: ни сабака ета бѣшиный, а нашъ Данила... Ко мнѣ лѣзить... Я атбиваюся.

— Ти признаёшъ мине, братъ? я—Данила! Ня грёбуй [10]) ты мною—пацалуй!

Цалмыкъ [11]) іонъ мине—тутъ я атъ страху прашнуўся...

Данила снитца матери и во снѣ примирялтца съ нею.

Матка нападѣлкывала [12]) па сыну, пока іонъ ни присніўся ей.

— Вижу ва снѣ, што плачу. Данила приходить:

— Мамъ, мамъ, чаго ты плачишъ?

---

1) Глупова ничога сказать нельзя=нельзя осудить.
2) Станкавитый=стройный.
3) Суровай.
4) Муліўся-переминался, тёрся до боли.
5) Губастая, съ толстыми губами.
6) Бутуражила-безпокоила.
7) Во снѣ.
8) Верёвка отъ лаптей.
9) Высулупимши—высунувъ.
10) Не пренебрегай.
11) Поцѣловалъ разомъ, неожиданно.
12) Постилась по понедѣльникамъ.

— «Сынокъ мой, якъ мнѣ ни плакаўши? Я таперь сама сябе ни униму [1]) и сама я ни магу сябѣ прастить. Када ты бижалъ давитца, я ни атваратила тибѐ, а сказала: чортъ тибе вазьми!»...

— Ухъ, матка ты, матка! Ты ни клапатi [2]): мнѣ лу́чча, чѣмъ была.

— «Якъ, сыночикъ, табѣ луччiй?»

— А такъ! У насъ ничога не была, а таперь у мине мука́, круны; ѣшь—сколькп хочишъ; сколькп хочишъ—ѣшъ.

— «Идѣжъ вы тапѐрича бу́дитя, сыночикъ мой?»

— А мы у сваёмъ пруди...

Тутъ мужикъ сталъ мине звать:

— «Жонка, а жонка!»

— Ды што табѣ?

— «Съ кимъ гаваришъ».

— Да зъ Данилый!

— «О!» [3])

— Казаў мнѣ: харашо!

— «О!»

— Iонъ вить у пруди.

— «О!»

На третiй день гаварю пра сны свае сва́тьти; ина мнѣ:

— Сватьтика, няжъ iонъ у пруди?

— «Да у нашимъ пруди—а тожъ идѣ. И сяни мнѣ снiўся—ва снѣ пришоў:

— Ты апять плачишъ, мама! напрасна!.. Знаншъ мама: я здѣсь никога ни баюсь, никто мине ни абижаить и ни чипа́ить [4]); усяго давольна...

Сасніўся и сяструѣ Данила такей бѣлый, чистый, якъ лижаў ва гроби.

— Я ни задавился, сястра, а затхну́лся; таперь жа такъ харашо мнѣ, такъ свабодна!...

2.

Якъ Вася утонула.

[а) Васю черти во́дють; б) Васю черти то́пють].

Мужикъ Ва́синъ былъ на зѐрабаткахъ, а ина забрѐминила атъ родныга плямѐнника, атъ бра́тнига сына.

Стали яе люди стра́шить [5]):

— Ты кяру́шъ-ка! Будить табѣ атъ мужика...

— «Я сванго мужика ни баюсь: iонъ рахма̀нъ» [6]).

Другая жѐнъщина на ей:

— Съ тихыга усё ли́ха [7]) бываить: тихiй душу вы́пить... А што тибѣ за нявѐля яму работать?! Ты луччи задавись или затапись, а яго ни дажидайся ..

Вася узяла̀ ета на умъ и заду́малась.

Сабирались бабы жать. Тэй день ниластя была дужа, а хлѣба ни було̀. Нявѣстка большая гаво̀рить Васи:

1) «Отъ сильнаго раскаянiя не могу успокоиться».
2) Не горюй, не безпокойся.
3) Знакъ изумленiя, небольшаго испуга.
4) Не трогаетъ.
5) Пугать.
6) Смиренъ.
7) Бѣда.

— «Иди на ниву: я принясу табѣ хлѣба. Якъ хлѣбъ сиякѐтца, я приду къ табѣ».

Наслухала Вася нявѣстку и пашла у поля. Якъ атсталàсь ана адна, тутъ сатана яе и надмыкнỳлъ: падỳмала ти затапитца, ти залитца.

Уздумала дурноя. Якъ пришла, на ниву серпъ паклала—узяла̀ и пашла̀...

Нявѣстка приходить—яе нѣту.

Ти ни агады збира̀нть ина́? Гука́ть яе, гука́ть—слỳхамъ, дỳхомъ—нѣту, на барскимъ дворѣ тожа нѣту. Ина́ тады́ двòру прибѣгла за мужикомъ сваимъ. Васиным дѐверимъ. Гука̀ли, гука́ли [1])—нѣту Васи нийдѣ. Назаỳтрига сабрали сходку, аблаву здѣлали,—пашла уся дяреỳня; искали, искали—и ни пашли. Яны тада шука́ть [2]) яе па возиру. Связали плоть и плавали па возиру; астя̀ми щỳпали—ни знайшли. Назаỳтрига, якъ Вася прапала, хадила адна жэнъщина съ другей дяреỳни у въ анѐнки [3]). Чуить ина, што хто-та рыгаить [4]), атъ каго-та слоỳна атбиваитца:

— Ну... Ну... Ну... Чаво вы ка мнѣ пристали?!

Вѣтиръ, такей бальшѐй, атносить го̀манъ [5]): то ей чỳтна плоха, а тамъ, проти вѣтра, ужъ ничога ня чỳтна. Ина разбира̀нть, разбира̀нть... Якъ вòтырынъ узялỳ яе, такъ рубаха кòракымъ на спини становитца и нимаге̍ть ина ни разу ступить атъ страху.

На третій день другая жэньщина у Бараỳськоя пила мима бора, идѣ го̀манъ былъ чỳтинъ и патомъ ужъ зю̀кала:

— «Туда бѣгла ничога ня чула (ня буду пустоя брихать). Иду атуда, ужу на стиска́ньни [6]), ужу сонца зайшло. Увайшла я (у Гутницкій роỳ, проти Равыкъ) узялỳ мяне вòтырынъ [7]). Чую я го̀манъ:

— Ну, куда ега я иду, иду? Чаво вы ка мнѣ пристали? Ну, куда вы мяне ведѐтя?

Какъ пачула я эта, уляпётывала, сколько силъ была».

Тую ночь яны яе и затапили. Шесть нядѣль мякла,—на са̀менькава [8]) Пакрава нашли.

Шоỳ паринь мима возира, да, камнемъ балуваỳшись [9]) якъ цудне̍ть [10]) у возира, да прямо у го̀лаву Васи и пупаỳ: платокъ выплыỳ.

Плоть звязали и вы̀тинули Васю, атъ возира ни брали, пакуль писарь пришоỳ. Казаỳ:—«Харанитя яе—вить усякый видить, што ина залилася, а ня што нибудь»...

Вася у вòди сидѣла, а съ рукъ ногти атлятѣли: ти атъ вады атмя̀кли, ти черти атарвали.

Мужикъ Васинъ пришòлъ; гулъ [11]), гулъ—яще ти стòльки [12]),—гулъ, гулъ. Казаỳ:

— «На што вы яе бранили?! На што вы яе пужа̀ли?!..» (дѐвирь большій браніỳ яе: я тябе забью!). Якоя вамъ дѣла да мяей бабы? Хуть бы ина двухъ радìла, я бъ яе пальцымъ ня тропуỳ! И пусть бы жìла... Надажъ вамъ мнѣ такоя горя здѣлать»!...

---

[1]) Звали.
[2]) Шука́ть=искать.
[3]) Апе́нки—грибы желтаго цвѣта.
[4]) Рыгаить=плачеть, рыдаеть.
[5]) Го́манъ—говоръ.
[6]) Въ сумеркахъ.
[7]) Вòтырынъ—страхъ.
[8]) Уменьшительное отъ «самъ».
[9]) Шаля́.
[10]) Броситъ, швырнетъ, шлёпнетъ.
[11]) Плакалъ, рѣвелъ.
[12]) Яще ти стòльки—очень много, безъ мѣры.

3.

Кастылиха.

(Пьяную Кастылиху чартоўка, бытцакъ знакомая дѣўка, Увараўськая Сонька, топить).

Кастылїха была на Микольщини [1]) у Бараўськомъ.

Ряку пиришла, стапть тамъ изба. Уздумала, што напрямкї нада идить у Буду къ Ирмалаю. Сичасъ, тольки избу прашла, їўляптца къ ей дѣўка (Сонькуй яе звали—Увараўськая); їўляптца:

— Я тожа хачу идить у Буду.

Кастылиха съ ею здароўкаптца, такая радая, што ни адной идить да мѣста.

Сонька пуцулуватца съ Кастылихый хатѣла:

— Да, пацалуимся жъ съ табою, Андрѣїўна. Кастылиху усё атводить съ ею пулуватца.

— Ня буду!

— Мною гребуишъ? Чаго ты такъ ня хочишъ?! Ну, пайдемъ,—пайдемъ напрямкї!

— Луччїй па полю.

Нѣтъ жа пувила напрямкї, надъ Лучисяику; а надъ Лучисяику роў вяликъ, и гара къ няму якъ изъ печи крута.

Сонька вядеть яе пряма съ гары надъ Лучисяику; Кастылиха упираетца—Сонька яе преть пряма съ кручи. Падъ кручїй мѣста у насъ называптца Кисялёў виръ. Бывала мы лягкимъ у лѣтку, у тяпёчку [2]), падъ ракиткый и смотримъ уппзъ. Уппзу кружёлка [3]) бальшая, слова калодись: утрымъ тамъ галаулї, надъўста и разпая рыба, такъ и играють.

— Сонька! пкаяпная! куда мяне прешъ? [4]).

— «Иди, иди пряма—пя бось: сонца ужу зайшло: и прямкомъ памъ дайтїть пядоўга».

— Пусти! Сопичка, милая, галубка, пусти! Бойжа мой, ета вить виръ Кисялеў... Куда пна прёть... Ишъ сама усё беригымъ грябётца [5]), а мине усё пихапть... Сичасъ вапрёть... [6]) Сичасъ вапрёть... Бойжа мой, лячў, лячў...

Пихїль [7]) Сонька Кастылїху.

Лятить Кастылїха пряма у воду —лёдва, [8]) лёдва выскриблась, нахтями уцапїўшись за берихъ,—ну, вада такая халодная и беригъ ужъ абмерзъ.

Апомпилась Кастылиха, устала,—опять съ нею Сонька, усё опять мунтруить яе: то пихнеть, то крутиеть, то за руку таскапеть, а усё са сваихъ рукъ ни выпущапть. Ужу видиѣить—бўтцакъ висялѣй троху стала у Кастылїхи.

Во скотникъ Будянскїй ѣдить скоту давать.

Кастылїха стала гукать:

А ратўй, а ратўй!.. А Яхимычка, а радимый жа ты мой, ратўй,—атъ Соньки ратўй...

Аглянулась! Соньки ни стала. .

— «Вижу тапер, вижу, што ета ня Сонька была... Якая ета Сонька—ета пкаяпный, зиустїтель»...

---

[1]) Передъ зимнимъ Николой мужицкія пирушки называются «Микольщинами».
[2]) Въ тѣни.
[3]) Водоворотъ.
[4]) Прешъ=толкаешь.
[5]) Съ трудомъ пробирается.
[6]) Впихнётъ.
[7]) Пихнула.
[8]) Едва, едва.

Скотникъ надъѣхалъ къ Кастылихи: ляжить ина на бирягу... адёжинка уся абмёрзла, аблидянила: дома лаптей ни магли атъ нохъ атдёрнуть: такъ пристали. Шипртымъ тёрлась, гарчишники къ застылку приляпила Кастылиха (гаспада дали), а шесть нядѣль у абчёртачку [1]) пралежила.

4.

Пьяный Кузьминъ на чортывый тройки ноччу катаўся. Чахолъ Кузьмину атъ чорта застаўся, патомъ таго Кузьминъ на гўмни абвѣсiўся.

Ишоў пьяный съ Бараўськога. На дарози стаить каминь—елка. Сичасъ къ яму чилавѣкъ выходить. Разсматрѣў харашенька: надь имъ лошадь, лошадь надъ чахломъ.

— «Эй, знакомый, здрастуй! Садись на маю лошадь: я тибѣ падвязу»!..

Тольки сѣў на яе вярьхомъ Кузьминъ, низнакомый лошадь тую якъ цуднѣть [2]) (а у яго карнатка харошая, якъ у цыганъ). Кузьминъ абъ землю хряпъ.

Тады ипять другей выходить, надъ имъ тожа лошадь аказываитца:

— Садись, братъ Кузьминъ!..

— «Абманишъ»!..

— Ня бось! Ни 'бманю—ня бось, ня бось, а садись-ка!—

Падмыкнула яго сѣсть. Сѣў—и палятѣў у други торчмя галавой, бутырёмъ.

У третiй разъ выходить чилавѣкъ, а надъ имъ лошадь.

— Эй, Кузьминъ!—

— «Атвяжитись, ўраги: вы тольки мине падманяйтя»!..

Патомъ Кузьминъ гаварилъ:

— «То былъ я пьянъ, а то и хмѣль мой сачхнўў [3]), куда дѣваўся: Страхъ, вотырипъ мине такъ и узяў, ажно трясусь и калачусь. А усё што-та паттаўхиваитъ мине садитца... Самъ сабѣ думаю: «тольки типерь дурна ни сяду, якъ тады, а вазьмусь за чахолъ абѣими руками, что на каня уздѣтъ»...

Чортъ, якъ Кузьминъ тольки сѣў, абрадаваўся што у третiй разъ яго азлйилъ, да якъ кулупнѣть каня карнаткый: Чахолъ абарваўся—Кузьминъ съ чахломъ палятѣў на землю и вочи сабѣ накрыў.

Устаў ипять Кузьминъ на ноги—нѣтъ ни людей, нѣтъ никога, тольки чахолъ астаўся яму атъ чорта. Узяўши чахолъ, за мотузы [4]) пувалокъ яго двору:

— «Глядитя, рибяты, якую навасть я привалокъ. Ѣздiў цѣлую ночь на тройки, на вражжiй сили, а вотъ съ третьтига каня што мнѣ чортъ павѣсiў...

Цѣлая лѣта ета штука висѣла на шўли [5]).

Придуть дѣти, придуть бабы и мущины; тигають, тигають и усё дивютца, якая штука.

Цѣлая лѣта чахолъ висѣлъ на шўли,—къ восини прапалъ.

Пашоў чилавѣкъ тэй на гумно, што привалокъ чортаву штуку—тамъ и абвѣсiўся.

---

[1]) Ровно какъ одинъ день.
[2]) Цуднётъ—стебанётъ.
[3]) Сачхнўў=испарился, ослабѣлъ.
[4]) За тесёмки.
[5]) На шўли=на столбѣ.

5.

Задȁўлиньники [1]) на дяреўихъ качаютца.

Ишоў салдатъ на̀ вѣсти [2]); стрѣлися зъ имъ рибяты:

— «А, брахинька ты мой, идёшь ты адинъ: тутъ вѣшальники призадаютца».—

— А няжъ [3]) насъ будуть талаку сабирать.—

— «Иди жъ ты, служивый, съ апаскыю».—

— А ни баюсь: жіў — прапаў! царьская — ни панская, — ета вы идѐтя на пригонъ атказыватись, а ца́рьская ни атказжитца.

Съ етыми славами іонъ и пашоў.

Дайшоў да мѣтнаго [4]) мѣста, якъ пуваротка, глянулъ на таѐ бярезу, идѣ дѣўка съ парнимъ задавились (пѐрва дѣўка, пѐтэмъ и парнинь): абая яны, схапёмшись [5]) руками, калышутца на кривой бярёзи: тотъ аттолъ, атая аттолъ, калышутца и прибаюкываютъ адинъ адиаму: а—а! а—а! [6]).

А я иду сабѣ да васкресную малитву читаю. Ружжо заря̀жипа и штыкъ надъ рукою:

— «Тѐльки палѣзь, икая̀нная сила: я тябе па своиму дѐрну»!..

Сообщилъ В. Добровольскій.

---

1) Повѣсившіеся.
2) На́ вѣсти=на караулъ.
3) Неужели.
4) Да мѣтнаго мѣста—до намѣченнаго мѣста.
5) Схватившись руками.
6) а—а=болѣзненный скрипъ надломленнаго дерева.

Рекрутчина.

Солдатчина для крестьянъ—тяжелая и непріятная повинность. Она отрываетъ парней отъ крестьянскихъ работъ, а иногда и совсѣмъ отъучаетъ ихъ отъ деревенскаго хозяйства; воспитываетъ въ нихъ новые вкусы и привычки, часто не пригодные и не желательные въ крестьянскомъ быту. Да и самое солдатское житье, по взгляду крестьянъ, не веселое, «не привычное»; тамъ «потачки не дадутъ», «жиру сбавятъ», «бока повымнутъ», научатъ «по стрункѣ ходить». Между тѣмъ эта повинность неизбѣжна для крестьянина. Понятны поэтому—сочувствіе, нѣжность и ласки, съ которыми они относятся къ молодымъ парнямъ, подлежащимъ призыву, или, какъ ихъ называютъ, «некрутамъ». Эти чувства выражаются въ причетахъ и обрядахъ, которыми сопровождается «рекрутчина». Въ причетахъ родственниковъ слышится съ одной стороны—нѣжная любовь и ласка къ своему «рожденью сердечному», а съ другой скорбь продолжительной разлуки, сопровождаемой тоской и кручиной, и скорбь за будущее солдатское житье, гдѣ все то не привычное, не по крестьянскому тѣлу. Обряды и разныя церемоніи вытекаютъ изъ тѣхъ же съ одной стороны нѣжныхъ чувствъ любви и ласки, а съ другой стороны—тяжелаго чувства разлуки.—Въ самой крестьянской жизни парни, состоящіе «на очереди», еще задолго до призыва начинаютъ пользоваться разными привиллегіями въ работахъ и «гуляньѣ». Ихъ не принуждаютъ къ работѣ, не посылаютъ на трудные зимніе заработки (напр. вывозку бревенъ), во всемъ даютъ бо́льшую свободу и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ проступки и шалости.

Лѣтомъ предъ призывомъ «некрутъ» обыкновенно (если онъ не изъ богатыхъ) идетъ на заработки, большею частію «въ путину», «на Маріинку» (Маріинскій каналъ). Тамъ онъ обязательно покупаетъ себѣ гармонику, по мѣстному выраженію «бобку» (русскую гармонику), или «тальянку» (гармонику съ итальянскимъ строемъ) и справляетъ праздничный костюмъ, въ которомъ главную роль играютъ «вытяжные» черные сапоги и суконный «пинжакъ». Оставивши остальной заработокъ на карманные расходы, или, какъ говорится, «на табакъ», некрутъ въ Августѣ возвращается домой. Съ этого времени начинается его гулянье. Не проходитъ почти ни одной «ярманки» или «гулянки», гдѣ бы онъ не появлялся. Обыкновенно рекрута служатъ центромъ, около котораго группируется на гулянкахъ молодежь. Имѣя бобку, они даютъ тонъ праздничному веселью и являются иниціаторами танцевъ—кадрѣлки (кадрили), ланцѣвки и русскаго.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ начинаются гулянья рекрутовъ съ парнями односельчанами. Подъ вечерокъ парни собираются въ избѣ у какого-нибудь бобыля или бобылки; здѣсь иногда «некрутъ» выставляетъ водку, а не то покупаютъ ее всѣ въ складчину и подвыпивши начинаютъ свои ночныя прогулки по деревнямъ, которыя часто продолжаются «до пѣтуховъ». Ревъ гармоники, безобразное нестройное пѣніе, большею частію неприличныхъ пѣсенъ [1]), лихое отхватываніе «русскаго»—сопровождаютъ эти

---

[1]) Пѣсни эти большею частію представляютъ изъ себя риомованные куплеты изъ 4-хъ стиховъ, часто безъ всякаго смысла, въ родѣ слѣдующихъ:

Какъ у бобки у тальянки
Изломалися мѣхи,
Возьму я дѣвку старовѣрочку
Замолитъ всѣ грѣхи.

Заболѣла голова
Съ великаго посту,
Полюбилъ дѣвчонку я
Небольшого росту.

полупьяныя толпы; не обходится, конечно, безъ потасовокъ и даже серьезныхъ дракъ.

Но главное раздолье для гулянья, кривлянья и бахвальства «некрутовъ» наступаетъ съ открытіемъ въ деревнѣ «бпседъ» (посидѣлокъ). Здѣсь рекрута—главныя дѣйствующія лица: имъ предоставляется здѣсь полный просторъ. Они заводятъ всѣ танцы и игры, выкидываютъ разныя «штуки», сидятъ на колѣняхъ у всѣхъ дѣвушекъ, даже и у «славутницъ», угощаютъ ихъ «прениками и канфетами»; парни ухаживаютъ за рекрутами и стараются во всемъ угодить имъ.

«Призывъ» бываетъ обыкновенно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. За недѣлю до назначеннаго дня гулянье рекрутовъ особенно усиливается, а за 2—3 дня начинается «гостеба» ихъ по своимъ роднымъ, къ которымъ они ходятъ прощаться; начинаютъ съ самыхъ близкихъ родственниковъ.

Когда рекрутъ собирается въ гости, мать напутствуетъ его слѣдующими причетами: [1]):

«Ты послушай-ко рожденьё сердесьнёе.
Скацёная жемцюжина—ягодка,
Ты куды справляисе и свиваисе?
Ты справленсе и свиваисе
Со друзьеми, со братьеми,
Съ перелетными удалыми молодцами.
Свиваисе не по старому, справленсе не по прежнему
Во цастоё любимое госьбищё.
Омираётъ моё сердцё ретивое.
Справленсе не по волюшкѣ великія.
Ты пойдешь во цастое любимое госьбищё,
Ужъ не въ первое, а въ послѣдное
Придешь ко своей родимой тетушкѣ,
Седёшь за столы, да за дубовые,
Перекрести ты лицо чисто-браноё
Предъ иконою передъ Божіей.
Тобя станутъ подтцивать и цёствовать,
Сугрѣву мою теплую, зеленымъ виномъ кудрявымъ.
«Ты не упивайсе, мое милое рожденьицё сердесьнёе».

Рекрутъ идетъ въ гости со своими сверстниками. Родственница (положимъ тетка) встрѣчая, обнимаетъ его съ плеча на плечо и начинаетъ голосить:

«Слава, слава Тобѣ, Господи,
Дождалась я свово любовново племянницька, гостя долгожданново,
Во цастое любимое госьбищё.
Ужъ мнѣ смахнуть-то свои оци ясные
На свово любовново племенницька.
Идетъ онъ со друзьеми, со братьеми,
Съ перелетными удалыми добрыми молодцами.
Ужь я гляжу тетка бѣдная
На тебя, добрый молодець, любовный племённицекъ;
Идешь да не по своей-то волѣ вольныя,
Не несутъ тебя рѣзвы ноженьки,
Пріупали бѣлы руценьки,
Потуманились оци ясные,

---

[1]) Во всѣхъ причётахъ по возможности удержаны особенности произношенія.

Помертвѣло лице бѣлое
Со великово со горюшка.
Садись-ко, любовной племенницёкъ,
За столы да за дубовые
Со удалыми добрыми молодцами.
Поставила я тетка бѣдная столы дубовые,
Послала скатерти бѣлотканныя,
Припасла ѣству хресьянскую,
Хресьянскую, да не господскую».

Подносятъ рекруту на тарелкѣ вина, при чемъ хозяйка угощаетъ:

«Выпей-ко, любовный мой племенницёкъ,
«Зелена вина кудряваго
«Не въ первое, а во послидпёе».

Рекрутъ садится съ товарищами за столъ, покрытый скатертью, на которомъ кипитъ самоваръ и стоятъ разныя закуски: крендели, пряники, конфекты, а также— непремѣнно рыбникъ (рыбный пирогъ). Онъ выпиваетъ немного вина, чаю, пробуетъ закусокъ и выходитъ изъ-за стола. Хозяйка кланяясь благодаритъ его:

«Спасибо тебѣ, любовной мой племенницёкъ,
Што не занесе ты богатымъ-то богацествомъ,
Дороднымъ-то дородцествомъ».

Изъ гостей ведутъ рекрута «взáпятки», т. е. лицомъ къ большому углу, а спиной къ двери съ тою мыслію, чтобы въ скоромъ времени опять бывать ему здѣсь въ гостяхъ.

Съ такими же церемоніями ходитъ рекрутъ и по другимъ родственникамъ. Когда вечеромъ, по большей части уже достаточно подвыпивши, возвращается онъ домой, мать встрѣчаетъ его причётами:

Слава, слава Тобѣ, Господи, дождалась я доглядѣласе
Свово рожденья сердесьнево,
Удалово доброво молодца.
Ужь ты былъ во цастомъ любимомъ госьбищѣ,
Ужь и што тебѣ сказала любовная тетушка,
Какія примѣтоцки и приглядоньки,
Што бывать-ли тобѣ на родимой сторонушкѣ
По старому, да по прежнему?»

Передъ днемъ отъѣзда къ мѣсту вынутія жребія родные рекрута обращаются обыкновенно къ мѣстнымъ колдунамъ и колдовкамъ, которыя по картамъ, по бобамъ или другимъ какимъ-нибудь способомъ предсказываютъ судьбу—счастье рекрута. Иногда на канунѣ отъѣзда болѣе смѣлыя бабы спрашиваютъ объ участи рекрута даже у «нечистой силы». По большей части въ такомъ случаѣ обращаются къ «дворовому». Въ полночь хозяйка идетъ во дворъ, снимаетъ съ себя крестъ, поворачиваетъ рубаху воротомъ назадъ, становится среди двора противъ конюшни и спрашиваетъ «хозеина-дворового»: «Батюшка хозеинъ! чѣмъ ты меня обрадуешь, или прослезишь»? Дворовый, по мнѣнію крестьянъ, непремѣнно или заплачетъ, или просто закряхтитъ или закашляетъ голосомъ хозяина дома. Плачъ означаетъ неблагопріятный отвѣтъ, а кряхтѣнье считается хорошимъ предзнаменованіемъ. Чтобы благополучно удалиться изъ двора, нужно повторить первое слово, сказанное при входѣ въ него; иначе дворовый можетъ сдѣлать большія непріятности. Иногда бабы, хотя и довольно

рѣдко, обращаются за предсказаніемъ къ лѣсному, или, какъ называютъ его, «праведнику». Для этого выходятъ въ полночь въ лѣсъ, становятся на «розстань» (т. е. на перекрестокъ дорогъ) и обращаются къ лѣсному съ такимъ-же вопросомъ, какъ и къ домовому.

Въ самый день отъѣзда въ избу рекрута собираются родственники и масса любопытныхъ сосѣдей. Устраивается угощеніе для ближайшихъ родственниковъ; всѣ ухаживаютъ за рекрутомъ и стараются предупредить его малѣйшее желаніе. Послѣ обѣда всѣ молятся Богу, при чемъ рекрутъ часто даетъ какой-нибудь «завѣтъ Богу» (обѣтъ) въ случаѣ освобожденія его отъ военной службы. Родители благословляютъ рекрута и выводятъ его подъ руки изъ избы. При этомъ наблюдаютъ слѣдующую довольно сложную примѣту. Отъ четырехъ угловъ скатерти, покрывавшей обѣденный столъ, отрѣзываютъ маленькіе кусочки, полагаютъ ихъ на печной столбъ (верхъ печи надъ самымъ ея устьемъ), зажигаютъ и смотрятъ—куда направится дымъ. Если дымъ идетъ въ большой уголъ или «прилубъ» [1], то предзнаменованіе хорошее—рекрутъ останется на свободѣ и возвратится въ родной домъ; если же дымъ направляется въ двери, то значитъ—рекрута забріютъ въ солдаты.—Когда рекрутъ прощается съ матерью, послѣдняя обхватываетъ его руками и начинаетъ причитать:

«Ты прощайсе со своёй родимой сторонушкой,
Ты мое рожденьё сердесьнёе,
Со широкой быстрой рѣценькой,
Со всими со полеми со цистыми,
Со лушками со зелеными.
Ты прощайсе, сугрѣва сердесьняя
Съ Преображеньемъ многомилосливымъ
И со всѣми храмами Господними.
Какъ прійдешь ты на дальнюю сторонушку,
Заведутъ тобя во пріёмну казенную,
И стануть, сугрѣва моя теплая,
Содѣвать съ тебя платье хресьянское
И тонкую бѣлую рубашецьку,
И станутъ тебя оглядывать и осматривать;
И поведутъ тебя на кружало осударево,
Подъ мѣру подъ казенную.
И рыкнутъ судьи—власти не милосливы,
Серца ихны не жалосливы:
Припеть да добра молодца
Во солдаты во рекрутцкіе.
Подрѣжутъ рѣзвы ноженьки,
Пріопадутъ бѣлы руценьки,
Пріужаснетце серце ретивое.
Принесутъ тебѣ бритву нѣмецкую,
Станутъ брить да буйну голову,
Золоты кудри сыпуція.
Обырѣй ты, мое рожденьё сердесьнёе.
Собери-ко свои русы волосы,
Золоты кудри сыпуція.
Заверни во бѣлу тонкую бумажецьку,
Пришли ко мнѣ матери побѣдныя.

---

[1]) Небольшая комната съ хозяйственными припасами и инвентаремъ рядомъ съ большой жилой избой.

Я пока бѣдна мать бесцасная
Покамѣсь я во живности,
Буду держать ихъ во теплой запазушкѣ
За правой за пелецькой [1]).
Пойдутъ удалы добры-молодцы,
Все твои дружки-товарищи
Ко цесному годовому ко празницьку,
Погляжу я, мать безцясная,
Во хрустальнёе окошецько
На широкую пробойную улушку,
Погляжу я на твоихъ друзей товарищей;
Стану примицѣть да и доглядывать
Тебя, мое рожденьё сердесьнёе,
Стану доглядывать по стипи да по возросту,
По похвальныя походоцькѣ.
Ушь не могу прибрать тебя, рожденьё сердесьнёе,
Не по походоцькѣ похвальныя,
Не по поступкѣ молодецкія,
Не по платью по хресьянскому.
Я погляжу мати безцясная
На тебя, сугрѣва сердесьняя:
Ты была у миня яблунь кудрёватая,
Срослая и урослывая,
Съ корешка да не закомлистой,
По середоцькѣ поджаристой.
По лицю по цисто-бранному,
По буйной по головушкѣ.
Ушь я не могу тебя признать
Тутъ одолитъ миня бесцясную
Горе бѣдность-то великая.
Ушь нѣту ново ясново солнышка
Не по стипи, да не по возросту,
Не по ухватоцкѣ похвальныя,
Не по походкѣ молодецкія.
Ушь была ты у мня яблунь кудрёватая,
Свиця да воску ярово,
Верба да золоцёная.
Былъ добрымъ людямъ-то присвойчивый.
Тутъ обомретъ мое серце ретивое,
Што нѣту мово рожденья сердесново.
Ушь мое-то рожденье сердесьнёе
Былъ умный-то и разумный,
Къ добрымъ людямъ прибойчивый.
Со тово горя великово,
Со обиды, со досады несныя
Выну я съ своей съ теплой пазушки
Возьму во несцясныя руценьки
Кудри жолтыя сынуція
Со твоей со буйной головы,
И приложу я къ ретиву серцу побѣдному,

---

[1]) Пелецька—часть пазухи за лямкой сарафана.

Будто на тебя наглядусе, рожденьё сердесьнёе,
Будто съ тобой наговорюсе и набаюсе».

Когда рекрутъ садится въ сани, наблюдаютъ за лошадью. Если она въ это время не стоитъ смирно, а переступитъ съ ноги на ногу, то примѣта нехорошая.

Съ рекрутомъ отправляется кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ—мужчинъ—отецъ или братъ. На мѣстѣ призыва уже не слышно причитаній, такъ какъ бабы рѣдко ѣздятъ туда. Все больше встрѣчаются серьезныя задумчивыя лица мужиковъ и слышится пьяный разгулъ призываемыхъ.

Но вотъ жребій вынутъ, произведенъ медицинскій осмотръ; рекрутъ оказывается «забритымъ» и превращается въ «новобранца». Прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту своей службы, онъ еще пріѣзжаетъ на недѣлю на двѣ домой погулять. Тутъ уже новобранецъ кутитъ во всю ширь русской натуры. Онъ одѣвается въ лучшее крестьянское платье—суконную «сибирку», яркій цвѣтной шарфъ и мѣховую шапку. Домашнія и родственницы дарятъ ему цвѣтные платки, которые онъ связываетъ вмѣстѣ концами и неизмѣнно носитъ при себѣ. Начинается лихое гулянье новобранцевъ. На тройкѣ лошадей съ бубенчиками, съ гармоникой и пѣснями, махая разноцвѣтными платками разъѣзжаютъ они по гостямъ и бесѣдамъ. Неизмѣнными спутниками новобранца являются два три молодыхъ парня—пріятеля, которые водятъ его подъ руки.

Наступаетъ день отъѣзда на службу. Мать и женская родня все время заливаются горючими слезами. Опять происходитъ прощанье новобранца со своими родственниками, сопровождаемое обильнымъ угощеніемъ; а дома въ это время укладываютъ его пожитки и пекутъ «подорожники», въ числѣ которыхъ неизбѣжно являются «сдобные колобы», «калитки», «наливки» (различные виды пироговъ изъ ячменной муки) и т. п. Въ самый день отъѣзда въ избу новобранца собирается чуть не вся деревня. Мать уже не только не въ состояніи причитать, но даже и плакать, а только охаетъ, стонетъ. Начинается трогательное прощанье новобранца. Онъ падаетъ въ ноги всѣмъ своимъ домашнимъ и близкимъ родственникамъ, начиная съ отца. Тѣ подымая его и, обнимая, прижимаютъ къ своей груди; съ посторонними онъ только обнимается. Новобранецъ проходитъ по всему дому: въ каждой комнатѣ онъ молится Богу и падаетъ въ землю. Потомъ онъ идетъ во дворъ—прощаться со скотомъ; предъ каждой животиной онъ кланяется до земли и благодаритъ ее за вѣрную службу ему.—Когда онъ въ послѣдній разъ прощается съ матерью, она обхватываетъ его руками и напутствуетъ причетами. (Во время причетъ ее держатъ подъ руки близкія родственницы; она нѣсколько разъ «омираетъ» (т. е. лишается чувствъ), но придя въ себя, опять продолжаетъ причитать). Напутственные причеты слѣдующіе:

«Ты пойдешь, рожденьё сердосьнёе,
Не по старому, да не по прежнёму.
И даютъ тѣ тонку-бѣлую рубашецку солдатскую
На твое-то тѣло бѣлое,
И даютъ шинель казенную
Не по костямъ и не по плецюшкамъ,
И даютъ фуражку солдацкую
Не по буйной-то головушкѣ,
И сапожки-то не по ноженькамъ
И рукавицки не по руценькамъ.
И станутъ высылать на путь дорожку широкую,
Волока́-то будутъ долгіе
И версты будутъ не мѣрныя,
Пойдутъ лѣса темные высокіе.
Пойдешь-ты, моя сугрѣва бажёная,
Въ города-то незнамые,

Все народы да не знакомые.
Какъ дойдешь до храма Господнево,
До церкви до священныя,
Ставь-ко свицьки Царю Небесному,
Пресвятой да Богородицѣ
И служи молебны-те заздравные
За великое за здравіе,
Штобы далъ тебѣ Христосъ Истинной
Ума и разума великово
На чужой на дальней на сторонушкѣ.
Служи-ко вѣрою да и правдою,
Держись за вѣру христіанскую,
И слушай-ко властей, судей милосливыхъ,
Командировъ, офицеровъ
И рядовыхъ-то солдатушёкъ.
Будутъ судьи власти милосливы
И серца ихъ будутъ жалосливы».

Студентъ Духовной Академіи
Александръ Мельницкій.

Село Ухта, Вытегорскаго уѣзда,
Олонецкой губ.

Святки въ Кореле.

Время гаданій у кореляковъ начинается съ вечера сочельника (24 декабря) и продолжается до самаго Крещенья. За это время, кромѣ того, что соблюдается во время «вийндуойдъ» (не мажутъ дегтемъ сапоговъ, не моютъ половъ и т. д.), не бросаютъ еще на снѣгъ огарковъ отъ лучины,—чтобы жито не почернѣло. Вечеромъ въ сочельникъ дѣвушки и парни собираются въ одинъ домъ и здѣсь—въ складчину—дѣлаютъ «пряженые пироги» на постномъ маслѣ... Закусивъ пирогами, всѣ молча отправляются гадать—узнавать свою судьбу. 1) Одно изъ самыхъ распространенныхъ средствъ—узнать свою судьбу—это подслушиванiе подъ окнами. Дѣвушки или парни, а иногда тѣ и другіе вмѣстѣ идутъ подъ окна дома и, притаившись, слушаютъ, что̀ говорятъ живущіе въ домѣ. Каждый условливается слушать слова только извѣстнаго лица, живущаго въ домѣ. Потомъ подслушанныя слова толкуютъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и на основаніи ихъ узнаютъ, что будетъ въ наступающемъ году... 2) Ходятъ слушать на перекрестки дорогъ. Собирается компанія молодежи, и тайно, безъ смѣха и разговоровъ выходитъ изъ дому на перекрестокъ. Молча становятся спинами вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ обчерчиваетъ «сковородникомъ» кругъ, чтобы слушающимъ не могъ сдѣлать ничего худаго «сўндў». «Сундў»—это особаго рода божество, которое дѣйствуетъ на землѣ преимущественно о святкахъ. Нѣкоторые изъ кореляковъ видали «сўндў». По разсказамъ ихъ, оно представляетъ изъ себя двигающійся стогъ сѣна, и не дай Богъ человѣку попасть въ его руки: онъ непремѣнно задавитъ его. Въ причитаньяхъ какъ свадебныхъ, такъ и погребальныхъ встрѣчаются названія «суврэдъ сўндўдъ», «сўндуйжедъ»; по всей вѣроятности, это второстепенные боги послѣ Юмала, но боги очень популярные между кореляками, всѣми почитаемые и имѣвшіе большое значеніе въ семейной частной жизни. На мой вопросъ: «что-же такое «суврэдъ сундўйжедъ»—старуха-причитальщица не сразу нашлась отвѣтить... Она задумалась и минуту другую сидѣла молча. Потомъ, осмотрѣвшись по избѣ, она съ нѣкоторымъ даже азартомъ отвѣтила: «что «суврэдъ-сўндўйжедъ»?—да иконы вѣдь это»... Потомъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, внимательно слушаютъ, что прислышится, что скажетъ «великій сундў». Иные изъ молодежи слышатъ отдаленные выстрѣлы—это значитъ быть имъ въ солдатахъ, слышатъ звонъ ямщицкаго колокольчика, пѣніе веселыхъ пѣсенъ,—все это къ тому, что скоро будетъ свадьба. 3) Вышеописаннымъ-же способомъ слушаютъ еще на церковномъ крыльцѣ и на кладбищѣ. Этотъ способъ гаданія считается самымъ вѣрнымъ, чтобы узнать свою судьбу, но рѣдко кто изъ кореляковъ осмѣливается идти на кладбище или на церковное крыльцо. Суевѣрный страхъ ихъ столь силенъ, что иные даже на свѣту, среди яснаго дня не осмѣлятся пройти по кладбищу; кладбище и церковь, по мнѣнію ихъ, населены покойниками, которые всюду бродятъ, всюду проникаютъ и еще намѣренно стращаютъ живыхъ людей... 4) Въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка кладетъ предъ устьемъ печки на плиту зеркало и зажигаетъ свѣчу; сама поднимается на печку, ложится на спину (головой въ сторону плиты), распускаетъ волосы и, закинувъ голову, глядится въ зеркало, положенное на плиту: если суждено ей скоро выйти замужъ, то непремѣнно

она увидитъ въ зеркалѣ лицо своего жениха, если же выйдетъ еще не скоро, то не увидитъ ничего. Тѣ же, которыхъ ожидаетъ скорая смерть, видятъ гробъ и похоронную процессію... 5) Также въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка одѣваетъ на шею хомутъ и садится подъ столъ,—садится и ждетъ, что привидится. Этотъ способъ гаданія считается довольно опаснымъ, потому что гадающую можетъ испугать показавшійся призракъ. 6) Дѣвушки берутъ зубами съ печки каждая по лучинкѣ, въ зубахъ же и несутъ ихъ на прорубь, опускаютъ въ воду и несутъ потомъ обратно въ избу; вставляютъ въ стѣнную щель надъ дверной лининой и зажигаютъ: чья лучина загорится, къ той скоро пріѣдутъ сваты. 7) Гадающая дѣвушка беретъ сапогъ и, повертывая нижней частью его (то носкомъ впередъ, то пяткой), отмѣриваетъ пространство отъ лицевой стѣны до порога; и если въ послѣдній разъ приложенный сапогъ будетъ носкомъ къ порогу, то дѣвушка выйдетъ замужъ, а если пятой, то останется въ прежнемъ состояніи. 8) Въ самый день Крещенія утромъ подметаютъ полъ; соръ, собранный на полу (преимущественно угли лучины, которая и до сихъ поръ не вытѣснена у кореляковъ никакимъ другимъ горючимъ матеріаломъ), выбрасывается на улицу, недалеко отъ домоваго крыльца. Гадающая дѣвушка примѣчаетъ—прилетитъ ли на этотъ соръ сорока, если прилетитъ, то дѣвушка непремѣнно выйдетъ скоро замужъ. 10) Для того, чтобы узнать характеръ будущаго жениха, дѣвушка беретъ сковороду, наливаетъ на неё воды и кладетъ немного кудели, и все это ставитъ на огонь, если на сковородѣ будетъ сильно трещать, то женихъ будетъ—человѣкъ горячій, буйный, а если будетъ только шипѣть, и дѣло обойдется безъ треску, то женихъ будетъ нрава кроткаго, человѣкъ смирный и степенный... 11) Чтобы узнать, кто будетъ женихъ—крестьянинъ или купецъ, или нищій, съ этою цѣлію берутъ три одинаковыхъ ложки; одну наполняютъ молокомъ или хлѣбнымъ зерномъ, въ другую кладутъ золотое или серебряное кольцо, а въ третью наливаютъ воды... Гадающая дѣвушка уходитъ на время въ сѣни, пока приготовляютъ ложки; потомъ возвращается и выбираетъ одну изъ трехъ (самыя ложки закрываются, и оставляются на видъ только ручки): если попадетъ ложка съ водой, то быть за бѣднымъ человѣкомъ, если съ молокомъ, то за крестьяниномъ, а которая возьметъ съ кольцомъ, то выйдетъ за богатаго человѣка....

Н. Лѣсковъ.

Мудрый Маччи.

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дому выполоскать на берегу озера вѣники,—увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходитъ въ избу къ матери, а сама плачетъ заобывается. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣлъ тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...»—Нѣтъ, маменька, отвѣчаетъ дочь, не обидѣлъ меня никто, и слова грубаго я не слышали ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ—и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; родился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «улачку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь.. Приходитъ съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣлъ ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?...—Нѣтъ, не обидѣлъ насъ никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачемъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ: полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночекъ—мальчикъ, пошолъ бы онъ играть на улачку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачемъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушалъ сынъ—мать и сестру и въ первое время просто изумился:«—ну, говоритъ онъ имъ, сколько живу на семъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видалъ... Пойду скитаться по міру, и если найду трехъ человѣкъ глупѣе васъ, то ворочусь,а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбовъ...

Собралъ Маччи котомочку, вскинулъ ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идетъ день, идетъ другой, наконецъ, приходитъ въ одну деревню и останавливается въ ней на ночлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идутъ люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вошли въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скочилъ одинъ мужикъ, скочилъ другой,—все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не попадаютъ. Въ каждый разъ, какъ скочитъ кто не удачно, не попадетъ въ подштанники, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-моль худо подштанники подставила... Снова оттуда скачутъ,—и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ—и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣлъ—глядѣлъ на эту безтолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещеные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣть ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»...—Какъ?... Скажи, пожалуйста, научи,мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи; самъ сѣлъ на лавку, протянулъ ноги и руками легко натянулъ подштанники... Хозяева просто рты разинули;—Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣванія подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ»... Накормили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идетъ Маччи дальше. Приходитъ опять на ночлегъ въ одну деревню. Сидятъ хозяева, ужинаютъ «һутту» (каша изъ ржаной муки) ѣдятъ... Возьметъ каждый ложку «һутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; съѣстъ ложку, другую хватитъ и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣлъ-глядѣлъ Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говоритъ: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «һутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пожалуйста, ужь научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ со сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ они, на свѣтѣ жили, а до сихъ поръ вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Напоили накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашелъ глупыхъ людей, а если въ третьемъ еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходитъ Маччи опять въ деревню; только зашелъ онъ въ деревню, видитъ, какъ изъ одного дому выскочило на улицу четыре человѣка съ пологомъ; разостлали его на солнцепекѣ, потомъ снова быстро поспѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали пологъ и обратно въ торопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣлъ на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ пологомъ бѣгаютъ; по видимому ничего не носятъ, а разстелютъ только на солнцепекѣ и опять въ избу несутъ; потъ на лицахъ ручьями льется.... Глядѣлъ, глядѣлъ Маччи и спрашиваетъ у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надъ чѣмъ вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорятъ Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работѣ... Вотъ выстроили домъ,—домъ хорошій, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣтъ; вотъ мы и стараемся въ пологѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ трудимся, а до сихъ поръ въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу носить? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатимъ. «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи: роздалъ каждому по топору, и самъ взялъ топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоятъ мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло придти такое простое средство освѣтить избу... Напоили, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взялъ Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говоритъ матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашелъ въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, ѣшьте хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Лѣсковъ.

—

Шутъ Григорій.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Шутъ-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни проѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозоветъ, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣкъ и останется; «какъ гвоздями прибьетъ», поговариваютъ объ этой способности Григорья сосѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячетъ концы, что самому «наһалайнэ» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежитъ себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежитъ насвистываетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужъ горячіе «ростёги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорью подноситъ. А Григорій ѣстъ да ухмыляется: умѣлъ, говоритъ, нажить, умѣю и ѣсть. Слѣзетъ иной разъ вечеромъ съ печки, нащиплетъ лучины или сплететъ корзину и опять на цѣлый вечеръ правъ, сидитъ безъ дѣла, разсказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшитъ. Даже русскіе пріѣзжали слушать Григорьиныхъ сказокъ. Пріѣдутъ это съ деньгами, по недѣлѣ сидятъ на подпольницѣ, рта не смѣютъ открыть, слушаютъ его... А Григорій сидитъ себѣ на печкѣ, ногами помахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—нечего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ сходитъ, бересты надеретъ, мячики ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенькій рѣзвится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кола»—мячикомъ играетъ. Не было у Григорья никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мути. Разъ вздумалось Григорью идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говоритъ Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и сохи,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говоритъ ему попъ. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебя пахаря; какой съ тебя пахарь?... Ты бы шелъ лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болталъ, да денежки за это получалъ: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣтъ, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и соху; буде что случится съ ними недоброе, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахалъ-царапалъ «пало». Вечеромъ ѣдетъ домой... Проѣзжаетъ мимо болота, глядитъ болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пусть, говоритъ, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ — почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоитъ, золотая, хвостомъ не шевельнетъ, до самаго брюха въ болото ушла... Попъ съ кряхтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорья: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (саттанапъ віа), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, приходится мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стоитъ, хвостомъ не шевельнетъ; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?!...

Какъ же теперь вытащить лошадь? А вотъ что, батюшка, говоритъ Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадь съ хвоста, съ зади: мнѣ простому мужику живетъ; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Понравился такой распорядокъ попу. Накинулъ онъ на голову лошади петлю, выбралъ посушѣе мѣсто на кочкѣ, оперся правой ногой о пень и давай тащить лошадь что есть мочи... «Ой, батюшка, говоритъ Гришка, не тащи такъ сильно лошадь, неравно голова оторвется». Попъ тащилъ, тащилъ,—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палго», хлопнулся на пень; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пень. А Гришка правъ: говорилъ я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пеняй: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ...» А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорью весной ходить въ лѣсъ на тетёръ. Ходитъ Григорій по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходитъ посвистываетъ, не столько тетёръ стрѣляетъ, сколько пѣсенъ поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и сталъ Гришка обѣдъ варить. Развелъ огонь, положилъ рябчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валитъ,—слышитъ вдругъ Григорій, что идутъ къ нему на просѣку какіе-то люди, топорами звѣнятъ, ружьями пощелкиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорѣхонько затопталъ огонь, нарылъ на него снѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую кочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахиваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, пріятнымъ запахомъ носъ щекочетъ. Подходятъ разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочкой надъ горшкомъ помахиваешь?—А посмотрите, говоритъ Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ на голой кочкѣ стоитъ, а рябчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорятъ Гришкѣ разбойники, продай намъ этотъ горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохн*уть* некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабьимъ дѣломъ заниматься: огонь разводить да обѣдъ варить; а въ горшокъ твой чего только ни наклалъ, все мигомъ безъ огня скипитъ». — Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хорошія.—«А сколько же ты просишь»?—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожаныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ... Проходитъ недѣля.. Гришка начинаетъ побаиваться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его домъ и тогда ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что въ такой-то день они непремѣнно придутъ къ нему, и идетъ въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучнымъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка двѣ маленькихъ птички—трясогузки (наско-чивчуой), совершенно другъ на друга похожихъ. Одну берётъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говоритъ Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сканцевъ съ кашей, чупуковъ, кокачей, колобовъ..., сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовь все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Пошелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходитъ по корбѣ, посвистываетъ, не столько тетеръ стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какіе-то люди къ нему на просѣку подходятъ, топорами звенятъ, ружьями пощелкиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюхо отъ страху ниже ножныхъ пальцевъ упало» (корельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; и тряхнулъ волосами, стоитъ и поджидаетъ гостей.—А, вотъ и самъ Гришка, говорятъ разбойники, завидѣвъ Григорья. Ты что, братъ, обманулъ насъ, деньги взялъ сполна, а горшокъ далъ никуда негодящійся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а щей себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говоритъ въ отвѣтъ Гришка:

не я въ томъ виноватъ, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вамъ слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой помахивай... Не вѣрите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка — трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоитъ только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо полетитъ къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чупуки и растеги стряпала, блины пекла, кофей варила...» — Ужели, Гришка, у тебя птичка такая есть? Пожалуйста, сдѣлай такую милость, отправь её къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовитъ, и мы бы у ней кстати поѣли... «Отчего же, говоритъ лѣниво Григорій, можно»... Взялъ птичку, пошепталъ ей въ ухо и пустилъ ее въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идутъ разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «ужели, говорятъ между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слетѣла и приказъ отдала — обѣдъ готовить». Приходятъ, наконецъ, въ домъ — и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чупукъ» съ кашей свёртываетъ.

Сѣли разбойники за столъ, ѣдятъ, пьютъ, ѣду похваливаютъ, но больше и больше птичкѣ удивляются. — Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты её намъ; она намъ очень бы пригодилась; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабъ ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такая птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ её, и велѣлъ бы передать бабамъ, — чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её... — «Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, и не продать; продать можно, лишь бы деньги дали хорошія!..» — А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ намѣсто птичку далъ, и самъ радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ домъ, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорятъ ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ насъ; полно тебѣ обманывать насъ, какъ маленькихъ дѣтей; будетъ тебѣ — и деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связаннаго Гришку, посадили въ куль, куль зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общимъ голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пешни («пуразь»), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пешней, а Гришку, зашитаго въ куль, оставили тутъ же, на озерѣ, не убѣжитъ, молъ, а возить его зря взадъ и впередъ не стоитъ. Сидитъ Гришка въ кулѣ и думаетъ: «насталъ, должно быть, мой конецъ, теперь ужь никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожилъ и — довольно...» Слышитъ вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣлъ. — Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ѣдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидитъ въ кулѣ и такъ жалобно стонетъ: «хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотятъ въ попы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подъѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ куль, прислушался: — кто-то стонетъ: «Хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю»; велѣлъ баринъ ямщику остановиться, распоролъ куль и вывелъ на свѣтъ Божій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ куль»? спрашиваетъ баринъ Гришку. — Да вотъ, добрый человѣкъ, говоритъ Шутъ, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ попы, такъ меня, чтобы хотя насильно въ попы поставить, взяли и зашили въ куль... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ «Если ты не идешь въ попы, говоритъ онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...» — Отчего же, лѣниво отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ куль сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя енотовый тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ кафтанъ и засѣлъ въ куль, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барскія сани, свистнулъ и поѣхалъ... А между тѣмъ баринъ сидитъ въ кулѣ и твердитъ: хотятъ въ попы ставить, и я грамотѣ знаю. Пришли разбойники, принесли пешню, сдѣлали ею прорубь и спустили туда куль съ бариномъ. «Ну, теперь не выскочитъ ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встаютъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой—глядятъ—на встрѣчу имъ Гришка ѣдетъ. Сидитъ въ саняхъ, развалясь, какъ баринъ, въ енотовомъ тулупѣ, въ черныхъ сапогахъ, и подъ дугой колокольчикъ звенитъ. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нажилъ, вѣдь сейчасъ только мы утопили тебя въ озерѣ...» — Эхъ, братцы, говоритъ имъ Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, анъ оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, кто съ этого свѣта туда спустится, лошадей даютъ, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насъ въ прорубь, стали просить разбойники, спусти насъ подъ ледъ, мы тебя отблагодаримъ...» Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубь, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говорилъ.

Стали прыгать разбойники въ прорубь, и послѣ нихъ только пузырьки встаютъ на поверхности. Прыгнулъ одинъ, прыгнулъ другой, а остальные ждутъ своихъ товарищей, стоятъ около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, придти имъ обратно...» — Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покрасивѣе сани... Я такъ прямо: хватилъ, что было поближе да поскорѣе вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насъ поскорѣе подъ ледъ...» — Прыгайте всѣ скорѣе да по очереди, чтобы не препятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкою поскакали въ озеро... А Шутъ-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

—

Въ одной деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалятъ Пекко бабы, не нахвалятся... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (наhалайнэ) и говоритъ ему: давай Пекко—помѣряемся силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кивиналп» (груда камней, собранная на полѣ). и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянулъ на молодаго пастуха, осмѣлившагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, нѣтъ, братъ, говоритъ ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать ... Предъ приходомъ дьявола Пекко только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«начой» и спряталъ ихъ между камнями въ «кивиналлю , Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «начой» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говоритъ дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. Отчего же? можно» .. говоритъ Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходитъ съ топоромъ по улицѣ, по угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсѣкая вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видитъ Пекко, что дѣло плохо, и если не схитритъ, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «Я, говоритъ онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу комель», а ты иди въ передн неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взваливъ вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащитъ, кряхтитъ, а Пекко сидитъ на комлѣ и пѣсни поетъ... «Да смотри ты у меня, покрикиваетъ онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ топоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, кряхтитъ подъ тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смѣетъ: боится, что топоромъ отъ работника достанется. Приходитъ дьяволъ домой и разсказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же намъ попался, жена; силища такая, что и сказать нельзя... Сегодня я въ лѣсу нарочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а мнѣ верхушку далъ. Я едва несу, охаю, ноги подламываются, а онъ леговько такъ несетъ, пѣсни поетъ да на меня покрикиваетъ: если хоть разъ-моль оглянешься, такъ-таки топоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь намъ дѣлать съ такимъ силачемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отвяжешься. Какъ пойдетъ онъ спать въ сарай, въ сани, говоритъ она мужу, уснетъ тамъ, ты возьми топоръ, поди и щелкни его по головѣ, ужь навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣняхъ за дверью, слышалъ отъ слова до слова весь совѣтъ «наhалайнэ» съ женою. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отвяжетесь отъ меня; кто кого еще выживетъ»?

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждетъ, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идетъ дьяволъ, на цыпочкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—спитъ ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спитъ. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говоритъ женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спитъ крѣпко, настало время спровадить его съ этого свѣту. Снова идетъ дьяволъ въ сарай, только теперь уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылѣзъ изъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбанъ, обвернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждетъ. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хвать по чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдемъ, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идетъ въ избу и, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполнѣ здоровымъ. «Какъ еще ночь эту спалъ»? спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спалъ хорошо, только около полуночи, что-то ущипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснулъ по лбу?! А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣлаемъ.. совѣтуетъ дьяволу жена «Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу», насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгоритъ, но и Пекко ужъ тогда не уцѣлѣетъ»... Такъ совѣтуетъ дьяволу поступить—жена, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаетъ, не такъ-то вы скоро отъ меня отвяжетесь; кто кого со свѣту сживетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу, насадили ее полную овса и Пекко послали на ночь топить въ ней печь... Топитъ Пекко печь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватилъ охапку соломы, и самъ—драло въ лѣсъ. Проспалъ тамъ до утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, пришелъ на пепелище, подостлалъ въ сторонкѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачомъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь и косточекъ работника не отыщешь»... Приходятъ на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а онъ цѣлъ остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говоритъ дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дому, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насъ... Съ такой силой все можно сдѣлать..—Рѣшились дьяволъ и жена бѣжать изъ своего дому, задумали скрыться отъ силача работника Пекко. Пекутъ хлѣбъ, сушатъ сухари, приготовляются въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы убѣжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насушили дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунѣ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидитъ молча, не жуя ихъ... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга.. Дьяволъ, ничего не подозрѣвая, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена остальной—третій. Идутъ спѣшатъ, подъ тяжестью мѣшковъ кряхтятъ; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работникъ не догонитъ насъ, еслибъ и захотѣлъ бѣжать за нами»... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричалъ изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говоритъ дьволъ, слышишь?... Кричитъ, догоняетъ насъ, и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше»... Снова схватили мужъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѣсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ плечъ мѣшки, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышатъ голосъ работника: Подождите немножечко, вмѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—«Жена, слышишь? Говоритъ дьяволъ, Пекко кричитъ, догоняетъ насъ и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше, авось скроемся»... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольскаго дома все, что поцѣннѣе, и пришелъ въ свою деревню, и снова сталъ жить по прежнему—пасти стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ «паһалайнэ».

Сообщилъ и перевелъ съ корельскаго языка:

Н. Лѣсковъ.

———

Приложеніе къ Отчету А. Л. Погодина о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года.[1]

I.

Шилы Жоранскаго прихода Тельшевскаго уѣзда.

I.[2] Сказка о трехъ дуракахъ.

Bo(u)va trys durnėj, turėje anej gyvene(i)mo(u)ką; tap anej tarp saves pradėje kalbėti: «kun mes če varksma tame gyvene(i)me? mes geriau ejkiam pardavę vandravote(i) į svėtą; pe(i)ningus pasedalysma į trys dalis ir ejsma į svėtą pavajksčiote(i)». Vejns sake: «kad mes išacksma, kun mes darysma?» Untrasis sake: «mes nu supe(i)rskma surį ir galesma valgyte(i)»; vo tretinsis saka: «vo je kejts bus, kun mes darysma?» Tap tas saka, untrasis saka apent: «aš graušo(u), graušo(u) ir tau douso(u)». Untras saka: «graušo(u), graušo(u), tau douso(u)», vo tretinsis saka: «aš graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u)», ir nebe — pasake, kad jums douso(u). Tap to(u)do(u) saka: «tap tu mums ne-b-douse(i), nori sugraušte(i) ve(i)są?» Tap to(u)do(u) jeme anon o(u)žton užmo(u)ša, tap bepale(i)ka do(u); ejna ano(u)do(u) par me(i)šką ir pamate egle voverį. Tap vejnas saka: «vot če vedo(u)m bus pejta; le(i)pk tu į eglę, sugauk voverį; vo aš ejsio(u)[3] poudelį atse(i)nešte(i), kame norints benegausio[3])

Было три дурака; имѣли они домикъ; и начали они разговаривать между собою такъ: «чего мы здѣсь будемъ плакать въ этомъ домѣ? пойдемте-ка мы лучше, продавши (его), странствовать по свѣту; деньги раздѣлимъ на три части и пойдемъ побродить по свѣту». Одинъ сказалъ: «когда мы проголодаемся, что мы сдѣлаемъ?» Второй сказалъ: «ну, мы купимъ сыръ и сможемъ поѣсть», а третій говоритъ: «а если онъ будетъ твердъ, что мы будемъ дѣлать?» Такъ сказалъ этотъ, второй говоритъ опять: «я погрызу, погрызу и тебѣ дамъ». Другой говоритъ: «погрызу, погрызу, тебѣ дамъ», а третій говоритъ: «я буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть», и не сказалъ, что вамъ дамъ. Тутъ тѣ два говорятъ: «такъ ты намъ уже не дашь, хочешь весь сгрызть?» Взяли его и убили за это, и такъ остались (только) вдвоемъ; идутъ они черезъ лѣсъ и увидѣли на елкѣ бѣлку. Тутъ одинъ говоритъ: «вотъ тутъ будетъ намъ и обѣдъ; ты лѣзь на елку, поймай бѣлку, а я пойду принести горшочекъ, не добуду-ли гдѣ-нибудь взаймы?» И добылъ онъ у одного человѣка, а оставшійся

---

[1]) См. «Живая Старина». 1894. Вып. I. стр. 114—119.

[2]) Въ первыхъ двухъ сказкахъ за діалектическимъ произношеніемъ і и ӥ возстановлено ихъ граматическое значеніе.

[3]) Въ родѣ русскаго *ё*: *эйсё бенгаусё*.

pažičiote(i); ir gava nu vejna žmogaus; vo pale(i)kusis gaudė voverį ir le(i)pa į eglę gaudite(i) voverejs. Tap ta voveris iš tos eglis iššoka į ke(i)tą eglį. Tap ons saka sau: «kad tu tokia maža gale(i) šokte(i) į ontrą eglį, juk ir aš galio(u) šokte(i) į ontrą eglį». Kap ons šoka į ontrą eglį ir nukre(i)ta unt žemes ir prise(i)mo(u)ša, g(u)ol vos gyvas. Tas atejna su poudo(u), saka anam: «sugavá voverį, prise(i)jede ir guli». Tap su poudo to(u)jaus davė į gałvą anam ir bepale(i)ka vejns.

ловилъ бѣлку, и влѣзъ на елку поймать бѣлку. Тутъ эта бѣлка скакнула съ этой елки на другую. А тотъ сказалъ себѣ такъ: «когда ты такая, маленькая, можешь прыгать на другую елку, такъ значитъ и я могу прыгнуть на другую елку». Какъ прыгнулъ онъ на другую елку, и упалъ на землю и убился, лежитъ еле живой. А этотъ приходитъ съ горшкомъ, говоритъ ему: «ты поймалъ бѣлку, наѣлся и лежишь». И тотчасъ же далъ ему по головѣ горшкомъ, и такъ остался одинъ

2. Lajmingas strelčius.

Vejns žmogus de(i)de(i)lį ukatą turėje vakščiote(i) unt medžiokles ir ronds nėka ne liub nušaute(i), ne turėje lajmes, ke(i)te(i) draugaj liub nušaute(i), vo ons nėkumet neko neliub nušaute; vejną kartą mislej sau: «norints dušę velniuj pardoučio, bi tejk nušaucio, ar šokį, ar tokį paukštį»; to(u)jaus ir velns atse(i)rada: «nu», sak: «atedouk mon dušę, aš tau dousio lajmę», ir ons suserokava ont ištejs metu, ir po tus visus metus, kur nušaudis, į vejną pakajo(u)ką to(u)r dete(i) plunksnas ir skuras, ir kap pe(i)lną prides pakajo(u)ką, to(u) kart bengas lajme ir tures atedoute dušę; tep ons ejn vakare pro staldus ir ons atsedukseje dedele, vo motriška karves mełža tuse stalduse; tep ana išge(i)rdusi ano duksavima išeje ir kłause ano: «ponati», saka, «kas yra Tamsta, kad tap duksauji?» «Nu», sak, «kad aš ir pasakysio, juk munį ne išgelbės iš tos nelajmas». Ana saka: «išgelbesio, tik pasakyk mon, kas yra?» Tap ons saka: «ryto par dvyle(i)ka, velne mona dušę paims»; tap ana saka ponaičiuj: «ar te(u)ri smalas? płunksną visokiu paukščiu ar to(u)ri?» Ons saka: «to(u)ro(u) ve(i)sako.» Tap ana įlinda į smałą, susesmaleje dedele ir potam išsevolaja po visokiu paukščiu płunksnas ir išeje į tyra ir sedos ir ons šaude pauk-

Счастливый охотникъ.

Одинъ человѣкъ имѣлъ большую страсть ходить на охоту, но никогда, кажется, ничего не застрѣливалъ, не имѣлъ счастія; другіе товарищи, обыкновенно, застрѣлятъ, онъ же никогда ничего не застрѣливалъ; однажды думаетъ онъ себѣ: «хоть душу черту продалъ бы, только бы застрѣлить ту-ли, другую-ли птицу». Сейчасъ-же нашелся и чертъ: «ну», говоритъ, «отдай мнѣ душу, я тебѣ дамъ счастія». И онъ уговорился на годы, сколько будетъ нужно, и въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ отъ всего, что онъ застрѣлитъ, перья и шкуры онъ долженъ складывать въ одну комнатку, и, когда онъ наложитъ полную комнату, сейчасъ же оканчивается его счастіе и онъ долженъ будетъ отдать душу Вотъ идетъ онъ вечеромъ мимо скотнаго двора и сильно вздыхаетъ, а женщина доила коровъ въ этомъ стойлѣ; вотъ она, услышавши его вздохи, вышла и спросила его: «панычъ», говоритъ: «что съ Вами случилось, что вы такъ вздыхаете?» «Ну», говоритъ онъ: «если я и скажу, все-же ты меня не выручишь изъ этой бѣды». Она говоритъ: «выручу, только скажи мнѣ, что такое?» Вотъ онъ говоритъ: «завтра послѣ двѣнадцати черти возьмутъ мою душу». Вотъ она говоритъ панычу: «есть-ли у тебя смола и перья всякихъ птицъ?»...

ščius visokius lig dvyle(i)kas dejnos išsaude visus paukščius, kurius bova velne atvaren; tap ons velnas saka: «ne bėra paukščiu; jau rek tava dušę jimti». «Ne», sak, «ne jimste dar mona dušes; dar vejną paukštį to(u)re(i)t atvaryte; tap anej varė vėsokias spasabas; tas paukštis ne ko(u)še(i)nas ejte; velne vesokias spasabas bajda; steš steš, pasestejbdamės begio aplinkou to paukščio, vo ons ne jo(u)de(i)nas; sėd ir sėd; potam jis su trubeliu sutrubej, kad paukštis to(u)jaus pradeji ejte unt truba bałsa: kap ons prijaje pri strelčiaus, tap strelčius to(u)jau šava į ton paukštį; tas vejną karta šava, dar ne kre(i)ta paukštis, ir ontrą kartą to(u)jaus šava, to(u)jau paukštis pavirta; velne pribegen už kojas nutvere ir kelno ton paukštį: «och, och, kas tas persmago(u)ms to paukšte»; prišekese vejżejc: «ach, kakias ta ronas padėje dve».

3. Var. J. 9, 706, 838. Geitler. Lit. Stud. 113. Bezzenberger. Lit. Forsch., s. 179.

Na paimtas dėvą cudas,
Ane żmoniun błogas budas.
Nėkur nėra tos asabas,
Katra visims pase(i)dabas,
Kożnam douda ketą vardą;
Par ton żmoniun šłovę arda;
Kap dabarčin, tap visadas
Svėts ne pamet sava madas:
Svėts, kap łape, mok privelte,
Vo privilęs grejża ełte;
Ant pabażne pirštas roda,
Styra mełstejs jam ne douda;
Nors konegas dejva tarnas,
Nu apkałbų nėra vałnas;
Kursaj prastas, ne mokintas,
Tas nu żmoniun panekintas;
Kas razumnas, tasaj durnas,
Vis apsudej żmoniun burnas.
Katras redas, tasaj pliuškis;
Kas ne redas, tasaj suskis;
Ne rustybe, ne pakara
Żmoniun burnas ne uždara;
Katras gera, tas gertuklis,
Kas ne gera, tas šeštuklis;

Не понятное Божье чудо,
Не понятенъ дурной человѣческій нравъ:
Нигдѣ нѣтъ такого человѣка,
Который правился бы всѣмъ,
Каждому даютъ другое имя,
А этимъ портятъ славу людей;
Какъ теперь—такъ и всегда
Свѣтъ не бросаетъ своей моды;
Свѣтъ, какъ лиса, можетъ привлечь,
А привлекши скрежещетъ зубами;
На набожнаго показываютъ пальцами,
Не даютъ ему чисто молиться;
Хоть священникъ и слуга Божій,
Отъ наговоровъ не свободенъ и онъ;
Кто простъ, не ученъ,
Тотъ людьми унижается;
Кто разуменъ, тотъ золъ,
Все обсуждаетъ человѣческія рѣчи (уста);
Кто наряжается, тотъ сумасшедшій,
Кто не наряжается, тотъ нищій;
Ни грубость, ни покорность
Не закрываютъ устъ человѣческихъ;
Кто пьетъ, тотъ пьяница,
Кто не пьетъ, тотъ скупецъ;

Katras turtu ter daugybę.
Saka: ne jo ta gerybe;
Błogas busi, kad kałbesi,
Vo ne teksi, kad tylesi.
Kad tau svėtas użmės tinkłą
Imk kontrybę sau użginkłą.
Kur tu, żmogau, pasidėsi,
Kad kontrybes ne turėsi;
Buk tu, Dėve, tėvu mona,
Taves vejna bus mon gana.

Кто имѣетъ много богатствъ,
Говорятъ: не его это добро;
Будешь дуренъ, коли будешь разговаривать,
Но не получишь, если будешь молчать
Если свѣтъ закинетъ на тебя сѣть,
Своей защитой возьми терпѣніе.
Куда ты, человѣкъ, дѣнешься,
Если не будешь имѣть терпѣнія?
Будь ты, Боже, моимъ отцемъ,
Тебя одного будетъ мнѣ довольно.

4. Var, L. B. L. 76, 1.

4. 1. Dajnoukit, mergiales,
Kon ne dajnoujat?
Ko vejzet į munį
Rupesningą?
2. Aš toro širdele
Rupesnelį,
Rutelu darželу
Iškadele.
3. Rutelias ne sėtas,
Ne ravėtas,
Ne pintas vajnekas
Ir ne devėtas.
4. Na sêsio rutelių
Ir ne ravėsio,
Nepinsio vajneka
Ir ne devėsio.
5. Pasėsio linelius,
Tus ravėsiu,
Išausio drobelo,
Ton aš devêsio.
6. Bałst mona drobele
Nu raselių,
Vo mona rankeles
Nu ašarelių.

1. Пойте, дѣвушки!
Почему вы не поете?
Для чего вы смотрите на меня
Озабоченную?
2. У меня въ сердечкѣ есть
Заботушка;
Въ рутовомъ садикѣ
Изъянъ.
3. Рута не сѣяна,
Не полота,
Вѣнокъ не свитъ
И не надѣванъ.
4. Не буду я сѣять руту
И полоть не буду,
Не буду вить вѣнка
И носить не буду.
5. Посѣю я ленъ,
Его полоть я буду,
Натку полотенъ,
Ихъ носить я буду.
6. Бѣлится мое полотно
Отъ росы,
А мои ручки
Отъ слезъ.

5. Var. Жив. Стар. 1893 г., IV вып., стр. 527.

1. Išleidau žilį pro łongą,
Pats atsisedęs dumojau;
Fodrí, fodrá, fodrá ła ła [1]),
Pats atsisedęs dumojau.
2. Kur lejsio berą žirgelį,
Kur pats ejsio nakoute;

1. Я выпустилъ синичку чрезъ окошко
Самъ думалъ, сѣвши;
Фодри, фодра, фодра ла ла,
Самъ сѣвши думалъ:
2. Куда пущу я бураго конечка,
Куда пойду самъ почевать;

---

[1]) См. припѣвъ L. B. L. 120 faledridi faledra. Этотъ же припѣвъ я слышалъ въ этомъ году (1894 г.) въ одной латышской пѣснѣ. Если я не ошибаюсь, онъ служитъ признакомъ нѣмецкаго происхожденія мотива.

Fodŕi. fodrá, fodrá ła ła,
Kur pats ejsio nakoute.
3. Išlejsio žirgą į lonką,
Pats ejsio pri jaunų mergiun и т. д.
4. Mergiale mona, jaunoje(i),
Ar ne gali, Tamst, prijimte? и т. д.
5. Berneli mona jaunasis,
Aš Tamst(as) negalio prijimte; и т. д.
6. Toro durales girkždontes,
Sverna raktelius skombončius; и т. д.
7. Mergiale mona, jaunoje(i),
Aš Tamstą jimsio mokite; и т. д.
8. Kap riak durales daryte,
Sverna raktelius valdyte; и т. д.
9. Pakiałk duriales nab‿girkždęs,
Suspausk raktelius na b-skumbęs?...
10. Berneli mona jaunasis,
Mokyk tu sava žirgelį; и. т. д.
11. Kap keliu begte, rysnote,
Vandenį gerte, sliurpsnote; и. т. д.
12. Vandenį gerte, sliurpsnote,
Aviž(el)es jeste, rupsnote; и т. д.

Фодри, фодра, фодра ла ла,
Куда пойду самъ почевать?
3. Коня пущу въ поле,
Самъ пойду почевать къ юнымъ дѣвицамъ. и т. д.
4. Дѣвица моя юная,
Не примете-ли Вы меня? и т. д.
5. Молодецъ мой юный,
Я не могу Васъ принять; и т. д.
6. У васъ двери скрипучія,
Ключи отъ свирни звенящіе; и т. д.
7. Дѣвица моя юная,
Я примусь Васъ учить; и т. д.
8. Какъ нужно двери отворять,
Овладѣть ключиками отъ свирни и т. д.
9. Подними двери, не заскрипѣвши,
Сдави ключики, не зазвенѣвши; и т. д.
10. Молодецъ мой юный,
Учи ты своего конька; и т. д.
11. Какъ бѣжать по дорогѣ, рысить,
Какъ воду пить, тянуть; и т. д.
12. Воду пить, тянуть,
Овесъ ѣсть, грызть; и т. д.

6. Čion susirinka turtingas panas;
Anas terp saves kałb rożnas kałbas;
Uż paselninką ejt ne norėje,
Uż gaspadorių kożna ketėje.
Vo kap pasena, paselninks ne b-jam:
Koudel ne eje, kad jauna bova?
Panele saka: pasoga yra.
Kas ta pasoga, kad dontes byra:
Brongis spodničes uż nėka yra;
Kad per senomą dontes išbyra;
Perła, karolia kakłą nutraukė,
Kad per senomą kaktą suraukė,
Iau į parėdką vażioute gana,
Bet jau tu esi marcava pana...
Telšiun povėte daug tokiun yra,
Kad perse nomą neb-gava vyra;
Vo katras girdat, prašom nepikte!
Bet ta dajniuška tejsybe štyra.

Здѣсь собрались богатыя панны:
Онѣ между собою ведутъ разные разговоры;
За поселянина идти не хотѣли;
За хозяина каждая желала.
А какъ состарѣлись, поселянинъ ужъ не беретъ:
Почему ты не шла, когда молода была?
Панночка говоритъ: приданое есть.
Что тутъ приданое, коли зубы сыпятся.
Дорогія платья ничего не значатъ,
Если отъ старости зубы сыпятся.
Перлы, коралы шею оттянули,
А отъ старости лобъ стянуло;
Уже на свадьбу ѣздить довольно,
Уже ты старая панна.
Въ Тельшевскомъ уѣздѣ много есть такихъ,
Что отъ старости не достали мужа.
А вы, которыя слышете, пожалуйста, не сердитесь!
Пѣсенка же эта чистая правда

7. Aj, mergiale, kon ne šoki,
Ar ne drejsi, ar ne moki?
Kad ir moko, bet ne šoko.
Skaust kojales per kelelius.

Ай, дѣвушка, почему ты не пляшешь?
Боишься-ли или не умѣешь?
Хоть и умѣю, все-жь не пляшу:
Болятъ ножки въ колѣняхъ.

8. Вар. B. L. B. 97. Iušk. 410

1. Vajkščioji meškele pustyne, pustyne,
Tajsė sau patała łužtvyne, łužtvyne.
Toki nesčeste užteka:
Nakty pedas ne užsnėga,
Znoks yra, znoks yra.
2. Eje strelčius ryta nedelios, nedelios,
Rades dronsas pedas, dyvyjos, dyvyjos.
Taj yra gera gaspadyne,
Kur beteles bečiulava
Petnyčio, petnyčio.
3. Panedele ryta žiniomis, žiniomis:
Apstojijos dvarą tylomis, tylomis,
Meška unt patała sedusins rymoji,
Aplink strelčių rodą nėka ne žinoji,
Nėka ne žinoji.
4. Atstumisi patałą.
Pasekajše šaravara,
Ejn keliu, ejn keliu.
5. Išeje mėškele
Čese nepokajaus,
Sateko unt keli
Dedelį razbajų,
Dedelį razbajų.
6. Vejnas šava, ronas dare,
Ontras šava, bałsa dare...

1. Бродилъ медвѣдь по пустынѣ, по пустынѣ,
Устраивалъ себѣ постель въ хворостѣ, въ хворостѣ.
Такое несчастіе случилось:
Ночью слѣдъ не покрылся снѣгомъ,
Знакъ есть, знакъ есть.
2. Идетъ охотникъ въ воскресеніе утромъ,
Встрѣчается ему ясный слѣдъ, дивится онъ.
Вотъ это хорошая хозяйка,
Которая у пчелъ хозяйничала
Въ пятницу, въ пятницу.
3. Въ понедѣльникъ утромъ, по условію,
Окружили ея дворъ потихоньку,
Медвѣдица сидѣла на постели спокойно,
О совѣтѣ охотниковъ ничего не знала,
Ничего не знала.
4. Поднялась съ постели,
Натянула шаровары,
Идетъ путемъ-дорогою.
5. Вышла медвѣдица
Во время неспокойное,
Встрѣтила на пути
Большой разбой.
Большой разбой.
6. Одинъ стрѣльнулъ, раны сдѣлалъ,
Другой стрѣльнулъ, она крикнула.

(далѣе записать мнѣ не удалось).

9.

Эта пѣсня, какъ мнѣ сказали въ Шилахъ сами пѣвцы, взята изъ Połangos Iuze Волончевскаго, вообще очень распространенной въ Литвѣ книжки. Варіанты къ этой пѣсни (съ разными припѣвами): Połangos Iuze стр. 10 (другой говоръ, припѣвъ тотъ же), Fort. № 99, Iušk. № 381 (припѣвъ: vepsum dałdúm), Kolb. № 51 (припѣвъ: he, he, dżium, dżium), Brug. 91 (припѣвъ: ehė, dżium. dżium). Отсутствіе этой пѣсни въ сборникахъ пѣсенъ прусскихъ, литовскихъ и въ сборникахъ раньше 70 года указываетъ,

кажется, на заимствованіе этой пѣсни изъ книжки Волончевскаго. сюда же она попала. вѣроятно, какъ переводъ русской пѣсенки: «жилъ, былъ у бабушки сѣренькій козликъ».

1. Iššoka vožiokas į rutų daržą,
Oh vej, oh vej, vej, vej į rutų darža
2. Ej bobote vože varyte и т. д.
3. Ne dors vožiokas, ne nor klausyte и т. д.
4. Pajeme bobote elgą votagą, и т. д.
5. Uždrože vožioką par pat oudegą, и т. д.
6. Išbega vožiokas į tyrus laukus, и т. д.
7. Eje bobote vože iškote, и т. д.
8. Sutinka bobote do vilko pelko, и т. д.
9. Vilkele mona, ne matet vožioka mona?...
10. Tava vožele ragele vejne ..
11. Išejn bobote ragun iškote...
12. Atrada bobote do dedžio rago...
13. Parneši bobote tus dedžius ragus...
14. Iš to ragele paderba didį trubą...
15. Iš to ragele igeje sau gražį rubą...
16. Iš ontra ragele arkli posnagą...
17. Ton pasnagą išmajnė molinį pouda...
18. Išvere bobote sau joudą potrą. .
19. Sukule bobote ton molinį poudą.

1. Выскочилъ козликъ въ рутовый садъ,
Охъ вей, охъ вей, вей—въ рутовый садъ.
2. Идетъ бабушка козлика гнать и т. д.
3. Не добръ козликъ, не хочетъ слушаться...
4. Взяла бабушка длинный кнутъ...
5. Ударила козлика по самому хвосту...
6. Убѣжалъ козликъ въ широкія поля...
7. Идетъ бабушка козлика искать ..
8. Встрѣчаетъ бабушка двухъ сѣрыхъ волковъ...
9. Волки мои, не видѣли-ли козлика моего ..
10. Отъ твоего козлика одни рожки...
11. Идетъ бабушка рога искать...
12. Нашла бабушка два большіе рога...
13. Принесла бабушка тѣ большіе рога...
14. Изъ того рога сдѣлала большую трубу...
15. Изъ того рога нажила себѣ славное платье...
16. За другой рогъ добыла себѣ лошадиную подкову...
17. Ту подкову вымѣняла на горшокъ муки...
18. Сварила бабушка себѣ черной путры...
19. Разбила бабушка мучной горшокъ...

10. Пословицы.

1) Durnas par vesą pilvą.
Дуракъ по всему брюху.

2) Atsarga gėdas ne dara.
Осторожность стыда не дѣлаетъ.

3) Kon urednikas pagadys, to ir viskupas ne patajsys.
Что урядникъ испортитъ, того и епископъ не исправитъ.

4) Deł geros potros błogs pilvs te sprokst.
Для хорошей пищи хоть лопни дурное брюхо.

5) Dulkę preš vejį ne atpusi.
Пыли противъ вѣтра не отдуешь.

II. М. Лаукава.

1. Вар. I. 35.

1\. 1. Tajp toli nuduta,
Tajp toli pražudita, (вм. pražadeta?)
Už du šimtu milelu,
Už žaluju girelu.
Arge ana parlektu,
Pas matušį sugrinštu?
2. Leksiu į girelį
Pas margą gegelį
Pažičioti sparnelų
Ir rejbųjų płunksnelų.
3. Lekčiu pas tatušį
Ir lekčiu pas matušį
Ivišnelu sodnelį
Po dajmantu łongelį;
4. Tatušį lingučiu,
Matušį kukučiu,
Kad migele ne miktu,
Migele ne migotu.
5. Matuši kelusi,
Langa praverusi,
Kas tenaj do paukštelis,
Kur po rutų darželį?
6. Kelketes, sunele,
Kelketes, jaunije;
Užmušket tun paukštelį,
Kur po rutu darželį.
7. Pałukėk, matuši,
Pałukėk, senoji,
Be ne musu sesele,
Be ne musu jaunoji?
8. Ar tad gali buti?
Tajp toli nuduta,
Toli pražudyta;
Arga ena parejtu,
Pas matušį sugrinštu.

1\. Такъ далеко отданная,
Такъ далеко погубленная (обѣщанная?),
За двѣ сотни миль,
За зеленые лѣса.
Неужто она прилетѣла бы,
Къ матушкѣ возвратилась бы?
2. Полечу въ лѣсокъ
Къ пестрой кукушкѣ
Взять въ займы крыльевъ
И рябыхъ перышекъ.
3. Полечу къ батюшкѣ
И полечу къ матушкѣ
Въ вишневый садикъ
Подъ алмазное окошечко.
4. Я кликала бы для батюшки,
Куковала бы для матушки,
Чтобы сномъ не спали,
Сномъ не спали.
5. Матушка поднялась,
Окошко открыла.
Что тамъ еще за пташка,
Что въ рутовомъ садикѣ.
6. Вставайте, сыночки,
Вставайте, молодые,
Убейте эту пташку,
Что въ рутовомъ садикѣ.
7. Подожди, матушка,
Подожди, старая,
То не наша-ли сестрица,
То не наша-ли молодая?
8. Можетъ ли это быть:
Такъ далеко отдана,
Такъ далеко погублена.
Неужели она пришла бы,
Къ матушкѣ вернулась бы?

2\. Var. Isvd. 93, Isvd. 53. I. 1012. Br. L. Br. 21, 8, 1. Bez. 59. Lesk. 69.

1\. Marge dvara, marge dvara,
Dejmonta langelej.
Auga sodne žale łapa
Raudonas ugelis.
2. Ten [1]) vakščioja, ułavoja

1\. Пестрые дворы, пестрые дворы,
Алмазные окошечки.
Растутъ въ саду зеленые листья,
Красныя ягодки.
2. Тамъ бродила, гуляла

[1]) *Собственно, это не en, а n sonans.*

Jaunoji panele
Po žalįjį sodinelį,
Po rutų darželį.
3. Aš panele «labą diną»,
Panele ne žodeli.
Oj panele, oj jaunoji,
Oj ko tajp didžujis?
4. Roda bučiu Tamstas buti,
Kad matuši lejstu!
Matušeles pažadeta,
Kajp parduta bučiu.

Юная барышня,
По зеленому садику,
По рутовому саду.
3. Я барышнѣ «добрый день»,
Барышня ни словечка.
Ахъ, барышня, ахъ юная,
Чего ты такъ важничаешь?
4. Рада была бы Вашею быть,
Кабы матушка пустила;
Матушкой обѣщанная,
Я была бы, какъ проданная.

3.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ: варіанты ея есть, кажется, въ каждомъ сборникѣ изъ окрестныхъ мѣстностей: см. Isvd. 326, 327, 328, 339, 345: Bez. 37, 46. Br. 3; около Россіенъ этой пѣсни нѣтъ.

1. Oj, sakali, sakaleli,
Tu aukšta lakioji;
Nulekdamas, parlekdamas,
Naujinas nešioji.
2. Ir parneše naujinelį
Smutną ir ne gerą,
Kad ir mona paniulate
Už kitą išejna.
3. Tegul ajna, tesižina,
Tegul Diėvs padedi.
Užkinkiket mon žirgelius
Ir aš pats važiusiu.
4. Kad aš sėdau į karėtą,
Karėta lingava,
Kad važiavau par vejelį,
Vejeli žaliava.
5. Kad važiavau viškelelu,
Smilteles dulkėjė;
Kad užgavau akminelį,
Ugnelis žibėjė.
6. Gale lauka kopličele,
Nauje muravota,
Dar yr muna paniulate,
Dar ne vinčevota.
7. Ajn panele par božnyčę,
Ponus vitodama;
O mun širdis pusiau plišta,
Unt jos žiuredamas.

1 Ахъ, соколъ, соколочекъ,
Ты высоко летаешь;
Прилетая, улетая,
Ты новости носишь.
2. И принесъ новость
Печальную и не добрую,
Что и моя барышня
Выходитъ за другого.
3. Пусть идетъ, пусть какъ себѣ знаетъ,
Пусть ей Богъ поможетъ.
Запрягите мнѣ лошадокъ,
Я и самъ поѣду.
4. Когда я сѣлъ въ карету,
Карета закачалась;
Когда я ѣхалъ по лощинѣ,
Лощина зеленѣла;
5. Когда я ѣхалъ большой дорогой,
Пыль поднималась;
Когда попадалъ на камень,
Отъ камня искры отскакивали.
6. Въ концѣ поля часовня,
Недавно построенная;
Еще моя барышня
Еще не обвѣнчана.
7. Идетъ барышня по церкви,
Привѣтствуя господъ,
А мое сердце чуть не разрывается,
На нее глядючи.

4. [1]) Вар. LB. B. Apė žiûrkę, katrà už karaliûnaiczio tekėjo.

Vina karalêne turêja trys sunus; ana nedelios rytmete saka sava sunams: «važiuket į bažnyčą; katras su-

Одна королева имѣла трехъ сыновей; она въ воскресеніе сказала своимъ сыновьямъ: «поѣзжайте въ церковь; который

[1]) Эта сказка записана отъ старушки—сестры ксендза, слѣдовательно—особы довольно образованной, что и отразилось на ея непостоянномъ соблюденіи діалекта.

nus bažnyčoje atraste poną—unt galvos kvėtką, tą tas pajimk, parvesk sava, ta bus tava pati». Ans pamate łaupkoje sedončį bajoratę ir unt anos gałvos kvėtka žydėja ir ano akisi pasirode łabaj graži; ontras sunus ontro nedelio atėje į bažnyčę, rada unt bednos mergėlės kvėtką žydončį ir anam łabaj patika; parvežė numo į pałotiu ir łabaj patika motynaj; tretjas sunus ne rond pačios deł saves, išeje unksti iš pakajaus; sutink varlelę šukujenčią, unt jos varleles gałvos didele graži kvėtka žyd ir ons pajemė tą varlelę į pakają ir padėje unt žemes; ir ana palinda po łovos. Įjaja sunus pas motyną ir saka: «turu pačią varlelę». Ta dabar saka motyna: «katra iškėps duną deł mones iš tun triun marčiun». Įaje tas jaunikatis pri sava varleles: «ak, bėda mona! kas mon duną iškėps». Varlele atsake: «nešk miltus deł manis ir vondenį ir medžių, o pats išejkes. Potam unt rytmeče įejk». Iškėptą duną rada varleles kun gražiansę; bajores duna ir mužikes ir varleles; motyna prorekusi duną mužikes pakoštavoja: labai skani buva, deł darbininkų duna labaj gera; bajores duna ponams ir kunigams valgyt, vo varleles duną karaliu ir popėžiu valgyt. Potam pasimyslėja ana motyna ir pasake: «katra iškėps pyragus, ta aš pamatysiu, katra geresni bus»? Visas trys iškėpė; ne vinos toki pyraga na buva skani, kap varleles. Potam pasimyslėja motyna, kad rejk dute marškines sjuti; potam įjaje jaunikatis tas pri varleles: «ak» saka: «bėda mona, kad nėr kam pasjuti marškinius», vo varlele atsake: «įnešk audimą ir žirkles ir adetą ir noperstką ir siułus; palik, išejk sav». Unt rytmete įejn: marškinia ant stało didele graži pasjuta; neše jis motynaj sava parodyt; pajėmė ana bajorates marškinius sjutus, pajėmė mužikes marškinius pasjutus; motyna pavejzėje tus marškinius: mužikes marškines gaspadoriams nešioti, o bajorates ponams ir kunigams gal nešioti, jos darbą, vo varlelės karaliams ir grafams: tap ana graže pasjuva; dabar motyna

сынъ въ церкви найдетъ панну—на головѣ букетъ, ту пусть возьметъ онъ, приведетъ себѣ, та будетъ твоей женой». Одинъ замѣтилъ сидящую на лавкѣ дворяночку и на ея головѣ букетъ цвѣтовъ и на его глазъ она показалась очень хороша; другой сынъ въ другое воскресенiе пришелъ въ церковь, нашелъ на бѣдной дѣвушкѣ цвѣтущiй букетъ, и она ему очень понравилась; привезъ домой во дворецъ, и она очень понравилась матери; третiй сынъ не находитъ жены для себя; вышелъ онъ рано изъ покоевъ; встрѣчаетъ квакующую лягушечку, на головѣ той лягушечки большой красивый букетъ цвѣтетъ, и онъ взялъ ту лягушечку въ покой и поставилъ на полъ, и она поползла подъ кровать. Выходитъ сынъ къ матери и говоритъ: «имѣю жену-лягушечку». Вотъ теперь говоритъ мать: «Которая испечетъ хлѣбъ (черный) для меня изъ этихъ трехъ невѣстокъ»? Пошелъ тотъ юноша къ своей лягушечкѣ: «ахъ, горе мое! кто мнѣ хлѣбъ испечетъ»? Лягушечка отвѣтила: «неси муку для меня и воды и дровъ, а самъ выходи. Потомъ на утро войди». Онъ нашелъ хлѣбъ, испеченный лягушечкой, самый прекрасный; дворянки хлѣбъ, мужички и лягушечки; мать, разрѣзавши хлѣбъ мужички, попробовала его: онъ былъ очень вкусенъ, для работниковъ хлѣбъ очень хорошiй; дворянки хлѣбъ господамъ и ксендзамъ кушать, но хлѣбъ лягушечки кушать королю и папѣ. Потомъ подумала эта мать и сказала: «которая испечетъ (бѣлые) хлѣба, такъ я посмотрю, которая лучше будетъ». Всѣ три испекли; ни у одной не былъ такъ вкусенъ хлѣбъ, какъ у лягушечки. Потомъ подумала мать, что нужно дать рубашки шить; потомъ вошелъ юноша тотъ къ лягушечкѣ: «охъ», говоритъ: «бѣда моя, что некому шить рубашки», но лягушечка отвѣтила: «принеси ткани и ножницы и иглу и наперстокъ и нитокъ; оставь, уходи себѣ»; на утро онъ входитъ: рубашка на столѣ очень хорошо сшитая; онъ понесъ матери своей показать; взяла она дворянкой сшитыя рубашки; взяла рубашки, шитыя мужичкой; посмотрѣла мать на эти рубашки: рубашки мужички крестьянамъ (хозяевамъ) носить, а дворяночки господамъ и

pasimyslėja: «turet dabar, vajkaj mona, važiuty *) į šliubą»; įjajė jaunikajtis: «ak», sake: «varlele mona, mona broliaj jims šliubą su motriškoms, vo aš ne žinau su kum!»; ana atsake: «užkinkik šešius arklius į karėtą ir munį padėk karėtoje ir pats sesk su munim drauge». Antvažiava vesas tryns karėtas pri šliuba, sueje ani į bažnyčę; bajorate jim pirma šliubą, vo mužike potam jim šliubą, vo tas jaunikajtis saka: «ak, Deve mona, ak, su kum aš šliubą jimsu?» Povejzęs po dešiną rąką, pamate didele gražį paną, auksunse pasiredžusią: «as esu pati tava; ejnam šliubą jimti». Ana po šliuba ataja į pusę bažnyčos ir prapule; ty [1]) broliaj jo suséda su sava pačioms į karėtą, vo jis važiu su sava varlele; parvažiava numo, jaja į pakajų su sava varlele. palejda jen unt žemes, ana palinda po łovos; vakare velaj: «ak», saka; «varlele mona, mona broliaj su pačioms guls, vo aš su kum gulsu?»—«Užgesik žvakę».—Kap užgese žvakę, tap ana jam pasake: «gulk dabar į łovą» ir jis atsigule į łovą. Ons pamate, kad ana strošnė graži pana yra; kap ana užmiga, tap ons išlepa iš łovas, jen palka miktončį; vejzęs ons po łovas, vejzė, kad nug varleles tikt skurele yra. Ons vel įgule į łovą, nėko ne sakė; ir ons užsidagė žvakę ir pamate, kad ana didele graži; kap jis užmiga, tap ana atsikele iš łovas ir vel įlinda į sava skurelę; patam pradėja pasakoti sava motynaj, kad ana graži didele naktį, vo diną varlele; tap motyna tare, kad palik vakare, kad įejsi gulti, durį ne užrakintą, aš noru pamatyte. Kap motyna pamate, kad dideli gražybe, tada ana lipe pečįu grejtaj pakurti; ana pajėme tą skurelę ir mete į pečių, vo motyna vejzedama džiaugės, kad tajp graži; kap ana atsibude, tap ana išlipa iš łovas, ne rond sava skureles; tap ana sušuka, «ne gera», sake: «padaryta. aš bučiau sūnų pagimdžusi, ta aš

ксендзамъ можно носить, ея работу, но (рубашки) лягушечки королямъ и графамъ: такъ хорошо она шила; теперь подумала мать: «теперь вы должны, дѣти мои, ѣхать на свадьбу». Вошелъ юноша: «ахъ», сказалъ онъ: «лягушечка моя, мои братья прімутъ обрученіе съ женщинами, а я не знаю съ кѣмъ». Она отвѣтила: «запряги шесть лошадей въ карету и положи меня въ карету и самъ садись со мною вмѣстѣ». Пріѣхали всѣ три кареты на свадьбу, сошли они въ церковь; дворяночка принимаетъ первая обрученіе, мужичка потомъ принимаетъ обрученіе, а этотъ юноша говоритъ: «ахъ, Боже мой, ахъ, съ кѣмъ я пріиму обрученіе». Взглянувши по правую руку, онъ увидѣлъ очень красивую панну, разряженную въ золото: «я жена твоя, пойдемъ принимать обрученіе». Послѣ свадьбы она отошла въ сторону и пропала; эти братья его сѣли со своими женами въ карету, а онъ ѣдетъ со своей лягушечкой; пріѣхалъ домой, вошелъ въ покои со своей лягушечкой, опустилъ ее на полъ, она поползла подъ кровать; поздно вечеромъ онъ говоритъ: «ахъ, лягушечка моя, мои братья съ женами лягутъ, а я съ кѣмъ лягу»?—«Погаси свѣчу»!—Когда онъ погасилъ свѣчу, то она ему сказала: «ложись теперь въ постель», и онъ легъ въ постель. Онъ увидѣлъ, что она страшно красивая панна; какъ она уснула, такъ онъ всталъ съ постели, оставилъ ее спящей; посмотрѣвши подъ кровать, онъ увидѣлъ, что отъ лягушечки только шкурка. Онъ снова легъ въ постель, ничего не сказалъ; и онъ зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что она очень красива; когда онъ заснулъ, то она встала съ постели и снова влѣзла въ свою шкурку; потомъ началъ онъ разсказывать своей матери, что она очень красива ночью, днемъ же лягушечка; такъ мать сказала, что оставь вечеромъ, когда пойдешь спать дверь не запертой на ключъ, я хочу посмотрѣть. Когда мать увидѣла, что красота велика, то она велѣла поскорѣе затопить печь; она взяла ту шкурку и бросила въ

---

[1]) Почти, какъ русское *ы*.

bučiau palikusi išganyta; vo dabar ejnu į gires ješkoti sava vytas». Išdauže longą ir išleke par łongą ir nuleke, kap paukštis, į girę. Ir ana rada mažą trobelį ir ana tyn (=tų) palika, palika apkaustyta su gelžinajs łunkajs. Eja tas jaunikajtis verkdams jos ješkoti ir atrada trobelį ir seną bobelę ir paklausę: «matušate, ar ne atlėkė kokia panele?» Atsake ta bobele: «yra, kamaroje, terp gelžinų łunku; aš atdarysiu komaras durys», ir išejna pana jauna terp gelžinun łunkun, ir ons kłause tos senos bobeles: «kun aš turu dabar daryte?» Ana jam pasake: «storokis duti [1]) jaj į ausį, vo kap sudusi į ausi, ty (=ты) nubers ty lunkaj, paliks ana graži motriška, ir puls unt taves, apsikabins unt kakła, ir ana pradės bučiute mejlingaj, iš to didele džiauksma pradės verkti». Ejna potam sasikebę, ejna numo; pareje numo. Motyna pamačusi anus, iš to džiauksmo verkti pradėja; ir ejn par sodną, ir rond naują pałotių: ten (=tų) buva užkejkta jauna panele; kap anudu pareja i sava pałotių, rond visus skarbus ne apsakitus, linksme buva kampanija, vesele, susirinkima iš to džiauksma, linksmybes didelias.

печь, мать же смотря радовалась, что она такъ хороша; когда она проснулась, то она встала съ постели, не находитъ своей шкурки; такъ она заквакала: «не ладно», сказала она: «сдѣлано, я родила бы сына, тогда я была бы спасена; теперь же иду въ лѣса искать себѣ мѣста». Выломала окно и вылетѣла черезъ окно и улетѣла, какъ птица, въ лѣсъ. И она нашла маленькую избушку и она тамъ осталась, осталась тамъ обложена желѣзными листами. Пошелъ тотъ юноша, плача, искать ее и нашелъ избушку и старую старушку и спросилъ: «матушка, не прилетѣла-ли сюда какая барышня». Отвѣтила та старушка: «есть, въ комнатѣ, между желѣзныхъ листовъ, я отворю двери комнаты», и выходитъ панна молодая между желѣзныхъ листовъ, и онъ спросилъ у той старой старушки: «Что я теперь долженъ дѣлать»? Она ему сказала: «постарайся дунуть ей въ ухо, и, какъ дунешь въ ухо, то осыпятся тѣ листы, станетъ она красивая женщина, и прильнетъ къ тебѣ, повѣсится у тебя на шеѣ и начнетъ цѣловать тебя ласково, и съ той великой радости начнетъ плакать». Потомъ идутъ они обнявшись, идутъ домой; пришли домой. Мать, увидѣвши ихъ, съ этой радости плакать принялась; и идутъ они черезъ усадьбу, и находятъ новый дворецъ: тамъ была проклятая юная барышня; какъ приходятъ они въ свой дворецъ, находятъ всюду богатство несказанное, радостное было общество, свадьба, собранія съ той радости, великія празднества.

III. Хвейданы.

(Первыя 4 пѣсни записаны отъ лица происхожденіемъ изъ Хвейданъ, но живущаго теперь и заимствовавшаго нѣкоторыя черты Салантскаго діалекта).

1. Pasakyk mon, skajsti rože,
Bene pine Tamstą praustą
Kas dinelę, kas adyną,
Kas tajp gražej užaugena?
Pasakyk mon, lelijele,
Ar anjołas, ar panele?

1. Разскажи мнѣ, прекрасная роза,
Не плели ли тебя омываемую
Каждый день, каждый часъ,
Что такъ прекрасно взростили тебя.
Скажи мнѣ, лилійка,
Ангелъ-ли ты или дѣвушка?

[1]) duti (здѣсь не=duti, дать) изъ русскаго *дуть*.

2. Ak. strelčiukaj, kliste, kliste,
Arge munes ne pažinste?
Aš mergele ir mon doje
Ir broliukaj, kajp er tu:
Iejgi munes nesebajda,
Dukes prilejst łupoms vejdą.
3. Iejgi nori žėnkłą jimte,
Imk kvėtkelį ant paminkła.
Iej łankysi têva dvarą
Rudenelę ir vasarą;
Iej sutiksi su jo vale,
Pas mon ronką gaute gali.

2. Ахъ, охотничекъ, ошибаешься, ошибаешься,
Неужели ты меня не узнаешь?
Я дѣвица и у меня двое
Есть братцевъ такихъ, какъ и ты;
Если ты меня не боишься,
Дай прикоснуться губами къ лицу.
3. Если хочешь получить знакъ,
Возьми букетикъ на память.
Если будешь посѣщать отцовскій домъ
Осенью и лѣтомъ,
Если согласишься съ его волей,
Можешь получить мою руку.

2. Вар. I. 1517.

1. Ak tu Dėve brangus.
Kon dabar darysiu?
Rupesninga širdes mona.
Kum aš patėšysiu?
2. Ne turiu tetuše.
Ane matušeles.
Ne brolele, ne seseles.
Su kum pakalbete.
3. Ani pavyduklej
Visi skersi žiura.
Kad pamate monį jauną,
Su bernelin kałbant.
4. Žad mane karote.
Ugnej sudeginte.
Ar vandenej nuskandinte,
Nug Tamstas atskerte.
5. Berneli jaunasis.
Onžule žaliasis.
Musent monęs neatmesi.
Kitos ne be vesi?
6. Mergeli jaunoji.
Rutele žalioji
Iuk vedous nėks nebatskirs,
Kajp juda žemele.
7. Ejsma į bažnyčę,
Dėva avenyčę,
Ir prijimsma šventą šliubą
Ir błagosłovenstvą.
8. Išejn kunigeles,
Dėva avyneles.
Suriš vedaus bałtas ronkas,
Sukejs auksa židus.
9. Gista vołungeli
Ant aukšta kałnele:
Kur gejdoje vołungelė
Devynejs bałselejs.

1. Ахъ ты Господи дорогой,
Что мнѣ теперь дѣлать?
Озабочено сердце мое,
Чѣмъ я его утѣшу?
2. Не имѣю ни батюшки,
Ни матушки,
Ни братца, ни сестрицы,
Съ кѣмъ бы поговорить.
3. Они изъ зависти
Всѣ смотрятъ косо,
Когда увидѣли, какъ я юная
Съ молодцемъ говорила.
4. Хотятъ меня наказать,
Въ огнѣ сжечь,
Въ водѣ утопить,
Отъ Васъ отлучить.
5. Молодецъ юный,
Дубъ зеленый,
Можетъ, меня не бросишь,
На другой не женишься?
6. Дѣвица молодая,
Рута зеленая,
Ужъ насъ никто не разлучитъ,
Кромѣ черной земли.
7. Пойдемъ въ церковь,
Божью овчарню,
Пріимемъ святое обрученіе
И благословеніе.
8. Выходитъ ксендзъ,
Божій пастырь (овечій),
Свяжетъ намъ бѣлыя руки,
Обмѣняетъ золотыя кольца.
9. Поетъ иволга
На высокой горѣ;
Вотъ гдѣ пѣла иволга
Девятью голосами.

10. Ne volunges balsas,
Ne geres paukšteles,
Tiktaj mona matušeles
Mejlingi žodelej.

10. То не иволги голосъ,
Не голосъ лѣсной пташки,
То моей матушки
Милыя словечки.

3. Var. Br. L. Br. 6 и много другихъ. Эта пѣсня сплавъ изъ отдѣльныхъ распространенныхъ пѣсенокъ, какъ и всѣ хвейданскія пѣсни.

1. Ant kałno głusnis,
Po głusne vando.
Ten vajkščiojo paniulajte
Po menesiną.
2. Bajors pri vandens,
Pana nu vandens.
Pałukeke, graże pana,
Dok žirguj vandens.
3. Ne galiu luket,
Nej iłgaj stovet,
Šałta rasa, o aš basa
Pašalau kojas.
4. Pajimk płoščelu,
Pridengk kojeles,
Kad žinočiau mana busi,
Perkčiau kurpeles.
5. Ne pirk deł monęs,
Pirk deł saves.
Aš turiu matušelę,
Nuperks deł monęs.
6. Mergeli jauna,
Ar busi mona?
Gana Tamstaj mile bučiau,
Ne moku darbą.
7. Turiu bizuną
Išmoksi darbą,
Vo ši žale berža rykšte
Onkstiu pabudins.
8. Turi bizuną
Deł bėrą žirga,
Vo šį žalę berža rykštę
Deł Tamstos patys.
9. Aš ir myslėjau,
Kad tu panele;
Kajp pavejziu į akeles,
Pajudakele.
10. Aš ir myslėjau,
Kad tu didis pons;
Kajp pavejziu i vejdelį,
Patsaj cigons.

1. На горѣ ива,
Подъ ивой вода,
Тамъ гуляла барышня
При мѣсячномъ свѣтѣ.
2. Дворянинъ къ водѣ,
Панна отъ воды,
Подожди, прекрасная панна,
Дай коню воды.
3. Не могу ждать,
Долго стоять,
Холодна роса, а я боса,
Обморозила ноги.
4. Возьми плащъ,
Покрой ножки,
Кабы зналъ, что ты моей будешь,
Купилъ бы башмачки.
5. Не покупай для меня,
Покупай для себя.
Я имѣю матушку,
Купитъ для меня.
6. Дѣвушка юная,
Будешь ли моей?
Довольно была бы я мила Вамъ,
Не умѣю работать.
7. Имѣю кнутъ,
Выучишься работать,
А эта зеленая березовая розга
Рано разбудитъ.
8. Имѣешь кнутъ
Для бураго коня,
А эту зеленую березовую розгу
Для себя самого.
9. А я-то думалъ,
Что ты барышня;
Какъ посмотрю въ глаза:
Черноглазочка.
10. А я-то думала,
Что ты великій панъ;
Какъ посмотрю въ лицо:
Самый цыганъ.

4. Var. Br. L. Br. 83, 84. 85. I. 573. I. Svd. 873, 776, 1014. I. 1556.

1. Šen naktelį, par naktelį,
Miga ne migojau:

1. Эту ночку, цѣлую ночку,
Сномъ не засыпалъ я,

Žalioj lankoj par naktelį	Въ зеленомъ полѣ цѣлую ночку
Žirgelius dabojau.	Я сторожилъ коней.
2. Užmigau, užmigau	2. Заснулъ, заснулъ
Mažą valondelę;	На малую минутку,
Išgirdau, išgirdau	Услышалъ, услышалъ
Didžį naujinelę:	Великую новость:
3. Močikele raganele,	3. Мачиха—вѣдьма,
Mones ne kensdama,	Не терпя меня,
Užrytena akmineli	Прикатила камень
Už svirna durelę;	Къ двери свѣтлицы;
4. Užrakina svirna durys	4. Заперла дверь свѣтлицы
Su auksa raktelu.	Золотымъ ключикомъ.
Ir atjoje jauns bernelis	И пріѣхалъ юный молодецъ
Iš svečios šaleles;	Изъ чужой сторонки.
5. Atritena akmeneli	5. Откатилъ камень
Nu svirna durele,	Отъ двери свѣтлицы,
Atrakena svirna durys	Отворилъ дверь свѣтлицы
Su auksa rakteliu.	Золотымъ ключикомъ.
6. Tepket durys saldžiu vynu,	6. Намажьте двери сладкимъ виномъ,
Kad ir ne girkždetu,	Чтобы онѣ не скрипѣли,
Kad ir mona paniulajte	Чтобы моя барышня
Sałdej išmegotu.	Сладко высыпалась.
7. Sjuket, šaučej, čeverykus	7. Шейте, башмачники, башмачки
Żemums užkulnelems,	Съ низкими подошвами,
Kad ir mona paniulajte	Чтобы и моя барышня
Lengvej vajkščinetu.	Легко гуляла.
8. Šluket, panas, naujems šlutoms,	8. Метите, госпожи, новыми вѣниками,
Kad ir ne dułketu,	Чтобы не пылило,
Kad ir mona paniulajte	Чтобы моя барышня
Bałta vajkščinetu.	Бѣлая гуляла.

1. Po sodnelį vajkščiodamas,	1. По усадьбѣ гуляя,
Pamačiau biteli.	Я замѣтилъ пчелку;
Tujau, sedaus už stalelį,	Тотчасъ же сѣлъ за столикъ
Pajėmęs płunksnelį,	И взялъ перо.
2. Padėk, Dėvė, geraj aprašyt:	2. Помоги, Боже, хорошо описать:
Kad galečiau skajtydamas	Чтобы я могъ читая
Geraj išmanyt [1]).	Хорошо понять.
3. Pasiremęs ont ronkelių,	3. Опершись на ручку,
Pro longą žiurejau! [2])	Я смотрѣлъ черезъ окошко,
Apė bitis mysledamas,	Думая о пчелкѣ,
Tejp savej kałbejau:	Такъ говорилъ себѣ:
4. Daug matyte yr unt pivas	4. Много можно видѣть на лугу
Żoliun ir biteliu:	Травъ и пчелъ;

[1]) Кажется, испорченная строфа.

[2]) Интересно, какъ въ эту пѣсню, несомнѣнно, искусственнаго польскаго происхожденія вставлено совершенно народное двустишіе.

Nėks na žena, kajp sutajsa
Medų ir korelių.
5. Na suskajta nėks unt dongaus
Žibončių žvajzdelų.
Vo bitele, tu sławnioji.
Kajp tu pracevoji.
6. Priliginta tava proca,
Už auksa brongesnė,
Rožnas ugas. konfeturas
Medu formavoja:
7. Kad kas vałga tava medų,
Kožnas mėnavoja;
Kad kas miršta iš krikščionų,
Uždega gromyčę,
8. Ta dušele tur patėką
Iš numenių bečių
Ir božnyčo [1])
Deg vaška žvakeles:
9. Atiduda dėvuj garbą
Ta maža bitele;
Ir kraučistes ne gal sjute
Siula ne vaškavęs.
10. Kad kas duda vaška biški,
Prijam pabučiavęs,
Dabar biteninki ne buk skupa [2]),
Atmink susedelas.
11. Nusjunsk medous sklenyčelę
Kučiun vakarelį.
Ton sałdybę vałgydame
Neb mėnavos bėdų.
Dėkavosma Ponuj Dėvuj:
Suła ikėm Kalėdų.

Никто не знаетъ, какъ онѣ составляютъ
Медъ и соты.
5. Не сосчитаетъ никто на небѣ
Блестящихъ звѣздъ:
Ты же славная пчелка,
Какъ ты трудишься.
6. Равна твоя работа,
Даже дороже золота:
Разныя ягоды, варенья
Медомъ формируются;
7. Кто только ѣстъ твой медъ,
Каждый поминаетъ (тебя);
Когда кто умираетъ изъ христіанъ,
Зажигаютъ свѣчку;
8. Та душа имѣетъ утѣшеніе
Отъ домашнихъ пчелъ.
И въ церкви
Горятъ восковыя свѣчи;
9. Воздаетъ Богу славу
Та малая пчелка;
И портной не можетъ шить.
Не навощивши нитки.
10. Когда кто даетъ кусочекъ воска,
Принимая, цѣлуются;
Теперь, пчельница, не будь скупа,
Вспомни о сосѣдкахъ
11. Пошли стаканчикъ меда
Въ вечеръ святокъ.
Кушая эту сладость,
Не будутъ помнить горя;
Поблагодаримъ Господа Бога:
Дождалися Коляды.

6. Žmogus ne bagots išeje į gerę medžių kerst ir išsineše dunos abrakioką ir pasidejes ont kelma: budelis atejęs ir atėmes ton duną; ir ons pareje į pekłą ir ano ne-be-prijėm į pekłą, kad bėdna žmogous atėme duna; anon vare uždėrbti; ons ateje pri to žmogous ir sake atejęs: «prijimk manį, aš padėsiu derbt». Žmogus atsake anam: «aš pats mažą turu, kun derbte; kun aš dusu tavej darbą?» Tas budelis sake anam: «če yra tokias pełkes pona girio. prašysma ano, gal jis

Небогатый человѣкъ пошелъ въ лѣсъ дрова рубить и понесъ съ собой порцію хлѣба и положилъ на пень; чертенокъ пришелъ и отнялъ тотъ хлѣбъ, и пришелъ онъ въ адъ, но его не принимаютъ въ адъ за то, что онъ отнялъ хлѣбъ у бѣднаго человѣка; гонятъ его заработать ему; онъ пришелъ къ тому человѣку и сказалъ придя: «прими меня, я помогу работать». Человѣкъ сказалъ ему: «Я самъ мало имѣю, что работать; какую дамъ я тебѣ работу»? Тотъ чертенокъ сказалъ ему: «есть здѣсь у пана

[1]) Повидимому, неоконченная строфа.
[2]) Вѣроятно, испорченная строфа.

pazvalys mums ten išplešte, dervą padaryte, ir įsesma rugius».—«Nu, gera!» ir susigadeje unt to; tas žmogus saka: «łaj, bus tap, aš asu pri pona, prašysu tos pełkes; ja pons pazvalys mums, ta mas darbusmos ten»: tas žmogus nuejė pri pona ir praše: «ponali, pazvalyk mune tame šmote pasiderbte dervos šmotelį, kad galečiu įseti ten jabkon». Nu, pons pazvalyj ir myslėjo pons, kad na gales jis ten nėko padaryte. Parėje tas žmogus numin ir atrada ton budelį tenaj, sava numuse, ta-b-laukont; saka budelis dabar: «kun girdeja naujiną pri pona»? Zmogus atsake anam: «pazvalyje pons: jaj tiktaj galesma mas ten kun gera padaryte?» Budelis atsake: «na rupinkis: kad mas derbsma, ta ir bus gera»; ir išeje anudu į ton gerę; rove tas budelis cėłus medžius ir išderba jis ten łaba šmotą dervas; įseje anudu ten rugiun šmotą ir użauga laba pujki ruge; jau tam ponu pradeje anam pavids jimty (—йимты), ir nab-zvalej tun rugiun be-atimti: pons pats pasjunte sava šamyną ir soveže tus rugius į dvarą ir prideje dedeli darżene; tas żmogus su tu budelu laba gāles anudu sava protis [1]) Tas budelis saka tam żmogu: «pałauk biškį, aš dar āsu pri pona ir prašysu, kad mune pazvalytu bent viną naštą tun rugiun parsinešti; ta(s) żmogus atsake tam budeliu: «nu gera, ak tagi pri pona; jaj išprašyset, bus mums dar gera». Nueje budelis pri pona ir praše pona: «ponali, mas tap sunke pracevojom, ba-kol mas įsejom tus rugius, vo dabar ateme nu musu: pazvalyk dabar mumis bent viną naštelį parsineśty (—парсинешты); pons atsake: «neškis, kik pats paneši!» Pareje budelis pri sava żmogaus ir sake: «nu, perk kanapju bent dešimtį štukelų, vo aš vysu-t vervę ir asut pri pona parnešte tun rugiun». Nuperka dešimt štukelus kanapju ir suveje į

въ лѣсу такія болотца, попросимъ ихъ у него; можетъ, онъ и позволитъ намъ ихъ выкорчевать, сдѣлать пашню, и посѣемъ мы рожь».—«Ну, ладно»! и сговорились на томъ; этотъ человѣкъ говоритъ: «ладно, будь такъ, я пойду къ пану, попрошу то болотце; если панъ позволитъ намъ, будемъ тамъ работать». Этотъ человѣкъ пришелъ къ пану и просилъ: «панъ, позволь мнѣ на томъ кускѣ сдѣлать кусочекъ пашни, чтобы я могъ посѣять тамъ что-нибудь. Ну, панъ позволяетъ и думалъ панъ, что не сможетъ онъ тамъ ничего сдѣлать. Пришелъ тотъ человѣкъ домой и нашелъ того чертенка тамъ, въ своемъ домѣ, въ ожиданіи; говоритъ чертенокъ теперь: какую онъ слышалъ новость у пана? Человѣкъ отвѣтилъ ему: «позволилъ панъ; если только сможемъ мы тамъ что-нибудь доброе сдѣлать?» Отвѣтилъ чертенокъ: «не безпокойся: что мы сдѣлаемъ, то и будетъ хорошо», и вышли они въ тотъ лѣсъ; этотъ чертенокъ вырывалъ цѣлыя деревья и разработалъ онъ тамъ очень много пашни, посѣяли они тамъ много ржи и выросли очень хорошія ржи; уже начала того пана зависть разбирать, и ужъ онъ не позволяетъ взять тѣ ржи; самъ панъ послалъ своихъ работниковъ и свезъ тѣ ржи въ свой дворъ и наложилъ большой сарай; тотъ человѣкъ съ этимъ чертенкомъ очень жалѣли своего труда. Этотъ чертенокъ говоритъ тому человѣку: «подожди немного, я еще пойду къ пану и попрошу, чтобы онъ позволилъ хоть одно бремя тѣхъ ржей принести»; тогда тотъ человѣкъ отвѣтилъ этому чертенку: «ну, ладно, иди царь къ пану; если вы выпросите, еще будетъ намъ хорошо». Пошелъ чертенокъ къ пану и просилъ пана: «панъ, мы такъ тяжко трудились, пока мы засѣяли эти ржи, а ты теперь отнялъ отъ насъ; позволь же намъ хоть одно бремя принести». Панъ отвѣтилъ: «неси сколько самъ снесешь!» Пришелъ чертенокъ къ своему человѣку и сказалъ: «ну, покупай хоть де-

[1]) Вм. proces. Разсказчица, неграмотная молодая швея, очень старалась соблюдать всѣ оттѣнки мѣстнаго говора и нѣсколько разъ указывала, что у нихъ говорятъ именно такъ; ни русскаго, ни польскаго языка она не знаетъ.

viną vervę in nueje tas budelis parnešte tun rugiun; jis pasetise į žardyną ton vervę ir sudėje visus rugius iš tos daržynes, ir atnešens į numus to žmogaus; pamates pons ne imana, kon daryte, kad jau vesą daržynę rugiun išnešo. Pons tureje łaba badončius do jaučiu: kur na kas ta galėje pri anun priėte; lipe paleste tus jaučius, kad anon subadytom. Ti jaute aje łaba baubdamis pri to žmogaus; pons myslyjo, kad anon subadys unt vytas, ti jaute prieje pri ano, uns pajeme tus jaučius ir uždeje unt tos sava naštas ir pareje pri to žmogous nešens tus visus rugius ir do jaučius ir sake: «žmogau, ar uždirbau aš tau už ton dunas abrakioka, kur aš tava pajėmiau, kur buva girio pasidejęs». «Žmogus atsake: «kik ten ta bovo mona tos dunas maža, aš na galu tik daug nu tavęs prijimte»; tas budelis atsake: «na rupinkis, aš buvau iš pekłas išvarytis del uždirbima tos dunas; kada jau busit kontens mona užderbema, tada aš galėsu-t vel pargrinšte, kur bovis». Žmogus pasakė: «mona na buva tik verta, vo kad munim tik atedude, aš prijėmu». Budelis pasake: «nu gera, su Divu; palėk dabar nu munes spakajnigs ir aš nu taves ir grinšu dabar į pekłą», ir tap pasakęs ir išeje nu to žmogaus.

сять штукъ конопли, а я совью веревку и пойду къ пану принести тѣ ржи». Купили десять штукъ конопли и свили въ одну веревку и ушелъ тотъ чертенокъ принести тѣ ржи; онъ растянулъ у жердей ту веревку и сложилъ на нее всю рожь изъ сарая и принесъ въ домъ этого человѣка; панъ, увидѣвши это, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ онъ вынесъ уже всю загородь ржей. Имѣлъ панъ двухъ очень бодливыхъ быковъ, такъ что никто не могъ къ нимъ приблизиться; велѣлъ онъ отпустить тѣхъ быковъ, чтобы они его забодали. Тѣ быки пошли, очень сильно мыча, къ тому человѣку; панъ думалъ, что они его забодаютъ на мѣстѣ, но тѣ быки подошли къ нему, онъ же взялъ ихъ и положилъ на свое бремя и пришелъ къ тому человѣку, неся всѣ тѣ ржи и двухъ быковъ, и сказалъ: «человѣкъ, заработалъ-ли я тебѣ за ту порцію хлѣба, что я взялъ у тебя, когда ты положилъ ее въ лѣсу». Человѣкъ отвѣтилъ: «сколько тамъ было-то хлѣба моего, мало было: я не могу такъ много отъ тебя принять». Тотъ чертенокъ отвѣтилъ: «не безпокойся: я былъ выгнанъ изъ ада, чтобы заработать тебѣ за хлѣбъ; если вы уже довольны моимъ заработкомъ, то я могу снова вернуться, гдѣ былъ». Человѣкъ сказалъ: «мое столько не стоило, но если ты мнѣ столько отдаешь, я принимаю». Чертенокъ сказалъ: «ну, ладно, съ Богомъ! Теперь я тебя оставлю въ покоѣ, и ты меня, и вернусь я теперь въ адъ». И такъ сказавши, ушелъ отъ того человѣка.

IV. Вевержены.

1. Leki vanagas į pakałnelę,
Toje pakałne tek srovni ope;

Toje upele suk verpeteles,
Tame verpete rutų krasele,
2. Toje kraseli sėd jauna mergele,

Gałvą šukava ir aduksava.
Nėr mon matušes, krajtela kłote,

1. Летитъ ястребъ въ подгорье,
Въ томъ подгорьѣ течетъ быстрая рѣка;
Въ той рѣкѣ вертится водоворотъ,
Въ томъ водоворотѣ рутовый стулъ,
2. На томъ стулѣ сидитъ юная дѣвица,
Голову причесываетъ и вздыхаетъ:
Нѣтъ у меня матушки приданое собрать,

Nėr mon tetusẽ dalele doute,
3. Nėr mon brolele barvelę pirkte,
Nėr mon seseles vajneka pinte.

Saule unt dungaus krajtela kłoti,
Švejsus meneselis dalelę doute.
4. Aug sodne klevelis
Barvele pirkte,
Svejsa žvajzdele
Vajneka pinte.

Нѣтъ у меня батюшки долю дать,
3. Нѣтъ у меня братца краски купить
Нѣтъ у меня сестрицы вѣнокъ свить;
Солнце на небѣ—приданое собрать,

Свѣтлый мѣсяцъ—долю дать,
4. Растетъ въ саду кленочекъ—
Краски купить,
Свѣтлая звѣздочка—
Вѣнокъ свить.

2. Вар. I. 139.

1. Ak tu, Dėvė brongus,
Kajp tu myli cnatą,
Kureje užłajka
Panystes čistatą.
2. Nės nekałtybę
Dėvas pamylejė;
Vajneka garbes
Ne kałtims žadeja.
3. Nejoke cnata—
Nėr tejp skajstej bałta,
Kajp nekałtybe,
Ir donguj iškėłta.
4. Žyd terp aniułų
Kajp žvajžde švejsybes,
Mejlinga Dėvuj
Sava nekałtybe.
5. Rojaus kvėtkele
Ir panystes stonas,
Lenksmaj gydoj
Akevejzdo pona.
6. Turesi donguj
Aniułu draugystę,
Kurėj užłajka
Skajščiausę panystę.
7. Žemčiugajs brangejs
Apredys jo kuną,
Svejs jam ant gałvos

Žvajzdeta karuna.
8. Tiktaj milėkiam
Tau Dėvešką cnatą,
Ieu užłajkite
Turekiam akatą.
9. Gausi negradą,
Donguj apturesma,
Vejdą, vejdą ir vejdą
Ten Dėva regesma.

1. Ахъ ты Боже дорогой,
Какъ ты любишь добродѣтель,
Тѣхъ, которые сохранили
Чистоту дѣвственности,
2. Ибо непорочность
Богъ полюбилъ,
Вѣнокъ славы
Непорочнымъ обѣщалъ.
3. Никакая добродѣтель
Не была такъ прекрасна,
Какъ непорочность,
Поднятая и на небеса.
4. Цвѣтетъ среди ангеловъ,
Какъ звѣзда свѣтлости,
Милая Богу
Своей непорочностью.
5. Райскій цвѣтъ
Состояніе дѣвственности,
Радостно поетъ
Въ присутствіи Бога.
6. Тѣ будутъ имѣть на небесахъ
Ангельское общество,
Которые выдержали
Чистѣйшую дѣвственность.
7. Дорогими жемчугами
Украсятъ тѣло такого,
Будетъ у него блестѣть на головѣ
Звѣздная корона.
8. Будемъ только любить
Эту Божескую добродѣтель,
Будемъ имѣть желаніе
Сохранить ее.
9. Ты получишь награду:
Мы будемъ ее имѣть на небѣ!
Ликъ, ликъ, ликъ
Божій мы тамъ узримъ.

[1]) Это слово, какъ все содержаніе пѣсни, указываетъ на ея книжный источникъ; однако въ Кантичкахъ этой пѣсни нѣтъ

3. Вар. В. 1. Жив. Стар. 1893. IV, 524. Совершенно тождественная послѣдней пѣсни находится также въ сборникѣ Станевича.

Var broleli̧ i vajską jote,
Vejna sesele žergą bałnoja,
Ontra sesele broli̧ raudoja,

Vo ši trečioji visų mažoji
Vartus atkele ir pal)deje;
Jok, jok, broleli,
Jok, bałandeli;
Kada prijosi
Rajtun pułkeli̧?
Jote prijosiu
Ginte prigisu,
Dėvas be-žina,
Arba sugrišu.

Гонятъ братца въ войско ѣхать,
Одна сестрица коня сѣдлаетъ,
Другая сестрица братца оплакиваетъ,

А третья, самая младшая,
Ворота подняла и провожала его;
Поѣзжай, поѣзжай, братецъ,
Поѣзжай, голубчикъ;
Когда пріѣдешь
Въ полкъ конниковъ?
Ѣхать пріѣду,
Защитить защищу,
Богъ только знаетъ.
Вернусь ли.

4. Vejname dvare nėks ne galeje ete: badykles vakščioje. Vejns klėriks pakelevis vaižoudamas užvažiava pas tun ponu; anej buva išsidongeni na tolej į keta botą, ir ons prašes į nakvynę, kad prijimtu; ir sake pona, kad na toriam, kon pagułdyte ton pakelevį ir patys dabar tikta vejtas maž toriam, nałajmė musu dvare — badykles vakščio, na-b-galiam ten ba-bute; ons saka: «leskit muni, aš ten nakosu» ir nuvede sługa, įleda anon į stoncyja; ons tureje su savem gromyčes žvakę ir kningas; užsidegęs žvakę, skate kningas lig pat vejnioliktas adynas; vejniolikto adyno pradeje bałsaj žvongejemų aplink palociu ir vesap bałdytejs ir tujaus pradeje artej stoncyjas ete ir tujaus atdarė durys ir jejei stoncyją bjaurio asabo ne žmogaus, ne gyvole ir lenciuga paskou vilkos; ateje pri to klėrika pri ontra stała gała ir stojos, vo ons nusegondes na-b-skate kningų, tikta składe, vo badykle sake anam: «žinau, ko ejška» ir stoveje, vo ons nėka na sake ir składe lig pat dvilekta adyna pasibengont; pasibengus adyno pragyda gadys, vo badykle tujaus lenciugus vilkdama eje pro durys łauko, vo ons paskou eje vezete su žvakė gromyčes kame ana

Въ одной усадьбѣ никто не могъ ходить: привидѣнія бродили. Одинъ клирикъ-странникъ на пути заѣхалъ къ тѣмъ господамъ; они переселились не далеко въ другой домъ; вотъ онъ сталъ проситься на ночлегъ, чтобы они его приняли; и сказали господа, что мы не имѣемъ, гдѣ положить этого путника и сами теперь совсѣмъ мало мѣста имѣемъ: несчастіе въ нашей усадьбѣ, привидѣнія бродятъ, не можемъ мы тамъ больше быть; онъ говоритъ: «позвольте мнѣ, я тамъ переночую» и привелъ его слуга, впустилъ въ комнату; имѣлъ онъ съ собой святую свѣчу и книги; зажегши свѣчу, читалъ книги до самаго одиннадцатаго часа; въ одиннадцатомъ часу начался звуки звона вокругъ дворца и всячески начало пугать и вотъ стало приближаться къ комнатѣ и вотъ отворило двери и вошло въ комнату въ отвратительномъ видѣ ни человѣка, ни скота и за этимъ влачилась цѣпь; подошло къ тому клерику къ другому концу стола и стало, онъ же испугавшись уже не читалъ книгъ, а только перелистывалъ, привидѣніе же сказало ему: «знаю, чего ищешь» и стояло; онъ же ничего не сказалъ, а все перелистывалъ до самыхъ 12 часовъ. Въ 12 пропѣлъ пѣтухъ, и привидѣніе тотчасъ же пошло, влача цѣпи, черезъ двери вонъ, онъ же пошелъ за нимъ поглядѣть со святой свѣчей,

apsistos; nuejo po pałaciaus, apacos sklepo durys dare ir įejo ir tujaus praponle badykle, vo klėriks atdaręs durys pavezejo ir atrada daug grabun mirusių ponų sudetun; kłaupęs pasimełdo ir praše Deva, kad dontu žonę, kon rek padaryte, kad badykles atstotu, ir išgerda bałsą, kad rek doute atmenemus už dušes; pagriža atgal į stoncyją ir pasimeldęs atgole: nėks daugiau ne-bibade; rytą metą pona sjunte sługas pavezete, ar bėra gyvas anun svets, vo atrade svekų, parsivedo pri ponų ir sakė, kap galejo išturete badymus, vo ons papasakojęs, kas dėjos naktį, sake: «kad daugiaus ne-bi-badys, tikta donket didžius atmenemus už dušes ir parveškit kunegą, kad pašvėstu visus pałocius». Pona palėkavojo už rodą ir tujaus pavašinę išleda svetį. Unt ryta tujanu parveže konegą, pašventena pałocius, dave atmenemus ir nėks daugiau na-bi-bade ir pona spakajne parsidongenę gyvena.

гдѣ оно остановится; спустилось подъ дворецъ, отворило нижнюю дверь въ погребъ и вошло и тотчасъ же пропало привидѣніе, а клерикъ, отворивши дверь, посмотрѣлъ и нашелъ много сложенныхъ гробовъ умершихъ господъ; вставши на колѣни, онъ помолился и просилъ Бога, чтобы онъ далъ ему знать что нужно сдѣлать, чтобы привидѣніе отстало и услышалъ гласъ, что нужно сдѣлать поминовеніе за души; вернулся онъ назадъ въ комнату и помолившись легъ: больше уже никто не появлялся и не шумѣлъ; на утро госпожа послала слугъ посмотрѣть, живъ ли ихъ гость, и нашли его здоровымъ, привели къ господамъ, и сказалъ онъ какъ смогъ выдержать привидѣніе; разсказавши же, что дѣлалось ночью, онъ сказалъ: «чтобы больше не пугало, сдѣлайте только богатое поминовеніе за души и привезите ксендза, чтобы онъ освятилъ весь дворецъ». Госпожа поблагодарила за совѣтъ и угостивши отпустила гостя. На утро привезли ксендза, освятили дворецъ, сдѣлали поминовеніе и больше уже никто не пугалъ и господа, переселившись домой, жили себѣ спокойно.

V. Кулы.

1. Сказка о глазахъ рака. Вар. XII, 1. и Veckenstedt. «Die Mythen», ч. I. стр. 229.

Ketą kartą pon Dzėjs, sutveręs visokius givolius, įspaude visims akys, ont gała atejęs pri veže tare: «vežali! šeta tau be-leka mažteteles akeles». Vežys atsake: «no, tokes mažas į sobinę įkeškis». Ož ton pou Dzėjs anam patam įspaude į ontrą gałą, ir deł to paleka vežys betoręs akys sobine [1].

Однажды Господь Богъ, сотворивши всѣхъ животныхъ, вдавливалъ всѣмъ глаза, наконецъ, придя къ раку, промолвилъ: «ну, рачекъ, тебѣ-то остались совсѣмъ маленькіе глазки!» Ракъ отвѣтилъ: «ну, такіе маленькіе въ задъ себѣ сунь». За это Господь Богъ вдавилъ ему ихъ въ другой конецъ; и вслѣдствіе этого такъ и остался ракъ съ глазами въ заду.

2. Почему дрожатъ листы осины? Вар. M. 14, 117.

Ketą kartą motena Svenčiause bėgdama nu Eroda so sunelo į Egyptą

Однажды Святѣйшая Мать, убѣгая отъ Ирода съ сынкомъ въ Египетъ-землю,

---

[1]) Ср. I. 135, 4: Vežys, vežys.
Tur šikno akys.

żemę, pailsusi atsistoje po apušes ir iš bajmes drebeje ir nu to łajka pradeje drebete lapa visun apošu.

уставши остановилась подъ осиной и отъ страха дрожала и съ того времени начали дрожать листья всѣхъ осинъ.

3. Vejną kartą gaspadorius nutvere cigoną kamaro be-vagont; gaspadorius kłausė: «ko tu če įjeje?» Cigons sakė: «áma, tevali, mona dontes skaud ir ne-b-żinau, kur aš atejau». Gaspadorius, išvedes łauko iš kamaras, pavadenęs šemyną, ketena įmušte; cigons sake: «ama, tevali; kon darysi, ton darysi, tikt par torą ne mesk». Gaspadorius kopt uż čupryną, šemyna uż kojas, cigoną drejbt par torą. Cigons atsikelęs: ba-pego tau na sogaute cigoną kamaro, bet sugaukes cigoną łaukuse!» Ton pasakęs pabėga.

Однажды хозяинъ поймалъ за кражей въ коморѣ цыгана; хозяинъ спросилъ: «для чего ты сюда вошолъ?» Цыганъ сказалъ: «ама́, батюшка, зубы у меня болятъ и ужъ самъ не знаю, куда пришелъ». Хозяинъ, выведя его вонъ изъ коморы, позвавши работниковъ, хотѣлъ бить его; цыганъ сказалъ: «ама̀, батюшка, что ужь будешъ дѣлать, такъ дѣлай, только черезъ заборъ не бросай». Хозяинъ хвать за чуприну, работники за ноги, цыгана разъ! за заборъ. Цыганъ вставши: «чего ужъ тебѣ было не поймать цыгана въ коморѣ, а ты вотъ въ полѣ его поймай!» Сказавши это, побѣжалъ.

4. Vejną kartą cigons eje vokte mėsos į pakriautę. Prisikrovęs majšą mėsos, norejo išejte łauko, bet napatropeje atdaryte tekroses durys į łauka; atedare durys į trobą. Iejęs į trobą, cigons nusigonda; bet pasimyslijęs, tarė: «ama, teva, ar nori: tau atsjunte bėsas iš pekłas mėsos?» Gaspadorius pażvelgęs ont susipajšuse cigona, sake parsegondęs: «ak su sava mėsa į pekłą, aš nu bėsa nekokiun dovenun ne noro!» Cigons saka: «kad ne nori, ne nori; tad so Dejvo!» Rytą metą pavejze į pakriautę, na-bėra mėsos.

Однажды цыганъ отправился воровать мясо въ амбаръ. Набравши мѣшокъ мяса, хотѣлъ онъ выйти вонъ, но не потрафилъ отворить настоящую дверь на дворъ; отворилъ дверь въ избу. Войдя въ избу, цыганъ испугался; но подумавши, промолвилъ: «ама́, батюшка, хочешь что-ли? тебѣ чертъ изъ пекла мяса прислалъ». Хозяинъ, взглянувши на измазаннаго цыгана, воскликнулъ испугавшись: «пошелъ ты со своимъ мясомъ въ пекло, я отъ бѣса никакихъ подарковъ не хочу». Цыганъ говоритъ: «коли не хочешь, такъ не хочешь; тогда—съ Богомъ!» На утро посмотрѣли въ амбаръ, нѣтъ мяса.

Дѣтскія пѣсенки.

Čiuldiná, muldiná,
Višta pečių kurina,
Gajdys małką sukapoje,
Šou żirgą pabałnojė
Ir išjojo pri ponun,
Gava kroupun, łašiniun.
Vanags vištą peše,
Ont tarełkos neše,
Panę łapę pavadena,
Ont sledoniaus praše.

5. Чюльдина̀, мульдина́,
Курица печь топитъ,
Пѣтухъ дровъ собралъ,
Собака коня осѣдлала
И поѣхала къ господамъ,
Добыла крупъ, сала.
Ястребъ курицу ощипалъ,
На тарелкѣ принесъ,
Госпожу лису пригласилъ,
На обѣдъ просилъ.

6. Kejlele, lakštutele,
Kejk to tori vakun?
Do ont souła,
Do posouła,
Do sėtove,
Do lópišė;
Do godo, do konego,
Do stałoriu,
Do małoriu,
Šimts małka kerta,
Šesi jaunę kulc,
Vo aš vejna paniulate
Po zelvetiu kruma;
Na pa krume augau,
Na karklinus gŕiaužiau,
Pas tetošį augau,
Gryną douną vałgiau;
Na skarotą nešiojau,
Na bagotą norejau,
Marškinelus devejau,
Už vajkele išejau.

6. Трясогузка, пташка,
Сколько у тебя дѣтей?
Два на лавкѣ,
Два подъ лавкой,
Два въ омутѣ,
Два въ люлькѣ,
Два бѣлорусса, (гуда)два ксендза,
Два столяра,
Два маляра,
Сотня дрова рубитъ,
Шесть въ овинѣ молотятъ,
А я одна паночка
Подъ ивовымъ кустомъ;
Не подъ кустомъ выросла,
Не иву грызла;
У батюшки выросла,
Чистый хлѣбъ кушала;
Не лохмотья носила,
Не богатаго хотѣла,
Рубашки одѣвала,
За парня выходила.

VI. м Шакиново. Шавельскаго уѣзда.

1. Ape Laumę. [1]) Вар. Leskien. «Lixteretauische Volkslieder und Märchen». стр. 79. Schleicher. Lesebuch Латышскій варіантъ въ сказкахъ, переведенныхъ и изданныхъ Трейландомъ. Наконецъ варіантъ ея имѣется и въ недавно вышедшемъ изданіи г. Довойна-Сильвестровича: Podania Žmujzcie» т. I.

Vēną kartą gyvena sodo dve moteriškas. Vēna buva gera, o antra užvydelninka; geroji moteriška buva łabaj bėdna, turėjė sau uždirbti dūną; vēną kartą su sava mažu kudykiu išėja rugiu rišti; dirbdama par kiaurą dieną, užmirša suvisu sava vajką; parėjusi vakare namo nusiganda priminusi, kad vajką palika łauke; «jau dabar», saka «Laumės nusmaugs mano kudikį»; bėg (=почти *бэй*) į łauką nuliūdusi, gird pagirė Laumės be-łułūjant: «aã, aã, mano vajks!» Ir bije motyna arčiaus ejt, kad Laumės ne apstotu, krita ir ne gyva; nū ryta atsikėlusi, bėg į pagirį ir atrand po beržą łopšelį pakabytą, o łopšely atrand sava kudykelį skanė be-mektantį, auksu apipiłtą ir grażė paredytą; iš džiaug-

Жили однажды въ селѣ двѣ женщины. Одна была хорошая, а другая завистница; добрая женщина была очень бѣдна, должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ; однажды со своимъ маленькимъ ребенкомъ вышла жать рожь; работая цѣлый день, забыла совсѣмъ своего ребенка; придя вечеромъ домой она испугалась, вспомнивши, что оставила ребенка въ полѣ. «Уже теперь», говоритъ она: «Лаума замучитъ моего ребенка»; бѣжитъ въ поле печальная, слышитъ на опушкѣ: Лаумы поютъ: «aá, aá, дитя мое!» И боится мать ближе подойти, чтобы Лаумы ея не окружили, упала на землю и не жива; утромъ поднявшись, бѣжитъ на опушку и находитъ, что подъ березой повѣшена люлька, а въ люлькѣ находитъ своего ребенка сладко спящимъ,

[1]) Сказка записана отъ ксендза Рымовича.

sma ne žina, ką daryti; pakvėč susėdę ir parsineš rankūs vajką su turtajs. Susėde iš złostės ko ne sproksta; sułaukė vakarą, parėda savo kudykį grażė ir neš į pagirį; pati palikusi parbėg namó; atsisokusi bėg pakłausytė, kajp Laumės sup jos kudikį ir girda: «aã, aã, meškos vajks». Nekantri myslija deł ko ne liuloj: «aã, aã, mano vajks!» Led tik sułaukė aušros, bėg susėdes kvėsti: «ejkiam, ejkiam: padėk šendiena muno vajką parnešty (=парнешты); Laumes tur but ne mažiaus aukso palika»; atejn į pagirį, rand beržą sułaużytą ir vajką sudraskytą, o żarnas apė medį apvyniotas.

осыпаннымъ золотомъ и прекрасно одѣтымъ; отъ радости не знаетъ, что дѣлать; приглашаетъ сосѣдку и приноситъ на рукахъ ребенка съ богатствами. Сосѣдка отъ злости чуть не лопается; дождалась вечера, прекрасно нарядила своего ребенка и несетъ на опушку, а сама оставивши прибѣгаетъ домой; повертѣвшись бѣжитъ послушать, какъ Лаумы качаютъ ея ребенка и слышитъ: аа́, аа́, медвѣжье дитя». Въ нетерпѣніи она думаетъ, почему не поютъ: аа́, аа́, мое дитя. Едва только дождалась разсвѣта, бѣжитъ звать сосѣдку: «пойдемъ, пойдемъ: помоги сегодня мнѣ принести ребенка; Лаумы, должно быть, не меньше золота оставили»; приходитъ на опушку, находитъ березу сломанной, а своего ребенка разорваннаго и кишки его намотанными на дерево.

VII [1]). Литературно-литовскій говоръ (за рѣкой Шалтоной по дорогѣ отъ Россіенъ).

1. Kada Diėvas sutvėrė žvėrius ir jus sulejda į roją, tada keleta diėnų jis atejdava pas jų pažiurėti jus, ne matė vežį; kłausė, kur jis yr, o jis atsakė jam: «kur tava akys, ar subine, kad ne mataj manes?» Diėvas atsake jam: «tegul tava akys bune te, ne mana».

2. Iš visų žvėrių, katrus Diėvas sutvėrė, buvo mandriausiu vežys deł to, kad jis buvo melniku. Melnikavęs kelėtą metu jis pradėja vokti ir tajp jam nesivedė, ir visados jį sugaudava; tada jis atėja pas Diėvą ir prašėjo, kad dūtu jam į užpakalį akys, del to, kad jis ne mata, kajp jį nutver už svetimą dajktą. Diėvas ne iłgaj łaukęs, išėmė akys jo iš kaktos ir įdėja jam į ušpakalį. Turėdams akys užpakale, vežys suvisaj turėja parstot vokti, del to, kad jis ne galėja grejt paejti. Tada jis atėja vel pas Diėvą ir praše, kad Diėvas jam dūtu akys ir ušpakale ir priėšaky; ale Diėvas atsake: «nėkam aš ne daviau po ketures akys, ir tu ne gausi».

1. Когда Богъ сотворилъ звѣрей и пустилъ ихъ въ рай, тогда черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ къ нимъ посмотрѣть на нихъ и не замѣтилъ рака; спросилъ, гдѣ онъ, тотъ же отвѣтилъ ему: «гдѣ твои глаза, въ заду что-ли, что не видишь меня!» Богъ отвѣтилъ ему: «пусть твои глаза будутъ тамъ, не мои».

2. Изъ всѣхъ звѣрей, которыхъ сотворилъ Богъ, всѣхъ мудрѣе былъ ракъ потому, что онъ былъ мельникомъ. Проработавши нѣсколько лѣтъ, онъ принялся воровать и такъ ему не везло, что всегда его ловили; тогда онъ пришелъ къ Богу и просилъ, чтобы онъ далъ ему глаза въ задъ потому, что онъ не видитъ, какъ его хватаютъ за чужую вещь. Богъ, недолго думая, вынулъ его глаза изо лба и вложилъ въ задъ ему. Имѣя глаза въ заду, ракъ долженъ былъ совсѣмъ перестать воровать потому, что онъ не могъ уже быстро ходить. Тогда онъ пришелъ снова къ Богу и просилъ, чтобы Богъ далъ ему глаза и спереди и сзади, но Богъ отвѣтилъ: «никому я не давалъ по четыре глаза, и ты не получишь».

[1]) Записано отъ Ивана Чепурнова такъ же, какъ двѣ слѣдующія сказки.

Tada vežys supykęs ant sava sutvertojaus sunešė pri upės visus dajktus, katrie prigulėja pri jo melničės ir, suvertęs jus į upę, pasistatė saumelnyčę murinę (tajyra vurva krante). Praja (=praėja) kelėta diėną, upė uštvyna ir jo melnyče suvisaj sugriove; o jis, sugavęs viėnas tik girnas, pasilika bėdnas.

Тогда ракъ, разозлившись на своего творца, снесъ къ рѣкѣ всѣ вещи, которыя принадлежали къ мельницѣ, и, сбросивши ихъ въ рѣку, поставилъ себѣ каменную мельницу (это—нора на берегу подъ камнемъ). Прошло нѣсколько дней, рѣка вздулась и его мельница совсѣмъ разрушилась; а онъ, поймавши только жернова, сталъ бѣднякомъ

3. Ape taboką

Diėvas sykį liėpė visums žolėms atejti pas jį ir visas žoles ateja, viena tik taboka pasilika rojuj. Diėvas, ne matydams tabokas, kłausė žoliu, kur pasilika ji, ir kada jis dasižinoja, kad ji ne ateja, liėpe jaj tůjaus pributi ir pakłausė, del ko, ji ne ateja. Tada taboka atsake: del to, kad manį visas mana tavorčkas apspjaude; tada Diėvas vel kłausė: «kodel tavę apspjaude visas žoles» ir taboka atsakė: «del to, kad Adoms su Iėva, kaštavodami smoką visų žoliu, atrada manį, kad aš łabaj karti; ir del to manį apspjaude». Tada Diėvas atsakė: «nu šios dienos visi tavę turės ir šenavos: didelis ir mažas». Ale vis visi, kada ruka, spjauda del to, kad visas žoles, kad jos buva rojuj, apspjauda jį.

3. О табакѣ.

Богъ однажды велѣлъ всѣмъ растеніямъ прійти къ нему и всѣ растенія пришли, только одинъ табакъ остался въ раю. Богъ, не видя табака, спросилъ у растеній, гдѣ онъ остался, и когда онъ узналъ, что онъ не пришелъ, велѣлъ ему сейчасъ же прибыть и спросилъ, почему онъ не пришелъ. Тогда табакъ сказалъ, «потому, что меня всѣ мои товарки оплевали». Тогда Богъ снова спросилъ: «почему же тебя оплевали всѣ растенія?» а табакъ отвѣтилъ: «потому, что Адамъ съ Евой, пробуя вкусъ всѣхъ растеній, нашли меня очень горькимъ; и поэтому они меня оплевали». Тогда Богъ отвѣтилъ: «съ этого дня всѣ тебя будутъ держать и почитать: большой и малый». Но все-таки всѣ, когда курятъ, сплевываютъ потому, что всѣ растенія, когда они были въ раю, оплевали его.

4. Вар. I. 5. Вез. 5.

1. Višą amžių ułavojau.
   Ant smerče ne atbojau;
   Kad atėjė ta dienele.
   Kad rejks man numirti.
2. Dirba grabą be durelų.
   Viršuj be langelų.
   Kad vejalis ne įpustu.
   Saulele ne šviėstu.
3. Tevelis su matuše
   I grabą idėjo.
   Brolelis su seselė
   Manį palydėio.
4. Kaj važiavau par girelę,
   Girele žaliavo,
   Privažiavau į bažnyčę,
   Varpaj suzvanyjo.

1. Весь вѣкъ гуляла,
   О смерти не думала;
   Когда пришелъ тотъ часъ,
   Что придется мнѣ умереть.
2. Дѣлаютъ гробъ безъ дверей,
   Наверху безъ оконъ,
   Чтобы вѣтеръ не дулъ внутрь,
   Солнце не свѣтило.
3. Батюшка съ матушкой
   Въ гробъ положили,
   Братецъ съ сестрицей
   Меня проводили
4. Когда я ѣхалъ черезъ лѣсъ,
   Лѣсъ зеленѣлъ,
   Пріѣхалъ въ церковь,
   Колокола зазвонили.

5. Kunigelis, vargamistra
Manį pakrapino.
Ir nuneše i bažnyčę,
Kunigs mišas laiko.
6. Visas gentys-giminelės
Manes żełavojo;
Kad nuneše ant kapela,
Idėjo į dūbę.
7. Visi żemes po saujelę
Ant manes užbirė.
Visas gentys-gimineles
Namo nuvažiavo;
Oaš viena vargdienele
Zemė palikau.

5. Ксендзъ, органистъ
Меня окропили,
И внесли въ церковь,
Ксендзъ отправляетъ службу.
6. Всѣ родные-родственники
Обо мнѣ пожалѣли,
Когда принесли на кладбище,
Опустили въ могилу.
7. Всѣ по горсточкѣ земли
На меня посыпыли,
Всѣ родные-родственнички
Домой уѣхали,
Я одна несчастная
Въ землѣ осталась

5. Пословицы. (Patarłes)

Kajp idėsi, łajp rasi.
Kajp pasikłosi, tajp ir miegosi.
Išgraužk, kumaj, kad vajks mirė.

Ne kłausk davyma, ale Diėva padejima.

Suła yr, dūnas nėr; dūna yr, sułos nėr.

Pas mus yr razums, pas durnius pinigaj.

Mandrums gałvą łauża, utelas pakaušę griauža.

Kas krašts, tej moda; ka gałva, tej razums.

Šoki, kajp varle preš dalge.

Какъ положишь, такъ найдешь.
Какъ постелешь, такъ и поспишь.
Выкуси, кумъ, коли дитя умерло (т.е. кума уже не надо).

Не спрашивай о приданомъ, а о Божьемъ согласіи.

Сокъ есть, хлѣба нѣтъ; хлѣбъ есть, сока нѣтъ.
(Березовый сокъ весной.)

У насъ есть разумъ, а у дураковъ деньги.

Мудрость голову ломитъ, а затылокъ вши грызутъ.

Что край, то мода; что голова, то разумъ.

Прыгаешь, какъ лягушка на косу.

Собралъ: *А. Погодинъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Замѣтки по изученію современной народной пѣсни.

В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. С.-Петербургъ. 1893.

Г. Перетцъ, начавшій литературную дѣятельность разборомъ сборника угро-русскихъ пѣсенъ г. Врабля «Русскій Соловей» (Кіевская Старина 1892, № 6) и помѣстившій рядъ замѣтокъ и рецензій въ Живой Старинѣ и Библіографѣ, выпустилъ недавно работу болѣе обширную, посвященную любопытному вопросу изученія современной лирической пѣсни. Вопросъ этотъ разсматривался въ последнее время въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ которыхъ наиболѣе важны до сихъ поръ: статья Н. И. Костомарова «Великорусская народная пѣсенная поэзія» [1], Михневича «Извращеніе народнаго пѣснотворчества» [2], предисловіе къ «Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ», Лопатина и Прокунина и книжка Львова: «Новое время - новыя пѣсни» (Устюгъ. 1890), современной пѣснѣ посвященъ также рефератъ П. Н. Тиховскаго: «Паденіе народной пѣсни» [3] и книга М. Огіевскаго «Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворчествѣ». Спб. 1892.

Г. Перетцъ и изслѣдователь, и собиратель народнопѣсеннаго обихода. Это обстоятельство имѣетъ и хорошую, и дурную сторону: ему легче судить о народномъ міровоззрѣніи, нежели человѣку знакомому только съ печатными текстами пѣсенъ, возможно близкое знакомство съ чертами народной символики и даже новыя ея объясненія; но съ другой стороны, онъ скорѣе можетъ увлечься матеріаломъ, имъ самимъ записаннымъ, иногда даже поставить его выше другого подобнаго. Настоящая брошюра заключаетъ повидимому только начало изслѣдованій автора въ области, имъ затронутой; три главы ея посвящены разбору трехъ мотивовъ,—притомъ авторъ не держится какой либо системы, а стоитъ въ зависимости отъ матеріала, ему извѣстнаго и взятаго повидимому случайно. Это конечно не недостатокъ; но болѣе систематичное изслѣдованіе несомнѣнно было бы полезнѣе и для самого автора, избавляя его отъ неизбѣжныхъ повтореній, быть можетъ даже вліяя на общую точку зрѣнія на предметъ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1872, Май.

[2]) Историч. Вѣстн. 1880, т. III, декабрь.

[3]) Извѣстія IX Археологич. съѣзда въ Вильнѣ. Вильна. 1893, № 13, стр. 6—8. См. также ст. Г. И. Успенскаго «Новыя народныя пѣсни» въ «Русск. Вѣдом.» 1889, № 110 и замѣчанія на нее въ «Этногр. Обозр.» 1889, II, 218.

Несомнѣннымъ недостаткомъ предисловія являются отсутствіе доказательствъ тѣхъ положеній, на которыхъ авторъ настаиваетъ. Я нахожу, что главныя положенія автора, высказанныя имъ въ предисловіи къ книжкѣ, мало вытекаютъ изъ изученія трехъ пѣсенныхъ мотивовъ; они апріорны, изслѣдованіе ихъ не оправдываетъ. Если бы авторомъ былъ принятъ болѣе широкій кругозоръ, обнимающій возможно большее количество фактовъ и наблюденій надъ ними, точка зрѣнія была бы правильнѣе. Предисловіе г. Перетца довольно обширно и даже «широковѣщательно», давая, впрочемъ, мало фактическихъ поправокъ мнѣній установившихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытаясь отвергнуть ихъ.

«Какъ при изученіи литературы часто берутъ исключительно произведенія замѣчательныхъ писателей для характеристики идей, господствовавшихъ въ обществѣ въ данную эпоху, такъ зачастую и изслѣдователи въ области народной поэзіи обращаютъ свое вниманіе исключительно на тѣ пѣсенные мотивы, которые представляютъ наибольшій интересъ по своему художественному достоинству, забывая, что подобныя пѣсни уже отжили свой вѣкъ и вытѣсняются новыми. Мы полагаемъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа». Таково главное положеніе автора. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшаны двѣ стороны изученія народнаго творчества. Пѣсня есть, во первыхъ, памятникъ художественнаго творчества, во вторыхъ, матеріалъ для характеристики народа. Въ первомъ случаѣ она по преимуществу подлежитъ изученію историка литературы, во второмъ— этнографа. Только какъ матеріалъ чисто этнографическій *всякая* пѣсня заслуживаетъ вниманія. Однако, даже при такой постановкѣ вопроса не зачѣмъ впадать въ крайность: въ тирадѣ г. Перетца необходимо замѣнить: «не столько, сколько» словами: «не только, но и...» А между тѣмъ, авторъ собственно не этнографъ; онъ смотритъ на изученіе пѣсни, какъ памятника литературнаго... Противорѣчіе у него сказывается тотчасъ же, такъ сказать между словомъ и дѣломъ. Авторъ занимается не сбирушками, частушками, фабричными, искаженными и т. п. пѣснями, противъ которыхъ ратуютъ главнымъ образомъ гг. Лопатинъ, Тиховскій и другіе, а мотивами старыми, и н о г д а только измѣнившимися по формѣ, такъ сказать «старыми погудками на новый ладъ». [1]) Провести рѣзкую опредѣленную грань между пѣсней «новой» и «старой», конечно трудно. Романсы распѣвались народомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ пѣсенники. Впрочемъ, только съ половины текущаго столѣтія они завоевали себѣ широкое мѣсто. Такимъ образомъ, фактъ порчи старой чисто народной пѣсни несомнѣненъ, и эта порча началась давно. Но только въ послѣднія 3—4 десятилѣтія особенно часто и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе раздаются голоса о п р е о б л а д а н і и въ народно-пѣсенномъ обиходѣ фабричныхъ и трактирныхъ мотивовъ. Рядомъ съ ними, а также съ искаженными романсами и литературными стихотвореніями идетъ прямо вырожденіе пѣсни, выражающееся въ коротенькихъ запѣвочкахъ, сбирушкахъ,—обрывкахъ старыхъ пѣсенъ, и въ невообразимой путаницѣ стиховъ, образовъ и мотивовъ изъ разныхъ пѣсенъ, причемъ для спаиванія новой пѣсни изъ такихъ безобразныхъ обрывковъ одинаково употребляются и стихи чисто народной пѣсни, и искаженныя литературныя стихотворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перетцъ, говоря свои «не столько, сколько», не замѣчаетъ еще и того, что съ его точки зрѣнія изученіе сказки о Бовѣ-королевичѣ для историка литературы важнѣе изученія произведеній Гоголя и гр. Л. Н. Толстого; вѣдь первая куда распространеннѣе. Если же взять даже одно изученіе исключительно этнографическое, то и оно потеряетъ немалую часть своего значенія по подобной односторонности. Неужели же въ самомъ дѣлѣ для этнографа должно отсутствовать чувство художественности?

---

[1]) Подъ новой пѣсней мы разумѣемъ именно пѣсню фабричную, искаженный романсъ, обрывки и искаженія литературной пѣсни, конгломератъ изъ отрывковъ разныхъ пѣсенъ, безсодержательные куплеты въ 4, 3 и 2 стиха и т. п.

Далѣе г. Перетцъ борется такъ сказать съ вѣтряными мельницами. Вопреки его увѣреніямъ, всякій, съ исторической точки зрѣнія, понимаетъ, что современная народная пѣсня явленіе естественное, что положеніе ея переходное. Все это указано и разъяснено гораздо подробнѣе въ предисловіи къ «Сборнику» Лопатина и Прокунина [1]). Вопросъ только въ томъ, чѣмъ закончится такое переходное положеніе. Создастъ ли народъ, «не успѣвшій еще сложить, выработать своей (пѣсни), не осмотрѣвшись, не успѣвъ (sic) еще привыкнуть къ новой цивилизаціи» новую пѣсню (мнѣніе г. Перетца), или замолкнетъ навсегда чисто народная пѣсня, и ее, какъ во многихъ мѣстахъ Зап. Европы, замѣнитъ пѣсня литературнаго характера, созданная личнымъ творчествомъ? Вопросъ конечно спорный.

Называть ли новыя пѣсни и пошлыя искаженія старой пѣсни паденіемъ пѣсни, какъ это принято, или «безотносительнымъ плюсомъ» въ народномъ творчествѣ, какъ настаиваетъ нашъ авторъ, въ сущности неважно. Я укажу только, что мнѣніе г. Перетца объ этомъ безотносительномъ плюсѣ не установившееся. Въ одной своей статьѣ, печатавшейся почти одновременно съ первымъ этюдомъ («Библіографъ», 1892, № 12, стр. 418), онъ между прочимъ говоритъ: «Современное паденіе пѣсни не есть явленіе случайное: оно вызвано рядомъ подготовительныхъ явленій»... Да, и собственно говоря, не г. Перетцу первому принадлежитъ честь восхваленія тѣхъ пѣсенъ, которыя г. Лопатинъ называетъ безобразными. Это мнѣніе высказано еще Г. И. Успенскимъ и г. Львовымъ. [2]) Можно сказать только одно, что даже стоя на точкѣ зрѣнія исторической, мы можемъ объяснить явленіе, но не должны видѣть въ немъ прогрессъ, плюсъ. Развѣ все послѣдующее есть дальнѣйшій ростъ, сравнительно съ предыдущимъ? Напримѣръ, мы въ настоящее время не видимъ талантовъ, сильнѣйшихъ, нежели наши писатели сороковыхъ годовъ, не видимъ въ Россіи изслѣдователей народной поэзіи болѣе глубокихъ, чѣмъ былъ А. А. Потебня. Однако, мы не скажемъ, что новые писатели характеризуютъ прогрессъ въ нашей литературѣ, новые изслѣдователи прогрессъ въ наукѣ: исторически же объяснить эти явленія можно.

Не останавливаясь болѣе подробно на предисловіи г. Перетца, я коснусь только нѣкоторыхъ его мыслей. «Какъ съ перваго взгляда ни странно, пишетъ онъ, но пѣсни Дельвига, Кольцова и другихъ «народныхъ», поэтовъ еще менѣе устойчивы въ народной средѣ, (нежели заимствованныя пѣсни чисто литературнаго характера), хотя мы находимъ ихъ почти во всѣхъ пѣсенникахъ и хрестоматіяхъ. Подобное явленіе кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: если въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова, даже въ замысловатыхъ куплетахъ новѣйшей оперетки, народный слухъ поражается чѣмъ-то новымъ, невѣданнымъ и потому занимательнымъ, то въ пѣсняхъ Кольцова и другихъ народъ замѣчаетъ лишь подражаніе себѣ и вполнѣ, на нашъ взглядъ, логично предпочитаетъ свою безхитростную родную пѣсню пѣснѣ, быть можетъ въ художественномъ отношеніи прекрасной, но поддѣльной». Желательно но знать, чѣмъ подтвердитъ авторъ свое, такъ категорически высказанное, положеніе. (Не говорю уже о странномъ смѣшеніи поддѣльныхъ пѣсенъ Дельвига и пѣсенъ Кольцова. Откуда извѣстно, что Кольцовъ поддѣлывалъ пѣсни?) Для г. Перетца нѣтъ никакого значенія въ томъ, что пѣсни Кольцова встрѣчаются въ пѣсенникахъ. Если его слова основаны только на личныхъ наблюденіяхъ, то значеніе ихъ конечно весьма слабо, такъ какъ онъ записывалъ пѣсни преимущественно въ одной мѣстности (небольшомъ углу Новгородской губ.), притомъ сравнительно недолгое время. Если судить по сборникамъ пѣсенъ, то мы почти не встрѣтимъ въ нихъ пѣсенъ Кольцова. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что подобныя пѣсни собиратели рѣдко заносятъ въ свои записи. Но вотъ что говоритъ, между прочимъ, г. Студитскій въ предисловіи къ своему сборнику Новгородскихъ пѣсенъ: «Естественно, что нашъ народъ увлекается сочиненіями

---

[1]) См. напр. стр. 26.

[2]) См. еще замѣчанія А. С. Гацискаго въ «Нижег. Сборн.», 1875, т. V, стр. 173—174.

поэтовъ и мало по малу забываетъ созданія своихъ предковъ; такъ теперь уже поютъ пѣсни Кольцова. Въ этомъ я убѣдился еще тогда, когда собиралъ пѣсни Вологодской и Олонецкой губ.» (т. е. за 20 лѣтъ до записей въ Новг. г.) [1]. Одна пѣсня Кольцова даже попала въ сборникъ А. Можаровскаго [2]. Итакъ, есть факты, опровергающіе категорически высказанное положеніе г. Перетца.

Нѣкоторыя сужденія автора темны и запутанны [3]. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разобраться въ слѣдующей тирадѣ? Пѣсни литературнаго происхожденія «поются въ народѣ въ редакціяхъ сравнительно близкихъ къ литературнымъ, съ небольшими варіантами въ отдѣльныхъ словахъ: тема и размѣръ ихъ остаются неприкосновенными. Онѣ не осѣдаютъ прочно въ народной средѣ, не усваиваются органически, а только прилаживаются къ народному вкусу и выраженіямъ и поются въ искаженномъ видѣ, оставаясь чуждыми народу, какъ безобразные наросты посящему ихъ дереву». Гдѣ же, собственно говоря, правда? Если же пѣсни чисто литературнаго склада чужды народу, то само собой разумѣется ближе къ нему пѣсни Кольцова. Нѣсколько иначе, по мнѣнію нашего автора, дѣло обстоитъ съ такъ называемыми странствующими мотивами, которые, по словамъ его, въ большинствѣ случаевъ литературнаго происхожденія. (Но почему различіе въ воспріятіи тѣхъ или другихъ пѣсенъ, одного происхожденія,—невыяснено?). «Въ такой пѣснѣ—говоритъ авторъ—ненародное сравненіе, образъ-символъ неестественный и не гармонирующій съ дальнѣйшимъ развитіемъ темы—все это стирается, а иногда замѣняется (?) новымъ (??); съ другой стороны иногда одинъ намекъ на образъ въ пѣснѣ литературной вызываетъ его развитіе въ народной обработкѣ». Оказывается, что то, что ближе къ народнымъ понятіямъ, то и воспринимается народомъ. Изъ всего этого ясно только одно, какъ мало продумалъ авторъ все имъ написанное.

Я назвалъ предисловіе г. Перетца широковѣщательнымъ. «Мы полагаемъ, между прочимъ говоритъ онъ, что изученіе народныхъ пѣсенъ, какъ самостоятельно развившихся, такъ и считаемыхъ заимствованными изъ литературы, должно быть основано на возможно широкомъ сравненіи, какъ основныхъ мотивовъ, такъ и отдѣльныхъ чертъ... Такимъ образомъ изученіе великорусской пѣсни предполагаетъ параллельное изученіе бѣлорусской, далѣе малорусской...» Новаго тутъ ничего нѣтъ, все это—вещи признанныя давно; г. Перетцъ только идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ. Напрасно также онъ указываетъ на то, что по изученію бытовыхъ и лирическихъ пѣсенъ у насъ сдѣлано мало. «Трудность изученія послѣднихъ пѣсенъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому начинающему приходится самому разыскивать необходимое въ массѣ неразобраннаго, неразработаннаго и даже не систематизированнаго матеріала, и такимъ образомъ тратить немало времени на черновую подготовительную работу. Если намъ не удастся въ нашихъ очеркахъ дать прочныхъ обобщеній, то будемъ надѣяться, что собравъ матеріалъ, мы своими сопоставленіями, хотя отчасти, подготовимъ почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій». Правда, лирическія народныя пѣсни недостаточно изучены. Но, помимо того, что въ цѣломъ рядѣ новыхъ сборниковъ указаны варіанты, нерѣдко даны любопытныя сближенія, примѣчанія,—помимо всего этого, въ нашей литературѣ есть капитальнѣйшій трудъ Потебни по объясненію малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, дающій новымъ изслѣдователямъ и массу систематизированнаго матеріала и точку отправленія при его изученіи... Гораздо лучше было бы, вмѣсто всего этого, указать тутъ

[1]) О. Студитскій. Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губ. Спб. 1874 г., стр. 4—5.

[2]) Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. Казань. 1873 г. Предисловіе, II и стр. 27.

[3]) Эту запутанность и неопредѣленность положеній и выраженій нашего автора довольно подробно указалъ уже рецензентъ «Этногр. Обозрѣнія» (1894, кн. XX, № 1, стр. 136—139), отнесшійся въ общемъ къ книгѣ г. Перетца очень сочувственно. Къ сожалѣнію, авторъ упомянутой рецензіи остановился подробно только на предисловіи и не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній о большей и важнѣйшей части книги. Соглашаясь со многими его замѣчаніями, я не буду касаться поэтому затронутыхъ имъ вопросовъ.

же сразу, что въ своихъ этюдахъ авторъ имѣетъ хорошихъ предшественниковъ, приведшихъ большую часть сопоставленій, которыя г. Перетцъ дополнилъ сравнительно незначительнымъ количествомъ указаній. Такая оговорка была бы болѣе у мѣста, нежели скромное заявленіе своихъ заслугъ.

Переходя къ первому этюду, посвященному пѣснямъ о постриженіи, спѣшу оговориться, что не имѣю намѣренія дополнять изслѣдованія г. Перетца новыми соображеніями и матеріалами. Я ограничусь лишь разсмотрѣніемъ выводовъ автора и матеріаловъ преимущественно изъ тѣхъ сборниковъ народнаго творчества, которые, судя по ссылкамъ, были въ рукахъ автора.

Передъ нами пѣсня, извѣстная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в. и приписываемая преданіемъ царицѣ Евдокіи, постриженной Петромъ I. Содержаніе ея (по варіанту, записанному кн. В. О. Одоевскимъ):

Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Въ монастырь итти велитъ.
Постригись, моя немилая,
Посхимись, постылая..
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней.
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое-то—во зеленый садъ,
Третье-то—во чисто поле...
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ».
Они спрашиваютъ: «Что за келейка?...
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижена самимъ царемъ,
«Я посхимлена Петромъ Первымъ,
«Чрезъ его змѣю лютую».

По поводу этой пѣсни г. Перетцъ говоритъ: «Хотя при неопредѣленности указанія послѣднихъ стиховъ можно отнести эту пѣсню и къ другимъ лицамъ, постриженнымъ Петромъ, напримѣръ, къ сестрѣ его царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, однако Безсоновъ ни мало не постѣснялся приписать ее имени царицѣ Евдокіи». Слова эти крайне грубы и крайне несправедливы. Изъ пѣсни ясно видно, что въ ней говорится о постриженіи мужемъ жены; царевну Софью разумѣть здѣсь невозможно ни въ какомъ случаѣ. Кромѣ того. г. Безсоновымъ указано, что извѣстно документально о существованіи этой пѣсни съ именемъ царицы Евдокіи въ началѣ XVIII столѣтія, что она была запрещена при Петрѣ II, что канониръ Носовъ за пѣніе этой пѣсни былъ битъ шпицрутенами. Само собой разумѣется, что никто не станетъ безусловно утверждать, что пѣсня эта должна быть непремѣнно сочинена несчастной царицей. Быть можетъ, она только пріурочена къ имени царицы Евдокіи [1]); но пріуроченіе это сдѣлано такъ удачно, что въ пѣснѣ нѣтъ никакого противорѣчія дѣйствительно бывшему. Извѣстно, что царь дѣйствительно сначала уговаривалъ жену принять монашество и послѣ ея отказа постригъ ее.

При разсмотрѣніи этой пѣсни авторъ исходитъ изъ признака случайнаго для пѣсни о постриженіи, именно изъ способа построенія кельи (съ тремя окнами). Прежде всего

---

1) Сравни слѣдующее замѣчаніе г. Безсонова при приведеніи варіанта этой пѣсни безъ имени: «Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому примѣнила свою пѣсню царица». Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, в. 8, стр. 112.

замѣтимъ, что далеко не всѣ пѣсни о постриженіи говорятъ о трехъ окнахъ: этого мотива не знаютъ: пѣсня о насильственномъ постриженіи дочери матерью противъ желанія отца, записанная г. Перетцемъ, пѣсня царевны Ксеніи, пѣсня постриженной Іоанномъ царицы [1]). Эти пѣсни [2]) авторъ не внесъ въ кругъ своего изслѣдованія, [3]) а между тѣмъ онѣ, отличаясь значительнымъ разнообразіемъ содержанія, показываютъ, что несмотря на довольно обычное явленіе факта постриженія въ древней Руси, народъ умѣлъ создавать по различнымъ поводамъ разнообразныя пѣсни, не довольствуясь, такъ сказать, одной формулой подобной пѣсни и пріуроченіемъ ея только къ извѣстному имени. Съ другой стороны, три окна встрѣчаются и въ пѣсняхъ свадебныхъ—какъ это отмѣтилъ и г. Перетцъ. По моему мнѣнію, три, иногда четыре (по четыремъ сторонамъ свѣта) окна являются въ пѣсняхъ, имѣющихъ отношеніе къ ожиданію, тоскѣ по миломъ, и можетъ быть, изъ пѣсенъ подобнаго содержанія перешли и въ пѣсни о постриженіи. Про дѣвушку, напримѣръ, прошла недобрая слава, что ходила къ милу другу. Родители разгнѣвались.

Что построилъ мнѣ сударь батюшка темницу,
Безъ дверей—то онъ построилъ, безъ окошекъ,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Прорубн ты мнѣ, сударь-батюшка, три окошка,
Ужъ какъ первое окошко въ чисто поле,
А другое то окошко въ садъ зеленый,
А какъ третье-то окошко на сине море [4]).

На синемъ морѣ плыветъ корабликъ, на немъ дружечекъ; она зоветъ его, машетъ платкомъ, но онъ не слышитъ ея голоса, не видитъ я. Тутъ нѣтъ ни слова о постриженіи.

Другая подобная пѣсня говоритъ также о разлукѣ съ милымъ. Дѣвушка проситъ отца:

Государь мой, батюшка!
Ступай ты ва темнай лѣсъ,
Сруби сырой дубецъ,
Састрой мнѣ горнику,
Горнику новуя,
Съ чятырьмя акнами.
Первая акошка—
На сиия моря дарошка;
А другая акошка—
Черезъ зелянъ садъ дарошка;
А третья акошка—
Аткыль солнушка исходя,
А чатвертая акошка—
Атныль милай друхъ приходя,
Онъ подарачикъ приноси [5])...

Иногда не обозначается число оконъ; напр., въ причитаніи по рекрутѣ говоритъ жена:

И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безчастная поглядывать [6])...

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, VI, 202—204.
[2]) См. также Русскій Филологическій Вѣстникъ 1881 г., т. V, стр. 260.
[3]) Послѣднія двѣ не упомянуты; первая приведена только въ дополненіе «къ этюду о пѣснякъ, повѣствующихъ о насильственномъ постриженіи», (стр. 17).
[4]) Пѣсни Кирѣевскаго, VIII, 112.—Срвн. пѣсню Вологодск. губ., записанную Н. Иваницкимъ «Вологодск. Сборн.», т. III, 1883, стр. 35—37.
[5]) Халанскій. Народн. пѣсн. Курской губ. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1881, VI, 285.
[6]) Е. Барсовъ. Причитанья Сѣв. края, II, 140.

часто является одно окно [1]), три или четыре стороны [2]).

Любопытною чертою, общею для многихъ пѣсенъ объ ожиданіи милаго, а также пѣсенъ о постриженіи является синее море, откуда именно должно явиться ожидаемое лицо. Повидимому появленіе его въ пѣсняхъ, говорящихъ о тоскѣ, объ ожиданіи болѣе у мѣста. [3])

Но послѣдуемъ за авторомъ разсматриваемой книжки. Онъ указываетъ на присутствіе трехъ оконъ: 1) въ пѣснѣ о князѣ Василіи (въ которой его молодая вдова идетъ въ монастырь; одно окно выходитъ на сине море, гдѣ утонулъ князь); 2) въ приведенной нами выше пѣснѣ (изъ сборника Кирѣевскаго) объ ожиданіи милаго:; 3) въ пѣснѣ молодца, который желаетъ постричься въ монастырь; 4) въ малорусской пѣснѣ (изъ сборника Чубинскаго, т. V, 806); 5) въ записанной авторомъ пѣснѣ о добровольномъ постриженіи дѣвушки, которой постылъ міръ [4]). Послѣ всего этого слѣдуетъ довольно неожиданное заключеніе [5]): «Изъ ряда приведенныхъ параллелей можно заключить (?), что скорѣе изъ ранѣе существовавшей бытовой пѣсни возникла историческая, чѣмъ наоборотъ. Царицѣ Евдокіи, быть можетъ и принадлежатъ нѣкоторыя частныя измѣненія, но самая пѣсня создалась гораздо раньше, вызванная не однимъ явленіемъ, а цѣлымъ рядомъ постриженій, вошедшихъ въ обыкновеніе. Черты насильственнаго постриженія вѣроятно лишь впослѣдствіи примкнули къ общей схемѣ пѣсни и такъ не надолго (?), что теперь совершенно (?) утратились. Общая же тема—постриженіе въ монашество вслѣдствіе житейскихъ невзгодъ и неудачъ—живетъ и понынѣ въ пѣсенномъ обиходѣ русскаго народа. Въ сборникахъ пѣсенъ другихъ народовъ мы нигдѣ (?) не находимъ подобной пѣсни; отсюда мы должны заключить о ея самобытности на велико-русской (почему же не на общерусской, если авторъ вслѣдъ за И. В. Кирѣевскимъ, приводитъ и малорусскій варіантъ этой пѣсни ?) почвѣ. Что-же касается общаго (?) мѣста, построенія кельи съ тремя окнами, то оно могло быть по всей вѣроятности заимствовано изъ житія св. Варвары-великомученицы, которое ранѣе, и теперь является любимымъ чтеніемъ народа. Особенно близка къ житію пѣсня, которую мы находимъ у Чулкова». Это заключеніе можетъ вызываетъ недоумѣнія. Итакъ, пѣсни о насильственномъ постриженіи представляютъ, такъ сказать, наслоеніе въ общей первоначальной схемѣ добровольнаго постриженія, притомъ наслоеніе, державшееся недолго. Пѣсни о постриженіи являются ли только въ русской поэзіи? Нѣтъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ Миттлера, на который у г. Перетца есть ссылка на стр. 31, есть цѣлый рядъ пѣсенъ о постриженіи: 5 варіантовъ пѣсни: die Nonne, снова два варіанта подобной пѣсни и 12 варіантовъ пѣсни Klosterleben. [6]) Между русскими пѣснями о постриженіи и нѣмецкими есть много общаго, объясняемаго конечно не заимствованіемъ, а одинаковыми условіями быта. Прежде всего всѣ нѣмецкія пѣсни женскія. Идетъ въ монастырь бѣдная невѣста; ея женихъ слишкомъ поздно рѣшается жениться на ней. Его встрѣчаетъ уже монахиня.

Das Nönnlein kam gegangen
In einem schneeweissem Kleid;
Ihr Haar war abgeschnitten,
Ihr rother Mund war bleich.

[1]) Халанскій. Нар. п. Курск. г. Рус. Фил. В. 1882, VII, 81; Е. Барсовъ. Причитанія. II, 119, 168.

[2]) Барсовъ. Причитанья II, 130; I, 103.

[3]) Срвн. еще ст. Е. Передѣльскаго въ «Сборн. матер. для опис. Кавказа», т. III, отд. II, стр. 39.

[4]) Первыя 3 пѣсни указаны П. А. Безсоновымъ.

[5]) Стр. 16.

[6]) Deutsche Volkslieder, Sammlung von F. Mittler, стр. 230, 236, 587.

Или по другому варіанту:

Ihre Wänglein sind verblichen.
Ihr Haar ist abgeschnitten,
Sie hat ein Köpplein auf.

Весьма близокъ къ этимъ стихамъ конецъ пѣсни, записанной г. Перетцемъ [1]):

Папенька идетъ и князя ведетъ;
Князь молодой удивляется;—
Чья это шапочка на столикѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашина хорошая сидитъ?
— Князь молодой, ступай съ Богомъ домой,
Ужъ вѣрно мнѣ, дѣвицѣ, не быть за тобой.

По одному варіанту однако:
Die Nonne stand an der Seit,
Sie hörte die Rede (рыцаря-жениха у воротъ mit Freud,
Den Habit liess sie fallen:
— Gute Nacht, ihr Schwestern alle.
Mit dem Ritter zieh ich fort.

Съ этимъ окончаніемъ можно сопоставить пѣсню изъ «Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ М. Балакиревымъ» [2]).

Не спасибо тѣ, игумну тебѣ,
Не спасибо тѣ безсовѣстному,
Молодешеньку въ монашенки постригъ...
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны слухать,
Что мое дѣло скакать да плясать;
Инъ я посохъ-отъ подъ лавку брошу,
Манатейчку па столъ положу,
Подари поди подруженьку мого,
Подари душу молоденькую [3]).

Въ пѣсняхъ, озаглавленныхъ Klosterleben, насильно постригаемая (отцомъ) или постриженная дѣвушка жалуется на свою горькую участь; ея жалобы иногда совпадаютъ съ жалобами царевны Ксеніи:

Es ist kein schwereres Leben,
Als in das Kloster gehn.

Молитвы, поклоны, одиночество, отсутствіе милаго—вотъ что представляетъ монашеская жизнь.

---

[1]) Стр. 18.
[2]) 1891, № 16.
[3]) Сравн. также игровую пѣсню въ сборникѣ Можаровскаго: «Святочн. пѣсни и гаданія Казан. г.» 1873, стр. 67, № 11.

Что пѣсни о постриженіи очень распространены у разныхъ народовъ, это можно было бы знать г. Перетцу хотя бы изъ сборника Pjesnički hornych a dolnych Lužizkich Serbow. wudate wot L. Hawpta a I. E. Smolerja, на который онъ ссылается на стр. 26. Въ примѣчаніи къ пѣснѣ L [1]) указанъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ, голландскихъ, датскихъ и шведскихъ пѣсенъ о постриженіи [2]).

Въ сборникѣ пѣсенъ словинскихъ. на который у нашего автора есть ссылка на стр. 42, есть пѣсня Bogu zaručena [3]). содержаніемъ которой повидимому можно объяснить, почему именно мать настаиваетъ на постриженіи дочери:

— Moj lübi Bog predragi,
Kaj pa sem pregeršila,
Kam zütra dušo pistila?
— Ne si ti pregeršila,
Mati je pregeršila,
Kite je na svět rodila.
Kite je na svět rodila,
V minski klošter obecala...

Уже указано было, что 3 окна не составляютъ непремѣннаго аттрибута русскихъ пѣсенъ о постриженіи. Большая натяжка заключается въ сближеніи житія св. Варвары. «Въ житіи св. Варвара приказываетъ мастерамъ прорубить три окна въ строющемся зданіи и затѣмъ, объяснивъ въ честь кого она это сдѣлала, подвергается гоненію и казни, обнаруживъ свою истинную религію». Прежде всего необходимо было бы объяснить, въ какомъ зданіи были прорублены три окна; они явились не въ башнѣ, въ которой спасалась св. Варвара, а въ банѣ. Три окна въ житіи—въ честь св. Троицы. Значеніе же трехъ оконъ въ нашихъ пѣсняхъ совершенно иное. Если такъ, то общаго между житіемъ и пѣснями только внѣшняя черта 3 окна. Если же обратить вниманіе на то, что 3—число эпическое, что окна не играютъ существенной роли въ пѣсняхъ о постриженіи, что въ цѣломъ родѣ подобныхъ пѣсенъ они отсутствуютъ, что они являются притомъ въ разныхъ значеніяхъ, то мнѣ кажется, необходимо признать предположеніе (не выводъ) г. Перетца о связи житія съ пѣснями поспѣшнымъ и недоказаннымъ [4]).

Еще одно замѣчаніе по поводу перваго этюда. На стр. 17 книжки г. Перетца читаемъ: «Образъ заключенной дѣвушки, страдающей отъ своихъ родителей, въ частности отъ отца, перенесенъ былъ (т. е. изъ житія) со всѣми подробностями (??) въ пѣсню и примѣненъ къ невольно постриженной женѣ, точно также какъ пѣсни купальскія, повѣствующія о гибели (?) дѣвушки, послужили основаніемъ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой». Засимъ слѣдуетъ ссылка на «Историческія Очерки» Ѳ. И. Буслаева. Тутъ положительное недоразумѣніе. Ѳ. И. Буславъ указываетъ на связь пѣсенъ свадебныхъ съ пѣснью царевны Ксеніи. Миѳическая гибель дѣвушки явилась вслѣдствіе непониманія слѣдующаго мѣста у П. А. Безсонова [5]): «Плачъ Ксеніи по мотивамъ и складу близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ напітіемъ Купалы въ Купальскую ночь».

---

[1]) I, стр. 347—348.

[2]) Срвн. также 52 стр. II тома этого изданія: Próznicki serskeho ludu we górejcnych a dolojcnych Lužycach, Gryme. 1843. О не русскихъ пѣсняхъ о постриженіи см. появившуюся позже книги г. Перетца, статью К. Уленбека «Нидерландскія народныя пѣсни»— Живая Старина. 1893, кн. II, стр. 187—190.

[3]) Narodne pesni Ilirske. 1839, I, 63.

[4]) Почему трудно исходить изъ признаковъ, подобныхъ 3 окнамъ, ясно изъ замѣчанія Гильфердинга о мѣстахъ типическихъ и переходныхъ («Онежскія былины», стр. XXVII) и Ровинскаго объ общихъ мѣстахъ въ былинахъ и сказкахъ («Народныя картинки,» V,103).

[5]) Пѣсни Кирѣевскаго, приложеніе къ вып. VII, стр. 61.

Не задаваясь широкими обобщеніями, важнѣе было бы прослѣдить историческія пѣсни о постриженіи, указать ихъ поэтическія черты, историческую основу и перейти наконецъ къ пѣснямъ болѣе новаго типа, гдѣ постриженіе является уже какъ бы пережиткомъ, отзвукомъ далекаго прошлаго [1]).

Что касается пѣсни о постриженіи дочери матерью [2]), записанной г. Перетцемъ, то вопреки увѣреніямъ нашего автора, она извѣстна въ печати. Не говоря уже объ отрывкѣ ея, находящемся въ «Онежскихъ былинахъ» А. О. Гильфердинга, на что есть указаніе и у Перетца, лучшій варіантъ этой пѣсни, чисто народнаго склада, записанъ въ Терской области. Вотъ его начало:

Да три года дѣвушка
Церковь строила...
Четвертый годъ дѣвушка
Богу молилась...
Какъ батюшкины грѣхи
Всѣ отмолила...
А матушкины грѣхи
Ихъ не отмолила...

— Поѣхалъ мой папенька
За царскимъ сыномъ...
Сударыня-матушка
За игумномъ-попомъ.
Хочетъ меня батюшка
Замужъ отдати...
Сударыня-матушка
Въ черницы постричь... [3])

Мотивъ постриженія за грѣхи матери тотъ же, что и въ приведенной выше словинской пѣснѣ.

Нелишнимъ будетъ также отмѣтить, что по вызову академика Пекарскаго, заинтересовавшагося дѣломъ канонира Посова, А. В. Подсоловъ (изъ Арзамаса) сообщилъ еще одинъ варіантъ пѣсни о царицѣ Евдокіи, впрочемъ, безъ имени послѣдней. Въ этой пѣснѣ говорится, что келейка поставлена

На Суздальской славной дороженькѣ [4]).

Какъ въ первомъ этюдѣ руководителемъ г. Перетца былъ г. Безсоновъ, такъ во второмъ—Потебня Это отразилось и на матеріалѣ изслѣдованія: въ первомъ случаѣ Перетцъ не знаетъ иностранныхъ параллелей для пѣсенъ о постриженіи. Само собой естественно, что Потебня, обстоятельнымъ образомъ знакомый съ разнообразными сборниками пѣсенъ, доставилъ и г. Перетцу возможность имѣть для наблюденій матеріалъ болѣе обильный и разнообразный. Подчеркнуть эту зависимость г. Перетца отъ его предшественниковъ я считаю необходимымъ, потому что читатель, который не найдетъ нужнымъ сравнивать его книжку съ трудами предшествующими, не будетъ въ состояніи ясно представить себѣ самостоятельность наблюденій автора, въ особенности въ виду его предисловія. Безъ

[1]) Изъ такихъ пѣсенъ, сдѣлавшихся уже игровыми, назову указанныя выше изъ сборниковъ Балакирева, Можаровскаго, также № 29 «Крестьян. пѣс. въ с. Никольскомъ, Уфим. г., Пальчикова», пѣсню въ сообщеніи М. И. Семевскаго. «Торопецъ въ 1016—1863» (Зап. И. Рус Геогр. Общ. 1864 г., кн. II, 134); послѣдняя представляетъ уже полное искаженіе. Срвн. также пѣсни въ «Матер. по этногр. Вологодской губ.» Н. А. Иваницкаго. (Изв. Общ. Люб. естест., антр. и этногр «, т. LXIX, стр. 232, 701), въ ст. Е. Передѣльскаго (Сборн. матер. для опис. Кавказа» т. III, отд. II, стр. 39, 84.

[2]) Стр. 17—18.

[3]) Е. Бутова. Станица Бороздинская въ Терской обл. «Сборн. матер. для изуч. Кавказа», в. VI, отд. I, 105—108. Также извѣстна и другая пѣсня о добровольномъ постриженіи, записанная г. Перетцемъ (стр. 16). См. Ю. Н. Мельгуновъ. Русскія пѣсни, вып. I. М 1879, № 21 и «Вологодскій Сбор.», т. IV. 1885. стр. 121—122.

[4]) Пекарскій. О пѣснѣ, сложенной на постриженіе царицы Евдокіи. Зап. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. II, 203—207. Извѣстно что несчастная царица была пострижена въ Суздальскомъ монастырѣ. Въ пѣснѣ, которую пѣлъ и за которую пострадалъ въ 1729 канониръ Носовъ нѣтъ имени Евдокіи, хотя въ это время она всѣми признавалась за пѣсню несчастной царицы.

оговорокъ авторъ дѣлаетъ ссылки прямо на источники, часто даже не провѣривъ ихъ. Такимъ образомъ онъ пользуется сборникомъ пѣсенъ, собранныхъ Костомаровымъ и Мордовцевой. Конечно, заглянуть въ самый сборникъ, который указанъ Безсоновымъ, г. Перетцъ, повидимому, не потрудился, почему дѣлаетъ невѣрную ссылку на него [1]), а между тѣмъ въ этомъ же сборникѣ, рядомъ съ цитируемой въ первомъ этюдѣ пѣсней о пострижепіи, есть пѣсня о мужѣ-разбойникѣ, которая пригодилась бы автору для его третьяго этюда. Во второмъ этюдѣ ссылки на Ербена и Челяковскаго взяты у Сушила (Moravské národni pisně, 1860); вотъ посему ссылки на 1-е изданіе Ербена, причемъ ссылка въ примѣчаніи 6-мъ на стр. 25 невѣрна (какъ и у Сушила): вмѣсто I, 172 нужно I, 186 (№ 137). Впрочемъ, сборникомъ Сушила, независимо отъ ссылокъ на него другихъ, авторъ пользовался внимательно. Вслѣдствіе опечатки въ сборникѣ Гаупта и Смолера, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія г. Перетцъ, взявши первое указаніе на этотъ сборникъ у Потебни, [2]) невѣрна ссылка на сборникъ Корытка (не I, 80, а I, 79) [3]). Всѣ ссылки на литовскія пѣсни у Nesselmann'а, въ рѣдкомъ сборникѣ Бржозовскаго, на Юцевича (Ludvika z Pokiewia) взяты у Кольберга: Pieśni ludu litewskiego; въ послѣднемъ изъ трехъ случаевъ, когда пользуется Кольбергомъ г. Перетцъ, знаменитый польскій этнографъ даже не упомянутъ. [4]) Обиліе ссылокъ на разнообразные сборники и труды можетъ удивить читателя; но на самомъ дѣлѣ, большая часть указаній и сопоставленій сдѣлана уже предшественниками г. Перетца. Жаль, что нашъ авторъ не указывалъ каждый разъ, гдѣ было простое заимствованіе; такъ напримѣръ, все примѣчаніе 3 на страницѣ 22, вмѣстѣ съ ссылками на Миклошича и Маценауэра, принадлежитъ дословно Потебнѣ. У Перетца есть ссылка и на Потебню, но въ концѣ его примѣчанія, послѣ указаній на Миклошича, такъ что, судя по этой ссылкѣ, на долю Потебни остается только одно замѣчаніе. Любопытно также, что во второмъ этюдѣ прямо сдѣлана ссылка на Головацкаго [5]):—такъ ссылался Потебня въ своихъ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ», а въ третьемъ этюдѣ на «Чтенія въ Общ. Ист. и древностей» [6]). Послѣднее обстоятельство несомнѣнно зависитъ отъ того, что на «Чтенія» ссылались гг. Антоновичъ и Драгомановъ, откуда взята эта ссылка. Только въ одномъ случаѣ [7]) г. Перетцъ сознался, что цитируетъ сборникъ Зѣньковича по Антоновичу и Драгоманову, заставляя такимъ образомъ предполагать, что остальныя цитаты его предшественниковъ, по крайней мѣрѣ, имъ провѣрены...

Во второмъ этюдѣ авторъ разсматриваетъ пѣсни о гибели дѣвушки въ день свадьбы. Прежде всего приводится записанная имъ въ Новгородской губ. пѣсня «Казакъ ходилъ по Дону». Ея содержаніе: Молодецъ спрашиваетъ дѣвушку, отчего она плачетъ.—Въ дѣтствѣ, ей предсказала цыганка, что она потонетъ въ день свадьбы.

---

[1]) Стр. 11.

[2]) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Рус. Филолог. Вѣстн. 1882 т. VIII, стр. 223.

[3]) Вообще сборникомъ Корыткоr. Перетцъ пользовался только по изложенію у Гаупта и Смолера. Отсюда не точный пересказъ. «Танцуя съ нимъ (водянымъ) она проситъ его не кружить ее такъ сильно, но онъ не слушаетъ ея просьбъ, и вотъ она замѣчаетъ, что онъ—водяной» (стр. 28). Но вотъ текстъ этой пѣсни:

Представленіе о плясунѣ—діаволѣ, могущемъ заплясать до смерти дѣвушку, встрѣчается въ польской сказкѣ «Djabli taneк» (Эрбенъ. Сто славянск. сказокъ, № 40).

Mizika she gre plésat s njim,
On ji stiska roké mozhnò.
Mizika tako pravi, govori:
«Ne stiskaj mi rok tak mozhnó».
On jo stiska zhe dalje bolj,
De ji's sa nohtov kri kaplá.
Mizika savpije p. omozhno:
«Po-mè je prishel povodnji mósh».

[4]) Стр. 34, примѣчаніе.

[5]) Стр. 25.

[6]) Стр. 44.

[7]) Стр. 38.

— Не плачь, моя милая,
Я построю мостъ,
Мостъ чугунный, длинной—
На тысячу верстъ.
Къ вѣнцу съ тобой поѣдемъ—
Я тѣ коней дамъ:
Впередъ то будетъ двѣсти,
А сто по бокамъ.

Вдругъ поѣздъ скрянулся,
Всѣ конюхи въ рядъ,
Чугунныя плиты
Стучатъ и гремятъ.
Вдругъ конь-то съ подъ невѣсты
Споткнулся, упалъ;
Донъ принялъ невѣсту...

Замѣчаніе автора, что пѣсня эта неизвѣстна по другимъ сборникамъ, положительно невѣрно. Кромѣ сборника Магницкаго (почему указаніе на варіантъ этого сборника попало только въ примѣчаніе?), находимъ 2 варіанта въ сборникѣ архангельскихъ пѣсенъ Ефименко [1]), одинъ варіантъ въ сборникѣ новгородскихъ пѣсенъ г. Студитскаго [2]) и варіантъ въ сборникѣ Е. Передѣльскаго [3]). Вообще, по моему мнѣнію, знакомство г. Перетца даже со сборниками великорусскихъ пѣсенъ довольно слабо. А между тѣмъ онъ нисколько не смущается высказать огульное обвиненіе такого рода: «Это обстоятельство (не нахожденіе нашей пѣсни) вѣроятно объясняется стремленіемъ нашихъ собирателей записывать пѣсни исключительно старинныя; пѣсни же, мало-мальски носящія книжный, литературный оттѣнокъ, хотя бы по языку, совершенно (??) игнорируются ими» [4]). Нѣтъ, это обстоятельство объясняется гораздо проще. При незначительной начитанности и маломъ знакомствѣ со сборниками пѣсенъ авторъ рѣшается громить всѣхъ собирателей пѣсенъ, иногда даже не досказывая и такимъ образомъ искажая чужія мысли. «Иные изъ собирателей, говоритъ онъ, даже высказываютъ мысль, что вовсе не стоитъ, не къ чему записывать современныя пѣсни (какъ напримѣръ г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему сборнику)» [5]). Г. Лопатинъ предостерегаетъ начинающихъ собирателей отъ записыванія всего, что ни поется, рекомендуя критическое отношеніе и къ пѣснѣ, и къ пѣвцамъ. Указывая, какъ мало н а р о д н а г о, и много наноснаго элемента, въ пѣсняхъ новой формаціи г. Лопатинъ говоритъ: «Въ большинствѣ случаевъ въ новомодныхъ пѣсняхъ лежитъ печать арфистокъ, шарманокъ, городскихъ трактировъ, именно всего того, что не имѣетъ ничего общаго съ нравами и бытомъ русскаго народа, коего жизнь совершается въ деревнѣ... Тратить силы и терять время на сохраненіе этихъ новомодныхъ произведеній, не только не стоящихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство, не стоитъ собирателю, к о г д а к а ж д ы й г о д ъ д о р о г ъ в ъ и н т е р е с а х ъ с о х р а н е н і я д р е в н и х ъ н а р о д н ы х ъ п а м я т н и к о в ъ и с т и н н о-н а р о д н о й п о э з і и [6]). Если же пѣсни, въ родѣ:

«Вы сестрицы вы подружки,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбляйтесь въ одного.
Моя тихая могила
Всю любовь погубила,
Всее дружбу развела.

Я по русски писать не умѣю.
По французски да напишу,
Напишу сестрицѣ я своимъ подружкамъ,
А свое подружкѣ словесно разскажу:
Ахъ въ кого я влюбилась,
Погубилася отъ кого».—

и любопытны, и достойны собиранія, наряду со сбирушками, вертушками и т. п., то записывать ихъ еще будетъ возможность, лишь были бы охотники.

---

[1]) Матеріалы по этногр. русск. населенія Арханг. губ. М. 1878, т. 11, 61, 130—131.
[2]) Народн. пѣсни, собран. въ Новгород. г. СПБ. 1874. Стр. 34—35, № 20.
[3]) Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа. Т. III, отд. II, стр.
[4]) Стр. 21.
[5]) Стр. 21.
[6]) Предисловіе, стр. 10.

Записанную имъ пѣсню г. Перетцъ сопоставляетъ, пользуясь указаніями Потебни, съ пѣснями сербскою, болгарскою, лужицкою; далѣе, съ нѣмецкою (изъ сборника Кречмара), словинскою и передѣлкою нѣмецкой народной пѣсни у Гердера (по указаніямъ Гаупта и Смолера), съ литовскими пѣснями—по указаніямъ О. Кольберга. Самостоятельными сближеніями этой темы у автора слѣдуетъ признать указаніе на латышскую пѣсню изъ сборника Спрогиса и на нѣмецкую изъ сборника Миттлера.

Судя по нѣкоторымъ книжнымъ оборотамъ, чередующейся рифмѣ, можно предположить, что записанная г. Перетцемъ пѣсня, подверглась значительному литературному вліянію.

Наиболѣе близкой къ этой пѣснѣ авторъ считаетъ пѣсню лужицкую. Въ ней отецъ рѣшилъ выдать замужъ дочь; на ея просьбы подождать еще годъ онъ не обращаетъ вниманія. И вотъ является водяной, идетъ въ ея комнату и «заставъ ее въ слезахъ, начинаетъ утѣшать и спрашиваетъ»:

«Pše čo ty plačeš, holečo,
Ty moja luba newesta?»
— Káda ja plakać nedyrbju,
Dyž šitky ludžo praja,
Ze sy ty wodnej žony syn.
«Nech woni pšeco praja,
Tola ci hinak nebudže...

Ja 'ču ci dać most twarići,
Wot lutoh'zlota sljebora.
Ja'ču ci daći pšez njon wesć
Ze tsicyćimi wozami
Ze štyrcicimi konjami».
— Da pòl pam mosta nespšindže,
Da so most poča spadować.

Послѣ этого разсказывается, какъ бѣдная дѣвушка прижила водяному 8 сыновей, какъ отпрашивается у него домой; но за то, что она остается на обѣдвѣ до благословенія, онъ на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей и самъ вѣшается на дверяхъ. Подобныя пѣсни есть у нѣмцевъ, словинцевъ. Въ одномъ датскомъ варіантѣ этой пѣсни, переведенномъ Гердеромъ, нѣтъ второй части этой пѣсни—возвращенія дѣвушки на землю и мести водяного. «Это обстоятельство—говоритъ авторъ—даетъ намъ нѣкоторое основаніе предположить, что руская пѣсня нашего собранія заимствована посредствомъ литературы съ Запада... Путь заимствованія представится намъ приблизительно слѣдующимъ: нѣмецкая народная пѣсня подверглась литературной обработкѣ у Гердера, который взялъ тему у народа, близкаго ему по національности; далѣе баллада могла быть перенесена на рускую почву въ переводѣ и, наконецъ, тѣмъ или инымъ путемъ проникнуть въ народъ. Здѣсь мы можемъ обратить вниманіе на круговое движеніе: тема, вышедшая изъ народа, черезъ поэта-романтика снова вернулась къ народу» [1]). Трудно согласиться съ г. Перетцемъ. Не противорѣчитъ ли его заключеніе о кругообращеніи темы тому положенію, что «подѣльныя» [2]) народныя пѣсни мало прививаются въ народѣ и отличаются весьма малою въ немъ устойчивостью? Если допустить, что въ пѣснѣ русской отразилось вліяніе пѣсни нѣмецкой или славянской, то его можно объяснить и помимо Гердера. Чтобы принять предположеніе г. Перетца, необходимо немалое количество смѣлыхъ домысловъ. Нужно указать русскій переводъ баллады Гердера, способъ, какимъ онъ могъ попасть въ народъ (вмѣсто неяснаго «того или иного пути»), опредѣлить, что именно и почему вошло въ русскую пѣсню.

Необходимо вообще при изученіи пѣсенъ обращать вниманіе не только на черты сходства русскихъ пѣсенъ съ нѣмецкими, но и на черты ихъ различія. Въ основѣ этихъ пѣсенъ лежатъ два различные мотива: бракъ съ милымъ, но несчастный (въ русской пѣснѣ) и бракъ насильный—съ водянымъ (въ п. нѣмецкой, лужицкой и др.). Въ первомъ случаѣ дѣ-

---

[1]) Стр. 33.
[2]) Стр. 32: «Датская пѣсня, переведенная, вѣрнѣе сказать, передѣланная нѣмецкимъ поэтомъ Гердеромъ».

вушка не можетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ и погибаетъ, во второмъ принуждена жить съ чудовищемъ и подчиняться ему. Любопытно обратить вниманіе на роль отца и матери въ пѣсняхъ нерусскихъ. Бракъ съ водянымъ является какъ бы послѣдствіемъ отдѣлаться отъ дѣвушки, или же вслѣдствіе проклятія матери (какъ въ пѣснѣ словинской). Въ первой роли является мать въ свадебныхъ пѣсняхъ чешскихъ и русскихъ: сначала она успокаиваетъ дочь, находящуюся въ страхѣ предъ столь тяжелымъ переворотомъ въ ея жизни, потомъ, не принявши никакихъ предосторожностей при прибытіи жениха, выдаетъ ему дочь, такъ сказать, «головой».

Находящаяся въ сборникѣ Станка Враза словинская пѣсня «Dominkowa Ančika» [1]) совпадаетъ нѣкоторыми чертами съ пѣснями о водяномъ, говорящая о насильномъ бракѣ съ туркомъ. Мужъ не отпускаетъ жену къ матери, пока та не родила сына. Снова проситъ она о свиданіи съ матерью.

— Zdaj ne poideš k materi,
Spustiu te nebôm nič pred,
Da bo sin star sedem lét.
Saj še lepši vidit bo
Ko bo sinik šou z tabo.

Но проходитъ и 7 лѣтъ, и мужъ говоритъ:

— Morem ti povédati,
Vse tolažbe so zdaj preč,
Kez ne poideš nikdar več!
    Ančika pade, omedli,
Dušo per ti prič pusti [2]).

Это сопоставленіе любопытно для сужденія о смѣшеніи сюжета чисто миѳическаго съ историческимъ.

Обращаясь къ русской пѣснѣ, разсмотримъ ея особенности и своеобразныя черты. Сопоставимъ начало пѣсни съ малорусской свадебной причетью:

По Дону гуляетъ
Казакъ молодой
    Онъ на ворономъ конѣ
    Въ сбруѣ златой.
Раскрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой.
    — О чемъ, Маша, плачешь?
    — О чемъ слезы льешь?
— Коня ли тебѣ жалко
— Али збруи золотой?
    «Не жалко мнѣ збруи,
    «Не жалѣю коня».
— Отца ли тебѣ жалко
— Али матери родной?
    «Не жалко мнѣ матери,
    «Не жалко отца».
— Братца ль тебѣ жалко,
— Аль сестеръ своихъ?
    «Не жалко мнѣ братца,
    «Не жалѣю сестеръ
«Растошнехонько жалко,
«Тебя молодца:
    «Когда я молода—молодешенька,
    «Ребеночкомъ была,
«Мнѣ бѣлая цыганка
«За ручку брала»... [3])

---

[1]) Narodni pěsmi Jlirske, skupio St. Vraz. I, 155 - 157.

[2]) Г. Перетцъ не остановился на нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни «Wassermann» въ цитируемомъ имъ сборникѣ Mittler'a (стр. 443), которые озаглавлены «Die schöne Hannale».

[3]) Ефименко, II, стр. 130—131.

А вотъ пѣсня малорусская [1]):

Війшла молода
Й в свій городчик,
Тай рве бервіночки
Собі на вінчик.
Та жалібненько плаче.
Віходе й до неі
Тай јеі ненько:
— Та чого, ти, сынку, плачеш:
Тай ци жаль тобі
Подвіря мого,
Ци мене старенького?
— Не жаль мені
Ні тебе старенького,
Але жаль мені
За косов росов [2]).

Судя по этому сопоставленію, начало пѣсни чисто народное; къ нему придѣланъ конецъ подъ вліяніемъ какого нибудь литературнаго образца, указать который я не могу.

Можно даже догадываться, гдѣ произошла спайка этихъ мотивовъ: народнаго и литературнаго. Въ варіантѣ Студитскаго читаемъ:

— Мнѣ жаль дружка милого,
Вспокинулъ меня.
Когда я безпечна
Малюткой была,
Тогда же цыганка
За ручку брала... [3])

Я бы не рѣшился на основаніи сближеній, приведенныхъ у г. Перетца, говорить о связи пѣсенъ русской и нѣмецкихъ и о вліяніи послѣднихъ на первую, главнымъ образомъ въ силу различія ихъ сюжетовъ.

Заканчивая разборъ второго этюда, я укажу на одну странность. Что вода символъ любви, мостъ—брака, это мнѣніе высказано давно. Вотъ почему неточно выраженіе: «Игра Мосты и пѣсни къ ней относящіяся еще болѣе подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе» [4]). Странно также звучитъ подобная ссылка нашего автора: «Изслѣдуя аналитически рядъ пѣсенъ, мы убѣждаемся въ томъ, что общая схема ихъ слѣдующая: 1) образъ символъ, порою сравненіе, взятое изъ внѣшней природы и 2) объясненіе этого символа бытовыми чертами. Отсюда «зерномъ» пѣсни мы называемъ ту часть ея, изъ которой развивается дальнѣйшее повѣствованіе, т. е. образъ-символъ. Тоже А. Н. Веселовскій..., и подробнѣе наша статья въ журналѣ «Живая Старина» 1892, IV выпускъ [5])». Между тѣмъ въ замѣткѣ г. Перетца, на которую онъ въ данномъ мѣстѣ ссылается, о книгахъ гг. Желобовскаго, Скрынской и Веспна—никакихъ дополненій къ замѣчанію А. Н. Веселовскаго нѣтъ.

Что касается третьяго этюда, касающагося пѣсенъ о мужѣ-разбойникѣ, то останавливаться на немъ я не буду. Укажу только, что вслѣдъ за г. Антоновичемъ и Драгомановымъ, нашъ авторъ приводитъ варіанты этой пѣсни изъ сборниковъ Безсонова, Зѣнькевича, Караджича, Жеготы Паули, Ст. Враза, Сушила, Головацкаго, Дешка, Кольберга, дополнивъ ихъ указаніемъ на варіанты сборниковъ Смирнова (рукописнаго), Гера-

---

[1]) Купчанко. Пѣсни буковин. нар. (Записки Юго-Зап. отд. Геогр. Общ. II, 476).
[2]) Ср. также Zienkiewicz. Piosnki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 54.
[3]) Студитскій. Новгородскія пѣсни. Спб. 1874, стр. 34—35.
[4]) Стр. 25.
[5]) Стр. 6—7.

симова, Носовича, Чубинскаго и Варенцова.[1]) Изъ великорусскихъ пѣсенъ того же содержанія можно было бы указать на пѣсни, находящіяся въ сборникѣ Костомарова и Мордовцевой[2]), Пальчикова[3]), Халанскаго[4]), П. Шейна[5]), Е. Передѣльскаго[6]), П. Кириллова[7]), Н. Иваницкаго[8]) также на бѣлорусскіе варіанты въ сборникахъ Е. Карскаго[9]), Е. Романова[10]). Новыя сближенія, мнѣ кажется, могутъ поколебать сужденіе автора объ этой пѣснѣ. Онъ думаетъ, что «наша пѣсня скорѣе всего можетъ быть пріурочена къ югу (какому югу?); такъ можемъ мы предполагать на основаніи того, что на югѣ у словаковъ и (!) малоруссовъ мы находимъ наиболѣе развитые и богатые содержаніемъ варіанты. Слѣдуя отсюда на сѣверъ—въ область, занятую великорусскимъ племенемъ, и далѣе (!) на югъ, къ сербамъ, мы замѣчаемъ, что тема теряетъ многія черты, изложеніе становится блѣднымъ и теряетъ жизненность и драматизмъ»[11]).

Впрочемъ, своимъ сужденіемъ авторъ дорожитъ мало. Онъ не прочь даже отъ предположенія, что наша пѣсня могла быть заимствована у нѣмцевъ[12]). Итакъ окончательнаго сужденія о ней у г. Перетца нѣтъ. Принимать же заимствованіе отъ словаковъ или нѣмцевъ нельзя впрочемъ ранѣе. чѣмъ по выраженному раньше требованію нашего автора не будетъ доказано, «что пѣсня не могла явиться самостоятельно у русскихъ»[13]). А то вѣдь можно впасть въ ошибку г. Жданова «утверждающаго, что пѣсни о злой свекрови заимствованы нами съ запада; точно нигдѣ кромѣ Запада не бываетъ разлада въ семьяхъ»[14]).

Заканчивая мой отзывъ о книжкѣ г. Перетца, я обобщу свои замѣчанія. Работа автора мало продумана. Во многихъ случаяхъ онъ былъ небреженъ въ пользованіи источниками, часто не провѣряя своихъ предшественниковъ и не особенно внимательно просматривая сборники: отсюда вполнѣ естественны пропуски того, что не указано другими. Къ сожалѣнію, ему остались неизвѣстны даже такіе сборники русскихъ пѣсенъ, какъ гг. Халанскаго, Ефименко, Студитскаго, Романова. Что касается методологическихъ пріемовъ автора, то, не смотря на нѣкоторыя вѣрныя по этому поводу замѣчанія въ предисловіи, они не выдерживаютъ критики. Установка такъ называемыхъ «родословныхъ» текстовъ дѣло очень трудное, и иной разъ лучше отъ нея отказаться, какъ и сдѣлалъ, повидимому, авторъ въ послѣднемъ своемъ этюдѣ. Имѣютъ значеніе записанныя авторомъ пѣсни: двѣ перваго мотива, двѣ втораго и одна третьяго. Имѣютъ также значеніе самостоятельныя сближенія автора. При всемъ томъ, признавая за авторомъ нѣкоторую начитанность по предмету, имъ избранному, я полагаю, что отношеніе его къ источникамъ должно было бы быть иное. Ссылки на Потебню, Антоновича и Драгоманова и другихъ у него есть, но онѣ должны быть болѣе опредѣленными, съ указаніемъ всякій

[1]) Неправъ поэтому нашъ авторъ, говоря (стр. 35): «Сравнительнымъ изученіемъ пѣсенъ этого рода никто до сихъ поръ не занимался, кромѣ гг. Антоновича и Драгоманова, давшихъ указанія на нѣкоторые варіанты данной темы, что и составляетъ главную цѣнность ихъ труда. Здѣсь сведены извѣстные этимъ ученымъ малорусскіе варіанты изъ печатныхъ сборниковъ Zieńkiewcza, Ż. Pauli и рукописнаго сборника г. Сишицкаго». На самомъ дѣлѣ, указаній на варіанты въ трудѣ названныхъ ученыхъ гораздо больше.

[2]) Лѣтоп. рус. литер. и древн. IV, 64.

[3]) Пѣсни Уфимск. губ Спб. 1888, № 48.

[4]) Рус. Филолог. Вѣстн. 1883, т. X, стр. 173.

[5]) Рус. нар. былины. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1859. кн. III, 154.

[6]) Стан. Темижбекская и пѣсни, поющіяся въ ней. «Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа». III, отд. II, стр. 78.

[7]) Сборн. матер. для опис. Кавказа, т. IV, отд. II, стр. 128.

[8]) Вологодскій Сборникъ, изд. подъ ред. Н. Поліевктова. Т. III. Вологда. 1883, стр. 328—329, №№ XVI и XVII.

[9]) Рус. Фил. Вѣстн. 1884, т. XII, стр. 126.

[10]) Бѣлорусскій сборникъ, в. 1 и 2. Кіевъ. 1885, стр. 105.

[11]) Стр. 46.

[12]) Ibid.

[13]) Стр. 6.

[14]) Ibid.—Отвѣтственность за эти слова всецѣло конечно падаетъ на г. Перетца.

разъ, гдѣ авторъ идетъ самостоятельнымъ путемъ и гдѣ пользуется только работой предшественниковъ. Равнымъ образомъ и согласіе съ мнѣніями установившимися должно быть выражаемо не въ той формѣ, какъ это принято г. Перетцемъ. Авторъ чувствуетъ большую слабость къ цитатамъ, нѣкоторыя изъ нихъ положительно излишни (напримѣръ ссылки на статью Адріанова—стр. 10, почти все примѣч. 3 на стр. 22). Я нахожу, что разобранная мною книжка была напечатана съ ничѣмъ не оправдываемою поспѣшностью. Воспользоваться большимъ количествомъ матеріала, указывать который не входило въ принятую мною задачу, было бы для автора необходимымъ. А для того, чтобы высказывать общія положенія, притомъ противорѣчащія установившимся, обязательно ихъ обосновать. На предисловіе къ книжкѣ мы привыкли смотрѣть какъ на общее сужденіе, вытекающее изъ изслѣдованій автора, и мы вправѣ пенять ему, что предисловіе не оправдывается содержаніемъ его работы.

Написать изслѣдованіе изъ области народной поэзіи и легко, и трудно. Легко—если воспользоваться только работами и сопоставленіями предшественниковъ, нѣсколько только развивъ ихъ сопоставленія и мысли; трудно—если авторъ поставитъ цѣлью продумать всѣ предшествующіе взгляды, дополнить и даже видоизмѣнить ихъ на основаніи матеріала, взятаго въ возможно болѣе широкомъ объемѣ. Если г. Перетцъ согласится со мною, что не все, что накопляется въ черновыхъ бумагахъ изслѣдователя достойно печати, то въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ, опубликованіемъ которыхъ онъ спѣшить не будетъ, онъ можетъ дать намъ болѣе самостоятельную и болѣе соотвѣтствующую научнымъ требованіямъ работу.

Я подвергнулъ подробному разбору книгу г. Перетца, съ цѣлью указать на то скромное мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду работъ по народной словесности. Притомъ я имѣлъ въ виду двѣ оцѣнки этой книги, данныя самимъ авторомъ ея. «Смѣемъ думать,—писалъ онъ первоначально,—что какъ бы ни были случайны указанія, собранныя нами, они не пройдутъ безъ пользы для сравнительнаго изученія исторіи народной поэзіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь даны нами и новыя дополненія къ общеизвѣстному запасу фактовъ» [1]. Но позже, резюмируя одно свое сообщеніе въ «Письмѣ» на имя редактора «Новаго времени», г. Перетцъ заявляетъ: «У насъ много писано о народной пѣснѣ, но никто не рѣшился до сихъ поръ серіозно изучать ее, пользуясь правильнымъ научнымъ методомъ; не сдѣланъ у насъ анализъ ея какъ со стороны формы такъ и содержанія. Для исторіи пѣсни необходимо утвердить и прочно обосновать термины: старинная и новая пѣсня, и потому необходимо заняться изученіемъ пѣсенныхъ сборниковъ прошлаго вѣка... Въ заключеніе я указалъ на необходимость такого сравнительнаго анализа содержанія пѣсенъ, какой сдѣланъ былъ мною относительно трехъ пѣсенныхъ темъ въ моемъ изслѣдованіи: Современная русская народная пѣсня»... [2]) Какъ видно, тутъ дана уже совершенно иная оцѣнка. Она даже сильно меня смущаетъ. Если до сихъ поръ никто научно не изучалъ народной пѣсни, а г. Перетцъ показалъ, какъ слѣдуетъ изучать, анализировать ея содержаніе, то несомнѣнно авторъ полагаетъ въ этомъ изученіи новую эру, со времени выхода его брошюры. Но изслѣдованія Потебни, Веселовскаго, Антоновича?!... Или, быть можетъ, я не понимаю г. Перетца?

Аркадій Лященко.

---

[1]) Соврем. рус. нар. пѣсня, стр. 47.
[2]) Нов. Время, 1894, № 6513, отъ 16 апрѣля.

О трудахъ А. Н. Веселовскаго [1].

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи—изученіе народнаго эпоса, народныхъ преданій, пѣсенъ и сказокъ. Эти памятники устной словесности представляютъ незамѣнимое пособіе для ознакомленія съ духовной культурой народа, съ запасомъ его повѣрій, историческихъ воспоминаній, поэтическихъ образовъ, накопившихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Культура ново-европейскихъ народовъ, въ частности народа русскаго, развивалась подъ разнообразными вліяніями, складывалась изъ разновидныхъ элементовъ. Отзвуки отдаленной обще-арійской эпохи, особенности племенныхъ группъ, воздѣйствіе греко-римской образованности, культурныя теченія, приходившія съ Востока, все это, переплетаясь, входило въ жизнь европейскихъ народовъ и образовало ту пеструю смѣсь, остатки которой дошли до насъ въ видѣ этнографическаго матеріала, отыскиваемаго въ большемъ или меньшемъ обиліи во всѣхъ странахъ нашего культурнаго міра. Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ, чтобы опредѣлить значеніе его составныхъ частей, чтобы опредѣлить слои, накопившіеся въ области народнаго вѣрованія и народной поэзіи, нужны обширныя разысканія, основанныя на началахъ строгой исторической и филологической критики. Этнографія соприкасается въ этихъ розысканіяхъ съ исторіей литературы.

Въ нашей ученой литературѣ есть рядъ трудовъ, въ которыхъ памятники народно-поэтическаго преданія разсматриваются въ исключительно историко-критическомъ направленіи. Лучшіе и наиболѣе цѣнные изъ этихъ трудовъ принадлежатъ, безспорно, профессору С.-Петербургскаго университета Александру Николаевичу Веселовскому.

Лѣтопись учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора охватываетъ уже 35 лѣтъ.

Въ I томѣ «Лѣтописей русской литературы и древности», появившемся въ 1859 году, помѣщена была небольшая статья по поводу одного изъ выпусковъ Гауптова журнала: Zeitschrift für deutsches Alterthum (XI Bandes 2 Heft). Подъ статьею подписано было имя молодого автора, впервые выступавшаго въ ученой литературѣ: «А. Веселовскій». Въ упомянутой книжкѣ нѣмецкаго журнала помѣщены были: статья Ригера о Тацитовыхъ Ингевонахъ, Истевонахъ и Герминонахъ, статья В. Гримма объ испанскихъ сказкахъ и др. Въ разборѣ этихъ статей рецензентъ обнаруживалъ такое обширное знакомство съ литературой миѳологическихъ преданій и народныхъ сказокъ и такое умѣнье работать надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ, которыя давали основаніе утверждать, что въ лицѣ г. Веселовскаго наша наука пріобрѣтала сильнаго дѣятеля, отъ котораго можно ожидать много цѣнныхъ и важныхъ работъ.

Эти ожиданія сбылись въ полной мѣрѣ. Доказательствомъ служитъ длинный списокъ учено-литературныхъ трудовъ Александра Николаевича. Пересматривая этотъ списокъ, поражаешься прежде всего разнообразіемъ и обширностью его научно-литературной дѣятельности. Начиная съ 1866 года не проходило ни одного года, въ теченіе котораго не

---

[1] На основаніи этого отзыва, написаннаго по просьбѣ и порученію медальной Коммисіи, А. Н. Веселовскому присуждена Отдѣленіемъ Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества Константиновская медаль.

появилось бы нѣсколько работъ г. Веселовскаго. Такая ученая плодовитость представляется тѣмъ болѣе примѣчательной, что въ числѣ этихъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ трудовъ есть нѣсколько такихъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности могъ бы доставить автору почетную извѣстность: «Вилла Альберти», «Сказанія о Соломонѣ и Морольфѣ», «Кіевскія былины», «Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха», «Изъ исторіи романа и повѣсти» и др.

Проф. Буслаевъ, разбирая одну изъ названныхъ работъ,—именно книгу о Соломонѣ и Морольфѣ, называетъ ее «капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей ученой литературы».—Всматриваясь въ работы г. Веселовскаго,—писалъ въ 1877 г. покойный академикъ И. И. Срезневскій,—видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію неизданными или же провѣренными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припоминаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливыя объясненія подробностей данными изъ словесности и языка и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемые, достойными довѣрія самыхъ взыскательныхъ скептиковъ.—И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія на свѣтъ разныхъ изданій, русскихъ и иностранныхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрагивалъ, но и уяснялъ нѣкоторыя изъ задачъ средневѣковой и народной устной словесности». Срезневскій заканчиваетъ оцѣнку трудовъ А. Н. Веселовскаго словами: «Въ русской научной литературѣ они не замѣнимы». (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XVIII, стр. LXIX—LXX).

Приведу еще одинъ отзывъ о трудахъ г. Веселовскаго,—отзывъ историка нашей этнографіи. Подробно разсмотрѣвъ дѣятельность нашего уважаемаго академика, А. Н. Пыпинъ приходитъ къ такому общему выводу.

«Чрезвычайно цѣннымъ качествомъ изслѣдованій г. Веселовскаго является вообще стараніе разъяснять историческій генезисъ преданія съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и съ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытало оно на пространствѣ столькихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ столькихъ новыхъ условій народной жизни и народной мысли. Очевидно, что только въ этомъ видѣ и можетъ быть понято соотношеніе древняго преданія и его новѣйшихъ отголосковъ. Объ этомъ догадывались прежніе изслѣдователи, но рѣдко проводили мысль историческаго развитія въ самомъ анализѣ преданія: всего чаще, увлекаемые примѣромъ Гримма, а также не владѣвшіе на первое время достаточнымъ запасомъ сравнительнаго матеріала, они слишкомъ легко переходили отъ очень древняго къ очень новому и, вообще говоря, увидали въ современномъ народномъ міровоззрѣніи гораздо больше остатковъ первобытнаго язычества, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ розыскаціяхъ г. Веселовскаго, напротивъ, едва ли не гораздо сильнѣе и вліятельнѣе въ этомъ смыслѣ является эпоха «двоевѣрія», когда въ старое народное преданіе влился цѣлый потокъ новаго христіанскаго, и особливо популярно-христіанскаго и «отреченнаго» миоа, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ и народной вѣрой, и фантазіей. Трудамъ г. Веселовскаго въ особенности принадлежитъ заслуга разъясненія этой критической поры въ развитіи народнаго преданія: не только указано было въ нихъ обширное вліяніе популярныхъ христіанскихъ элементовъ на народное міровоззрѣніе; не только раскрыта была тѣсная связь послѣдняго съ средневѣковымъ двоевѣріемъ вообще, но, что было въ особенности любопытно и исторически важно, сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодѣйствія, о которыхъ не знаетъ писанная исторія, и которые заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія». (Исторія Русской Этнографіи. Т. II, стр. 281—282)

Наша Академія Наукъ давно оцѣнила ученыя заслуги проф. Веселовскаго. Въ 1877 году онъ избранъ былъ членомъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Въ настоящее время г. Веселовскій имѣетъ званіе ординарнаго академика.

Богатство литературныхъ данныхъ, собранныхъ въ трудахъ нашего ученаго, талантливая и строго научная разработка этихъ данныхъ, доставили ему широкую извѣстность

и въ западномъ ученомъ мірѣ. Болонскій университетъ почтилъ его докторскимъ дипломомъ. Вѣнская Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ недавнее время русскій академикъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Мюнхенской академіи наукъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что знакомство западныхъ ученыхъ съ трудами нашего академика облегчалось тѣмъ, что нѣкоторыя его изслѣдованія печатались въ изданіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (Romania, Archiv für Slavische Philologie, Russische Revue и др.). Раннія работы г. Веселовскаго написаны были по-итальянски (Novella della figlia del re di Dacia, 1866; Jl. Paradiso degli Alberti. Четыре тома. 1867—1869 г.).

Авторитетную оцѣнку, сдѣланную нѣсколькими учеными учрежденіями, я могу дополнить лишь бѣглымъ обзоромъ литературной дѣятельности А. Н. Веселовскаго.

Труды А. Н. Веселовскаго можно раздѣлить на три отдѣла.

I) Работы по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Таковы упомянутыя уже изданія, появившіяся на итальянскомъ языкѣ. За ними идетъ рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ русской ученой литературѣ: Данте и символическая поэзія католичества; Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій; Джордано Бруно; Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы; Рабле и его романъ, Робертъ Гринъ и его послѣдователи и др. Въ недавнее время г. Веселовскій обогатилъ нашу литературу переводомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ всемірной литературы, — Декамерона Боккачіо. Переводъ исполненъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Дополненіемъ къ переводу служитъ обширное изслѣдованіе о жизни и литературной дѣятельности знаменитаго автора всемірно извѣстныхъ новеллъ: Боккачіо, его среда и сверстники. Вышла пока первая часть его труда. Одновременно съ Декамерономъ, г. Веселовскій напечаталъ другую переводную работу, переносящую насъ изъ Италіи XIV вѣка на другой край европейскаго міра,—въ Исландію XII вѣка. Работа эта: Вѣщаніе Вёльвы (Völuspa) и новѣйшая экзегеза». Здѣсь помѣщенъ русскій переводъ Волюспы, съ обширными примѣчаніями, которымъ приданъ видъ разбора книги Г. Мейера: Völuspa.

Едва ли нужно говорить, что для исполненія всѣхъ этихъ работъ требовалось глубокое знаніе языковъ и литературъ романскихъ и германскихъ народовъ. Для тѣхъ, кто интересуется преимущественно этнографическими вопросами, важно обратить вниманіе на связь этихъ историко-литературныхъ работъ г. Веселовскаго съ розысканіями въ области народно-поэтическихъ преданій. Такъ, названное уже «Вѣщаніе Вёльвы» переноситъ насъ въ самую глубь «двоевѣрія» или «полувѣрія», представляя яркій примѣръ сліянія христіанскихъ преданій съ незабытыми еще образами миѳологическаго эпоса.—Поэма Данте, о которой г. Веселовскій говорилъ въ одной изъ своихъ раннихъ статей, коренится, какъ извѣстно, на почвѣ христіанско-легендарныхъ представленій о загробной жизни,—представленій, накоплявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Разсмотрѣнію этихъ представленій посвящено нѣсколько работъ нашего ученаго: «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи». «Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ», «Эпизоды о раѣ и адѣ въ писаніи Новгородскаго архіепископа Василія» и др.

II) Изданія и изслѣдованія памятниковъ старо-русской письменности: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ»; «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ»; «Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ»; «Повѣсть о Дигенисѣ»; «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ»; «Jtalienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts»; «Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши»; «Изъ исторіи романа и повѣсти» (два тома); очеркъ литературной исторіи старо-русскихъ повѣстей (въ «Исторіи русской словесности», Галахова, изд. 2-е. Не имѣя возможности говорить о всѣхъ этихъ трудахъ, остановлюсь лишь на двухъ изъ нихъ. Книгѣ о Соломонѣ г. Веселовскій далъ еще другое, болѣе общее заглавіе: «Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада». Это заглавіе даетъ указаніе на ту историко-литературную задачу, которую поставилъ себѣ авторъ. «Фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль, говоритъ нашъ ученый,

является общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ святымъ мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азіи въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся клиномъ въ европейскую цивилизацію; наконецъ, о посредствѣ монголовъ... Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на повѣствовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данныя; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области—и мы заключаемъ, что они—результатъ того же историческаго общенія. Когда и гдѣ оно совершилось—это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить... Занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей, должны привести къ убѣжденію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе ограничится на первый разъ группой сказаній, гдѣ найдется такая посредствующая форма, облегчающая подлинность историческаго перехода, т. е. группой литературныхъ фактовъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, насколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется мнѣ единственно существеннымъ—потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчивѣе. Разсказы паломниковъ и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго усилія мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчатантры и Семи Мудрецовъ, такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны. Эта точка зрѣнія на предметъ опредѣлила и выборъ моей темы: «Европейскія повѣсти о Соломонѣ».

Обширная ученость нашего автора дала ему возможность прослѣдить литературную исторію Соломоновой саги отъ ея древнѣйшихъ восточныхъ образцовъ до позднѣйшихъ европейскихъ переработокъ. Общій выводъ, къ которому приходитъ изслѣдователь, таковъ: «Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу они проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое я гадательно отнесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго Востока. Въ той и другой редакціи, Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это—третья ступень перехода. У насъ есть извѣстіе, что въ концѣ V-го вѣка, апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнія, изъ Византіи. Другія западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензія отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянской.—Съ X-го вѣка или, вѣрнѣе, съ XI-го мы наблюдаемъ новое явленіе: апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабльо, и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную—латинскую и византійскую—славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно

принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII вв., и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній; надъ старой византійской легендой въ нихъ наслоились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника» (стр. III—VI).

Трудъ свой по исторіи романа и повѣсти г. Веселовскій называетъ: «Матеріалы и изслѣдованія». Это заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію книги. Здѣсь дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ литературныхъ текстовъ, ранѣе не изданныхъ. Таковы: Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἀλεξάνδρου (по рукописи Вѣнской библіотеки), разсказъ о Таврѣ и Меніи въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія (по рукописи XIII—XIV вв.). Извлеченіе изъ греческаго житія того же святого (по рукописи синодальной библіотеки). Извлеченіе изъ греческаго же житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки (по рукописи синодальной библіотеки), Троянская притча (по рукописи Софійской библіотеки), Повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ (по рукописи Познанской публичной библіотеки). Изученіе этихъ текстовъ дало возможность изслѣдователю освѣтить многіе темные отдѣлы литературной исторіи нашей старой повѣсти, вліяніе которой отразилось и на народной сказкѣ. Укажу для примѣра на повѣсть о Бовѣ, которая переработалась въ сказку, широко распространенную на Руси. Изслѣдованія г. Веселовскаго показали, что въ старо-русской письменности извѣстны были двѣ редакціи этой повѣсти. Одна изъ этихъ редакцій сохранилась въ бѣлорусскомъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежащемъ Познанской библіотекѣ; другая версія извѣстна по нѣсколькимъ великорусскимъ рукописямъ XVII—XVIII вв. Первая редакція не пользовалась, повидимому, большой распространенностью; вторая редакція пошла, напротивъ, «гулять по лицу русской земли», она живетъ и до сихъ поръ въ формѣ народной сказки. Общій источникъ и той и другой редакціи — сербская письменность, куда повѣсть о Бовѣ проникла изъ итальянской литературы. «Если бѣлорусско-сербскій Бова часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова Королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвояли, передѣлывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ» (стр. 100).

III) Изслѣдованія народныхъ повѣрій, преданій и пѣсенъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій служатъ обыкновенно данныя, отыскиваемыя въ русской литературѣ, но въ объясненіи этихъ данныхъ развертывается такое богатство сопоставленій, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что изслѣдователь одинаково хорошо знакомъ съ нашей народной словесностью и съ народной поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, съ средневѣковой литературой Запада и съ византійской письменностью; ему не осталась невѣдомой даже такая малоизвѣстная литература, какъ румынская.

Труды Александра Николаевича по народной словесности можно распредѣлить на три группы.

А) Изслѣдованія памятниковъ русскаго былевого эпоса. Сюда относятся:

аа) Собраніе статей, подъ заглавіемъ: «Кіевскія былины»,— обширный трудъ, въ которомъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ былевыхъ пѣсенъ. Укажу для примѣра на статью объ «Иванѣ гостиномъ сынѣ». Сдѣланное здѣсь сопоставленіе пѣсенъ объ этомъ Иванѣ съ греческой повѣстью о мудромъ старцѣ и съ старо-французскимъ романомъ объ Ираклія (Eracles), имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи состава нашей былины. Указаніе г. Веселовскаго на связь этой былины съ греческой повѣстью, занесено Крумбахеромъ въ его Geschichte der byzantinischen Litteratur, какъ опредѣлено установленный литературный фактъ (стр. 402).

бб) Статьи объ отдѣльныхъ былинахъ: «Былина о Садкѣ», «Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ», «Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ» и др. Въ первой изъ этихъ статей находимъ драгоцѣнное указаніе на

родственное нашей былинѣ сказаніе о Садкѣ (Sadoc), занесенное въ старо-французскій романъ о Тристанѣ (Tristan le Léonois). Статья о «Подсолнечномъ царствѣ» дастъ полное разъясненіе состава этой пѣсни, пріуроченной къ имени царя Ивана Васильевича. Умѣстно здѣсь же упомянуть, что преданія о царѣ Иванѣ Грозномъ служатъ предметомъ отдѣльной статьи г. Веселовскаго.

вв) «Мелкія замѣтки къ былинамъ», рядъ небольшихъ статей, помѣщаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Эти мелкія замѣтки имѣютъ однако крупное значеніе. Не перечисляя всѣхъ этихъ замѣтокъ, укажу лишь такія статьи, какъ «Финскіе варіанты былинъ объ Ильѣ Муромцѣ»; «Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго»; «Былины о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ». Въ этихъ статьяхъ читатель найдетъ и новые литературные факты, и новыя догадки, открывающія просвѣты въ трудно доступные тайники нашего былевого эпоса.

Б) Разысканія, касающіяся народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Таковы «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды», «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Въ «Опытахъ» раскрывается литературная исторія такихъ распространенныхъ у насъ произведеній, какъ сказаніе о 12 пятницахъ, сонъ Богородицы, епистолія о недѣлѣ. Изъ ряда Разысканій о духовныхъ стихахъ укажу лишь нѣкоторыя, наиболѣе крупныя работы: «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», «Румынскія, славянскія и греческія коляды», «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи», «Вольной стихъ о Георгіи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ». Помимо цѣлаго содержанія, даже нѣкоторые отдѣлы этихъ разысканій имѣютъ самостоятельное и важное значеніе. Такъ въ статьѣ о колядахъ находимъ обширное изслѣдованіе о скоморохахъ, разъясняющее исторію старо-русскаго скоморошества въ связи съ подобными же явленіями на западѣ и въ Византіи.

В) Статьи о народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Остановлюсь для примѣра на двухъ статьяхъ: «Дуалистическія повѣрья о мірозданіи» и «Судьба-Доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ». Важенъ обширный фактическій матеріалъ, собранный въ этихъ изслѣдованіяхъ; еще важнѣе нѣкоторыя общія соображенія и замѣчанія, касающіяся самаго метода изслѣдованія народно-поэтическаго матеріала. Въ первой изъ указанныхъ работъ авторъ касается важнаго и труднѣйшаго методологическаго вопроса, вопроса о значеніи такъ называемыхъ «общихъ основъ» и «заимствованій» въ произведеніяхъ народнаго эпоса. «Разборъ легендъ о мірозданіи, говоритъ г. Веселовскій, важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Объясняя сходство миѳовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство либо объясняется изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія «заимствованія» вызываетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно: анализъ каждаго факта изъ области folklore'a долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса, въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миѳа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ, какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала. Германскіе эпическіе мотивы легли въ основу французскихъ Chansons de geste и снова перешли черезъ Рейнъ—подъ маркой феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вмѣсто этой окраски я предполагаю христіанско-богомильскую въ тѣхъ легендахъ, которыя, направясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговращеній, которыхъ путь трудно услѣдить, но которыя изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя» (стр. 115—116).

Теоріи общихъ основъ и заимствованій не представляются, такимъ образомъ, исключающими одна другую: отыскивается нѣкоторая высшая точка зрѣнія съ болѣе широкимъ

кругозоромъ, примиряющая крайности одностороннихъ воззрѣній. Въ статьѣ о Долѣ изслѣдователь «пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею, историческаго генезиса». Эта идея генезиса даетъ новое освѣщеніе группѣ народно-поэтическихъ представленій, надъ которой работали ранѣе такіе изслѣдователи, какъ Аѳанасьевъ, Потебня, Краусъ.

Коснувшись методологическихъ замѣчаній нашего академика, отмѣчу кстати еще нѣсколько его работъ, интересныхъ по такимъ именно общимъ соображеніямъ и указаніямъ: «О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки», «Сравнительная миѳологія и ея методъ», критическій отчетъ о «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», вступительныя главы сочиненія «Изъ исторіи романа и повѣсти».

Присужденіемъ академику Веселовскому высшей награды, медали имени Великаго Князя Константина Николаевича Императорское Русское Географическое Общество выразитъ справедливую признательность къ многолѣтней плодотворной дѣятельности ученаго изслѣдователя, труды котораго давно названы «незамѣнимыми». Труды эти навсегда останутся образцами строго-критическихъ разысканій въ области народовѣдѣнія и исторіи литературы. Русская наука можетъ гордиться богатымъ вкладомъ, который внесенъ уважаемымъ академикомъ въ сокровищницу не только русскаго, но и обще-европейскаго знанія.

И. Н. Ждановъ.

О трудахъ Е. Ѳ. Карскаго.

Литература русской исторической діалектологіи въ 1893 г. обогатилась обширнымъ трудомъ Е. Ѳ. Карскаго: «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 (313 стр.). Онъ содержитъ въ себѣ: 1) обильный матеріалъ, извлеченный изъ старыхъ западно-русскихъ текстовъ и 2) освѣщеніе данныхъ этихъ текстовъ данными современныхъ западно-русскихъ говоровъ. Тексты, которыми воспользовался авторъ: 1) рукописный Ветхій Завѣтъ въ западно-русскомъ переводѣ съ еврейскаго XVI вѣка Виленской Публичной Библіотеки; 2) рукописныя Аристотелевы Врата XVI вѣка той же библіотеки; 3) два рукописныхъ сборника XVI—XVII вв. той же библіотеки; 4) старо-печатный Литовскій Статутъ 1588 г.; 5) старо-печатное Евангеліе Тяпинскаго, второй половины XVI вѣка, и сверхъ того—по печатнымъ изданіямъ—документы разнаго рода XIII—XVI вѣковъ. Лѣтописецъ Переяславскій и др. Данныя, извлеченныя изъ текстовъ авторомъ, относятся къ области фонетики и морфологіи; сверхъ того, имъ представлены небольшіе списки словъ, показавшихся ему наиболѣе интересными. Освѣщеніе стараго матеріала современными данными сопровождается у автора указаніями на архаичность или новизну явленій и изслѣдованіями историко-лингвистическаго характера. Цѣнность выводовъ не подлежитъ сомнѣнію и теперь едва ли уже можно будетъ спорить о взаимномъ отношеніи языка старыхъ западно-русскихъ текстовъ къ современному бѣлорусскому: такъ убѣдительно доказана авторомъ тѣсная генетическая связь между ними.

Настоящій трудъ Е. Ѳ. Карскаго не единственный его трудъ, посвященный бѣлорусскому нарѣчію. Ему принадлежитъ другой довольно большой трудъ, первый опытъ научнаго изученія современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М., 1886 (169 стр.). основанный какъ на печатныхъ матеріалахъ, такъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора, природнаго бѣлорусса. Затѣмъ, имъ издано небольшое собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанное имъ самимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей мѣстныхъ говоровъ (всего 82 №№. «Русскій Филологич. Вѣстникъ» 1884 г. № 3, 1885 г. № 2 1889 г. № 2). Наконецъ, ему принадлежатъ: статья «Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія: Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и Католическій Катихизисъ 1588 г.» (Журн. М. Нар. Пр. 1893 г. № 9), и брошюра «Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія» Библіографическій очеркъ», Вильна, 1893).

Въ виду обще-признаваемой цѣнности трудовъ Е. Ѳ. Карскаго по бѣлорусскому нарѣчію, энергіи и научныхъ познаній ихъ автора, мнѣ кажется, Отдѣленіе Этнографіи воздало бы ему должное, если бы присудило ему большую золотую медаль Отдѣленія.

А. И. Соболевскій.

О переводѣ П. С. Попова.

СОЧИНЕНІЯ МЭНЪ-ГУ-Ю-МУ-ЦЗИ.

Въ новѣйшей ученой литературѣ Китая особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Мэнъ-чу-ю-му-цзи, т. е. «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ». Оно окончено въ 1859 г. и принадлежитъ кисти двухъ китайскихъ ученыхъ: Чжанъ-му и Хэ-цю-тао. Въ ихъ трудѣ собраны китайскія извѣстія о монголахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и статистическомъ; такимъ образомъ онъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ китайскую энциклопедію о монголахъ. Значеніе «Записокъ» увеличивается еще тѣмъ, что онѣ являются единственнымъ сочиненіемъ подобнаго рода о монголахъ, а потому должны служить настольною книгою для всѣхъ, занимающихся судьбою этого народа. Для насъ же, русскихъ, подобное сочиненіе особенно важно, всѣ наши путешественники будутъ имъ руководствоваться, поэтому выдающіеся наши синологи, — академикъ Васильевъ и покойный архимандритъ Палладій,—давно уже высказывались о необходимости перевода этого сочиненія на русскій языкъ. Въ настоящее время эта задача исполнена. Генеральный консулъ и старшій драгоманъ при нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, Павелъ Степановичъ Поповъ, извѣстный многими трудами о Китаѣ, особенно лексическими, перевелъ «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ» на русскій языкъ и переводъ этотъ предоставилъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи. Переводчиковъ съ китайскаго у насъ немного, и мы должны ими дорожить. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ большимъ трудомъ, какъ по объему, такъ и по исполненію. Ученое сочиненіе, какъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, нельзя переводить механически, пользуясь лишь знаніемъ китайскаго языка, нужно еще дѣлать разныя изысканія, наводить справки, т. е. производить работу невидную для читателя, но необходимую для правильнаго пониманія текста. При этомъ у переводчика составились разныя поясненія и замѣтки, которыми онъ обѣщаетъ подѣлиться въ будущемъ. Для правильнаго пониманія текста переводчикъ исправилъ собственныя имена въ китайской транскрипціи по монгольскому произношенію; жаль только, что не сохранена и китайская транскрипція, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже имѣетъ значеніе.

Въ виду изложенныхъ соображеній, переводъ П. С. Попова «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ» заслуживаетъ награжденія малою золотою медалью.

Н. И. Веселовскій.

Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1894 годъ. Изданіе Губернскаго статистическаго комитета.

Книжка эта отличается обиліемъ статей, самыхъ разнообразныхъ по содержанію. Но составители книги, заботясь о количествѣ статей, вносили въ нее иногда статьи, совсѣмъ плохія и никому не нужныя, какъ напр. статьи вятскаго вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова, снабженныя правда очень звучными заглавіями въ родѣ: Несчастный по недороду хлѣба 1891 годъ и важный по введенію въ губерніи института земскихъ начальниковъ; франко-русскія симпатіи 1893 г. и небывалый восторженный пріемъ нашихъ моряковъ во Франціи.

Во 2-мъ отдѣлѣ (Географія и народное хозяйство) отмѣтимъ двѣ статьи:

1) Краткое обозрѣніе Вятской губерніи за 1816 г. Здѣсь мы видимъ продолженіе статьи, помѣщенной въ календарѣ 1893 г.: Іоганна Фридриха Эрдмана путешествіе по Вятской губерніи лѣтомъ 1816 г. (переводъ съ нѣмецкаго).

2) Занятія женщины-крестьянки Сарапульскаго уѣзда.

Интереснѣе всего составленъ отдѣлъ 3-й, этнографическій, заключающій въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Н. П. Штейнфельдъ. Малмыжскіе татары, ихъ бытъ и современное положеніе.

2) Н. Софійскій. О начальномъ образованіи у Вотяковъ и Татаръ Ярославской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губ., и о названіи «Татары».

3) Народныя пѣсни Вятской губерніи (Вятскаго, Орловскаго, Котельническаго, Яранскаго и Нолинскаго уѣздовъ), собранныя С. Скворцовой. Собраніе это не многочисленно, но разнообразно по характеру пѣсенъ. Собирательница старалась сохранять особенности мѣстнаго говора.

4) Н. М. Васнецовъ. Матеріалъ для объяснительнаго областнаго словаря Вятскаго говора. Продолженіе обширнаго труда недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля. Здѣсь помѣщены слова на букву з. Нельзя не пожалѣть, что для работы Н. М. Васнецова нашлось въ календарѣ 1894 года только 25 страницъ. Лучше было бы такую скупость выказать по отношенію къ статьямъ г. Ратькова-Рожнова.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. Изданіе Курскаго статистическаго комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ. Съ 7 видами Курска и 1 портретомъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: I—обычныя календарныя свѣдѣнія; II—матеріалъ для описанія Курской губерніи; III—статистическія свѣдѣнія о Курской губерніи за 1891 годъ; IV—адресъ-календарь. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи II отдѣла. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Гусаковскій. Страницы изъ исторіи Курской гимназіи. Здѣсь передъ нами очеркъ состоянія Курской гимназіи за 1835—42 гг., когда почетнымъ попечителемъ ея былъ П. А. Денисьевъ.

2) А. Танковъ. Александръ Михайловичъ Мизгеръ (1835—1891). Очеркъ жизни и дѣятельности курскаго естествоиспытателя и педагога.

3) Курское нарѣчіе. Краткій очеркъ особенностей курскаго нарѣчія съ приложеніемъ небольшого словарика мѣстныхъ характерныхъ словъ.

4) Описаніе Курскаго намѣстничества изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстій, вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества Верхней Расправы прокуроромъ. Перепечатка книги, изданной въ Москвѣ въ 1786 году.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Пѣсни Рязанской губерніи.

1. Ни лятай ка, сизъ галубчикъ.

П'утру рана на зарѣ,
Ни садись ка, сизъ галубчикъ,
На мою красну акнò,
Ни гуртуй ка, сизъ галубчикъ,
Добрé жалка жалобнò,
Мнѣ и такъ тошна,
Мнѣ и такъ грустна
Жить дявицы въ тирямỳ,
Ни пущають атецъ, мать
На юлицу пагулять
Съ рябятами паиграть:
Ты н'юмѣишь, разумѣишь
Маладцу на атвѣтъ дать.
Я умѣю, разумѣю,
Сказать миламу п'отвѣтъ:
Мы пайдемъ кась, милый мой,
На широкай на твой дворъ,
Ты вазьми кась, милый мой,
Свой танкòй бѣлòй шатéръ,
Сваво вòрана коня,
И чаркасская сядло;
Мы поѣдимъ, милый мой,
Ва чисто поля гулять,
Какъ мы станимъ, милый мой,
При дарожкѣ при бальшой,
Мы разстелимъ, милый мой,
Свой танкòй, бѣлòй шатеръ,
Ты лажись ка, милый мой,
Я въ галовки паищу
Русы кудри расчяшу.
Стала дѣвица искать,
Сталъ малодчикъ засыпать.
Какъ ачнулся, милый мой,
Нѣтъ ни дѣвки, ни каня
Нѣтъ чаркасскяго сядла.

Ляпуновка 1889—91.

1. Нисиди дѣвка долга вечиромъ.

Ты ни жги свичу воска ярава,
Ты ни шей, дѣвка, Шимахальскій шолкъ;
Шимахальскій шолкъ съ кораблями шолъ,
Дорагъ купитца,—долга носитца.
Ты ни смѣйся мнѣ, добрый мòладицъ,
Я сама, дѣвка, ни безродная,
У меня, дѣвки, есть атецъ и мать,
Есть два брата бальшйхъ,

Двѣ сестры миньшіихъ
Я вилю тибя паймать,
Въ чистомъ поли растирзать:
Я изъ рукъ, изъ ногъ скóмью сдѣ-
лаю,
Я изъ тѣла твоего—пираговъ напикỳ,
Я изъ крови твоей—пива наварю,
Я изъ мозга твоево—вина накурю,
Я изъ галавы твоей чару вытачу,
Зазаву я гастей—всю твою радню,
Пасажаю я ихъ па лавочку,
А сама сяду на скамеечку,
Загадаю я имъ три загадачки:
На милóмъ та я сижу,
Милымъ говорю и пóтчую·
Какъ большая сястра дагадалася:
Я давно табѣ братицъ гаваривала:
Ни хади братицъ позна вечирамъ,
Потирясшь ты сваю буйну гóлаву.

Дер. Чернышевка Даньковск. уѣзда,
Мураевской волости 1885 г.

---

2. На зарѣ была на зорюшки.

На васходы была крáсна солнушка,
У насъ сдѣлалась, братцы, нищастыница,
Бальшая, братцы, бизвримяныца.
Какъ жана-та мужа патéрпла,
Вострымъ ножичкамъ зарѣзала,
Вы халодный пóгрибъ бросила,
Дубавой доской прихопнула,
И правóй нагой притопнула,
А сама пашла вы горинку,
Сѣла подъ красную падъ акошичку,
Падъ хрустальную падъ стиколицу.
Приходили къ ей два дéваря:
Ты снаха, ли наша, нивѣстушка,
А и гдѣ жа нашъ бальшóй братъ?
Вы любезные диверечки мая,
Вашъ бальшóй братъ на охóтушки,
За куницами за лисицами,
За бѣлыми за зайцами,
Ты любезная наша нивѣстушка,
Ты скажи ка намъ, ни абманывай,
Съ чиво-жа у тибя, булатный ножъ въ
кровя?
Вы любезные диверечки мая,
Я сизà голубя зарѣзала,
На нажỳ—та серца вынула.
На пажу серца стрепыхнулся,
А жана шельма ужахнỳлася.

Чернышевка 1885 г.

---

3. Раскухарочка мая,

Мая маладая,
Па садóчку гуляла,
Съ Дону вѣску слышала:
Всѣмъ учебнымъ палкáмъ,
Идетъ съ Дону смѣна;
А момỳ-та дружку
Смѣны нѣту.
Жалка; жалка мнѣ таво,
Кто бизъ смѣны служить!
Но жальчѣе мнѣ таво,
Да хто па комъ тужить,
Хто съ кѣмъ разстается:
Разставалась рыбица съ вадóю,
А дирвенской мужичокъ
Съ маладóй жанóю.

Чернышевка 1885 г.

---

4. Пò палю па пòлю.

Пташичка лятала.
Думала гадàла,
Пра все размышляла;
Какъ въ Маскву праѣхать,
Въ кàминну прабратца,
Съ мѝлымъ повидатца,
Вòвси ни разстатца;—
Степью ѣхать—грязна,
Полемъ ѣхать—пыльна,
Въ Москву ѣхать стыдна:
Москва пзукрàшена,
Улицы въ сѝ мятены,
Кàмушкамъ кладены,
Клали выкладали
Купцы, да боѝрья.

Чернышевка 1885 г.

5. На долинушкѣ вырасталъ кустъ малѝнушки.

На куста сидить младъ соловьюшикъ
Онъ ни такъ-та сидить—громка свищить
Ва пиволюшки сидить добрый молодецъ.
Онъ ни такъ-та сидить—слеза плачить
Ужъ и кто жа мипя васпаилъ, васкармилъ?
Васкармилъ та мипя праваславный міръ,
Васпаила мипя Волга рѣчинька,
Вѝкачала мипя лехкая лòтачка.

Чернышевка 1885 г.

---

5. Далина, далипушка.

Далина зиленая,
Раздолья широкая;
На этой далипушки
Гулялъ добрай моладецъ.
Малодчикъ малодинькій
Сабою харошенькій,
Аликсѣй сударь Ивановичъ;
Связалъ свою голаву
Шляпаю пуховаю,
Лентаю шелковаю.
Увидала иво матушка
Съ тирима високава,
Съ падворья широкова.
Дите ли мая дитятка,
Дите-ли мая милая,
Что-же, мая дитятка,
Ни весила ходишь,
Ни радашна гуляишь?
Радимая мая матушка,
Къ чаму-жъ быть виселому:—
Всѣ мап таварищи
Давно пажанились,
А я, добрай моладецъ,
Холастъ ни жанатъ хажу.
Жанѝ, мая дитятка,
Жаню, мая милая,
Вазьму, мая дитятка,
Княгиню, баярыню,
Масковску сударыню.-
Што Натальюшку
Свѣтъ Максимовну.

Грам. 1885—91 г.

6. Какъ на той гарѣ калина стаитъ.

Какъ на той горѣ калина стаитъ
Какъ на той калинѣ салавей сидитъ,
Онъ клюетъ, клюетъ горьку ягаду,
Горьку ягаду все калинушку,
Все калинушку, все малинушку,
Случилося ѣхать Аликсѣю здѣсь;
Онъ махнулъ плеткаю шалковаю:
Палятн салавей къ малу тестю въ садъ,
Ты и сядь, салавей, сядь на ябланьку,
Ты на ябланьку на кудрявую,
Ты васпой, салавей, жалку пѣсинку,
Штобъ нявѣста мая снаряжалася,
Снаряжалася и готовилась—
Чѣмъ паѣздъ дарить,—
Палатенцами шитыми браными,
Шитымъ браными пряткаными,
А тибя, мой другъ, шалковымъ платкомъ
Шалкавымъ платкомъ, залатымъ кольцомъ.

Грам. 1885—91 г.

---

1. Ни взлѣтывай саколикъ.

Ни возлетывай саколикъ
Высакимъ высока,
Ни размахивай крылами
Ширакимъ ширака;
Какъ и нашей Прасковьюшки
Ей грустнымъ грусненька:
Прасилась Прасковья у батюшки
Въ зѣлинъ садикъ пагулять:
Не батюшка пущаитъ
Все наказываитъ:
Ни равно ли, Прасковьюшка,
Соколъ птица палятитъ,
За сокаламъ за птицею
Павилъ сударь набѣжитъ?
Я умѣю, разумѣю,
Какъ мнѣ съ Павламъ гаварить:
При дорожкѣ при бальшой
Мы раскинимъ бѣлъ шатеръ,
Съ варанá каня сиделку
На калѣнки палажу,
Я бѣлое палатеньце
На калѣнки пастялю:
Ляжь ка, ляжь ка Павилъ сударь,
Я въ галовки пагляжу
Русы кудри расчяшу.

Чернышевка 1885 г.

---

2. Лятѣли голуби чиризъ дворъ.

Лятѣли голуби чиризъ дворъ,
Били крыльями абъ тиремъ
Падали вѣсточку Прасковьюшки:
У Павла ва дворѣ стоитъ воранъ конь.
Падъ кавромъ падъ чиркасскимъ подъ сядломъ.
У Павла батюшка выспрашиваитъ:
Куда жъ мая дитятка сабралася?
Радимый мой батюшка, вы дароженьку;
Дай ты мнѣ батюшка помогу:
Сорокъ чилавѣкъ вирьховыхъ.
Двадцать чиловѣкъ пишкавыхъ,
А семь каретушекъ цугавыхъ.
Первая карета батюшки,
Другая карета матушки,
Остальныя—всиму поѣзду.

Чернышевка.

---

3. Ни вилична стаить церковна.

Ни виличка стаить церкавна—
Только вилики не позваны,
Ни виличка Прасковьюшка,
А вилики не похвалы:
Пахвалялася Прасковьюшка,
Шта ни взять жа, ни взяты Павлу
миня;
Я сижу та у батюшки,
У радимай сваей матушки,
Я и за ста замками сижу,
Я за двѣсти старажами сижу,
А и Павилъ вазгаваравалъ:
Я замки та мичомъ пасабью,
За сибя Прасковьюшку вазьму

Чернышевка.

---

4. Чиризъ нашъ широкій дворъ.

Чиризъ нашъ широкій дворъ
Пралятал ясменъ сакол,
Уранилъ свае пяро,
Съ сваво злата крыла
Батюшка увидалъ,
Сударь родный усматрѣлъ:
Прасковьюшка падыми,
Радимая сбиряги.
Мнѣ, батюшка, нѣкогда,
Сударь родный, ниласугъ:
Падъ акошичкамъ сижу,
Ва бисѣдушку спишу,
Ва такую ва бисѣду
Жаниховъ вабирать.
Вабирала жаниха
Што и Павла маладца:
Павилъ, любчикъ мой,
Палюбился мнѣ разумъ твой,
Палюбился пақазался
Весь абычай дарагой.

Чернышевка.

---

1. Величальныя жениху и невѣстѣ.

Ужъ ты ютица,
Ютка сѣрая;
Златокрылая,
Шатра бѣлова,
Аликсѣива.
Какъ Ликсѣй сударь
Всяю ночь ни спалъ,—
Все каня сидлалъ
Са двара съѣждялъ;
Са двара, двара
Са широкава;
Па вайну спишилъ
Вайну ваивать,
Горя гаривать,
Дѣвакъ вабирать.
Ужъ онъ выбралъ сабѣ
Шта ни луччи всѣхъ,—
Маладу жану,
Свѣтъ Натальюшку
Ты Наталья душа,
Маладмая жена,
Ни хади пишкомъ
Ты ко батюшки,
Къ родной матушки:
Заригу я тибѣ
Сани козыри
Сани козыри,
Вапводыи.
На Ликсѣюшки
Кудри русыя
На пличахъ лижать,
Словно жаръ гарять.
Нихто къ кудрюшкамъ
Ни приступитца;
Приступилась къ кудрямъ
Свѣтъ Натальюшка,
Свѣтъ Натальюшка,
Маладая жана,
Брала кудрюшки
На билы руки,
На билы руки,
На златы кольца.

Деревня Гремячка Данковскаго у. Мураевской волости.

---

2. Сакôлъ Сакôлавичъ.

Сакôлъ Сакôлавичъ,
Микалай Тимафеевичъ,
Хадилъ па садику,
Гулялъ па зиленаму,
Искалъ сакôлушку
Нашôлъ лебедушку,
Лябедушку бѣлаю,
Акулину Васильивну.
Онъ и взялъ не за ручуньку,
Онъ павѐлъ не па садику
Па зилену винаградику,
Онъ и сталъ у ней выспрашивать,
Изъ ума онъ сталъ вывѣдывать:
Ты скажи, скажи, Акулинушка,
Гдѣ же ты росла, гдѣ выросла?
Ты расла ли ва тимны́хъ лисàхъ,
Ва тимныхъ лѣсàхъ, въ красныхъ вишаньяхъ?
Ты глупôй, Миколай сударь,
Я росла та у батюшки,
У радимой сваей матушки,
Ва высокамъ ва терими,
За красны́ми за окôшками,
За хрустальными стякольцами.
Да чиво жа ты, Акулинушка,
Ты чаво жа пила, ѣла?
Я пила, ѣла медъ—сахаръ,
Я насила ятласъ, бархатъ.

Гремячко 1885—91.

---

3. Какъ у бéрижка у кàмушка.

Какъ у бѐрижка у кàмушка,
Какъ у клю̀чушка, у гарючушка,
Вы калодизи халодная вада,
Вы ручѐюшки тякучая была,
Якавъ сударь паилъ вòрана каня,
Аграфена воду черьпала,
Пачирьпнула да паставила,
Сы Якавамъ разгаваривала,
Пра старонушку выспрашивала:
Хараша ль ваша старòнушка,
Висяла ль ваша деревнюшка?
Висяла наша диревнюшка,
Хараша наша старонушка,
Какъ на нашой на старонушки
Все сады стаять зилены,
Салавьи паютъ виселы.

Грем. 1885—91.

---

4. Падъ ельничкамъ, ельничкамъ.

Падъ ельничкамъ, ельничкамъ,
Падъ часты́мъ бярезничкамъ,
Тамъ хадилъ табунъ каней,
Шолкамъ пиряпутный,
Сирябромъ вазгнузданный.
Свѣтъ Натальюшка выхаживала,
Да таки рѣчи сгаваривала,
Ужъ и чьи жа эти кони—
Шолкамъ пиряпутаны,
Сирябрòмъ возгнузданы?
Эти коники Ляксѣивы,
Што Ляксѣя свѣтъ Иванавича,
Ани рвутца мечутца,
Ка тестиву ка двару́
Ка тещину къ тиряму́.
У тестива у двара̀,
У тещина тирима̀
Прашли три рѣчуньки,
Да три быстрыихъ:
Перва рѣчка—вотачка,
Друга рѣчуньна—настоичка
Третья рѣчуньна—тякучая вода.

Грем. 1888—91 г.

---

1. Прилятал сизой галубчик.

Прилятал сизой галубчик
Са чистова поля;
Пирядъ нимъ галубушка
Стала гуртаваты:
Свѣтъ ты мой, сизой галубчикъ,
Какъ мнѣ съ табой быти,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу те, сизый голубь,
Ва сваю галубню,
Накармлю те, сизый голубь,
Ярай пашаницай,
Напаю-те, сизый голубь,
Ключавой вадицей

Прихадилъ Микита сударь
Изъ иной диревни,
Пирядъ нимъ та свѣтъ Анисья
Стала гаварити:
Другъ ты мой, Микита сударь,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу тя Микитъ—сударь,
Ва сваю святлицу,
Накармлю те, Микитъ сударь,
Всякими закуски,
Напаю те, Микитъ сударь,
Всякими напитки.

1891 г.

---

2. Какъ вы поли, на цаляни.

Какъ вы поли, на паляни,
На високамъ на кургани
Свяли святы лазорливы;
Па тѣмъ святамъ Стяпанъ гулялъ,
Стяпанъ гулялъ, святы срывалъ,
Сарвалъ святокъ, завилъ вянокъ,
Тавилши вѣнъ самъ заплакалъ.
Хто-жъ мой вянокъ носить будѐ,
Хто-жъ мине вислялить будѐ?

Мая мамушка старешунька,
Сястричинька младешунька
Жаню, жаню мая дитятка,
Жаню, жаню мая милая,
Вазьму, вазьму хозяюшку,
Вазьму, вазьму младешуньку,
Ана жъ тибе висялить будѐ,
Ана жъ твой вѣкъ насить будѐ.

Ляпуновка 1889—91.

---

3. Какъ па садику, па садику.

Какъ па садику, па садику,
Пу садику виноградику,
Шъ хадила, тутъ вазгуливала
Маладая вотъ баярыня,
Шта и Марья свѣтъ Яфимовна;
Вдоль па юлицѣ мятелица мятеть,
За мятелицей Ягоръ сударь идеть,
За сабою варана каня видеть,
Енъ за павада шолковые,

За вядилы за сиребряныя,
Свѣтъ Марьюшка, сбиряги маво каня,
Яфимовна маво воронава.
Ужъ я похочу—я сбирягу коня,
Я ни похочу—ни сбирягу яво,—
За твою ль грубу досадушку,
Шта ни хадишь, ни гуляишь, милъ, ка мнѣ,
Ни цалуишь, ни милуишь, милъ, мине.

Ляпуновка. 1889 - 91 г.

---

1. Рябина, рябинушка.

Рябина, рябинушка
Звлянà заломлина,
Ва пучки повязана,
На три дарожки разбросана.
Какъ пярвая дарожунька
Калясами укàтана,
А другая дорожунька
Чаботàми убитая,
А трятья дарожунька
За калинкай хажана.
Да ктожъ у насъ съ калинкаю,
Да ктожъ у насъ съ малинкою?
Ягоръ сударь съ калинкаю,
Аленушка съ малинкаю.
Какъ прасилася Аленушка
У сваво у друга милава:
Ужъ ты другъ мой милòй,
Серца мая, Ягоръ сударь,
Ты пусти мине на улицу
Ты пусти-кось на широкаю,
На мураву на зяленаю.
Я тогда те пущу
Когда семь сыновъ родùшь,
А восьмую да́чирю.
Я тогда ужъ стара буду
И пра улицу забуду:
За сибе сноху пущу,
За снохою дòчирю,
А за дочирью сама пойду.

Орловка 1889—91.

---

2. Лpatалъ сакòлъ ва вы̀шаньи.

Лятaлъ сакóлъ ва вы́шаньи
Лятaлъ ясмепъ въ зяленаемъ,
Пымалъ сабѣ лябедушку,
Какъ снѣгъ яе бѣлешуньку,
Привелъ къ сваму ка батюшки,
Ка рòдной сваей матушки:
Ты сударь ты мой батюшка,
Радная мая матушка,
Мила-ли вамъ нявѣстушка
Люба-ли вамъ галубушка?
Дите ли мая дитятка,
Чадò ты мая милая,
Была-бъ ана табѣ мила,
Была-бъ ана табѣ люба,
А намъ та, мая дитятка,
А намъ ана давно мила́.

Орловка 1889—91.

Наброски изъ міра народной педагогики.

Когда ребенокъ будетъ смыслить, то его начинаютъ гулить: а-гу! а-гу! и причмокиваютъ губами; когда дитя станетъ улыбаться, его вызываютъ къ тому и мимикой и приговоромъ: улыбушки! потомъ просятъ: ручки, ручки! учатъ махать и разводить руками:

Сова летитъ,
Сова летитъ (скороговоркою и машутъ кистями рукъ).
Лунь плыветъ,
Лунь плыветъ (медленно и въ тактъ разводятъ руками).

Какъ скоро у ребенка появляется движеніе въ рукахъ, ему преподаютъ игру Сорока, заключающуюся въ томъ, что указательнымъ пальцемъ правой руки малютки водятъ по ладони лѣвой подъ речитативъ:

Сорока, сорока [1])
Кашу варила,
Гостей манила;
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала.
Гости на дворъ—
Каша на столъ.

Затѣмъ пальцы лѣвой руки—воображаемые гости—перебираются указательнымъ правой: «этому дала, этому дала» и т. д. Когда дѣло доходитъ до мезинца, то онъ оказывается обдѣленнымъ, такъ какъ:

Этому не досталось:
Онъ маленекъ,
Онъ коротенекъ,
По воду не ходитъ,
Онъ дрова не рубитъ.

и сорока: «шу! улетѣла, на головушку сѣла», поднимаютъ обѣ руки на голову подневольнаго лицедѣя.

Къ этому же возрасту относятся игры: «Ладки», «Коза», «Тутушки».

Ладки. Ладонями забавляемаго слегка ударяютъ одна о другую, подпѣвая въ тактъ:

Ладки, ладки!
Гдѣ были?
— У бабки.
Чево пили?
— Бражку.
Чево ѣли?
— Кашку.
Кашку ѣли
Съ сѣмячкомъ,
Погнали насъ
Вѣничкомъ.

---

[1]) Варіантъ: Сорока бѣлобока.

Козу, или—вѣрнѣе—рога козы изображаютъ указательный палецъ и мезинцъ, а безъимянный и средній придерживаютъ большимъ, которая (коза) будто бы:

Коза идетъ,
Рога несетъ.
Кто молоко пьетъ,
Того рогомъ бьетъ.

И бодаютъ ребенка, вызывая смѣхъ [1]).

Прочія забавы, когда ребенокъ начинаетъ ползать и ходить, какъ-то: катаніе на ногахъ (сидящій человѣкъ ставитъ къ себѣ на лапы ногъ малютку, руки его беретъ въ свои и ногами приподнимаетъ послѣдняго), горшки (ношеніе на кордошкахъ), торѣй—совершенствуйся, практикуйся (легкое подергиваніе за волосы на вискахъ), чей носъ? (берутъ ребенка за носъ и спрашиваютъ: чей носъ? дабы получить отвѣтъ объ имени вопрошаемаго, или сознательномъ отвѣтѣ, напримѣръ—мой) не сложны и обходятся безъ припѣвовъ. Къ сожалѣнію, есть не мало забавъ—по простотѣ нравовъ,—грѣшащихъ противъ цензуры.

Даже купанье дѣтей происходитъ подъ приговоръ: Съ гуся вода, съ N худоба.

Подростая, дѣти находятся въ постоянномъ движеніи, но не окрѣпшіе члены слабы и они то и дѣло падаютъ и ушибаются; средствомъ къ успокоенію являются заговоры и отмщеніе: ушибленное мѣсто поглаживается и подувается подъ причитаніе:

У кошки боли,
У собаки боли,
У N заживи.

Предметъ, послужившій причиною ушиба или паденія, совѣтуютъ ребенку побить, плюнуть на него. (Сравн. при крещеніи: дунь, плюнь) [2]).

При дальнѣйшемъ развитіи дѣти усваиваютъ отъ дѣтей же постарше игры и пѣсенки, напчаще съ рѣзкими скачками съ предмета на предметъ, не относящимися одинъ къ другому и словами, не имѣющими никакого значенія. Можетъ быть, неизвѣстные, классическіе авторы ихъ имѣли здѣсь и свою цѣль—заставить поработать молодой мозгъ надъ сокровенностью неизвѣстнаго (изслѣдованіе неизвѣстнаго—въ натурѣ человѣка), разобраться въ таинственныхъ словахъ, смыслъ которыхъ, какъ и все въ открывающемся имъ жизненномъ пути, пока еще сокровененъ; словомъ, дать толчекъ къ развитію мышленія: какъ, кто, что, почему, отъ чего, что, кто это?

И вотъ, какъ бы для наглядности, что житейскій опытъ удовлетворяетъ потребности знающихъ какъ взяться за дѣло, прилагаютъ къ случаю пѣсенку.

Собралась группа дѣтей; одинъ изъ нихъ ѣстъ что-нибудь, у другихъ возникаетъ аппетитъ. Кто пошустрѣе, зажмурилъ глаза, протянулъ къ ядащему руку и проситъ:

Крива рука
Пить-ѣсть хочетъ.
Кто подастъ—
Золотой глазъ;
Кто не подастъ—
Коровій глазъ.

Кому же охота имѣть коровій глазъ—лучше подѣлиться.

Желательно поозорничать, но такъ, чтобы не было ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ, ссылаться на невмѣняемость.

Зажмуритъ глаза и размахиваетъ палкою, предупреждая: на слѣпого не пенять.

Оказывается, что узнать долго ли до вечера совсѣмъ не трудно. Мальчуганъ беретъ длинную хворостину, толстымъ концомъ утверждаетъ ее на указательномъ пальцѣ, ставитъ отвѣсно и, ловкруя, носитъ въ такомъ положеніи ту хворостину, вопрошая:

---

[1]) «Тутушки» помѣщены въ концѣ.
[2]) Пропущенное баюканье см. въ концѣ.

Калячина—мялячина,
Долго ли до вечера?

доколѣ не сорвется и по продолжительности эволюцій отгадываетъ—долго, не долго.

Попалась бумажка, гвамотка—по деревенски и рѣзвый уже читаетъ:

Писано—переписано,
Послѣ Ивана Денисова.

Не попъ писалъ—Ермошка,
Коротенька ножка.

Духъ выше матеріи, поэтому знанію на извѣстный случай слова (въ шутку, гдѣ уже видѣнъ скептикъ—кочетиное слово) придается большое значеніе въ особенности съ ублаготвореніемъ, съ ссылкою на авторитетъ.

Заклинаніе дождя:

Дождичекъ, пуще!
Дамъ тебѣ гущи.

Если дождь не нуженъ, то поютъ:

А, дождичекъ, перестань!
Мы поѣдемъ въ Августаль—
Богу молиться,
Христу поклониться.

Игры даже и не дѣтскія часто кончаются ссорами, но ритмическое настроеніе еще не прошло и брань происходитъ пѣсенками, выбираемыми въ критику противника. Вотъ нѣсколько такихъ произведеній.

Рыжій краснаго спросилъ:
—Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я не краской, не замазской—
Такъ отъ Бога зарожденъ,
На постелю положенъ.

Тпру-нды, тпру-нды, мочала.
Куда Груня помчала?
—На лысы-то горы,
Тамъ стоятъ воры;
Воры шелудивы,
Плетутъ хомутины.
Ѣхалъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Три алтына заплатилъ.

Чеботарь, мой чеботарь,
Мнѣ саб(п)ожки работай!

Иванъ—болванъ
Молоко болталъ,
Не выболталъ.

Микулушка, Миколай!
Сиди дома, не гуляй:
Твоя жена пышка,
На улицу вышла,
На камешекъ сѣла,
Три лягушки съѣла.

Но вся соль заключается въ ругальѣ женихами и невѣстами:

Тили, тили тилишокъ,
Иванушка-женишокъ!

Тили, тили тѣсто,
Машенька невѣста.

Эгоистическія наклонности тѣмъ болѣе присущи дѣтямъ и они даже укладываясь спать превозносятъ особенность своего положенія, лежащій съ краю говоритъ:

Съ краю—въ раю,
Медъ колупаю,

А находящійся въ серединѣ удостовѣряетъ, что—«въ середкахъ—въ золотыхъ пеленкахъ», или: «къ стѣнкѣ—въ золотой пенкѣ».

Вотъ нѣсколько пѣсенокъ, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія.

1.

Заяцъ, мѣсяцъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ—не взялъ—
Тотъ будь дуракъ!

2.

Пришла Митрева суббота,
Вамъ кутейникамъ забота:
На могилахъ бабы воятъ,
Кутейники блины ловятъ;
Черезъ семьдесятъ могилъ
Разорвали одинъ блинъ.

3.

Ужъ ты, Сёма, Симіёнъ,
Варилъ кашу съ имбиремъ.
Тетушка Арина
Кушала хвалила.

4.

Сидитъ воронъ на лугу,
Онъ играетъ во трубу.
Труба рѣденька,
Кольцо мѣдненько.
У царева кабака
Рыта яма глубока.
Тамъ мышки дрались;
Они съ рукъ сорвались.
Одна мышка околѣла,
Всему міру надоѣла.
Ѣхалъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Восемь гривенъ заплатилъ.
Онъ по гробу катался,
За колъ, за землю хватался.
Жена мужа продала
Вотъ за зайца-бѣгуна,
За медвѣдя плясуна.
Медвѣдь пляшетъ безъ ума.
А татары то бѣгутъ,
Черны варишки несутъ.

5.

Тренька, тренька, балалайка!
Не моя жена Паранька,
Моя Катенька,
Распузатенька.

6.

Андрей-воробей,
Не клюй конопель,
Поклюй песку,
Поточи носку...
—Чики-чики, воробей!
Что ты пива не варишь?
—Жена-курва не велитъ.
—Ты-бы ее тычкомъ.
—Она меня лычкомъ.
—Ты-бы ее топоромъ.
—Она меня помеломъ.

7.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый падожокъ!
Гдѣ ты зиму зимовалъ?
—У царя въ Москвѣ,
Въ золотой тоскѣ.
—Что царь дѣлатъ?
—Туру ногу пишетъ,
На дѣвицу дышетъ.
Дѣвица, дѣвица!
Сходи по водицу.
—Я волка боюся.
—Волкъ-то на работѣ,
Сова на болотѣ.

8.

Овечушка ялова,
По рѣчушкѣ плавала,
Увидала дьявола.
Сидитъ дьяволъ на леду,
Онъ играетъ во трубу.—
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

1) «Тутушкать» поднимать ребенка на ладонѣ одной руки, придерживая за грудь другою; при чѣмъ припѣваютъ:

А ту-ту, ту-ту!
Не вари кашу круту,
Вари жиденьку.
Корми Митеньку.

или:

Тутушки, Макаръ!
Со подушки упалъ,
А дѣдушка увидалъ,
Макарушку поднималъ.

2) Баюкая дѣтей, припѣваютъ:

А спи, усни,
Угомонъ тебя возми!
У кота, кота
Колыбелька золота,
А у моей Шашеньки
Лучше есть.
Приди котикъ ночевать
Мою Шашеньку катать.

Зашт. г. Починки, Лукояновск. у.,
Нижегородской г.

Ив. Мамакинъ.

Любопытная Находка.

(*Рукописный сборникъ Кирши Данилова, принадлежавшій А. Ѳ. Малиновскому*).

Письмо къ Редактору

М. Г. Совершенно случайно удалось мнѣ сдѣлать небезинтересную находку изъ области нашей старинной народной поэзіи. Это полный списокъ съ нынѣ утраченной рукописи древнихъ россійскихъ стихотвореній Кирши Данилова. Исторія рукописи этихъ стихотвореній разсказана Калайдовичемъ въ предисловіи къ 2-му ихъ изданію 1818 года. Предисловіе это перепечатано 3-мъ изданіемъ комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. По словамъ Калайдовича, рукопись была списана въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія для Прокофія Акинфіевича Демидова, отъ него перешла къ Н. М. Хозикову, а отъ этого къ Ѳ. П. Ключареву. Этотъ послѣдній поручилъ А. Ѳ. Якубовичу издать лучшія изъ находящихся въ рукописи стихотвореній. Изъ 71 стихотворенія было напечатано въ этомъ первомъ изданія (1804 года) только 27. Въ 1816 году рукопись перешла въ собственность гр. Н. П. Румянцову, который приказалъ Калайдовичу издать её цѣликомъ. Изданіе это было исполнено въ 1818 году. Калайдовичъ говоритъ, что онъ исключилъ слѣдующіе 9 стихотвореній (ст. XVI предисловія), какъ неприличныя.

1.	Сергѣй хорошъ	въ подленникѣ послѣ	№ 6
2.	Агаѳонушка.	»	№ 25
3.	Во зеленомъ садочкѣ	»	№ 52
4.	Охъ горюна! охъ горю хмѣлина!.	»	№ 56
5.	Теща ты теща моя.	»	№ 57
6.	Свиньи хрю, поросята хрю	»	№ 59
7.	Стать почитать, стать мазывать.	»	№ 59
6.	Изъ монастыря Боголюбова, старецъ Игримище.	»	№ 43
8.	Голубиная книга сорока пяденъ	»	№ 55.

Кромѣ того Калайдовичъ говоритъ (II стр. предисловія), что рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Степькѣ Разинѣ. Начало это не внесено въ текстъ, а находится въ примѣчаніи къ указанному мѣсту предисловія. Редакція 3-го изданія въ своемъ предисловіи говоритъ, что изданіе перепечатано съ 2-го изданія, и что хотя Калайдовичъ и говоритъ, что рукопись сборника была собственностью гр. Н. П. Румянцова, но въ реэстрѣ рукописей его, поступившихъ въ Румянцевскій Музеумъ, она не значится.

Куда могла дѣваться эта рукопись? Я имѣю основанія предполагать, что найденная мною въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова рукопись едва ли не этотъ самый пропавшій подлинникъ.

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ гр. Н. П. Румянцова по разысканію и изданію памятниковъ нашей старины былъ А. Ѳ. Малиновскій, членъ Россійской Академіи и съ 1814 года редакторъ «Собранія грамотъ и договоровъ». Упомянутый выше кн. М. Р. Долгоруковъ приходится роднымъ внукомъ (по матери) Малиновскаго и въ его библіотеку поступила большая часть библіотеки и архива Малиновскаго. Часть этого Архива была передана еще матерью кн. Долгорукова (урожденной Малиновской) въ Румянцовскій музей. Затѣмъ, если не ошибаюсь, были напечатаны письма Е. Р. Дашковой къ Малиновскому. Очень вѣроятно, что рукопись стихотвореній Кирши Данилова была взята Малиновскимъ изъ библіотеки Румянцова и затѣмъ у него и оста-

лась. На одной изъ послѣднихъ страницъ рукописи хорошо теперь мнѣ знакомымъ характернымъ почеркомъ Малиновскаго написано. «Получена отъ Калайдовича въ 1818 году». Внѣшній видъ рукописи вполнѣ отвѣчаетъ тому описанію ея, которое дано въ предисловіи Калайдовича. Оканчивается она также началомъ стихотворенія о Стенькѣ Разинѣ, причемъ стихотвореніе это помѣщено на оборотной сторонѣ послѣдняго листа. Если бы это была только точная копія съ рукописи, списанная для Малиновскаго, то по всей вѣроятности послѣдній стихъ недоконченнаго обрывка пришелся бы гдѣ нибудь въ серединѣ страницы.

Есть и еще одно обстоятельство, указывающее на то, что 2-е изданіе стихотвореній сдѣлано именно съ этой рукописи. На поляхъ противъ каждаго изъ нихъ стихотвореній, которыя исключены въ изданіи Калайдовича, неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ, карандашемъ написано «исключить».

Содержаніе пропущенныхъ пѣсенъ представляется мнѣ въ высшей степени цѣннымъ съ точки зрѣнія исторіи нашей народной поэзіи. Калайдовичъ говоритъ по поводу этихъ стихотвореній, что Кирша Даниловъ «цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ въ послѣдствіи прославился Барковъ». Замѣчаніе это вѣрно по отношенію къ большинству этихъ стихотвореній; они дѣйствительно переполнены нецензурными словами и выраженіями. Мнѣ кажется самое это обстоятельство доказываетъ, что такъ называемая кабацкая не цензурная пѣснь, часто именуемая теперь фабричной, вовсе не представляетъ новаго явленія въ нашей народной поэзіи. Пѣсни такого рода несомнѣнно существовали и прежде и можетъ быть даже очень давно, но только онѣ, какъ плохія, забыты и исчезли, а переросли ихъ лучшія пѣсни, имѣющія болѣе поэтическихъ достоинствъ. Для удовлетворенія же болѣе низменныхъ проявленій народнаго вкуса, сочинялись и сочиняются новыя пѣсни, носящія уже современный колоритъ, но отличающіяся тѣмъ же неприличіемъ языка и содержанія. Можетъ быть истинно поэтическія, лучшія пѣсни, дошедшія до насъ отъ нашей старины, встрѣчались и прежде такъ же рѣдко, какъ и теперь, и тонули въ массѣ пѣсенъ другаго ничтожнаго содержанія и неприличной формы. При такомъ предположеніи понятнымъ становится и то ожесточенное гоненіе на пѣсни, пѣвцовъ и скомороховъ, которымъ такъ отличались наши духовные писатели стараго времени. Мнѣ удалось пока только бѣгло просмотрѣть эти пропущенныя у Калайдовича пѣсни.

Тамъ есть двѣ интересныя пародіи. Одна на извѣстное и очень распространенное начало былинъ: «Высота ли высота ли поднебесная, глубина ли глубина ли океанъ моря» и т. д. Въ рукописи одно стихотвореніе начинается такъ: «Высота ли высота ли потолочная, глубина ли глубина ли подполочная, широта ли широта ли въ лоханкѣ воды», и т. д. (передаю это начало по памяти). Другая пародія вѣрнѣе шутливое и неприличное описаніе обѣдни. Вообще самыя неприличныя выраженія и поступки приписываются въ этихъ пѣсняхъ духовенству, попамъ, дьяконамъ и дьячкамъ.

Почти всѣ пропущенныя пѣсни принадлежатъ къ очень мало намъ извѣстному роду старинныхъ шуточныхъ пѣсенъ, которыя играли когда то такую большую роль въ развлеченіяхъ нашихъ предковъ, но изъ которыхъ до насъ дошло очень и очень мало.

Н. Чеховъ.

---

[1]) Это письмо было доложено въ октябрскомъ засѣданіи Отдѣленія. Определено благодарить г. Чехова за интересное сообщеніе и просить, о доставленіи на время, если возможно, Отдѣленію этой рукописи, которой затѣмъ по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ и редакціи всего бы лучше было храниться въ И. Публ. Б-кѣ. *Ред.*

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Олекминскіе скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

(Окончаніе).

II.

Скопческое селеніе производитъ на человѣка «міра» черезвычайно своеобразное и тяжелое впечатлѣніе. Многіе видятъ въ скопчествѣ крайнее развитіе монашеской идеи. Логически это пожалуй вѣрно; но скопческое селеніе не только своимъ внѣшнимъ видомъ не походитъ на монастырь, въ которомъ жизнь, за каменной оградой и подъ мрачными сводами, должна быть сосредоточена исключительно на спасеніи души—оно разнится отъ него также своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Взглядъ на монашество, въ смыслѣ его соціальной полезности, можетъ быть отрицательный, [1]) но оцѣнка лицъ искренно и безкорыстно монашествующихъ не можетъ отъ этого пострадать; можно только пожалѣть потерю ихъ для себя и для общества. Монахъ человѣкъ нормальный и на извѣстной ступени общественнаго развитія онъ олицетворяетъ собой побѣду духа въ борьбѣ съ грубо матерьяльными стремленіями человѣческой природы. Онъ не лишенъ страстей и желаній, но долженъ находиться въ постоянной борьбѣ съ ними, чтобы потребности духа, такъ или иначе понятыя, мнимыя или истинныя, не были снесены ихъ бурей. Хотя и про-

---

[1]) Конечно можетъ быть отрицательный, но едвали справедливый: ни одинъ разумный историкъ не станетъ же отрицать великихъ заслугъ монашества на Востокѣ и Западѣ въ области просвѣщенія и гражданственности, но тотъ же историкъ не будетъ конечно скрывать и дурнаго вліянія, какое оказывало монашество при крайнемъ своемъ развитіи благодаря внѣшнему покровительству и богатствамъ монастырей *Ред.*

явленія человѣческаго духа возможны только на почвѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, которыя, правда, можно довести до извѣстнаго минимума, тѣмъ не менѣе, кажущаяся нерѣдко абсолютной, побѣда духа въ человѣкѣ надъ плотью не лишена своего рода величія. Подобные моменты скопецъ переживаетъ только разъ въ своей жизни—въ минуту, предшествующую оскопленію, но это можно сказать только относительно очень немногихъ скопцовъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ приносится въ жертву богинѣ Цибеллѣ [1]) изувѣрными родителями или опекунами въ дѣтскомъ возрастѣ, слѣдовательно безъ всякой внутренней борьбы въ самихъ жертвахъ, и неменьшая часть взрослыхъ скопитъ себя по глубокому невѣжеству—безъ яснаго понятія о великихъ послѣдствіяхъ и важнаго значенія оскопленія, какъ для себя, такъ и для общества; наконецъ есть выродки, давшіе себя оскопить изъ-за матеріальныхъ интересовъ.

Скопческое селеніе въ Якутской области обыкновенно состоитъ изъ одной длинной улицы, образуемой проѣзжей дорогой. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. въ Спасскомъ селеніи, еще имѣется и боковая улица паралельная первой. Въ этомъ самомъ большомъ селеніи въ Олекминскомъ округѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фасадъ улицы образуется непрерывной цѣпью плетней и заборовъ, за которыми тянутся огородныя гряды, парники съ посаженной то тамъ, то сямъ березкой или рябиной. Калитки въ эти огороды постоянно заперты изнутри. За огородами высятся дома съ отдѣльными дворами и запертыми воротами. Большая часть скопческихъ домовъ принадлежитъ къ лучшимъ постройкамъ въ округѣ. Въ то время какъ въ городѣ масса живетъ въ жалкихъ срубахъ изъ тонкаго лѣса, плохой постройки, почти безъ пазовъ, безъ внутренней и внѣшней обшивки бревенъ, съ маленькими окнами со слюдой, пузыремъ или со склееннымъ кусочками стекла (вмѣсто домовъ не мало также якутскихъ юртъ)—скопческіе дома за рѣдкими исключеніями построены изъ толстаго лѣсу, на хорошихъ пазахъ, они обшиты досками, снабжены большими окнами съ крашенными ставнями и рѣзными украшеніями, а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ также 2 этажа, каковыхъ построекъ въ городѣ совсѣмъ нѣтъ. Дома эти съ высящимися надъ ними высокими шестами съ флюгерами, съ перекинутыми черезъ канавы передъ фасадами домовъ мостиками напоминаютъ собой рядъ укрѣпленныхъ замковъ. А въ каждомъ домѣ «божьихъ» воиновъ вы найдете оружіе для защиты своихъ особъ и собственности отъ нападеній

---

[1]) Сирійская богиня, жрецы которой скопились, и культъ которой перешелъ потомъ въ Грецію и Римъ.

татей и злодѣевъ. Проходишь иной разъ ночью съ самыми мирными намѣреніями по скопческой улицѣ—вдругъ изъ какого нибудь дома, въ трубу или во дворѣ раздается предупредительный выстрѣлъ.—За воротами и засовами, на внутреннемъ дворѣ, выстроены конюшни, амбары и сараи, стерегомые большими собаками на цѣпяхъ. По другую сторону дворовъ тянутся пашни или выгоны.

На улицѣ днемъ такое же безмолвіе какъ ночью. Она не оглашается звонкими голосами дѣтей; она не видитъ ихъ веселыхъ игръ и проказъ и не слышитъ ихъ горькаго плача; она не видитъ счастливыхъ матерей и заботливыхъ отцовъ, и неизвѣстны ей ни семейныя радости, ни семейное горе. Веселье и слезы сведены къ одному знаменателю—безстрастному равнодушію—въ этомъ царствѣ тѣней, облеченныхъ въ плоть и покрытыхъ толстымъ слоемъ желтаго трупнаго жира. Статистика о скопцахъ лишена самой важной статьи этой науки—цифры о рожденіяхъ и вмѣсто рубрики о движеніи населенія мы имѣемъ здѣсь только «передвиженіе» его изъ одного селенія въ другое или изъ Россіи въ Якутскую область. Даже прыгающій по деревнѣ теленокъ или визжащій щенокъ являются свѣтлыми пятнами на темномъ и скучномъ скопческомъ фонѣ...

Съ этими тяжелыми мыслями вступаете въ скопческое селеніе—онѣ давятъ васъ какъ кошмаръ. Смотришь—издали двигается съ развалистой нетвердой походкой, точно боковой качкой неодушевленнаго корабля, желтая безбородая фигура съ мутными безжизненными глазами и прямыми жидкими волосами въ пиджакѣ или другомъ городскомъ одѣяніи. (Надо замѣтить, что скопецъ въ ссылкѣ одѣвается по городски и нѣкоторые даже франтовато), издали еще нѣкоторымъ образомъ мужская фигура отвѣшиваетъ низкій поклонъ, снимаетъ картузъ и съ благочестивой миной и дѣтскимъ сопрано говоритъ: «Мое почтеніе, №№». Видъ смиреннаго и страдальческаго лица скопца вызываетъ въ воображеніи пройденныя имъ страданія: тюрьму, крѣпостныя работы, кандалы, туруханскія тундры, страшный этапный путь, а затѣмъ борьбу съ суровой природой, наконецъ его глубокое несчастіе... Невольно тогда является состраданіе къ нему, но въ то же время, взявши протянутую желтую, холодную и влажную руку, изъ глубины души у васъ поднимается протестъ противъ всего его существа.

Живутъ скопцы обыкновенно по 3—4 и больше людей въ одномъ домѣ, который составляетъ или общую собственность, что обыкновенно бываетъ при родственныхъ связяхъ сожителей, или собственность одного или 2-хъ лицъ, а остальные живутъ на правахъ работниковъ, стряпокъ или просто жильцовъ. Каждый домъ состоитъ, за исключеніемъ домиковъ одиночекъ, не меньше чѣмъ

изъ 3-хъ отдѣльныхъ комнатъ: передней, горницы для «братцевъ» и отдѣленія для «сестрицъ». Первые и послѣднія никогда (скажемъ мы) не сходятся вмѣстѣ, особенно при постороннихъ, отдѣльно ѣдятъ и работаютъ. «Братецъ» занимается ремесломъ, сношеніемъ съ людьми, торговлей. «Сестрица» стряпаетъ, смотритъ за домашнимъ хозяйствомъ, скотомъ и никогда не отлучается изъ селенія. Особенно не отпускаютъ братцы молодыхъ сестрицъ, между которыми встрѣчаются недурныя, румяныя лица съ огненнымъ взоромъ пылающихъ страстью глазъ, стыдливо скрываемыхъ опущенными рѣсницами. Но по большей части это пожилыя, ожирѣвшія, вялыя женщины съ одутловатыми лицами, синими кругами подъ тусклыми глазами и мужской гладкой грудью. Одѣваются онѣ тоже по мѣщански. При входѣ посторонняго мужчины въ скопческій домъ сестрица удаляется къ себѣ; когда, поздоровавшись, протянете ей руку, она закинетъ свою назадъ и скажетъ: «Извините, намъ нельзя... здравствуйте». Внутри дома все чисто. стѣны по большей части оклеены обоями, на столахъ скатерти, на окнахъ горшки съ цвѣтами, а у богатыхъ скопцовъ вы найдете залу съ мягкой мебелью, коврами, зеркалами, гардинами и разными украшеніями. При всемъ томъ во всѣхъ ихъ домахъ ощущается непріятный специфическій запахъ — можетъ быть запахъ пота, обильно льющагося во время радѣній [1]). Во всѣхъ домахъ вы найдете православныя иконы въ богатыхъ оправахъ и ризахъ, которымъ оказывается притворное почтеніе. Скрытность и лицемѣріе скопцовъ доходитъ до того, что при первомъ знакомствѣ съ вами они признаютъ себя вѣрными сынами православной церкви, «но, говорятъ они, молиться можно вездѣ». Чтобы были у нихъ особыя молитвенныя собранія, они рѣшительно отрицаютъ, но разсказы скопцовъ, перешедшихъ въ православіе, опровергаютъ вполнѣ это отрицаніе, вызванное вѣковымъ преслѣдованіемъ. Только познакомившись поближе съ кѣмъ нибудь изъ болѣе развитыхъ скопцовъ можно начать религіозные споры. Мы не намѣрены тутъ вдаваться въ описаніе обрядовъ и др. сторонъ ученія скопцовъ, которое можно найти въ изслѣдованіяхъ Реутскаго, Кутепова и др. Скажемъ только, что масса скопцовъ до того невѣжественна и тупа, что рѣдко кто изъ нихъ можетъ толково объяснить и знаетъ свое «ученіе» (только молчать и хранить «тайну» умѣютъ всѣ), хотя грамотныхъ между ними не мало [2]) и нѣсколько человѣкъ, начитанныхъ не только по части

---

[1]) По свидѣтельству Пеликана (Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества) потъ скопца становится кислымъ.

[2]) О степени распространенія грамотности между ссыльными скопцами можно судить по слѣдующимъ даннымъ, собраннымъ нами въ Спасскомъ селеніи: изъ 204 человѣкъ, безграмотныхъ приходилось 54%, полуграмотныхъ 28%, а вполнѣ грамотныхъ 18%. При чемъ изъ грамотныхъ 9 человѣкъ знало только по чухонски.

мистическихъ и религіозныхъ книгъ, но и по части свѣтскихъ изданій, какъ популярныя руководства къ прикладнымъ знаніямъ, а главнымъ образомъ по газетной литературѣ, которая читается по складамъ даже малограмотными скопцами. Они получаютъ всевозможныя газеты ежедневныя и еженедѣльныя; изъ послѣднихъ по большей части иллюстрированныя изданія (какъ «Ниву») съ преміями, съ соблазнительными и грѣховными, въ скопческомъ смыслѣ, картинками, въ пристрастіи къ которымъ можно видѣть все людское противорѣчіе. Привычка къ чтенію и изощреніе въ немъ пріобрѣтены грамотными скопцами въ тюрьмахъ и этапахъ, гдѣ они держатся отдѣльно, презираемые и осмѣиваемые другими арестантами. Оторванность отъ родины съ другой стороны возбуждаетъ любознательность, заключающуюся въ желаніи знать, что дѣлается на родной сторонѣ. Кромѣ того, нами замѣчено, что политика крайне интересуетъ скопческихъ грамотѣевъ. Они знаютъ про царей и президентовъ, про Бисмарка и Гладстона—вѣдь сами они живутъ въ чаяніи міровой политической роли скопчества по пришествіи въ міръ ихъ учителя Селиванова—по плоти царь Петръ III [1]), а по духу второе воплощеніе Сына Божія,—живущаго еще до сихъ поръ въ строгомъ заточеніи въ суздальскомъ монастырѣ. Между прочимъ надо сказать, что значительная часть ссыльныхъ скопцовъ уже скептически теперь относится къ этимъ бреднямъ, но въ виду безповоротной отрѣзанности отъ общества и матерьяльной зависимости отъ духовныхъ братьевъ, они выказываютъ лицемѣрную преданность фанатиковъ. Передъ мірянами же и послѣдніе хранятъ въ тайнѣ свои широкія надежды, не любя себя выставлять въ качествѣ страдальцевъ. «Мы вѣдь никого не убивали, не грабили тоже за «дею страдаемъ», сказалъ намъ разъ одинъ изъ ихъ начетчиковъ. Когда начинаете разбивать ихъ, что разумѣется не трудно, на религіозной почвѣ, т. е. оспоривать извѣстныя ссылки скопцовъ на евангеліе и пророковъ, они часто прекращаютъ споръ утвержденіемъ, что не всѣмъ дано постигнуть скопчество: «сія вмѣстить кто можетъ» и что великая «тайна» скопчества открывается только послѣ операціи. Любятъ они также выставлять свою правоту на юридической почвѣ и, по любви сектантовъ къ виршамъ, они выражаютъ эту

[1]) Интересно слышанное нами преданіе скопцовъ, какъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ очутился Селивановымъ. Когда Петръ III оскопился, Екатерина II пришла въ ярость, арестовала его и посадила въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ Петръ III обратился къ часовому: «желаешь-ли сослужить службу своему государю»? Солдатъ отвѣтилъ: «за царя—батюшку готовъ сложить голову». Тогда Петръ III переодѣлся въ платье часоваго, а часоваго одѣлъ въ свое. Фамилія часоваго была Селивановъ, онъ и умеръ въ крѣпости, а Петръ III подъ его именемъ началъ распространять вѣру Искупленія. Дальнѣйшая настоящая исторія Селиванова извѣстна.

мысль слѣдующими словами: «Кому какое дѣло до нашего тѣла». Это значить, что своимъ оскопленіемъ они не нарушили ничьихъ правъ. Хотя скопческіе грамотѣи пользуются практическими свѣдѣніями, добытыми чтеніемъ и въ разговорѣ любятъ вставлять иностранныя словечки, но по духу своего ученія они знаніе ни во что ставятъ, ибо—пребывающій въ нихъ духъ божій выше всякаго человѣческаго знанія. За то они хватаются за всякую печатную мысль мистическаго характера, подыскиваютъ доказательства божественнаго происхожденія человѣческой души, ея переселеній и способности нѣкоторыхъ душъ къ непосредственному общенію съ божествомъ и къ пророчеству. Къ тѣлу же, какъ источнику всякой скверны, они относятся презрительно даже послѣ смерти и не признаютъ воскресенія мертвыхъ, въ смыслѣ возстанія предковъ, какъ вѣруютъ евреи и христіане.

Настоящее человѣчество служитъ соединяюшимъ звѣномъ между прошедшимъ и грядущимъ. У скопцовъ нѣтъ подрастающихъ поколѣній и нѣтъ связи съ прошедшимъ. Мало того—у нихъ нѣтъ связи съ настоящимъ живущимъ человѣчествомъ. Поэтому внутренняя жизнь скопцовъ должна была бы отличаться отъ жизни «міра» особеннымъ братствомъ. А между тѣмъ стремленіе къ исключительно духовной жизни неизбѣжно разбивается о дуализмъ человѣческой природы и ведетъ къ самому грубому матеріализму. Даже представленіе скопцовъ о жизни по пришествіи въ міръ ихъ спасителя и царя отличается земнымъ характеромъ, т. е. они сдѣлаются безсмертными, и на землѣ наступитъ божье царство съ радѣніями и пророчествами. Касаясь ихъ теперешней жизни, которую они ставятъ въ примѣръ будущему, прежде всего бросается въ глаза крайнее развитіе индивидуализма, страсть къ наживѣ, любовь къ деньгамъ и непомѣрная жадность. Богатые и вліятельные скопцы обдѣляютъ бѣдныхъ, даже при распредѣленіи помощи отъ россійскихъ и румынскихъ братцевъ; скопцы, живущіе въ работникахъ, эксплуатируются какъ чужіе. Не лучше дѣло обстоитъ съ чревоугодіемъ, такъ порицаемымъ въ скопческомъ ученіи. Скопцы, какъ извѣстно, не употребляютъ мяса, но страсть ко всему вкусному, а главное сладкому, по части печеній рыбки, молочныхъ и растительныхъ продуктовъ, вареньица и конфектъ развита у нихъ гораздо больше, чѣмъ у мірянъ. Намъ также извѣстны были случаи тайнаго отъ товарищей употребленія нѣкоторыми скопцами мяса, табаку и спиртныхъ напитковъ.

Что же касается центра тяжести скопческаго ученія о грѣховности сношенія половъ, то и въ этомъ отношеніи скопцы въ ссылкѣ не безупречны. По расказамъ намъ скопцовъ, имъ не чуждо половое влеченіе. Оно и физіологически объяснимо. Изъ 2-хъ главныхъ видовъ оскопленія мужчинъ: лишеніе testiculum съ оставленіемъ самаго membrum и отнятіе того и другого служатъ причиной безплодія, не уничтожая половаго влеченія, такъ какъ оно

имѣетъ своимъ источникомъ нервную систему, а не органъ, выработывающій сѣмя, но уничтоженіе послѣдняго отнимаетъ энергію и извращаетъ характеръ самаго влеченія. Въ случаяхъ только перваго рода оскопленія, называемаго «малою печатью» и coitus возможно. Скопцамъ въ извѣстной мѣрѣ доступны привлекательность женской красоты, привязанность, любовь и ревность по отношенію къ «сестрицѣ»; но страсть скопца страсть не здоровая и неполная, не та страсть, которая въ періодъ возмужалости служитъ импульсомъ для высокихъ стремленій души къ благородной дѣятельности и къ совершенію подвиговъ; не та страсть, во время которой является сознаніе долга и обязанностей по отношенію къ обществу, гордое мужество и высшая фантазія, а чисто животная похоть [1]). Тѣмъ не менѣе, по расказамъ намъ нѣкоторыхъ скопцовъ, отрекшихся отъ скопчества, въ душѣ скопца въ періодъ его возмужалости (особенно у лицъ не оскопленныхъ въ раннемъ дѣтствѣ), въ тотъ періодъ, когда у нормальнаго человѣка возбуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, благородныхъ чувствъ и инстинктивное сознаніе своей связи съ будущимъ поколѣніемъ, происходитъ трудно передаваемая драма—драма, достойная кисти художника-психолога.

Тяжелое томленіе и чувство одиночества, безполезности и отрѣзанности отъ общества борется съ тайнымъ влеченіемъ къ другому полу, влеченіемъ плохо сознаннымъ и ненормально возбуждаемымъ разстроенной фантазіей. Результатомъ этой драмы является равнодушіе ко всему остальному міру, а половой зудъ вырождается въ «грѣхи блуднаго мечтанія» и ведетъ къ не нормальнымъ и часто противоестественнымъ общеніямъ «братцевъ» съ «сестрицами».

Явленіе это среди ссыльныхъ-скопцовъ очень частое, потому что у большинства изъ нихъ, какъ мы замѣтили, вѣра пошатнулась, только несчастье остается при нихъ безвозвратно. Одинъ администраторъ намъ расказывалъ случай, когда скопецъ, разошедшись со своей «стряпкой», обратился къ нему за рѣшеніемъ ихъ имущественнаго спора. При чемъ скопчиха право своего иска основывала на томъ, что «онъ» десять лѣтъ ее мучилъ...

Положеніе женщины - скопчихи съ одной стороны еще болѣе тяжелое, съ другой же не такое безнадежное, какъ положеніе скопца. Извѣстно, что

---

[1]) Извѣстный физіологъ Броунъ-Секаръ, говоритъ, что кастрація влечетъ за собой глубокія измѣненія въ физическомъ и нравственномъ существѣ человѣка и служитъ причиной слабости физической и умственной дѣятельности его, потому что testicules доставляютъ крови, или путемъ всасыванія извѣстныхъ частей сѣмени, или же инымъ путемъ вещества, придающія энергію нервной системѣ, вѣроятно также и мускуламъ.

операція надъ женщинами, совершаемая скопцами, бываетъ одного или нѣсколькихъ видовъ заразъ и заключается въ отрѣзываніи грудей и обезображеніи, срѣзываніи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, искусственномъ сращеніи, съ оставленіемъ небольшого отверстія, наружныхъ частей половыхъ органовъ, что, какъ говоритъ Пеликанъ, не только не производитъ измѣненія въ духовной сферѣ женщины, но и не уничтожаетъ способности къ брачному сожительству и дѣторожденію. Намъ дѣйствительно извѣстны не мало случаевъ выхода замужъ скопчихъ за православныхъ, но браки эти большей частью безплодны и, какъ намъ говорили, безплодными оказываются женщины съ отрѣзанными грудями или съ вырѣзанными молочными железами. Мы не компетентны въ объясненіи этого вопроса чисто физіологическаго характера, но, можно думать, что органы питанія ребенка находятся въ симпатической связи съ органами его зарожденія [1]). Наконецъ изъ скопческихъ дѣлъ видно, что въ 1862 году въ самомъ скопческомъ селеніи (Спасскомъ) одна скопчиха разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ великому огорченію и сраму ни въ чемъ неповинныхъ скопцовъ, и къ неудовольствію мѣстныхъ властей, возбудившихъ сначала вопросъ объ отобраніи у скопчихи ребенка во избѣжаніе его оскопленія, но по рѣшенію дѣла Генералъ-Губернаторомъ ребенокъ былъ оставленъ у матери подъ строгимъ надзоромъ исправника. Но надзоръ этотъ не помѣшалъ ребенку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія перейти изъ царства живыхъ мертвецовъ къ настоящимъ.

Обращаясь теперь къ отношенію скопцовъ къ «міру» надо сказать, что оно скорѣе злобно, чѣмъ индиферентно. Это обстоятельство, какъ и вообще мелочность и эгоистичность скопца вытекаютъ прямо изъ его безпочвенной общественной организаціи, не оживляемой семейнымъ началомъ—базисомъ всякаго соціальнаго строя, служащихъ, какъ говоритъ Контъ, лучшей школой для развитія соціальныхъ и альтруистическихъ чувствъ. Если принципъ самосохраненія и кружковая дисциплина заставляетъ ихъ отказаться—и то не всегда, отъ конкуренціи между собой, то интересы міра для нихъ не доступны. Наоборотъ, противъ послѣдняго у нихъ составлена формальная стачка. Мы не будемъ тутъ повторять, что говорили раньше о вліяніи скопцовъ на рынокъ. Крестьяне и якуты находятся у скопцовъ въ долгу, а съ послѣдними скопцы ведутъ не безвыгодную мѣновую торговлю и не брезгаютъ тайнымъ

---

[1]) Объ одномъ только случаѣ изъ Якутскаго округа намъ разсказывали, когда безгрудая скопчиха, по выходѣ замужъ за поселенца, родила мальчика, котораго принуждена была кормить искусственнымъ образомъ. Несчастная мать была въ отчаяніи, нѣжность и любовь, которыя она оказывала ребенку, были постоянно бурны и чрезвычайно трогательны.

корчемствомъ. Наемнымъ рабочимъ скопцы, правда, даютъ болѣе высокую, чѣмъ горожане или крестьяне, плату и лучшую пищу, но за то выжимаютъ изъ нихъ всѣ соки. Намъ скопческіе работники изъ поселенцевъ и крестьянъ жаловались, что они никогда не высыпаются, скопецъ будитъ ихъ въ 2 часа утра и отпускаетъ лѣтомъ съ закатомъ, такъ что на сонъ остается меньше 5 часовъ. А на самой работѣ хозяинъ все время понукаетъ: «то то, братикъ, то другое», такъ что въ работу къ скопцамъ идутъ работники самые крѣпкіе физически.

Вліяніе же скопцовъ на населеніе въ смыслѣ распространенія скопчества ничѣмъ необнаруживается. За все время поселенія скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ открытъ былъ одинъ случай оскопленія мальчика въ 1872 г. въ Иллюнскомъ селеніи. Якуты и объякученные приленскіе крестьяне слишкомъ преданы матеріальнымъ интересамъ и о духовныхъ потребностяхъ мнимыхъ или настоящихъ не имѣютъ представленія, даже монашество якутамъ не понятно, а многимъ изъ нихъ и неизвѣстно [1]). Высшее счастье якута—плотно и жирно поѣсть. На скопцовъ же они смотрятъ съ недоумѣніемъ и насмѣшкой. Хотя съ другой стороны якутскіе шаманскіе обряды и пляски по своимъ дѣйствіямъ и характеру очень близко подходятъ къ скопческимъ радѣніямъ. Шаманъ подъ вліяніемъ воздѣйствія различныхъ усиленныхъ и быстрыхъ тѣлодвиженій на нервную систему приводитъ себя въ состояніе экстаза и припадковъ, когда умъ теряетъ свое значеніе контролёра надъ ощущеніями и наступаетъ періодъ галлюцинацій; тоже самое бываетъ со скопческими пророками. Шаманъ, въ опьяненіи чувствъ, бесѣдуетъ съ духами, скопецъ вступаетъ въ общеніе со святымъ духомъ и со всей святой троицей.

Но если скопчество, какъ религіозное ученіе не оказываетъ своего вліянія на Приленское населеніе, то оно вноситъ нѣкоторую почву въ семейную жизнь, далеко тамъ не прочную. Эти громадные скиты, въ видѣ селеній со своимъ явнымъ благочестіемъ и тайными пороками и открытыя сожительства скопцовъ-отступниковъ внѣ селеній отнимаютъ у брака значенія естественнаго и благороднаго закона о продленіи человѣческаго рода, обращаютъ его въ акты всевозможныхъ «скверныхъ осязаній». Скопцы и скопчихи, отказывающіяся отъ своихъ заблужденій и присоединяющіяся къ православію, выходятъ изъ скопческихъ и приписываются къ крестьянскому обществу. Насъ не удивило, что такія скопчихи выходятъ замужъ за нескопцовъ, бракъ которыхъ, разумѣется, освящается церковью, но что находятся православныя жен-

[1]) По дорогѣ изъ Верхоянска въ Якутскъ мы разъ спросили на ночлегѣ массу якутовъ, что такое монахъ? «монахъ—это монахъ». Мы объяснили имъ, что это не есть отвѣтъ. Тогда мы получили другой отвѣтъ: «Тутъ одинъ попъ проѣзжалъ—монахомъ назывался».

щины, вступающія въ сожительство съ такими скопцами, насъ поразило. Намъ извѣстенъ не одинъ случай такого сожительства. Въ одномъ изъ нихъ у сожительницы скопца были дѣти не имъ конечно прижитые, и объ одномъ ребенкѣ—горбатой дѣвочкѣ—онъ насъ увѣрялъ, что это его дѣвочка, что «это возможно». Этотъ несчастный былъ оскопленъ такъ называемый малой печатью въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, испытавъ уже всѣ прелести любви [1]) и этой сознательной, но близорукой ложью онъ думалъ заглушить у себя свой стыдъ и отчаяніе. Мы дѣлали видъ что вѣримъ ему.—Въ другомъ случаѣ сожительница скопца была молодая и не дурная собой крестьянка, а онъ высокій молодой человѣкъ съ довольно симпатичнымъ безкровнымъ лицомъ. По голосу или лицу онъ представлялъ нѣчто среднее между мужчиной и женщиной, будучи еще въ дѣтствѣ оскопленъ изувѣрнымъ отцомъ, котораго проклиналъ. Не смотря на всю неестественность, намъ казалось трогательнымъ, какъ онъ, не стѣсняясь другихъ, ее постоянно ласкалъ, обнималъ—и она, казалось, была къ нему привязана. Онъ, какъ бы законный мужъ, вошелъ въ интересы семьи своей сожительницы, выдалъ замужъ ея сестру, и крестьянъ, насколько мы замѣтили, не смущало это сожительство, хотя въ тихомолку и посмѣивались.

III.

Скопчество, возникнувъ у насъ въ то время, когда кастрація во всемъ цивилизованномъ мірѣ съ какой бы то ни было цѣлью уже была прекращена, до сихъ поръ, въ концѣ 19-го столѣтія, продолжаетъ существовать. Явленіе это, характерное для нашей культуры, должно быть, по нашему мнѣнію, изучено независимо отъ изслѣдованій о распространеніи раскола вообще. Скопчество есть по преимуществу явленіе эпидемическаго характера, каковыми фактами такъ богаты средніе вѣка европейской исторіи. Оно есть продуктъ извѣстнаго фазиса развитія духовной жизни народа, благопріятствующаго мистическому настроенію. Скопчество составляетъ теперь отвратительное пятно на нашемъ народномъ организмѣ, но, къ счастью, оно не представляетъ большой опасности въ смыслѣ широкаго распространенія, ограничиваясь жертвами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ на сто-милліонное русское населеніе.

---

[1]) Изъ разсказа о своемъ оскопленіи интересенъ одинъ психическій моментъ. Онъ городской житель, мастеровой, и согласился на оскопленіе подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, но передъ самымъ приходомъ на мѣсто, назначенное для совершенія операціи, онъ въ послѣдній разъ побывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Число скопцовъ, по Надеждину, въ 40-хъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ. Юзовъ («въ Русскихъ диссидентахъ») считаетъ скопцовъ вмѣстѣ съ хлыстами въ 1881 г. въ 65 тысячъ челов., а Пеликанъ считаетъ ихъ въ 1875 г. не больше 2—3 тысячъ. Послѣдняя цифра гораздо ниже дѣйствительной. Намъ неизвѣстно, сколько теперь всего скопцовъ въ Россіи, но въ одной Якутской области по даннымъ 1889 года ихъ было 1233 [1]) челов., образующихъ 10 отдѣльныхъ селеній, изъ которыхъ въ Олекминскомъ округѣ 4 съ населеніемъ въ 344 чел. Женщины составляютъ около 1/3 всего количества скопцовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько интересныхъ цифровыхъ данныхъ, добытыхъ нами изъ оффиціальныхъ бумагъ объ олекминскихъ скопцахъ.

По сословіямъ, къ которымъ они принадлежали до суда, они такъ распредѣлены: крестьянъ—258 чел., мѣщанъ—28 чел., солдатъ—28 ч. [2]), казачьяго званія—19 ч., бродягъ—6, поселенцевъ—3 ч. и купцовъ—2 ч. Изъ имѣющихся теперь на лицо скопцовъ Олекминскаго округа судилось до 1862 г.—135 челов.; отъ 1862 до 1872 г.—98 чел.; отъ 1872 г. до 1882 г.—87 челов.; отъ 1882 до 1889 г.—44 челов. Вообще въ Якутскую область до сихъ поръ ежегодно приходило 15—20 скопцовъ. Можно ли по этимъ даннымъ судить объ уменьшеніи распространенія скопчества—мы не отваживаемся утверждать, но весьма возможно, что много случаевъ подвергаемыхъ теперь суду суть старыя оскопленія, но недавно открытыя. На эту мысль можетъ навести приложенная въ примѣчаніи таблица олекминскихъ скопцовъ по возрастамъ [3]), изъ которой мы видимъ, что въ 1862 году наибольшій % падалъ на возрастъ въ 30—39 лѣтъ, а въ 1889 году

---

[1]) Въ это число не входятъ отступники и такъ называемые «духовные скопцы», т. е. сосланные за скопческія заблужденія, не будучи подвергнуты операціи. Они живутъ не въ скопческихъ селеніяхъ.

[2]) Такъ какъ теперь при всеобщей воинской повинности нѣтъ отдѣльнаго солдатскаго сословія, то эти 28 чел. надо вѣроятно прибавить къ крестьянамъ.

[3])

	На 263 чел. въ 1862 г.	*На 344 чел. въ 1889 г.*
Отъ 16—19 лѣтъ	»	1.5%
» 20—29 »	7.6%	2.9%
» 30—39 »	30.4%	10.3%
» 40—49 »	25%	16%
» 50—59 »	14.4%	32%
» 60—69 »	11%	22.3%
» 70—79 »	5.6%	11.5%
» 80—89 »	1.9%	—
» 101 года	0.7%	—
» 102 лѣтъ	—	0.3%

онъ перешелъ на 50—59 лѣтній возрастъ, несмотря на значительную смертность тутъ скопцовъ. По мѣсту происхожденія олекминскіе скопцы падаютъ на губерніи: Бессарабскую, Кіевскую, Ковенскую [1]) и Костромскую по 0.3%; Каменецъ - Подольскую, Смоленскую и Тверскую по 0.6%; Саратовскую и Херсонскую по 0.8%; Оренбургскую, Пензенскую и Тамбовскую по 1.2%. Воронежскую —1.5%; Вятскую—1.8%; Московскую и Тульскую по 2.3%; Калужскую—3.2%; Самарскую—3.8%; Курскую—4.1%; Пермскую и Уфимскую—4.4%; Семирѣченскую область—5%; Рязанскую—8%; Орловскую—9.4%; Таврическую—12.3%; Петербургскую—14%; на Финляндію—0.8%; на Кавказскія губерніи—3.9%; на Сибирскія губ.—9.4%.

Что касается національностей и прежде исповѣдываемыхъ религій скопцами, то между ними мы находимъ не мало финновъ-лютеранъ Петербургской губерніи, распространеніе скопчества между которыми особенно замѣтно было въ 70 годахъ и причины котораго еще не выяснены, и бывшихъ молоканъ. Переходъ послѣдователей секты раціональной и общественной въ секту мистическую, антиобщественную—явленіе очень интересное для характеристики крайнихъ блужданій человѣческаго духа [2]).

При описаніи поземельныхъ, имущественныхъ отношеній скопцовъ и установившихся нѣкоторыхъ юридическихъ обычаевъ внутри селеній, типомъ для послѣднихъ мы возьмемъ Спасское селеніе, самое большое и богатое въ округѣ и раскинувшееся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ города.

Мы раньше уже замѣтили, говоря объ отношеніяхъ скопцовъ между собой, что владѣніе ихъ имуществомъ, богатствомъ и накопленіями носятъ узко-индивидуальный характеръ. Не имѣя кровныхъ наслѣдниковъ, презирая плотское родство, какъ результатъ первороднаго грѣха (въ этомъ смыслѣ они и понимаютъ библейское грѣхопаденіе) и проповѣдуя братство по духу и равенство во Христѣ, духовные «братцы» и «сестрицы» должны были бы въ своихъ селеніяхъ образовать нѣчто въ родѣ большихъ семей съ уничтоженіемъ терминовъ «мое» и «твое», съ общими работами и равномѣрнымъ распредѣленіемъ яко бы презираемыхъ ими матеріальныхъ благъ. Между тѣмъ капиталъ, въ вульгарномъ ли смыслѣ—денегъ или научномъ—средствъ производ-

[1]) На Польшу и сѣверо-западныя губ. скопчество не распространилось. Это единственный католикъ изъ Ковенской губерніи, приставшій къ сектѣ не на родинѣ, а будучи солдатомъ въ Архангельскѣ.

[2]) Для дѣленія скопцовъ по національностямъ и религіямъ у насъ нѣтъ данныхъ для всего округа, а только для Спасскаго селенія. Изъ *210 чел.* было русскихъ—193, поляковъ—1, шведъ—1 и 15 финновъ. По прежнимъ религіямъ: 185 православныхъ, 16 лютеранъ, 9 молоканъ и 1 католикъ.

ства, даетъ силу значеніе и земныя блага, насколько онѣ доступны несчастнымъ скопческимъ богачамъ, только немногимъ лицамъ. Какую антипатію внушаютъ къ себѣ старики-скопцы, одной ногой стоящіе въ могилѣ и готовые исчезнуть съ лица земли, не обезсмертивъ себя въ потомствѣ, своей жаждой къ пріобрѣтеніямъ, жадностью и скаредностью!

Мы видѣли, что больше $^2/_3$ всего количества скопцовъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и происходятъ они главнымъ образомъ изъ губерній, въ которыхъ господствуетъ общинное землевладѣніе, каковая тенденція должна бы сохраниться у большинства крестьянъ-скопцовъ въ ссылкѣ. Между тѣмъ у нихъ не только не было стремленія къ общественной обработкѣ земли и запашкамъ, а съ самаго начала ихъ поселенія видно было стремленіе къ личной поземельной собственности съ ея неравномѣрнымъ распредѣленіемъ и отсутствіемъ передѣловъ. Такому положенію вещей благопріятствовало, кромѣ индивидуализма скопца, и неопредѣленность положенія скопческихъ селеній. Но полному обезземеленію бѣдныхъ скопцовъ и концентраціи всей земли въ рукахъ немногихъ мѣшала неотчуждаемость участка скопца, какъ поселенца, хотя, какъ увидимъ дальше, неотчуждаемость эта, въ силу установленнаго скопцами обычая, не распространялась на весь скопческій участокъ.

Такимъ образомъ право скопца на надѣлъ вытекало не изъ возрѣнія русскаго народа на землю и не изъ принципа общиннаго землевладѣнія, по которому каждый членъ общины имѣетъ право на временное пользованіе извѣстнымъ участкомъ, а изъ права поселенца на надѣлъ отъ инородческихъ обществъ въ пожизненное владѣніе.

Въ началѣ своего основанія скопческія селенія въ Олекминскомъ округѣ находились подъ вѣдѣніемъ крестьянской волости и сношенія ихъ съ властями происходили черезъ крестьянскихъ выборныхъ. Въ 1863 г. на представленіе Якутскаго Областнаго Правленія о составленіи изъ скопцовъ, «для удобнѣйшаго за ними надзора», двухъ обществъ (Якутскаго и Олекминскаго) со старостами, Совѣтъ главнаго Управленія Восточной Сибири далъ заключеніе (отъ 28 авг. того же года) о неудобствѣ удовлетворенія этого ходатайства «ибо, сказано въ заключеніи, общества составляются изъ семействъ, а скопцы семействъ не имѣютъ, и потому можно только дозволять скопцамъ выбирать изъ своей среды старшинъ въ селеніяхъ». Съ тѣхъ поръ полицейское управленіе стало обращаться со своими предписаніями не въ крестьянскую волость, а прямо къ скопческому старшинѣ; но это все таки было еще селеніемъ поселенцевъ. До 1883 года на скопцовъ, какъ мы уже говорили, не распространяли милостей Высочайшихъ манифестовъ. Коронаціонный же манифестъ 1883 г., по разъясненію Сената, сталъ примѣняться, съ нѣкоторыми особенностями, и къ скоп-

цамъ. На этомъ основаніи отъ 1883 г. до 1889 г. очень много скопцовъ перешло изъ поселенческаго званія въ крестьянское, а самыя селенія въ 1889 году изъ скопческихъ переименованы просто въ крестьянскія, къ которымъ скопцы, не прожившіе еще законный срокъ, необходимый для приписки въ крестьяне, причислены какъ поселенцы. Такимъ образомъ землевладѣніе бывшихъ поселенческихъ селеній, ставшихъ теперь по закону крестьянскими деревнями, должно привлечь къ себѣ вниманіе администраціи, которая до сихъ поръ не интересовалась его формой, ограничиваясь только надѣленіемъ общества землею. Положеніе дѣлъ юридически теперь нѣсколько измѣнилось. Съ одной стороны селеніе, какъ крестьянская община, получаетъ въ полную собственность всѣ приписанныя къ ней земли, съ другой же стороны крестьянинъ — не поселенецъ, имущество котораго за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ переходитъ въ казну, а гражданинъ, имѣющій право завѣщанія. Поэтому теперь чрезвычайно важно установить принципъ землевладѣнія скопческихъ селеній—общиннаго-ли землевладѣнія съ передѣлами или частной собственности, къ которой скопцы болѣе склонны. Изъ свѣдѣній за 1862 г. мы видимъ, что уступленная скопцамъ Спасскаго селенія расчищенная земля (которой было очень немного), оказалась распредѣленной слѣд. образомъ: 3 артели по 3 челов. имѣли по 1 десятинѣ на артель, у одной артели въ 2 челов. было ½ десятины, остальные же имѣли отъ 100 до 300 кв. саженъ. У небольшаго числа скопцовъ ничего не было. На чемъ основывалось подобное распредѣленіе—нѣтъ указаній, равно нѣтъ указаній на распредѣленіе нерасчищенныхъ земель, и вообще дѣйствительность этихъ данныхъ очень сомнительна. Огородной земли почти у всѣхъ было отъ 100 кв. саженъ до ½ десятины.

Въ пересмотрѣнныхъ нами скопческихъ дѣлахъ до 1889 года нѣсколько разъ упоминается о новыхъ нарѣзкахъ къ Спасскому селенію различныхъ земель [1]), но нигдѣ не говорится, чѣмъ руководствовалась община при дѣленіи ихъ, и наблюдала ли за этимъ администрація. Обратившись за разъясненіемъ поземельныхъ отношеній къ старостѣ Спасскаго селенія, мы получили слѣдующія свѣдѣнія: чищенныя земли подѣлены ровными участками по ¼ десятины на податную душу въ пожизненное владѣніе, съ обратнымъ поступле-

---

[1]) Въ 1889 году въ Спасскомъ селеніи было земли: 20 дес. усадебной, 21—огородной, 18—выгонной, 44—сѣнокосной, 380—пахатной и 191—еще нерасчищенной. Всего 677 десят. Кромѣ того въ томъ же году богатыми скопцами было арендовано земли у крестьянъ, казаковъ и якутовъ: 150 дес. пахатной и 170 дес. сѣнокосной. Вмѣстѣ это составитъ 977 десятинъ.

ніемъ въ общество этихъ участковъ послѣ смерти временныхъ владѣльцевъ. Этими выморочными землями надѣляются вновь приписываемые къ селеніямъ скопцы. Нечищенныя земли тоже дѣлятся по ровну на податныхъ скопцовъ, но, по очисткѣ ихъ, онѣ поступаютъ въ полную собственность расчистившихъ [1]). Если участокъ расчищенъ совмѣстно двумя или тремя лицами, то по смерти одного изъ нихъ весь участокъ поступаетъ въ собственность переживающаго. За отсутствіемъ же послѣдняго, и если такой участокъ не былъ проданъ владѣльцемъ до смерти, то послѣ нея онъ опять-таки поступаетъ въ общество, которое можетъ его продать или отдать его въ надѣлъ безземельному скопцу. На весь этотъ порядокъ надо смотрѣть, какъ на установившіеся среди скопцовъ юридическіе обычаи, не основанные на какихъ либо законоположеніяхъ или распоряженіяхъ администраціи, хотя допускаемы и признаваемы послѣдней. Правда характеръ корчеванія таежныхъ мѣстъ или осушки болотъ таковъ, что главнымъ образомъ вложенные въ землю трудъ и капиталъ обусловливаютъ ея цѣнность, а не земля сама по себѣ, такъ что участки расчищенные можно было бы сравнить съ такими участками въ великороссійскихъ деревняхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, которое въ силу особой интенсивности своей культуры (какъ сады, огороды и т. д.) или совсѣмъ передѣлу не подвергаются или черезъ очень долгіе сроки, или передѣлъ совершается съ вознагражденіемъ новаго хозяина старому за улучшенія. Но въ общемъ, какъ видитъ читатель, скопческое землевладѣніе не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ признаковъ общинности. Неотчуждаемость же расчищенныхъ участковъ вытекаетъ тутъ не изъ правъ общины на землю, а безправія лица, какъ поселенца. Такимъ образомъ изъ описаннаго порядка и неодинаковости средствъ скопцовъ получилось неравномѣрное землевладѣніе. Одни продавали свои участки, другіе покупали. Тоже самое было съ землями, оставшимися послѣ смерти скопцовъ, и не всегда продажные участки были дѣйствительно изъ тѣхъ, которые въ силу обычая могли быть продаваемы. Кромѣ того всѣ почти новыя нарѣзки за послѣдніе годы, были совершаемы казной не для общества, а по просьбѣ отдѣльныхъ лицъ, получившихъ землю, за ея расчистку, въ 40-лѣтнее владѣніе, т. е. для полнаго истощенія. Такимъ образомъ казна сама содѣйствуетъ образованію крупной поземельной собственности среди скопцовъ. Въ настоящее время въ Спасскомъ селеніи очень много безземельныхъ скопцовъ; есть владѣющіе ½ десятины и владѣющіе 30 и больше десятинъ одной пахатной земли, кромѣ арендныхъ земель. Что же касается до обращенія тайги и болотъ въ пашню— это, разумѣется, дѣло хорошее, но ложно было бы думать, что все это было

[1]) Но такъ какъ за время существованія селенія скопцами расчищено болѣе 400 десятинъ, то собственно общинныхъ земель очень мало.

сдѣлано скопческими руками. При всей своей выносливости и терпѣливости, скопцы слабосильны—у нихъ не хватаетъ здоровой энергіи, они умѣютъ копаться и выжидать, но какъ только скопецъ станетъ на ноги (не говоря уже о богачахъ), онъ уже обращается къ наемному труду своихъ и чужихъ [1].

Обращаясь затѣмъ къ другимъ имущественнымъ отношеніямъ скопцовъ, не касаясь капиталовъ богачей съ ихъ торговыми оборотами, для которыхъ, разумѣется, нельзя было получить точныхъ данныхъ; мы тоже видимъ бѣдность рядомъ съ зажиточностью. На 211 челов. (152 мужчинъ и 59 женщ.) было въ селеніи въ 1889 г. 91 домъ. Изъ нихъ отдѣльно владѣло домами 49 челов.; 35 домами владѣло по двое—70 челов., 7 домами по трое—21 челов., а 71 челов. не имѣло домовъ. Интересно, что изъ 60 женщинъ только 10 были домовладѣлицами. Изъ нихъ 4 попарно владѣли 2 домами, а 6 скопчихъ имѣли отдѣльные домишки и жили продажею овощей въ городѣ, молочныхъ продуктовъ и т. д. 50 же скопчихъ не имѣли ни дома, ни доли въ немъ. Максимумъ землевладѣнія женщины въ селеніи не превышаетъ ½ десятины земли. Вообще положеніе женщины въ этомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, безполомъ обществѣ, очень не завидное. Законъ все таки смотритъ на работника, мужчину, представителя семьи, его облагаютъ налогами и надѣляютъ землями, а между тѣмъ у него нѣтъ юридическихъ обязанностей по отношенію къ скопчихѣ, какъ къ матери, женѣ или дочери. Поэтому экономически «сестрица» вполнѣ зависитъ отъ братца, у котораго или съ которымъ живетъ [2].

IV.

Положеніе скопцовъ въ ссылкѣ, положеніе исключительное среди лицъ, сосланныхъ въ Сибирь по суду за другія преступленія, невольно обращаетъ

[1]) Изъ 152 скопцовъ Спасскаго селенія 36 челов. въ 1888 г. не имѣли земли. Изъ нихъ одни совсѣмъ не занимались земледѣліемъ, другіе жили въ качествѣ работниковъ у богатыхъ скопцовъ. Если изъ упомянутыхъ выше 997 десятинъ вычесть усадебную, огородную и выгонную земли (не расчищенныя считаемъ, т. к. расчистка каждый годъ продолжается), то получимъ 935 дес. на 116 чел.—Годовыхъ работниковъ было въ томъ же году—11 (изъ нихъ только 5 чел. не скопцы), работницъ—14, мѣсячныхъ работниковъ—40 и больше, поденщицъ—50 ч., а во время посѣва и жатвы—150 изъ поселенцевъ и Якутовъ.

[2]) Скота въ селеніи было въ томъ же году 86 штукъ рогатаго и 112 лошадей (для работъ еще нанимаютъ коней вмѣстѣ съ работниками) и распредѣленіе ихъ далеко не равномѣрно. Мельницъ въ селеніи было 12 (9 конныхъ, 2 вѣтряныхъ и 1 водяная), 2 кирпичныхъ завода и бондарное и колесное производство. Много въ селеніи мастеровъ различныхъ ремеслъ, но не всѣ имѣютъ постоянные заказы за малочисленностью городскаго населенія. Надо замѣтить, что скопцы свой трудъ очень дорого цѣнятъ. За помолъ съ пуда берутъ 30 коп. За 1000 кирпичей 20 рублей. Изъ бумагъ видно, что скопцовъ-плотниковъ часто отпускали въ разныя мѣста округа для постройки церквей и часовенъ, а въ 1872 году, по ходатайству Якутскаго городскаго головы, олекминскіе скопцы-плотники были отправлены въ Якутскъ для городскихъ построекъ.

наше внимание на нынѣшнее законодательство о скопцахъ. Если вообще наше законодательство о расколѣ, преслѣдуя предметы вѣрованія и убѣжденія, является въ настоящее время анахронизмомъ, то постановленія о скопчествѣ, какъ сектѣ наиболѣе вредной, страдаетъ отсутствіемъ ясности и нѣкоторымъ противорѣчіемъ. Наказанія, которымъ теперь скопцы подвергаются, суть слѣдующія: оскопители идутъ на 6 л. каторги, а оскопленные, если не доказано насиліе, и самооскопители—на поселеніе, при чемъ самооскопителями признаются всѣ скопцы, не указавшіе своихъ оскопителей. Что, спрашивается, служитъ въ данныхъ случаяхъ признакомъ преступленія? Извѣстныя физическія поврежденія, а между тѣмъ, какъ видно изъ 6-го примѣчанія къ 201 ст. Ул. о Нак.—статья эта «преслѣдуетъ не фактъ отнятія дѣтородныхъ частей, который, отдѣльно взятый, представляется дѣяніемъ вовсе не наказуемымъ, а оскопленіе вслѣдствіе религіознаго фанатизма, возбужденнаго скопческимъ ученіемъ». Изъ этого видно, что законъ нашъ въ данномъ случаѣ наказываетъ не за самое оскопленіе, а за еретическія мнѣнія, присутствіе которыхъ оскопленіе выдаетъ; законъ преслѣдуетъ не вредъ обществу и государству, причиняемый оскопленіемъ, а еретическое разногласіе съ ученіемъ господствующей церкви. Если-же мы затѣмъ возьмемъ 5-е примѣчаніе къ той-же статьѣ, то увидимъ, что оно находится въ противорѣчіи съ предъидущимъ. По этому примѣчанію «оскопленіе такъ называемой большой печатью (послѣ малой), разсматривается какъ новый актъ оскопленія», а между тѣмъ одна ужъ малая печать достаточно свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ религіозномъ воззрѣніи оскопленнаго. Съ другой стороны, среди скопцовъ есть не мало лицъ, оскопившихся вовсе не вслѣдствіе религіознаго фанатизма, а по причинамъ экономическимъ, стало быть они должны быть свободны отъ наказанія. Все это логическое противорѣчіе, по нашему мнѣнію, проистекаетъ изъ исключительно церковнаго взгляда законодателя на скопчество. Не желая здѣсь коснуться различныхъ взглядовъ о предѣлахъ свободы совѣсти, мы хотимъ только указать, что въ то время, когда всѣ другія ученія крайнихъ сектъ раскола могутъ быть отнесены къ преступленіямъ противъ вѣры (разъ такія преступленія предусматриваются закономъ), скопчество должно быть разсматриваемо, какъ ученіе главнымъ образомъ вредное для благоустроеннаго общества и въ этомъ смыслѣ преслѣдуемо, подобно запрещенію Англичанъ сожженія женъ на могилѣ мужей въ Индіи или принужденію Ашантіевъ прекратить человѣческія жертвы, освященныя ихъ религіей. Дѣянія эти преслѣдуются Англичанами не какъ результаты религіозныхъ воззрѣній и наказываются не самыя воззрѣнія, а убійство человѣка. Правда скопецъ строго юридически не совершаетъ преступленія, потому что отношеніе человѣка къ самому себѣ не юридическое, а

нравственное, но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Подобно тому какъ членовредительство съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности разсматривается какъ преступленіе, потому что страдательнымъ лицомъ его является государство, точно также и скопецъ, будучи субъектомъ преступленія, въ одно и то-же время является и его объектомъ, но по отношенію къ послѣдствіямъ преступленія, добавочнымъ объектомъ его оказывается общество. Общество лишается нѣкотораго прироста народонаселенія, въ семейную жизнь общества скопцами вносится деморализація, скопчество затрогиваетъ нравственное чувство общества и нарушаетъ его благоустройство. Поэтому, оставляя въ сторонѣ оскопителей, которыхъ всякое гражданское законодательство признаетъ преступниками, и для огражденій себя отъ самооскопителей, общество имѣетъ право принимать мѣры. Но примѣненіе ко всѣмъ скопцамъ безъ исключенія однихъ и тѣхъ же наказаній и ограниченій не вполнѣ согласно со справедливостью, потому что во многихъ случаяхъ, особенно въ ссылкѣ, скопцы безвредны въ смыслѣ распространенія своей рѣзни, и тогда наказаніе обращается уже въ месть. Въ 1801 году послѣдовало распоряженіе императора Александра I (по дѣлу о Калужскихъ скопцахъ) [1]), коимъ велѣно было «оставить ихъ отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали». Не во всѣхъ разумѣется случаяхъ можно желать подобной свободы скопцамъ, но по скольку дѣло касается лицъ безвредныхъ въ смыслѣ распространенія физическаго уродства, не мѣшало бы и теперь вернуться къ приведеннымъ монаршимъ словамъ. Въ Якутской области есть масса скопцовъ, разувѣрившихся въ бредни своей секты, не говоря уже о значительномъ количествѣ перешедшихъ оффиціально въ православіе, между тѣмъ къ нимъ примѣняются тѣ же ограниченія, какъ къ закоренѣлымъ фанатикамъ. Мы уже говорили, что до 1883 года къ скопцамъ не примѣнялись Высочайшіе манифесты, такъ что у нихъ не было надежды выйти когда либо изъ положенія безправныхъ поселенцевъ. Съ начала поселенія скопцовъ въ Якутской области имъ запрещено было отлучаться изъ селеній, наниматься въ услуженіе не къ скопцамъ, запрещено было имѣть свидѣтельства на мелочной или иной торгъ въ самыхъ даже селеніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ ограниченій не были изъяты въ началѣ и скопцы, обратившіеся въ православіе, «такъ какъ, по объясненію Совѣта Главн. Упр. Восточной Сибири, изъ бывшихъ примѣровъ видно, что раскаяніе этихъ сектантовъ не можетъ быть полное». Въ 1863 году Олекминскіе скопцы обратились на Высочайшее имя со всеподданнѣйшей просьбой о разрѣшеніи имъ отлучекъ по округу и въ концѣ этого года Совѣтъ Главн.

---

[1]) Кутеповъ, Секты хлыстовъ и скопцовъ.

Упр. Вост. Сибири разрѣшилъ имъ отлучаться изъ селеній въ городъ «на необходимо нужный срокъ». Эта неопредѣленная резолюція была только на руку своеволію и корыстолюбію мѣстной администраціи добраго стараго времени. Только въ 1881 году разрѣшили скопцамъ, принимающимъ православіе, выйти изъ скопческихъ и приписываться къ крестьянскимъ селеніямъ въ округѣ съ предварительнымъ проживаніемъ отъ 1-го до 2-хъ мѣсяцевъ въ городѣ для присоединенія къ православію и безъ права затѣмъ отлучекъ съ мѣстъ приписки. (Отзывъ Мин. Внут. Дѣлъ отъ 13 дек. 1879 г.). Послѣ коронаціоннаго манифеста 1883 г. было всѣмъ скопцамъ, отбывшимъ извѣстный срокъ поселенія, предоставлено право переписываться въ крестьяне, но не выходя изъ скопческихъ селеній и безъ права отлучекъ. Вскорѣ послѣ этого имъ разрѣшили внутри своихъ селеній брать свидѣтельства на мелочной торгъ.

Мы привели здѣсь исторію скопческихъ ограниченій, чтобы яснѣе было, что не во всѣхъ случаяхъ эти ограниченія были необходимы и можетъ во многихъ изъ нихъ переходъ въ православіе не состоялся, потому что онъ долженъ былъ вредно отозваться на матеріальномъ положеніи отступника. Отказавшись отъ заблужденій скопчества, скопецъ долженъ былъ оставаться въ средѣ косо смотрящихъ на него сектантовъ, безъ надежды на полученіе матеріальной помощи или быть привязаннымъ къ крестьянскому обществу, чуждому и ему не сочувственному. Ремесленникъ не могъ найти въ глухой деревнѣ заработка и, насколько мы убѣдились, матеріальное положеніе отступавшихъ отъ скопчества довольно печальное, да и нравственное не лучше. Отставши отъ людей, съ которыми раньше были связаны фанатизмомъ, а потомъ общимъ несчастьемъ, они не могутъ уже завязать узелъ, который соединилъ-бы ихъ съ остальнымъ міромъ, артерія перерѣзана, и нельзя уже возстановить общее кровообращеніе; сердце скопца бьется отдѣльно отъ міроваго сердца. Сколько разъ намъ такіе скопцы плакались, что люди относятся къ нимъ холодно, съ пренебреженіемъ, что поговорить не съ кѣмъ. Тѣмъ болѣе нужно было-бы имъ облегчить внѣшнія условія жизни. Всѣ худшія стороны скопческихъ вліяній и экономическаго давленія выступаютъ главнымъ образомъ въ массѣ, и явнымъ отступникомъ никогда не является богатый скопецъ, потому что онъ человѣкъ съ вѣсомъ въ селеніи, положеніе его во многихъ отношеніяхъ удовлетворяетъ его мелкое тщеславіе, начальникъ подаетъ ему руку и пьетъ у него чай, онъ пророчествуетъ на радѣніяхъ, у него самая красивая скопчиха. Свободное передвиженіе, ограниченное извѣстнымъ раіономъ (округомъ и областію) облегчило-бы жизнь скопца-отступника въ нравственномъ и матеріальномъ отношенія. Недовѣріе правительства къ искренности раскаянія скопца имѣетъ свое основаніе. Были случаи лицемѣр-

наго присоединенія къ православію по разсчету или въ видахъ даже распространенія секты, но этимъ случаямъ въ Россіи при до-реформенномъ судѣ содѣйствовала сама администрація. Въ большей части случаевъ полиція и слѣдователи бывали подкуплены скопческими капиталистами, и наиболѣе виновные избѣгали всякаго наказанія. Теперь, по нашему мнѣнію, нечего опасаться, что скопцы-отступники будутъ тутъ заниматься пропагандой своего ученія, какъ по отсутствію вѣры въ себѣ, почвы въ окружающемъ и возможности бдительнаго надзора. Законъ наказываетъ скопца только за религіозныя воззрѣнія, даже юридическая давность начинаетъ считаться не со дня совершенія оскопленія, а со дня отреченія отъ религіозныхъ заблужденій, а между тѣмъ какъ бы отреченіе это искренне ни было, оно не избавляетъ скопца отъ общихъ ограниченій, которыя сопровождаютъ его до гроба только въ силу особой физической примѣты, пріобрѣтеніе которой не считается преступленіемъ само по себѣ.

Что-же касается до женщинъ, то, по нашему мнѣнію, непремѣнное поселеніе ихъ въ скопческихъ селеніяхъ препятствуетъ во многихъ случаяхъ выходу ихъ замужъ за нескопцовъ. Разъ попавъ въ скопческое селеніе, женщина становится жертвой матеріальной зависимости и авторитета заправилъ, и ей труднѣе вырваться оттуда, чѣмъ скопцу.

Законъ въ наше время не смотритъ уже на наказаніе, какъ на месть, и поэтому оно должно обрушиться главнымъ образомъ на оскопителей и способныхъ въ будущемъ къ ихъ роли. Теперешній судъ, особенно судъ присяжныхъ, не долженъ уже руководствоваться формальными доказательствами, убѣжденіе его о виновности составляется также на основаніи другихъ данныхъ. Поэтому судъ теперь скорѣе можетъ опредѣлить настоящихъ виновниковъ, несмотря на всю изворотливость, лицемѣріе и притворство послѣднихъ, а скопцамъ неопаснымъ для общества должны быть предоставлены нѣкоторыя льготы.

Изслѣдователи скопчества возлагаютъ особенную отвѣтственность за его развитіе на снисходительное къ скопцамъ отношеніе въ царствованіи Александра I. По нашему мнѣнію, это несправедливо. Распространеніе скопчества въ своемъ основаніи имѣетъ болѣе глубокія и сложныя причины, главная изъ которыхъ есть народное невѣжество. Въ царствованіи Николая I скопчество еще болѣе распространяется, не смотря на суровое преслѣдованіе. Если что могло способствовать распространенію скопчества въ царствованіе Александра I, такъ это не отсутствіе жестокихъ каръ, а мистическое настроеніе высшихъ и образованныхъ классовъ. Александръ I относился сочувственно къ извѣстному духовному союзу Татариновой, который многіе изслѣдователи относятъ къ хлыстовщинѣ. Самъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ одно время участвовалъ въ бесѣдахъ и радѣніяхъ этого общества.

Книга надворнаго совѣтника Пилецкаго «о скопцахъ», написанная по порученію императора для опроверженія скопческаго ученія, заключала въ себѣ настолько сочувствія къ скопческимъ обрядамъ, что митрополитъ Филаретъ отказался ее распространять, такъ какъ «она заключаетъ въ себѣ много не христіанскаго» [1]). Наконецъ извѣстно, что къ скопческому богу и царю Селиванову относились тогда въ Петербургѣ съ уваженіемъ не только высокопоставленныя лица, но и самъ императоръ. По неопровержимому свидѣтельству, Александръ I удостоилъ Селиванова своимъ посѣщеніемъ, чтобы получить предвѣщаніе объ исходѣ войны съ Наполеономъ. Подобнымъ заблужденіямъ въ высшихъ классахъ теперь уже нѣтъ мѣста, съ развитіемъ здравыхъ идей въ народѣ, скопчество и въ немъ потеряетъ почву. Поэтому въ мѣстахъ, гдѣ скопчество свило себѣ гнѣздо, надо приложить особенное стараніе о правильной постановкѣ вопроса о народномъ образованіи и главное вниманіе обратить на общественный вредъ скопчества. Религіозныя мнѣнія скопцовъ должны быть больше дѣломъ представителей церкви, чѣмъ администраціи. Вѣдь законъ не смотритъ на скопцовъ какъ на политическихъ преступниковъ, не смотря на ихъ тайное отрицаніе «явнаго царя» и революціонныя надежды на пришествіе настоящаго царя Петра III въ лицѣ Селиванова; поэтому нелѣпыя религіозныя представленія скопцовъ, пока они не перешли въ акты вредныя для общества, должны быть предметомъ опроверженія миссіонеровъ. Въ ссылкѣ, насколько мы замѣтили, отступленіе отъ секты является дѣломъ собственнаго почина отдѣльныхъ скопцовъ, а не слѣдствіемъ миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь выдержку, характеризующую отношеніе церкви къ скопцамъ, изъ донесенія архіепископа [2]) Камчатскаго отъ 27-го іюля 1862 года въ Святѣйшій Правит. Синодъ: «Одинъ изъ сектаторовъ скопецъ Кокоревъ въ минувшій постъ явился къ своему духовнику на исповѣдь; но такъ какъ Кокоревъ, также и другіе скопцы вѣруютъ во 2-го Христа, въ котораго будто-бы перешелъ духъ истиннаго Христа и въ богородицу Акулину Ивановну, чистѣйшую херувимъ, какъ отъ этихъ заблужденій, и при убѣжденіяхъ Его Высокопреосвященства, не отказался, то въ исповѣди ему отказано, находя, что скопцовъ съ такими вѣрованіями не слѣдуетъ не только допускать къ какимъ-либо таинствамъ, но даже и впускать въ церковь и что равнымъ образомъ не слѣдуетъ принимать отъ нихъ никакихъ приношеній на церковь». На это заключеніе Высокопреосвященный

---

1) Кутеповъ. Секта хлыстовъ и скопцовъ.

2) Въ настоящее время Якутскій епископъ управляетъ самостоятельно епархіей, не будучи подчиненъ Камчатскому архіепископу.

испрашивалъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, который не замедлилъ его дать въ указѣ своемъ отъ 27-го сентября 1862 г. на основаніи 6-го правила Лаодикійскаго собора и по правилу 9 Тимофея Еписк. Александрійскаго. Указъ этотъ былъ съ подпиской объявленъ всѣмъ скопцамъ Якутской области.— Интересно также, что пріѣзжающій ежегодно изъ Иркутска въ Якутскую область пасторъ не отказываетъ въ религіозныхъ бесѣдахъ скопцамъ изъ бывшихъ лютеранъ.

Считаемъ не лишнимъ еще привести въ примѣчаніи 2 пропагаторскихъ письма скопца-фанатика, адресованныхъ лицу интелегентному и образованному, но увлекавшемуся раціонализмомъ нашихъ духоборцевъ и интересовавшемуся также ученіемъ скопцовъ. Послѣдніе возымѣли къ нему такое довѣріе, что одинъ изъ нихъ, по своей наивной близорукости, вздумалъ склонять его въ скопчество. Приложенныя 2 письма, какъ продуктъ скопческой пропаганды (хотя не блестящаго пропагандиста), должны, по нашему мнѣнію, представить глубокій интересъ для изслѣдователей скопчества, которымъ обыкновенно въ качествѣ матеріаловъ служатъ или завѣдомо ложныя показанія скопцовъ подъ слѣдствіемъ или не всегда правдивые, разсказы ренегатовъ, а въ этихъ письмахъ, при всей ихъ безсмысленности, искренно раскрываются нелѣпыя воззрѣнія скопца на человѣка, міръ и божество. Мы оставляемъ въ нихъ орфографію и знаки препинанія оригинала.

I.

[1]) Вы знантѣ что мы падшіе духи за самою за свою гордость, и за своеволіе, то мы мучаймся извѣковъ въ вѣка, и это когда мы помирай̆мъ то нашъ духъ пиреходитъ во мрачную плоть какъ всонмѣ—либо всобаку или въ коня—въ какуя-бо то небыло плоть, и такъ мучится во веки вековъ, Самъ господь сказалъ во всякои кровѣ есть моя душа, а какъ достигнуть царства вѣчнаго опять въ своё прежніе бытъё т. е. въ прежній свой домъ, избегнуть этихъ мытарствъ поганыхъ,—то нада воткакъ, чтобы въ тибѣ воскресъ Христосъ навсегда, вы думаите онъ воскресситъ тамъ, нетъ онъ всибѣ имино, и тогда увидишъ самъ все, какъ сказалъ господь вы Боги и внутри васъ царство, нужно его узнать воплотѣ, какъ у почелы есть матка такъ и улидеи есть наземле спаситиль вечной славы тоже чиловѣкъ, вотъ больши всего что вечной жизни, у насъ адамъ согрешилъ природою, то и мы патомки изгнаны тоже, а вотъ мы искоренявмъ природу плотевную, и не хатимъ шить рубашки для мучимыхъ душъ, которой пербегаютъ изъ плоти въ плоть. нужна обрезаться и жить душевно и держать постъ двѣ седмицы или дажы три ни пить и не исть нисколько, тогда самъ увидишъ, что делаится здесь; это будитъ 21 день, гос. сказ. можно получить чистатой и постомъ и молитвои, у насъ есть духовной песни какъ славитъ творца и пророчиства, и мы спасай̆мъ только сами сибѣ имѣй̆мъ горячію сирдечную любовь которой желаютъ служить гесподу вѣрой и правдой, мясо мы некушаймъ потому что оно есть плоть отприхотій блуда дрянь, пошаницу сеишъ, и ишъ хлѣбъ, а плоть сеишъ ишъ плоть чиловекъ должинъ быть разумни и созданъ по образу господню, крестимся мы обоими руками молимся усердно даже допоту и непримино со слезами, если будишъ поступать такъ, то увидишъ какъ твой духъ будитъ гдѣ обитать вечно, закрытаво нетъ ничего это достигни ть этого тогда не будитъ иметь невчемъ недостатка а все будитъ вдостаткѣ и любви и радости вечной, чиловекъ ангилъ и можитъ навсегда быть лукавой и вмуки

Въ заключеніи нашей статьи не безполезно будетъ провести паралель между послѣднимъ походомъ противъ плотской любви графа Л. Толстого и скопческими представленіями по этому предмету. Въ то время какъ представленія скопцовъ вытекаютъ изъ ихъ глубокаго невѣжества и духовной дикости, проповѣдь Толстаго вытекаетъ изъ желанія выдать частные уродливые случаи за общее положеніе въ вопросѣ о физической любви. Изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ основаніе для сношенія половъ, графъ Толстой выбралъ одинъ, наиболѣе низменный и дѣлающійся таковымъ по обособленіи его отъ всѣхъ другихъ элементовъ, возвышающихъ и облагораживающихъ физическую любовь. Н. К. Михайловскій въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ любовь со стеблемъ, имѣющимъ физіологическіе корни и способнымъ распускать самые пышные

быть вечной, много еще писать да надо мишокъ латать, чтобы куда сипать было можно, а мы задушевныхъ братьевъ полагаймъ свои души, если весь миръ приобресть, а своей душе зделать пагубу, то какая польза будитъ намъ, если люди живуть хорошо, а мы плохо надо и намъ такъ жить и нечего не бояться не стыда не совисти, а поступать только имѣно для себя тогда и услышишь Божей глаголъ свышы и ты будишъ сынъ Божей, мы пошли головушку сложить а делъ Божьихъ не отлажить.

Дорогой нашъ единомыслинный и единосирдечной Вовсуси Христѣ NN покорнейши мы Васъ просимъ напишитѣ намъ записку, въ точности йменно на чемъ вы основайтись и хчему ваше стримлеоніе, мы желаимъ отвасъ знать сирдечно и верно какъ можно не остафте нашей просьбы квамъ. Мы вамъ кланеймся сердечно на всегда, любящій васъ NN.

II.

Наша основаніе въ духи и въ благодати а благодать находится въ любви, не въ такой любви какъ имѣнно только въ слови, а точно въ дѣли и какъ принялъ спаситель отъ отца сотворшего всю вселенную, т. е. слово, отсотворшего силу, для таво вѣрной души просвѣтить ихъ на землѣ въ этихъ мучимыхъ плотяхъ и эти души дожны сойдинится, и познать сына Божьиво, и придти въ то самое прежніе бытье, затемъ и посланъ духъ сотворшего въ чиловечиской плоти, чтобы провесть насъ къ отцу къ нибесному творцу, которой увѣровали въ нѣго, и находются въ одномъ съ нимъ духи и даже не раздѣляющій мыслію, чистое совѣстью и плотью, и мы поклоняимся не нагору и не надервѣ, а въ духи и святому духу хотя у насъ и есть скопцы таковые нивсе понимаютъ такъ, какъ спасителя роспинали не на кристѣ, а на адамовой головѣ, тойсть на самой на этой чистотѣ т. е. на природи и ноне ровно также роспинаютъ и растлеваютъ природою, мы въ тройцу по познанью вѣры истиной, отца и сына и святаго духа, какъ нѣжно сильней всего познать чей я сынъ и знаитли мѣня творѣцъ и по познаній истины прибывайтли во мнѣ святой духъ, а не иначе какъ прибываеъ святой духъ, черезъ отца. потом усамъ сабой никто не можитъ достигнуть не какого мастерства, такъ и духъ святой придти через отца, хто будетъ искать тотъ смѣло найдетъ а хто имеитъ отца, какъ въ томъ будитъ прибывать святой духъ.

Противъ твоей вѣры и убиждения твоево, пишимъ свое убиждение и понятье, какъ мы понимаймъ, такъ и говоритъ писаніе, а еще мы свами будимъ биседовать о тайныхъ дарахъ послѣ дорогой мой NN откуда приходитъ человѣкъ и куды уходитъ, то *ничто*, тайну передадимъ вамъ лично а не на бумаги, за твою вѣру и любовь благодаримъ мы васъ, и вы дорогой не далеко отцарства какъ сказалъ спаситель вонзраиле не находили такой истиной вѣры, такъ и мы NN, васъ Ваша понятіе исправедливо и верно, а быть можитъ что нибудь нужно вамъ то еще спроситѣ, и прошу я еще написать окончательно ваше убиждение или сойдинится дошой и сѣрцами.

психологическіе цвѣты. Это красивое образное сравненіе заключаетъ въ себѣ въ одно и тоже время всю истину по данному предмету. Очень немного людей найдется, людей развращенныхъ съ рожденія и дѣтства, которые не могли бы вспомнить какъ въ своей юности, такъ затѣмъ въ періодъ возмужалости, рядомъ съ раскрытіемъ, развитіемъ и расцвѣтомъ полового чувство, возникали умственныя и душевныя движенія высшаго порядка и обнаруживались чувства симпатіи, нѣжныя и возвышенныя эмоціи. Недаромъ поэзія нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ аллегорически изображаетъ самый высшій типъ любви, любви къ Божеству и истинѣ въ формѣ отношеній жениха къ невѣстѣ:—поэзія, заходящая въ изображеніи прелестей молодой до грубо-наивныхъ откровенностей древняго востока, подъ видомъ видимыхъ чувственныхъ образовъ, понимаетъ невидимыя отвлеченныя потребности духа. Это творчество человѣчества, въ періодѣ его юности лучше всего доказываетъ инстинктивное пониманіе его общности и нераздѣльности всѣхъ человѣческихъ потребностей, чувствъ и ощущеній. Еслибы графъ Толстой пожилъ среди скопцовъ, онъ-бы убѣдился, что нельзя безнаказанно извращать одну человѣческую потребность безъ нарушенія гармоніи всѣхъ остальныхъ, что именно тогда мы менѣе всего способны къ истинно духовной жизни и къ любви къ ближнему. Скопецъ послужилъ бы ему живымъ воплощеннымъ укоромъ за его послѣднюю проповѣдь. Онъ бы увидѣлъ, какъ голый, сухой и безплодный, стебель полярной древесной флоры лишенъ вѣтвей, листьевъ, цвѣтовъ и не можетъ углубить своихъ корней въ морозную почву, а уродливо распространяетъ ихъ по ея поверхности, такъ и скопецъ, подъ вліяніемъ душевнаго холода не въ состояніи раскрыть почекъ психологическихъ и цвѣтовъ человѣческой натуры, противоестественно извращая и искривляя ея физіологическіе корни.

Если, при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, намъ не дано постигнуть конечной цѣли нашего существованія и смысла жизни, то тѣмъ болѣе должны быть для насъ священны всѣ временныя цѣли и преходящія стремленія, вытекающія изъ условій нашей физической и духовной организаціи [1]).

В. І—нъ.

---

[1]) Съ этимъ положеніемъ безъ извѣстныхъ ограниченій нельзя согласиться, такъ какъ не немногія «временныя цѣли и преходящія стремленія, вытекающія» и пр. и злы и грубы и низки. Въ человѣческой природѣ или въ нашей физической и духовной организаціи «есть мало скотскаго и звѣрскаго, и потому многія» временныя цѣли и преходящія стремленія человѣческія не только въ давно прошедшемъ. но и въ настоящемъ и въ будущемъ не могутъ быть не только священны, но и милы и дороги человѣку. Лучшая сторона человѣческой природы вызываетъ людей на постоянную борьбу со многими изъ такихъ цѣлей и стремленій, приводитъ къ сознанію необходимости самовоздержанья и самообузданья. Скопчество вытекаетъ изъ слишкомъ радикальнаго воззрѣнія на эту борьбу и потому оно тупо и вредно: крыловскій медвѣдь былъ большой радикалъ, въ борьбѣ со зломъ внѣшнимъ. *Ред.*

О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тептярей.

I. Народныя пѣсни и книжное творчество уральскихъ мусульманъ.

Лѣтомъ 1893 г. я имѣлъ случай побывать съ этнографическими цѣлями въ Уфимской и Оренбургской губ. и собрать извѣстное количество этнографическаго матеріала, съ частью котораго я намѣренъ познакомить читателя въ предлагаемомъ очеркѣ.

Ближайшимъ мѣстомъ моей поѣздки и этнографическихъ наблюденій были г. Уфа и Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губ., центръ коренной горной Башкиріи.

Наблюденія свои я сосредоточилъ преимущественно на инородческихъ племенахъ и изъ числа ихъ главнымъ образомъ на мусульманскихъ народностяхъ: Татарахъ, Тептяряхъ и Башкирахъ, о бытѣ, обычаяхъ и поэтическомъ творчествѣ которыхъ я и буду исключительно распространяться. Въ составъ собраннаго мною этнографическаго матеріала среди мусульманскихъ народностей Урала входятъ:

1) Образцы книжнаго мусульманскаго творчества.

2) Народныя лирическія пѣсни числомъ болѣе 100 и мелодіи къ нимъ.

3) Образцы инструментальной музыки инородцевъ.

4) Нѣсколько сказаній и легендъ.

5) Образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.

6) Образцы повѣрій и описаніе нѣкоторыхъ инородческихъ обычаевъ и празднествъ.

Записываніе пѣсенъ и мелодій я производилъ одинъ; въ собираніи другаго этнографическаго матеріала мнѣ оказали содѣйствіе: народные учителя, инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губ. Г. С. Рыбаковъ; директоръ народныхъ училищъ Уфимской губ. И. И. Троицкій; владѣльцы золотыхъ пріисковъ и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

Татарскія пѣсни я записывалъ преимущественно въ гг. Уфѣ и Верхне-Уральскѣ; тептярскія — на золотомъ пріискѣ Э. И. Гана на восточномъ склонѣ Урала; башкирскія—въ самыхъ кочевьяхъ Башкиръ въ Уральскихъ горахъ.

Для собиранія башкирскихъ пѣсень я переѣзжалъ изъ кочевки въ кочевку, пользуясь, гдѣ можно было, почтовыми лошадьми, а нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ экипажей, довольствуясь просто башкирскими дрогами, которыя оказывались болѣе пригодными для передвиженія по узкимъ горнымъ дорогамъ. Я вращался и ѣздилъ съ Башкирами одинъ безъ всякаго вооруженія: случалось путешествовать даже темными ночами среди пустынныхъ горъ одинъ на одинъ съ возницею Башкиромъ, и все обходилось безъ приключеній: настолько народъ этотъ замиренъ и спокоенъ.

Записывать пѣсни приходилось при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ: въ полѣ, лѣсу въ перемежку между работами, въ деревняхъ—въ избахъ, въ кочевкахъ — вечеромъ (самое удобное время для записыванія), на открытомъ воздухѣ—за чаепитіемъ или за питьемъ кумыса, у костровъ, которые Башкиры разводятъ по горамъ близь кочевокъ, ложась спать иногда подъ открытымъ небомъ; вечеромъ Башкиры съ большой охотой распѣвали пѣсни и играли на своихъ инструментахъ, особенно если имъ предлагалось угощеніе въ видѣ чая, кумыса, закусокъ или вознагражденіе; иногда они вступали въ музыкальныя состязанія, стараясь блеснуть своими голосами или искусной игрой. Инородцы близь золотыхъ пріисковъ требовали менѣе невиннаго вознагражденія въ видѣ водки, папиросъ и т. п., помимо денегъ.

Произведенія поэтическаго творчества народностей Урала, говорящихъ на татарскомъ языкѣ, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ.

1-й разрядъ—стихотворенія книжнаго искусственнаго творчества, нѣчто въ родѣ поэмъ или одъ на историческіе и героическіе сюжеты или на злобу дня, иногда съ оттѣнкомъ поучительности, большею частью степеннаго содержанія, носящія названіе: м н а ж ә т ъ (обращеніе къ Богу) – религіознаго содержанія, въ которыя входятъ изреченія на арабскомъ языкѣ, и б ә и т ъ—стихотворенія свѣтскаго характера.

Темами для этихъ произведеній книжнаго сочинительства служатъ, напр., тоска по родинѣ, тяжесть солдатчины и военной дисциплины, просьбы къ божеству объ избавленіи отъ неправедныхъ правителей, судей, лукавыхъ людей, бѣдствій, о ниспосланіи всякихъ благъ, разсужденія на явленія повседневной жизни, напр., о чаѣ, по поводу котораго въ моемъ собраніи имѣются 2 баита противуположнаго другъ другу содержанія: въ одномъ, оче-

видно, болѣе древнемъ, замѣчается настроеніе, враждебное распространенію чая; видимо, хранители старины среди Башкиръ противились распространенію новаго напитка. Вотъ его содержаніе въ русскомъ переводѣ:

«Нынѣ для бѣдствія народа
Появилась трава подъ именемъ чай,
Люди, покупая его въ долгъ,
Расплачиваются и раззоряются.
Сказавъ одинъ другому: «пойдемъ на базаръ»,
Ѣдутъ Башкиры съ лѣсомъ потихоньку.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ!» } Изреченіе изъ духовныхъ книгъ.
Однимъ словомъ запрягъ Башкиръ тощую лошадь,
Самъ бьетъ, а лошадь скачетъ во весь махъ,
Ѣдетъ за чаемъ въ (верхнеуральскій) магазинъ
И хоть у него нѣтъ достатка,
Требуетъ 1/4 чаю и 1/8 сахару.
Накажетъ жена-анаѳема мужа,
Если чаю не привезетъ.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ».
Если чай весь выйдетъ,
Жена закричитъ мужу: «давай чаю!»
Онъ, бѣдняга, задыхаясь,
Во всѣ стороны побѣжитъ (искать)
. . . .
Если есть одна жена,
Есть у Башкира и самоваръ;
А если зайдешь въ хлѣвъ,
Ни одной головы скота нѣтъ;
Если разъ въ день Башкиръ напьется чаю,
То у него уже и нужды (горя) нѣтъ.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ».

Въ другомъ бäитѣ, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія, напротивъ, восхваляются благотворныя качества чая: Башкиры успѣли уже привыкнуть къ новой травѣ и пристраститься даже къ ней. Вотъ содержаніе этого бäита.

«Скажу я вамъ сказку,
Если не сочтете за глупость,
Скажу я вамъ эту сказку
Про хорошій и дурной чай.
Если пить чай утромъ,
То прибудетъ въ головѣ ума или оживленія;
Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То годенъ будешь на многія дѣла;
Если пить чай вечеромъ,
Не останется никакой работы въ умѣ.
Въ этой бумагѣ завернутъ чай;
Напившись чаю, отдохнемъ» и т. д.

Подобныя произведенія принадлежатъ перу опредѣленныхъ грамотныхъ личностей, главнымъ образомъ муллъ изъ Татаръ, а также изъ Башкиръ; они назначаются къ исполненію въ солидныхъ собраніяхъ, религіозныхъ и т. п. и имѣютъ успѣхъ среди класса степенныхъ, пожилыхъ правовѣрныхъ, считаю-

щихъ неприличнымъ для себя и за грѣхъ пѣть чисто народныя лирическія пѣсни, особенно скорыя, обыкновенно игриваго содержанія, къ которымъ они относятся пренебрежительно, называя ихъ «шалтай-балтай»; стихотворенія книжнаго происхожденія отличаются своей длиною и имѣютъ каждое свою мелодію.

2-й разрядъ—пѣсни непосредственно народнаго творчества, называемыя «джерларъ». Обыкновенно кратки—въ одну строфу (въ 4 строчки), причемъ первая полустрофа большею частью не имѣетъ внутренней связи съ последующей второй, и соблюдается лишь внѣшняя связь—рифма во 2-й и 4-й строчкахъ. Въ большинствѣ случаевъ пѣсни поются съ припѣвомъ. Въ первой половинѣ строфы очень часто заключается какой нибудь поэтическій образъ или картина природы; изрѣдка такой образъ или картина вопреки обыкновенію имѣетъ органическую, подъ часъ тонкую связь съ содержаніемъ второй половины строфы, какъ аналогія, сравненіе или параллель.

Примѣръ пѣсни безъ внутренней связи между полустрофами:

1-я полустр. «Я зажегъ траву на высокой горѣ;
Огонь распространился по вершинѣ горы;
2-я полустр. Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой».

Примѣръ пѣсни, части которой связаны между собою по смыслу:

1-я полустр. «Я купилъ разныхъ цвѣтовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;
2-я полустр. Но не купишь счастья за деньги,
Если Богъ не дастъ его».

Или:

1-я полустр. «Вставши рано, я посмотрѣлъ:
Жаворонокъ весело поетъ;
2-я полустр. Я также попѣлъ бы и посмѣялся бы,
Но бѣдность рѣжетъ мою шею».

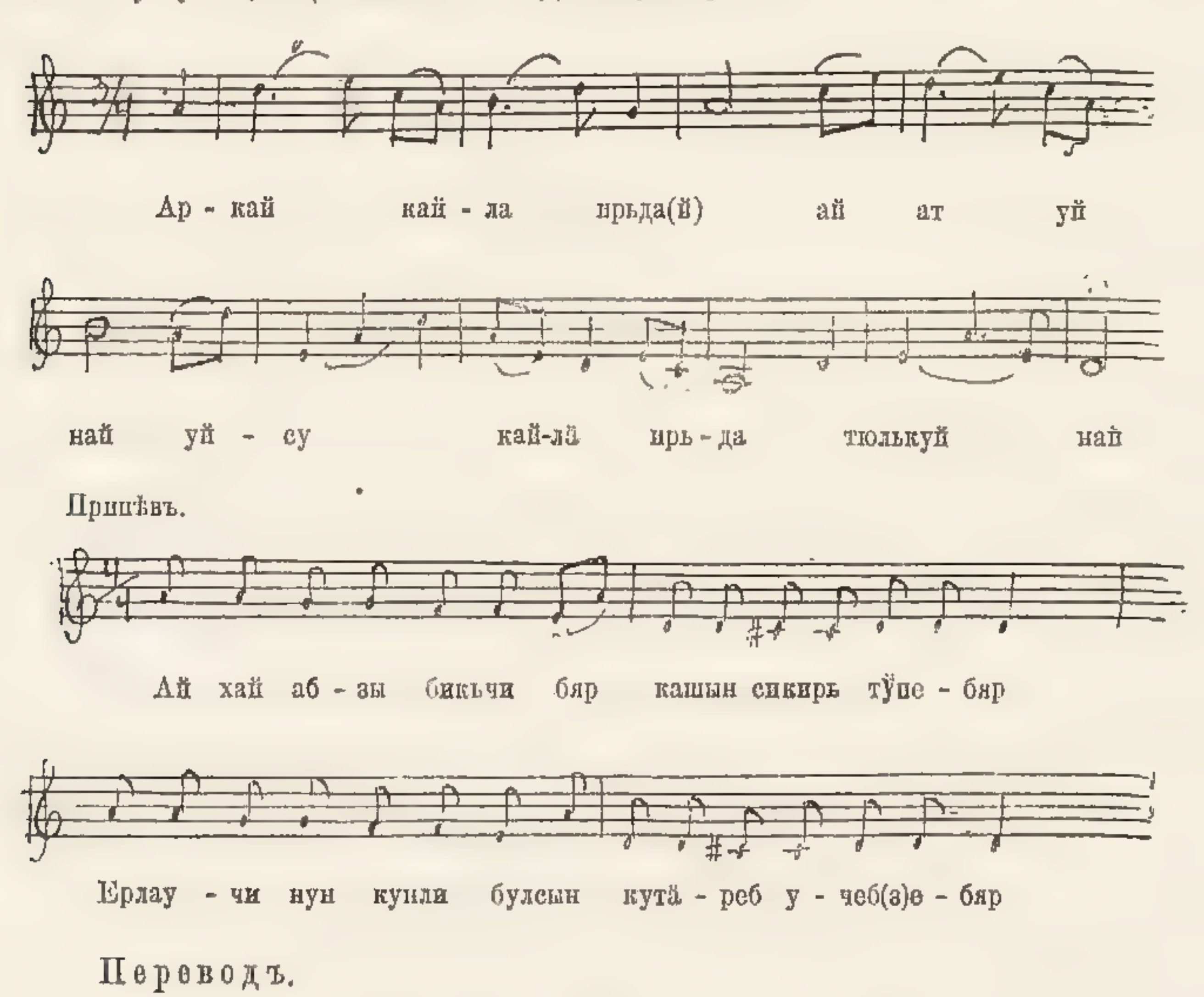
Изрѣдка народныя пѣсни попадаются въ 2, 3 и болѣе строфы, представляя довольно большое стихотвореніе.

Пѣсня въ 2 строфы:

1-я стр. «Я держалъ въ рукахъ домбру
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

2-я стр. Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплатилъ по монеткѣ».

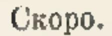
Пѣсенныя мелодіи дѣлятся по характеру своему на 2 класса:

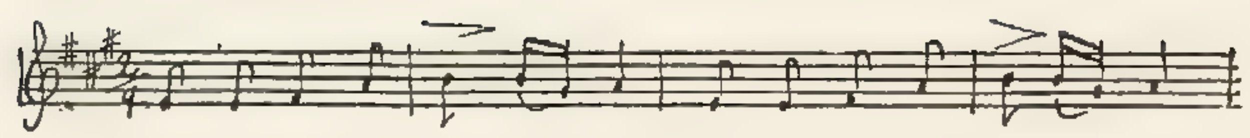
1-й классъ—протяжныя, проголосныя мелодіи, и по нимъ пѣсни называются узункўй (длинная пѣсня), напримѣръ:

Переводъ.

«На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь,
А въ долинѣ играетъ лисица.

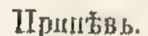
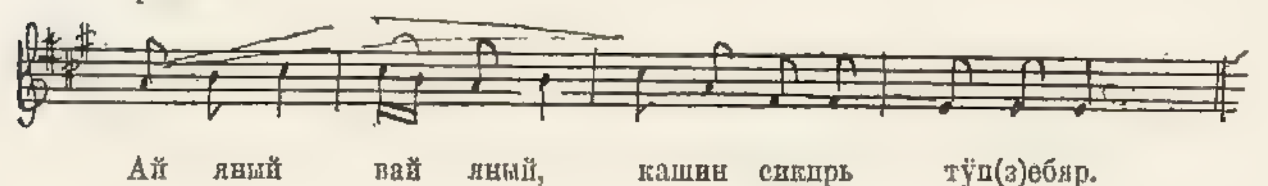
Припѣвъ: Ай, братецъ, какой ты красавецъ,
Поводи бровями.
Чтобы исполнить желаніе (развеселить) пѣвцовъ,
Выпей, поднявъ чашку».

2-й классъ—скорыя и короткія мелодіи плясоваго характера и пѣсни, распѣваемыя на нихъ, называются такмакъ, напримѣръ:





Ай хай аб-зы биkь чя бяр кашин сикирь тӳп(з)е-бяр



Ай яный вай яный, кашин сикирь тӳп(з)ебяр.

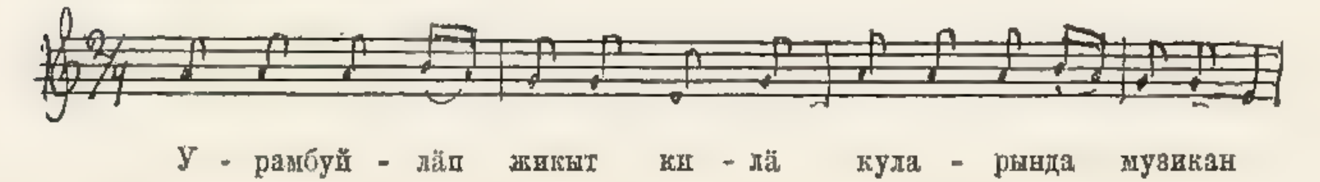
Переводъ текста:

1. Ахъ, братецъ, какой ты красавецъ.
   Поводи бровями,

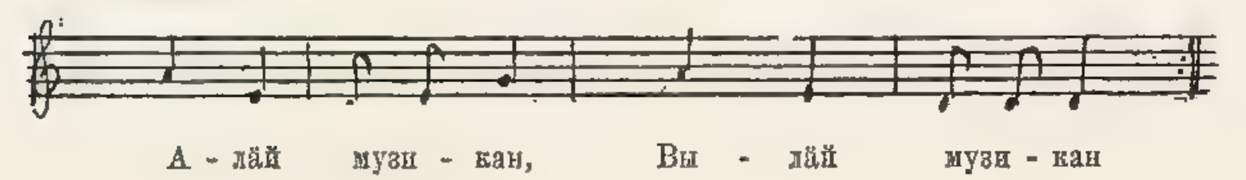
Припѣвъ: Ахъ, душенька, раздушенька,
   Поводи бровями.

2. Чтобы удовлетворить желанію (развеселить) пѣвцовъ,
   Выпей, поднявъ чашку,
   Ахъ, душенька, раздушенька,
   Выпей, поднявъ чашку.

Или довольно скоро:



Припѣвъ:



Переводъ текста:

1. Вдоль улицы идетъ холостой молодецъ,
   Въ рукахъ музыка (гармоника).

Припѣвъ: И такъ музыка, и этакъ музыка.

2. Когда на этой музыкѣ играютъ,
   Сердце отчего-то ноетъ...
   И такъ музыка, и этакъ музыка.

Что касается отношенія между текстомъ и мелодіей въ инородческихъ пѣсняхъ, то существуетъ слѣдующая особенность. Текстъ и мелодія не связаны между собою настолько, чтобы неизмѣнно сопровождать другъ друга: данный текстъ можетъ распѣваться на данную мелодію, но также на всякія другія однородныя мелодіи при соблюденіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь того, чтобы протяжная, напр., мелодія — узункуй не замѣнялась скорою — такмакъ, а такой же протяжной, и наоборотъ. Эта особенность находится въ полной противоположности съ особенностью русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ данный текстъ и данная мелодія въ огромномъ большинствѣ случаевъ неуклонно сопровождаютъ другъ друга.

Впрочемъ такая особенность преимущественно проявляется въ татарскихъ пѣсняхъ; что касается Башкиръ и Тептярей, то у нихъ есть много пѣсенъ, распѣваемыхъ на одну и ту же мелодію. Циклъ мелодій, на который распѣваются пѣсни, опредѣляется у Татаръ модой, благодаря которой въ одно время входятъ въ употребленіе однѣ мелодіи, а въ другое другія.

Кромѣ того, у Башкиръ и Тептярей существуетъ, насколько мнѣ удалось убѣдиться, замѣчательное явленіе смѣны поэтическаго творчества съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однажды я ѣхалъ съ Башкиромъ пожилыхъ лѣтъ и разговаривалъ съ нимъ о баитахъ и народныхъ пѣсняхъ. Онъ между разговоромъ пѣлъ баитъ, а затѣмъ перешелъ къ пѣснѣ народнаго характера; я спросилъ его, что это за пѣсня; онъ отвѣтилъ мнѣ, что это старинная пѣсня, которой теперь уже не поютъ, а которую пѣли въ его молодости: «нашихъ старинныхъ пѣсенъ молодые парни отъ насъ не перенимаютъ, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ, а выдумываютъ свои», — продолжалъ онъ; «отчего же?» — спросилъ я; — «да это такъ всегда бываетъ: мы отъ своихъ стариковъ не перенимали, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ пѣсенъ и сами для себя сочиняютъ; теперь нѣтъ уже нашихъ старыхъ пѣсенъ, а пошли все новыя». Въ параллель съ тѣмъ, что старики чуждаются современныхъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, особенно скорыхъ, и называютъ ихъ «шалтай-балтай», молодежь игнорируетъ стариковскія пѣсни или пѣсни предыдущаго поколѣнія и усваиваетъ новыя. Такимъ образомъ существуетъ любопытный фактъ появленія и исчезновенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ цѣлыхъ цикловъ пѣсенъ, которые, продержавшись свое время, безслѣдно исчезаютъ, чтобы замѣниться новыми. Этотъ фактъ указываетъ на значительную интенсивность творчества среди разсматриваемыхъ инородцевъ, которые не затрудняются съ каждымъ поколѣніемъ создавать новые и новые циклы пѣсенъ, а вмѣстѣ на отсутствіе той преемственности, которая сохраняетъ народную пѣсню отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Конечно, господство отмѣча-

маго факта небезусловное: извѣстная часть пѣсенъ, особенно легендарнаго, повѣствовательнаго характера, переходитъ въ новыя поколѣнія, а что касается лирическихъ, то онѣ, кажется, смѣняются съ каждымъ поколѣніемъ.

Пѣть пѣсни у инородцевъ позволительно только въ опредѣленное время: преимущественно вечерами на сборищахъ, гулянкахъ, свадьбахъ или празднествахъ, а въ другое считается неприличнымъ. При записываніи, напр., татарскихъ пѣсенъ въ гор. Верхнеуральскѣ я познакомился, между прочимъ, съ семейнымъ татариномъ Ахмадеемъ Алеевымъ, занимающимся маклерствомъ въ городѣ, обладающимъ большимъ запасомъ пѣсенъ. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ для записыванія пѣсенъ, онъ сказалъ, что надо бы де намъ уйти куда нибудь пѣть пѣсни, а то здѣсь нельзя: баба дома, да и сосѣди услышатъ и скажутъ, что Ахмадей де закутилъ, гулянка у него. И мы отправились искать нейтральнаго мѣста; такимъ въ этой сплошь татарской части города оказалась портерная, гдѣ пѣть пѣсни считаютъ позволительнымъ сами Татары.

Въ башкирскихъ кочевкахъ считается неприличнымъ пѣть пѣсни въ теченіе дня, вечерами же предоставляется полная свобода. Когда я записывалъ пѣсни днемъ, то Башкиры-пѣвцы увлекали меня куда нибудь въ уединенное мѣсто: на поляну подальше или въ лѣсъ, гдѣ насъ никто не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда я спрашивалъ, отчего надобно такъ уединяться, то получалъ отвѣтъ: «нельзя, а то скажутъ: что за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути». Особенно стыдились пѣть молодые парни (малаи) въ присутствіи пожилыхъ Башкиръ.

Женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены и только въ интимной средѣ подругъ онѣ обнаруживаютъ, что имъ не чуждо искусство пѣнія. Мнѣ не случалось почти слышать женскаго пѣнія среди инородцевъ, и только однажды слышалъ пѣніе дѣвочекъ, одновременно и плясавшихъ: даже дѣвочки должны были уединиться въ одинъ свободный кошъ и, запершись тамъ, довольно робко предавались пѣнію. Болѣе позволительны для женщинъ пляски, по крайней мѣрѣ я раза 2 — 3 былъ свидѣтелемъ ихъ плясокъ на виду у всѣхъ. Однажды Башкиры деревни Кабагушевой устроили родъ пикника на такъ называемый «камень» по близости въ горахъ. Среди горъ надъ глубокой лощиной обрывомъ одиноко возвышалась высокая скала довольно правильной цилиндрической формы на подобіе колонны, основаніемъ которой служила гора; вокругъ этой скалы на значительной высотѣ надъ лощиною точно преднамѣренно кѣмъ сдѣланъ достаточно широкій каменный ходъ въ видѣ круговой площадки, и по ней можно было ходить кругомъ скалы и стоять надъ пропастью, отъ которой зрителя ничто не отдѣляло, какъ только ширина пло-

щадки, съуживавшаяся иногда до 3 — 4 четвертей. Башкиры и Башкирки ловко и смѣло бѣгали кругомъ этой естественной колонны надъ пропастью; дудочникъ игралъ пѣсни, Башкирки иногда въ своемъ кружкѣ подтягивали, а потомъ, выбравъ довольно ровное и широкое мѣстечко по уклону горы, пустились въ пляску подъ свои пѣсни; спустя немного имъ сталъ подыгрывать дудочникъ и присоединились Башкиры въ качествѣ зрителей. Башкирки плясали въ одиночку, притаптывая ногами, прищелкивая руками и вертясь тѣломъ. Здѣсь созерцали пляску женщинъ и мужчины, но обыкновенно для мужчинъ считается непринятымъ смотрѣть на увеселенія женщинъ, особенно среди Татаръ.

Танцы инородцевъ не отличаются особенной подвижностью: танцующій обыкновенно на одномъ мѣстѣ или на небольшомъ пространствѣ перебираетъ ногами, рѣдко дѣлая болѣе сильныя движенія или скачки въ сторону и жестикулируя руками или подбоченясь. Мило пляшутъ малайки и апайки (парни и дѣвочки) башкирскіе. Пляски происходятъ подъ игру свирѣли (курая) или подъ пѣніе съ ритмическимъ аккомпаниментомъ на какомъ нибудь предметѣ, напр., на деревяшкахъ, ведрѣ и т. п.; у Татаръ обыкновенно подъ игру скрипки.

Среди пѣвцовъ—инородцевъ преобладаютъ высокіе голоса—баритоны и особенно тенора, которые безъ затрудненія и естественно берутъ чрезвычайно высокія ноты, приближаясь по тэмбру къ дѣтскимъ голосамъ (альтамъ). Пѣвцы—басы встрѣчаются рѣдко. Одной изъ особенностей исполненія пѣсенъ является продолжительное протягиваніе послѣдней ноты пѣсни съ вибраціей въ голосѣ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Эта особенность замѣчается главнымъ образомъ при исполненіи протяжныхъ, проголосныхъ пѣсенъ (узункуй).

Въ мелодіяхъ разсматриваемыхъ инородцевъ мало сказываются сложные изгибы развитаго и глубокаго чувства, нѣтъ того захватывающаго лиризма, какой присущъ русскимъ пѣснямъ; отъ нихъ вѣетъ больше внѣшнимъ настроеніемъ, объективностью, точно онѣ отражаютъ внѣшнія явленія природы (что надобно сказать особенно о башкирскихъ пѣсняхъ); настоящихъ же, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ смыслѣ, звуковъ человѣческой души онѣ пока не отразили, или, можетъ быть, онѣ отражаютъ особый строй чувствованій, который мы мало понимаемъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса къ той значительной мелодичности и оригинальности, какою отличаются напѣвы разсматриваемыхъ инородцевъ.

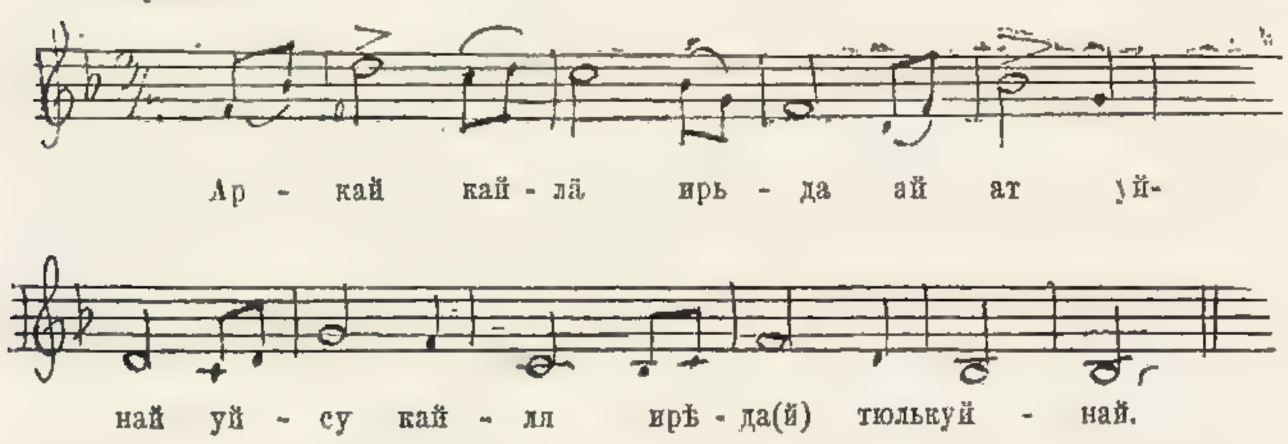
Переходя спеціально къ татарскимъ пѣснямъ и имѣя въ виду, что преимущественно среди нихъ господствуетъ фактъ независимости между текстомъ и мелодіей, я долженъ нѣсколько обстоятельнѣе коснуться этого явленія.

Но прежде надобно упомянуть, что главный источникъ пѣсеннаго творчества у Татаръ—Казань и Казанскій край. Очень значительная часть записанныхъ мною татарскихъ пѣсенъ сообщалась мнѣ подъ названіемъ казанскихъ, и среди оренбургскихъ татаръ мнѣ не удавалось, на сколько помнится, встрѣчать мѣстныхъ творцовъ пѣсенъ въ противоположность Башкирамъ и Тептярямъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ имѣется свой сочинитель пѣсенъ. Это обстоятельство надобно считать, повидимому, за доказательство меньшей силы поэтическаго творчества у Татаръ, слишкомъ занятыхъ узкими, сухими меркантильными интересами, отчего рѣдко появляются среди нихъ лица съ поэтическими способностями. Татары довольствуются тѣмъ, что перенимаютъ тотъ или другой циклъ пѣсенъ согласно модѣ, при чемъ считается почти неприличнымъ пѣть въ данное время какой нибудь немодный мотивъ.

Пѣсни ихъ, дѣлясь по характеру мелодій на два главные класса: 1) протяжныя—у з у н к ў й и 2) скорыя, плясовыя—т а к м а к ъ, по строенію своему раздѣляются на два вида:

1) на п р о с т ы я, не имѣющія никакихъ добавленій ни въ видѣ запѣвовъ, припѣвовъ и т. п., представляющія или частый узункўй или только токмакъ; и 2) на с л о ж н ы я, состоящія изъ соединенія протяжныхъ пѣсенъ со скорыми, дѣлящіяся обыкновенно на 2 части: 1-я часть—собственно пѣсня, обыкновенно узункўй, и 2-я часть—припѣвъ, для котораго служатъ скорыя пѣсни—токмаки, наряду съ самостоятельнымъ значеніемъ играющія громадную служебную роль. Такимъ образомъ 1-я часть сложной пѣсни поется на одинъ мотивъ и 2-я на другой.

Примѣръ простой пѣсни изъ класса узункўй:

Т а ф т е л ь с к а я, не имѣющая припѣва:

Переводъ текста:

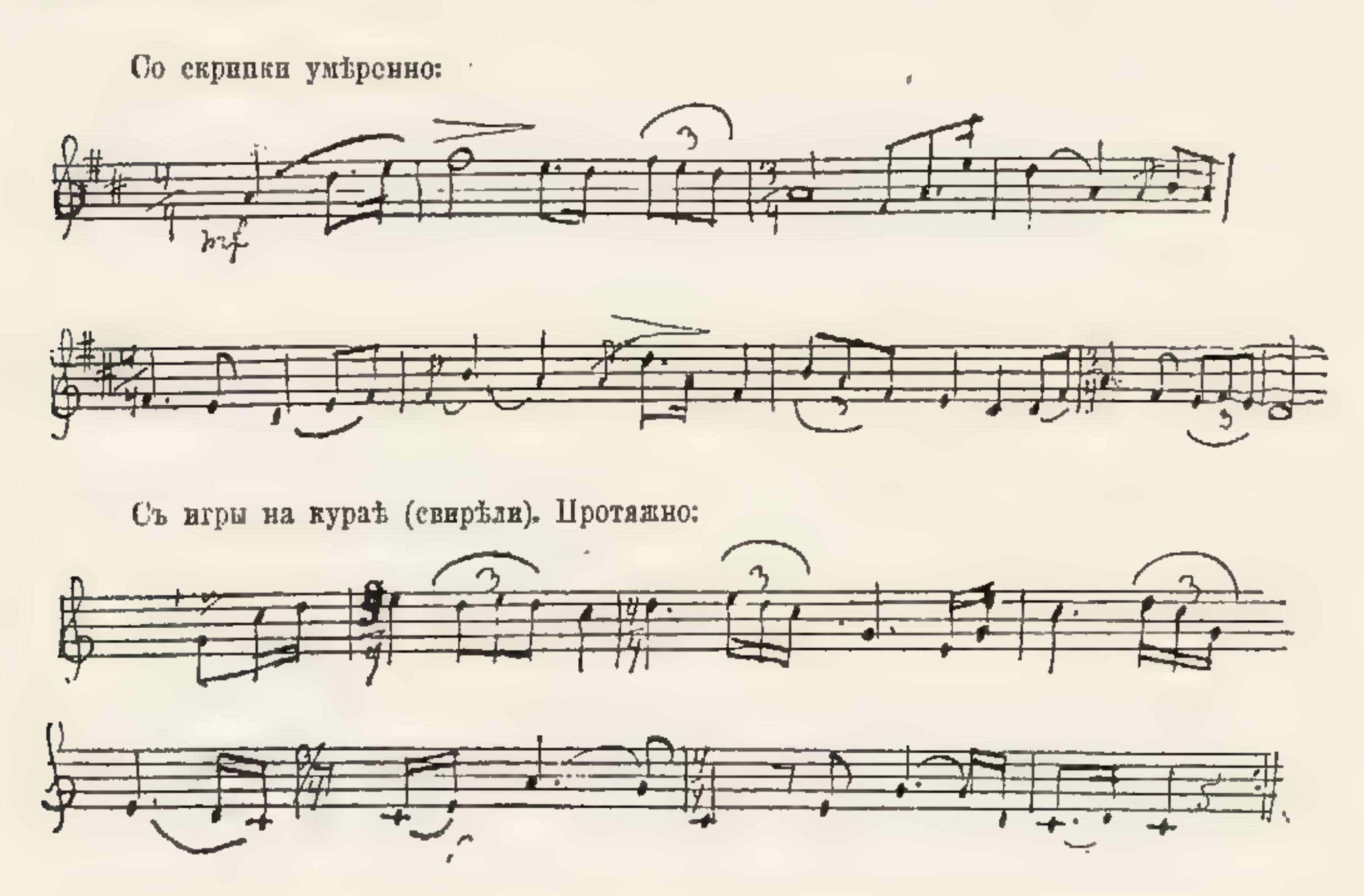
1. На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь,
А въ долинѣ играетъ лисица.

2. Юноша, если останется послѣ отца въ раннихъ лѣтахъ,
Заботится о каждомъ днѣ.

У Башкиръ я записалъ ее на другой текстъ:

«Передъ моею дверью широкая степь:
Отъ бѣлаго зайца и слѣда нѣтъ.
Со мной смѣялись и играли мои друзья,
А теперь ни одного нѣтъ».

Эта пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ и Тептярей, и будетъ кстати сравнить варіанты мелодіи этой пѣсни, какіе встрѣчаются у Башкиръ, чтобы показать, насколько фантазія Башкиръ изысканнѣе сравнительно съ татарской, а именно два слѣдующихъ варіанта:



Послѣдній варіантъ записанъ мною въ Башкирской кочевкѣ Узунгуловой въ исполненіи на кураѣ, башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ.

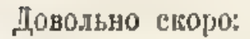
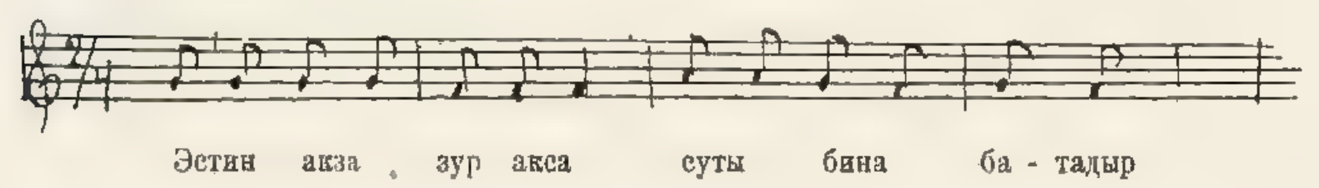
Что касается происхожденія этой пѣсни, то я встрѣчалъ различныя объясненія. Башкиры въ своихъ кочевкахъ среди Урала утверждали, что пѣсня сочинена дочерью уфимскаго муфтія Тевкелева, оплакивавшею въ ней свою несчастную любовь, въ которой она была обманута.

Но по объясненію, слышанному мною въ Уфѣ отъ народнаго учителя татарина Зиновія Салимъ Гиреевича Кудашева, пѣсня возникла на свадьбѣ Кутлукая Тевкелева, племянника уфимскаго муфтія, женившагося на двоюродной сестрѣ: Башкиры на свадьбѣ пѣли эту пѣсню; во всякомъ случаѣ названіе свое пѣсня получила въ память свадьбы Тевкелева.

Судя по характору мелодіи, ей скорѣе можно приписать башкирское происхожденіе.

Эта пѣсня поется и среди Русскихъ на текстъ Лермонтова «Гасбулатъ удалой, бѣдна сакля твоя».

Примѣръ простой пѣсни изъ класса токмаковъ.



Переводъ текста:

«Копѣйка денегъ—большія деньги—
Упали въ воду.
Душенька, цыпленочекъ, что намъ дѣлать?
Отецъ насъ продаетъ чужимъ.

Въ трактиръ я зашелъ заложить (выпить),
Молодую дѣвку взять,
На грудь позументъ наложить.
Красный билетъ взять.

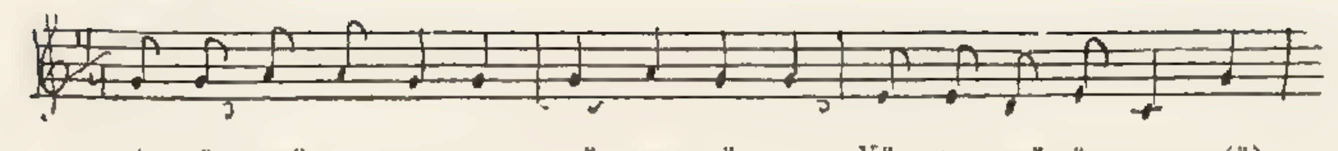
Возьмемъ шапку изъ камчатскаго бобра,
Обложимъ по краямъ позументомъ;
Если предопредѣлено на сторону не уйдемъ и пр.
. . . .

Шумитъ, шумитъ,
Дождь идетъ за избой.
Если любишь ласки утромъ,
Вечеромъ поцѣлую жарко.

Куплеты другъ съ другомъ никакой связи не имѣютъ, такъ что могутъ быть замѣнены какими угодно другими или сокращены и т. п.

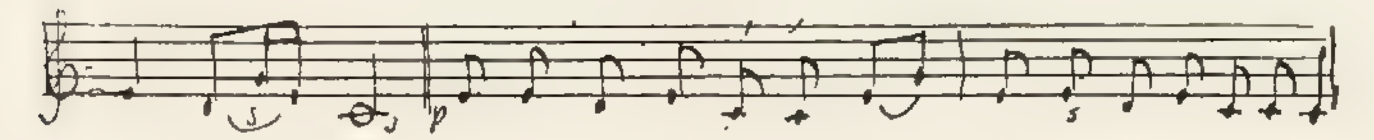
Въ видѣ примѣра сложной пѣсни изъ класса узункўй можетъ служить слѣдующая пѣсня.

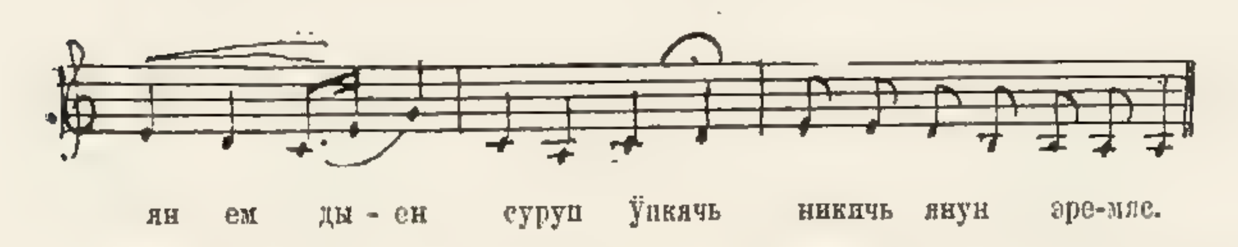
Умѣренно:



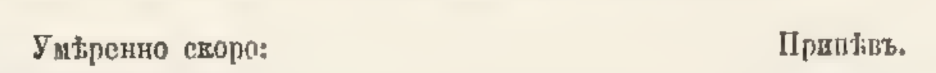
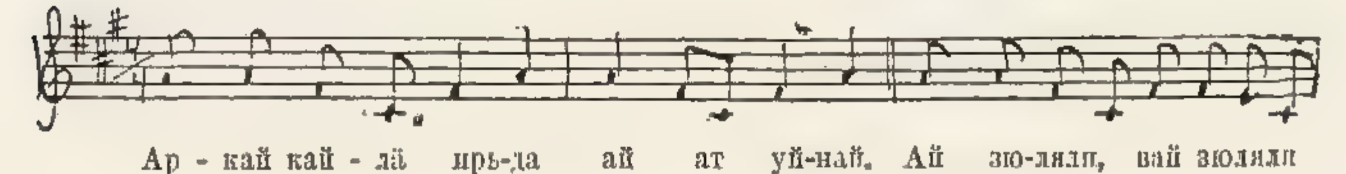
Аркай кай-ла иръда ай ат уй-на Уй-су кай-лä иръ-да(й)

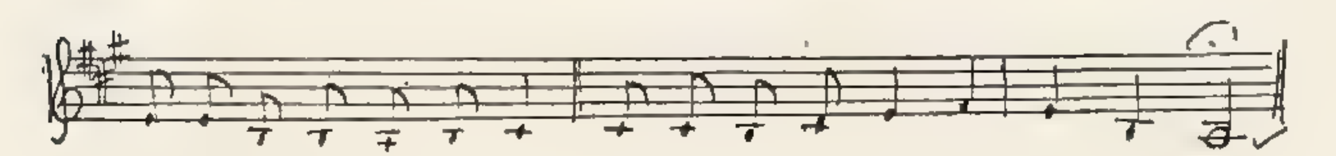
Припѣвъ (немного скорѣе):



тюлькуй-най. Ат да-га-сыс эре-мяс судай кумеш эре-мяс

Пѣсня состоитъ изъ главной части и припѣва, для котораго послужилъ такмакъ. Припѣвъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и здѣсь выступаетъ новая особенность пѣсенъ разсматриваемыхъ инородцевъ: именно пѣсня съ припѣвомъ не связана обязательно, а можетъ быть соединяема съ различными припѣвами изъ области такмаковъ.

Однако въ видѣ исключенія есть пѣсни, соединяемыя только съ опредѣленнымъ припѣвомъ, при чемъ надо имѣть въ виду мелодическую сторону, т. е. съ данной мелодіей соединяется постоянно одна и та же мелодія припѣва, текстъ же можетъ быть замѣняемъ, напримѣръ:





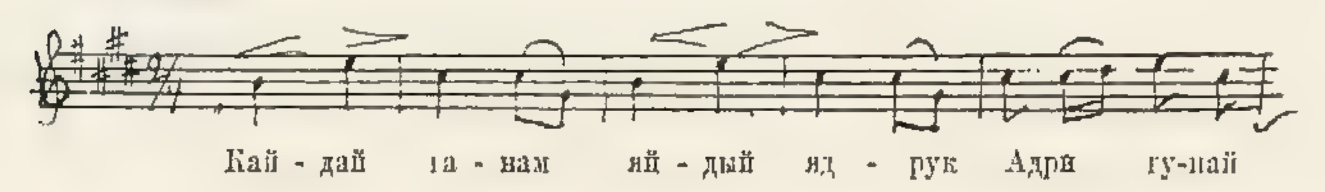
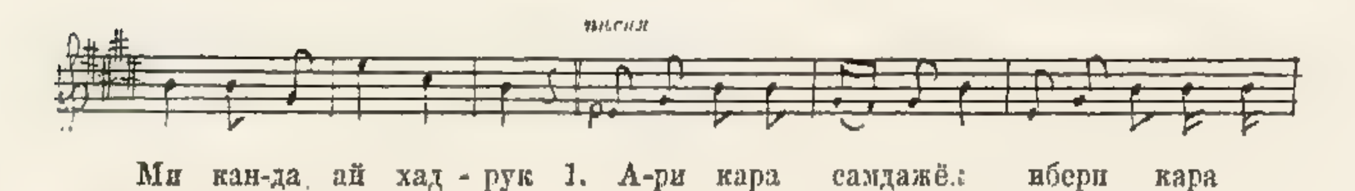
бюрки казан тюбя-ли, Уй су кай-лä иръ-да тюлькуй най.

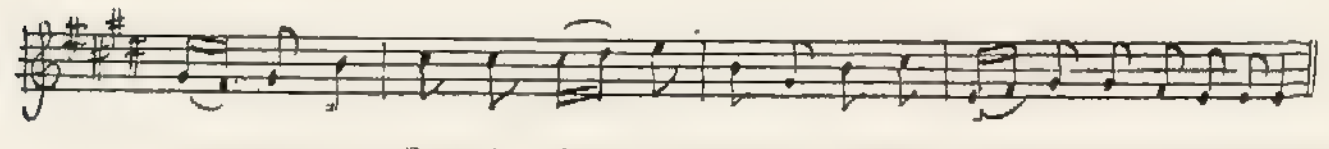
Припѣвъ (переводъ):

«Ай, зюляли, вай зюляли,
Шапка котелкомъ».

Мелодія его принадлежитъ только этой пѣснѣ. Онъ помѣщенъ не въ концѣ, а въ серединѣ пѣсни и раздѣляетъ ее на двѣ части.

Примѣръ сложной пѣсни изъ разряда токмаковъ.

Умѣренно, съ выраженіемъ:
запѣвъ:





Переводъ текста. Запѣвъ

Кайдай ганам яйдый ядрук
Адри гунай ми канда ай хадрук

состоитъ изъ набора словъ безъ смысла и исполняется передъ каждымъ изъ слѣдующихъ такмаковъ. У инородцевъ есть обыкновеніе начинать пѣніе куплетами безъ смысла, чтобы распѣться или имѣть время припомнить текстъ.

1. Гляжу вдаль, гляжу около,
Ничего не вижу.
Возлюбленная дала мнѣ серебряное кольцо,
А его нѣтъ на пальцѣ.

2. Я выбѣжалъ на большую мощеную улицу
И увидѣлъ торговца съ яблоками:
Тебѣ хорошо торговать яблоками,
А мнѣ спать не съ кѣмъ.

3. Вода бѣжитъ изъ желоба,
А дѣвка глядитъ въ щель:
Я побѣжалъ бы, поцѣловалъ бы ее,
Да стыдно народа.

4. Въ водѣ находится бѣлая рыба,
Поймать бы одну да посолить.
Мой возлюбленный если не весною,
то осенью прибудетъ непремѣнно:
Надобно кисетъ приготовить.

5. Въ водѣ плыветъ піявка:
Какъ бы ее поймать и посмотрѣть.
Если хочешь посмотрѣть,
Заплати полтора рубля.

6. У птицъ крылья—свои,
У людей крылья—лошади.
Если случится бѣда,
То и родныхъ не жалѣютъ.

7. Я ходилъ по всѣмъ горамъ
И насладился всякими ароматами.
Если желаешь ко мнѣ прійти,
То приходи въ пятницу вечеромъ.

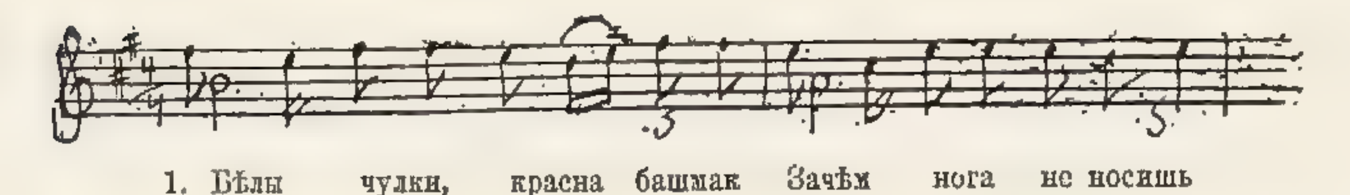
8. У шелковаго пояса кисти съ обо-
ихъ концовъ:
Чтобы ему не износиться.
Но пусть его износится,
Лишь бы мнѣ не износиться.

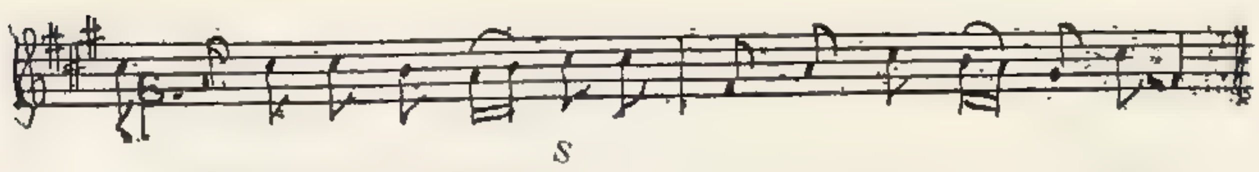
9. Вдвоемъ или втроемъ выѣхавъ,
Мы ночуемъ въ дорогѣ;
Если наши странствія будутъ сча-
стливы,
То мы не раздѣлимся, будемъ
первыми друзьями.

10. Красныхъ башмаковъ и бѣлыхъ
чулковъ
Что ты, дѣвка, не носишь?
Ты хороша и я хорошъ,
Что же ты меня не любишь?

На сюжетъ послѣдняго такмака Русскіе, желая потрунить надъ Татарами, распѣваютъ на ломаномъ русскомъ языкѣ (какъ говорятъ по-русски Татары) слѣдующую пѣсню:

Довольно скоро:





Далѣе идетъ текстъ вродѣ фабричныхъ или городскихъ пѣсенъ позднѣйшей формаціи весьма невысокаго достоинства:

2. Ахъ ты, малый, работай,
На помаду денегъ дай;
—«Денегъ нѣту ни гроша,
Безъ помады хороша».

3. Я вареньице варила,
Себѣ фартучекъ спалила.
Никому я не скажу,
Что я съ дѣвочкой хожу.

1. Пойду выйду на рѣку,
Гдѣ поближе къ кабаку:
Не моя ли пьяница
Въ кабакѣ валяется.

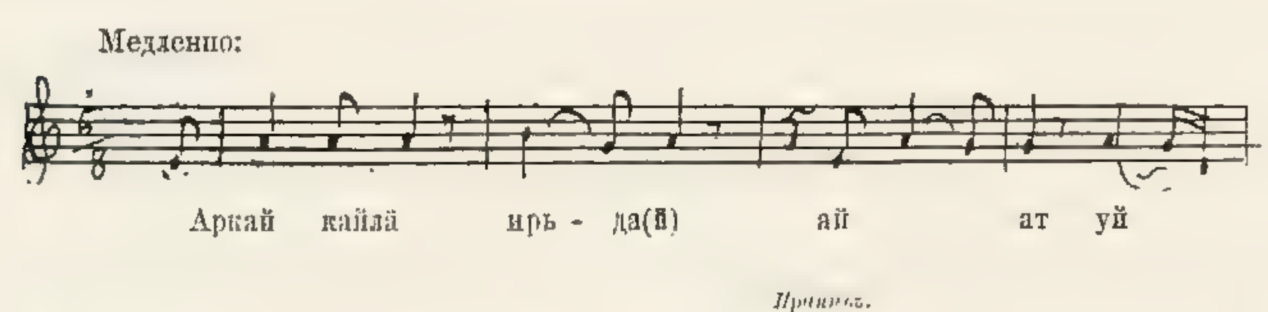
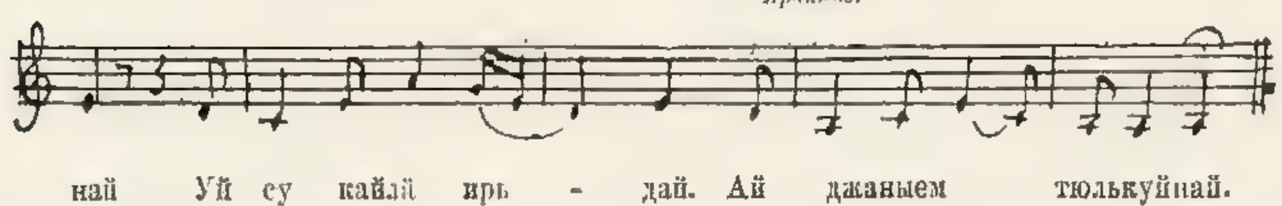
5. Мнѣ мальчишкѣ бѣдному
Пріютиться не къ кому:
Пріютился я къ одной,—
Отбиваетъ братъ родной.

Мелодія записана мною съ голоса и съ игры на гармоніи (русскаго), при чемъ игравшій непремѣнно бралъ три параллельныхъ квинты въ трехъ сосѣднихъ тактахъ (обозначены двойными нотами въ 1, 2 и 3 тактахъ.

По характеру мелодія похожа на инородческія.

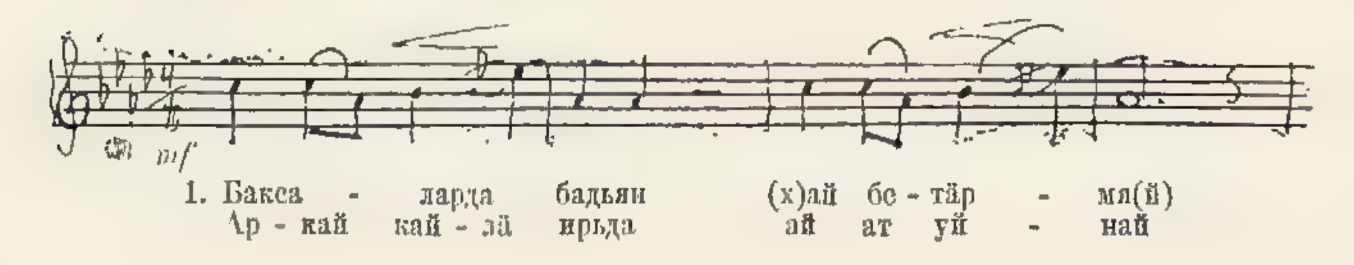
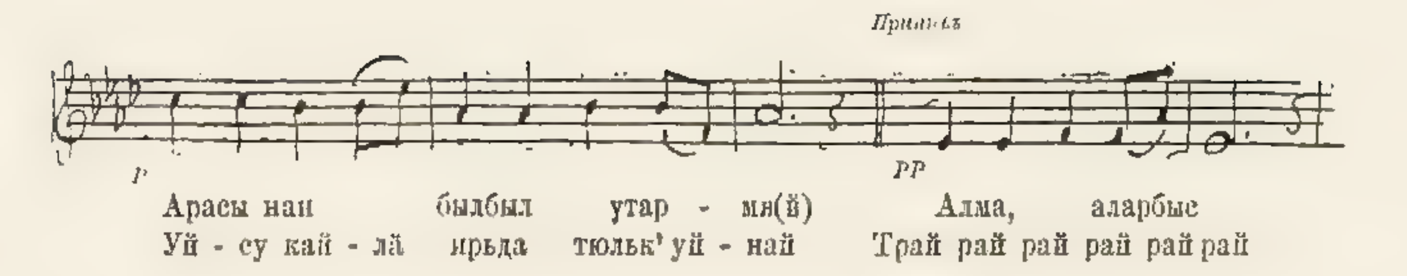
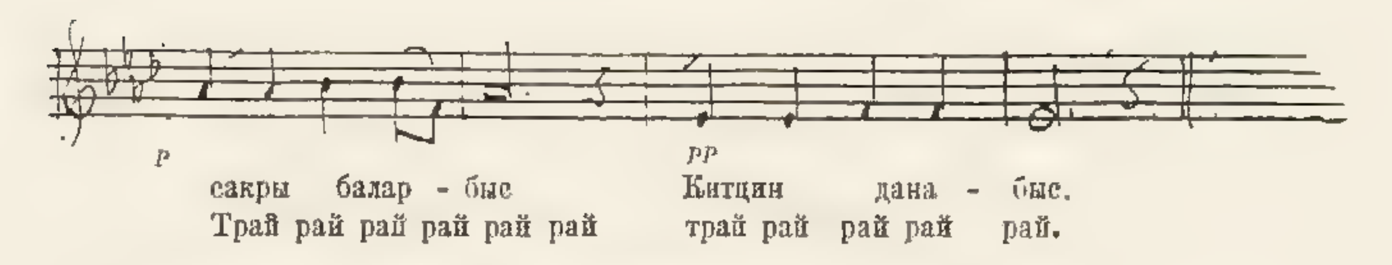
Выше было установлено какъ общее правило, что текстъ и мелодія въ татарскихъ пѣсняхъ независимы другъ отъ друга.

Выше приведены примѣры, какъ одинъ и тотъ же текстъ исполняется на различныя мелодіи; въ добавленіе приведу на тотъ же текстъ еще одну мелодію.



Припѣвъ: Ай, душечка, лисица,
или: Ахматъ султанъ, лисица

раздѣляетъ вторую половину строфы на 2 части. Пѣсня называется Ахматъ Султанъ; поется спеціально для выраженія грусти, во время одиночества и т. п.

Наоборотъ, одна и та же мелодія можетъ исполняться на различный текстъ, напр., см. вышеприведенную тафтельскую пѣснь или

Припѣвъ (его мелодія) принадлежитъ только этой пѣсни. Второй текстъ—одинъ изъ приведенныхъ выше. Первый текстъ—новый. Вотъ его переводъ:

1. Среди густорастущей гвоздики
Пролетаетъ ли птица?
Припѣвъ: Пусть распространится
Слава о насъ лично.
Если я съ тобой не могу говорить,
То письму не могу довѣряться.
Припѣвъ: Пусть распространится...

2. Соловей, зачѣмъ ты сталъ соловьемъ?
Если не поешь, такъ зачѣмъ спишь въ тальникѣ?
Пусть распространится...
Жизнь наша такъ не долга:
Зачѣмъ же ты такъ красивъ?
Пусть распространится...

3. И утромъ туманъ и вечеромъ туманъ,
Какъ будто выпавшій тонкій снѣгъ.
Пусть распространится...
Когда я ушелъ, она заплакала,
Точно табуна отдаленный шумъ.
Пусть распространится...

4. Уходя, пою я пѣсни:
Какую пѣсню тебѣ надо?
Пусть распространится...

От нихъ не родится хорошій, а если родится,
не будетъ жить.
Такіе молодцы, какъ вы, рѣдки.
Пусть распространится...

5. Побѣжалъ я въ цвѣточный (фруктовый) садъ:
Покраснѣло, поспѣло одно яблоко.
Пусть распространится...
Тебя со мной, меня съ тобой,
Не соединитъ ли насъ Богъ?
Пусть распространится...

Но приведенное правило не безъ исключеній: нѣкоторыя пѣсни или припѣвы распѣваются только на свою мелодію или на мелодію узункӱй или токмакъ, напр., слѣдующее 4-хстишіе распѣвается на мелодіи только узункӱй.

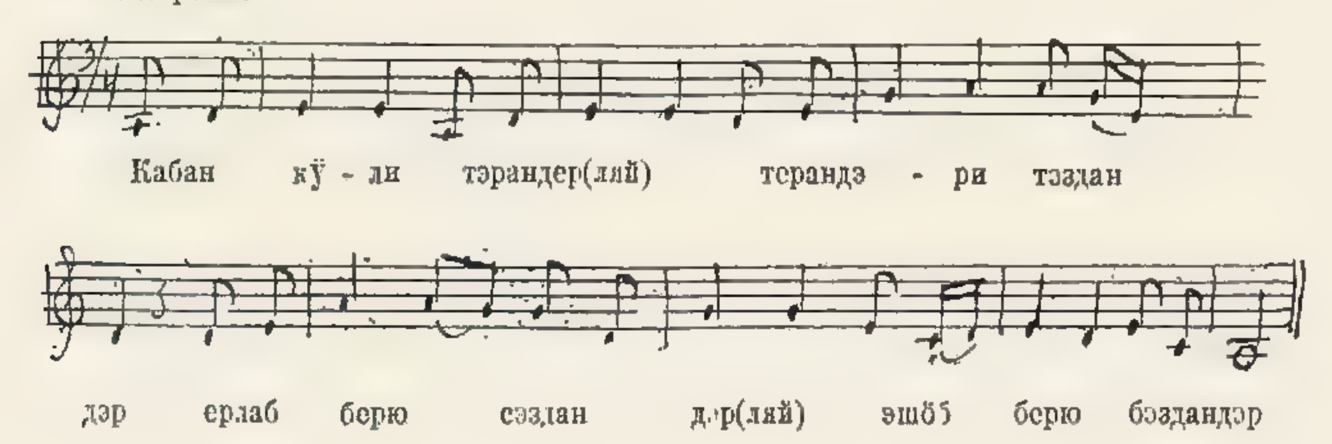
Переводъ:

Красивыя лошади бываютъ большею частью сивы.
Гдѣ народъ трудолюбивъ, тамъ есть ремесла.
Не попадайся врагу въ руки:
Цѣнная голова твоя будетъ безцѣнна (лишится цѣны).

а 4-хстишіе:

Желтый жаворонокъ садится на болото,
Чтобы пить прохладную воду.
Красивый молодецъ ходитъ по ночамъ,
Чтобы цѣловать красивыхъ дѣвушекъ.

поется на мелодіи только такмакъ.

Встрѣчаются пѣсни, представляющія нѣчто среднее между токмакомъ и узункӱемъ, напр.:

Переводъ:

Озеро Кабанъ очень глубоко:
Самое глубокое мѣсто по колѣно.
Мы споемъ,
Вы выпьете.

Мелодія сочинена въ Казани въ 1891 г. по случаю смерти одного купеческаго сына лѣтъ 13—14 отцомъ умершаго. Общеупотребительна для выраженія сильныхъ и противуположныхъ чувствъ: печали, веселости и пр., и сообразно съ этимъ поется въ умѣренномъ и болѣе скоромъ темпѣ.

Приведенныя исключенія не уничтожаютъ однако общаго правила, что татарскія пѣсни могутъ быть исполняемы на различныя мелодіи, только смотря по надобности измѣняются ударенія.

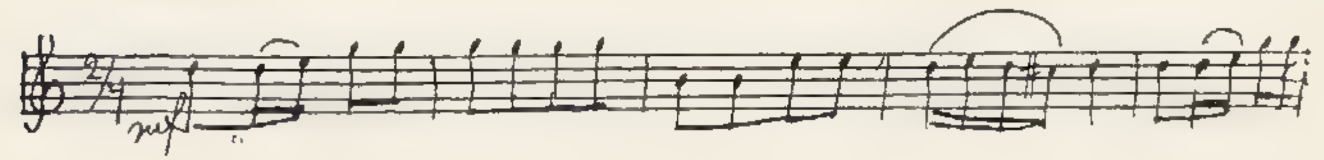
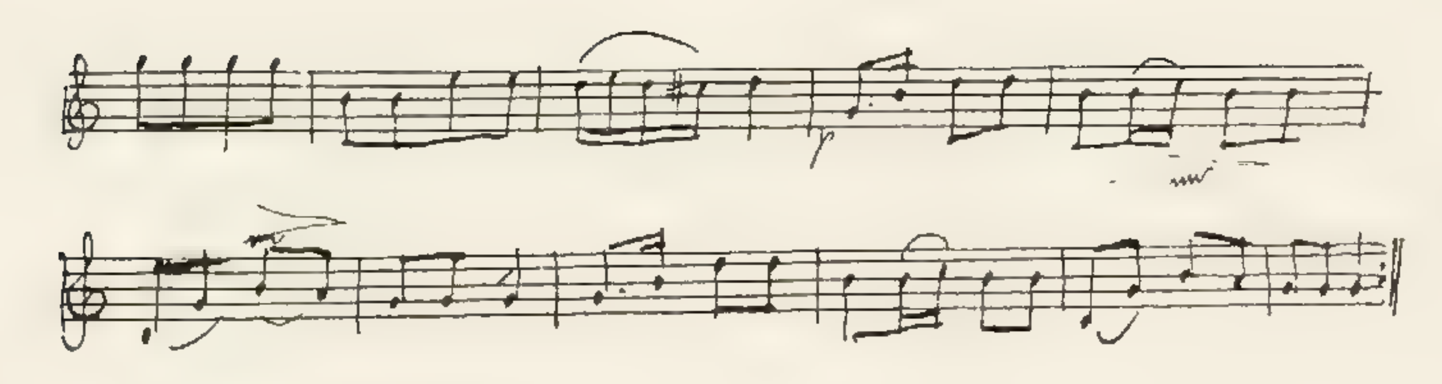
Содержаніе татарскихъ пѣсенъ довольно разнообразно, касаясь различныхъ сторонъ повседневной жизни; самая многочисленная часть пѣсенъ посвящена любовнымъ сюжетамъ, при чемъ дѣло доходитъ часто до неудобныхъ откровенностей и реализма. Такъ называемые т а к м а к и преимущественно любовнаго содержанія и сочиняются они главнымъ образомъ среди Татаръ: башкирскихъ и тептярскихъ токмаковъ встрѣчается мало.

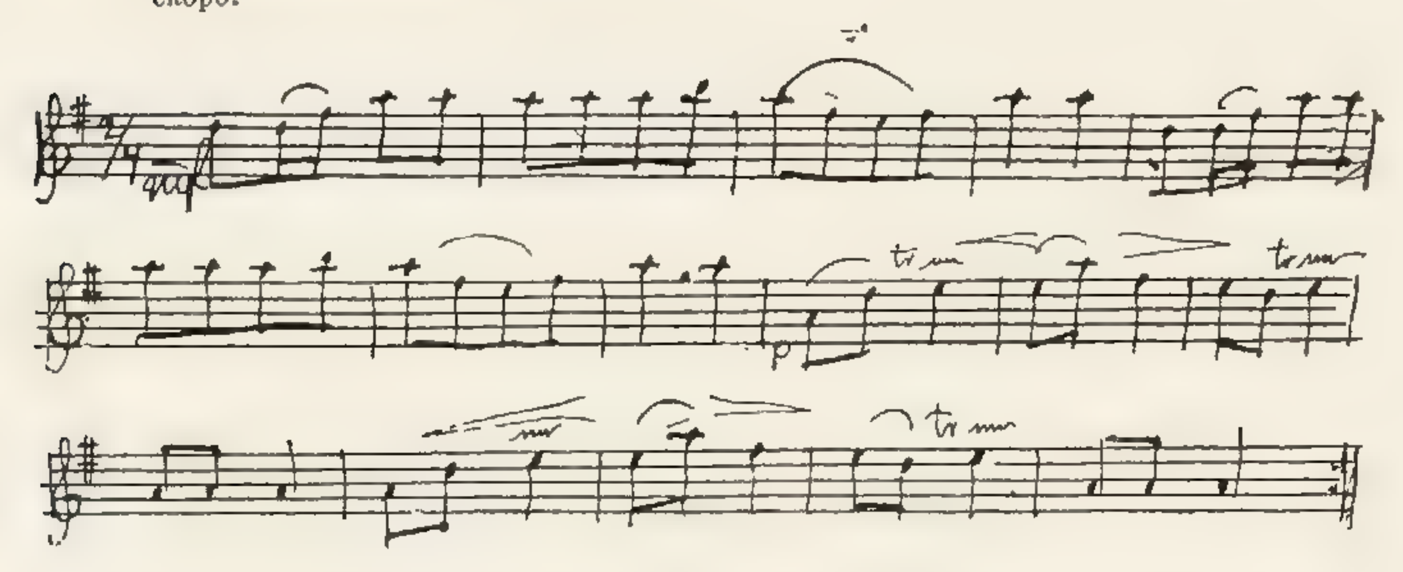
Что касается протяжныхъ пѣсенъ—узункўй, то наряду съ любовными темами въ нихъ замѣчаются и такія, какъ: краткость жизни, здоровье и цѣнность его, сиротство, тоска по родинѣ и тяжелая жизнь на чужбинѣ въ солдатскихъ пѣсняхъ, гнетущее вліяніе раздумья, горя, жалкое состояніе бѣдняка, важность друзей, тяжесть разлуки, скоротечность времени, нелюбовь къ эпохѣ и т. п.

Инструментальныя мелодіи у Татаръ представляютъ не столь многочисленный классъ, какъ пѣсенныя. Сюда входятъ плясовыя мелодіи и мелодіи, представляющія варіанты къ пѣсеннымъ.

Татары исполняютъ ихъ на скрипкѣ или гармоніи, заимствованныхъ отъ Русскихъ, такъ какъ собственныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ или они не встрѣтились мнѣ въ Оренбургской губ. Изъ плясовыхъ мелодій обращаютъ на себя вниманіе:

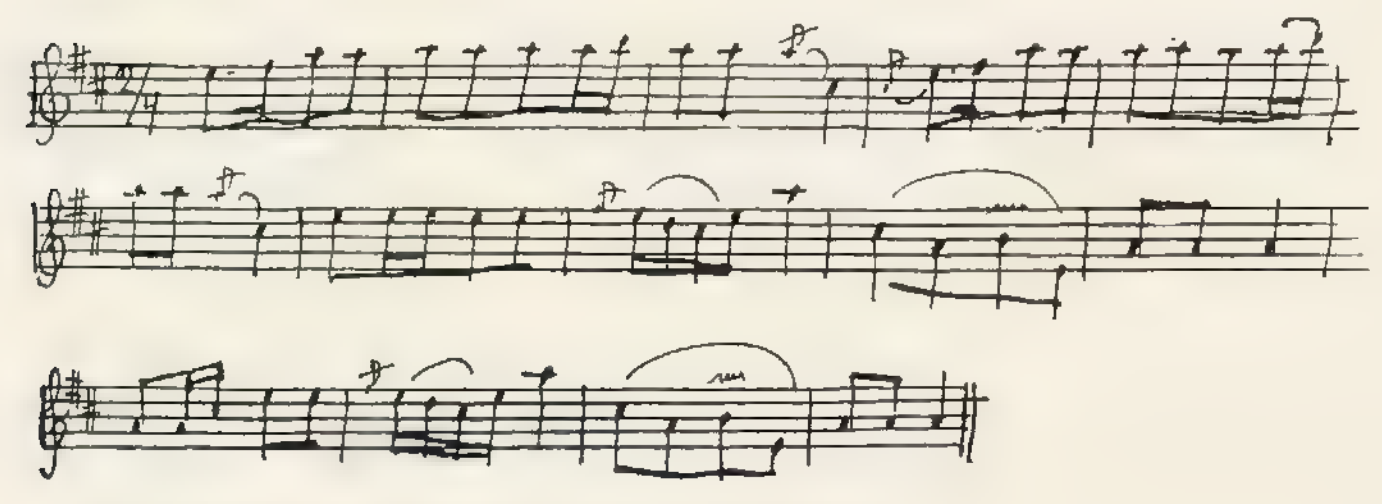
Казанская плясовая пѣсня:

скоро.

Касимовская пляска:

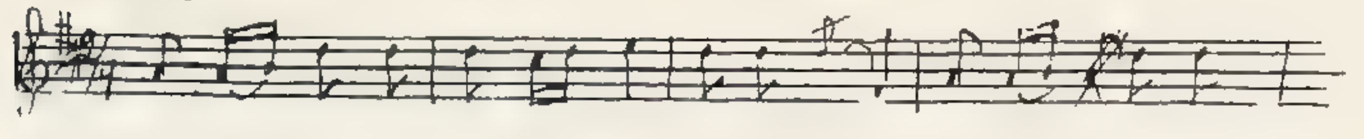
скоро.

Изъ мелодій, представляющихъ варіантъ пѣсенныхъ, характерны, напр., слѣдующія:

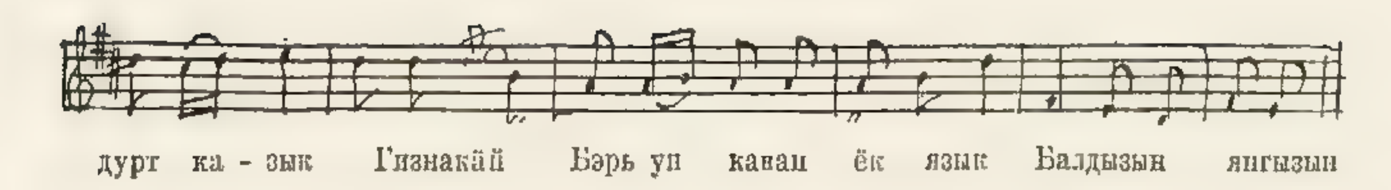
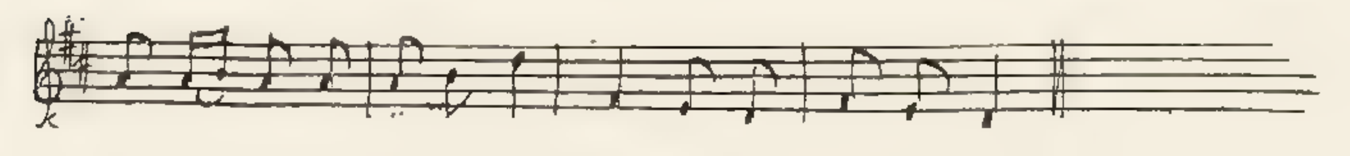
Гизнакäй (зять, гулявшій со свояченицей), со скрипки:

скоро.



Параллельная ей пѣсенная мелодія слѣдующая:

Скоро.

1. Тау башинда дурт казык. Гизна - кäй, Тау башинда



Переводъ текста:

1. На вершинѣ горы 4 кола, зятекъ.
Отъ одного поцѣлуя нѣтъ грѣха.
Припѣвъ. Своячена одинехонька.

2. Эта спинка отчего тонка, зятекъ?
Оттого, что ласкала татарка.
Своячена одинехонька.

3. Эти ноги отчего кривы, зятекъ?
Отъ кривыхъ калошъ.
Своячена...

4. На большой улицѣ, зятекъ,
Находится Даушева контора.
Своячена...

5. По большой улицѣ прямо пойдешь, зятекъ:
Тамъ находятся красивыя дѣвицы.
Своячена...

6 Этотъ палецъ отчего тонокъ у тебя, зятекъ?
Оттого, что надѣвалъ золотое кольцо.
Своячена...

7. По срединѣ улицы, зятекъ,
Съ шумомъ ѣдутъ сани.
Своячена...

8. Когда мы проѣзжаемъ по улицѣ, зятекъ,
Съ плачемъ остаются бѣдняки!
Своячена..

9. Богачи находятся вверху, мы— внизу, зятекъ.
Богачи пусть внизъ лицомъ провалятся.
Своячена...

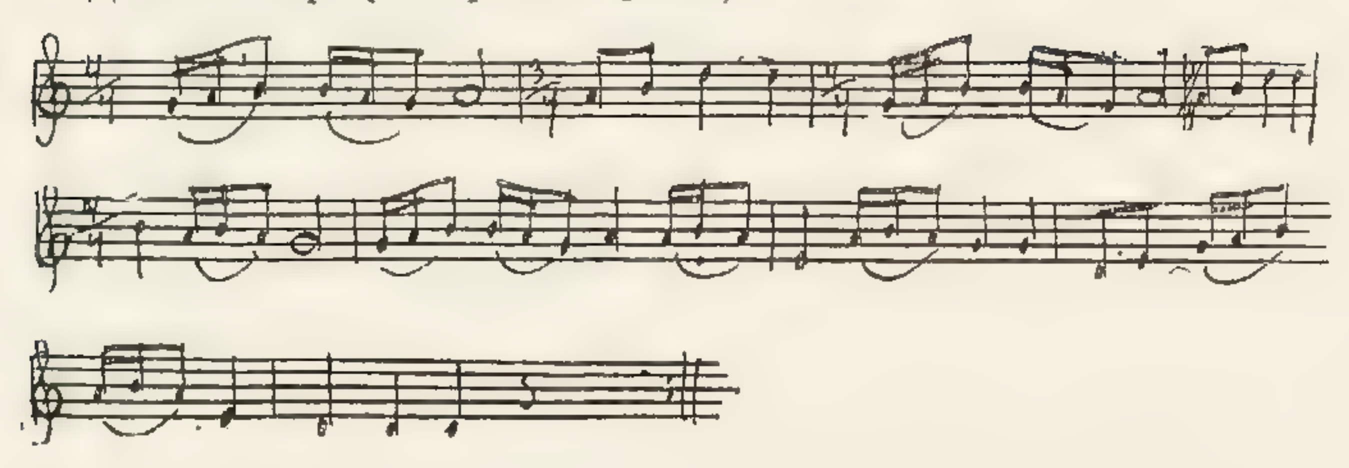
10. Богачи ходятъ въ саду, зятекъ,
Бѣдные ходятъ по степи.
Своячена...

11. На улицѣ ямщикъ остановился, зятекъ,
Шлея у его лошади съ кистями.
Своячена...

12. Наши души разсердились, зятекъ.
Не знаю, оттого ли, что одни спали.
Своячена одинехонька.

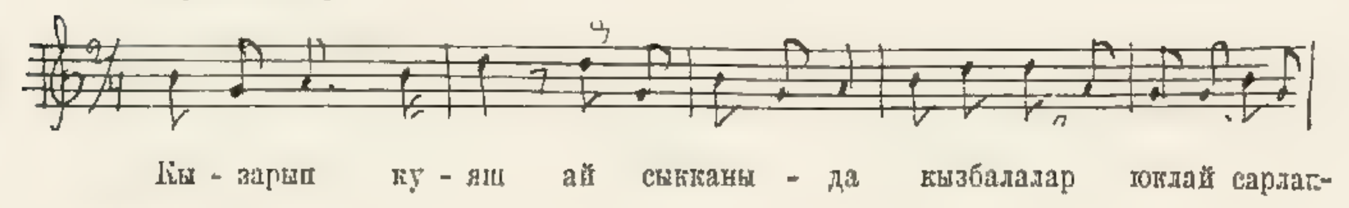
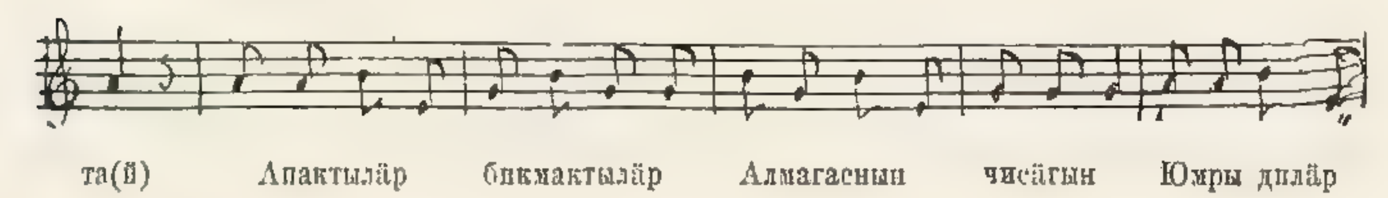
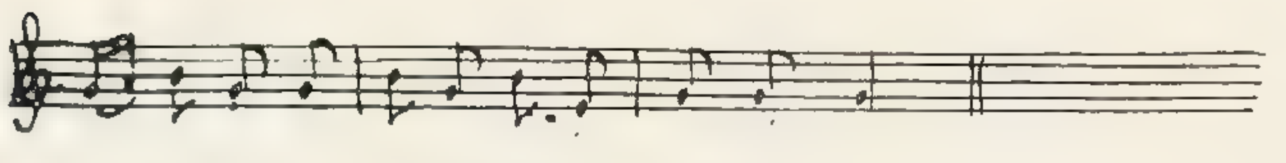
Акчарлакъ (мартышка).

Довольно скоро (съ игры на гармоніи).



Мелодія любопытна по своему ритму, носящему характеръ большой древности, архаичности и разнящемуся отъ ритма соотвѣтственной пѣсенной мелодіи:

Акчарлакъ (мартышка).

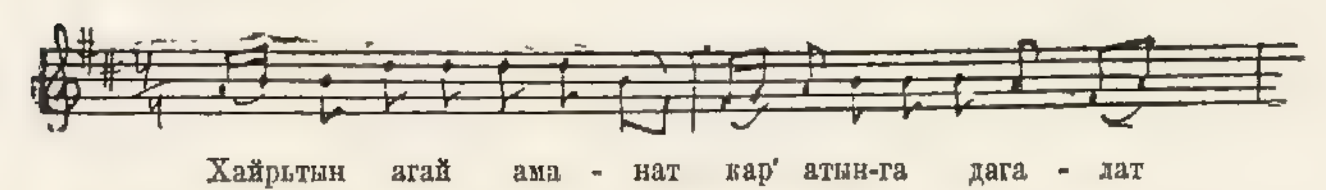
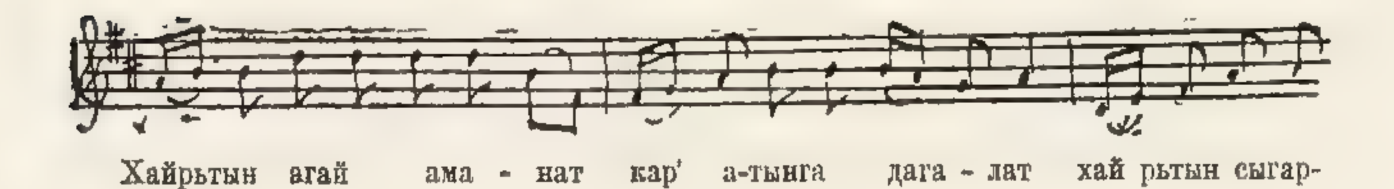
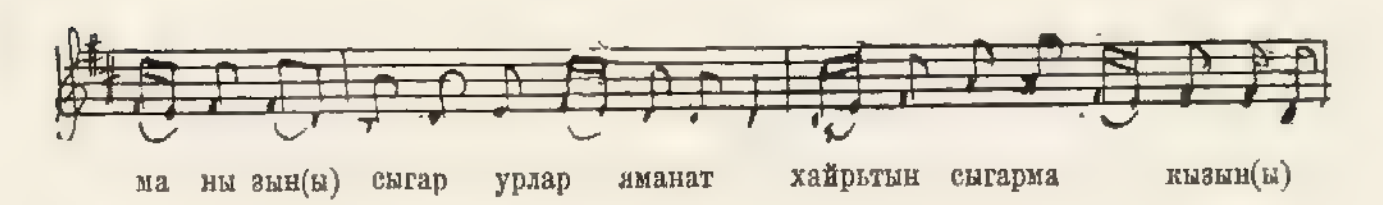
Умѣренно скоро.

Припѣвъ скорѣе.



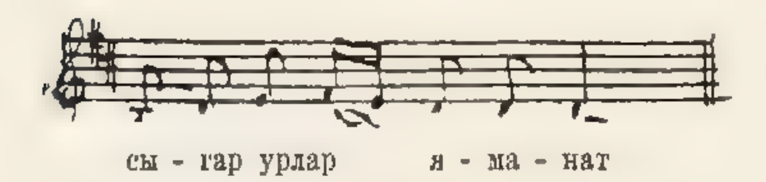
Айдэ агай аманат (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту)

Скоро.

Отличается нѣкоторой размашистостью, что рѣдко свойственно татарскимъ мелодіямъ.

Соотвѣтственная пѣсенная мелодія.

Довольно скоро.





Переводъ:

1. Хайритдинъ, дядя посыльный,
Подкуй карюю лошадь.
Хайритдинъ, не выпускай дѣвицы (дочери):
Выйдетъ — украдутъ. Ямапатъ (имя мущины).

2. Хайритдинъ рубилъ срубъ
Не на избу, а на клѣть.
У Хайритдина дяди Хамида—
Не жена, а блядь.

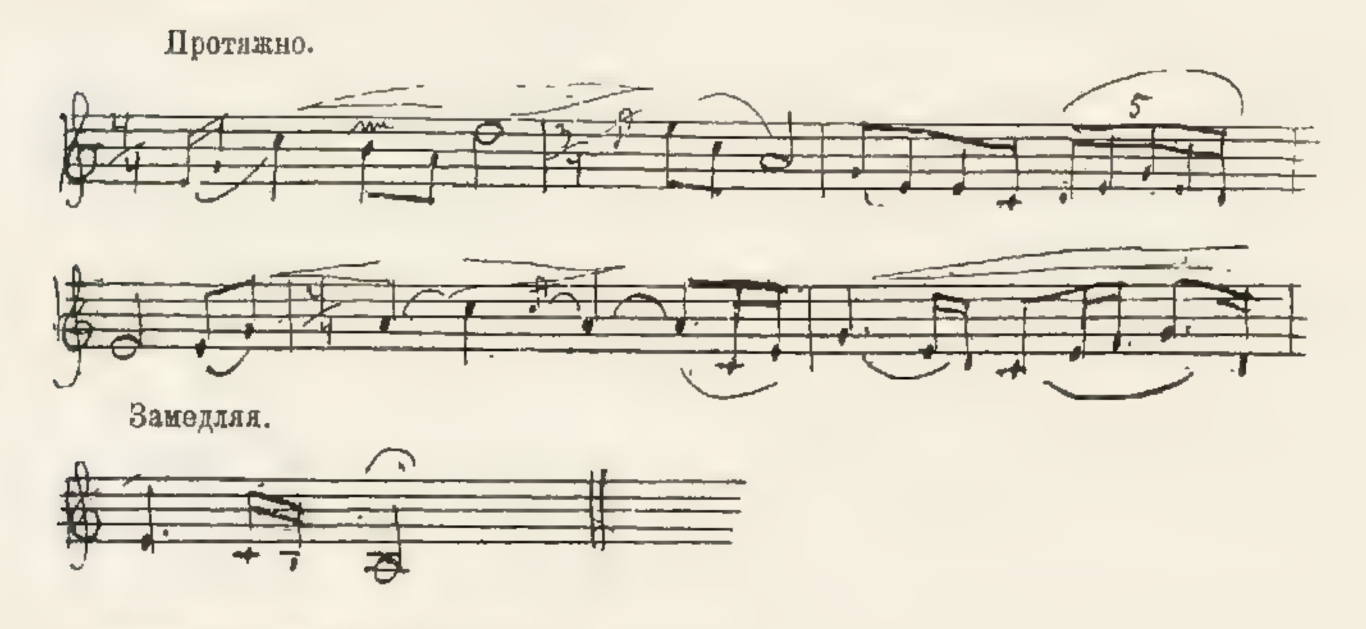
3. У единственнаго окна избы
Висятъ занавѣски,
Гдѣ цѣлуются и ласкаются,—
Все Божіе твореніе.

4. На горѣ червякъ
Не можетъ найти воды;
Если воды найдетъ, то дороги не найдетъ.
Одинокая голова не найдетъ утѣхи.

5. Въ астраханскомъ саду (бакчѣ)
Выросла густая пшеница.
Если будемъ жить какъ пшеница,
То у насъ обоихъ одинъ Богъ.

6. Въ водѣ много рыбы,
А рыба щука—одна.
На свѣтѣ много красавицъ,
Но любимая одна.

7. Заплети косу изъ пяти прядей.
Мы поѣдемъ. . . . . . .
На дорогу вмѣсто хлѣба
Поцѣлуй въ правую щеку.

Казанская пѣсня (со скрипки).

не лишенная выразительности и чувства.

Въ текстѣ татарскихъ пѣсенъ замѣчаются различные слѣды русскаго вліянія. Такъ въ припѣвахъ употребляются восклицанія въ родѣ: «ахъ люль люлялей», «ай зюляли, вай зюляли», родственныя русскому «ай люли, ай люли»; или встрѣчаются цѣлые припѣвы на русскомъ ломаномъ языкѣ, напр.:

«Алялей, зилялей
Красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?

Инородцы, образовавъ ломаный русскій языкъ, заставляютъ и Русскихъ усваивать его въ сношеніяхъ съ ними, при чемъ формы и обороты такого жаргона довольно выработаны и устойчивы.

Русскіе пользуются этимъ ломанымъ языкомъ и съ цѣлью поиронизировать надъ инородцами, сочиняя пѣсни на такомъ языкѣ и мелодіи въ родѣ инородческихъ. Выше приведена одна изъ подобныхъ пѣсенъ:

Бѣлы чу́лки, кра́сна ба́шмакъ,
За́чѣмъ но́га не носи́шь?
Молоденька русска дѣвка,
Зачѣмъ ме́не не люби́шь? и пр.

Попадаются въ текстахъ отдѣльныя русскія слова и пр.

Русское вліяніе сказывается и въ томъ, что Татары поютъ нѣкоторыя русскія пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ», и пр.

Кромѣ скрипки Татары исполняютъ свои характерныя мелодіи и на гармоніи, заимствованной, конечно, отъ русскихъ.

Переходя къ характеристикѣ татарскихъ мелодій, я долженъ сказать, что онѣ кажутся мнѣ въ общемъ лишенными шири и полета сравнительно, напр., съ башкирскими мелодіями; въ нихъ отсутствуетъ выдающаяся внѣшняя мелодичность; зато имъ присущи извѣстная глубина чувства и выразительность, проявляющіяся въ своеобразныхъ звукахъ.

Отсутствіе непосредственной, не задумывающейся, такъ сказать, поэтичности обусловливается, мнѣ кажется, прозаичностью характера торговаго народа, далекаго отъ природы по настроенію и обстоятельствамъ, но умнаго и достаточно глубокочувствующаго.

На ряду съ этимъ, татарскимъ мелодіямъ присущъ характеръ древности; если всмотрѣться въ составъ ихъ звукорядовъ, то въ послѣднихъ можно открыть присутствіе древнегреческихъ или такъ назыв. церковныхъ ладовъ, пятитонной, такъ наз. китайской гаммы, слѣды, если угодно, эпохъ кварты и квинты, какія устанавливаетъ для древне-народныхъ пѣсенъ Сокальскій въ соч. «Русская народная музыка» и т. п. Татарскія мелодіи вообще мало подходятъ подъ общеевропейскую гармонизацію. Съ ритмической стороны онѣ также небезъинтересны: наряду съ ровнымъ ритмомъ, который свойственъ преимущественно скорымъ плясовымъ пѣснямъ—токмакамъ, не рѣдко употребляются тріоли и фіоритуры или фигуры въ родѣ: ♬♩ ♬♩ ; различныя украшенія: форшлаги, трели и пр.

Тептярскія пѣсни.

Тептяри, населяющіе 12 деревень въ Тептяро-Учалинской Волости верхнеуральскаго уѣзда Оренб. губ., пользующіеся дурной нравственной репутаціей какъ воры, хищники, ничего своего неимѣющіе за душой, не лишены однако поэтическаго творчества и обладаютъ опредѣленнымъ цикломъ собственныхъ пѣсенъ, сказаній и пр.

Тептярскія пѣсни имѣютъ ту особенность, что въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ каждая свою мелодію.

Онѣ по характеру мелодіи такъ-же, какъ татарскія, дѣлятся на:

1) протяжныя—узункўй, къ которымъ принадлежатъ также пѣсни мункўй, (мункўэ)—печальныя, горемычныя;

2) скорыя—токмакъ, по тептярски кыскакъ.

Наличность пѣсеннаго творчества доказывается присутствіемъ среди Тептярей пѣсельниковъ-авторовъ. Въ дер. Рысаевой (иначе Акбулатовой) я встрѣтилъ одного изъ такихъ авторовъ—Магафура Башарова, который по болѣзни глазъ не занимался работой, а обезпечивалъ себѣ существованіе своимъ искусствомъ. Онъ сочиняетъ, по его словамъ, въ силу слѣдующихъ побужденій: отъ нужды подъ вліяніемъ бѣдствій, чтобы облегчить ихъ, а также когда бываетъ весело; въ послѣднемъ случаѣ сочиняетъ еще лучше.

Пѣсни его сочинительства пользуются успѣхомъ среди соплеменниковъ, и мнѣ не разъ указывали на Башарова какъ на автора той или другой пѣсни съ прибавленіемъ, что нѣтъ пѣсельника, искуснѣе его слагающаго пѣсни.

Башарову 55 лѣтъ, и у него, кажется, есть порядочный запасъ своихъ пѣсенъ, изъ которыхъ иныя онъ сочинялъ, по его словамъ, лѣтъ 25 назадъ, а иныя 20, 10 и 5 и даже годъ назадъ. Часть пѣсенъ онъ посвятилъ своему семейному горю: у него одинъ за другимъ умерли дѣти, да при томъ на чужбинѣ при отбываніи воинской повинности. Когда онъ передавалъ мнѣ эти послѣднія пѣсни, то изобильно проливалъ слезы.

Несмотря на то, что пѣсни его прививались среди мѣстнаго населенія, онѣ не казались мнѣ особенно интересными съ мелодической стороны.

Башаровъ не только пѣвецъ, но также и игрокъ на скрипкѣ, на которой онъ исполнялъ помимо своихъ татарскія, башкирскія и русскія пѣсни и даже кадрили изъ послѣднихъ, такъ какъ Тептяри, оказывается, умѣютъ танцовать кадриль, которую усвоили отъ Русскихъ въ публичныхъ домахъ.

Пляска называется біну, плясунъ—бінусы. Башаровъ является непремѣннымъ участникомъ свадебъ, гулянокъ и пр. и представляетъ изъ себя типъ профессіональнаго музыканта, рѣдко встрѣчающійся среди описываемыхъ инородцевъ, особенно среди Башкиръ.

Своихъ музыкальныхъ инструментовъ у Тептярей нѣтъ, а есть заимствованные. Отъ Башкиръ они переняли свирѣль — курай, игрокъ на которой, дудочникъ, наз. курайсы, въ параллель съ чѣмъ пѣсельникъ наз. ираусы. Отъ Русскихъ заимствовали скрипку, балалайку и гармонію.

Пѣсни распѣваются на свадьбахъ, гулянкахъ, въ вечернюю пору; на свадьбахъ поются обыкновенныя, —спеціально свадебныхъ пѣсенъ не существуетъ; тептярскіе пѣсельники имѣютъ практику также на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ, куда приглашаютъ ихъ съ цѣлью увеселенія Русскіе.

Пѣсни среди Тептярей, какъ среди Башкиръ, живутъ, по словамъ Башарова, не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ но-

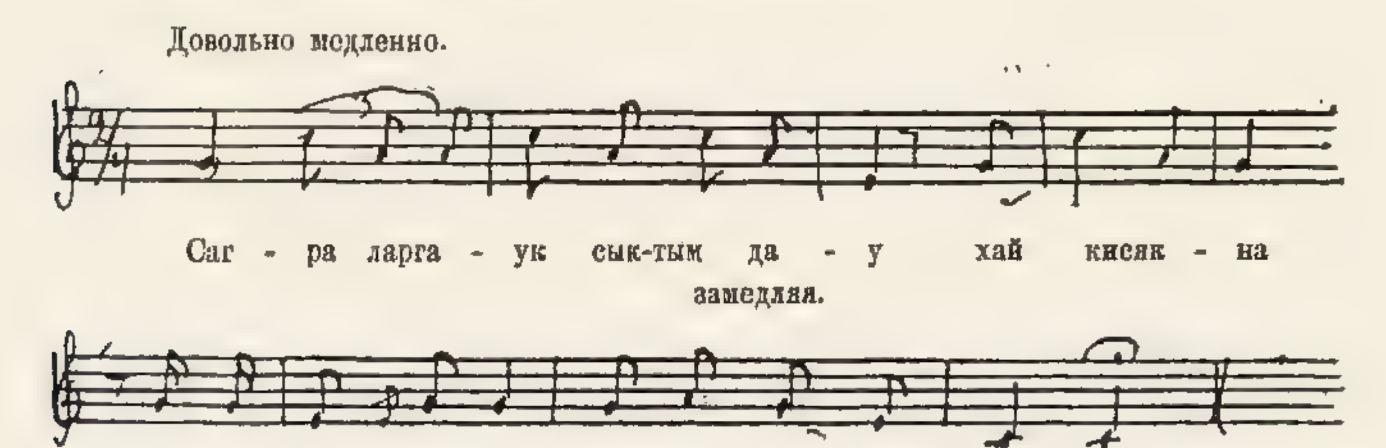
вымъ пѣсеннымъ цикломъ. Но господство этого явленія ограничено исключеніями.

При сочинительствѣ текста авторы руководятся, по словамъ упомянутаго Башарова, слѣдующимъ.

При составленіи строфы они подбираютъ по двѣ пары стиховъ такъ, чтобы между обѣими парами стиховъ было соотвѣтствіе въ риѳмѣ, которая приходится на 2 и 4 строчки; такія двѣ пары стиховъ, иначе 2 полустрофы съ риѳмой, называются кушъ (пара).

При записываніи Тептяри, какъ и другіе инородцы, воспроизводили и повторяли для меня мелодіи обыкновенно отчетливо, безъ измѣненій при повтореніяхъ.

Приведу нѣсколько образцовъ тептярскихъ пѣсенъ.

Мункўй (жалобная пѣсня).

Текстъ и мелодію сложилъ упомянутый выше Магафуръ Башаровъ на смерть своего сына, 21 года, умершаго при отбываніи воинской повинности.

Переводъ текста:

1. Я вышелъ на открытую степь:
Черемуха расцвѣла цвѣтами.
Что, Боже мой, случилось со мною?
Нужда (горе) не отходитъ отъ меня.

2. Я гулялъ темной ночью по межѣ:
По ней не заблудишься;
А уйдешь изъ-за нужды на другую сторону,
И заблудишься.

3. Полевой звѣрь идетъ по горѣ,
Казарки (гуси) летятъ вдоль озера.
Отъ большаго горя
Мое сердце наполнилось желчью.

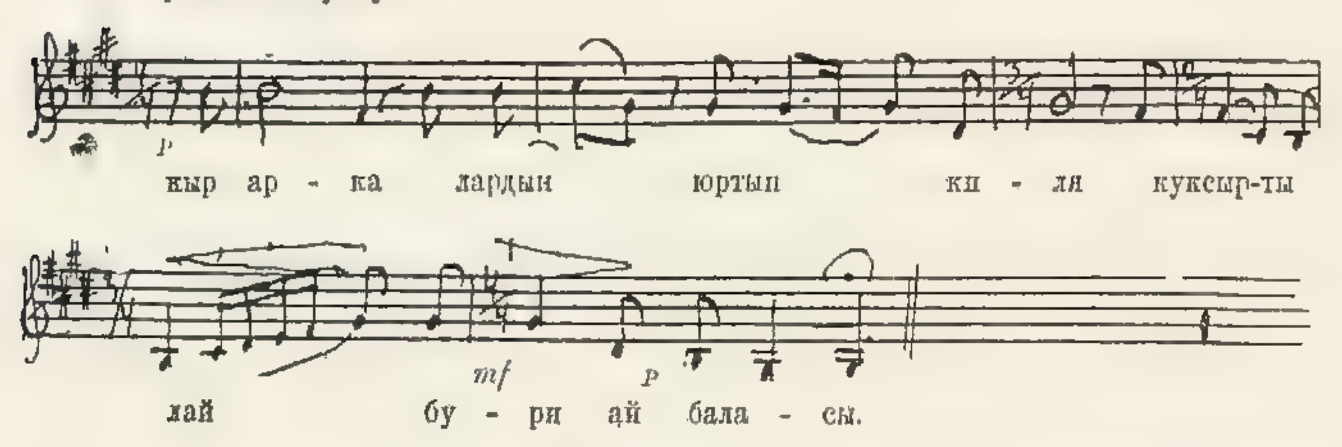
4. Я шелъ вдоль рѣки,
Гдѣ играютъ чебаки.
«Прости теперь, батюшка», сказалъ онъ (умирающій сынъ)
И положилъ руку на шею (обнялъ).

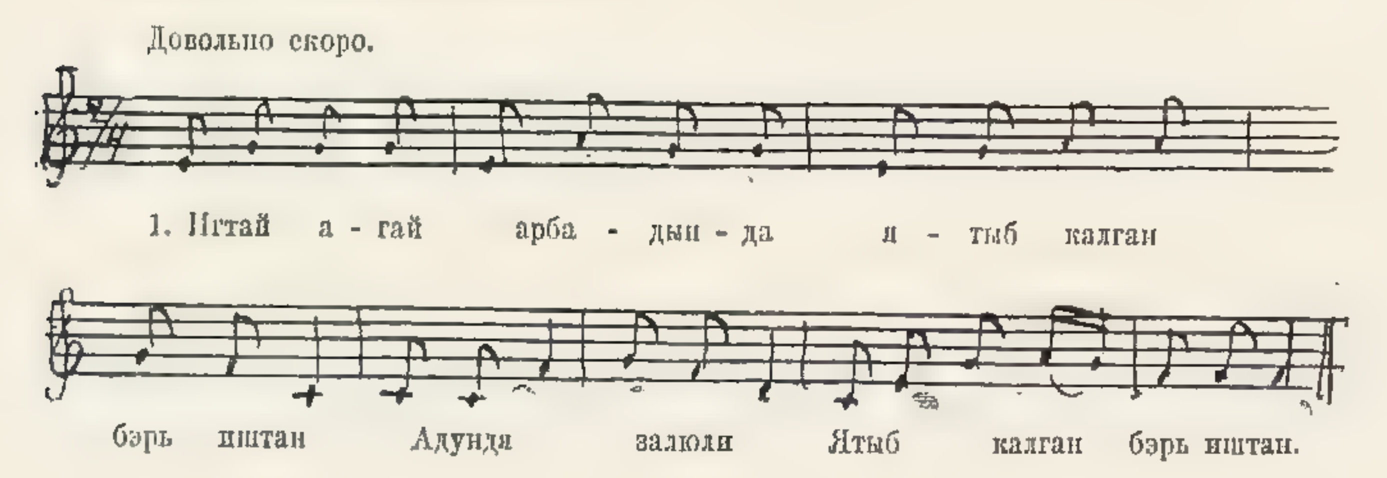
5. Богатые люди любятъ богатство:
Мнѣ богатства не нужно, дай Богъ мнѣ лишь здоровья:
Здоровье мнѣ дороже богатства;
Прости меня, Господи!

6. Отчего у меня болитъ голова,
Изъ праваго и лѣваго глаза течетъ слеза?
Много будешь думать о каждомъ горѣ,
Съ ума сойдешь.

7. Хуже, чѣмъ свою душу отдавать,
Оставлять на чужой сторонѣ (близкаго).
По улицѣ кто-то идетъ:
Походка точно у Абдылгафура (сына автора).

8. Теперь точно безумный я сижу:
Что со мной случилось, какое горе послалъ мнѣ Богъ?
—«Не плачь, мой батюшка,
Богъ велѣлъ мнѣ на этой землѣ лечь».

9. —«Кто тебѣ сказалъ, родной батюшка,
Чтобы скорѣе пріѣхалъ?»
(Отецъ)—«Господь судилъ
Одному мнѣ вѣкъ прожить».

Пѣсня сложена по поводу похищенія шкатулки съ золотыми деньгами у партіи русскихъ переселенцевъ тремя тептярями, которые были пойманы.

Такмакъ (тептярскій кыскакъ).

Переводъ.

1. У дяди Игтая
Остались одни штаны,
Адундя залюли,
Остались одни штаны.
Фахарница о штанахъ не думаетъ,
Очень ужъ хорошая любовница,
Адундя залюли
Очень...

—

2. Игтай рубитъ лѣсъ
Не на избу, а на амбаръ,
Адундя залюли,
Не на избу...
Молодуха дяди Игтая
Фахарница—блядь,
Адундя залюли
Фахарница...

—

3. Идутъ гуртомъ бараны,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ.
Адундя залюли...
Какъ же быть Фахарницѣ?
Живетъ она какъ Богъ велитъ,
Своей воли нѣтъ.
Адундя залюли...

Приведу примѣръ **бакалинскихъ пѣсенъ**.

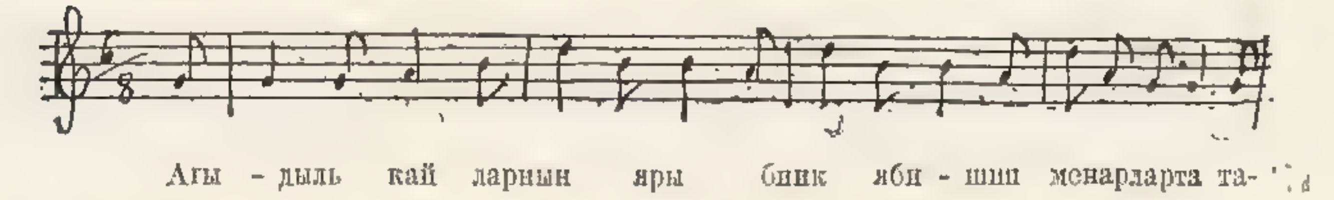
Бакалинцы (по сообщенію пѣвшаго мнѣ пѣсни бакалинца Павла Ивановича Шурупова)—Татары, крещеные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ во время взятія Казани: часть Татаръ скрылась, а другая была крещена. Названіе свое Бакалинцы получили отъ селенія Бакалы, гдѣ они жили, на р. Камѣ недалеко отъ впаденія рѣки Бѣлой; а теперь они обитаютъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ.

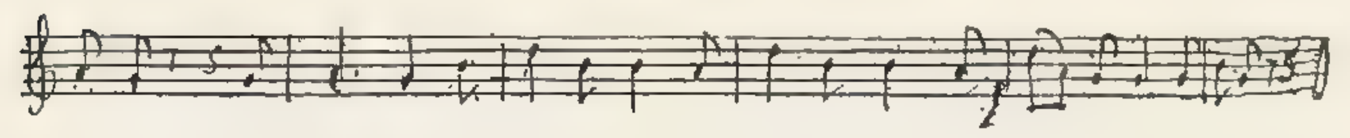
Музыкальные инструменты, распространенные среди нихъ, русскаго происхожденія: балалайка, гармонія, гусли, скрипка, а также сыбузга (чибузга), татарскій инструментъ, на которомъ играютъ молодые парни на святкахъ.

Бакалинцы усвоили многіе русскіе обычаи и обряды: такъ на святкахъ парни и дѣвки, откупивъ вечеръ (т. е. помѣщеніе для вечера), въ полночь приносятъ воды съ рѣчки, опускаютъ кольца и гадаютъ.

Крещеные Татары имѣютъ и другое названіе: Нагайбаки отъ селенія **Нагайбакъ**, въ которомъ они жили (Уфимск. губ.).

Умѣренно.





Переводъ:

1. На рѣкѣ Бѣлой высокій берегъ, держаться за листья нельзя: нѣтъ тальника.
Бѣдный молодецъ заплакалъ и ушелъ: дать ему нечего.
2. Когда зайдешь въ лѣсъ свисти, чтобы осиновые листья тряслись.
Тамъ, гдѣ ходишь, ходи хорошо, чтобы весь народъ дивился (любовался).
3. На бѣлой березкѣ сѣрая бѣлка: «не поддамся на выстрѣлъ», говоритъ и прыгаетъ.
Бѣлую рученьку положу на шею и разстанусь съ тобою.

Башкирскія пѣсни.

Больше поэтичности, полета и внѣшней мелодичности обнаруживаютъ башкирскія пѣсни.

Среди Башкиръ въ большомъ количествѣ распространены, между прочимъ, татарскія пѣсни, только онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Поэтому то, что сказано объ особенностяхъ татарскихъ пѣсенъ, имѣетъ отношеніе и къ Башкирамъ. По мнѣнію Татаръ, разница между башкирскими и татарскими пѣснями болѣе въ мелодіяхъ, чѣмъ въ текстѣ, который большею частію общій. Но это не совсѣмъ такъ: у Башкиръ существуетъ огромная область собственнаго творчества, весьма разнообразнаго, отъ котораго вѣетъ вполнѣ своеобразной, отличной отъ татарской, поэтичностью.

Башкиры дѣлятъ пѣсни на проголосныя—кўйляп и скорыя—дженгыль-кўй; если попросить Башкира спѣть токмакъ, то онъ обыкновенно поетъ татарскую пѣсню.

Башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество повидимому въ бо́льшей степени, чѣмъ Татарамъ. Ихъ поэтическое настроеніе питается близостью съ чудной природой, какая существуетъ на Уралѣ; ихъ наивная мечтательность поддерживается тѣмъ, что они до извѣстной степени еще дѣти природы, нравственно почти цѣльныя, не знавшія большихъ сношеній съ другими народами, чуждые борьбы личныхъ эгоизмовъ среди той привольной обстановки, которою они располагаютъ еще.

Наличность и сила творческихъ способностей Башкиръ доказываются тѣмъ, что среди нихъ до послѣдняго времени встрѣчаются нерѣдко пѣсельники, соединяющіе въ себѣ и даръ поэтовъ и даръ композиторовъ, т. е. сочиняющихъ свои пѣсни на собственныя мелодіи; затѣмъ та же творческая способность подтверждается любопытнымъ, упомянутымъ уже выше, фактомъ смѣны пѣсеннаго творчества съ каждымъ поколѣніемъ: это легко допустимо,

если среди народа въ изобиліи появляются творцы—пѣсельники. Въ кочевкѣ Узункуловой Верхнеуральскаго уѣзда я встрѣтилъ, напр., дудочника (курайсы) Лукманова, который въ окрестномъ населеніи считался лучшимъ игрокомъ на свирѣли, а также искуснымъ стихотворцемъ, который былъ мастеръ сочинять эпиграммы на своихъ соплеменниковъ и на разные случаи.

Наряду съ пѣснями у Башкиръ развита инструментальная музыка, въ связи съ которой они имѣютъ свои собственные инструменты, главнымъ изъ которыхъ является свирѣль, такъ называемый курай, устраиваемый изъ стебля полеваго растенія, обрѣзаннаго и открытаго съ обоихъ концовъ,—на которомъ прорѣзаны 4 отверстія съ одной стороны и одно съ другой. Звуки этого инструмента, тихіе, меланхолическіе и задушевные, достаточно хорошо воспроизводятъ мечтательность башкирскихъ мелодій. Игрокъ на кураѣ называется курайсы (дудочникъ).

Есть еще другой инструментъ—домбра, который по увѣреніямъ однихъ представляетъ видоизмѣненную балалайку въ 3 струны, а по другимъ заимствованъ отъ Киргизъ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ башкирская музыкальность шире татарской, и музыка Башкиръ явственнѣе дѣлится на 2 отдѣла: 1) на музыку инструментальную и 2) музыку вокальную.

Первая чуть ли не преобладаетъ надъ послѣднею: по крайней мѣрѣ мнѣ удалось записать болѣе инструментальныхъ мелодій, чѣмъ вокальныхъ, или во всякомъ случаѣ въ параллель съ почти каждой пѣсенной мелодіей имѣется инструментальная, какъ свободная ея варіація.

Музыкальное исполненіе у Башкиръ имѣетъ нѣкоторыя характерныя особенности. Въ виду преобладанія среди нихъ высокихъ голосовъ, они поютъ пѣсни въ высокихъ регистрахъ; въ связи съ особенностями пѣсенъ: ихъ размашистостью и пріятной мелодичностью, слушатель какъ бы уносится этимъ въ какую-то далекую высь, тогда какъ татарскія пѣсни лишены широты и точно привязаны къ одному мѣсту.

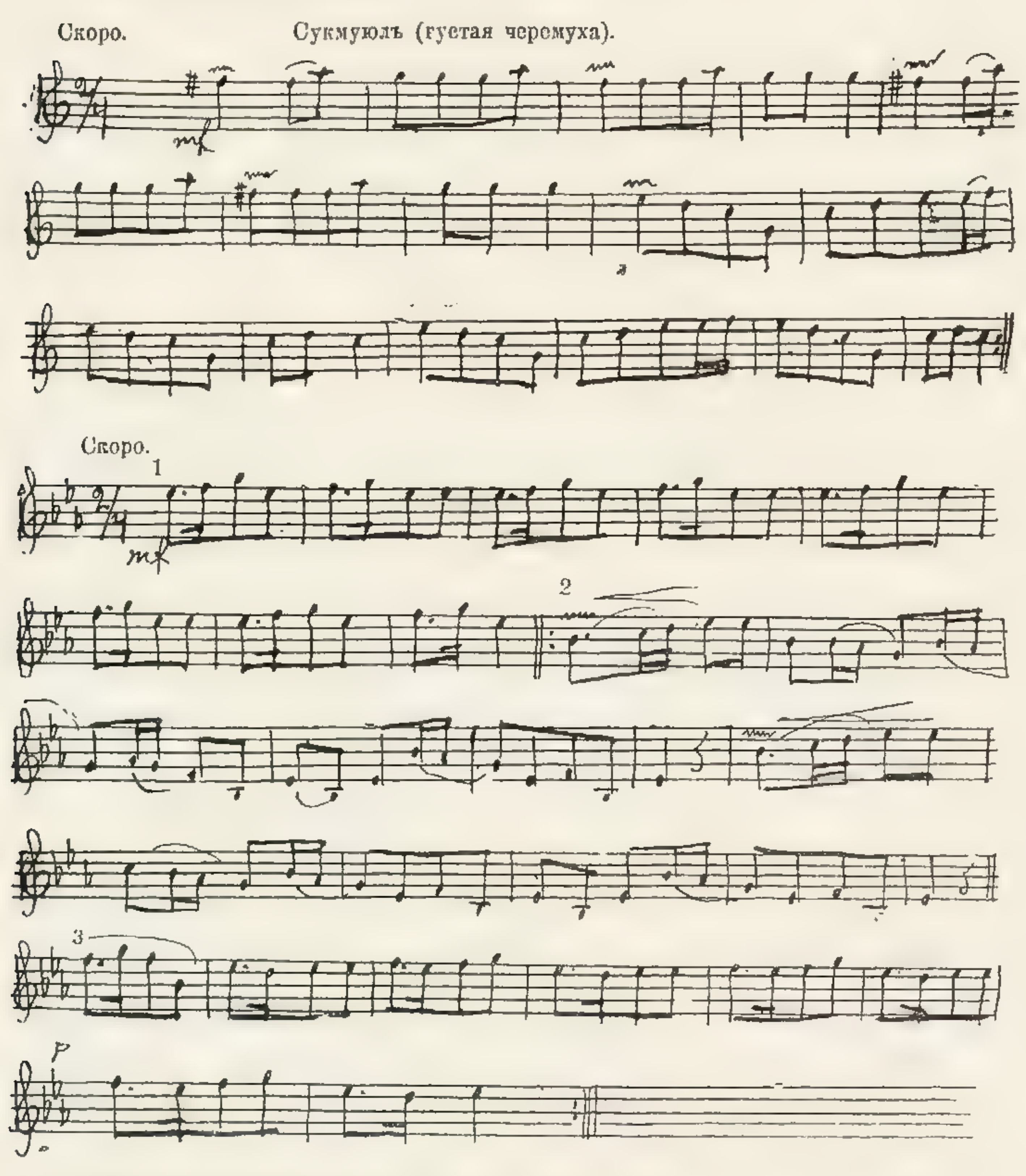
Игру на свирѣли—кураѣ Башкиры почти постоянно сопровождаютъ неизмѣннымъ горловымъ звукомъ гнусящаго характера, точно органнымъ пунктомъ или педалью.

Такое добавленіе кажется для европейскаго уха непріятнымъ, совсѣмъ лишнимъ, нарушающимъ обаяніе мелодичности мотивовъ. Но Башкирамъ это обыкновеніе, вѣроятно, нравится, если судить по общераспространенности его.

Относительное богатство фантазіи Башкиръ подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи, по крайней мѣрѣ въ моей практикѣ, они сообщали какое нибудь сказаніе или легенду, такъ что

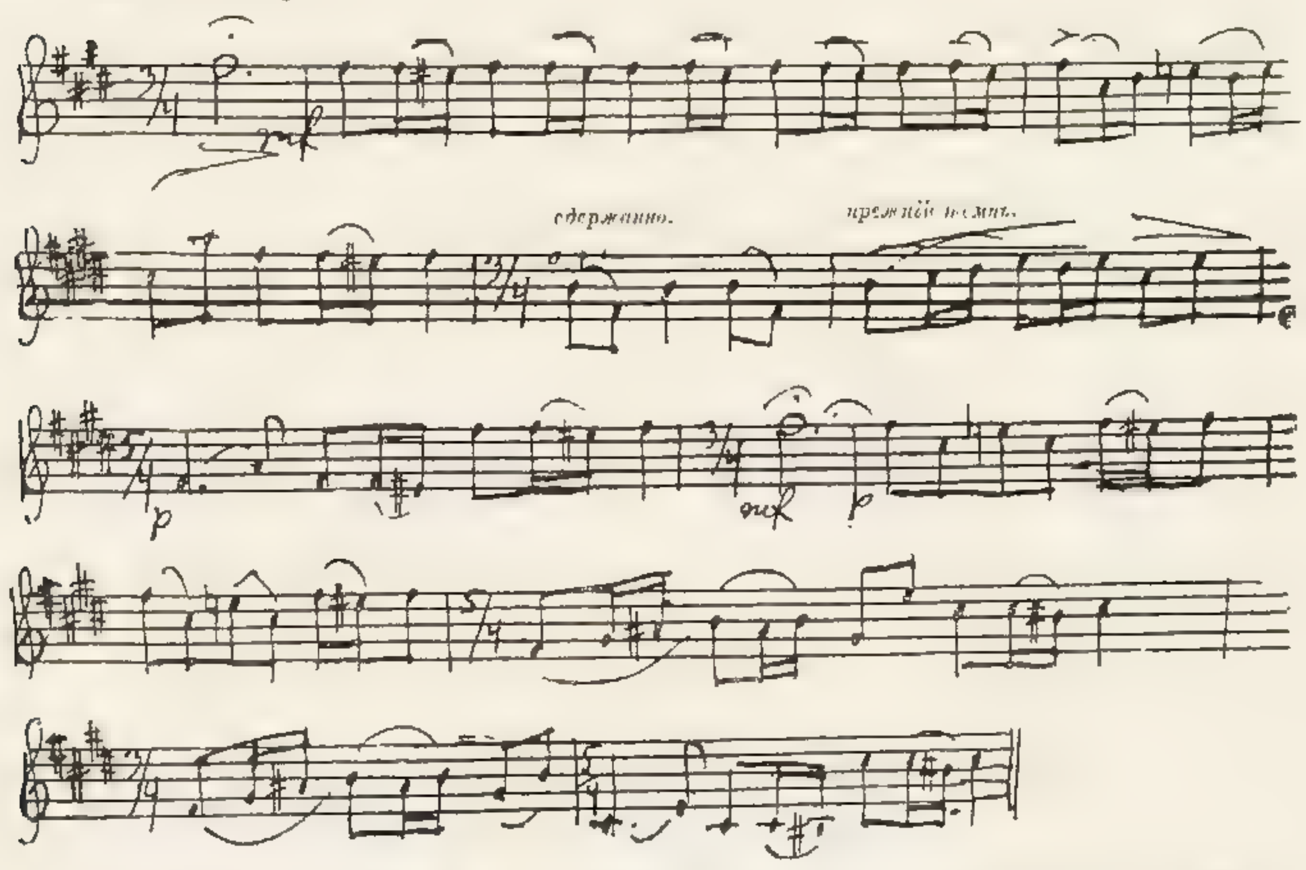
у нихъ по всѣмъ вѣроятіямъ можно было бы найти большой циклъ всевозможныхъ сказаній и миѳовъ. Среди инструментальныхъ мелодій встрѣчаются плясовыя и пріуроченныя къ поэтическимъ сюжетамъ.

Образцы плясовыхъ мелодій:

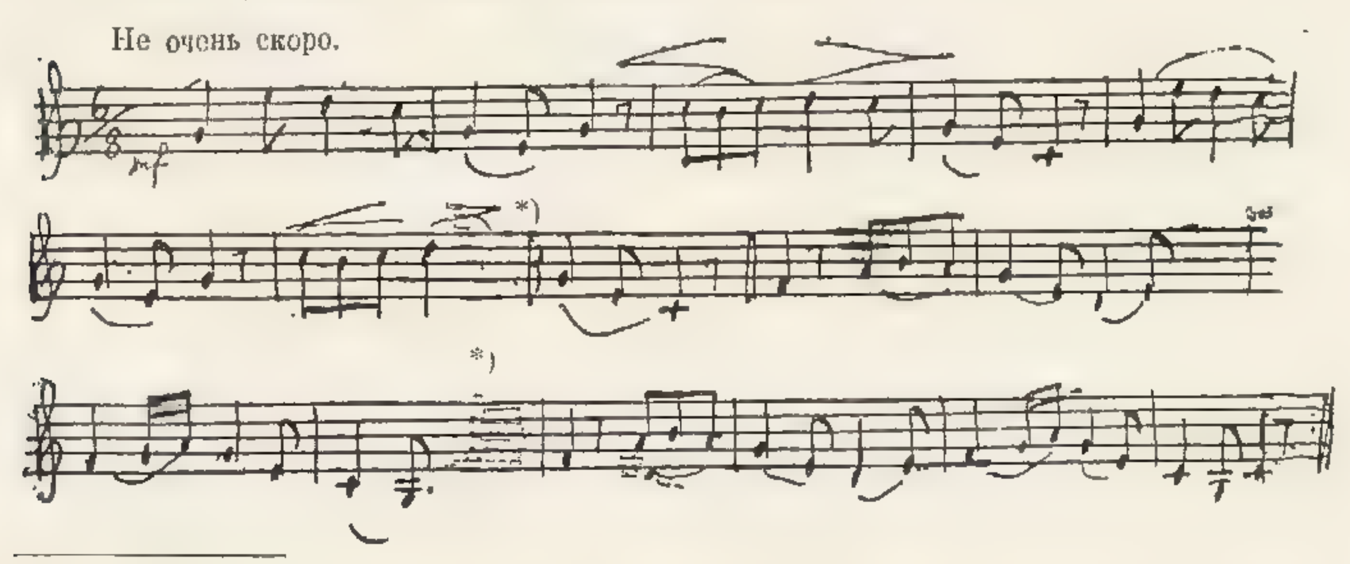


Первое колѣно исполняется одинъ разъ, а второе и третье повторяются въ продолженіе всей пляски. Среднее колѣно по характеру напоминаетъ русскія народныя пѣсни, а послѣднее напрашивается на сближеніе съ персидскимъ хоромъ изъ «Руслана». Второе колѣно исполняется октавой выше.

Другія инструментальныя мелодіи пріурочиваются къ различнымъ поэтическимъ сюжетамъ и сказаніямъ. Напр., одна изъ нихъ называется Калматай — по имени храбраго воина, дворянина башкирскаго, отличившагося во французскую войну (вѣр. 1812—13 г.г.).

Не очень скоро.

Мелодія любопытна въ ритмическомъ отношеніи, легко дѣлится на такты въ 3 и 5 четвертей, кончается на доминантѣ, чтобы перейти къ началу.

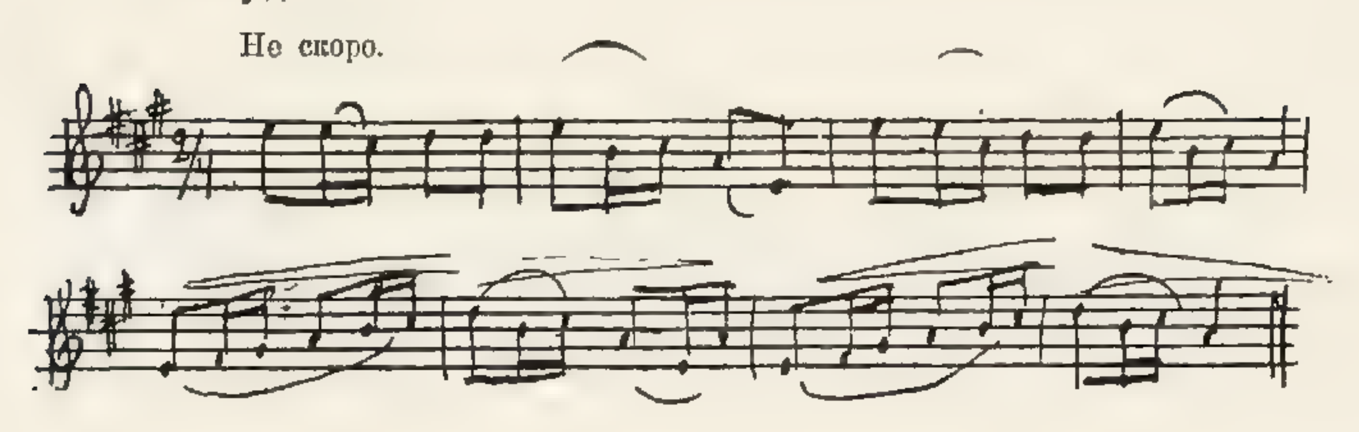
Другая мелодія называется Киньжавай — по имени богатаго Башкира въ дер. Кабагушевой Верхнеуральскаго уѣзда, который обѣднѣлъ и въ горести нанялъ дудочника сочинить для него пѣсню.

Не очень скоро.

*) Въ седьмомъ тактѣ послѣ ноты *ре* не достаетъ ноты *до* (осьмушки), а въ 12-мъ послѣ *до-соль* слѣдуетъ опять *до*.

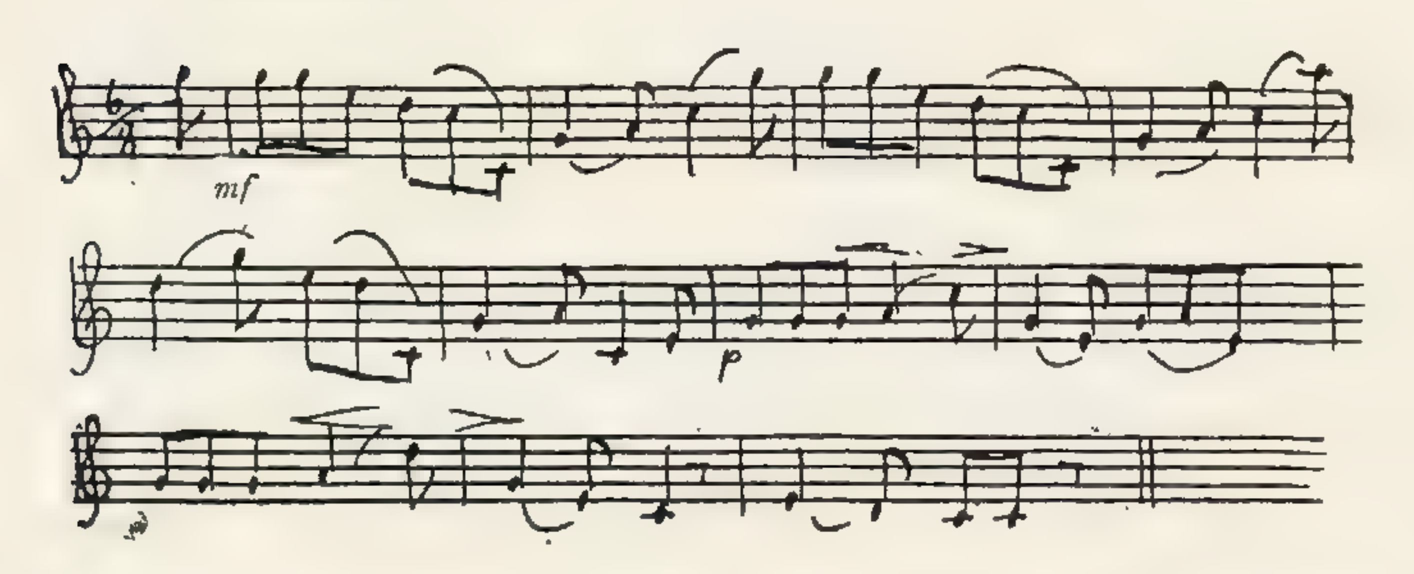
Мелодія по характеру похожа на европейскія.

Далѣе

Будимганъ.

Не скоро.

Есть мелодіи, воспѣвающія красоты природы, напр., рѣки, горы. Такъ мелодія

Артылышъ составлена въ честь крутой горы на уфимскомъ трактѣ — Артылышъ:

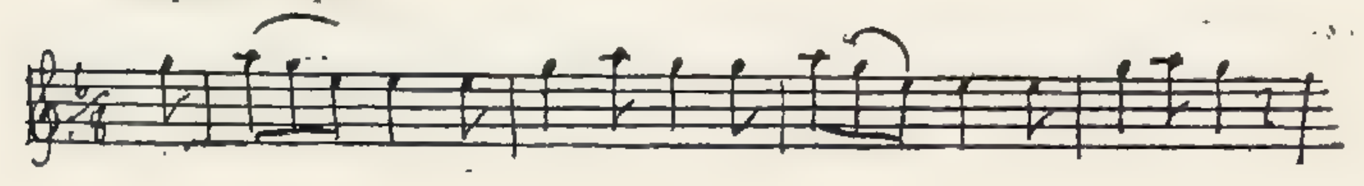


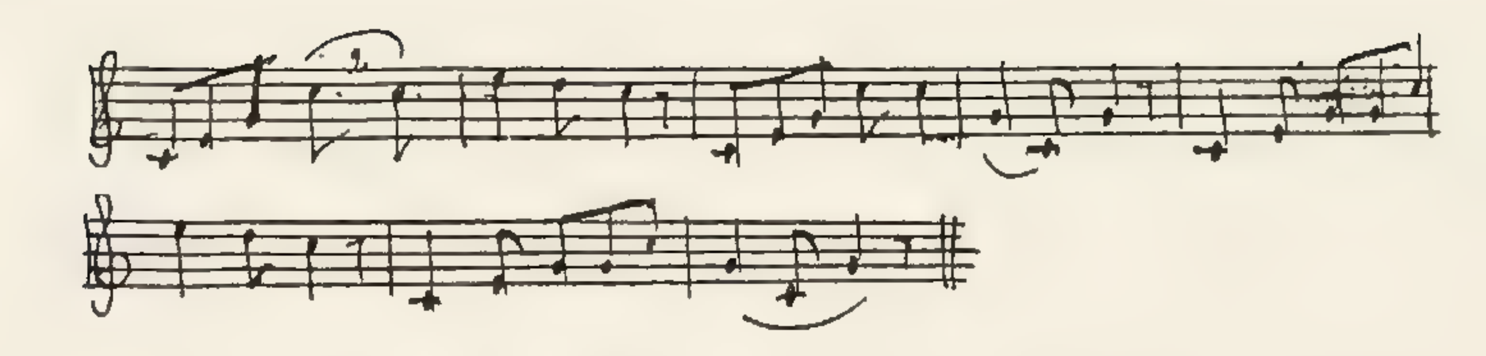
отличается своеобразностью и шириной интерваловъ, черезъ рядъ немногихъ нотъ двигаясь въ области цѣлой дуодецимы.

Или мелодія

Курташъ—прославляетъ другую гору, довольно высокую, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ. близъ дер. Казаккуловой.

Умѣренно скоро.





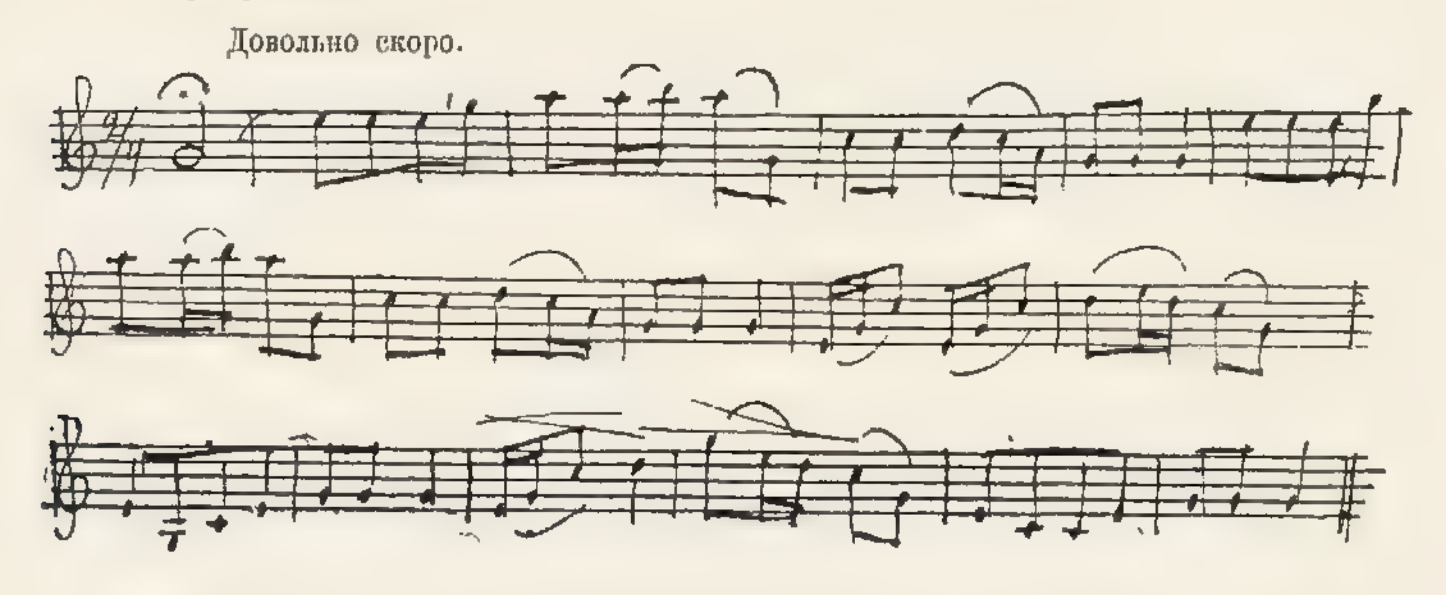
Эта же самая мелодія поется на слѣдующій текстъ:

Ирьта ля бардым курташка	Сысаимъ курташ башина.
Кистä ля бардым курташка	Индэм барымам кàшина
Ябышиб менэрь талы ёк	Индэм барымам кàшина.

Широкіе, размашистые интервалы: ноны, децимы, дуодецимы и пр. вообще свойственны башкирскимъ мелодіямъ. какъ видно на слѣдующихъ мелодіяхъ.

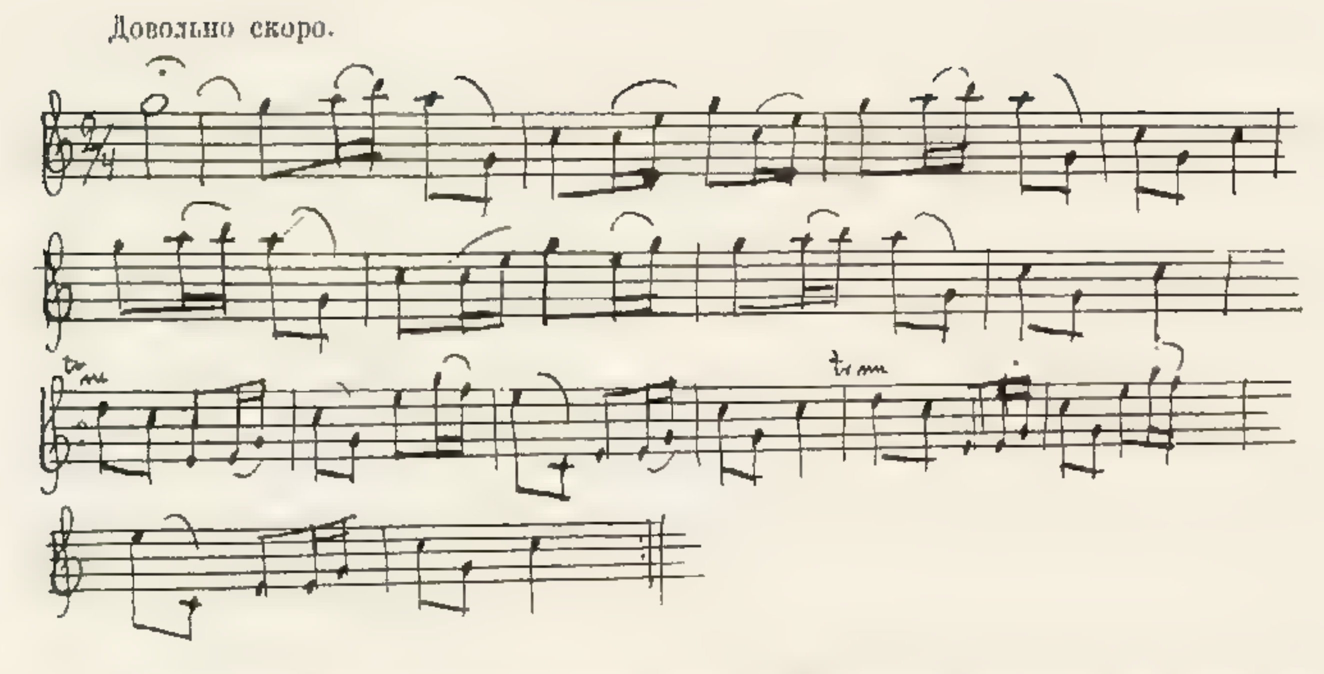
Сухумская

Довольно скоро.



Эту мелодію выдавали мнѣ за татарскую, но она имѣетъ явные характерные признаки башкирскихъ мелодій: подвижность, огромные интервалы, какъ бы нашъ вводный тонъ, не разрѣшающійся вверхъ, разбитыя трезвучія въ частяхъ мелодій, что̀ очень свойственно башкирскимъ пѣснямъ; поэтому мнѣ кажется, что это башкирская мелодія. Примѣръ подобной же размашистости даетъ мелодія, съ которой связано имя

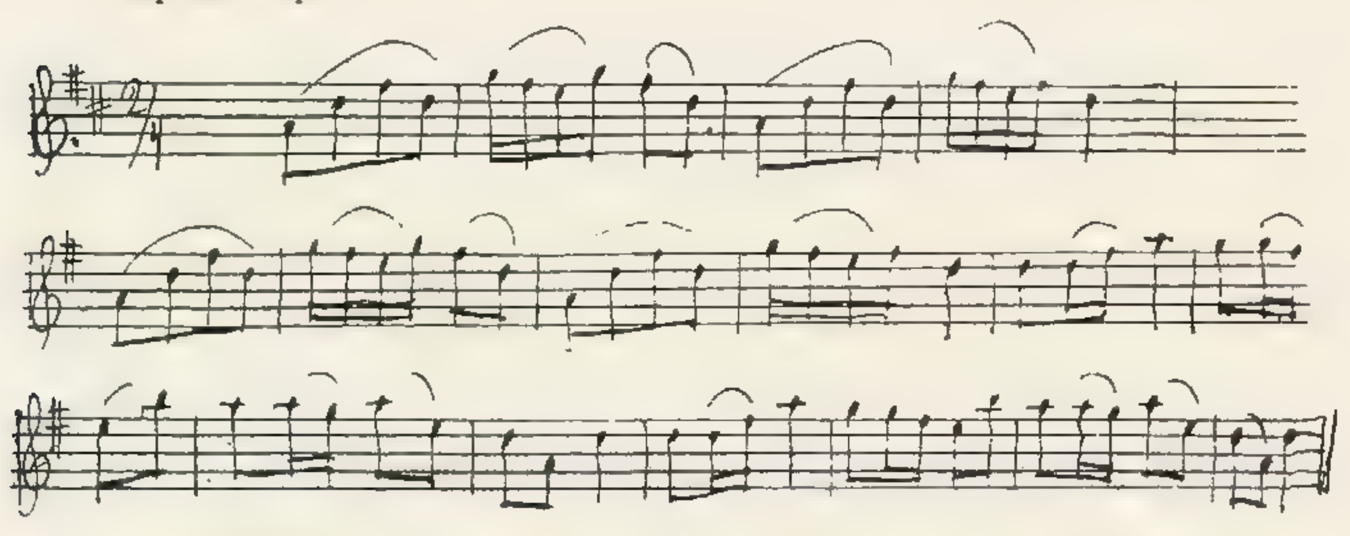
Баёк — это былъ нѣкогда плутъ, дважды бѣжавшій изъ тюрьмы и приговоренный къ повѣшенію. Передъ повѣшеніемъ онъ попросилъ позволенія сыграть эту мелодію.

Довольно скоро.

Особенностью инструментальныхъ мелодій Башкиръ является то, что въ началѣ мелодіи выдерживается довольно продолжительно опредѣленная нота какъ бы подъ фермато, къ которой игрокъ подыскиваетъ голосомъ квинту и этимъ какъ бы устанавливаетъ строй мелодіи. Въ вокальныхъ же выдерживается послѣдняя нота съ своеобразной вибраціей въ голосѣ.

Подъ вліяніемъ военной службы, наслышавшись военныхъ маршей, Башкиры сочиняютъ собственные марши.

Слѣдующая мелодія называется Перовскій маршъ (иначе «Какъ брали Казань»).

Умѣренно скоро.

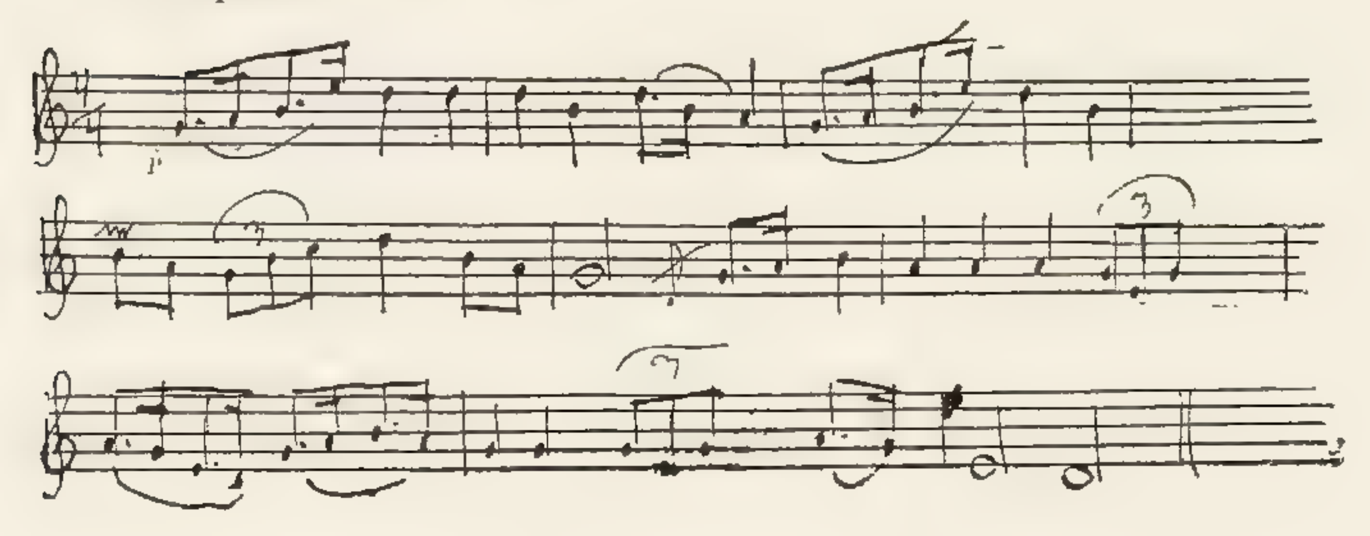


По словамъ Башкиръ, этимъ маршемъ они встрѣчали на своихъ народныхъ инструментахъ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго въ Уральскихъ горахъ. По другимъ свѣдѣніямъ этотъ маршъ относится къ эпохѣ 1812—13 г.г., когда Башкиры принимали участіе въ кампаніи противъ Наполеона, и очень можетъ быть, русскаго происхожденія.

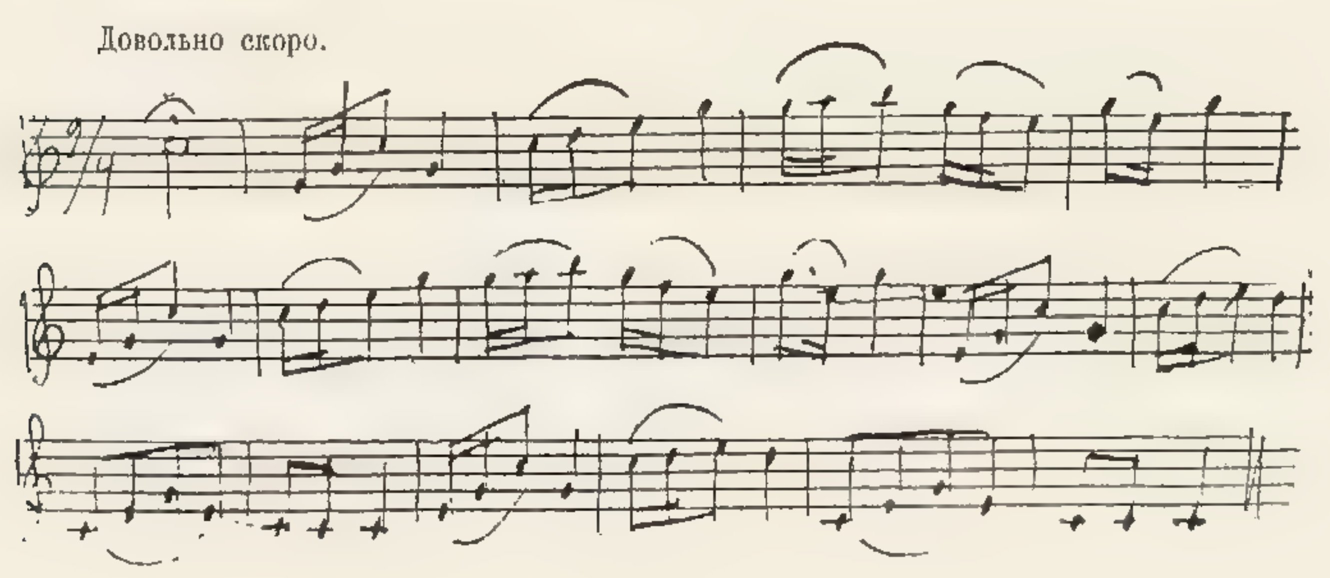
Помимо своихъ народныхъ мелодій Башкиры играютъ на кураяхъ и русскія пѣсни, напр., «чижикъ», «якъ за гаемъ гаемъ», «вдоль да по рѣчкѣ» и др., что указываетъ на проникновеніе русскаго вліянія и въ среду горныхъ Башкиръ, но въ меньшей степени, чѣмъ степныхъ Башкиръ въ Уфимской губ.

Для большей полноты впечатлѣнія приведу еще нѣсколько мелодій.

Ганьемалъ (имя дѣвицы).

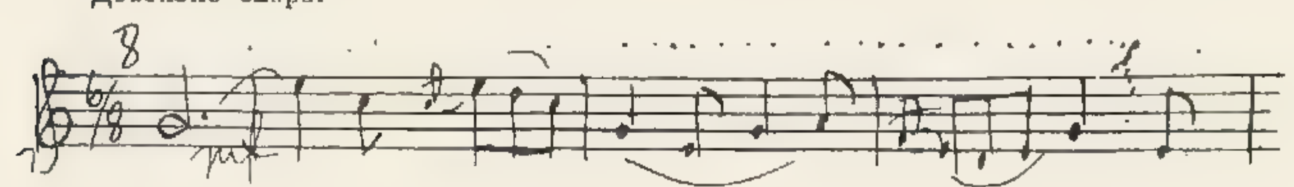
Умѣренно.

Куватовъ.

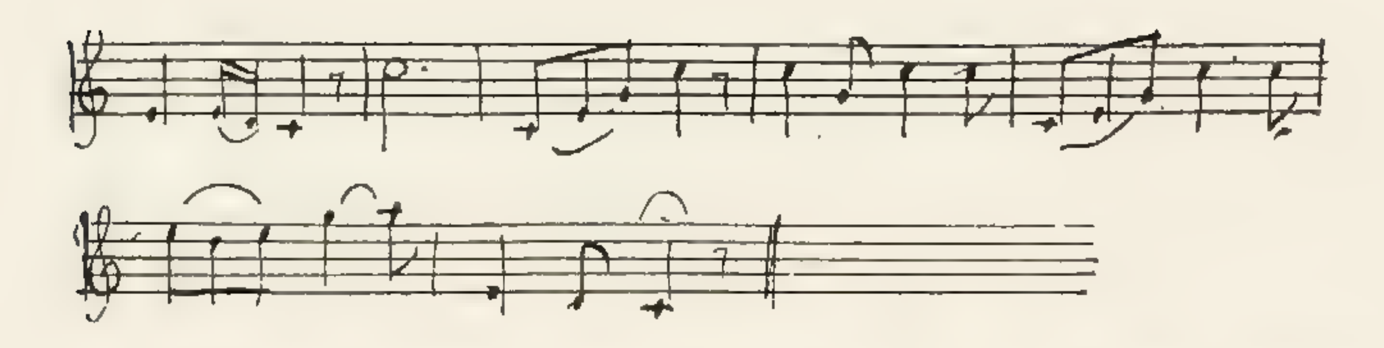
Довольно скоро.



Юлты-каракъ.

Довольно скоро.





Въ области вокальной музыки, т. е. пѣсенъ, Башкиры даютъ не менѣе любопытные образцы. Башкирскимъ пѣснямъ свойственно, какъ я уже упомянулъ, дѣленіе на проголосныя—куйляп и скорыя—джонгыль-куй.

Съ мелодической стороны башкирскія пѣсни длиннѣе татарскихъ и часто бываютъ безъ припѣва.

Башкиры такъ же, какъ и Татары, имѣютъ обыкновеніе начинать пѣніе запѣвомъ на куплеты, лишенные смысла. На подобный текстъ записана мною слѣдующая мелодія, представляющая образецъ проголосныхъ башкирскихъ пѣсенъ, не имѣющая припѣва:

Умѣренно.

Гали - ляу гна ми - кан дук Галиляу гнай им-

дук, вай хай ляй, хай Галилей гна им-

дук ай хадрай ганам, хадрырай ганам

ай вай хай - дук.

Пѣть Башкиры любятъ особенно по вечерамъ, въ лунныя ночи, но не затягиваютъ этого удовольствія слишкомъ долго, отходя ко сну значительно раньше полуночи, и только въ исключительныхъ случаяхъ на празднествахъ,

свадьбахъ и т. п. ихъ бодрствованіе и пѣніе продолжается за полночь, и изъ кошей далеко по горамъ разносятся полные мечтательности, стремленія къ чему то далекому звуки башкирскихъ пѣсенъ, прерываемыхъ инструментальной музыкой на кураяхъ.

Иногда Башкиры соединяютъ пѣніе съ игрой на инструментахъ. Башкиры, какъ и другіе инородцы, поютъ больше въ одиночку: хоровое пѣніе, говорятъ, бываетъ у нихъ чаще зимою на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п.

Что касается содержанія башкирскихъ пѣсенъ, то въ нихъ встрѣчаются приблизительно слѣдующія темы: случаи изъ жизни—смерть или убійство; дѣвицы—отрѣзанный ломоть, смотрятъ на сторону; сердце горячо въ свое время, а какъ пройдетъ время,—никуда не годится; счастье отъ Бога, а не отъ денегъ и не отъ ума; значеніе судьбы: предопредѣленія ея отвратить нельзя, раньше времени не умрешь; мытарства человѣка при жизни; гнетъ бѣдности, которая уничтожаетъ радости и веселье; любовь къ родинѣ и тоска по ней на чужбинѣ; хорошая жизнь богачей и т. п.

Есть много пѣсенъ и на любовные сюжеты, но онѣ отличаются большей сдержанностью, чѣмъ татарскія любовныя. Въ общемъ въ содержаніи башкирскихъ пѣсенъ замѣтенъ элементъ житейской философіи, склонность къ философскимъ взглядамъ на вещи.

Характеръ башкирскихъ мелодій, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, значительно отличается отъ характера татарскихъ.

Прежде всего онѣ внѣшне болѣе мелодичны и эффектны и дышатъ какой-то особенной ширью и размашистостью, которая зависитъ не единственно отъ употребленія широкихъ интерваловъ; иногда вѣетъ отъ нихъ своеобразной прелестью, чувствуется стремленіе къ чему-то неопредѣленному, мечтательному, хотя имъ не достаетъ пожалуй глубины настроенія.

Характерная особенность этихъ мелодій, преимущественно инструментальныхъ, состоитъ въ употребленіи необычныхъ широкихъ интерваловъ: секстъ, септимъ, нонъ; звукоряды ихъ обыкновенно очень большіе, переходя за предѣлы дуодецимъ.

Повидимому, башкирскимъ мелодіямъ менѣе свойственны, насколько я могу судить по своему сборнику, украшенія въ восточномъ вкусѣ; ихъ ритмъ отличается большею ровностью, чѣмъ въ извѣстной части татарскихъ пѣсенъ, и не очень отличается отъ ритма европейскихъ мелодій.

Отъ нихъ остается впечатлѣніе вообще большей новизны, чѣмъ отъ татарскихъ, и онѣ легче допускаютъ обычную гармонизацію. Я не хочу этимъ сказать, что представленные образцы башкирскихъ пѣсенъ—продуктъ новѣйшихъ европейскихъ вліяній. Но такъ или иначе, характеръ новизны въ из-

вѣстной степени присущъ башкирскимъ мелодіямъ, хотя это не исключаетъ многихъ свойственныхъ имъ оригинальныхъ чертъ.

Сравнивая житейскіе шаги этого народа съ его поэтическою дѣятельностью, приходится признать, что въ первомъ отношеніи онъ ушелъ весьма недалеко и, наоборотъ, даетъ сравнительно прекрасныя доказательствв успѣховъ во второмъ, если принять къ тому же во вниманіе большой циклъ сказокъ, басенъ, легендъ, пословицъ, поговорокъ и т. п., который имѣется у него и образцы котораго я представлю въ слѣдующихъ книжкахъ Ж. Ст. Общій выводъ относительно разсматриваемаго нами народа тотъ, что это— народъ болѣе художникъ, чѣмъ жизненный практикъ, въ извѣстной степени чувствующій и думающій, чуткій къ поэзіи окружающей его природы Урала, но не дѣлающій жизненныхъ успѣховъ и не способный отстаивать собственное благополучіе.

С. Рыбаковъ.

Якутская свадьба.

Въ якутской свадьбѣ всего болѣе поражаетъ наблюдателя ничтожное участье въ ея обрядахъ жениха и невѣсты. Онъ съ кнутомъ въ рукахъ, въ дорожномъ платьи, низко нахлобучивъ мѣховую шапку на глаза, сидитъ за спинами сородичей на право отъ входа, въ углу, гдѣ обыкновенно привязываютъ телятъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, молчаливый и приниженный. Она, на лѣво отъ входа, въ такомъ-же мало почётномъ мѣстѣ, за камелькомъ, на лавкѣ, гдѣ въ старину спали рабыни, а теперь спятъ слуги, спрятана за ровдужной занавѣской, куда заглядывать смѣютъ только знакомыя дѣвушки и женщины. Невѣста также одѣта въ дорожное, мѣховое платье, въ шапку и рукавицы.—На нихъ обоихъ стараются обращать возможно мало вниманія, они не участвуютъ въ общей трапезѣ, — имъ даютъ ѣсть отдѣльно и ихъ далеко не всѣ изъ пирующихъ видятъ.

Собственно героемъ на якутской свадьбѣ является родъ. А такъ какъ вступающіе въ бракъ по обычаю принадлежатъ къ различнымъ родамъ, то и свадьба распадается на два одинаковые празднества, раздѣленные иногда промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ; на первомъ, когда женихъ пріѣзжаетъ впервые съ частью калыма въ домъ невѣсты, хозяиномъ является родъ невѣсты, на второмъ, когда невѣсту приводятъ въ домъ жениха,—родъ послѣдняго.

Обѣ эти церемоніи, за исключеніемъ небольшихъ деталей, тожественны. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ обмѣнѣ подарками и угощеніи. Обмѣнъ подарками—обычное выраженіе дружбы у Якутовъ. У нихъ есть слово «догоръ» для обозначенія вообще пріятельскихъ, доброжелательныхъ отношеній, но кромѣ того есть и спеціальное слово «атасъ» равно-значущее—«побратимъ», употреблявшееся въ старину, въ личныхъ обращеніяхъ, воинами одного отряда, и служащее для обозначенія особенно близкихъ и нѣжныхъ отношеній у людей одного пола и приблизительно одного положенія. Слово «атасъ» происходитъ отъ того-же корня, что «атаста» — обмѣнъ. Обмѣняться въ знакъ дружбы можно чѣмъ угодно, но свадебные подарки, главнымъ образомъ, сводятся къ обмѣну пищей, мясомъ и живымъ скотомъ.

Въ этомъ отношеніи якутская свадьба чрезвычайно близко подходитъ къ древней якутской мировой, которой нерѣдко кончались ихъ кровавыя распри и родовая месть. И тутъ и тамъ центромъ обряда является обѣдъ,

во время котораго двѣ различныя группы обмѣниваются подарками, состоящими изъ мяса и жиру. Сходство усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и тутъ и тамъ въ обмѣнъ входятъ, какъ неизбѣжный аксессуаръ, не-разрубленныя голени животныхъ.

«Какъ вы водкой, такъ мы скотскимъ мясомъ и цѣлыми костьми дѣлимся въ знакъ дружбы и родства», объясняли мнѣ Якуты

Кромѣ того есть еще много другихъ, второстепенныхъ подробностей, сближающихъ якутскую свадьбу съ враждебнымъ нашествіемъ и вслѣдъ затѣмъ заключеніемъ мировой. Отношенія обоихъ встрѣчающихся на ней родовъ полны вначалѣ какъ-бы недовѣрія и соревнованія. Нѣкогда впереди поѣзжанъ высылались три отборные «батыря» (воина), называемые «сватами высмотрщиками» (тюнгюръ корёччи). Они являлись въ домъ невѣсты въ походномъ платьи и полномъ вооруженіи. Спрошенные, что имъ нужно, отвѣчали: «неугасимый огонь зажечь, мѣдный столбъ ставить, новую юрту строить». Тогда подавали имъ три большіе кубка съ кумысомъ, и такіе-же сосуды брали три отборные воина изъ рода невѣсты. Ставъ на колѣни одинъ за другимъ и другъ противъ друга, пили одновременно напитокъ; кто поперхнулся или не въ состояніи былъ выпить, тотъ терялъ «счастіе», Соревнованіе по преданіямъ, доходило до того, что въ кумысъ пріѣзжимъ подмѣшивали мелко рубленный конскій волосъ.

Болѣе или менѣе мирныя состязанія продолжаются во всѣ три свадебныхъ дня.

Еще недавно былъ обычай, что во время дѣлежа мяса мѣстный родъ выставлялъ борца, который, ухвативши по серединѣ скотскую голень, скользкую и очищенную отъ мяса, подымалъ ее вверхъ и выскакивалъ на ровную площадку двора съ крикомъ «кюресь!»—Молодежь пріѣхавшаго рода бросалась на него, стараясь отнять кость. Родъ заполучившій ее бралъ «счастіе». Поднимание тяжестей, проба силы, скачки, стрѣльба изъ лука до сихъ поръ въ большомъ ходу на якутскихъ свадьбахъ, и всюду родъ мѣстный и роды пріѣзжіе выступаютъ соперниками.

Приближеніе поѣзжанъ до сихъ поръ стерегутъ особые, поставленные на крышахъ, караульные. Они рѣзкимъ крикомъ даютъ знать, и тогда изъ дому мчится на встрѣчу ѣдущимъ верховой. Поѣзжане тоже летятъ къ дому въ скачь; поровнявшись съ ними верховой поворачиваетъ назадъ; тогда кто нибудь изъ ѣдущихъ, старается опередить его. Кто опередитъ, тотъ беретъ «счастіе».—Словомъ «джолъ»—счастіе, Якуты обозначаютъ всякую добычу, всякую удачу, будь это даже «удача въ кражѣ».

Многіе изъ этихъ обычаевъ уже исчезаютъ; якутская свадьба русѣетъ.

«Появились столы да вилки, водка да рюмки»—жаловались мнѣ правовѣрные Якуты. Я имѣлъ возможность наблюдать въ Колымскѣ старинную свадьбу и вкратцѣ ее опишу.

Вызвали насъ на эту свадьбу за сто верстъ особымъ нарочнымъ: моего хозяина, какъ вліятельнаго и богатаго родовича невѣсты, меня въ качествѣ почетнаго гостя. Когда поѣзжане, послѣ того какъ продѣлали церимонію съ высланнымъ противъ нихъ всадникомъ, въѣхали уже шагомъ во дворъ юрты, ихъ встрѣтили родовичи невѣсты у дверей, выстроившись въ двѣ шеренги: на право мужчины, на лѣво женщины. Коня и стремя у каждаго изъ поѣзжанъ попридержалъ соотвѣтственной почетности родовичъ невѣсты; затѣмъ всѣ, исключая жениха, вошли въ юрту. Здѣсь они усѣлись на скамьяхъ вдоль стѣнъ на право отъ входа. Напротивъ входа, примыкая къ нимъ подъ угломъ, усѣлись отецъ невѣсты, шаманъ, мой хозяинъ и такъ дальше другіе почетные сородичи дома. Всѣмъ сейчасъ же подали бокалы съ кумысомъ; подержавъ ихъ немного, они возвратили прислужнику, для изліяній на огонь. Затѣмъ, отпивали немного, передавали въ кругъ и получали бокалы взамѣнъ отъ сосѣдей. Когда кумысъ былъ выпитъ и подарки, состоящіе изъ стегнъ мяса, внесены въ домъ, самый младшій изъ поѣзжанъ пошелъ за женихомъ, который одинъ одинёшенекъ стоялъ въ полѣ и глядя на востокъ усердно крестился. Дѣло было зимою въ ноябрѣ. Посланный, взявши его за плётку, повелъ въ юрту. Здѣсь молодой сталъ на колѣни у мѣшка, гдѣ завязана была вареная кобылья голова, отколупалъ ножемъ у нея изъ подъ глазъ три кусочка жиру и бросилъ въ три пріема на огонь.

Затѣмъ голову положили на красномъ мѣстѣ среди поѣзжанъ, а жениха повели въ уголъ; невѣста давно уже была спрятана за каминомъ. Больше молодые не участвовали въ свадебныхъ обрядахъ; на первое мѣсто выдвинулись родители и сородичи. Обряды впрочемъ были очень несложные, хотя и длились три дня. Въ старину, говорятъ, пѣлись пѣсни, дѣлались заклинанія и совершались церамоніи, изъ которыхъ замѣчательны, напримѣръ, символическое разведеніе невѣстой огня въ домѣ мужа (уотъ сардахъ), затѣмъ пріобщеніе приведеннаго скота къ стадамъ (харамин юрюляхъ), съ явными слѣдами культа огня, какъ опекуна дома. Въ настоящее время все это исчезаетъ, остается только самое существенное: угощеніе рода и обмѣнъ подарками.

Сейчасъ же послѣ входа въ домъ жениха бьютъ скотъ, обыкновенно кобылу и корову, варятъ ихъ мясо и внутренности тутъ-же на глазахъ пирующихъ въ огромныхъ котлахъ; затѣмъ на полу разстилаютъ шкуру свѣжеубитыхъ животныхъ, мездрой вверхъ и на ней раскладываютъ передъ каждымъ изъ гостей кучки предназначеннаго ему мяса. «Таковъ столъ древнихъ

якутовъ», объясняли мнѣ замѣну деревянныхъ столовъ кожей. Тутъ-то начиналась сцена совершенно похожая на обряды якутской мировой. Съѣвъ немного, подымался съ своего мѣста «старшій сватъ», обыкновенно старшій дядя, пріѣхавшій во главѣ свадебнаго поѣзда и занимающій первое въ немъ мѣсто, бралъ лучшій кусокъ изъ выдѣленной ему порціи и съ приличной рѣчью подносилъ его отцу или опекуну невѣсты. За нимъ тоже продѣлывали остальные поѣзжане. Въ свою очередь одаренные отвѣчали тѣмъ-же; подъ конецъ торжественность церимоніи нарушалась, начиналась суета, рѣчи прекращались, только мелькали въ воздухѣ дымящіеся куски мяса и раздавались отдѣльные окрики: «сватъ такой-то возьми! сватья такая-то бери»!.. Причемъ сватъ, сватья, кумъ, деверь, свекровъ, невѣстка... всѣ эти названія родства, возникающія вмѣстѣ съ бракомъ, произносились особенно отчетливо и часто, какъ-бы для закрѣпленія ихъ въ памяти присутствующихъ. Въ рѣчахъ звучали все тѣ же фразы: «вотъ мы теперь породнились, будемъ жить въ мирѣ и согласіи!» Такіе обѣды повторялясь ежедневно два раза утромъ и вечеромъ. Все время поѣзжане и ближайшіе родные невѣсты сидѣли неотлучно на своихъ мѣстахъ, все время, не смотря на жару и духоту, не снимали шапокъ, рукавицъ и походнаго костюма. Разъ только на второй день уѣхали инородные гости въ сосѣднюю юрту на нѣсколько часовъ; въ это время вскрыли привезенные ими тюки съ подарками и раздѣлили ихъ между всѣми присутствующими. Болѣе почетнымъ давали больше, менѣе почетнымъ—меньше, но давали всѣмъ безъ исключенія. Подарки состояли изъ варенаго и сырого мяса. На третій день, свадебный поѣздъ верхами троекратно обвели по солнцу кругомъ столбовъ коновязи, и затѣмъ тѣ вскачь удалились. Во главѣ поѣзда, какъ и раньше, ѣхалъ «старшій сватъ», въ концѣ—женихъ.

Первая половина свадьбы считалась законченной. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ болѣе или менѣе продолжительный, отъ года до пяти лѣтъ, во время котораго выплачивается калымъ и когда мужъ можетъ видѣть жену только приведши часть скота и проживя по этому случаю нѣсколько дней въ домѣ ея родителей. Въ заключеніе мужъ увозилъ жену домой; ей неизбѣжно сопутствуютъ сородичи, дяди, тетки, братья, почетныя избранныя лица рода; они везутъ приданое невѣсты (энне). Въ домѣ жениха опять три дня они сидятъ чинно по мѣстамъ, пируютъ и обмѣниваются подарками. Бракъ вслѣдъ за тѣмъ считается завершеннымъ и жизнь вступаетъ въ обычную колею.

Конечно этотъ блѣдный абрисъ якутской свадьбы слабое только о ней даетъ представленіе. Она бѣдна обрядами, но богата мелкими событьями, ничего незначущими фразами, пересудами, оскорбленіями и вынужденною вѣжливостью и сдержанностью, которыя никогда не забываются, всѣми подмѣчаются и создаютъ

извѣстныя отношенія. Нужно близко сжиться съ якутской родовой жизнью, чтобы понять, на сколько якутская свадьба полна еще родовыхъ традицій, родоваго духа и какая близкая между ними существуетъ связь. Нужно повидать свадьбы въ различныхъ мѣстностяхъ, съ различной интенсивностью родовыхъ инстинктовъ, чтобы подмѣтить, какъ семейные интересы стремятся оттѣснить родовые на второй планъ и какимъ путемъ они этого достигаютъ.

У родовыхъ традицій въ настоящее время только одинъ защитникъ — общественное мнѣніе. Законъ признаетъ только права семьи. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ «курумъ» — та часть калыма, которая идетъ исключительно на угощеніе и подарки присутствующимъ родичамъ, составляетъ крупную часть платы за невѣсту. У бѣдняковъ, ради нея убивающихъ единственную скотину, она составляетъ все, у болѣе богатыхъ она составляетъ 1/2, 1/3, уменьшаясь пропорціонально, но не абсолютно. На свадьбахъ богачей, гдѣ собирается по нѣскольку сотъ человѣкъ, она достигаетъ двухъ десятковъ штукъ крупнаго скота. «Въ старину было на свадьбѣ десять обѣдовъ, и на каждый убивали двѣ или одну штуку скота. Кромѣ того много уходило на подарки. «Курумъ», говоритъ преданіе, и есть собственно плата за невѣсту, а его до сихъ поръ получаетъ родъ. Принимать въ соображеніе тѣ незначительные куски мяса, которые поступаютъ у него въ собственность членовъ семьи, наврядъ ли можно въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ количествомъ, которое поѣдаютъ и разбираютъ сородичи. Замѣчательно также, что угощеніе на обоихъ празднествахъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты, идетъ за счетъ виновника жениха. «Курумъ» есть та часть «колыма», которая не возвращается. даже въ случаѣ неожиданной смерти жениха, тяжбы и проч., только побѣгъ и несогласіе невѣсты дѣлаетъ вопросъ спорнымъ, но имъ обязанъ воспрепятствовать родъ и родовая власть. Другія части колыма, какъ «сулу», «харамни» возвращаются со временемъ жениху, видъ приданаго невѣсты; подарки ея роднымъ, въ видѣ спеціальныхъ отдарковъ—т ё р к ю т ъ, даже плата «за поцѣлуй» (уось асаръ) подлежитъ возврату въ исключительныхъ случаяхъ и только «курумъ» возврату не подлежитъ. Это плата роду за обиду, за посягательство на его права, за утрату члена. «Курумъ» всецѣло ложится на семью жениха, но такъ какъ семья невѣсты тоже небольшую изъ него извлекаетъ пользу, то естественно обѣ онѣ стремятся уменьшить его долю. Народъ защищаетъ «курумъ», и скупая свадьба богача вызываетъ нареканія, даже публичную ругань. Тамъ, гдѣ родовыя отношенія еще сильно отражаются на хозяйственныхъ дѣлахъ, рѣдкіе осмѣливаются не считаться съ этимъ недовольствомъ. На пиру, во время раздачи мяса родичи ведутъ себя совсѣмъ свободно и зорко смотрятъ, чтобы ихъ не обдѣлили. На сѣверѣ «курумъ» составляетъ болѣе

крупную часть калыма, чѣмъ на югѣ. «Курумъ» былъ несомнѣнно первичною, самой древнею частью калыма, другія зародились и разрослись въ послѣдствіи. Жалобы на калымъ, насколько я замѣтилъ, имѣютъ въ виду теперь только эту часть его; вообще же калымъ среди якутовъ находитъ ярыхъ защитниковъ. «Кто же станетъ отдавать даромъ человѣка!..» возмущались они, когда я настойчиво распрашивалъ ихъ, за что берутъ плату, желая уяснить себѣ основы обычая. Наврядъ ли возможно объяснять происхожденіе калыма вознагражденіемъ за воспитаніе, за уходъ, и т. д., какъ это объясняютъ сами якуты. Часто калымъ получаютъ люди, совершенно не принимавшіе участья въ воспитаніи невѣсты: братья, опекуны, дядья, наконецъ хозяева за своихъ работницъ, если у нихъ нѣтъ никого. Понятіе о калымѣ, какъ о неизбѣжномъ атрибутѣ брака, до того сильно внѣдрено въ сознаніе народа, что якутская дѣвушка была-бы глубоко огорчена, если бы не нашлось человѣка, который согласился бы потребовать за неё хоть рубль. Онѣ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывались о русскихъ женщинахъ, которыя «сами платятъ, чтобы ихъ только взяли».—Калымъ въ общей сложности достигаетъ иногда 2000 руб. Самый меньшій, какой я записалъ, былъ рублей въ 10.

Если якутская свадьба напоминаетъ отчасти нападеніе, отчасти «мировую», а калымъ въ основѣ своей скрываетъ виру, то якутское сватовство (кельтеганъ) совершенно похоже на военную развѣдку. Три бравыхъ сородича молодаго, иногда безъ него, иногда вмѣстѣ съ нимъ, отправляются гостить по сосѣдямъ. Тамъ, гдѣ имъ дѣвушка приглянулась, остаются дольше, до трехъ дней. Ничего не дѣлая, молча, сидятъ они подъ образами и зорко присматриваются къ домашнему обиходу, къ дѣвушкѣ, которая всё это время прячется старательно за перегородкой, и является только, подавая пищу. Смотрятъ, какъ вымазанъ комелекъ, какъ содержится посуда, какъ сшита и подвязана обувь молодой. Уходя на третій день, оставляютъ на столѣ лисицъ, деньги или водку, смотря по мѣстности. Они совершенно готовы къ отъѣзду: кони ихъ осѣдланы, постели уторочены, сами они одѣты и вооружены. Они дожидаются отвѣта на дворѣ. Въ это время въ юртѣ семья совѣтуется. Иногда спрашиваютъ и дѣвушку. Если позванные сваты увидятъ подарокъ свой на столѣ не тронутымъ, то молча забираютъ его и уходятъ; въ противномъ случаѣ начинаются переговоры о времени свадьбы, калымѣ, при чемъ старательно опредѣляются размѣры его разныхъ частей и порядокъ уплаты Въ большинствѣ случаевъ женятъ молодыхъ родственники и родители за глаза; въ старину женили даже маленькихъ дѣтей, а женитьба въ 8—10 лѣтъ до недавна была дѣло обычное... Впрочемъ сватовству предворяетъ иногда и «высмотръ». Собирающійся жениться молодой якутъ, ѣдетъ уже совершенно тай-

ственно, прикрывая свое посѣщеніе розысками потеряннаго стада или промысломъ. Такого высмотрщика мѣстные парни встрѣчаютъ обыкновенно не особенно дружелюбно, а дѣвушки кокетливо; я же вспомнилъ видѣнныхъ мною высмотрщиковъ, когда записывалъ впослѣдствіи слѣдующее преданіе:

«Ходя, блуждая по лѣсу, если увидѣли гдѣ красивую женщину, высматривали, гдѣ ея братья, гдѣ мужъ ходятъ, промышляютъ. Тамъ нападали на нихъ и убивали, а женщину уводили. Если нельзя было заполучить её силой, брали обманомъ. Переодѣнутся въ платье убитаго и, подойдя къ юртѣ ночью, чтобы ихъ не могли видѣть, говорятъ: «эхъ! добычи не въ силахъ принести. Выйди, женщина, помоги!» Когда та за нимъ уходила въ лѣсъ, схватывали. Если сопротивлялась, прокалывали руку повыше кисти и, продѣвши ремень, уводили насильно!»

Отмѣчу, что такимъ же образомъ по преданію, записанному въ другомъ мѣстѣ, извѣстный якутскій разбойникъ начала текущаго столѣтія «Маньчары», увелъ въ лѣсъ свою любовницу, жену извѣстнаго князя. Въ сказкахъ часто разсказывается о похищеніи женщинъ ради женитьбы, а большинство былинъ основано на поискахъ на чужбинѣ невѣсты или защиты родной сестры передъ подобной напастью.

Не можетъ быть сомнѣнія, что началомъ современнаго якутскаго экзогамическаго брака было похищеніе. Языкъ сохранилъ интересную въ этомъ отношеніи потребность; именно: приданое называется по якутски «энне», но «энне» въ старину собственно значило: «пощада жизни». Это слово произносилъ воинъ побѣжденный, но пожелавшій сохранить жизнь; послѣ чего онъ превращался въ раба и назывался «энне кулутъ». Войнъ въ предѣлахъ одного и того-же рода не бывало; жениться въ предѣлахъ одного и того-же рода строго воспрещаетъ обычай; даже въ чужомъ родѣ, но на живущихъ вблизи, жениться считается предосудительнымъ. «Дѣвушка, выходящая замужъ на родинѣ не бываетъ счастлива»; «хорошо, если вода близко, а родня жены (уру) далеко», говорятъ поговорки. — Богатые якуты обыкновенно берутъ женъ изъ дали, изъ за нѣсколькихъ сотъ верстъ. Всё это понятно, если приймемъ во вниманіе, что сородичи кочевали вмѣстѣ вблизи.

Подробное изученіе якутскаго брака обѣщаетъ дать богатый матеріалъ для теоріи происхожденія экзогаміи. Краткость сообщенія не позволяетъ мнѣ ближе разсмотрѣть многія частности. Позволю себѣ только добавить, что якуты до недавна были полигамисты, и что въ «Сборникѣ обычнаго права», составленномъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія самими инородцами по порученію правительства, они максимумъ своихъ женъ опредѣляютъ такъ: «больше пяти въ одно время не имѣемъ».

Затѣмъ укажу на тѣ слѣды еще болѣе древняго уже эндогамическаго брака, на которые наткнулся я, собирая другія общія свѣдѣнія.

«Когда Онохой прибылъ съ юга», говорится въ преданіи о южномъ происхожденіи якутовъ, «якуты брали въ жёны собственныхъ сестёръ, такъ какъ постороннихъ женщинъ не было». «Нѣкогда въ старину еще до Тигина якуты женились такъ: если изъ двухъ братьевъ одинъ имѣлъ сына, а другой дочь, то дѣти ихъ вступали въ бракъ». «Въ старину, когда юноша—могъ натянуть лукъ, бралъ въ жены одну изъ младшихъ сесторъ и уходилъ!..» Всѣ эти показанія и многія другія изъ записанныхъ мною указываютъ какъ-бы на сводный бракъ, между братьями и сестрами. Тоже самое подтверждаетъ общераспространенное среди якутовъ преданіе о первомъ человѣкѣ, у котораго было 7 дочерей и 8 сыновей. Онѣ вступили между собой въ бракъ, исключая одного. Тѣмъ не мѣнѣе я воздержусь до болѣе точныхъ свѣдѣній отъ какихъ-либо заключеній о формахъ этого прастараго якутскаго брака. Если родственныя названія суть тотъ оттискъ, который намъ въ наслѣдіе оставили формы исчезнувшаго брака, то изученіе якутскихъ родственныхъ названій прежде всего укажетъ на отсутствіе у нихъ въ этомъ прошломъ точнаго понятія братъ и сестра. У нихъ есть названія для старшаго брата, старшей сестры, младшаго брата, младшей сестры, но названія просто братъ и сестра у нихъ нѣтъ. Къ тому же имя «убей», «бій» значитъ не только старшій братъ, но старшій дядя, старшій двоюродный братъ, старшій племянникъ; вообще всякій въ родѣ, родившійся раньше, какъ это въ обыденной рѣчи до сихъ поръ принято говорить, хотя бы въ Колымскѣ. Такъ зовутъ только родовичей; неродовичей зовутъ «догоръ»—пріятель. Относительно «эджій»—старшая сестра, «ини»—младшій братъ, «балысъ»—младшая сестра можно сказать тоже самое; прежде всего якуты какъ будто оттѣняютъ разницу въ возрастѣ, а затѣмъ уже стремятся путемъ всякихъ оговорокъ обозначить кровную близость. Это не результатъ бѣдности языка; онъ въ иныхъ случаяхъ проявляетъ даже излишнее богатство; такъ напр.: младшаго брата мущина зоветъ «ини» или «ого», а женщина—зоветъ «сурджя»; иначе зоветъ женщина невѣсту брата а нича—мущина; есть у якутовъ названіе для самыхъ отдаленныхъ степеней родства, и пр.: сы, которое стоитъ уже на предѣлахъ рода, и которое невозможно перевести по русски; есть у нихъ, наконецъ, богатая и совершенно отличная система для обозначенія родства, пріобрѣтеннаго путемъ нынѣ существующаго брака.

Такую же неясность, какъ братъ и сестра, встрѣчаемъ въ названіяхъ «сынъ», «дочь», «дитя». Ихъ нѣтъ, а есть только: вообще мальчикъ— «уолъ» и вообще — дѣвочка «кысъ», наконецъ вообще ребенокъ «ого».— Словомъ мальчики, парни—во множественномъ числѣ «уолларъ» назывались въ

старину всѣ молодые люди рода, его военный отрядъ; словомъ дѣвочки «кырыттеръ»—всѣ дѣвушки племени—онѣ же прислужницы; словомъ «ого» ребенокъ принято было называть всѣхъ родившихся послѣ, всѣхъ младшихъ рода.—Все это сильно затрудняетъ пониманіе преданій и былинъ, поскольку они касаются родственныхъ связей. Когда тамъ сказано «женился на младшей сестрѣ», то это можетъ значить также на женщинѣ «родившейся послѣ». Одно несомнѣнно—бракъ происходилъ въ старину внутри рода.

Относительно различенія дѣтей отмѣчу, что только понятіе мать обозначено у якутовъ спеціальнымъ словомъ «іэ», имѣющимъ такой же физіологическій корень, какъ и у насъ; слово же отецъ «ага», которое теперь употребляется ими, значило въ старину «старшій» и теперь еще употребляется въ томъ смыслѣ въ спеціальныхъ оборотахъ. Когда при составленіи таблицъ родства я спрашивалъ — названія, мнѣ всегда ставили вопросъ, старшій или младшій «ага ду балысь ду»?» даже безъ различія къ полу. Все это заставляетъ насъ полагать, что эндогамическій якутскій бракъ имѣлъ крайне неопредѣленныя формы, что былъ моментъ, когда дѣти принадлежали всему племени, и что счисленіе родства велось въ началѣ по всей вѣроятности въ материнской линіи. Изслѣдованія якутской семьи и рода подтверждаютъ это. Подтвержаетъ это также отсутствіе спеціальнаго названія для мужа, который зовется просто «эрэ»—мущина, между тѣмъ, какъ для понятія—жена есть спеціальное слово «оjохъ»; подтверждаетъ также названіе семьи, соотвѣтствующей римской «фамилія», именно: она зовется «іэ - уса» материнскій родъ въ отличіе отъ настоящаго рода отчаго—«ага-уса».

Очеркъ будетъ не полнымъ, если я, хоть слегка, не коснусь роли, какую играетъ въ якутскомъ бракѣ его перво-источникъ—любовь. Я упомянулъ уже, что вступающіе въ бракъ часто не знаютъ другъ друга и не видѣлись до момента, когда стали мужемъ и женою и говорилъ, что якуты нерѣдко женили маленькихъ дѣтей, что все дѣло сводилось къ договору старшихъ, къ волѣ родителей. Наблюдатели, подмѣтившіе только это, выражали не разъ даже печатно мнѣніе, что якуты не знаютъ любви, что они живутъ и женятся и обходятся безъ нея. Это не вѣрно. Правда, экзогамія и порабощеніе женщины на долго устранили возможность выбора; матеріальная сторона брака, необходимость выкупа, зависимость вслѣдствіе этого отъ родителей, лишили въ значительной мѣрѣ этого—даже мущину; но любовь не умерла. Она принуждена была только принять незаконныя формы.

У якутовъ, какъ и у насъ, встрѣчаются въ изобиліи семейныя драмы: измѣна, ревность, побѣги, сумасшествіе, самоубійства, имѣющіе въ основѣ вражду мужа и жены и порабощеніе чувства. Въ старину было тоже; преданія

нерѣдко описываютъ, какъ жены въ трудныя минуты принимали сторону враговъ, какъ перерѣзывали тетивы луковъ, чтобы братьямъ доставить побѣду надъ мужьями. Тамъ-же указывается на любовь, на свободу выбора, какъ на исходъ.

Путемъ жестокой борьбы и страданій элементъ чувства опять отвоевываетъ себѣ въ якутскомъ бракѣ все возрастающее вліяніе; обычай спрашиватъ молодыхъ распространяется все больше, даже закорепѣлые старики якуты признаютъ его пользу. Борьба придала только особый блескъ и остроту этому на время подавленному чувству.

Чтобы дать понятіе о характерѣ его, позволю себѣ, въ заключеніе моего доклада, прочесть импровизацію якутской дѣвушки, записанную Худяковымъ. Я читалъ ее въ тюркскомъ текстѣ: она дѣйствительно прекрасна, это—стихами сложенная пѣсня; русскій переводъ прозаическій, но очень точный и мѣткій.

Импровизація дѣвушки-якутки

Ахъ, ребята! голову-мысли мои вскружили ловкіе (верткіе) мужчины, стоя кружась, светя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренній обманъ, околдовывая удачностью своихъ выраженій (словъ), заставляя завидовать на свое добро (богатства и добрыя качества), проникая взоромъ мое сердце и печень....

Ахъ, ребята! Еслибъ полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на нѣсколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и расталась-бы я (съ нимъ), то я, худая собою, послѣ, когда тѣло мое жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгяй, 2.

Ахъ! Русскій молодецъ! сидишь ты, слушая — думая, чего хорошаго скажетъ, что можетъ сказать женщина-дѣвушка съ такою недальнею (короткою) мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткимъ (грубымъ, невыдѣланнымъ) платьемъ? Эгяй, 2.

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца, способнаго любить! Еслибъ знала я, что языкъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ —пѣла-бы я, ребята, безостановочно; воспѣвала-бы я ребята. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила-бы ваши сердца, размягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безсильными, какъ маленькое дитя, только что начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички (канарейки), платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда разъѣдетесь вы далеко, свѣтя, какъ падающая звѣзда, расчеркивая небо, блестя какъ молнія, заставивъ зариться [1]), полюбить себя. Только, ребята, я, ходя взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, нѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считаясь за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди! Вы подумаете, разсердитесь, осуждая (меня): «Эдакая страшная осмѣлилась посмотрѣть на насъ! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обвиню ваше доброе? Развѣ обвиню вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значитъ вы уйдете, оскорбившись и осердившись. И хорошіе и худые смотрятъ глазами на (мое) ласковое блестящее солнце, (развѣ оно) оскорбляется этимъ, что-ли?

Ахъ, ребята! Говорятъ на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и черное (темныя дѣла). Тотъ господинъ, поставитъ-ли мнѣ въ вину эти сказанныя мною слова, за то, что я осмѣлилась любящими глазами посмотрѣть на лучшихъ себя, думая, что всѣ должны быть равны мнѣ? и внесетъ (ли) онъ ребята (эти слова) въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣзжаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается, выйдетъ на гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду носить (о васъ воспоминаніе). Эгяй, 2.

В. Сѣрошевскій.

---

[1]) Зариться—завидовать; сибирскій провинціализмъ.

Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ въ Сибири и Средней Азіи.

Актъ, имѣющій для каждой женщины серьезное значеніе, и нерѣдко составляющій для жизни ея критическій моментъ, актъ, непосредственно предшествующій и сопровождающій появленіе новой особи, новаго человѣка,—актъ этотъ, роды, при всемъ различіи обстановки, обрядности и положенія роженицы, при которыхъ они происходятъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ, все-таки отличаются одной общей для нихъ всѣхъ особенностью—а именно легкостью. Эта особенность родоваго акта у сибирскихъ инородческихъ женщинъ отмѣчена всѣми наблюдателями, — путешественниками и врачами. Въ то время какъ по казачьимъ станицамъ въ Сибири значительная смертность отъ родовъ, по словамъ Усова, явленіе весьма обыкновенное [1]), у инородцевъ, наоборотъ, смертность отъ родовъ незначительна. То̀, что у насъ составляетъ большую рѣдкость, и о чемъ всѣ говорятъ, какъ о курьезѣ, тамъ составляетъ обычное явленіе. Напр., чтобы женщина тотчасъ послѣ родовъ сѣла верхомъ на лошадь съ новорожденнымъ и продолжала свой начатый путь,—этого у насъ, вообще у цивилизованныхъ народовъ, почти не слыхать.

У инородческихъ же женщинъ въ Сибири это не рѣдкость. Только что съ вами сидѣла въ юртѣ Киргизка, или въ чумѣ Остячка, или Гилячка, вдругъ ее не стало: она ушла, исчезла, и уже черезъ какихъ-нибудь 15 минутъ вы узнаете, что она подарила свое племя новымъ «вѣнцомъ созданія», съ которымъ она продолжаетъ путь далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало. Такую поразительную легкость, такую по истинѣ завидную и счастливую особенность родоваго акта нѣкоторые авторы объясняютъ различно.

Такъ Meyerson объясняетъ легкіе роды у Калмычекъ открытымъ и подвижнымъ тазомъ, который получается, во-первыхъ, отъ того, что дѣтей, слѣдовательно и дѣвочекъ, носятъ на спинѣ, при чемъ ребята обыкновенно растопыриваютъ ноги по обѣ стороны материнской спины; во-вторыхъ, отъ

---

[1]) Статист. описаніе Сибир. войска. Сост. Усовъ. Спб. 1879 г. Стр. 166.

ранней ѣзды верхомъ, и въ-третьихъ, отъ того, что инородцы эти съ дѣтства имѣютъ обыкновеніе сидѣть по-азіатски, съ подобранными ногами, при чемъ тазовыя кости, отъ тяжести тѣла расходятся (Ploss). Д-ръ Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ также тѣмъ, что киргизскія дѣти (и дѣвочки) начинаютъ съ ранняго дѣтства ѣзду верхомъ, а верховая ѣзда, вѣроятно, измѣняетъ конфигурацію таза, и послѣдній становится особенно выгоднымъ для родоваго акта [1]). Кромѣ измѣненій конфигурацій и выгодныхъ размѣровъ таза, Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ еще и нѣкоторыми другими условіями: дѣторожденіемъ въ молодомъ возрастѣ (съ 17 до 30 лѣтъ) въ слѣдствіе ранняго замужества, и хорошими гигіеническими условіями жизни (главнымъ образомъ постоянными движеніями на воздухѣ и, въ большинствѣ случаевъ, питательной пищей, молокомъ, мясомъ и жирами [2]).

Д-ръ Колбасенко, какъ и до него еще Мейерсонъ совершенно правы въ своихъ объясненіяхъ. Тазовые размѣры у Киргизокъ дѣйствительно нѣсколько увеличены, чего ужъ никакъ нельзя объяснить одними общими гигіеническими условіями. Но кромѣ благопріятныхъ условій, представляющихся со стороны таза, со стороны нѣсколько увеличенныхъ размѣровъ костныхъ родовыхъ путей, на легкость и благопріятный исходъ родовъ вліяютъ еще нѣкоторыя физіологическія особенности организма, свойственныя не только инородцамъ Сибири, но и всѣмъ вообще не цивилизованнымъ народамъ. На эти особенности организма, какъ на моменты, благопріятствующіе родамъ, указалъ въ томъ же засѣданіи акушерскаго гинекологическаго общества въ Кіевѣ [3]) проф. Рейнъ, который во время преній о причинахъ легкости родовъ у Киргизокъ справедливо замѣтилъ, что «сопротивляемость тканей организма вреднымъ вліяніямъ вообще и дѣйствію микробовъ въ частности бываетъ различно, чѣмъ и объясняются тѣ, почти невѣроятные, случаи благопріятнаго теченія болѣзней и родовъ и исходовъ операцій, о которыхъ порой встрѣчаются сообщенія...» Но еще раньше Зеландъ объяснялъ легкость, благополучное теченіе и исходъ родовъ у инородцевъ «замѣчательной жизненностью тканей», которая между прочимъ сказывается при раненіяхъ: «значительныя раны, говоритъ онъ, даже черепныя, часто протекаютъ у Киргизовъ безъ лихорадки». А еще раньше указывалъ на эти условія Топинаръ. Онъ говоритъ: «легкость родовъ, не смотря на отсутствіе самаго элементарнаго ухода, наблюдаемая у дикихъ наро-

[1]) Прот. Зас. Ак.-Гинек. Общ. въ Кіевѣ. Семирѣченская Киргизка въ акушерскомъ отношеніи; плодовитость ея и дѣтская смертность. П. С. Колбасенко. Стр. 121. Кіевъ. 1891 г.

[2]) l. c., стр. 125.

[3]) Прот. Стр. 45. Кіевъ. 1891 г.

довъ, зависитъ какъ отъ анатомическихъ и физіологическихъ особенностей организма, такъ и отъ степени выносливости боли [1]). На высшую жизненность тканей, о которой говоритъ Зеландъ, какъ на моментъ, играющій такую важную роль при томъ или другомъ кризисѣ, переживаемомъ организмомъ нецивилизованныхъ народовъ, указываютъ и другіе ученые. Такъ Вейсъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что «цѣлебная сила природы у народовъ нецивилизованныхъ значительнѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ» [2]). Такимъ образомъ мы видимъ, что при объясненіи легкости родовъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ должны приниматься во вниманіе не только анатомическія особенности, не только выгодные размѣры таза, но еще и физіологическія особенности всего организма: сопротивляемость и жизненность тканей, выносливость боли и т. д. До чего легко рожаютъ Камчадалки, видно изъ словъ графа F. de Gramont, которыя передаетъ Витковскій [3]). На Камчаткѣ, повѣствуетъ Gramont, женщина работаетъ себѣ по хозяйству, вы ничего не замѣчаете, и глядь, черезъ 15 минутъ она уже появляется съ новорожденнымъ на рукахъ. При такихъ родахъ присутствовалъ Штеллеръ: женщина удалилась изъ хижины и черезъ четверть часа явилась съ новорожденнымъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Родятъ же Камчадалки на колѣняхъ въ присутствіи всѣхъ обитателей, безъ различія пола и возраста [4]). Для облегченія ихъ родовъ имъ даютъ какихъ-то насѣкомыхъ и паучковъ [5]).

Часто приходится инородческой женщинѣ разрѣшаться отъ бремени при ужаснѣйшей обстановкѣ, либо одиноко въ тайгѣ, либо на трескучемъ морозѣ, либо прямо на ходу. При такихъ условіяхъ, понятно, иногда гибнутъ и несчастныя матери, и безмолвные младенцы. Женщины васюганскихъ инородцевъ часто разрѣшаются отъ беременности на морозѣ у костра. Несчастная мать должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза [6]). У Гиляковъ, говоритъ Зеландъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ, существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдѣльно-стоящій ша-

[1]) Топинаръ, l. c., стр. 358.

[2]) Теодоръ Вейсъ. Антропологія первоб. народовъ. Москва. 1867, стр. 119. Д-ру Зачеку приходилось накладывать щипцы въ хлѣву на навозѣ, вообще приходилось наблюдать и самому испытывать въ своей многолѣтней практикѣ ужаснѣйшую обстановку, между тѣмъ роженицы Финки всегда быстро поправлялись безъ всякой реакціи (личное сообщеніе д-ра Зачека).

[3]) Witkovski. Histoire des accouchements chez tous les peuples. Стр. 561.

[4]) Witkovski, l. c. стр. 384. Финки также рожаютъ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками о какой либо предметъ.

[5]) Witkovski, l. c., стр. 207.

[6]) Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. Спб. 1891 г., стр. 77.

лашѣ, гдѣ она живетъ дней 10. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ разсчетъ, то мать и новорожденный принуждены проходить эти мытарства даже въ трескучій морозъ и пургу. Единственнымъ средствомъ согрѣванія служитъ горящій въ берестяномъ шалашѣ небольшой костеръ да одежда матери. Бываютъ случаи, присовокупляетъ Зеландъ, что дитя замерзаетъ. То-же самое разсказываетъ о Гилякахъ и Деникеръ [1]). А Угрюмовъ въ «Тобольскихъ Губ. Вѣд.», описывая племя Гиляковъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: Племя Гиляковъ быстро вымираетъ, чему способствуетъ вмѣстѣ съ пьянствомъ и сифилисомъ варварскій обычай при дѣторожденіяхъ. Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, ей дѣлаютъ наскоро особый сарай, увозятъ туда и тамъ до разрѣшенія оставляютъ рѣшительно одну. Лѣтомъ рожденія совершаются еще благополучно; не то бываетъ зимой, въ палящіе морозы. При зимнихъ родахъ или мать умираетъ, или ребенокъ, а то и оба вмѣстѣ. Тунгузка, рожающая обыкновенно очень легко и уже на второй день послѣ родовъ ѣздящая верхомъ на оленѣ, чувствуя приближеніе родовъ, также удаляется изъ юрты и разрѣшается безъ всякой посторонней помощи въ лѣсу [2]). Впрочемъ, это относится только къ лѣснымъ Тунгузкамъ; у степныхъ же Тунгузокъ (Тунгузы, раздѣляются на лѣсныхъ и степныхъ) имѣются бабки, какъ равно и у Буряткокъ.

Самоѣдки переносятъ роды молча и терпѣливо, почти безъ болей [3]). Имъ приходится часто рожать въ пути, во время перекочевокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто. Хотя Самоѣды возятъ съ собою и чумы и разбиваютъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ, но женщины никогда въ нихъ не рожаютъ. Обыкновенно онѣ выходятъ въ это время изъ чума и зимою рожаютъ на снѣгу, который въ первыя минуты существованія новорожденнаго служитъ ему постелью и банею. Дѣти эти, если остаются живы, выростаютъ на томъ-же снѣгу, подъ вьюгою и морозомъ [4]), и начинаютъ свою жизнь точно такъ же, какъ полярныя лисицы и песцы. Если-жъ роды не застигаютъ Самоѣдку въ пути, то она отправляется въ особенную, употребляемую только для этой цѣли, маленькую палатку, наз. **Самайма** или **Мадико**. Помогаетъ во время родовъ старая женщина.

Если роды трудные, то у Самоѣдовъ, какъ и у Остяковъ, существуетъ оригинальный обычай, исполненіе котораго имѣетъ цѣлью облегчить роды.

---

[1]) Ploss II. Стр. 42.

[2]) Mordwinov, «St.-Petersburg Zeitung». 1851. № 203 и 204. Также D-r G. I. Engelmann

[3]) Witkovski, l. c., стр. 559.

[4]) «Тобол. Губ. Вѣд.» 1861 г. № 29.

Обычай этотъ слѣдующій. Какъ только приближается время родовъ, роженица съ бабкою, — бабка по-остяцки «Тупангъ-агны»,—роль которой исполняетъ старуха, удаляется въ отдѣльную юрту, исключительно для этой цѣли предназначенную и считающуюся не чистой. Юрта эта стоитъ неподалеку отъ чума и строится изъ бересты или изъ оленьихъ шкуръ. Въ этомъ-то шалашѣ происходятъ роды, даже и зимою при 40° морозѣ. Бабка собираетъ вокругъ этого шалаша всѣхъ осѣдлыхъ остячекъ, не исключая и дѣвочекъ. Затѣмъ бабка начинаетъ допрашивать роженицу, не нарушала-ли она съ кѣмъ либо супружеской вѣрности и если та сознается въ винѣ своей, то ее спрашиваютъ, съ кѣмъ именно она имѣла связь. Будучи съ малолѣтства увѣрена, что при утайкѣ роды будутъ весьма трудны, жена разсказываетъ всю правду. Палласъ говоритъ, что «однако отъ этого жены не должны опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо мужъ принудитъ только того, на кого указала жена, къ небольшому вознагражденію. Если-жъ это былъ какой-нибудь ближайшій сродникъ, то роженица умалчиваетъ одно только имя, и мужъ потому знаетъ уже, съ кѣмъ надобно вѣдаться». Послѣ того какъ роженица выдала бабкѣ имя обольстителя, бабка призываетъ и на сторонѣ допрашиваетъ виновника въ преступленіи (разумѣется, если онъ въ тѣхъ же юртахъ) и требуетъ, чтобы онъ сознался. Въ случаѣ сознанія виновный долженъ самъ идти къ роженицѣ, или же снять съ себя поясъ и послать его ей. Если роженица невинна, но все-таки не можетъ разрѣшиться, то спрашиваютъ ея мужа, не нарушалъ-ли онъ супружеской вѣрности; получивши сознаніе, спрашиваютъ соучастницу его преступленія, если она находится тутъ-же. Затѣмъ спрашиваютъ виновниковъ, сколько разъ они согрѣшили. Если они въ этомъ не хотятъ сознаться на словахъ, то дѣлаютъ на поясѣ такое число узловъ, сколько разъ согрѣшили.

Этотъ методъ акушерской помощи, дѣйствительность котораго не испытала еще ни одна акушерская школа (вѣроятно, по причинамъ деликатности), считается у Остяковъ и у Самоѣдовъ необходимымъ при трудныхъ родахъ; они отъ души вѣрятъ, что только та женщина можетъ родить легко, которая сама невинна, и мужъ которой соблюдаетъ супружескую вѣрность. Собираютъ-же всѣхъ Остячекъ къ роженицѣ для того, чтобы, видя страданія послѣдней, женщины опасались нарушенія супружеской вѣрности [1]).

---

[1]) Невѣроятнымъ всѣмъ покажется слѣдующій эпизодъ. Въ Петропавловскѣ въ мое время проживала одна русская семья изъ Москвы. Представитель этой семьи былъ довѣренный отъ одной крупной московской фирмы. Во время родовъ жены его, очень красивой, но обездоленной женщины, къ ней всегда ходила свекровь и допытывалась, съ кѣмъ она имѣетъ грѣхъ. «Сознайся, съ кѣмъ грѣшила, легче родишь; кайся во грѣхѣ своемъ». Не практикуется-ли этотъ обычай гдѣ-либо еще въ Великороссіи?

У Алтайцевъ рожденіе дѣтей происходитъ при стеченіи народа, женщинъ въ юртѣ, а мужчинъ за юртой. Въ случаѣ трудныхъ родовъ, толпа начинаетъ шумѣть, кричать и насвистывать. Мужчины производятъ ружейную пальбу. Роженицу начинаютъ давить по животу, зажимаютъ ей ротъ и носъ, душатъ подушками, все для того, чтобъ она, употребляя и напрягая всѣ свои послѣднія силы, скорѣе разрѣшилась отъ бремени [1]). У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, по словамъ Павла Небольсина [2]), роды происходятъ такъ: Женщина, почувствовавшая, что она готовится сдѣлаться матерью, объявляетъ о своей радости мужу; съ этой минуты супруги не раздѣляютъ ложа вмѣстѣ.

При исходѣ беременности супруги, если они зажиточны, на всякій случай, приглашаютъ къ себѣ бабку и медика — гелюнга.

Въ минуту, когда настаютъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ въ гости, или куда случится, такъ какъ во время родовъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта заключается въ томъ, что роженицу, сидящую на коврѣ, приглашенные мужчины, обхватываютъ сзади ниже пояса и сжимаютъ ее руками, сколько силъ хватитъ. У Калмыковъ, говоритъ Небольсинъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходитъ повѣрье, что помощь роженицѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой-бы онъ силы ни былъ, теряетъ эту способность на всегда. Вслѣдствіи такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихся помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отнятіе пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ поясныиъ ножемъ; мать бережетъ послѣ этотъ ножъ въ завѣтномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждыхъ родовъ приготовляютъ особый ножикъ.

Ребенка сейчасъ-же обмываютъ теплой водой и обвертываютъ его, лѣтомъ въ холстину, а зимой—въ саксàкъ, т. е. въ молодую овчину съ нѣжною и длинною шерстью, кладутъ на лубокъ и, въ ожиданіи появленія у матери молока, даютъ ему кусочекъ полусвареннаго бараньяго курдюка отрѣзаннаго въ такомъ видѣ, чтобъ ребенку легко было его сосать.

Въ другихъ улусахъ Калмычки рожаютъ, стоя на колѣняхъ, при чемъ

---

[1]) Radloff. Вербицкій, l. c. стр. 172.

[2]) Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, составлены Павломъ Небольсинымъ Спб. 1852 г., стр. 84.

повитуха энергично поглаживаетъ животъ сверху внизъ. Если-жъ роды трудны, то мужъ разстилаетъ вокругъ юрты сѣть, бѣгаетъ кругомъ и хлещетъ нагайкой по воздуху направо и налѣво, воображая, что лупитъ злого духа, котораго гонитъ крикомъ: гартъ чаткыръ! (вонъ, дьяволъ!). У зажиточныхъ Калмыковъ приглашаются всѣ живущія вблизи духовныя лица, которыя уже однимъ своимъ присутствіемъ отгоняютъ нечистую силу. А то еще поступаютъ такъ, какъ это описано у Небольсина, т. е. здоровый мужчина беретъ роженицу къ себѣ на колѣни и сдавливаетъ ей животъ [1]).

У Сартянокъ, отличающихся особенной плодовитостью (отъ одной жены Сарты имѣютъ иногда по 15 человѣкъ живыхъ дѣтей, такъ что у тѣхъ, которые женаты на нѣсколькихъ женахъ, образуется огромное семейство, состоящее иногда изъ 30 душъ), младенцевъ принимаютъ бабки (мама).

В. Наливкинъ говоритъ, что у Сартянокъ случаи смерти во время родовъ не рѣдкость; причину этого онъ видитъ не въ природной узкости таза, который напротивъ какъ у полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ— широкій, а въ неудовлетворительныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаетъ онъ это потому что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, и во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ, зимою. (В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта женщины туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886., стр. 89).

По обычаю, въ первое время младенца скрываютъ отъ родильницы для того, чтобы не взволновать чувства матери, въ особенности, если родится сынъ. Бабка, обманувъ родильницу, что родилась дочь, идетъ къ отцу съ поздравленіемъ и получаетъ подарки. Давъ укрѣпиться здоровью матери, къ ней приносятъ младенца. Отецъ читаетъ молитву и даетъ имя, и затѣмъ уже мать свободно отдается своей радости. Узнавъ о рожденіи младенца—мальчика, сосѣди спѣшатъ съ поздравленьями, богатые даже съ музыкой и пляской [2]).

Разрѣшившись первымъ ребенкомъ, Сартянка изъ пяти косъ (бишъ-какуль) заплетаетъ уже только двѣ (джуонъ) [3]).

Въ Туркестанѣ туземная женщина родитъ всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ мать, старшія замужнія сестры или другія

---

[1]) Говорятъ, что у Калмыковъ при трудныхъ родахъ женщинъ дѣлали ужъ давно поворотъ, а что у Сангаровъ врачи (Емчи) дѣлали эмбріотомію (Krebel).

[2]) Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края: А. П. Хорошхинъ СПБ. 1876 стр. 119.

[3]) А. П. Хорошхинъ 1. с. В. Наливкинъ. 1. с. стр. 170.

какъ ея, такъ и мужнины родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дому на время родовъ. Повитухи, этимъ спеціально занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родятъ сартянки всегда или стоя на колѣняхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочитается всѣмъ другимъ, такъ какъ, по мнѣнію туземныхъ женщинъ, оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бываютъ относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтитъ начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкновенно перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чемъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистическаго характера. Такъ напр. въ той-же комнатѣ, гдѣ происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго копыта или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какая нибудь молитва.

Появившагося на свѣтъ ребенка беретъ, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы.

Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (ниткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженица. Вслѣдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрнѣе, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, вслѣдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужой а в р э т ъ, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея-же, съ правой ея стороны, кладутъ и новорожденнаго. Лежитъ роженица обыкновенно 6—7 дней, рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это-же время пища родильницы состоитъ по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ катыкомъ (холодная пища), а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну

изъ боязни, чтобы надъ ней и надъ ребенкомъ не учинила какого либо зла нечистая сила, желтоволосая аджина. Не рѣдко случается, что, не желая огорчать отца извѣстіемъ о рожденіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два три дня, постепенно подготовивъ, совѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельнаго человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшія при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ-бы былъ быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всѣмъ знакомымъ полетѣли гонцы съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ палау и другихъ угощеній, гостямъ будутъ раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченнаго хозяина отца, объявившаго имъ, что произошла ошибка, что вмѣсто сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ-же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила-бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ-же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ сунчй (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждаго изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой-же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ея мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходящая женщина приноситъ палау, лепешки или пирожки. Всѣ эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаніями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, при чемъ никогда не имѣется въ виду того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо-таки вреднымъ.

Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большее, что рѣжется баранъ и на палау приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знакомыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ мазарѣ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко издержки по такому угощенію беретъ на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которымъ онъ наиболѣе друженъ.

У Башкировъ помогаютъ роженицѣ старыя повитухи, которыхъ башкирки, какъ и наши простолюдинки, предпочитаютъ врачамъ. Къ врачу баш-

киры врядъ ли обратятся. Въ Петропавловскѣ умерла дочь башкира отъ родовъ. Не смотря на всѣ настоятельныя требованія родственниковъ татаръ, пригласить врача, башкиръ отказалъ на отрѣзъ. Ploss приводитъ по этому поводу слова одного французскаго автора: «Une femme enceinte préfère mourir en couches plutôt que de recourir à un médecin, lors-même que celui-ci lui donnerait gratuitement ses soins».

У Киргизовъ роды (по киргизски: туганъ даръ, или правильнѣе туганъ-ларъ, туганъ значитъ родила, а ларъ, леръ приставка для обозначенія множественнаго числа) обыкновенно происходятъ такъ: женщина принимаетъ такое же положеніе, какъ калмычка, т. е. на колѣняхъ съ наклоненнымъ туловищемъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось присутствовать при родахъ, роженица садилась на корточкахъ въ громадный мѣдный тазъ, въ которомъ помѣщалось немного теплой воды. Руками роженица держится либо за повитуху,—по киргизски: «кэмпыръ» также: «кучинамъ»—и другихъ присутствующихъ женщинъ, либо за какой-нибудь неподвижный предметъ, большею частью за протянутую черезъ юрту веревку.

Въ классическомъ сочиненіи Радлова (Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkischen Stämme) [1]) въ описаніи родовъ у княжеской дочери Каникэи поется: Проходили дни за днями, у княжны, у Каникэи ужъ беременность достигала десять лунныхъ мѣсяцевъ, мѣдный шестъ съ златою вилой водрузивши, Каникэи начала рожать въ боляхъ.

Этотъ мѣдный шестъ съ златою вилой (переведено мною со словъ: stellt den Kupfer-Pfahl mit gold'ner Gabel) есть подобіе тѣхъ желѣзныхъ вилообразно развѣтвляющихся и серебромъ отдѣланныхъ шестовъ, которые употребляются у богатыхъ киргизовъ какъ вѣшалки. При этомъ Радловъ въ примѣчаніи поясняетъ, что по обычаю киргизовъ, женщины рожаютъ, стоя на колѣняхъ и держась поднятыми руками за поперечную жердь. Судя же по вышеприведеннымъ словамъ княжна Каникэи, какъ вѣроятно и другія киргизки въ старину, рожала, держась за металлическій шестъ, воткнутый нижнимъ концомъ въ землю, а вилообразной верхушкой подпирающій кошомный сводъ юрты.

При трудныхъ родахъ киргизки большей частью рожаютъ, стоя, при-

---

[1]) У Айсаровъ на Кавказѣ роженица тоже хватается за веревку, привязанную къ потолку. (Сборникъ Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4, Тифлисъ 1884, стр. 318 и дальше.

[2]) Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkichen Stämme. W. Radloff. V Theil. S.-Petersburg. 1885 s. 100.

чемъ повитуха уговариваетъ роженицу, грозитъ, кричитъ на нее, руководитъ всѣмъ ходомъ родовъ. А присутствующіе или сидятъ кругомъ, подобравши подъ себя ноги, вздыхаютъ и восклицаютъ: Алла!—или же шумятъ и суетятся: кто готовитъ теплую воду для младенца, кто выбѣгаетъ изъ юрты и что-то кричитъ толпѣ; изъ толпы выдѣляется сильный джигитъ, снимаетъ съ себя верхній бишметъ и становится близъ юрты въ какомъ-то ожиданіи. Кэмпыръ, повитуха, еще разъ тщательно моетъ свои руки и вводитъ пальцы въ родовой каналъ; она, повидимому, убѣждается, что роды трудные,—это видно по ея лицу, по качанію головой, это понятно изъ звучныхъ щелчковъ языкомъ, выражающихъ недоумѣнье и ужасъ. Кэмпыръ что-то долго шаритъ пальцами. Мужчины за юртой въ безпокойствѣ. Постеливши на землю бишметы или коврики, они становятся на колѣни и начинаютъ молиться. Мужъ, богатый киргизъ, даритъ одному бѣдняку барана, другому худую лошадь. Бѣдняки эти начинаютъ громче всѣхъ молиться.

Одна киргизка погружаетъ въ воду т у м а р ъ (амулетъ) и даетъ роженицѣ испить этой воды (въ Малороссіи баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной) [1]). Затѣмъ повитуха занимаетъ мѣсто позади роженицы, упирается въ ея поясницу колѣномъ, а самое ее обхватываетъ руками и начинаетъ надавливать животъ сверху внизъ, уговаривая роженицу имѣть терпѣніе, не бояться, не кричать: «тимэ, джалашай»—молчи, не плачь! Но вотъ повитуха устаетъ. Она, сидя позади больной, киваетъ глазомъ одной киргизкѣ; эта незамѣтно выходитъ изъ юрты и тихонько что-то шепчетъ толпѣ. Раньше приведенный и приготовившійся высокій, здоровый и черно-смуглый киргизъ съ шумомъ врывается въ юрту, толпа мгновенно подниматъ неистовый крикъ, роженица вскрикиваетъ и рожаетъ,—до того сильно на нее вліяетъ внезапный гвалтъ, а главное, появленіе смуглаго, страшнаго мужчины въ то время, когда она голая сидитъ надъ мѣднымъ тазомъ. Стоны роженицы: Уай Алла, Уай Алла! крики и возгласы женщинъ, галденіе всей толпы; джигиты куда-то помчались верхомъ, какъ стрѣлы изъ лука,—вѣроятно, распространить повесть по всѣмъ ауламъ,—все это производитъ на непривычнаго сильное впечатлѣніе. Меня же, даргыра, бывшаго нѣмымъ свидѣтелемъ родоваго акта, допустили бы къ активной роли, какъ мнѣ объяснили потомъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Часто же при трудныхъ родахъ поступаютъ, какъ разсказывали мнѣ и какъ описываютъ, приблизительно такъ: протягиваютъ черезъ юрту веревку

---

[1]) Труды этногр. стат. экспед. въ западно-русскій край. Юго-запад. отд. Мат., собр. П. П. Чубинскимъ. Т. IV, Спб. 1877.

и велятъ роженицѣ держаться за нее руками; затѣмъ ее подхватываютъ подъ мышки и приподнимаютъ ее за веревку подъ самый тюнлюкъ (верхнее круглое отверстіе въ юртѣ). Буде это окажетъ слабое дѣйствіе, то роженицу обхватываетъ сильный киргизъ и давитъ ей животъ; этого киргиза обхватываетъ другой, другого третій и т. д., и другъ друга они тянутъ со всей силы. А несчастная роженица, болтаясь въ воздухѣ, употребляетъ послѣднія силы, чтобы удержаться руками за веревку. Приходящіе въ юрту должны ударить роженицу полою платья трижды съ крикомъ: джур! (выходи!) разумѣя нечистую силу, поселившуюся въ роженицѣ и задерживающую младенца въ утробѣ. Съ цѣлью воздѣйствовать на шайтана, начинаютъ кричать, колотить и хлопать по юртѣ, а иногда и по роженицѣ, хотя на нее только замахиваются сильно, чтобъ испугать, а бьютъ легонько. Поселеніе въ женщинѣ шайтана ставится внѣ всякаго сомнѣнія, когда у роженицы дѣлается припадокъ эклямпсіи. Тогда зовутъ баксу, который начинаетъ наигрывать на кобзѣ пріятныя для киргизовъ мелодіи, коими онъ думаетъ выманить плодъ изъ утробы на свѣтъ Божій. Когда плодъ обнаруживаетъ отсутствіе музыкальнаго вкуса и все-таки не выходитъ, то приглашаютъ еще другого баксу. Оба они становятся на колѣни близъ разведеннаго среди юрты огня, около котораго помѣщается и больная и, покачивая головами вправо и влѣво, начинаютъ тихохонько побренькивать на кобзахъ, время отъ времени потряхивая ими, при чемъ разные металлическіе привѣски на ней дребезжатъ и позваниваютъ. Затѣмъ они начинаютъ дрожащимъ голосомъ и въ носъ пѣть—импровизировать. Поютъ они обо всемъ: и о больной, и о кашгырѣ (волкъ) и объ аю (медвѣдь) и о куль (озеро), и о степи съ березовыми рощами, и о высокихъ горахъ съ вершинами въ туманѣ, и о беркутѣ подъ облаками... Баксы поютъ, и поютъ все тише да тише, наконецъ затихаютъ, но только на мгновеніе. Вдругъ они вскакиваютъ съ сверкающими глазами, съ искаженными лицами, мечутся, кружатся вокругъ больной и юрты, приходятъ въ настоящее изступленіе, кувыркаются, падаютъ, подпрыгиваютъ, хватаютъ и рвутъ зубами все, попадающееся имъ подъ руки, бросаются другъ на друга, грызутся, кусаются, кидаютъ другъ на друга головни, пока наконецъ болѣе слабый изъ нихъ въ изнеможеніи падаетъ, послѣ чего вся эта страшная церемонія кончается.

Иногда же стремятся запугать шайтана беркутомъ или совой, которыхъ-де боится шайтанъ. Если и это не помогаетъ, то роженицу сажаютъ на коня, ее держитъ сидящій на томъ же конѣ крѣпкій киргизъ, и они мчатся по степи въ карьеръ. И здѣсь-то случается большей частью, что на конѣ дѣйствительно прекращаются всѣ страданія роженицы—вмѣстѣ съ ея жизнью!

Къ счастію этого степнаго народа, на сотни верстъ разсыпаннаго отъ города и отъ единственнаго на весь громадный уѣздъ уѣзднаго врача, который при огромномъ жалованьи отъ казны (1800 р. кромѣ пятилѣтнихъ прибавокъ и проч.) оставляетъ свою городскую практику и выѣзжаетъ въ уѣздъ только для вскрытія мертвыхъ, къ счастію, говорю я, этого народа, далекаго и отъ единственной на весь уѣздъ повивальной бабки, трудные роды случаются у нихъ крайне рѣдко! Мнѣ, за мою бытность въ степи, не приходилось слышать, чтобъ какая нибудь киргизка умерла отъ родовъ. По словамъ Колбасенка, полусуточная продолжительность родовъ есть нормальная продолжительность родоваго акта у Киргизокъ. Легкихъ родовъ (менѣе сутокъ) онъ вычислилъ 70.5%, а трудныхъ (болѣе сутокъ) 17.5%. Если бъ не легкіе роды, сколько было бы у нихъ смертныхъ случаевъ отъ встряхиваній, давленій и бѣшеной скачки верхомъ!

Тотчасъ послѣ появленія младенца на свѣтъ, бабушки управляются съ пуповиной. У Калмыковъ бабка перевязываетъ пуповину суровой ниткой и перерѣзаетъ ее на дощечкѣ ножомъ, который остается ея собственностью. Оставшаяся потомъ пуповина сохраняется матерями. У Киргизовъ, какъ только родится младенецъ, поступаютъ двояко: или ждутъ сначала выхода послѣда и потомъ перевязываютъ пуповину, или же перевязываютъ и перерѣзаютъ раньше пуповину, потомъ ждутъ послѣда. Перевязку дѣлаютъ суровой ниткой близко къ животу младенца, а перерѣзываютъ пуповину ножомъ или ножницами. Въ Семирѣченской области пуповину помѣщаютъ въ тѣсто, приготовленное изъ скобленнаго мыла, смѣшаннаго съ мелко изрубленными бараньими железами, пуповина отъ этого отпадаетъ на 3-й день. Язву, по отпаденіи пуповины, присыпаютъ золой отъ сожженнаго войлока. Если мѣсто (по киргизски: «джумдаетъ») замедляетъ выходомъ, то бабушка вынимаетъ или выжимаетъ его рукой, вводя послѣднюю, въ случаѣ надобности, въ матку (по киргизски «джатыръ»). Объ описанныхъ у Ploss'а [1]) пріемахъ удаленія послѣда, которые практикуются будто бы у Семипалатинскихъ Киргизовъ, я не слыхалъ. Пріемъ этотъ основанъ на суевѣріи, будто бы послѣдъ задерживается въ утробѣ нечистой силой. Приглашается «бакса», который продѣлываетъ разные hocus-pocus'ы, оплеушитъ роженицу, тычетъ ей въ ротъ раскаленное желѣзо, за что она должна благодарить словами: «таиръ джелгасенъ кокулдукъ» и т. д. Удаляютъ послѣдъ еще и такъ: роженица садится на корточки, а повитуха помѣщается сзади, упирается колѣномъ въ крестецъ роженицы, а руками выжимаетъ послѣдъ сверху внизъ

[1]) II, стр. 229.

(Колбасенко). Въ Петропавловскѣ я наблюдалъ, что киргизскія и татарскія (да и русскія женщины) для изгнанія послѣда привязываютъ къ половымъ органамъ вѣникъ, пьютъ порохъ и пр. Съ вышедшимъ послѣдомъ поступаютъ инородцы различно. Большею частью всѣ они закапываютъ его въ землю тутъ же въ юртѣ или кибиткѣ (Калмыки, Киргизы и друг.). У Якутовъ же по Gmelin'у [1]) существовалъ отвратительный обычай—тотчасъ послѣ родовъ сварить послѣдъ и съѣсть его въ кругу друзей. C. Hickisch [2]) говоритъ по этому поводу: Georgi berichtet über einen seltsamen, in höchsten Grade ekelhaften Gebrauch bei den Tungusen, nämlich die Placenta entbundener Wöchnerin, zu essen.

Этотъ обычай поѣдать послѣдъ существуетъ якобы еще и у Ительменовъ. Middendorf же этого обычая не нашелъ нигдѣ; можетъ быть, потому, полагаетъ Hickisch, что этотъ обычай скрываютъ.

Послѣродовыя кровотеченія останавливаютъ въ Семирѣченской области у Киргизовъ слѣдующимъ образомъ: кусокъ чистой кошмы (войлока) смазываютъ обильно жиромъ и нагрѣваютъ сильно надъ огнемъ; родильницу сажаютъ на нагрѣтую кошму такъ, чтобъ наружныя половыя части подвергались вліянію сильнаго жара. Внутрь при этомъ даютъ пить растопленный горячій жиръ. Высокая температура дѣйствуетъ, вѣроятно, рефлекторно на сокращеніе матки (Колбасенко).

Послѣ родовъ женщина считается у всѣхъ инородцевъ нечистой впродолженіи большаго или меньшаго времени. У Остяковъ, Самоѣдовъ время это опредѣлено пятью недѣлями. Объ остяцкихъ женщинахъ мы по этому поводу читаемъ между прочимъ у Sommier слѣдующее: «in certe epoche vengano allontanata dalla capanna perchè si considerano comme impure, e dopo i parti devono stare separate dalla famiglie per un tempo determinato».

Но это правило, продолжаетъ онъ, мы встрѣчаемъ и въ законѣ Моисея, гдѣ сказано: «если женщина родитъ мальчика, она нечиста въ теченіи 7 дней, послѣ нихъ же очищается въ продолженіи 33 дней: если родитъ дѣвочку, она нечиста двѣ недѣли и затѣмъ очищается въ теченіи 66 дней». И далѣе сказано: во время выдѣленій женщина не чиста, и если она соединится съ мужемъ, то оба повинны понести смертное наказаніе [3]). У Мусульманъ также, по шаріату, женщина, одержимая «срочнымъ кровотеченіемъ» считается не чистой, больной. «Это у нихъ, гласитъ ст. 222 глав. 2, время

---

1) Vitkovski, l. c., стр. 560.
2) C. Hickisch. Die Tungusen. St. Petersburg. 1879, стр. 84.
3) Лев. гл. XII.

недуга, а потому удаляйтесь отъ женъ во время кровотеченія, и не сближайтесь съ ними, покуда онѣ не будутъ чисты. И когда онѣ очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ».

У Кореляковъ, Тунгузовъ и Вогуловъ родильница считается нечистой также до 6 недѣль. Въ это время родильница остается изолированной отъ всѣхъ, за исключеніемъ одной старой бабки. У Калмыковъ родильница считается нечистой до 3 недѣль. У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса родильница, какъ только пуповина отпадетъ, а у ней появится первое молоко, является къ мужу и подноситъ ему изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «юсунъ-арза»; первое молоко, «уурукъ», сначала обыкновенно нѣсколько спустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку. Ребенокъ, какъ замѣчаютъ Калмыки, съ жадностью принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что извѣстная брань, въ которой говорится объ материнскомъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ. Нѣтъ обиднѣе брани для Калмыка, какъ сказать ему: уурўкътанъ-злѐ цадыксынъ ель-мыръ», т. е. ты жаденъ, не насытился даже грудью матери [1]).

У Киргизовъ родильница признается чистой уже спустя 3—4 дня послѣ родовъ и можетъ готовить и подавать пищу своему мужу. Вступить же въ супружескія сношенія она, по шаріату, можетъ только по прошествіи 40 дней послѣ родовъ, иначе говоря, послѣ первой менструаціи.

Какъ Киргизки, такъ и Калмычки встаютъ обыкновенно на 3-й день. Случается, что онѣ уже на третій день скачутъ верхомъ.

Тотчасъ послѣ родовъ Коряки даютъ родильницѣ немного оленины и оленьей крови изъ оленя, заколотаго въ пологѣ, гдѣ спятъ, и принесеннаго въ жертву мужемъ во время родовъ съ цѣлью умилостивить злыхъ духовъ земли, чтобъ поберегли новорожденнаго,—«жизнь за жизнь». А у Киргизовъ родильницѣ вскорѣ послѣ родовъ даютъ выпить немного горячаго масла или сала, затѣмъ колютъ въ первый же день барана, котораго варятъ, но, конечно, не для нея одной.

Кромѣ этого ей не даютъ ничего, такъ какъ у обыкновенныхъ Киргизовъ кромѣ тамака, состоящаго изъ мяса «итъ» и супа «сарпа», рѣдко водится другое кушанье. У Татаръ родильница получаетъ чай изъ ромашки.

Очищаются женщины инородцевъ также различно. Остяцкая женщина разводитъ огонь и бросаетъ въ него древесную губку, или бобровую струю,

[1]) Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, составленные Павломъ Небольсинымъ. Спб. 1852, стр. 85.

или же, за неимѣніемъ оной, кусочекъ бобровой шкурки, трижды перескакиваетъ черезъ огонь, окуривается и возвращается къ мужу.

Кромѣ того, отецъ или мать новорожденнаго дарятъ послѣ родовъ бабку (по-остяцки: тупангъ-анги, т. е. пупная мать); бѣдные дарятъ ее—песцомъ, богатые—лисицей, даютъ ей кусочекъ мыла, ножикъ, которымъ она рѣзала пуповину, и платокъ.

Младенецъ считается нечистымъ впродолженіи десяти дней.

Татарки послѣ родовъ тотчасъ идутъ въ баню (въ каждомъ почти дворѣ своя баня), гдѣ ихъ бабушки моютъ и правятъ.

У Киргизовъ же бань нѣтъ, за весьма рѣдкими исключеніями, и потому они ограничиваются тѣмъ, что бабушки подмываютъ родильницу, ежедневно въ теченіи трехъ дней. Какъ у Татаръ, такъ и у Киргизовъ, родильницѣ бинтуютъ животъ бинтами или полотенцами. Подъ голову родильницѣ кладутъ Коранъ, на стѣнахъ развѣшиваютъ краткія молитвы, иногда въ рамкахъ [1]). Иной разъ вы видите въ такой рамкѣ одну только громадную дугообразную черную линію съ крупной точкой на золотистомъ фонѣ; но линія эта, если ближе всмотрѣться, состоитъ изъ мельчайшихъ буквъ, составляющихъ молитву.

Какъ инородцы встрѣчаютъ новаго гражданина или гражданку, какими заботами они окружаютъ ихъ, какъ совершаютъ нареченіе имъ именъ и т. д.—объ этомъ, если позволите, я сдѣлаю сообщеніе въ слѣдующій разъ.

Докторъ А. К. Бѣлиловскій.

---

[1]) Евреи оберегаютъ роженицу и новорожденнаго отъ нечистой силы молитвами, написанными на бумагахъ, которыя развѣшиваются по стѣнамъ и на которыхъ вмѣсто заголовка имѣется шестиконечная звѣзда. У Айсаровъ на Кавказѣ ограждаются родильницы и новорожденные крестообразными линіями, которые проводятся кинжалами. Кинжалы эти вмѣстѣ съ Евангеліемъ лежатъ до 7 дней подъ подушкой родильницы. (Сборникъ мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4-й. Тифлисъ 1884 г., стр. 317.

Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣніи о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій.

I. Этническій составъ большой орды.

1) Фаза соціологической эволюціи, въ которой находятся тюркскіе кочевники. Народныя генеалогическія представленія.

Многіе соціологи полагаютъ, что первичныя человѣческія общества не знали семьи и личной собственности и что женщины, дѣти и имущества составляли общую принадлежность всей общины, всѣхъ мужчинъ. Въ слѣдующей фазѣ соціальнаго развитія господство перешло къ женщинамъ и наступилъ вѣкъ гинекократіи. Третья (патріархальная) фаза характеризуется бракомъ, съ властью отца надъ имуществомъ и членами семьи. За нею слѣдуетъ фаза нынѣшнихъ цивилизованныхъ обществъ, въ которыхъ преобладаніе кровныхъ узъ замѣнено новыми началами права личности и права политической національности [1]).

Но нѣкоторыя обезьяны живутъ моногамно и самцы млекопитающихъ вообще обнаруживаютъ чувство ревности, стремясь къ исключительному обладанію своими самками. Поэтому приведенную характеристику первичной фазы приходится исправить въ томъ смыслѣ, что въ отношеніяхъ къ женщинамъ въ первобытныхъ обществахъ господствуетъ гетеризмъ, т. е. непрочные, легко расторгаемые моногамные союзы. Замѣчаютъ затѣмъ, что гинекократія и патріархализмъ суть «двѣ параллельныя вѣтви, выросшія изъ одного и того же ствола, изъ первобытнаго гетеризма, слѣдовательно дальнѣйшее развитіе одной изъ этихъ системъ въ другую невозможно: онѣ исключаютъ другъ друга» [2]).

---

[1]) См. напр. Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz d'après l'étude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le général N. I. Grodekoff, par Victor Dingelstedt, Paris, 1891 (Extrait de la Revue générale du droit), p. p. III et IV.

[2]) Каутскій, «Возникновеніе брачныхъ союзовъ», въ «Сѣв. Вѣстникѣ», 1891 г., сентябрь и октябрь.

Можно думать, что гинекократія не составляетъ необходимой фазы развитія всѣхъ человѣческихъ расъ и племенъ, а была удѣломъ лишь нѣкоторой ихъ части, и что факты и явленія, которыя систематизируются подъ именемъ материнскаго права, суть принадлежности первичнаго общества и являются результатомъ неизвѣстности отцовъ, почему родственныя отношенія опредѣляются по женской линіи вслѣдствіе необходимости.

Тюрки выступили на историческую почву кочевниками—скотоводами съ патріархальнымъ или родовымъ бытомъ. Древнѣйшія о нихъ извѣстія встрѣчаются въ «Шы-цзи», «Историческихъ запискахъ», составленныхъ за столѣтіе до Р. Х. Описывая бытъ хяньюней и хуньюйевъ (первымъ именемъ, по китайскимъ комментаторамъ, назывались хунны во времена императора Яо, за 2357 лѣтъ до Р. Х., и вторымъ—тѣ же хунны при династіи Чжеу, 1122—223 г.г. до Р. Х.), Сыма Цянь говоритъ: «Обитая за сѣверными предѣлами Китая, переходятъ со своимъ скотомъ съ однихъ пастбищъ на другія... Не имѣютъ ни городовъ, ни осѣдлости, ни земледѣлія, но у каждаго [1]) есть отдѣленный участокъ земли... Начиная съ владѣтелей, всѣ питаются мясомъ домашняго скота, одѣваются кожами его, прикрываются шерстянымъ и мѣховымъ одѣяніемъ. Сильные ѣдятъ жирное и лучшее; устарѣвшіе питаются остатками послѣ нихъ. Молодыхъ и крѣпкихъ уважаютъ, устарѣвшихъ и слабыхъ мало почитаютъ. По смерти отца женятся на мачехѣ; по смерти братьевъ женятся на невѣсткахъ» [2]). Почти таковъ же былъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., по современнымъ китайскимъ описаніямъ, бытъ тюрковъ (тукюе), которыхъ китайскіе историки считаютъ потомками хунновъ, упоминая между прочимъ слѣдующую характерную для организаціи семьи и брака черту: «По смерти отца, старшихъ братьевъ и дядей по отцѣ, женятся на мачехахъ, невѣсткахъ и теткахъ» [3]). Основы быта киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ тѣ же самыя въ главныхъ чертахъ и въ настоящее время.

У оставшихся такимъ образомъ въ родовомъ бытѣ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ тысячелѣтій, народовъ кровныя отношенія, принадлежность къ родамъ и ихъ дѣленія естественно должны были всегда имѣть важное значеніе. И дѣйствительно, родовыя дѣленія и имена, вмѣстѣ съ тамгами (тавро или мѣта скота) и уранами (военные клики), и народные обычаи и преданія составляютъ у неимѣвшихъ литературы кочевниковъ почти все, что они сохранили въ качествѣ памятниковъ своего прошлаго.

---

[1]) Рода конечно, а не лица или семьи.

[2]) «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена» монаха Іакинфа, Спб., 1851 г., часть 1, стр. 2 и 3.

[3]) Тамъ же, стр 270.

Отсюда понятна важность изученія родовыхъ дѣленій для исторіи и этнографіи тюркскихъ народовъ. Между тѣмъ, по замѣчанію Вамбери, немногіе предметы въ этнографіи тюрковъ представляютъ бо́льшія трудности, чѣмъ точное выясненіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣленій [1]). Въ самомъ дѣлѣ, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественнаго размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, роды, вслѣдствіе продолжающагося естественнаго нарожденія новыхъ членовъ въ составляющихъ ихъ семьяхъ и увеличенія количества этихъ послѣднихъ, должны неминуемо дробиться на части, изъ которыхъ каждая дастъ также свои подраздѣленія и т. д. Но одновременно и не менѣе могущественно, чѣмъ естественное нарожденіе, вліяютъ на образованіе новыхъ родовыхъ частей и на иное группированіе существующихъ—экономическіе и политическіе факторы: недостатокъ пастбищъ вслѣдствіе умноженія скота, борьба за эти пастбища, происходящія отсюда и изъ другихъ причинъ внутреннія смуты и раздоры, наконецъ внѣшнія нашествія и войны,—все это также вліяетъ на группировки родовъ и ихъ частей, вызывая образованіе новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Во время происходящихъ вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ броженій и смутъ, весьма часто играютъ выдающуюся роль сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленныя по крови части родовъ, и даже иноплеменники. Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣленіями кровнаго происхожденія, а потомъ и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народнымъ сознаніемъ приравниваются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входятъ нерѣдко части разныхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ. Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновенія ихъ и созданія новыхъ родовыхъ союзовъ длятся все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т. е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что киргизъ-казаки, при своемъ сборномъ составѣ изъ разныхъ подплеменъ, если не изъ разныхъ племенъ и народовъ, представляютъ собою въ настоящее время необъяснимый конгломератъ родовыхъ союзовъ и что роды у нихъ утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношенія. Въ дѣйствительности однако оказывается, что роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фиктивный, частію истинный кровно-родовой характеръ соотношеніяхъ. Произошло это безъ сомнѣнія вслѣдствіе могучаго вліянія родоваго быта, въ которомъ кочевники эти продолжаютъ пребывать. Въ немъ же коренится причина об-

[1]) Das Türkenvolk etc., 1885, s. 181.

леченія, въ народномъ сознаніи, отношеній между родами исключительно въ форму кровно-родовую, генеалогическую. Утрачивая через два-три поколѣнія ясныя воспоминанія объ историческихъ событіяхъ, между прочимъ и объ обстоятельствахъ образованія родовыхъ союзовъ, ихъ видоизмѣненій и распаденій, тюрки-кочевники всегда представляли себѣ происхожденіе своихъ родовъ или общественныхъ единицъ и ихъ подраздѣленій такимъ же, какъ совершающееся вслѣдствіе естественнаго размноженія людей образованіе новыхъ родовыхъ дѣленій [1]). Таково именно содержаніе тюркскихъ родословныхъ преданій, первый сохранившійся до насъ образчикъ которыхъ записанъ китайцами въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., а нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ изложены въ «Исторіи монголовъ» Рашидъ-эддина и повторены въ сочиненіи Абдулъ-гази-багадуръ-хана, назвавшаго свою исторію «Родословною тюрковъ», устныя же существуютъ и созидаются и понынѣ у тюрковъ, сохраняющихъ кочевой образъ жизни и родовой бытъ.

У киргизъ-казаковъ такія родословныя встрѣчаются нерѣдко даже въ письменномъ изложеніи. Разъ такая родословная попалась мнѣ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, которые ходятъ по рукамъ у грамотѣевъ, самими ими составляются и содержатъ, иногда рядомъ съ молитвами, сказанія романическаго характера о Тимурѣ и Чингизъ-ханѣ, сказки о богатыряхъ, загадки и пр. Родословныя эти отличаются большимъ разнообразіемъ въ зависимости отъ части степи и отъ рода, гдѣ онѣ встрѣчаются. Я приведу здѣсь одну такую родословную, составленную біемъ рода ботпай Дикамбай-батыремъ, умершимъ въ 1876 году; источники ея мнѣ неизвѣстны. Начинается она съ Адама и поименовываетъ 54 колѣна до Абулъ-хаира [2]). У Абулъ-хаира по-

---

[1]) Въ родовыхъ общественныхъ группахъ связующимъ цементомъ служитъ «представленіе о происхожденіи отъ общаго родоначальника мужчины и культъ этого родоначальника» («Первобытное право» професс. М. Ковалевскаго, вып. I, Москва, 1886 года, стр. 85). У раджпутовъ «чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ составилось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ присоединились съ теченіемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнетъ общественнаго мнѣнія сплошь и рядомъ побуждали, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя группы семействъ вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ сообществъ... Не одно усыновленіе родовъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе нѣсколькихъ чуждыхъ другъ другу по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя, ведетъ къ возникновенію на сѣверѣ Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ... По прошествіи одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказочное генеалогическое древо.., Проходитъ нѣсколько поколѣній, и сглаживается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами» (тамъ же, стр. 18 и 19).

[2]) Адамъ, Шишъ, Нушъ, Яспинъ, Магдаилъ, Ярыкъ, Уаху, Идрисъ, Агынукъ, Матъуашакъ, Маликъ, Нухъ, Япызъ (Яфетъ), Арпакшадъ, Салыкъ, Хабыръ, Балкы, Аргынъ, Аипракъ, Тахраръ, Такракъ, Хазаръ, Ибрагимъ Халиль-улла, Исхакъ, Джакыбъ—Пайгам-

казано три сына: Байчура (родоначальникъ большой орды), Джанчура (предокъ средней орды) и Карачура (родоначальникъ меньшой орды) [1]. У Байчуры значится сынъ Джуманбай, у него Кейкибай, далѣе Тюбей. У послѣдняго четыре сына: Майкы, Когамъ, Коюлдуръ и Мекраилъ. У Майкы также четыре: Бахтіаръ, Канглы, Кырк-джузъ, Мып-джузъ. У Бахтіара сыновья Уйсунъ и Сергеле. У Уйсуна Аксакалъ (абакъ-тамга) и Джансакалъ (таракъ-тамга) [2]. У Аксакала сынъ Карача-бій, у него Байлибекъ. У Байлибека отъ старшей жены Сары-байбиче сынъ Сары-уйсунъ; отъ второй жены, по имени Зерибъ, сынъ Джолмамбетъ, у котораго отъ старшей жены Маиранъ былъ сынъ Чапрашлы, отъ второй (стряпки) сынъ Сты и отъ третьей (сестра ея) Ушакты; отъ третьей жены Байлибека, по имени Дамалакъ, былъ сынъ Джаркычакъ, а у него сыновья Абданъ, Дулатъ, Суанъ. У Дулата четыре сына: Ботпай [3],

беръ, Юсупай, Джагуда, Дайнаръ, Азганъ, Узбекъ, Сагды-вакказъ, Маликъ, Абдиль-мажнунъ, Сагитъ, Керьбага, Мухаммедъ, Абдурахманъ, Абдукарымъ, Абдулъ-газисъ, Салыкъ, Сальманъ, Джумаргъ, Узюбекъ, Язкенъ, Альменъ, Керимъ, Туйганъ, Куренбай, Джалынтузъ, Баба-касымъ, Ерь-булантай, Сабазъ-батырь, Ерь-джомаргъ, Алшепекъ, Абулъ-хаиръ. Часть начальныхъ именъ повидимому взята изъ перешедшей въ коранъ библейской родословной. Остальныя кажутся пока наборомъ арабскихъ, персидскихъ и тюркскихъ именъ. Странно совпаденіе имени Абулъ-хаира съ историческимъ Абулъ-хаиръ-ханомъ, при которомъ дѣйствительно положено начало союзу родовъ, образовавшихъ киргизъ-казачій народъ. Неужели сохранилось объ этомъ въ народѣ смутное воспоминаніе, выразившееся въ помѣщеніи въ родословную Абулъ-хаира съ тремя сыновьями—родоначальниками трехъ казачьихъ ордъ?

[1]) По сказаніямъ киргизъ-казаковъ сыръ-дарьинской области (Н. И. Гродековъ, Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, стр. 2), у отца киргизъ-казаковъ Алаша были три сына: Байшура, Джаншура (родон. средней орды) и Карашура (меньшой орды). По преданіямъ въ средней ордѣ (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14, по бумагамъ Мусы Чорманова), у предка всего киргизскаго народа Котана было три сына: Акджолъ (средняя орда), Альчинъ (меньшая) и Юзунъ. Муса Чормановъ, родившійся въ 1818 году и умершій въ 1884 г., рода суюндукъ, былъ долго старшимъ султаномъ баянъ-аульскаго округа; см. его составленную Д. Путинцевымъ біографію въ «Акмолинскихъ обл. вѣдомостяхъ» 1885 г. №№ 38 и 39.

[2]) По «родословной таблицѣ», написанной Ю. Д. Южаковымъ («Отечеств. записки», 1867 года, томъ 171), со словъ чимкентскихъ киргизъ-казаковъ, у Бахтіара были сыновья Абакъ и Таракъ и пріемышъ Канглы; по словамъ однихъ разсказчиковъ, Бахтіаръ усыновилъ безроднаго Катагана, отъ котораго и произошли канглы и чапшклы, по мнѣнію же другихъ чапшклы «чужой, неизвѣстный народъ, присоединившійся къ кангламъ». У Абака, по той же таблицѣ, показанъ сынъ Джалаиръ, а у Тарака Ойсулъ (опечатка вмѣсто Уйсунъ), Дулатъ, Адманъ и Суакъ (Суанъ): тутъ путаница, ибо у джалаировъ тамга таракъ, такъ что они всѣми родословными производятся отъ родоначальника съ таракъ-тамгою.

[3]) По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, родъ ботпай состоялъ изъ двухъ отдѣловъ—худайкулъ (отдѣленія беишъ-турсукъ 315 киб., алимъ-джанысъ 221 к., худайкулъ и сіирчи 207 к., всего 743 киб.) и чагатай (отдѣленія иссибай 275 к., джачъ-койлыкъ 330 к., асанъ-тайлакъ 537 к., акча и коджай 385 к., бійдасъ 80 к. и куралысъ 115 к., всего 1722 к.).

Чимыръ [1]), Сейкымъ [2]) и Джанысъ. Этимъ кончается составленная Дикамбай-батыремъ родословная.

Въ «Родословной таблицѣ» г. Южакова Ошакты, и Чапрашты показаны сыновьями Суака (Суана), но онъ поясняетъ, что по другимъ разсказамъ «Исты (или Сты), Чапрашты и Ошакты происходятъ отъ Юйсюня, отъ младшей жены, тогда какъ Дулатъ, Адманъ и Суанъ отъ старшей». Въ той же таблицѣ у Уйсуна значатся сыновья Сергелы (у него означены восемь сыновей: Байджигитъ, Карабатырь, Батырляръ, Учъ-тамгалы, Илибай, Джакабай, Айтъ-бузумъ, Турт-тамгалы) и Исты (съ сыновьями Тиликъ и Уюкъ [3]).

На основаніи устныхъ сообщеній разныхъ біевъ большой орды [4]) можно дополнить родословную Дикамбай-батыря слѣдующимъ:

У Сары-уйсуна было два сына: Кальча и Джакубъ.

У Чапрашлы было пять сыновей: Икей (родъ этого имени составляетъ нынѣ узунъ-агачскую волость вѣрненскаго уѣзда), Исходжа (нынѣ часть кастекской, мало-алматинской и больше-алматинской волостей), Асылъ (въ тургенской и куртинской волостяхъ), Чибылъ (два аула куртинской волости) и Айкымъ (каргалинская волость того же уѣзда) [5]).

У Джаныса были сыновья: Джарылгамысъ, Джанту, Джанташъ, Джа-

---

[1]) По г. Южакову, у Чемыга показаны сыновья Чинходжа (у него Темиръ и Чокай) и Бекбулатъ (съ сыновьями Клы, Чильмамбетомъ и Бок-кайнатомъ). По алатавскимъ спискамъ 1865 года, въ волости чимыръ означены три отдѣленія (кунту, самбетъ и кукрекъ) со многими подъотдѣленіями, всего 560 киб.

[2]) По «Род. таблицѣ» г. Южакова названы сыновьями Сейкыма Куйсерекъ, Чулдакъ, Тугатай, Бурасъ. По спискамъ алатавскаго округа 1865 г., въ родѣ сейкымъ значились отдѣленія кара-койлы (150 к.), акъ-койлы (180 к.), кусійракъ (215 к.) и чуулдакъ (625 к.).

[3]) По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, въ родѣ исты отмѣчены отдѣленія ишимъ (180 к.), малай (170 к.), катты кулакъ (100 к.), алмамбетъ (60 к.), куланчи (100 к.), всего 610 к.; одно изъ подъотдѣленій названо суюндукъ (30 к.).

[4]) Варіантовъ существуетъ и вновь появляется множество. Я приведу только слышанное отъ людей толковыхъ и свѣдущихъ въ народной старинѣ.—По А. Н. Краснову («Очеркъ быта семирѣченскихъ киргизовъ» въ «Извѣстіяхъ И. р. географическаго общества», 1887 года, стр. 437 и 438) «киргизы дулатовской волости производятъ себя отъ Дулата, сына Абакъ-Терека, сына Юссупа»... По его же словамъ, казаки большой орды считаютъ себя въ близкомъ родствѣ съ казаками малой и средней орды «и потомками рыже-волосаго Уссуня, брата родоначальниковъ двухъ вышеприведенныхъ ордъ и сына Лудуза (?). По другимъ толкованіямъ, Уссунъ былъ сынъ Каракозы, брата Джангоза, родоначальника кара-киргизовъ. Это второе толкованіе, разсказанное мнѣ въ долинѣ Иссыкъ-куля (замѣчаетъ авторъ), еще подлежитъ впрочемъ повѣркѣ».

[5]) По спискамъ алатавскаго округа 1865 года, двѣ волости чапрашты, въ которыхъ значились 1001 и 1014 кибитокъ, имѣли въ своемъ составѣ отдѣлы этихъ самыхъ именъ; изъ числа отдѣленій упомянемъ кочкаръ и кучукъ.

илмысъ. Вапсъ, Караманъ, Капалъ, Утемисъ, Тюртъ-кара, Чегыръ [1]). У Банса: Джолсентъ и Джарты. У Джанташа—Ирюбай. У Джарылгамыса — Каскарау, а у него: Сарымбетъ, Баба, Кулбулды, Султангельды, Буконь [2]).

Адбану приписываютъ двухъ сыновей: Чибылъ и Сары. У перваго два сына—Кызылъ-буркъ и Конуръ-буркъ; у втораго (Сары)—Айтъ, Бузумъ, Сегизъ-сары, Курманъ, Альджанъ; отъ дѣвушки изъ рода Айтъ родился сынъ Кыстыкъ [3]).

У Сувана полагаютъ двухъ сыновей Байтюгей и Тогурустанъ [4]).

Джалапру, сыну Джансакала (таракъ-тамга), даютъ двухъ сыновей: Сыр-манакъ и Чу-манакъ. Отъ Чу-манака пошло семь родовъ: андасъ, мурза, кара-чапанъ, уракты, акъ-біюмъ, кальпе и супатай; отъ Сыр-манака пять: арыкъ-тынымъ, байчигыръ, сіирчи, балгалы и кайчилы. Есть еще тринадцатый родъ кучукъ, который появился позже всѣхъ и присоединился къ балгалы [5]).

---

[1]) У г. Южакова названы еще Богожалы, Акнай-худакъ, Джамбай, Ольджанкулъ, Утебай-туле. По алатавскимъ спискамъ значились въ родѣ джанысъ отдѣленія джолсентъ, джарты (семь подъотдѣленій), кыбрай (пять подъотд.) и худайкулъ (семь подъотд., въ томъ числѣ капалъ и кубулъ). Всего джанысовъ числилось въ двухъ волостяхъ 1516 киб.

[2]) По спискамъ алат. округа 1865 г., канкарау состояло изъ отдѣленій баба (подъотдѣленія байсулу 275 киб., куньсулу 225 к.), кулбулды (130 киб.), инемъ-баласы (130 к.), ирюбай (130 к.), бешъ-калмакъ, сарымбетъ (со многими подъотдѣленіями, въ томъ числѣ султангельды и букень, всего 766 киб.), всего въ двухъ волостяхъ 1689 киб.

[3]) По Мусѣ Черманову (Потанинъ, «Очерки», вып. 4, стр. 11), у Адбана, сына Абака, было пять сыновей, изъ которыхъ записаны имена Сары и Чэбиля; у Сары два сына - Альджанъ и Сегизъ-сары, у втораго же: Айтъ, Бузумъ, Кастыкъ, Кызылбуркъ, Конурбуркъ. - По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года значились адбановскіе роды: кызылбуркъ 1016 киб. въ 9 отдѣленіяхъ, въ томъ числѣ кирей-кулъ, сакау, чокаманъ, найманбай, далѣе конурбуркъ 450 киб. въ 10 отдѣленіяхъ, сегизъ-сары 1030 киб. изъ отдѣленій чапанъ (пять подъотдѣленій), ходжа-мамбетъ (четыре подъотдѣленія) и джарты (четыре подъотдѣленія, имена которыхъ не тѣ, что у джарты въ родѣ джанысъ), потомъ айтъ въ числѣ 1070 киб. (пять отдѣленій, въ томъ числѣ суюндукъ и особый отдѣлъ кыстыкъ изъ пяти же отдѣленій), бузумъ 1240 киб. (изъ тринадцати отдѣленій, въ томъ числѣ курманъ 300 к. и баба 140 к.) и альджанъ 1200 киб. изъ отдѣленій сарымбетъ, чагыръ, аламанъ и чаджа.

[4]) По Мусѣ Черманову, Байтыйкей и Тогуруспанъ. По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, сувановская волость состояла изъ 1025 киб. въ 16 отдѣленіяхъ, въ томъ числѣ кочкаръ 100 к., урусъ 180 к. и сдигеръ 30 к.

[5]) Абрамовъ въ «Запискахъ И. р. географическаго общества», томъ I, 1867 года, стр. 271—273, и списки алатавскаго окружнаго управленія 1865 года. Изъ отдѣленій нужно упомянуть въ родѣ андасъ—кыргыздаръ, кочкаръ и танатъ, въ родѣ супатай—акъ-марка и кара-марка, въ родѣ кучукъ—суюндукъ, въ родѣ балгалы—угузъ, чагыръ, кулумъ, въ родѣ сіирчи—баимбетъ, яксымбетъ, ильтазаръ, тюленгутъ.

2) Главныя родовыя дѣленія большой орды, занимаемыя ими земли и численность ихъ.

Отмѣченныя въ приведенныхъ родословныхъ курсивомъ имена суть названія существующихъ родовыхъ дѣленій большой орды. Нынѣ она состоитъ изъ одиннадцати главныхъ подраздѣленій, колѣнъ или поколѣній: дулатъ, адбанъ, суванъ, чапрашты, исты, ушакты, сары-уйсунъ, джалаиръ, канглы, чанышклы и сергелы.—Многочисленнѣйшее и преобладающее изъ нихъ поколѣніе *дулатъ* слагается изъ родовъ ботпай, чимыръ, сейкымъ и джаныстъ. Родъ *ботпай* обитаетъ въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (въ 1867 г., по Макшееву, 1100 кибитокъ) и чимкентскомъ (по Гродекову 274 киб.) уѣздахъ; родъ *чимыръ*—въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 3500 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3334 к.) и (по Смирнову) въ ташкентскомъ уѣздахъ; родъ *сейкымъ* — въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 1500 к.) и чимкентскомъ (по Гродекову 4570 к.) уѣздахъ; наконецъ родъ *джаныстъ* — въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 700 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3374 к.), а также (по Смирнову) въ ташкентскомъ и перовскомъ уѣздахъ. Въ общемъ, въ поколѣніи дулатъ, распространяющемся вдоль западнаго Тяньшаня, отъ р. Или до Сыръ-Дарьи и Чирчика, можно считать приблизительно 40 т. кибитокъ. — *Адбаны* занимаютъ въ вѣрненскомъ и джаркентскомъ уѣздахъ, въ числѣ, въ 1889 году, 15426 киб., земли отъ р. Тургеня и прохода Санташъ до р. Или и до китайской границы.—*Суваны*, въ 1889 г., въ числѣ 3632 киб., помѣщаются въ джаркентскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Или.—*Чапрашты* находятся главнымъ образомъ въ вѣрненскомъ уѣздѣ, приблизительно всего въ числѣ 7 т. киб.—*Исты* встрѣчаются въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ низовьяхъ р. Или (въ 1885 году—нижне-илійская волость—1564 киб.) и въ чимкентскомъ (по Гродекову 3521 к.). — *Ушакты* малочисленны и имѣются въ чимкентскомъ (по Гродекову 527 к.), а также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ. — *Сары-уйсуны* имѣются въ вѣрненскомъ уѣздѣ (въ 1885 г. 1187 киб.), а также (по Смирнову) въ небольшомъ количествѣ въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ. — *Джалаиры* занимаютъ земли между р. Караталомъ и р. Или въ копальскомъ уѣздѣ, въ числѣ, въ 1889 году, 16098 киб., и встрѣчаются (по Смирнову) въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ.—*Канглы* и *чанышклы* имѣются въ небольшомъ количествѣ около р. Тургеня въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ аульеатинскомъ (по Макшееву—350 киб. кангловъ) и чимкентскомъ (по

Гродекову 478 киб.), но главнымъ образомъ въ ташкентскомъ уѣздѣ, гдѣ по Макшееву считалось канглов 1650 киб. и чапшклы 2000 киб.—Сергелы обитаютъ въ чимкентскомъ уѣздѣ (по Гродекову 4871 киб.) и въ ташкентскомъ (по Макшееву 1410 киб.) уѣздахъ и встрѣчаются также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ [1]).

Въ общей сложности киргизъ-казаковъ большой орды считается:

Въ семирѣченской области (1889 г.):			Въ сыръ-дарьинской:		
въ копальскомъ уѣздѣ	16,098 киб.		въ аульеатинскомъ . .	13,640 к.	[3])
» джаркентскомъ »	13,452 »		» чимкентскомъ . . .	21,686 »	[4])
» вѣрненскомъ »	30,504 »		» ташкентскомъ. . .	14,000 »	[5])
Итого. . .	60,054 киб. [2])		Итого. . .	49,326 к.	

[1]) Свѣдѣнія Макшеева были основаны на современныхъ оффиціальныхъ данныхъ о числѣ кибитокъ и помѣщены въ статьѣ его «Географическія, этнографическія и статистическія матеріалы о Туркестанскомъ краѣ», напечатанной въ «Запискахъ И. р. географическаго общества, по отдѣленію статистики» и отдѣльно (Спб., 1867 г.); по этой же статьѣ показано было въ ташкентскомъ уѣздѣ родовъ бешъ-тамгалы 330 киб., дулатъ 380 к., конгратъ 890 к., аргынъ 359 к., найманъ 115 к., кипчакъ 100 к., рамаданъ 610 к., всего же въ уѣздѣ 7835 киб. Цифры эти были далеко ниже дѣйствительныхъ, потому что въ 1868 году, при организаціи волостей, число киргизъ въ кураминскомъ уѣздѣ опредѣлилось въ 20,710 кибитокъ и дворовъ; киргизы занимаютъ всю сѣверную часть уѣзда и долину Келеса и составляютъ большинство въ при-чирчикскихъ волостяхъ; за Чирчикъ переходитъ только родъ чапшклы; на Ангренѣ киргизъ уже нѣтъ и въ бассейнѣ его обитаютъ кураминцы (11,013 киб. и дворовъ); на Ангренѣ же встрѣчается 341 семейство рода кара-китай; сартовъ въ уѣздѣ 9918 дворовъ и таджиковъ 1662 двора—все по свѣдѣніямъ 1868 года (см. М. А. Терентьева «Статистическіе очерки средне-азіатской Россіи» въ «Запискахъ И. р. географическаго общества, по отдѣленію статистики», т. 4, 1874 года, стр. 73 и 79).— Цифры, приписываемыя Н. И. Гродекову, извлечены изъ стр. 17—20 книги его «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, и относятся къ 1867—1884 г.г. Свѣдѣнія, показанныя принадлежащими г. Смирнову, взяты изъ книги «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, гдѣ на стр. 318—322 помѣщено перечисленіе родовъ, обитавшихъ въ области въ 1885 году, съ указаніемъ уѣздовъ, но безъ свѣдѣній о числѣ кибитокъ или душъ.

[2]) Цифры эти извлечены изъ губернаторскаго «Обзора» за 1889 годъ.

[3]) По выше указанной книгѣ г. Е. Смирнова въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего киргизъ 116000 душъ обоего пола; вычитая 47,800 душъ кара-киргизовъ, получимъ 68,200 д. киргизъ-казаковъ или (по принятому въ сыръ-дарьинской области счету въ 5 душъ на 1 кибитку) 13640 кибитокъ киргизъ-казаковъ.

[4]) Гродековъ, «Киргизы» и пр., стр. 17—20.

[5]) По г. Смирнову, въ кураминскомъ уѣздѣ въ 1885 году считалось 186 т. душъ об. п., а за вычетомъ курамы (80 т. душъ) 107,000 душъ киргизъ-казаковъ, что соотвѣтствуетъ 21400 киб. Изъ этой цифры на роды большой орды приблизительно надо считать, по преобладанію надъ родами средней и малой орды въ этой мѣстности, не менѣе 14 т. к.

А всего 109,380 кибитокъ или круглымъ счетомъ около 110 т. киб., что составитъ, по 4 души на кибитку [1]), около 410 т. душъ обоего пола.

По поколѣніямъ общее число кибитокъ можетъ быть приблизительно распредѣлено такъ:

дулатъ.	40,000 киб.	ушакты	2000 киб.
адбанъ.	15,500 »	сары-уйсунъ	1500 »
суванъ.	4000 »	джалаиръ	17,000 »
чапрашты	7000 »	канглы и чанщклы .	10,000 »
исты.	6000 »	сергелы	7000 »

3) Историческія извѣстія о главныхъ родовыхъ группахъ или поколѣніяхъ большой орды и составѣ ихъ на основаніи этихъ извѣстій и именъ родовыхъ подраздѣленій.

О главномъ по численности родѣ или колѣнѣ большой орды имѣются хотя скудныя, но все же достаточныя, чтобы намѣтить его существованіе въ теченіе многихъ уже вѣковъ, историческія извѣстія.

Такъ, на основаніи данныхъ Именика болгарскихъ князей и другихъ обстоятельствъ, можно полагать, что родъ дулу вѣроятно существовалъ до Р. Х., ибо часть его во II столѣтіи послѣ христіанской эры укочевала вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая, изъ нынѣшней западной Монголіи, въ киргизскую степь и затѣмъ раздѣляла судьбы гунновъ, послѣ же распаденія царства Аттилы вожди дулу стали во главѣ той части болгаръ (союза гуннскихъ и отуреченныхъ угро-финскихъ родовъ), которая основала болгарское царство за Дунаемъ. Въ V вѣкѣ оставшаяся въ западной Монголіи, между Тяньшанемъ и монгольскимъ Алтаемъ, часть тѣхъ же дулу упоминается китайскими историками въ числѣ гаогюйскихъ поколѣній, подъ именемъ тулу. Такъ какъ въ VII вѣкѣ занимавшіе эту самую страну пять аймаковъ подвластныхъ западнымъ тюркскимъ ханамъ кочевниковъ именовались аймаками дулу, то надо думать, что родъ дулу первенствовалъ между мѣстными тюркскими родами и занималъ такое же положеніе и ранѣе въ тюркской странѣ Юебани. По китайскимъ извѣстіямъ, владѣніе Юебань основано было во время ухода гунновъ на западъ и имѣло сношенія съ Китаемъ до половины V вѣка. Прекращеніе извѣстій о Юебани совпадаетъ съ движеніемъ

[1]) Счетъ по 4 души обоего пола на кибитку ближе къ дѣйствительности, какъ убѣдился я при многихъ точныхъ повѣркахъ въ семирѣченской области.

гаогюйцевъ, во второй половинѣ того же столѣтія, на западъ, гдѣ они должны были подчинить юебаньцевъ, которые затѣмъ и значатся у китайскихъ историковъ подъ именемъ гаогюйскаго поколѣнія тулу. Китайцы сохранили имена родовъ, обитавшихъ между Тяньшанемъ и Алтаемъ въ VII вѣкѣ: чу-юе, чу-ми, чу-мугунь, чу-бань и пр. Вѣроятно эти роды, образовавшіе, повидимому, особую чу'йскую группу, составляли ранѣе населеніе Юебани, имѣя во главѣ дулу. Они же, во всякомъ случаѣ, входили въ составъ аймаковъ дулу, въ названіяхъ которыхъ, кромѣ чу-мугунь, встрѣчается шунишп-чубань. Въ этомъ имени можно узнать нынѣшній дулатовскій родъ джапысъ, имя же чу-бань даетъ основаніе полагать, что почитаемыя киргизъ-казаками за близко родственныя дулатамъ колѣна ад-банъ и су-банъ (суванъ) были родами чу'йцевъ и быть можетъ находились въ составѣ аймаковъ дулу подъ именемъ чу-бань.

Съ прекращеніемъ съ половины VIII вѣка подробныхъ китайскихъ извѣстій о западныхъ тюркахъ пресѣкаются и свѣдѣнія о дулу. Мусульманскіе писатели даютъ въ IX—XII вѣкахъ свѣдѣнія, и то крайне скудныя, лишь о господствующемъ въ каждомъ изъ сосѣднихъ съ землями магометанъ тюркскихъ владѣній племени, но не сообщаютъ никакихъ извѣстій о подчиненныхъ родахъ. Поэтому извѣстія о дулатахъ отсутствуютъ за все время владычества карлыковъ и киданей, а потомъ и монголовъ. Только въ описаніяхъ войнъ Тимура съ джагатаидами проскальзываютъ нѣкоторыя данныя о родахъ, изъ которыхъ состояло кочевое населеніе владѣній современныхъ джагатаидовъ. Главнымъ изъ нихъ оказывается родъ дуглатъ, т. е. дулу, старѣйшины котораго наслѣдственно пользуются высшимъ въ ханствѣ званіемъ улусъ-бека и правятъ Кашгаріею, а одинъ изъ нихъ (Камер-эддинъ) даже самъ овладѣваетъ ханской властью, истребивъ почти весь родъ мѣстныхъ джагатаидовъ. Спустя столѣтіе, когда окончательно пала власть джагатаидовъ на сѣверѣ Тяньшаня, предъ стремленіемъ родовъ къ самостоятельности, дулаты должны были, въ числѣ остальныхъ родовъ Моголистана, войти въ составъ киргизъ-казачьяго союза. Надо думать, что стремленіе къ самостоятельности и раздробленію не ограничилось освобожденіемъ родовъ отъ ханской власти, но сопровождалось распаденіемъ и самыхъ родовъ на части, и что желаніе найти защиту и опору противъ сильныхъ родовъ было одною изъ главныхъ причинъ вступленія бывшихъ джагатаидскихъ родовъ въ составъ киргизъ-казачьяго союза. При крайней скудости свѣдѣній о киргизъ-казакахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ легко объяснимо отсутствіе упоминаній и о дулатахъ. Часть дулатовскихъ родовъ вѣроятно была подчинена во второй половинѣ XVII вѣка цзунгарами и значится въ числѣ зюнгарскихъ аймаковъ подъ

именами долотъ или дологотъ (4 т. кибиток). Около 1723 года покорены были калмаками и остальные дулаты, отхлынувшіе вмѣстѣ съ другими родами большой орды къ Ташкенту и Туркестану. Въ первыхъ обстоятельныхъ свѣдѣніяхъ о большой ордѣ, относящихся къ второй четверти XVIII столѣтія (разумѣю оренбургскія исторію и топографію Рычкова), она значится состоящею изъ дулатовскихъ родовъ джанысъ, сейкымъ и чимыръ, изъ родовъ сары-уйсунъ, кангли, чапшклы, адбанъ, суванъ и чапранты. Около 1785 г., по капитану Андрееву, вдоль китайской границы между Алакулемъ и р. Или находились роды суванъ, адбанъ, чапранты, джалаиръ, кашкарау, джанысъ, канглы и чапшклы, а между Таласомъ и Сыръ-дарьею роды джанысъ, чимыръ, чапшклы и сергелы; не названы имъ роды ботпай и сары-уйсунъ, которые съ частями другихъ родовъ вѣроятно занимали земли между Или и Таласомъ, объ обитателяхъ которыхъ Андреевъ умалчиваетъ [1]). Въ началѣ XIX вѣка, по Спасскому, большая орда состояла изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространявшихся до Сыръ-дарьи дулатовскаго рода, въ четырехъ отдѣленіяхъ, и сары-юсунъ-джалаировскаго, изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода сергамъ (конечно это сергелы) и наконецъ изъ обитавшихъ на Сыръ-дарьѣ къ Ташкенту родовъ канглы и чапшклы. По свѣдѣніямъ Левшина (до 1832 года), «большая орда въ началѣ составилась изъ поколѣній уйсюнъ или усюнъ, тулатай и саргамъ; въ послѣдствіи времени, отъ средней орды отдѣлилось къ сей послѣдней поколѣніе конкратъ или кункратъ. I. Изъ первыхъ произошли роды: ботбой, чимыръ, джанисъ или янышъ, сикъ-амъ, абдай-суванъ, сарысулы (?), чапычь-кылы, канклы или канлы, джалаиръ и пр. II. Конкратское поколѣніе составили слѣдующіе роды: байларъ-джанджаръ, уразъ-гельды, кульджагачъ, бочманъ, токъ-булатъ, яманъ-бай, кура-куся (кара-кисекъ?), этимляръ, куюшъ-сансызъ» [2]). По В. В. Радлову (1869 г.), восточное крыло большой орды, общее родовое имя которой есть юйсунь, образуютъ роды суанъ и абданъ съ подраздѣленіями: бозунъ, айтъ-кыстыкъ, кызылъ-

---

[1]) Источники и подробности приводимыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи историческихъ извѣстій указаны и изложены въ особомъ трудѣ моемъ, содержащемъ очерки исторіи и древней географіи Западнаго Тяньшаня со временъ усуней. Имѣю надежду, что трудъ этотъ будетъ напечатанъ, и потому не повторяю помѣщеннаго въ немъ, такъ какъ это потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста.

[2]) «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», часть 3, стр. 9 и 10. Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 286) повторяетъ Левшина. По В. В. Радлову (Aus Sibirien, I, s. 237), колѣно конгратъ раздѣляется на 12 родовъ, изъ которыхъ шесть считаются алты-ата-кöктын-улы (шесть сыновей отца Кöк'а), а остальные шесть—алты-ата-кöктон-чу (шесть отцовъ Кöктöнчу).

нӧрюкъ, конгуръ-нӧрюкъ, сегизъ-сары, альджанъ и тулатъ, а западное: сихымъ около Чемкента, джамысъ, темиръ, шымыръ, ботпай около Аульеата, куръ-улусъ (народъ Идеге-бія), бешъ-тенъ-бала (пять похожихъ дѣтей), сиргели, исты, отакчи (ошакты?), джалаиръ, шаппасъ около Ташкента; султанскими крѣпостными были: кара-калпаки, тюрюкпены, канды и теленгуты [1]).

Канглы являются не менѣе древнимъ тюркскимъ племенемъ, чѣмъ дулаты. Вѣроятно именно они упоминались въ Авестѣ и Магабаратѣ подъ именемъ Канка. Китайцы за полтора вѣка до Р. Х. нашли на Сыръ-Дарьѣ обширное владѣніе Кангюй, которому подчинялись мелкія осѣдлыя владѣнія на Зеравшанѣ и въ нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Въ эпоху младшихъ Ханей (25—221 г.г.) кангюйцы или канглы покорили алановъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ ѣхалъ къ тюркскому хану Дизавулу и обратно землями подвластныхъ въ это время уже тюркамъ кангловъ, именуя ихъ холіатами (канли=холи). Если сами сельджукиды, завоевавшіе въ XI вѣкѣ Мавераннагръ и Западную Азію, и не были родомъ канглы, какъ утверждаетъ Рашидъ-эддинъ ,тѣмъ не менѣе основная часть ихъ армій состояла вѣроятно изъ кангловъ. Послѣдній карлыкскій илекъ Беласагуна на р. Чу призвалъ къ себѣ кара-киданьскаго гурхана, во второй четверти XII вѣка, для защиты отъ набѣговъ кангловъ. Въ войскахъ Султанъ-Мухаммеда Хорезмъ-шаха служили десятки тысячъ кангловъ. перешедшихъ къ нему на службу съ Таласа, гдѣ кочевали ихъ родовичи. Въ 1220 году гиньскій посолъ Вукусунь упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъимъ на пути къ Чингизъ-хану въ Мавераннагръ племенъ кангловъ. Плано Карпини, послѣ Команіи (земли половцевъ), слѣдовалъ по странѣ кангитовъ. Рубрукъ въ 1253 г. также проѣзжалъ чрезъ земли кангловъ (cangle). Во время Тимура канглы продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи, но численность ихъ была уже не велика. Выдѣляя изъ себя въ продолженіи вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ, ибо вторгавшіяся въ Европу полчища гунновъ, печенѣговъ, половцевъ и кипчаковъ увлекали съ собою части кангловъ, кангюйцы постепенно уменьшались въ численности, утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ и вытѣснялись изъ нихъ,

[1]) Aus Sibirien, I, ss. 235, 236. Тулатъ попалъ въ число сувановскихъ и адбановскихъ подраздѣленій конечно вслѣдствіе опечатки. Вмѣсто куръ-улусъ обыкновенно употребляютъ имя куралась или куралашъ. По Макшееву, родъ куралась имѣлся въ 1867 г. въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ количествѣ 1050 кибитокъ. Вмѣсто бешъ-тен-бала у Макшеева бешъ-тамгалы въ туркестанскомъ (2000 киб.) и ташкентскомъ (330 к.) уѣздахъ, и едва ли не правильнѣе это послѣднее имя. Темиръ по «Родословной таблицѣ» г. Южакова выходитъ подъотдѣленіемъ чемыровскаго отдѣленія чинходжа. Отакчи вѣроятно опечатка вмѣсто ошакты. Шаппасъ едва ли не джаппасъ меньшой орды.

съ востока дулатами и съ сѣвера кипчаками, къ самымъ берегамъ Сыръ-Дарьи въ среднемъ ея теченіи. Въ составъ киргизъ-казачьяго союза канглы вступили уже въ качествѣ немногочисленнаго рода, значительная часть котораго притомъ же ушла въ Мавераннагръ съ шейбанидами. Поставляя главный контингентъ состава личныхъ, придворныхъ войскъ или дружинъ (тюленгутовъ) киргизъ-казачьихъ хановъ и султановъ, канглы разсѣялись съ ними по всей киргизъ-казачьей степи и въ настоящее время, въ видѣ самостоятельныхъ родовыхъ группъ, встрѣчаются только въ ташкентскомъ уѣздѣ.

Имена кангловъ и дулатовъ кажутся алтайскаго, подобно большинству именъ главныхъ тюркскихъ племенъ и родовъ, происхожденія (отъ р. Канъ, праваго притока р. Чарыша, и отъ рѣки Тулаты, лѣваго притока той же рѣки) и свидѣтельствуютъ о первоначальномъ близкомъ ихъ родствѣ. Поэтому большеордынскія родословныя правильно считаютъ оба колѣна близко родственными. Не осталось также въ родословныхъ неотмѣченнымъ гораздо болѣе раннее появленіе кангловъ на земляхъ будущей большой орды. Дѣйствительно, канглы ушли изъ Алтая на западъ и заняли степи при Таласѣ и Сыръ-Дарьѣ за многіе вѣка ранѣе появленія въ степяхъ, прилегающихъ къ западному Тяньшаню, дулатовъ, которые перешли р. Или едва ли главнымъ образомъ не въ XIII столѣтіи. Въ генеалогической формѣ это выражено помѣщеніемъ Канглы въ братья Бахтіару, отъ котораго четырьмя колѣнами ниже произошли Дулатъ, Адбанъ и Суванъ.

Правильность указаній родословныхъ преданій относительно двухъ главныхъ колѣнъ даетъ основанія полагать, что справедливы указанія тѣхъ же родословныхъ и на взаимныя отношенія другихъ родовъ, въ особенности тѣхъ, относительно которыхъ нѣтъ историческихъ и иныхъ данныхъ. Можно поэтому считать вѣроятнымъ, что поколѣніе сергелы, предокъ котораго показывается родословными сыномъ Бахтіара, состоитъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ канглами, чѣмъ съ дулатами, и пришло къ западному Тяньшаню ранѣе дулатовъ. На томъ же основаніи чапрашты, исты и ушакты, происходящіе, по родословнымъ, отъ братьевъ отца Дулата, рожденныхъ отъ младшихъ или незаконныхъ женъ [1]), вѣроятно прибыли въ земли большой орды

---

[1]) По средне-ордынскимъ родословнымъ сказаніямъ (Потанина «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 11), рожденные отъ незаконной жены родоначальника средней орды Акджола четыре сына Кирей, Уакъ, Тараклы и Тюленгутъ (все это на самомъ дѣлѣ колѣна средней орды, отличнаго отъ главныхъ колѣнъ этой орды происхожденія и позднѣе къ нимъ присоединившіеся) должны были прислуживать четыремъ сыновьямъ законной жены (Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ); одинъ мелъ юрту, почему у него тамгою чиликъ (лоза), второй обязанъ былъ ставить юрту, за что получилъ въ тамгу баканъ (подпорка для чарганака—верхняго круга остова юрты); третій чистилъ лошадей, почему у него тамга таракъ (гребень), четвертый же пасъ лошадей съ пикой въ рукѣ, почему у него тамгой найза (пика).

ранѣе дулатовъ и должны были имѣть отличія отъ нихъ въ происхожденіи. Ниже мы увидимъ, что тамги этихъ колѣнъ указываютъ на происхожденіе исты отъ канглов, а чапранты и чапшклы отъ канглов и дулатов, тамга же колѣна ошакты особая, такъ что ошакты кажутся чуждаго и канглам, и дулатамъ происхожденія.

На родину чапшклы въ Алтаѣ намекаетъ существованіе между кумандинцами на р. Лебеди, притокѣ Біи, кости шапкылы или чачкылы [1]) и рѣчка Чанглы-булакъ, притокъ р. Кальджира, истока озера Марка [2]). Вышеприведенное сказаніе о происхожденіи канглы и чапшклы отъ Катагана, пріемыша Бахтіара, даетъ основаніе думать, что чапшклы очень давніе пришельцы съ Алтая, пристаавшіе къ канглам и живущіе съ ними до настоящаго времени, ибо и теперь канглы и чапшклы встрѣчаются часто вмѣстѣ. О катаганахъ упоминаетъ Абулъ-гази, который говоритъ, что во время пребыванія его у казаковъ въ Ташкентѣ, около 1632 года, казацкій Ишимъ-ханъ погубилъ владѣвшаго Ташкентомъ казацкаго же Турсунъ-хана и разорилъ и подвергъ преслѣдованіямъ катагановъ (qatghans). Онъ же производитъ этихъ катагановъ отъ Букумъ-катагана, старшаго сына Алунъ-гоа [3]). У Рашидъ-эддина этотъ родъ нируновъ именуется хатакинъ и ведется отъ старшаго сына Алунъ-гоа Бугунъ-хатаки [4]). Надо полагать, въ виду этого, что катаганы появились въ Туркестанѣ лишь во время Чингизъ-хана, въ составѣ «полка» Джагатая и на службѣ у джагатаидовъ. Конечно численность ихъ была не велика и родъ катаганъ составился на Сыръ-Дарьѣ изъ мѣстныхъ канглов, чапшклов и пр., соединившихся подъ главенствомъ и защитою какого нибудь вліятельнаго бека изъ катагановъ, принявъ имя послѣднихъ. Съ распаденіемъ союза, вслѣдствіе гоненій Ишимъ-хана и т. п., исчезъ на правой сторонѣ Сыръ-Дарьи и родъ катаганъ, части котораго вошли въ другія группы или возвратились къ своей особности [5]).

---

[1]) Г. Н. Потанинъ, «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 939.

[2]) «Записки И. р. географическаго общества, по общей географіи», 1867 года, томъ I, стр. 399.

[3]) Histoire des Mongols et des Tatares, tr. Desmaisons, 1874, p. p. 328, 79.

[4]) «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 года, стр. 179, и «Исторія Чингизъ-хана до восшедствія его на престолъ», 1868 г., стр. 10.

[5]) Значительная часть катагановъ должна была уйти въ Мавераннагръ съ шейбанидами, потому что есть катаганы на Зеравшанѣ и въ другихъ мѣстахъ (Гребенкинъ, «Узбеки» въ «Турк. Вѣдомостяхъ», 1871 года, № 30). Г. Смирновъ упоминаетъ родъ катаганъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ («Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, приложеніе № 3). Макшеевъ въ 1867 году показывалъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ 1050 киб. рода куралас, который у г. Смирнова не поминается. Это долженъ быть союзъ изъ родовъ дулатовъ и

Можно также имя чапшклы отожествлять съ именемъ монгольскаго рода чапшнутъ или чапшикитъ, упоминаемаго въ «Юань-чао-ми-ши», которое проф. Березинъ считаетъ соотвѣтствующимъ имени дженикутъ, отрасли кыіотовъ, по Рашидъ-эддину [1]). Въ такомъ случаѣ приходится предполагать, что поколѣніе чапшклы образовалось въ джагатаидское время изъ мѣстныхъ родовъ, всего вѣроятнѣе канглов, въ видѣ союза, получившаго имя отъ главы изъ рода чапшнутъ или чапшклы, изъ джагатаидскихъ монголовъ.

О джалаирахъ не имѣется упоминаній до временъ монгольскихъ. Въ числѣ начальниковъ четырехъ тысячъ, данныхъ Чингизъ-ханомъ Джагатаю, упоминается Мука-нойонъ изъ рода джалаиръ, а потому можно полагать, что часть «полка» Джагатая состояла изъ джалаировъ и что съ того времени джалаиры и появились въ странахъ при-тяньшаньскихъ. Численность ихъ была конечно не велика, если и присоединялись къ нимъ искать счастія на службѣ джагатаидамъ родичи изъ Монголіи. По положенію своему въ монгольской гвардіи и при дворѣ, многіе джалаиры были беками и занимали важныя мѣста въ управленіи улусомъ джагатаевымъ, какъ въ Моголистанѣ, такъ и въ Мавераннагрѣ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается въ исторіяхъ Тимура. По смерти Беграмъ-джалаира Тимуръ отдалъ «джалаировскую орду» сыну его Адиль-шаху [2]). Вѣроятно, съ раздѣленіемъ джагатаидовъ на двѣ вѣтви, ханствовавшія одна въ Моголистанѣ, другая въ Мавераннагрѣ, подѣлилась на двѣ части и ихъ монгольская гвардія, а съ нею и джалаиры. Въ данномъ случаѣ шла рѣчь о джалаирахъ, оставшихся въ Мавераннагрѣ, гдѣ потомки ихъ теперь встрѣчаются небольшими группами, считаясь однимъ изъ родовъ узбековъ. Конечно и моголистанскіе джалаиры были немногочисленны, такъ что нынѣшнее колѣно джалаиръ въ копальскомъ уѣздѣ, численностью болѣе 16 т. кибитокъ, нельзя считать кровнымъ потомствомъ джагатаидскихъ джалаировъ. Развѣ только роды балгалы и кальчилы являются кровными

канглов, подобный катагановскому и джалаировскому, именовавшійся по главѣ изъ рода джагатаидскихъ монголовъ куралас (у Рашидъ-эддина, по чтенію Березина, «Введеніе», стр. 154, хорласъ, по д'Оссону, р. 426, курласъ). У В. В. Радлова, какъ приведено выше, родъ куралас значится, повидимому, подъ именемъ куръ-улусъ, «народъ Идеге-бія» — поясняетъ онъ. Историческій Идеге былъ современникомъ Тимура и родоначальникомъ ногайскихъ мурзъ. Такъ какъ присоединеніе къ большой ордѣ части отдаленныхъ мангытовъ сомнительно и нуждается, во всякомъ случаѣ, въ доказательствахъ, то вѣроятнѣе произношеніе куралас, куралашъ и происхожденіе отъ имени монгольскаго джагатаидскаго рода. Имя катаганъ едва-ли не саянскаго происхожденія: отъ рѣки Хатага, притока р. Уды.

[1]) «Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ» («Труды восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть пятнадцатая), Спб., 1868 года, стр. 245, 246, 249.

[2]) Histoire de Timur-bec, trad. par Pétis de la Croix. Paris, 1722, t. I, p. 252.

джалаирами, потому что на эти же роды дѣлятся джалаиры, обитающіе въ долинѣ Зеравшана въ катты-курганскомъ уѣздѣ [1]). Изъ остальныхъ родовъ кучукъ и арыкъ-тынымъ повидимому кара-киргизскаго происхожденія, потому что кости кучукъ и арыкъ принадлежатъ, какъ увидимъ, къ древнимъ кара-киргизскимъ родамъ. Далѣе, въ джалаировскихъ родахъ встрѣчаются и части дулатовскихъ (сравн. сіирчи въ родѣ ботпай и отд. чигыръ въ родѣ джаныстъ, соотвѣтствующее байчигыръ у джалаировъ) и адбановскихъ (отдѣленія сарымбетъ, кочкаръ) родовъ. Въ родѣ андасъ есть кара-киргизы (отдѣленіе кыргызларъ), вѣроятно попавшіе въ его составъ сравнительно въ недавнее время. Отдѣленія джалаировскаго рода сунатай акъ-марка и кара-марка напоминаютъ именемъ своимъ алтайское озеро Марка и побуждаютъ предполагать, что они суть остатки одного изъ родовъ карлыковъ, носившаго это имя: карлыки пришли къ западному Тяньшаню изъ юго-западнаго Алтая и могли занести сюда полученное въ Алтаѣ отъ озера Марка имя [2]). Въ числѣ отдѣленій джалаировскаго рода мырза значились, по спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, отдѣленія ходжа-назаръ-майда и ходжа-назаръ-аппакъ: можетъ быть это потомство проповѣдниковъ ислама въ средѣ джагатаидскихъ тюрковъ, кочевавшее при ордѣ джагатаидовъ въ качествѣ придворнаго духовенства, по удаленіи же сыновей Юнусъ-хана въ восточный Туркестанъ оставшееся въ Моголистанѣ и примкнувшее къ джалаирамъ. Вообще джалаировское колѣно большой орды есть союзъ частей родовъ разнаго происхожденія, образовавшійся первоначально подъ главенствомъ какого нибудь вождя изъ рода джалаиръ и успѣвшій, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, окрѣпнуть и образовать прочное цѣлое, хотя истинныхъ джалаировъ было въ немъ и первоначально немного [3]).

---

[1]) О нихъ есть свѣдѣнія въ статьѣ Гребенкина «Узбеки» («Туркест. вѣдомости» 1871 года, № 42), по которой обитаютъ они въ 24 кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и числятся въ количествѣ до 3500 д.; они почему-то считаютъ себя родственниками туркменовъ.

[2]) Одинъ изъ трехъ отдѣловъ западной части карлыковъ носилъ въ VII вѣкѣ имя моуло (mou-lo) или моули (mou-la), какъ значится въ «Тангъ-шу» («Собраніе свѣдѣній» и пр., о. Іакинфа, часть I, стр. 137): нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ Марка. Имя другаго рода карлыковъ можно, пожалуй предполагать въ баба (отдѣленіе у адбановскихъ булумовъ и у дулатовскихъ какшарау) и въ бапа кара-киргизовъ, потому что у карлыковъ, по китайскимъ свѣдѣніямъ былъ отдѣлъ пофу (po-pou).

[3]) По Н. И. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, стр. 7 и 8), «родъ джалаиръ считается нынѣ старшимъ. На пирахъ, при подачѣ кушаньевъ, спрашиваютъ: есть ли на лицо старшій изъ родовъ, джалаиръ»? Когда джалаировъ нѣтъ, то по почету слѣдуетъ родъ ошакты. Киргизъ-казаки этого послѣдняго рода утверждаютъ, что Ошакты старше Джалаира, хотя и незаконный сынъ, родившійся не отъ мужа, а отъ похоти: «мать всѣхъ родовъ великой орды Юнаръ-байбиче, отъ похоти, за

4) Ураны и тамги большой орды и указанія ихъ на родовой и племенной составъ этой орды.

Обратимся теперь къ указаніямъ на родовой составъ большой орды, которыя могутъ дать ураны и тамги.

Ураны или употребляемые въ бояхъ, при барантахъ, на байгахъ клики, будучи именами храбрѣйшихъ вождей или особенно памятныхъ родоначальниковъ, должны были подвергаться нерѣдкимъ перемѣнамъ, ибо имя позднѣйшаго храбраго и счастливаго предводителя или долго правившаго родоначальника могло вытѣснять старый уранъ. Такъ какъ свѣдѣнія наши о прошломъ отдѣльныхъ родовъ болѣе чѣмъ скудны и о батыряхъ ихъ и родоначальникахъ мы знаемъ еще менѣе, то имена урановъ вообще могутъ выяснять намъ немногое, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣній объ уранахъ большой орды собрано или напечатано еще мало. Находимъ ихъ лишь у Н. И. Гродекова [1]), по которому общій уранъ большой орды, а также уранъ джалаировъ и дулатовъ есть Бахтіаръ; у канглы и чапиклы, по однимъ уранъ —Айрилмазъ, по другимъ канглы кричатъ Байтерекъ; у чапрашты—Карасай, у сиргелы—Туганазъ, у исты Муатаръ; у чимыръ—Чимыръ, а на байгѣ Койгельды; у сейкымъ — Сейкымъ, на байгѣ Ирсбекъ; у ботпай—Ботпай, на байгѣ—Саменъ; у джанысовъ—Джанысъ, на байгѣ же Туле [2]). Судя по уранамъ можно опредѣлить — къ какому каждое

родившейся при видѣ одного проходившаго мимо мужчины, имѣла, безъ сношенія съ нимъ, ребенка. Она сунула его въ очагъ (ошак), отчего нашедшіе его люди дали ему имя Ошакты. Послѣ него она имѣла законнаго сына „Джалаира».—Такой почетъ джалаирамъ составляетъ, кажется, особенность прибрежья средней части Сыръ-Дарьи, гдѣ, на разграмъ и между двумя половинами джагатаева улуса, джалаиры монгольской гвардіи начальствовали войсками и пользовались большимъ значеніемъ. Сомнительно также, чтобы ошакты имѣли съ джалаирами что-либо общее по происхожденію. — У Рашидъ-Эддина значатся имена десяти родовъ джалаировъ, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ сходства съ именами родовъ и отдѣленій нынѣшнихъ джалаировъ. Привожу ихъ по чтенію проф. Березина, помѣщая въ скобкахъ чтеніе д'Оссона («Исторія монголовъ, Введеніе», Спб., 1858 года стр. 33, и Histoire des Mongols etc., T. I, p. 7): джаитъ (чатъ), кункаутъ (билкассанъ), уятъ (уятъ), куркинъ (кугэръ), тури (бури), тукраутъ (тукараутъ), кумсаутъ (кункассаутъ), нилкинъ, туланкитъ (туланкитъ), сапкутъ (шинкутъ). Авторъ «Сборника лѣтописей», напечатаннаго во 2 томѣ «Библіотеки восточныхъ историковъ», издававшейся проф. Березинымъ (Казань, 1854 года), былъ «джалаирецъ изъ рода гребне-тамговаго», служившій при касимовскомъ царѣ Уразъ-Мухаммедѣ (убитъ въ 1610 году), изъ киргизъ-казацкихъ султановъ, внукѣ Шигай-хана (Вельяминовъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», часть 2, Спб., 1864 года, стр. 487).

[1]) «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 г., стр. 2 и 3, приложенія.

[2]) По поводу кликовъ дулатовскихъ родовъ на байгахъ, бій Султанъ сообщилъ, что когда калмыки вытѣснили киргизовъ за Сыръ-Дарью, въ Бухарѣ, то четверо славныхъ біевъ-батырей Туле, Койгельды, Чинатъ и Саменъ, собравъ ополченіе, прогнали ихъ и возвратили мѣста, «гдѣ теперь живутъ киргизы» (тамъ же). На самомъ дѣлѣ Туле былъ многіе годы, до разрушенія цзунгарскаго государства китайцами, подданнымъ калмыковъ и правилъ отъ имени цзунгаровъ Ташкентомъ.

колѣну принадлежатъ отдѣленія или роды, которыхъ колѣна у г. Гродекова не указаны. Такъ родъ сулгатай, по урану Яуатаръ, долженъ принадлежать къ колѣну исты; родъ бурасъ есть вѣроятно часть сейкымовъ, ибо уранъ у него Иребекъ; роды курпикъ, санграу и балыкъ должны быть канглы или чапшклы, ибо уранъ у нихъ Шеншкылы; родъ тилякъ, по урану Яуатаръ, принадлежитъ къ исты. У не встрѣчавшихся мнѣ болѣе родовъ косаръ и тогатай уранами служатъ у перваго—Кабланъ и у втораго—Бозмоюнъ.

Большихъ разъясненій, чѣмъ отъ урановъ, можно ожидать отъ родовыхъ тамгъ, ибо по своему назначенію и важности въ бытѣ скотоводовъ тамги должны пользоваться значительной прочностью и неизмѣнностью. По Левшину, «тамги или знаки, употребляемые киргизъ-казаками вмѣсто подписей и клеймъ», «заимствованы киргизами у монголовъ, которые распространили ихъ не только въ средней Азіи, но вѣроятно и въ Индіи» [1]). «Родамъ, для различія,—говоритъ Илья Казанцевъ,—даны Чингизъ-ханомъ особыя прозвища (ураны) и знаки (тамги), которыми киргизы означаютъ свои вещи, скотъ и которыя служатъ имъ для рукоприкладства» [2]). По Мейэру, «тамги—знаки для клейменія скота»—далъ киргизскимъ родамъ ханъ Тявка [3]), Въ распространенномъ между киргизами (при Сыръ-Дарьѣ) спискѣ 92 узбекскихъ родовъ, первоначально составленномъ по желанію одного изъ бухарскихъ эмировъ, «сказано, что когда 92 брата разбогатѣли, то скотъ ихъ сталъ смѣшиваться; чтобы отмѣчать принадлежность скотинъ, братья, по совѣщаніи между собою, изобрѣли 92 знака, тамги.—Древность тамгъ подтверждается тѣмъ, что многія названія родовъ, а чаще колѣнъ (отдѣленій), происходятъ отъ названій начертаній тамгъ... Нахожденіе въ извѣстномъ мѣстѣ родовой тамги на могилѣ или другомъ памятникѣ можетъ доказать, что тамъ нѣкогда кочевалъ такой-то родъ». «Тамга накладывается преимущественно на лошадяхъ и верблюдахъ, притомъ съ лѣвой стороны (съ которой садятся на лошадь). Часть тѣла, гдѣ выжигается тамга, разнствуетъ у различныхъ родовъ» [4]).

Сами тюрки и монголы уже шесть вѣковъ тому назадъ относили существованіе тамгъ къ легендарнымъ временамъ. По крайней мѣрѣ у Рашидъ-

---

[1]) «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей» 1832 г., ч. 3, стр. 135.

[2]) «Описаніе киргиз-кайсакъ», Спб. 1867 года, стр. 30.

[3]) «Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», Спб., 1865 года, стр. 5.

[4]) Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 годъ, стр. 3. На несторіанскихъ кладбищахъ въ долинѣ р. Чу «кромѣ крестовъ оказываются на нѣкоторыхъ камняхъ изображенія предметовъ: кувшины, столикъ, тамги» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя м. археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 141 и 142).

Эддина (1247—1318 г.г.) [1]) значится, что тамги «опредѣлены и утверждены» при Кунъ-ханѣ, сынѣ и наслѣдникѣ миѳическаго Угузъ-хана, чтобы ими «нарочито обозначались указы, сокровищницы, табуны и стадо, во избѣжаніе отъ кого бы то ни было ссоры или сопротивленія у одного съ другимъ»... Древность тамгъ видна между прочимъ изъ изображенія тамги тюркскихъ хановъ на памятникѣ Кюль-тегину 732 г. и на другихъ, частію болѣе древнихъ, камняхъ и плитахъ на Орхонѣ [2]), но еще большая древность существованія тюркскихъ родовыхъ тамгъ доказывается тѣмъ, что, какъ увидимъ ниже, знаки тюркскаго алфавита, которымъ сдѣланы надписи на памятникѣ Кюль-тегину и другихъ на Орхонѣ и Енисеѣ, суть родовыя тамги, употребляемыя большею частію и нынѣ у киргизъ-казаковъ. В. В. Радловъ слово тамга переводитъ чрезъ Eigenthumszeichen [3]) совершенно правильно и мнѣніе А. Н. Харузина, полагающаго, что «тамга не есть знакъ собственности, а знакъ родовой» [4]), справедливо лишь въ томъ отношеніи, что тамга есть знакъ собственности родовой. И это значеніе слова тамга указываетъ на чрезвычайную древность употребленія тамгъ, на времена, когда личной и семейной собственности не существовало, а была только собственность родовая и сознавалась необходимость въ очевидномъ и прочномъ признакѣ принадлежности скота только извѣстному роду [5]).

Въ самомъ дѣлѣ потребность въ мѣтахъ для скота, какъ въ средствѣ для вѣрнаго и скораго опредѣленія принадлежности скота и для предупрежденія поводовъ къ столкновеніямъ и враждѣ между родами должна была очень рано выясниться въ скотоводческихъ обществахъ или родахъ [6]). Въ формѣ-ли

---

[1]) «Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Введеніе. О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ», пер. Березина, Спб., 1858 г., стр. 24.

[2]) «Атласъ древностей Монголіи» В. В. Радлова, Спб., 1892 г., и «Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи», вып. I, Спб., 1892 г.

[3]) Aus. Sibirien, B. I, s. 455.

[4]) «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 148.

[5]) М. Иванинъ («Внутренняя или букеевская орда», въ журналѣ «Эпоха», 1864 года № 12) высказалъ предположеніе (какъ приводитъ согласный съ нимъ А. Н. Харузинъ въ своемъ трудѣ «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153), что тамги выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингизъ-хана, или родъ службы и занятій различныхъ киргизскихъ племенъ. Но, во-первыхъ, тамги существовали за многіе вѣка до Чингизъ-хана, во-вторыхъ, развѣ только прямая черта, служащая тамгою у канглов̆ъ и кипчаковъ, и я—тамга (лукъ) случайно напоминаютъ пику и лукъ, остальныя же, весьма многочисленныя, тамги казачьихъ родовъ никакого сходства съ какимъ либо оружіемъ и никакого отношенія къ занятіямъ и орудіямъ ихъ вообще не имѣютъ.

[6]) По г. П. Ефименко (въ статьяхъ «Юридическіе знаки», помѣщенныхъ въ «Журналѣ мин. народнаго просвѣщенія», 1874 г., №№ 10, 11 и 12, и составляющихъ, сколько извѣстно, первое всестороннее научное изслѣдованіе по этому предмету), первобытные

вырѣзыванія на шкурѣ животнаго острымъ орудіемъ или выжиганія, которое вытѣснило первый способъ, изображеніе клеймъ должно было имѣть, для достиженія цѣли, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ несложное, простое и легкое для самыхъ неискусныхъ рукъ начертаніе. Этимъ условіямъ удовлетворяютъ только самые простѣйшіе знаки —прямая черта [1]) и кругъ, а также ихъ удвоенія и сочетанія [2]), но отнюдь не слишкомъ сложныя, потому что, при выжиганіи на кожѣ животнаго и на ограниченномъ пространствѣ, сложныя начертанія должны сливаться и дѣлаться неясными. По этой же причинѣ непригодны для тавра различныя кривыя, кромѣ круга и полукруга, такъ какъ онѣ не могутъ имѣть на шкурѣ съ шерстью ясныхъ формъ, выходя похожими на прямыя или на кругъ и его части, или, наконецъ, принимая смутныя и разнообразныя очертанія, ибо у разныхъ хозяевъ сложныя тавры выйдутъ несходными. Родовыя тамги киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, монголовъ и калмыковъ [3]) вообще вы-

родовые знаки «состояли по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которымъ покланялись племена», нося ихъ имена; во второмъ періодѣ эволюціи знаковъ, роды получаютъ особыя наименованія, по большей части отъ имени своего родоначальника, или мѣстности кочевокъ, символами же или знаками дѣлаются предметы домашней жизни, неизвѣстные въ бродячемъ быту; въ третьемъ періодѣ, знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоятъ изъ рубежей, т. е. прямыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; «наконецъ въ четвертой фазѣ своего развитія, клейма являются въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ именъ и фамилій своихъ владѣльцевъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 12, стр. 286 – 288). Согласно этой теоріи, тюркскія тамги принадлежатъ уже второму періоду эволюціи знаковъ или переходной ступени отъ втораго періода къ третьему, остатками же первичной фазы представляется часть знаковъ остяковъ и другихъ звѣроловческихъ племенъ сѣвера. Конечно въ этой теоріи правильно главнымъ образомъ лишь примѣненіе научнаго начала эволюціи, детали же подлежатъ измѣненію сообразно съ накопленіемъ фактовъ, что авторъ и предвидѣлъ.

[1]) Подобныя соображенія были много лѣтъ тому назадъ высказываемы академикомъ А. А. Куникомъ, который считалъ фигуры на монетахъ великаго князя Владиміра и его сыновей родовыми знаками и писалъ: «Такія родовыя знамена нерѣдко возникали изъ знаковъ собственности». Послѣдніе были «во всеобщемъ употребленіи преимущественно у народовъ, которые не имѣли еще азбуки или у которыхъ не была еще распространена грамотность. Для того, чтобы обладатель такого знака могъ пользоваться имъ, т. е. вырѣзывать его на деревѣ и т. п., онъ долженъ былъ быть несложнымъ. Поэтому, какъ думають, эти знаки у европейскихъ народовъ были первоначально составлены изъ прямыхъ, большею частью вертикальныхъ линій, и только съ теченіемъ времени отдѣльныя линіи закруглились, и вся фигура становилась вычурнѣе, или же искажалась ея первоначальная форма» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя и. московскимъ археологическимъ обществомъ», 1894 года, № 10, стр. 302 и 303).

[2]) Таковы и тамги арабовъ, приводенныя по рисункамъ Венштейна, у Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 37).

[3]) Рисунки киргизъ-казачьихъ тамгъ помѣщены въ трудахъ Левшина («Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», 1832 г., часть 3, между стр. 134 и 135), Мейера («Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», 1865 года, стр. 89—92), Казанцева («Описаніе киргиз-кайсакъ», 1867 г., стр. 213), Потанина («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2,

полняютъ эти условія. Если привести киргизъ-казачьи родовыя тамги въ систематическомъ порядкѣ, то окажется, что онѣ состоятъ изъ изображеній круга ○, его удвоенія ○○, полукруга ◡, одной прямой черты |, ея удвоенія ||, соединеній круга и полукруга съ одной, двумя и даже тремя прямыми: ♀, ○′, ◡′, ⚲, ♀, ♀, ♀, ⚲, ◡, ⊥, ◡; сочетаній двухъ прямыхъ, образующихъ углы ∧, ⌈, ⊢, + или ×, соединеній подъ углами трехъ прямыхъ, ∆, ⊓, и четырехъ подъ прямыми углами ▭, ⊓⊓, ⊓⊓. Дальнѣйшими усложненіями составленныхъ изъ четырехъ прямыхъ тамгъ являются ▭▭ и ⊓.

Количество изображенныхъ тамгъ, дѣйствительно существующихъ у киргизъ-казаковъ, болѣе трехъ десятковъ, но было бы, при тѣхъ же фигурахъ, несравненно большимъ, если бы положеніе фигуры принималось въ соображеніе, напр. ||, =, //, и \\. По справедливому замѣчанію А. Н. Харузина, киргизы на положеніе фигуры вниманія не обращаютъ. Происходитъ это безъ сомнѣнія оттого, что при наложеніи тавра на шкурѣ живой лошади знакъ выжигается въ различныхъ положеніяхъ, да и на тѣлѣ животнаго онъ при движеніяхъ принимаетъ на нѣкоторыхъ частяхъ различныя положенія. Поэтому разныя положенія знака не создаютъ другихъ или особыхъ тамгъ.

Къ числу необходимыхъ условій, съ которыми сопряжено употребленіе тамгъ у кочевниковъ-скотоводовъ, принадлежитъ ихъ прочность или неизмѣнность [1]). Далѣе надо имѣть въ виду, что для опредѣленія принадлежности скота внутри рода вообще нѣтъ нужды въ особыхъ тамгахъ, пока родъ не слишкомъ многолюденъ и не разбросанъ на слишкомъ большихъ пространствахъ, потому что родовичи знаютъ по мастямъ и другимъ признакамъ почти каждую скотину въ стадахъ своего рода. Но когда родъ становится многочисленнымъ и дѣлится вслѣдствіе этого на постоянныя родовыя части, то съ

1881 года, табл. XXVI, и вып. 4, 1883 года, табл. 1), Гродекова («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, приложенія, стр. 4—8), Харузина («Киргизы букеевской орды», 1889 г., вып. I, стр. 151, и П. Ефименко («Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. народнаго просвѣщенія», 1874 года, № 12, стр. 275 и приложеніе). Тамги кара-киргизскихъ родовъ приведены у Радлова (Aus Sibirien, I, s. 534) и Гродекова (въ указанной книгѣ. Приводя изображенія тамгъ, я буду указывать авторовъ, у которыхъ они помѣщены, начальными буквами фамилій.

[1]) Поэтому одинаковость тамги всегда считалась доказательствомъ единства происхожденія, близкаго родства. Такъ у Рашидъ-Эддина («Исторія монголовъ. Введеніе», переводъ Березина, 1858 года, стр. 76) читаемъ: «Это племя (курлутъ) было близко и соединено съ племенемъ хонкиратъ, эльджигенъ и баргутъ, и тамга у всѣхъ одна».. и пр.

теченіемъ времени обнаруживается необходимость отличать скотъ каждой родовой части путемъ тамги. Самый простой и ближайшій для достиженія цѣли способъ представляется естественно въ добавкѣ дополнительнаго знака къ основной родовой тамгѣ. Можно думать, что именно такъ и совершалось вообще образованіе тамгъ у родовыхъ подраздѣленій [1]), благодаря чему изученіе тамгъ можетъ опредѣлять происхожденіе родовъ.

Такимъ органическимъ путемъ [2]) произошло по крайней мѣрѣ, кажется не-

---

[1]) По словамъ П. М. Сорокина, статистика вятскаго губернскаго земства, «вотское племя раздѣляется на нѣсколько десятковъ родовъ (до 70), живущихъ нынѣ перемѣшанно... Каждый родъ имѣлъ одинъ своеобразный знакъ собственности—пусъ (пермяцкое и бессерменское пасъ)». Такъ у рода боня такимъ знакомъ была скоба для ношенія топора на поясѣ—тирпулонъ, у рода попиьс—крестъ, кечатъ, у рода пурги—вилы, сапикъ, у рода ворчи—куриная нога, куречъ-кукъ, и т. д. «Этотъ родовой знакъ составлялъ основу знаковъ у отдѣльныхъ хозяйствъ, разнообразясь въ частныхъ случаяхъ прибавками»... «Напр., дѣдъ изъ рода стра имѣлъ пусомъ основный знакъ въ видѣ двухъ соединяющихся подъ угломъ линій; его отдѣлившійся сынъ прибавилъ къ одной изъ линій зарубку; этотъ пусъ достался тому изъ его сыновей, который остался въ отцовскомъ дому; второй братъ, отдѣлившійся раньше, прибавилъ еще зарубку, а третій, отдѣлившійся позднѣе, прибавилъ еще одну зарубку; такимъ образомъ получился сложный знакъ, служащій доказательствомъ его позднѣйшаго происхожденія» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя и. м. археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 306—308). Такимъ же образомъ происходитъ измѣненіе клеймъ посредствомъ прибавокъ къ основному знаку,—такъ что по клейму «можно узнать отъ какого семейства отошелъ крестьянинъ»,—у крестьянъ архангельской губерніи (П. Ефименко «Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 10, стр. 69) и у вотяковъ и крестьянъ сарапульскаго уѣзда вятской губерніи (Михаилъ Харузинъ «Очерки юридическаго быта у народностей сарапульскаго уѣзда» въ «Юридическомъ вѣстникѣ», 1883 года, № 2, стр. 289). У вотяковъ вятской губерніи «каждый родъ имѣетъ издавна свой знакъ—тамги и имѣлъ въ древности духа-покровителя; тамги и имя духа-покровителя, даже съ переселеніемъ извѣстной линіи рода на другое мѣсто, сохранились въ этой родовой линіи. Такъ вотяки глазовскаго уѣзда, пріѣхавшіе по торговымъ дѣламъ въ бугульминскій уѣздъ (самарской губерніи), гдѣ они случайно встрѣтили своихъ земляковъ, по родовымъ знакамъ доискались, что эти вотяки переселились изъ извѣстной деревни глазовскаго уѣзда, хотя и старики изъ нихъ забыли уже о времени переселенія въ самарскую губернію. Переходя изъ рода въ рода, тамги усложняются, т. е. къ первоначальному простому знаку прибавляются новыя черты, но внимательное изученіе тамги тѣмъ не менѣе можетъ привести къ важнымъ результатамъ». Въ числѣ именъ духовъ-покровителей есть имя Чуйя (Д. Островскаго «Вотяки казанской губерніи» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ», томъ 4, № 1, Казань, 1874 года. стр. 11). Въ старыхъ тамгахъ русскихъ лопарей «характерной чертой является то, что онѣ, имѣя въ основѣ своей одинъ рисунокъ, общій для всѣхъ членовъ рода, видоизмѣняются по семьямъ, причемъ къ основному рисунку прибавляется или отбавляется та или другая черта, или самая тамга, съ прибавленіемъ или отбавленіемъ черты, изображается въ другомъ направленіи» (Николая Харузина «Русскіе лопари» въ «Извѣстіяхъ и. общества любителей естествознанія и пр. при м. университетѣ», томъ 66, 1890 года, стр. 250).

[2]) Что киргизъ-казачьи тамги не даны родамъ какимъ-нибудь властелиномъ и не изобрѣтены какимъ-нибудь однимъ лицомъ или собраніемъ, а есть историческо-органическій продуктъ народной жизни скотоводческаго народа,—въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ, сличая существующія тамги съ помѣщенными у Рашидъ-эддина и въ

сомнѣнно, образованіе тамгъ у развѣтвленій главнаго колѣна большой орды дулатовъ:

Тамга всего поколѣнія дулатъ (Гродековъ) есть ○ дунгелекъ (т. е. кругъ). Тамгами у ближайшихъ къ нему поколѣній, быть можетъ нѣкогда даже родовъ его, адбанъ и суванъ (по Г.) оказываются у перваго ♀ и у втораго ♀. Изъ собственно дулатовскихъ родовъ ботпай (Г.) имѣетъ тамги ♀ и ♀, а родъ сейкымъ (Г.) ♀ [1]). Но тамга дулатовскаго рода чимыръ (Г.) ♀ и тамга четвертаго дулатовскаго рода джапысъ (Г.) >. Относительно тамги рода чимыръ, которую источникъ нашъ называетъ я т а м г а, необходимо замѣтить, что по В. В. Радлову [2]) я - т а м г а значитъ л у к ъ - т а м г а и у алтайцевъ изображается ◡. Такъ какъ, во первыхъ, приведенная тамга рода чимыръ названію своему не соотвѣтствуетъ и такъ какъ, во вторыхъ, чимыровское (на основаніи родословной таблицы г. Южакова) отдѣленіе чинходжа (Г.) имѣетъ тамгу ♀, т. е. производную отъ дулатов-

---

Теварихи-Али-Сельджукъ (см. у Вамбери въ Das Türkenvolk, s. s. 4—6) тамгами Кунъхана. Сочинители этихъ 24 тамгъ для Рашидъ-эддина (изъ котораго онѣ заимствованы въ Теварихи-Али-Сельджукъ) или его источника были конечно люди, нѣсколько знакомые съ тамгами гулагидскихъ монголовъ и тюрковъ. Поэтому значительная часть 24 изображеній суть дѣйствительныя тамги, но многія видимо изобрѣтены для даннаго случая, при чемъ составители упустили условія, необходимыя для возможности дѣйствительнаго употребленія сочиненныхъ тамгъ. Такъ 19 и 21 тамги ⪢ и ⪢ не пригодны для примѣненія на дѣлѣ, потому что это одна и таже тамга. При выжиганіи неизбѣжно было бы въ большинствѣ случаевъ смѣшеніе 11 тамги ♀ съ 24-й тамгой ⊂ и т. д. Не трудно также замѣтить, что между двадцатью четырьмя тамгами нѣтъ никакихъ взаимныхъ соотношеній и каждая изъ нихъ является или безсвязнымъ отрывкомъ жизненной дѣйствительности (настоящія тамги), или произвольнымъ вымысломъ. Къ числу же вымышленныхъ большею частью принадлежатъ приводимыя капитаномъ Андреевымъ (рукопись географическаго общества «Описаніе средней орды» и пр., 1785 года, листъ 3 на оборотѣ и 4) тамги, будто бы данныя Чингизъ-ханомъ: «1) Волость кіитъ-агагай, ачамай , 2) Кунратъ-бій ○, 3) Майкибай ⊥‖⊥, 4) Урдасъ-бій ((, и г и ч ь и р е б р а, 5) Тамканъ-бій ○○, 6) Кипчакъ ┼, т а р а к ъ, по русски г р е б е н ь, 7) Чурматли-бій Y, с е л я к ъ, по русски в и л ы, 8) Киреетъ-бій , а с б у р ю к у с ъ (?), 9) Мунганъ-бій , 10) Мерчанъ-бій , 11) Буртанъ-бій ʂ, т и м и з а, 12) Матай ✳, 13) Халдаръ-бій ⌐○, ч у м и ч ъ, 14) Салчутъ-бій ○ ¯¯\, 15) самово жъ сво. Чингизъ-хана, была тамга ≈≈». 1, 8, 9 и 10 тамги изображены въ рукописи неясно, затѣйливыми кривыми, которыя нельзя воспроизвести обыкновенными типографскими средствами, почему здѣсь и не помѣщены.

[1]) Кромѣ этой тамги, у Гродекова, показана у сейкымовъ тамга ⌊ | «кезентамга». Но на стр. 3 у того же автора читаемъ: «у овецъ и рогатаго скота не выжигаютъ тамгъ, а нарѣзываютъ ухо, правое или лѣвое. Эта зарубка называется эн, к е з». Не изображаетъ ли кезентамга зарубки у овецъ и рогатаго скота, а не тамгу?

[2]) Aus Sibirien, I, s. 279.

ской, то надо полагать, что въ изображеніи тамги чимыровъ въ свѣдѣніяхъ нашего источника произошла ошибка или недоразумѣніе, потому что естественно ожидать, что дулатовскій родъ чимыръ имѣетъ дулатовскую же и тамгу, особенно, когда отдѣленіе этого самаго рода обладаетъ тамгою именно дулатовскаго типа, какъ и другое отдѣленіе того же чимыровскаго рода самбетъ имѣетъ тамгу (Г.) также дулатовскаго типа ♀ [1]). Что касается тамги рода джанысъ, принадлежащей къ типу рода найманъ средней орды и повидимому даже совершенно съ тамгой послѣдняго одинаковой, то и тутъ вѣроятнѣе ошибочность источниковъ г. Гродекова, ибо предполагать у джанысовъ найманское происхожденіе нѣтъ пока никакихъ основаній. Весьма поэтому желательно собраніе подробныхъ свѣдѣній о тамгахъ родовъ чимыръ и джанысъ и ихъ отдѣленій [2]).

У колѣна канглы тамга (Г.) | кусеу, кочерга [3]), а потому колѣно исты (Г.), у котораго, какъ и у родовъ его тилюкъ и уйкъ (Г.), та же тамга, должно происходить отъ канглов.

Тамги родовъ чапшклы (Г.) ⊥ и ⌒\, колтамга (рука-тамга) и чапрашты (Г.) ⊤, состоя изъ сочетанія прямой черты и полукруга, кажутся указывающими на происхожденіе отъ канглов и можетъ быть дулатовъ.

Имя чапрашлы можетъ казаться имѣющимъ соотношеніе съ Чапна, именемъ одного изъ 24 внуковъ легендарнаго Угузъ-хана, тамга же Чапна, по Рашидъ-эддину [4]), та же, что у чапрашлы. Преданія объ Угузѣ взяты персидскимъ историкомъ, между прочимъ, вѣроятно у туркменовъ, которыхъ онъ производитъ отъ 24 внуковъ Угуза [5]), туркмены же на самомъ дѣлѣ суть потомки канглов, или родственнаго имъ колѣна, перешедшаго за Сыръ-Дарью въ глубокой древности. Имя Чапна Березинъ производитъ отъ чапмак, рубить [6]). Чапна значится въ числѣ 12 внуковъ Угуза, принадлежавшихъ къ лѣвому крылу и носившихъ имя уч-ук (три стрѣлы): не имѣетъ ли это имя связи съ именемъ загадочнаго колѣна большой орды учакты, ошакты? Въ числѣ подраздѣленій отдѣленія шерефджуки туркменскихъ

---

[1]) Сходная же съ этою тамга ♀ приводится Г. у рода бистерекъ (вѣроятно это отдѣленіе одного изъ дулатовскихъ родовъ).

[2]) У рода бекпулатъ (должно быть это отдѣленіе чимыровъ бекбулатъ «Родосл. таблицы»), по Г., тамга ⋑).

[3]) По Ніязову (Г.), у канглов тамга ʃ шилбиръ (чумбуръ).

[4]) «Исторія монголовъ. Введеніе», переводъ Березина, 1858 г., стр. 28.

[5]) Тамъ же, стр. 21.

[6]) Тамъ же, стр. 225. Вамбери, въ Таварихи-Али-Сельджукъ, читаетъ Чапи и изображаетъ тамгу |— (Das Türkenvolk, s. 5).

іомудовъ, въ Хивѣ, есть ушакъ [1]). У ошакты тамга (Г.) △ тумар, амулетъ. Такая же тамга у бактыбаевскаго подъотдѣленія рода нагай букеевской орды, и близкая у рода берішь (М.) малой орды.

Третье загадочное колѣно большой орды сиргелы имѣетъ тамгу (Г.) ⟨ сирге, «приборъ изъ дерева, привязываемый на морду жеребятъ, для того, чтобы они не сосали мать». По В. В. Радлову, сирге значитъ серьги (Ohrringen) [2]). По Гродекову же, у сиргелы есть еще три тамги: ⁞-, + и ⩦, изъ которыхъ послѣдняя именуется курейтамга. Киргизы называютъ курай всѣ вообще высокорослыя травы, употребляемыя для топлива. Приведенныя тамги сиргелы, въ особенности первая, родовая, указываютъ на ихъ родство съ канглами, кипчаками и даже съ киреями.

У джалаировъ тамга (Г.) | |⌐(или) | |, таракъ, гребень, вѣроятно то же самое, что тамга у колѣна средней орды таракты (Г.) ⌐⌐ или |⌐. Казанцевъ даетъ тамги |⌐| и ⌐| родy табынъ и тамгу ⌐ роду тама; тамгу ⌐|⌐ у рода табынъ показываютъ также Левшинъ и Мейеръ. У Потанина тамга рода таракты изображена |⌐⌐⌐|, но такія частыя черты едва ли возможны въ таврахъ, потому что при выжиганіи должны сливаться. Сходны съ тамгою таракъ султанскія (Г.) ⌐⌐ и)⌐(, у Потанина /⌐, у Харузина 𝓜 и ⌐⌐.

Я думалъ было, для сравненій съ тамгами большой орды и кара-киргизскими, привести всѣ извѣстныя тамги родовыхъ дѣленій киргизъ-казаковъ средней и малой орды, а также родовыя тамги алтайцовъ [3]) кундровскихъ и юртовскихъ татаръ и астраханскихъ туркменовъ [4]), и затѣмъ тамги калмыковъ и монголовъ [5]), —которыя между прочимъ подтверждаютъ, какъ и

---

[1]) Vambery—Das Türkenvolk, s. 393.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 226.

[3]). По акад. Радлову—Aus Sibirien, 1884. I, s. 279, и Г. Н. Потанину—«Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881, таблица XXVI, и вып. 4, 1883 г., таблица I. Къ сожалѣнію оба автора не могли указать костей или родовъ приведенныхъ ими тамгъ.

[4]) Небольсина «Волжское низовье» въ «Журналѣ мин. вн. дѣлъ», 1852 г., и «Отчетъ о путешествіи въ Оренбургскій и Астраханскій края» въ «Вѣстникѣ и. р. геогр. общества», 1852 г., часть 2, стр. 5 и 6. Интересны приводимыя у Палласа (Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridianaux de l'Empire de Russie dans les années 1793 et 1794 par P. S. Pallas, trad. de l'allemand, t. I, Leipzig, 1799, p. p. 336 et XXIX) тавры абазинъ и кабардинцевъ, которыя мнѣ кажутся тюркскими родовыми тамгами, указывающими на древне-тюркское происхожденіе горскаго владѣтельнаго класса.

[5]) «Калмыцкая степь Астраханской губерніи, по изслѣдованіямъ кумо-манычской экспедиціи», Спб., 1868 г., стр. 167—172. У Г. Н. Потанина (см. выше) приведены нѣкоторыя тамги халхасовъ, торгоутовъ, дюрбютовъ, ёлетовъ, урянхайцевъ, мингатовъ.

имена родовъ и костей, нахожденіе въ составѣ калмыцкихъ и монгольскихъ аймаковъ омонголенныхъ частей почти всѣхъ нынѣшнихъ киргизъ-казацкихъ поколѣній,—но отказался отъ исполненія этого предположенія, отчасти вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, главнымъ же образомъ по причинѣ недостаточности имѣющихся свѣдѣній о тамгахъ средне-ордынскихъ и алтайскихъ по родовымъ подраздѣленіямъ, а также по скудости свѣдѣній о тамгахъ самихъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ.

Въ родовыхъ тамгахъ малой орды, свѣдѣнія о которыхъ довольно обильны, преобладаютъ производныя отъ прямой черты, образуемыя приставками одной или двухъ прямыхъ подъ острыми углами. Это указываетъ на происхожденіе составныхъ частей малой орды (и отдѣлившейся отъ нея букеевской) отъ канғловъ, тамгою которыхъ служитъ прямая черта. Дѣйствительно, и по историческимъ даннымъ, кипчаки, изъ потомковъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ малая орда, кажутся отвѣтвленіями или близкими родичами канғловъ, имѣя и тамгу послѣднихъ или ея удвоеніе. Встрѣчающіяся въ гораздо меньшемъ количествѣ тамги найманскаго и киреевскаго типовъ, а также производныя отъ круга, т. е. дулатовскія, составляютъ безъ сомнѣнія результатъ вступленія въ составъ кипчакскихъ родовыхъ союзовъ частей найманскихъ и киреевскихъ родовъ, вытѣсненныхъ изъ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана и позднѣе; дулатовскія примѣси и тамги могли попасть въ страну кипчаковъ и ранѣе, во времена передвиженій гунновъ, тѣлэсцевъ и тукюесцевъ.

Въ средней ордѣ, занимающей восточную часть страны кипчаковъ, естественно находятся родовые союзы кипчаковъ и позднѣйшихъ пришельцевъ изъ Монголіи наймановъ съ тамгою (Л.) V, аргыновъ—тамга (Л. Г.) OO, киреевъ—тамга (Л.) + и (Г.) X, и конгратовъ съ тамгою (Г.) ┌─┐. Роды кипчаковъ, по свѣдѣніямъ Гродекова, для отличія одинъ отъ другаго, накладываютъ общую кипчакскую тамгу на разныя, опредѣленныя для каждаго рода, части тѣла животныхъ, напр. родъ торы на шею, родъ узунъ на переднія ноги и т. д. О тамгахъ отдѣльныхъ аргыновскихъ отвѣтвленій свѣдѣній не встрѣчается. Свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ наймановскихъ и киреевскихъ скудны, о конгратовскихъ почти отсутствуютъ. Между тѣмъ для выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ и монголовъ и ихъ исторіи могутъ быть весьма полезны подробнѣйшія свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ. Значительный и разносторонній интересъ могутъ также представлять для науки родовыя тамги якутскія, енисейскихъ татаръ, узбекскихъ родовъ, башкирскія и т. д.

По словамъ перепечатанной въ № 187 «Правительственнаго Вѣстника»

1894 года изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей статьи «Древніе обитатели Уфимской губерніи», у башкиръ, «при сдѣлкахъ и договорахъ, клейменіи граничныхъ деревьевъ, тавреніи скота и вещей примѣнялись особыя, клино- и дуго-образнаго вида, родовыя и семейныя тамги», которыя «несомнѣнно принадлежатъ къ роду звуковыхъ письменъ». Справедливо скорѣе обратное [1]): существовавшія съ глубочайшей древности родовыя тамги были позднѣе употреблены въ качествѣ буквъ въ орхонско-тюркскомъ алфавитѣ.

Еще Спасскій (Inscriptiones sibiriacae, 1820) указывалъ на сходство знаковъ надписей на Енисеѣ и въ Алтаѣ съ употребляемыми и нынѣ у сибирскихъ кочевниковъ тамгами или таврами. Напоминая объ этомъ, Вамбери высказалъ предположеніе, что надписи близъ Минусинска, на берегу притока р. Иртыша Смолянки и другія подобныя этимъ суть исчисленія или реэстры тѣхъ родовъ, которымъ принадлежитъ право пользоваться настбищами въ прилежащихъ мѣстностяхъ [2]). Сличеніе тюркскаго алфавита орхонскихъ надписей не оставляетъ кажется сомнѣнія, что большая часть его буквъ суть тамги, понынѣ существующія въ киргизъ-казачьихъ родахъ. Такъ, если ограничиться даже тѣми формами, какія имѣютъ употребленные В. В. Радловымъ для напечатанія надписи на памятникѣ Кюль-тегина знаки тюркскаго алфавита [3]), то окажется, что 29 изъ 38 знаковъ тюрко-орхонскаго алфавита сходны съ нынѣ существующими родовыми тамгами или близки къ нимъ, при чемъ нѣкоторые знаки представляютъ собою одну и ту же тамгу, только

[1]) По мнѣнію г. П. Ефименко («Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 11, стр. 167—169), письмена вообще происходятъ изъ родовыхъ знаковъ, и таково было между прочимъ происхожденіе тѣхъ чертъ и рѣзовъ, посредствомъ которыхъ читали и считали, по словамъ Черноризца Храбра, «словѣни, погани суще», т. е. до принятія христіанства. «Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Навѣрно, позднѣйшія изысканія и сравненія древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ напр. на днахъ жертвенныхъ горшковъ, съ славянскими рунами покажутъ, что многіе изъ знаковъ перваго рода вошли въ составъ нашихъ рунъ... По словамъ Шафарика, буквы у славянъ назывались мѣтами или мѣтками».—Почти всѣ знаки составленной Св. Стефаномъ зырянской азбуки (см. ее въ «Исторіи государства россійскаго» Карамзина, томъ 5, 1819 года, примѣчаніе 125) суть тамги, существующія и теперь у тюркскихъ, монгольскихъ и угро-финскихъ племенъ, а потому надо полагать, что означенная азбука составлена изъ родовыхъ тамгъ зырянъ и пермяковъ.

[2]) Das Turkenvolk, 1885, s. 356.—Кастренъ (см. статью академика Шифнера «Объ этнографической важности знаковъ собственности» въ «Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по 1 и 3 отдѣленіямъ», 1855 года, томъ 3, стр. 605) расположенъ былъ приписывать начертанія на скалахъ Енисея киргизамъ, «но онъ прибавляетъ догадку, что эти начертанія, какъ и многія другія фигуры на камняхъ, были въ старину знаками собственности. Эта догадка основана частію на преданіи у татаръ, частію-же на томъ, что эти начертанія встрѣчаются на камняхъ, находимыхъ на древнихъ курганахъ».

[3]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894.

въ разныхъ положеніяхъ: остальные 9 знаковъ, по формамъ своимъ, могли имѣть происхожденіе также отъ тамгъ, хотя именно такихъ изображеній въ числѣ нынѣ извѣстныхъ тюркскихъ и вообще урало-алтайскихъ родовыхъ тамгъ пока не встрѣчается [1]).

Сходство многихъ знаковъ тюрко-орхонскаго алфавита съ знаками алфавитовъ финикійскаго, фригійскаго, ликійскаго, хитійскаго [2]),—при малой вѣроятности занесенія послѣднихъ съ береговъ Средиземнаго моря въ Монголію [3]),—

[1]) Нѣтъ ихъ также въ родовыхъ знакахъ индѣйскихъ племенъ Америки, сколько можно судить по обширному изслѣдованію (822 страницы, 54 таблицы и 1290 рисунковъ въ текстѣ) Picture - writing of the American Indians by Garrick Mallery, помѣщенному въ Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie to the Secretary of the Smithsonian Institute 1888 — 1889, Washington, 1893. Въ изображеніяхъ на скалахъ и камняхъ западной части Сѣверной Америки довольно обильны знаки, совершенно сходные съ тюркскими, монгольскими, остяцкими и т. д. тамгами и клеймами. Такъ много ихъ въ таблицахъ I — XI, на которыхъ помѣщены рисунки изображеній на скалахъ и валунахъ Калифорніи; встрѣчается нѣсколько сходныхъ знаковъ и въ Южной Америкѣ (напр. p. 158). Авторъ находитъ большое сходство изображеній, принадлежащихъ индѣйскому племени Ojibwa, съ знаками на скалахъ въ Сибири и говоритъ: this coincidence is more suggestive from the reason that the totem or dodaim, which often is the subject of those drawnings, is a designation which is used by both the Ojibwa and the Tatar with substantially the same sound and significance (p. 188). Мнѣ кажется допустимымъ позаимствованіе американскими племенами отъ восточныхъ вѣтвей древней азіатской расы, къ которой принадлежали динлины. Существованіе сношеній сѣверо-восточной Азіи съ сѣверо-западомъ Америки подтверждается китайскими извѣстіями о «татуированныхъ тѣлахъ» (ouen-chin), народѣ, который обиталъ болѣе чѣмъ въ 7 т. ли на сѣверо-востокъ отъ Японіи и сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. (Ethnographie des peuples étrangers à la Chine, ouvrage composé au XIII siècle par Ma-touan-lin, traduit du chinois par marquis d'Hervey de Saint-Denys, t. I, Genève, 1876, p. 405). Хотя проф. Шлегель полагаетъ, что страна татуированныхъ людей (Wen-chin) соотвѣтствуетъ острову Урупъ изъ числа Курильскихъ острововъ (Les peuples étrangers chez les historiens chinois, Leide, 1893, p. 14, extrait du Toung-pao, vol. III, № 14) но, при неопредѣленности китайскихъ извѣстій, пріуроченіе это едва-ли безспорно.

[2]) См. письмена эти напр. въ книгѣ Масперо Histoire ancienne des peuples de l'Orient, deuxième édition, Paris, 1876, p. p. 600—608.

[3]) Можно полагать, что тюрко-орхонскій алфавитъ составленъ около второй половины VII вѣка послѣ Р. Х. Такую дату вывожу я изъ двухъ кажущихся на первый взглядъ противорѣчивыми китайскихъ извѣстій о письменности у тукюесцевъ: по одному, они «письменъ не имѣютъ» («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 269), по другому-же, «буквы письма ихъ походятъ на буквы народа ху», т. е. какихъ-то варваровъ (тамъ-же, стр. 271). Противорѣчіе, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что первое извѣстіе взято изъ «Суй-шу», которая составлена между 627 и 643 г.г. знаменитыми учеными и государственными людьми, современниками династіи Суй (581—618 г.г.), имѣвшими достовѣрные источники, почему надо полагать, что у тукюесцевъ въ 581 – 618 г.г. письма дѣйствительно не существовало и что явилось оно у нихъ позже, во время династіи Тан (съ 618 г.). Второе извѣстіе взято изъ «Бэй-ши». Составлявшіе эту «исторію сѣверныхъ дворовъ» ученые жили во время династіи Тан; окончилъ ее Ли Янь-шеу, началъ-же писать еще отецъ его («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. XVII): если она окончена позже «Суй-шу» (точныхъ свѣдѣній я не нашелъ), то свѣдѣніе о письменахъ у тукюе могло быть помѣщено въ нее составителями на основаніи дошедшихъ до нихъ свѣдѣній о существованіи письменности у тукюесцевъ въ ихъ время.

можетъ служить доказательствомъ самостоятельнаго составленія съ одной стороны мало-азійскихъ и съ другой — орхонско-тюркскаго алфавитовъ одинаково изъ скотоводческихъ клеймъ или тамгъ, которыя у всѣхъ скотоводческихъ народовъ имѣютъ большее или меньшее сходство, ибо должны удовлетворять, какъ выше сказано, общимъ необходимымъ условіямъ. Изъ числа упомянутыхъ древнихъ письменъ отличаются особою многочисленностью сходныхъ съ тюрко-орхонскимъ алфавитомъ знаковъ хитійскія [1]). Если подтвердится предположеніе о туранскомъ происхожденіи хетійцевъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ вѣроятнымъ составленіе хитійскихъ письменъ по вообще изъ скотоводческихъ, а именно изъ тюркскихъ родовыхъ тамгъ [2]).

Отсутствіе въ разсматриваемомъ алфавитѣ знаковъ, образованныхъ изъ круга и добавочныхъ прямыхъ чертъ, указываетъ, что онъ составлялся не въ западной Монголіи, не въ средѣ обитавшихъ тамъ тюркскихъ родовъ съ дулатами во главѣ, у которыхъ въ тамгахъ преобладали кругъ съ производными отъ него, а въ восточной Монголіи, на Орхонѣ, откуда найманы и киреи, потомки современныхъ алфавиту тукюесскихъ и гаогюйскихъ родовъ, вынесли впослѣдствіи въ сѣверную, среднюю и западную части киргизъ-казачьей степи тѣ тамги, которыя за много вѣковъ ранѣе послужили матеріаломъ для письменъ тюркскаго алфавита. Во всякомъ случаѣ, если названія нѣкоторыхъ тамгъ (какъ напр. кульджа-тамга для одной изъ формъ буквы к) или имена родовъ, которымъ они принадлежали, соотвѣтствовали своими на-

---

[1]) См. двѣ таблицы хиттитскихъ знаковъ, составленныя маіоромъ Condor (On Cananites въ Journal of the Transactions of the Victoria Institute, v. XXIV, London, 1889) и перепечатанныя въ Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie, Washington 1893, p. p. 662—664.

[2]) Хити прибыли въ Каппадокію и отсюда распространили свою власть на сѣверную Сирію и Киликію тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. Первые египетскіе фараоны, предпринимавшіе походы въ Сирію между 1800 и 1600 г.г., встрѣтили отпоръ только отъ хити. Договоръ Рамзеса II съ царемъ хити объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ есть самый древній извѣстный дипломатическій актъ. «Вмѣсто историческихъ хроникъ, хити оставили намъ безчисленные памятники своихъ побѣдъ... Вездѣ (отъ горъ Киликіи до Эгейскаго моря), гдѣ только находились какіе-нибудь стратегическіе пункты, для наблюденія-ли за ущельями и дорогами, или для прикрытія крѣпостей, — хити выгравировывали на окружающихъ скалахъ фигуры своихъ царей и боговъ, сопровождаемыя часто надписями». Хити постепенно ослабѣли, но упоминанія о нихъ и о столицѣ ихъ Гаргамышѣ на Евфратѣ прекратились лишь вѣка за два до новаго вторженія скифовъ въ западную Азію въ 634—627 г.г. до Р. Х, когда они проникали до Египта (Масперо «Древняя исторія народовъ востока», Москва, 1895 года, стр. 247, 178, 179 и пр.). Conder думаетъ (Hittite Ethnologie въ Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, 1888, vol. XVII, p. 155), что финикійскій алфавитъ очевидно происходитъ отъ хиттитскихъ іероглифовъ.—Имя хити (Khita, какъ пишутъ нѣкоторые англійскіе ученые) напоминаетъ загадочное имя рода малой орды кито, китя, китинскаго, съ тамгою въ видѣ креста или знака умноженія, которые оба встрѣчаются въ хитійскихъ іероглифахъ.

чальными звуками звуковому значенію вошедшихъ въ алфавитъ знаковъ— тамгъ, это отнюдь не было общимъ правиломъ, ибо нѣкоторыя тамги употреблены въ этомъ алфавитѣ для означенія нѣсколькихъ звуковъ, отличаясь только своимъ положеніемъ, тогда какъ тамга въ какомъ бы положеніи на животное ни накладывалась, названія и значенія своего не измѣняла.

5) Степень перемѣшанности родовъ большой орды между собою и съ родами другихъ ордъ.

Въ общемъ, разсмотрѣніе киргизъ-казачьихъ родовыхъ тамгъ, изображенія которыхъ не удалось мнѣ привести здѣсь въ желательной подробности и полнотѣ, подтверждаетъ, что тамги родовыхъ подраздѣленій получались посредствомъ добавокъ и видоизмѣненій основной тамги кореннаго рода или колѣна. Кажется также яснымъ, что изъ такихъ основныхъ тамгъ кругъ съ его производными составлялъ особый типъ тамгъ дулатовъ съ родственными и происходящими отъ нихъ родами, а прямая черта и ея производныя, при помощи приставокъ изъ прямыхъ же линій, были типомъ тамгъ канглов и кипчаковъ съ происходящими отъ нихъ родами. Къ основнымъ же типамъ тамгъ, вѣроятно, принадлежали уголъ наймановъ и прямоугольный четыреугольникъ, а также крестъ, встрѣчающіеся у киреевъ.

То же разсмотрѣніе тамгъ показываетъ, что киргизъ-казачьи колѣна и роды болѣе или менѣе значительно перемѣшаны, ибо тамги разныхъ типовъ и ихъ производныхъ нерѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же колѣнѣ, родѣ и даже отдѣленіи въ разныхъ подраздѣленіяхъ.

По приведеннымъ выше тамгамъ, за исключеніемъ сергелы, смѣшанность родовъ въ колѣнахъ и частяхъ большой орды не особенно замѣтна, но это можетъ быть объясняемо малой извѣстностью тамгъ большой орды, которыя собраны, и то конечно не вполнѣ, лишь въ предѣлахъ сыръ-дарьинской области. Но существованіе смѣшанности обнаруживаютъ имена родовыхъ частей. Такъ, на основаніи данныхъ, приведенныхъ выше изъ списковъ родовъ большой орды алатавскаго округа 1865 года, родъ джарты встрѣчается въ качествѣ отдѣленій у адбановъ (въ родѣ сегизъ-сары) и дулатовъ (въ родѣ джанысъ), баба у адбановъ (бузумъ) и дулатовъ (кашкарау), тапатъ у адбановъ (кыстыкъ), дулатовъ (джанысъ) и джалаировъ (андасъ), турсунъ у адбановъ и сувановъ, кочкаръ у сувановъ, чапрашты и джалаировъ (андасъ), сарымбетъ у адбановъ (альджанъ), дулатовъ (кашкарау) и джалаировъ (сірчи), сірчи у дулатовъ (ботпай) и джалаировъ, кучукъ у

джалаировъ (сунотай), чапрашты (исходжа) и дулатовъ (джанысъ-кыбрай); на примѣси изъ другихъ ордъ указываютъ суюндукъ (изъ аргыновъ средней орды), у адбановъ (айтъ), джалаировъ (кучукъ), чапрашты (исходжа) и у дулатовъ (исты), кирей, кирейкулъ и найманбай у адбановъ (кызылбуркъ), джумартъ (наймановскаго колѣна) у джалаировъ (андасъ), джумукъ (колѣна кирей) у адбановъ (бузумъ), тама (малой орды) у адбановъ (конурбуркъ), тазъ и карасакалъ (малой орды) у джалаировъ (кучукъ). Однако приведенныя имена не составляютъ и 10% болѣе, чѣмъ двухъ сотенъ именъ родовыхъ подраздѣленій, помѣщенныхъ въ спискахъ, такъ что перемѣшанность родовъ большой орды между собою не велика, а съ родами другихъ ордъ и совсѣмъ незначительна [1].

6) Поколѣніе сары-уйсунъ и относящіяся къ его происхожденію свѣдѣнія.

Сары-уйсуны по тамѣ оказываются не имѣющими ничего общаго съ дулатами и ихъ родичами, а также съ канглами и прочими киргизъ-казачьими родами (кромѣ киреевъ). Значитъ они должны быть особаго происхожденія.

Въ спискахъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, въ родѣ сары-уйсунъ показаны слѣдующія отдѣленія: кутлумбетъ (100 киб.), джанай (100 киб.), джулай-танай (100 киб.), джанъ-досай (200 киб.) и кулюке и крыкъ (въ обоихъ вмѣстѣ 200 киб.), всего 700 киб. Этихъ именъ не встрѣчается въ родовыхъ дѣленіяхъ дулатовъ и прочихъ частей большой орды,

---

[1]) Цифровое понятіе о степени смѣшанности родовъ большой орды могутъ дать свѣдѣнія о составѣ волостей чимкентскаго уѣзда, помѣщенныя на стр. 17—20 книги Н. И. Гродекова «Киргизы» и пр. (1889 г., Ташкентъ), хотя въ этомъ уѣздѣ роды, въ силу историческихъ причинъ, наиболѣе, послѣ ташкентскаго, перемѣшаны. Оказывается, что въ составѣ административныхъ волостей преобладаетъ численно одинъ, большею частію, какой-либо родъ. Такъ сейкымы (всего 4570 кибитокъ) преобладаютъ въ трехъ волостяхъ, но встрѣчаются еще въ четырехъ въ числѣ 93 к., 139 к., 8 к. и 50 к. Подобнымъ-же образомъ распредѣлены джанысъ (преобладаетъ въ трехъ волостяхъ) въ числѣ всего 3372 к., чимыръ 3331 к., сиргели 4871 к., исты 3521 к. Родъ конгратъ, 4091 к., составляетъ три особыя волости, въ которыхъ только 36 к. чужеродцевъ (аргыны и киреи). Затѣмъ распредѣлены въ волостяхъ, состоящихъ изъ преобладающаго большинства иныхъ родовъ, слѣдующіе большеордынскіе роды, чапрашты 94 к., ботпай 274 к., ошакты 527 к., сары-юйсунъ 40 к., суванъ (суванъ?) 38 к., адбанъ 239 к., канглы и чаниклы 509 к., джалаиръ 296 к., всего 2017 к. на 19670 к. поименованныхъ родовъ большой орды. Кромѣ конгратцевъ къ другимъ ордамъ принадлежатъ: къ малой—джагалбайлы 218 к., къ средней—аргынъ 297 к., найманъ 705 к., кипчакъ 152 к., кирей 17 к., да сверхъ того кара-киргизъ 20 к. и ходжей 154 к. Выходитъ, что, за исключеніемъ конгратцевъ съ ихъ примѣсью (4127 к.), изъ остальныхъ 23214 к. только 1527 к. иноордынцевъ и иноплеменниковъ.

но слово крыкъ, иначе кырк (крк) служитъ у кара-киргизовъ для означенія самаго низшаго изъ родовыхъ дѣленій—отдѣленія или подъотдѣленія, состоящаго непосредственно изъ семей. Такое названіе одного изъ дѣленій рода сары-уйсунъ указываетъ на родственное кара-киргизамъ происхожденіе сары-уйсуновъ или части ихъ. Имя же кыркъ однако носитъ также одинъ изъ узбекскихъ родовъ, обитающій вмѣстѣ съ родомъ юзъ (сто, а кыркъ—сорокъ) между Ходжентомъ и Яныкурганомъ и южнѣе Пянджекента; отдѣленія этого рода: кара-койлы, карача, кара-сиракъ, чапанаилы [1]. Но вѣроятнѣе не то, что частица узбекскаго рода попала къ сары-уйсунамъ, а то, что и у сары-уйсуновъ, и у узбековъ родъ кыркъ одинаково кара-киргизскаго происхожденія, или что сары-уйсунское отдѣленіе кыркъ находилось въ сборныхъ дружинахъ шейбанидовъ, завоевавшихъ Мавераннагръ подъ именемъ узбековъ, или наконецъ, что названіе рода кыркъ лишь случайно сходно съ именемъ отдѣленія сары-уйсуновъ и произошло отъ слова кыркъ, сорокъ, какъ имя союзнаго съ нимъ рода отъ юзъ, сто, безъ всякаго соотношенія къ сары-уйсунамъ и кара-киргизамъ.

По приведенной мною выше родословной всѣ роды большой орды, кромѣ канглы и сергелы, производятся отъ Уйсуна, сына Бахтіара, и затѣмъ также всѣ, за исключеніемъ еще Джалаира, ведутъ свое начало отъ правнука Уйсуна Байлибека. Сары-уйсуны спеціально считаются потомками сына Байлибека Сары-уйсуна, прочіе же роды производятся отъ его братьевъ и племянниковъ. Такое содержаніе представляющей собою выраженіе народныхъ преданій родословной, а также именованіе большой орды юсуновскою или уйсуновскою [2]), объясняются всего естественнѣе сохранившеюся въ народѣ смутной памятью о томъ, что земли большой орды въ древности были заняты народомъ, носившимъ имя усунь, и что поколѣніе сары-уйсунъ есть прямое потомство этого древняго народа.

Въ настоящее время сары-уйсуны, въ числѣ около 1200 кибитокъ, составляютъ сарытокумовскую волость вѣрненскаго уѣзда семирѣченской области и кочуютъ на лѣвомъ берегу р. Или, отъ р. Курту на сѣверъ до урочища

---

[1]) Aus Sibirien, I, s. s. 225, 226.

[2]) Хотя названіе это не встрѣчается въ историческихъ источникахъ ранѣе настоящаго столѣтія, но нѣтъ причинъ, по которымъ можно было-бы отрицать его болѣе раннее существованіе. Въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева (1785 года) западная часть большой орды называется усюнской волостью, но именамъ-же родовъ оказывается состоявщею изъ дулатовскихъ сейкымовъ, джанысовъ и чимыровъ, изъ сергелы, чанышклы и пр.

Кара-туранги, въ мѣстности Сары-тау-кумъ [1]). Есть еще немного сары-уйсуновъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ сыръ-дарьинской области и еще менѣе въ чимкентскомъ.

На Зеравшанѣ есть узбекскій родъ уйшунъ, о которомъ г. Гребенкинъ сообщаетъ слѣдующія, между прочимъ, свѣдѣнія: Уйшуновъ въ округѣ (зеравшанскомъ) весьма мало, не больше 500 душъ обоего пола. Всегда ли ихъ было въ немъ такъ мало и какимъ образомъ они очутились въ округѣ— эти уйшуны не могутъ объяснить. По ихъ преданію, они пришли въ округъ еще въ то отдаленное время, когда Самаркандъ брали 92 узбекскихъ племени... Они говорятъ, что кромѣ зеравшанскаго бассейна ихъ нигдѣ больше нѣтъ. Уйшуны раздѣляются на три отдѣленія: 1) учаклы, 2) кузьтамгалы и 3) ирганаклы... Пѣсни уйшуновъ и языкъ ихъ—чисто киргизскіе [2]).—Учаклы можетъ быть тоже, что ушакты, но кузьтамга есть тамга аргыновъ средней орды и ирганаклы или ергенекты есть родъ тоже средней орды. Поэтому съ сары-уйсунами эти уйшуны ничего общаго повидимому не имѣютъ и кажутся прибывшимъ въ дружинахъ шейбанидовъ союзомъ изъ частицъ родовъ средней орды, образовавшимся подъ главенствомъ какого-нибудь вліятельнаго бека изъ рода уйшинъ. Такой монгольскій родъ, изъ числа дурлигиновъ, упоминается Рашидъ-эддиномъ, по которому въ улусѣ Джучи и въ Персіи были беки изъ этого рода [3]). Въ «Шейбаніадѣ» говорится объ Али-

---

[1]) Въ спискахъ алагавскаго окружнаго управленія 1865 г. о сары-уйсуновской волости замѣчено: «Родъ этотъ постоянно и весь кочуетъ по правую сторону рѣки Или; зимовки имѣетъ въ горахъ Кюньчуэль, Чуркъ и Ачу-тасы, лѣтомъ-же кочуетъ по долинѣ Тересъ-акканъ (притокъ р. Кокесу) и по южному склону (горы) Кутуркея, мѣшаясь съ другими родами». Перебрались сары-уйсуны на лѣвый берегъ Или въ 1868 году, послѣ учрежденія туркестанскаго генералъ-губернаторства, когда р. Или сдѣлалось границею вѣрненскаго и копальскаго уѣздовъ, сары-уйсуны-же, считающіеся родичами дулатовъ, не пожелали остаться въ копальскомъ уѣздѣ, гдѣ дулатовъ не было, и перешли на лѣвый берегъ Или въ вѣрненскій уѣздъ, чтобы жить съ дулатами. Кочевки сары-уйсуновъ расположены въ пескахъ (Сары-тау-кумъ значитъ «желтыя песчаныя горы»), отличающихся безводіемъ и скудной растительностію, и удобны только для разведенія барановъ и отчасти верблюдовъ; земель для пашенъ почти нѣтъ. Поэтому, по свѣдѣніямъ 1885 года, вся волость сѣяла только 89 четвертей проса и пшеницы; скота считалось: верблюдовъ 1633, лошадей 2204, барановъ 28239 и рогатаго скота только 188. Число грамотныхъ въ волости наименьшее изъ волостей уѣзда, въ чемъ она сходится только съ кара-киргизскими волостями: 6 человѣкъ на 3433 д. об. пола.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1871 года, № 39.

[3]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 166, 88, 9, 167. Професс. Березинъ замѣчаетъ (тамъ-же): «Племя уйшинъ у Сананъ Сэцэна называется укушинъ или уйшинъ... Можетъ быть это имя состоитъ въ связи съ монгольскимъ укукъ, связка прутьевъ». Одинъ изъ семи хошуновъ, на которые раздѣляется Ордосъ, называется у шинъ. «Въ хошунѣ ушинъ мнѣ были названы омоки (роды): уйгурчинъ, ихи-хвренгъ, бага-хврентъ, херхатанъ, хаджирутъ, тангудутъ, харачинъ, тубутуть, харліутъ, актышинъ, солонгосъ, урутъ, онусъ, чжахаръ, нюкутенъ, хатачинъ, хатычинеръ, бухасъ» (Г. Н. Потанинъ «Тангутско-тибетская окраина» и пр., томъ I, стр. 103).

мардане изъ рода уйшунъ, а въ «Шейбани-намэ» въ войскахъ Шейбани-хана поминается родъ ушунъ [1]), такъ что приходъ уйшуновъ съ узбеками несомнѣненъ, а это дѣлаетъ вѣроятнымъ и сдѣланное мною предположеніе объ образованіи этого рода изъ мѣстныхъ родовъ въ Дештъ-кипчакѣ.

Есть еще усюны или (по Я. В. Ханыкову) [2]) уйсыны въ родѣ ногай, букеевской орды [3]). Тамга ихъ кипчакскаго типа. Вѣроятно и это слѣдъ монгольскаго рода уйшинъ.

Выясненіе отношеній сары-уйсуновъ къ кара-киргизамъ удобнѣе отложить до разсмотрѣнія родоваго состава кыргызовъ, въ связи съ происхожденіемъ енисейскихъ кыргызовъ и родственныхъ имъ кара-киргизовъ отъ смѣшенія тюрковъ съ древними обитателями Монголіи и южной Сибири -диплинами, отличавшимися свѣтлою окраскою волосъ и глазъ, за которую тюрки именовали потомковъ ихъ, вытѣсненныхъ за Саяны, но сохранившихъ свой языкъ, «пѣгимъ» или пестрымъ народомъ, по тюркски ала, у китайцевъ пома. Здѣсь же считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ легендахъ, наводящихъ на мысль о происхожденіи отъ смѣшеній тюрковъ съ диплинами или племенами ихъ расы не только кыргызовъ, но и нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ племенъ и родовъ.

Такъ какъ по больше-ордынскимъ сказаніямъ у Сары-уйсуна былъ сынъ по имени Кальча, то ближайшее отношеніе къ сары-уйсунамъ имѣетъ приводимое Ильею Казанцевымъ сказаніе о происхожденіи киргизъ-казаковъ отъ Калча-Кадыра: Калча-Кадыръ былъ однимъ изъ военачальниковъ проходившей черезъ киргизскую степь арміи какого-то завоевателя; вслѣдствіе изнуренія отъ жажды и голода онъ отсталъ отъ войска и близокъ былъ къ смерти, но его спасла спустившаяся съ неба бѣлая гусыня (каз-акъ); она оказалась доброй пери и сочеталась съ Калча-Кадыромъ; потомки ихъ стали носить имя казакъ [4]). Кромѣ имени Калча сказка эта не обращаетъ ничѣмъ вниманія.

Весьма распространенныя между киргизъ-казаками легенды связываютъ происхожденіе народа и ордъ съ именемъ Алаша или Алача [5]). По варіанту, приводимому Казанцевымъ же, во владѣніяхъ хана Алача или Алачена стали рождаться «пѣгіе или чубарые люди, называемые (должно быть отъ

---

[1]) Das Türkenvolk, 1885, s. s. 348, 349.
[2]) «Записки и. р. географическаго общества», 1847 года, книжка 2, стр. 37.
[3]) А. Н. Харузина «Киргизы букеевской орды», вып. I. 1889 года, стр. 37 и 38.
[4]) «Описаніе киргиз-кайсакъ». Спб., 1867 года, стр. 2 и 3.
[5]) Левшинъ, «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», часть 2, стр. 28, и Гродековъ «Киргизы» и пр., 1889 года, стр. 2.

сны) ченчакъ (рябые)». Ханъ повелѣлъ лишать жизни матерей, у которыхъ явятся такія дѣти, но и у любимѣйшей жены его родился пѣгій сынъ; ханъ даровалъ ей жизнь, но велѣлъ выпроводить ее вмѣстѣ съ сыномъ въ степь, «давъ ему въ утѣшеніе к и р к - г ы з ъ, т. е. сорокъ дѣвъ», отъ которыхъ «произошло потомство и народъ киргизы» [1]). Этотъ варіантъ интересенъ и происхожденіемъ киргизъ-казаковъ отъ «пѣгаго» человѣка (а л а), и указаніемъ на образованіе названія малой орды алчинъ чрезъ сокращеніе имени а л а - ч е н ъ, а л а - ч и н ъ. Такое же, какъ у послѣдняго, образованіе именъ встрѣчается въ именахъ людей татарскихъ родовъ, по Рашидъ-эддину, который говоритъ, что «всякій индивидуумъ, происходящій изъ этого племени (тутукулъютъ), если онъ будетъ мужескаго рода, называется тутукултай, а если женскаго пола, называется тутукулчинъ, изъ племени анчи-татаръ-анчидай и анчинъ» и пр. [2]). Еще яснѣе обнаруживается связь имени Алачинъ съ динлинами и пома въ сказаніи Абулъ-гази о городѣ или странѣ А л а к ч и н ъ. Приведя узбекскую (тюркскую) пословицу—«есть страна, гдѣ всѣ лошади пѣгія, а очаги золотые», Абулъ-гази говоритъ, что страна эта находится на устьѣ Енисея (Ангара-муранъ), гдѣ на берегу моря есть большой городъ, въ сосѣдствѣ котораго водятся высокорослыя лошади исключительно пестраго цвѣта и неподалеку находятся серебряныя рудники; когда по смерти Чингизъ-хана, страна кыргызовъ «и всѣ тѣ, которыя ее окружали», достались Тули-хану и его потомству, то старшая вдова Тули-хана посылала къ Алакчину отрядъ въ 1 т. войска на судахъ; отрядъ этотъ потерялъ много людей отъ необыкновенныхъ жаровъ въ той странѣ, но подтвердилъ разсказы о необычайномъ обиліи въ ней серебра, котораго не привезъ однако съ собою, потому что суда съ грузомъ не могли плыть противъ теченія на обратномъ пути [3]). Дѣйствительно «пѣгій народъ» [4]), потомки динлиновъ, обиталъ на Енисеѣ, къ сѣверу отъ кыргызовъ, а потомки пома, енисейскіе остяки, и теперь еще уцѣлѣли въ небольшомъ числѣ на нижнемъ Енисеѣ. Китайцы упоминали о двухъ владѣніяхъ Динлинъ [5]): не происходятъ ли старѣйшіе роды

[1]) «Описаніе киргиз-кайсакъ», стр. 1.

[2]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 51 и 52. По проф. Березину (тамъ-же, стр. 238) ч и н ъ есть монгольское окончаніе, означающее женскій родъ въ прилагательныхъ именахъ.

[3]) Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par Desmaisons, 1874. p.p. 14, 45.

[4]) По «Танъ-шу», «пѣгій народъ», г ю н ь м а у о. Іакинфа, po-ma и kiao-ma у европейскихъ китаистовъ, иначе называлея ѳ л о ч и (Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 442) или, по транскрипціи Visdelou, gho-lo-tchi: и то и другое есть очевидно алачинъ на китайскій ладъ.

[5]) Histoire des Huns etc., Paris, 1756, t. 1, partie 2, p.p LXXVI, LXXVII. Одно изъ владѣній Динлинъ лежало на сѣверъ отъ Кангюя, т. е. отъ земель канглов, а другое на сѣверъ отъ Уйгуріи, т. е. соотвѣтствовало бассейну Енисея.

малой орды (въ числѣ ея родовъ есть алачъ или алашъ) отъ помѣси тюрковъ съ западными динлинами [1]), какъ кыргызы явились продуктомъ метисаціи тюрковъ съ енисейскими динлинами?

На еще болѣе восточную помѣсь съ динлинами намекаетъ приводимое Г. Н. Потанинымъ киреевское преданіе, по которому киреи происходятъ отъ Сары-усюня, у котораго былъ сынъ Кара-бій, внукъ Абакъ и правнукъ Кирей, а у послѣдняго 12 сыновей, отъ которыхъ пошли 12 родовъ абакъ-киреевъ [2]). Въ 12 именахъ ихъ нѣтъ ничего сходнаго съ именами родовыхъ дѣленій большой орды и кара-киргизовъ кромѣ имени Чіймоинъ, которое близко къ киргизской кости шимоинъ. Въ именахъ родовъ керантовъ у Рашидъ-эддина [3]) значится Сахыятъ, имя близкое къ имени сагайцевъ на Енисеѣ и якутовъ (саха). Откуда взялось у киреевъ сказаніе о происхожденіи ихъ отъ Сары-усюня? Какъ попалъ къ киреитамъ близкій енисейскимъ киргизамъ родъ сагай и какимъ образомъ, съ другой стороны, въ XVII вѣкѣ оказывался на Енисеѣ, между киргизами, родъ карантовъ, керетцевъ или керельцевъ?

Все это заставляетъ подозрѣвать, что между киреями и кыргызами существовало какое-то родство, по происхожденію ли тѣхъ и другихъ отъ динлиновъ [4]), или по происхожденію части киреевъ отъ кыргызскаго поколѣнія сары-усунь или ему близко родственнаго, какъ указываютъ и тамги сары-усуней ⊤ и киреевъ ⊏⊐ и +.

II. Роды и кости кара-киргизовъ.

1) Народныя сказанія о родахъ и происхожденіи кара-киргизовъ.

И у кара-киргизовъ встрѣчаются попытки систематизировать ихъ родовыя дѣленія въ видѣ генеалогическихъ сказаній.

[1]) По приводимымъ г. Бретшнейдеромъ (Notices of the Mediaeval Geographie and History of Central and Western Asia etc London, 1876, p. 174) китайскимъ извѣстіямъ XIII вѣка, кипчаки (kin-ch'a) имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. Надо думать, что свѣтлая окраска эта была слѣдствіемъ помѣси тюрковъ съ динлинами и финнами.

[2]) «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 3, и примѣчаній, стр. 1. Саръ-усунъ по монгольски летучая мышь (тамъ-же), а сары-юсунъ, тоже по монгольски, девять рыжихъ (вып. 4, 1883 года, стр. 670).

[3]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 95.

[4]) Въ числѣ правыхъ притоковъ р. Уды, берущей начало въ хребтѣ Ергикъ-Таргакъ-тайга, есть двѣ рѣчки Кирой (Н. Ф. Катановъ «Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г.», стр. 197 и 200). Не отъ нея-ли имя киреевъ, киреитовъ? Приводимое у Рашидъ-эддина («Труды вост. отд.», часть 5, стр. 96) имя керантскаго рода добоутъ указываетъ на примѣсь самоѣдовъ—туба.

По одному изъ такихъ сказаній, приводимому Воронинымъ и Инфантьевымъ въ «Свѣдѣніяхъ о дико-каменныхъ киргизахъ» конца сороковыхъ годовъ, общимъ родоначальникомъ кыргызовъ принимается, конечно, Кыргызбай, а у него предполагается два сына: Атыгенъ, занявшій земли въ верховьяхъ Аму-дарьи и Сыръ-дарьи, и Тогай, овладѣвшій «окрестностями озера Иссыкъкуля» [1]).

По легендамъ, сообщеннымъ Голубеву (1859 г.), кыргызы происходятъ отъ ханскаго сына Кыргыза, бѣжавшаго въ Андиджанъ и имѣвшаго двухъ сыновей, которые именовались Аблъ и Коблъ; отъ перваго пошло крыло о н ъ изъ поколѣній богу, сарыбагышъ, султъ, черикъ, саякъ, чонбагышъ и джадигоръ, отъ второго—крыло с о л ъ: поколѣнія сару, кокчс, мундузъ и китай [2]).

По Чокану Валиханову (1856—1859),—который генеалогическія преданія киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ признавалъ важными, такъ какъ онѣ «представляютъ составъ и образованіе народа», — изъ «генеалогіи бурутовъ слѣдуетъ, что главную массу ихъ народа составляетъ турецкое племя киргизъ, къ которому присоединились впослѣдствіи два чуждыхъ отдѣла. Одинъ изъ этихъ чуждыхъ отдѣловъ составляютъ роды кипчакъ, найманъ и китай; права ихъ на киргизскую народность въ генеалогической формѣ выражены тѣмъ, что имъ данъ общій родоначальникъ, который поставленъ сыномъ Киргизбая. Другой чуждый отдѣлъ ичкиликъ, хотя считаетъ своего родоначальника также сыномъ Киргизбая, но не признается другими родами. Третій отдѣлъ составляютъ настоящіе киргизы, раздѣленные на два крыла—онъ и солъ». Крыло онъ дѣлится на два отдѣла—адгэне и тагай; послѣдній состоитъ изъ семи родовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, саякъ, черикъ, чонбагышъ и бассызъ; отдѣлъ адгэне лѣто проводитъ въ горахъ отъ Оша до Кокана; лѣвое крыло состоитъ изъ трехъ маленькихъ племенъ, которые кочуютъ по Таласу: сару, кощи и мундузъ. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившіяся къ кыргызскому народу впослѣдствіи, кочуютъ отъ Оша по памирскому плоско-

---

[1]) «Записки и. р. географическаго общества», 1851 года, стр. 140.

[2]) «Записки и. р. географическаго Общества», 1861 года, книга 3, стр 114. Замѣчая, что дѣленіе на два крыла имѣетъ соотношеніе къ движеніямъ народа, какъ завоевательной арміи, Голубевъ полагалъ, что кыргызы не могли идти на свои нынѣшнія кочевки съ сѣвера, потому что въ такомъ случаѣ ихъ правое крыло (онъ) было-бы на западѣ, а не на востокѣ, какъ оно оказывается; поэтому онъ приходитъ къ заключенію, что кыргызы не пришли съ истоковъ Енисея, а «искони составляли особый народъ тюркскаго языка, обитавшій въ мѣстахъ, гдѣ и нынѣ кочуютъ» (тамъ-же, стр. 115). Но усуни-кыргызы могли прійти въ западный Тянь-шань съ юга, чрезъ Юлдузы. Сверхъ того расположеніе отдѣловъ народа могло измѣнится вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ событій и передвиженій.

горью до Бадахшана; съ ними же кочуютъ ичкилики и нѣкоторые роды изъ племени адгэне; родъ турайгыръ - кипчакъ, подчиняющійся Китаю, кочуетъ въ окрестностяхъ кашгарскаго города Ташъ-малыга. Исчисленные роды раздѣляются на множество поколѣній, каждое изъ поколѣній еще на поколѣнія и т. д. [1]).

По сказаніямъ, слышаннымъ М. П. Венюковымъ (1860), дочь какого-то хана съ сорока дѣвицами, по возвращеніи домой съ прогулки, нашла свой аулъ совершено разграбленнымъ, и «одно только живое существо встрѣтилось ей—красная собака (кызылъ-тайганъ). Отъ нея, по словамъ преданія, забеременѣли всѣ подруги, въ память которыхъ потомство и усвоило себѣ имя кырк-гызъ... Эта легенда пополняется и иногда замѣняется разсказомъ, что царевна и ея подруги забеременѣли отъ пѣны взволнованнаго озера, которую попробовали, послѣ чего родные прогнали всѣхъ преступницъ изъ дому. Долгое время дѣвицы скитались въ пустынѣ съ своей царевной, но наконецъ возстали на нее, какъ на виновницу несчастья, и прогнали за (р.) Чу. Здѣсь бѣдную ханскую дочь нашелъ родоначальникъ всѣхъ киргизовъ и взялъ ее себѣ въ жены, вскорѣ послѣ чего она и родила сына Киргизъ-бая... Онъ много терпѣлъ сначала отъ своихъ братьевъ, которые укоряли его неизвѣстнымъ происхожденіемъ, обдѣленъ ими по смерти отца, но наконецъ явился торжествующимъ, когда удалось ему украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду — символы первенства... У Киргизъ-бая было два внука: Аблъ и Ковлъ», которые и дали начало родамъ кара-киргизовъ [2]).

По разсказамъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, «отецъ кара-киргизовъ произошелъ отъ миража (сагымъ). Онъ воцарился между киргизами и женился на одной ихъ дѣвицѣ, отъ которой родилась у него единственная дочь. Отецъ приставилъ къ ней 40 прислужницъ. Однажды ханская дочь вышла съ 40 прислужницами къ большой рѣкѣ, гдѣ замѣтила плывущую пѣну. Созерцая пѣну, дѣвицы услышали слова, исходившія изъ нея: «ты правъ и я правъ» (анталхак мендо ак; форма этихъ словъ правильнѣе въ Исторіи кокапскаго ханства В. П. Наливкина, стр. 15: ана эльхак мана эльхак — и то истина, и это истина). Дѣвицы изъ любопытства, обмакнувъ пальцы въ пѣну, облизали ихъ, и вскорѣ оказалось, что всѣ онѣ забеременѣли. Ханъ Сагымъ выгналъ ихъ на высокія горы, ибо не хотѣлъ убивать ихъ. Найдя пропитаніе въ горахъ, онѣ родили 40 сыновей и 40 дочерей,

---

[1]) «Очерки Джунгаріи» въ тѣхъ-же «Запискахъ», 1861 г., кн. 2, стр. 49, 50, 51.

[2]) «Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ», Спб., 1868 года, стр. 155 и 156. Въ исчисленіи родовъ къ названнымъ у Голубева добавлены быгышъ, монадыръ и тунгатаръ.

а всего 80 человѣкъ потомства. Эти дѣти, когда выросли, переженились между собою. Народъ, отъ нихъ образовавшійся, сталъ называться кыргызъ (кырк-кыз, 40 дѣвицъ). Кара-киргизы остались жить въ горахъ, а киргизы въ долинѣ. Съ теченіемъ времени, нѣкоторые изъ кара-киргизовъ прославились и оставили по себѣ роды, другіе измельчали и, не образовавъ родовъ, исчезли. Имя одного родоначальника было Унъ (правый), имя другаго Солъ (лѣвый). Первый произошелъ отъ дочери хана, а другой отъ дочери визиря. Отъ обоихъ произошли кара-киргизскіе роды» [1].

По Г. С. Загряжскому, сказаніе о происхожденіи кара-киргизовъ отъ сорока дѣвицъ и рыжей собаки принадлежитъ казакамъ большой орды; сами кыргызы говорятъ, что происходятъ отъ сорока дѣвицъ, купленныхъ на югѣ для одного богатаго султана и забеременѣвшихъ отъ пѣны при купаніи въ какой-то большой рѣкѣ [2].

Вообще приведенныя легенды о происхожденіи кара-киргизскаго народа представляютъ собою варіаціи на тему сорока дѣвицъ, слѣдуя сходству народнаго имени съ словами кырк кыз, сорокъ дѣвицъ, значитъ на тему, которая встрѣчается уже въ «Юань-ши», китайской исторіи монгольской династіи: «нѣкогда сорокъ дѣвицъ изъ Китая (?!) сочетались бракомъ (съ такимъ же числомъ) мужчинъ народа У-сы (U-sze) и такимъ образомъ получили бытіе первые кыргызы» [3]. Къ этой, имѣющей источникъ въ сомнительной этимологіи [4],

[1]) Н. И. Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 г., стр. 4. Источникъ сказанія не указанъ, но такъ какъ описаніе обычаевъ и сказанія, приводимыя въ книгѣ, относительно кара-киргизовъ основаны на разспросахъ аульеатинскихъ кыргызовъ, то надо полагать, что и данная легенда почерпнута у нихъ-же.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 41.

[3]) Schott, Über die ächten Kirgisen, 1865, s. 132.

[4]) Народное имя (какъ указывалъ еще русскій путешественникъ конца прошлаго вѣка Ефремовъ, изображавшій это произношеніе въ формѣ к ы р г ы з ъ) выговаривается к р к г ы з (такъ и по Валиханову, по которому имя свое кара-киргизы сами произносятъ к р г ы з ъ», см. стр. 45 «Очерковъ Джунгаріи»), а не к р к к ы з, такъ что слово к ы з едва-ли входитъ въ его составъ. В. В. Радловъ, по поводу узбекскаго рода кырк-мен-юзъ, обитающаго между Ходжентомъ и Ити-курганомъ и состоящаго изъ родовъ кыркъ и юзъ, указываетъ на родъ юзъ между черневыми татарами въ Алтаѣ и замѣчаетъ, что составъ имени кыргызъ изъ кыркъ и юзъ былъ-бы согласенъ съ звуковыми законами тюркскаго языка (Aus Sibirien, I, s. 226). Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 261) производитъ слово кыргыз отъ к ы р (поле, степь) и г ы з (странствовать бродить), такъ что значеніе выходитъ с т е п н о й к о ч е в н и к ъ (Feldwanderer). По Броневскому («Отечественныя записки», 1830 года, часть 41, стр. 400), который, оказывается, заимствовалъ это изъ «Описанія средней орды» капитана Андреева (л. 1 рукописи геогр. общества), — «слово киргизъ-кайсакъ значитъ въ переводѣ: к и р ъ — степь, г и з ъ — человѣкъ, к а й — кто, с а к ъ — остороженъ». Въ дневникѣ Сперанскаго («Въ память графа Сперанскаго», Спб., 1872 года, стр. 78) записано: «К ы р ъ — степь, г ы з ъ — обитатель. К ы р ъ — г ы з ъ (такъ обыкновенно говорятъ на мѣстѣ) есть степной житель. Казакъ есть неиспорченное к а-

тѣмъ [1]) престегнуты посторонпія и случайныя вставки изъ области восточнаго фольклора. Только варіантъ о рыжей собакѣ, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ кыргызамъ, если видѣть въ этой рыжей собакѣ намекъ на рыжихъ усуней и предковъ ихъ дииллиновъ, свѣтлая окраска которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ тюркской, что тюрки, подобно китайцамъ, могли ставить ее усунямъ и потомкамъ ихъ въ упрекъ [2]).

Однако эти народныя сказанія, какъ и киргизъ-казачьи родословныя, интересны по своимъ указаніямъ на племенной и родовой составъ кара-киргизовъ. По нимъ оказывается, что кыргызы состоятъ изъ родовъ, почитаемыхъ собственно кыргызскими и группирующихся въ два крыла онъ и солъ, и изъ четырехъ родовъ или колѣнъ, имѣющихъ чуждое происхожденіе, каковы китай, кипчакъ, найманъ, ичкиликъ.

2) Иноплеменныя примѣси. Поколѣніе ичкиликъ.

Родъ китай, кытай, хытай, ктай встрѣчается главнымъ образомъ въ крылѣ солъ, на Таласѣ, составляя часть союза караталъ подъ именемъ ктай, изъ шести отдѣленій: кейра, тунтугуръ, кара-ктай, турдень, актунды и бу-

---

зыкъ—колъ, на коемъ утверждается юрта. Кыръ-гызы называютъ себя обыкновенно казыкъ, т. е. человѣкъ бездомовной, живущій въ кольяхъ или юртахъ». Г. Н. Потанинъ («Очерки Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 79, примѣчанія), по аналогіи съ другими названіями костей, окончаніе ыз (въ имени кыргыз) считаетъ не существеннымъ, такъ что имя кости собственно будетъ кырк.

[1]) Котоны (омонголенные потомки «пашенныхъ бухарцевъ», т. е. сартовъ и таранчей забранныхъ въ плѣнъ калмыцкими князьями) разсказываютъ, что произошли отъ ханской дочери, которая съ 40 дѣвицами находилась въ полѣ и выпила воды съ струйкою крови, отчего забеременѣла, какъ и послѣдовавшія ея примѣру дѣвушки (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. I, 1881 года, стр. 162).

[2]) По японскому сказанію, айны произошли отъ царской дочери, сосланной съ собакой на островъ Іессо. По китайскимъ исторіямъ, юго-западные инородцы мани произошли отъ собаки и императорской дочери: императоръ Гаосиньши (2435—2375 г.г.) объявилъ, что доставившему голову предводителя гуань-жуновъ, сдѣлавшихъ губительный набѣгъ на его владѣнія, онъ пожалуетъ 1 т. слитковъ золота, городъ съ 10 т. домовъ и свою младшую дочь въ замужество; голову ту принесла, держа въ зубахъ, пятицвѣтная собака Пань-ху: по прошествіи трехъ лѣтъ дочь Гаосиньши родила въ пещерѣ, куда ее унесла собака, 6 сыновей и 6 дочерей, которыя сдѣлались предками маней (А. Ивановскій «Матерьялы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», т. I, ч. I, Спб., 1887 г., стр. XII, 1—3).—Во всѣхъ трехъ сказаніяхъ собака олицетворяетъ чуждую расу. Въ японской легендѣ собакѣ соотвѣтствуетъ немонгольская длинноголовая сѣверно-азіатская раса, сочетаніе которой съ монгольскою обнаруживаютъ въ айнахъ антропологическія и краніологическія изслѣдованія; между тѣмъ диплины, отъ смѣшенія которыхъ съ тюрками произошли кыргызы, принадлежали вѣроятно къ той-же длинноголовой расѣ, какъ айны. Тангуты также производились отъ собаки, ибо въ 725 г. тукюескій Могилянь-ханъ говорилъ китайскому послу: «Туфань отъ собакъ происходитъ» («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 336)

геджинъ [1]); затѣмъ есть кытай въ наманганскомъ [2]) и андиджанскомъ уѣздахъ [3]) и въ колѣнѣ султу [4]). Самое помѣщеніе ктаовъ въ Александровскомъ хребтѣ указываетъ—откуда они пришли: изъ прилегающихъ къ этому хребту долинъ рѣкъ Чу и Таласа, имя же удостовѣряетъ, что это часть киданей, нашедшихъ убѣжище у кара-киргизовъ послѣ паденія киданьскаго государства въ началѣ XIII столѣтія. Тюрки, какъ извѣстно, именовали киданей китай (въ надписи на памятникѣ Кюль-тегину 732 г. на Орхонѣ, кітй) и это имя перенесли на завоеванныя киданями владѣнія Тановъ; имя Китай для срединной имперіи перешло отъ тюрковъ въ Персію и восточную Европу и утвердилось, между прочимъ, и у насъ. По словамъ гиньскаго посланника Вукусуня (1220 г.), остатки кара-киданей «приняли обычаи и одежду хуй-хэ'сцевъ» [5]), т. е. осѣдлаго населенія средней Азіи. Эта бóльшая часть кара-киданей должна была раздѣлять участь осѣдлаго населенія долинъ Чу и Таласа до второй четверти XIV вѣка, когда оно было истреблено и разсѣяно. Въ это время кидани могли или присоединиться къ мѣстнымъ кочевникамъ (кара-киргизы и канглы), или переселиться за Сыръ-дарью съ удалявшимися туда сартами и таджиками. Потомками послѣдней части киданей можетъ быть почитаемъ родъ кытай [6]), обитающій на Зеравшанѣ отъ Самарканда до Катырши и на сѣверъ до Чилека (отдѣленія: сары-кытай, отарчи, канджигалы, кошъ-тамгалы, тараклы, балгалы), будучи перемѣшанъ съ родомъ кипчакъ (отдѣленія: тюртъ-тамгалы, сары-кипчакъ, тогузбай) [7]) и считаясь узбекскимъ.

Кипчаки и найманы прибыли въ Фергану главнымъ образомъ въ XVI

---

[1]) Е. Смирнова «Сыръ-Дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

[2]) По словамъ г. Наливкина («Туркестанскія вѣдомости», 1881 г., № 20), въ наманганскомъ уѣздѣ, кромѣ родовъ багышъ и сару, которые зовутъ себя первый унъ и второй сулъ, «есть еще маленькій родъ хытай или, вѣрнѣе (!?), кутай (отъ кутъ—задъ, этотъ родъ пришелъ послѣ другихъ), но онъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ административномъ и экономическомъ, слился съ отдѣленіями багышскаго рода кутлукъ-сеидъ и чичаръ».

[3]) Распросный рукописный перечень кара-киргизскихъ родовъ ферганской области, 1891 года, сообщенный мнѣ О. А. Павликовскимъ.

[4]) Aus Sibirien, I, s. 231.

[5]) «Записки о посольствѣ на западъ», переведенныя г. Бретшнейдеромъ въ его Mediaeval Researches, London, 1888, v. I, p.p. 25—34.

[6]) Не отвергаю впрочемъ возможности и того, что кидани, по крайней мѣрѣ частію, пришли на Зеравшанъ гораздо позднѣе, въ узбекскихъ дружинахъ шейбанидовъ, а до того времени кочевали съ канглами и кипчаками. Нижеприводимыя, по В. В. Радлову, имена отдѣленій зеравшанскихъ кытаевъ показываютъ, что составъ ихъ очень смѣшанный: ясно, что къ киданямъ присоединилось много тюрковъ разныхъ родовъ.

[7]) Aus Sibirien, I, s. 225.

вѣкѣ въ ополченіяхъ шейбанидовъ [1]), въ числѣ другихъ узбековъ, но часть наймановъ могла проникнуть въ горы Ферганы еще въ началѣ XIII вѣка, когда войска Кучлука, состоявшія главнымъ образомъ изъ его наймановъ, должны были искать спасенія отъ преслѣдовавшихъ Кучлука монголовъ въ Ферганѣ и окружающихъ ее горахъ. Какъ остальные узбеки Ферганы и Мавераннагра, кипчаки и найманы давно уже, въ большей своей части, ведутъ жизнь полуосѣдлую, въ настоящее же время окончательно обращаются къ осѣдлости. Къ кочевникамъ кара-киргизамъ примыкала только малая часть наймановъ и кипчаковъ, остававшаяся кочевою.

По наиболѣе обстоятельнымъ, изъ имѣющихся пока, свѣдѣніямъ объ алайскихъ кара-киргизахъ Костенка, члена «военно-ученой экспедиціи на Алай», 1876 года, найманы упоминаются только въ числѣ отдѣленій рода ичкиликъ. По его словамъ, въ верхней части Алая зимовокъ не бываетъ, лѣтуютъ же кара-киргизы родовъ адыгине и монгушъ. Въ нижней части Алая имѣютъ лѣтовки «ичкилики, зимовки которыхъ находятся въ маргеланскомъ уѣздѣ между Учъ-курганомъ и Мынъ-тюбе. Впрочемъ часть ичкиликовъ, именно отдѣленія найманъ и тантъ, зимуетъ около Дараутъ-кургана, по ущелью Алтынъ-дара, въ ущельи Коксу и на Маломъ Алаѣ». Ичкилики состоятъ изъ 20 отдѣленій, изъ которыхъ главнѣйшія: кадырша, канды, найманъ, тантъ, кесекъ, орго, тулусъ (тöлöсъ?), кара-тентъ, чал-тентъ, бостонъ, казыкъ-аякъ, кара-саадакъ [2]).—Изъ отдѣленій ичкиликовъ очень распространены танты, ибо Гордонъ (1874 г.) называетъ кыргызовъ, кочующихъ въ Сарыколѣ, принадлежащими къ роду тайятъ [3]), т. е. тантъ или тентъ; затѣмъ, по Кушакевичу, въ числѣ 13 отдѣленій киргизъ ходжентскаго уѣзда рода кисякъ (всего 661 киб.) есть отдѣленіе тейтъ, т. е.

---

[1]) Если и считать горы Аньдахань кипчакскихъ біографій «Юань-ши» за андиджанскія горы, это однако не даетъ основанія полагать Алай отечествомъ кипчаковъ, ибо оттуда, по «Юань-ши», происходила только владѣтельная фамилія, а не народъ кипчакскій.

[2]) «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372. По кн. А. Волконскому («Отъ Новаго Маргелана до г. Бухары», путевыя замѣтки, въ «Вѣстникѣ Европы», 1894 года, іюль, стр. 133), «зимою глубокій снѣгъ покрываетъ сплошнымъ саваномъ мертвую долину (Алая). Только въ низовьяхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ (верстъ на 20 по обѣ стороны отъ Дараутъ-кургана) разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрывается на зиму отъ непогоды около 150 семействъ колѣна найманъ вмѣстѣ со своими стадами».

[3]) Минаевъ, «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», Спб., 1879 года, стр. 151. Троттеръ упоминаетъ о 100 палаткахъ киргизъ племени сіокъ или саркъ въ долинѣ Тагарма въ томъ же Сарыколѣ (тамъ же): это вѣроятно сöокъ (родъ, кость) сарыкъ, сару.

тентъ [1]); въ Каратегинѣ, по г. Ошанину, находятся кара-киргизы родовъ каратаитъ, тупчакъ и кадырша [2]). Изъ названныхъ Костенкомъ отдѣленій ичкиликовъ бостонъ есть родъ басто «Си-юй-ту-чжи» [3]), въ которомъ считалось, по китайскимъ свѣдѣніямъ, въ 1759 году, 1300 кибитокъ. По тому же источнику, одинъ изъ старшинъ западныхъ бурутовъ заявлялъ китайцамъ о желаніи привести въ подданство богдыхану «200 т. людей орды бурутовъ, разсѣянныхъ отъ Бухары до Востока»: оказывается, что ичкилики, обитающіе частью въ ходжентскомъ уѣздѣ, и теперь распространяются почти до Зеравшана, да и численность всѣхъ кара-киргизовъ вѣроятно была близка къ показанной въ этихъ словахъ Аджи-бія. Кажется, родъ же бостонъ значится въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева, 1785 года (рукопись географическаго общества), подъ именемъ бостумакской волости съ старшиною Ташибекъ-біемъ. По свѣдѣніямъ Костенка, ичкилики своею численностью превосходятъ втрое число адыгине (3145 киб.) и монгушей (1225 киб.) [4]).

Отсутствіе въ именахъ извѣстныхъ подраздѣленій ичкиликовъ именъ кара-киргизскихъ родовъ и костей удостовѣряетъ ихъ иноплеменность, непринадлежность по происхожденію къ кара-киргизамъ. Наличность родовъ найманъ и кисекъ показываетъ, что составъ ичкиликовъ смѣшанный, ибо найманы принадлежатъ средней ордѣ, а родъ кара-кисекъ имѣется въ колѣнѣ аргынъ той-же орды и въ алимулинскомъ отдѣлѣ малой орды. Возможно, что кисеки пришли въ числѣ шейбанидскихъ узбековъ, какъ найманы. За исключеніемъ наймановъ, кисековъ и небольшаго количества кипчаковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ именахъ дѣленій ичкиликовъ нѣтъ извѣстныхъ тюркскихъ племенныхъ и родовыхъ именъ. Поэтому можно съ вѣроятностью полагать,

[1]) «Очеркъ ходжентскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1872 года, № 11. Остальныя 12 отдѣленій названы: муджай, калярь, кузылъ-аякъ (у Костенка казыкъ-аякъ, но не будетъ-ли въ обоихъ случаяхъ кызылъ-аякъ, т. е. красноногіе), булакъ-сары, сары-гусанъ, чукуръ-лакъ, бокса, тагайберды, имъ-кара, атчыми, чючюкъ и кара-мулла. У Кушакевича приведены затѣмъ имена 5 отдѣленій втораго рода ходжентскихъ киргизовъ чапъ-кулукъ и замѣчено вообще, что каждое изъ отдѣленій раздѣляется на множество подъотдѣленій, которыя, какъ у кочующихъ узбековъ, носятъ названія по разнымъ родоначальникамъ и измѣняются постоянно. Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 года», Самаркандъ, 1890 г., число кибитокъ рода байкесекъ показано 635, рода бикесы барге 617 и чапкулукъ 511.

[2]) «Каратегинъ и Дарвазъ» въ «Извѣстіяхъ и. р. географическаго общества» 1881 г. стр. 19. Г. Арендаренко («Военный сборникъ», 1878 года, май, стр. 120) относитъ кара-киргизовъ Каратегина къ родамъ кисекъ, кенесары, авгатъ.

[3]) Относящіяся до кара-киргизовъ мѣста этого описанія западнаго края, изданнаго въ 1763 году, переведены Imbault Huart въ его Documents sur l'Asie centrale etc, Paris, 1881.

[4]) «Военный сборникъ», 1877 г., апрѣль, стр. 373.

что ичкилики составились изъ сброда разныхъ пришельцевъ, но сохранившихъ своихъ народныхъ и родовыхъ именованій. Очень можетъ быть, что въ составѣ ичкиликовъ имѣются потомки сейцевъ (вѣроятно саковъ), составлявшихъ населеніе существовавшаго на нынѣ занимаемыхъ ичкиликами и адгене земляхъ владѣнья ханьскихъ временъ Хюсюни, выходцы изъ арійскаго населенія верховій Аму-дарьи и Ферганы, а также частицы тибетцевъ, которые нѣкогда распространялись до Памировъ, какъ свидѣтельствуютъ отуреченные остатки ихъ на Керія-дарьѣ (Иолу). По Загряжскому, ходжентскіе кара-киргизы въ одеждѣ и обычаяхъ подверглись сильному вліянію осѣдлыхъ мусульманъ [1]). Вѣроятно это вліяніе замѣтно, въ меньшей степени, и на остальныхъ ичкиликахъ, уже вслѣдствіе нахожденія въ ихъ составѣ сартовъ и гальча. Относительно имени ичкиликъ можно замѣтить, что если оно происходитъ отъ ичке, коза, то оно оказывается подходящимъ для горцевъ, кочующихъ по трудно проходимымъ ущельямъ и въ весьма высокихъ долинахъ, но «ичкиликъ-су» значитъ «вода для питья» [2]). Родовое имя ички встрѣчается нѣсколько разъ въ «Шейбаніадѣ» [3]), а потому возможно происхожденіе имени союза или группы ичкиликъ отъ имени какого-нибудь вождя изъ рода ички.

Хотя располагавшій возможностью имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Костенко не показываетъ кипчаковъ въ составѣ ичкиликовъ и вообще въ числѣ алайскихъ кара-киргизовъ, но небольшое количество кипчаковъ повидимому есть на Алаѣ и Памирѣ. Такъ. по А. Романову [4]), на Алаѣ зимуетъ 400 кибитокъ родовъ найманъ, таитъ и кипчакъ [5]); по его словамъ, кара-киргизы кипчакскаго рода подъотдѣленій чиля, юру (должно быть это жору Форсита и джуру Костенка, показываемые имъ, какъ увидимъ ниже, въ составѣ адгене) и кульчакъ имѣютъ зимовки на урочищахъ (нижняго Алая) Еканды и Карамукъ, лѣтовки-же ихъ лежатъ въ горахъ къ сѣверу отъ Кызылъ-су на урочищахъ Бохвичъ, Кульдукъ и Шиве; подъотдѣленія рода таитъ бары, кизилбашъ, зарифъ-науруз и кадыръ-ша (бары есть

[1]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, стр. 162.

[2]) «Земледѣліе въ наманганскомъ уѣздѣ», въ «Турк. вѣд.», 1880 г., № 24.

[3]) «Библіотека восточныхъ историковъ», изд. И. Березинымъ, т. I, 1849 года. Казань, стр. LIV: «изъ ички Аймишъ-ходжа и Сафаръ-ходжа, сражавшіеся у казаковъ, были причиною, что онъ пріобрѣлъ власть... Сражавшіеся у казаковъ: изъ ички — Ягкубъ-ходжа»... См. также стр. LXII и LXV.

[4]) «Нижній Алай» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1882 года, № 20, стр. 78.

[5]) По свѣдѣніямъ А. П. Федченка, бывшаго на Алаѣ въ 1871 году, («Въ кокансиомъ ханствѣ», 1875 года, стр. 149). тамъ «остаются на зиму киргизы рода таитъ и киргизъ-кипчакъ; прежде на Алаѣ кочевали кыдырча, которые теперь откочевали въ шугнанскія горы».

часть адегене, какъ увидимъ ниже) зимуютъ на р. Коксу и въ среднемъ Алаѣ. Онъ-же упоминаетъ, что въ верхнемъ и среднемъ Алаѣ лѣтомъ кочуютъ «богатыя семейства родовъ кара-найманъ и кангли и оттузъ-огулы изъ ошскаго уѣзда».—Въ книгѣ The Pamirs by the Earl of Dunmore (London, 1893). содержащей описаніе путешествія на Памиръ, есть глава XXX (vol 2, p.p. 113-122), которая, по заглавію, предназначена для изложенія «исторіи киргызовъ памирской страны». Тутъ, между-прочимъ, помѣщены не лишенныя интереса свѣдѣнія о родахъ памирскихъ кыргызовъ и ихъ кочевьяхъ: Кыргызское племя этой части центральной Азіи дѣлится на четыре главныхъ рода— найманъ, кипчакъ, таитъ и кисекъ. У наймановъ четыре отдѣленія: kon, bustnrogas, mirza и kiak; первыя два состоятъ въ русскомъ подданствѣ, мирза-же и kiak въ китайскомъ и обитаютъ на р.р. Kiaz и Charlung (къ востоку отъ Ташкургана) и въ Chakaraghal, Manja, Ditagh и Bulun kul. Кипчаки дѣлятся на три подраздѣленія: сартъ, киргизъ-кипчакъ и кара-байталъ; отдѣленіе сартъ состоитъ частію въ русскомъ подданствѣ, частію въ китайскомъ и кочуетъ главнымъ образомъ на р. Serès въ кашгарскомъ вѣдомствѣ; тамъ-же обитаютъ и киргизъ-кипчаки; кара-байталъ, которымъ прочіе кыргызы оказываютъ большой почетъ вслѣдствіе ихъ древняго и славнаго происхожденія, принадлежатъ большею частію къ русско-подданнымъ, но есть ихъ немного и въ китайскомъ—по р. Charlung; кара-байталъ—кобыла съ обрѣзаннымъ хвостомъ (на самомъ дѣлѣ—вороная, не жеребившаяся еще кобыла по четвертому и пятому году; правда имъ обыкновенно подрѣзываютъ хвосты). Таиты дѣлятся на два клана: кара-таитъ и сартъ-таитъ; первый кочуетъ на Каракулѣ, въ Караташѣ, но зимуетъ въ русскихъ владѣніяхъ и принадлежитъ къ русско-подданнымъ; второй кочуетъ на Мургабѣ, Ранкулѣ и Алай-памирѣ и признаетъ русское и китайское подданства. Кисеки дѣлятся на три небольшихъ клана: бостанъ, каддырша и khang deh; кланъ бостанъ признаетъ на половину русское, на половину китайское подданство и кочуетъ въ Сарыколѣ на Тагармѣ, въ Шахидулла, на Тагдумбашѣ и Алай-памирѣ; каддырша—въ андиджанскомъ раіонѣ, на Ранкулѣ, Мургабѣ и Алай-памирѣ, а khang deh на Алай-памирѣ; оба послѣднихъ клана признаютъ русское подданство.

Путешествовавшій весною 1894 года, д-ръ Свенъ Хединъ [1]) считаетъ зимующими въ долинѣ Алая около 250 кибитокъ, изъ которыхъ 70 киби-

[1]) Forschungen über die physische Geographie des Hochlandes von Pamir im Frühjahr 1894, von dr. Sven Hedin, въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1894, № 4, s. s. 301—303.

токъ принадлежитъ роду тептъ, 20 киб. родамъ чалъ-тептъ и тептъ, 10 киб. роду Тјӧјј — тептъ и 120 киб. роду найманъ, роды же остальныхъ 30 киб. не показаны. Киргизы въ Каратегинѣ относятся къ родамъ кипчакъ, найманъ и кара-тептъ. Русская памирская волость (по переписи 1892 г. 227 киб., въ которыхъ всего 1055 душъ) состоитъ изъ киргизъ рода тептъ. Ближайшему старшинѣ китайскихъ киргизовъ подвѣдомственно 286 киб., все рода тептъ. Свенъ Хединъ произвелъ антропологическія измѣренія 27 памирскихъ киргизовъ, такъ что по изданіи ихъ получатся достаточныя антропологическія данныя о родѣ тептъ, обитающемъ на Памирѣ.

3) Поколѣнія праваго и лѣваго крыла, ихъ родовыя подраздѣленія, историческія о нихъ извѣстія и численность.

Крыло онъ или правое коренныхъ кара-киргизовъ дѣлится, по Валиханову, на отдѣлы тагай и адгене. Такое дѣленіе во всякомъ случаѣ не безосновательно уже потому, что адгене, по своему обособленному положенію въ Алаѣ и въ бассейнѣ Кара-дарьи, стоятъ отдѣльно отъ главной массы праваго крыла, расположенной въ западномъ Тяньшанѣ въ бассейнахъ Нарына, Чу и Учъ-турфанской рѣки. По свѣдѣніямъ Костенка, родъ адыгине раздѣляется на 14 отдѣленій: бюрю, барге, ольджаке, тауке, каравагре, сары-варге. тасдаръ (плѣшивые), кокче-углу, ильчебекъ, сартдаръ (осартѣвшіе),савай, джуру, ардай и мунакъ [1]). Форсайтъ (1874 г.) имѣлъ свѣдѣнія. что кыргызы дѣлятся на два отдѣла—тагай и адыгине, и называлъ слѣдующіе роды у послѣдняго: барга, бакалъ, мунакъ, савай, жору, жошъ, кокчила [2]).

По Костенкѣ. вмѣстѣ съ адыгине лѣтуетъ на Алаѣ и имѣетъ зимовки въ окрестностяхъ Оша родъ монгушъ, состоящій изъ 12 отдѣленій: кудагачинъ, джапалакъ (ястребятники), тулейкинъ, джоошъ (жирные), джильгельды (весною пришедшіе), сарларъ (желтые), сарай, кокджатыкъ (престяки), соколакъ, тейне, ирке-кашка (лысые баловники) и монголъ [3]).

Имена монгушъ, монкондоръ (въ «Си-юй-ту-чжи»). монульдыръ, мунулдыръ, моныдыръ (все это у Валиханова въ статьѣ «Поѣздка въ Кашгаръ» [4]), монгулдаръ и монгулджаръ (у г. Загряжскаго [5]), молдуръ (у Сѣ-

---

[1]) «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372.

[2]) «Минаевъ, выше отмѣченная книга, стр. 200.

[3]) «Военный сборникъ» 1877 года, апрѣль, стр. 373.

[4]) Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 года, стр. 278—280.

[5]) «Очеркъ токмакскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1873 г., № 10 и 1874 года, № 45, стр. 178.

верцева [1]) кажутся разными производными формами имени монголъ [2]). Это, а также отдѣленіе монголъ у монгушей и монгольская форма именъ еще двухъ отдѣленій (кудагачинъ и тулейкинъ), даетъ достаточныя основанія считать монгушей союзомъ изъ разнороднаго сбора, составившимся подъ главенствомъ остатковъ джагатаидскихъ монголовъ, оставшихся вѣрными кочевой жизни и нашедшихъ убѣжище въ горахъ между Кашгаромъ и Ферганою послѣ паденія власти джагатаидовъ и въ Кашгарѣ, около XVII столѣтія. Китайцы, въ 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», нашли монгушей (монкондоръ) на нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ, въ числѣ около 700 семей, подъ управленіемъ Адзи-бія.

Первымъ изъ отоковъ (волостей, родовъ) западныхъ бурутовъ китайцы называютъ эдгена, не указывая ни численности его, ни старшины. Въ описаніи военныхъ дѣйствій 1876 года родъ барга называется главнымъ между алайскими кара-киргизами: тамъ-же упоминаются роды сералякъ и ульджаке, прервавшіе торговыя сообщенія между Ферганою и Кашгаромъ [3]). Послѣ родовъ барги (кара-барги и сары-барги очевидно его отвѣтвленія) кажутся коренными-же родами колѣна адгене роды бюрю (вѣроятно отъ бури — волкъ), мунакъ, ардай, савай и пр. Отъ рода бюрю могло произойти имя бурутъ, которое калмыки, а за ними и китайцы, даютъ всѣмъ кара-киргизамъ. Имя главнаго рода барги, барге, можетъ имѣть соотношеніе съ именемъ монгольскаго племени баргутъ, которое Березинъ производитъ отъ монгольскаго барагунъ — правый, западный [4]). Имя ульджаке происходитъ отъ ульджа — добыча [5]). Вообще составъ адгене кажется не столь смѣшаннымъ, какъ монгушей и ичкиликовъ.

Отдѣлъ тагай (слово это значитъ «двоюродный братъ») праваго крыла состоитъ изъ семи колѣнъ или союзовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, багышъ или чонбагышъ, чирикъ, саякъ и басызъ [6]).

По свѣдѣніямъ 1862 года [7]) и по спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, у бугу значились слѣдующія подраздѣленія: 1) арыкъ

[1]) «Путешествіе по Туркестанскому краю», 1873 г., стр. 156, 212, 336.

[2]) Вѣроятно именно родъ монгушъ значится у капитана Андреева (1785 г.) подъ именемъ могалской волости, «въ коей старшина Бирназаръ-бій».

[3]) «Туркестанскія вѣдомости», 1877 г., № 2.

[4]) «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 г., стр. 252.

[5]) Тамъ-же, стр. 252.

[6]) Валихановъ, «Очерки Джунгаріи», статья 2, стр. 51. Загряжскій называлъ еще два колѣна сумурунъ и асысъ («Турк. вѣдомости», 1874 г., № 45, стр. 178), но не указалъ ихъ мѣстообитаній. Вѣроятно это не колѣна, а небольшія отдѣленія, о которыхъ впрочемъ мнѣ болѣе упоминаній не встрѣчалось.

[7]) Aus Sibirien, I, s.s. 232, 233.

или арыкъ-тукумъ съ отдѣленіями кучугъ, уптонъ, серке (сарыкъ, сарыке). 2) баца съ отдѣленіями чонъ-чоро и чилмакъ, 3) бауръ (бöръ, откуда В. В. Радловъ производитъ бурутъ) съ отдѣленіями кара-бöръ и сары-бöръ. 4) кыдыкъ съ отдѣленіями яншылыкъ, ямапбай, турпай, худайбакты, кара-буйгунъ и біюмъ. 5) джильдепъ или ельдепъ съ отдѣленіями дурачбекъ, сары-катынъ и балыкъ. 6) алдіяръ, 7) токачъ, 8) токабай, 9) толубай, 10) токай, 11) сальмеке, съ отдѣленіями тогульбай и чокуръ, 12) тынымъ-сеитъ съ отдѣленіями шупакъ и аянъ, 13) белекъ съ отдѣленіями шопакъ, минмуратъ, газабекъ, бернazаръ.

О происхожденіи бугу г. Заряжскій слышалъ, вѣроятно отъ сарыбагышей, такую легенду: одинъ сарыбагышъ, охотясь за маралами, на Нарынѣ, въ ущельи Талды-булакъ, попалъ нечаянно въ тоннель, выходящій на Нарынъ черезъ толщу горъ Ала-мышакъ, встрѣтился на полпути съ рогатымъ животнымъ и застрѣлилъ его. Потомъ оказалось, что это былъ не олень, а человѣкъ съ рогами, похожими на рога марала. Невольный убійца искупилъ свою вину женитьбою на сестрѣ убитаго, которая имѣла такіе-же рога: отъ нихъ и пошли богинцы. Сами богинцы говорятъ, что у сына Тагая Кальджира былъ сынъ съ рожками на головѣ, почему отецъ и назвалъ его Бугу: отъ него и произошли они [2]).

У капитана Андреева (1785 г.) значилась бугинская волость съ старшиною Барназаръ-біемъ и айльдень кисейская волость съ старшиною Шапакъ-біемъ. Этотъ Барназаръ-бій долженъ быть тотъ самый, который, по преданіямъ, слышаннымъ г. фонъ-Герномъ (1877 г.), привелъ богинцевъ на Иссыкъ-куль изъ Ферганы послѣ паденія цзунгаровъ [3]). Отъ него, надо полагать, пошло имя отдѣленія барназаръ, какъ отъ имени Шопакъ-бія — отдѣленіе шопакъ; послѣднее, судя по названію волости у Андреева, должно было составиться первоначально изъ родовъ ельдень и кисекъ. Валихановъ [4]), въ 1859 году, находилъ тынымъ-сеитъ кочующими на Большомъ и Маломъ Нарынахъ подъ управленіемъ семейства Мамке-Шопакъ. Нынѣ бугу занимаютъ пржевальскій уѣздъ, кочуя въ бассейнахъ Иссыкъ-куля и верховьевъ Нарына до земель чириковъ и китайской границы, въ числѣ 15210 киб.

[1]) По одной изъ вѣдомостей 1865 года, родъ белекъ состоялъ изъ сальмеке и джарекша, а въ послѣднемъ отдѣленія алдашъ, алдаяръ, толубай, токай, токачъ, и особо показанъ алдышъ изъ отдѣленій шопакъ, бирназаръ и минмуратъ.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 41.

[3]) «Семипалатинскія областныя вѣдомости» 1890 г., № 33, стр. 370.

[4]) «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», 1868 г., стр. 280.

По свѣдѣніямъ 1862 года, колѣно сарыбагышъ состояло изъ пяти союзовъ или поколѣній: исенгулъ (прежде, по Бардашову, булатъ), ассыкъ, тынай, чирикчи (прежде темиръ) и надырбекъ. Въ поколѣніи исенгулъ значились роды: ассыкъ, иссыкъ, чертики, чагалдакъ, абла, сабаръ, чичей, тастаръ, калмакъ, джантай, едигеръ, аюка, монгулдуръ, ярбанъ, стигенъ, башъ-кюрель, и въ поколѣніи ассыкъ: косугунъ, бучманъ, бура и бай-кючюкъ. По «Си-юй-ту-чжи», отокъ сарабакаши былъ подвѣдомственъ нѣсколькимъ старшинамъ, изъ которыхъ главный носилъ имя Чирикчи. У капитана Андреева значится волость атекай-багышская, въ которой старшина и князь или бій Атекай: это Атеке, сынъ бія Тыная, который привелъ сарыбагышей, по ихъ преданіямъ [1]), изъ Ферганы на Чу, послѣ покоренія цзунгаровъ китайцами. Названія поколѣній видимо произошли отъ именъ основателей родовыхъ союзовъ. Г. Загряжскій называетъ у сарыбагышей отдѣленія тынай, чирикъ, исангулъ, бурукчи, джитыкулъ и калмакс и показываетъ въ отдѣленіи тынай подраздѣленія: собственно тынай и тульку [2]). Сарыбагыши нынѣ обитаютъ въ пишпекскомъ уѣздѣ въ числѣ до 9 т. кибитокъ.

По г. Загряжскому, султу дѣлятся на толканъ и булюкпай; въ первомъ есть подраздѣленія чонъ-багишъ, учъ-багишъ, капай, иса-ходжа, карбузъ [3]); есть еще, по этому-же источнику, отдѣленіе кунту [4]). Въ аульеатинскомъ уѣздѣ [5]) имѣются подраздѣленія султовъ: кунту (должно быть это правильное произношеніе кунту Загряжскаго, khangdeh у киссковъ Намира графа Дунмора), чалпакъ (чильпакъ?), каракчи, толканъ. У капитана Андреева упоминается волость солтинская съ старшиною Гашибекъ-біемъ. Нынѣ султу занимаютъ западную часть пишпекскаго уѣзда, въ числѣ 8638 киб., и Александровскій хребетъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ числѣ, приблизительно, около 3 т. киб., такъ что численность султу вообще простирается до 12 т. кибитокъ.

Колѣно багышъ или чонбагышъ обитаетъ главнымъ образомъ въ Ферганѣ, на склонахъ Наманганскаго хребта. По словамъ г. Наливкина, въ наманганскомъ уѣздѣ киргизовъ два рода—«багышъ и сару; первый называетъ себя унъ, второй сулъ. Оба рода считаютъ себя выходцами изъ Алая, причемъ багышъ пришли сюда раньше сару, отчего и получили на-

---

[1]) Загряжскій въ «Турк. вѣд.», 1874 года, № 41.

[2]) «Турк. вѣд.», 1874 года, № 45, стр. 178.

[3]) Тамъ-же. Имя Карбузъ носилъ манапъ, убитый въ стычкахъ съ Кенисары.

[4]) «Турк. вѣд.», 1871 г., № 2, «Замѣтки о народномъ самоуправленіи».

[5]) Смирновъ, «Сыръ-Дарьинская область», 1887 г., стр. 324.

званіе укъ». Тотъ-же авторъ упоминаетъ у багышей отдѣленія кутлукъ-сеидъ и чичаръ [1]).

Чирики занимаютъ бассейны р. р. Атбаши и Аксая и дѣлились, по свѣдѣніямъ 1866 года, на четыре отдѣленія. Первое изъ нихъ—карагуль—подраздѣлялось на нагай, копчай и назаръ; второе—сазанъ—дѣлилось на тагай и сары-кюбенъ, третье—учъ-тамга—на четыре подраздѣленія: бакты, кызылъ-токумъ, дуванъ и сарыча; четвертое—акъ-чувакъ—подраздѣленій не имѣло [2]). Китайцы, въ 1759 году, нашли отокъ дзирикъ (чирикъ) съ старшиною Юмат'омъ, въ числѣ 200 семей, между западными бурутами. По Валиханову, въ 1859 году, до 1300 кибитокъ чириковъ находилось въ коканскомъ подданствѣ на Атбашѣ, Арпѣ и Аксаѣ; до 1500 киб. на учъ-турфанской рѣкѣ подчинялось китайцамъ и вѣдалось біемъ Турдуке [3]). Нынѣ въ двухъ волостяхъ пржевальскаго уѣзда числится 2500 киб.

О родѣ бассызъ или басысъ свѣдѣнія очень скудны. По барону А. В. Каульбарсу (1869 г.), «система Джаманъ-давана и отроги у его подошвы населены родомъ басысъ» [4].) Загряжскій говоритъ, что «около Андижана кочуетъ родъ басысъ; этотъ-же родъ входитъ въ составъ волости саяковской» [5]). Валихановъ упоминаетъ о покореніи рода бассызъ въ 1832 году кокандами, въ числѣ другихъ нарынскихъ кочевниковъ, и о томъ, что въ 1859 году родъ этотъ платилъ зякетъ въ укр. Куртку [6]).

Саяки занимаютъ нижнюю половину Нарына. По «Си-юй-ту-чжи», въ 1759 году, волость саякъ, повиновавшаяся многимъ вождямъ, изъ которыхъ старшій носилъ имя Туркебай и найденъ былъ китайскими офицерами на ур. Джумганъ (р. Джумгалъ), состояла приблизительно изъ 1000 семей. У капитана Андреева поминается саякская волость, «въ коей старшина Гадай». Валихановъ (1859 г.) изъ подраздѣленій саяковъ называетъ чора, которыми правилъ Османъ сынъ Тайляка, кульчугачъ, у которыхъ управлялъ Тюлеке, и иманъ съ старшиною Байтуры; въ вѣдѣніи Куртки находилось до 600 киб. саяковъ [7]). Подраздѣленія саяковъ по Загряжскому: тункатаръ, бишъ-кемпиръ, кульчугачъ, курманъ-ходжа, тюнтей, чура. Главные кара-киргизскіе роды

---

1) «Киргизы наманг. уѣзда» въ «Турк. вѣд.», 1881 г., № 20.

2) Дѣло канцеляріи семипалатинскаго губернатора 1866 г. № 88. Численность чириковъ предполагалась въ 1866 г. преувеличенно въ 6 т. к.

3) «Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 г., стр. 280.

4) «Матеріалы по географіи Тяньшаня» въ «Запискахъ геогр. общ. по общей географіи», томъ 5, стр. 535.

5) «Туркестанскія вѣд.» 1874 г., № 41.

6) «Поѣздка въ Кашгаръ», стр. 279 и 280.

7) Тамъ-же, стр. 280.

всегда относились къ саякамъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и считают ихъ происходящими не отъ законной жены Тагая, а отъ наложницы. Около 1863 года, саяковскій манапъ отдѣленія чонъ-чура похитилъ высватанную сыномъ султинскаго манапа Джанкарача невѣсту; хотя отецъ дѣвушки предлагалъ Джанкарачу получить обратно калымъ со штрафомъ или взять другую дѣвушку, но султы принялись грабить саяковъ, въ чемъ имъ охотно помогали сарыбагыши. Потерявъ весь свой скотъ и множество плѣнныхъ, саяки (въ числѣ 350 киб. изъ 5500 к. отдѣленія кульчугачъ и 3000 к. отдѣленія курманъ-ходжа) бѣжали за озеро Чатыркуль, но ихъ преслѣдовали и тамъ. По взятіи г. Аульеата, генералъ Черняевъ пригласилъ саяковъ вернуться въ ихъ кочевья, но когда они пошли, то на нихъ напали кокапскіе киргизы. При окончательномъ подчиненіи нарынскихъ кыргызовъ и при образованіи волостей, въ 1868 году, русскимъ начальствомъ было освобождено изъ рабства у султовъ и сарыбагышей болѣе 2 т. кибиток саяковъ [1]). Подтверждаемое всѣмъ этимъ инородное происхожденіе саяковъ и сходство ихъ имени съ сакъ и сагай побуждаютъ считать ихъ остатками древнихъ кочевниковъ западнаго Тяньшаня сеʼйцевъ, какъ басcызъ являются, быть можетъ, осадкомъ пребыванія смѣнившихъ сеʼйцевъ въ той-же мѣстности юечжійцевъ. По «Хань-шу», «между усуньцами находятся отрасли племенъ сэскаго и юечжискаго». Дѣйствительно, горныя мѣстности нижняго Нарына и Джаманъдаванъ, по своей труднодоступности, могли служить лучшимъ убѣжищемъ для частей вытѣснявшихся изъ Тяньшаня одинъ за другимъ народовъ.

Крыло солъ, состоящее, по Валиханову, изъ родовъ сару, коще и мундузъ, обитаетъ главнымъ образомъ въ верховьяхъ р. Таласа, въ аульеатинскомъ уѣздѣ. По г. Смирнову, оно считаетъ своимъ предкомъ Кугула, брата Токая, и состоитъ изъ родовъ (союзовъ): кыркъ-кугулъ, муратъ-али, тогайберды, менды (джеты-ру), туитуртъ, кулпанъ, тазапай, мундузъ и караталъ. Изъ нихъ въ родѣ кыркъ-кугулъ слѣдующія отдѣленія: бишкабакъ, машакъ, кельдей, узунбутъ (на Алаѣ); у рода муратъ-али названа вѣтвь алакчинъ, а въ ней отдѣленія: сатыкей, ульджачи, бургемекъ и болмонинъ; у тогайберды отдѣленія: кенджечегиръ, болясору, назарбекъ и бостанъ; у менды: булекталъ, сакау, оготуръ, кашкатаманъ, кызылъ-кулакъ, балыкчи и джульдажакеы; у караталъ три вѣтви: ктай, коща и джувашъ; шесть отдѣленій ктай приведены уже выше; отдѣленія кощи: тагаиматъ, канетенкъ (?), тлеукабылъ (тлеукабылъ?) и байсеидъ; у джувашъ два отдѣленія: сабатаръ и кайпазаръ [2]).

[1]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 45.

[2]) Е. Смирновъ, «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

Имени сару въ этомъ исчисленіи родовъ и ихъ подраздѣленій отдѣла солъ почему-то не оказывается, хотя названы нѣкоторыя, кочующія въ Ферганѣ, на Алаѣ. Ульджачи конечно то же отдѣленіе, что ольджаке у адгене, а бостанъ одинаково съ бостонъ у ичкиликовъ [1]).

«Си-юй-ту-чжи» не даетъ именъ родовъ, найденныхъ въ 1759 году китайцами на Таласѣ, въ числѣ до 4 т. семей, подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, изъ которыхъ старшаго звали Майтакъ. Зато капитанъ Андреевъ (1785 г.) называетъ три волости, которыя должны были принадлежать крылу солъ: кокшинскую (должно быть кощи), въ «коей старшина Иваула-бій, китай—Муса-бій и сару, въ коей старшина умершаго Садыкъ-батыря сынъ Саитъ-батырь».

Такъ какъ по свѣдѣніямъ г. Смирнова (1885 г.) въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего кара-киргизъ 47,800 душъ об. пола, т. е. полагая по принятому тамъ разсчету 5 душъ на кибитку, 9560 кибитокъ, то за вычетомъ изъ этой цифры около 3 т. киб. султовъ, цифра крыла солъ опредѣлится около 6560 киб.

Считаю не лишнимъ привести, что, по сообщенному мнѣ О. А. Павликовскимъ разспросному перечню родовыхъ подраздѣленій кара-киргизъ, Ферганы (1891 г.) значатся въ наманганскомъ уѣздѣ между прочимъ: выркъ-угулъ, чичаръ, мундузъ, кущи, китай, сатыкей, кельдей, сакау, уготуръ, мачакъ, чирикъ, акъ-чубакъ, атбасаръ, юлъякши (это другое произношеніе джулъджаксы — добрая дорога), багринъ, гуркреу, чуткара, барги, пишкандеръ, туляйкинъ и пр.; въ ошскомъ уѣздѣ: бури, барги, кара-барги, сары-барги, ташъ-барги, тауке, савай, мунакъ, ульджакс, куча-оглы, сартляръ, ювашъ (джувашъ тожъ), ачаджуры, баканъ, булатъ, ходжебекъ-оглы и пр.

Численность кара-киргизовъ по родамъ приблизительно слѣдующая:

Крыло онъ.

Отдѣлъ тагай.

Бугу	15.111	кибитокъ
Сарыбагышъ. . . .	8.973	»
Султу	11.638	»

[1]) Имена алакчинъ, кызылъ-кулак и караталъ кажутся тождественными съ именемъ всей малой орды алчинъ, съ именемъ отдѣленія кузанъ-кулакъ букеевскаго рода нагай и съ каратальцами Ремезова («Земля караталцевъ» въ «Чертежной книгѣ Сибири»). По трудности предполагать, что эти роды попали въ верховья Таласа изъ малой орды, естественнѣе думать, что и въ малую орду, и въ крыло солъ части родовъ или костей съ этими именами поступили во время нахожденія родовъ будущей малой орды и крыла солъ въ средней Монголіи.

Чирикъ.	4.015	кибитокъ.
Багышъ	3.000	»
Саякъ	7.427	»
	50.164	»

Отдѣлъ адгене.

Адгене	3.145	»
Монгушъ	1.225	»
Ичкиликъ	13.943	»
	18.313	»
Крыло солъ . . .	9.029	»
Всего . . .	77.506	киб. [1]).

4) Кости кара-киргизовъ и ихъ происхожденіе.

Левшинъ принималъ номенклатуру и послѣдовательность родовыхъ дѣленій киргизъ-казаковъ въ такомъ видѣ, что весь народъ дѣлится на орды, орды на поколѣнія (напр. въ большой ордѣ уйсюнъ, тулатай и саргамъ), поколѣнія на роды (въ поколѣніи тулатай: ботпай, чимыръ и пр.), роды на отдѣленія; «отдѣленія состоятъ изъ частей; эти послѣднія опять имѣютъ свои подраздѣленія, и всѣ подъ особыми наименованіями... Какую огромную книгу составила-бы роспись всѣхъ сихъ подраздѣленій въ трехъ ордахъ»!

---

[1]) Цифры бугу и сарыбагышей взяты изъ «Обзора» семирѣченской области за 1885 г. Султу, по тому-же источнику, 8638 к.; добавлено находящихся въ аульеатинскомъ уѣздѣ 3000 к. Чириковъ по тому-же «Обзору» 2515 киб; добавлено приблизительно въ китайскихъ предѣлахъ 1500 киб. Саяковъ, по тому-же «Обзору», въ семирѣченской области 5335 киб.; добавлено 2092 к., перечисленныя ранѣе въ ферганскую область. Цифры адгене и монгушъ показаны по Костенко. Число кибитокъ въ ферганской области принято въ 22000 киб., слѣдуя И. Яворскому («Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», Спб., 1889 г., стр. 320), который показываетъ общую цифру кара-киргизъ области въ 110000 д. об. пола. За отчисленіемъ изъ 22000 к. саяковъ и багышей (5092 к). и адгене съ монгушами (4370 к.) остается на ичкиликовъ и крыло солъ 12.538 к. Солъ въ ферганской области можно предположить равнымъ числу кибитокъ въ наманганскомъ и чустскомъ уѣздахъ по свѣдѣніямъ 1881 года (5469 к.) за вычетомъ багышей (3000 к.), т. е. 2469 к., съ добавкою-же 6560 к. аульеатинскаго уѣзда солъ получится 9029 киб. Къ оставшимся (изъ 12538 киб.) на долю ичкиликовъ ферганской области 10.069 киб. надо добавить 1874 киб. ходжентскаго уѣзда (по «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 г.г.», Самаркандъ, 1890 г.), приблизительно 1000 к. въ бухарскихъ владѣніяхъ и 1000 к. въ китайскихъ.

Такъ какъ «съ размноженіемъ народа киргизскаго увеличивается въ немъ число новыхъ подраздѣленій, а первоначальныя названія поколѣній мало по малу приходятъ въ забвеніе», то Левшинъ отказался поименовывать отдѣленія родовъ и дальнѣйшія подраздѣленія, выражая мнѣніе, что «лѣтъ черезъ сто большая часть вычисленныхъ названій отраслей киргизскаго народа останется только въ нашихъ архивахъ и въ памяти немногихъ старожиловъ»[1].— Еще далѣе идетъ Г. С. Загряжскій относительно родовъ у кара-киргизовъ: «Принадлежность киргиза къ тому или другому роду не есть постоянная, неизмѣнная. Стоитъ кому-нибудь изъ нихъ перекочевать, напр. изъ земли сарыбагышей къ султамъ, онъ уже не называется сарыбагышемъ, а становится султомъ; перейдя къ саякамъ, становится саякъ. Здѣсь разумѣются добровольныя перекочевки, а не случаи плѣна или рабства, когда киргизы сохраняютъ имена прежнихъ родовъ. Но это можно сказать только о простомъ народѣ, о бухарѣ... Раздѣленіе-же на роды сохраняютъ манапы и строго его держатся. Появленіе новаго отдѣла зависитъ отъ появленія новаго батыря; около него собирается дружина удальцовъ, его именемъ прикрываются нѣсколько бѣдняковъ и называютъ себя его дѣтьми; отсюда происходятъ названія: дѣти Канал, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и т. д. Отецъ передаетъ сыну свой народъ, который онъ успѣетъ связать съ собой привычкой, грабежомъ, общими счетами по барантѣ, и вотъ является новый родъ: канай, карбузъ и т. д. Появленіе многихъ новыхъ родовъ очень недавнее—одно-два поколѣнія; даже теперь формируются новые роды. Такъ отдѣленіе канай распадается на три: байтыковы дѣти, башкаевы дѣти и байсеитовы дѣти. Колѣна башкаевъ и байсеитовъ отошли на Таласъ и потому два послѣднія отдѣленія часто носятъ общее названіе башка-байсеитъ. Манапы, отъ имени которыхъ начинаютъ теперь различаться нѣкоторыя новыя кара-киргизскія отдѣленія, всѣ живы и всѣ родныя дѣти Каная... Отдѣлъ кунту распадается на два: кунту-аламатъ и кунту-базаркулъ, по имени современныхъ уважаемыхъ біевъ. Всего въ отдѣлѣ кунту около 600 кибитокъ. Часто приходится слышать фразу: Байтыкъ-баласы, Корчи-баласы, но это не означаетъ, что идетъ рѣчь собственно о дѣтяхъ Байтыка или Корчи, а имѣетъ смыслъ собирательный: тутъ надо

[1]) «Описаніе к.-казачьихъ ордъ и степей», Спб., 1832 года, часть 3, стр. 5, 6, 10. О многочисленности родовыхъ подраздѣленій можно судить, напр., по тому, что, по свѣдѣніямъ Ильи Казанцева («Описаніе киргиз-кайсакъ», Спб., 1867 года, стр. 62), пользовавшагося дѣлами канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, въ сороковыхъ годахъ, въ байулинскомъ отдѣлѣ меньшой орды считалось 12 родовъ, 55 отдѣленій, 64 подъотдѣленія, 15 колѣнъ; въ алимулинскомъ—6 родовъ, 23 отдѣленія, 95 подъотдѣленій, 26 колѣнъ. и въ семиродскомъ—7 родовъ, 45 отдѣленій, 35 подъотдѣленій и 15 колѣнъ (подраздѣленій подъотдѣленій).

разумѣть всѣхъ киргизъ, кочующихъ съ Байтыкомъ, Корчи и пр. Иногда кара-киргизы на барантѣ, изъ уваженія къ предводителю, кричатъ имя его отца, хотя родъ и имѣетъ уже свой боевой крикъ. Если у такого батыря есть уже взрослые сыновья, подручные братья, племянники и т. д., то и они на барантахъ кричатъ имя дѣда, а не своего рода. Такъ киргизы, ограбившіе меня въ 1868 году, кричали Тайлякъ (имя отца Османа, предводителя баранты), хотя родовой кличъ ихъ Чурай... Дѣти Байтыка приняли кликъ Канай, хотя родовой кликъ байтыковцевъ Толканъ... Есть еще и другое начало, по которому появляются новые роды: по обычаю киргизъ браки между родственниками не дозволяются до шестого колѣна включительно, по прямой линіи. Поэтому съ шестого прямаго потомка и его братьевъ начинаются новыя отдѣленія» [1]).

Мнѣнія Левшина и Загряжскаго справедливы только отчасти. Дѣйствительно часть новыхъ, особенно мелкихъ, подраздѣленій чрезъ нѣкоторое время исчезаетъ и имена ихъ забываются, но нѣкоторыя подраздѣленія удерживаются на многіе вѣка. Таковы напр. «поколѣнія» (по номенклатурѣ Левшина) дулатъ, найманъ, кипчакъ и пр. Даже дѣленія поколѣній «роды», названные напр. у Рычкова, въ первой половинѣ XVIII вѣка, всѣ сохраняются и теперь, значитъ полтора уже вѣка, хотя и во время Рычкова считали уже много вѣковъ своего существованія. Имена поколѣній, родовъ и многихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій у узбековъ въ Маверанагрѣ держатся уже четыре вѣка, не смотря на малочисленность большинства изъ нихъ. Хотя именуемыя родовыми единицами (поколѣніями, родами, отдѣленіями и пр.) общественныя группы или союзы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ состоятъ изъ семействъ часто разнаго кровно-родоваго и даже племеннаго и народнаго происхожденія, но нѣкоторыя изъ этихъ группъ въ основѣ своей [2]) принадлежатъ все таки и по кровному происхожденію къ одному племени или подплемени, а часто и къ одной его кровной вѣтви, имѣя постороннія примѣси лишь въ такихъ количествахъ и съ такимъ значеніемъ, что онѣ слились уже прочно и органически съ кореннымъ кровнымъ зерномъ. Такія родовыя группы или союзы обладаютъ большою прочностью и имена свои, даже

---

[1]) «Очерки токмакскаго уѣзда», 1869 года, въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1873 года, № 10.

[2]) Подобное мнѣніе, впрочемъ безъ указанія основаній, высказалъ А. Н. Харузинъ («Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153): «Вообще является болѣе естественнымъ считать киргизскіе роды за роды, такъ сказать, искусственные или сводные, т. е. что существовавшіе нѣкогда родовые союзы (имѣвшіе, быть можетъ, основаніемъ большую семью) принимали въ свою среду элементы со стороны добровольно или по повелѣнію властелина, какъ напр. Чингизъ-хана»...

и по распаденіи, передаютъ своимъ частямъ, которыя продолжаютъ ихъ сохранять вѣка, какъ видимъ у узбековъ. Отдѣльныя лица и семьи, примыкающія навсегда къ чужой родовой группѣ, теряютъ свое собственное родовое имя, если число ихъ невелико и размножатся они не скоро; въ противномъ же случаѣ они образуютъ въ родовомъ союзѣ, къ которому пристали, новое подраздѣленіе съ своимъ кореннымъ именемъ, которое прочно утверждается. Именно благодаря этой устойчивости именъ союзовъ кровно-родоваго происхожденія представляется возможность опредѣлять этническій составъ нынѣ существующихъ общественно-родовыхъ группъ киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ отчасти по именамъ родовыхъ подраздѣленій, не смотря на то, что часть этихъ группъ или союзовъ имѣетъ не кровно-родовое, а чисто общественно-политическое происхожденіе, каковы напр. джалаиры, конграты и пр. Преобладаніе политическо-общественнаго значенія нынѣшнихъ родовыхъ дѣленій и именъ ихъ замѣчается преимущественно у кара-киргизовъ (сарыбагышъ, приставъ къ саякамъ, начинаетъ именоваться саякомъ и т. д.), но это происходитъ не отъ того, что кровное начало исчезло у киргизовъ, а отъ того, что у нихъ, независимо отъ политическо-общественной или родовой группировки, сохраняются чисто кровныя дѣленія—кости.

Родомъ (урукъ, ру) у киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ называется, съ одной стороны, всякая изъ родовыхъ вѣтвей и подраздѣленій, съ другой—совокупность этихъ подраздѣленій, но такъ какъ родовыя дѣленія и группы имѣютъ политическо-общественное значеніе, сверхъ кровнаго, иногда преобладающее, то слово родъ утратило свое строго-кровное значеніе. Не говоря уже объ общественномъ значеніи родовыхъ подраздѣленій, онѣ и въ качествѣ патріархально-родовыхъ не могутъ быть точно классифицированы и наименованы, ибо количество степеней въ родословныхъ безконечно и трудно придумать и удержать для каждой изъ нихъ особое названіе. Поэтому номенклатуры для родовыхъ подраздѣленій, вродѣ напр. установленной въ выше приведенныхъ строкахъ Левшина (поколѣніе, родъ, отдѣленіе, часть, подраздѣленіе и пр.), весьма неустойчивы и часто сами авторы, какъ Левшинъ, не примѣняютъ ихъ [1]). По этой, быть можетъ, причинѣ, у киргизъ-казаковъ и

---

[1]) Такъ и г. В. Дингельштедтъ (Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz, 1891, p. 10), указавъ на неустойчивость употребленія у насъ словъ колѣно и родъ, для означенія главныхъ и слѣдующихъ родовыхъ дѣленій, и принимая самъ слово tribu для означенія главныхъ родовыхъ единицъ и слово clan для означенія «совокупности единокровныхъ или считающихся единокровными, меньшаго объема, чѣмъ tribu», самъ затѣмъ употребляетъ tribu въ смыслѣ вообще родоваго дѣленія, о кланахъ же вскорѣ перестаетъ и упоминать.

кара-киргизовъ существуетъ изъ всѣхъ возможныхъ степеней патріархально-родовыхъ дѣленій опредѣленный терминъ только для самой низшей степени, которая состоитъ уже непосредственно изъ семей: т а й п а с ъ или т а й ф а у первыхъ и к ы р к ъ у вторыхъ [1]). Слово тайпасъ, по толкованію Вамбери, состоитъ изъ т а й—група, часть, и п а с ъ (басъ, башъ)—голова, глава, слѣдовательно значитъ «глава групны». Кыркъ, по тому же ученому, правильнѣе будетъ к ы р ы к ъ, т. е. обломокъ, часть [2]). Такъ какъ тайпасъ съ кырк'омъ термины подвижные, ибо при раздѣленіи тайпаса или кырка терминъ этотъ переходитъ къ частямъ, то оказывается, что общественно-родовыя дѣленія и по существу своему, и по терминологіи для ихъ означенія отличаются подвижностью.

У южно-сибирскихъ тюрковъ и у кара-киргизовъ, въ отличіе отъ киргизъ-казаковъ, существуютъ, независимо отъ политическо-общественныхъ или союзно-родовыхъ дѣленій и именъ, истинныя кровныя дѣленія и имена, показывающія дѣйствительное родопроисхожденіе. Это с ё о к и или к о с т и [3]), имѣющія имена, неизмѣнно и строго сохраняемыя, въ какой бы родовой союзъ члены кости не попадали. Такъ алтайцы въ административно-общественномъ отношеніи дѣлятся на зайсанства, черневые татары и другіе южно-сибирскіе тюрки—на волости, улусы и пр., которыя представляютъ собою родовые союзы, существовавшіе до русскаго владычества, но въ то же время каждое семейство принадлежитъ къ извѣстной кости и носитъ и ея имя [4]). Алтайцы раздѣляются на 24 сёока, члены которыхъ сохраняютъ твердое сознаніе объ

[1]). «Эти термины приводитъ г. Загряжскій («О народномъ судѣ у кочевого населенія туркестанскаго края» въ «Матеріалахъ для статистики туркестанскаго края», вып. 4, Спб., 1876 года, стр. 191). По А. Н Харузину («Киргизы букеевской орды», вып. I, 1891 года, стр. 41), роды дѣлятся на отдѣленія -т а й ф а, нѣкоторыя отдѣленія на подъотдѣленія—а т а в а л а с ъ.

[2]) Das Türkenvolk, 1885, s. 265.

[3]) Употребляютъ вмѣсто кости и слово родъ, но такъ какъ послѣднее получило особое значеніе, болѣе обширное, то удобнѣе и точнѣе пользоватися словомъ кость, означающимъ только кровное происхожденіе. По Г. Н. Потанину («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 г., примѣчанія, стр. 2), киргизы поколѣнія или роды называютъ э л ь, а алтайцы с ё о к ъ, т. е. кость. По г. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», стр. 27), незнакомому киргизы прежде всего предлагаютъ вопросъ о его родѣ: не эл сен? сюягнинг не?

[4]) В. В. Радловъ называлъ въ Observations sur les Kirghis (Journal asiatique, 1863, t. II, p. p. 310 et 311) имена эти генерическими или патронимическими (génériques ou patronimiques). Подъ этимъ названіемъ,—говоритъ онъ,—«я разумѣю имя, которое въ одномъ и томъ же народѣ носятъ многія семейства, которымъ оно служитъ для означенія общаго происхожденія. Эти имена строго сохраняются изъ рода въ родъ и могутъ служить указаніемъ... для различенія многочисленныхъ и разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовались народы Алтая».

общемъ кровномъ происхожденіи и связи, хотя живутъ смѣшанно и разсѣянно, въ разныхъ мѣстностяхъ, и состоятъ въ вѣдомствѣ разныхъ зайсанговъ. Члены сёока не могутъ вступать въ браки между собою. Они называютъ другъ друга братьями по кости (соктынг карындашы). Каждый сёокъ имѣетъ своего особливаго духа-защитника и особыя формы молитвъ и обрядовъ при шаманскихъ заклинаніяхъ [1]).

В. В. Радловъ, на основаніи собранныхъ имъ въ 1862 году, посредствомъ разспросовъ, свѣдѣній, приводитъ слѣдующія имена костей (famille, Geschlecht) у кара-киргизовъ [2]), замѣчая, что пять изъ нихъ (тöлöсъ, мундузъ, сару, торо и кушу) одинаковы съ алтайскими [3]):

Въ поколѣніи бугу: челекъ (кость манаповъ, князей), торго, бапа, сельденъ, такабай, бöръ (печень) дöлöсъ (очень малочисленная), кыдыкъ, конгратъ (тоже), монгулдуръ (тоже), саякъ (тоже), шикмаятъ, каба, асанъ тукумъ, арыкъ тукумъ, кючюкъ, серикей, оидонъ.

Въ поколѣніи сарыбагышъ: сару, каба, монгулдуръ, шикманатъ, саякъ, асыкъ, дöлöсъ, конгратъ, мундузъ, китай и отигенъ.

Въ поколѣніи солту: отигенъ, кучу, сару, монгулдуръ, китай, мундузъ, асыкъ.

Въ поколѣніи едигена: дöлöсъ, сару, конгратъ, монгулдуръ, мундузъ, саякъ, каба и шикманатъ.

Въ поколѣніи чонбагышъ: аскалы, торо, мачакъ, ушъ-тамга, кандабасъ, кошъ-тамга (двойная тамга), куанъ-дуанъ.

Въ поколѣніи чирикъ: акъ-чубакъ и бай-чубакъ.

Въ крылѣ солъ: сару, бешъ-беренъ, мундузъ, тонторюнъ, кучу, кюркюренъ, отигенъ.

Можно полагать, что этотъ перечень костей довольно полонъ относительно поколѣнія бугу, въ которомъ ученый изслѣдователь былъ лично, въ остальныхъ-же возможны неполноты.

Особенно должны быть неполны, по тогдашней отдаленности этихъ поколѣній отъ русскихъ границъ, свѣдѣнія о костяхъ у чириковъ и чонбагышей. Поэтому я ограничусь разсмотрѣніемъ костей остальныхъ поколѣній, замѣтивъ лишь, что ушъ-тамга и кошъ-тамга г. Радловъ считаетъ узбекскими родами; что акъ-чубакъ и бай-чубакъ у чириковъ быть можетъ имена родовыхъ отдѣленій, а не костей; и что по поводу костей аскалы, мачакъ, кандабасъ и

[1]) Aus Sibiren, I, s. 258.
[2]) Observations sur les Kirghis, p.p., 318—320, и Aus Sibirien, I, s.s. 230, 231.
[3]) Observations etc., p. 316.

куанъ-дуанъ мнѣ не встрѣчалось никакихъ разъясненій, о кости же торо будетъ упомянуто ниже.

Въ остальныхъ четырехъ поколѣніяхъ праваго крыла и въ крылѣ солъ насчитывается всего 28 костей, изъ которыхъ девять (челекъ, баna, ельденъ, такабай, бöръ, кыдыкъ, ассанъ тукумъ, арыкъ тукумъ и ондонъ), находятся только у бугу, три (бешъ-беренъ, тонтюрюнъ и кюркюренъ) встрѣчаются только въ крылѣ солъ, прочія же шестнадцать имѣются въ двухъ или болѣе поколѣніяхъ.

Изъ шестнадцати костей четыре—кытай, монгулдуръ, конгратъ и саякъ—безспорно составляютъ чуждыя примѣси, изъ которыхъ саякъ очень древняя, но послѣдовала по всей вѣроятности уже въ Тяньшанѣ, остальныя же три поступили въ составъ кара-киргизовъ въ относительно недавнее время и также въ западномъ Тяньшанѣ. Изъ шестнадцати остается слѣдовательно двѣнадцать, которыя, по своей распространенности, должны быть коренными костями кара-киргизскаго народа. Изъ нихъ первыя мѣста занимаютъ: с а р у, которая имѣется въ поколѣніяхъ сарыбагышъ, султу, адгене, въ крылѣ солъ и въ формѣ с е р и к е й въ поколѣніи бугу, стало быть во всѣхъ главныхъ частяхъ кара-киргизскаго народа; далѣе к а б а (встрѣчается у бугу, сарыбагышей и адгене), м у н д у с ъ (у сарыбагышей, султу, адгене и солъ), к у ч у (у султу и солъ и въ формѣ к ю ч ю к ъ у бугу), а с с ы к ъ (у сарыбагышей и султу и въ формѣ а с с а н ъ тукумъ у бугу), е т и г е н ъ (у сарыбагышей и султу и въ крылѣ солъ), д ö л ö с ъ (у бугу, сарыбагышей и адгене), ш и к м а н а т ъ (у сарыбагышей и въ формѣ ш и к м а я т ъ у бугу), наконецъ т о р г о (у бугу и въ формѣ т о р о у чонбагышей).

Этническое опредѣленіе этихъ восьми коренныхъ костей кара-киргизскаго народа или главнѣйшихъ изъ нихъ есть, очевидно, выясненіе происхожденія этого народа. Задачу эту я пытался разрѣшить, на основаніи историческихъ данныхъ, при помощи обстоятельнаго и возможно подробнаго изученія исторіи кара-киргизовъ и предполагаемыхъ ихъ предковъ, въ обширномъ, еще не напечатанномъ трудѣ, состоящемъ изъ очерковъ исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня и его населенія (усуней, кара-киргизовъ и казаковъ, преимущественно большой орды) съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Я не могу изложить здѣсь даже въ самомъ краткомъ видѣ результаты этого изслѣдованія, такъ какъ это заняло бы много мѣста, тогда какъ настоящая статья и безъ того довольно объемиста. Ограничусь поэтому слѣдующими главными выводами: 1) Нынѣшніе кара-киргизы суть прямые потомки пришедшихъ въ Западный Тяньшань изъ средней Монголіи, за полтора столѣтія до Р. Х., усуней. 2) Усуни составляли лишь часть коренныхъ кыргызовъ,

отдѣлившуюся отъ оставшагося на Енисеѣ народа, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ кыргызъ, облекавшимся у китайскихъ историковъ въ свойственныя китайскому произношенію и транскрипціи искаженныя формы. 3) Усуньскій народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ кыргызовъ, но представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ усуньскій отдѣлъ кыргызовъ. 4) Общіе предки усуней и енисейскихъ киргизовъ—древніе кыргызы—произошли изъ смѣшенія тюрковъ съ динлинами, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азіатской длинно-головой и свѣтло-окрашенной расы. 5) Остатки динлиновъ, извѣстные съ VII вѣка подъ именемъ «пѣгаго» (по тюркски «ала») народа, найдены были русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ подъ именемъ ариновъ, ассановъ и коттовъ, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими остяками; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной части японскаго архипелага айновъ, въ которыхъ антропологическими и краніологическими изслѣдованіями обнаружено сочетаніе длинно-головой расы съ монгольскою. 6) Различія между тюркскими племенами и родами могутъ быть объясняемы помѣсями тюрковъ съ разными племенами той же длинноголовой расы, съ самоѣдскими и съ угро-финскими.

Если эти выводы, имѣющіе отчасти гипотетическій характеръ, вѣрны, то коренныя кости кара-киргизовъ могутъ быть, по крайней мѣрѣ частію, опредѣлены при ихъ помощи и въ согласіи съ ними, посредствомъ отождествленія кара-киргизскихъ костей съ костями, родами и племенами южной Сибири и средней Монголіи, а въ такомъ случаѣ означенные выводы найдутъ въ этомъ одно изъ рѣшительныхъ своихъ подтвержденій.

При разсмотрѣніи коренныхъ кара-киргизскихъ костей, принимая въ соображеніе упомянутыя предположенія, оказывается, что самая распространенная, слѣдовательно главная, основная кость сару, въ другихъ формахъ сарикей, сарыкъ, сары, есть въ сущности тюркское слово сары (желтый, рыжій), которое могло быть примѣняемо къ коренной помѣси тюрковъ съ динлинами за ея унаслѣдованную отъ динлиновъ свѣтлую окраску волосъ; таково и было именованіе древнѣйшей кости кыргызовъ, ибо у енисейскихъ киргизовъ два главные ихъ рода носили имя джеты-сары и алты-сары, т. е. семь рыжихъ и шесть рыжихъ; у сагайцевъ, являющихся теперь (съ качинцами) ближайшими родичами и частію потомками енисейскихъ киргизовъ, существуетъ родъ сарыгъ [1]). Далѣе, кость каба можно отождествлять съ койбалами,

[1]) Saryg въ Aus Sibirien, I, s. 208.

обитающимъ нынѣ на Енисеѣ народцемъ енисейско-остяцкаго и частію самоѣдскаго происхожденія, отуреченнымъ киргизами и именующимъ себя кой-ба или кай-ба [1]). Затѣмъ, имя кости асеанъ (тукумъ значитъ сѣмя, яйцо, такъ что является несущественной для имени кости добавкой) тождественно съ именемъ исчезнаго теперь и происходившаго отъ динлиновъ народца асановъ; послѣднее происходитъ отъ ас, горностай, и кость асыкъ кажется лишь другою формою того же имени, также производною отъ ас. Имя кости арыкъ тукумъ (у бугу) представляется происходящимъ отъ корня ар, какъ и имя другого жившаго на Енисеѣ, еще въ XVIII столѣтіи, народаариновъ, также потомковъ динлиновъ: аринъ и арыкъ суть только разныя формы одного и того же имени, въ послѣднемъ случаѣ тюркизованнаго. Итакъ главная, двѣ изъ важнѣйшихъ и одна изъ прочихъ коренныхъ каракиргизскихъ костей оказываются енисейско-киргизско-динлинскаго происхожденія.

Имя кости етигенъ кажется тождественнымъ съ названіемъ поколѣнія адгене и съ именемъ десятой изъ числа рѣкъ, на которыхъ, по Рашидъ-эддину, обитали въ древности онъ-уйгуры, именно Утигэнъ (у китайцевъ Удегянь), которое по нѣкоторымъ рукописямъ можно читать и Етигенъ [2]). Профессоръ Березинъ видѣлъ въ этомъ имени тюркское уткен, прошедшій [3]), но едва-ли это такъ. Вѣроятнѣе, что это имя не тюркское, а динлинское. Получивъ земли динлиновъ, тюрки должны были сохранить часть по крайней мѣрѣ существовавшихъ издревле мѣстныхъ именъ, въ числѣ которыхъ весьма вѣроятно ожидать имя рѣки, на которой находилась обычная резиденція тюркскихъ, а ранѣе динлинскихъ, властителей Монголіи. Въ такомъ случаѣ имя етигенъ могло быть отъ рѣки заимствовано въ качествѣ имени одного изъ динлинскихъ племенъ и перейти къ помѣси этого племени съ тюрками, которая вошла въ союзъ усуньскій во время нахожденія усуней въ средней Монголіи и дала свое имя съ одной стороны кара-киргизской кости, съ другой одному изъ союзовъ или поколѣній, который первоначально состоялъ изъ одной этой кости и именовался етигенъ, впослѣдствіи же превратился въ адгене, адыгине и пр., какъ это часто происходитъ въ устахъ народа съ именами изъ чужихъ языковъ и какъ это напр. дѣлается у киргизъ-казаковъ съ именемъ адбанъ, которое иногда выговариваютъ абданъ,

[1]) «Дополненія къ русскому переводу Азіи», Риттера, т. 4, стр. 592—595.
[2]) «Исторія монголовъ, Введеніе», стр. 125 и 126.
[3]) Тамъ-же, 268.

адманъ [1]). Кость д ö л ö с ъ представляется тождественною съ т е л е с ъ, теле (у о. Іакинфа тѣле), т. е. съ однимъ изъ древнихъ именъ гаогюйцевъ, ставшихъ позднѣе, подъ именемъ уйгуровъ, властителями Монголіи, пока въ половинѣ IX вѣка государство ихъ не распалось вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, при участіи енисейскихъ киргизовъ. Кость м у н д у с ъ встрѣчается въ качествѣ кости же на Алтаѣ у алтайцевъ, чуйцевъ и теленгетовъ [2]; повидимому это одинъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ родовъ, не стоявшій однако во главѣ могущественныхъ союзовъ, не пользовавшійся въ свою очередь силою и господствомъ въ Монголіи, а потому не попадавшій на страницы исторіи. Тоже надо сказать о кости т о р о (у чонбагышей, а у бугу торго), которая встрѣчается и у теленгетовъ на Алтаѣ. Кость к у ч у, иначе кущи, коще, даже кокче (все это въ отдѣлѣ солъ у разныхъ авторовъ, кючюкъ и кучукъ у бугу) есть вѣроятно то же самое имя, какое носилъ упоминаемый китайцами въ VII вѣкѣ чуюсскій родъ хучжу или гучжу [3]), который конечно существовалъ и ранѣе [4]) и который много позднѣе встрѣчается въ Шейбани-намэ въ числѣ родовъ, указываемыхъ въ описаніи похода Шейбани противъ монголовъ (т. е. противъ джагатаидовъ) въ Ферганѣ, подъ именемъ кущу (kuschtschu) [5]). Кости сти̇генъ, тöлöсъ, мундусъ, торо и кучу вошли въ составъ усуньскаго союза по всей вѣроятности въ средней Монголіи, во время кочеванія усуней между Дунь-хуаномъ и Саянами, ранѣе ухода усуней въ Западный Тяньшань.

Для выясненія происхожденія костей, встрѣчающихся только у бугу: шикмаятъ (у сарыбагышей шикманатъ), челекъ, бапа, сельденъ, такабай, бöрь, кыдыкъ и ондонъ, я не нашелъ достаточныхъ данныхъ, но, въ виду опредѣленія происхожденія главныхъ и распространенныхъ во многихъ поколѣніяхъ костей, эти кости, существующія только въ одномъ поколѣніи, особаго

[1]) Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что занимавшіе восточный берегъ Чернаго моря, значительную часть склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанскую равнину и большую часть Кабардинской плоскости черкесы сами себя называли а д ы г е и упоминались древними греческими писателями и историками подъ именемъ дзиховъ, торетовъ, к е р к е т о в ъ. Можетъ быть имя адыге пошло отъ тюркскаго рода адыгене, властвовавшаго надъ частію Кавказа и его аборигеновъ, ибо многое побуждаетъ думать, что тюркскія племена достигали Кавказа не только въ средніе вѣка, но и въ несравненно болѣе древнія времена.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 216.

[3]) Іакинфа «Собраніе свѣдѣній» и пр., 2, стр. 357 и 453.

[4]) Въ 121 г. до Р. Х. поддался Китаю одинъ изъ западныхъ хуннускихъ князей по имени Хючжуй (тамъ же, стр. 38 и 39): по всей вѣроятности это, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не личное имя князя, а имя подвѣдомственнаго ему рода — хючжуй кучу.

[5]) Vambery—Das Türkenvolk, s. 319.

значенія не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ, быть можетъ, не имена костей, а имена родовыхъ подраздѣленій [1]).

Въ заключеніе разсмотрѣнія кара-киргизскихъ костей, не лишне замѣтить, что имена ихъ являются большею частію именами народовъ, племенъ и древнихъ родовъ, потомками которыхъ эти кости и представляются. Напротивъ, имена кара-киргизскихъ родовыхъ союзовъ и подраздѣленій кажутся большею частію личными именами старшинъ и вождей, образовавшихъ эти союзы или дѣленія и стоявшихъ во главѣ ихъ. Таковы, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Загряжскимъ, имена новѣйшихъ родовыхъ подраздѣленій и таковы-же, несомнѣнно, имена даже большихъ и важныхъ въ свое время союзовъ исенгулъ, темиръ, булатъ, надырбекъ, тынай и пр. у сарыбагышей,—берназаръ, шапакъ и пр. у бугу,—толканъ, булекпай, канай и пр. у султу,—курманъ-ходжа у саяковъ,—караталъ, тагайберды, тазапай и пр. въ крылѣ солъ,—кадырша и пр. у ичкиликовъ и т. д. Но названія поколѣній или главныхъ, основныхъ родовыхъ союзовъ имѣютъ другой характеръ. Такъ бугу [2]) значитъ олень, изюбръ, сарыбагышъ — желтый лось, чонбагышъ—большой лось, чирикъ—воинъ, султу, по аналогіи съ другими подобными по образованію именами,—обитающій на лѣво, на востокѣ. Такъ какъ лосей въ Тяньшанѣ не водится, то надо полагать, что имена двухъ поколѣній сарыбагышъ и чонбагышъ, а также вмѣстѣ съ ними и остальныхъ, принесены усунями изъ средней Монголіи [3]), а частію, быть можетъ, даже изъ за Саяновъ. Такимъ образомъ имена главныхъ поколѣній весьма древни

---

[1]) Напр. Такабай кажется личнымъ именемъ вождя или старшины, образовавшаго союзъ или родовое отдѣленіе. Кость челекъ напоминаетъ кость-же челей (Tschäläi) у шорцевъ на р. Мрассѣ (Aus Sibirien, I, s. 214). Бапа быть можетъ остатокъ карыкскаго рода пофу (у китайцевъ).

[2]) Имя это тождественно съ названіемъ гаогюйскаго поколѣнія пугу. По «Таньшу», пугу было однимъ изъ 15 гаогюйскихъ поколѣній, обитавшихъ по сѣверную сторону великой песчаной степи, т. е. въ сѣверной Монголіи и Чжунгаріи («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 373). Въ VII столѣтіи оно состояло изъ 30 т. кибитокъ, имѣло 10 т. войска. «Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались дулгасцамъ (туркамъ), потомъ сѣяньтосцамъ», а затѣмъ Китаю. Въ половинѣ VIII вѣка пугускій князь Хуай-энь игралъ важную роль въ исторіи Китая (тамъ-же, стр. 374, 434, 437, 384—402). Нѣтъ, повидимому, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что часть пугу присоединилась къ усунямъ въ средней Монголіи, ушла въ составѣ ихъ въ Тяньшань и образовала поколѣніе бугу. Въ составъ послѣдняго конечно могли затѣмъ въ разное время войти многія кыргызскія кости.

[3]) Г. Н. Потанинъ упоминаетъ («Очерки с.з. Монголіи», вып. I, 1881 г.) горы Бугу-хаирханъ, Бага-бугу, перевалъ Бугу-даванъ, все это въ той части монгольскаго Алтая, которая называется Алтаинъ-ниру и пересѣкается путемъ изъ Кобдо въ Хами. Не отсюда-ли гаогюйское поколѣніе пугу получило свое имя, которое присоединившаяся къ усунямъ часть его унесла въ западный Тяньшань?

и поколѣнія эти существовали, стало-быть, до прибытія кара-киргизовъ въ Тяньшань.

Не невозможно, что дѣленіе на два крыла онъ и солъ ведетъ свое начало съ того времени, какъ усуньское «государство раздѣлено было на три части», изъ которыхъ одною правилъ средній сынъ приведшаго усуней въ Тяньшань гуньми, по имени Далу, другою—внукъ гуньми, сынъ старшаго его сына, Сэньцзу, объявленный наслѣдникомъ престола, а третьею—самъ гуньми. Быть можетъ часть Далу именовалась онъ въ смыслѣ правой, младшей, а часть Сэньцзу—солъ, въ смыслѣ лѣвой, старшей, такъ какъ онъ былъ наслѣдникомъ гуньми. Сынъ Далу Ун-гуйми могъ получить свое имя Унъ или Онъ отъ названія удѣла отца. Такъ какъ достоинство гуньми утвердилось впослѣдствіи за потомствомъ Далу, то къ удѣлу его должна была присоединиться часть гуньми и крыло онъ должно было сдѣлаться многолюднымъ; потомки-же Сэньцзу остались при первоначальномъ удѣлѣ солъ, который окончательно основался въ западной части усуньскихъ земель, около Таласа. Отдѣлъ онъ первоначально занималъ среднюю и восточную часть усуньскихъ земель и лишь впослѣдствіи распространился на юго-западъ, въ земли сейскихъ владѣній Хюаньду и Хюсюнь, гдѣ повидимому помѣстилось и нынѣ тамъ находящееся поколѣніе адгене.

5) Ураны и тамги кара-киргизскихъ родовъ.

Имѣющіяся свѣдѣнія объ уранахъ и тамгахъ кара-киргизовъ скудны и отрывочны. По В. В. Радлову (1862—1868 г.г.), боевой крикъ крыла солъ—Кунокъ, а крыла онъ—Джанкуразъ [1]).—По словамъ Загряжскаго, у кара-киргизовъ нѣтъ общаго боевого крика, какъ въ большой ордѣ, гдѣ общій уранъ Аблай; у кара-киргизовъ гораздо болѣе пестроты; такъ тынаи кричатъ Атаке, отдѣленіе исангулъ кричитъ Исангулъ; каждый родъ имѣетъ нѣсколько своихъ криковъ [2]). — По заявленіямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, по однимъ — общій боевой кличъ кыргызовъ Кокы, по другимъ—Куйтенбій, по третьимъ—Караталъ; у отдѣленія гуркерау—Караталъ, у алакчинъ—Мурадали, у султовъ—Булекбай, у сарыбагышей — Кулпашъ, у бинперенъ — Беренъ, у багышей — Джанкуразъ [3]).

---

1) Aus Sibirien, I, s. 534.

2) «Очерки токмакскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ», 1873 года, № 10.

3) Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, Ташкентъ, приложенія, стр. 3. Беренъ должно быть опечатка вмѣсто Бересъ.

Вообще, значитъ, уранами у кара-киргизовъ служатъ имена вождей и знаменитыхъ манаповъ. Имя Кокы, о которомъ я ничего не знаю, напоминаетъ озеро Кокый-куль оренбургскихъ свѣдѣній, которыми пользовался Н. А. Середа въ статьѣ «Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова» [1]); это озеро будто бы находилось въ китайскихъ предѣлахъ и въ окрестностяхъ его кочевали не отличавшіеся воинственностью киргизы, которыхъ Кенисары подчинилъ себѣ около 1845 года, удалившись изъ оренбургской степи. Если Кокы есть славный кара-киргизскій батырь, имя котораго служитъ ураномъ для всего народа, то Кокый-куль долженъ бы быть Иссыкъ-кулемъ, а киргизы, покоренные Кенисарою,—кара-киргизы, но Кенисары киргизовъ не подчинилъ и погибъ въ борьбѣ съ ними, да и племя они, по оренбургскимъ же свѣдѣніямъ, воинственное. Поэтому и Кокы, и Кокый-куль остаются загадками.

Свѣдѣнія о тамгахъ кара-киргизовъ весьма недостаточны. По В. В. Радлову, у бугу употребляется тамга джагалбей ‒ ‒ и у султу ай, луна ⌒ [2]). По показаніямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, у коще (кучу) тамга ◯, у сукты (опечатка вмѣсто султы?) ◡, у етеуру (джетыру или менды г. Смирнова?) ай ⏝ и каскатабанъ (?) ⌒⌈, у босменъ (бошмоинъ рода алакчинъ?) и у беренъ |, у алакчинъ V, у багышъ ⌐/, у хытай (ктай) джугары (верхняя) тамгалы хытай ‿/ и тюмень (нижняя) тамгалы хытай ⌐‒ [3]).

Отсутствіе свѣдѣній о тамгахъ остальныхъ кара-киргизскихъ поколѣній и родовъ лишаетъ возможности основательнаго и всесторонняго изученія родовыхъ тамгъ кыргызовъ. Можно пока замѣтить, что тамга кущи или кучу, одинаковая съ тамгою дулатовъ, подкрѣпляетъ предположеніе о происхожденіи кости и рода кучу или кучукъ изъ западной Монголіи и о родствѣ ея съ происходящими оттуда же дулатами; полукругъ султу можетъ указывать на происхожденіе этого поколѣнія отъ кости кучу, которая дѣйствительно и отмѣчена В. В. Радловымъ въ составѣ султу; тамга ◡, составляющая сочетаніе тамги султу съ тамгою канглы, а также тамга бошмоиновъ и береновъ | намекаютъ на примѣсь въ крылѣ солъ частицъ канглов; тамги алакчин'овъ и хытаевъ также имѣютъ соотношенія къ тамгамъ канглов и кипчаковъ; тамга поколѣнія багышъ, которая, быть можетъ, встрѣчается и въ выпрямленномъ видѣ, напоминаетъ тамгу рода табынъ малой орды; джагалбей-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1871 года, августъ.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 534.

[3]) Н. И. Гродековъ. «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, приложенія, стр. 7 и 8.

тамга бугу кажется особой отъ тамги кипчаковъ =. Вѣроятно подробныя свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ у кара-киргизовъ, а также у южно-сибирскихъ и омонголенныхъ тюрковъ дадутъ интересныя сближенія и разъясненія.

Обратимъ пока вниманіе на любопытныя тамги или знамена остяковъ, преимущественно березовскихъ, XVII столѣтія, открытыя и изданныя Н. Н. Оглоблинымъ [1]). Эти знаки ставились инородцами вмѣсто рукоприкладства на «челобитныхъ» и «сыскахъ». Состоятъ они изъ болѣе или менѣе грубыхъ и удачныхъ изображеній звѣрей, птицъ, животныхъ, орудій, оружія (стрѣлы, копья, мечи, топоры) и тамгъ. Признаю я массу знаковъ, употреблявшихся угро-финскими остяками, которые не имѣли ни лошадей, ни верблюдовъ, за родовыя тамги,—служившія и служащія у занимавшихъ болѣе южное положеніе скотоводческихъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ преимущественно для тавренія лошадей и верблюдовъ, — вслѣдствіе полнаго сходства знаменъ съ тамгами и нахожденія между первыми не только всѣхъ типовъ, но почти всѣхъ разновидностей тюрко-монгольскихъ родовыхъ тамгъ. Свѣдѣній о надобностяхъ, для которыхъ употреблялись остяками тамги, которыя по требованію приказныхъ людей стали они примѣнять въ качествѣ подписей, мнѣ не встрѣчалось, но можно предполагать, что онѣ служили у сѣверныхъ инородцевъ для тавренія оленей и собакъ, звѣроловами же и рыболовами примѣнялись для помѣтъ охотничьихъ снастей и ловушекъ, а также налагались на вещахъ для означенія ихъ принадлежности, на деревьяхъ и утесахъ для указанія границъ родовыхъ земель, лѣсовъ и звѣроловныхъ раіоновъ и т. п. [2]). Какимъ образомъ тамги южныхъ скотоводовъ попали къ сѣвернымъ звѣроловамъ и рыболовамъ, вдобавокъ къ собственнымъ знакамъ ихъ, естественно изображающимъ предметы ихъ охоты и орудія? Частію тамги могли быть заимствованы угро-финнами въ то время, когда они сами обитали въ болѣе южныхъ странахъ и также были скотоводами, главнымъ же образомъ онѣ могли быть принесены къ нимъ динлинскими племенами, вытѣсненными къ нимъ изъ пастбищъ Монголіи и киргизской степи тюрками. Значительная примѣсь динлинской длинноголовой

[1]) «Остяцкія знамена» въ «Историческомъ вѣстникѣ», 1889 года, № 10, стр. 135—149, гдѣ помѣщено 85 рисунковъ въ текстѣ, и «Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка» съ особой таблицей, на которой изображено 105 знаменъ, въ «Запискахъ уральскаго общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. I, Екатеринбургъ, 1891—1892 года. При ссылкахъ на рисунки я буду указывать на страницы первой статьи и на нумера таблицы при второй статьѣ.

[2]) Судя по небольшому количеству тамгъ вогуловъ, приведенныхъ проф. Н. Сорокинымъ («Путешествіе къ вогуламъ» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университетѣ», томъ 3, № 4, 1873 г., стр. 46 и таблица I) и употребляемыхъ ими для татуировки на рукахъ и ногахъ, для помѣтокъ на деревьяхъ во время звѣроловства и пр., тамги эти имѣютъ сходство съ нѣкоторыми остяцкими знаменами.

расы къ нынѣшнимъ остякамъ и вогуламъ почти несомнѣнна, такъ какъ финны (а вѣроятно и угры) короткоголовы, между тѣмъ антропологическія изслѣдованія обнаружили у остяковъ и вогуловъ большой процентъ длинноголовыхъ. Вслѣдствіе этого занесеніе къ остякамъ скотоводческихъ тамгъ динлинами, которые въ степяхъ конечно были скотоводами, весьма вѣроятно. Этимъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывается, что значительная часть родовыхъ тамгъ нынѣшняго населенія Монголіи и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тѣхъ динлинскихъ племенъ и родовъ, отъ помѣсей которыхъ съ тюрками произошли тюркскія племена и роды.

Тамги нынѣшнихъ канглов и кипчаковъ встрѣчаются въ рукоприкладствахъ остяковъ XVII вѣка въ формахъ |, / и \ (стр. 148, у отбиравшихъ рукоприкладства приказныхъ людей—«рубежъ», «рубецъ»), и || (эта тамга означалась «рубежи», «два рубежи» и словами «яидъ» и «аедъ», стр. 146). Есть много производныхъ этого типа: _ (144), ᛉ (143), |\ (145), —+ (№ 22), ⊤ («костыль», № 47), + («посохъ», № 64), + (стр. 146, «яидъ»), ≡ (№ 42, «три рубежи») и особенно часты ⧧ и ||| «шайтанская рожа», «посъ шайтанской» (№№ 35, 36, 51, стр. 147), такъ что издатель удивляется «странному влеченію остяковъ къ изображеніямъ духа тьмы»: вѣроятно у остяковъ это была просто тамга многочисленной кости или рода, шайтанской же рожей наименовали ее служилые и приказные люди, замѣчая ее въ числѣ другихъ тамгъ и изображеній (вродѣ |⊓|, № 34), на бубнахъ шамановъ, служителей «шайтана»[1]). Были также тамги типа круга и полукруга: ☼ солнце, D и D «месоць» (№ 5, № 30 и стр. 147), ⊥, ⊥, ᛉ, Ψ (стр. 143, 144), —((№ 52), ô, (ẋ) (стр. 145; послѣднее изображеніе напоминаетъ халхасскую тамгу «пять глазъ»), ◡ (стр. 145: это алтайская тамга йиракай).

Особую группу составляютъ знаки ╪ и |—|—| (№ 14, два «скобеля»), ╪ (№ 27, «скобель»), ╪, ╪ и пр. (№№ 37, 38, 39,

---

[1]) По свидѣтельству Джувейни (d'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 431), уже въ XIII вѣкѣ, въ царствованіе Угедэй-каана, только шаманы и могли прочесть надпись на одномъ изъ орхонскихъ памятниковъ, сдѣланную, какъ нынѣ обнаружилось, тюркскимъ алфавитомъ. Надо поэтому думать, что знаки на шаманскихъ бубнахъ есть частію память о надписяхъ на нихъ, которыя нѣкогда дѣлались тюркскимъ алфавитомъ, знаки котораго взяты изъ родовыхъ тамгъ.

49, 50), которые Н. Н. Оглоблинъ признаетъ за свастику, въ болѣе или менѣе правильномъ изображеніи [1]). Не отвергая сходства, я однакоже не считаю невозможнымъ, что эти знаки суть скотоводческія тамги самостоятельнаго происхожденія. Да и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и самая свастика у арійцевъ первоначально появилась въ качествѣ тамги, когда они жили еще въ скотоводческомъ бытѣ, и лишь впослѣдствіи обратилась въ таинственный знакъ, изображавшійся въ углахъ мистическаго треугольника [2]). Объясненіе происхожденія свастики добываніемъ священнаго огня посредствомъ тренія двухъ деревяшекъ можетъ быть столь же натянуто, какъ напр. предположеніе Н. Н. Оглоблина о существованіи у остяковъ «какого-то снаряда для добыванія огня путемъ тренія кусковъ дерева» для объясненія того, что приказные называли употреблявшійся остяками въ рукоприкладствахъ знакъ, сходный съ свастикою, «скобелемъ», «скребельницей» и т. под.: почему же приказные не могли употребить слова скобель и пр. по сходству знаковъ съ столярными инструментами для скобленія дерева и пр.?

Интересна также группа остяцкихъ знаменъ, типа четыреугольника: [знак] («очень часто встрѣчается»). [знак], [знак], [знак] и [знак] (стр. 145), ибо знаки эти принадлежатъ къ типу тамгъ «ошикъ» у киреевъ и сары-усуней, подтверждая возможность ихъ дицлинскаго происхожденія.

Еще болѣе близкое отношеніе къ вопросамъ о происхожденіи большой орды и кара-киргизовъ имѣютъ тамги остяковъ енисейскаго уѣзда: [знак], [знак], [знак], [знак], [знак] (№№ 98—102), примыкающія къ типу дулатовскихъ производныхъ и показывающія, что и для дулатовъ возможно предполагать происхожденіе изъ метисаціи тюрковъ съ дицлинами средней Монголіи и Енисея.

6) Краткій обзоръ историческихъ свѣдѣній, выясняющихъ этническія отношенія между кара-киргизами и большою ордою, и опредѣленіе происхожденія поколѣній большой орды и сары-уйсуновъ.

Заключительнымъ соображеніямъ объ этническихъ отношеніяхъ между кара-киргизами и большою ордою необходимо предпослать нижеслѣдующій

[1]) Любопытное собраніе изображеній свастики и близкихъ къ нимъ, встрѣчающихся у арійцевъ Европы съ древнѣйшихъ временъ, помѣщено въ таблицахъ, приложенныхъ къ реферату Змигродскаго Zur Geschichte der Suastika (Archiv für Anthropologie, 19 Band, 1890).

[2]) Въ названіи тамги ошакты амулетъ-тамгою очевидно вліяніе представленія о мистическомъ значеніи треугольника.

краткій обзоръ главнѣйшихъ историческихъ данныхъ, которыя могутъ значительно освѣтить эти отношенія и которыя заимствованы изъ упомянутаго моего труда по исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня, гдѣ указаны источники и пр.

Занявъ въ половинѣ II вѣка до Р. Х. западный Тяньшань и прилегающія къ его сѣвернымъ подножіямъ части киргизской степи, т. е. бассейны рѣкъ Или, Чу и Нарына, усуни нашли здѣсь остатки юечжийцевъ и предшествовавшихъ имъ сейцевъ: изъ нихъ сейцы, болѣе многочисленные, могли составить особое поколѣніе, носящее имя саякъ и вѣроятно вскорѣ потерявшее свои отличія отъ другихъ усуньскихъ поколѣній, потому что уже во время прибытія усуней сейцы не различались отъ нихъ ни одеждою, ни обычаями, а вѣроятно и языкомъ, ибо, надо полагать, они были тюрки. Ближайшими сосѣдями усуней были, задолго до прибытія ихъ въ Тяньшань обитавшіе въ южной части киргизской степи, кангюйцы или канглы. Они не уступали усунямъ въ численности и должны были отнестись къ пришельцамъ, насильственно занявшимъ чужія земли, съ понятной враждебностью и опасеніемъ. Китайскіе историки даютъ кое-какія извѣстія объ одной войнѣ между кангюйцами и усунями, но это конечно не значитъ, что не велись другія войны, о которыхъ извѣстій не сохранилось. Въ этой войнѣ, происходившей въ началѣ послѣдняго полустолѣтія передъ Р. Х., кангюйцы, призвавшіе хуннускаго шаньюя Чжичжы, имѣли съ усунями нѣсколько сраженій и вынудили ихъ опустошить западную часть собственныхъ земель, разрушить городокъ Чигу, считавшійся столицею, и удалиться въ восточную часть усуньской территоріи. Хотя на помощь усунямъ пришли китайцы и сожгли городъ, который началъ на усуньской, кажется, землѣ строить Чжичжы, умершій въ плѣну отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ китайцами, но собравшіеся между тѣмъ кангюйцы успѣшно преслѣдовали возвращавшихся въ Кашгарію китайцевъ и нанесли серьезный уронъ усунямъ, напавъ на нихъ и на востокѣ. Въ послѣдствіи, во время частыхъ междоусобій между усуньскими князьями, тѣ изъ нихъ, кто являлись противниками поддерживаемыхъ китайцами, находили убѣжище и помощь у кангюйцевъ. Когда, послѣ Р. Х., усуньское государство окончательно распалось и когда ослабленный хуннами, увлекшими значительную часть кангюйскихъ родовъ съ собою въ Европу, Кангюй постигла та же, вѣроятно, участь, то враждебныя и дружественныя столкновенія и союзы между усуньскими и кангюйскими поколѣніями и родами могли быть очень частыми. Въ это-то время могли начаться смѣшенія и союзы между усуньскими и кангюйскими родами, результатомъ которыхъ явились тѣ роды большой орды, которыхъ происхожденіе явно смѣшанное и нахожденіе кангюй-

цевъ въ составѣ которыхъ очевидно, дулатовская же примѣсь ничѣмъ не обнаруживается. Разрозненные усуньскіе роды во второй половинѣ VI вѣка были легко покорены тукюесцами (турками), которые въ то же время подчинили себѣ и кангюйцевъ. Къ этому времени относится первое упоминаніе имени кыргызовъ у европейскихъ историковъ: я имѣю въ виду извѣстіе Менандра о плѣнницѣ изъ народа «такъ называемыхъ херхисовъ», подаренной византійскому послу Зимарху тюркскимъ ханомъ Дизавуломъ, съ которымъ, отправляясь въ обратный путь, Зимархъ разстался на Таласѣ. Кангюйцы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ родовъ, сохранили полунезависимость, получивъ вѣроятно правителя или правителей изъ тюркскаго ханскаго дома, кыргызы же составили пять аймаковъ изъ тѣхъ десяти аймаковъ, на которые дѣлилось населеніе земель западныхъ тюрковъ, находившихся въ непосредственномъ управленіи ихъ хана. Изъ этихъ пяти аймаковъ, помѣщавшихся на западъ отъ р. Или и имѣвшихъ общее названіе нушиби, кара-киргизскій родъ асыкъ («асигэ» у китайскихъ историковъ) составлялъ первый и самый многолюдный аймакъ, ибо китайцы, конечно преувеличенно, полагали, что начальникъ его можетъ выставить «до нѣсколькихъ сотъ тысячъ» воиновъ; изъ того же частію рода долженъ былъ состоять другой аймакъ—«асигэ нишу», въ которомъ къ асыкамъ присоединился какой-то другой родъ «нишу», можетъ быть кангюйскій; третьему аймаку китайцы даютъ имя «басайгань дуньшибо», въ которомъ можно предполагать нынѣшній дулатовскій родъ сейкымъ (басайгань = байсейкымъ) въ соединеніи съ какимъ-то неизвѣстнымъ: четвертый аймакъ состоялъ изъ рода (лѣваго крыла) кучу («гэшу»); въ пятомъ аймакѣ находился тотъ же кара-киргизскій родъ кучу вмѣстѣ съ суванами и быть можетъ адбанами («гэшу чубань»). Такой составъ кара-киргизскихъ аймаковъ уже обнаруживаетъ соединенія усуньскихъ родовъ съ одной стороны съ кангюйцами, съ другой съ дулатами. Большая часть послѣднихъ однако въ то время состояла еще въ составѣ пяти восточныхъ аймаковъ, которые носили ихъ имя («дулу»). Послѣ паденія власти тукюескихъ хановъ и замѣнившихъ ихъ тургешскихъ, дулаты, кара-киргизы и часть канглов подчинены были карлыками. Во время карлыкскаго господства (съ половины VIII до второй четверти XII вѣка), занимавшіе самый западный Тяньшань кара-киргизскіе роды пользовались повидимому значительной самостоятельностью, а иногда, особенно въ концѣ этого періода, и независимостью, какъ можно заключить изъ извѣстій арабскихъ географовъ, въ дошедшихъ до насъ копіяхъ рукописей которыхъ имя кыргыз'овъ получило ошибочныя транскрипціи к и л к'іевъ и к а л а д ж'ей.— Кара-кидани (XII вѣкъ), покорившіе безъ боя сѣверныя подножія всего Тяньшаня, были вынуждены посылать войска для подчиненія кыргызовъ въ ихъ

горной странѣ. Между 1161 и 1190 годами кыргызы родовъ сары («Салія») и бугу («Богу, глава канглы и другихъ племенъ», изъ чего надо заключить, что къ бугу примыкала часть кангловъ) искали поддержки противъ киданей у императора владѣвшихъ сѣвернымъ Китаемъ чжурчженей.—За монгольскую эпоху (XIII—XV вѣка) о кыргызахъ долго извѣстій нѣтъ, и выступаютъ они на сцену, какъ и дулаты, лишь въ XV вѣкѣ, во время паденія власти джагатаидовъ въ оставшейся было имъ вѣрною восточной половинѣ джагатаева улуса. Въ концѣ XV вѣка дулаты и канглы вошли въ составъ киргизъ-казачьяго союза, начало которому положено было въ третьей четверти этого вѣка родами кангловъ и кипчаковъ разложившагося джучіева улуса. Во второй четверти XVI вѣка и тяньшаньскіе кара-киргизы окончательно сбрасываютъ власть джагатаидовъ, уже удалившихся въ Восточный Туркестанъ. Со второй половины XVII столѣтія кыргызы, въ союзѣ съ киргизъ-казаками, вели борьбу съ калмыками и частію покорились имъ, частію же вынуждены были искать убѣжища въ Ферганѣ и на Алаѣ. Возвратились они отсюда въ началѣ второй половины XVIII вѣка, послѣ покоренія Цзунгаріи китайцами, и по «Си-юй-ту-чжи», а также по «Описанію средней орды» капитана Андреева, оказываются въ томъ самомъ родовомъ составѣ, какой имѣютъ и въ настоящее время. Во второй четверти настоящаго столѣтія пребывавшихъ въ независимости кара-киргизовъ западнаго Тяньшаня покорили своей власти коканцы, а затѣмъ между 1855 и 1876 годами подчинены они русскими. Между тѣмъ у киргизъ-казаковъ большой орды, родовой составъ которыхъ, по капитану Андрееву, почти не отличался отъ нынѣшняго, стараніями Аблайхана была возстановлена власть чингизидовъ. Въ концѣ XVIII вѣка югозападная часть большой орды признала власть ташкентскаго Юнусъ-ходжи, а затѣмъ подчинена была коканцами. Въ 1819 году султанъ Сюкъ съ джалаирами принялъ подданство Россіи, власть которой между 1846 и 1865 годами распространилась и на остальные роды и земли большой орды.

Этотъ историческій обзоръ показываетъ, что кара-киргизы занимали горныя мѣстности Западнаго Тяньшаня съ половины II вѣка до Р. Х. по настоящее время, принадлежавшія же имъ въ усуньскую эпоху долина р. Или и земли до Таласа постепенно перешли отъ нихъ дулатамъ и ихъ родичамъ. При движеніи своемъ вдоль подножія западнаго Тяньшаня на западъ до Сыръ-Дарьи и Чирчика, дулаты естественно должны были вытѣснять, а главнымъ образомъ принимать въ свой составъ, обитавшихъ на востокѣ кара-киргизовъ и на западѣ кангловъ, въ промежуткѣ же между ними смѣшанные изъ кыргызовъ и кангловъ роды. Но кромѣ включенія степныхъ кара-киргизовъ и кангловъ въ составъ дулатовскихъ родовъ, посредствомъ образованія

сложныхъ родовъ и поколѣній изъ дулатовскихъ и кыргызскихъ родовъ (таково вѣроятно происхожденіе рода сейкымъ и поколѣнія джаланръ) и изъ дулатовскихъ и кангюйскихъ родовъ (таковъ, кажется, родъ чимыръ и поколѣніе чапрашты), возможно было сохраненіе особаго существованія кара-киргизскихъ и кангюйскихъ родовъ и союзовъ въ видѣ немногочисленныхъ обществъ, объединявшихъ свои интересы съ интересами крупныхъ дулатовскихъ родовъ и поколѣній. Къ сохранившимъ свое особое, на такихъ условіяхъ, существованіе между дулатовскими родами или въ сосѣдствѣ съ ними принадлежатъ поколѣнія исты, ушакты, канглы, чапшклы и сергелы,—всѣ кангюйскаго происхожденія, — и поколѣніе сары-уйсунъ — вѣроятно одно изъ кыргызскихъ.

Кыргызское происхожденіе дулатовскаго рода сейкымъ доказывается существованіемъ его въ VII вѣкѣ подъ именемъ басайганъ въ числѣ нушибійскихъ, т. е. кара-киргизскихъ аймаковъ. Участіе кара-киргизовъ въ образованіи поколѣнія джаланръ явствуетъ изъ нахожденія въ составѣ его усуньскихъ или кара-киргизскихъ костей кучу (кучукъ) и арыкъ (арыкъ-тынымъ). Кангюйско-дулатовское происхожденіе рода чимыръ и поколѣнія чапрашты кажется вѣроятнымъ по ихъ тамгамъ, представляющимъ сочетаніе части дулатовскаго круга съ кангюйскимъ «рубежомъ». Далѣе кангюйскій корень, или близкій къ нему, поколѣній исты, чаншклы и сергелы указывается ихъ тамгами, а также, какъ и относительно ушакты, подтверждается генеалогическими сказаніями.

За кыргызское происхожденіе поколѣнія сары-уйсунъ говорятъ: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленій его такихъ, которыя имѣлись бы у дулатовъ и канглов; 2) нахожденіе въ составѣ его отдѣленія крыкъ или кыркъ, отъ имени котораго вѣроятно произошло самое имя кыргызовъ; 3) совершенное отличіе сары-усунской тамги отъ дулатовскихъ и кангюйскихъ и принадлежность ея къ типу четырехъугольника, встрѣчающагося у киреевъ и остяковъ и указывающаго на динлинское его происхожденіе; 4) самое имя поколѣнія, вдвойнѣ подтверждающее, что оно является прямымъ и кореннымъ потомствомъ усуней, ибо не только носитъ имя усунъ, но съ приставкою къ нему с а р ы, желтый, указывающею на наглядную отличительную черту физическаго типа древнихъ усуней, наслѣдовавшихъ отъ динлиновъ ихъ свѣтлую окраску волосъ; наконецъ 5) народныя родословныя сказанія и преданія, признающія сары-усуней древнѣйшими обитателями страны и старѣйшимъ поэтому противъ всѣхъ остальныхъ поколѣніемъ или родомъ, что подтверждается и именованіемъ большой орды, въ средѣ которой обитаютъ немногочисленные сары-

уйсуны, уйсуповскою или юсуновскою [1]). Всѣ эти обстоятельства, въ своей совокупности, даютъ достаточныя основанія полагать, что сары-уйсуны представляютъ собою остатокъ коренныхъ усуней, быть можетъ то самое поколѣніе, родъ или кость, къ которому принадлежала владѣтельная фамилія усуней и которое служило главною опорою ея власти надъ прочими поколѣніями усуньскаго союза. Не невозможно, что послѣ распаденія усуньскаго союза, безвозвратно утративъ свою власть и первенство, поколѣніе сары-уйсунъ удалилось изъ среды кара-киргизовъ и пристало къ кангламъ, а потомъ къ дулатамъ, когда они сдѣлались преобладающимъ въ при-тяньшаньской странѣ союзомъ. По своей малочисленности и особому происхожденію, сары-усунское поколѣніе не могло играть въ большой ордѣ вліятельной роли, а потому, во-первыхъ, оно, не фигурируетъ въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и, во-вторыхъ, вынуждено было вѣроятно и ранѣе довольствоваться для кочевокъ своихъ мѣстностями, подобными «Желтымъ горамъ песку». Въ такомъ же положеніи находится поколѣніе исты, также немногочисленное и также чуждое дулатамъ; оно занимаетъ дельту р. Или, столь же непригодную для высокаго благосостоянія кочевниковъ-скотоводовъ мѣстность, какъ и Сары-тау-кумъ.

III. Типъ кара-киргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія.

1) Выводы изъ предшествующихъ двухъ отдѣловъ этого изслѣдованія о коренномъ составѣ кара-киргизовъ и большой орды и о примѣсяхъ.

Выясненіе родовъ и костей и отношеній между ними у кара-киргизовъ и въ большой ордѣ, на основаніи свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ, легендарныхъ родословныхъ и историческихъ извѣстій, при помощи указаній, которыя даютъ родовыя тамги, приводитъ, въ результатѣ двухъ предшествующихъ частей настоящей работы, къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Кара-киргизскій народъ образовался изъ части енисейскихъ кыргызовъ, ушедшей въ среднюю Монголію и составившей, въ соединеніи съ частью тамошнихъ тюркскихъ родовъ особаго отъ кыргызовъ происхожденія, усуньскій

[1]) По словамъ Валиханова («Очерки Джунгаріи», стр. 195), поколѣніе сары-уйсунъ «считаетъ себя остаткомъ большого и сильнаго народа». Но онъ не приводитъ никакихъ преданій сары-уйсуновъ въ этомъ смыслѣ и о существованіи ихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

союзъ, занявшій въ половинѣ II вѣка предъ Р. X. западный Тяньшань и прилегающія съ сѣвера части степи. 2) Большая орда составилась главнымъ образомъ изъ родовъ, принадлежавшихъ къ племени канглы и къ племени дулатъ, принявъ въ свою среду части кара-киргизскихъ родовъ и сохранившее свою особливость кара-киргизское поколѣніе сары-уйсунъ. 3) Такъ какъ енисейскіе кыргызы представляли собою помѣсь тюрковъ съ динлинами, то въ основѣ кара-киргизскаго народа лежитъ кость сары, динлинскаго происхожденія. 4) Присоединившіяся къ кыргызамъ въ Монголіи части тюркскихъ родовъ были родственны дулатамъ. 5) Дулаты и канглы суть два особыхъ тюркскихъ племени, отличныя и отъ кара-киргизскаго, но въ составѣ дулатовъ есть основанія предполагать до-историческую примѣсь родственнаго предкамъ кыргызовъ динлинамъ племени, на столько однако не сильную, что дулаты не отличались отъ прочихъ тюркскихъ племенъ тою свѣтлою окраскою, которая составляла особенность кыргызовъ, еще въ VII вѣкѣ послѣ Р. X. отмѣчавшуюся китайцами у енисейскихъ киргизовъ.

Что касается до постороннихъ примѣсей въ составѣ кара-киргизовъ и большой орды, относящихся къ историческому времени, то, во первыхъ, примѣси эти количественно и качественно незначительны, и, во вторыхъ, онѣ почти одинаковы у кыргызовъ и больше-ордынцевъ. Именно онѣ состоятъ изъ киданей, монголовъ и калмаковъ, временно властвовавшихъ въ Туркестанѣ, затѣмъ изъ частей постороннихъ киргизъ-казачьихъ родовъ, которыя, историческими событіями и случайностями, забрасывались въ среду кара-киргизовъ и больше-ордынцевъ, и наконецъ изъ осѣдлаго населенія средней Азіи. Численность киданей и монголовъ, обитавшихъ въ Туркестанѣ, была не особенно велика и притомъ значительнѣйшая часть остатковъ этихъ народовъ перешла изъ Туркестана въ Мавераннагръ и присоединилась или къ осѣдлому его населенію, или къ родамъ мѣстныхъ тюрковъ. Количество калмаковъ, попавшихъ въ плѣнъ и рабство къ киргизъ-казакамъ и кара-киргизамъ главнымъ образомъ во время бѣгства торгоутовъ съ Волги въ Китай, не превышаю одного или двухъ десятковъ тысячъ душъ, часть которыхъ конечно успѣла въ разное время бѣжать къ соплеменникамъ, часть вымерла безъ потомства, еще часть продана въ сосѣднія страны и только меньшая осталась въ степи, распредѣлившись на всемъ ея огромномъ пространствѣ, отчего примѣсь калмацкой крови не могла не быть ничтожной. Осѣдлое населеніе Мавераннагра иранской крови и помѣси его съ тюрками (сарты) конечно въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій приливали къ тюркскимъ родамъ Туркестана и Тяньшаня въ качествѣ военной добычи и отчасти путемъ браковъ, но примѣсь иранцевъ, которая главнымъ образомъ должна была отразиться на канглахъ,

въ концѣ концовъ также не могла быть значительною, потому что плѣнные и рабы, такъ или иначе, уходили большею частію изъ чуждой имъ среды кочевниковъ въ осѣдлыя страны или вымирали безъ потомства.

Въ общемъ всѣ эти постороннія примѣси конечно оставили свои слѣды въ именахъ родовыхъ подраздѣленій (ктай, монгулдуръ, калмакъ, сартдаръ и пр.), но должны были принять языкъ и бытъ тюркскихъ кочевниковъ и не могли оказать на ихъ кровный составъ вліянія, сколько-нибудь приближающагося къ тому, какое принадлежитъ основнымъ элементамъ метисацій, создавшихъ коренные роды киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ. Примѣси изъ постороннихъ кара-киргизамъ киргизъ-казачьихъ родовъ также не велики, какъ уже упоминалось выше въ отношеніи больше-ордынцевъ на основаніи именъ родовыхъ подраздѣленій и тамгъ, за исключеніемъ разумѣется ташкентскаго уѣзда и отчасти чимкентскаго. У кара-киргизовъ этого рода примѣси значительны только въ Ферганѣ и замѣтны еще въ крылѣ солъ, въ остальной же, главной, массѣ ничтожны.

Гораздо большее вліяніе на этническій составъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ должны были оказать смѣшенія между тѣми и другими, происходившія впродолженіи двухъ тысячелѣтій сосѣдственной жизни, часто подъ владычествомъ чуждыхъ обоимъ народовъ и въ борьбѣ съ общими врагами. Нельзя отвергать значительности совершившихся вслѣдствіе этого метисацій, столь ясно выразившихся въ образованіи смѣшанныхъ и сложныхъ родовъ. Роды эти и поколѣнія, возникшія въ при-тяньшаньскихъ степяхъ, вошли однакоже, почти исключительно, лишь въ составъ большой орды, совершенно слившись съ нею въ бытовомъ и язычномъ отношеніяхъ. Въ самый западный Тяньшань, въ горную страну, занимаемую кара-киргизами, степняки дулаты и канглы проникали мало и оттого въ составѣ кара-киргизскаго народа и этихъ примѣсей и смѣшенія родовъ относительно немного. Вслѣдствіе этого кара-киргизы представляютъ собою народъ, образовавшійся изъ значительно отличныхъ отъ большой орды и вообще киргизъ-казаковъ элементовъ и сохраняющій свой первоначальный составъ безъ важныхъ дальнѣйшихъ примѣсей уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Столь продолжительное существованіе въ одной и той же странѣ, притомъ горной, обезпечивающей въ значительной мѣрѣ возможность обособленности и самобытности, не могло не создать изъ кара-киргизовъ особаго народа, если бы они даже не отличались уже отъ больше-ордынцевъ и другихъ киргизъ-казаковъ своимъ основнымъ кровнымъ происхожденіемъ, хотя бросавшаяся въ глаза вывѣска, такъ сказать, этого происхожденія — свѣтлая окраска волосъ и глазъ — съ теченіемъ времени, подъ воздѣйствіемъ, очевидно болѣе сильной тутъ, тюркской крови, утратилась. Этническій составъ больше-

ордынцевъ гораздо болѣе пестръ, такъ какъ кромѣ основныхъ метисацій, результатомъ которыхъ были дулаты и канглы, въ составъ большой орды и ея родовъ вошли отдѣльными семьями, частями родовыхъ подраздѣленій и даже цѣлымъ поколѣніемъ кара-киргизы, да количество и постороннихъ примѣсей было значительнѣе. Стоя въ нѣкоторой близости къ кара-киргизамъ по принятымъ отъ нихъ примѣсямъ, большая орда въ то же время составляетъ часть киргизъ-казачьяго народа, состоящаго изъ племенъ и родовъ, объединенныхъ, несмотря на значительное разнообразіе происхожденія, тюркскимъ языкомъ, бытомъ и пр., а также исторической жизнью, особенно въ продолженіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ, со времени образованія киргизъ-казачьяго союза, давшаго родамъ единство и въ политическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію выясненіе отношеній большой орды къ остальнымъ киргизъ-казачьимъ родамъ весьма трудно не только потому, что этническій составъ ихъ мало изслѣдованъ, но и потому, главнымъ образомъ, что для опредѣленія происхожденія главныхъ родовъ, т. е. элементовъ ихъ коренныхъ помѣсей, а также и для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшія судьбы главныхъ родовъ, мало и такихъ, хотя и скудныхъ, историческихъ извѣстій, какія существуютъ относительно происхожденія кыргызовъ и ихъ исторіи, а также отчасти исторіи главныхъ родовъ большой орды. Существенныхъ выясненій по этому предмету, кажется, можно ожидать между прочимъ отъ антропологическихъ изслѣдованій.

Всѣ эти выводы и соображенія объ этническомъ составѣ большой орды и кара-киргизовъ составляютъ результатъ свѣдѣній и данныхъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ областямъ исторіи, этнографіи и языкознанія. Между тѣмъ опредѣленіе и изученіе физическаго типа различныхъ расъ и племенъ составляетъ также задачу еще молодой, но обѣщающей сдѣлаться мощною и великою наукою—антропологіи. Въ послѣднее время антропологическія изслѣдованія начинаютъ распространяться и на киргизъ-казаковъ съ кара-киргизами, а потому необходимо изложить ихъ положеніе и результаты, чтобы выяснить — насколько онѣ подтверждаютъ или опровергаютъ и измѣняютъ тѣ заключенія объ этническомъ составѣ и отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ или племенъ, къ которымъ приводятъ данныя, принадлежащія другимъ областямъ знанія.

2) Типъ кара-киргизовъ по наблюденіямъ путешественниковъ не-антропологовъ.

Уже султанъ Чоканъ Валихановъ (1856—1859 г.г.), указывая на то, что кара-киргизы отличаются отъ киргизъ-казаковъ «по языку, по происхож-

денію, по обычаямъ», утверждалъ, что «даже въ физіономіи бурутовъ есть что-то своеобразное, не кайсацкое» [1]).

В. В. Радловъ также находилъ, что «типъ кара-киргизовъ безусловно отличенъ отъ типа казаковъ, какъ это мнѣ,—говоритъ онъ,—особенно рѣзко показалось при первомъ моемъ посѣщеніи кара-киргизовъ рода бугу, въ 1862 году, на р. Каркарѣ. Физіономіи кара-киргизовъ сильно напомнили мнѣ черты алтайскихъ горныхъ (такъ называемыхъ) калмыковъ и телеутовъ [2])». По описанію того же ученаго, алтайцы вообще средняго роста, коренасты и широкоплечи; ихъ тѣло не производитъ впечатлѣнія большой силы: они худощавы и очень мускулисты; руки и ноги небольшія; лица широки и плоски; лобъ узокъ и придавленъ кзади; глаза—маленькіе, брови—большею частію узкія, скулы сильно выдающіяся, носъ—приплюснутый и соразмѣрно слишкомъ малый, ротъ — большой, съ толстыми губами, за которыми стоятъ два ряда крѣпкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; подбородокъ большею частію острый; волосы на лицѣ скудны, даже на верхней губѣ; цвѣта волосы и брови черного, очень жесткіе [3]). У киргизъ-казаковъ тотъ же монгольскій типъ, но лобъ не такъ сильно придавленъ къ зади, скулы выдаются менѣе, а носовая кость выставляется надъ уровнемъ лица больше впередъ, чѣмъ у алтайцевъ; у нихъ небольшой ротъ, черные, узко прорѣзанные, но неглубоко лежащіе глаза и слабая растительность волосъ на лицѣ. «Но кромѣ монгольскихъ физіономій большинства, находили мы почти во всѣхъ семействахъ отдѣльныя личности совсѣмъ другого типа: продолговато-овальное лицо, большіе, еще болѣе черные глаза, густыя брови, сильная растительность на бородѣ и выдающійся, сильно выгнутый носъ» [4]).

По Н. А. Сѣверцову (1864 — 1867 г.г.), форма черепа у кара-киргизовъ «обще-киргизская, коротко-головая, нѣсколько крышеобразно съуживается къ темени; черты лица менѣе разнообразны, чѣмъ у киргизъ-казаковъ: все скуластыя, широкія, угловатыя, плосконосыя, узкоглазыя лица, съ рѣдкими бородами. У киргизскихъ лицъ скулы и нижняя челюсть почти одинаковой ширины, такъ что окладъ лица приближается къ квадрату: скуловая дуга (arcus zygomaticus) мало отстаетъ отъ висковъ. У калмыцкихъ лицъ эта дуга весьма выпукла, такъ что окладъ лица приближается къ ромбическому» [5]).

---

[1]) «Очерки Джунгаріи» въ «Запискахъ геогр. общ.», 1861, кн. I, стр. 197.
[2]) Aus Sibirien, 1884, B. I, s. 526.
[3]) Тамъ же, s. 259.
[4]) Aus Sibirien, I, s. 411
[5]) «Путешествія по туркестанскому краю», Спб., 1873 г., стр. 16.

Приведеннымъ мнѣнію образованнаго и талантливаго киргизъ-казака, оказавшаго большія услуги этнографіи, исторіи и географіи западнаго Тяньшаня и Восточнаго Туркестана, и наблюденіямъ самаго свѣдущаго въ восточныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ лингвиста,—лицъ, хорошо ознакомленныхъ во время своихъ многолѣтнихъ путешествій и съ киргизъ-казаками, и съ кара-киргизами, — А. Н. Харузинъ, въ трудѣ своемъ о киргизахъ букеевской орды, противопоставляетъ мнѣніе «одного автора мнѣніе цѣнное, потому что оно писано киргизомъ-султаномъ Мендали Пираліевымъ» [1]). Пиралієвъ, «говоря о томъ, что имя киргизъ принадлежитъ не киргизъ-кайсакамъ, которые сами называютъ себя казаками, а кара-киргизамъ», пишетъ: «Киргизы—это особый отъ насъ народъ, обитающій около озера Иссыкуля и къ юго-востоку отъ него, народъ одного съ нами тюркскаго племени, но политически совершенно намъ чуждый». «Слѣдовательно»,—заключаетъ г. Харузинъ—«Пиралієвъ считаетъ кара-киргизовъ и казаковъ одного племени и лишь указываетъ, что рознь между ними существуетъ только политическая. Это мнѣніе несомнѣнно вѣско, такъ какъ высказано самимъ киргизомъ» [2]). Приведя затѣмъ отзывъ В. В. Радлова о типѣ кара-киргизовъ, г. Харузинъ продолжаетъ: «Противъ Радлова говоритъ мнѣніе Пиралієва и перевѣсъ лежитъ на послѣднемъ: разъ кара-киргизы (хотя и въ мелочахъ) въ языкѣ, въ образѣ жизни, обычаяхъ, одеждѣ отличаются отъ киргизовъ, то естественнѣе, что Пиралієвъ, какъ киргизъ, ихъ долженъ былъ бы считать за особый народъ, между тѣмъ онъ ихъ считаетъ, за одно племя съ киргизами» [3]).—На самомъ дѣлѣ Пиралієвъ совсѣмъ не киргизъ, а петербургскій уроженецъ и извѣстный профессоръ-оріенталистъ В. В. Григорьевъ, пользовавшійся псевдонимомъ Мендали Пиралієва въ газетныхъ статьяхъ и едва ли видавшій хотя одного кара-киргиза. Въ приведенномъ отрывкѣ изъ статьи, напечатанной въ № 32 газеты «День» 1862 г., Григорьевъ ни малѣйше не касается вопроса о типѣ кара-киргизовъ, а потому мнѣнія В. В. Радлова отрывокъ этотъ нисколько не опровергаетъ. Изъ правильныхъ утвержденій Григорьева о томъ, что кара-киргизы принадлежатъ къ одному съ киргизъ-казаками племени, т. е. тюркскому, и что они однако составляютъ особый народъ, нѣтъ никакихъ основаній выводить, что типъ кара-киргизовъ не отличается отъ казачьяго.

Конечно, опирающіяся на одни личныя впечатлѣнія и сравненія свидѣтельства и сужденія, хотя-бы и людей, обладающихъ наблюдательностью и

[1]) «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 275.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

[3]) «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 287 и 288.

основательнымъ знакомствомъ съ даннымъ народомъ,—во всякомъ случаѣ недостаточны для несомнѣннаго и точнаго опредѣленія физическаго типа народа, племени или вѣтви послѣдняго, такъ какъ онѣ составляютъ результатъ лишь субъективныхъ впечатлѣній каждаго наблюдателя и могутъ быть очень часто ошибочны [1]). Вѣрное выясненіе физическаго типа народа или племени и ихъ частей можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ точныхъ научныхъ изслѣдованій, при помощи наблюденій, описаній и измѣреній, произведенныхъ надъ достаточнымъ количествомъ особей, съ соблюденіемъ необходимыхъ для получения удовлетворяющихъ научнымъ требованіямъ результатовъ и матеріаловъ условій, методовъ и пріемовъ.

3) Антропологическія изслѣдованія Уйфальви, Зеланда и др.

Первыя антропологическія изслѣдованія и измѣренія произведены были въ туркестанскомъ краѣ А. П. Федченко, но на кара-киргизъ не распространялись, и коснулись лишь осѣдлаго населенія. Во время своего путешествія въ Коканъ, въ 1871 году, онъ проникъ на Алай, но въ такое время года, когда кочевники уже удалились съ лѣтовокъ, почему онъ «вовсе не видалъ алайскихъ киргизовъ въ ихъ лѣтовкахъ» [2]). «Въ первый разъ видѣлъ» онъ «предъ собою настоящихъ киргизовъ» въ верховьяхъ р. Исфары, гдѣ къ нему явились «старшины» кочующихъ въ этой мѣстности ауловъ. «Въ наружности ихъ — говоритъ Федченко — я не замѣтилъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ киргизовъ, которые пріѣхали съ нами изъ Ташкента» [3]). Подъ послѣдними Федченко разумѣлъ 6 джигитовъ, нанятыхъ имъ въ Ташкентѣ и принадлежавшихъ къ средне-ордынскому роду аргынъ. Но и киргизы, которыхъ Федченко видѣлъ на Исфарѣ и счелъ за «настоящихъ» кыргызовъ, происходили также изъ средне-ордынскаго рода кипчакъ, судя по тому, что «самый главный» изъ явившихся старшинъ былъ «казы (судья) киргизъ-кипчаковъ».

Уйфальви, производившій въ 1877 году антропологическія измѣренія населенія Ферганы, описываетъ типъ кара-киргизовъ слѣдующимъ обра-

---

[1]) По г. А. Регелю, напр., кара-киргизы очень похожи на монголовъ не только по наружности, шапкамъ и пр., но и по языку (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s. 412).

[2]) «Извѣстія и. общества любителей естествознанія, этнографіи и антропологіи при м. университетѣ», томъ XI, «Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко», т. 1, ч. 2, «Въ коканскомъ ханствѣ», Москва, 1875 г., стр. 150.

[3]) Тамъ же, стр. 70 и 71.

зомъ [1]): «Кара-киргизы—средняго [2]) роста; лобъ низкій, широкій [3]), немного выпуклый (bombé);...скулы (pommettes)—очень выдающіяся и лицо очень угловатое;... нижняя челюсть—иногда выдающаяся; уши большія и оттопыренныя;... борода рѣдкая и жесткая;... кожа безъ волосъ (glabre), очень смуглая даже на закрытыхъ частяхъ тѣла... Я думаю, что кара-киргизы и киргизъ-казаки составляли нѣкогда одинъ народъ; ихъ нравы, обычаи, даже суевѣрія и теперь еще одинаковы. Что касается типа, то, натурально, казачій разнообразнѣе, чѣмъ кара-киргизскій. Киргизъ-казаки смѣшивались со множествомъ народовъ и на типѣ ихъ это конечно ясно отражается... [4]) Наибольшая разница—въ окраскѣ кожи закрытыхъ частей тѣла: у кара-киргизъ она много темнѣе, чѣмъ у киргизъ-казаковъ».—Сдѣланныя мною къ этой характеристикѣ типа кара-киргизовъ примѣчанія показываютъ, что она является результатомъ субъективныхъ и поверхностныхъ впечатлѣній путешественника, который употребилъ на все свое путешествіе по Ферганѣ и изученіе ея природы и населенія только около двухъ мѣсяцевъ и не обладалъ достаточными этнографическими объ этомъ населеніи свѣдѣніями. Уйфальви не былъ на Алаѣ, гдѣ какъ разъ во время его поѣздки находились кара-киргизы на лѣтовкахъ, стало быть не видалъ настоящихъ кара-киргизовъ ко-

---

[1]) Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan (vol. I). Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, par. Ch. E. de Ujfalvy de Mesö-Kovesd, Paris, 1878, p.p. 66, 67.

[2]) Между тѣмъ, по среднему выводу самого Уйфальви изъ его измѣреній, ростъ кара-киргизовъ опредѣленъ въ 1705 м.м., т. е высокій: ростъ болѣе 1700 м.м. антропологи считаютъ высокимъ, между 1700 и 1650 м.м.—выше средняго, между 1650 и 1600 м.м.—ниже средняго и менѣе 1600 м.м. малымъ (Харузинъ «Киргизы букеевской орды» вып. 2, ч. 1, стр. 46). Противорѣчіе у Уйфальви въ данномъ случаѣ произошло отъ того, что мнѣніе о среднемъ ростѣ напечаталъ онъ въ 1878 году, на основаніи субъективныхъ впечатлѣній, средніе-же выводы изъ антропологическихъ наблюденій появились лишь въ 1880 году (vol. III, p. 16); притомъ-же и измѣренія произведены были большею частію не имъ лично, а сопровождавшимъ его учителемъ гимназіи Мюллеромъ.

[3]) На основаніи имѣющихся измѣреній, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Уйфальви, А. Н. Харузинъ («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. I, стр. 211) пришелъ напротивъ къ заключенію, что у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизовъ вообще: у кара-киргизовъ 63,09, у киргизъ-казаковъ по измѣреніямъ Мацѣевскаго 75,90, у средне-ордынцевъ 69,13, у букеевцевъ 66,12.

[4]) Позднѣе (vol. III, 1880, p, 41) Уйфальви напротивъ утверждаетъ, что кара-киргизы «смѣшивались болѣе, чѣмъ киргизы степи», т. е. киргизъ-казаки. «Но, даже у первыхъ—продолжаетъ онъ—это смѣшеніе не было очень сильнымъ. Волосатость лица (la pilosité de la face), выдающійся носъ, наряду съ другими чертами, чисто монгольскими, дѣлаютъ изъ кара-киргиза тюрко-монгола болѣе смѣшаннаго, чѣмъ киргизъ-казакъ Туркестана, который сохранилъ одинъ и тотъ-же типъ со временъ Плано-Карпини». При этомъ Уйфальви замѣчаетъ, что туркестанскихъ киргизъ-казаковъ «не надо смѣшивать съ к.-казаками Сибири и окрестностей Оренбурга».

чевниковъ. Исторія кара-киргизовъ и родовыя ихъ подраздѣленія остались ему неизвѣстными. Между тѣмъ, по словамъ антрополога, который лично, на измѣреніяхъ въ средней ордѣ, увидѣлъ—какая иногда огромная разница оказывается въ антропологическихъ признакахъ между родами киргизъ-казаковъ, смежно живущими и принадлежащими одной и той-же ордѣ и одному и тому-же уѣзду, — «для изслѣдователя, изучающаго физическій типъ той или другой народности», необходимо «собрать возможно полныя свѣдѣнія о каждомъ родѣ въ отдѣльности и прослѣдить, если можно, историческую судьбу его съ самаго его образованія: какъ онъ выдѣлился изъ цѣлаго народа, съ какими родами, своего или чужаго народа, чаще всего приходилъ въ соприкосновеніе, не велъ-ли войнъ, при которыхъ онъ могъ захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ обращать въ свои жены.... и. т. под. Всѣ эти свѣдѣнія могутъ, по нашему, оказать изслѣдователю цѣнныя услуги при выясненіи вопроса: какимъ образомъ сложился тотъ или иной типъ изслѣдуемаго имъ народа, на сколько онъ чистъ, самобытенъ, если можно такъ выразиться, какая инородная кровь могла приливаться къ нему, какія, благодаря ей, произошли уклоненія и измѣненія въ немъ и пр.» [1]).

Уйфальви издалъ измѣренія 26 мужчинъ, которыхъ называетъ кара-киргизами, относя затѣмъ къ кара-киргизамъ вообще тѣ средніе выводы, которые получаются изъ измѣреній этихъ 26 лицъ. Но при разсмотрѣніи приложенныхъ къ I тому его сочиненія таблицъ оказывается, что собственно кара-киргизами именуетъ онъ только 12 измѣренныхъ субъектовъ, остальныхъ-же и самъ называетъ киргизъ-кипчаками. Измѣреніе 12 будто-бы кара-киргизовъ произведены въ Маргеланѣ, изъ чего надо заключить, что люди эти принадлежатъ маргеланскому уѣзду, а отсюда слѣдуетъ вывести, что едва-ли они могутъ быть настоящими кара-киргизами, ибо коренные кара-

[1]) А. А. Ивановскій, «Антропологическій очеркъ торгоутовъ тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 35 и 36. Замѣчательно, что въ этомъ интересномъ трудѣ, авторъ котораго обладалъ богатымъ матеріаломъ, имъ самимъ добытымъ и обработаннымъ, нѣтъ однако никакихъ антропологическихъ выясненій по вопросамъ о происхожденіи торгоутовъ и составляющихъ ихъ родовъ, а также о взаимныхъ другъ на друга вліяніяхъ, въ антропологическомъ отношеніи, этихъ родовъ другъ на друга и со стороны другихъ калмыцкихъ родовъ, а также тюркскихъ, съ которыми они приходили въ соприкосновенія и метисаціи. Авторъ не разъясняетъ причинъ, но вѣроятно онѣ заключаются между прочимъ въ недостаточности свѣдѣній по вопросамъ о происхожденіи калмаковъ вообще и ихъ родовъ. Не лишены, думаю, въ этомъ отношеніи интереса разъясненія, которыя пытался я сдѣлать по этимъ вопросамъ, на основаніи главнымъ образомъ историческихъ данныхъ, въ не разъ уже упомянутомъ не напечатанномъ трудѣ моемъ по исторіи западнаго Тянь-шаня, при изложеніи исторіи борьбы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ съ калмаками, гдѣ пришлось коснуться происхожденія послѣднихъ.

киргизы лѣвой стороны Сыръ-Дарьи, составляющіе поколѣніе адгене, состоятъ въ ошскомъ уѣздѣ, въ маргеланскомъ-же имѣютъ зимовки лишь отдѣленія ичкиликовъ, представляющихъ собою союзъ изъ постороннихъ въ отношеніи истинныхъ кара-киргизовъ примѣсей. Въ частности эти 12 лицъ, показавшихъ мѣстами своего рожденія кишлаки маргеланскаго уѣзда (въ число именъ которыхъ попало Ourochtché—очевидно русское слово урочище), назвали своими родами: одинъ—тюелясъ (tuelas), другой—тактакъ, третій—ургу, четвертый—канглы, трое—найманъ, роды-же остальныхъ пяти не указаны. Имена названныхъ родовъ (тактакъ и тюелясъ впрочемъ мнѣ нигдѣ не встрѣчались) подтверждаютъ, что, если измѣренные 12 лицъ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ кара-киргизамъ, принадлежатъ они во всякомъ случаѣ къ постороннимъ примѣсямъ, входящимъ, вѣроятно, въ составъ ичкиликовъ и не могущихъ служить для опредѣленія антропологическихъ признаковъ настоящихъ кара-киргизовъ. Что касается до 14 киргизъ-кипчаковъ, то, по словамъ Уйфальви (въ примѣчаніяхъ на таблицахъ), «киргизъ-кипчаки составляютъ одинъ изъ родовъ кара-киргизовъ и обитаютъ больше въ андиджанскомъ уѣздѣ. Это кочевое и воинственное населеніе, на которое даже теперь смотрятъ, какъ на самое безпокойное въ новой русской ферганской области. Не надо смѣшивать ихъ съ кипчаками (узбеками), отъ которыхъ они по типу отличны». На самомъ дѣлѣ кочевыхъ кипчаковъ въ Ферганѣ уже въ 1877 году было очень немного и входили они, какъ выше выяснено, въ составъ ичкиликовъ, остальные-же, именно кипчаки андиджанскаго уѣзда, вели уже жизнь полуосѣдлую, нынѣ-же они въ большинствѣ обратились къ осѣдлой жизни. Во всякомъ случаѣ кипчаки, кочевые-ли, осѣдлые или полукочевые, никоимъ образомъ о коренныхъ кара-киргизахъ понятія дать не могутъ, ибо принадлежатъ къ особому племени, не имѣющему съ кара-киргизами ничего общаго въ антропологическомъ отношеніи кромѣ частицы общей обоимъ тюркской крови.

Чтобы выяснить—насколько вѣрно утвержденіе Уйфальви объ особомъ типѣ кипчаковъ противъ кочевыхъ кипчаковъ или киргизъ-кипчаковъ, какъ онъ ихъ называетъ, я приведу слѣдующія среднія цифры, полученныя изъ принадлежащихъ ему-же самому антропологическихъ измѣреній:

	Ростъ въ мм.	Скуловой діаметръ въ мм.	Головной указатель.
1 тюелясъ, 1 канглы, 1 тактакъ и 1 ургу	1742,50	138,25	84,77
3 наймана	1700,00	133,33	88,37
5 неизвѣстныхъ родовъ	1702,50	135,00	82,05

	Ростъ въ мм.	Скуловой діаметръ въ мм.	Головной указатель.
Всѣ 12 названныхъ кара-киргизами.	1716,36	136,16	84,56
Всѣ 26 кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ	1705,00	135,00	84,47 [1])
Только 14 киргизъ-кипчаковъ . .	1697,14	135,28	86,26
17 кипчаковъ, показанныхъ Уйфальви въ числѣ узбековъ. . . .	1700,00	132,58	87,31

Изъ этихъ цифръ видно, что 14 киргизъ-кипчаковъ и 17 кипчакъ-узбековъ столь близки, что видимо принадлежатъ къ одному поколѣнію или племени, и что найманы также походятъ всего ближе къ нимъ же, какъ и можно было ожидать отъ племени средней же орды. Что касается до 4 тюелясъ и пр. и 5 неизвѣстныхъ родовъ, то они сильно разнятся отъ кипчаковъ и между собою, во всякомъ же случаѣ не могутъ быть почитаемы за достовѣрныхъ кара-киргизовъ.

Итакъ измѣренія Уйфальви не доставили необходимыхъ для антропологическаго изслѣдованія кара-киргизовъ данныхъ. Несравненно цѣннѣе и удовлетворительнѣе матеріалъ, доставленный измѣреніями 40 кара-киргизъ мужчинъ и 10 женщинъ, произведенными въ 1883 году Н. Л. Зеландомъ [2]). Къ сожалѣнію и этотъ матеріалъ не отвѣчаетъ нѣкоторымъ важнымъ условіямъ. Во первыхъ, изслѣдованія произведены на самой границѣ кара-киргизовъ съ киргизъ-казаками большой орды, гдѣ должна быть наиболѣе чувствительна постоянная примѣсь киргизъ-казачьей крови путемъ браковъ. Во вторыхъ, въ точности неизвѣстно—къ какимъ родамъ и костямъ принадлежатъ измѣрявшіеся субъекты. По надписямъ на таблицахъ, 30 лицъ измѣрено въ ущельи Иссыгаты и 10 въ г. Пишпекѣ, въ самой же статьѣ д-ра Зеланда пояснено, что «субъекты, измѣренные въ Иссыгатахъ, всѣ относились къ одной волости, въ Пишпекѣ—къ разнымъ» [3]). Надо полагать, что измѣрявшіеся въ Иссыгатахъ принадлежатъ къ тынаевской волости, стало быть къ поколѣнію сарыбагышъ и отдѣленію тынай, но близка къ той же мѣстности одна изъ султинскихъ волостей, а затѣмъ кости все же остаются совершенно неизвѣстными. Между тѣмъ, въ виду выясненнаго выше состава кара-киргизовъ, для правильнаго антропологическаго изученія кара-киргизовъ необходимо изслѣ-

[1]) Согласно поправкѣ А. Н. Харузина (см. «Киргизы букеевской орды», вып. 2, часть I, стр. 161).

[2]) Таблицы измѣреній приложены къ статьѣ «Киргизы» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. геор. общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года.

[3]) «Киргизы», стр. 33.

довать не только каждое главное родовое подраздѣленіе этого народа, но и главнѣйшія кости, потому что только въ такомъ случаѣ выяснятся и антропологическія составныя части и ихъ взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ на доставленный г. Зеландомъ матеріалъ приходится смотрѣть лишь какъ на начало антропологическихъ изслѣдованій, дающее основы только для слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ заключеній, имѣя притомъ въ виду, что отличія кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ большой орды у большей части изслѣдованныхъ людей могли быть въ значительной степени сглажены и измѣнены вслѣдствіе метисаціи посредствомъ браковъ, особенно частыхъ между двумя народностями на границѣ ихъ земель.

Еще менѣе удовлетворителенъ матеріалъ для антропологическаго изученія киргизъ-казаковъ большой орды. Докторомъ же Зеландомъ, въ 1884 году, въ г. Вѣрномъ, произведены «измѣренія 10 мужчинъ и 10 женщинъ киргизъ-казацкихъ, принадлежащихъ къ различнымъ волостямъ обширнаго Вѣрненскаго уѣзда»: стало быть неизвѣстно ни поколѣній, ни родовъ и отдѣленій, тогда какъ родовыя подраздѣленія въ большой ордѣ разнаго происхожденія, а это не можетъ не отражаться на ихъ антропологическихъ признакахъ. Затѣмъ, лѣтомъ 1882 года, военные врачи Мацѣевскій и Поярковъ, въ числѣ 11 народностей и племенъ кульджинскаго района, выполнили антропологическія измѣренія 30 киргизъ-казаковъ [1]). Къ сожалѣнію, наблюдатели не

[1]) Таблицы антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ, по порученію тогдашняго степнаго генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскаго, напечатаны въ Омскѣ, въ 1883 году, имѣя въ качествѣ предисловія «Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго кульджинскаго района», составленныя тѣми же лицами. Излагая неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ производились антропологическія работы (Кульджа уже была передана китайцамъ и принявшее русское подданство населеніе усиленно и поспѣшно выселялось, отошедшее же къ китайцамъ было для изслѣдователей недоступно), авторы говорятъ: «Самый большой контингентъ для измѣреній доставляла намъ наша городская полиція, присылая всѣхъ тѣхъ, которые попадались ей нее за безпорядки».—Необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя самыя крупныя ошибки въ «Краткихъ этнографическихъ замѣткахъ» г.г. М. и П., которыя уже вводили въ заблужденія нѣкоторыхъ антропологовъ: Калмыки, названные т у р ф а н с к и м и, никакого отношенія къ г. Турфану не имѣютъ; настоящее названіе ихъ есть д у р б а н ъ (отсюда въ «Краткихъ замѣткахъ» ошибочно т у р ф а н'скіе) или дурбунъ-сумунъ, т. е. четыре сумуна или роты, эскадрона; обитаютъ они на ур. Тогузъ-торау, близъ сліянія Текеса съ Кунгесомъ, и представляютъ собою остатки ёлётовъ-цзунгаровъ. Арбунъ-сумуновцы названы (стр. 48) «калмыки (рабочій классъ)» вѣроятно единственно потому, что встрѣчаются чаще другихъ калмыковъ наемными работниками въ таранчинскихъ селеніяхъ, къ которымъ живутъ ближе всѣхъ другихъ калмыковъ. Торгоуты наименованы «бѣлая кость—дворяне» (стр. 47) безъ правильнаго основанія, ибо, какъ у многихъ другихъ калмыцкихъ и монгольскихъ родовъ, бѣлую кость у нихъ составляютъ лишь наслѣдственные старшины или князья. «Калмыки (чахары)» отнюдь не калмыки, не западные монголы, а монголы, и притомъ настоящіе восточные монголы, переселенные изъ южной Монголіи на «Новую границу» во второй половинѣ XVIII столѣтія.

дали никакихъ свѣдѣній ни о родахъ, ни о волостяхъ. Между тѣмъ въ кульджинскомъ раіонѣ въ то время находились киргизъ-казаки средней орды родовъ кызай и байджигитъ, принадлежащіе племени найманъ, и большой орды поколѣній адбанъ и суванъ [1]). За неуказаніемъ родовъ, останется неизвѣстнымъ—какой ордѣ и какому роду принадлежитъ каждый измѣренный субъектъ. Такъ какъ кызаи кочевали къ Кульджѣ, гдѣ производились измѣренія, ближе другихъ родовъ, то надо полагать, что большая часть изъ 30 лицъ суть кызаи, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что кызаи, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, вообще отличаются сравнительно съ другими родами меньшимъ ростомъ, измѣренія же г.г. Мацѣевскаго и Пояркова дали въ общемъ выводѣ ростъ ниже средняго. Вслѣдствіе необозначенія родовъ и орды, измѣренія гг. Мацѣевскаго и Пояркова не могутъ правильно служить для антропологическаго изученія ни большой орды, ни средней, и остаются для большой орды только измѣренія д-ра Зеланда, но и онѣ не даютъ необходимаго матеріала, во первыхъ, по слишкомъ малому числу измѣренныхъ, во вторыхъ, по неизвѣстности родовъ, и въ третьихъ, по невыполненію многихъ существенныхъ измѣреній.

4) Трудъ А. Н. Харузина и его мнѣнія.

Сравнительное антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ начато въ обширномъ трудѣ А. Н. Харузина «Киргизы букеевской орды, антрополого-этнологическій очеркъ». Первый выпускъ этого замѣчательнаго, начинающаго истинно научное изслѣдованіе физическаго типа киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ, труда вышелъ въ 1889 году (т. 63 «Извѣстій и. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при и. московскомъ университетѣ») и содержитъ въ себѣ довольно обширный трактатъ «о распаденіи стариннаго быта киргизовъ, замѣчаемомъ въ букеевской ордѣ» (стр. 25—156), въ которомъ авторъ доказываетъ, что «киргизское племя идетъ въ своемъ національномъ быту къ упадку и букеевская

---

[1]) Относительно сувановъ д-ръ А. Регель сдѣлалъ замѣчаніе, что въ нихъ есть значительная примѣсь сартовской крови (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s. 412) И я, по своимъ наблюденіямъ, могу это подтвердить, но съ оговоркой, что число такъ называемыхъ чала-казаковъ (помѣсь киргиза съ сартомъ), которые именно и вызываютъ своими не-киргизскими лицами отзывы о примѣси сартовской крови, не превышаетъ немногихъ десятковъ кибитокъ или семействъ. Какъ люди торговые и служащіе приказчиками, джигитами, старшинами, говорящіе притомъ иногда и по-русски, чала-казаки эти всего чаще имѣютъ дѣло съ русскими, особенно съ должностными лицами. Не мудрено, что именно къ нимъ принадлежатъ тѣ субъекты, которые въ таблицѣ Е г.г. М. и П. наименѣе брахицефаличны.

орда идетъ въ этомъ упадкѣ впереди; для подтвержденія своего тезиса авторъ разсматриваетъ родовое, сословное, семейное «устройство» киргизовъ, ихъ религіозныя представленія, образъ жизни, судоустройство и судопроизводство, празднества, игры, пѣсни, могилы, тамги и пр. Затѣмъ собственно антропологіи киргизовъ предпосланы свѣдѣнія и соображенія о «школьномъ образованіи, движеніи народонаселенія, объ экономическомъ положенія, о характерѣ киргизовъ, о физическихъ свойствахъ, о болѣзняхъ, о питаніи» (стр. 157—260). Антропологія посвящена вторая половина этого выпуска, въ которой авторъ трактуетъ о типѣ киргизовъ (стр. 261—290), о волосахъ, бородѣ, глазахъ, кожѣ, носѣ, губахъ и зубахъ (291—302) и приступаетъ къ разсмотрѣнію измѣреній, начавъ съ роста и перейдя къ туловищу и конечностямъ (стр. 303—406) и затѣмъ къ измѣреніямъ головы (407—538). Вышедшая въ 1891 году I часть 2-го выпуска занята (стр. 40 — 824) сравнительнымъ изложеніемъ измѣреній роста и головы, сдѣлавшихся автору извѣстными послѣ выхода выпуска I и относящихся къ киргизамъ же, а также сравненіями съ результатами антропологическихъ измѣреній различныхъ тюркскихъ, монгольскихъ и другихъ племенъ и народовъ. Вторая часть втораго выпуска, въ данномъ случаѣ наиболѣе для насъ нужная, въ которой авторъ долженъ былъ изложить результаты разсмотрѣнія помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ огромныхъ томахъ цифръ, «объяснительный къ этимъ цифрамъ текстъ и заключительныя главы, изъ которыхъ каждая посвящена» отдѣльной народности, еще не появлялась, къ большому сожалѣнію, особенно если авторъ такъ и не довершитъ начатаго имъ труда [1]).

Въ первомъ выпускѣ, приведя описанія типа киргизъ-казаковъ, принадлежащія путешественникамъ и писателямъ и оказывающіяся весьма разнообразными и противорѣчивыми, А. Н. Харузинъ присоединяется къ мнѣнію В. В. Радлова, Мендали Ипраліева и другихъ, что киргизская народность образовалась изъ соединенія разныхъ народовъ и племенъ. Слитіе разнородныхъ элементовъ въ одну народность объясняетъ онъ вліяніемъ ихъ общаго мѣста обитанія— степи, объединяющей своихъ обитателей, а не раздѣляющей, какъ горы, а также, «частью», «вліяніемъ героевъ, подобныхъ Атиллѣ или Чингизъ-хану». Это сліяніе произошло не сразу, послѣ продолжительныхъ между разными элементами междоусобій, продолжавшихся до тѣхъ поръ, «пока не протекла въ жилахъ всѣхъ капля общей крови, связавшей всѣхъ родственными

[1]) Къ I выпуску приложенъ «Біографическій указатель сочиненій и статей, касающихся какъ самихъ киргизовъ, такъ и странъ, ими занимаемыхъ». Указатель этотъ, являющійся наиболѣе полнымъ изъ доселѣ напечатанныхъ, перепечатанъ во 2 выпускѣ съ значительными дополненіями.

кровавыми ужами» [1]). По мнѣнію г. Харузина, «строго опредѣленнаго типа киргиза нѣтъ... Средній преобладающій типъ... существуетъ: ростъ средній, сложеніе плотное, грудь хорошо развитая, тѣло склонное къ ожирѣнію, ноги короткія, кривыя, довольно рѣдкая борода, глаза нерѣдко съ болѣе или менѣе выраженною складкою верхней вѣки, довольно значительная скуластость, большія, нерѣдко оттопыренныя уши»... [2]). Происхожденіе средняго типа объясняется такъ: «Разъ, положимъ, смѣшиваются двѣ расы, то потомство ихъ въ силу закона наслѣдственности, будетъ носить на себѣ соединенные признаки и той и другой расы, и, слѣдовательно, составитъ средній типъ..., но... будутъ появляться (и) субъекты съ преобладающими чертами той или другой стороны... Чѣмъ смѣсь... болѣе стара, тѣмъ болѣе будетъ преобладать средній типъ, т. е. продуктъ смѣси элементовъ» [3]). «Разновидность, которую мы встрѣчаемъ въ типѣ киргизовъ, заставляетъ насъ предполагать, что составные элементы этого племени соединились и слились въ недавнее время, или, что болѣе вѣроятно, что смѣсь была уже давно, что породило нѣкій средній типъ, но повторялась приливомъ новыхъ элементовъ въ киргизское племя». Въ качествѣ такихъ новыхъ элементовъ г. Харузинъ указываетъ на рабовъ и военноплѣнныхъ, и на башкировъ и калмыковъ, приливъ которыхъ относится къ XVIII вѣку [4]). «Кромѣ средняго типа встрѣчаются типы, клонящіеся то къ кавказской, то къ монгольской расѣ»... [5]). Въ I же выпускѣ, въ заключеніяхъ по разсмотрѣнію антропологическихъ измѣреній, г. Харузинъ находитъ, что вышеизложенное подтверждается изученіемъ измѣреній, и дѣлаетъ слѣдующія дополненія и поясненія: 1) «Среди киргизовъ замѣтно три господствующихъ типа, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ»... Это основывается на томъ, что изслѣдователь усматриваетъ «въ большинствѣ измѣреній головы три преобладающихъ центра въ рядахъ колебаній». 2) «Форма головы сильно брахицефалическая»... 3) «Лицо довольно скуластое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, широкимъ носомъ [6]), довольно рѣдкою, поздно вырастающею, черною бородою»... [7]).

Относительно кара-киргизовъ авторъ говоритъ: «Нѣтъ никакихъ основаній считать кара-киргизовъ за особую отъ киргизовъ антропологическую

---

[1]) Выпускъ 1, стр. 277 и 278.
[2]) Тамъ же, стр. 279, 281, 282.
[3]) Вып. I, стр. 282.
[4]) Тамъ же, стр. 286.
[5]) Ibid., стр. 283.
[6]) «Съ горбомъ» (стр. 302): такую форму носа авторъ объясняетъ результатомъ и смѣшенія... элементовъ монгольской и кавказской расы» (стр. 301).
[7]) Вып. I, стр. 537.

группу; напротивъ, все говоритъ за то, чтобы кара-киргизовъ считать съ киргизами за одну антропологическую народность; многія колебанія въ цифрахъ, полученныхъ на кара-киргизахъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что изслѣдовались исключительно одни взрослые кара-киргизы, и быть можетъ, отчасти — болѣе стойкимъ типомъ ихъ въ сравненіи съ типомъ киргизовъ, обусловливаемымъ жизнію въ горахъ, т. е. въ замкнутой средѣ» [1]).

Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ приведенныхъ мнѣній А. Н. Харузина и ограничусь возможно краткими замѣчаніями. Всѣ писатели, высказывавшіеся по вопросу о происхожденіи киргизъ-казаковъ, мнѣнія которыхъ приведены г. Харузинымъ, признаютъ, что киргизъ-казаки во всякомъ случаѣ есть соединеніе родовъ и племенъ, происшедшихъ отъ смѣшеній различныхъ народностей и племенъ съ племенемъ тюркскимъ. Въ такомъ случаѣ очевидно, что общею связью между составными частями или родами, изъ которыхъ составились и состоятъ киргизъ-казаки, въ антропологическомъ отношеніи является тюркская кровь: общій всѣмъ безъ исключенія родамъ, поколѣніямъ и пр. киргизъ-казаковъ тюркскій элементъ именно и есть та «капля общей крови, связавшей всѣхъ родственными кровными узами», образованіе которой г. Харузинъ предполагаетъ какъ результатъ многовѣковыхъ совмѣстной жизни, столкновеній и смѣшеній разныхъ народовъ и племенъ, обитавшихъ въ киргизской степи. Не отвергая возможности образованія общихъ антропологическихъ элементовъ (существованіе которыхъ однако необходимо выяснить и доказать, чего у г. Харузина еще далеко не сдѣлано) вслѣдствіе постоянныхъ и многовѣковыхъ смѣшеній, нельзя, однакоже, кажется мнѣ, не видѣть, что эти элементы лишь добавились со временемъ къ составляющему главную общую связь между разнородными частями киргизъ-казачьей народности тюркскому антропологическому элементу. Вслѣдствіе этого, тотъ преобладающій типъ, который, по г. Харузину, обнаруживаютъ антропологическія измѣренія и наблюденія, естественно предполагать тюркскимъ типомъ [2]). За-

---

[1]) Вып. I, стр. 405, 406 и 537.

[2]) По словамъ Топинара («Антропологія», переводъ Мечникова, Спб., 1879 года, стр. 457), «первоначальный тюркскій типъ долженъ былъ существовать, но въ настоящее время его невозможно опредѣлить». Подобное мнѣніе, если и могло быть допустимо, то развѣ при томъ состояніи науки, въ какомъ она находилась почти четверть вѣка назадъ, но отнюдь не для будущаго. Антропологія столь же невозможно отказаться отъ выясненія первоначальнаго или основного тюркскаго типа, въ силу несуществованія въ настоящее время тюркской крови въ несмѣшанномъ видѣ, какъ и отъ опредѣленія типовъ остальныхъ племенъ и расъ, ибо чистыхъ и несмѣшанныхъ болѣе или менѣе расъ и племенъ совсѣмъ не существуетъ. Задача въ отношеніи тюркскаго типа можетъ казаться болѣе трудною, потому что тюрки распространились на огромныя пространства и смѣшивались

тѣмъ изъ остальныхъ двухъ преобладающихъ типовъ (на самомъ дѣлѣ, измѣренія напр. роста обнаруживаютъ четыре или даже пять центровъ колебаній) для букеевской орды, къ которой главнымъ образомъ относятся цифры I выпуска труда г. Харузина, одинъ можетъ почитаться западно-динлинскимъ, а другой финно-угорскимъ, да должны быть, по историческимъ, этнографическимъ и лингвистическимъ даннымъ и соображеніямъ, слѣды самоѣдскаго типа. Все это можетъ быть выяснено сравненіемъ букеевскихъ измѣреній съ измѣреніями соотвѣтствующихъ племенъ, но особенно это было бы ясно, если бы измѣренія букеевскихъ киргизъ были сдѣланы по родамъ и если бы происхожденіе родовъ было по возможности опредѣлено на основаніи ихъ именъ, тамгъ, историческихъ извѣстій и пр., подобно тому, какъ сдѣланъ въ настоящей статьѣ опытъ такого опредѣленія для родовъ и костей большой орды и кара-киргизовъ.

Что касается большой орды и кара-киргизовъ, то г. Харузинъ не обладалъ и при изданіи 1 части 2 выпуска его труда достаточными матеріалами и впалъ въ ошибки, почитая измѣренія г.г. Мацѣевскаго и Пояркова относящимися къ большой ордѣ, тогда какъ онѣ произведены вѣроятно надъ субъектами главнымъ образомъ средней орды, и считая 26 измѣреній Уйфальви произведенными надъ кара-киргизами, между тѣмъ какъ онѣ выполнены на самомъ дѣлѣ преимущественно надъ особями, принадлежащими постороннему племени кипчаковъ и пр.

По вопросу о томъ—составляютъ или нѣтъ кара-киргизы особую отъ киргизъ-казаковъ антропологическую группу, необходимо имѣть въ виду, что, какъ тюрки, кара-киргизы принадлежатъ къ антропологической группѣ тюркскихъ племенъ и изъ племенъ и народовъ тюркскихъ стоятъ всего ближе къ киргизъ-казакамъ. Общій тюркскій корень не мѣшаетъ однако тюркскимъ племенамъ и народамъ имѣть весьма глубокія и важныя другъ отъ друга особенности, между прочимъ и антропологическія, вслѣдствіе происхожденія отъ различныхъ съ тюркской кровью помѣсей съ разными племенами и народами. И по нѣкоторому сходству помѣсей, кара-киргизы составляютъ съ киргизъ-казаками особую подгруппу въ общей антропологической группѣ тюркскихъ народовъ. Но и эта подгруппа, по различію и значенію примѣсей, должна быть раз-

---

со множествомъ племенъ и расъ, но она конечно можетъ быть и должна быть рѣшена. Антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ особенно необходимо для выполненія этой задачи, потому что, по своему географическому положенію, эти два народа избѣжали тѣхъ позднѣйшихъ и особенно разнообразныхъ примѣсей, какія прибавились къ первоначальнымъ у западныхъ тюркскихъ племенъ въ восточной Европѣ, Персіи и Малой Азіи.

дѣлена на антропологическіе отдѣлы. Кара-киргизы составляютъ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, долженствующій значительно отъ другихъ отличаться не только по происхожденію отъ особенно сильнаго смѣшенія тюрковъ съ енисейскими динлинами, создавшаго народъ, поражавшій тюрковъ и китайцевъ внѣшними особенностями, но и по малому количеству другихъ примѣсей и по обособленной, длившейся уже болѣе двухъ тысячелѣтій, жизни въ горной странѣ. Эта столь продолжительная обособленность должна была дать особыя условія для взаимодѣйствія и антропологическихъ элементовъ, однимъ изъ результатовъ котораго оказалось, напр., исчезновеніе первоначальной свѣтлой окраски волосъ и глазъ. Изъ киргизъ-казаковъ къ кара-киргизамъ близки больше-ордынцы по значительной примѣси у нихъ вошедшихъ въ составъ родовъ большой орды кара-киргизскихъ родовыхъ подраздѣленій и по родственности дулатовъ кара-киргизамъ вслѣдствіе вѣроятнаго происхожденія дулатовъ отъ близкаго енисейскимъ динлинамъ племени, но роды, происходящіе отъ кангловъ, сближаютъ большую орду, съ другой стороны, и съ киргизъ-казаками средней и малой орды, въ составѣ которыхъ родственные канглам кипчаки занимаютъ видное положеніе. Все это показываетъ существованіе у кара-киргизовъ важныхъ антропологическихъ особенностей и вызываетъ необходимость особаго ихъ антропологическаго изученія.

Отрицаніе г. Харузинымъ антропологической обособленности кара-киргизовъ было, мнѣ кажется, послѣдствіемъ первоначально недостаточной оцѣнки имъ значенія родовъ киргизъ-казаковъ и ихъ происхожденія. Производя свои антропологическія измѣренія въ 1887 и 1888 г.г., онъ, повидимому, не выяснялъ—какому каждый изслѣдуемый субъектъ принадлежитъ родовому подраздѣленію [1]). Важное значеніе родовъ, какъ указателей составныхъ частей изслѣдуемой народности, онъ, кажется, началъ оцѣнять уже при обработкѣ собранныхъ антропологическихъ данныхъ, когда обнаружилось большое разнообразіе представляемыхъ измѣреніями показаній и необходимо было выяснить его причины. Вслѣдствіе этого уже во введеніи къ 1 выпуску оказались слѣдующія строки: «Я не считаю возможнымъ примѣнять свои антропологическіе результаты абсолютно ко всему киргизскому племени...; я глубоко убѣжденъ, что все киргизское племя представляетъ въ самомъ себѣ большія колебанія по ордамъ и по мѣстностямъ, быть можетъ, даже и

---

[1]) Измѣрено имъ въ 1887 г. 111 субъектовъ «въ Ханской Ставкѣ, гдѣ и стекаются киргизы разныхъ частей и, слѣдовательно, разныхъ родовъ», и въ 1888 г. 50 субъектовъ. Во 2 выпускѣ, не упуская случая пользоваться измѣреніями А. А. Ивановскаго по родамъ средней орды, г. Харузинъ нигдѣ не приводитъ данныхъ по родамъ букеевской орды—конечно потому, что данныхъ по родамъ не имѣетъ.

по родамъ» [1]). Антропологическій матеріалъ, которымъ пользовался г. Харузинъ при составленіи 1 выпуска ограничивался его собственными 161 измѣреніями въ букеевской ордѣ и 113 измѣреніями Уйфальви и Зеланда [2]), которые также не давали почти никакихъ данныхъ по родамъ. Для 2 выпуска А. Н. Харузинъ уже обладалъ болѣе обширнымъ матеріаломъ (измѣренія Мацѣевскаго и Пояркова, Ивановскаго, Ядринцева и пр.), притомъ частію собраннымъ по родамъ (126 измѣреній А. А. Ивановскаго по 4 родамъ средней орды), и въ большей степени пользовался сравненіями съ другими азіатскими народами, въ особенности измѣреніями калмыковъ-торгоутовъ г. Ивановскаго. Тогда у изслѣдователя явилась и мысль обработать выводы изъ цифръ «по народностямъ», о чемъ въ началѣ труда не поминалось. Надо полагать, что во второй части 2 выпуска г. Харузинъ выяснилъ бы между прочимъ значительныя отличія кара-киргизовъ и призналъ бы ихъ антропологическую обособленность [3]).

5) Опредѣляющіяся антропологическими измѣреніями выдающіяся особенности типа кара-киргизовъ.

Окончаніе труда г. Харузина еще не издано, а потому приходится ограничиться краткими указаніями на обнаруженныя имѣющимися измѣреніями значительнѣйшія отличія кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ, обходясь по необходимости скуднымъ матеріаломъ о кара-киргизахъ и не имѣя совсѣмъ измѣреній большой орды, такъ какъ 10-ти измѣреній г. Зеланда слишкомъ мало, да онѣ и не полны. Тѣмъ не менѣе и этотъ недостаточный матеріалъ доставляетъ цѣнныя указанія:

Ростъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ антропологическихъ показателей. Между тѣмъ средними цифрами роста оказываются для кара-киргизовъ (40 измѣреній г. Зеланда) 1653 м.м., для киргизъ-казаковъ, измѣренныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ (средней и большой орды), 1641,60. для средней орды по 126 измѣреніямъ г. Ивановскаго 1646,61 (а по родамъ: мурунъ поколѣнія аргынъ 1610,56, найманъ 1626,17, байджигитъ 1612,77 и кирей 1684,70), для букеевской орды (г. Харузина) 1629 м.м. [4]).

---

[1]) Вып. I, стр. 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 12.

[3]) Уже и въ 1 выпускѣ онъ заявлялъ, что значительная разница въ нѣкоторыхъ измѣреніяхъ заставляетъ «относиться къ вопросу объ единствѣ кара-киргизовъ съ киргизъ-казаками съ осторожностью» (стр. 289).

[4]) Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 42, 43 и 46.

Изъ этихъ цифръ видно, что кара-киргизы имѣютъ ростъ выше средняго, тогда какъ киргизъ-казаки, за исключеніемъ поколѣнія кирей, оказываются съ ростомъ ниже средняго. Отчего у киргизъ-казаковъ ростъ ниже средняго, указываютъ слѣдующія среднія цифры роста: угро-остяковъ 1560 м.м. [1]), вогуловъ 1542, пермяковъ 1616, самоѣдовъ архангельской губерніи 1580 мм. [2]), Ростъ калмыковъ изъ 296 измѣреній опредѣлился въ 1629 м.м. [3]). Напротивъ у черневыхъ татаръ, которые суть отуреченные потомки днииновъ, ростъ равняется 1653 м.м. [4]).

Головной указатель (отношеніе поперечн. го наибольшаго теменнаго діаметра къ передне-заднему наибольшему) у кара-киргизовъ, по измѣреніямъ Зеланда, опредѣлился въ 87,28, т. е. кара-киргизы принадлежатъ къ брахицефаламъ (болѣе 83,33), какъ киргизъ-казаки средней орды (89,39) и букеевской (86.28), и калмаки (84,41), тогда какъ киргизъ-казаки Мацѣевскаго и Пояркова (83,26) суббрахицефалы, а черневые татары (79,49) мезатицефалы или среднеголовые [5]).

Отношеніе наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему поперечному у кара-киргизовъ Зеланда 63,09, у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 75,90, средней орды 69,13, букеевской—66,12, слѣдовательно у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизъ-казаковъ [6]); у калмаковъ 74,22 [7]).

Скуловой діаметръ (по Харузину—разстояніе средины скуловыхъ костей, по Ивановскому же разстояніе между наиболѣе выдающимися впередъ и въ стороны точками щекъ) у 40 кара-киргизовъ Зеланда 146,80 м.м., у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 126,26, средней орды 122,35 [8]), букеевской 131.10, у черневыхъ татаръ 124,87, самоѣдовъ архангельской губерніи 123,50, вогуловъ 133.53, пермяковъ 139,33, сартовъ Зеравшана 140,00, у калмыковъ 131,91. Наименьшихъ размѣровъ у ингушей (82,00), наибольшихъ у таджиковъ зеравшанскаго округа (143,00). Малыми размѣ-

[1]) «О башкирахъ» проф. Соммье въ «Запискахъ уральскаго общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. 1, 1892 года, стр. 33.

[2]) Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 43 и 44.

[3]) Ивановскій «Монголы-торгоуты», 1893 года, стр. 58.

[4]) Харузинъ, тамъ же. Ростъ 10 киргизъ-казаковъ большой орды, измѣренныхъ г. Зеландомъ,—1687 м.м. (Вып. I, стр. 304).

[5]) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 162—169, и Ивановскій, стр. 105. Головной указатель 10 киргизъ-казаковъ большой орды Зеланда равенъ 85,10 («Записки зап.-сиб отдѣла», кн. 7, вып. 2, стр. 44).

[6]) Харузинъ, тамъ же, стр. 216.

[7]) Ивановскій, стр. 127.

[8]) У муруновъ 121,26, найнановъ 122,00, байджигитовъ 121,45, киреевъ 123,37.

рами считается скуловой діаметръ въ 120 м.м. и меньше, средними — отъ 121 до 130 и большими болѣе 130 [1]). У кара-киргизовъ скуловой діаметръ оказывается слѣдовательно самыхъ большихъ размѣровъ. Въ этой особенности, составляющей повидимому самое значительное отличіе антропологическаго типа кара-киргизовъ, они сходятся съ остатками древней азіатской длинноголовой расы айнами, ибо черепа айновъ, по измѣреніямъ профес. Анучина, дали разстояніе между скуловыми дугами одинъ (мезатицефалическій — съ указателемъ въ 77,9) 139 м.м. и второй (брахицефалическій—85,3) 133 м.м. [2]).

Конечно величина скулового діаметра отражается на различныхъ его отношеніяхъ къ другимъ измѣреніямъ. Такъ отношеніе скулового діаметра къ длинѣ лица у кара-киргизовъ Зеланда опредѣлилось въ 80,35, у М. и П. 68,71, средней орды 68,59, черновыхъ татаръ 59,78; бо̀льшіе размѣры только у башкировъ 84,18 и у пермяковъ 80,71. У калмыковъ 76,08. «Монголамъ совершенно не свойственъ, какъ обыкновенно думаютъ, очень большой относительно лицевой линіи скуловой діаметръ... Если скулы у монголовъ и выступаютъ, они выступаютъ впередъ и не могутъ обусловливать большого скулового діаметра, ширина же ихъ лица обусловливается не скулами, а скуловыми дугами» [3]).

Отношеніе носа къ скуловому діаметру выяснилось у кара-киргизовъ Зеланда въ 32,62, средней орды 38,20, букеевской 42,31 и пр. Самое малое у кара-киргизовъ, самое большое у ингушей (72,00). «У кара-кир-

---

[1]) Харузинъ, вып. 1, стр. 521, 522, вып. 2, ч. I, стр. 404—406.

[2]) «Племя айновъ» въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія при м. унив.», т. XX, стр. 166 и 168. Скуловой діаметръ 6 букеевскихъ череповъ Харузинъ опредѣлилъ въ 111,8 м.м. (вып. 1, стр. 545). Краніологическія изслѣдованія киргизъ-казаковъ весьма скудны и едва ли не ограничиваются статьею Топинара въ Revue d'Anthropologie, 1887, t. XVI, p.p. 445—475, о нѣсколькихъ черепахъ, высланныхъ г. Зеландомъ. Черепа кара-киргизовъ кажется еще не изучались. Бэръ 25 ноября 1859 года сообщалъ въ засѣданіи Академіи наукъ о полученіи отъ генералъ-губернатора Гасфордта 3 череповъ черныхъ киргизовъ съ Иссыкъ-куля и 2 череповъ восточныхъ киргизовъ (Bulletin de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg, t I, 1860, s. 343). Конечно и при изученіи череповъ означеніе рода, которому каждый черепъ принадлежитъ, и кости есть необходимое условіе для возможности правильныхъ и основательныхъ выводовъ. Въ книгѣ седьмой «Извѣстій и. томскаго университета» (Томскъ, 1895 г.) помѣщена работа г. С. Чугунова «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ киргизовъ», гдѣ, между прочимъ, приведены антропологическія измѣренія двухъ труповъ умершихъ въ томской тюрьмѣ ссыльныхъ, названныхъ въ статейныхъ спискахъ «киргизами» ферганской области андиджанскаго уѣзда. Такъ какъ мѣстная администрація всѣхъ кочевниковъ области именуетъ «киргизами», то изъ этого именованія еще не слѣдуетъ, что упомянутые ссыльные были кара-киргизы, а не кочевники киргизъ-казацкаго или узбекскаго происхожденія; всего вѣроятнѣе, что они принадлежали къ кипчакамъ или къ ичкиликамъ.

[3]) Харузинъ, вып. 2, ч I, стр. 707—718, Ивановскій, стр. 185.

гизовъ носъ относительно скулового діаметра очень малъ; это впрочемъ зависитъ менѣе отъ незначительныхъ абсолютныхъ размѣровъ носа, чѣмъ отъ абсолютно-большихъ размѣровъ скулового діаметра» [1]).

Разстояніе между углами нижней челюсти или нижняя ширина лица равняется у кара-киргизовъ Зеланда 109,90, у М. и П. 116,53, у средней орды 118,04, букеевской 116,60, черневыхъ татаръ 110,80. у вотяковъ 106,99, пермяковъ 109,44 [2]), у калмаковъ 112,74» [3]).

Я небуду приводить результатовъ многихъ другихъ измѣреній, обнаруживающихъ менѣе значительныя отличія кара-киргизовъ [4]). Изъ изложеннаго видно, что наиболѣе рѣзкое отличіе кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ заключается въ большей величинѣ скулового діаметра, которая, въ соединеніи съ меньшею нижнею шириною лица, и придаетъ физіономіи кара-киргизовъ ту своеобразность, которую правильно замѣтили Валихановъ и В. В. Радловъ, не зная—чѣмъ ее объяснить. Болѣе точное и подробное выясненіе и описаніе типа кара-киргизовъ можетъ быть сдѣлано лишь по производствѣ достаточнаго числа измѣреній по родамъ и костямъ. Выясненіе типа или скорѣе типовъ киргизъ-казаковъ большой орды также можетъ быть достигнуто лишь выполненіемъ измѣреній по родамъ и сравнительнымъ изученіемъ полученныхъ результатовъ съ измѣреніями по родамъ-же остальныхъ киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, самоѣдовъ, финно-угровъ, западныхъ и восточныхъ монголовъ и пр.

---

[1]) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 469 и 470.

[2]) Тамъ-же, стр. 619 и 620.

[3]) Ивановскій, стр. 191.

[4]) Указанія на нѣкоторыя такія отличія встрѣчаются въ статьѣ В. Д. Тронова «Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ» («Записки и. р. географическаго общества, по отдѣленію этнографіи“, 1891 года, томъ 17, вып. 2, стр 47—51). Сличая средніе выводы произведенныхъ имъ въ 1888 и 1889 годахъ измѣреній 36 мужчинъ и 10 женщинъ изъ киргизъ-казаковъ зайсанскаго уѣзда семипалатинской области (роды не выяснены, но должны принадлежать средней ордѣ) съ измѣреніями кара-киргизовъ д-ра Зеланда, авторъ замѣчаетъ, что у кара-киргизъ «гораздо больше выражены» кривизны лобно-затылочная и двуушная и абсолютно больше ширина двускуловая; измѣренные имъ казаки болѣе брахицефалы, чѣмъ кара-киргизы; болѣе также развиты у нихъ плечи и объемъ груди. Ростъ измѣренныхъ имъ киргизъ-казаковъ опредѣлился въ 1611 м.м., головной указатель 89,3, разстояніе между плечевыми отростками 39,7 сен. (у кара-киргизовъ 37,6). «Глаза положительно у всѣхъ,—за исключеніемъ тѣхъ, которые представляютъ явно смѣшанный типъ, — имѣютъ косое направленіе: наружный уголъ глазъ стоитъ выше внутренняго относительно горизонтальной линіи. О кара-киргизахъ докторъ Зеландъ говоритъ совершенно обратное: косое направленіе глазъ ни у одного изслѣдованнаго не найдено. Косое направленіе глазъ у киргизъ настолько характерно, что одно уже отсутствіе его указываетъ на явную смѣшанность типа, или-же на совершенно другой типъ».

Обсуждая результаты произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣреній, Н. Л. Зеландъ, труды котораго дали единственный пока матеріалъ по антропологіи кара-киргизовъ, сдѣлалъ не лишенную интереса попытку опредѣлить типы, изъ смѣшенія которыхъ образовался кара-киргизскій народъ. Руководствуясь вѣроятно гипотезой Клапрота и Риттера объ арійскомъ происхожденіи усуней и предполагая возможность смѣшенія этихъ послѣднихъ съ предками кара-киргизовъ, онъ выдѣлилъ изъ 40 измѣренныхъ имъ кара-киргизовъ тѣхъ субъектовъ, которые имѣли горбатые или выпуклые носы. Такихъ оказалось 10, т. е. 25%. Средній ростъ этихъ 10 лицъ опредѣлился въ 1689,7, слѣдовательно значительно выше общаго средняго (1653 м.м.): субъектовъ съ сѣро-голубыми глазами нашелъ онъ между ними 20% и съ сѣрыми 10%, итого 30%, тогда какъ у прямоносыхъ свѣтлые глаза (зелено-сѣрые и зеленые) составляютъ только 14,3%, а у вогнутоносыхъ даже лишь 10%; отношеніе скулового діаметра къ росту у горбатоносыхъ равняется 8,6, тогда какъ у остальныхъ 8.8; густую бороду имѣли изъ первыхъ 40%, изъ прямоносыхъ только 7,1%, а у вогнутоносыхъ густыхъ бородъ не замѣчено. Изъ всего этого г. Зеландъ сдѣлалъ выводъ, что къ монгольскому типу у кара-киргизовъ примѣшанъ, въ довольно значительной пропорціи, другой, у котораго ростъ былъ высокій, носъ выпуклый и болѣе тонкій, скулы менѣе выдающіяся, глаза голубые и сѣрые, подбородокъ болѣе выдающійся, борода густая [1]).

По незначительности числа измѣреній и наблюденій, изъ которыхъ сдѣланы выводы г. Зеланда, они не могутъ быть почитаемы сколько-нибудь рѣшительными. Тѣмъ не менѣе выводы эти даютъ интересныя указанія. Считая съ своей стороны гипотезу объ арійствѣ динлиновъ и усуней лишенною основаній, я думаю, что отмѣчаемыя г. Зеландомъ особенности суть остатки типа древней азіатской расы, совершенно особой отъ арійской, хотя, длинноголовой, какъ часть арійцевъ, и обладавшей свѣтлой окраской при обильной волосатости,—расы, потомками которой нынѣ являются айны и къ которой принадлежали предки енисейскихъ киргизовъ и усуней и потомковъ послѣднихъ—кара-киргизовъ.

Н. Аристовъ.

---

[1]) «Киргизы, этнологическій очеркъ» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года, стр. 50 и 51.

ОТДѢЛЪ II.

Матеріалы по литовской этнографіи [1].

Сказки, пословицы, загадки записанныя въ Сувалкской губ.

Сказки о Перкунѣ.

1. Viena moteriške ejus kelin. Štai ja ant kialio užpûle didelis lietus su perkunijom. Ta moteriške buvus pasikišus andaroka. ale jai beainant vis plake ir plake žaibai, tep kadjai niat baisa pasidare. ale jije atsimine. kad pasikaišius andaroka ne možna ait, ba gal užatlankos pasikavot vialnes. Kap tik ji paliaido andaroka. tai tua iš atlankos išpûle paršas. Tas paršas pradejo begt. Tûjau sužaiban križium ir Perkunas užtrenke ta parša tep ka(d) tik smala pasiliaido. Kiti prieš trenkima mate. kad in trioba inlekdavo varna. o kiti raina katina, kiti šuni ir tep toliau. Źodžia šniakant. žmones tvirtina, kad Perkunas trenke vialnia. Del togi čese perkunijos reikia žegnotis ir poteriaut, kad nusivit nog savia vialnia.

1. Одна женщина шла себѣ дорогою. Вотъ напути засталъ ее сильный (большой) дождь съ грозой. Женщина та (шла) подоткнувъ себѣ юбку, а молнія все сверкала и сверкала (соб. ударяла) такъ, что ей даже страшно стало. Но она вспомнила, что нельзя идти, подоткнувъ юбку, потому что за заткнутый конецъ можетъ спрятаться чортъ. Какъ только она опустила юбку, то сейчасъ же оттуда выпалъ поросенокъ и (началъ) пустился бѣжать. Тотчасъ сверкнула молнія крестомъ и Перкунъ поразилъ этого поросенка, такъ что только смола пошла. Иные передъ ударомъ грома видѣли ворона, какъ онъ въ избу влеталъ, иные собаку и т. д. Словомъ сказать; люди утверждаютъ, что Перкунъ поразилъ чорта. Поэтому то и надо во время грозы креститься (соб. благословлять себя) и молиться, чтобы отогнать отъ себя дьявола.

2. Одинъ пахарь (artojis) увидѣлъ за вырваннымъ дерномъ (už pavelena) чорта. Vialnes то выглянетъ, то спрячется. У этого пахаря было ружье (karabinas). Онъ зарядилъ его серебряными пулями и убилъ чорта. Пришелъ Перкунъ и подарилъ пахарю за этотъ подвигъ золотое ружье

---

[1] Приложенія къ отчету о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ., напечатанномъ въ «Жив. Стар.» 1891 г. Вып 2.

(aukso strielba). «12 лѣтъ», прибавилъ Перкунъ, «не могъ я убить этого черта, а ты убилъ его».

(Эту сказку разсказчикъ не могъ хорошо вспомнить а потому и не хотѣлъ разсказывать по-литовски, а говорилъ на смѣшанномъ яз. б. ч. по-русски).

Сказка объ айтварѣ.

Kaime Tritimpiu giviano ukinikas. Tas viena karta eidamas namo rado po laukine gruše vištuka. Vištuks buvo jūdas ir sulitas drebejo nog šalčio. Ukinikas paeme po skranda vištuka, parneše namo patubde an kakalio (piačiaus), o paskui paliaido in kaiminia vištu. Nakti kada visi sumigo išgirdo baladojente skamaro ir ne po ilgam čėsui spieglinga balsa: «kumai, atnešiau tau bulviu». Žmogus iššoko iš lovos ir nubego in kamara pažiuret, kas tian ir. Atsidare duris, pamato vištuka raudona, kap liepsna lakotanti nog vienos kruvos bulviu ant kitos. Potam vištukas prapūle. Kita nakti vel išgirdo baladojima ir šaukima: «kumai, atnešiau del tavia kviečiu, rugiu ir miežiu.» Mužikas ne kialesi, ba bijojosi. Diena rado kamaro tris dideles kruvas jevu. Kita nakti vel girdi šaukima: «kumai, tau parnešiau pinigu.» Nuvejas ukinikas rado kamaro užversta kampa pinigu. «To ma gi ne reike vialnio namūs. Kodel tos bestijos ne palikau ant kialio». Ta pasakias mužikas paeme šiupelia ir viska in mėšlina suverte. Buvo jis Dievo baimingas ir ne žinojo, kap nog aitvaro atsikratit. Žmones matidavo, kap nakti sviesus stulpas in ukiniko triobas nusiliaisdavo ir pradejo šneket, kad jis užlaiko vialnia. Žmogus dideliai rupinosi ir klause rodos, kap iš namu išvarit aitvara «Užmušk ta bestija», tare vienas jaunas viras ir tai pasakias tvere už pagalio ir miate ant vištuko. Nes vištukas šoko jam ant sprando, parsimuše ant žiames ir mindžio taridams: «aš asiu aitvaras, ko tu no mania nori?» Potam dave roda visi,

Одинъ крестьянинъ, идя домой нашелъ подъ дикой грушей чернаго цыпленка. Промокшiй подъ дождемъ цыпленокъ дрожалъ отъ холода. Крестьянинъ взялъ его подъ полушубокъ, принесъ домой, посадилъ на печь, чтобъ онъ обогрѣлся, а потомъ пустилъ къ курамъ. Ночью, когда всѣ заснули, крестьянинъ услышалъ шумъ въ кладовой и голосъ: «кумъ, я принесъ тебѣ картофелю». Онъ вскочилъ съ постели и побѣжалъ въ кладовую посмотрѣть, что тамъ такое.

Отворились двери и онъ увидѣлъ цыпленка, краснаго, какъ пламя, перепархивающаго съ одной кучи картофеля на другую. Потомъ цыпленокъ пропалъ. На другую ночь крестьянинъ опять услышалъ изъ кладовой шумъ и зовъ: «кумъ, я принесъ тебѣ пшеницы, ржи и ячменю». Мужикъ не подымается: боится. Днемъ находитъ въ кладовой три большiя кучи зерна. На другую ночь опять слышитъ зовъ: «кумъ, я тебѣ принесъ денегъ». Пришелъ крестьянинъ и находитъ полный уголъ денегъ. «Не надо мнѣ черта въ домѣ. Зачѣмъ я не оставилъ эту бестiю на дорогѣ!»

Сказавъ это взялъ мужикъ совокъ и выбросилъ все въ навозъ. Онъ былъ очень богобоязненный человѣкъ и не зналъ какъ бы только ему избавиться отъ айтвара. Люди видѣли, какъ ночью спускался въ избу его свѣтлый столбъ и стали говорить, что онъ держитъ черта. Мужикъ очень безпокоился и спрашивалъ совѣта, какъ ему выгнать изъ дома айтвара. «Убей эту бестiю», сказалъ одинъ молодой парень, съ этими словами схватилъ полѣно и бросилъ его въ цыпленка. Цыпленокъ тотчасъ вскочилъ къ нему на затылокъ, сильно ударилъ объ

kad ukinikas namus padegtu ir i(š)sikraustitu o aitvara paliktu. Pamislijo, kad tas bus geriause ketino namus pardût, ale su aitvaru nieks ne norejo pirkt. Pardave viska jevus, givulius be ko tik galejo apseit, o pirko sau butinia už milios ir i(š)sikrauste. Kada jau paskutini vežima krauste ir nieko stuboj ne buvo, uždege triobas iš visu kampu. «Sudeg(k) ledoke, o už lauka paskui savo pinigus gausiu». «Ha, ha, ha!» išgirdo jûkentes gale vežimo. Ukinikis atsižiurejo, o ant drobinos sedi judas vištukas, sparnais purto ir gieda: «iš kampo no kampo diagikim stuba nog strampo, iš če važiûsim toliau, o del mus bus geriau». Mužikas piarsîgando, ne žinojo ka darit; mislijo, kap dus jam gerai est, tai aitvaras pats pames, ir liepe savo pačei, kad jam dûtu giart pieno vieto vandenio ir kasdien du piragu sulest. Aitvarui buvo gerai ir jis pamest ne mislijo. Viena vakara biarnas sugrižias pamate, kad ant triapu padeta tris piragai del aitvaro, suvalge ir pamislijo: «sau gerai aš padariau, kad ne palikau tam bestijei. Tûjau aitvaras užtupe jam ant sprando o tiek su sparnais dave, kad tam keles dienas šonus gele; o an(t)ritojaus, kada gaspadorius bidino ant darbo, tai tep rado ji sumušta, kad ne galejo pasipidit. Kada no biarno dažinojo ape tai nuejo pas aitvara ir praše, kad nog jo išeitu, ba ne jokis biarnas pas ji ne nori but. «Ha, ha, ha!» nusižviange aitvaras: «kap mania nuneši tian, iš kur paemei, ne parcisiu daugiau pas tavia. «Gaspadorius greitais apsirenge, nuneše aitvara po tai pače gruše, po kuriai rado ir potam tas ne grižo daugiau jau pas ji.

землю и сталъ топтать, говоря: «я айтваръ, чего ты хочешь отъ меня?» Потомъ всѣ посовѣтовали, чтобы крестьянинъ сжегъ свой домъ, самъ перебрался въ новое жилище, а айтвара оставилъ. Хотѣлъ онъ продать домъ да никто не соглашался купить домъ съ айтваромъ. Крестьянинъ тогда продалъ урожай, купилъ себѣ жилище за милю (отъ стараго), а домъ свой зажегъ со всѣхъ угловъ. «Сгори, негодный!» говорилъ онъ, отъѣзжая. «Ха, ха, ха» услышалъ онъ за собою. Оглянулся, а тамъ сидитъ на лѣстницѣ черный цыпленокъ, крыльями хлопаетъ и поетъ «сожжемъ избу, поѣдемъ дальше, тамъ для насъ будетъ еще лучше». Мужикъ испугался, не зналъ, что дѣлать. Думая, что айтваръ самъ его броситъ, если его хорошо покормитъ, онъ приказалъ своей женѣ, чтобы она давала айтвару каждый день пить молока вмѣсто воды, а ѣсть по два пирога (т. е. вообще по два бѣлыхъ хлѣба). Айтвару было хорошо и онъ даже не собирался уйти. Однажды вечеромъ батракъ, возвращаясь съ работы замѣтилъ, что на лѣстницѣ положены три пирога для айтвара, съѣлъ ихъ, но въ ту же минуту айтваръ сѣлъ къ нему на затылокъ и сильно отколотилъ крыльями. На утро хозяинъ нашелъ его избитымъ до полусмерти. Тогда онъ сталъ просить айтвара уйти отъ него, потому что никакой батракъ не соглашался оставаться у него.

«Ха, ха, ха!» заржалъ айтваръ: «Если ты отнесешь меня на то мѣсто, гдѣ взялъ, я не вернусь больше къ тебѣ. Крестьянинъ быстро собрался, отнесъ айтвара подъ ту грушу, гдѣ нашелъ его, и послѣ этого айтваръ уже не возвращался.

Сказка о семи мудрецахъ.

Búvo kita sík karàlius bagótas; ir nûmire patí jójos ir líko vàikas màžas ir patí pasàke, kad ne aplieistu jiji ir kitúr iždûtu visái mokítis, kad ne laikitu namè. Ir iždave kitur mokitis

Былъ одинъ король. У него умерла жена. Отъ нея остался у него сынъ. Умирая она наказывала мужу не оставлять мальчика безъ образованія, а отдать его для этого на чужую сторону.

pa(s) septíaius brólius. Brólei ji mokit turėjo, kas an dangáus rodosi, kas an sáules, kas an žvaigždiu. Kaip jis mokinosi penktús metús ir šeštús, a pati (вторая уже жена короля, мачиха королевича) praše, kad ji parviaštu namó. teip jis išeina an óro vakaría, i(r) ródosi an dangáus an žvaigždiu, kad pakártas bus po triju dienú, kai parvažiús namó. Vino mediális an dangáus rodosi ir an viršúnes apsisukas kirmėliái. Tai, jis sako savo dirèk torium, kad aš kap parvažiúsiu namó, tai po triju dienú pakartas búsiu. Dirèktoriai visi nusigásti ir ižbėgo lauk žiurėt an dangáus ir mato, ka(d) tai teisìbe. Tai ateina ji i stáncia ir dàro roda: ka darisim ka(d) tai bus pakartas mus(u) učnius., Ir padáro roda kad reik pàsnikaut per septinias dienás. Ir paskúi po septiniu dienú tai ji padáre niemčium. Atvažiúje karálius savo studianta parsiviašt namó. ránda váika niemčium. Dideliái karálius nusigásta, kad jo sunús niemčius. Ir parsiveže savo súnu niemčiu ir karaliéne kap ji památe, tai labai pasidabójo jo, atráše gromatele jam, kad an necnátos griéku. A jis atráše atgál, kad niéko ne žinau. Teip karaliéne ima draskit an saviás drápanas i(r) rekt, kad kóke tu Judošiu párvezi, kad jis manià nór išgultavot. Tai ciécorius apsudijo savo súnu, kad pakart ji ir viáda ji pakart. Atbėga diréktorius jauniausias. «Miloščivas karáliu(?), ne kark. palàuk, ka pasakisiu aš tau. Miloščivas karaliu, ne vérik niéko, ne teisibe tas irá da ne pábaiktas mus mokit ir eme pasakas, dideliás istorijas. Karalius žiurėjo in ji ir veilús čiésas pasidáre ir liko ne pakartu súnu to dieno. «Ritó ateisim visi, padesim kart» (говоритъ учитель). Pati sako: «ne pakóri, (pakore? pakorei?), niéko, tik melúji». An ritojaus viada karálius pakárt súnu. Tep atbėgo ántras diréktorius. «Miloščivas karaliu, ne vérik páčes, bo tai vriédnas dáiktas ira patí. Súnu turėm, ne pàbaiktas mokit da. Šiendien ne pakárk. Ritó visi padésim ir pakelésim». Parejo ka-

Король послалъ его къ семи братьямъ — мудрецамъ. Тѣ между прочимъ должны были выучить его понимать, что предсказываютъ небо, солнце, звѣзды. Уже шелъ 6-й годъ его ученья, когда король женился во второй разъ. Новая королева просила короля привезти пасынка домой. Королевичъ между тѣмъ по небесному явленію узналъ. что ему быть повѣшеннымъ черезъ три дня по пріѣздѣ домой. На небѣ явилось винное дерево, около вершины котораго обвились черви. Его учителя подтвердили это. Они очень испугались и рѣшили сдѣлать своего ученика нѣмымъ.

Когда король взялъ сына домой, тотъ очень понравился королевѣ. Она написала ему письмо, приглашая къ себѣ грѣха ради. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ ничего. Тогда королева стала рвать на себѣ платье и кричать: «какого ты Іуду привезъ? Вѣдь онъ хотѣлъ меня оскорбить!» Король осудилъ своего сына и вотъ его повели вѣшать. Тогда прибѣгаетъ младшій изъ братьевъ учителей, проситъ короля подождать и не вѣрить словамъ королевы, а самъ начинаетъ разсказывать длинную исторію. То же самое повторилось и въ слѣдующіе дни. Всякій разъ прибѣгалъ слѣдующій по возрасту изъ братьевъ-учителей, прося отложить казнь до другого дня и обѣщая въ такомъ случаѣ даже помочь вѣшать. Когда же болѣе нельзя было отсрачивать казнь, учителя стали просить короля позволить сыну сказать семь словъ передъ смертью. Тогда сынъ сказалъ: «позволь, батюшка, мнѣ передъ смертью согрѣшить разъ». Отецъ позволилъ. Королевичъ велѣлъ собраться двѣнадцати горничнымъ королевы и раздѣться при отцѣ. Тогда оказалось, что между ними былъ одинъ мужчина, который жилъ съ королевой. Король такимъ образомъ узналъ истину и велѣлъ повѣсить королеву и этого мужчину, а съ сыномъ и его учителями жилъ съ той поры въ любви.

ralius, nepakóre. Tai pati piárpiko ir ne šnekéjo su karaliu visai. Triačia diena liepe žalnérium ne prileist per tris milius direktoriu. Tai réke diréktorius: «Miloščivas karaliu, paviálik súnui pri smértiprašnekét septinius žodžiùs». Teip karalius nusigándo, kad sunús niemčius ir prašneket liépe. Prašnekejo sunùs: «tétia, pavialïk padarít ma pri smérti necnatos griéka». Tévas dideliài pasidáre galvói ne gerái: «pavialiju», sako. Buvo dvilika pakajáuku pas karaliéne. Iš tos dvilikos práše i(š)sirinkt ir visom pri tevo akiu visom nůgom i(š)sivilkt. I(š)sivílko visa dvílika pakajáuku i pasiróde viénas víras kur su karaiiène giviano. Tai sunus sáke: «su šita padarísiu necnatos griéka, kur karaliéne daro visado(s) su júa». Paskúi karalius máte jojo visa teisibia ir liépe tůjáu karalíene viast ir pakárt, ir ta pakajáuka draugé. Abúdu pakóre. A sunús líko dideli miaile pas téva ir jojo direktoriai draugé miaili buvo pas karaliu.

Пословицы.

1. Jůda důna—tai ne badas, stori marškiniai—tai nė nůgas.

1. Черный хлѣбъ—такъ еще не голодъ, грубая рубашка—такъ еще не нагой.

2. I bala půlias ne kials sausas.

2. Упавъ въ болото (въ лужу), не подымешься сухимъ.

3. Pamatisi svieta, kitoks busi.

3. Посмотришь людей, инымъ будешь.

4. Giaros girnos viska mala.

4. Хорошіе жернова все мелютъ.

5. Nu mužiku pabego, ponus ne pavijo.

5. Отъ мужиковъ убѣжалъ, господъ не догналъ.

6. Ţoliau i giria, daugiau gribu.

6. Дальше въ лѣсъ, больше грибовъ.

7. Šuva, pas ka laka, pas ta ir loja (lojė).

7. Собака у кого лакаетъ, у того и лаетъ.

8. Kumiale ne piemiene, poterius ne kalba.

8. Кобыла не пастушка, молитва не разговоръ.

9. Pirtis jauja vainoje (vanoje) o abi tokios: viena sůde, kita sutre.

9. Сушильня овинъ бранитъ (бьетъ), а оба таковы: одна въ сажѣ, другая въ грязи.

10. Kas ka mili, tas to ir klauso.

10. Кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ.

11. Kur miajle, tian išpildimas, kur bajme tian priverlimas.

11. Гдѣ любовь, тамъ исполненіе; гдѣ страхъ, тамъ недовѣріе.

12. Kas tévu ne klauso, tas paklausis skuros šunio barškančios.

12. Кто родителей не слушалъ, тотъ послушаетъ гремящей собачьей шкуры (т. е. барабана).

13. Kas in padanges kila, tam perkunas liepe grišt.

13. Кто на поднебесье подымается, тому Перкунъ велитъ вернуться.

14. Ilga ješma bedrožent, šuva pečianka nuneša.
15. Maskolius ne gaspadorius, paedias—gult.
16. Kas dirba tam ir Dievas padeda.
17. Viskas piareis, o Dievo žodis ne piareis.
18. Skupus dusik trotije.
19. Kas bedo ne buvo, tas jos ir ne mate.
20. Kas eda mesa petničio, tai nedelio pasnikauje.
21. Ir Parižiui iš avižu ne daro rižiu.
22. Biedniste mokina, o laime gadina.
23. Ne šlekts darbas, kas moka padarit ir irkla.
24. Be žagres ne artojes (artojis), be proso ne kriaučius.
25. Koks kupčius, toks ir tavoras.
26. Koke kiaule, tokios ir diašros.
27. Pagal stoga ir lašas.
28. Batas vižai ne klapčius.
29. Kad gera klumpe koja grauže, tai nieko.
30. Koks stůmas, toks ir razumas.
31. Koks ponas, toks ir žiponas.
32. Koke karve, toks ir veršis.
33. Kas melagius, tas ir vagis.
34. Striokas macies ne turi.
35. Durpiu ne prisikasi, tai žiema šalsi.
36. Karve kumeliu ne viada.
37, Koks piačius, toks ir ragaišius.
38. Kur savi šunes pjaujesi, tian sviatimas vůdega ne kišk.
39. Pažiurejas ant akiu, klausk ir sveikatos.
40. Iš didelio diabesio mažas lietus.
41. Parša ar prausk, ar ne prausk, vis i purvina lianda.
42. Kožnas gaidis ant savo miešlino ponas.
43. Kur sopa tian rankos, kur miela tian akis.
44. Kraujes ne barščiu rasalas.

14. При длинномъ вертелѣ собака жаркое уноситъ.
15. Солдатъ не крестьянинъ (хозяинъ, gospodarz): поѣлъ да и спать.
16. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ.
17. Все пройдетъ, а слово Божье не пройдетъ.
18. Скупой дважды тратит(ся)
19. Кто не былъ въ бѣдѣ, тотъ ея и не видѣлъ.
20. Кто жретъ мясо въ пятницу, тотъ въ воскресенье постничаетъ.
21. И въ Парижѣ изъ овса не дѣлаютъ рису.
22. Бѣдность учитъ, а счастье портитъ.
23. Не худая работа, кто умѣетъ сдѣлать и весло.
24. Безъ сохи не пахарь, безъ утюга не портной.
25. Каковъ купецъ, таковъ и товаръ.
26. Какова свинья, таковы и колбасы.
27. По крышѣ и капля.
28. Сапогъ лаптю не слуга (хлопецъ).
29. Когда хорошій башмакъ ногу жметъ (соб. грызетъ), то ничего.
30. Каковъ станъ, (возрастъ?) таковъ и разумъ.
31. Каковъ господинъ, таковъ и жипонъ (кафтанъ).
32. Какова корова, таковъ и теленокъ.
33. Кто лжецъ, тотъ и воръ.
34. Страхъ силы не имѣетъ.
35. Торфу не накопаешь себѣ, такъ зимой будешь мерзнуть.
36. Корова кобылъ не водитъ (т. е. не родитъ).
37. Какова печь, таковъ и пирогъ (т. е. бѣлый хлѣбъ).
38. Гдѣ свои собаки грызутся (соб. рѣжутся), тамъ чужая хвостъ не суй.
39. Посмотрѣвъ на глаза (т. е. на лицо) спроси и о здоровьѣ.
40. Изъ большаго облака малый дождь.
41. Борова (хоть) мой, (хоть) не мой, все въ грязь ползетъ.
42. Каждый пѣтухъ на своей навозной кучѣ господинъ.
43. Гдѣ болитъ, тамъ руки; гдѣ пріятно (мило), тамъ глаза.
44. Кровь не борщъ.

45. Kad kiaule ragus turetu, tai visa svieta išbaditu.
46. Oška ne givulis, o merga ne žmogus.
47. Dievas dave dantis, Dievas dūs ir dūna.
48. Kaip žmogus storojes, o kitaip stojes.
49. Laukas gime, laukas ir stips.
50. Jaigu per šuni piaršoki, tai per vūdiaga ne ner kas.
51. Kad išsitianki ant dūnos ir žuvu, tai ir ant pipiru ir druskos ištiaks.
52. Susitriedus karve visa kaiminia gadina.
53. Avis be avino eruku niatveda.
54. Ir kiaule pipkia rukitu, ale apatine lupa trumpiasne.
55. Už ka pirkau, už ta ir pardaviau.
56. Kilis kili varo, o šlega visus.
57. Kožno balti dantis, ale kas už dantu ira ne žine.
58. Niekui ne vierik, nieks tau pikto ne padaris.
59. Šlekto žmogaus siargekis iš visu pusiu.
60. Prusas, šuva ir b... ne pažista pasniko.
61. Nūgas gimei, nūgas ir mirsi.
62. Asilas tur ilgas ausis, o tu ilga liežiuvi.
63. Rikšte ira visu cnatu motina.
64. Tankei ir šuva karemas papranta.
65. Nūgas razbajaus nesibijo.
66. Jaunikio kas grinče, tai motina, kas šalis tai pati.
67. Mergos ilgas plaukas, o trumpas razumas.
68. Kad girts ne bagots, tai ir dves ne tures.
69. Kožna pušis savo šilui oše.
70. Varnas varnui in aki ne kiarta.
71. Ne kask kitam dūbes, kad pats ne inpultum.
72. Ne darik to kitam, kas pačiam ne miela.

45. Когда бы свинья имѣла рога, то весь свѣтъ забодала бы (соб. избодала бы).
46. Коза не скотина, а дѣвка не человѣкъ.
47. Богъ далъ зубы, Богъ дастъ и хлѣбъ.
48. Человѣкъ старается, а выходитъ (соб. становится) иначе.
49. Съ бѣлымъ пятномъ (на лбу) родился, такимъ и околѣетъ.
50. Если черезъ собаку перескочишь, то черезъ хвостъ нѣтъ кто (бы съумѣлъ перескочить).
51. Когда хватитъ хлѣба и рыбы, то хватитъ и перцу и соли.
52. Заболѣвшая корова все стадо портитъ.
53. Овца безъ барана ягнятъ не (вы)водитъ (т. е. не производитъ).
54. И свинья курила бы трубку, да нижняя губа коротка.
55. За что купилъ, за то и продалъ.
56. Клинъ клинъ гонитъ, а колотушка всѣ (т. е. клинья).
57. У каждаго бѣлые зубы, но что за зубами—не извѣстно.
58. Никому не вѣрь, никто тебѣ зла не сдѣлаетъ.
59. Дурного человѣка остерегайся со всѣхъ сторонъ.
60. Прусъ, собака и penis не знаютъ поста.
61. Нагой ты родился, нагой и умрешь.
62. У осла длинныя уши, а у тебя длинный языкъ.
63. Розга—всѣхъ добродѣтелей мать.
64. Часто и собака привыкаетъ висѣть.
65. Нагой разбоя не боится.
66. У юноши, что (ни) хижина, то и мать, что (ни) сторона то (и) жена.
67. У дѣвки волосъ долгъ, а умъ коротокъ.
68. Когда пьянъ, да не богатъ, такъ и издохнетъ, (а ничего) не будетъ имѣть.
69. Каждая сосна для своего бора шумитъ (соб. своему бору).
70. Воронъ ворону въ глазъ не бьетъ.
71. Не рой другому ямы, чтобы самому не упасть.
72. Не дѣлай другому того, что самому не пріятно.

73. Ka ingijo, ta ir prarijo.
74. Skanus valgis, kap Pauliaus dalgis.
75. Kad arkli už karčiu paliaidai, už vůdiagos nišlaikisi.
76. Tiesiok toliau, aplinkui greičiau.
77. Ne viskas auksas, kas žiba, ne viskas smala kas kiba.
78. Kad arklis ape savo druti žinotu, tai nieks ant jo ne pajotu.
79. Svietas teip liginai kap jauje: kas aukščiau sedi, ta prakaitas plauje.
80. Kada vargas ir smutkas tave spaus, turek nodeja, kad gerove atkeliaus.
81. Ir zuikis arkli piargales, kad vilkas pades.
82. Kap tu tevams savo, tep tau vaikai daro.
83. Kas ne čedije savo, tai ima kito ant galo.
84. Mažai tas teisibes turi, kada šniaka, kad ne priguli.
85. Mažai tame teisibes ira, iš kurio daug žodžiu bira.
86. Brudas prie giaro brudiasnis, gražus prie gražaus gražiasnis.
87. Jau ne česas paliaut giart, kada bačka pradeda skalaut.
88. Su turtingu giart pasiliauk, vialig nog jo atsitrauk.
89. Vienas tevas diašimti vaiku užaugis, o tie diašimts vaiku sianatve teva ne užlaikis.
90. Greitiasnis mužiko iš tesejimas, o ne pono prizadejimas.
91. Kada karalej vienas kita piaša, tai ju padoniu plaukai triašta.
92. Kas ne neša križiu Jšganitojo, tegul tas niaša križiu latro.
93. Balo vis bus, kad ne vandū, tai purvinas.
94. Kam žmogus lazda kirstu, kad ne galetu ant jos pasiremt.
95. Namai ne lašiniai, kate ne sues.
96. Tie namučei pragarai, be namučiu ne gerai.

73. Что нажилъ, то и проглотилъ.
74. Вкусно блюдо, какъ Павлова коса.
75. Когда коня за гриву не удержалъ (соб. отпустилъ), за хвостъ не удержишь.
76. Прямо дальше, кругомъ скорѣе.
77. Не все (то) золото, что блеститъ, не все (то) смола, что липнетъ (?).
78. Когда бы конь зналъ о своей силѣ, такъ никто бы на немъ не поѣхалъ.
79. У людей, какъ въ овинѣ: кто выше сидитъ, того пòтомъ обливаетъ (или тотъ въ поту).
80. Когда нужда да печаль тебя будутъ давить, надѣйся, что хорошее придетъ (еще).
81. И заяцъ коня одолѣетъ, когда волкъ поможетъ.
82. Какъ ты своимъ родителямъ, такъ и тебѣ дѣти дѣлаютъ.
83. Кто не щадитъ своего, (тотъ) беретъ наконецъ (принадлежащее) другому.
84. Мало правды въ томъ, когда говоритъ, что не приваливается.
85. Мало въ томъ правды, изъ котораго сыплется много словъ.
86. Дурной при хорошемъ (еще) хуже, красивый при красивомъ (еще) красивѣе.
87. Уже не время переставать пить, когда бочку начинаютъ мыть.
88. Съ богатымъ пить перестань, лучше отъ него уберись (подальше).
89. Одинъ отецъ десять дѣтей выроститъ, а тѣ десять отца въ старости не станутъ держать.
90. Скорѣе мужикъ исполнитъ, чѣмъ господинъ пообѣщаетъ.
91. Когда короли одинъ другого (за волосы) треплютъ, то у ихъ подданныхъ волосы портятся.
92. Кто не носитъ креста Спасителя, пусть тотъ носитъ крестъ негодяя (разбойника?).
93. Въ болотѣ (въ лужѣ) все (всегда) будетъ, коли не вода, такъ грязь.
94. Зачѣмъ человѣку вырубать палку, когда бы не могъ онъ на нее опираться.
95. Домъ не сало, кошка не сожретъ.
96. Тотъ домишко—адъ, а безъ домишка не хорошо.

97. Su savo dūna visur gausi sūla.

97. Со своимъ хлѣбомъ вездѣ (получишь) найдешь скамью (за столомъ).

98. Zuvis neišganis, kiaule ne pražudis.

98. Рыба не спасетъ, свинья не погубитъ.

99. Sauso nieks ne klauso.

99. Сухого никто не проситъ.

100. Be dalios grižk atgalios.

100. Безъ доли поворачивай назадъ.

101. Šikstūlis vis dusik moka.

101. Скупецъ всегда дважды платитъ.

102. Kas are, pjauna, to avis ne bliauna.

102. Кто пашетъ да коситъ, у того овца не блеетъ.

103. Jaunas miadis linksta, sianas lužta

103. Молодое дерево гнется, старое ломается.

104. Veršiu ne bliovias, jaučiu ne baubsi.

104. Не блеявши теленкомъ, не будешь мычать воломъ.

105. Po vainu varnai tunka.

105. Послѣ войны вороны тучнѣютъ.

106. Iš naktіes darbo diena jūkes.

106. Надъ ночной работой день посмѣется.

107. Giltine in dantis nežiuri.

107. Смерть (олицетв. смерти) въ зубы не смотритъ

108. Valgik, kad pilvas plištu; dirpk, kad akis listu.

108. Ѣшь такъ, чтобъ животъ треснулъ, работай такъ, чтобъ глаза похудѣли.

109. Beda kojes taiso.

109. Бѣда ноги выпрямляетъ.

110. Buk nor ragūtas, miles jai bagotas.

110. Будь хоть рогатый, будутъ любить, если богатъ.

111. Dek gruda prie grudo, pripilsi arūda.

111. Клади зерно къ зерну, наполнишь гумно.

112. Girtu malda, kunigu nauda, ligoniu pasnikas, visi tie ligus.

112. Пьяныхъ молитва, ксендзовъ польза (?) больныхъ постъ—все одно.

113. I dangu su pinigais ne insipirksi.

113. За деньги на небѣ мѣста не купишь.

114. Išalkusiam dūna rupi.

114. У голоднаго хлѣбъ на умѣ.

115. Kas nusidejo, bijos ir vejo.

115. Кто (въ чгон.) провинился, тотъ боится и вѣтра.

116. Kinkias jauti su veršiu neparsi, viadias sianas jauna nepsigiviasi.

116. Запрягши вола съ теленкомъ не вспашешь, старый взявъ за себя молодую не обживется.

117. Koke galva, toke kalba.

117. Какова голова, такова и рѣчь.

118. Kunigo nauda vialnes išgaudo.

118. Ксендзово имущество чортъ вылавливаетъ.

119. Nespaudias norago, nekasi pirago.

119. Не нажавъ сошника, не выкопаешь пирога.

120. Nesigailek anksti atsikialias ir jaunas apsiviadias.

120. Не жалѣй, если рано встанешь и молодымъ обзаведешься.

121. Givs i žiamia ne lisi.

121. Живой въ землю не полѣзешъ.

122. Kap pasiklosi, tep išsimiegosi.

122. Какъ постелешь, такъ и выспешься.

123. Talka—pilvo alga.

123. Помощь (толока)—жалованье брюху.

Загадки.

1. Kiatiuros pušis, lemenimi mušes viduri žviangulelis (или viduri aniūlelis gieda)—vaikas lopši.

1. Четыре сосны, (стволами) станами бьются, въ серединѣ жеребеночекъ ржетъ (или «въ серединѣ ангелочекъ поетъ»).—Дитя въ зыбкѣ.

2. Du zuikučei pjaujesi, balti kraujei bega.—(Girnos).

2. Два зайчика грызутся, бѣлая кровь бѣжитъ.—Жернова.

3. Pana (или pirti) dvare, kasos lauke.

3. Дѣвица во дворѣ (или «въ банѣ»), а косы въ полѣ (lauke=внѣ дома).—Морковь.

4. Nusiust nusiunčiau parniašt parnėše, o pats ne parejo.

4. Послать то я послалъ, принесть то онъ принесъ, а самъ не пришелъ.—Полѣно, которымъ сбиваютъ яблоки.

5. Jūda karve dangu laio. (Debesis).

5. Черная корова небо лижетъ.—Туча.

6. Raudonas gaidukas po žiame gieda.

6. Красный пѣтушокъ подъ землей поетъ.—Свекла.

7. Jūds kai pūds, vino rukštis, akmenine širdis.

7). Черенъ, какъ горшокъ, киселъ, какъ вино (соб. винная кисловатость), каменное сердце.—Вишня.

8. Tupi kampe trupinis, ne paveža ne arklis. (Piačius).

8. Лежитъ въ углу кусокъ, не свезетъ его даже лошадь.—Печь.

9. Ne tiek an dangaus žvaigždučiu, kiek an žiames skilnčiu. (Rugiena).

9. Не столько на небѣ звѣздочекъ, сколько на землѣ дыръ.—Поле, засѣянное рожью.

10. Viduri dvaro torielka kabo. (Menulis).

10. Посереди двора тарелка виситъ.—Мѣсяцъ.

11. Suraizgiotas, sumaizgiotas aina keliu baubdamas. (Bubnas).

11. Связанный, весь въ узлахъ идетъ дорогою да мычитъ.—Бубны.

12. Girioi kirstas, krome pirktas, paeme an ranku, gailei verke, (Škripka.

12. Въ лѣсу срублена, въ лавкѣ куплена, взяли на руки—горько плачетъ.—Скрипка.

13. Pilna laktiale baltu vištialiu. (Dantis).

13. Полная насѣсть бѣлыхъ курочекъ.—Зубы.

14. Da tevas ne užgime (jau), sunus in vaina išejo (или ant vainas). (Ugnis ir dumai).

14. Еще отецъ не родился, а сынъ уже на войну вышелъ.—Огонь и дымъ.

15. An to žirgo visi jodo, nieks i ne pašere. (Sliankstis).

15. На томъ конѣ всѣ ѣздятъ, никто его не покормилъ.—Порогъ.

16. Du aina, du viada, triačes kialia rodo. (Vežimas).

16. Двое идутъ, двое ведутъ, третій дорогу кажетъ.—Телѣга.

17. Maža paniale (bobute) visa svieta abdenge. (Adata).

17. Маленькая дѣвица (или бабенка) весь свѣтъ (всѣхъ людей) прикрыла.—Игла.

18. Ožis stuboi, barzda lauke. (Balkei).

18. Козелъ въ избѣ, борода на улицѣ (соб. внѣ дома).

19. Dvi paniales per viena ažialia nesusiveina. (Nosis ir akis).

19. Двѣ дѣвицы черезъ одну межу—(а) не сходятся.—Носъ и глаза.

20. Kas be žiedo viada? (Kadugis.

21. Kiale geležine, vūdega kanapine. (Adata).

21. Свинья желѣзная, хвость конопляный.—Игла и нить.

22. Židas pirti, barzda lauke. (Rope.

22. Жидъ въ банѣ, борода на улицѣ.—Рѣпа.

23. Auga be šaknies, židi be žiedo, služije visam svietui. (Druska).

23. Растетъ безъ корня, цвѣтетъ безъ цвѣтка, всѣму свѣту служитъ.—Соль.

24. Turi kojas neina, turi šiaudu neda. (Lova).

24. Имѣетъ ноги—не идетъ, имѣетъ солому—не жретъ.—Кровать.

25. Balta paklode visa svieta diange. (Dangus.

26. Tupi tupikas, karo karikas, prašo Dievo tupikas, kad nupultu karikas. (Katinas ir lašiniai).

27. Laiba paniale visa svieta diange. (Adata).

28. Bačka be dugno. (Pilvas.

29. Ruda rudinaite, žalia kepuraite. (Morkva).

30. Šulinis be dugno. (Žiedas).

31. Už šuni mažiasnis, už arkli didiasnis. (Balnas).

32. Du štarai štarina, du vanagai kabina. (Žagre.

33. Riečiau diena, riečiau nakti, niekad Dievo diržo nesuriečiau. (Kialias.

34. Aukštas kaupokas, vino smokas, akmenine širdis. (Sliva).

35. Aina piar šiaudus ne šnabžda, aina piar vandeni ne skiasta, aina piar ugni ne diaga. (Šešelis).

36. Stovi žalnierius, raudonas kauonierius. (?) (Bijunas).

37. Keturi kampai Dievo darbai, viduri kukis ir kankalas. (Šulinis).

38. Kai buvau miarga miargavau, kai buvau marti—martavau, kai pasenau,—akis gavau, piar tais akis pati išlindau. (Aguna).

39. Du karvialei čista vandeni giaria, o du drumščia. (Ratai).

40. Aukštai stovi, slobnai karo, pats maknotas, galas nūgas. (Obelis).

41. Molio Motiejukas, aksomo pilvukas. (Sliva).

42. Begdama avite priede. (Špule.

43. Nedaromas pasidaro. (Plišis sienos).

44. An babikos kiemo gialiažineis jaučeis aria. (Avi kiarta).

45. Šarange, varange, po sūlu nosirange. (Kulbe).

46. Iūdūi, ne jūdūi, aš i tavia kišiu. (Cebatai.

47. Aplink stuba ažerai. (Langai).

48. Gaidis an tvoros, vūdega an žiames. (Dalgis an tvoro).

25. Бѣла простыня весь свѣтъ покрываетъ.—Небо.

26. Сидитъ (одинъ), виситъ (другой), проситъ Бога (первый), чтобъ упалъ (второй).—Котъ и сало.

27. Стройная дѣвица весь свѣтъ покрываетъ.—Иголка.

28. Бочка безъ дна.—Животъ.

29. Красноватый кафтанъ, зеленая шапочка.—Морковь.

30. Колодецъ безъ дна.—Кольцо.

31. Меньше собаки, больше лошади.—Сѣдло.

33. Катился днемъ, катился ночью, никогда Божьяго ремня не скаталъ.—Дорога.

34. Высокій колпакъ (?), вкусъ вина, каменное сердце.—слива.

35. Идетъ по соломѣ не шуршитъ, идетъ по водѣ не тонетъ, идетъ по огню не горитъ.—Тѣнь.

36. Стоитъ солдатъ красный киверъ. (?).—Піонъ.

37. Четыре угла—Божьи труды, въ серединѣ палка (съ крючкомъ) и колокольчикъ.—Колодецъ.

38. Дѣвкой была и жила какъ дѣвка; невѣсткой была—жила какъ невѣстка; какъ состарилась, глаза получила; черезъ тѣ глаза сама вылѣзла.—Макъ.

39. Два голубка чистую воду пьютъ, два мутную.—Колеса.

40. Высоко стоитъ, слабо виситъ, само мохнатое, конецъ нагой.—Яблоня и яблоки.

41. Глиняный Матюшка бархатное брюшко.—Слива.

42. Бѣгая овечка пожираетъ.—Шпулька.

43. Недѣланное сдѣлалось.—Трещина въ стѣнѣ.

44. На бабиномъ дворѣ желѣзными волами пашутъ.—Рѣжутъ овцу.

47. Вкругъ избы озера.—Окна.

48. Пѣтухъ на заборѣ, хвостъ на землѣ.—Коса на заборѣ.

49. Baltoi bačkialei dvejopas alus. (Kiaušinis).

50. Aržūlelis kunkūlelis šimtalapis, šimtašakis, viršui menū tiaka. (Linas),

51. Pana nūga, marškinei anti. (Žvake).

52. Aukšta pana, sausa rura. (Bonka.

53. Kiša—marma, trauke varva. (Svirtis,

54. Atpurūja purutis su deviniom skurutem. (Cibulis).

55. Dvilika ponaičiu vienoi lovoi guli, ne vienos nera krašte. (Ratas).

56. Dvilika žirgu vienu pavadžui viada. (Greblis).

57. Šimtu vita, šimtu pinta, šimtu pavijota. (Kopustas.

58. Ejau nakti, pamečiau sakti, menū rado, saule pagavo. (Rasa).

59. Atleke paukštis be sparnu, uštupe an miadžio be šaku, atejo pana be dantu, suede paukšti be sparnu. (Kap sniekti).

60. Buvau mažas—garbinūtas, kai užaugau—kankalūtas, kai pasianau—pats pavirtau. (Žirnei).

49. Въ бѣлой бочкѣ двоякое пиво.—Яйцо.

51. Дѣвица нага, а рубашка за пазухой.—Свѣча.

53. Погружаютъ — шумитъ, извлекаютъ—капаетъ.—Колодецъ-журавль.

55. Двѣнадцать дѣвицъ на одной кровати лежатъ, ни одной нѣтъ на краю.—Колесо.

56. Двѣнадцать коней однимъ поводомъ ведутъ.—Грабли.

58. Шелъ ночью, бросилъ, пряжку, мѣсяцъ нашелъ, солнце поймало.—Роса

59. Прилетѣла птица безъ крыльевъ, сѣла на дерево безъ вѣтвей, пришла дѣвица безъ зубовъ, сожрала птицу безъ крыльевъ.—Снѣгъ.

60. Малымъ—былъ курчавымъ, какъ выросъ—въ колокольчикахъ, состарился самъ измѣнился.—Горохъ.

Г. Гинкенъ.

Корельская свадьба.

Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ еще имѣетъ много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Въ особенности много своеобразнаго въ обрядахъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляковъ, въ обрядахъ свадебныхъ и погребальныхъ.

Свадьбы въ Корелѣ по большей части бываютъ или осенью, до Филиппова поста (Раштаванъ пюһä), или же зимою послѣ Рождества (дялгэсъ Раштавадъ). Выборъ такого времени для заключенія браковъ—вполнѣ понятенъ. Осеннее и зимнее время болѣе свободное для кореляка и, сравнительно, болѣе богатое....

Къ осени полевыя работы всѣ покончены: сѣно выкошено и убрано, хлѣбъ засѣянъ, при томъ, у каждаго съ осени водится свой хлѣбъ, своя крупа и у большинства солёное или вяленное (высушенное на солнцѣ) мясо. Къ тому же, съ первымъ снѣгомъ въ корельскомъ краѣ начинаются и кой какіе заработки, дающіе мѣстнымъ жителямъ «деньгу на расходы» (росходуойһъ). Вывозка бревенъ (ведо), рубка дровъ для лѣсопромышленниковъ, охота на лѣсную дичь,—все это въ общемъ даетъ кореляку кой-какіе доходы, на которые онъ можетъ и водки закупить свадебнымъ гостямъ, и отдарить ихъ подарками (лаһьюойтада), и попа ублаготворить за вѣнчанье.

«А нужно-либо нашего Пекку (Петра) обвѣнчать въ этомъ году», скажетъ кореляκъ-семьянинъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, сидя за вязаньемъ сѣтки: «жена моя—единственная хозяйка (эмäндэ) въ семьѣ—стара теперь стала, трудно ей одной справляться съ домомъ, нужна ей непремѣнно помощница, молодая невѣстка»... Скажетъ и замолкнетъ на цѣлый вечеръ, еще болѣе углубясь въ свою механическую работу. Но слова «рѣдкобая»—кореляка не пропали даромъ... Проходитъ недѣля, проходитъ другая, и вдругъ въ воскресный или праздничный вечеръ созываются къ нему въ домъ ближайшіе родственники: братъ, сестра, крестный отецъ (ристижä), его крестная мать (ристимя), женихъ снаряжается въ лучшее платье, и длинный рядъ лошадей, увѣшанныхъ бубенчиками, запряженныхъ въ легкіе санки съ сидящими въ нихъ свадебными гостями, направляется къ тому дому, гдѣ живетъ молодая дѣвушка, по возрасту—невѣста.

Женихъ съ родственниками входитъ въ домъ невѣсты и послѣ первыхъ привѣтствій говоритъ: «прежде ходилъ къ вамъ для ходьбы, а теперь пришелъ добрымъ молодцомъ» (эндэ кäвюйнъ кäвюмиштэ, нюгю тулинъ һувäксъ міеһэксъ). Отецъ невѣсты и его семейные радушно встрѣчаютъ «сватовъ» (сулһайжидъ) и приглашаютъ ихъ сѣсть за столъ въ почетномъ большомъ углу». Невѣста же убѣгаетъ вонъ изъ дому; если зимнее время, то уходитъ въ деревню, въ домъ сосѣда, а если лѣтнее, то запирается въ своемъ чуланѣ и здѣсь одѣвается въ самое лучшее платье, какое только у ней есть. Кстати замѣчу, обычай требуетъ, чтобы каждая корельская дѣвушка, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоятельной семьѣ, имѣла непремѣнно шелковое или шерстяное платье, хотя изъ дешевенькой матеріи, и суконное тёплое пальто... Пока не справлена ей эта одежда, она до тѣхъ поръ не считается настоящей невѣстой.

Тѣмъ временемъ, пока невѣста одѣвается, женихъ и его родственники, сидя за столомъ, ведутъ съ ея семейными обычный мирный разговоръ: «Что слышно (мидä куулувъ)? какъ хлѣбъ въ этомъ году уродился, сколько скотины на дворѣ стоитъ, сколько денегъ заработали вывозкой бревенъ лѣсопромышленникамъ» и т. п... Женщины же, какъ угорѣлыя,

суетятся, приготовляя гостямъ угощеніе: наливаютъ водой самовары, разводятъ на очагѣ огонь, мѣсятъ тѣсто для пироговъ; для подмоги (на помощь) къ нимъ, обыкновенно, приходятъ дѣвушки, подруги невѣсты. Когда все приготовлено, когда скипятъ самовары, выпряжагъ пироги (такъ называемые «пряжéные»—кейтинъ-пiйрайдъ), приходитъ домой невѣста; она подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ сваты, и, поздоровавшись съ каждымъ изъ нихъ, дѣлаетъ общій поклонъ и говоритъ: «если гожусь, то ваша» (если пäдэнъ, минä тэйдэнъ); а иногда её подводитъ къ гостямъ какая-нибудь бойкая старуха-сосѣдка и, кланяясь вмѣстѣ съ ней, говоритъ: «вотъ тутъ вамъ огонь-ласица» (вотъ сiйтъ тэйле тули-ребуой). Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій начинается угощеніе; угощаютъ чаемъ, водкой и пряжеными пирогами. Чай подаетъ непремѣнно невѣста и старается это дѣлать какъ можно граціознѣе и плавнѣе, боясь расплескать чай изъ чашекъ, что въ корелѣ считается признакомъ не хозяйственности.

Отпитъ чай, и гости садятся ужинать. Блюда на ужинъ подаются самыя обыкновенныя, какія случатся; что сварено или спечено, то и ѣдятъ гости: сварено мясо—и гости хлебаютъ щи съ мясомъ, сварена рыба—и они ѣдятъ уху съ рыбой... Послѣ ужина, когда со стола все уберутъ, на столъ снова разстилаютъ скатерть, и старшій изъ гостей жениха-отецъ-ли то, а если нѣтъ его въ живыхъ, то или старшій братъ, или дядя—вынимаетъ изъ кармана деньги и раскладываетъ ихъ по столу, приглашая отца невѣсты взять изъ нихъ, сколько тотъ захочетъ. Денегъ выкладывается не одинаковое количество, кто сколько можетъ. Если женихъ—человѣкъ богатый, сынъ «состоятельнаго» крестьянина, то на столѣ появляются даже сотенныя бумажки, но такіе случаи очень и очень рѣдки въ исторіи корельскихъ свадебъ. Обыкновенно же ограничиваются 15 или 20 рублями; это количество непремѣнно должно быть выложено, хотя какъ бы ни бѣденъ былъ женихъ: ужъ лучше въ долгъ возметъ, а рублей 15—20 выложитъ. Деньги изъ кармана вынимаются медленно, съ разстановками и съ нѣкоторымъ «бахвальствомъ». Положитъ родственникъ жениха часть денегъ и говоритъ: «у меня больше нѣтъ, пошлите въ деревню, выпросите въ долгъ», и потомъ снова достаетъ изъ кармана: «нѣтъ, у меня еще есть, не кончились, на этотъ разъ хватитъ»... Отецъ невѣсты (или братъ ея, или дядя, если нѣтъ въ живыхъ отца) беретъ деньги, или только часть ихъ и уходитъ со своими ближайшими родственниками въ чуланъ «на думу» (дуумалэ).

Здѣсь и рѣшается вопросъ: выдать ли дѣвицу замужъ или нѣтъ; если вопросъ этотъ большинствомъ голосовъ рѣшенъ положительно, приглашаютъ въ чуланъ невѣсту и у ней спрашиваютъ—согласна ли выйти замужъ за этого жениха? Согласіе, впрочемъ, рѣдко спрашивается отъ невѣсты-корелки. Всѣми брачными дѣлами вершатъ родители и старшіе въ семьѣ, «которые больше жили на свѣтѣ и потому больше и лучше все знаютъ». Приглашаютъ также потомъ и жениха; у него спрашиваютъ—на какихъ условіяхъ онъ беретъ невѣсту?—беретъ ли просто одну невѣсту или хочетъ приданнаго: лошадь, корову, деньги... Условившись на счетъ приданнаго, тутъ же назначаютъ число шаферовъ (8—10) и шаферинъ (6—8) и выряживаютъ съ жениха по рублю денегъ на человѣка—проводника невѣсты. Если, напр., со стороны невѣсты будетъ проводниковъ 9 человѣкъ, которыхъ нужно будетъ одарить, то съ жениха рядятъ 9 рублей...

Сразу послѣ думы—«дууме, луейжедъ», невѣста накидываетъ на голову платокъ, наклоняетъ внизъ голову и жалобнымъ голосомъ протяжно причитываетъ сначала предъ иконами, а потомъ предъ родителями и родственниками...

Благословикатъ нюгю, армаһадъ сӯндӯйжедъ;	Благословите теперь, милые «сӯндӯ»,
Благословикатъ омилэ озайжилэ,—	Благословите на свое счастье (на свою счастлив. жизнь):
Туһисъ озисъ турбедимилэ озайжилэ;	Изъ тысячи счастій — на самое обильное счастье;
Изволикатъ. нһаладъ сӯндӯйжедъ,	Дайте согласіе, чудесные «сӯндӯ»,

Садойсъ озисъ—сагедимилэ...

Ляхтэнъ омилэ озайжилэ, орхедадъ сўндуйжедъ;

Каллэђедъ сўндуйжедъ, лійкутакатъ минудъ
Кюммениз озайжиз—кюлль озайжилэ...

Изъ сотни счастій выбрать самое полное (букв.—густое);
Я начинаю жить самостоятельною жизнью (букв.—иду на самостоятельное счастье), могучіе «сўнду»!
Дорогіе »сўнду», кряньте меня (подвиньте меня)
Изъ 10-ти счастій на самое превосходнѣйшее счастье (букв.—самое сытое, полное сч.).

Плачетъ предъ отцомъ:

Вуота ляхтэнъ нюгю эчинъ
Урой-кулдатъ армойштанидъ...
Эдъ ђяй кягенну, урой-кулдайнэ-армойжени,
Элявиксэ эройтай, кавнижъ-пђо,

Казвиндъ—айгайжилъ...
Виксэ сипä кулдайнэ-урой-каллижъ-армойжени,
Эдъ кягенну, да эройтидъ игяксъ...
Виксэ онъ синудайжъ

Илмойнъ сувимадъ суладэлту,
Урой-віеказъ-армойжени...
Виксъ онъ сиудуйжъ
Війнуой ведўйжилъ веселдўтэтту
Илмой верзомадъ...

Подождите, пойду теперь поищу
Золотаго, милаго, мужественнаго...
Вѣдь не думалъ—мужественный, золотой, милый,
Живую меня удалить отъ себя, прекрасная радость,
Въ самую пору воспитанія (рощенія).
Вѣрно, ты, хоть и не думалъ.

Золотой, мужественный, дорогой, милый,
Но всё таки отдѣлилъ меня отъ себя на вѣки...

Вѣрно, тебя
Запекшіеся на воздухѣ умягчили,
Мужественный,—рѣзвый, милый!
Вѣрно, тебя
Винными водами развеселили
Всесвѣтные бродяги...

Плачетъ предъ матерью:

Онъ ђяй минулъ-кювелмёлъ
Кюммениданъ кууђуйжиденъ канделій,—
Онъ ђяй минулъ-либужъ-лапсэлъ

Риндайжиз либуттай-найнэ,
Либужъ-армойжени...
Вачайжизъ кандай-найнэ,
Валгей армойжени...
Эдъ ђäй кягенну казватусъ—айгайжилъ
Илмой-айгамиђъ андада...

Мидä бо нюгю сипä рубежидъ
Вачасъ кандай-найнэ,
Велгей армойжени,
Илмой элятэттўлой эройтаммађъ?

Энъ ведъ ни міітумидъ безчестидъ азуну,

Есть еще вѣдь у меня—пылкой,—
Десять мѣсяцевъ носившая...
Есть вѣдь у меня,—красиваго ребенка (букв.—гладкаго реб.),
Воротъ разглаживавшая женщина.
Красивая, милая;
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая!
Вѣдь не думала ты въ пору рощенія
На всегдашнее время отдѣлить меня прочь?!...

Зачѣмъ же теперь ты стала,
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая,
Меня, постоянно жившую вмѣстѣ, разлучать?

Вѣдь, кажется, я никакого безчестнаго поступка не сдѣлала?...

А рубежиттэ илмой-айгамиһъ андамаһъ...
Віе ё олнуйжинъ нӓмядъ
Кавнэһедъ, кергедӓдъ кезӓйжедъ
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...
Олнуйжинъ віе ё кўвелмё-лапси

Кулдайжилъ куннивойжилъ...

Міели армойженидъ, тэйдэнъ міилостійзъ...

Куй бо рубеннэнъ минӓ нюгу

Илмой эляттӧмизъ эроннэмаһъ?
Міели-армойженидъ,

Тэйдэнъ армойженизъ эроннэмаһъ?
Віе хоть пидӓнўйжиттэ, кавнэгһдъ иһодъ,

Кавнэһидэнъ луадуйжидэнъ кавнуйсъ.
Віе хоть пидӓнўйжиттэ,
Иһаладъ армойженидъ,

Кавнэһидэнъ иккунъ піелижизъ...
Хоть віе пидӓнўйжиттэ,
Соредадъ армойженидъ,
Срочитунъ столанъ піаһўйжидэнъ кавнуйжизъ...

А между тѣмъ теперь ты стала
Разлучать меня навсегда...
Я бы еще хотѣла пожить
Въ эти прекрасные, рѣзвые годы
На своей бѣлой волѣ (букв.—на своихъ бѣлыхъ... plur.).
Я—пылкій ребенокъ, еще хотѣла бы остаться
При своихъ прежнихъ золотыхъ почестяхъ;
Сильно милые, я осталась бы при вашихъ милостяхъ...
Какже я теперь буду
Разлучаться съ тѣми, съ кѣмъ жила постоянно?
Очень милые,
Какъ же я буду отъ вашихъ ласкъ отставать?...
Хоть еще оставили бы меня,
Прекрасные радостные,
Въ прекрасно сдѣланномъ помѣщеніи (въ избѣ)...
Хоть еще оставили бы меня,
Радостные милые,
У прекрасныхъ оконныхъ липинъ,...
Стройные милые,
Еще подержали бы меня
Въ избѣ за украшенными столами...

Плачетъ предъ братомъ:

Онъ һӓй минуллайни
Ўксисъ вачайжизъ вуалитту,
Валгей саккали, вуаліяйжени лапси;
Кавнижъ иһо, кандойни кандэтту...

Мидӓ бо синӓ кюллидъ армойженидъ

Эдъ кіелдӓнў,
Пӓмидэнъ кавнайжидэнъ азудэсъ?...
Минӓ синуһъ пидинъ суврэдъ недёжадъ,

А синӓ кюллидъ армойженидъ
Эдъ кіелдӓнў,
Паштайсъ пӓйвяйжизъ пуолэтту,
Пӓйвинъ оттаяйжени лапси!
Куй бо минӓ рубеннэнъ,
Айгаюойжени лапси,

Тэйдэнъ артелійжизъ эродэлемаһъ?

Эдъ синӓ минудайни

Есть вѣдь еще у меня
Въ одномъ брюхѣ скатанный,
Бѣлый попрыгунъ, скатанное дитя,
Прекрасный, веселый, чрезъ ношенье принесенный...
Почему же ты очень милыхъ не отсовѣтовалъ
Заключать эту торговую сдѣлку?
Я на тебя возлагала большія надежды...
А ты, между тѣмъ, сильно-милыхъ не отсовѣтовалъ...
Отъ яркаго солнышка убавленное,
Солнцу подобное дитя,
Я въ недоумѣніи,
Я не знаю—какъ буду
Отъ вашихъ артелей отлучаться...
Ты на меня ни разу дурными словами не прикрикнулъ
Но держалъ только, прекрасный, радостный,
Чрезъ ношенье принесенный,

Ни виһойль санайжилъ виркану...
Вай ё пидэлидъ, кавнижъ иһо,

Кандуойни кандетту,
Кавнэһидэнъ луадуйжидэнъ кавнуйжизъ...
Эдъ һай ни мійтумиһъ руадуйжиһъ руаччину,
Веселлъ кала, верзояйжени лапси...
Вай ё пидидъ,—кавнэһилэ руадуйжилэ мяндўдъ,
Веселлъ ведўйжидэнъ туоянъ
Кавнэһидэнъ калайжидэнъ кейтäянъ...
Вай ё пидидъ, сореяйжени лапси,
Сойтаянну да паятэттаянну...
Віе һäй, кавнижъ иһо,
Кавнэһилъ собайжилъ кавништэлидъ
Кавнэһилэ илмайжилѣ кявўдэсъ...
Куй бо нюгю минä рубеданъ,
Аткалайнэ лапси,
Тэйдэнъ артелійжизъ эронеммаһъ?...
Тубіёйни лапси, сурэдъ спассибодъ
Ўленъ һўвилъ обучайжилъ
Кавнэһидэнъ казвидойнъ айгайжилъ...
Куй бо нюгю рубежидъ
Илмой элятэттўлöй эройтаммаһъ?...
Віе ё олнуйжинъ, вуаліяйжени лапси,
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...
Пядерäйнэ лапси,—

Пяйвяйжидэнь валгедумилъ валдайжилъ
Нäмядъ кавнэһедъ кезäйжедъ...

Въ прекрасно выстроенномъ помѣщеніи...
Вѣдь ни на какія работы ты не принуждалъ меня,
Весёлая рыбка, рослое дитя!
Только, идя на чистую работу,
Ты заставлялъ меня приносить воду (для питья)
И варить прекрасную рыбу...
Только и дѣла было мнѣ у тебя, стройное дитя,
Что я пѣла и играла...
Вѣдь еще, прекрасная радость,
Украшалъ ты меня красивыми одеждами,
Когда я выбѣгала на ясный свѣтъ...
Какъ же я теперь буду—
Печальное дитя (называетъ себя),
Отъ вашихъ артелей отлучаться?...
Знойное (букв.—южное дитя)
Большое спасибо
За твои добрыя наставленія,
Которыя ты давалъ мнѣ
Въ пору моего прекраснаго воспитанія...
Какъ же теперь ты сталъ
Постоянно жившую вмѣстѣ разлучать?...
Еще я побыла бы, скатанное дитя,
На своей бѣлой волюшкѣ...
Несчастное я дитя!
Еще я побыла бы въ эти прекрасные годы
На своей бѣлой, какъ день, волюшкѣ...

Плачетъ предъ сестрой:

Онъ һäй минуллайнилъ
Ўксисъ вачайжизъ вуалитту,
Вуаліяйжени лапси,
Озайжидэнъ оппинудъ!
Кюзелтиһъ го синудъ кўллядъ армойженидъ
Нäмидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?...

Синä олэдъ азэтанну илмой айгамидъ...

Мійтумадъ віе эхки олдаһъ

Илмойнъ міелидэнъ оттамидэнъ мійлостидъ?
Онъ го айго армойженидэнъ армодъ

Илмой айгамизъ?...
Онъ го илмойнъ міелидэнъ оттамизъ

Міели-армойженидэнъ мійлостидъ?

Есть вѣдь у меня
Во одномъ брюхѣ скатанное,
Сваляное дитя,
Только что отвѣдавшая счастья!...
Совѣтывались ли съ тобою милые родители (букв.—до сыта милые...)
Когда начинали производить эту торговлю?...
Ты уже успѣла услуживать тѣмъ, которые постоянно на міру (разум.—сваты)...
Какія еще милости у отбирающихъ всесвѣтныя мысли (т. е. у сватовъ)?...
Есть-ли у отбирающихъ всесвѣтныя мысли
Такія-же милости, какъ у очень милыхъ родителей?...
Есть-ли у запекшихся на воздухѣ
Такія-же ласки, какъ у ласковыхъ милыхъ?
Есть-ли у носящихся по свѣту

Онъ го илмой-сувимизъ

Сулидэнъ армойжидэнъ суладъ?...
Онъ го илмойнъ кандамизъ
Каллэһидэнъ армойжидэнъ кавнудъ?...

Такія-же помѣщенія, какъ у дорогихъ, милыхъ?...

Плачетъ предъ крестной матерью:

Онъ гäй минулъ
Ристой ведўйжизъ либуттай-найнэ,
Либужай армойжени...
Ваһой ведўйжизъ валгайдэлій,
Валгедъ армойжени...
Кулдайжизъ купелійжизъ кубластаттэлій,
Кулдайнэ армойжени...
Кюзўттиһъ го кулдадъ армойженидъ синудайжъ,
Нäмидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?...
Каллэһисъ ведўйжизъ валгайдэлій найнэ,

Валгей армойжени,
Отэттиһъ го каллэһедъ армойженидъ
Ўксилэ дуумайжилэ,
Нäмидэнъ игяйжидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?...

Есть вѣдь еще у меня
Обливавшая въ крещальныхъ водахъ
Женщина, гладкая, милая!
Въ восковыхъ водахъ выбѣлившая,
Бѣлая милая...
Въ золотой купели погружавшая,
Золотая милая...
Совѣтовались ли съ тобою золотые милые (родители),
Когда начинали эту торговлю?...
Въ дорогихъ водахъ выбѣлившая женщина,
Бѣлая милая!
Пригласили ли тебя дорогіе, милые
На одинъ съ ними совѣтъ,
Когда задумали эту торговлю, имѣющую значеніе на всю мою жизнь?..

Затѣмъ сватамъ невѣстина сторона даритъ—кому рубаху, кому платокъ, и гости сытно угощенные и одаренные подарками уѣзжаютъ во свояси.

Въ томъ же случаѣ, когда невѣсты не хотятъ выдать замужъ, или не согласятся съ условіями, предложенными женихомъ, отецъ невѣсты деньги, взятыя со стола, отдаетъ обратно и свадебныхъ гостей не дарятъ. И какъ только сваты уйдутъ, невѣста бѣжитъ къ костру дровъ, беретъ отсюда три полѣна неколотыхъ, круглыхъ, несётъ ихъ въ избу, въ большой уголъ и, не наклоняясь, бросаетъ на полъ изо всей силы; это дѣлается для того, чтобы скорѣе приходили другіе сваты.

На другой день (если свадьба состоится) родственники невѣсты (отецъ, братья, зятья, сёстры, крестный отецъ и мать невѣсты) идутъ въ гости въ домъ жениха—осматривать его хозяйство (кодидъ каччомаһъ). Здѣсь они угощаются — пьютъ чай, водку, ѣдятъ пряженые пироги и назначаютъ день вѣнчанія. Въ богатыхъ домахъ, когда женихъ и невѣста люди «зажиточные», день этотъ (день вѣнчанія) отлагается на цѣлую недѣлю впередъ, и во всѣ эти дни, до самаго дня вѣнчанія, задаются взаимныя угощенія: то въ домѣ невѣсты, то въ домѣ жениха. Кромѣ дневныхъ угощеній, въ домѣ невѣсты ежедневно вечеромъ устраиваются «бесѣды» (букву «ѣ» нужно читать, какъ ё), на которыя приходитъ или пріѣзжаетъ женихъ и танцуетъ съ своей невѣстой (кстати упомяну о танцахъ на корельской бесѣдѣ—лянсье, кадриль и «совдино» или «чоуку»). Днемъ невѣста не принимаетъ никакого участія въ угощеніи гостей. Она въ это время, одѣтая въ самое простенькое платье, съ распущенными волосами, съ низко опущеннымъ на глаза платкомъ, подходитъ вмѣстѣ съ старухой плакальщицей къ каждому изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и плачетъ предъ ними подъ слова причитаній.

Наступаетъ потомъ и самый день вѣнчанія. Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣста въ сопровожденіи дѣвушекъ, своихъ подругъ, отправляется въ баню. Подруги-дѣвушки въ баню не заходятъ, а, сидя въ банныхъ сѣняхъ (предбанникѣ), поютъ пѣсни. Пѣсенъ, исключительно только на этотъ случай существующихъ, въ корелѣ нѣтъ.

Поются тѣ самыя пѣсни, которыя обыкновенно распѣваются за танцами на бесѣдахъ. Дѣвушкамъ—или женихъ, или который-нибудь изъ эго шаферовъ приноситъ сюда крендели, конфекты, а иногда и водку и всѣмъ этимъ угощаетъ ихъ; хотя, нужно замѣтить, что въ корельскомъ краѣ рѣдкая изъ женщинъ пьетъ вино.—Невѣста тѣмъ временемъ умывается въ банѣ. Къ ней приглашается сюда старуха—знахарка; эта послѣдняя натираетъ тѣло невѣсты солью съ словами наговора: «какъ эта соль около меня ходитъ, такъ пусть такой-то (имя) будетъ около меня—во всѣ дни, мѣсяцы и во всю здѣшнюю жизнь. Какъ потъ на моемъ тѣлѣ сохнетъ, такъ пусть и душа его (имя) по мнѣ сохнетъ». (Куй нӓммӓ суоладъ кявютӓһъ минусъ ӱмбяри, муга анда Пекко минусъ ӱмбяри, куни куудъ, куни пяйдъ, сиксъ илмаштъ игядъ. Куй минунъ һиги һибьяһъ куйвавъ, муга һӓнэнъ һэнги минуһъ куйвагаһъ). Соль эта потомъ не бросается, но бережно приносится изъ бани домой и полагается въ тѣсто, изъ котораго во время свадьбы пекутъ пироги исключительно только для жениха. По смыслу самаго наговора, цѣль этихъ колдовствъ—привязать жениха къ невѣстѣ, какъ можно болѣе тѣсными узами любви, нерасторжимыми до самой смерти...

Выйдя изъ бани въ предбанникъ (кюлюнъ сенчуойзъ), невѣста причитаетъ предъ дѣвушками, своими подругами:

Суврэдъ спассибодъ, кавиэһедъ иһодъ,	Большое спасибо, прекрасныя радости,
Ку ӱленъ һӱвядъ кӱлю-пертійжедъ,	Что очень хорошую баню (букв.—банныя избы)
Илмой-вуалимиһъ ляхтэдэзъ, ляммититтэ...	Стопили на уходѣ къ всесвѣтнымъ бродягамъ...
Ӱленъ весселядъ кӱлю-пертійжедъ пӓммӓ олдиһъ...	Очень веселая была эта баня...
Кай олиттэ міелижидъ-мӱӧти	Даже по уму мнѣ
Ляммядъ ведӱдъ азуну...	Приготовили вы тёплую воду...
Спассибо, иһвояйжени лапсэдъ,	Спасибо вамъ, потныя дѣти,
Ку изменӓйжидъ эттэ пидэлнӱ...	Что вы по отношенію ко мнѣ не измѣнились...
Віе кулкатъ, кӱлвӓяйженидъ лапсэдъ,	Еще послушайте, — дѣти,
Віе нӓммӓ лоппумайжедъ кірайжедъ:	Послушайте меня въ послѣдній разъ:
Проводикатъ ӱленъ сувризъ руадостійжизъ	Проводите меня съ большимъ весельемъ
Ускаланъ армуойжениnъ уличайжилъ...	По улицѣ надежнаго, дорогаго.
Вуотазъ віе-полтуяйнэ лапси пойкелдэлэмозъ	Дайте-ка я еще—перегорѣвшее дитя, поперекъ изломлюсь
Суланъ армойжениnъ сувризъ чупуйжизъ,	Въ углахъ сто разъ дорогаго...
Садожанъ армойжениnъ салмайжизъ...	Прежде были у ласковаго, милаго
Эидэ олдиһъ сулалъ армойженилъ	Въ большихъ углахъ медовые колодцы,—
Сувризъ чупуйжизъ мезижедъ кайвиуойжедъ...	Такія были большія удовольствія у золотаго милаго...
Кулдайжелъ армойженилъ мугомадъ олдиһъ суврэдъ руадостидъ.!.	А теперь я, мытая-милая,
Нюгю онъ, пези-армойжени,	Сижу въ большомъ углу въ великой печали...
Суврэзъ чупузъ сувризъ печалайжизъ...	Онъ, лукавый, дорогой, сталъ мѣнять меня на винныя воды..
Віеказъ армуойжени, рубежи війпамъ ведӱйжиһъ ваехтэлемаһъ.	

За невѣстой—взять её къ вѣнцу—пріѣзжаетъ женихъ со своими родственниками человѣкъ 10—20.

Еще издали по дорогѣ—внимательные родственники невѣсты замѣчаютъ поѣздъ жениха съ поѣзжанами и даютъ знать объ этомъ невѣстѣ.. И послѣдняя начинаетъ причитывать предъ родителями:

Каччогадъ нюгю каксидэнъ пуолижодъ,
Каллэһедъ а́рмойженидъ!
Ӱленъ суврэдъ туучадъ ностаһъ
Поһьяйжизъ пуолуйжизъ-піä,
Равдайжидэнъ рагеһуйжидэнъ керä:
Илмой-оттамадъ тулдаһъ,
Оружой олгайжедъ,
Минунъ валгедидэнъ валдайжидэнъ отой-міядъ,
Минунъ кулдайжидэнъ куннивуодэнъ кулуттаядъ...
Вастадэлэ, урой-валгей-армойжени,
Ӱленъ суврэдъ агьяттомадъ
Артелидъ тулдаһъ...
Кулдайнэ армойжени,
Азэттэлэ кувзикcъ недäликсъ кулгемаһъ;
Азэттэлэ, оркей-армойжени,
Осроганъ сэйнäйжедъ
Омилэ озрэ-муаһуйжилэ:
Анда кувдэдъ недäлидъ кулгедаһъ...
Куй эй войтайжъ илмой айгамодъ

Ни піäличи носта, ни алачи тулда...
Азэттэлэ, луадо міели-армойжени,
Луадо-луадожскойдъ ламбійжейдъ;
Панэ, міели-армойжени,
Мерэнъ параһадъ каладъ кіймимäһъ...
Анда илмой-кувамадъ
Кувзъ недäлидъ ніидъ качотаһъ,
Эхки олэнъ минä нэдъ айгайжедъ
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...

äлä, урой-ніалъ-армойжени,
Изменäйжидъ пидä...

Посмотрите теперь двухполовинчатые (т. е. родители),
Дорогіе милые!
Очень большія облака поднимаются
Съ сѣверной стороны,
Тучи—съ желѣзнымъ градомъ...
Идутъ всесвѣтные грабители
Съ ружьями на плечахъ,
Похитители моей бѣлой воли,
Уничтожающіе (букв.—издерживающіе) мои золотые царскіе годы...
Встрѣчай мужественный, бѣлый, милый;
Очень большія, безконечныя
Артели идутъ...
Золотой, милый!
Останови ихъ на шесть недѣль:
Пусть они понапрасну около ѣздятъ...
Сдѣлай, мощный милый,
На своихъ ячменныхъ поляхъ
Стѣны острожныя:
Пусть они ѣздятъ шесть недѣль взадъ и впередъ.
Пусть постоянные бродяги
Ни черезъ не могутъ перелѣзть,
Ни снизу пропихаться...
Сдѣлай, очень милый,
Красивыя Ладожскія озерки
И спусти въ нихъ играть
Лучшія морскія рыбки,
Пустъ свѣтъ (міръ) измѣряющіе
Любуются ими въ продолженіи шести недѣль;
Хоть я то̀ время буду жить
На своей бѣлой волѣ...
Смотри, мужественный, радостный, милый,
Не сдѣлай мнѣ измѣны...

Сваты изъ сарая идутъ въ избу:

Каче, кулдайнэ-армойжени,
Кувнанъ поһьясъ
Кулдіёйһъ-ведӱйжиһъ ё и ваехтидъ
Минунъ валгедадъ валдайжедъ!...
Каллижъ армойжени,
Каргедиһъ везиһъ ё и ваехтидъ...

Вотъ, золотой милый,
Ты и промѣнялъ меня на золотую воду
На днѣ сосуда...
Вотъ и промѣнялъ, дорогой-милый,
Мою бѣлую волю
На горькія воды...

Какъ только женихъ съ гостями въѣдетъ въ сарай, сюда къ нему выходятъ двѣ родственницы невѣсты и выносятъ—одна кисель и молоко, а другая матерію для «чепчиковъ» (повойниковъ, по корельски—чепче).

Первая, которая выноситъ молоко и кисель, подходитъ къ каждой изъ шаферинъ—со стороны жениха—и предлагаетъ отвѣдать киселя съ молокомъ: «сватья, говоритъ она, обращаясь къ которой-нибудь изъ нихъ, отвѣдай, пожалуйста, киселя съ молокомъ, отвѣдай: такую дальнюю дорогу ѣхала, слѣдуетъ и подкрѣпиться». Но «сватья» упорно отказывается отъ предлагаемаго угощенія и получаетъ изъ рукъ другой женщины—родственницы невѣсты на чепчикъ. Точно также угощаетъ и другую и третью, и т. д. всѣхъ шаферинъ, предлагая каждой кисель и молоко, но ни одна изъ нихъ не беретъ ни ложки, напередъ зная, что—сдѣлай она это, то потеряетъ другой болѣе цѣнный подарокъ—чепчикъ. Когда шаферины получатъ по чепчику, всѣ гости, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются въ избу. Невѣста же, стоя у дверной липины, (косяка) ждетъ, когда войдетъ женихъ, и какъ только послѣдній переступитъ чрезъ порогъ, она бросается на него и, что есть силы, старается нѣсколько разъ повернуть его. Цѣль этого дѣйствія—сдѣлать изъ жениха послушнаго мужа, которымъ бы и въ жизни, можно было повертывать также легко, какъ и теперь...

Иные женихи позволяютъ невѣстѣ повернуть себя, а иные же нѣтъ, и, не смотря на всѣ усилія ея, стоятъ крѣпко на ногахъ и чувствительными толчками отталкиваютъ её отъ себя. Свадебныхъ гостей жениха ждетъ въ избѣ цѣлый хоръ дѣвушекъ, которыя сидя за столомъ поютъ пѣсни; пѣсни опять поются обычныя, какія употребляются на бесѣдахъ (на русскомъ языкѣ); особенныхъ свадебныхъ пѣсенъ у кореляковъ нѣтъ. Женихъ приноситъ поющимъ дѣвушкамъ крендели, конфекты и пряники и кладетъ ихъ на столъ. Невѣста беретъ узелокъ съ гостинцами и раздаетъ ихъ подругамъ. Послѣ этого дѣвушки уходятъ вонъ изъ-за стола, и на мѣсто ихъ садится женихъ со своими поѣзжанами. Гостямъ приносится угощеніе: чай, водка и пряженые пироги. Послѣ же угощенія разстилаютъ на столѣ снова скатерть и приносятъ большой ржаной хлѣбъ, кладутъ на него икону и на столъ ставятъ солонку. Свадебные гости, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты поднимаются изъ-за стола, становятся предъ иконой, висящей въ углу на стѣнѣ, и начинаютъ молиться. Предъ иконой зажигается восковая свѣча или лампада. Невѣста становится рядомъ съ женихомъ, и оба кланяются одновременно три раза до самой земли. Потомъ отецъ невѣсты берётъ со стола хлѣбъ и икону и возлагаетъ на головы жениха и невѣсты по очереди до трехъ разъ. Это же самое продѣлываютъ и другіе родственники невѣсты.—Еще до благословенія одинъ изъ шаферовъ жениховой стороны бьетъ кнутовищемъ (ручкой кнута) по полкѣ на лицевой сторонѣ дома и говоритъ: «эта сторона наша» (тӓмӓ чура мейдэнъ), а, указывая на сторону къ дверямъ, говоритъ—«та сторона ваша» (сэ чура тэйдэнъ)—Послѣ благословенія происходитъ взаимное «поздравленіе» молодыхъ (гэрвэhтўсъ). Женихъ и невѣста цѣлуютъ другъ друга, и невѣста привязываетъ на шею жениху шелковый платокъ. Весь этотъ процессъ моленія предъ иконой и благословенія хлѣбомъ—кореляки называютъ «рукобитьемъ» (кядэнъ пику), хотя въ теперешнее время ничего похожаго на рукобитіе въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ. Послѣ «рукобитья» невѣста съ плакальщицей плачетъ предъ отцомъ, матерью, братьями и сестрами и жалуется, что они поступаютъ съ ней жестоко, немилосердно, отдавая въ неволю чужому человѣку.

Найдъ мійтумадъ, минунъ армойжени.	Вотъ вѣдь какую измѣну,
Изменӓдъ пидидъ!..	Какой обманъ
Мійтумадъ шурмудъ ласкидъ	Допустилъ ты, мой милый,
Сулидэнъ армойжидэнъ	Въ большихъ углахъ
Суврнhъ чуппулойhъ	Очень любезныхъ (т. е. родителей)?...
Вуота, кўлветтӓяйжени лапси,	Подожди,—пылкое дитя,
Кюзэлэнъ синуллайжъ:	Я спрошу у тебя:
Мидъ пӓммӓ олдаhъ	Что это за торговыя дѣла у тебя?
Кавпайжедъ синуллайжъ?	Или ты, пламенное дитя,
Вай олдаhъ, суоіейни лапси,	Продаешь лошадь (букв.—Это узды продажа)?...

Суйчи піанъ кавпайжедъ? ..
Вуота нюгю, туониво лапси,
Тоймиттэлемосъ...
Оннако ё, каллижъ ніо,
Кандойни кандэтту,

Минунъ-каргіяйженъ кавпа-піадъ олдаѣъ..
Оннако ё, вуаліяйнэ лапси,

Валгедидэнъ валдайжидэнъ кавпадъ олдаѣъ
Энъ дё сміеттину, ніало-сіеменъ,
Нѣмидъ изменайжидъ...
Нѣйдъ, луадіяйжени лапси,
Ласкидъ шурмудъ нэнгомадъ,

Кудамидъ кайкизъ казвиндо-айгайжизъ
Ни кіерадъ энъ аятэлну...

Вуота эхки валдойндэлемосъ
Омилъ валгедилъ валдайжилъ
Ковнэѣисъ луадуойжизъ,

Купи олэнъ пяйвяйѣюжидэнъ-валгедумилъ валдайжилъ...
Оннако ё отоймитаѣъ
Валгедадъ валдайжедъ...
Вуота эхки куннивойчемозъ,
Купи олэнъ купии вуодэнъ валдайжилъ,
Кулдайжизъ луадуйжизъ,
Тундожидэнъ армойжидэнъ
Туѣидэнъ параѣисъ луадуйжизъ...

Подожди теперь тuopiво дитя,—
Подожди я приду въ себя...
Кажется, дорогая радость,
Чрезъ ношенье принесенный,—
Кажется, моей горькой головы продажа происходитъ...
Скатанное дитя!
Кажется, продажа моей бѣлой воли происходитъ...
Ужь не ожидала я совсѣмъ, радостное сѣмя,
Такой измѣны...
Видишь, прекрасное дитя,
Какой обманъ ты допустилъ,
Котораго ни разу, во всю мою жизнь съ тобою,
Я и не представляла...
Подожди, хоть еще понѣжусь (букв.—повольничаю)
На своей бѣлой волѣ
Въ прекрасныхъ строеніяхъ,—
Понѣжусь,—пока я еще на своей волѣ, бѣлой, какъ день...
Кажется, отоймутъ бѣлую волю...

А поэтому подожди,—хоть пороскошничаю,
Пока я на своей роскошной волѣ,—
Пока я въ золотыхъ помѣщеніяхъ
Знакомыхъ-милыхъ (т. е. родителей),
Въ строеніяхъ, изъ тысячи лучшихъ...

Въ это же время,—во время причитаній происходитъ раздача подарковъ жениховой роднѣ: родному отцу и отцу крестному дютъ обыкновенно ситцу на рубашку; родной матери и крестной—по сорочкѣ, шаферамъ—по 5 аршинъ холста и одинъ или два ситцевыхъ платка, въ богатыхъ же домахъ, вмѣсто холста, даютъ кумачъ—аршина 4 или 5; шаферинамъ (саяипайнэ) по сорочкѣ и чепчику каждой. Шафера перевязываютъ свои подарки чрезъ плечо (на манеръ, какъ иногда дѣлаютъ діаконы съ ораремъ) и носятъ ихъ во все время свадьбы.

Невѣста, наплакавшись предъ всѣми своими родственниками, подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ гости жениха и, причитывая, проситъ гостей одарить её подарками. Женихъ и его родственники даютъ ей деньги, кто сколько можетъ: кто три, кто пять копѣекъ, а кто и больше. Потомъ невѣста снова подходитъ къ своимъ родителямъ, которые на этотъ разъ садятся рядомъ на одну скамейку, и, причитывая, проситъ у нихъ тёплой одежды—шубы, шубное одѣяло (катухке), проситъ—корову и овцу.

Иштугатоксэѣъ вай, ніаладъ армойжедъ...
Вуота минä нäмидъ лопудъ кіерайжедъ
Пакичепъ каллэнилъ армойженилъ
Каксидэнъ кіераллижедъ...
Андагадъ, пидэрядъ армойженидъ.

Присядьте-ка, радостные милые...
Подождите—я въ эти послѣдніе разы
Попрошу у васъ, дорогихъ-милыхъ,
Дважды-перемѣнную одежду...
Дайте, печальные милые,

Илмойнъ пяйвидэнъ оттамиһъ ляхтэдэсъ,
Пяйвилэ вастаһъ собадъ паштаядъ,..
Андагадъ, верзоядъ армойженидъ,
Везилэ вастаһъ ляйкюядъ собайжедъ,
Кавиэһедъ армойжедъ,
Андагадъ кавиуйжедъ піяһюйжилэ...
Андагадъ, ляммядъ армойженидъ,

Ляммизъ ваттэгизъ собайжедъ...
Эй ку панда илмойнъ-оттаядъ
Поһьяйжилэ пуолуйжилэ...
Андагадъ, каллэһедъ армойженидъ,
Дялгайжидэнъ кавиуйжедъ...

Андагадъ, кулдайжедъ армойженидъ,
Кулдӓ плъ куюойжилъ кулгіядъ...
Садожадъ армойженидъ,
Андагаттэ сарви-піяһюдэдъ
Илмойнъ савиштэттуйһъ ляхтэдэсъ...

Кергедӓдъ армойженидъ.
Андагадъ келлонъ кандаядъ...
Кай андагадъ, кӱлль армойженидъ,

Кӱлляжедъ приданнуойтъ...
Эй ку родидэ илмой кувамизъ

Кувзъ недӓлійжидъ кувлойтуксидъ?...

Эй ку родидэ илмой пяйвинъ оттамизъ

Пяйвяллижидъ пяйветӱксидъ?...
Пассибо кайкизъ, каксидэнъ пуолижодъ,
Каллэһедъ армойженидъ!...
Опиигадъ ё віе, валгедадъ армойженидъ,
Купи олэпъ тэйдэнъ валгедилъ ваддайжилъ
Минулъ-лейнӓлъ лапсэлъ
Лендӓядъ ліеменӱойжедъ..

Кӱлмянъ піяһюйжидэнъ кучермуйжедъ,
Купи олэнъ тэйдэнъ полвидэнъ піялюйжилъ,
Параһадъ армойжедъ!
Пандаһъ минунъ лендӓядъ ліеменӱгедъ

Кувзилэ кучермуойжилэ
И пяйвяйжидэнъ пяйветтӱмяттӧмилэ сіяһуйжилэ...
Суврэдъ спассибодъ, суладъ армойженидъ,
Каку кайкелъ приданнуойль
Кюллититтэ...

Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ бродягамъ,
На солнцѣ сверкающую одежду,
Отражающуюся въ плещущейся водѣ...
Дайте украшенія на голову;
Дайте, ласковые милые,
Изъ теплаго сукна одежду:
Чтобы да не поставили меня всесвѣтные грабители
На сѣверную сторону...
Дайте, дорогіе милые,
На ноги украшеніе;
Дайте, золотые милые,
По золотымъ дорожкамъ скользящіе (разум. — сапоги)...
Щедрые-милые,
Дайте рогатыя головы (корову)
Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ нищимъ...
Ясные милые,
Дайте также носящія колокола (что-н. изъ скота)...
Все дайте, довольные милые,—
Все богатое приданное. .
Что-бы иначе—не было отъ всесвѣтныхъ бродягъ
Шести недѣльныхъ попрековъ,
Что-бы не было у меня предъ всесвѣтн. грабителями
На лицѣ солнечнаго загара (не было стыдно)...
Спасибо за все, двухъ-половинчатые (т. е. родители);
Спасибо вамъ, дорогіе милые!...
Пощупайте еще, бѣлые-милые,
Пока я на вашихъ бѣлыхъ воляхъ,
Пощупайте—у меня, льнянаго ребенка,

Мой развѣвающійся ленъ (волосы),

Кудри-холодной головы,
Пощупайте, пока я еще на вашихъ колѣняхъ,
Лучшіе милые.
Положатъ мой развѣвающійся ленъ

На шесть кудерокъ (косъ)
И въ такія мѣста, куда не проникнетъ солнечный загаръ...
Большое спасибо вамъ, мои милые,
За то, что всякими подарками меня наградили (букв.-насытили)...

Послѣ окончанія этихъ причитаній, на плечи ей накидываютъ шубное одѣяло (катухке) мѣхомъ вверхъ и уводятъ въ чуланъ. Здѣсь начинается одѣванье невѣсты къ вѣнцу. На полу чулана разстилается выдѣланная овечья шкура, а если въ домѣ ея нѣтъ, то и шуба, мѣхомъ вверхъ, и подъ ноги невѣсты, подъ шкуру кладутъ топоръ и пилу: это для богатой жизни. Невѣсту раздѣваютъ до нога, и въ чуланъ къ ней приводятъ жениха. Женихъ долженъ взять голую невѣсту и посадить её къ себѣ на колѣни. Подержавъ такъ нѣсколько времени на колѣняхъ, онъ молча уходитъ вонъ и опять возвращается въ избу къ гостямъ. Значенія этого дѣйствія мнѣ никакъ не удалось узнать. (Думаю, что все это продѣлывается съ цѣлью возбудить въ женихѣ страстное чувство къ невѣстѣ, что между корелами отожествляется съ любовію). Потомъ, братъ невѣсты одѣваетъ сестрѣ чулки и подъ пятки въ сапоги кладетъ по двугривенной монетѣ,— для мытья будущихъ дѣтей, для чистоты ихъ; а иные же берутъ 3 зерна житныхъ (ячменныхъ), 3 конопляныхъ, 3 небольшихъ камешка, и все это, связавъ въ одинъ узелокъ, кладутъ подъ лѣвую пяту; относительно послѣдняго обряда даютъ, обыкновенно, такое объясненіе: «чтобы свадьба не разстроилась со стороны родственниковъ жениха, напр. со стороны его отца, дяди, которые во время свадьбы, постоянно угощаясь водкой, бываютъ очень капризны; вотъ для этого-то невѣста и кладетъ подъ лѣвую пяту узелокъ съ зернами ячменя и конопли и съ тремя камешками; это средство очень годится ..

Одѣвъ чистую сорочку, невѣста умывается; къ ней снова въ чуланъ приглашается женихъ. Послѣдній также долженъ умыться въ той водѣ, въ которой до него умывалась невѣста. «Иные женихи», замѣтила при этомъ моя разсказчица, «которые женятся по своей волѣ, по любви,—охотно бѣгутъ въ чуланъ, а иныхъ едва-едва уговоришь идти,— не идутъ-да и всё тутъ». Подъ платье, въ пазуху невѣста кладётъ или кусочекъ мыла, или же копѣйку и это выбрасываетъ въ церкви во время вѣнчанія. Зачѣмъ это? «А чтобы избавиться отъ чирьевъ» (вередовъ), которые будто-бы всегда въ изобиліи появляются на тѣлѣ у невѣсты, при взглядѣ ея на сучки церковныхъ стѣнъ. Отъ хлѣба, которымъ мать и отецъ благословятъ невѣсту, она также отрѣзываетъ крошечку и кладётъ ее между грудей, у вѣнца стоитъ съ нею и съ нею же ѣдетъ въ домъ жениха, гдѣ и ѣстъ понемногу, чтобы не скучать, не тосковать по родительскомъ домѣ. Нѣкоторыя же невѣсты полагаютъ въ пазуху еще кромочку хлѣба и, послѣ вѣнчанія, бережно сохраняютъ её въ сундукѣ,—для родовъ будто бы очень годится; сохраняютъ также ту скатерть, въ которую былъ завернутъ благословленный хлѣбъ; ею покрываютъ дѣтей во время припадка родимца...

Наконецъ, одѣтая невѣста приходитъ изъ чулана въ избу. При входѣ въ избу ее встрѣчаютъ ея же родственники съ ухватами, помялами и кочергами въ рукахъ и не позволяютъ ей пройти къ столу, къ жениху... И только водка жениха обезоруживаетъ ихъ... Когда невѣста подойдётъ къ столу, женихъ поднимается со скамьи, беретъ её за руку и и трижды повертываетъ предъ столомъ; цѣль таже, что и у невѣсты при продѣлываніи этого же дѣйствія—имѣть послушную жену. Затѣмъ садятся рядомъ на минутку другую за столъ—и начинаются сборы къ вѣнцу: гости одѣваютъ шубы и шапки, опоясываются кушаками, садятся въ сани и ѣдутъ въ церковь. Весь путь отъ дома невѣсты къ церкви и отъ церкви къ дому жениха обставляется по окраинамъ соломенными снопами. Снопы эти приносятся крестьянами—сосѣдями и ими же зажигаются во время слѣдованія жениха и невѣсты въ церковь, а потомъ и изъ церкви. Испуганные кони, осыпаемые цѣлыми тучами огненныхъ искръ, бросаются изъ стороны въ сторону, поднимаются па дыбы, ржутъ необыкновеннымъ образомъ, забрасываютъ заднія ноги въ сани къ сѣдокамъ... И за все это доставляемое удовольствіе крестьяне, зажегшіе солому, получаютъ на водку отъ жениха или отъ его шаферовъ. Ребятишки также не отстаютъ отъ своихъ родителей въ умѣньѣ получить «свадебнаго»; они строятъ на пути огороду, которую снимаютъ только за деньги; или же—протягиваютъ чрезъ дорогу нитку, натертую медвѣжьимъ саломъ, чего лошади также очень и очень боятся. При входѣ въ церковь одна изъ родственницъ невѣсты подинмаетъ у послѣдней подолы, остерегаясь, чтобы они не коснулись пола и порога церковнаго,—и это съ тою же цѣлію, зачѣмъ полагается въ пазуху копѣйка

или кусочекъ мыла, т. е. чтобы у невѣсты не было чирьевъ. Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ, наступивъ ногой (женихъ лѣвой, а невѣста правой) на платокъ или кусочекъ холста. Замѣчаютъ при этомъ—кто первый наступитъ ногой на холстъ? Наступившій первымъ—будетъ господиномъ въ домѣ, старшимъ въ семьѣ... Вѣнчальныя свѣчи иные сохраняютъ, а иные же ломаютъ надъ головами обвѣнчанныхъ (кто-нибудь изъ родственницъ жениха). Обращаютъ также вниманіе на величину свѣчей: чья свѣча длиннѣе, тотъ дольше проживетъ...

По выходѣ изъ церкви, невѣста не должна первая заговорить съ женихомъ, пока тотъ не заговоритъ раньше; дѣлается это для того, чтобы имѣть власть надъ мужемъ. Жениха и невѣсту, возвращающихся отъ вѣнца, встрѣчаетъ мать жениха, одѣтая въ шубу мѣхомъ вверхъ. Она осыпаетъ молодыхъ зёрнами ячменя и пухомъ (чтобы молодые жили богато). Потомъ, отецъ жениха и мать невѣсты (въ прежнемъ же нарядѣ) благословляютъ ихъ.

Погребальные обряды кореляковъ.

Въ Корелѣ, какъ только кто умретъ—мужчина то или женщина—все равно, тотчасъ родственники умершаго со слезами и причитаньями приглашаютъ нѣсколькихъ старухъ для омовенія трупа. Трупъ кладутъ на полъ, на солому и моютъ его водой и мыломъ. Потомъ омытый трупъ поднимаютъ на лавку въ большомъ углу и распростираютъ его головой къ иконамъ. Подъ него подстилаютъ солому. На окно, подлѣ котораго лежитъ трупъ, поставляютъ чашку чаю, а въ иныхъ домахъ и кофе,—блюдо съ пирогами и чашку съ холодной водой. Для чего все это?—Первыя два блюда (чай и пироги) для того, чтобы душа покойника, пока находится на землѣ, могла отвѣдать кушаньевъ въ своемъ родномъ домѣ; а вода полагается для того, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться въ «холодной водушкѣ». Душу кореляки представляютъ или въ видѣ пара, или въ образѣ птички, большею частью ласточки, а иные и въ видѣ чайки. Держатъ трупъ въ домѣ обыкновенно дня 2 или 3. По ночамъ «караулить умершаго»—куоляйдъ вардиойта собирается множество старухъ и стариковъ, которые сказками и различными занимательными разсказами коротаютъ длинную ночь: разсказываютъ о мертвецахъ, о привидѣніяхъ, о лѣшихъ, водяникахъ, домовыхъ и пр...

Гробъ дѣлается самый обыкновенный, изъ досокъ; только младенцы погребаются въ выдолбленныхъ чурбанахъ-гробахъ. Закрытый гробъ младенца ничѣмъ не отличается отъ круглаго полѣна; и такое близкое сходство однажды подало поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ.

Одинъ крестьянинъ принесъ на погостъ трупъ своего ребенка въ гробикѣ-чурбанѣ. Было еще раннее утро, и батюшка крѣпко почивалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Чтобы не безпокоить его, крестьянинъ ткнулъ гробикъ въ поповскій костеръ (чтобы собаки не достали), а самъ пошелъ къ знакомымъ крестьянамъ справить кой-какія дѣла. Тѣмъ временемъ проснулась попадья. Ничего не зная о принесенномъ покойникѣ, она первымъ дѣломъ съ утра стала топить печь: сходила на улицу, принесла въ избу дровъ и стала бросать ихъ въ печь; какъ броситъ одно изъ круглыхъ полѣньевъ, и что же?... Оно моментально распалось на двѣ части, и изъ него выпалъ трупъ младенца... Въ домѣ началась тревога, крикъ, шумъ, слезы... И только возвратившійся отъ знакомыхъ крестьянинъ объяснилъ въ чемъ дѣло. «Смотри, впередъ этого у меня не смѣть дѣлать», строго замѣтилъ ему священникъ..., но гробы для младенцевъ до сихъ поръ дѣлаются долбленные.

Съ боку въ гробахъ для взрослыхъ прорѣзывается небольшое отверстіе, въ которое вставляется стекло и дѣлается такимъ образомъ что-то въ родѣ небольшаго окна.

Покойника одѣваютъ въ чистую, вымытую одежду (изрѣдка только шьется новая одежда), и на грудь ему кладутъ небольшую бѣлую холщевую тряпочку. Всякій, кто приходитъ на домъ поклониться праху умершаго, кланяется нѣсколько разъ иконамъ, потомъ подходитъ къ трупу, беретъ въ руки тряпочку и машетъ ею поверхъ трупа по направленію отъ головы къ ногамъ и обратно. Въ гробъ въ изголовье покойника полагаютъ вѣничный листъ и мелкіе стружки... Солома, на которой лежалъ трупъ, и щепки отъ гроба бросаютъ въ воду, и послѣднія (т. е. щепки), по мнѣнію кореляковъ, тотчасъ же тонутъ и никогда не всплываютъ на поверхность воды. Встрѣтиться съ гробомъ покойника, когда его несутъ въ церковь или изъ церкви,—считается за дурное предзнаменованіе. Когда тѣло отпоютъ и гробъ понесутъ вонъ изъ церкви на кладбище, ближайшіе родственники умершаго—женскій полъ, начинаютъ причитывать еще въ самой церкви.

Съ растрёпанными косами, съ сбитыми съ головы платками, онѣ кричатъ во весь духъ, кланяются мѣстнымъ иконамъ и съ причитаньями же идутъ на кладбище. Въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ копѣйку—откупаютъ мѣсто для умершаго. Гробъ опускаютъ въ могилу на кушакахъ или на холстѣ, который потомъ идетъ въ пользу церковнаго причта.

Послѣ погребенія устраивается для гостей поминальный обѣдъ—«веро». За обѣдомъ поминаютъ умершаго кутьей, которая приготовляется изъ рослой ржи, и вареннымъ горохомъ. По представленіямъ кореляковъ, душа умершаго въ продолженіи сорока дней послѣ смерти находится на землѣ: посѣщаетъ свой домъ, осматриваетъ свое прежнее хозяйство и дѣлаетъ даже распоряженія—сшить такому-то сосѣду рубашку, подарить такому-то его новый кафтанъ, и такія посмертныя распоряженія исполняются вточности.

Въ сороковой день («мустайжетъ»—чернины) совершаются по умершемъ поминки. Заказывается обѣдня и приготовляется для гостей обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ изъ церкви на обѣдъ, встрѣчаютъ родственники умершаго съ причитаньями, съ подушкой въ рукахъ или на головѣ. По объясненію кореляковъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что вмѣстѣ съ «попами» приходитъ изъ церкви въ домъ душа умершаго, её то и принимаютъ родственники на подушку, несутъ въ домъ и кладутъ на печку. На печку предъ подушкой ставятъ приборъ и накладываютъ цѣлую гору пироговъ—пусть усопшій угощается. Окно въ домѣ, предъ столомъ, открываютъ (а если зимнее время, то, опустивъ полотенце, снова закрываютъ его) и изъ него опускаютъ на улицу конецъ полотенца, другой же конецъ его поднимаютъ на столъ,—этимъ устраивается путь въ домъ для усопшаго.

За столомъ также оставляется одно мѣсто, никѣмъ не занятымъ; на него кладутъ пироги, хлѣбъ и ложку, и никто изъ гостей во время обѣда ими не пользуется; этотъ приборъ также предназначается для умершаго, который, по убѣжденію кореляковъ, невидимо присутствуетъ за обѣдомъ.

Приведу для иллюстраціи одинъ случай посѣщенія мертвымъ своего дома, слышанный мною въ Корелѣ. «Разъ это я на канунѣ «мустай жидъ», разсказывалъ корелякъ, видѣвшій въ сороковой день своего умершаго брата, возвращался вечеромъ домой. Ѣздилъ я на погостъ, въ лавочку—закупить на «веро» постнаго масла да гороховой крупы. Ѣду я тихонько и напѣваю: Господи Сусей Христосъ, Сына Божей,—помилуй насъ, вдругъ гляжу на дорогѣ стоитъ мужчина, подъѣхалъ ближе, гляжу—братъ, умершій 40 дней тому назадъ, стоитъ въ той самой одеждѣ, въ которой былъ погребенъ. Подъѣхалъ я къ нему, слышу говоритъ: «Я, братъ, къ тебѣ ѣду на «веро», подвези, пожалуйста, меня». Я ужъ ни живъ, ни мертвъ—стегнулъ скорѣе лошадь и помчался во весь духъ домой; оглянусь какъ, такъ позади меня сидитъ умершій братъ. Я еще шибче погоняю лошадь... всю дорогу, до самаго дома, видѣлъ покойника, а какъ только подъѣхалъ къ домовому крыльцу—вдругъ скрылся, должно быть въ домъ прошелъ. Подъѣхалъ это я къ крыльцу, соскочилъ второпяхъ съ саней—недосугъ даже лошади распрягать—спрашиваю у жены: приходилъ кто-нибудь сейчасъ въ избу?—Нѣтъ, говоритъ, никого не было, никто сейчасъ не приходилъ, была сосѣдка—Катти, такъ ужь часъ

тому назадъ, какъ ушла... Перекрестилъ я на ночь всѣ двери и окна, легъ спать, благословясь, и ничего, съ Богомъ, во всю ночь не привидѣлось... И послѣ этого ни разу никогда болѣе не видывалъ мертвецовъ»...

Кромѣ сороковаго дня, поминовеніе умершихъ совершается еще въ такъ называемыя родительскія субботы. Въ эти дни бабы—корелки напекаютъ множество пироговъ, блиновъ, рыбниковъ—и все это на большихъ блюдахъ несутъ въ церковь. Отстоявъ обѣдню и выслушавъ панихиду, богомольцы направляются на кладбище. Положитъ—это баба блюдо съ пирогами на могильный холмикъ, сама подсядетъ рядомъ, подопретъ щеку рукой и давай плакать и причитывать,—и это продолжается полчаса, а иногда и цѣлый часъ... Наплакавшись вдоволь, она потомъ раздаетъ пироги нищимъ, прося ихъ помолиться о упокоеніи души такого то,—и спокойно возвращается домой, исполнивъ долгъ по отношенію къ умершимъ сродникамъ.

Причитанья надъ покойникомъ.

(До омовенія трупа).

Вастаттићъ-го валгедадъ сӯндӯдъ?
Отэттићъ-го орхедадъ сӯндӯдъ
Ойгедазъ кядӯйжезъ,
Питкяпъ матканъ мяндӯдъ?
Віедиһъ-го виһандилэ нурмуйжилэ,
Вастаттиһъ-го валгединъ туоһуксужидэнъ-керӓ,
Урой валгедъ-армойжени?
Віедиһъ-го ляммилэ пячійжилэ,
Сорей армойжени?
Пандиһъ-го столайжидэнъ-піӓһъ,
Питкидэнъ маткайжидэнъ мяндӯй?
Озутэттиһъ-го каллэһитъ армойжидъ,
Аммуй алэннужидъ;

Отэтиһъ-го ӯксиһъ артелійжиһъ,
Тундустэттиһъ-го, сула-армойжени, сипудайжъ?.

Встрѣтили-ли тебя бѣлые «сӯндӯдъ»?
Взяли-ли тебя «орхедадъ-сӯндӯдъ»
За правую рученьку,
Дальнюю дорогу прошедшаго?
Свели-ли они тебя на зелёную муравку,
Встрѣтили-ли тебя, «урой-бѣло-милый»,

Съ бѣлыми свѣчами,
Подняли-ли на теплыя печки.
Посадили-ли за столъ тебя,
«Сорей-милый»?
Показали-ли они тебѣ дорогихъ-милыхъ,
Давно опустившихся;
Взяли-ли они тебя въ свои артели (компаніи).
Узнали-ли тебя, очень-милый?

(Послѣ омовенія).

Качо нюгю, урой-каллижъ-армойжени,
Валгедиһъ вакки-собайжиһъ сэлгитэттӯ,
Ойгедилэ пууһуйжилэ ойгендэлту!
Вуота кюзэленъ, кӯлль-армойжени,

Дёго олэдъ суувридэнъ сӯндӯйжидэнъ эдэссъ?
Пандиһъ-го, соредъ-армойжени,
Срочитунъ столанъ тагуйжиһъ,
Кулдайжидэнъ кунинвуодэнъ,—тагаксъ?
Кӯллитэлдиһъ-го кӯлляйжексъ
Питкӓнъ матканъ мяндэсъ?..

Вотъ теперь, «урой»-дорогой-милый,
Наряженъ ты въ бѣлыя необычныя одежды.
На прямыя деревья (скамьи) расправленъ.
Подожди спрошу я у тебя, «кӯлль»—милый (кӯллялъ—до сыта);
Уже ли ты предсталъ предъ лицо великихъ «сӯндӯдъ»?
Посадили-ли они тебя, «соредъ»—милый,
За строченые (украшеные) столы,—
Столы золоченые царскіе?
Напитали-ли они тебя до сыта,
Длинную дороженьку прошедшаго?..
(Далѣе идутъ вопросы перваго причитанья).

Діятидъ піенидъ лапсуйжидъ	Оставилъ ты послѣ себя маленькихъ дѣтушекъ,
Айгайжиксъ армуойтомайжиксъ,	Безвременныхъ (преждевременныхъ) сиротиночекъ,
Піендаръ-ђейнайжидэпъ піенӯмаксъ	Какъ трава межи маленькихъ,
Муанъ-ђейнайжидэпъ мадалумаксъ.	Какъ дубровка—низенькихъ...

(Когда въ сараѣ начнутъ дѣлать гробъ).

Опи, кӯлль-армойжени,	Попробуй, «кӯлль-милый (до сыта—милый),
Кумменилэ кӯндӯйжилэ кӯгäдэлтäксэђ,	На десять нокотковъ приподняться,
Аллэннуйжилэ аскелуйжилэ азэтэлдаксэђ.	Попробуй слабенькіе шажки дѣлать.
Опи-вай, кулдайнэ — армойжени, куондуда...	Попробуй, золотой-милый,
Куондутэлкатъ, кулдайжедъ сӯндӯйжедъ,	Очувствоваться (придти въ себя отъ сна).
Изволикатъ, армађадъ сӯндӯйжедъ.	Разбудите его, золотые - милые - сӯндӯдъ,
	Пожалуйста, пробудите!!
Опи-вай каксилэ каткеннуйжилэ дялгайжилэ	Попробуй на двѣ надломившіяся ножки
Кабахтэлдаксэђ, опи, урой - каллижъ-армойжени..	привскочить, Попробуй, «урой»-дорогой-милый.
Синулэ, кулдъ-армазъ—лапсуйжени,	Тебѣ, милое-золотое-дитятко,
Азэтэлтађ игяйжедъ кодійжедъ.	Вѣчные домы строятъ;
Ляккя, сула-армойжени, качодъ,	Пойдемъ, «сула»-милый,
Синулэ луадитудъ игяйжедъ кодійжедъ...	Посмотришь на нихъ,
Луадигаттъ урой-сула-армойженилэ	Для тебя приготовленныхъ.
Игяйжедъ кодійжедъ!	Стройте (обращается плакальщица къ плотникамъ) «урой»-«сула»-милому
Кай дё онъ азэтэтту,	вѣчные домы!
	Уже всё налажено,
Кай онъ луадитту кравватійжедъ...	Уже кровати для него готовы.
Азэтэлкаттъ каллижъ армой женилэ	Набейте ему подушки пухомъ ласточекъ,—
Піелузъ - піäђӯдэдъ піäскӯой - линдунъ ђöвђенійжизъ,	
Суурвидэнъ сӯндӯйжидэнъ эдэђ ляхтэдэзъ...	Ему, милому-дорогому,
	Къ великимъ «сӯндӯ» уходящему.
Дё онъ кай азэтэтту,	Уже все налажено,
Кай онъ луадитту...	Все приготовлено.

Н. Лѣсковъ.

«Віäндӯöйдъ».

Время отъ кануна Иванова дня (23-го іюня) до Петрова дня (29-го) кореляками считается за время святое—«віäндӯöйдъ». Въ продолженіи всего этого времени всѣ растенія—травы, цвѣты, листья на деревьяхъ и самая роса считаются цѣлебными, годящимися во всякое мѣсто «дёга сіяђ пятäђ». Во весь этотъ періодъ не моютъ половъ, не мочатъ вѣниковъ и помялъ, не моютъ бѣлья, не мажутъ дёгтемъ сапоговъ и не ходятъ въ баню... Кстати замѣчу, ходить въ баню для кореляковъ величайшее удовольствіе. Въ лѣтніе дни бани топятся ежедневно; и всѣ, пришедшіе съ работы, «валомъ валятъ» въ нихъ помыть свое грѣшное тѣло и распарить кости. Бани кореляковъ величиною не

болѣе какъ въ квадратную сажень или полторы... Каменка занимаетъ почти половину, по стѣнамъ узкія скамьи, и подлѣ каменки высокій полокъ. И представьте себѣ, что въ этой тѣснотѣ помѣщается человѣкъ 20—30 обоего пола: здѣсь и мужики, и бабы, парни и дѣвушки, и маленькія дѣти; всѣ хлещутъ себя вѣниками, всѣ парятся до полузабытья. Совмѣстное хожденіе въ баню обоихъ половъ не ведетъ однако къ случаямъ прелюбодѣянія. Совершить прелюбодѣяніе въ банѣ, по мнѣнію кореляковъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможенія, всѣ бросаются въ озеро или рѣку—остыть въ холодной водѣ; послѣ холодной ванны, снова начинается паренье еще съ большимъ ожесточеніемъ; потомъ опять купанье и снова паренье, и такъ чередуется нѣсколько разъ. Зимой же, послѣ паренья, выбѣгаютъ на улицу, сидятъ на снѣгу, окачиваются холодною водою изъ проруби... Такіе рѣзкіе переходы отъ жару къ холоду и отъ холоду къ жару пріучаютъ кореляковъ безвредно переносить всевозможныя перемѣны температуры и застраховываютъ ихъ отъ заболѣваній простудою...

Возвратимся къ прерванному разсказу о «віандўойдъ». Въ старину, по словамъ стариковъ, во время «віандўойдъ» затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровамъ: «за то и хлѣба Богъ давалъ людямъ, когда все точно исполнялось, а теперь, какъ все пошло шиворотъ на выворотъ, то добраго нечего и ждать». . Во время «віандўойдъ» кореляки собираютъ лѣкарственныя травы, ломаютъ вѣтви берёзы для вѣниковъ и приносятъ вересъ и ольху для паренія молочныхъ горшковъ. Изъ лѣкарственныхъ травъ мнѣ удалось узнать:

a) «Урчуой һейнэ»,—употребляется при боли въ желудкѣ; траву эту завариваютъ кипяткомъ и пьютъ по немногу на тощакъ; употребляется она также для излѣчиванія отъ призору: на огонь бросаютъ «урчуой һейнэ» и дымомъ ея окуриваются.

b) «Равдъ Бобайнэ» —эта трава употребляется, какъ кровеостанавливающее средство, при разрѣзахъ; накладывается на рану, и кровь моментально останавливается.

c) «Куувэнъ лехти» – отъ чесотки; пьютъ въ завареномъ видѣ въ кипяткѣ и мажутъ больныя мѣста.

d) «Айлазъ-һейнэ»—отъ колотья.

e) «Койранъ-ватюой» (родъ щавеля)— отъ чесотки.

f) «Лути-һейнэ»,—какъ средство отъ клоповъ.

g) «Збировей»—звѣробой, пьютъ вмѣсто чаю

h) Клеверъ- отъ призора.

i) Цвѣты земляники и малины—завариваютъ и пьютъ, какъ чай.

j) «Туувлэнъ кобрэ»—рука или пясть вѣтра; растетъ на ели и представляетъ изъ себя густой вѣникъ, состоящій изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Употребляется, какъ средство отъ призора. Дѣтей, заболѣвшихъ отъ призора, обдаютъ нѣсколько разъ водой сквозь «туувлэнъ кобрэ»...

Собранныя послѣ «віандўойдъ» эти же самыя травы теряютъ цѣлебныя свойства и свое значеніе. Особенно время «віандўойдъ» важно для дѣвушекъ... Наканунѣ Иванова дня (23-го іюня) онѣ собираютъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ вѣники (это впрочемъ дѣлаютъ и иные молодые парни); этими вѣниками онѣ парятся въ банѣ и потомъ бросаютъ въ воду: у которой дѣвушки вѣникъ утонетъ, той не бывать скоро замужемъ, или она скоро умретъ; а у которой уплыветъ далеко и не затонетъ, — ту скоро возьмутъ замужъ, или она не умретъ въ этотъ годъ. Потомъ: на канунѣ же Иванова дня вечеромъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ и полагаютъ въ ржаныя поля, принадлежащія тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ въ домѣ есть молодой парень, - полотенце, кусочекъ мыла и серебряную монету. Эти вещи лежатъ тамъ до самаго кануна Петрова дня. Вся ночь на Петровъ день корельскою молодежью проводится безъ сна; въ эту ночь никто изъ нихъ не смыкаетъ глазъ ни на минуту. Съ вечера на селѣ начинаются танцы и различныя игры; парни шутятъ и заигрываютъ съ дѣвушками, ѣдятъ пряники, грызутъ конфекты, и время незамѣтно проходитъ до полуночи. Въ самую полночь дѣвушки идутъ въ поля и берутъ обратно спрятанныя вещи Собираютъ также цвѣтъ ржи, который потомъ хранится въ продолженіи цѣлаго года; онъ, по мнѣнію кореляковъ, привлекаетъ

любовь и дѣлаетъ дѣвушку, носящую его,—во всѣхъ отношеніяхъ милою, привлекательною, потому-то молодежь женскаго пола, отправляясь на «бесѣду» или на гулянья, всегда берётъ его съ собой, въ карманъ. «Купаются»—ползаютъ въ росистой ржи и собираютъ въ чашку росу. Однѣ дѣвушки «купаются» въ одеждѣ, а другія совершенно голыми. Собранная ночью роса -на утро разбавляется водой и ею умываются, идя въ церковь къ обѣднѣ или па гулянку, чтобы понравиться молодымъ парнямъ. Мыло, полотенце и серебряная монета, пролежавшія въ полѣ во все время «віандӯӧйдъ»—цѣнныя вещи въ рукахъ корелки-дѣвушки. Онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ пустить о себѣ въ людяхъ хорошую молву—«лемби ностай»—и привлечь вниманіе и любовь молодыхъ людей. При умываніи монета опускается въ воду. Дѣвушка умывается мыломъ и утирается этимъ полотенцемъ и послѣ этого—навѣрняка можетъ разсчитывать, что понравится любому парню.

Наступилъ Петровъ день, ударили въ церковный колоколъ къ утренѣ, и всѣ цѣлебныя свойства росы и травъ сразу же уничтожаются. Та же самая трава, кажется, такая же и роса,—да она ужь болѣе никуда не годится... Потому-то корельскія дѣвушки и дорожатъ такъ временемъ «віандӯӧйдъ», временемъ, въ которое можно привлечь къ себѣ не одного молодца...

Какъ присушить парня къ дѣвкѣ... Любовь молодаго человѣка къ дѣвушкѣ возникаетъ, по мнѣнію кореляковъ, не естественнымъ чисто путемъ, какъ чувство здороваго человѣка, а непремѣнно происходитъ при помощи наговоровъ и пашептываній. Начинается любовь при помощи колдовствъ и наговоровъ и кончается только при содѣйствіи ихъ. Сама собой она не можетъ ни начаться, ни кончиться... Нѣкоторые изъ наговоровъ, при помощи которыхъ дѣвушка можетъ присушить («пашгутгай»—буквально—припечь) къ себѣ парня, мнѣ удалось узнать, хотя и съ большими усиліями и стараніями. Вотъ они: 1) Дѣвушка кладетъ къ себѣ въ пазуху живую рыбу и держитъ ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Во время держанія она постоянно произноситъ: какъ эта рыба умираетъ, такъ точно и такой-то парень пусть по мнѣ умираетъ (куй тӓмӓ кала куоловъ, муга анда Микко минудъ мӱӧти куоловъ). Потомъ эту издохшую рыбу запекаютъ въ рыбникъ и угощаютъ того парня, котораго хотятъ присушить 2) Дѣвушка отстригаетъ у себя часть волосъ. Эти волосы сожигаетъ на огнѣ со словами: какъ эти волосы горятъ въ огнѣ, такъ точно пусть душа такого-то парня горитъ по мнѣ—что ни день, что ни мѣсяцъ, что ни годъ, а во всю здѣшнюю жизнь (куй нӓммӓ тукадъ палэтаһъ тулэзъ, муга анда Миконъ һенги палагахъ минуһъ, мидӓ пайдъ, мидӓ куувдъ, мидӓ вуоттэ, сійтъ илмаштъ игядъ). Зола отъ сожженныхъ волосъ примѣшивается къ питью или пищѣ и скармливается извѣстному парню. 3) Дѣвушка идетъ въ баню, берётъ съ собой сковороду, сидя на которой и моется. Мыльная вода, скопившаяся на сковородѣ, нѣсколько разъ вращается около стѣнокъ сковороды со словами: какъ эта вода вращается около сковороды, такъ пусть такой-то парень ходитъ постоянно около меня (куй тӓмӓ вези ӱмбяри ріехтилазъ пӱорӱвъ, муга анда Микко ӱмбяри минузъ кявелевъ). Потомъ эту воду приносятъ домой и на ней пекутъ пироги для присушиваемаго парня. 4) Если парень, котораго хотятъ присушить, ходитъ къ дѣвушкѣ въ домъ и сидитъ иногда на лавкѣ (въ корельскихъ избахъ вдоль стѣнъ прибиваются широкія лавки), то для «присуха» его достаточно отрѣзать ножомъ кусочекъ дерева съ того мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, сжечь въ жаратке, и этотъ парень придетъ снова въ домъ къ дѣвушкѣ и полюбитъ её. 5) Дѣвушка беретъ свои регулы и примѣшиваетъ ихъ къ пищѣ или питью того парня, котораго намѣрена присушить. Это средство, хотя и употребляется между кореляками очень часто, но относится къ числу самыхъ «грѣшныхъ»: «кто изъ дѣвокъ только станетъ такъ колдовать, говорила мнѣ разсказчица, та присушить—присушитъ парня, но за то «убьетъ судьбу» его—«тапавъ һавэнъ озанъ», сдѣлавъ его на вѣкъ несчастнымъ; оттого-то и желудочныя боли у нѣкоторыхъ мужей (въ корелѣ страдающіе желудочными болями встрѣчаются очень часто), параличъ (параличъ кореляками считается самою страшною болѣзнью, бабы, ругаясь между собою, въ спорѣ, въ числѣ всякихъ пожеланій, непремѣнно посулятъ другъ другу параличъ — «һуллайдайжъ каку сипудъ») и др. болѣзни». 6) Дѣвушка

съ матерью или другой женщиной, идетъ въ лѣсъ: отыскиваютъ муравейникъ и неподалеку отъ него густой кустъ ивы. Затѣмъ дѣвушка роетъ въ срединѣ муравейника яму; раздѣвается до нага и становится въ вырытое углубленіе. Женщина подаетъ ей воду, и она обливаетъ себя. Между тѣмъ въ кустѣ ивы долженъ быть сдѣланъ ходъ съ тою предосторожностью, чтобы при этомъ не повредить корней и вѣтвей ивы. Облившись водой, дѣвушка должна пролѣзть сквозь кустъ нагая. Потомъ она одѣвается и идетъ домой: «будь хоть столѣтняя дѣвушка, а «крянется» (т. е. выйдетъ замужъ), заключила разсказчица.

Н. Лѣсковъ.

Китаби-Коркудъ.

Борьба богатыря съ ангеломъ смерти.

Настоящая книжка Живой Старины (соединенные 3 и 4 вып.) въ значительной степени посвящена тюркскимъ народностямъ. Въ исполненіе своего давняго желанія и съ разрѣшенія редактора Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археол. Общ (т. VIII) считаю умѣстнымъ тутъ же перепечатать (съ выпускомъ тюркскаго текста и нѣкоторыхъ примѣчаній переводчика молодого нашего ученаго г. Бартольда) это прекрасное, высокохудожественное произведеніе тюркской поэзіи. Оно просится въ стихи, и я слышалъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, уже подарившій нашей литературѣ нѣсколько весьма удачныхъ стихотвореній въ восточномъ духѣ, собирается передать въ стихахъ эту поэму: борьба богатыря съ ангеломъ смерти. *Ред.*

Предлагаемая легенда взята мною изъ турецкой рукописи, хранящейся въ Дрезденской Королевской Библіотекѣ (по каталогу Флейшера № 86); въ Берлинской Библіотекѣ есть копія, сдѣланная Дицомъ (Diez), въ началѣ нашего вѣка (по каталогу Перча № 203). Рукопись не датирована; Флейшеръ и Перчъ совсѣмъ не высказываются относительно ея древности. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣчено: «годъ смерти Османъ-паши—993» (1585 г. по Р. Х.), изъ чего можно заключить, что рукопись написана около этого времени или немногимъ позже. Изъ европейскихъ ученыхъ рукописью впервые воспользовался Дицъ, который въ своихъ «Denkwürdigkeiten von Asien» (II, 399 sq.) издалъ въ текстѣ и переводѣ одну легенду, вполнѣ сходную съ греческимъ миѳомъ о Полифемѣ. Нёльдеке въ 1859 г. переписалъ всю рукопись и перевелъ значительную часть ея, но, не понявъ многихъ мѣстъ, не отдалъ своего труда въ печать. Въ бытность мою въ Страсбургѣ я, благодаря любезности проф. Нёльдеке, могъ пользоваться этой работой. Мнѣ удалось разобрать нѣсколько больше, чѣмъ Нёльдеке, такъ какъ теперь существуютъ лучшія научныя пособія, чѣмъ въ 1859 г.; но и для меня многое до сихъ поръ остается непонятнымъ. Установить текстъ по одной рукописи всегда трудно, особенно когда имѣешь дѣло съ архаическимъ языкомъ, со словами и грамматическими формами, которыхъ, по всей вѣроятности, не понималъ самъ переписчикъ. При изложеніи легенды я буду отмѣчать всѣ мѣста, гдѣ мой переводъ неполонъ и сомнителенъ. Нѣкоторыми цѣнными указаніями я обязанъ академику В. В. Радлову и профессору В. Д. Смирнову.

Заглавіе книги: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ». Огузы, какъ извѣстно, были предками нынѣшнихъ туркменовъ; изъ ихъ среды вышли и османы. Книга состоитъ изъ введенія (пословицы, афоризмы и краткія характеристики) и 12 отдѣльныхъ эпическихъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ единствѣ поэмы; имена богатырей, эпитеты, характерныя выраженія постоянно повторяются; постоянно

дѣлаются намеки на событія, разсказанныя въ другомъ мѣстѣ; слогъ вездѣ одинъ и тотъ-же. Дѣйствіе происходитъ на армянской возвышенности; гяуры, съ которыми приходится имѣть дѣло богатырямъ—трапезунтскіе греки, грузины и абхазы. Верховный властитель всѣхъ огузовъ—Баяндерханъ, который самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ; главный богатырь—его зять Казанъ-бекъ. Изъ 12 разсказовъ въ девяти говорится о войнѣ съ невѣрными (наиболѣе интересенъ и поэтиченъ разсказъ о трапезунтской царевнѣ, для полученія руки которой надо было одолѣть быка, верблюда и льва); два разсказа имѣютъ миѳологическій характеръ (одинъ изданъ Дицемъ, другой предлагается здѣсь) и одинъ, послѣдній посвященъ междоусобной войнѣ среди огузовъ.

О Коркудѣ говорится, что онъ происходилъ изъ племени Баятъ и жилъ около времени пророка (авторъ нисколько не стѣсняется тѣмъ, что и Коркудъ, и его современники являются въ поэмѣ добрыми мусульманами). Онъ не богатырь, а патріархъ, главный выразитель и хранитель народной мудрости; его нравственному авторитету подчиняется весь народъ. Ему приписывается рядъ афоризмовъ и сентенцій также предсказаніе могущества османской династіи: «Въ послѣднія времена ханство снова достанется племени Каjі, и никто не отниметъ его изъ ихъ рукъ» (авторъ поясняетъ, что предсказаніе относится къ роду Османа) Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ народъ обращается къ нему. Въ концѣ каждаго эпизода является Коркудъ, слагаетъ пѣснь и даетъ ей названіе; отъ него перенимаютъ ее пѣвцы. Соотвѣтствуетъ-ли этому легендарному образу какая-нибудь историческая личность, мы не знаемъ. Только у арабскаго историка Ибн-аль Асира [1]) въ XII в., при султанѣ Санджарѣ, упоминается какой-то Коркудъ-ибн-Абду-ль-Хамидъ, стоявшій во главѣ той-же группы огузскихъ племенъ, къ которой принадлежало племя Баятъ. Имя Коркудъ очень древнее; у Константина Багрянороднаго [2]) его носитъ одинъ печенѣжскій вождь (Κουρκούτας) [3]).

Каждый разсказъ ведется отъ имени пѣвца, который характеризуется слѣдующимъ образомъ: «Съ кобзой въ рукѣ, отъ народа къ народу, отъ бека къ беку пѣвецъ идетъ; кто изъ мужей отваженъ, кто трусъ, пѣвецъ знаетъ». Пѣвецъ вездѣ обращается во второмъ лицѣ къ какому-то хану, котораго нигдѣ не называетъ по имени; пожеланіями хану кончается каждый разсказъ. Слово *узан* такъ объясняется въ турецкомъ словарѣ Ферхенги-Шуури: «классъ людей, играющихъ на гитарѣ, поющихъ лирическія пѣсни и сказывающихъ Огузъ-намэ». Въ нашей поэмѣ «Огузъ-намэ» называется каждая отдѣльная былина.

Время сочиненія поэмы нельзя опредѣлить съ точностью. Предсказаніе Коркуда, если только мы не имѣемъ здѣсь позднѣйшей интерполяціи, показываетъ, что поэма сложилась не раньше полнаго утвержденія османскаго господства въ Малой Азіи, т. е. не раньше султана Баязида I (1389—1402 г.): сюжеты нѣкоторыхъ легендъ, конечно, могутъ быть гораздо древнѣе. Борьба съ трапезунтскими греками и абхазцами (послѣдніе приняли исламъ уже въ половинѣ XV в.) заставляетъ предполагать, что «Коркудъ» написанъ не позже XV в. Первыя слова поэмы, о Коркудѣ и его предсказаніи, буквально повторяются въ Тарихи-Али-Сельджукъ [4]), историческомъ сочиненіи, написанномъ при султанѣ Мурадѣ II (1421—1451 г. г.). Естественнѣе предположить, что историкъ заимствовалъ эти слова у народнаго пѣвца, чѣмъ наоборотъ.

Изъ крупныхъ эпическихъ произведеній османовъ до сихъ поръ было извѣстно только «Жизнеописаніе Сеидъ-Баттала», разбиравшееся нѣсколько разъ. «Коркудъ» носитъ гораздо болѣе народный характеръ, чѣмъ «Батталь». Герои «Баттала» — не

---

[1]) Ed. Tornberg XII, 54.

[2]) De administr. imp. cap. XXXVII.

[3]) Съ нашимъ Коркудомъ можетъ быть тождественъ киргизскій святой Хорхудъ, могила котораго находится на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, гдѣ въ X в. была столица огузовъ. Около могилы Хорхуда Лерхъ помѣщаетъ извѣстный городъ Джендъ (Археол. поѣздка въ Турк. край. Спб. 1870, стр. VII).

[4]) Рукоп. Аз. Муз. 590 ba, стр. 27.

національно-тюркскіе, а мусульманскіе герои, борцы за вѣру, и всѣ носятъ мусульманскія имена; имена героевъ «Коркуда» чисто-турецкія. Авторъ съумѣлъ придать чисто-народную окраску даже такимъ безусловно заимствованнымъ сюжетамъ, какъ миѳъ о Полифемѣ, вошедшій также въ составъ «Тысячи и одной ночи» [1]). Въ «Батталѣ» религіозные интересы поглощаютъ всѣ остальные; для бытовыхъ картинъ совсѣмъ не остается мѣста; «Коркудъ» какъ нельзя лучше изображаетъ бытъ кочевниковъ. «Батталъ» постоянно переписывается со своими противниками; герои «Коркуда» едва-ли умѣли писать.

Въ «Батталѣ», какъ во всякомъ богатырскомъ эпосѣ, великодушію и безкорыстію богатыря противополагается коварная, эгоистичная политика его государей [2]). «Коркудъ» не чуждъ этого богатырскаго характера; мы находимъ въ немъ рѣзкіе примѣры своеволія богатырей, недовольныхъ ханомъ или другъ другомъ. Но съ другой стороны мы замѣчаемъ въ авторѣ сочувствіе людямъ изъ низшихъ классовъ народа, передъ которыми иногда пасуютъ богатыри. Турецкимъ Микулой Селяниновичемъ, конечно, могъ быть только пастухъ. Положеніе чобановъ (овечьихъ пастуховъ) въ кочевомъ обществѣ лучше всего видно изъ слѣдующаго раздѣленія народа, приписываемаго Чингизъ-хану [3]): «Тѣхъ, которые были свѣдущими и молодцами, онъ сдѣлалъ беками войска; тѣхъ, которые были проворны и ловки, давъ имъ на руки багажъ, сдѣлалъ табунщиками; несвѣдущихъ, давши имъ небольшую плеть, послалъ въ пастухи [4])». Этимъ «несвѣдущимъ» нашъ авторъ видимо сочувствуетъ: въ одномъ эпизодѣ онъ яркими красками рисуетъ непоколебимую вѣрность такого пастуха своему господину, не смотря на черную неблагодарность послѣдняго. Въ виду общаго интереса, который представляетъ этотъ эпизодъ, я приведу его здѣсь.

Гяуры разграбили домъ Казанъ-бека въ отсутствіи хозяина и хотѣли захватить его 10,000 овецъ; пастухъ, вооруженный только пращей, отразилъ ихъ: оба брата пастуха пали въ этой битвѣ. Встрѣтившись съ пастухомъ и узнавъ отъ него о несчастіи своего дома, Казанъ проклялъ его; пастухъ отвѣтилъ: «Что ты сердишься, бекъ мой, отецъ мой, Казанъ! или въ твоей груди нѣтъ вѣры? 600 гяуровъ пришли на меня; оба мои брата пали; 300 гяуровъ я убилъ и не далъ имъ твоихъ жирныхъ овецъ; въ три мѣста я былъ раненъ; моя черная голова опустилась; я остался одинъ; въ этомъ-ли моя вина? Дай мнѣ твою сѣрую лошадь, дай длинное копье, дай бѣлый щитъ, дай черный булатъ, дай стрѣлы изъ твоего колчана, дай тугой лукъ; я пойду на гяуровъ, убью ихъ, дамъ литься крови изъ своего плеча и чела. Если я умру, я умру за тебя; если Всевышній сохранитъ меня, я избавлю твой домъ». Казанъ разсердился и ушелъ; пастухъ пошелъ за нимъ; Казанъ обернулся и сказалъ: «Сынъ мой, пастухъ! куда ты идешь?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты идешь взять свой домъ, я иду отомстить за кровь моихъ братьевъ».—«Сынъ мой, пастухъ! мой желудокъ голоденъ; нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?—Пастухъ накормилъ бека. Тутъ Казану пришло на мысль: «Если я пойду съ пастухомъ, другіе беки огузовъ будутъ бранить меня и станутъ говорить: безъ пастуха Казанъ не побѣдилъ-бы гяуровъ». Казанъ привязалъ пастуха къ дереву и ушелъ, сказавъ ему: «Вырви это дерево; иначе тебя здѣсь съѣдятъ волки и птицы». Пастухъ сдѣлалъ усиліе, вырвалъ дерево съ землею, взялъ его на спину и догналъ богатыря. Казанъ сказалъ: «Что это за

---

[1]) Третье путешествіе Синдбада.

[2]) Эта характерная черта «Баттала», кажется, еще не была указана. Эпизоды, которые я имѣю въ виду, разсказаны въ третьей книгѣ.

[3]) Труды Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XV, стр. 121 (Исторія монголовъ Рашид-эддина, въ переводѣ проф. Березина).

[4]) Еще болѣе рѣзкія выраженія въ татарской передѣлкѣ Рашид-эд-дина: «Несвѣдущихъ онъ ударилъ кнутомъ, ввергнулъ въ униженіе, назначилъ овечьими пастухами, отправилъ пасти овецъ» (Библіотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березина, т. II, ч. I, стр. 99).

дерево, пастухъ?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты разобьешь гяуровъ, твой желудокъ проголодается; я этимъ деревомъ буду (разводить огонь и) варить для тебя пищу».— Казану это слово понравилось; онъ сошелъ съ коня, развязалъ пастуху руки, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «Если я избавлю свой домъ, я сдѣлаю тебя старшимъ конюшимъ». Послѣ побѣды надъ гяурами Казанъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Религіозный фанатизмъ въ «Коркудѣ» выражается далеко не съ такой силой, какъ въ «Батталѣ», не смотря на постоянныя войны съ гяурами. Гораздо сильнѣе, чѣмъ ревность къ исламу, культъ войны для войны. Молодой человѣкъ получаетъ имя только послѣ того, какъ онъ «отрубилъ голову, пролилъ кровь», или какъ нибудь иначе (напр. въ борьбѣ съ разъяреннымъ быкомъ) проявилъ воинскую доблесть [1]). Казанъ-бекъ, на предложеніе гяуровъ перейти на ихъ сторону, ссылается не на свою вѣру, а только на свои обязанности по отношенію къ своему роду и племени. Сынъ, недовольный отцомъ, или бекъ, недовольный ханомъ, грозитъ уйти къ христіанамъ: «Я уйду къ народу абхазовъ, возьму въ руки золотой крестъ, поцѣлую руку носящаго ризу человѣка». Герои воздерживаются отъ свинаго мяса, но всѣ напиваются виноградным виномъ и, какъ мы увидимъ въ настоящей легендѣ, признаются въ этомъ съ наивной откровенностью. Встрѣчаются остатки языческихъ вѣрованій, даже древне-тюркскій культъ волка. Иногда культъ природы какъ-то странно связывается съ культомъ мусульманскимъ святыхъ, напр. въ слѣдующемъ обращеніи Казанъ-бека къ водѣ: «О вода, печаль Хасана и Хусейна! о вода, забота Аиши и Фатимы!»

Еще одна характерная черта поэмы—сравнительно высокое положеніе женщины. Нѣтъ ни малѣйшаго указанія на многоженство; у каждаго богатыря только одна хозяйка. Богатырь Дэрсэ-ханъ сердится на жену за то, что у нихъ нѣтъ дѣтей, и не знаетъ, на его ли или на ея сторонѣ вина; ему совсѣмъ не приходитъ въ голову мысль взять себѣ другую жену. Нѣжное обращеніе мужа къ женѣ, которое мы встрѣтимъ въ настоящей легендѣ, повторяется почти во всѣхъ эпизодахъ. Еще трогательнѣе поступокъ Казанъ-бека, который соглашается оставить въ рукахъ гяуровъ жену, сына и все свое имущество, только-бы они возвратили ему престарѣлую мать.

Такое отношеніе къ женщинѣ и высокій идеализмъ, которымъ, не смотря на грубый реализмъ кочевой жизни [2]), проникнута вся поэма, заставляетъ предполагать европейское вліяніе; особенно вѣроятно вліяніе романтическаго трапезунтскаго двора [3]).

Легко понять, почему это произведеніе, не смотря на свои высокія поэтическія достоинства, сохранилось только въ одной рукописи и теперь по видимому совсѣмъ забыто османами. Съ тѣхъ поръ, какъ слово «тюркъ» даже у османовъ сдѣлалось браннымъ словомъ, синонимомъ грубаго, невѣжественнаго человѣка, поэма, проникнутая духомъ кочевой жизни, должна была утратить свое значеніе. Возможно впрочемъ, что у малоазіатскихъ османовъ и туркменовъ, которыми до сихъ поръ такъ мало занимались, еще найдутся отдѣльныя пѣсни «Коркуда»; хотя даже нравы малоазіатскихъ тюрковъ во многомъ отличаются отъ нравовъ ихъ предковъ XV столѣтія: кумысъ, о которомъ постоянно говорится въ «Коркудѣ» и въ «Тарихи-Али-Сельджукъ», имъ уже неизвѣстенъ. До сихъ поръ обнародованныя разбойническія пѣсни (дэстаны) малоазіатцевъ, всѣ новѣйшаго происхожденія, по поэтическому достоинству и по нравственной чистотѣ, стоятъ несравненно ниже «Коркуда».

---

[1]) Имя дается обыкновенно Коркудомъ.

[2]) Характерно слѣдующее выраженіе, которымъ обозначается высшая степень испуга: «Вошь, находившаяся на его головѣ, упала къ его ногамъ».

[3]) По словамъ Фальмерайера (Fallmerayer, Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. München 1827; pp. 190, 313—316) трапезунтскія царевны и дочери вельможъ славились красотой; черкесскіе, грузинскіе, армянскіе и туркменскіе царевичи пріѣзжали въ Трапезунтъ свататься на нихъ. Романтическія приключенія, которымъ они при этомъ подвергались, въ теченіе двухъ столѣтій были предметомъ западныхъ романовъ и восточныхъ сказокъ. Изъ первыхъ особенно извѣстенъ «Calloandro» генуезца Марини, изданный въ 1786 году

Пѣснь объ удаломъ Домрулѣ, сынѣ Духа-коджи.

Ханъ мой! среди огузовъ жилъ мужъ, по имени удалой Домрулъ, сынъ Духа-коджи. Онъ построилъ мостъ черезъ высохшій ручей; кто переходилъ, съ того бралъ 33 монеты; кто не переходилъ, того билъ и бралъ съ него 40 монетъ. Почему онъ такъ дѣлалъ? Онъ говорилъ: «Есть-ли человѣкъ удалѣе меня, сильнѣе меня, который-бы вышелъ на бой со мной? Слава о моей храбрости, моемъ богатырствѣ, моемъ молодечествѣ, моемъ джигитствѣ доходитъ до Рума и Шама (Сиріи)». Однажды у того моста остановилось кочующее семейство; въ немъ заболѣлъ одинъ добрый джигитъ и волею Божьей умеръ. Черная скорбь была въ семействѣ; кто плакалъ по сынѣ, кто по братѣ. Вдругъ прискакалъ удалой Домрулъ: «Негодные! что это за плачь, что за шумъ около моего моста? по комъ ваша скорбь?»—«Ханъ, мы потеряли добраго джигита; по немъ мы плачемъ».—«Кто же убилъ вашего джигита?»—«Увы, бекъ, джигитъ; было повелѣніе Всевышняго; краснокрылый Азраилъ взялъ душу того джигита».—«Что за человѣкъ вашъ Азраилъ, который беретъ душу людей? Боже Всемогущій! ради Твоего единства, ради Твоего существованія, дай мнѣ увидѣть Азраила, чтобы я съ нимъ сразился и вступилъ въ борьбу, чтобы я освободилъ душу добраго джигита, чтобъ онъ впредь не бралъ души добрыхъ джигитовъ». Такъ сказавъ, удалой Домрулъ воротился въ свой домъ. Всевышнему слово Домрула не понравилось: «Смотри, смотри! негодный безумецъ не признаетъ Меня, единаго Бога, не воздаетъ Мнѣ благодарности; пусть онъ испроситъ (у меня) прощенія въ моемъ великомъ чертогѣ». Богъ далъ повелѣніе Азраилу: «Азраилъ! ступай, покажись взорамъ того негоднаго безумца, заставь поблѣднѣть его лицо, заставь хрипѣть его душу и возьми ее».

Когда удалой Домрулъ съ 40 джигитами сидѣлъ за ѣдой и питьемъ, вдругъ явился Азраилъ; его не видали ни сторожъ, ни привратникъ. Взоръ удалаго Домрула затмился, его сильныя руки опустились; міръ для удалаго Домрула покрылся мракомъ. Онъ вскрикнулъ и заговорилъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ говорилъ: «Горе! что ты за страшный старецъ? Привратники тебя не увидали, стража тебя не замѣтила; мои свѣтлые взоры затмились, мои сильныя руки опустились, задрожали, моя душа пришла въ волненіе; моя золотая чаша изъ моей руки упала на землю. Полость моего рта сдѣлалась похожей на ледъ, мои кости—похожими на пыль. О старецъ съ бѣлой бородой! о старецъ съ темными глазами! что ты за страшный старецъ? Повѣдай мнѣ, господинъ мой; пусть тронетъ тебя мое несчастье сегодня». Азраилъ, услышавъ эти слова, пришелъ въ гнѣвъ: «Негодный безумецъ? тебѣ не нравится, что мои глаза темны? я взялъ души многихъ юныхъ красавицъ съ синими глазами. Тебѣ не нравится, что моя борода побѣлѣла? я взялъ души многихъ чернобородыхъ джигитовъ; оттого моя борода побѣлѣла. Негодный безумецъ! ты хвастался и говорилъ: если краснокрылый Азраилъ попадется мнѣ въ руки, я убью его и избавлю изъ его рукъ добраго джигита. Теперь, безумецъ, я пришелъ взять твою душу; отдашь-ли ты ее (добровольно), или сразишься со мной?» Говоритъ удалой Домрулъ: «Ты-ли краснокрылый Азраилъ?»—«Да, я».—«Ты-ли берешь души добрыхъ джигитовъ?»—Да, я беру (ихъ)».—«Привратники! заприте ворота! Азраилъ, я желалъ сойтись съ тобой на широкомъ мѣстѣ; неужели ты такъ счастливо попался мнѣ на тѣсномъ мѣстѣ? я убью тебя и освобожу душу добраго джигита». Онъ обнажилъ черный мечъ, взялъ его въ руки и напалъ на Азраила; Азраилъ обратился въ голубя и вылетѣлъ изъ окна. Поражающій мужей удалой Домрулъ хлопнулъ въ ладоши и захохоталъ: «Джигиты мои! я такъ испугалъ взоры Азраила, что онъ оставилъ широкія ворота и бѣжалъ черезъ узкое окно. Онъ обратился въ птицу, подобную голубю, и улетѣлъ; но я его не оставлю, пока не заставлю сокола схватить его». Домрулъ вскочилъ на лошадь, взялъ на руку сокола и погнался за Азраиломъ. Нѣсколько голубей онъ убилъ и вернулся; на пути домой вдругъ передъ его лошадью явился Азраилъ; лошадь испугалась, понесла удалаго Домрула и сбросила его на землю. Его черная голова опустилась; на его бѣлую грудь, сдавивъ ее, сѣлъ Азраилъ. Голосъ Домрула сталъ слабымъ; онъ на-

чалъ хрипѣть и сказалъ: «Пощади, Азраилъ! нѣтъ сомнѣнія въ единствѣ Божіемъ [1]). Я не зналъ, не испыталъ, что ты, какъ тать, похищаешь душу. У насъ есть горы; на тѣхъ горахъ—наши виноградники; въ тѣхъ виноградникахъ—черные грозды; тѣ грозды выжимаютъ; получается красное вино, пьющій то красное вино пьянѣетъ. Я былъ опьяненъ виномъ, не зналъ, что говорилъ; я не былъ въ своемъ умѣ; я не испыталъ тогда твоего молодечества. Не бери моей души, Азраилъ, пощади!» Азраилъ отвѣтилъ: «Негодный безумецъ! что ты меня умоляешь? Молись Богу Всевышнему. Что въ моей власти? я тоже слуга».—«Итакъ дающій душу, берущій душу—Всевышній Богъ?».—«Да, онъ».—«Какой-же ты господинъ? уйди отсюда; я буду говорить со Всевышнимъ».—Тутъ удалой Домрулъ сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ сказалъ: «Ты выше всего высокаго, никто не знаетъ, каковъ ты, свѣтлый Боже! Сколько глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты—въ сердцѣ вѣрующихъ. Боже, вѣчно сущій властитель! Боже, вѣчный хранитель тайнъ! Если хочешь взять мою душу, возьми ее Ты, не давай взять Азраилу». Тутъ Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ прокричалъ Азраилу: «Такъ какъ негодный безумецъ позналъ Мое единство, воздалъ Мнѣ благодарность, пусть, о Азраилъ, безумный Домрулъ найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Говоритъ Азраилъ: «Безумный Домрулъ, таково повелѣніе Всевышняго: пусть безумный Домрулъ найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Удалой Домрулъ говоритъ: «Какъ мнѣ найти душу? У меня есть старикъ-отецъ, старуха-мать; пойдемъ: можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ дастъ свою душу; возьми ее, а мою душу оставь». Удалой Домрулъ пришелъ къ своему отцу, поцѣловалъ его руку и сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ сказалъ: «Бѣлобородый почтенный, душа мой, отецъ! знаешь ли ты, что случилось? Я произнесъ слово невѣрія; Всевышнему это не понравилось; съ синяго неба онъ далъ повелѣніе краснокрылому Азраилу: тотъ прилетѣлъ, сдавилъ мою грудь, сѣлъ на нее, заставилъ меня хрипѣть и хотѣлъ взять мою милую душу. Отецъ! я прошу у тебя души; отдашь ли ты ее, или будешь плакать, приговаривая: сынъ мой, удалой Домрулъ?» Говоритъ отецъ: «Сынъ мой, сынъ! часть моей души, сынъ! сынъ мой, левъ, при рожденіи котораго я убилъ девять верблюдовъ! сынъ мой, опора моего златоверхаго жилища! сынъ мой, цвѣтокъ моей дочери-невѣсты, подобной гусю! Если нужна моя черная гора, лежащая противъ насъ, скажи; пусть она послужитъ Азраилу лѣтнимъ кочевьемъ. Если нужны мои холодные, холодные колодцы, пусть они служатъ ему для питья; если нужны мои табуны быстрыхъ коней, пусть они служатъ ему для ѣзды: если нужны мои ряды верблюдовъ, пусть они служатъ ему для вьюковъ; если нужны мои стада бѣлыхъ овецъ, пусть они служатъ ему для пищи; если нужно мое золото и серебро, пусть оно служитъ ему на расходы. Сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай. Есть твоя мать, которая мнѣ милѣе тебя, дороже тебя; сынъ, иди къ своей матери». Удалой Домрулъ ушелъ отъ отца послѣ безуспѣшной просьбы; онъ пришелъ къ своей матери и говоритъ: «Мать! знаешь-ли ты, что случилось? Съ синяго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраилъ; онъ сдавилъ мою бѣлую грудь, сѣлъ на нее, заставилъ меня хрипѣть и хотѣлъ взять мою душу. Я попросилъ души у моего отца; онъ не далъ. Я прошу души у тебя, мать; дашь ли ты мнѣ ее, или, приговаривая: сынъ, удалой Домрулъ! будешь плакать, впустишь горькіе ногти въ бѣлое лицо твое, будешь рвать свои черные, какъ воронъ, волосы?» Тутъ мать сказала—посмотримъ, ханъ мой, что она сказала: «Сынъ мой, сынъ! сынъ, котораго я девять мѣсяцевъ носила въ тѣсномъ чревѣ; сынъ, котораго я черезъ десять (лунныхъ) мѣсяцевъ произвела на свѣтъ; сынъ, котораго я щедро кормила своимъ бѣлымъ молокомъ! Былъ бы ты задержанъ въ крѣпости съ бѣлыми башнями! былъ бы плѣнникомъ въ рукахъ гяуровъ нечистой вѣры! я, съ трудомъ собравши золото и серебро, освободила бы тебя. Ты идешь въ дурное мѣсто; не могу идти за тобой; сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай». Мать тоже не дала души. Азраилъ пришелъ взять душу

[1]) Стереотипное риѳмованное выраженіе.

удалаго Домрула; удалой Домрулъ говоритъ: «Пощади, Азраилъ! въ единствѣ Божіемъ нѣтъ сомнѣнія!» Азраилъ говоритъ: «Какой тебѣ еще пощады, негодный безумецъ? Ты пошелъ къ бѣлобородому отцу твоему; онъ не далъ души; ты пошелъ къ сѣдовласой матери твоей, она не дала души: кто же дастъ?» Удалой Домрулъ говоритъ: «У меня есть предметъ заботы; я повидаюсь съ нимъ».—«Кто предметъ твоей заботы, негодный безумецъ?»—«У меня есть жена, дочь чужанина; отъ нея у меня двое сыновей; я передамъ имъ завѣтъ свой; потомъ ты возьми мою душу». Домрулъ пришелъ къ своей женѣ и говоритъ: «Знаешь-ли ты, что случилось? Съ синяго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраилъ, сдавилъ мою грудь, сѣлъ на нее, сталъ брать мою милую душу. Я сказалъ моему отцу: дай свою душу; онъ не далъ; я пошелъ къ своей матери; она не дала: сладка жизнь, мила душа, сказали они. Теперь пусть мои высокія, высокія горы служатъ тебѣ лѣтнимъ кочевьемъ, пусть мои холодныя, холодныя воды служатъ тебѣ для питья; пусть табуны моихъ быстрыхъ коней служатъ тебѣ для ѣзды; пусть мое златоверхое жилище дастъ тебѣ тѣнь; пусть ряды моихъ верблюдовъ служатъ тебѣ для вьюковъ; пусть стада моихъ бѣлыхъ овецъ служатъ тебѣ для пищи. Если твой глазъ на комъ остановится, твое сердце кого полюбитъ, выходи за него; не оставляй нашихъ мальчиковъ сиротами». Жена тутъ сказала—посмотримъ, ханъ мой, что она сказала: «Что ты говоришь, что произносишь, мой богатырь-джигитъ, царь-джигитъ, кого я, открывъ глаза, увидѣла, кого я, отдавъ сердце, полюбила; кого я, отдавъ сладкую душу, искала; съ кѣмъ мы лобызались въ сладкія уста, съ кѣмъ цѣловались, лежа на одной подушкѣ! Съ лежащими противъ насъ твоими черными горами послѣ тебя что мнѣ дѣлать? если я на нихъ буду лѣтомъ кочевать, пусть онѣ будутъ моей могилой. Если я буду пить твои холодныя, холодныя воды, пусть онѣ будутъ моей кровью; если я буду тратить твое золото и серебро, пусть оно будетъ моимъ саваномъ; если я буду ѣздить на табунныхъ твоихъ богатырскихъ коняхъ, пусть они будутъ мнѣ гробомъ. Если я послѣ тебя полюблю джигита, выйду за него, лягу съ нимъ, пусть онъ обратится въ пеструю змѣю и укуситъ меня. Какую цѣну твои негодные родители придаютъ своей душѣ, что не могли отдать ее за тебя? Пусть эфиръ будетъ свидѣтелемъ, пусть земля будетъ свидѣтельницей, пусть небо будетъ свидѣтелемъ, пусть Всемогущій Богъ будетъ свидѣтелемъ: моя душа да послужитъ жертвой за твою душу!» Азраилъ хотѣлъ взять душу женщины; поражающій мужей не могъ пожертвовать своей подругой и сталъ молиться Всевышнему—посмотримъ, ханъ мой, какъ онъ молился: «Ты выше всего высокаго; никто не знаетъ, каковъ Ты, свѣтлый Боже! Много глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты—въ сердцѣ вѣрующихъ. Боже, вѣчный властитель! Я воздвигну страннопріимные дома на большихъ дорогахъ ради Тебя; если увижу голоднаго, накормлю его ради Тебя; если увижу нагого, одѣну его ради Тебя. Хочешь взять,—возьми души насъ обоихъ; а если оставишь, такъ оставь души насъ обоихъ, Многомилостивый, Всемогущій Боже!» Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ далъ повелѣніе Азраилу: «Возьми души отца и матери удалаго Домрула; тѣмъ же обоимъ супругамъ Я далъ 140 лѣтъ жизни». Азраилъ взялъ души отца и матери; удалый Домрулъ еще 140 лѣтъ прожилъ со своей супругой.

Пришелъ мой дѣдъ Коркудъ, сложилъ пѣснь, сказалъ слово: «Эта пѣснь будетъ посвящена удалому Домрулу; послѣ меня пусть перенимутъ и разсказываютъ ее пѣвцы, пусть слушаютъ ее герои съ открытымъ челомъ! Я дамъ предсказаніе, ханъ мой: твои родныя, черныя горы да не упадутъ, твое тѣнистое, толстое дерево да не будетъ срѣзано, твоя свѣтлая рѣка да не изсякнетъ, да не сдѣлаетъ тебя Богъ нуждающимся въ негодныхъ! Мы совершили ради твоего бѣлаго лика молитву изъ пяти словъ; да будетъ она принята, да соединится въ одно, да стоитъ твердо; да будутъ прощены твои грѣхи ради Мухаммеда, имя котораго славно!

В. Бартольдъ.

С.-Петербургъ. Май 1893 г.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Проф. И. П. Филевичъ. Угорская Русь и связанныя съ нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава. 1894.

«Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки, говоритъ авторъ, связаны съ за-карпатской частью русскаго міра:

1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?

2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русскаго племени, великорусской и малорусской, не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю юго-западную Русь съ одной и древняго южно-русскаго населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны»?

Авторъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ. Онъ останавливается лишь на первомъ изъ нихъ, но и тутъ ограничивается указаніемъ на данныя, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу глубокой древности русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами (стр. 23), да утвержденіемъ, что «нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь незначительный слѣдъ далекаго прошлаго» и что «только на Карпатахъ русская историческая наука можетъ найти твердую почву для объясненія началъ кіевской государственности» (стр. 28). Что до втораго вопроса, то ему авторомъ удѣляется всего нѣсколько словъ.

Мы не придаемъ первому вопросу того значенія, какое ему придаетъ г. Филевичъ, но думаемъ, что онъ далеко не лишенъ интереса. Формулировка его у г. Филевича, по нашему мнѣнію, недостаточно проста, и мы бы его изложили болѣе коротко: какъ давно поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Данныя, указываемыя г. Филевичемъ для его рѣшенія, совсѣмъ скудны.

Онъ приводитъ небольшой списокъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, отчасти вообще славянскихъ, отчасти спеціально русскихъ. Это—названія рѣкъ: Бѣлка, Бѣлая Тиса, Бѣлый Черемошъ, Быстрица, названія поселеній: Русь, Руска весь, Руске и т. п.

Взглянемъ на эти данныя.

Изъ нихъ видно лишь одно,—что въ Карпатахъ и за Карпатами Славяне вообще и Русскіе въ частности поселились довольно давно, что они уже успѣли дать

свои названія нѣсколькимъ рѣкамъ (вѣроятно, переведя на свой языкъ болѣе раннія, не-славянскія названія или осмысливъ эти послѣднія), что они основали села съ русскими названіями. И только. Изъ нихъ не видна очень большая древность славянскихъ или именно русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами [1]).

Но имѣются еще данныя, не принятыя во вниманіе ни г. Филевичемъ, ни другими лицами, ранѣе его касавшимися того же вопроса. Это—данныя карпатскихъ и за-карпатскихъ говоровъ.

Если мы возьмемъ рядъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, звучащихъ не по-славянски (а ихъ много: горы Бескидъ, Минчолъ, Пікуй, Рипа, Грофа, Кукулъ, Воскулъ, Люстонъ, Джемброня; рѣки Ондава Ропа и другія) [2]), то между ними отмѣтимъ нѣсколько съ звукомъ *g*, существующимъ въ малорусскомъ нарѣчіи только въ болѣе или менѣе поздно (едва ли ранѣе второй половины XII вѣка) заимствованныхъ словахъ: [3]) Gорданъ (гора въ серединѣ русскихъ Карпатъ), Жеgестовъ (село въ сѣверо-западномъ углу Галиціи), Gіралтівці (село въ Угорской Руси, недалеко отъ Пряшева).

Точно также между находящимися въ карпатскихъ и за-карпатскихъ говорахъ не славянскими словами (къ нимъ принадлежитъ рядъ терминовъ пастушескаго быта: берbеница посудина для брындзы, бриндзя овечій сыръ, будза сыръ, мериндя особаго рода кушанье и т. п., и названій горныхъ животныхъ, растеній, тропинокъ и проч.: джарапъ можжевельникъ, яфина черника, плай тропинка), мы можемъ отмѣтить нѣсколько съ тѣмъ же звукомъ *g*: клягъ, клеgъ, gлеgъ (жидкость изъ овечьяго желудка, вливаемая въ молоко, чтобъ оно скисло), gоgоца (брусника?), gотуръ (тетеревъ?), маgура (гора).

Изслѣдованіе этихъ не-славянскихъ мѣстныхъ названій и словъ показало, что значительный процентъ ихъ—румынскаго происхожденія и что они могли перейти къ нынѣшнимъ обитателямъ Карпатъ и Угорской Руси отъ предковъ и родичей нынѣшнихъ Румынъ—Волоховъ, которые въ первыя столѣтія исторической жизни русскаго народа кочевали повидимому по всѣмъ Карпатамъ, начиная отъ сѣверо-западныхъ отроговъ ихъ въ Моравіи и кончая Карпатами Трансильванскими, и которые добровольно или невольно уступили свои горы Русскимъ и Полякамъ (въ Моравіи они ославянились) [4]).

Наконецъ передъ нами звуковыя особенности говоровъ карпатскихъ и за-карпатскихъ.

Говоры Лемковъ принадлежатъ къ числу болѣе или менѣе смѣшанныхъ. Рядомъ съ массою чертъ общихъ имъ съ говорами Галиціи, они имѣютъ такія черты, которыя въ послѣднихъ отсутствуютъ: *у* и *ю* на мѣстѣ древнихъ *о* и *е* въ рядѣ словъ въ родѣ вулъ (=галицкое вілъ), нюсъ (=галицкое нісъ), сочетанія кы, гы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были въ древне-русскомъ языкѣ, *ы* отличное отъ *и* въ рядѣ словъ, такъ что быти звучитъ иначе, чѣмъ бити. Замѣтимъ, что *у* и *ю* образовались изъ *о* и *е* едва ли ранѣе второй половины XII вѣка (они находятся уже въ памятникахъ

---

[1]) Если основываться на небольшомъ количествѣ мѣстныхъ названій (игнорируя остальныя), то легко нашъ сѣверъ съ Бѣлымъ озеромъ, рѣкою Бѣлою, рѣкою Сухоною признать за прародину русскаго народа.

[2]) Мы беремъ названія изъ книжки Заклинскаго, Географія Руси, Львовъ, 1887. Кажется, они здѣсь болѣе точны, чѣмъ у Головацкаго (Пѣсни, т. I).

[3]) Наши «Лекціи по исторіи русскаго языка», 112.

[4]) Небольшіе списки мѣстныхъ названій и словъ румынскаго происхожденія у русскихъ и польскихъ горцевъ см. у Миклошича, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten («Denkschriften» Вѣнской Академіи наукъ, т. 30-й, 1880 года).

Списокъ словъ румынскаго происхожденія у польскихъ горцевъ см. также у Л. Малиновскаго, O niektórych wyrazach ludowych polskich («Rozprawy» Краковской Академіи наукъ, т. 17-й, 1892 года).

Замѣчанія на послѣдній—у Пастрнка въ Slovenské Pohľady 1893 года №№ 11—12.

малорусскаго нарѣчія XII—XIII вѣковъ) и что сочетанія кы, гы превратились въ ки, ги, приблизительно въ то же время.

Говоры Бойковъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, не имѣютъ словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ древнихъ *о* и *е*, но сохраняютъ сочетанія кы, гы. Повидимому, они не что иное, какъ лемковскіе говоры, только въ нихъ примѣсь позднѣйшихъ чертъ изъ галицкихъ говоровъ болѣе сильна, чѣмъ въ лемковскихъ, хотя и въ послѣднихъ она не слаба.

Говоры Гуцуловъ (въ Галиціи и Буковинѣ) не имѣютъ никакихъ архаизмовъ сравнительно съ сосѣдними говорами жителей долинъ и не отличаются ничѣмъ важнымъ отъ этихъ послѣднихъ [1]).

Говоры угорскихъ Русскихъ болѣе или менѣе близки къ говорамъ Лемковъ и находятся въ тѣсной связи съ ними. Одинъ изъ нихъ, говоръ Русскихъ южной части Марамароша, сосѣдящихъ съ Гуцулами, сохраняетъ, повидимому, гораздо большее число словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ *о* и *е*, чѣмъ даже лемковскіе говоры [2]).

Если мы соединимъ всѣ собранныя данныя вмѣстѣ, то увидимъ, что они не позволяютъ намъ отодвигать первыя поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами въ древность далѣе XII вѣка, что гуцульская часть Карпатъ была заселена Русскими позднѣе, чѣмъ лемковская и бойковская и что въ Карпаты изъ Галиціи всегда являлись новые поселенцы (они-то и внесли позднія черты въ карпатскіе говоры).

Въ заключеніе одно замѣчаніе. Русскіе, двинувшись въ нынѣшнюю Угорскую Русь, заняли здѣсь мѣста поселеній Болгаръ [3]). Послѣдніе, кажется, не оставили несомнѣнныхъ слѣдовъ въ угро-русскихъ говорахъ, но Мадьяры сохранили нѣсколько угро-русскихъ мѣстныхъ названій въ болгарской формѣ. Таковы: Munkač (по-русски М у к а ч е в ъ, городъ), Ungvar (по-русски У ж г о р о д ъ, городъ), Ungh (по-русски У г ъ или У ж ъ, рѣка). Сравни сохранившіяся у Румынъ болгарскія мѣстныя названія Седмиградіи: Dumbrava, Lunka, Mundra, Breaza (= Брѣза), Gradistie (=Градиште), Zalatna (= Златна) [4]).

О второмъ вопросѣ г. Филевича намъ нѣтъ надобности распространяться. Мы имѣемъ рядъ памятниковъ малорусскаго нарѣчія, начиная съ половины XII вѣка, и о появленіи малорусскаго племени въ юго-западной Руси лишь въ XIII вѣкѣ не можетъ быть рѣчи. Въ настоящее время вопросъ о Малоруссахъ сводится къ вопросу о восточной границѣ малорусскихъ поселеній за время отъ XII до XV столѣтій.

А. Соболевскій.

О такъ называемой народной этимологіи.

Příspěvky k české etymologii lidové. Sepsal. I. Č e r n ý. V Praze, 1894 (Knihovna «Českého Lidu», III).

Вліяніе однихъ словъ на другія, старыхъ на новыя, только что заимствованныя, и общеупотребительныхъ на малоупотребительныя, производитъ въ языкѣ самыя разнородныя звуковыя измѣненія съ цѣлью сообщить языку извѣстное однообразіе звуковыхъ сочетаній. Нѣтъ такой части слова, которая бы была безопасна отъ измѣне-

---

[1]) Въ гуцульской части Карпатъ мѣстныя названія румынскаго происхожденія особенно многочисленны и гуцульскіе говоры особенно богаты румынизмами.

[2]) Данныя съ одной стороны въ нашемъ «Очеркѣ русской діалектологіи», Ж и в а я С т а р и н а 1892 года, съ другой—въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

[3]) т. е. Словѣнъ, въ послѣдствіи болгарскихъ. *Ред*

[4]) Списокъ славянскихъ мѣстныхъ названій Седмиградіи у R ö s s l e r'a Romänische Studien, Leipzig, 1871, стр. 325. О нихъ см. также статью К о ч у б и н с к а г о въ «Трудахъ седьмаго Археологическаго Съѣзда», т. 2 й.—Седмиградскіе Болгары большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей признаются за переселенцевъ съ береговъ Дуная.

ній. То слово измѣняется въ корнѣ; такъ старое русское м о р о в е й, подъ вліяніемъ болѣе употребительнаго м у р а в а, превратилось въ м у р а в о й, или старое русское в ы п я т ь, подъ вліяніемъ массы формъ неопредѣленнаго наклоненія на н у т ь, превратилось въ в ы н у т ь (откуда далѣе форма настоящаго времени в ы н у вмѣсто в ы й м у или в ы м у). То слово измѣняется въ префиксѣ; такъ, русское з г о л о в ь е, образовавшееся через потерю начальнаго *в* изъ в з г о л о в ь е, подъ вліяніемъ массы словъ съ начальнымъ префиксомъ и з-, стало звучать и з г о л о в ь е. То слово измѣняется въ суффиксѣ; такъ, старое русское к о л о д я з ь, подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на е ц ь, превратилось въ к о л о д е ц ъ, а старое русское л а с т о в к а, подъ вліяніемъ массы уменьшительныхъ на о ч к а, стало звучать л а с т о ч к а. Часто можно указать группу однокоренныхъ словъ, которымъ мы обязаны происшедшимъ въ словѣ измѣненіемъ; но еще чаще виновники измѣненія—болѣе или менѣе многочисленныя слова съ разными корнями, но съ однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ звуковъ, или же съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ.

Иногда происшедшее въ словѣ измѣненіе открывается передъ изслѣдователемъ само собою, почти безъ всякаго съ его стороны анализа; но не мало случаевъ, гдѣ надъ нимъ приходится поломать голову; а въ рядѣ случаевъ мы можемъ только удостовѣрить существованіе измѣненія, не будучи въ состояніи опредѣлить, въ чемъ именно оно заключалось (въ с л о б о д а—с в о б о д а, въ н е т о п ы р ь и друг.).

Явленія, происходящія вслѣдствіе вліянія сильныхъ словъ на слабыя, массы словъ на слова-одиночки, и извѣстныя въ языковѣдѣніи подъ именемъ явленій н а р о д н о й э т и м о л о г і и (таково общепринятое, но на нашъ взглядъ не совсѣмъ удачное названіе) и состоящія въ замѣнѣ болѣе или менѣе рѣдкихъ звуковыхъ сочетаній близкими къ нимъ обычными сочетаніями, отмѣчены во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ во всѣ періоды ихъ жизни. Въ виду этого, если лингвистъ вздумаетъ изслѣдовать законы языка, ему необходимо, прежде чѣмъ сдѣлать выводы,—подвергнуть собранныя данныя тщательному разсмотрѣнію и удалить изъ нихъ тѣ, которыя с ъ д о с т а т о ч н о ю в ѣ р о я т н о с т ь ю могутъ быть объяснены путемъ народной этимологіи.

Но столь же остороженъ долженъ быть и лингвистъ, изслѣдующій явленія народной этимологіи. Прежде чѣмъ сказать: такое-то звуковое измѣненіе въ такомъ-то словѣ произошло вслѣдствіе вліянія на это слово такихъ-то и такихъ-то словъ, онъ обязанъ тщательно разсмотрѣть данное слово и 1) опредѣлить его первоначальный видъ и 2) удостовѣриться, что происшедшее въ немъ измѣненіе не могло произойти вслѣдствіе дѣйствія какого-либо звуковаго закона. Иначе говоря, если лингвистъ будетъ имѣть передъ собою великорусское ч е р е м у х а, то прежде чѣмъ признать измѣненіе въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на у х а (сравни малорусское ч е р е м х а, польское trzemcha, чешское střemcha), онъ долженъ сперва опредѣлить его первоначальный видъ въ русскомъ языкѣ, т. е. доказать, что оно въ русскомъ языкѣ первоначально звучало ч е р е м ъ х а, а потомъ выяснить, что *ъ* или происшедшее изъ него неударяемое *о* не могло перейти въ *у*. Опредѣленіе первоначальнаго вида слова особенно важно въ томъ случаѣ, когда лингвистъ имѣетъ дѣло съ словомъ заимствованнымъ. Народы рѣдко заимствуютъ другъ у друга слова литературнаго языка (особенно въ старое время, когда литературный языкъ имѣлъ болѣе слабое распространеніе, чѣмъ теперь); обыкновенно мѣняются между собою словами г о в о р ы двухъ языковъ. Слѣдовательно, лингвистъ долженъ собрать діалектическія данныя того языка, изъ котораго заимствовано данное слово, и при ихъ помощи опредѣлить первоначальный видъ послѣдняго. Что же до удостовѣренія въ отсутствіи дѣйствія какого-либо звуковаго закона, то оно имѣетъ наибольшее значеніе тогда, когда передъ лингвистомъ исконное слово того языка, который онъ изслѣдуетъ, такъ какъ подобное слово могло испытать особенно много измѣненій.

Нельзя не признать, что изслѣдователи явленій народной этимологіи, русскіе и не русскіе, не отличаются особенною осторожностью. Но о г. Черномъ, авторѣ означенной выше книжки, можно сказать, что изслѣдуя эти явленія, онъ не руководится ни-

чѣмъ, кромѣ простаго звуковаго сходства между словами. Отсюда произвольность объясненій, иногда черезчуръ значительная...

Чешскій языкъ владѣетъ большимъ количествомъ словъ, въ разное время заимствованныхъ имъ изъ нѣмецкаго языка. Конечно, Чехи взяли ихъ не изъ нѣмецкаго литературнаго языка, а изъ нѣмецкихъ говоровъ. Г. Черный приводитъ рядъ этихъ словъ и, сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими нѣмецкими литературными словами, объясняетъ ихъ отличія отъ послѣднихъ дѣйствіемъ народной этимологіи. По его мнѣнію, современное чешское řeva, старо-чешское řýva, произошло изъ нѣмецкаг rebe подъ вліяніемъ глагола rýti (57). современныя чешскія lajkn ant, kyrysar, dezenter, kasárna—изъ lajtnant (лейтенантъ), kyrasir, dezerter. kasarme (69). современное чешское šum (пѣна)—изъ schaum. При этомъ авторъ ни разу не указываетъ на произношеніе этихъ словъ въ старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ говорахъ!

Сверхъ заимствованій изъ нѣмецкаго языка, въ чешскомъ языкѣ имѣются заимствованія и изъ другихъ языковъ. Г. Черный и здѣсь ограничивается сопоставленіемъ чешскихъ словъ съ иноземными оригиналами и указаніемъ на дѣйствіе народной этимологіи. По его мнѣнію, pivoňka (піонъ) произошло изъ латинскаго paeonia, подъ вліяніемъ слова pivo (55), и т. п. Указанія на французское pivon и на нѣмецкія областныя слова автору кажутся излишними!

Въ виду этого въ огромномъ количествѣ приведенныхъ г. Чернымъ словъ присутствіе «чешской народной этимологіи» представляется или мнимымъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнымъ. Часть ихъ, повидимому, испытала на себѣ дѣйствіе народной этимологіи, но не въ чешскомъ языкѣ, а въ какомъ-либо другомъ, часть же вовсе не подвергалась дѣйствію народной этимологіи.

Исконныя чешскія слова и старыя заимствованія въ теченіе ряда столѣтій исторической жизни чешскаго языка подвергались дѣйствію разнообразныхъ звуковыхъ законовъ. Г. Черный приводитъ нѣсколько такихъ словъ, но не справляется о томъ, какія въ нихъ могли произойти измѣненія. Такъ, онъ говоритъ о словѣ košile (-русск. кошуля, рубаха), что оно происходитъ отъ латинскаго casula и что въ немъ чувствуется вліяніе глагола šíti (65); тогда какъ въ немъ (какъ и во множествѣ другихъ словъ) *i* образовалось изъ *ю* и во вліяніи глагола шити не было ни малѣйшей надобности.

Та система изложенія, которой держится въ своемъ трудѣ г. Черный, много вредитъ достоинству его книги. Онъ распредѣлилъ свой матеріалъ по рубрикамъ: личныя собственныя имена, мѣстныя собственныя имена, богослужебная терминологія, названія помѣщеній, животныхъ, растеній и т. д., и здѣсь рядомъ съ словами подвергшимися дѣйствію народной этимологіи, помѣстилъ рядъ другихъ, которыя даже въ его глазахъ этого дѣйствія на себѣ не испытали.

Но г. Черный собралъ довольно много матеріала, и новый изслѣдователь явленій чешской народной этимологіи долженъ имъ воспользоваться. Кое-чѣмъ можетъ воспользоваться и изслѣдователь явленій русской народной этимологіи.

Любопытно, что одни и тѣ же слова въ разныхъ славянскихъ языкахъ подверглись дѣйствію народной этимологіи въ разныхъ направленіяхъ. Это изрѣдка исконныя славянскія слова, тѣ, которыя не имѣютъ большаго числа родичей и употребляются мало; гораздо чаще это—слова заимствованныя. Напримѣръ, древнее иноходецъ (конь) измѣнилось у Чеховъ въ mimochodník (51), у насъ (Вятская губ.) въ виноходъ; нѣмецкое papegai превратилось у Чеховъ въ papoušek (51), у насъ въ попугай (сравни пугать); нѣмецкое fürtuch стало звучать у Чеховъ fěrtoch (65), у насъ фартукъ (сравни многочисленныя слова на къ).

А. Соболевскій.

О сравнительной мифологіи Макса Мюллера.

Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи архимандрита Бориса. Изданіе второе. Спб. 1893.

Вѣроятно, лишь немногіе помнятъ статью о. Бориса (тогда еще В. Плотникова) о сравнительной миѳологіи Макса Мюллера, напечатанную въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879 года и вышедшую тогда же и отдѣльнымъ оттискомъ. Теперь онъ вздумалъ издать ее вторымъ изданіемъ. И въ 1879 году неудобно было говорить о теоріи Макса Мюллера какъ о «новѣйшей», такъ какъ тогда уже дѣйствовалъ Тэйлоръ [1]) съ своими послѣдователями и уже была выставлена антропологическая теорія. Теперь же какъ-то даже странно читать, что Максъ Мюллеръ предложилъ «новый» взглядъ на происхожденіе миѳологіи и что его миѳологическая теорія особенно замѣчательна «по высокой цѣнности результатовъ». Да сверхъ того, видно, что авторъ мало знакомъ съ трудами по миѳологіи. Максъ Мюллеръ какъ миѳологъ кажется ему чѣмъ-то совершенно оригинальнымъ, тогда какъ онъ въ главномъ—такой же послѣдователь Гримма, какъ Кунъ, Маннгардтъ, Шварцъ; для автора нашъ Аѳанасьевъ «исключительно слѣдуетъ методу Макса Мюллера», между тѣмъ какъ Аѳанасьевъ печатаетъ свои первыя статьи по славянской миѳологіи (потомъ вошедшія въ его «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу») раньше, чѣмъ появляется въ свѣтъ «Сравнительная миѳологія» Макса Мюллера (въ 1856 году).

О. Борисъ поражаетъ теорію Макса Мюллера не безъ успѣха, но недостаточно энергично. «Теорія Макса Мюллера о происхожденіи миѳовъ, читаемъ мы у него, только отчасти вѣрна. Она объясняетъ небольшую (сравнительно) часть миѳовъ, но несправедливо претендуетъ на объясненіе всей области миѳологіи; она беретъ для объясненія происхожденія миѳовъ сравнительно маловажную причину и оставляетъ безъ вниманія важнѣйшую. Поэтому, не смотря на прекрасное объясненіе многихъ миѳовъ, она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа одностороннею». Авторъ имѣлъ право сказать, что миѳы, которые бы успѣшно объясняла теорія Мюллера,— явленіе рѣдкое, почти исключительное.

А. Соболевскій.

Новыя книги.

Die Rumänische Frage in Siebenbürgen und Ungarn. Eine politische Denkschrift von Eugen Brote Vicepräsid. d. Vorstandes d. rumänischen Nationalpartei in Siebenbürgen u. Ungarn. Mit 51 Beilagen u. einer Karte Berlin 1895. Puttkammer u. Mühlbrecht in 8°. XI + 432.

Если Китай, Великобританская имперія и Россія—три единственныя государства въ мірѣ съ такимъ величайшимъ этнографическимъ разнообразіемъ, то Австро-Венгрія, этотъ остатокъ священно-римской имперіи нѣмецкаго языка или народа, есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ всѣ внутренніе правовые, экономическіе и соціальные вопросы носятъ сильный этнографическій отпечатокъ. Недавно одному русскому дипломату приписывали въ Австріи такое замѣчаніе; «я не признаю въ Австріи Славянъ». Мы не вѣримъ справедливости этой передачи. Этотъ государственный человѣкъ несомнѣнно умный. Отказываться отъ признанія въ Австро-Венгріи Чеховъ, Нѣмцевъ, Словаковъ, Румынъ, Поляковъ, Русскихъ (малоруссовъ), Сербовъ, Хорватовъ, Мадьяръ значитъ совершенно отказываться отъ всякаго пониманія сосѣдняго намъ государства. Не только вся его внутренняя, но отчасти внѣшняя политика (всегда и вездѣ зависимая отъ

[1]) Его «Первобытная культура» хорошо извѣстна о. Борису...

внутренней) рѣзко опредѣляется его этнографическимъ составомъ. Оно и понятно: ибо вся Австро-Венгрія состоитъ изъ своего рода Ирландій или изъ нашихъ привислянской и прибалтійской окраинъ.

Обстоятельный трудъ г. Е. Брюте о Румынахъ въ Трансильваніи и Венгріи представляетъ очень важное пособіе и для этнографовъ и для политиковъ, желающихъ ближе узнать Австро-Венгрію.

В. Л.

Paul Regnaud. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et la Grèce. Paris 1894.

Оригинальная во многихъ отношеніяхъ книга г. Реньо представляетъ собою новую попытку найти исходную точку для пониманія первобытныхъ религій, тотъ принципъ, изъ котораго вытекали бы сами собою основныя формы этихъ религій.

Насколько эта задача удалась автору, я постараюсь указать послѣ, теперь же представлю его основныя воззрѣнія. Прежде всего, г. Реньо приглашаетъ насъ стать на «чисто раціональную» (p. 32) точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, «никто не станетъ опровергать, что религія также имѣетъ свое начало, что было время, когда ея не существовало». Первою формою первообытной религіи, по крайней мѣрѣ, у народовъ Индо-Европейской расы—было жертвоприношеніе. Однако какого-нибудь бога, въ честь котораго совершались бы эти жертвоприношенія, мы не находимъ; напротивъ, ихъ характеръ совершенно «атеистическій» (p. 34), ихъ происхожденіе чрезвычайно просто: огонь, высѣканіе котораго представляетъ извѣстныя трудности, долженъ былъ сохраняться въ такомъ видѣ, чтобы отъ него безъ труда можно было бы получать новый; такимъ образомъ, ощущается потребность въ неугасимомъ огнѣ, является огонь «роскоши» или традиціонный огонь, какъ выражается г. Реньо (p. 34). Поддерживаемый изъ рода въ родъ, онъ становится символомъ непрерывности семьи и взаимной независимости родовъ; наконецъ, онъ получаетъ значеніе чего-то торжественнаго, высшаго. Каково-же было и въ чемъ заключалось это первобытное жертвоприношеніе? На это отвѣтить не трудно: оно заключалось въ приношеніи горючихъ веществъ, поддерживающихъ неугасимый огонь, въ подливаніи въ него масла; оно не имѣло, сначала, никакой другой цѣли, кромѣ сохраненія яркаго пламени. Мало по малу это пламя стало богомъ и положило начало всѣмъ религіознымъ и моральнымъ понятіямъ. «Божества очага», какъ говоритъ г. Реньо въ другомъ мѣстѣ (p. 174): «божества очага, которыя являются въ тоже время древнѣйшими божествами индо-европейцевъ, не заключаютъ въ себѣ ничего самостоятельнаго (volontaire), ничего героическаго, даже ничего активнаго—такъ сказать—личнаго. Это—друзья и сосѣди, присутствіе которыхъ связано съ сохраненіемъ семьи, такъ какъ они всегда около нея; изъ этихъ наслѣдственныхъ отношеній возникъ ихъ священный характеръ, явившійся незамѣтно вслѣдъ за отсутствіемъ всякой таинственности, ознаменовавшей начало этой близости между человѣкомъ и домашнимъ огнемъ, явившейся предисловіемъ къ религіи народовъ нашей расы».

Этимологія словъ d e v a s и многихъ другихъ религіозныхъ понятій восходитъ къ корнямъ со значеніемъ свѣта, яркости, горѣнія. Ведійскіе d e v'ы, — по корню родственные съ греч. θ ε ό ς, латин. divus и—добавимъ—славян. д е н ь (изъ *дьв-нь) и литов. d ë v a s,—первоначально, собственно, огни (или пламя) жертвоприношенія; каждый изъ нихъ: Агни, Индра, Варуна и др. только различное названіе для одного и того-же предмета, и потому каждый изъ нихъ d e v a s (p. 46—47). Если гимны говорятъ, что Агни (= огонь) долженъ привести дев'овъ, это значитъ только, что онъ долженъ вспыхнуть на алтарѣ; если жрецъ сообщаетъ, что Агни явился благодаря своему пламени, съ нимъ и черезъ него, это значитъ, что огонь, дѣйствительно, загорѣлся и что жертвоприношеніе совершилось (p. 48). Однако уже въ Ведахъ слову d e v a s придается какъ будто мистическое значеніе, непонятное при столь реаль-

номъ происхожденіи его. По мнѣнію г. Реньо, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на позднѣйшую экзегезу эпитетовъ, прилагавшихся къ слову devas. Прежде всего, выдаются такіе эпитеты, какъ безсмертный (amṛta, ἀθάνατος), небесный и др. Но первое, по мнѣнію г. Реньо, значитъ вовсе не безсмертный, а просто не умершій, тогда какъ mṛta, βροτός значитъ просто умершій; второе-же точно также обязано серьезному и реальному пониманію метафоръ и игрѣ словъ. Дѣло въ томъ, что священное пламя получило значеніе свѣта, дня или неба (p. 54), и свѣтлые боги (т. е. огни — devas) были перемѣщены на небо. Тоже совершилось и въ Греціи: Ὄλυμπος произведено отъ того-же корня, что и λάμπω, αἰθήρ родственно съ αἴθω, наконецъ Οὐρανός (дорійское Ὠρανος) по корню близко къ ὥρα (p. 55). Изъ другихъ священныхъ горъ извѣстны Ида отъ корня id (briller, voir, connaître), Этна (Αἴτνα вм. Αἴθνα, ср. αἴθω p. 80), Геликонъ, мѣстопребываніе музъ, жертвеннаго пламени, производящаго звукъ, подобный пѣнію, — наконецъ, блестящій и странствующій Делосъ (p. 58). Въ самой Ригъ-Ведѣ и въ древнѣйшихъ гимнахъ Греціи эти эпитеты не болѣе, какъ символы образнаго слога [1]). Брахманическая экзегеза, принимавшая за чистую монету то, что было только символомъ, пошла еще дальше и развила легенду о богѣ Dyâus, которой въ Греціи соотвѣтствуетъ легенда о Зевсѣ: такъ Dyavapṛthivi Ригъ-Веды просто соединеніе широкаго (т. е. возліянія, сомы) съ огнемъ, три брата греческой миѳологіи представляютъ собою основаніе, средину и вершину священнаго пламени (p. 73), борьба Зевса съ Титанами пріобрѣтаетъ особый смыслъ, если мы признаемъ, что «Титаны—пламя жертвоприношенія, которое смѣщаетъ Зевсъ, какъ онъ смѣстилъ своего отца Крона» (p. 79) и т. д.

Такимъ образомъ ясно, что авторы Ведъ предшествовали миѳологіи, потому что для нихъ метафоры оставались метафорами; только въ позднѣйшій періодъ экзегезы эти метафоры слились въ миѳъ. Это сліяніе шло слѣдующими путями (p. 96—106).

1) Неодушевленный предметъ, обозначенный именемъ нарицательнымъ, метафорически представляется одушевленнымъ.

2) Эпитетъ неодушевленнаго предмета, выраженнаго именемъ нарицательнымъ, занимаетъ мѣсто этого имени и сопровождается опредѣленіями, которыя представляютъ данный предметъ одушевленнымъ.

3) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ неодушевленнымъ предметомъ, имя котораго подставляется вмѣсто него.

4) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ животнымъ или человѣкомъ, имя котораго подставляется вмѣсто него.

5) Эпитетъ этого человѣка или животнаго занимаетъ мѣсто имени.

6) Отрицаніе какого нибудь свойства или отсутствіе предмета метафорически представляется одушевленнымъ и реальнымъ.

7) Комбинація различныхъ, уже указанныхъ, фигуръ, а отсюда странныя миѳическія описанія etc.

8) Ошибочное пониманіе словъ Ведійскаго діалекта.

«Такимъ образомъ», заключаетъ авторъ: «вся индо-европейская миѳологія своимъ источникомъ имѣетъ образный стиль, первою причиною и единственною цѣлью котораго было описаніе и апологія обрядовъ культа огня у Индо-Европейцевъ» (p. 106). На этомъ, въ сущности, и кончается первая часть теоріи г. Реньо: все, что остается, является только развитіемъ этихъ основныхъ идей. Шумъ пламени и шипѣніе сомы—это гимнъ, который поютъ сами боги (=огни), бывшіе, первоначально, и сами

---

[1]) И дѣйствительно—прибавлю я отъ себя—этотъ образъ вовсе не рѣдокъ въ поэзіи. См. напримѣръ у нѣмецкаго поэта Hamerling'a въ поэмѣ: «Ahasver in Rom» 18 изд. стр. 158.

Die Flammen singen deinen Ruhm und lassen
In Goldglanzlettern leuchten deinen Namen,
Und krönnen dich mit einem Glorienschein,

жрецами. «Гимнъ сталъ молитвой въ устахъ человѣка только изъ подражанія голосу боговъ и вслѣдствіе распредѣленія между людьми и богами ролей, принадлежавшихъ сначала только однимъ богамъ» (р. 176). Когда-же эти роли были распредѣлены, явилась потребность въ посредникахъ — жрецахъ, первоначально, просто подливателяхъ сомы. Адъ — антиподъ неба, свѣта, отрицаніе бытія — на самомъ дѣлѣ, только отсутствіе жертвоприношенія, только отрицаніе тѣхъ свойствъ, какими обладаетъ это послѣднее. Культъ предковъ (культъ отцевъ) имѣетъ въ виду не дѣйствительныхъ отцевъ, но метафорическихъ родителей нашего жертвоприношенія, или тѣ элементы, тѣ огонь и сому, изъ соединенія которыхъ оно является. Идея безсмертія души явилась изъ жертвенныхъ формулъ, по которымъ элементы жертвоприношенія — не живые — становятся живыми или оживаютъ. Нравственность, начала науки, литературы и искусства такъ или иначе вытекаютъ изъ жертвоприношенія. Такова стройная и цѣльная теорія г. Реньо.

Уже изъ изложенія ея, по возможности объективнаго, можетъ быть, до извѣстной степени выяснились ея важнѣйшіе недостатки. Эти недостатки, мнѣ кажется, можно раздѣлить на двѣ группы: одну практическую, другую теоретическую. Что касается недостатковъ перваго рода, то здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на цѣлый рядъ совершенно неправильныхъ этимологій, произвольныхъ переводовъ, натяжекъ, неудачныхъ выборовъ гимновъ для сравненія, наконецъ просто фантазій. Чтобы не быть голословнымъ, я разсмотрю сначала нѣсколько этимологій г. Реньо. Переводить ἄμβροτος (amṛta) черезъ неумершій, во всякомъ случаѣ, неправильно: ужъ если автору такъ хотѣлось видѣть здѣсь причастіе, то онъ долженъ былъ-бы припомнить, что на—ta—образуются только страдательныя причастія. Кромѣ того, какъ лингвисту, ему было-бы необходимо такъ или иначе счесться со взглядомъ Бругмана на происхожденіе прилагательныхъ именъ типа βροτός. Именно, этотъ ученый говоритъ: «Часто вмѣсто понятія совершенія или законченности является понятіе способности или возможности, какъ въ гр. λυ-τό-ς «разрѣшимый». Можетъ быть, также праиндогерм. mortos «смертный». Въ виду того обстоятельства, что эта функція въ отдѣльныхъ языкахъ отчасти преимущественно, отчасти исключительно выступаетъ въ именахъ сложныхъ съ отрицательной частицей (цѣлый рядъ примѣровъ) или въ отрицательныхъ выраженіяхъ какого-нибудь иного вида (примѣры), можно предположить, что все употребленіе ея исходитъ изъ отрицательныхъ выраженій» [1]). Что касается слова devas, въ корнѣ котораго, дѣйствительно, лежитъ понятіе свѣта, хотя и не огня, какъ утверждаетъ г. Реньо,—то относительно него сомнительно, чтобы въ Ригъ-Ведѣ еще сохранилось этимологическое пониманіе стараго корня. Иначе трудно было-бы объяснить, чтобы брахманы могли забыть объ этомъ совершенно, тѣмъ болѣе, что они сами понимали связь между словами: divā (днемъ) и deva (богъ), выражая это такъ: «когда былъ день, Праджапати сотворилъ боговъ; это сущность боговъ» [2]). Чтобы показать тѣсную связь жертвоприношенія съ божествомъ, г. Реньо употребляетъ нѣсколько этимологій настолько невѣрныхъ, что я не счелъ ихъ даже значительными при изложеніи теоріи жертвоприношенія. Именно, авторъ соединяетъ слова θεός (изъ θεϝ-ος, изъ gheϝ-os [3]) и θύω (изъ dhuo—); yaj «приносить жертву» (греч. ἅζομαι. Brugmann. Grundriss. I, 114) считаетъ вѣроятно родственнымъ со syand «течь» и т. д. Изъ другихъ эпитетовъ боговъ, г. Реньо считаетъ особенно важными эпитеты, указывающіе на ихъ небесное, горнее положеніе. Однако и здѣсь онъ во многомъ ошибается: Ὄλυμπος или не подходитъ для сравненія вовсе, если, какъ это

---

[1]). Grundriss der vergleichenden Grammatik der indog. sprachen. II. Strassburg. 1889, стр. 207.

[2]) Leop. v. Schröder. Indiens Literatur und Cultur in historischer Entwickelung. Leipzig. 1887. s. 135—137 (гдѣ приведены и другіе примѣры браманской этимологизаціи).

[3]) Brugmann. Griechische Grammatik. München. 1890. II Band Handbuch'a Iwan von Müller'a, ст. 56 сравниваетъ съ др. инд. ghoraн, можетъ быть, готск guths.

предполагаетъ Преллеръ [1]), "Ολυμπος не является общегреческимъ названіемъ для божественной горы, а лишь ѳессалійскимъ мѣстнымъ именемъ, или, если "Ολυμπος издревне-греческое слово, то его нельзя сравнивать съ λάμπω. Дѣло въ томъ, что при той древности культа огня, какую имѣетъ въ виду Реньо, мы можемъ прилагать его этимологическій способъ доказательства только къ словамъ индогерманскимъ или же общегреческимъ, обще-индійскимъ и т. д. Далѣе οὐρανός (изъ *Fορ Fανός ṷoruṇno) вполнѣ подходитъ къ др. инд. varuṇa (Brugmann. Grundriss. II, 154), тогда какъ ὧρος «годъ», ὥρα «время» несомнѣнно родственны съ гот. jēr «годъ», слав. яръ «весна» и т. д. (Brugmann. Grundriss I, 111). Далѣе Αἴτνα изъ Αἴθνα происходить не можетъ, такъ какъ τ и θ безразличны только въ нашемъ произношеніи и имѣютъ совершенно различные коррелятивы въ индо-германскомъ языкѣ. Странно встрѣчать у спеціалиста по лингвистикѣ такія разсужденія (прим. 3 на стр. 74): «очень вѣроятно, что ῥέα вмѣсто σρεϝα, срав. ῥέω варіантъ, что касается корня, слова ἦρα вм. *σηρα». Кажется, г. Реньо никогда не слышалъ о сопоставленіи др. инд. gandharvás съ греч. κένταυρος (по народной этимологіи вмѣсто *κενθαυρος. Brugmann. Grundriss. I, 481): для него gandharva (p. 117) родственно съ др. инд. gātha «пѣсня» и gāthin «пѣвецъ». Объяснять Σειρήνη [2]) черезъ санскритскій корень svar невозможно; это было-бы еще допустимо, если-бы инд. корень звучалъ не svar, но sarv (какъ ἄπειρος: др. инд. parvatas). Можно сказать, что почти всѣ этимологіи г. Реньо неправильны, а, такъ какъ онъ на нихъ-то и основываетъ въ значительной мѣрѣ свою теорію, то уже это подрываетъ ее. Къ числу практическихъ недостатковъ принадлежитъ также через-чуръ произвольный переводъ нѣкоторыхъ текстовъ. Перечислять всѣ эти мѣста я и не въ состояніи, да это заняло-бы и слишкомъ много времени и мѣста. Я ограничусь двумя-тремя указаніями. Вотъ напр.

Rg. V. I, 25, 2 и 3: mā no vadhāya hatnave jihīḷānasya riradhaḥ mā hṛṇānasya manyave. 2.
Vi mṛḷīkāya te mano rathīr açvaṁ na saṁditaṁ girbhir varuṇa sīmahi.

Смыслъ слѣдующій: «О если-бы ты, разгнѣвавшись, не отдалъ насъ смертному оружію, не предалъ насъ, разсердившись, своей ярости. Вслѣдствіе нашихъ славословій открой свой духъ, о Варуна, милости (mṛḷīkāya), отпряги, о всадникъ, коня незапряженнаго». Г. Реньо (p. 140—141) понимаетъ его иначе: корень mṛḷ, mṛd онъ какимъ-то образомъ сравниваетъ съ marj «доить» (гр. ἀμέλγω, лат. mulgo) и получаетъ mṛḷīka со значеніемъ не милость, какъ это видно и изъ контекста, а молоко, т. е. «жертвенную жидкость, приготовленную для жертвоприношенія».

Или Rg. V. I, 124, 12: vahasi bhūri vāmam uṣo devi dāçuṣe martyāya, т. е. «ты приносишь, о богиня заря, много блага почтившему (тебя) смертному». Г. Реньо просто на просто выпускаетъ слово «dāçuṣe» и переводитъ такъ: «о богиня заря, ты даешь много блага мертвому (смертному)».

Съ греческимъ текстомъ авторъ обращается не менѣе свободно. Такъ, на стр. 165 онъ говоритъ: «χαῖρε—первоначальный смыслъ: «sois actif, vif, vivant». Почему это? Др.-инд. hary (принимать съ удовольствіемъ) и другіе родственные корни (Brugmann. Grundriss. I, 238; II, 1054)—всѣ выражаютъ удовольствіе или желаніе. Но г. Реньо, разъ сообщивши намъ первоначальный смыслъ слова, въ другихъ мѣстахъ считаетъ его уже доказаннымъ и напр. гимнъ XI переводитъ такъ: «будь дѣятельна, о богиня, и даруй намъ успѣхъ и яркій блескъ» (χαῖρε, θεὰ δὸς δ' ἄμμι τύχην εὐδαιμο-

---

[1]) Griechische Mythologie. 4 aufl. I. B. Berlin. 1888. s. 122.

[2]) Въ ту-же ошибку (производство Σείριος отъ svar) впалъ и Преллеръ. Op. c. 454, прим. 3.

νίηντε). Сравненія, которыми авторъ доказываетъ первоначальное тожество гомеровскихъ и ведійскихъ гимновъ, иногда просто забавны. Вотъ примѣръ:

Ст. 1. Κλῦθι, θεὰ θνητοῖς φαεσίμβροτον ἦμαρ ἄγουσα

г. Ренью сравниваетъ со слѣдующими мѣстами Ригъ-Веды:

I, 48, 10: «услышь нашъ призывъ» — I, 48, 1: «о богиня» — I, 113, 11: «увидѣли смертные сверкающую зарю» — I, 92, 4: «заря, предсказывающая свѣтъ всякому существу».

Ст. 2. Ἠὼς λαμπροφαής, ἐρυθαινομένη κατὰ κόσμον.

Rg. V. VI, 64, 2: «заря блестящая... сверкнула». — IV, 52, 2: «яркокрасная заря» (вѣдь citraruşī по смыслу одно слово, которое, мнѣ кажется, нельзя переводить черезъ brillante, rouge).

Все сравненіе идетъ такимъ образомъ, хотя при помощи подобной мозаики можно доказать все, что угодно. Этотъ примѣръ взятъ мною не какъ единичный примѣръ: это вообще типъ сравненія, по самому существу дѣла довольно сомнительнаго.

Наконецъ къ числу практическихъ недостатковъ теоріи принадлежитъ, какъ я сказалъ выше, неограниченное увлеченіе своей теоріей, увлеченіе, приводящее автора просто на просто къ фантазіямъ. Какъ извѣстно, натуралистическая школа въ миѳологіи подъ волосами Зевса, которыми онъ потрясаетъ Олимпъ, подразумѣваетъ молніи. Г. Ренью понимаетъ иначе (р. 57), амброзія, напитавшая волосы Зевса, это возліяніе, которое приводитъ въ движеніе пламя. Въ связь съ голосомъ элементовъ жертвоприношенія авторъ ставитъ пѣніе Амфіона, Орфея и др. и прибавляетъ (р, 133): «Стѣны Ѳивъ и Трои выстроены изъ пламени, о чемъ такъ часто упоминается въ Ригъ Ведѣ: олицетворенія жертвеннаго огня съ шумомъ создаютъ эти стѣны».

Я перехожу теперь къ теоретической части своихъ возраженій. Прежде всего, мнѣ кажется, автору не пришелъ въ голову чрезвычайно важный вопросъ о хронологіи Ведійскихъ гимновъ, хронологіи, до сихъ поръ, если я не ошибаюсь, совершенно неустановленной. Между тѣмъ всѣ разсужденія г. Ренью только тогда получаютъ доказательную силу, только тогда становятся логически обязательными, а не остаются просто дѣломъ вѣры, — если онъ насъ убѣдитъ въ томъ, что тѣ гимны, которые подтверждаютъ его теорію, древнѣе другихъ. Молитва не входитъ въ кругъ древнѣйшей религіи, потому что не кому и не для чего было молиться. Между тѣмъ этому предположенію автора противорѣчатъ всѣ тѣ гимны къ Брихаспатису, къ зарѣ, наконецъ къ оружію, которые заключаютъ несомнѣнную молитву и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ уже не могутъ быть примѣнены къ культу огня. Да и тѣ божества, которыя и мы могли бы, скрѣпя сердце, отнести къ этому культу, представляютъ извѣстныя черты, трудно согласимыя съ нимъ. Пусть г. Ренью докажетъ намъ, что тѣ гимны, которые имъ разобраны, дѣйствительно, самые древніе, иначе — рядомъ съ тѣми воззваніями къ богамъ, которыя подходятъ къ его идеѣ, мы можемъ поставить другія воззванія къ тѣмъ-же богамъ, воззванія, совсѣмъ не подходящія къ ней.

Во вторыхъ, мнѣ кажется, что самъ г. Ренью колеблется въ своемъ пониманіи Ведійскихъ гимновъ. Какъ-то мало согласуются другъ съ другомъ слѣдующія мѣста. Такъ, на стр. 48 онъ говоритъ: «гимны, по существу, исполнены реализма, авторы ихъ говорятъ только о вещахъ, которыя передъ ихъ глазами». Съ этимъ нельзя не согласиться, да это и не ново: уже Тито Виньоли [1], а, можетъ быть, кто-нибудь и до него, замѣтилъ, что Агни въ Ведахъ олицетворяется не какъ человѣкъ вообще, но что въ олицетвореніе его входитъ представленія о дымѣ, алтарѣ и т. д. Такимъ образомъ, и по г. Ренью, гимны изображаютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ, и ихъ реализмъ, если эту мысль довести до конца, какъ-то противорѣчитъ богатому развитію Ведійской символики, которой придаетъ такое значеніе авторъ. На стр. 169 онъ говоритъ: «когда тонкости стиля древнихъ гимнографовъ болѣе уже не понимались и когда

[1]) Mythus und Wissenschaft. Leipzig. 1880, стр. 71—72.

перестали сознавать, что въ обращеніи къ Индрѣ: «устрой намъ то, что имѣетъ коровъ» имѣлось въ виду просто привлечь зажженное возліяніе, олицетворенное согласно обстоятельствамъ, къ содѣйствію дѣлу жертвоприношенія; когда забыли, что коровы, о которыхъ просили такимъ образомъ, были только символическими коровами» etc. Такимъ образомъ мы и здѣсь уже встрѣчаемся и съ олицетвореніями и со всѣмъ багажемъ любой миѳологической школы; реализма, который не выходилъ-бы изъ рамокъ дѣйствительности, тутъ уже нѣтъ. Мнѣ кажется что г. Реньо какъ-то колеблется: тотъ умственный уровень народа, при которомъ сложились разсматриваемые имъ гимны, онъ представляетъ себѣ то черезъ-чуръ простымъ, то, наоборотъ, черезъ-чуръ сложнымъ и высокимъ.

Въ третьихъ, какъ-то непонятно, почему въ сущности одни и тѣ-же миѳологическія представленія развились у Грековъ и Индійцевъ. Это было бы ясно, если бы здѣсь мы имѣли дѣло съ творчествомъ народныхъ массъ, уравненныхъ и здѣсь и тамъ. Но вѣдь на развитіе миѳологіи повліяла чисто индивидуальная жреческая экзегеза. Если бы даже тѣ 8 формулъ смѣшенія символовъ, которыя были выставлены раньше, были логически обязательны для всякаго экзегета, то все-таки на волю его индивидуальности оставалось бы выбрать тотъ или другой матеріалъ для образованія миѳовъ. Но этого разнообразія нѣтъ, и отсутствіе его словно подтверждаетъ чувство какой-то фальшивости мнѣнія, будто богословское догматическое изученіе можетъ создать народную религію. Наконецъ, въ теоріи г. Реньо мы не можемъ избѣгнуть нѣсколькихъ заколдованныхъ круговъ: такъ, по его мнѣнію, миѳологія не могла развиться изъ антропоморфизаціи небесныхъ явленій (p. 89—90), а между тѣмъ вся экзегеза, которой придается такое значеніе, основана на антропоморфизмѣ, совершенно одинаковомъ у Грековъ и Римлянъ. Какъ понимать иначе слѣдующія слова г. Реньо (p. 121): «μάντις былъ первоначально священный огонь, разсматриваемый, какъ мыслитель, потому что онъ являлся шипящимъ или говорящимъ и потому что слово предполагаетъ существованіе мысли. Боги, коллективное олицетвореніе священнаго огня, суть мыслители» и т. д. Далѣе, если символъ необходимое условіе религіознаго выраженія уже въ первую эпоху религіи, то что можетъ насъ заставить думать, что и огонь и жертвоприношеніе были уже ни болѣе, ни менѣе, какъ символами бога и что всѣ моленія обращались, на самомъ дѣлѣ, не къ огню, а къ богу; а тогда мы избавимся отъ необходимости считать аллегоріей то, что такъ похоже на правду, т. е. простѣйшія молитвы о счастіи, избавленіи отъ враговъ и др. (ср. напр. Rg. V. II, 23). Вообще способъ доказательства у г. Реньо часто очень догматиченъ: «это очевидно» (p. 7), «il a tout simplement mis» (p. 7), «les conditions les plus favorables» (p. 33) etc.

Въ концѣ концевъ невольно приходитъ въ голову вопросъ, почему такъ неудачны почти всѣ дѣлавшіяся попытки миѳологической систематизаціи. Правда, во всѣхъ изъ нихъ есть много остроумныхъ сопоставленій, глубокихъ замѣчаній, наконецъ—такихъ данныхъ, которыя (особенно, у Макса Мюллера и Гиго Виньоли) будутъ всегда привлекать къ себѣ вниманіе,—однако цѣльнаго, не поражающаго своею догматичностью до сихъ поръ нѣтъ. Можетъ быть, это происходитъ въ значительной степени отъ того, что миѳологическое творчество народа вырываютъ изъ всей его остальной жизни и разсматриваютъ такъ, будто народъ миѳологизируетъ, но въ тоже время не живетъ духовно и иначе. Такъ, напр., не задумываясь о возможности сновидѣній вообще, сновидѣній именно желаемаго рода, нѣкоторые миѳологи (Спенсоръ и многіе другіе) предполагаютъ вліяніе сновидѣній на развитіе религіозныхъ представленій. Между тѣмъ, если сновидѣніе въ значительной степени сродно съ гипнотическимъ самовнушеніемъ, то возможность того или другаго вида сновъ зависитъ отъ того, какого рода представленія можетъ дать это самовнушеніе [1]). Ученіе о другомъ тѣлѣ, кровь дѣйствуетъ во время сна элементарнаго тѣла, развилось можетъ быть уже въ оккультизмѣ (см. Kiesewetter Se-

---

[1]) О немъ см. Гиляровъ. Гипнотизмъ по ученію Шарко и психологическо школы. Кіевъ 1894, 177—178; ср. также стр. 209 (пріемъ 2-ой).

schichte des neueren Occultisimus. Leipzig 1891. 83). Но, можетъ быть, тутъ есть и болѣе крупный недостатокъ метода. Если мы хотимъ изучить психику какого-нибудь поэта, мы должны изучить въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ не только его сочиненія, но и мельчайшія детали его біографіи; мы должны изучить въ отдѣльности и сравнительно всѣ являвшіеся ему образы, шагъ за шагомъ прослѣдить весь процессъ его роста. Но, изучая индивидуальнаго поэта, мы находимся еще въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что логика отдѣльнаго лица понятна. Положимъ, мы приступаемъ къ такому-же изученію народнаго творчества. Здѣсь условія уже совсѣмъ иныя. Каждое явленіе этого творчества мы должны разложить на составныя логическія его части, мы должны, по возможности, прослѣдить ассоціацію идей и, можетъ быть, мы натолкнемся на случай, гдѣ—въ какой-нибудь глубокой древности—эта ассоціація окажется непознаваемой, потому что ея законы иные, чѣмъ у насъ. Историческая этнографія должна отдать себѣ отчетъ, какого человѣка она можетъ изучать, какія свойства духа лежатъ еще за предѣлами нашего пониманія, т. е. съ какого момента человѣкъ входитъ въ предѣлы нашего изученія. Кромѣ того, мы должны не восходить снизу вверхъ, но спускаться сверху внизъ, потому что наверху, у нашихъ современниковъ, намъ и наиболѣе понятны логическіе законы массоваго творчества, и наиболѣе доступно прослѣдить происхожденіе того или другаго вѣрованія, иногда очень глубоко засѣвшаго. Такъ, литовское вѣрованіе въ происхожденіе k a u k'a изъ пѣтушьяго яйца, вѣрованіе, съ которымъ весьма схожи бѣлорусскія и латышскія суевѣрія, объясняется изъ литературнаго источника, именно изъ разсказовъ физіолога о рожденіи базилиска [1]). Такъ, распространенное русское и сербское гаданіе о суженомъ передъ зеркаломъ за столомъ съ двумя приборами проникло изъ ритуала высшей магіи, гдѣ подобныя же средства примѣняются для вызова умершихъ близкихъ лицъ [2]). Но кромѣ того мы только среди современныхъ намъ людей можемъ изучать возможное сліяніе различныхъ познавательныхъ элементовъ у одного и того-же лица. Мы не должны забывать, что человѣкъ все въ одно время и познаетъ и чувствуетъ: если въ данномъ случаѣ онъ равнодушный наблюдатель, то въ другомъ онъ ревностный защитникъ по чувству. Лермина [3]) посвящаетъ длинный панегирикъ научнымъ заслугамъ Вильяма Крукса, но онъ не можетъ, во всякомъ случаѣ, убѣдить насъ, что въ области сверхъ-чувственнаго человѣкъ главнымъ образомъ чувствуетъ, какъ чувствуемъ мы всюду, гдѣ насъ не контролируетъ непрерывно осязаемое и видимое. Тогда и въ области научнаго обобщенія, какъ только мы переходимъ за предѣлы видимаго, мы встрѣчаемся съ процессомъ, весьма близкимъ къ миѳологизаціи. Разобравши теорію «зародышевой плазмы» Вейсмана, Д. Роменсъ [4]) заключаетъ: «и тогда мы можемъ имѣть дѣло съ геммулами, физіологическими единицами, «корнями», мицеллами, пангенами, пластидулами и другими гипотетическими «носителями наслѣдственности», съ которыми мы можемъ обращаться какъ намъ угодно..» Для окультистовъ наслѣдственность объясняется иначе, а именно при помощи астральнаго свѣта (la lumière astrale) [5]).

Разлагая духовное творчество на процессы аналогіи, символизаціи и т. п. и изучая историческое развитіе каждаго процесса въ отдѣльности и ихъ различныя сочетанія, уничтожая то одинъ, то другой процессъ и разсматривая, какія группы получаются безъ него,—только изучая человѣка какъ существо чувствующее, логически думающее и физическое—мы придемъ къ точному знанію.

А. Погодинъ.

---

[1]) О немъ см. Carl Meyer. Der Aberglaube des Mittelalters und der nächstfolgenden Jahrhunderte. Basel. 1884. стр. 73. Разсказъ о рожденіи базилиска былъ перенесенъ и въ Византіи на другое существо (πετεινάρια). См. Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg. 1889. s. 101—102.
[2]) Éliphas Lévi. Dogme et rituel de la Haute Magie. II. Paris 1856, p. 139—142.
[3]) Jules Lermina. Magie pratque. Paris. p. 19—23.
[4]) Д. Роменсъ. Наслѣдственность. Спб. 1894, стр. 76.
[5]) Eliphas Levi. Op. c. I, 113.

Richard Garbe. Die Sâmkhya-Philosophie. Eine Darstellung de indischen Rationalismus. Leipzig. 1894. VIII + 347. 12 мар.

Сочиненіе Гарбе посвящено изслѣдованію одной изъ древнѣйшихъ индійскихъ философскихъ системъ. Система Самкхъя (— чиселъ) тѣмъ болѣе интересна, что съ одной стороны она оказала значительное вліяніе на принципы буддизма, съ другой уже въ VI вѣкѣ повліяла косвеннымъ путемъ на философію Пиѳагора. Г. Гарбе даетъ подробный обзоръ источниковъ для изученія философіи Самкхъя и изложеніе ея принциповъ.

Hermann Oldenberg. Die Religion des Veda. Berlin. 1894. IX + 620. 11 мар.

Авторъ извѣстной книги о Буддѣ настоящее свое сочиненіе посвящаетъ религіи Ведъ, разсматривая миѳологію только постольку, поскольку это необходимо для выясненія религіозныхъ началъ. Вслѣдъ за обзоромъ источниковъ (1—38 стр.), г. Ольденбергъ сообщаетъ о «ведійскихъ богахъ и демонахъ вообще» (39—102 стр.), объ «отдѣльныхъ богахъ и демонахъ» (102—302 стр.), о «культѣ» (302—523 стр.) и «ученіе о душѣ и культѣ умершихъ» (524—597 стр.). Къ книгѣ приложены экскурсъ о «сомѣ и лунѣ» (599—612 стр.) и указатель (613—620 стр.).

Carl Kiesewetter. Die Geheimwissenschaften. Zweiter Theil der Geschichte des neueren Occultismus. Leipzig. 1895. XXVII + 749. 16 мар.

Первая часть этой книги (Leipzig. 1893) была посвящена «системамъ и систематикамъ» оккультизма. Она начиналась съ изложенія ученія Агриппы и кончалась на Дю-Прелѣ. Вышедшая недавно вторая часть заключаетъ въ себѣ подробную и полную исторію оккультной практики и распадается на слѣдующіе отдѣлы: «алхимію» (1—240 стр.), астрологію (243—427 стр.), «волшебство (Hexenwesen) въ его исторіи и явленіяхъ» (431—698 стр.), «бѣлую магію, теургію и некромантію» (701—737 стр.) и «сравненіе спиритическихъ явленій съ оккультными» (737—749 стр.). Этому же автору принадлежатъ слѣдующія важнѣйшія работы: «Faust in der Geschichte und Tradition» (1893 г.), гдѣ доказываются медіумическія свойства Фауста и дается обстоятельное изложеніе средневѣковыхъ волшебныхъ книгъ (Zauberbücher); «Iohn Dee. Ein spiritist des 16 Iahrhunderts» (Leipzig. 1893, 77 стр.), «Franz Anton Mesmer's Leben und Lehre» (Leipzig. 1893. 180 стр.) и др.

Albert Coste. Les phénomènes psychiques occultes. Etat actuel de la question. Paris. 1895, 2 изд., 226. 3 фр. 75 сант.

Въ дополненіе къ вышедшей недавно у насъ книгѣ г. Гилярова о гипнотизмѣ, это сочиненіе могло быть полезно для всѣхъ, желающихъ познакомиться съ современнымъ положеніемъ оккультныхъ явленій. Не смотря на свои недостатки (чрезмѣрное легковѣріе, малокритическое отношеніе къ системамъ и т. п.), эта книга пользуется совершенно заслуженнымъ успѣхомъ. Ея изданіе въ Парижѣ уже распродано, такъ что за требованіями на него нужно обращаться въ Монпелье.

Carl du Prel. Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften. Leipzig. 1895. Zweiter Band 202 стр. 5 мар.

Рядомъ съ легкомысленнымъ увлеченіемъ чудесами спиритизма, въ нашемъ обществѣ появляются болѣе серьезныя стремленія познакомиться съ наиболѣе видными

представителями мистики въ Европѣ. Недавно вышелъ русскій переводъ книги Дю-Преля: «Философія Мистики» (переводъ М. С. Аксенова. Спб. 1895. Съ предисловіемъ автора къ русскому переводу. XIV + 612 стр. 3 р. 50 к.). Настоящій томъ сочиненія Дю-Преля посвященъ дальновидѣнію и дѣйствію на разстояніе.

Carl Niebuhr. Geschichte des Ebräischen Zeitalters. I Band. Leipzig. 1894. X + 378. 10 мар.

Этотъ томъ оканчивается на Іосифѣ Навинѣ. Авторъ желалъ исчерпать всѣ свѣдѣнія, разработанныя гебраистикой и доставленныя ассирологіей и египтологіей. Точка зрѣнія его совершенно иная. Къ библейскимъ сагамъ онъ относится иначе, чѣмъ Нетелеръ (Stellung der alttestamentlichen Zeitrechnung in der altorientalischen Geschichte. München. 1893—1894. 6 выпусковъ), который видитъ въ нихъ достовѣрную исторію.

Alwin Schultz. Allgemeine Kunstgeschichte.

Изъ этого огромнаго сочиненія (4 тома въ 30 выпускахъ; по 2 марки за выпускъ) до сихъ поръ появились только 2 выпуска 3-го тома, посвященные искусству возрожденія. Сочиненіе снабжено прекрасными фототипіями и многими рисунками

Whitley Stokes und Adalbert Bezzenberger. Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. Göttingen. 1894. 337 стр. 9 мар.

При той роли, которую кельты играли, вѣроятно, въ восточной Европѣ, указанная книга имѣетъ важное значеніе для слависта и германиста. Многія слова, вѣроятно, были заимствованы славянами и литовцами прямо у кельтовъ; другія слова чрезвычайно интересны въ культурномъ отношеніи (напр. стр. 248—249 *litavia* Küstenland рядомъ съ *Lëtuwà*).

Thalheim. Lehrbuch der griechischen Alterthümer. Rechtsalterthümer. Freiburg und Leipzig. 1895. стр. 183 + VIII.

Книга посвящена «правовымъ отношеніямъ домашней и общественной жизни» и снабжена нѣсколькими указателями. Источники приводятся, по большей части, цѣликомъ, что придаетъ книгѣ особенное значеніе.

Albert Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. Erster Band. Allgemeiner Theil. Oldenburg und Leipzig. 1894. 473 стр.

Этотъ томъ посвященъ, по преимуществу, соціальной организаціи народовъ. Книга снабжена многочисленными библіографическими примѣчаніями.

Latwju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorfa isdotas. Jelgowâ. 1894. 3 вып.

Первые три выпуска этого образцоваго изданія, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться латышская этнографія, посвящены пѣснямъ о пѣніи и обрядовымъ пѣснямъ и обычаямъ, изъ которыхъ пока еще обнародованы только пѣсни, связанныя съ рожденіемъ и крестинами ребенка. Изданіе разсчитано приблизительно на 20 выпусковъ и содержитъ въ себѣ до 160,000 варіантовъ, расположенныхъ по новой

системѣ. Въ первомъ выпускѣ помѣщена статья г. Барона о латышскихъ пѣсняхъ и собраніи ихъ.

Latweejchu lautas teikasun pasakas. V dała. Auscha Lercha-Puschkaischa *kahrtotas un H. Wissendorffa isdotas.* Jelgawā. 1894.

Вышедшій недавно 5 выпускъ прекраснаго изданія латышскихъ народныхъ сказокъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ, собраный первоначально г. Бривземніаксомъ (г. Трейландомъ) и изданный гг. Виссендорфомъ и Лерхисъ-Пушкайтисомъ. На 416 страницахъ этотъ сборникъ содержитъ 219 номеровъ сказокъ, которыя раздѣляются на сказки миѳологическаго содержанія (№№ 1—46, но № 2 посвященъ описанію обрядовъ), чрезвычайно цѣнныя сказки о звѣряхъ (№ 46—84), романическія сказки (№ 85—169) и мѣстныя легенды (№ 170—219). Такимъ образомъ можно сказать, что латышскій народъ обладаетъ чрезвычано богатыми сборниками сказокъ (5 выпусковъ этого изданія и многочисленные рижскіе и митавскіе сборники, изданные комиссіями), пѣсенъ (сборники Бленштейна, Арона Матиса, комиссій, Latwju dainas etc.), пословицъ, поговорокъ и загадокъ. Менѣе всего разработанъ отдѣлъ о народныхъ играхъ, потому что изданные до сихъ поръ «игральники» (Rotalnëki) преслѣдуютъ, по преимуществу, практическую пользу. Недостатокъ свѣдѣній о латышской народной медицинѣ въ недавнее время восполненъ книгой г. Алксниса, отчетъ о которой данъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895. № 4. При этомъ надо замѣтить, что эти сборники быстро расходятся въ народныхъ массахъ и продаются въ приходскихъ магазинахъ. Съ другой стороны, имѣются и издатели, берущіе на себя предпріятія малвыгодныя въ денежномъ отношеніи. Все это дѣлаетъ большую честь латышской интеллигенціи.

Тимоѳей Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Введеніе. Юго-Западные славянскіе языки. Кіевъ. 1895. 526 стр. 3 р.

Лекціи г. Т. Флоринскаго представляютъ обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей трехъ южнославянскихъ языковъ и ихъ діалектовъ съ историческимъ освѣщеніемъ развитія тѣхъ и другихъ. Обзорамъ предшествуютъ обширныя библіографическія указанія. Представляя прекрасное руководство для лицъ, желающихъ изучить въ достаточной подробности славянскіе языки, эти лекціи оставляютъ однако много желать со стороны звукофизіологическаго обоснованія данныхъ (напр. болгарскія *ѣ*, *a*, *в* могли-бы быть разсмотрѣны именно съ этой стороны; точно также сродство звуковъ *k* мягкаго и *t* мягкаго и т. д.). Можно пожалѣть также, что къ книгѣ не приложено никакой карты языковъ и діалектовъ. При малодоступности картъ славянскаго населенія, это почти необходимо въ такомъ руководствѣ, какъ лекціи г. Флоринскаго. [1])

Adolf Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre. Strassburg. 1894. 278 стр.

«Vorgeschichte der altgermanischen Dialecte», которую написалъ Клюге для «Grundriss'a» Пауля, слишкомъ обширна и подробна для неспеціалиста и начинающаго. Поэтому переводъ указанной книги, написанной сначала на шведскомъ языкѣ, чрезвычайно желателенъ. Лекціи Норэна предназначены именно для начинающихъ.

Rudolf Kleinpaul. Das Mittelalter. Bild aus dem Leben und Treiben aller Stände in Europa. Leipzig. I Band. 1894. 412 стр.

Первый томъ этого прекраснаго изданія, снабженнаго многочисленными рисунками и снимками, посвящено средневѣковымъ сословіямъ и состояніямъ, правамъ и обыденной жизни знати, горожанъ и крестьянъ.

---

[1]) Объ этомъ почтенномъ трудѣ проф. Т. Д. Флоринскаго будетъ въ Жив. Ст. особая статья. Ред.

Paul Rieger. Versuch einer Technologie und Terminologie des Handwerke in der Misnah. Mit zwei Tafeln. Berlin. 48 стр. I Theil. Spinnen. Färben. Weben. Walken.

Сочиненіе интересное для изученія ремеслъ въ раннее средневѣковье.

А. Погодинъ.

Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г.

а) Этнографическіе очерки киргизъ перовскаго и казалинскаго уѣздовъ. Соч. Худабая Кустанаева. Ташкентъ 1894 г.

б) Этнографическіе матеріалы. Сказки, басни, пословицы и примѣты туземнаго населенія Сыръ-Дарьинской области. А. А. Диваева. Ташкентъ 1894 г.

в) Чародѣйство, гаданіе и леченіе сартянокъ въ Самаркандѣ. Л. Симоновой. (Справочная книжка Самаркандской области на 1894 г.).

Упрекъ, сдѣланный нами однажды [1]) туркестанской интеллигенціи за ея равнодушіе къ изученію мѣстной жизни, намъ приходится теперь, къ сожалѣнію, не взять назадъ, а повторить. Существуетъ въ Ташкентѣ Турк. Отд. Общ. естест., антр. и этногр., но оно, находясь въ зависимости отъ ген.-губернатора, собирается въ послѣднее время не чаще раза въ годъ; заговорили въ началѣ прошлаго года объ открытіи въ Ташкентѣ отдѣла Имп. Русск. Географ. Общ., на подобіе Западно и Восточно-Сибирскаго отдѣла, но вотъ ужъ прошло достаточно времени, а предложеніе единичныхъ личностей ни къ чему не привело, должно быть потому, что не было поддержано большинствомъ; особый чиновникъ при главномъ начальникѣ края «по ученой части» ничѣмъ не заявляетъ о своей дѣятельности; остается надежда на мѣстную печать, но и тутъ затишье: число напечатанныхъ въ прошломъ году матеріаловъ по туземной этнографіи крайне не велико и значеніе ихъ, вслѣдствіе случайности, безсистемности собиранія, не особенно высоко; однако же спасибо и этимъ немногимъ труженикамъ за то, что они дали.

Остановимся на выписанныхъ выше работахъ.

Этнографическіе очерки киргизъ пер. и каз. уѣздовъ принадлежатъ воспитаннику IV класса Туркестанской учительской семинаріи киргизу Х. Кустанаеву—весьма отрадный фактъ, доказывающій, что дружный примѣръ русскихъ изслѣдователей края нашелъ бы всегда хорошихъ подражателей въ туземцахъ; тѣмъ очевиднѣе необходимость образованія особаго Отд. Геогр. Общ. въ Туркестанѣ и, можетъ быть, здѣсь нужна иниціатива самого Имп. Геогр. Общ.: оно должно помочь разрѣшенію вопроса, намѣченнаго еще въ 1870 году при К. П. Кауфманѣ. Такое общеніе туземцевъ и русскихъ, болѣе знакомымъ съ научными пріемами работы, будетъ для туземцевъ весьма полезно: оно придастъ болѣе цѣнности пока малокритическимъ сужденіямъ и не вполнѣ удовлетворительнымъ собираніямъ матеріала туземцевъ-любителей.

Не смотря на отсутствіе научной подготовки автора, «Очерки» его даютъ нѣкоторыя новыя подробности быта киргизъ; такъ см. зимнія развлеченія киргизъ, свадебные обряды, леченіе. Мы не нашли въ этой небольшой брошуркѣ указаній на вліяніе русскихъ обычаевъ, переходъ къ осѣдлости, особенно замѣтный въ предѣлахъ пер. и казал. уѣздовъ, ремесла, киргизскій народный судъ и многія другія стороны жизни киргизъ, тѣмъ болѣе важныя, что съ теченіемъ времени имъ суждено измѣниться.

Абубекръ Ахмеджановичъ Диваевъ, переводчикъ восточныхъ языковъ при военномъ

---

[1]) При разборѣ сартскихъ сказокъ, собр. Н. П. Остроумовымъ. Ж. С. 1893 г., в. II.

губернаторѣ Сыръ-Дарьинской области, владѣетъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, какъ мы сами лично убѣдились въ послѣднюю поѣздку въ Ташкентъ, но отчасти служба, отчасти то обстоятельство, что этотъ матеріалъ записанъ по киргизски, мѣшаютъ скорѣйшему изданію этого сокровища: въ печать попадаютъ лишь мелочи. Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области» за 1891, 1892, 1893 года помѣщено имъ 22 киргизскихъ сказки, записанныхъ преимущественно около Чимкента, какъ мы узнали (объ этомъ г. Диваевъ въ собраніи сказокъ ничего не говоритъ), отъ киргиза уже пожилаго, поэта, остроумнаго импровизатора. Дѣлать какія нибудь заключенія относительно этихъ сказокъ, въ виду скудости напечатаннаго матеріала въ сравненіи съ тѣмъ, что уже собрано г. Диваевымъ и что еще ждетъ собирателей, нельзя: обратимъ вниманіе на одну особенность киргизскихъ сказокъ въ сравненіи съ сартскими: преобладаніе разговора надъ описаніемъ, пересыпаніе загадками, остроумные отвѣты; вѣроятно эта черта стоитъ въ связи съ характеромъ киргиза, всегда подвижнаго, любителя повеселиться, побалагурить. Число напечатанныхъ въ «Сборникѣ» басенъ, пословицъ и примѣтъ очень незначительно; когда ихъ будетъ напечатано больше, можно будетъ сдѣлать любопытныя сравненія съ подобной литературой другихъ народовъ. Пока же пожелаемъ г. Диваеву какъ можно скорѣе издать свои матеріалы и набрать еще больше новаго въ знакомой и родной ему странѣ. Своимъ матеріаломъ г. Диваевъ дѣлится иногда и съ газетами. Такъ въ № 18 газеты «Окраина» за 1894 г. напечатана его замѣтка о чудесной птицѣ «Итъ-Ала-Газъ», изъ яицъ которой, по твердому народному повѣрью, выводится собака Кумай (гончая туркменской породы); въ № 20 той же газеты напечатано имъ о баксахъ» («лекарь, колдунъ), безъ котораго до сихъ поръ не обходится дѣло ни у постели трудно больныхъ, ни на свадебномъ пиру. О баксахъ мы кое-что находимъ въ старой статьѣ Рус. Вѣст. 1875 г., № 9, стр. 56, у Кустанаева 41 стр. и сл. Диваевъ, не входя въ подробности, приводитъ одинъ призывъ духовъ. Изступленный бакса взываетъ къ Создателю создающихъ, Мухаммеду, Сулейману, Арыстанъ-бабу, величайшему изъ 40 тысячъ святыхъ Туркестана, къ прочимъ святымъ востока и запада, пустыни, степей, озеръ съ просьбою о помощи и поддержкѣ; затѣмъ онъ обращается къ главному духу Чара-басу (огромная голова), дневному демону, водяному демону, владѣльцу дня, обладателю ущелій, степей, блеска... Оканчивается призывъ заявленіемъ, что «наконецъ то явился и рыжій жеребенокъ, за нимъ послѣдовали и прочіе духи, всѣ верхами на жеребятахъ». Въ № 7 «Туркестанскихъ вѣдомостей Диваевъ помѣстилъ «волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся». Заговариваніемъ, нашептываніемъ волшебныхъ причитаній для вызова изъ норъ змѣй, фалангъ, скорпіоновъ и кара-куртовъ у киргизъ занимаются особые спеціалисты-арбаучи. Это волшебство заключается въ обращеніи сперва къ пророкамъ Сулейману, Дауду, Ана-діяру, Ата-діяру за помощью, затѣмъ въ приказаніяхъ тому или другому насѣкомому выйти изъ норы, похвалахъ вызываемому, угрозахъ, наконецъ безсмысленныхъ заклинаніяхъ въ родѣ «арысыны, курсыны, мурсыны, чуртыны, кырганы, кирипканы, чуя, чуя, чига, чига, бара, бара, дава, дава» и т. п.

Всѣ подобныя продѣлки баксовъ, нашептыванія арбаучей, разныя примѣты и суевѣрія не должны насъ удивлять, если мы вспомнимъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находится народное образованіе у туземцевъ мусульманъ: главнѣйшій источникъ знанія, коранъ медицинѣ вѣдь не научитъ. Мы говорили до сихъ поръ о киргизахъ, то же явленіе находимъ и у сартовъ.

Въ отдѣлѣ смѣси новаго изданія «Справочная книжка Самаркандской области» помѣщена статья г-жи Л. Симоновой (Хохряковой) о чародѣйствѣ, гаданіи и леченіи сартянокъ въ Самаркандѣ. Авторъ лично посѣтилъ нѣсколькихъ самаркандскихъ ворожей, говорилъ съ ними черезъ посредство особы, знакомой съ сартскимъ языкомъ, даже гадалъ и лечился у нихъ, такъ что его наблюденія цѣнны. Предъ нами чародѣйка Чаръ-чиракъ (собственно «чародѣйка, гадающая на четыре свѣта»), женщина 54 лѣтъ, таджичка, средняго роста, пропорціонально сложеная, въ общемъ красивая и могла бы называться симпатичной, еслибы не лукаво-нахальная улыбка и острый бѣгающій взглядъ, одѣта, какъ

всѣ сартянки; ея сакля отличается отъ прочихъ построекъ подобнаго рода лишь особой завѣшенной нишей, въ которой, по народной молвѣ, и обитаетъ таинственный духъ-пари. Гаданіе заключалось въ доносившихся откуда-то звукахъ (вѣроятно отъ помощниковъ чародѣйки) и разъясненій Чаръ-Чиракъ, не выходившихъ изъ сферы общихъ мѣстъ; такіе же общіе отвѣты давала чародѣйка на основаніи гаданія по книгѣ; о своемъ духѣ она разсказывала безъ малѣйшаго благоговѣнія и очевидныя выдумки; насколько сомнительна убѣжденность гадалки въ существованіи духа, видно изъ того, что за деньги она показала нишу, на палкахъ которой кромѣ куска маты, жестяной коробки изъ-подъ монпасье, нѣсколькихъ глиняныхъ чашекъ ничего не было. Медицинскіе совѣты Чаръ-Чиракъ были также не мудреные: они состояли въ рецептахъ, на которыхъ были начертаны какіе-то кабалистическіе знаки, эти рецепты нужно было или носить въ ладонкѣ, или глотать, или по частямъ сжигать.

Интереснѣе другая гадалка (фольбинъ) Нурбиби, симпатичная старушка лѣтъ 80-ти, научившаяся гадать и лечить отъ своей матери. Передъ гаданіемъ она тряхнула бубномъ, потомъ обратилась за благословеніемъ къ Богу и пророкамъ, за помощью къ добрымъ духамъ; ея слова учащились, удары въ бубенъ также. Нурбиби вдохновлялась. «Наконецъ, совсѣмъ внѣ себя Нурбиби съ силою ударила въ бубенъ, какъ-то рванула имъ, мгновенно поставила щитомъ своего лица отъ насъ и закричала: ѣдутъ, ѣдутъ... письма!.. новости!.. радости!.. Шумъ... Суета»... Дальше впрочемъ предсказанія не пошли. Интересно представленіе Нурбиби о духѣ-пари. «Каждый человѣкъ имѣетъ своего пари. Онъ дается ему при самомъ появленіи его на свѣтъ. Иногда неразлучно съ человѣкомъ бываетъ душа предка, родственника или родственницы, иногда же совсѣмъ чужой пари. Это не злой духъ и не исключительно добрый, онъ обладаетъ человѣческими свойствами, т. е. въ немъ сохраняются тѣ же черты характера, тѣ же наклонности, какими отличался обладатель души—человѣкъ во время земной жизни. Пари, приставленный къ человѣку, отчасти управляетъ имъ. Онъ внушаетъ ему мысли и поступки, иногда добрые, иногда печальные и дурные. Случается, что пари проникаетъ сквозь тѣло человѣка до самаго сердца и сливается съ нимъ. Если пари доволенъ человѣкомъ, то онъ оберегаетъ человѣка отъ болѣзней и несчастій и даетъ ему веселое и спокойное направленіе мыслей. Если же не доволенъ, то насылаетъ на человѣка страхъ, мрачное настроеніе духа, отчаяніе, болѣзни и всякія несчастія; въ крайнемъ случаѣ отнимаетъ близкихъ и любимыхъ людей. Чаще же всего пари выражаетъ свое неудовольствіе наведеніемъ страха»... Удовлетворить этого пари можно жертвой. Въ довершеніе, Нурбиби произвела оригинальное заклинаніе духа при помощи кувшина съ водой, иголокъ и мыла: главная суть состояла въ страшныхъ крикахъ на духа (кочь, кочь, кочь-прочь...) и бросаніи иголокъ, раньше воткнутыхъ въ мыло, въ кувшинъ съ водой: этой водой и мыломъ нужно было потомъ больному умываться. Третья гадалка Мухарамой еще бѣднѣе фантазіей и потому сосредоточиваетъ все вниманіе на обрядности, которой однако мы не будемъ здѣсь описывать. Только наивныя сартянки могутъ вѣрить въ чудесную силу своихъ ворожей и благоговѣть передъ ними, какъ передъ избранницами, бесѣдующими съ таинственнымъ міромъ духовъ; можетъ быть такія, какъ Нурбиби, и сами вѣрятъ въ свое призваніе, по большинство, подобно Чиръ-Чиракъ или Мухарамой, вѣроятно смѣются въ душѣ надъ своими паціентками; обращаются къ ворожеямъ и мужчины, но всегда черезъ женщинъ. Къ услугамъ мужчинъ существуютъ особые знахари и лекари; желательно, чтобы кто нибудь далъ о нихъ такой очеркъ, какой дала г-жа Симонова о знахаркахъ.

А. Липовскій.

Zur Geschichte russischer Hochzeitsbräuche von Gregor Krek.

Въ Analecta Graeciensia, сборникѣ, изданномъ по случаю 42 собранія нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Вѣнѣ 1893 г., есть небезъинтересная замѣтка (въ 10 страницъ) г. Крека къ исторіи русской свадьбы. Во 1-хъ, авторъ, на основаніи извѣстнаго лѣтописнаго преданія о брачныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ, старается установить въ древнѣйшую уже эпоху различныя формы брака: похищеніе (у древлянъ), куплю (у радимичей, вятичей, сѣверянъ), договоръ (у полянъ). Существованіе послѣдней свободно-договорной формы брака, съ приданымъ со стороны невѣсты, автору приходится защищать противъ мнѣнія Соловьева о невозможности такого обычая среди племенъ, описываемыхъ Несторомъ. Какъ доказательствомъ, авторъ пользуется, между прочимъ, разборомъ этимологіи словъ «вѣно» и «невѣста»; наиболѣе вѣроятнымъ кажется ему принадлежность этихъ словъ періоду общеславянскому. Во 2-хъ, г. Крекъ сопоставляетъ современныя извѣстія Г. Клемма о выборѣ невѣсты на сѣверѣ Россіи (дѣвушки съ приданымъ собираются въ извѣстное время на особомъ мѣстѣ какъ бы для смотринъ) и Божены Нѣмцовой о подобномъ обычаѣ среди угорскихъ русскихъ съ знаменитыми царскими выборами невѣсты въ Россіи XVI и XVII в. Въ результатѣ сравненія должна получиться мысль о независимости этого царскаго обычая отъ такого-же обычая при византійскомъ дворѣ.

А. Л.

Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. Пѣсни, величанія и причеты. Записаны А. Васнецовымъ въ Вятской губ. М. 1894. Цѣна 1 р. 50 к.

Довольно значительный по объему сборникъ пѣсенъ Вятской губ. представляетъ нѣкоторый интересъ: въ немъ есть нѣкоторые любопытные варіанты пѣсенъ, извѣстныхъ уже ранѣе въ печати, есть и новыя пѣсни («пѣсни на черемисскій ладъ», нѣкоторыя бытовыя, причеты). Собиратель въ небольшомъ предисловіи указываетъ на паденіе творчества народнаго и проводитъ параллель по содержанію и идеямъ пѣсенъ старыхъ и новаго пошиба. Показателемъ послѣдней служитъ уже лексическая сторона, форма стиха, приближающагося къ литературному, съ чередующейся риѳмой. Содержаніе также характеризуетъ новую пѣсню. «Въ пѣсняхъ новаго пошиба сынъ осмѣливается сказать отцу: «я не пахарь, тятька, твой; не рачитель домовой», говоритъ онъ, покидая родителей. Въ другихъ пѣсняхъ воспѣвается любовь красной дѣвицы къ доброму молодцу, «ихъ тайное совыканьицо», «ихъ свиданьицо» въ темную осеннюю ночь. Въ третьихъ слышится жалоба на измѣну милаго про котораго поется, что онъ «разбезсовѣстный мальчишка, шельма сталъ». И безсовѣстность этого мальчишки доходитъ до того, что онъ рѣшается утѣшать покинутую, въ то же время насмѣхаясь: «не плачь, дѣвка! Когда буду я вѣнчаться, тогда на свадьбу позову».—Всѣ пѣсни распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы: бытовыя (отдѣлъ самый значительный, въ который вошли пѣсни лирическія, характеризующія жизнь крестьянъ; сюда же вошли и пѣсни разбойничьи), пѣсни на черемисскій ладъ (2 №№, нѣсколько юмористическаго характера), пѣсни хороводныя, которыя исполняются при весеннихъ хороводахъ съ Пасхи до страдной поры; затѣмъ слѣдуютъ пѣсни игровыя: святочныя (друженки), подблюдныя, наконецъ обрядовыя: свадебныя величальныя, свадебные причеты.—Изданъ сборникъ съ внѣшней стороны очень изящно; но имѣетъ крупные недостатки.

При накопившемся въ значительномъ количествѣ матеріалѣ народнопѣсеннаго обихода необходимо новымъ собирателямъ и издателямъ съ одной стороны, быть строгими въ выборѣ и печатаніи, избѣгая помѣщать пѣсни, уже извѣстныя въ печати, съ другой стороны, отмѣчать извѣстные имъ (хотя бы по сборникамъ наиболѣе важнымъ) варіанты. Подобной строгости и библіографическихъ указаній въ разсматриваемомъ сборникѣ нѣтъ. Сборникъ г. Васнецова, притомъ, записанъ безъ соблюденія мѣстнаго говора; за рѣдкими исключеніями, въ немъ выдержано обычное правописаніе, приноровленное къ «общелитературному произношенію». Мы не встрѣтимъ также указаній, гдѣ и когда за-

писаны отдѣльныя пѣсни; въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательно было бы знать и отъ кого собиратель слышалъ ту или иную пѣсню (напр., № 92, на стр. 70: «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ»). Неизвѣстно даже, гдѣ вообще записаны собранныя г. Васнецовымъ пѣсни. Заглавіе «Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи» крайне неопредѣленно; изъ предисловія же мы узнаемъ, что «предлагаемые памятники народнаго творчества записаны преимущественно въ Вятской губ.».

Арк. Л-нко.

Лѣтопись историко - филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. III. Одесса. 1894.

Настоящій выпускъ изданія Одесскаго филологическаго общества представляетъ значительный интересъ для этнографа. Въ немъ мы находимъ свѣдѣнія о сооруженіи и открытіи памятника В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ, вызванныя этимъ событіемъ статьи: А. А. Кочубинскаго («В. И. Григоровичъ въ исторіи славяновѣдѣнія»), О. И. Успенскаго («Памятникъ Григоровичу»), А. И. Кирпичникова («Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки»), А. К. Маркевича («Воспоминанія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ»), В. Н. Ястребова («О значеніи памятника В. И. Григоровича для мѣстнаго общества»), В. И. Ламанскаго («Памяти В. И. Григоровича», перепечатано изъ «Нов. врем.»), М. Попруженко (Памяти Григоровича»—изъ «Новорос. Тел.»); далѣе слѣдуютъ некрологи почившихъ членовъ общества—Н. С. Тихонравова, написанный И. С. Некрасовымъ, и И. С. Ястребова, генеральнаго консула въ Солуни,—составленный И, Красносельцевымъ. Всѣ эти статьи, вмѣстѣ съ отчетомъ общества до 1890—1893 гг. составляютъ первый отдѣлъ книги.

Во второй отдѣлъ—матеріаловъ—вошли: «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. М. М. Толстому», А И. Маркевича и обширные «Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края», В. Н. Ястребова. Акты гр. Толстаго относятся къ началу XVIII в. и касаются помѣстій его предковъ въ Московской и Слободской Украйнѣ. Краткое описаніе части этихъ документовъ было ранѣе напечатано» Маркевичемъ въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г., № 2, 3).—Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ В. Н. Ястребова составлялся въ теченіи 10 лѣтъ изъ его собственныхъ записей и записей сотрудниковъ, сельскихъ жителей, въ двухъ сѣверныхъ (Елисаветградскомъ и Александрійскомъ) уѣздахъ Херсонской г. Руководствомъ служила программа, изданная къ Одесскому археологическому съѣзду. Мѣстность, въ которой собирались матеріалы составляла нѣкогда часть Запорожскихъ Вольностей, сдѣлалась потомъ главнымъ пунктомъ колонизаціи сербовъ (Новая Сербія) и другихъ народностей. Сербы исчезли въ настоящее время; совмѣстная же жизнь другихъ народностей способствуетъ выработкѣ новаго типа малорусской народности—новороссійскаго. Записи изданы тщательно, съ возможнымъ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей, съ указаніемъ на извѣстные ранѣе варіанты. Содержаніе ихъ распадается на два главные отдѣла. Суевѣрія и обряды, сказки и легенды. Оно можетъ послужить предметомъ для особой обширной статьи; мы же укажемъ только вкратцѣ главнѣйшіе отдѣлы матеріаловъ. Представленія о внѣшнемъ мірѣ характеризуются цѣлымъ рядомъ замѣчаній, разсказовъ о природѣ, землѣ, солнцѣ и т. д., о животныхъ, лѣченіи болѣзней животныхъ, народномъ календарѣ. Представленія о человѣкѣ характеризуются суевѣріями, связанными съ разными внѣшними его дѣйствіями, поступками, взглядомъ на народную медицину, вѣдьмъ и другихъ враговъ человѣка, повѣрьями о беременности, первыхъ дняхъ жизни ребенка, заговорами, наконецъ обрядами при свадьбѣ, похоронахъ, играми дѣтей и т. д. Не менѣе важны легенды объ отношеніяхъ Бога къ чорту, о посѣщеніи Богомъ земли, о женскомъ господствѣ, о концѣ свѣта и т. д., бытовыя сказки, небылицы, прибаутки, разсказы о разныхъ народностяхъ (о жидахъ, цыганахъ, молдаванахъ, литовцахъ). Наконецъ, около 100 преданій о разныхъ мѣстностяхъ и мѣстныхъ объясненій топографическихъ ихъ названій.

Арк. Л-нко.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

(Продолженіе) [1].

Юцевичъ Людовикъ собиралъ литовскія сказки, затѣмъ переводилъ ихъ съ литовскаго на польскій языкъ, и такимъ образомъ составилъ сборникъ: «Zbiór klechd litewskich». Юцевичъ родился въ 1810 г., умеръ въ 1846 г. въ Лесслѣ. (Karłowicz. Lit. język, рукописи № 6).

Стихотвореніе на литовскомъ языкѣ въ честь Павла Пузыны, написанное крестьяниномъ Ковенской губерніи. Рукопись у г. Меч. Довойна-Сильвестровича.

Довконтъ Симонъ. Pasakojimas apej weikalus Lietuwiu tautos senowie, kuri trumpai apraszia Simonas Daukantas rasztinikas pilozopijos magistras, metuse, 1850. 8⁰, 730 стр. Повѣствованіе о дѣяніяхъ литовскаго народа кратко написанное. Послѣ предисловія на 8-ой страницѣ написано: «Non est generosorum hominum res alienas quaerere et pati suas per ignorantiam amitti. Dionysius Halicarnassensis histor. Lib. V». Историческій разсказъ доведенъ до 1285 года и на послѣдней страницѣ написано: «Galas pirmoses dales»—конецъ первой части. Надо полагать, что эта рукопись писана рукою Довконта, такъ какъ тамъ имѣются поправки этимъ-же почеркомъ. Рукопись у В. А. Петтера, уѣзднаго врача въ Устюжнѣ, и свѣдѣнія объ этой рукописи сообщилъ Петтеръ. О другихъ рукописяхъ Довконта было уже сообщено въ обзорѣ трудовъ его, смотри Живая Старина кн. III 1893 стр. 408.

Ивинскій Лаврентій Августовичъ, учитель приходскихъ училищъ, много писалъ на литовскомъ языкѣ, многіе изъ его трудовъ остались не напечатаны. 1) Słownik polsko-litewski «на буквы A. B. C. въ листъ и буква S. 8⁰ составляетъ толстый томъ. Рукопись у г. Петра Кряучунаса. Другія буквы этого словаря у князя Огинскаго. Полагаютъ, что и грамматика литовскаго языка Ивинскаго тоже у князя Огинскаго. Свѣдѣнія сообщилъ П. Кряучунасъ.

2) Budas gydymo žmoniu ir giwoliu ligų. Способъ лѣченія болѣзней человѣка и животныхъ. Это сочиненіе окончено и къ печати приготовлено. Извлеченія изъ этой рукописи были печатаны въ календаряхъ Ивинскаго.

3) Milton's. Pragaiszintas rojus. Потерянный рай Мильтона. Трудъ совершенно приготовленный къ печати и съ цензурнымъ пропускомъ 1863 года.

4) Iung Stiling. Naktis. Ночи Юнга Штилинга. 3-я пѣснь «Sudna diena» страшный судъ, была напечатана въ литовскомъ календарѣ Ивинскаго на 1862 г., стр. 48.

5) Kaip auginti arkliaus О коневодствѣ.

6) Apie žemetras, suraszas mineralogiszku daliku Žemaitijos. О ископаемыхъ, описаніе минеральныхъ предметовъ Жемойтіи.

7) Nekurie wardai botaniszki. Нѣкоторыя названія растеній. Рукописи Ивинскаго № 1—7 пріобрѣтены Петромъ Кряучунасомъ, бывшимъ учителемъ Маріампольской гимназіи.

8) Nomenklatura zoologiszka. Зоологическій словарь.

9) Apraszymas gribu. Описаніе грибовъ, съ изображеніемъ грибовъ. Названія грибовъ на литовскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. Эта рукопись была выстав-

---

[1]) Начало см. вып. I стр. 98.

лена въ 1876 г. на сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Шавляхъ, но неизвѣстно гдѣ она теперь. Черновикъ этой рукописи у г. М. Довойно-Сильвестровича.

10) Naudingi pamokinimai del žmoniu apsejimuose su giwoleis. Полезныя наставленія, какъ обходиться съ животными. Неизвѣстно гдѣ рукопись.

11) Patarles žemaicziu. Пословицы жемойтовъ. Эта рукопись удостоена серебряной медали Императорскаго Русскаго Геогр. Общ. См. отчетъ общества за 1871 г. стр. 138. Auszra 1883 стр. 82.

Нерлихъ Карлъ Самуиловичъ, пасторъ въ Кейданахъ, умирая въ 1860 г., оставилъ много проповѣдей на литовскомъ языкѣ и грамматику литовскаго языка. Рукописи остались у его супруги въ Кейданахъ, которая затѣмъ вышла за другаго мужа. (Auszra 1883, стр. 215).

Чудло Іосифъ кс. Krótkie pomysły o prawidłach gramatycznych języka žmudzkiego, oraz uwagi nad mitologiją litewską., 4 д. 88 стр. Эта рукопись приготовлена къ печати въ 1855 г. Г. Карловичъ видѣлъ эту рукопись у книгопродавца Завадзкаго въ Вильнѣ, но безъ дополненія «Uwagi nad mitologią litewską». Кромѣ того Чудло оставилъ въ рукописяхъ много оригинальныхъ и переводныхъ съ польскаго стихотвореній на литовскомъ языкѣ. (Karłowicz. O języku lit. № 5 рукоп).

Юшкевичъ, бернардинецъ, написалъ литовскій словарь, но неизвѣстно гдѣ рукопись этого словаря. Объ этой рукописи говоритъ г. Микуцкій въ своемъ отчетѣ Имп. Академіи Наукъ, 1855, II, стр. 9.

Акелевичъ Михаилъ: 1) «Słownik litewsko-polski» 300 писаныхъ листовъ. Этотъ словарь былъ въ продажѣ у г. Зенкевича въ Вильнѣ. (Kraj 1893, № 13, стр. 12).

2) Słownik porównawczy z jezykami: słowianskim, greckim, gockim, łacinskim i sanskrickim. Неизвѣстно гдѣ рукопись этого словаря.

3) Skaitimai szwentadieninej, kuriis surasze lankiszkai kug. K. Antonewicze o į lietuwiszką kalbą iszgulde. M. Akelcicze. Акелевичъ родился въ 1828 г. въ Сувалкской губерніи, умеръ въ 1887 г. въ Парижѣ. Спб. Вѣд. 1883. № 34, Tyg. Illustr. 1888, X, стр. 292, 294, Liet. Raštinikai, Przewod. Bibliogr. 1887, № 11, стр. 222.

Нессельманъ Г. Ф., профессоръ Кенигсбергскаго университета. Litauischer sprachschatz, vermehrt, berichtet und alphabetisch geordnet von G. H. Nesselmann, второе заглавіе: Wörterbuch der litauisches Sprache und alphabetisch geordnet etc. Эта красиво написанная рукопись, состоитъ изъ 53 тетрадей по 4 листа f°, однако словарь неоконченъ, обрывается словомъ «v ė n a s» на 860 стр. Объ этой рукописи смотри ст. «Probe aus Manuskript der neuen Bearbeitung des Nesselmannschen Wörterbuchs въ Mitt. L. L. G. I, p. 278—280).

Уганскій Андрей Онуфрьевичъ профессоръ Импер. Казанскаго университета написалъ литовско-русскій словарь, заключающій въ себѣ до 100,000 литовскихъ словъ. Рукопись осталась у его наслѣдниковъ. Уганскій умеръ въ 1870 г. въ Казани. Liet. Bads 1888.

Менштовичъ, кс. Литовско-латышско-русскій словарь. Рукопись въ библіотекѣ Имп. Русск. Геогр. Общ. см. Отчетъ Общества за 1874 г., стр. 81.

Kalbamokslis lietuviszkos kalbos 1878 ma. sausio 20 dën. Petesrburgos. 4°, 77 стр. Грамматика литовскаго языка. Рукопись начинается предисловіемъ. «Prakalba», изъ которой видно, что грамматика состоитъ изъ 4-хъ частей или раздѣловъ. I. Raszyba. Письмо или ученіе о буквахъ, о произношеніи буквъ и ихъ сочетаніи. II. Žodžugei. Словообразованіе. III. Lankstimai. Склоненія и спряженія. IV. Sudarymas. Словосочиненіе. Однако грамматика не полная, обрывается спряженіями глаголовъ: слѣдовательно четвертой части недостаетъ, какъ было сказано въ предисловіи. Изъ сего можно заключить, что это списокъ съ другой рукописи полной грамматики, и вѣроятно списанный воспитанниками Ковенской духовной Рим.-католич. семинаріи съ рукописи профессора Кс. Явниса.

Linkmeniszkiu lietuviu paprоczei, burtas, gidimo dalikai. Ленкмянскихъ литовцевъ нравы, повѣрія, медицинскія средства и т. д. описаны кс. Гнижевскимъ, см. предварит. Отчетъ Э. А. Вольтера, стр. 9.

Statrašas lietuviškos kalbos. Правописаніе литовскаго языка. Въ семидесятыхъ годахъ нѣсколько списковъ этой рукописи ходило по рукамъ.

Кузнецъ болтунъ. Kalvis melagis, raszytas laikrasztis tarp studentu Petropileje 1877—1878 г. Писанный журналъ студентами С.-Петербургскаго университета въ 1877—78 г. На первой страницѣ съ изображеніемъ кузнеца. (Auszra. 1883, стр. 289).

О домашнихъ и дикихъ овцахъ. Ape naminės ir laukinės avis išvesta iš maskoliškos kalbos. Переводъ съ русскаго на литовскій языкъ. Рукопись изъ 22 листовъ.

Ape naudingus ir bledingus givius kaimiškoi ukei į lietuvišką kolbą išverto S. B. О полезныхъ и вредныхъ животныхъ для сельскаго хозяйства Глогера на литовскій языкъ перевелъ С. Б. Рукопись у князя Огинскаго. Эта рукопись была на сельскохозяйственной выставкѣ въ Ратовѣ Ковенской губ. въ 1881 году, см. Wiekr, 1881, № 236.

Пчела, ея жизнь и главныя правила пчеловодства Бутлерова. Bitis, jos givatas ir pamokslas bitukistes į lietuvišką kolbą išverte. S. B.

Малиновскій Францъ Ксаверій. Написалъ грамматику литовскаго языка на польскомъ языкѣ. «Grammatyka języka litewskiego opracowana podług Schleichera i najnówszych źródeł» и «Słownik języka litewskiego». Рукописи въ Библіотекѣ Общества друзей наукъ въ Познани. (Bibl. Warsz. 1881, I, p. 483—488. Kalend. Warsz. Illustr. 1881, стр. 22).

Градецкій А. І. Литовскія пѣсни, записанныя въ Маріампольскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи. Рукопись въ библіотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ. См. отчетъ Общ. за 1892 г., стр. 47.

Образцы мелодій литовскихъ народныхъ пѣсень Виленской губерніи записаны Э. А. Вольтеромъ. Рукопись въ библіотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ.

У Эдуарда Александровича Вольтера есть около двадцати рукописей литовскихъ различнаго содержанія.

Современныя Извѣстія 1884 г. № 98 обнародовали списокъ литовскихъ рукописей, именно:

1) Apibriežimas nusidavimu Didžioses kunigaikštistes Lietuvos. Antanevičes profesoriaus Kievos universiteto, Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго Антоновича, профессора Кіевскаго университета.

2) De-Marki. Don Karlino, pasakoimas iš Jtalijonu givenimo. Де-Марки Донъ Карлино, разсказы изъ итальянской жизни.

3) Erisman. Visūtina gigijena. Эрисманъ, Всеобщая гигіена.

4) Geitler. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš čekiškos kalbos. Гейтлеръ. Литва и Литовцы, переводъ съ чешскаго языка.

5) Gilferding. Lietuva ir Žemaitei, perstatita iš gudiškos kalbos. Гильфердингъ. Литва и Жемойты, переводъ съ русскаго языка.

6) Glogau. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš vokiškos kalbos. Глогауа. Литва и Литовцы, переводъ съ нѣмецкаго.

7) Gogol. Taras Bulba. Perversta iš maskoliškos kalbos iš sutrumpinto išdavimo del tautos. Гоголь. Тарасъ Бульба. Переводъ съ русскаго съ сокращеннаго изданія для народа.

8) Göthe. Reinike Lape. Гёте. Рейнике-Лисъ, переводъ съ нѣмецкаго.

9) Keletas pasakojimu Garšino ir Marko Vovčko. Нѣсколько разсказовъ Гаршина и Марка-Вовчка.

10) Kojalovičе. Skaitimai iš istories Vakarines Moskolijos, iš maskoliškos kalbos. Кояловичъ. Чтенія изъ исторіи Западной Россіи, переводъ съ русскаго.

11) Lietuvos pagira. Perstatimas keleto straipsniu iš gudiškos kalbos. Литовское полѣсіе. Переводъ съ русскаго нѣсколько статей изъ Живописной Россіи, III-го т., части I.

12) Senkieviczе. Škicai Anglu ir Jonas muzykontas. Сенкевичъ. Очерки Англичанъ и Ваня скрипачъ.

Въ упомянутомъ спискѣ значится: Kraszewskis—Kunigas. Крашевскій—Кунигасъ, переводъ съ польскаго. Mickievicz. «Konradas Valenrodas ir Gražina», съ польскаго, и Robinzonas Kruze—Робинзонъ Крузе. Эти три послѣднія сочиненія были напечатаны на литовскомъ языкѣ; но неизвѣстно, съ этихъ ли рукописей и переводовъ.

Ziniu nešejes. Raszlas iszeinas kas nedeldieni. Вѣстникъ новостей. Еженедѣльный рукописный журнальчикъ 1885, 8° листа обыкновенной писчей бумаги № 1—10. Содержаніе № 1: 1) Šzanga. Вступленіе. 2) Unija. Унія, литовская газетка въ Америкѣ. 3) Isz Vilniaus Viestniko. Изъ Виленскаго вѣстника. 4) Apie Ledesmą. О Ледесмѣ или о катехизисѣ, издаваемомъ Академіею Наукъ... № 2: 1) Bobrzynskis apie Lietuvius. Бобржинскій о литовцахъ. 2) Tilžes Kelejvio duma. Мнѣніе Тильзитскаго путника. 3) Krajaus žinios isr Tilžes. Извѣстія изъ Тильзита въ газ. «Kraj». 4) Sugivenimas Lietuviu su Latveis. Сожительство литовцевъ съ латышами. 5) Krajus apie Lietuvius Londone. Kraj о литовцахъ въ Лондонѣ. 6) Paska epie žasinaviczе. Сказка о Жасиновичѣ. 7) Apie lietuviu vakarušką. О вечеринкѣ литовцевъ. Прибавленіе. Apie lankstimą. О склоненіяхъ. Другихъ номеровъ не удалось видѣть. На обложкѣ каждой тетрадки нарисованъ перомъ литвинъ на конѣ верхомъ.

Вишгеловскій написалъ поэму на литовскомъ языкѣ «Kastite ir Iurate». «Кастите и Юрате». Изъ литовскихъ преданій. Liet. Balsas 188, p. 218.

Дирикисъ Андрей умеръ въ 1887 г. Онъ написалъ грамматику литовскаго языка. «Leischu gramatika un Leischu-latweschu wardnice». Vienybe Liet. 1892, № 14, 1894, стр. 303.

Спудулисъ Иванъ Ивановичъ врачь, будучи еще студентомъ въ Имп. Военно-Медиц. Академіи въ С.-Петербургѣ написалъ грамматику литовскаго языка на литовскомъ языкѣ. Рукопись этой грамматики у г. Матулониса.

Дѣвица Урсилія Тамошюнасъ написала много стихотвореній на литовскомъ языкѣ, преимущественно о временахъ года и крестьянскихъ сельскихъ работахъ. Рукопись у г. врача Спудулиса. Одно стихотвореніе изъ этого сборника было напечатано въ «Auszrʼѣ», именно «Žirgakalnis». Тамошюнасъ крестьянская дѣвушка самоучка.

Довойна-Сыльвестровичъ Мечиславъ, членъ-сотрудникъ Имп. Русск. Г. Общ., составилъ сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ окрестностяхъ г. Россіенъ. Рукопись въ Библіотекѣ И. Русск. Г. Общ. см. Отчетъ Общ. за 1891 г.

2) Литовско-русскій ботаническій словарь. 375 литовскихъ названій растеній Ковенской губ. Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ.

3) Suraszas vardu vietu lietuviszku su nekure statistika. Списокъ названій мѣстностей на литовскомъ языкѣ со статистическими данными.

4) Suraszas lietuviszku pilių, pilekalnių milžinkapiu ir kitų arkeologiškų vietų. Списокъ литовскихъ городищъ, урочищъ, могилъ и другихъ археологическихъ мѣстъ.

5) Lietuviškos pasakos arba teikos. Литовскія сказки и легенды около 600. (Переводъ на польскій языкъ напечатанъ въ Краковѣ въ 1894 г.).

6) Priežodzei lietuviški. Литовскія пословицы.

6) Apraszymas lietuviszkų szokių ir instrument del griežimo. Описаніе литовскихъ народныхъ танцевъ и музыкальныхъ инструментовъ. Рукописи у автора въ Митавѣ.

С. Балтрамайтисъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей.

Приступая къ производству слова Изборскъ, мы прежде всего исходимъ изъ того положенія, что древнѣйшія названія мѣстностей во Псково-Печерскомъ краѣ чудскаго происхожденія, и что слѣдовательно есть основаніе предполагать, что и названіе древнѣйшаго политическаго центра этого края, Изборскъ, также чудскаго происхожденія. Затѣмъ другое основаніе этого предположенія лежитъ въ древнѣйшей исторіи, именно лѣтописи говорятъ, что одинъ изъ призванныхъ Чудью и славянами князей сѣлъ въ Изборскѣ, слѣдовательно, до половины IX в. Изборскъ уже существовалъ, и Труворъ занялъ уже прежде укрѣпленный пунктъ, носившій названіе Изборска.

Оставляя въ сторонѣ разныя производства этого названія изъ русскаго языка, какъ мало обоснованныя и произвольныя (напр. отъ слова «сбираться»), я приступаю прямо къ доказательству его чудскаго происхожденія.

Русское «Изборскъ» произносится нынѣ у мѣстныхъ Эстовъ (полувѣрцевъ) Irboska, Irboski, Irborska, въ нѣмецкихъ хроникахъ Iseburg, Isenburg, Isaborg, Isborg, Isburg. Разсмотримъ прежде всего вторую половину этого названія—borg, burg borska, boska, boski, борскъ. Которое изъ сихъ окончаній должно считать за первоначальное?

Извѣстно, что финскимъ народностямъ трудно произносить слова, оканчивающіяся на двѣ согласныя, изъ которыхъ послѣдняя придыхательная; въ такомъ случаѣ послѣдняя буква выбрасывается, какъ напр. у Эстовъ Peterbor (Петербургъ), turu (торгъ).

Этимъ и объясняется, почему у финновъ нѣтъ словъ, которыя бы оканчивались на h. Что касается окончанія ska, ka, то это ни болѣе ни менѣе, какъ излюбленная у Псковскихъ эстовъ (полувѣрцевъ) приставка, такъ напр. Woboska (Wõboski), Metkoska, Talatska. Такимъ образомъ остается чистымъ окончаніе «borg», «burg», сохранившееся у ливонскихъ хроникеровъ и писателей. Окончаніе это готскаго происхожденія и означаетъ «замокъ». Это не единственное слово готскаго или шведскаго происхожденія у Балтійскаго побережья. Еще въ XIII в., до завоеванія германскими выходцами Ливоніи, на берегу были замки, получившіе по всей вѣроятности начало отъ Готовъ или скандинавовъ. Таковы именно Ашераденъ,—по русски «рядъ ясеней», и Кокенгузенъ—«варильный домъ», Леневарденъ—«тихое убѣжище», Гольмъ—«островъ», Аа—«рѣка» и т. п.

Первая половина слова -Is, Ise, Isa, должна на общемъ основаніи способа происхожденія названій замковъ въ сосѣднихъ областяхъ, принадлежать той мѣстности, на которой замокъ находится. Какъ на примѣръ общаго закона наименованія замковъ можно указать на Aldeigiaborg (замокъ при Ладогѣ), Dünaburg (замокъ при Двинѣ). Точно также и въ словѣ Isborg, Isaborg, первая половина должна быть названіемъ рѣки, озера и т. п. Дѣйствительно, рѣка Едехъ, берущая начала у Изборска, въ древности носила названіе Isa (см. карту Лотера), что значитъ на нарѣчіяхъ западныхъ финновъ отецъ. Такъ называлась слѣдовательно эта небольшая рѣчка сравнительно съ «Imajõgi, Suur Ima» = матерью—рѣкою (р. Великая). Замѣчательно, что одинъ притокъ р. Великой также носитъ названіе Иса (отецъ). Такимъ образомъ первоначальная форма слова Изборскъ должна была быть Isaborg т. е. замокъ при р. Иза. Названія мѣстностей, начинающіяся съ Isa, встрѣчаются также въ Эстляндіи.

А вопросъ, почему русскіе называютъ его Изборскомъ, а не Изабургомъ, какъ слѣдовало бы, объясняется по моему тѣмъ, что они заимствовали названіе это отъ населявшей прежде эту мѣстность чудской народности. Что первоначальная форма Изаборгъ столь сильно исковеркана въ устахъ нынѣшнихъ обитателей этой мѣстности, полуобрусѣвшихъ Эстовъ, это не должно давать повода къ сомнѣнію въ правильности нашего объясненія производства этого слова, ибо въ устахъ тамошнихъ Эстовъ заимствованныя собственныя имена поразительно искажены. Такъ напр. русскія личныя имена измѣнились въ устахъ полувѣрцевъ до неузнаваемости.

Есть еще побочныя данныя, говорящія скорѣе за чудское происхожденіе слова Изборскъ, чѣмъ за русское: это окрестныя названія мѣстностей. Гора, на которой построенъ Изборскъ, наз. жеравія (упом. въ лѣтописи въ 1330 г.) ср. Жеравецъ, жеравль—журавль; а въ Эстляндіи пустынныя песчаныя горы нерѣдко наз. Журавлиною горою (Kure mägi). Этотъ доводъ впрочемъ не вѣскій. Но за то подобныя названія какъ «Славяницкое поле», (урочище близь Изборска, на немъ древнія могилы), и «Славянскіе ключи» (вытекающіе изъ горы и настолько сильные, что приводятъ въ движеніе мельницу) рѣшительно подтверждаютъ за Изборскомъ и его окрестностями чудской характеръ. Въ противномъ случаѣ было бы довольно странно, почему ключи и поле при этой крѣпости названы славянскими. При изученіи географическихъ наименованій порубежныхъ земель, населенныхъ финскими народностями и русскими, подобныя названія мѣстностей, указывающія прямо на извѣстную народность, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ смѣшаннаго населенія. Затѣмъ названіе озера близь самаго Изборска Городищенскимъ даетъ понять, что нѣкогда здѣсь до сооруженія Изборска былъ замокъ или укрѣпленіе съ другимъ названіемъ. Можетъ быть это самое древнее укрѣпленіе называлось Чудскимъ Городищемъ, какъ нѣкоторыя другія городища Псково-Печерскаго края.

Едва-ли когда нибудь возможно будетъ опредѣлить, кѣмъ построенъ Изборскъ, который Труворъ, братъ Рюрика, избралъ своей столицей. Однако, признавая его готское происхожденіе, можно думать, что онъ сооруженъ въ IV в. Готами, король которыхъ Германарихъ покорилъ себѣ и Чудь. Вѣроятнѣе всего разумѣть подъ Чудью, которая была подвластна Германариху, именно юго-западную вѣтвь финскихъ племенъ, т. е. Эстовъ, которые въ то время занимали еще страны за Пейпусомъ и за Великой.

На основаніи сопоставленія мѣстныхъ названій въ окрестностяхъ Изборска съ такими же названіями въ болѣе отдаленныхъ предѣлахъ Балтійскаго побережья, я пришелъ къ тому заключенію, что населеніе юго-западнаго побережья Чудскаго озера должно было въ доисторическое время сплошною массою выселиться отсюда къ сѣверу. Если эта смѣлая гипотеза справедлива, то остается, какъ дальнѣйшая посылка къ ней, думать, что причиною этого массоваго выселенія могли быть великія событія, каковыми въ древности служили большею частью пораженія однихъ племенъ другими. Въ данномъ случаѣ поводомъ къ таковому выселенію могла именно служить побѣда Германариха надъ Пейпусскою Чудью.

Въ Виронія, Эстляндской губ., по южному побережью Финскаго залива, мы находимъ названія тожественныя съ названіями древней Изборской области. Къ таковымъ названіямъ можно отнести Isen (нынѣ у нѣмцевъ Isenhof, Alt and Neu, у Эстовъ Purtse).

Isen есть ничто иное какъ родит. падежъ отъ финскаго isa—отецъ (ср. въ Гарріи названія дер. Isenkande въ 1412 г., нынѣ Isakönno). Изенгофъ находится также при рѣкѣ, которая однако носитъ нынѣ имя отъ деревни—Purtse. Какъ она называлась въ древности, мы не беремся здѣсь рѣшать. Вотъ еще слѣдующія параллели.

Псковская область.	Виронія.
Мала (Малы), дер. Изб. волости.	Malla.
Вастицы (Васцы), дер. Изб. волости. Вастцы, 2 дер. Остан. волости.	Waskethe (въ XIII в. нынѣ нѣм. Waschel, эст. Wasta).
Бадалово, дер. Изб. волости. Бадаловское озеро Изб. волости.	Padaga (Pada).
Солодовъ, дер. Вид. волости. Солтаново, дер. Изб. волости.	Soldino.
Выдоръ, дер. Логаз. вол. Выдоръ (Выдра), дер. Сидор. вол.	Udria (Udriase).
Лакно (Локно), пог. Палк. вол.	Lagena.
Выголово. сел. Вид. вол.	Wihula.
Лапинъ Конецъ, дер. Логоз. вол.	Lapiotsa.
Умковичи (Унковичи), дер. Печерс. вол. Апохово, дер. Логоз. вол. Апохново, пуст. Изб. вол.	Ontika. Unukse.
Апохново (Ветлицы), пог. Слоб. вол. Тайлово, дер. Печерск. вол.	Toila.
Пыжово, дер. Изб. вол.	Pühs (Püss).
Пушкинъ боръ, пуст. Печерск. вол. Пухово, дер. Забор. вол.	Puhkowa.
Пыры (Пырица), Слоб. и Жук. вол.	Peeri (древн. Pyari).
Родкино, пуст. Остен. вол.	Rotka (въ XIII в. Rodike).
Варагоново, пуст. Палк. вол.	Warangu, въ XIII в. Warangole.
Варгушино, дер. Мелех. вол.	Warudi, въ XIII в. Waradas.
Толкуши (Мельникъ), пуст. Жук. вол.	Tolsi, нѣм. Tolks, др. Tolkas
Буловежъ (ичи), дер. Слоб. вол.	нѣм. Podawes (Podwes, Podes).
Кальвино, дер. и пуст. Папик. Вол.	эст. Kalwi (нѣм. Podowes).
Тюршино (Курвичи), дер. Изб. вол.	Türsel (эст. Türsewa, Türsalo).
Тюрпалово, пуст. Ост. вол.	Türpfal (эст. Järwa).
Кошеляха, рѣчка, Изб. вол. Кошели—Изб. вол. Кошелки, дер. Изб. вол.	дер. и рѣка Kohala дер. Kohtla, или Kohtel.
Авдашево, дер. Изб. вол. Авдаши, дер. Остен. вол.	Awanduse, древн. Awendays.
Кокорино, 2 дер. Мелех. вол.	Kukruse (Kukers).
Обижка, рѣка, впад. въ Псковск. оз. Обижа, дер. Ост. вол.	Obja дер. и имѣніе, въ XIII в. Ubias).

По нѣкоторымъ названіямъ можно судить вообще о движеніи населенія съ южнаго побережья Пейпуса на сѣверъ. Представляютъ ли эти названія слѣды движенія

независимо отъ предполагаемаго впереди массоваго движенія, или же находятся съ ними въ связи, трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ они указываютъ на однородность населенія въ этихъ мѣстностяхъ. Таковы:

Логозовичи, пог. и дер. у южн. побережья Пейпуса.	Lohosu, дер. на сѣверо-западн. берегу Пейпуса.
Ховани, дер. Гдовск. уѣз.	Uando, дер. и мыза въ Вироніи.
Вороній остр. при Лисьѣ.	Варныя дер., Вороній камень, близъ устья Омовжи съ сѣвера.
Выбовка (Лыбовка, Эст. Wobs) при р. Воо въ Лифляндіи на западн. берегу Пейпуса	дер. Выбсъ при р. Наровѣ.
Waskпarwa (по Моллеру деревня у устья Пивжи?)	Waskпarwa (русск. Сыренецъ, въ устьѣ Наровы).
Воо, рѣка, впадаетъ при Выбовкѣ въ Чудск. оз.	Wow названіе деревни при церкви св. Іакова въ XIII в.
Кусва, пог. и дер. Логоз. вол. Кухва, притокъ р. Великой.	Кохова, дер. Слободск. вол.

При сравненіи этихъ географическихъ названій не должно смущаться несходствомъ большей части окончаній, такъ какъ названія Псковской области измѣнены по соотвѣтствующимъ фонетическимъ законамъ русскаго языка и съ другой стороны тѣ же названія въ Эстляндской губ. также должны были съ теченіемъ времени измѣняться соотвѣтственно съ развитіемъ рѣчи.

Замѣчательное и трудно объяснимое явленіе представляетъ между прочимъ то обстоятельство, что нѣкоторые обширные по количеству обработанной земли центры въ Вироніи носятъ двойное названіе, одно эстонское народное, другое нѣмецкое литературное; напр. эстл. Kalwi, нѣм. Podes, эст. Purtse, нѣм. Alt-Isenhof, эст. Püssi, нѣм. Neu-Isenhof, эст. Kahala—нѣм. Tolks, эст. Järwa—нѣм. Tupsal. Названія эстонскія нужно считать древнѣе нѣмецкихъ, такъ какъ только первыя встрѣчаются въ датской Писцовой книгѣ около половины XIII в., т. наз. Liber Census Daniae, хотя въ ней они значительно искажены (Kwalae=Kalwi, Purdus, Purdis, Jerwius, Kokel). Можно полагать, что въ упомянутой Писцовой книгѣ записаны болѣе обширныя по обработанности мѣстности и названы ихъ общеупотребительными именами, такъ что напр. названіе деревни Kalwi могло обнимать и менѣе обработанное поселеніе Podewes. Это предположеніе основывается на томъ фактѣ, что нѣмецкіе рыцари, овладѣвъ землею въ XIII в. постепенно отнимали отъ туземныхъ владѣтелей землю и заводили на ней аллодіи. Отсюда и понятно, почему напр. имѣніе Isenhof впервые появляется въ актахъ какъ дворъ (Hof) при деревни Purtse. Могло быть конечно и такъ, что переселенцы Псковской области, двигаясь къ сѣверу по Чудскому озеру и р. Наровѣ, завладѣли по мѣстамъ уже культивированною землею, которой и давали названіе той мѣстности, на которой прежде жили. Но такъ какъ эмигранты не поглотили вполнѣ коренныхъ обитателей и не могли изгнать ихъ, то старое названіе мѣстности продолжало сохраняться въ устахъ коренныхъ обитателей по прежнему. Въ одной повидимому древней военной пѣсни Верроскихъ Эстовъ, сосѣдей Псковскихъ полувѣрцевъ, по всей вѣроятности сохранилось воспоминаніе о родствѣ ихъ съ жителями Вироніи. Это сознаніе выражается надеждою, что на помощь имъ изъ Суоміи придутъ союзники (дружинники), братья изъ Вироніи, родные дядья изъ Оанди.

Въ данномъ мѣстѣ справедливѣе разумѣть подъ нимъ по параллелизму мысли отдаленную мѣстность въ Вироніи, а не родную страну пѣвца, древнюю Угаунію, какъ нѣкоторые думаютъ. Что дѣйствительно въ области Вироніи есть слѣды двойственности населенія, это я попытаюсь обосновать въ другомъ мѣстѣ. Теперь же укажу только

на одинъ доводъ, а именно: въ Писцовой книгѣ Ижорской земли мы находимъ деревню Калвіево; отбросивъ русское окончаніе ево, мы получаемъ Калви, что можетъ представлять родит. падежъ отъ личнаго имени Kalew или именит. падежъ, на подобіе другихъ именъ обитателей Ижорской земли (Alui, Lembui, Jlui, деревня Албіево и т. п.).

Какъ этотъ, такъ и другіе подобные примѣры показываютъ, что часть Европіи заселялась съ востока. Лингвистика и этнографія вѣроятно также дадутъ подтвержденія этого мнѣнія.

Менѣе вѣроятное предположеніе можно дѣлать относительно той чудской народности, которая нѣкогда заселяла Псковскую область и которая слѣдовательно имѣла дѣло съ Готами. Говорю менѣе правдоподобное потому, что при обосновываніи его приходится также прибѣгать къ рискованному вообще толкованію значенія географическихъ названій. Въ географическихъ названіяхъ есть данныя, указывающія повидимому на доисторическое существованіе Ливовъ въ Псковской области. Сопоставимъ сперва одинаковыя названія мѣстностей, указывающія на однородность населенія. Изъ извѣстныхъ въ XIII в. названій Ливскихъ деревень въ Ливоніи, нѣкоторыя встрѣчаются въ Псковской области.

Ливонія.	Псковская область.
Kubesile . .	Кувшелы (Кувтелы), дер. Панік. вол.
	Выдоръ, дер. Логоз. вол.
Vidersile . .	Выдоръ (Выдра), дер. Сидор. вол.
Morikas	Марнха, дер. Видел. вол. Марнха, пуст. Славк. вол.
Vitesile . . .	Виделибы, пог. и дер. при р. Черехѣ.
Pabasile . . .	Бабино, 4 дер. въ Слоб., Палк., Сидор. и Мелех. вол.
Nundrisile. [1]	Нутрецовъ, дер. Палк. вол.
Olikenkule	Ольгина Роща, пуст. Панік. вол. Ольгино поле, дер. Остр. вол. Ольха (Ольхи), 5 дер. Логоз. Остен., Мелех. вол.
Salats . . .	Жолчаны, дер. Панік. вол.
Rumbula . .	Рюмолово, сельцо Панік. вол.

Нѣкоторыя изъ географическихъ названій въ Псковской области могутъ быть объяснены изъ Ливскаго языка, напр. Обижа—лив. abös (abös)—осина (ср. Осиновичи, 2 деревни Видел. и Палк. волости). Деревня Осиновичи Докат. вол. носитъ другое названіе, Курдымы—лив. kuordim—верхній (ср. Верхній мостъ, дер. и пог. Докат. вол. при р. Черехѣ; Верхнее Устье, пог. близь Псковскаго озера; Верхнія Галковичи, дер. Торонецк. вол.; пог. Верховины и многія другія названія). Выдоръ—лив. viidör—вымпелъ, флюгеръ. Бабино—лив. bab, bob — старая женщина. Падоръ, дер. Сидор. вол.—лив. pator—молитва, Аисово, 2 дер. Докат. и Пруд. вол.—лив. Asso (имя старшины XIII в.). Ведчи, пуст. Забор. вол.—лив. Vietzo (имя старшины въ XIII в.). Жолчаны—лив. и латышск. sala—островъ (ср. Кирхгольмъ, у русскихъ Салочъ). Чирски, пог. при р. Многѣ—лив. tsur—жаворонокъ [2] (ср. дер. Жаворонково, Забер. волости). Самулино, дер. Палк. вол.—лив. Samli эзелецъ, можетъ быть прежде Финнъ. Корлы, погостъ Логаз. вол.—лив. o=a, напр., Korl—русск. Карлъ; отсюда названіе этой мѣст-

---

[1]) Ливское окончаніе sile значитъ «въ» «внутрь»: слѣд. и у Ливовъ мѣстныя названія употреблялись обыкновенно на вопросъ: куда?

[2]) Загадочное названіе птицы въ эстонскомъ эпосѣ Kalewi poeg, tiuru lind, очевидно, означаетъ жаворонка.

ности, Карельская губа: Виделибье—лив. Liibe, Liib, какъ себя именовали Ливы. Будовежъ, дер. Слоб. вол.—лив. pudas vēž—чистая вода. Псковъ, древнее Piskawa—смоляная вода. Кромъ, Кремъ, древнее названіе того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ каѳедральный соборъ во Псковѣ—лив. Kruum—кустарникъ. Казалось бы на основаніи выше сказаннаго, что Ливы нѣкогда населяли сѣверную часть системы р. Великой. Но если Ливскіе элементы сохранились въ этой области, то они должны были бы сохраниться и въ восточной части Лифляндской губ., черезъ которую они должны были переселяться къ Балтійскому поморью. Изъ здѣшнихъ слѣдовъ я укажу на названіе бывшаго въ Верроскомъ уѣздѣ замка Kirumpe, эст kirepä. Вставочная буква «т» есть знакъ родит. падежа предъ согласною p, взамѣнъ n, обычный въ географическихъ названіяхъ XIII в. въ Эстоніи. Въ Ливскомъ языкѣ kiru—топоръ, kirepä—обухъ. Русскіе лѣтописцы называютъ этотъ замокъ Кирепецкимъ, Кирепеге (на вопросъ: куда)? Нынѣшніе эсты называютъ его Kirepä, т. е. оба близко къ ливскому происхожденію. Затѣмъ названіе страны въ верховьяхъ Лифляндскаго Аа—руск. Очела (нѣм. Adsel)—лив. ohdse, латышское odza—змѣя.

Что заставило Ливовъ подвинуться на западъ, и находится ли это движеніе въ связи съ постройкой Изборска—это должно остаться во мракѣ неизвѣстности. Можно только предполагать, что русскіе заимствовали названіе Изборска отъ смежныхъ съ ними эстовъ (setu), ибо ливы могутъ легко произносить окончаніе rg (напр. лив. torg, turg—рынокъ). Въ противномъ случаѣ это окончаніе у русскихъ не измѣнилось бы въ-рскъ. По географическому расположенію русскихъ, эстовъ и ливовъ можно бы предположить, что послѣдніе были вытѣснены Псковскими эстами; но древнѣйшая исторія края въ XIII в. не знаетъ вражды между ними; лишь Эзельцы явились непримиримыми врагами Псковскихъ Эстовъ. Если держаться того мнѣнія, что не только русскіе лѣтописцы, но и западный писатель Іорнандъ дѣлалъ различіе между чудью и ливами, то приходится думать, что Ливы переселились къ Балтійскому поморью еще до покоренія Готами Чуди, и что замокъ Изборгъ служилъ оплотомъ набѣговъ Эзельцевъ, Куроновъ и Ливовъ на Псковскую Чудь.

Ю. Трусманъ.

———

Оглавленіе 16 выпусковъ «Живой Старины» за четыре года.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ IV.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.